

Андрей Платонов СОЧИНЕНИЯ

IV-1

Андрей Платонов

**Российская академия наук
Институт мировой литературы им. А.М. Горького**

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

СОЧИНЕНИЯ

Научное издание

Главный редактор Н.В. КОРНИЕНКО

Редакционная коллегия:

Е.В. АНТОНОВА, Т.М. ГОРЯЕВА, А.Б. КУДЕЛИН, А.М. МАРТЫНЕНКО,
Д.С. МОСКОВСКАЯ, Т.А. НИКОНОВА, В.В. ПОЛОНСКИЙ,
Н.Н. СКАТОВ, Т.С. ЦАРЬКОВА, Р. ЧАНДЛЕР, Е.Д. ШУБИНА

Москва
ИМЛИ РАН
2020

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

СОЧИНЕНИЯ

Том четвертый

1928–1932

Книга первая

ПОВЕСТИ

Москва
ИМЛИ РАН
2020

ББК 83.3

*Подготовлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
исследовательский проект «Научное собрание сочинений
А.П. Платонова»*

Подготовка текста и комментарии
Н.И. ДУЖИНОЙ, Н.В. УМРЮХИНОЙ

Редактор тома
Н.И. ДУЖИНА

ISBN 978-5-9208-0597-3

© Мартыненко А.М., наследник. Все тексты
А.П. Платонова, 2020

© Исследовательский коллектив, подготовка
текста и комментарии, 2020

© ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2020

ПОВЕСТИ

ВПРОК

(Бедняцкая хроника)

В марте месяце 1930 года некий душевный бедняк, измученный заботой за всеобщую действительность, сел в поезд дальнего следования на московском Казанском вокзале и выбыл прочь из верховного, руководящего города.

Кто был этот только что выехавший человек, который в дальнейшем будет свидетелем героических, трогательных и печальных событий? Он не имел чудовищного, в смысле размеров и силы, сердца и резкого, глубокого разума, способного прорывать колеблющуюся пленку явлений, чтобы овладеть их сущностью.

Путник сам сознавал, что он сделан из телячьего матерьяла мелкого настороженного мужика, вышел из капитализма, и не имел благодаря этому правильному сознанию ни эгоизма, ни самоуважения. Он походил на полевого паука, из которого вынута индивидуальная, хищная душа, когда это ветхое животное несется сквозь пространство лишь ветром, а не волей жизни. И, однако, были моменты времени в существовании этого человека, когда в нем вдруг дрожало сердце, и он со слезами на глазах, с искренностью и слабохарактерностью, выступал на защиту партии и революции в глухих деревнях республики, где еще жил и косвенно ел бедноту кулак.

У такого странника по колхозной земле было одно драгоценное свойство, ради которого мы выбрали его глаза для наблюдения, именно: он способен был ошибиться, но не мог солгать и ко всему громадному обстоятельству социалистической революции относился настолько бережно и целомудренно, что всю жизнь не умел найти слов для изъяснения коммунизма в собственном уме. Но польза его для социализма была от этого не велика, а ничтожна, потому что сущность такого человека состояла, приблизительно говоря, из сахара, разведенного в моче, тогда как настоящий пролетарский человек должен иметь в своем составе серную кислоту, дабы он мог сжечь всю капиталистическую стерву, занимающую землю.

Если мы в дальнейшем называем путника как самого себя, («я»), то это — для краткости речи, а не из признания, что безвольное созерцание важнее напряжения и борьбы. Наоборот,

в наше время — бредущий созерцатель — это, самое меньшее, полугад, поскольку он не прямой участник дела, создающего коммунизм. И далее — даже настоящим созерцателем, видящим истинные вещи, в наше время быть нельзя, находясь вне труда и строя пролетариата, ибо ценное наблюдение может произойти только из чувства кровной работы по устройству социализма.

Итак, этот человек поехал в отдаленные черноземные равнины, где у открытых водоемов стоят, обдуваемые ветром, глиносоломненные избы мелко-имущественных бедняков.

Езда в вагоне изменилась. Ранее в окно можно было наблюдать лишь пустынную страну, лишь разрозненность редких деревьев, расположенных так робко и временно, будто они были сиротами в чужой земле и постоянно готовы исчезнуть. Некогда это были лишь постой бредущего народа, не верующего в свою местную судьбу, ожидающего, когда ему повелят стронуться дальше, где еще хуже.

Теперь же по бокам железной дороги строились различные пункты, предприятия, конторы, башни, а ярославские и амовские автомобили усердно возили матерьялы по губительной немощной земле. Люди стояли на кирпичных кладках и заботливо старались трудиться, уже навсегда осваивая эти порожние, убыточные пространства.

На многие сотни километров строящаяся республика не меняла своего беспокойного лица, сияющего свежим тесом на вечернем солнце. Везде можно было видеть железные и кирпичные приспособления для деревенского общественного хозяйства или целые корпуса благодетельных заводов.

— Сколько травы навсегда скроется, — сказал один добровольно живущий старичок, ехавший попутно со мной, — сколько угодий пропадет под кирпичной тяжестью!

— Порядочно, — ответил ему другой человек, имевший среднее тамбовское лицо, — может быть, житель бывшего Шацкого уезда. Он тоже пристально наблюдал всякое строительство в оконное стекло и шептал что-то с усмешкой гада, швыряя между тем какие-то кусочки из своего пищевого мешка в рот. Этот житель старой глухой земли не признавал, наверно, научного социализма, — он бы охотно положил пятак в кружку сборщика на построение храма и вместо радио всю жизнь слушал бы благовест. Он верил, судя по покойному счастью на его лице, что древние вещества мира уничтожат революцию, — поэтому он глядел не только на новостроящуюся республику, но также на овраги, на могучие обнажения глины, на встречных нищих, на растущие деревья, на ветер на небе, — на весь мертвый порожняк природы, потому что этого дела слишком много и оно, дескать, не может

а ее младшая сестра, и она и-же
мужиком, женою, тогда стар-
шая сестра вытиснула ее себе впрок

Козловое содружество Хроника.

~~Хроника~~ ~~Хроника~~
Хроника

В марте месяце 1930-го года
некий душевный бездельник, именуемый
тревогой за всеобщую ответственность,
~~находящийся~~ сел в поезд дальнего
следования на Московском Казанском
вокзале и выбыл прочь из верховного,
Мировоздущего города. Он игрался, что

~~решившись уехать без дела в даль
поезда, он был предельно в это
сознании духа нет того, что является
которое он считал истинной, что
он в людях ставших ему непонятным,
не изобретать творчеством, был
Кто-то считал, что он был в состоянии
сказать, что он был в состоянии~~

Повесть «Впрок». Автограф. ИМЛИ

быть истреблено революцией, как она ни старайся. Ветхое лежащее вещество все равно, мол, задавит советский едкий поток своим навалом и прахом. Имея такое духовное предвидение, тамбовский человек скушал еще немного кое-чего и от внутренней покойной расположенности чувств вздохнул, как будущий праведник.

— Бывало, едет воз с молоком, — произнес попутный старичок, — телега вся скрипит, сам хозяин пешком идет, а на возу его баба разгнездилась. А теперь только холодный инвентарь перебрасывают!

— Тракторы горячие, а жизнь прохладная, — сказал тамбовский по лицу человек.

— Вот то-то и горе, — враз согласился старичок.

— Не горюйте, — посоветовал сверху неизвестный человек, лежавший там на голых досках. — Оставьте горе нам.

— Да как хочешь, я ничего! — испугался старичок.

— Да и я тоже ничего не говорил, — предупредил тамбовский житель.

— Бери молоко, — сказал верхний человек, и опустил в красноармейской фляжке этот напиток. — Пей, и не скули!

— Да мы сыты, кушай сам ради бога, — отказался старичок.

— Пей, говорят, пока я не слез! Я же слышал, ты по молоку скушал.

Старичок в страхе попил молочка и передал фляжку тамбовцу — тот тоже напился.

Вскоре с верхней полки слез сам хозяин молока; он был в старом красноармейском обмундировании, доставшемся ему по демобилизации, и обладал молодым, нежным лицом, хотя уже утомленным от ума и деятельности. Он сел на край лавки и закурил.

— Люди говорят, на табак скоро нехватка будет, — высказался старичок, — Семашка не велел больше желчное семя разводить, чтоб пролетариат жил чистым воздухом.

— На — закуривай! — дал бывший красноармеец папиросу старику.

— Я, товарищ, не занимаюсь.

— Кури, тебе говорят!

Старичок закурил из уважения, не желая иметь опасности от встречного человека. Красноармеец заговорил со мной.

— С ними едешь?

— Нет, я один.

— А сам-то кто будешь?

— Электротехник.

— Ну здравствуй, — обрадовался красноармеец, и дал мне свою руку. Я для него был полезный кадр, и сам тоже обрадовался, что я нужный человек.

— А ты утром не соскочишь со мной? Ты бы в нашем колхозе дорог был: у нас там солнце не горит.

— Соскочу, — ответил я.

— Постой, а куда ж ты тогда едешь?

— Да мне ехать некуда — где понадобится, там и выйду из вагона.

— Это хорошо, это нам полезно. А то все, понимаешь, заняты! Да еще смеются, гады, когда скажешь, что над нашим колхозом солнце не горит! А отчего ты не смеешься?

— А может, мы зажжем ваше солнце! Там увидим — плакать, или смеяться.

— Ну, раз ты так говоришь, то зажжем! — радостно воскликнул мой новый товарищ. — Хочешь, я за кипятком сбегаю — сейчас Рязань будет.

— Мы вместе пойдем.

— Ты бы ярлык носил на картузе, что электротехник. А то я думал — ты подкулачник: у тебя вид скверный.

Утром мы сошли с ним на маленькой станции. Внутри станции был бедный пассажирский зал, от одного вида которого, от скуки и общей невзрачности у всякого человека заболел живот. По стенам висели роскошные плакаты, изображающие пароходы, самолеты и курьерские поезда; плакаты призывали к далеким, благополучным путешествиям и показывали задумчивых, сытых женщин, любующихся синей волжской водой, а также обильной природой на берегах.

В этом пассажирском зале присутствовал единственный человек, жевавший хлеб из сумки.

— Сидишь? — спросил его дежурный по станции, возвращаясь от ушедшего поезда. — Когда ж ты тронешься? — уж третья неделя пошла, как ты приехал!

— Ай я тебе мешаю, что ль? — ответил этот оседлый пассажир. — Чего тебе надо? Пол я тебе мету, окна протираю, — намедни ты заснул, а я депешу принял и вышел без шапки постоял, пока поезд промчался. Я живу у тебя нормально!

Дежурный больше не обижал пожилого человека.

— Ну, живи дальше. Я только боюсь, ты пробудешь здесь еще месяца четыре, а потом потребуешь штата.

— Стат мне не нужен, — отказался пассажир. — С документом скорей пропадешь, а без бумажки я всегда проживу на самую слабую статью, — потому что обо мне ничего неизвестно.

Мой спутник, демобилизованный красноармеец товарищ Кондров, остановился от такого разговора.

— Имей в виду, — сказал он дежурному, — ты работаешь, как стервец; теперь у меня будет забота о тебе!

С этим мы вышли на полевую колесную дорогу. Голая природа весны окружила нас, сопротивляясь ветром в лицо, но нам было это не трудно.

Через несколько часов пешеходной работы мы остановились у входных ворот деревни, устроенных в виде триумфальной дуги, на которых было написано: «С.х. коллектив Доброе Начало».

Сам колхоз расположился по склону большой балки, внизу же ее протекал ручей, работавший круглый год. Избы колхоза были обыкновенно деревенскими, все имущественное оборудование было давним и знакомым, только люди показались мне неизвестными. Они ходили во множественном числе по всем местам деревни, щупали разные предметы, подвинчивали гайки на плугах, дельно ссорились и серьезно размышляли. Общим чувством всего населения колхоза была тревога и забота, и колхозники старались уменьшить свою тревогу перед севом рачительной подготовкой. Каждый считал для пользы дела другого дураком и поэтому проверял гайки на всех плугах только своею собственной рукой. Я слышал краткие собеседования.

— Ты смотрел спицы на сеялках?

— Смотрел.

— Ну и что ж?

— Кои шатались, те починил.

— Починил? Знаю я, как ты починишь! Надел с утра рубаху-баян и ходит! Дай-ка я сам схожу — сызнава почию.

Тот, на котором была рубаха-баян (о сорока пуговицах, напоминающих кнопки гармонии), ничего не возразил, а лишь вздохнул, что никак не мог угодить на колхозных членов.

— Васьк, ты бы сбегал лошадей посмотреть!

— А чего их глядеть? Я глядел: стоят, овес жрут который день, аж салом подернулись!

— А ты все-таки сбегай их проведать!

— Да чего бегать-то, лысый человек?! Чего зря колхозные ноги бить?

— Ну — так: поглядишь на их настроенье, прибежишь — скажешь.

— Вот, дьявол жадный, — обиделся моложавый Васька. — Ведь я все кулачество по найму прошел, а так сроду не мотался.

— Чудак: у кулака было грабленное, а у нас кровное.

В конце концов Васька пошел все-таки глядеть на настроенье обобществленных лошадей.

— Граждане, — сказал подошедший человек с ведром олео-нафта; из этого ведра он мазал все железные движущиеся и неподвижные части по колхозу, страшась, что они погибнут от ржа-

ви и трения. — Граждане, вчерашний день Серега опять сигарки с огнем швырял куда попало. Сообщаю это, а то будет пожар!

— Брешешь, смазчик, — возразил присутствовавший здесь же громадный Серега, — я их заплывывал.

— Заплывывал, да мимо, — спорил смазчик, — а огонь сухим улетал.

— Ну ладно, будет зудеть, — смирился Серега. — Ты сам ходишь, оленафтом наземь капаешь, а он ведь на общие средства куплен!

— Граждане, он нагло и по-кулачки врет! Пускай хоть одну каплю где-нибудь съест! Что он меня мучает!

— Будя вам, — сказал Кондров, — не пересобачивайте общие заботы. Ты, Серега, кури скромней, а ты капать капай — колхозу капля не ужасна, — а вот мажь — где нужно, а не где сухо. Зачем ты шины-то на телегах мажешь?

— Ржави боюсь, товарищ Кондров, — ответил смазчик. — Я прочитал, что ржавь это тихий огонь, а товарищ Куйбышев по радио говорил — у нас голод на железо: я и скуплюсь на него.

— Соображай до конца, — объяснил смазчику Кондров, — оленафт тоже железными машинами добывается. А раз ты зря его тратишь, то в Баку машины напрасно идут.

— Ну?! — испугался смазчик, и сел в удивлении на свое ведро: он думал, что оленафт это просто себе густая жидкость.

— Петък, — сказал малому лысый мужик, тот, что услал Ваську к лошадям. — Пойди, ради бога, все избы обежи — пускай бабы вьюшки закроют, а то тепло улетучится.

— Да теперь не холодно, — сообщил Серега.

— Все равно: пусть бабы привыкают беречь сгоревшее добро, им эта наука на зиму годится.

Петька безмолвно побежал приказывать бабам про вьюшки.

— Слухай, дядя Семен! Ты чего ж вчера сено от моей кобылы отложил, а к своему мерину подсунул? Ишь ты, средний дьявол какой, — знать, колхоз тебе не по диаметру!

Дядя Семен стоял, помутившись лицом.

— Привык к мерину, — сказал он впоследствии, — войду — он сопит на меня и глазами — моргает, а кругом норма — скотину нечем поласкать, вот и положил твоё сено!

— А ты теперь к человеку привыкай, тогда тебя все меренья уважать будут!..

— Буду привыкать, — грустно пообещал дядя Семен.

— Нетó пойти крышку на колодезь сделать? — произнес Серега, стоявший без занятия.

— Пойди, дорогой, пойди. С малолетства с мелкими животными

воду пьем. Может, при хорошей воде харчей есть меньше станем!

Отошедши с Кондровым в глубь колхоза, я обнаружил, что вправо от деревни, на незаселенной высоте склона стоит новая деревянная каланча, метров в десять-двенадцать. На верху каланчи блестело жестяное устройство, бывшее, судя по форме, рефлектором; причем оно было поставлено так, что должно направлять лучи неизвестного источника света целиком в сторону колхоза.

— Вон наше солнце, которое не горит, — сказал мне Кондров, указав на каланчу. — Ты есть хочешь?

— Хочу. А у вас есть запасы?

— Хватит. Прошлый год осень была большевицкая — все родилось.

Поев разного добра в попутной избе, в которой висела электрическая лампочка, мы пошли с Кондровым не на каланчу, а к ручью. На ручье, около кустарной запруды, помещался дубовый амбар с сильным мельничным пошвенным колесом; запруда служила, очевидно, для сбора запаса воды.

— Наливное колесо у вас работало бы полезней! — сказал я.

— Ну что ж, ты только скажи, как нужно сделать, а мы будем его делать, — ответил мне Кондров.

Мне стало печально и тревожно близ такого человека: ведь он за маленькое знание отдаст что угодно; а с другой стороны, его всякая вредительская стерва может легко обмануть и повести на гибель, доказав предварительно, что она знает в своей голове алгебру и механику.

Кондров отомкнул амбар. Никакой мельницы в амбаре не было; там стояла небольшая динамо-машина, и больше ничего. На валу водяного колеса имелся деревянный шкив, с которого посредством ремня снималась сила на динамо-машину. Обследование установило, что водяное колесо способно было дать через динамо-машину мощность, достаточную, чтобы в колхозе горело 20 тысяч экономических электрических свечей, или 40 тысяч тех же свечей в полуваттных лампах. При переделке водяного колеса с пошвенного на наливное мощность всей установки можно было повысить, по крайней мере, на одну треть; динамо-машина же была рассчитана на сорок лошадиных сил, и могла терпеть много нагрузки.

— А наше солнце, понимаешь, не горит! — горестно проговорил надо мной Кондров. — Оно потухло.

Провода из амбара тянулись по раkitам, по плетням, по стенам изб и, ответвляясь на попутный колхоз, отправлялись к солнцу. Мы также пошли на солнце. Провода всюду были достаточно исправны, на самом солнце я тоже не мог заметить чего-либо

порóчного. Особенно меня удовлетворил жестяной рефлектор: его отражающие поверхности имели такую хорошо сосчитанную кривизну, что всю светосилу отправляли ровно на колхоз и на его огородные угодья, ничего не упуская вверх или в бесполезные стороны. Источник света представлял из себя деревянный диск, на котором было укреплено сто стосвечовых полуваттных ламп, то есть общая светлая мощность солнца равнялась десяти тысячам свечей. Кондров говорил, что этого все же мало, — немедленно нужно добиться света по крайней мере в сорок тысяч свечей; особенно удобен был бы, конечно, прожектор, но его невозможно приобрести.

— Сейчас я схожу пушу колесо и динамо, и ты увидишь, что наше солнце не горит! — огорченно сказал мне Кондров.

Он сходил и пустил, — и солнце, действительно, не загорелось. Я стоял на каланче в недоумении. Ток в главных проводах был, колхозники собрались под каланчой и обсуждали доносившийся до меня вопрос.

— Власть у нас вся научная, а солнце не светит!

— Вредительство, пожалуй что!

— Сколько строили, думали — у нас пасмурности не будет, букеты распусятя, а оно стоит холодное!

— Это же горе! Как встанешь, глянешь, что оно не светит, так и загорюешь весь от головы вниз!

— Вон старики наши перестали верить в бога, а как солнце не загорелось, то они опять начали креститься.

— Дедушка Павлик обещал ликвидировать бога, как веру, если огонь вспыхнет на каланче. Он тогда в электричество, как в бога, обещал поверить.

— А горело это солнце хоть раз? — спросил я у народа.

— Горело почти что с полчаса! — сказал народ и заотвечал дальше, споря сам с собой:

— Больше горело: не брещи!

— Меньше — я обрадоваться не успел!

— Как же меньше, когда у меня слезы от яркости потекли?!

— Они у тебя и от лампадки текут.

— Ярко горело? — спросил я.

— Роскошно!! — закричали некоторые.

— У нас раздался было научный свет, да жалко, что кончился! — сказал знакомый мне смазчик.

— А нужно вам электрическое солнце? — интересовался я.

— Нам оно впрок: ты прочитай формальность около тебя.

Я оглянулся и увидел бумажную рукопись, прибитую гвоздями к специальной доске. Вот этот смысл на той бумаге:

«Устав для действия электросолнца в колхозе Доброе Начало.

1. Солнце организуется для покрытия темного и пасмурного дефицита небесного светила того же названия.

2. Колхозное солнце соблюдает свет над колхозом с 6-ти часов утра до 6-ти часов вечера каждый день и круглый год. При наличии стойкого света природы, колхозное солнце выключается; при отсутствии его включается вновь.

3. Целью колхозного солнца является спускание света для жизни, труда и культурной работы колхозников, полезных животных и огородов, захватываемых лучами света.

4. В ближайшее время простое стекло на солнце надо заменить научным, ультрафиолетовым, которое развивает в освещенных людях здоровье и загар. Озаботиться тов. Кондрову.

5. Колхозное электросолнце в то же время культурная сила, поскольку некоторые старые члены нашего колхоза и разные верующие остатки соседних колхозов и деревень дали письменное обязательство — перестать держаться за религию при наличии местного солнца. Электросолнце также имеет то прекрасное значение, что держит на земле постоянно яркий день и не позволяет скупиваться в настроенных колебаниях, невежеству, сомнению, тоске, унылости и прочим предрассудкам, и тянет всякого бедняка и середняка к познанию происхождению всякой силы света на земле.

6. Наше электросолнце должно доказать городам, что советская деревня желает их дружелюбно догнать-перегнать в технике, науке и культуре и выявить, что и в городах необходимо устроить районные общественные солнца, дабы техника всюду горела и гремела по нашей стране.

7. Да здравствует ежедневное солнце на советской земле!»

Все это было совершенно правильно и хорошо, и я обрадовался этому действительному строительству новой жизни. Правда, было в таком явлении что-то трогательное и смешное, но это была трогательная неуверенность детства, опережающего тебя, а не падающая ирония гибели. Если бы таких обстоятельств не встречалось, мы бы никогда не устроили человечества и не почувствовали человечности, ибо нам смешон новый человек, как Робинзон для обезьяны; нам кажутся наивными его занятия, и мы втайне хотим, чтоб он не покинул умирать нас одних и возвратился к нам. Но он не вернется, и всякий душевный бедняк, единственное имущество которого — сомнение, погибнет в выморочной стране прошлого.

Кондров вернулся.

— Ты, наверно, в Москву ездил за ультрафиолетовыми лампами? — спросил я его.

— За ними, — ответил он. — Сказали, что еще не продаются, все только собираются делать их, чешутся чего-то!

— Ты где был, когда начало гореть солнце и потухло?

— Здесь же на солнце.

— Жарко было около диска?

— Ужасно!

Я зашел за диск и начал проверять всю проводку, но проверить ее было нечего: вся изоляция на проводах сошла, все провода покоились на коротком замыкании, а входные предохранители, конечно, перегорели. Всю эту оснастку делал, оказывается, кузнец из другой деревни, соответственно одной лишь своей сообразительности.

По общему решению с Кондровым мы сделали полный анализ негорению солнца, а затем сообщили свое мнение присутствовавшим близ нас членам колхоза. Наше мнение было таково: солнце потухло от страшной световой жары, которая испортила провода, стало быть, нужно реже посадить лампы на диске.

— Не нужно! — отверг пассивный дотоле задний середняк. — Вы не понимаете. Вы поставьте на жечь какие-либо сосуды с водой, вода будет остужать жару, а нам для желудка придется кипяченая вода.

Слово середняка, стоявшего позади, было разумно и приемлемо для дела: если на рефлекторе устроить водяную рубашку, то жечь будет холодить провода, кроме того, каждый час можно получать по ведру кипятку.

— Ну, как? — спросил меня Кондров среди общего задумавшегося молчанья.

— Так будет верно, — ответил я.

— Крутильно-молотильную бригаду прошу подойти ко мне! — громко произнес Кондров.

Эта бригада была наиболее упорной в любом тяжком, срочном или малоизвестном труде. Вчера она только что закончила сплошную очистку семян и, проспав двадцать часов, теперь постепенно подошла к Кондрову.

Под солнечной каланчой мы устроили производственное совещание, на котором выяснили все части и матерьялы для рационализации солнца, а также способ переделки пошвенного водобойного колеса на наливное сверху.

После того мне дали освобождение и я заинтересовался здешней классовой борьбой. За этим я пошел в изба-читальню, зная, что культурная революция у нас часто идет по раскулаченным местам. Так и оказалось: изба-читальня занимала дом старинного, векового кулака Семена Верещагина, до своей ликвидации единолично и зажиточно хозяйствовавшего на хуторе Перепальном

сорок лет (в ожидании того, как назваться колхозом «Доброе Начало», деревня называлась хутором Перепальным). Верещагин и ему подобный его сосед Ревушкин жили не столько за счет своих трудов, сколько за счет своей особой мудрости.

С самого начала советской власти Верещагин выписывал четыре газеты и читал в них все законы и мероприятия, с целью пролезть между ними в какое-либо узкое и полезное место. И так долго и прочно существовал Семен Верещагин, притаясь и мудрствуя. Однако его привела в смущение в последнее время дешевизна скота, а Верещагин истари занимался негромкими барышами на скупке и перепродаже чужой скотины. Долго искал Верещагин каких-либо законов на этот счет, но газеты говорили лишь что-то косвенное. Тогда Верещагин решил использовать и самое косвенное. Он вспомнил в уме, что его лошадь стоит нынче на базаре рублей тридцать, а застрахована за сто семнадцать. А тут еще колхоз вот-вот грянет, и тогда лошадь станет вовсе как бы не скот и не предмет.

Целыми длинными днями сидел Верещагин на лавке и грустно думал, хитря одним желтым глазом.

— Главное, чтоб государство меня не услышало, — соображал он. — Что-то я нигде не читал, чтобы лошадей мучить нельзя было: значит — можно. Как бы только Осоавиахим не встрял: да нет — его дело аэроплан!

И Верещагин сознательно перестал давать пищу лошади. Он ее привязал намертво к стойлу веревками и давал только воду, чтоб животное не кричало и не привлекало бдительного слуха соседей.

Так прошла неделя. Лошадь исчахла и глядела почти что по-человечьи, а когда приходил к ней Верещагин, то она даже открывала рот, как бы желая произнести томящее ее слово.

И еще прошла неделя или десятидневка. Верещагин — для ускорения кончины лошади — перестал ей давать и воду. Животное поникло головой и беспрерывно хрипело от своей тоски.

— Кончайся, — приказывал коню Верещагин. — А то советская власть ухватлива. Того и гляди — о тебе вспомнит.

А лошадь жила и жила, точно в ней была какая-то идейная устойчивость.

На двадцатый день, когда у коня уже закрылись глаза, но еще билось сердце, Верещагин обнял свою лошадь за шею и по истечении часа задушил ее. Лошадь через два часа остыла.

Верещагин тихо улыбнулся над побежденным государством и пошел в избу — отдохнуть от волнения нервов.

Дней через десять он отправился получить за павшую лошадь

страховку, как только сельсовет дал ему справку, что конь погиб от желудочного томления.

За вырученные сто рублей Верещагин купил на базаре три лошади и, как сознательный гражданин, застраховал это поголовье в окружной конторе Госстраха.

Пропустив месяц и не услышав, чтоб государство зашумело на него, Верещагин перестал кормить и новых трех лошадей. Через месяц он теперь будет иметь двести рублей чистого дохода, а там еще, и так далее — до бесконечности избытка.

Прикрутив лошадей веревками к стойлам, Верещагин стал ждать их смерти и своего дохода.

Однако дворовая собака Верещагина тоже не сидела с убытками — она начала отрывать от омертвевших лошадей задние куски, так что лошади пытались шагать от боли, и таскала мясные куски по чужим дворам, чтобы прятать. Собаку крестьяне заметили, и вскоре сельсовет во всем составе, во главе с Кондровым, пришел к Верещагину, чтобы обнаружить у него склад говядины. Склада сельсовет никакого не нашел, а ночью прибежала на двор Верещагиных целая стая чужих собак и, присев, эти дворовые животные стали выть.

На другой день левый бедняцкий сосед Верещагина перелез через плетень и увидел трех изодранных собаками умирающих лошадей.

Верещагин тоже не спал, а думал. Он уже с утра пошел взять справку о трех своих павших лошадях, которых он купил, дескать, лишь для того, чтобы отдать в организующуюся лошадиную колонну, но вышла одна божья воля.

Кондров поглядел на Верещагина и сказал:

— Не пройдет, Верещагин, твое мероприятие, мы от собак о всем твоим способе жизни узнали! Иди в чулан пока, а мы будем заседать про твою судьбу: сегодня газета «Беднота» пришла, там написано про тебя и про всех таковых личностей.

— Почта у нас работает никуда, товарищ председатель, — сказал Верещагин, — я ведь думал, что теперь машины пойдут, а лошадь — вредное существо, оттого я и не лечил такую отсталую скотину!

— Ага, ты умней всего государства думал, — произнес тогда Кондров. — Ну, ничего, ты теперь на ять попадаешь под новый закон о сбережении скота.

— Пусть попадаю, — с хитростью смирился Верещагин. — Зато я за полную индустриализацию стоял, а лошадь есть животное-оппорту!

— Вот именно! — воскликнул в то время Кондров. — Оппорту всегда кричит за, когда от него чашку со щами отодвинут!

Иди в чулан и жди нашего суждения, пока у меня нервы держатся, враг всего человечества!

Через месяц или два Верещагина и аналогичного Ревушкина бывшие ихние батраки — Серега, смазчик и другие — погнали пешим ходом в район и там оставили навеки.

Ни один середняк в Перепальном при раскулачивании обижен не был, — наоборот, середняк Евсеев, которому поручили с точностью записать каждую мелочь в кулацких дворах, чтобы занести ее в колхозный доход, сам обидел советскую власть. А именно, когда Евсеев увидел горку каких-то бабье-дамских драгоценных предметов в доме Ревушкина, то у Евсеева раздвоилось от жадной радости в глазах — и он взял себе лишнюю половину, по его мнению, лишь вторившую предметы, — таким образом, от женского инвентаря ничего не осталось, а государство было обездолено на сумму в сто или двести рублей.

Такое единичное явление в районе обозначили впоследствии разгибом, а Евсеев прославился как разгибщик — вопреки перегибщику. Здесь я пользуюсь обстоятельствами, чтобы объявить истинное положение: перегибы при коллективизации не были сплошным явлением, были места, свободные от головокружительных ошибок, и там линия партии не прерывалась и не заезжала в кривой уклон. Но, к сожалению, таких мест было не слишком много. В чем же причина такого бесперебойного проведения генеральной линии?

По-моему, в самостоятельно размышляющей голове Кондрова. Многих директив района он просто не выполнял.

— Это писал хвостун, — говорил он, читая особо напорные директивы, вроде «Даешь сплошь в десятидневку» и т. п., — он желает прославиться, как автор какой, я, мол, первый социализм бумажкой достал, — сволочь такая!

Другие директивы, наоборот, Кондров исполнял со строгой тщательностью.

— А вот это мерно и революционно! — сообщал он про дельную бумагу. — Всякое слово хрустит в уме, читаешь — и как будто свежую воду пьешь: только товарищ Сталин может так общаться! Наверно, районные черти просто себе списали эту директиву с центральной, а ту, которую я бросил, сами выдумали, чтоб умней разума быть!

Действовал Кондров без всякого страха и оглядки, несмотря на постоянно грозящий ему палец из района:

— Гляди, Кондров, не задерживай рвущуюся в будущее бедноту — заводи темп на всю историческую скорость, невер несчастный!

Но Кондров знал, что темп нужно развить в бедняцком классе, а не только в своем настроении; районные же люди приняли свое единоличное настроение за всеобщее воодушевление и рванулись так далеко вперед, что давно скрылись от малоимущего крестьянства за полевым горизонтом.

Все же и Кондров совершил недостойный его факт: в день получения статьи Сталина о головокружении к Кондрову по текущему делу заехал предрика. Кондров сидел в тот час на срубе колодца и торжествовал от настоящей радости, не зная, что ему сделать сначала — броситься в снег, или сразу приняться за строительство солнца, но надо было обязательно и немедленно утормиться от своего сбывшегося счастья.

— Ты что гудишь? — спросил его неосведомленный предрика. — Сделай мне сводочку...

И тут Кондров обернул «Правдой» кулак и сделал им удар в ухо предрика.

До самого захода небесного солнца я находился в колхозе и, облюбовав все достойное в нем, вышел из него прочь. Колхозное солнце еще не было готово, но я надеялся увидеть его свет с какого-нибудь придорожного дерева из ночной тьмы.

Отойдя верст за десять, я встретил подходящее дерево и влез на него в ожидании. Половина района была подвержена моему наблюдению в ту начинающуюся весеннюю ночь. В далеких колхозах горели огни, слышен был работающий где-то триер, и отовсюду раздавался знакомый, как колокольный звон, стерегущий голос собак, работающих на коммунизм с тем же усердием, что и на кулацкий капитализм. Я нашел место, где было расположено «Доброе Начало», но там горело всего огня два, и оттуда не доносилось собачьего голоса.

Я пропустил долгое время, поместившись на боковой отрасли дерева, и все глядел в окружающую, постепенно молкнущую даль. Множество прохладных звезд светило с неба в земную тьму, в которой неустанно работали люди, чтобы впоследствии задуматься и над судьбой посторонних планет; поэтому колхоз более приемлем для небесной звезды, чем единоличная деревня. Утомившись, я нечаянно задремал и так пробыл неопределенное время, пока не упал от испуга, но не убился. Неизвестный человек отстранился от дерева, давая мне свободное место падать, — от голоса этого человека я и проснулся наверху.

Разговорившись с человеком, я пошел за ним вслед, — по дороге, ведущей дальше от «Доброго Начала». Иногда я оглядывался

назад, ожидая света колхозного солнца, но все напрасно. Человек мне сказал, что он *борец с неглавной опасностью* и идет сквозь округ по командировке.

— Прощай, Кондров! — в последний раз обернулся я на «Доброе Начало».

Навстречу нам часто попадались какие-то одинокие и групповые люди, — видно, в колхозное время и пустое поле имеет свою плотность населения.

— А какая опасность неглавная? — спросил я того, с кем шел. — Ты бы лучше с главной боролся!

— Неглавная кормит главную, — ответил мне дорожный друг. — Кроме того, я слабосердечен, и мне дали левачество, как подсобный для правых район! Главная опасность — вот та хороша: там пожилые почетные бюрократы, там разные акционерные либералы — тех крушить надо вдосталь, — и для самообразования будет полезно: кто ее знает, может быть, правые уже последние ошибочники, последние вышибленные души кулаков! Ах, как жалко, что у меня сердце слабое, а то бы мне главную дали: эх, и пожил бы я в такое сокрушающее время! До чего ж приятно и полезно сшибить правых и левых, чтоб у здешнего кулачества не осталось ни души, ни ума!

Я осмотрел говорящего человека. Лета его были еще не старые, зато лицо и тело, видимо, уже истратились в окружных дискуссиях, настолько его туловище глядело измученным существом. Он дышал неравномерно и редко, все время забывался во внутренних мыслях и едва ли достаточно ел пищи.

Переваливая за горизонт, мы заметили по бледному свету на земле, что сзади нас взошла луна. Мы оглянулись.

Я увидел среди дальнего мрака слабое круглое светило, все же боровшее сплошную тьму.

— Это солнце зажгли в колхозе! — сказал я.

— Да, возможно, — безразлично согласился боец с неглавной опасностью. — Для луны — для последователя солнца это слишком неважный огонь. И последователем надо быть уметь!

Ночевали мы с ним в неопределенной избушке, которую увидели в стороне от тракта.

— Пункт бы здесь устроить какой-нибудь! — сказал мне на утренней заре прохожий товарищ. — Зачем стоит эта хатка пустой, когда основной золотой миллиард, нашу идеологию, не каждый имеет в душе!

— Это правда, — сказал я, — на свете много душевных бедняков.

В течение первой половины дня мы шли дальше. По сырым полям кое-где уже ходили всем составом колхозы и щупали руками землю, определяя ее весеннюю спелость.

Затем мы дошли до деревни Понизовки, расположенной, действительно, по низу земли. Это объясняется недостатком воды или трудностью ее добычи на верхних почвах. Вообще — колхозное и совхозное водоснабжение должно стать большим предметом нашей пятилетки, ибо, как я заметил, степень обработки и освоения земель обратно пропорциональна водоснабжению. Это значит, что высокие, водораздельные земли, обычно самые ценные по качеству, самые структурные по составу, хуже обрабатываются и за такими полями бывает меньше ухода. Оно и понятно, потому что водоразделы лежат далеко от хозяйственной базы, всегда прижатой к естественно-открытому водоему или к неглубокой грунтовой воде. Я видел в зерновых районах не меньше ста громадных сел, и все они согнаны на водопой в низы — в долины речек, в балки и прочие провалы рельефа. Высокие же, самые тучные земли — далеки и пустынно. Это означает громадные, вероятно в несколько сот миллионов рублей ежегодно, потери для нашего хозяйства, благодаря недобору урожая с водораздельных почв.

В чем же заключается решение задачи? В том, чтобы селить колхозы и основывать совхозные усадьбы прямо на водоразделах, в центре плодородия почв. А водоснабжение для них следует устраивать посредством глубоких трубчатых колодцев. Добавочное значение тут будет еще в резком оздоровлении деревни. Та заразная жижка открытых водоемов, которой утоляют свою жажду многие деревенские районы СССР, потеряет тогда свой смысл как источник водоснабжения. Артезианская же, глубокая вода трубчатых колодцев — безвредней, вкуснее и чище, чем хлорированная водопроводная.

Сейчас, когда идешь по дальним частям СССР, то видишь как бы пустую, незаселенную страну. Это потому, что все поселения спрятались в низовые ущелья; иначе говоря — гидрологические условия определили собой способ заселения нашей земли. Соображая же несколько глубже, можно сказать, что феодально-капиталистические производственные отношения держали деревню у ручьев и болот, оставляя в полном или частичном запустении самые лучшие по плодородию суходолы. Отсюда ясно, что для многих наших южных, юго-восточных и центрально-черноземных районов социализм должен явиться, в числе прочих своих элементов, также и в качестве воды на водоразделах.

Вот отчего деревня, встреченная нами, называлась Понизовкой — именем, которое подходит и для тысячи других деревень.

Борец с неглавной опасностью пошел непосредственно в сельсовет. И здесь я был свидетелем действий его опытного ума, умевшего всякую бюрократическую сложность обращать в понятную простоту истины.

— Что же вы ничего нам не сообщили? — спросил моего дорожного товарища секретарь сельсовета. — Мы бы вам тарантас послали навстречу!

— Не указывай! — ответил борец. — Береги лошадей для сева, а не для меня.

На стене совета висели многие схемы и плакаты, и в числе их один крупный план, сразу привлечший зоркий ум борца с опасностью. План изображал закрепленные сроки и названия боевых кампаний: сортировочной, землеуказательной, разъяснительной, супряжно-организационной, пробно-посевной, проверочной к готовности, посевной, контрольной, прополочной, уборочной, учетно-урожайной, хлебозаготовительной, транспортно-тарочной и *едоцкой*.

Глубоко озадачившись, борец сел против пожилого, несколько угрюмого председателя. Ему было интересно, почему сельсовет заботится и о том, чтоб люди ели хлеб, — разве они сами непосильны для этого или настолько отстали, что откажутся от своевременной пищи?

— А кто его знает? — ответил председатель. — Может, обольются на что-нибудь, либо кулаков послушают, и станут не есть! А мы не можем допускать ослабления населения!

Секретарь дал со своего места дополнительное доказательство необходимости жесткого проведения едоцкой кампании.

— Если так считать, — сказал секретарь, — тогда и прополочная кампания не нужна: ведь ходили же раньше бабы сами полоть просо, а почему ж мы их сейчас мобилизуем?

— Потому что, молодой человек, вы только приказываете верить, что общественное хозяйство лучше единоличного, а почему лучше — не показываете, — ответил мой дорожный товарищ.

— Нам показывать некогда, социализм не ждет! — возразил секретарь.

— Ну конечно, — заключил борец. — Вы строить и достраивать ничего не хотите, вам охота поскорей как-нибудь отстроиться и лечь на отдых среди счастья... Вот она — левая, бегущая юность! — уже ко мне обратился командированный.

Настроение председателя было иным. Он угрюмо предвидел, что дальше жизнь пойдет еще туже. По его выходило, что скоро людей придется административно кормить из ложек, будить по утрам и уговаривать прожить очередную обыденку. Секретарь же с ним постоянно ссорился и считал его правым трусом, сам в то же время яростно и директивно натягивая группу бедняков-активистов, не давая им ни понять, ни почувствовать, вперед, бегом через колхоз, на коммуны.

Спустя немного времени, окружной товарищ сильно смеялся такому четкому обстоятельству, когда левый и правый сидят в одной комнате и все время как бы производят один другого из единой кулацкой бездны.

— Едоцкая кампания была ниточкой, на которую я сразу поймал и левацкого караса, и правую щуку, — объяснил мне окружной спутник. — Придется мне в этом селе посидеть и кой-кого обидеть из этих дрессировщиков масс...

— Да ты слишком примиренчески с ними говоришь, — сказал я. — При чем тут юность, нежность, когда левый правит на катастрофу?! Крой безупречно и правых, и левых!

— Это верно, — вдумчиво согласился борец. — Случись что тяжелое, левый ведь побежит к правому — боюсь, скажет, дяденька! А этот дяденька зарычит своим басом и угробит все на свете, кулацкий кум!

Окружной человек еще немного подумал среди тишины кончающегося степного дня.

— Правильно-правильно: у левых — дискант, у правых — бас, а у настоящей революции баритон, звук гения и точного мотора!

И здесь борец с неглавной опасностью отошел от меня; я же направился из Понизовки дальше — по своему маршруту, несмотря на вечернее время.

Идти мне пришлось недолго; два неизвестных инженера ехали с шофером на автомобиле и взяли меня подвезти до ближнего места. С полчаса мы ехали спокойно; а потом в моторе что-то жестко и часто забилося, словно в камеры цилиндров попало металлическое трепещущее существо. Конус, тормоз, — и шофер вышел смотреть повреждение. Отняв гайки, мы общим усилием попробовали поднять блок цилиндров, но силы в нас оказалось меньше тяжести, а энтузиазма не было. Прохожий человек стоял и судил нас:

— Вы маломочны и беретесь не так. Лучше ступайте на Самодельные хутора — отсюда версты две будет, и того нет. Возьмите оттуда Гришку — он вам одну машину зарядит. А так вы замучаетесь: вы люди не те!

Мы помолчали — из уважения к себе перед прохожим, но затем сообразили, что без того Григория с хутора и без лошадей нам не обойтись, и темнело уже.

Я пошел на хутор. В долине существовали четыре закопченных двора, из каждой трубы шел какой-то нефтяной дым, и всюду в этом поселении гремели молотки. Хутор был похож не на деревню,

а на группу придорожных кузниц; самые же дома, когда я подошел ближе, были вовсе не жилищами, а мастерскими, и там горел огонь труда над металлом. Опустелые поля окружали эту индустрию — видно, что хуторяне не пахали и не сеяли, а занимались железным делом какого-то постоянного машинного мастерства. Вдруг резкая воздушная волна ударила мне в глаза горячим песком, снесенным с почвы, и вслед за тем раздался пушечный удар. От неожиданного страха я присел за лопух и слегка обождал. Голый человек, черный и обгорелый — не на солнце, а близ огня, — вышел из хаты-мастерской и поднял позади меня огромный деревянный кляп.

Этот человек оказался необходимым нам Григорием. Он только что испробовал прочность железной трубы, посредством выстрела из нее деревянной пробкой: железная труба лежала в горне, имея воду внутри, и работала как паровой котел — на давление, пока не вышибла кляпа из отверстия.

Григорий пошел со мной и поступил с автомобилем очень просто: он выбрал начинку из двух цилиндров, в виде рассыпавшихся вкладышей, и запустил мотор на двух цилиндрах.

— Ехать можно, — сказал нам Григорий. — Только в двух холостых цилиндрах теперь живот болит — там газ и масло гоняются непостижимо как.

Мы поехали на его хутор. Хутор этот живет уже лет двести, и всегда в нем было не более четырех дворов. В свое, отошедшее в древность время, хутор был ремонтной мастерской чумачьих телег, арб и чиновничьих экипажей, а теперь на хуторе поселились бывшие партизаны и демобилизованные красноармейцы, происхождением из шахтеров, московских холодных сапожников и деревенских часовых мастеров, делавших в свое время, за недостатком заказов, девичьи бусы.

— Вы ездили на автомобилях? — спросил у Григория один основной пассажир — инженер.

— Кто мне давал его?! — с вопросительной обидой произнес Григорий, правивший машиной.

— А как же вы едете так прилично?

— А я же еду и думаю, — объяснил Григорий. — Машина же сама говорит, что ей симпатично, а я ее слушаю и норовлю.

На этом хуторе мы ночевали, потому что Григорий обещал поделывать вкладыши из металла, который никогда не лопнет и не раскрошится.

Мы легли на ночлег в солому близ сарая, в котором хранился уголь и брак продукции. Едва только мы углубились в прохладу сна на свежем воздухе, как нас разбудил гром аплодисментов и длительные овации. Вокруг ничего не существовало, кроме тихой

и порожней степи, а в одном строении хутора гремел восторг масс и трезво дребезжало стекло открытого окна. Я встал в раздражении испорченного сна, но со счастьем любопытства.

— Неопределенных возгласов не хватает! — услышал я рассуждение Григория в тишине кончившейся овадии. — Люди всегда работают сразу — и в ладоши, и в голос крика! Иначе не бывает. Когда рад, то все члены организма начинают передачу.

Я не понимал, и пошел внутрь мастерской. На полу жилья стоял станок, похожий на тот, что точит ножи и всякие лезвия, но с особым значительным ящиком и разными мелкими деталями. Привод станка в действие — явно был ножной. Весь этот аплодирующий автомат был изготовлен полевыми мастерами для Петропавловского драмкружка, которому нужны были, по ходу одной пьесы, приветствующие массы за сценой.

Здесь пришел другой мастерской — Павел, по прозвищу Прынцип, он принес кусок блестящего металла в руке.

— Это что? — спросил я у Григория.

— Это мы детекторы из него крошим.

— И много вам заказывают?

— Тыщи. Наши деревни музыку обожают, а слободы — еще более. Я думаю, что дальше в степь радио и не проходит: у нас в округе антенн гуще, чем деревьев, вся волна тут оседает.

Затем мастера сели ужинать; их было семь человек, и все они слегка ходили друг на друга. Стол находился под кущей закоптевшего единственного дерева — в конце двора; над столом, подвешенная к дереву, горела чугунная люстра из десяти пяти-свечовых электрических лампочек, а самое электрическое питание лампам подавал аккумулятор с чердака. На столе имелись для аппетита полевые жестяные цветы в банке и две стальные гравюры, изображавшие любовь.

После сытного ужина, рассчитанного на утоление мощных туловищ степных мастеровых, состоялось чтение газеты вслух. Читал Григорий, а остальные серьезно слушали и отвечали искренними чувствами.

— «Нашей погранохраной задержан польский шпион Злучковский!» — читал Григорий.

— К ногтю! — решили слушатели про того шпиона.

— «В Баку открыт новый мощный завод смазочных масел».

— Машинам необходимы жиры. Это первейшая нужда, — одобряли такое дело мастера, сочувствуя машинам.

— «Камчатская пушная экспедиция Госторга шлет приветствие пролетариату Советского Союза».

И все слушатели молча наклоняли головы в ответном приветствии.

— «Близ Ашхабада наблюдались слабые толчки почвы, в деревне Исмидие разрушен один дом».

— Зря: люди работают, а посторонняя сила лезет.

Это были очень серьезные люди. Было заметно, что они не слушают происшествия, а чувствуют их, не созерцают, а изучают, и в легкой работе ума отдыхают тяжелым телом.

После ужина Григорий принялся за изделие вкладышей для автомобильного мотора. По его системе вкладыши должны получиться прочнее, чем были, потому что он собирался их делать не из целого куска бронзы, а из частей.

— Ты видел дома из одного цельного камня? — спросил Григорий у меня.

— Нет, — по справедливости сообщил я.

— Оттого они и стоят по сту лет, оттого и держат бури, жару, дожди и сотрясения. Я тебе вкладыши сварю из крупинок и частей, как кирпичный дом. Будешь ездить сильно! Митрий, порть мне бронзу на мелочь!

Дмитрий начал рубить кусок бронзы.

— Брось, — догадался Григорий. — Бронза стоит государству средств и организации. Руби мне ее из старых вкладышей.

И так было поступлено.

Еще не успел сварить и отформовать Григорий вкладыши, как из степной ночи предстал перед мастерской таинственный, озадаченный всадник. То был друг Григория — комсомолец из недалекой слободы.

— Гриша, к нам бог вступает, поп и бабы ему иже херуим хором поют, на голове у него свет горит!.. Едем со мной на лошадином заду!

— Заводи машину, — сказал Григорий мне. — Буди шофера!

Шофера я разбудил, а инженеры от усталости ехать не захотели.

Через минуту мы помчались с хутора на паре цилиндров — бороться с пришествием бога в слободу, а позади нас поспевал комсомолец на коне.

Мы приехали быстрее бога: он еще не дошел до слободы, а медленно двигался по горизонту, окруженный старым народом, и над головой его, действительно, светился нимб беловатого огня. Мы дали газ в мотор и, с перебоями в цилиндрах, достигли бога и верующих в него.

Шел старик по земле, одетый в рядно, босой и торжественный. Борода, ясные очи и благодушные пожилого лица служили как бы определенными признаками бога-отца. Вокруг косматых головных волос светилось ровное озарение. Увидев автомобиль, бог-отец выпустил из рук черхнохвостого голубя, означавшего

духа святого; голубь не хотел было улетать от кормильца, но Григорий дал воющий сигнал — и птица понеслась боком вдаль. За это мы получили из толпы камень, разбивший стекло в правой фаре.

Григорий тогда встал на шоферское сиденье:

— Господа старики и старухи! (В южных слободах любят это почтительно-отжившее обращение.) Господь устал от тяжести грехов народа и пешего хода по земному пространству. Мы приехали сюда на машине, чтобы заставить дьявола послужить господу... Садись, бог!

— Охотно, голубчик! — согласился близко созерцавший нас бог-отец.

Он был усажен в пассажирское заднее отделение, и рядом с ним сел Григорий, а шофер повел машину — с такой скоростью, чтобы старики и старухи попевали сзади бежать.

Ночь продолжалась над нами; глубокая звездная природа существовала вокруг нас, не замечая местного людского происшествия. В слободе заметили приближение того, кто явился во второй раз в мир человечества, и сторож зазвонил в главный колокол с малыми подголосками, произнося на них пасхальную службу.

Шоферское боковое зеркало все время отражало свет заднего бога, и вдруг оно погасло; я не мог обернуться, потому что по указанию шофера качал воздух в бензиновый бак, но зеркало опять заблестело божьим сиянием, и я успокоился.

У входа в храм лежал ниц поп и также повалены были все те, кто и раньше ходил под богом. В стороне стояла группа комсомольцев, трактористов и молодых слобожан, они бесстрашно улыбались накануне светопреставления. Один крестьянин, уже положительного возраста, подошел ко мне в сомнении:

— Либó, товарищ, правда — бог где-то был, а теперь явился, когда не нужен?

Я не разубеждал его словом, поскольку бог-отец почти фактически был.

Здесь божий свет снова потух. Поп поднял очи:

— Где же свет господень, что я видел во мгновении времени?

— Сейчас, — ответил бог. Но свет вокруг его главы не происходил.

— Давай я зажгу! — предложил Григорий, — ты будешь копаться — должность потеряешь.

Он заголил богу рядом, как юбку, пошарил на его груди, и свет засиял.

— У тебя зажимы на батарее ослабли, — тихо сообщил Григорий богу.

— Знаю! — согласно сказал господь. — Туда бы нужны болтики и гаечки, а разве их обнаружишь где в степи!

После посещения храма, мы повезли бога в избе-читальню. Так пожелал Григорий, а бог согласился. У Григория был замысел: в этой зажиточной слободе почти никто не верил в радио, а считали его граммофоном, — Григорий вез бога в техническое доказательство. В избе-читальне собралось народу порядочно, тем более что прибывал бог.

В громкоговорителе же ослаб аккумулятор, и про то знал Григорий, а у бога вокруг груди висела свежая батарея элементов. Григорий поставил бога вблизи громкоговорителя и прицепил его проводами к аппарату. Радио, получив усиленное питание, зазвучало четким басом, но зато свет вокруг головы бога потух.

— Верите ли вы теперь в радио? — спросил Григорий собрание, во время перерыва для подготовки оркестра в Москве.

— Верим, — ответило собрание. — Верим господу и в шумную машину!

— А во что не верите? — испытывал Григорий.

— В граммофон теперь не верим, — сообщило собрание.

— Вот тебе раз! — раздражился Григорий. — А если мы вам граммофон сделаем, тогда поверите?

— Послушаем. Слушать будем, а верить обождем.

— А если я вас бога сейчас лишу?

Собрание и тому не особо удивилось:

— Ну-к что ж, — ответил за всех неимущий мужик Евсей, читатель центральных газет. — Вместо одного бога, за нами десять безбожников ухажорствовать будут. Чем, Гриш, меньше веришь, тем оно к тебе внимания и доходу больше.

В полночь настала пора расходиться. Но вышло горе: никто не брал бога ужинать и ночевать в свою хату. Слобожане требовали, чтобы сельсовет назначил подворную очередь на содержание бога, а неорганизованно иметь бога не желали.

— Да возьми хоть ты его, Степан, — сказал Евсей соседу. — У тебя новая хата порожняя, как-нибудь уляжешься.

— Чего ты? — обиделся Степан. — Я третьего дня бревна на мост по самообложению возил!

Бог уже захотел есть и озяб от свежей ночи, проникавшей в окна избы-читальни.

Наконец, над ним сжалился комсомолец, который приезжал за нами на хутор, и позвал старика в свою хату, где существовала одна его бедная мать.

Григорий озлобился на такую религию и увез бога на хутор как старика. Там бог поел, выспался и наутро остался трудиться второстепенным кузнецом. Он оказался кочегаром-летуном астра-

ханской электростанции, тронувшись в путь в виде бога-отца для проповеди святой коллективной жизни и для подыскания себе почетного счастья в колхозе.

— Я тебя еще раз поймаю — ушибу! — пообещал Григорий. — Живи здесь и работай на производстве. Проповедуй молотком, а не ртом.

Довольный бог остался: все же в нем жила душа кочегара и пролетария, жила и думала; кулак или другой буржуй не сумел бы стать богом — он, невежда, не знает электротехники.

С теми техническими способностями, какие были у Григория Михайловича Скрынко, сидеть ему на хуторе и стрелять из труб деревянными пробками — ни к чему и вредно для государства. Наутро я сказал Григорию об этом. Он послушал и показал мне окружные бумаги, в силу которых он назначался директором машинно-тракторной станции — из шестидесяти тяжелых тракторов; начальной базой для этой станции предназначался тот самый механический хутор, где жил сейчас Григорий. Машины и оборудование для МТС должны были прибыть в течение одной-двух недель.

Это было прекрасно. Лучшего вождя и друга машин, чем Григорий Михайлович, найти в этой местности нельзя. Кроме того, только в случае внезапной смерти Григория Михайловича посевной план МТС мог бы быть не выполнен, а при его жизни этот план наверняка будет превышен процентов на сто, ибо у него трактора не остановятся никогда, и он заставит машину работать даже на одном цилиндре, лишь бы сберечь весеннюю минуту.

— А я недоволен, — сказал мне в последующей беседе Григорий Скрынко. — Вот проверну здесь генеральную линию, покажу всей средноте, что такое колхоз в натуре, что такое весна на тракторном руле, а потом учиться уеду, — больше не могу терпеть!

— Чего вы не можете терпеть?

— Отсталости. Зачем нам нужны трактора в каких-то двенадцать, двадцать или шестьдесят сил? Это капиталистические, слабосильные марки! Нам годятся машины в двести сил, чтоб она катилась на шести широких колесах, чтоб на ней не аэроплан трещал, а дышал бы спокойный нефтяной дизель, либо газогенератор! Вот что такое советский трактор, а не фордовская горелка!

— Это, пожалуй, верно. Но как того добиться?

— Стану сам профессором тяги, вот и добьюсь.

Наверно, так и случится, что года через три-четыре или пять у нас начнут пропадать фордзоновские царапалки и появятся мощные двухсотсильные пахари конструкции профессора Г.М. Скрынко.

— Что будет дальше на моем пути? — спросил я у Григория.

— Колхоз «Без кулака», — сказал Григорий. — Там председателем мой двоюродный брат, Сенька Кучум, скажи ему, что ты был у меня. А еще далее у тебя будет 2-е Отрадное, там тоже меня знают, и ты кланяйся кому-нибудь!

Я направился в этот указанный колхоз, но ввиду ночной тьмы не успел достигнуть места назначения и явился туда на утро нового дня.

При входе в колхоз висела вывеска с названием этого общественного сельского хозяйства, а под вывеской план работ на текущий год, изображенный по железу, и классовый состав колхоза: 48 бедняков, 11 батраков, 73 середняка, 2 учителя, 1 прочая женщина с детьми-сиротами.

Колхоз «Без кулака» существует с августа 1929 года; причем в 1928 году — при единоличном ведении хозяйства — нынешними участниками колхоза засеяно озимыми всего 182 гектара, колхоз же посеял озимых 232 гектара; по яровым колхоз наметил увеличить площадь посева в полтора раза — против того, что сеяли нынешние члены, будучи единоличниками. За счет какой же конкретной силы произошло увеличение производительности сложных бедняцко-средняцких хозяйств?

Не зная этого, я пошел к Семену Кучуму, чтобы спросить. Семен, по прозванию Кучум, удивил меня мрачностью лица и резким голосом, раздающимся из глубины его постоянно скорбящего сердца.

— Я не могу тебе ответить, — сказал он мне, — потому что для нас нет такого вопроса, для нас это понятно без всякого ума.

— У вас, наверно, тракторы есть — или вам МТС работала?

— Нет еще ни трактора, ни МТС.

— А что же есть?

— Чего в тебе нет — в нас нет вопроса.

— А отчего ж мужики больше сеять начали?

— А для чего ж они колхоз организовали — для бурьяна, что ли?

— Ты обходишь мой вопрос, я же с добром спрашиваю.

— Не обхожу, — сообщил Кучум. — По-твоему, все наше дело должно выйти так: собрались люди в кучу с одним планом и желаньем, стали работать, и вдруг ничего у них не вышло. Это же страшно, и так быть не может! Так думает безумный, или ненавистный.

— И я так думаю иногда.

— Понятно: в тебе нет колхозного чувства и классовой нужды, не все поспевают за революцией. Кто имеет чувство или хотя

бы нашу классовость — у того и ум, а без чувства — остаются одни вопросы и злоба.

Я поник. Это была приблизительная правда. Я остался в колхозе на несколько дней, не особо все же доверяя Семену Кучуму. Больше Кучум уже ни разу не говорил со мной, потому что вообще не произносил слов без нужды, хотя был вежливым и спокойным, от какого-то равномерного делового уныния, человеком. Дальше я существовал лишь свидетелем некоторых событий.

В этой деревне около четверти населения была в колхозе. Остальные же крестьяне все время мучились душой: входить им или обождать. Работал Кучум непостижимо, я больше нигде не видел такого колхозного организатора.

Однажды приходят к нему четыре бедняка — у всех одно заявление: бери их и зачисляй в колхоз. Бедняки эти были общеизвестными, но в смысле качества — люди не вполне усердные, так как давно уже отчаялись найти дорогу к облегчению своей жизни. Это их неусердие, вероятно, и озлобило Кучума, поскольку дорога для жизни бедноты была уже открытой.

— Чего еще! — с грубым недружелюбием сказал им Кучум. — Вы что — очертенели, что ль? Вы думаете — в колхозе легко вам будет?

— Да может, Семен Ефимыч, и легче, — ответили бедняки.

— Это вам люди набрехали, — угрюмо объяснил Кучум. — В колхозе же труд, забота, обязанности, дисциплина, — куда вы лезете?

— А как же нам быть-то, Семен Ефимыч?

— Да будьте на своих дворах, охота вам горе добывать!

Бедняки в раздумчивости уходили от Кучума; некоторые же считали шепотом, что Кучум — тайный подкулачник.

Середняки обычно приходили писаться в колхоз поодиночке. Они подавали бумажку с молчаньем и с морщиной на лбу, въевшейся в их голову еще с зимы.

— Пиши и нас, Семен Ефимыч, я человек не каменный!

— А какой же ты? — спрашивал Кучум.

— Я трогательный. Я же вижу ваши обстоятельства, а у себя не вижу ничего — живу неподвижно, как вечный какой!

— Истомиться у нас пожелал? — уныло-недоуменно ставил вопрос Кучум. — Другую морщину нажать хочешь на лоб?

— Да хоть бы и так, Семен Ефимыч!

— Хоть бы и так?.. Нет, ты уж иди назад — нам мучеников не нужно. Помучайся лучше на своей усадьбе — отмучаешься, тогда придешь.

Я решил, что Кучум нарочно не принимал одиночников, чтобы поднять колхоз изолированным способом на высоту

благосостояния. Но большинство единоличных крестьян чувствовало другое: они глубоко чтили Кучума.

— Сначала мы тоже думали, что он пьяный или дурной, а потом узнали, что он — настоящий, — объяснил мне многократно непринятый в колхоз бедняк Астапов.

Оказывается, и в прошлом году Кучум тоже создавал колхоз крайне неохотно, с отсрочкой и с оттяжкой, страшно поднимая этой истомой чувство бедноты, положившей уже уйти в колхоз. Такими непонятными действиями Кучум устроил не просто поток бедноты в колхоз, а целый напор, давку у его дверей, ибо сумел организовать какую-то высокую загадочность колхоза и дал в массу чувство недостойности быть его членом. Но в то же время Кучум не хитрил и не казался политиком. Он никогда не обещал ничего хорошего вперед, не давал никаких обязательств и поручительств на светлую жизнь и первый, среди всех известных мне колхозных активистов, имел мужество угрюмо сказать колхозникам, что их ожидает вначале горе неладов, неумелости, беспорядка и нужды; причем нужда эта будет еще горче, чем бывает она на одном дворе, и побороть ее тоже будет трудней, чем одинокому хозяину; но зато, когда колхоз окрепнет, нужда сделается невозможной и безвозвратной: эту мысль Кучум, однако, не выговаривал, а лишь думал ее молча, — говорил же он другое.

— Но, может, потом нам будет хорошо? — робко спрашивали его первые колхозники.

— Не знаю, — искренно отвечал Кучум. — Это зависит от вас, а не от меня. Помогать я вам буду, кулака в колхоз не впущу, но кормиться и добиваться лучшего вы должны сами. Вы не думайте, что только советской власти необходим ваш колхоз — советская власть и без хлеба жила — колхоз нужен вам, а не ей.

— Да ну?! — пугались первые колхозники. — А мы слышали, что колхоз советской власти по душе!

— Ну что ж, что по душе! У советской власти душа же бедняцкая, — стало быть, что вам хорошо, то и ей впрок.

Так, еле-еле, под напором нескольких неимущих был устроен колхоз «Без кулака».

И действительно, Семен Кучум никого не обманул — тяжело пришлось колхозным жителям в первое смутное время организационности. А Семен ходил среди всех в такие дни тяжести и говорил: «Ну, кого выписывать прочь?» Но никто не пожелал выписаться.

Только много позже, уже зимой, один человек, хвастающий тем, что он официальный батрак, выписался из колхоза.

— Не могу, — сказал он. — Харчи дают без гущи, работай от сна до сна, все помнить велят, лучше я батрачкой льготой буду жить.

— Вали, — ответил ему Кучум. — Кулак ведь не одних большевиков из нашего брата делал, а и вечных рабов еще, вроде тебя. Вали к чертовой матери!

После осеннего сева Кучум, однако, принял в колхоз дворов, кажется, десять, и то с серьезным разговором. Я написал «принял», но это не значит, что Кучум решал все дела колхоза в одиночку, наоборот, он отказывался ото всех дел, кроме прямой работы, вроде пахоты. Но сами колхозники так относились к Кучуму, что ничего не совершали без его слова; если же он молчал, тогда коллективисты чувствовали его настроение, и по его настроению делали свои постановления. После сортировки зерна и подготовки к севу Кучум принял еще дворов пять. Такими способами приема Кучум так настроил всю единоличную часть деревни, что большая часть единоличников уже напирала в ворота колхоза. Но Кучум не совершал приемов без показательных фактов колхоза, без достижения таких образцов работы, которые служат ясным и простым доказательством выгоды общественного трудового хозяйства. Поэтому он и принял десять дворов только после осеннего сева, проведенного, говорят, так, что единоличники стояли по сторонам колхозного поля и плакали, точно видели что-то трогательное.

После подготовки к севу также состоялся прием новых членов, и после весны, надо думать, Кучум отойдет сердцем и даст вход беднякам и середнякам. Правило Кучума, очевидно, было такое: чем больше колхоз доказывает сам себя (доказывает фактически — на ощупь населению), тем больше он пополняется новыми членами. Кучум не разрешал обманываться людям.

Такая политика, в сущности, лишала возможности бедноту и лучшую часть середняков проявить свою активность; такая политика, похожая отчасти на безвольный самотек, могла разоружить революционные силы деревни, и впоследствии район серьезно и резко указал Кучуму, что хотя сам он, Кучум, человек милый и геройский, но политика его почти кулацкая, и Кучум, обидевшись, все-таки согласился с районом, потому что ума и дисциплины в нем было больше, чем однодворного эгоизма.

Но в то время мне странно было видеть и слышать, как единоличники, не принятые еще в колхоз, любили этот колхоз и заботились о нем. Один средний крестьянин, по уличному прозвищу Пупс, хотел, например, организовать группу колхозных кандидатов, дабы обеспечить себе первоочередное проникновение в колхоз, но Кучум запретил такое неопределенное дело и разрешил Пупсу создать лишь товарищество общественной обработки земли. Пупс такое товарищество (ТОЗ) учредил, но остался все же в большой обиде на Кучума и, выпивши, ходил по деревне с песней:

— Эх, в колхозе вольно жить,
Вольно жить — не тужить...
Выпьешь бутылку-другую кваску
И побежишь погулять по леску!

Дойдя до правления колхоза, Пупс долго требовал, чтобы к нему вышел Кучум, — он хотел еще раз поглядеть на великого человека.

В разных частях быта и хозяйственной сноровки единоличников сказывалось влияние колхоза. Каждый личный хозяин норовил суетиться на своем дворе по звонкам колхоза, раздававшимся на всю деревню. Ему было теперь неудобно лежать дома на лавке, зная, что в колхозе трудятся. Особенно же доставалось женской части единоличников. Насмотревшись порядков в колхозе, мужики ходили теперь по своим домашним угодиям с полным презрением.

— Марфуш! А Марфуш! — терпя свое сердце, обращался супруг к жене, а жена его доила корову. — Ты бы хвостяную конечность-то к коровьей ножке привязала: чего ж тебя хвостом животное по морде бьет! Ты бы хоть раз на колхозные дворы сходила — поглядела бы, как там членки доют!

Другой хозяин всю ночь спал с открытым окном избы, потому что и в колхозе люди спали с воздушным сообщением; третий человек выписывал сразу две газеты на одного себя, поскольку в колхозе приходилось по газете на каждую взрослую душу.

И еще я заметил, что колхозные девицы были самыми модными барышнями среди юношей единоличных дворов. Они им казались и вкусней, и сознательней, и гораздо изящней, точно социалистические парижанки среди феодального строя. Единоличные девки, глядя на молодых колхозниц, единодушно бросили белиться, перестав тереться щеками о белые стены, ибо ни одна колхозница не украшала свое лицо красками.

Таково было великое томление единоличников по колхозу, устроенному Кучумом без большого восторга. Мало того, я наблюдал людей, прибывших из окрестных деревень и, видимо, надеявшихся, что можно будет скуствоваться своей деревней с колхозом Кучума.

— Действуйте себе на горе, если вам жизнь не дорога, — общал Кучум таким гостям, — а жаловаться потом ко мне не приходите.

— Ишь ты какой! — обижались пришельцы. — У тебя, стало быть, и колхоз, и весь свет жизни, а мы сиди под собственным плетнем и жуй житное с солью!

— Я же вам говорю, чтоб вы организовались, раз вы беды не боитесь!

— А у вас-то в колхозе, аль беда какая?

Беды в колхозе, пожалуй, не было, но и покоя жизни тоже никто не знал. Но все же единоличники верили, что в колхозе с каждым днем прибавляется по одной капле лучшей жизни, а у них эта влага стоит всрезёк, на одном уровне. Кучум посчитал, что о союзе с окрестными колхозами он будет говорить во время самой нужды в этом союзе, например, во время появления МТС, при землеустройстве, при организации борьбы с несознательными полевыми вредителями и в других больших хозяйственных случаях.

Мне было очень интересно, как сумел этот мрачный вождь бедняцкого движения к хлебу и свету организовать труд в колхозе и распределение продуктов. В этом деле он оказался скупым рыцарем. Весь состав колхоза он разбил на две половины: люди до 20 лет (юноши и девушки) и люди старше 20 лет. При этом молодое поколение (до 20 лет) разбивалось еще на ряд групп: младенчество, детство, отрочество, рабочая молодежь в 15–20 лет. Для всей этой молодежной части колхоза снабжение было установлено, как в коммуне, без всякой разницы и поправки на общественную трудовую полезность (принималась во внимание только возрастная разница, например — младенец и уже работающий юноша в 17 лет и т. п.). Для членов старше 20 лет натуральное и денежное снабжение происходило сдельным способом. В хозяйственном плане колхоза было записано и утверждено следующее: «Весь доход колхоза “Без кулака”, за отчислением из него амортизации, налога, расходов по скоту, страховки и пр., делится на число душ-едоков; души-едоки до 20 лет получают свою долю дохода полностью, а более старшие лишь половину своей доли, и из расчета этой половины душевого дохода составляется сдельный расценочек каждого члена старше 20 лет. Другая половина душевого дохода старшего члена за минувший хозгод делится так: четверть ее идет на усиление пищи и одежды молодого поколения, т. е. не свыше 20 лет, две четверти на хозяйственное развитие коллектива и последняя четверть в запасный, неприкосновенный фонд, а также на помощь индустриализации государства».

Ясно, что Кучум имел на свежее поколение великую надежду и впряг всех взрослых людей, уже испорченных бывшим империализмом, работать на это живое будущее. Кучум знал, что нынешнее юношество уже будет жить в коммуне и не станет нуждаться в сдельщине. Впрочем, молодежь не нуждалась в сдельщине и сейчас: я узнал, что колхозники в возрасте 15–20 лет работали с предельным напряжением сил и не имели надобности в каком-либо подгоняющем принуждении, — им было необходимо лишь

обучение. Эта картина — трудовое усердие молодежи — стала обычной в нашей стране, потому что советская юность не знает причин для избежания труда, разве что лишь когда переутомится или влюбится.

Рабочие планы составлялись в этом колхозе на каждые десять дней. Согласно такому общему декадному плану всякому члену колхоза выдавался на руки личный план-талон, в котором обозначались объем работы, число часов для исполнения и расценок. Такие индивидуальные планы-талоны указывали обязанности каждого члена в течение одного, двух, а иногда трех дней. Весь плановый и операционный штаб колхоза состоял из Кучума и его помощника, бывшего батрака Силайлова; но и эти двое также получали личные планы-талоны на обычную работу, общей же плановой и руководящей деятельностью они занимались по вечерам или рано утром.

Из новых учреждений в колхозе были детский сад с яслями и Дом коллективиста, работавшие под заботой двух учителей-колхозников, — причем эти учителя были освобождены от всякой сельскохозяйственной работы и снабжались так, как если бы им было меньше 20 лет. Последнее обстоятельство указывало на глубокий расчетливый такт Кучума; в остальном же он был скупец и безжалостный хозяин. Это его свойство сказалось и в плане колхоза, и во внешнем виде колхозников — одевались они плохо и имели худой, изработанный вид. Зато молодая часть колхоза была совсем другая — не только пригожа и сыта на лицо, но и одета вполне прилично: недаром колхозные девушки были парижанками для всех единоличных девок. В эту сторону Кучум уже ничего не жалел и лично ездил в город закупать мануфактурный материал для молодежи, беря для консультации парня и девицу.

В мою бытность в этом колхозе Кучум совершил одно замечательно-правильное начинание: он, от имени колхоза, вызвал на соревнование весь местный состав единоличников, желавших быть колхозниками. Предметом соревнования были все обычные статьи весеннего сева: семзерно, площадь засева на лошадь-человека, срок и т. д. Призом же соревнования было следующее: если единоличники выиграют у колхоза или хотя бы близко сравняются с ним, то всех соревнующихся единоличников Кучум принимает в колхоз; если проиграют — пусть с приемом подождут до осени. Единоличники вызов Кучума приняли.

— Мы ему, черту, покажем, кто мы такие! — ожесточаясь для неимоверного труда, говорили некоторые единоличники.

— Попробуем. Может, и сладим.

— С ним попоубуешь! Он, гляди, вот-вот и спать перестанет.

— Это бы ничего. Плохо то, что и другие все запляшут скоро под его шаг.

— На лицо-то он вялый, а как почнет рвать и метать — как только почва его носит!

— Ну, ведь и мы из костяного матерьяла сделаны!

— Замучил он нас. Если б он бабой был, то мы бы думали, что он присушку знает, а раз он мужик, то — непонятно. При нем, говорят, и дети в яслях не плачут.

— А что ж они делают?

— Кто ее знает! Наверно, сознавать начинают.

— Вот крест-то нам господь послал! От него, как от бабы, и отвязаться нельзя!

— Даже странно! — почти научно выразился какой-то еди-ноличный малый.

Мне неизвестно, чем закончилось это редкое соревнование. Если даже колхоз и не выиграл, что при Кучуме недопустимо, то выиграло государство, ибо в той деревне засеяны, наверно, не только все порожние земли, но даже и овражные косогоры, ибо ярость мужиков была велика, да и у кучумовцев она немаленькая, хотя и другого качества.

Теперь задумаемся над тем: правильна ли работа Кучума во всех частях, нет ли в его работе скрытой установки на самотек, на этого врага бедноты и средних мужиков? Колхозы, конечно, есть судьба всемирного трудящегося крестьянства, но если авангард того же крестьянства и пролетариата не разбудит сознания в массах, не создаст тяги в колхозы, то судьба эта опоздает, а замедленное движение всегда чревато риском и падением.

Да, в работе Кучума есть и была бессознательная установка на самотек, на политику прижатых тормозов, но я считаю, что напирательная беднота украдет вскоре у Кучума эту установку, и тогда, потерпев самотек, он приобретет полный дар вождя.

В день своего отхода из колхоза я увидел, наконец, как уныло-равнодушный Кучум был краткое время бешеным. К нему явился снятый с должности председатель колхозного куста, расположенного отсюда километров за двадцать. Он с Кучумом был хорошо знаком и почти что приходился ему другом, — то замечалось по искренности отношения и легкой радости на обоих лицах. Прибывший кустовой председатель начал жаловаться на неправильности: его прогнали за перегибы, за то, что он раскулачил будто бы сорок человек середняков и закрыл церковь без либерального подхода к массам; но ведь те середняки завтра могли бы стать кулаками, и он лишь пресек их растущую тенденцию. А что касается церкви, то народ, сам не сознавая, давно потерял надежду в наличие бога, и он только фиксировал этот факт путем

запрещения религии, — за что же, спрашивается, его ликвидировали как председателя?

Здесь бывший председатель сообщил следующее свое мнение: собаке рубят хвост для того, чтоб она поумнела, потому что на другом конце хвоста находится голова; тут он явно намекал на то, что, дескать, райисполком — голова, а он — хвост, точно РИК и вправду приказывал ему в течение недели учредить коммунизм. Даже мне было глубоко грустно слушать такую отъявленную, негодяйскую речь.

Чем больше слушал Кучум эти слова своего друга, тем все значительней серело его лицо. Затем он стал бордовый, равнодушные его глаза осветились мгновенной энергией и, слегка приподнявшись, Кучум молча совершил резкий, хрустящий удар в грудь противосидящего друга. Друг без дыхания повалился навзничь. Но Кучум не чувствовал еще удовлетворенья. Он вышел из-за стола, поднял упавшего за куртку и дал ему свежий, сокрушающий удар в скуло — так что бывший председатель прошиб затылком оконную раму и вывалился из помещения на улицу, осыпанный мелочью стекла. После этого акта Кучум вновь приобрел унылое выражение своего лица, я же почувствовал значенье партии для сердца этих угрюмых, непобедимых людей, способных годами томить в себе безмолвную любовь и расходовать ее только в измощающий, счастливый труд социализма.

— До свиданья! — сказал я Кучуму.

— Прощай, — товарищески мягко произнес он, зная, что, куда бы я ни делся, я все же всюду останусь в строительстве социализма и какой-нибудь прок от меня будет.

Наевшись в колхозе мяса, я пошел из общего хозяйства по прямому направлению и часов через шесть дошел до большого селения — под названием Гущевка. Я стал в крайней избе на ночлег и долго лежал на лавке без сна, а в полночь в это же место пришел ночевать товарищ Уповев, глава района сплошной коллективизации, не имевший постоянного местопребывания.

К утру я уже коренным образом познакомился с товарищем Уповевым и узнал мужественную, необоримую жизнь этого простого человека.

Раньше любая кулацкая сила постоянно говорила бедняку Уповеву: «Ты — отсталый, ты человек напрасный на этом свете, ты — псих, — большевиком ты состоять не годишься: большевики — люди проворные».

Но Уповев не верил ни кулаку, ни событию, — он был не-

удержим в своей активности и ежедневно тратил тело для революции.

Семья Упоева постепенно вымерла от голода и халатного отношения к ней самого Упоева, потому что все свои силы и желания он направлял на заботу о бедных массах. И когда ему сказали: «Упоев, обратись на свой двор, пожалей свою жену — она тоже была когда-то изящной середнячкой», то Упоев глянул на говорящих своим активно-мыслящим лицом и сказал им евангельским слогом, потому что марксистского он еще не знал, указывая на весь бедный, окружающий его мир:

— Вот мои жены, отцы, дети и матеря, — нет у меня никого, кроме неимущих масс! Отойдите от меня, кулацкие эгоисты, не останавливайте хода революционности! Вперед — в социализм!

И все зажиточные, наблюдая энергичное бешенство Упоева, молчали вокруг этого полуголого, еле живого от своей едкой идеи человека.

По ночам же Упоев лежал где-нибудь в траве, рядом с проходимым бедняком, и плакал, орошая слезами терпеливую землю; он плакал потому, что нет еще нигде полного, героического социализма, когда каждый несчастный и угнетенный очутится на высоте всего мира. Однажды, в полночь, Упоев заметил в своем сновидении Ленина и утром, не оборачиваясь, пошел, как был, на Москву.

В Москве он явился в Кремль и постучал рукой в какую-то дверь. Ему открыл красноармеец и спросил:

— Чего надо?

— О Ленине тоскую, — ответил Упоев, — хочу свою политику рассказать.

Постепенно Упоева допустили к Владимиру Ильичу.

Маленький человек сидел за столом, выставив вперед большую голову, похожую на смертоносное ядро для буржуазии.

— Чего, товарищ? — спросил Ленин. — Говорите мне, как умеете, я буду вас слушать и делать другое дело — я так могу.

Упоев, увидев Ленина, заскрипел зубами от радости и, не сдержавшись, закапал слезами вниз. Он готов был размолоть себя под жерновом, лишь бы этот небольшой человек, думающий две мысли враз, сидел за своим столом и чертил для вечности, для всех безрадостных и погибающих свои скрижали на бумаге.

— Владимир Ильич, товарищ Ленин, — обратился Упоев, стараясь быть мужественным и железным, а не оловянным. — Дозволь мне совершить коммунизм в своей местности! Ведь зажиточный гад опять хочет бушевать, а по дорогам снова объявились люди, которые не только что имущества, а и пачпорта не имеют! Дозволь мне опереться на пешеходные нищие массы!..

и здесь убогий буржуазный пролетариат
 отравился в разгаре войны, и это до
 Москва до этого момента
 и срыва от пролетариата
 смирившейся

замечал в своей сновидании Ленина и утра, не оборачиваясь, пошел, как был, на Москву.

В Москве он явился в Кремль и постучал рукой в какую-то дверь. Ему открыл красноармеец и спросил: "Чего надо?"

- О Ленине тоскую, - ответил ^{Уновский} ~~Крушинин~~, - хочу свою политику расквасить.

Постепенно ^{Уновский} Крушинина допустили к Владимиру Ильичу.

Маленький человек сидел за столом, выставив вперед большую голову, похожую на смартоносное ядро для буржуазии.

- Чего, товарищ? - Успросил Ленин. - Говорите мне, как умеете, я буду вас слушать и делать другое дело - я так могу.

^{Уновский} Крушинин, увидев Ленина, заскрипел зубами от радости, не сдержавшись, закапал слезами вниз. Он готов был размотать себя под жерновом, лишь бы этот небольшой человек ^{Крушинин} думавший две мысли враз, сидел за своим столом и чертил для вечности, для всех безрадостных и погибающих, свои сны на бумаге.

- Владимир Ильич, товарищ Ленин, - обратился ^{Уновский} Крушинин, - стеснясь быть мужественным и железным, а не оловянным. - Дозволь мне совершить коммунизм в своей местности! Ведь задаточный год опять хочет бумануть, а по дорогам ^{снова} ~~бумануть~~ ^{Уновский} ~~бумануть~~ об'явились люди, которые не только что имущества, а и пачпорта не имеют! Дозволь мне опереться на пешеходные яныче массы!...

Ленин поднял свое лецо на ^{Уновский} Крушинина:

- Знаешь что, товарищ? У тебя ведь разума нет: буржуазия лишила тебя разума, но не успела уничтожить в тебе гигантского чувства жизни и того самого высокого ощущения будущего человечества, которое называется революцией. Ты одарен кружкой стихийной жизни, но ты можешь...

Нетак!

Повесть «Впрок». Машинопись с авторской правкой и пометами редактора. ИМЛИ

Ленин поднял свое лицо на Упоева, и здесь между двумя людьми произошло собеседование, оставшееся навсегда в классово-вой тайне, ибо Упоев договаривал только до этого места, а дальше плакал и стонал от тоски по скончавшемся.

— Поезжай в деревню, — произнес Владимир Ильич на прощанье, — мы тебя снарядим — дадим одежду и пищу на дорогу, а ты объединяй бедноту и пиши мне письма: как у тебя выходит.

— Ладно, Владимир Ильич, — через неделю все бедные и средние будут чтить тебя и коммунизм!

— Живи, товарищ, — сказал Ленин еще один раз. — Будем тратить свою жизнь для счастья работающих и погибающих: ведь целые десятки и сотни миллионов умерли напрасно!

Упоев взял руку Владимира Ильича — рука была горячая, и тягость трудовой жизни желтела на задумавшемся лице Ленина.

— Ты гляди, Владимир Ильич, — сказал Упоев, — не скончайся нечаянно, — тебе-то станет все равно, а как же нам-то?!

Ленин засмеялся — и это радостное давление жизни уничтожило с лица Ленина все смертные пятна мысли и утомления.

— Ты, Владимир Ильич, главное, не забудь оставить нам кого-нибудь вроде себя — на всякий случай!

По возвращении в деревню, Упоев стал действовать хладнокровнее. Когда же в нем начинало бушевать излишнее революционное чувство, то Упоев бил себя по животу и кричал: «Исчезни, стихия!»

Однако не всегда Упоев мог помнить про то, что он отсталый и что ему надо думать: в одну душную ночь он сжег кулацкий хутор, чтобы кулаки чувствовали — чья власть.

Упоева тогда арестовали за классовое самоуправство, и он безмолвно сел в тюрьму. В тюрьме он сидел целую зиму, и среди зимы увидел сон, что Ленин мертв, и проснулся в слезах. Действительно, тюремный надзиратель стоял в дверях и говорил, что Ленин мертв, и плакал слезами на свечку в руке.

Когда под утро народ утих, Упоев сказал самому себе:

— Ленин умер, чего же ради такая сволочь, как я, буду жить! — и повесился на поясном ремне, прицепив его к коечному кольцу. Но неспавший бродяга освободил его от смерти и, выслушав объяснение Упоева, веско возразил:

— Ты, действительно, сволочь! Ведь Ленин всю жизнь жил для нас таковых, а если и ты кончишься, то, спрашивается, для кого ж он старался?!

— Тебе хорошо говорить, — сказал Упоев. — А я лично видел Ленина и не могу теперь почувствовать, зачем я остался на свете!

Бродяга оглядел Упоева нравоучительным взглядом:

— Дурак: как же ты не постигаешь, что ведь Ленин-то умнее всех и если он умер, то нас без призору не покинул!

— Пожалуй что и верно, — согласился Уповев, и стал обсыхать лицом.

И теперь, когда прошли годы с тех пор, когда Уповев стоит во главе района сплошной коллективизации и сметает кулака со всей революционной суши, — он полнее чувствует и понимает, что Ленин, действительно, позаботился и его сиротой не оставил.

И каждый год, зимой, Уповев думает о том бродяге, который вытащил его в тюрьме из петли, который понимал Ленина, никогда не видя его, лучше Уповева.

В общем же Уповев был почти что счастлив, если не считать выговора от окрЗУ, который он получил за посев крапивы на десяти гектарах. И то он был не виноват, — так как прочел в газете лозунг: «Даешь крапиву на фронт социалистического строительства!» — и начал размножать этот предмет для отправки его за границу целыми эшелонами.

Уповев радостно думал, что вопрос стоит о крапивочной порке капиталистов руками заграничных, мало-вооруженных товарищей.

Бродя в последующие дни по усадьбам и угожьям колхоза, я убедился, что мнение о зажиме колхозной массы со стороны колхозных руководителей неверно. От Уповева колхозники чувствовали не зажим, а отжим, который заключался в том, что Уповев немедленно отжимал прочь всякого незначительного или ленивого работника — и лично совершал всю работу на его глазах.

Мне пришлось наблюдать, как он согнал рулевого с трактора, потому что тот жег керосин с черным дымом, — и сам сел править, а рулевой шел сзади пешком и смотрел, как надо работать. Так же внезапно и показательно Уповев внизывался в среду сортировщиков зерна и порóчил их невнимательный труд посредством показа своего уменья. Он даже нарочно садился обедать среди отсталых девок и показывал им, как надо медленно и продуктивно жевать пищу, дабы от нее получалась польза и не было желудочного завала. Девки, действительно, из страха или сознания, — не могу сказать точно отчего, — перестали глотать говядину целыми кусками. Раньше же у них постоянно бурчало в желудках от несварения. Подобным же способом показа образца Уповев приучил всех колхозников хорошо умываться по утрам, — для чего вначале ему пришлось мыться на трибуне посреди деревни, а колхозники стояли кругом и изучали его правильные приемы. С этой же трибуны Уповев всенародно чистил зубы и показывал три глубоких вдоха, которые надо делать на утренней заре каждому сознательному человеку.

Не имея квартиры, ночуя в той избе, какая ему только предстанет в ночной темноте, Уповев считал своей горницей все колхозное село и, томимый великим душевным чувством, выходил иногда на деревянную трибуну и говорил доклады на закате солнца. Эти его речи содержали больше волнения, чем слов, и призывали к прекрасной обоюдной жизни на тучной земле. Он поднимал к себе на трибуну какую-нибудь пригожую девушку, гладил ее волосы, целовал в губы, плакал и бушевал грудным чувством.

— Товарищи! Вечно идет время на свете, — из нас уж душа вон выходит, а в детях зато волосы растут. Вы поглядите своими глазами кругом, насколько с годами расцветает советская власть и хорошеет молодое поколение! Это ж ужасно прелестно, от этого сердце день и ночь стучит в мою кость и я скорблю, что уходит план моей жизни, ибо он выполняется на все сто процентов, и скоро я скроюсь в землю под ноги будущего всего человечества... Кто сказал, что я тужу о своей жизни?

— Ты сам сказал, — говорила Уповеву рядом стоящая девушка.

— Ага — я сказал! Так позор мне, позор такой нелепой сволочи! Бояться гибнуть — это буржуазный дух, это индивидуальная роскошь... Скажите мне громко, зачем я нужен, о чем мне горевать, когда уже присутствует большевицкая юность и новый шикарный человек стал на учет революции?! Вы гляньте, как солнце заходит над нашими полями, — это ж всемирная слава колхозному движению! Пусть теперь глядит на нас любая звезда ночи — нам не стыдно существовать, мы задаром организуем все бедное человечество, мы трудимся навстречу далеким планетам, а не живем, как гады!.. Скажи и ты что-нибудь или спой сразу песню! — обратился к девушке Уповев.

Девушка стеснялась.

— Скажи хоть приблизительно! — упрашивал ее Уповев в волнении.

— Что ж я тебе скажу, когда мне и так хорошо! — сообщила девица.

— Дядя Уповев, дай я тебе куплет спою! — предложил один юноша из рядов колхоза.

— Ну спой, сукин сын! — согласился Уповев.

Парень тронул на гармонике мотив и спел задушевым тоном:

— Эх, любят девки, как одна,
Любят Ваньку — пер...на!

— Раскулачу за хулиганство, стервец! — выслушав хороший голос, воскликнул Уповев, и бросился было с трибуны к гармонисту. Но его остановили активисты:

— Брось, Уповев, у него голос хороший, а у нас культработа слаба!

Позже Уповев спрашивал у меня о происхождении человечества: его в избе-читальне тоже однажды спросили об этом, а он точно не знал, и сказал только, что, наверно, в самом начале человечества был актив, который и организовал людей из животных. Но слушатели спросили и про актив — откуда же он взялся?

Я ответил, что, по-моему, вначале тоже был вождевой актив, но в точности не мог объяснить всей картины происхождения человека из обезьяны.

— Отчего обезьяна-то стала человеком, иль ей плохо было? — попытывался Уповев. — Отчего она вдруг поумнела?

Здесь я вспомнил про Кучума и про того, кого он расшиб на месте.

— Самый главный стержень у животного и человека, товарищ Уповев, это позвоночный столб с жидкостью внутри. Один конец позвоночника — это голова, а другой — хвост.

— Понимаю, — размышлял Уповев. — Позвоночник в человеке вроде бревна, в нем упор жизни.

— Может быть, какие-нибудь звери отгрызли обезьянам хвосты, и сила, какая в хвост шла, вдарилась в другой конец — в голову, и обезьяны поумнели!

— А — может быть! — радостно удивился Уповев. — Стало быть, нам тоже звери — кулаки и подкулачники должны что-нибудь отъесть, чтоб мы поумнели.

— Они уже отгрызли, — сказал я.

— Как так отгрызли? Что ж мне больно не было?

— А перегибщик линии — это тебе не подкулачник?

— Он, стерва.

— А он больно сделал коллективизации, или не больно?

— Факт — больно, гада такая!

На том мы и расстались, чтобы спать. Но после полуночи Уповев постучал мне в голову, и я проснулся.

— Слушай, ты ведь мне ложь набрехал! — произнес Уповев. — Я лег спать и одумался: это ведь не кулаки нам хвост отгрызли, а мы им классовую голову оторвали! Ты кто? Покажь документы!

Документов я с собой не носил. Однако Уповев простил мне это обстоятельство и экстренно проводил ночью за черту колхоза.

— Я полное собрание сочинений Владимира Ильича ежедневно читаю, я к товарищу Сталину скоро на беседу пойду, — чего ты мне голову морочишь?

— Я слышал, что один перегибщик так говорил, — слабо ответил я.

— Перегибщик, иль головокруженец есть подкулачник: кого ж ты слушаешь? Эх, гадина! Пойдем назад ночевать.

Я отказался. Уповев посмотрел на меня странно-беззащитными глазами, какие бывают у мучающихся и сомневающихся людей.

— По-твоему, наверно, тоже — Ленин умер, а один дух его живет?! — вдруг спросил он.

Я не мог уследить за тайной его мысли и за поворотами настроения.

— И дух, и дело, — сказал я. — А что?

— А то, что ошибка! Дух и дело для жизни масс — это верно, а для дружелюбного чувства нам нужно иметь конкретную личность среди земли!

Я шел молча, ничего не понимая. Уповев вздохнул и дополнительно сообщил:

— Нам нужен живой — и такой же, как Ленин... Засею землю — пойду Сталина глядеть: чувствую в нем свой источник. Вернусь, на всю жизнь покоен буду!

Мы попрощались.

— Вертайся, черт с тобой! — попросил меня Уповев.

Из предрассудка я не согласился и ушел в тьму. Шаги Уповева смолкли на обратном пути. Я пошел неуверенно, не зная, куда мне идти и где осталась позади железная дорога. Глушь глубокой страны окружала меня, я уже забыл, в какой области и районе я нахожусь, я почти потерялся в несметном пространстве. Но Уповев бы и здесь никогда не утратил стойкости души, потому что у него есть на свете центральная дорога и любимые им люди идут впереди его, чтобы он не заблудился.

Все более уважая Уповева, я шел постепенно вперед своим средним шагом и вскоре встретил степной рассвет утра. Дороги подо мной не было; я спустился в сухую балку и пошел по ее дну к устью, зная, что чем ближе вода к поверхности, тем скорее найдешь деревню.

Так и было. Я заметил дым ранней печки и через краткое время вошел на глинистую, природную улицу неизвестного селения. С востока, как из отверстия, дуло холодом и сонливой сыростью зари. Мне захотелось отдохнуть; я свернул в межусадебный проезд, нашел тихое место в одном плетневом закоулке и улегся для сна.

Проснулся я уже при высоком солнцестоянии — наверно, в полдень. Невдалеке от меня, среди улицы, топтался народ, и посреди его сидел человек без шапки — верхом на коне. Я подошел

к общему месту и спросил у ближнего человека: кто этот измученный на сильной лошади?

— Это воинствующий безбожник только сейчас прибыл. Он давно нашу местность обслуживает, — объяснил мне сельский гражданин.

Действительно, товарища Щекотулова, активно отрицавшего бога и небо, знали здесь довольно подробно. Он уже года два, как ездил по деревням верхом на коне и сокрушал бога в умах и сердцах отсталых верующих масс.

Действовал товарищ Щекотулов убежденно и просто. Приезжает он в любую деревню, останавливается среди людного кооперативного места и восклицает:

— Граждане, кто не верит в бога, тот пускай остается дома, а кто верит — выходи и становись передо мной организованной массой!

Верующие с испугу выходили и становились перед глазами товарища Щекотулова.

— Бога нет! — громко произносил Щекотулов, выждав народ.

— А кто ж главный? — вопрошал какой-нибудь темный пожилой мужик.

— Главный у нас — класс! — объяснял Щекотулов и говорил дальше: — Чтоб ни одного хотя бы слабоверующего человека больше у вас не было! Верующий в гада-бога есть расстройщик социалистического строительства, он портит, безумный член, настроение масс, идущих вперед темпом! Немедленно прекратите религию, повысьте уровень ума и двиньте бывшую церковь в орудие культурной революции! Устройте в церкви радио, и пусть оно загремит взрывами классовой победы и счастьем достижений!..

Передние женщины, видевшие возбуждение тов. Щекотулова, начинали утирать глаза от сочувствия кричащему проповеднику.

— Вот, — обращался тов. Щекотулов. — Сознательные женщины плачут предо мной, стало быть, они сознают, что бога нет.

— Нету, милый, — говорили женщины. — Где ж ему быть, когда ты явился.

— Вот именно, — соглашался тов. Щекотулов. — Если б он даже и явился, то я б его уничтожил ради бедноты и середнячества...

— Вот он и скрылся, милый, — горевали бабы, — а как ты уедешь, то он и явится.

— Откуда явится? — удивлялся Щекотулов. — Тогда я его покараюлю.

— Чего ж тебе караулить: бога нету, — с хитростью сообщили бабы.

— Ага! — сказал Щекотулов. — Я так и знал, что убедил вас. Теперь я поеду дальше.

И тов. Щекотулов, довольный своей победой над отсталостью, ехал проповедовать отсутствие бога дальше. А женщины и все верующие оставались в деревне и начинали верить в бога против тов. Щекотулова.

В другой деревне тов. Щекотулов поступал так же: собирал народ и говорил:

— Бога нет!

— Ну-к что ж! — отвечали ему верующие. — Нет и нет, стало быть, тебе нечего воевать против него, раз Иисуса Христа нет.

Щекотулов становился своим умом в тупик.

— В природе-то нет, — объяснял Щекотулов, — но в вашем теле он есть.

— Тогда залезь в наше тело!

— Вы, граждане, обладаете идиотизмом деревенской жизни. Вас еще Маркс Карл предвидел.

— Так как же нам делать?

— Думайте что-нибудь научное!

— А про что думать-то?

— Думайте, как, например, земля сама по себе сотворилась...

— У нас ум слаб: нас Карл Маркс предвидел, что мы — идиотизм!

— А раз вы думать не можете, — заключил Щекотулов, — то лучше в меня верьте, лишь бы не в бога.

— Нет, товарищ оратор, ты хуже бога! Бог хоть невидим, и за то ему спасибо, а ты тут — от тебя покоя не будет.

Последний резон был произнесен при мне. Он заставил Щекотулова обомлеть на одно мгновение, — видимо, мысль его несколько устала. Но он живо опомнился и мужественно закричал на всех:

— Это контрреволюция!! Я разрушу ваш подкулацкий Карфаген!

— Стоп, товарищ, сильно шуметь! — сказал с места невидимый мне человек.

И я услышал голос, говорящий о Щекотулове как о помощнике религии и кулацком сподручном. Человек говорил, что религия — тончайшее дело, ее ликвидировать можно только посредством силы коллективного хозяйства и с помощью высшей и героической социальной культуры. Такие же, как Щекотулов, лишь пугают народ и еще больше обращают его лицом к православию, — Щекотуловым не место в рядах районных культработников.

Вторым выступил я, потому что почувствовал ярость против Щекотулова и революционную совесть перед массами; я тщательно

постарался объяснить религию как средство доведения народа капиталистами до потери сознания, а также рассказал, насколько мог, правильные способы ликвидации этого безумия; при этом я опорочил Щекотулова, борющегося с безумием темными средствами, потому что Щекотулов есть тот левый прыгун, с которым партия сейчас воюет.

Щекотулов, дав мне закончить, быстро повернул лошадь и решительно поскакал вон из деревни, имея такой вид, будто он поехал вести на нас войска.

— Ишь, гадюка: в колхозы он небось ездить перестал! — сказал кто-то ему вслед. — Там враз бы ему в разум иголку через ухо вдели! Маркс-Энгельс какой!

Деревня, где я теперь присутствовал, называлась 2-м Отрадным, 1-е же находилось еще где-нибудь. 2-е Отрадное до сих пор еще не было колхозом, и даже ТОЗа в нем не существовало, точно здесь жили какие-то особо искренние единоличники или непоколебимые подкулачники. Со вниманием, как за границей, я шел по этой многодворной деревне, желая понять по наглядным фактам и источникам уцелевший здесь капитализм.

На завалинке одной полуистлевшей избы сидел пожилой крестьянин и, видимо, горевал.

— О чем ты скучаешь? — спросил я его.

— Да все об колхозе! — сказал крестьянин.

— А чего ж о нем скучать-то?

— Да как же не горевать, когда у всех есть, а у нас нету! Все уж давно организованы, а мы живем, как анчутки! Нам так убыточно!

— А тебе очень в колхоз охота?

— Страсть! — искренно ответил крестьянин.

Либо он обманывал меня, либо я был дурак новой жизни.

Я постоял в неизвестности и отошел посмотреть на местный капитализм.

Он заключался в дворах, непримиримо желавших стать поместьями, и в слабых по виду людях, только устно тосковавших по колхозу, а на самом деле, может быть, мечтавших о ночной чуме для всех своих соседей, дабы наутро каждому стать единственным хозяином всего выморочного имущества. Но с другой стороны, на завалинках сидели горюны о колхозном строительстве, а самого колхоза не было. Стало быть, здесь существовала какая-то серьезная загадка. Поэтому я ходил и исследовал, будучи весь начеку.

Вечером я попал в избу-читальню, узнав за день лишь одно, что все хотят в колхоз, а колхоз не учреждается. В избе-читальне стояло пять столов, за которыми заседали пять комиссий по орга-

низации колхоза. На стенах висели названия комиссий: «Уставная», «Классово-отборочная», «Инвентарная», «Ликвидационно-кулацкая», и наконец — «Разъяснительно-добровольческая».

Послушав непрерывную работу этих комиссий, я понял, что такого большого количества глупых людей, собранных в одном месте, быть не может. Стало быть, в комиссиях сидели подкулацкие деятели, желавшие умертвить колхозное живое начало в бесконечных, якобы подготовительных, бюрократических хлопотах. Я поговорил с председателем «разъяснительно-добровольческой» комиссии, — мне хотелось узнать, в чем заключается его работа.

— Боимся, чтоб принуждения не было: развиваем добровольчество! — сообщил председатель.

— Развили уже, или не удастся? — спросил я.

— Как вам сказать? Конечно, зная массовой разъяснительной работы мы держим высоко, но — кто его знает — а вдруг единичники еще не убедились! Перегнуть ведь теперь никак нельзя, приходится держать курс на святое чувство убедительности!

Мне показалось, что председатель несколько скрытный человек.

— И давно работают ваши комиссии?

— Да уж четвертый месяц! Зимой-то мы не управились сорганизоваться, а теперь ведем массовую кампанию!

Окружающие комиссии что-то тихо писали, а мужики заунывно ожидали колхоза на завалинках. Один из таких ожидальцев пришел потом к председателю комиссии для дачи сведений.

Его спросили:

— Чувствуешь желанье коллективизации?

— Еще бы! — ответил крестьянин.

— А отчего ж ты чувствуешь?

— От безлошадности. Ты ведь, — обратился он к председателю, — мне исполу пашешь, а вон лошадная бригада исполу и пашет, и сеет, и зерно на двор везет! Только та лошадная колонна на колхозы работает, а на нас не управляется!

— Так это же твое рваческое настроенье, а не колхозное чувство! — даже удивился председатель. — Ты, значит, еще не убежден в колхозе!

— Да как тут понять! — выразился безлошадный. — Колхоза мы почти что и не чувствуем, — чувствуем, что нашему брату жить там барыш!

— Барыш — рвачество, а не сознание, — ответил председатель. — Придется нам еще шире повести разъяснительную кампанию!..

— Веди ее бессрочно, — сказал безлошадный, — тебе ведь колхоз — убыток...

Председатель терпеливо промолчал.

Легко было догадаться, что здешние зажиточные и подкулачники стали чиновниками и глубоко эксплуатировали принцип добровольности, откладывая организацию колхоза в далекое время какой-то высшей и всеобщей убежденности. Неизвестно, насколько здесь имелось потворства со стороны района, только вся кулацкая норма населения деревни (около 5 процентов) сидела в комиссиях, а бедняки и средние, видя в окружающих колхозах развитие усердного труда и жизненного довольства, считали свое единоличие убытком, упущением и даже грехом, кто еще точно верил в бога. Но зажиточные, ставшие бюрократическим активом села, так официально-косноязычно приучили народ думать и говорить, что иная фраза бедняка, выражающая искреннее чувство, звучала почти иронически. Слушая, можно было подумать, что деревня населена издевающимися подкулачниками, а на самом деле это были бедняки, завтрашние строители новой всемирной истории, говорящие свои мысли на чужом, двусмысленном, кулацко-бюрократическом языке. Бедняцкие бабы выходили под вечер из ворот и, пригорюнившись, начинали голосить по колхозу. Для них отсутствие колхоза означало переплату лошадым за пахоту, побирушничество за хлебом до новины по зажиточным дворам, дальнейшая жизнь без ситца и всяких обновок и скудное сиротство в голой избе, — тогда как колхозные бабы уже теперь гуляют по волости в новых платках и хвалятся, что говядину порциями едят. Одной завистью, одним обычным житейским чувством бедняцкие бабы вполне точно понимали, где лежит их высшая жизнь.

Но внутри самой ихней деревни сидел в комиссии кулацкий змей, а единоличные беднячки ходили в гунях, никогда не пробуя колхозного мяса.

Удивительно еще то, что колхозные комиссии ни разу не собирали во 2-м Отрадном бедняцко-средняцкого пленума, откладывая такое дело вплоть до невероятной проработки всей гущи оргвопросов, которые ежедневно выдумывали сами же члены-подкулачники.

Посоветовавшись с некоторыми энергичными бедняками, я написал письмо тов. Г.М. Скрынко на Самодельный хутор, поскольку он был наиболее разумным активистом прилегающего района.

«Тов. Григорий! Во 2-м Отрадном колхозное строительство подпольно захвачено зажиточно-подкулацкими людьми, женская беднота заявляет свое страдание непосредственно песнями на улицах. А твой район и возглавляемая тобой МТС почти что рядом. Советую заехать тебе прежде в районную власть и, узнав — нет ли там корней каких-либо, расцветших целыми ветвями во 2-м

Отрадном, — прибыть сюда для ликвидации бюрократического очага».

Один бедняк взялся снести письмо тов. Г.М. Скрынко, я же, убежденный, что Скрынко явится во 2-е Отрадное и ликвидирует бюрократическое кулачество, пошел дальше из этого места.

Погода разведрилась, в природе стало довольно хорошо, и я шел с покойной за колхозы душою. Осимые поколения хлебов широко росли вокруг, и ветер делал бредущие волны по их задумчивой зеленой гуще, — это лучшее зрелище на всей земле. Мне захотелось уйти сегодня подальше, минуя попутные малые колхозы, дабы найти вдали что-нибудь более выдающееся.

Вечернее солнце застало меня вблизи какого-то парка; от проезжей дороги внутрь парка вела очищенная аллея, а у начала аллеи находилась арка с надписью: «С.х. артель имени Награжденных Героев, учр. в 1923 г.».

Здесь, наверно, общественное производство достигло высокого совершенства, люди, может быть, уже работали с такой же согласованной легкостью, как дышали сердцем. С этой ясной надеждой я свернул со своего пути и вступил на землю артели.

Пройдя парк, я увидел громадную и вместе с тем уютную усадьбу артели героев. Десятки новых и отремонтированных хозяйственных помещений в плановом, разумном порядке были расположены по усадьбе; три больших жилых дома находились несколько в стороне от служб, вероятно, для лучших санитарно-гигиенических условий. Если раньше эта усадьба и была приютом помещику, то теперь не осталось от прошлого никакого следа. Не желая быть ни гостем, ни нахлебником, я пошел в контору артели и, сказав, что я колодезный и черепичный мастер, был вскоре принят на должность временного техника по ремонту водоснабжения и по организации правильного водопользования. В тот же час мне была отведена отдельная комната, предоставлена постель и меня, как служебное лицо, зачислили на паек. С давно исчезнувшим сознанием своей общественной полезности, я лег в кровать и предался отдыху — авансом за будущий труд по водоснабжению.

Поздно вечером я посетил клуб артели, интересуясь ее членским составом. В клубе шла пьеса «На командных высотах», содержащая изложение умиления пролетариата от собственной власти, то есть чувство, совершенно чуждое пролетариату. Но эта правая благонамеренность у нас идет как массовое искусство, потому что первосортные люди заняты непосредственным строительством социализма, а второсортные усердствуют в искусстве.

Члены артели героев, устроенной по образцу якобы коммуны, имели спокойный, чистоплотный вид и глядели на героев действия пьесы, как на самих себя, отчего еще более успокаивались и удовлетворялись. Четыре девочки-дочки стояли по углам сцены и держали десятилинейные лампы; одеты девочки были в белые платья, на головах их лежали густые прически — и весь их вид напоминал старинных гимназисток.

Кроме нормальной сытости лиц, ничего в тот вечер я заметить в артельщиках не успел.

Проработав же несколько дней на ремонте трубчатого колодца, я узнал достаточно многое и неутешительное для себя. Своими глазами я, пожалуй, не сумел бы все разглядеть, но со мной на колодце работали два члена артели, и они мне объяснили некоторые обстоятельства про тех, кто тщетно хотел уподобиться действительным героям жизни.

Эти два члена, оказывается, были в артели недавно и ненавидели почти всех других артельщиков; причиной такого безумного явления было следующее: РИК и сельские партячейки вели политику на пополнение артели Награжденных Героев бедняками-активистами; правление же артели не хотело принимать никаких новых членов, ибо для правления хороши были только старые, сжившиеся между собой люди. Но кто же были эти старые члены артели, ее основатели? Может быть, тайные кулаки?

— Что ты?! — удивились два человека, поставленные со мной на ремонт колодца. — Это — сплошное геройство гражданской войны! Их партия на все зубы пробовала, ничего не выходит: вполне наши люди!

— А отчего ж они никого в свою артель пускать не хотят?

Бедняки несколько подумали.

— Видишь ты, в семнадцатом году и они бедняками были — стало быть, не было у них ничего, кроме своего класса, а теперь накопили бугор имущества, а класс оставили в покое...

Однако невозможно было, чтобы все герои битв с белогвардейцами стали хозяйственными рачителями и врагами окрестной бедноты: куда же могла исчезнуть их основная беззаветная натура? И я узнал, что, действительно, иные основатели артели уже давно умерли от болезней и плохо залеченных ран, другие же бросили артель и ушли безвозвратно в города, третьи же остались в артели навеки. Эти третьи были героями не от классовых, органических свойств, а от каких-то мгновенных условий фронта, то есть — не помня себя, а теперь они эксплуатировали свои нечаянные подвиги со всей ухваткой буржуазной мелочи.

Председатель артели тов. Мчалов пришел на нашу работу к концу четвертого дня. Я увидел полнотелого, пожилого человека

с горюющей заботой на лице, но со старым красноармейским шлемом на голове.

— Озимые-то, говорят, все в Черноземной области померзли, — сказал он мне. — Чего только кушать будем в будущем операционном году?.. И сейчас тоже — нужен бы дождь под овсы, а его нет и нет!..

— Ты бы лучше кулацкий картуз надел на голову, — сказал я ему. — А красноармейский убор лучше бы снял!.. Кто тебе врет и кого ты слушаешь?..

— Да кажется мне так, а люди сообщают, — произнес председатель. — Ведь сердце-то болит!.. Слушай, ты, как колодезь исправишь, так уходи, а то за тебя в соцстрах придется платить, прозодежду покупать, — ты ведь не член, от тебя заботы не оберешься, а воды мы и без тебя напьемся!..

Обедать мне полагалось в общей столовой; обед был плохой, и я голодал, не понимая, почему члены артели так упитанны в теле; потом все те же оппозиционно-настроенные бедняки-новочленцы показали мне, что артельщики обедают еще вторично по своим комнатам. Обед же в столовой совершался как можно бедней, дабы постоянно торчащим на усадьбе артели окрестным беднякам не казалось, что в артели сладко едят.

Чем больше я жил в этой артели, тем больше убеждался, что ее идеология — ханжество, несмотря на значительное общее достояние, несмотря на крупные производственные успехи. Артельщики-герои, особенно перед посторонними мужиками, постоянно ныли о плохом урожае прошлого года, о том, что жизнь в артели убыточна и придется, видно, скоро на дворы разделяться и уходить в старину.

Все это было, конечно, лицемерие. Годовой доход на каждого члена артели, по крайней мере, вдвое превышал такой же доход на местную душу середняка-единоличника, а доля основного капитала, падающая на каждого артельщика, приближалась к тысяче рублей.

Но откуда же это ханжество, эта хитрая, скрытая борьба с партией и бедняками за сохранение только для себя своего удела?

Сама артель находилась островом среди довольно просторного, если не моря, то озера единоличников. Бедняцкий актив ближних деревень, а также советско-партийные организации давно имели желание сделать эту артель центром, источником опыта общественно-классового хозяйства для большого колхоза-комбината. Но артель, состоящая из бывших героев, геройски сопротивлялась, — разрушать же высокое, в производственном смысле, хозяйство ни активисты-бедняки, ни партийцы не хотели. Наоборот, все их попытки поставить артель во главе колхозного движения

основывались на добровольном соглашении с правлением артели. Но соглашение это не удавалось. Больше того, за последние четыре года артель приняла в новые члены только десять человек бедняков, и то под большим давлением всех организаций. Причем двое из этих десяти обжились в артели, прониклись ее скопческим духом делячества, трое вышли назад, променяв сундуки артели на воздух большевистского ветра, пятеро же составили в артели настоящую большевистскую оппозицию сектантскому правлению; с двоими из них я и был знаком. Понятно, эти пятеро не имели решающего значения в артели, их даже при первом случае могли вычистить из членства. Но они-то, по-моему, и есть действительный зародыш будущего, большевистского правления артели, которое должно сменить бывших героев, а нынешних ханжей и сладкоежек.

Во всем районе, где находилась артель имени Награжденных Героев, в колхозах было лишь процентов двадцать бедняков и середняков; больших колхозных массивов не существовало еще вовсе, и все маленькие, точечные колхозы, как и артель, варились в своем деляческом соку. Отсутствие массовости колхозного движения, святое, ханжеское соблюдение принципа добровольности (по существу же развитие пассивности в лучших людях бедноты), какая-то безветренность всей обстановки и создала, вместо колхозной нарастающей реки, лужицы-колхозики и целое болото такой артели.

Доделав порученную мне колодезную работу, я получил десять рублей и должен был уходить. Но оставлять такую роскошно-производственную артель новорастущим феодалам было весьма жалко. Ведь артель в прошлом, средне-благоприятном году дала урожая пшеницы почти по две тонны с гектара, одних фруктов было отпущено кооперации на двадцать пять тысяч рублей. Было ясно, что это хозяйственное место может объединить, поставить на ноги и двинуть вперед несколько сот бедняцких хозяйств. Так зачем же тут содержать несколько десятков неподвижно-жиреющих «героев»? Интересно еще сообщить, что в артели было всего два трактора. Все работы совершались вековыми, старинными способами; хорошие же результаты объяснялись крайним трудолюбием, дружной организацией и скупостью к своей продукции артельщиков; в этих качествах им нельзя отказать, и эти качества должны остаться и тогда, когда эта ханжеско-деляческая артель станет большевистской. Что же будет в артели, если снабдить ее тракторами, удобрением, приложить к ее угодьям, вместо сухого рачительства — ударный труд, сменить имущественного скопца на большевика и агронома и, главное, сделать артель действительным трудовым товариществом крестьян-бедняков?

Двое оппозиционно-настроенных членов артели и я долго обсуждали болезненные предметы артели, не видя, как найти способ их уничтожения.

Один член в конце беседы спросил меня:

— А что у нас сильнее и лучше всего?

Я ему сказал, что это — диктатура пролетариата.

— Пойду в окрисполком, пойду в окружной комитет партии, попрошу сменить наше правление артели посредством диктатуры пролетариата, — сказал товарищ. — Везде коммуны и старые артели ведут колхозы, а у нас она мертвая пробка.

— Наверно, наша артельная коммуна — это не коммунизм, — произнес другой артельщик.

— Ваша артель вроде кулацкого товарищества на трудовых паях и на государственном имуществе, — сообщил я некоторое определение.

— А ведь учредители — герои гражданской войны! — с жалью сказал один из присутствующих членов.

— Но время побеждает героев и делает из них одну смехотворность!

Это сказал я, но коммунары тут же меня опровергли.

— Ты ложь говоришь: есть такие герои, которые никогда не опаздывают против времени, они его ведут позади себя.

Ввиду очевидности, я, конечно, согласился. После этого мы собрали одному артельщику общие средства и он пошел призывать сюда в помощь пролетарскую диктатуру.

Человек ушел и через два дня вернулся. Во 2-м Отрадном, оказывается, уже сидела какая-то комиссия из областного города, которая установила существенную связь между правлением артели пожилых героев и пятью колхозными комиссиями 2-го Отрадного. Таким образом, было установлено еще до прибытия тов. Скрынко, что артель Награжденных Героев была лишь агентурой подкулацкой стихии, действовавшей во 2-м Отрадном, и обратно — артель была крепостью зажиточных групп единоличников. Связь эта, в сущности, была известна давно: она выражалась в брачных узах между членами артели и подкулачницами, и наоборот. То, что было связано по классу, то затем было укреплено плотью.

Ввиду этого тайной деревенской буржуазии приходил конец, и я с удовлетворением отправился отсюда в очередную даль, какая была мне видна из усадьбы артели.

Под религиозный праздник пасхи я вошел в небольшой колхоз «Сильный Поток», и был здесь свидетелем конца жизни

Филата-батрака, историю которого я постараюсь сейчас неприкосновенно изложить.

Филата приняли в колхоз самым последним, когда уже все середняки успели записаться.

— Ты всегда управишься войти в членство, — говорили Филату руководящие лица. — Ты же человек в классовом размере абсолютный!

И Филат ждал, не зная, чему ему радоваться, поскольку он еще не член колхоза. Со скучным выражением лица он ходил по колхозу и устранял прочь всякие неполадки. Была ли открыта дверь в избу, покачнулся ли плетень, иль просто петух ходил отдельно от кур, — Филат притворял дверь, устанавливал плетень и подгонял к курам петуха.

Во время ветра Филат выходил на тот край колхозной деревни, куда направлялся ветер, и глядел, чтобы ветер не выдул из деревни чего-либо полезного. А если что полезное ветер уносил, то Филат подхватывал ту полезную вещь и возвращал ее обратно в обобществленный фонд.

И так жил Филат в усиленных заботах о колхозном добре и порядке, не будучи членом артельного хозяйства.

К Филату давно все привыкли, и он был необходим в колхозе. Когда у кого рожала баба, звали Филата вести хозяйство и смотреть за малыми детьми; кроме того, Филат мог чистить трубы, умел отучивать кур от желания быть наседками и рубил хвосты собакам для злобы.

Такого человека правление колхоза решило принять в члены на первый день пасхи, дабы вместо воскресенья Христа устроить воскресенье бедняка в колхозе.

Накануне пасхи Филата одели в роскошную чистоплотную одежду, взяв ее из колхозного кооператива, а старую одежду Филата повесили в особый амбар, который назывался «Музеем бедняка и батрака, жившего в эпоху кулачества как класса».

Избу-читальню загодя украсили флагом и лозунгом, а утром на пасхальный день Филата вывели на крыльцо, около которого стояла, собравшись, вся колхозная масса. Филат, увидев солнце на небе и организованный народ внизу, обрадовался всеми силами своего тела и захотел жить в будущем еще более преданно и трудоспособно, чем он жил дотол.

— Вот, — сказал активный председатель всему колхозу, — вот вам новый член нашего колхоза — товарищ Филат. Не колокол звучит над унылыми хатами, не поп поет загробные песни, не кулак, наконец, сало жует, а наоборот — Филат стоит улыбается, трудящееся солнце сияет над нашим колхозом и всем мировым

интернационалом, и мы сами чувствуем непонятную радость в своем туловище! Но отчего же непонятна наша радость? Оттого, что Филат был самый гонимый, самый молчаливый и самый мало-кушавший человек на свете! Он никогда не говорил слов, а всегда двигался в труде — и вот теперь он воскрес, последний бедняк, посредством организации колхоза!.. Скажи же, Филат, нам что-нибудь, — теперь ты, грустный труженик, должен сиять на свете вместо кулацкого Христа...

Филат улыбнулся ближнему народу и всей окрестной цветущей природе.

— Я, товарищи, говорю тихо, потому что меня никогда не спрашивали. Я думал только, чтоб было счастье когда-нибудь в батрацком котле, но боюсь хлебать то счастье, — пусть уж другим достается...

Здесь Филат побелел лицом и прислонился к телу председателя колхоза.

— Что ты, Филат?! — закричал весь колхоз. — Живи смелей, робкая душа, ты теперь членом будешь! Проповедуй нам труд и усердие, последний человек!

— Могу, — тихо сказал Филат, — только сердце мое привыкло к горю и обману, а вы мне даете счастье, — грудь не выдержит!..

— Ничего: обтерпешься! — крикнули колхозники. — Глянь на солнце, дайте ему воздуху...

Но Филат настолько ослаб от счастья, что опустился на землю и стал умирать от излишнего биения сердца.

Филата вынесли на траву и положили лицом к небесному свету солнца. Все замолкли и стояли неподвижно.

И вдруг раздался голос какого-то притаившегося подкулачника.

— Значит, есть Иисус Христос, раз он покарал Филата-батрака!

Филат услышал то слово сквозь тьму своего потухающего ума и встал на ноги, потому что если он сумел вытерпеть тридцать семь лет жизни, то мог стерпеть и превозмочь смерть, хотя бы на последнюю минуту.

— Врешь, тайный гад! Вот он я живой — ты видишь, солнце горит над рожью и надо мной! Меня кулаки тридцать лет томили — и вот меня уж нет...

Вслед за тем Филат шагнул два шага, открыл глаза и умер с побелевшим взором.

— Прощай, Филат! — сказал за всех председатель. — Велик твой труд, безвестный знаменитый человек.

И каждый колхозник снял шапку и широко открыл глаза, чтоб они сохли, а не плакали.

Невдалеке от колхоза «Сильный Поток» я встретил железно-дорожную насыпь и, пойдя вдоль нее, достиг станции и поехал поездом.

В течение одних суток я уехал настолько далеко, что сошел с поезда уже в Острогжском округе, на родине ценнейшей во всем СССР михновской овцы. Однако Острогжский округ не имеет возможности всерьез и планоно заняться разведением последней, ввиду того, что сухих здоровых для овец пастбищ в округе нет, а сырые подлунные и заболоченные пастбища страшно заражены всевозможными инфекциями и в особенности почечной двуусткой овец.

Селения Острогжского района — Ольшаны, Гумны, Писаревка, Осиповка, Гнилое, Средне-Воскресенское, Рыбенское, Луки, Александровка — и других районов совершенно отказались от разведения и выращивания овец, так как последние, поголовно пораженные фасциозом, гибнут тысячами на заболоченных пастбищах.

Далеко не полный учет говорит о гибели в течение двух последних лет до 40 тысяч пораженных почечно-глистной болезнью овец — на общую сумму, за округлением, 500 тысяч рублей.

Все препараты, применяемые при медикаментном методе лечения, не достигают желаемых результатов — и население, и ветеринарный персонал убедились в совершенной бесцельности всякого лечения при наличии заболоченных пастбищ, так как овцы каждую минуту, с каждым стеблем болотной травы получают все новую и новую порцию глистов.

С ветеринарно-санитарной точки зрения опасно и экономически невыгодно отдать заболоченные места микробам — бактериям и глистам для их пышной жизни и лишить скот здоровых кормов, которыми так беден Острогжский округ.

Исходя из вышесказанного, окрветотдел в своих докладах и планах считает мелиорацию — осушение болот и заболоченных пастбищ — единственным средством избавить овцеводство от постоянной угрозы гибели и находит существенно необходимым немедленную организацию работ по осушке заболоченных пастбищ, в первую очередь — по течению реки Тихой Сосны с ее притоками, как прорезывающую весь округ, пойма которой (массив поймы 30 тысяч гектаров) после осушения станет экономической

базой округа, а также и будет разрешена проблема разведения михновской овцы во всем округе.

Но когда-то во всем Острогожском округе были девственные пастбища, — хотя это было не только до появления здесь овцы, но и до человека, — еще прежде оседания первых поселений людей по берегам Тихой Сосны, — ибо именно к тому начальному времени относится зарождение оврагов в меловых отложениях, в связи с хозяйственной деятельностью человека. Овраги же, выходя своими устьями в пойму реки, выносили в нее почвенный материал и тем создавали затухание речного потока, начиная долгую эпоху заболачиванья.

Если посмотреть на всю площадь Острогожского округа, то можно увидеть великое народнохозяйственное бедствие от быстрого роста болот.

Но со смертью рек не только дохнут овцы и падает животноводство, — начинает умирать и человек. Злокачественная, хроническая малярия сильно распространена среди жителей долины Тихой Сосны.

И было бы, конечно, малодушием, установив такое грозное бедствие, не попытаться вступить с природой в сражение — для отвоевания у нее громадных бросовых площадей, чтобы дать скоту питательный, безболезненный корм, а трудящимся людям продукцию и здоровье.

Эта борьба с природой за десятки тысяч гектаров заболоченных площадей началась в 1925 году. Проект регулировочно-осушительных работ по реке Тихая Сосна охватывает пойменный массив протяжением в 40 километров и на площади в 83 квадратных километра. Примерно треть всего объема работ уже выполнена; сами работы с 1927 года механизированы, то есть чистит и углубляет реку не человек, стоящий с лопатой в воде, а плавучий экскаватор, — причем эта затерянная в болотах машина может служить некоторой общей гордостью советской землечерпательной техники, ибо машина оригинальной конструкции и впервые сделана в Советском Союзе (ни до войны, ни после в России подобные машины не делались, их покупали обычно в Америке). Но советские инженеры применяют для борьбы с болотами не только машины, а и взрывную технику, разрушая слежавшиеся наносы и карчу, душащие реку, динамитом.

Насколько население заинтересовано в успехе работ, видно из того, что участие населения в затратах (преимущественно натуральным трудом) составляет 52 процента исполнительной сметы. Но эти данные относятся к эпохе мелиоративных товариществ, то есть ко времени простейших целевых объединений крестьянства; теперь же, когда в долине Тихой Сосны есть мощные

колхозы, надо ожидать гораздо более высокого темпа осушительных работ и еще более энергичного участия в них населения.

Придолинное крестьянство еще в 1924 году, когда я был на Тихой Сосне, уже знало, что вести пойменное хозяйство, тем более создать из болот луга, одним напряжением единоличного хозяйства нельзя, — и в 1925 году, к моменту начала работ, все заинтересованное обедневшее крестьянство объединилось в мелиоративные товарищества, то есть в зачаточную форму производственного кооператива.

Таковы богатые факты на этой бедной долине, где и посейчас идет тяжелая борьба за создание девственной, погибшей родины михновской овцы.

Выбравшись из этой дружно-трудящейся долины на суходолы, я вошел в колхозную деревню «Утро Человечества», прельщенный как хорошим названием, так и добавочным лозунгом на вывеске колхоза, взятым из метрической системы: «Всем угнетенным народам — на долгие времена». Ясно, что это относилось к колхозной организации жизни и труда.

У заставы колхоза стоял некий старый уже человек, с милым, но грозным лицом, и смотрел на меня.

— Ты кто? — спросил он.

Я ему приблизительно ответил, так как вопрос в сущности не очень прост.

— А ты не кадр?

— Кадр.

— Где служишь?

— В уме.

— Ну, входи, пожалуйста, — это хорошее учреждение. Пойдем, я тебя яичницей покормлю. А я знаешь кто?

— Кто?

— Да председатель всей бузы новой жизни, товарищ Пашка. Здравствуй!

— Здравствуй.

Раньше я боялся — гожусь ли я в новую жизнь, — а теперь видел, что чем жизнь новее, тем люди ко мне проще и родней.

Веселая жена Пашки живо и прилежно сделала нам яичницу, а мы стали ее есть. Во время пищи я загляделся на супругу Пашки — она была красива до прелести, хотя в общем — уже пожилая, но не в этом заключалась ее привилегия, а в том, что она веселая и уверенная в своей жизни и, кроме того, мудрая и передовая, как я узнал впоследствии. Мне уже приходилось встречать

ряд колхозниц, подобных этой женщине, и я обращал свое внимание на их повеселевший нрав. Отчего это получилось, трудно сформулировать, поскольку на колхозницах лежит сейчас больше забот и тревог, чем на единоличницах; однако же единоличницы в большинстве своем лишь традиционно-унылые, беспросветные бабы.

— Так, стало быть, ты кадр! — поев, высказался Пашка (отчества его я еще не знал) и тронул меня за грудь.

— Кадр, — подтвердил я.

— Ну а вдруг ты ложный! — догадливо испугался Пашка. — Ответь мне на общий вопрос: сколько нужно кирпичей, чтоб построить научную избушку-читальню?..

Второй поверочный вопрос Пашки был из другой области:

— Говорят, что мир бесконечен и звездам нет счета! Неверно, товарищи, — это буржуазная идеология: буржуйам выгодно, чтоб мир был такой широкий, дабы гадам не тесно жилось и было куда бежать от пролетариата. А по-моему, мир имеет конец и звездам есть окончательный счет...

Я подтвердил, что Пашка говорит вполне справедливо: вселенная не может быть неопределенно-бесконечной.

— А отчего электричество железо любит, а стекло не уважает?..

— Есть ли в веществе какие законы или там одни только тенденции? Вот говорят, что можно сделать две палки, равные друг другу! Чушь!! Я четыре недели стругал две линейки, и все же на полволоска они никак не сходились! Где же закон равенства? Одни только тенденции, и более нет ничего!

По возможности, я отвечал на все его вопросы.

— Ну, достаточно! — определил часа через два Пашка. — Оставайся у нас колхозным техником — решай великую задачу, чтоб нам догнать, перегнать и не умориться. Можешь? — А мы хотим сделать тут такой колхоз, чтоб он был, как автомобиль-форд, годен по организационной форме и мужику-африканцу, и бедняку-индейцу. Ясно тебе?

— Ясно-то ясно, только это не нужно: африканский мужик и сам не дурак.

— Он-то нет, а ты-то дурак! Ведь СССР — самая передняя по революции держава! Отчего же нам не делать для всего отсталого света социальные заготовки?! А уж по нашим заготовкам пускай потом всемирная беднота пригоняет себе жизнь в меру и впрок!..

Пожив и потрудившись в «Утре Человечества», я узнал про тов. Пашку все подробности его истекшей жизни. Эти подробности обозначали Пашку как великого человека, выросшего из мелкого дурака, — пусть даже некоторые его действия покажутся

неловкими и смешными: ведь мы имеем перед собой только начало будущего человека.

Всем своим воспитанием и просвещением он был обязан исключительно своей жене, которая его довела до ума и активности. Вот как дело было.

В старину, до революции, Павла Егоровича никто не звал полностью, хотя он жил уже в полном возрасте, — все его называли Пашкой, потому что он был глуп, как грунт или малолетний. В то прошедшее время он скупал в земельных обществах овраги и старые колодцы, — ему хотелось иметь хоть какое-нибудь имущество, чтобы сознавать свой смысл жизни в государстве. На приобретение истинных домов и форменной скотины у Пашки не хватало средств, — поэтому ему приходилось считать своими усадьбами овраги. Такие места ему доставались дешево: однажды за полведра водки он скупил в волости все болота и песчаные угодья.

— Бери — владей, — выпив и утерев рты, сказали волостные мужики. — Какая-нибудь мелочь вырастет! Хозяином себя будешь считать!

После того Пашка проводил свою жизнь в оврагах и на поверхности заросших мокрых пучин. Там ему было уютно, кругом его простиралась собственность, и он мог видеть насекомых, всецело принадлежавших ему.

В другой раз Пашка приобрел фруктовое дерево. Шел он мимо помещичьего сада и видит — ползет по дереву черный червь. Пашка испугался, что тот червь съест сначала одно дерево, а потом и весь благоухающий сад. А когда начнут пропадать сады, то государство ослабнет, а затем нагрянет какая-нибудь босая команда и отнимет у Пашки овраги и мочежинные владения.

Тогда Пашка пришел к помещику.

— Стефан Еремеевич! У тебя там на дереве черный червь явился: он тебе все фруктовые стволы сгложет — ты гляди!

— Ты говоришь: черный червь! — с задумчивым умом произносил Стефан Еремеевич. — Что это: флора или фауна? Черный червь! Так что же мне делать с ним? А вот что: Пашка, ты возьми то дерево, вырви его с корнем и тащи вон с поместья, а дома то дерево сожгешь. Но не смей червей ронять, смотри себе в след и подбирай червей в шапку!

Пашка изъял из сада вредное дерево и перенес его к себе в овраг, где и вонзил в глину, желая, чтобы вырос собственный сад.

Но дерево умерло, и наступила революция. Неимущие стали мучить Пашку, как врага народа. Из оврага его сразу выгнали, чтоб он там не был.

*Идея...
Коллективизация
Нашел агента наших органов
Нужна помощь и поддержка
Сторона...
Вячеслав И. Сталин
(Бедняк, хроника)
Андрей Платонов
...и когда дошла
...и стала и тогда
...и тогда дошла
...и тогда дошла*

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

В марте — апреле 1930 года некий дуцеский бедняк, тщетный заботой за общественную деятельность, сел в поезд дальнего следования на московском Казанском вокзале и выехал прочь из деревенского руководящего города.

Что был этот только что выехавший человек, который в дальнейшем будет свидетелем героических, трогательных и печальных событий? Он не имел чудовищного, в смысле размеров и силы, сердца и резкого, глуповатого разума, способного прогнать кобальдовскую плеску псаевки, чтобы овладеть их сущностью.

Путник сам сознавал, что он сделан из телачьего материала мягкого исторического мужчины, вышедшего из капитализма, и не имел благодаря этому правильного сознания из агента, из себестоимости. Он исходил из полевого вавука, из которого вывута индивидуальная, хищная душа, когда это ветхое животное несетась сквозь пространство лишь ветром, а не волею земли. И, однако, были моменты времени и существования этого человека, когда в нем вдруг дрожало сердце, и он со слезами на глазах, с искренностью и самохарактерностью, выступил на защиту партии и революции в густых деревьях республики, где еще жила и косвенно ее бедноту кулак.

У такого странника по колхозной земле было одно драгоценное свойство, ради которого мы выбрали его главой для наблюдения, именно: он способен был ошибиться, не мог согнать и ко

всему громадному богатству социалистической революции относился настолько бережно и целомудренно, что всю жизнь не ушел чужим своим для усиления коммунизма в собственном уме. По пользе его для социализма была от этого не велика, а ничтожна, потому что сущность такого человека состояла, приблизительно говоря, из слезы, разведенного в моче, тогда как настоящий пролетарский человек должен иметь в своем составе серную кислоту, чтобы он мог жечь всю капиталистическую стерву, занимающую землю.

Если мы в дальнейшем назовем путника как самого себя, («я»), то это — для краткости речи, а не из признания, что безвольное созерцание является напряжением и борьбой. Наоборот, в наше время — буржуазной созерцательности — это, самое меньшее, подугла, поскольку он не прямой участник дела, создающего коммунизм. И далее — даже настоящим созерцателем, видящим истинные вещи, а не в наше время быть нельзя, находясь вне мира и строя пролетария, ибо ценное наблюдение может пронизать только не чувства кровной работы по устройству социализма.

Итак, этот человек поехал в отдаленные черноземные равнины, где у открытых воломоков стоит, окулаемые ветром, глиносодомые избы межкоммунистических бедняков.

Езда в вагоне изменялась. Ранее в окно можно было наблюдать лишь пустышность страны, лишь разрозненность редких деревень, расположенных так

с ним в несправедливую ую увидели в стороне

десь устроить какой-нибудь на утренней заре мы. — Зачем стоит эта чуждая основной волею идеологично, не какой

— сказала я, — из этих новых полевных для нас с сырым дождем и сырым колючим и землю, определяя ее перели до деревни Пониной, действительно, то — об аяется издевательством ее добычи на

люди и сознание выдоложить стать болями предугадать, ибо, как я забраться в основности пропорциональна выдоло-

о высокие подразделения сырые весте по конструктивные по составу, нося, я за таквая изполье ухода.

о, потому что выкорачко от хозяйственной багрой в естественному отступ или а неглубокой

новых районах не мелких сел, в все сив огня в низы — в долины речные протекал рельефа. там же тучные земли —

...и тогда Феликс двинулся вперед с таким круглым светом, все же борющееся сплюснутую тучу.

— Это солнце зажгли в колхозах! — сказала я.

— Да, возможно, — безразлично согласился борел с неглавной оясностью. — Для души — для последователя совпада — это танком межважний огонь. И последователем надо быть уметь.

Эта означает громадность, вероятно, в несколько сот миллионов рублей ежегодно, потеря для нашего хозяйства, благодаря недобору урожая с выкорачиваемых почв.

В чем же заключается решение задачи? В том, чтобы сеять колхозы и осваивать сложность земледелия прямо на выкорачиваемых, в центре колхозов

Это не русский, а какашский маршарский 1930г.

И отправился тогда Пашка вдоль страны, дабы найти себе неизвестное место. По дороге он содрал с себя одежду, изранил тело и специально не ел: он уже заметил, будучи отсталым хищником, что для значения в советском государстве надо стать худшим на вид человеком.

И действительно, его уважали сельсоветы:

— Вот, — говорили сельсоветы на Пашку, — идет наш сподвижник, угнетенный человек. Где ты, товарищ, существовал?

— В овраге, — отвечал Пашка.

Предсельсовета смотрел на Пашку со слезами на глазах.

— Поешь молочка с хлебом, мы тебя в актив привлечем: нам весьма нужны подобные люди.

Пашка напивался, наедался и оставался.

В одной деревне его оставили заведовать кооперативом. Пашка увидел товары и пожалел их продавать: население все может поесть и уничтожить, а что толку? Имуущество всегда нужно поберечь: людей хватает, а материализма мало.

Из кооператива Пашку удалили. А он почел себя от этого происшествия недостаточно бедным, чтобы быть достойным советского государства, и обратился в нищего. Больше всего он боялся остаться без звания гражданина, без смысла жизни в сердце.

Однако Пашку привлекли к суду, как бродягу и непроизводительного труженика, тратящего бесплатно пролетарскую еду. На суде Пашка сказал, что он ищет самого низшего места в жизни, дабы революция его признала своей необходимостью. Теперь он хочет умереть, чтобы избавить государство от своего присутствия и тем облегчить его положение, тем более что бедней мертвеца нет на свете пролетария.

Рабочий судья выслушал Пашку и сказал ему:

— Капитализм рожал бедных наравне с глупыми. С бедностью мы справимся, но куда нам девать дураков? И тут мы, товарищи, подходим к культурной революции. А отсюда я полагаю, что этого товарища, по названию Пашка, надо бросить в котел культурной революции, сжечь на нем кожу невежества, добраться до самых костей рабства, влезть под череп психологии и налить ему во все дырья наше идеологическое вещество...

Здесь Пашка вскрикнул от ужаса казни и лег на пол, чтобы загодя скончаться. Но за него вступилась дамочка, помощница судьи:

— Так нельзя пугать бессознательного. Следует его сначала пожалеть, а уж потом учить. Вставай на ноги, товарищ Пашка, мы тебя отдадим в мужья одной сознательной бабочке, она тебя с жалостью будет учить быть товарищем и светлым гражданином, потому что ты рожден капиталистическим мраком.

На литературном посту

СОДЕРЖАНИЕ

- А. ДВЯКИТ — Тренин, и на за-мечательном
- С. ДУРАК — Литературный фронт на Украине
- Каждый свой проект издался (автор) С. Ельсберг, И. Бар-лик, А. Давыдов, И. Давыд и А. Чарков
- И. ВАСИЛЬЕВ — Кавита
- Т. МОНТЕВИ — Тренинство Ака-демическая
- Б. ДРОЗД — На меня выйдут

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ ПОД МАСКОЙ

1
 РЕАЛИЗМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ литературы является наиболее сложной формой, но при этом он имеет свои особенности. Он не только отражает действительность, но и формирует ее. В своей истории, начиная с древних времен, реализм прошел путь от простого отражения жизни до сложной системы, включающей в себя философию, эстетику, социологию и другие науки. В настоящее время реализм является основой для создания новых художественных форм, которые позволяют более глубоко и полно раскрыть содержание жизни.

2
 В настоящее время реализм является основой для создания новых художественных форм, которые позволяют более глубоко и полно раскрыть содержание жизни. Реализм не только отражает действительность, но и формирует ее. В своей истории, начиная с древних времен, реализм прошел путь от простого отражения жизни до сложной системы, включающей в себя философию, эстетику, социологию и другие науки. В настоящее время реализм является основой для создания новых художественных форм, которые позволяют более глубоко и полно раскрыть содержание жизни.

КЛЕВЕТА

Иван Анд. Платонов

И. МАКАРЫЧ

ПРОЛЕТАРСКИЙ АВАНГАРД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРАЯ

Об одной кулацкой хронике А. Флакс

1
 Кулацкий уезд советской России, на своем изломе, представляет собой сложную картину. Это не только место, где живет кулак, но и место, где живет рабочий, крестьянин, интеллигент. Это место, где происходит борьба за власть, за землю, за хлеб. Это место, где происходит борьба за выживание. Это место, где происходит борьба за будущее. Это место, где происходит борьба за жизнь.

2
 Кулацкий уезд советской России, на своем изломе, представляет собой сложную картину. Это не только место, где живет кулак, но и место, где живет рабочий, крестьянин, интеллигент. Это место, где происходит борьба за власть, за землю, за хлеб. Это место, где происходит борьба за выживание. Это место, где происходит борьба за будущее. Это место, где происходит борьба за жизнь.

РАСНАЯ НОВЬ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1931

КНИГА ПЯТАЯ — ШЕСТАЯ МАЙ — ИЮНЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статьи о повести «Впрок» в периодике

С тех пор Пашку отдали бабе в мужья, и он, из страха перед ней, стал жить сознательным тружеником, благодаря свою судьбу и советскую власть, в руках которой эта судьба находится.

Начиная с того светлого судебного момента и донныне Пашка все время лез в гору, и дошел до поста председателя колхоза, — настолько в нем увеличилось количества ума, благодаря воздействию сознательной супруги.

И в районе Пашку тоже высоко ценили, как низовую пружину, жмущую бедные и средние массы вперед; он же сам все более тосковал, что не знает всей научности на свете, и собирался поехать учиться после пятилетки.

Я прожил в колхозе «Утро Человечества» очень долго; я был свидетелем ярового сева на 140 процентов от плана и участником трех строителей — прудовой плотины, семенного амбара и силосной башни.

После каждого очередного успеха Пашка выступал на собрании колхоза и провозглашал приблизительно одну и ту же тему:

— Я — товарищ Пашка — со всеми вами, бедняками и товарищами, добьюсь того, чтоб в СССР никогда не смолкал рев гудков индустриализации, как над британским империализмом никогда не заходит солнце! И дальше того: мы добьемся, чтобы дым наших заводов застил солнце над Британией!.. Мы должны в будущем году взять какой-нибудь героический завод, дабы полностью снабжать его из нашего колхоза пшеничным зерном, — пусть наш рабочий товарищ оставит черный кислый хлеб и кушает наш первый первач! Это говорю я, — товарищ Пашка!..

Дожив близ Пашки до начала осени, полюбив его до глубокой дружбы, ибо он был живым доказательством, что глупость есть лишь преходящее социальное условие, я все же в один светлый день подал ему руку на прощанье и поехал в уральские степи.

— Езжай куда хочешь, — сказал мне Павел Егорович. — Все мы кипим в одном классовом котле, и сок твоей жизни дойдет до меня!

Расставаясь с товарищами и врагами, я надеюсь, что коммунизм наступит скорее, чем пройдет наша жизнь, что на могилах всех врагов, нынешних и будущих, мы встретимся с товарищами еще раз и тогда поговорим обо всем окончательно.

<Весна 1930 — начало 1931 г.>

КОТЛОВАН

В день тридцатилетия личной жизни Вошеву дали расчет с небольшого механического завода, где он добывал средства для своего существования. В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства, вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда.

Вощев взял на квартире вещи в мешок и вышел наружу, чтобы на воздухе лучше понять свое будущее. Но воздух был пуст, неподвижные деревья бережно держали жару в листьях, и скучно лежала пыль на безлюдной дороге, — в природе было тихое положение. Вощев не знал, куда его влечет, и облокотился в конце города на низкую ограду одной усадьбы, в которой приучали бессемейных детей к труду и пользе. Дальше город прекращался, — там была лишь пивная для отходников и низкооплачиваемых категорий, стоявшая, как учреждение, без всякого двора, а за пивной возвышался глиняный бугор и старое дерево росло на нем, одно среди светлой погоды. Вощев добрел до пивной и вошел туда на искренние человеческие голоса. Здесь были невыдержанные люди, предававшиеся забвению своего несчастья, и Вошеву стало глуше и легче среди них. Он присутствовал в пивной до вечера, пока не зашумел ветер меняющейся погоды; тогда Вощев подошел к открытому окну, чтобы заметить начало ночи, и увидел дерево на глинистом бугре — оно качалось от невзгоды, и с тайным стыдом заворачивались его листья. Где-то, наверно, в саду сотворгслужащих, томился духовой оркестр; однообразная, несбывающаяся музыка уносилась ветром в природу через приовражную пустошь. Вощев слушал музыку с наслаждением надежды, потому что ему редко полагалась радость, но ничего не мог совершить равнозначного музыке и проводил свое вечернее время неподвижно. После ветра опять настала тишина, и ее покрыл еще более тихий мрак. Вощев сел у окна, чтобы наблюдать нежную тьму ночи, слушать разные грустные звуки и мучиться сердцем, окруженным жесткими каменистыми костями.

— Эй, пищевой! — раздалось в уже смолкшем заведении. — Дай нам пару кружечек — в полость налить!

Вощев давно обнаружил, что люди в пивную всегда приходили парами, как женихи и невесты, а иногда — целыми дружными свадьбами.

Пищевой служащий на этот раз пива не подал, и двое пришедших кровельщиков вытерли фартуками жаждущие рты.

— Тебе, бюрократ, рабочий человек одним пальцем должен приказывать, а ты гордишься!

Но пищевой берег свои силы от служебного износа для личной жизни и не вступал в разногласия.

— Учреждение, граждане, закрыто: займитесь чем-нибудь на своей квартире.

Кровельщики взяли с блюдечка в рот по соленой сушке и вышли прочь. Вощев остался один в пивной.

— Гражданин! Вы требовали только одну кружку, а сидите здесь бессрочно! Вы платили за напиток, а не за помещение!

Вощев захватил свой мешок и отправился в ночь. Вопрошающее небо светило над Вощевым мучительной силою звезд, но в городе уже были потушены огни, и кто имел возможность, тот спал, наевшись ужином. Вощев спустился по крошкам земли в овраг и лег там животом вниз, чтобы уснуть и расстаться с собою. Но для сна нужен был покой ума, доверчивость его к жизни, прощение прожитого горя, а Вощев лежал в сухом напряжении сознательности и не знал — полезен ли он в мире, — или все без него благополучно обойдется? Из неизвестного места подул ветер, чтобы люди не задохнулись, и слабым голосом сомнения дала знать о своей службе пригородная собака.

— Скучно собаке; она живет благодаря одному рождению, как и я.

Тело Вощева побледнело от усталости, он почувствовал холод на веках и закрыл ими теплые глаза.

Пивник уже освежал свое заведение, уже волновались кругом ветры и травы от солнца, когда Вощев с сожалением открыл налившиеся влажной силой глаза. Ему снова предстояло жить и питаться, поэтому он пошел в завком — защищать свой ненужный труд.

— Администрация говорит, что ты стоял и думал среди производства, — сказали в завкоме. — О чем ты думал, товарищ Вощев?

— О плане жизни.

— Завод работает по готовому плану треста. А план личной жизни ты мог бы прорабатывать в клубе или красном уголке.

— Я думал о плане общей жизни. Своей жизни я не боюсь, она мне не загадка.

— Ну и что ж ты бы мог сделать?

— Я мог бы выдумать что-нибудь, вроде счастья, а от душевного смысла улучшилась бы производительность.

— Счастье произойдет от материализма, товарищ Вощев, а не от смысла. Мы тебя отстоять не можем, ты человек несознательный, а мы не желаем очутиться в хвосте масс.

Вощев хотел попросить какой-нибудь самой слабой работы, чтоб хватило на пропитание: думать же он будет во внеурочное время; но для просьбы нужно иметь уважение к людям, а Вощев не видел от них чувства к себе.

— Вы боитесь быть в хвосте: он — конечность, и сели на шею!

— Тебе, Вощев, государство дало лишний час на твою задумчивость — работал восемь, теперь семь, — ты бы и жил-молчал! Если все мы сразу задумаемся, то кто действовать будет?

— Без думы люди действуют бессмысленно! — произнес Вощев в размышлении.

Он ушел из завкома без помощи. Его пеший путь лежал среди лета, по сторонам строили дома и техническое благоустройство — в тех домах будут безмолвно существовать донныне неприютные массы. Тело Вощева было равнодушно к удобству, он мог жить, не изнемогая, в открытом месте и томился своим несчастьем во время сытости, в дни покоя на прошлой квартире. Ему еще раз пришлось миновать пригородную пивную, еще раз он посмотрел на место своего ночлега — там осталось что-то общее с его жизнью, и Вощев очутился в пространстве, где был перед ним лишь горизонт и ощущение ветра в склонившееся лицо.

Но вскоре он почувствовал сомнение в своей жизни и слабость тела без истины, — он не мог долго ступать по дороге и сел на край канавы, не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться. Истомившись скудным размышлением, Вощев склонился и лег в пыльные, проезжие травы; было жарко, дул дневной ветер, и где-то кричали петухи на деревне, — все предавалось безответному существованию, один Вощев отделился и молчал. Умерший, палый лист лежал рядом с головою Вощева, его принес ветер с дальнего дерева, и теперь этому листу предстояло смирение в земле. Вощев подобрал отсохший лист и спрятал его в тайное отделение мешка, где он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности. «Ты не имел смысла житья, — со скупостью сочувствия полагал Вощев, — лежи здесь, я узнаю, за что ты жил и погиб. Раз ты никому не нужен и валяешься среди всего мира, то я тебя буду хранить и помнить».

— Все живет и терпит на свете, ничего не сознавая, — сказал Вощев близ дороги, и встал, чтоб идти, окруженный всеобщим тепеливым существованьем. — Как будто кто-то один или не-

сколько немногих извлекли из нас убежденное чувство, и взяли его себе!

Он шел по дороге до изнеможения; изнемогал же Вощев скоро, как только его душа вспоминала, что истину она перестала знать.

Но уже был виден город вдалеке, дымились его кооперативные пекарни, и вечернее солнце освещало пыль над домами от движения населения. Тот город начинался кузницей, и в ней во время прохода Вощева чинили автомобиль от бездорожной езды. Жирный калека стоял подле коновязи и обращался к кузнецу:

— Миш, насыпь табачку: опять замок ночью сорву!

Кузнец не отвечал из-под автомобиля. Тогда увечный толкнул его костылем в зад:

— Миш, лучше брось работать — насыпь: убытков наделаю!

Вощев приостановился около калеки, потому что по улице двинулся из глубины города строй детей-пионеров, с уставшей музыкой впереди.

— Я ж вчера тебе целый рубль дал, — сказал кузнец. — Дай мне покой хоть на неделю! А то я терплю-терплю, и костыли твои пожгу!

— Жги, — согласился инвалид. — Меня ребята на тележке доставят — крышу с кузни сорву!

Кузнец отвлекся видом детей и, добрея, насыпал увечному табаку в кисет:

— Грабь, саранча!

Вощев обратил внимание, что у калеки не было ног — одной совсем, а вместо другой находилась деревянная приставка; держался изувеченный опорой костылей и подсобным напряжением деревянного отростка правой отсеченной ноги. Зубов у инвалида не было никаких, он их сработал начисто на пищу, зато наел громадное лицо и тучный остаток туловища; его коричневые, скупно отверстые глаза наблюдали посторонний для них мир с жадностью обездоленности, с тоской скопившейся страсти, а во рту его терлись дёсна, произнося неслышные мысли безногого.

Оркестр пионеров, отдалившись, заиграл музыку молодого похода. Мимо кузницы, с сознанием важности своего будущего, ступали точным маршем босые девочки; их слабые, мужающие тела были одеты в матроски, на задумчивых, внимательных головах вольно возлежали красные береты, и их ноги были покрыты пухом юности. Каждая девочка, двигаясь в меру общего строя, улыбалась от чувства своего значения, от сознания серьезности сжимающейся в ней жизни, необходимой для непрерывности строя и силы похода. Любая из этих пионерок родилась в то время, когда

в полях лежали мертвые лошади социальной войны, и не все пионеры имели кожу в час своего происхождения, потому что их матери питались лишь запасами собственного тела; поэтому на лице каждой пионерки осталась трудность немощи ранней жизни, скудость тела и красоты выраженья. Но счастье детской дружбы, осуществление будущего мира в игре юности и достоинство своей строгой свободы обозначили на детских лицах важную радость, заменившую им красоту и домашнюю упитанность.

Вощев стоял с робостью перед глазами шествия этих неизвестных ему, взволнованных детей; он стыдился, что пионеры, наверное, знают и чувствуют больше его, потому что дети, это — время, созревающее в свежем теле, а он, Вощев, устраняется спешащей, действующей молодостью в тишину безвестности, как тщетная попытка жизни добиться своей цели. И Вощев почувствовал стыд и энергию — он захотел немедленно открыть всеобщий, долгий смысл жизни, чтобы жить впереди детей, быстрее их смуглых ног, наполненных твердой нежностью.

Одна пионерка выбежала из рядов в прилегающую к кузнице ржаную ниву и там сорвала потребное себе растение. Во время своего действия маленькая женщина нагнулась, обнажив родинку на опухающем теле, и с легкостью неощутимой силы исчезла мимо, оставляя сожаление в двух зрителях — Вощеве и калеке. Вощев, ища себе для облегчения равенства, поглядел на инвалида; у того надулось лицо безвыходной кровью, он простонал звук и пошевелил рукою в глубине кармана. Вощев наблюдал настроение могучего увечного, но был рад, что уроду империализма никогда не достанутся социалистические дети. Однако калека не оставлял взора с конца пионерского шествия, и Вощев побоялся за целость и непорочность маленьких людей.

— Ты бы глядел глазами куда-нибудь прочь, — сказал он инвалиду. — Ты бы лучше закурил!

— Марш в сторону, указчик! — произнес безногий.

Вощев смиренно не двигался.

— Кому я говорю? — напомнил калека. — Получить от меня захотел?!

— Нет, — ответил Вощев. — Я испугался, что ты на ту девочку свое слово скажешь или подействуешь как-нибудь.

Инвалид в привычном мучении наклонил свою большую голову к земле.

— Чего ж я скажу ребенку, стервец? Я гляжу на детей для памяти, потому что скоро помру.

— Это, наверно, на капиталистском сражении тебя повредили, — тихо проговорил Вощев. — Хотя калеки тоже стариками бывают, я их видел.

Увечный человек обратил свои глаза на Вощева, в которых сейчас было зверство превосходящего ума; увечный вначале даже помолчал от обозления на прохожего, а потом сказал с медленностью ожесточения:

— Старики такие бывают, а вот калечных таких, как ты, — нету.

— Я на войне настоящей не был, — сказал Воцев. — Тогда б и я вернулся оттуда не полностью весь.

— Вижу, что ты не был: откуда же ты дурак! Когда мужик войны не видал, то он вроде нерожавшей бабы — идиотом живет: тебя же сквозь скорлупу всего заметно!

— Эх! — жалобно произнес кузнец. — Гляжу на детей, а самому так и хочется крикнуть: да здравствует Первое мая!

Музыка пионеров отдохнула и заиграла вдали марш движения. Воцев продолжал томиться и пошел в этот город жить.

До самого вечера молча ходил Воцев по городу, словно в ожидании, когда мир станет общеизвестен. Однако ему по-прежнему было неясно на свете, и он ощущал в темноте своего тела тихое место, где ничего не было, но ничто ничему не препятствовало начаться. Как заочно живущий, Воцев делал свое гулянье мимо людей, чувствуя нарастающую силу горящего ума и все более уединяясь в тесноте своей печали.

Только теперь он увидел середину города и строящиеся устройства его. Вечернее электричество уже было зажжено на построчных лесах, но полевой свет тишины и вянувший запах сна приблизились сюда из общего пространства и стояли нетронутыми в воздухе. Отдельно от природы, в светлом месте электричества с желанием трудились люди, возводя кирпичные огорожи, шагая с ношей груза в тесовом бреду лесов. Воцев долго наблюдал строительство неизвестной ему башни; он видел, что рабочие шевелились равномерно, без резкой силы, но что-то уже прибыло в постройке для ее завершения.

— Дом человек построят, а сам расстроится. Кто жить тогда будет? — задумчиво сомневался Воцев на своем ходу.

Он отошел из середины города на конец его. Пока он двигался туда, наступила безлюдная ночь; лишь вода и ветер населяли вдали этот мрак и природу, и одни птицы сумели воспеть грусть этого великого вещества, потому что они летали сверху и им было легче.

Воцев забрел в пустырь и обнаружил теплую яму для ночлега; снизившись в эту земную впадину, он положил под голову

мешок, куда собирал для памяти и отмщения всякую безвестность, опечалился и с тем уснул. Но какой-то человек вошел на пустырь с косой в руках и начал сечь травяные рощи, росшие здесь спокон века. К полночи косарь дошел до Вощева и определил ему встать и уйти с площади.

— Чего тебе! — неохотно говорил Вощев. — Какая тут площадь, это лишнее место.

— А теперь будет площадь, теперь здесь положено быть каменному делу. Ты утром приходи поглядеть на это место, а то оно скоро скроется навеки под устройством.

— А где же мне быть?

— Ты смело можешь в бараке доспать. Ступай туда и спи до утра, а утром ты выяснишься.

Вощев пошел по рассказу косаря и вскоре заметил дощатый сарай на бывшем огороде. Внутри сарая спали на спине семнадцать или двадцать человек и припотушенная лампа освещала бессознательные человеческие лица. Все спящие были худы, как умершие, тесное место меж кожей и костями у каждого было занято жилами, и по толщине жил было видно, как много крови они должны пропускать во время напряжения труда. Ситец рубаш с точностью передавал медленную освежающую работу сердца, — оно билось вблизи, во тьме опустошенного тела каждого уснувшего. Вощев всмотрелся в лицо ближнего спящего — не выражает ли оно безответного счастья удовлетворенного человека. Но спящий лежал замертво, глубоко и печально скрылись его глаза, и охладевшие ноги беспомощно вытянулись в старых рабочих штанах. Кроме дыханья, в бараке не было звука, никто не видел снов и не разговаривал с воспоминаньями, — каждый существовал без всякого излишка жизни, и во время сна оставалось живым только сердце, берегущее человека. Вощев почувствовал холод усталости и лег для тепла среди двух тел спящих мастеровых. Он уснул, незнакомый этим людям, закрывшим свои глаза, и довольный, что около них ночует, — и так спал, не чувствуя истины, до светлого утра.

Утром Вощеву ударил какой-то инстинкт в голову, он проснулся и слушал чужие слова, не открывая глаз.

— Он слаб!

— Он несознательный.

— Ничего: капитализм из нашей породы делал дураков, и этот — тоже остаток мрака.

— Лишь бы он по сословию подходил: тогда — годится.

— Видя по его телу, класс его бедный.

Вощев в сомнении открыл глаза на свет наступившего дня. Вчерашние спящие живыми стояли над ним и наблюдали его немощное положение.

— Вы уж, наверно, все знаете? — с робостью слабой надежды спросил их Вощев.

— А как же иначе? Мы же всем организациям существование даем! — ответил низкий человек из своего высохшего рта, около которого от измождения слабо росла борода.

В это время отворился дверной вход, и Вощев увидел ночного косаря с артельным чайником: кипяток уже поспел на плите, которая топилась на дворе барака; время пробуждения миновало, наступила пора питаться для дневного труда.

Сельские часы висели на деревянной стене и терпеливо шли силой тяжести мертвого груза; розовый цветок был изображен на облике механизма, чтобы утешать всякого, кто видит время. Мастеровые сели в ряд по длине стола, косарь, ведавший женским делом в бараке, нарезал хлеб и дал каждому человеку ломоть, а в прибавок еще по куску вчерашней холодной говядины. Мастеровые начали серьезно есть, принимая в себя пищу как должное, но не наслаждаясь ею.

— Иди с нами кушать! — позвали Вощева евские.

Вощев встал и, еще не имея полной веры в общую необходимость мира, пошел есть, стесняясь и тоскуя.

Покушав пищи, мастеровые вышли наружу с лопатами в руках, и Вощев направился за ними вслед.

На выкошенном пустыре пахло умершей травой и сыростью обнаженных мест, отчего яснее чувствовалась общая грусть жизни и тоска тщетности. Вощеву дали лопату, и он с жестокостью отчаяния своей жизни сжал ее руками, точно хотел добыть истину из середины земного праха; обездоленный, Вощев согласен был и не иметь смысла существования, но желал хотя бы наблюдать его в веществе тела другого, ближнего человека, — и чтобы находиться вблизи того человека, мог пожертвовать на труд все свое слабое тело, истомленное мыслью и бессмысленностью.

Среди пустыря стоял инженер — нестарый, но седой от счета природы человек. Весь мир он представлял мертвым телом, — он судил его по тем частям, какие уже были им обращены в сооружения: мир всюду поддавался его внимательному и воображающему уму, ограниченному лишь сознанием косности природы; матерьял всегда сдавался точности и терпению, значит — он был мертв и пустынен. Но человек был жив и достоин среди всего унылого вещества, поэтому инженер сейчас вежливо улыбался навстречу партии мастеровых. Вощев видел, что щеки у инженера

были розовые, но не от упитанности, а от излишнего сердцебиения, и Воцеву понравилось, что у этого человека волнуется и бьется сердце.

Инженер сказал Чиклину, что он уже разбил земляные работы и разметил котлован, — и показал на вбитые колышки: теперь можно начинать. Чиклин слушал инженера и добавочно проверял его разбивку своим умом и опытом — он во время земляных работ был старшим в артели, грунтовый труд был его лучшей профессией; когда же настанет пора бутовой кладки, то Чиклин подчинится Сафронову.

— Мало рук, — сказал Чиклин инженеру, — это измор, а не работа — время всю пользу съест.

— Биржа обещала прислать пятьдесят человек, а я просил сто, — ответил инженер. — Но отвечать будем за все работы в материке только вы и я: вы — ведущая бригада.

— Мы вести не будем, а будем равнять всех с собой. Лишь бы люди явились.

И сказав то, Чиклин вонзил лопату в верхнюю мякоть земли, сосредоточив вниз равнодушно-задумчивое лицо. Воцев тоже начал рыть почву вглубь, пуская всю силу в лопату; он теперь допускал возможность, что детство вырастет, радость сделается мыслью и будущий человек найдет себе покой в этом прочном доме, чтобы глядеть из высоких окон в простертый, ждущий его мир. Уже тысячи былинок, корешков и мелких почвенных приютов усердной твари он уничтожил навсегда и работал в теснинах тоскливой глины. Но Чиклин его опередил, — он давно оставил лопату и взял лом, чтобы крошить нижние сжатые породы. Упраздняя старинное природное устройство, Чиклин не мог его понять:

— Зачем-то под почвой была супесь, а здесь пошла глина, а скоро будет известняк!.. Просто себе — происходило что можно: не тронь землю железом, так бы душой она и лежала. Горе!

От чуждости глины и сознания малочисленности своей артели Чиклин спешно ломал вековой грунт, обращая всю жизнь своего тела в удары по мертвым местам. Сердце его привычно билось, терпеливая спина истощалась потом, никакого предохраняющего сала у Чиклина под кожей не было — его старые жилы и внутренности близко подходили наружу, он ощущал окружающее без расчета и сознания, но с точностью. Когда-то он был моложе и его любили девушки — из жадности к его мощному, бредущему куда попало телу, которое не хранило себя и было предано всем. В Чиклине тогда многие нуждались, как в укрытье и покое среди его верного тепла, но он хотел укрывать слишком многих, чтобы и самому было чего чувствовать, тогда женщины и товарищи из ревности покидали его, а Чиклин, тоскуя по ночам, выходил на

базарную площадь и опрокидывал торговые будки или вовсе уносил их куда-нибудь прочь, за что томился затем в тюрьме и пел оттуда песни в летние вишневые вечера.

К полудню усердие Вощева давало все меньше и меньше земли, он начал уже раздражаться от рытья и отстал от артели; лишь один худой мастеровой работал тише его. Этот задний был угрюм и ничтожен всем телом, пот слабости капал в глину с его мутного однообразного лица, обросшего по окружности редкими волосами; при подъеме земли на урез котлована он кашлял и вынуждал из себя мокроту, а потом, успокоившись, закрывал глаза, словно желая сна.

— Козлов! — крикнул ему Сафронов. — Тебе опять неможется?

— Опять, — ответил Козлов своим бедным голосом ребенка.

— Наслаждаешься конфликтами много, — произнес Сафронов, — вот и слабнешь!

Козлов поглядел на Сафронова красными сырыми глазами и промолчал от равнодушного утомления.

Вошев осмотрел этих людей и решил кое-как жить, раз они терпят и живут: он вместе с ними произошел и умрет в свое время неразлучно с людьми.

— Козлов, ложись вниз лицом — отдышься! — сказал Чиклин. — Кашляет, вздыхает, молчит, горюет — так могилы роют, а не дома.

Но Козлов не уважал чужой жалости к себе — он сам незаметно погладил за пазухой свою глухую ветхую грудь и продолжал рыть связный грунт. Он еще верил в наступление жизни после постройки больших домов, и боялся, что в ту жизнь его не примут, если он представится туда жалобным нетрудовым элементом. Лишь одно чувство трогало Козлова по утрам — его сердце затруднялось биться, но все же он надеялся жить в будущем хотя бы маленьким остатком сердца; однако по слабости груди ему приходилось во время работы гладить себя изредка поверх костей и уговаривать шепотом терпеть.

Уже прошел полдень, а биржа не прислала землекопов. Ночной косарь травы выспался, сварил картошек, полил их жидкостью яиц, смочил маслом, подбавил вчерашней каши, посыпал сверху для роскоши укропом и принес в котле эту сборную пищу для развития павших сил артели.

Ели в тишине, не глядя друг на друга и без жадности, не признавая за пищей цены, точно сила человека происходит из одного сознания. Козлов иногда кашлял нечаянно в котел, и видны были крошки в воздухе из его рта, но никто из евших не защитил чистоты пищи желудка против Козлова, и Вошев, видя то, подгребал

своей ложкой как раз те места пищи, куда кашлял Козлов, чтобы лучше сочувствовать ему.

Инженер обошел своим ежедневным обходом разные непременно учреждения и явился на котлован. Он постоял в стороне, пока люди съели все из котла, и тогда сказал:

— В понедельник будут еще сорок человек. А сегодня — суббота: вам уже пора кончать.

— Как так кончать? — спросил Чиклин. — Мы еще куб или полтора выбросим, раньше кончать не к чему.

— А надо кончать, — возразил производитель работ. — Вы уже работаете больше шести часов, и есть закон.

— Тот закон для одних усталых элементов, — воспрепятствовал Чиклин, — а у меня еще малость силы осталось до сна. Кто как думает? — спросил он у всех.

— До вечера долго, — сообщил Сафронов, — чего жизни зря пропадать, лучше сделаем вещь. Мы ведь не животные, мы можем жить ради энтузиазма!

— Может, природа нам что-нибудь покажет внизу, — сказал Воцев.

— И то! — произнес неизвестно кто из мастеровых.

Инженер наклонил голову, он боялся пустого домашнего времени, он не знал, как ему жить одному.

— Тогда и я пойду почерчу немного, и свайные гнезда посчитаю опять.

— А то что ж: ступай, почерчи и посчитай! — согласился Чиклин. — Все равно земля вскопана, кругом скучно — отделаемся, тогда назначим жизнь и отдохнем.

Производитель работ медленно отошел. Он вспомнил свое детство, когда под праздники прислуга мыла полы, мать убирала горницы, а по улице текла неприятная вода, и он, мальчик, не знал, куда ему деться, и ему было тоскливо и задумчиво. Сейчас тоже погода пропала, над равниной пошли медленные сумрачные облака, и во всей России теперь моют полы под праздник социализма, — наслаждаться как-то еще рано и не к чему; лучше сесть, задуматься и чертить части будущего дома.

Козлов от сытости почувствовал радость, и ум его увеличился.

— Всему свету, как говорится, хозяева, а жрать любят, — сообщил Козлов. — Хозяин бы себе враз дом построил, а вы помрете на порожней земле.

— Козлов, ты скот! — определил Сафронов. — На что тебе пролетариат в доме, когда ты одной его наружной организованностью радоваться можешь!

— Пускай радуюсь! — ответил Козлов. — А кто меня любил хоть раз? Терпи, говорят, пока старик капитализм помрет, — теперь он кончился, а я опять живу один под одеялом, и мне ведь грустно!

Вощев заволновался от дружбы к Козлову.

— Грусть это ничего, товарищ Козлов, — сказал он, — это значит, наш класс весь мир чувствует, а счастье все равно буржуазное дело... От счастья только стыд начнется!

В следующее время Вощев и другие с ним опять встали на работу. Еще высоко было солнце, и жалобно пели птицы в освещенном воздухе, не торжествуя, а ища пищи в пространстве; ласточки низко мчались над склоненными роющими людьми, они смолкали крыльями от усталости, и под их пухом и перьями был пот нужды — они летали с самой зари, не переставая мучить себя для сытости птенцов и подруг. Вощев поднял однажды мгновенно умершую в воздухе птицу и павшую вниз: она была вся в поту; а когда ее Вощев ошипал, чтобы увидеть тело, то в его руках осталось скудное печальное существо, погибшее от утомления своего труда. И нынче Вощев не жалел себя на уничтожение сросшегося грунта: здесь будет дом, в нем будут храниться люди от невзгоды и бросать крошки из окон живущим снаружи птицам.

Чиклин, не видя ни птиц, ни неба, не чувствуя мысли, грузно разрушал землю ломом, и его плоть истощалась в глинистой выемке, но он не тосковал от усталости, зная, что в ночном сне его тело наполнится вновь.

Истомленный Козлов сел на землю и рубил топором обнажившийся известняк; он работал, не помня времени и места, спуская остатки своей теплой силы в камень, который он рассекал, — камень нагревался, а Козлов постепенно холодел. Он мог бы так весь незаметно скончаться, и разрушенный камень был бы его бедным наследством будущим растущим людям. Штаны Козлова от движения заголились, сквозь кожу обтягивались кривые острые кости голеней, как ножи с зубринами. Вощев почувствовал от тех беззащитных костей тоскливую нервность, ожидая, что кости прорвут непрочную кожу и выйдут наружу; он попробовал свои ноги в тех же костных местах и сказал всем:

— Пора пошабашить! А то вы уморитесь, умрете, и кто тогда будет людьми?

Вощев не услышал себе слова в ответ. Уже настаивал вечер; вдалеке подымалась синяя ночь, обещая сон и прохладное дыхание, и — точно грусть — стояла мертвая высота над землей. Козлов по-прежнему уничтожал камень в земле, ни на что не отлучаясь взглядом, и, наверно, скучно билось его ослабевшее сердце.

Производитель работ общепролетарского дома вышел из своей чертежной конторы во время ночной тьмы. Яма котлована была пуста, артель мастеровых заснула в бараке тесным рядом туловищ,

и лишь огонь ночной припотушенной лампы проникал оттуда сквозь щели теса, держа свет на всякий несчастный случай или для того, кто внезапно захочет пить. Инженер Прушевский подошел к бараку и поглядел внутрь через отверстие бывшего сучка; около стены спал Чиклин, его опухшая от силы рука лежала на животе, и все тело шумело в питающей работе сна; босой Козлов спал с открытым ртом, горло его клокотало, будто воздух дыхания проходил сквозь тяжелую темную кровь, а из полуоткрытых бледных глаз выходили редкие слезы — от сновидения или неизвестной тоски.

Прушевский отнял голову от досок и подумал. Вдалеке светила электричеством ночная постройка завода, но Прушевский знал, что там нет ничего, кроме мертвого строительного матерьяла и усталых, недумающих людей. Вот он выдумал единственный общепролетарский дом, вместо старого города, где и посейчас живут люди дворовым огороженным способом; через год весь местный класс пролетариата выйдет из мелко-имущественного города и займет для жизни монументальный новый дом. Через десять или двадцать лет другой инженер построит в середине мира башню, куда войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всего земного шара. Прушевский мог бы уже теперь предвидеть, какое произведение статической механики, в смысле искусства и целесообразности, следует поместить в центре мира, но не мог предчувствовать устройства души поселенцев общего дома среди этой равнины и тем более вообразить жителей будущей башни посреди всемирной земли. Какое тогда будет тело у юности и от какой волнующей силы начнет биться сердце и думать ум?

Прушевский хотел это знать уже теперь, чтобы не напрасно строились стены его зодчества: дом должен быть населен людьми, а люди наполнены той излишней теплотой жизни, которая названа однажды душой. Он боялся воздвигать пустые здания — те, в каких люди живут лишь из-за непогоды.

Прушевский остыл от ночи и спустился в начатую яму котлована, где было затишье. Некоторое время он посидел в глубине; под ним находился камень, сбоку возвышалось сечение грунта, и видно было, как на урезе глины, не происходя из нее, лежала почва. Изо всякой ли базы образуется надстройка? Каждое ли производство жизненного матерьяла дает добавочным продуктом душу в человека? А если производство улучшить до точной экономии, — то будут ли происходить из него косвенные, неожиданные продукты?

Инженер Прушевский уже с двадцати пяти лет почувствовал стеснение своего сознания и конец дальнейшему понятию жизни, будто темная стена предстала в упор перед его осязающим умом. И с тех пор он мучился, шевелился у своей стены, и успо-

каивался, что, в сущности, самое срединное, истинное устройство вещества, из которого скомбинирован мир и люди, им постигнуто, — вся насущная наука расположена еще до стены его сознания, а за стеною находится лишь скучное место, куда можно и не стремиться. Но все же интересно было — не вылез ли кто-нибудь за стену вперед. Прушевский еще раз подошел к стене барака и поглядел, согнувшись, по ту сторону на ближнего спящего, чтобы заметить на нем что-нибудь неизвестное в жизни; но там мало было видно, потому что в ночной лампе иссякал керосин, и слышалось одно медленное, западающее дыхание. Прушевский оставил барак и отправился бриться в парикмахерскую ночных смен; он любил, чтобы во время тоски его касались чьи-нибудь руки.

После полуночи Прушевский пришел на свою квартиру — флигель во фруктовом саду, открыл окно в темноту и сел посидеть. Слабый местный ветер начинал иногда шевелить листья, но вскоре опять наступала тишина. Позади сада кто-то шел и пел свою песню; то был, наверно, счетовод с вечерних занятий или просто человек, которому скучно спать.

Вдалеке, на весу и без спасения, светила неясная звезда, и ближе она никогда не станет. Прушевский глядел на нее сквозь мутный воздух, время шло, и он сомневался:

— Либо мне погибнуть?

Прушевский не видел, кому бы он настолько требовался, чтоб непременно поддерживать себя до еще далекой смерти. Вместо надежды ему осталось лишь терпение, и где-то за чередою ночей, за опавшими, расцветшими и вновь погибшими садами, за встреченными и минувшими людьми существует его срок, когда придется лечь на койку, повернуться лицом к стене и скончаться, не сумев заплакать. На свете будет жить только его сестра, но она родит ребенка, и жалость к нему станет сильнее грусти по мертвому, разрушенному брату.

— Лучше я умру, — подумал Прушевский. — Мною пользуются, но мне никто не рад. Завтра я напишу последнее письмо сестре, надо купить марку с утра.

И решив скончаться, он лег в кровать и заснул со счастьем равнодушия к жизни. Не успев еще почувствовать всего счастья, он от него проснулся в три часа пополуночи и, осветив квартиру, сидел среди света и тишины, окруженный близкими яблонями, до самого рассвета, и тогда открыл окно, чтобы слышать птиц и шаги пешеходов.

После общего пробуждения в ночлежный барак землекопов пришел посторонний человек. Изо всех мастеровых его знал один

только Козлов, благодаря своим прошлым конфликтам. Это был товарищ Пашкин, председатель окрпрофсовета. Он имел уже пожилое лицо и согбенный корпус тела — не столько от числа годов, сколько от социальной нагрузки; от этих данных он говорил отечески, и почти все знал или предвидел.

«Ну — что ж, — говорил он обычно во время трудности, — все равно счастье наступит исторически». И с покорностью наклонял унылую голову, которой уже нечего было думать.

Близ начатого котлована Пашкин постоял лицом к земле, как ко всякому производству.

— Темп тих, — произнес он мастеровым. — Зачем вы жалее-те поднимать производительность? Социализм обойдется и без вас, а вы без него проживете зря, и помрете.

— Мы, товарищ Пашкин, как говорится, стараемся, — сказал Козлов.

— Где ж стараетесь?! Одну кучу только выкопали!

Стесненные упреком Пашкина, мастеровые промолчали в ответ. Они стояли и видели: верно говорит человек — скорей надо рыть землю и ставить дом, а то умрешь и не поспеешь. Пусть сейчас жизнь уходит, как течение дыханья, но зато посредством устройства дома ее можно организовать впрок — для будущего неподвижного счастья и для детства.

Пашкин глянул в даль — в равнины и овраги; где-нибудь там ветры начинаются, происходят холодные тучи, разводится разная комариная мелочь и болезни, размышляют кулаки и спит сельская отсталость, а пролетариат живет один, как сукин сын, в этой скучной пустоте, и обязан за всех все выдумать и сделать вручную вещь долгой жизни. И жалко стало Пашкину все свои профсоюзы, и он познал в себе доброту к трудящимся.

— Я вам, товарищи, определю по профсоюзной линии какие-нибудь льготы, — сказал Пашкин.

— А откуда же ты льготы возьмешь? — спросил Сафронов. — Мы их вперед должны сделать и тебе передать, а ты нам.

Пашкин посмотрел на Сафронова своими уныло-предвидящими глазами и пошел внутрь города на службу. За ним вслед отправился Козлов и сказал ему, отдалившись:

— Товарищ Пашкин, вон у нас Воцев зачислился, а у него путевки с биржи труда нет, вы его, как говорится, должны отчислить назад...

— Не вижу здесь никакого конфликта: в пролетариате сейчас убыток, — дал заключение Пашкин, и оставил Козлова без утешения. А Козлов тотчас же начал падать пролетарской верой и захотел уйти внутрь города, чтобы писать там опорочивающие заявления и налаживать различные конфликты, с целью организационных достижений.

До самого полудня время шло благополучно; никто не приходил на котлован из организующего или технического персонала, но земля все же углублялась под лопатами, считаясь лишь с силой и терпением землекопов. Воцев иногда наклонялся и подымал камешек, а также другой слипшийся прах, и клал его на хранение в свои штаны. Его радовало и беспокоило почти вечное пребывание камешка в среде глины, в скоплении тьмы: значит, ему есть расчет там находиться, тем более следует человеку жить. Но все же горе всеобщего состояния опять начинало мучить Воцева, он чувствовал иногда всю наружную жизнь как свою внутренность и по временам хрипел горлом, открывая рот для сообщения.

После полудня Козлов уже не мог надыхаться, — он старался вздохнуть серьезно и глубоко, но воздух не проникал, как прежде, вплоть до живота, а действовал лишь поверхностно. Козлов сел в обнаженный грунт и пригорюнился руками к костяному своему лицу.

— Расстроился? — спросил его Сафронов. — Тебе для прочности надо бы в физкультуру записаться, а ты уважаешь конфликт: ты мыслишь отстало.

Чиклин без спуска и промежутка громил ломом плиту самородного камня, не останавливаясь для мысли или настроения; он не знал, для чего ему жить иначе — еще вором станешь или тронешь революцию.

— Козлов опять ослаб! — сказал Чиклину Сафронов. — Не переживет он социализма — какой-то функции в нем не хватает!

Чиклин перестал трудиться и заметил Козлова, уже ласкавшего самого себя обеими руками. Здесь Чиклин сразу начал думать, потому что его жизни некуда было деваться, раз исход ее в землю прекратился; он прислонился влажной спиной к отвесу выемки, глянул в даль и вообразил воспоминания — больше он ничего думать не мог. В ближнем к котловану овраге сейчас росли понемногу травы и замертво лежал ничтожный песок; неотлучное солнце безрасчетно расточало свое тело на каждую мелочь здешней, низкой жизни, и оно же, посредством теплых ливней, вырыло в старину овраг, но туда еще не помещено никакой пролетарской пользы. Проверя свой ум, Чиклин пошел в овраг и обмерил его привычным шагом, равномерно дыша для счета. Овраг был полностью нужен для котлована, следовало только спланировать откосы и врезать глубину в водопор.

— Козлов пускай поболует, — сказал Чиклин, прибыв обратно. — Мы тут рыть далее не будем стараться, а погрузим дом в овраг и оттуда наладим его вверх: Козлов успеет дожить.

Услышав Чиклина, многие прекратили копать грунт и сели вздохнуть. Но Козлов уже отошел от своей усталости и хотел

идти к Прушевскому сказать, что землю больше не роют — и надо предпринимать существенную дисциплину. Собираясь совершить такую организационную пользу, Козлов заранее радовался и вздоравливал. Однако Сафронов оставил его на месте, лишь только он тронулся.

— Ты что, Козлов, — курс на интеллигенцию взял? Вон она сама спускается в нашу массу.

Прушевский шел на котлован впереди неизвестных людей. Письмо сестре он отправил и хотел теперь упорно действовать, беспокоиться о текущих предметах и строить любое здание в чужой прок, лишь бы не тревожить своего сознания, в котором он установил особое нежное равнодушие, согласованное со смертью и с чувством сиротства к остающимся людям. С особой трогательностью он относился к тем людям, которых ранее почему-либо не любил, — теперь он чувствовал в них почти главную загадку своей жизни и пристально вглядывался в чуждые и знакомые, глупые лица, волнуясь и не понимая.

Неизвестные люди оказались новыми рабочими, что прислал Пашкин для обеспечения государственного темпа. Но рабочими прибывшие не были: Чиклин сразу, без пристальности обнаружил в них переученных наоборот городских служащих, разных степных отшельников и людей, привыкших идти тихим шагом позади трудящейся лошади; в их теле не замечалось никакого пролетарского таланта труда, они более способны были лежать навзничь или покоиться как-либо иначе.

Прушевский определил Чиклину расставить свежих рабочих по котловану и дать им выучку, потому что надо уметь жить и работать с теми людьми, которые есть на свете.

— Нам это ничто, — высказался Сафронов. — Мы ихнюю отсталость сразу в активность вышибем.

— Вот-вот, — произнес Прушевский, доверяя, и пошел позади Чиклина на овраг.

Чиклин сказал, что овраг это более чем пополам готовый котлован и посредством оврага можно сберечь слабых людей для будущего. Прушевский согласился с тем, потому что он все равно умрет раньше, чем кончится здание.

— А во мне пошевелилось научное сомнение, — сморщив свое вежливо-сознательное лицо, сказал Сафронов. И все к нему прислушались. А Сафронов глядел на окружающих с улыбкой загадочного разума.

— Откуда это у товарища Чиклина мировое представленье получилось? — произносил постепенно Сафронов. — Иль он особое лобзание в малолетстве имел, что лучше ученого предпочитает овраг! Отчего ты, товарищ Чиклин, думаешь, а я с товарищем

Прушевским хожу, как мелочь между классов, и не вижу себе улучшения!..

Чиклин был слишком угрюм для хитрости и ответил приблизительно:

— Некуда жить, вот и думаешь в голову.

Прушевский посмотрел на Чиклина, как на бесцельного мученика, а затем попросил произвести разведочное бурение в овраге и ушел в свою канцелярию. Там он начал тщательно работать над выдуманными частями общепролетарского дома, чтобы ощущать предметы и позабыть людей в своих воспоминаниях. Часа через два Воцев принес ему образцы грунта из разведочных скважин.

Прушевский взял в руку образец овражного грунта и сосредоточился на нем — он хотел остаться только с этим темным комком земли. Воцев отступил за дверь и скрылся за нею, шепча про себя свою грусть.

Инженер рассмотрел грунт и долго, по инерции самодействующего разума, свободного от надежды и желания удовлетворения, рассчитывал тот грунт на сжатие и деформацию. Прежде, во время чувственной жизни и видимости счастья, Прушевский посчитал бы надежность грунта менее точно, — теперь же ему хотелось непрерывно заботиться о предметах и устройствах, чтобы иметь их в своем уме и пустом сердце, вместо дружбы и привязанности к людям. Занятие техникой покоя будущего здания обеспечивало Прушевскому равнодушие ясной мысли, близкое к наслаждению, — и детали сооружения возбуждали интерес, лучший и более прочный, чем товарищеское волнение с единомышленниками. Вечное вещество, не нуждавшееся ни в движении, ни в жизни, ни в исчезновении, заменяло Прушевскому что-то забытое и необходимое, как существо утраченной подруги.

Окончив счисление своих величин, Прушевский обеспечил несокрушимость будущего общепролетарского жилища и почувствовал утешение от надежности матерьяла, предназначенного охранять людей, живших доселе снаружи. И ему стало легко и неслышно внутри, точно он жил не предсмертную, равнодушную жизнь, а ту самую, про которую ему шептала некогда мать своими устами, но он ее утратил даже в воспоминании.

Не нарушая своего покоя и удивления, Прушевский оставил канцелярию земляных работ. В природе отходил в вечер опустошенный летний день; все постепенно кончалось вблизи и вдали: прятались птицы, ложились люди, смиренно курился дым из отдаленных полевых жилищ, где безвестный усталый человек сидел у котелка, ожидая ужина, решив терпеть свою жизнь до конца. На котловане было пусто, землекопы перешли трудиться на овраг, и там сейчас происходило их движение. Прушевскому захотелось

вдруг побывать в далеком центральном городе, где люди долго не спят, думают и спорят, где по вечерам открыты гастрономические магазины и оттуда пахнет вином и кондитерскими изделиями, где можно встретить незнакомую женщину и побеседовать с ней всю ночь, испытывая таинственное счастье дружбы, когда хочется жить вечно в этой тревоге; утром же, простившись под потушенным газовым фонарем, разойтись в пустоте рассвета без обещания встречи.

Прушевский сел на лавочку у канцелярии. Так же он сидел когда-то у дома отца, — летние вечера не изменились с тех пор, — и он любил тогда следить за прохожими мимо — иные ему нравились, и он жалел, что не все люди знакомы между собой. Одно же чувство было живо и печально в нем до сих пор: когда-то, в такой же вечер мимо дома его детства прошла девушка, и он не мог вспомнить ни ее лица, ни года того события, но с тех пор всматривался во все женские лица и ни в одном из них не узнавал той, которая, исчезнув, все же была его единственной подругой и так близко прошла, не остановившись.

Во время революции по всей России день и ночь брехали собаки, но теперь они умолкли: настал труд, и трудящиеся спали в тишине. Милиция охраняла снаружи безмолвие рабочих жилищ, чтобы сон был глубок и питателен для утреннего труда. Не спали только ночные смены строителей да тот безногий инвалид, которого встретил Вошев при своем пришествии в этот город. Сегодня он ехал на низкой тележке к товарищу Пашкину, дабы получить от него свою долю жизни, за которой он приезжал раз в неделю.

Пашкин жил в основательном доме из кирпича, чтоб невозможно было сгореть, и открытые окна его жилища выходили в культурный сад, где даже ночью светились цветы. Урод проехал мимо окна кухни, которая шумела, как котельная, производя ужин, и остановился против кабинета Пашкина. Хозяин сидел неподвижно за столом, глубоко вдумавшись во что-то невидимое для инвалида. На его столе находились различные жидкости и баночки для укрепления здоровья и развития активности, — Пашкин много приобрел себе классового сознания, он состоял в авангарде, накопил уже достаточно достижений, — и потому научно хранил свое тело — не только для личной радости существования, но и для ближних рабочих масс. Инвалид обождал время, пока Пашкин, поднявшись от занятия мыслью, проделал всеми членами беглую гимнастику и, доведя себя до свежести, снова сел. Урод хотел

произнести свое слово в окно, но Пашкин взял пузырек и после трех медленных вздохов выпил оттуда каплю.

— Долго я тебя буду дожидаться? — спросил инвалид, не сознававший ни цены жизни, ни здоровья. — Опять хочешь от меня кой-чего заработать?

Пашкин нечаянно заволновался, но напряжением ума успокоился — он никогда не желал тратить нервности своего тела.

— Ты что, товарищ Жачев: чем не обеспечен, чего возбуждаешься?

Жачев ответил ему прямо по факту:

— Ты что ж, буржуй, иль забыл, за что я тебя терплю? Тяжесть хочешь получить в слепую кишку? Имей в виду — любой кодекс для меня слаб!

Здесь инвалид вырвал из земли ряд роз, бывших под рукой, и, не пользуясь, бросил их прочь.

— Товарищ Жачев, — ответил Пашкин, — я тебя вовсе не понимаю: ведь тебе идет пенсия по первой категории, — как же так? Я уж и так, чем мог, всегда тебе шел навстречу.

— Врешь ты, классовый излишек, — это я тебе навстречу попался, а не ты шел!

В кабинет Пашкина вошла его супруга, — с красными губами, жрущими мясо.

— Левочка, ты опять волнуешься? — сказала она. — Я ему сейчас сверток вынесу: это прямо стало невыносимым, с этими людьми какие угодно нервы испортишь!

Она ушла обратно, волнуясь всем невозможным телом.

— Ишь как жену, стервец, расхарчевал! — произносил из сада Жачев. — На холостом ходу всеми клапанами работает, — значит, ты можешь заведовать сукой!

Пашкин был слишком опытен в руководстве отсталыми, чтобы раздражаться.

— Ты бы и сам, товарищ Жачев, вполне мог содержать для себя подругу: в пенсии учитываются все минимальные потребности.

— Ого, гадина тактичная какая! — определил Жачев из мрака. — Моей пенсии и на пшено не хватает — на просо только. А я хочу жиру и что-нибудь молочного. Скажи своей мерзавке, чтоб она мне в бутылку сливок погуще налила!

Жена Пашкина вошла в комнату мужа со свертком.

— Оля, он еще сливок требует, — обратился Пашкин.

— Ну вот еще! Может ему крепдешину еще купить на штаны? Ты ведь выдумаешь!

— Она хочет, чтоб я ей юбку на улице разрезал, — сказал с клумбы Жачев. — Иль окно спальни прошиб — до самого пудре-

ного столика, где она свою рожу уснащает, — она от меня хочет заработать!..

Жена Пашкина помнила, как Жачев послал в ОблКК заявление на ее мужа и целый месяц шло расследование, — даже к имени придирались: почему и Лев, и Ильич? — уж что-нибудь одно! Поэтому она немедленно вынесла инвалиду бутылку кооперативных сливок, и Жачев, получив через окно сверток и бутылку, отбыл из усадебного сада.

— А качество продуктов я дома проверю, — сообщил он, остановив свой экипаж у калитки. — Если опять порченный кусок говядины или просто обьедок попадетсЯ, — надейтесь на кирпич в живот: по человечеству я лучше вас — мне нужна достойная пища!

Оставшись с супругой, Пашкин до самой полночи не мог превозмочь в себе тревоги от урота. Жена Пашкина умела думать от скуки, и она выдумала мысль во время семейного молчания:

— Знаешь что, Левочка?.. Ты бы организовал как-нибудь этого Жачева, а потом взял и продвинул его на должность — пусть бы хоть увечными он руководил! Ведь каждому человеку нужно иметь хоть маленькое господствующее значение, тогда он спокоен и приличен... Какой ты все-таки, Левочка, доверчивый и нелепый!

Пашкин, услышав жену, почувствовал любовь и спокойствие, — к нему снова возвращалась основная жизнь.

— Ольгуша, лягушечка, ведь ты гигантски чуешь массы! Дай я к тебе за это приорганизируюсь!

Он приложил свою голову к телу жены и затих в наслаждении счастьем и теплотой. Ночь продолжалась в саду, вдалеке скрипела тележка Жачева, — по этому скрипящему признаку все мелкие жители города хорошо знали, что сливочного масла нет, ибо Жачев всегда смазывал свою повозку именно сливочным маслом, получаемым в свертках от достаточных лиц; он нарочно стравлял продукт, чтобы лишняя сила не прибавлялась в буржуазное тело, а сам не желал питаться этим зажиточным веществом. В последние два дня Жачев почему-то почувствовал аппетит увидеть Никиту Чиклина, и направил движение своей тележки на земляной котлован.

— Никит! — позвал он у ночлежного барака.

После звука еще более стала заметна ночь, тишина и общая грусть слабой жизни во тьме. Из барака не раздалось ответа Жачеву, лишь слышалось жалкое дыхание. «Без сна рабочий человек давно бы кончился», — подумал Жачев, и без шума поехал дальше. Но из оврага вышли двое людей с фонарем, так что Жачев стал им виден.

— Ты кто — такой низкий? — спросил голос Сафронова.

— Это я, — сказал Жачев, — потому что меня капитал пополам сократил. А нет ли между вами двумя одного Никиты?

— Это не животное, а прямо человек! — отозвался тот же Сафронов. — Скажи ему, Чиклин, мнение про себя.

Чиклин осветил фонарем лицо и все краткое тело Жачева, а затем в смущении отвел фонарь в темную сторону.

— Ты что, Жачев? — тихо произнес Чиклин. — Кашу приехал есть? Пойдем, — у нас она осталась, а то к завтраму прокиснет, все равно мы ее вышвыриваем.

Чиклин боялся, чтобы Жачев не обижался на помощь и ел кашу с тем сознанием, что она уже ничья и ее все равно вышвырнут. Жачев и прежде, когда Чиклин работал на прочистке реки от карчи, посещал его, дабы кормиться от рабочего класса; но среди лета он переменял курс и стал питаться от максимального класса, чем рассчитывал принести пользу всему неимущему движению в дальнейшее счастье.

— Я по тебе соскучился, — сообщил Жачев. — Меня нахождение сволочи мучает, и я хочу спросить у тебя, когда вы соорудите свою чушь, чтоб город сжечь!

— Вот сделай злак из такого лопуха! — сказал Сафронов про урода. — Мы все свое тело выдавливаем для общего здания, а он дает лозунг, что наше состояние — чушь, и нигде нету момента чувства ума!

Сафронов знал, что социализм — это дело научное, и произносил слова так же логично и научно, давая им для прочности два смысла — основной и запасный, как всякому матерьялу. Все трое уже достигли барака и вошли в него. Воцев достал из угла чугуна кашу, закутанный для сохранения тепла в ватный пиджак, и дал пришедшим есть. Чиклин и Сафронов сильно остыли и были в глине и сырости; они ходили в котлован раскапывать водяной подземный исток, чтобы перехватить его вмертвую глиняным замком.

Жачев не развернул своего свертка, а съел общую кашу, пользуясь ею и для сытости, и для подтверждения своего равенства с двумя евшими людьми. После пищи Чиклин и Сафронов вышли наружу — вздохнуть перед сном и поглядеть вокруг. И так они стояли там свое время. Звездная точная ночь не соответствовала овражной, трудной земле и сбивающемуся дыханию спящих землекопов. Если глядеть лишь понизу, в сухую мелочь почвы и в травы, живущие в гуще и бедности, то в жизни не было надежды; общая всемирная невзрачность, а также людская некультурная унылость озадачивали Сафронова и расшатывали в нем идеологическую установку. Он даже начинал сомневаться в счастье

будущего, которое представлял в виде синего лета, освещенного неподвижным солнцем, — слишком смутно и тщетно было днем и ночью вокруг.

— Чиклин, что же ты так молча живешь? Ты бы сказал или сделал мне что-нибудь для радости!

— Что ж мне: обнимать тебя, что ли, — ответил Чиклин. — Вот выроем котлован, и ладно... Ты вот тех, кого нам биржа прислала, уговори, а то они свое тело на работе жалеют, будто они в нем имеют что!

— Могу, — ответил Сафронов, — смело могу! Я этих пастухов и писцов враз в рабочий класс обращаю, — они у меня так копать начнут, что у них весь смертный элемент выйдет на лицо... А отчего, Никит, поле так скучно лежит? Неужели внутри всего света тоска, а только в нас одних пятилетний план?

Чиклин имел маленькую, каменистую голову, густо обросшую волосами, потому что всю жизнь либо бил балдой, либо рыл лопатой, а думать не успевал, и не объяснил Сафронову его сомнения.

Они вздохнули среди наставшей тишины и пошли спать. Жачев уже согнулся на своей тележке, уснув как мог, а Воцев лежал навзничь и глядел глазами с терпеньем любопытства.

— Говорили, что все на свете знаете, — сказал Воцев, — а сами только землю роете и спите! Лучше я от вас уйду — буду ходить по колхозам побираться: все равно мне без истины стыдно жить.

Сафронов сделал на своем лице определенное выражение превосходства и прошелся мимо ног спящих легкой, руководящей походкой.

— Э-э, скажите, пожалуйста, товарищ, в каком виде вам желательно получить этот продукт — в круглом или жидком?

— Не трожь его, — определил Чиклин, — мы все живем на пустом свете, — разве у тебя спокойно на душе?

Сафронов, любивший красоту жизни и вежливость ума, стоял с почтением к участи Воцева, хотя в то же время глубоко волновался: не есть ли истина лишь классовый враг? — ведь он теперь даже в форме сна и воображенья может предстать!

— Ты, товарищ Чиклин, пока воздержись от своей декларации, — с полной значительностью обратился Сафронов. — Вопрос встал принципиально, и надо его класть обратно по всей теории чувств и массового психоза...

— Довольно тебе, Сафронов, как говорится, зарплату мне снижать, — сказал пробужденный Козлов. — Перестань брать слово, когда мне спится, а то я на тебя заявленье подам! Не беспокойся — сон ведь тоже как зарплата считается, там тебе укажут...

Сафронов произнес во рту какой-то нравоучительный звук и сказал своим вящим голосом:

— Извольте, гражданин Козлов, спать нормально — что это за класс нервной интеллигенции здесь присутствует, если звук сразу в бюрократизм растет?.. А если ты, Козлов, умственную начинку имеешь и в авангарде лежишь, то привстань на локоть и сообщи: почему это товарищу Вошеву буржуазия не оставила ведомости всемирного мертвого инвентаря и он живет в убытке и в такой смехотворности?..

Но Козлов уже спал и чувствовал лишь глубину своего тела. Вошев же лег вниз лицом и стал жаловаться шепотом самому себе на таинственную жизнь, в которой он безжалостно родился.

Все последние бодрствующие легли и успокоились; ночь замерла перед рассветом — и только одно маленькое животное кричало где-то на светлеющем степном горизонте, тоскуя или радуясь. Чиклин сидел среди спящих и молча переживал свою жизнь; он любил иногда сидеть в тишине и наблюдать все, что было видно. Думать он мог с трудом, и сильно тужил об этом, — поневоле ему приходилось лишь чувствовать и безмолвно волноваться. И чем больше он сидел, тем гуще в нем от неподвижности скапливалась печаль, — так что Чиклин встал и уперся руками в стену барака, лишь бы давить и двигаться во что-нибудь. Спать ему никак не хотелось — наоборот, он бы пошел сейчас в поле и поплясал с разными девушками и людьми под веточками, как делал в старое время, когда работал на кафельно-изразцовом заводе. Там дочь хозяина его однажды моментально поцеловала: он шел в глиномялку по лестнице в июне месяце, а она ему шла навстречу и, приподнявшись на скрытых под платьем ногах, схватила его за плечи и поцеловала своими опухшими, молчаливыми губами в шерсть на щеке. Чиклин теперь уже не помнит ни лица ее, ни характера, но тогда она ему не понравилась, точно была постыдным животным, — и так он прошел в то время мимо нее, не остановившись, а она, может быть, и плакала потом, благородное существо.

Надев свой ватный, желто-тифозного цвета пиджак, который у Чиклина был единственным со времен покорения буржуазии, обосновавшись на ночь, как на зиму, он собрался пойти походить по дороге и, совершив что-нибудь, уснуть затем в утренней росе.

Неизвестный вначале человек вошел в ночлежное помещение и стал в темноте входа.

— Вы еще не спите, товарищ Чиклин! — сказал Прушевский. — Я тоже хожу и никак не усну: все мне кажется, что я кого-то утратил и никак не могу встретить...

Чиклин, уважавший ум инженера, не умел ему сочувственно ответить, и со стеснением молчал.

Прушевский сел на скамью и поник головой; решив исчезнуть со света, он больше не стыдился людей и сам пришел к ним.

— Вы меня извините, товарищ Чиклин, но я все время беспокоюсь один на квартире. Можно я просижу здесь до утра?

— А отчего ж нельзя? — сказал Чиклин. — Среди нас ты будешь отдыхать спокойно, — ложись на мое место, а я где-нибудь пристроюсь.

— Нет, я лучше так посижу. Мне дома стало грустно и страшно, я не знаю, что мне делать. Вы, пожалуйста, не думайте только что-нибудь про меня неправильно.

Чиклин и не думал ничего.

— Не уходи отсюда никуда, — произнес он. — Мы тебя никому не дадим тронуть, ты теперь не бойся.

Прушевский сидел все в том же своем настроении; лампа освещала его серьезное, чуждое счастливого самочувствия лицо, но он уже жалел, что поступил несознательно, прибыв сюда: все равно ему уже не так долго осталось терпеть до смерти и до ликвидации всего.

Сафронов приоткрыл от разговорного шума один глаз и думал, какую бы ему наиболее благополучную линию принять в отношении сидящего представителя интеллигенции. Сообразив, он сказал:

— Вы, товарищ Прушевский, насколько я имею сведения, свою кровь портили, чтобы выдумать по всем условиям общепролетарскую жилплощадь. А теперь, я наблюдаю, вы явились ночью в пролетарскую массу, как будто сзади вас ярость какая находится! Но раз курс на спецов есть, то ложитесь против меня, чтоб вы постоянно видели мое лицо и смело спали...

Жачев тоже проснулся на тележке.

— Может, он кушать хочет? — спросил он для Прушевского. — А то у меня есть буржуйская пища.

— Какая такая буржуйская и сколько в ней питательности, товарищ? — поражаясь, произнес Сафронов. — Где это вам представился буржуазный персонал?

— Стихни, темная мелочь! — ответил Жачев. — Твое дело целым остаться в этой жизни, а мое — погибнуть, чтоб очистить место!

— Ты не бойся, — говорил Чиклин Прушевскому, — ложись и закрывай глаза. Я буду недалеко, — как испугаешься, так кричи меня.

Прушевский пошел, пригнувшись, чтоб не шуметь, на место Чиклина и там лег в одежде. Чиклин снял с себя ватный пиджак и бросил ему на ноги одеваться.

— Я четыре месяца взносов в профсоюз не платил, — тихо

сказал Прушевский, сразу озябнув внизу и укрываясь. — Все ду- мал, что успею.

— Теперь вы механически выбывший человек: факт! — со- общил со своего места Сафронов.

— Спице молча! — сказал Чиклин всем, и вышел наружу, чтобы пожить одному среди скучной ночи.

Утром Козлов долго стоял над спящим телом Прушевского; он мучился, что это руководящее умное лицо спит, как ничтожный гражданин, среди лежащих масс и теперь потеряет свой авторитет. Козлову пришлось глубоко соображать над таким недоумен- ным обстоятельством, — он не хотел и был не в силах допустить вред для всего государства от несоответствующей линии прораба, он даже заволновался и поспешно умылся, чтобы быть наготове. В такие минуты жизни, минуты грозящей опасности, Козлов чув- ствовал внутри себя горячую социальную радость и эту радость хотел применить на подвиг и умереть с энтузиазмом, дабы весь класс его узнал и заплакал над ним. Здесь Козлов даже продрог от восторга, забыв о летнем времени. Он с сознанием подошел к Прушевскому и разбудил его ото сна.

— Уходите на свою квартиру, товарищ прораб, — хладно- кровно сказал он. — Наши рабочие еще не подтянулись до всего понятия, и вам будет некрасиво нести должность.

— Не ваше дело, — ответил Прушевский.

— Нет, извините, — возразил Козлов, — каждый, как гово- рится, гражданин обязан нести данную ему директиву, а вы свою бросаете вниз и равняетесь на отсталость. Это никуда не годится, я пойду в инстанцию, вы нашу линию портите, вы против темпа и руководства, — вот что такое!

Жачев ел деснами и молчал, предпочитая ударить сегодня же, но попозднее, Козлова в живот, как рвущуюся вперед сволочь. А Во- щев, слышав эти слова и возгласы, лежал без звука, по-прежнему не постигая жизни. «Лучше б я комаром родился: у него судьба быстротечна», — полагал он.

Прушевский, не говоря ничего Козлову, встал с ложа, по- смотрел на знакомого ему Вощева и сосредоточился далее взгля- дом на спящих людях; он хотел произнести томящее его слово или просьбу, но чувство грусти, как усталость, прошло по лицу Прушевского, и он стал уходить. Шедший со стороны рассвета Чиклин сказал Прушевскому: если вечером ему опять покажется страшно, то пусть приходит снова ночевать, и если чего-нибудь хочет, пусть лучше говорит.

Но Прушевский не ответил, и они молча продолжали вдвоем свою дорогу. Уныло и жарко начинался долгий день; солнце, как слепота, находилось равнодушно над низовой бедностью земли; но другого места для жизни не было дано.

— Однажды, давно — почти еще в детстве, — сказал Прушевский, — я заметил, товарищ Чиклин, проходящую мимо меня женщину, такую же молодую, как я тогда. Дело было, наверное, в июне или июле, и с тех пор я почувствовал тоску и стал все помнить и понимать, а ее не видел и хочу еще раз посмотреть на нее. А больше уж ничего не хочу.

— В какой местности ты ее заметил? — спросил Чиклин.

— В этом же городе.

— Так она, должно быть, дочь кафельщика! — догадался Чиклин.

— Почему? — произнес Прушевский. — Не понимаю!

— А я ее тоже встречал в июне месяце — и тогда же отказался смотреть на нее. А потом, спустя срок, у меня нагрелось к ней что-то в груди, одинаково с тобой. У нас с тобой был один и тот же женский человек.

Прушевский скромно улыбнулся:

— Но почему же?

— Потому что я к тебе ее приведу, и ты ее увидишь: лишь бы она жила сейчас на свете!

Чиклин с точностью воображал себе горе Прушевского, потому что и он сам, хотя и более забывчиво, грустил когда-то тем же горем — по худому, чужеродному, легкому человеку, молча поцеловавшему его в левый бок лица. Значит, один и тот же редкий, прелестный предмет действовал вблизи и вдали на них обоих.

— Небось уж она пожилой теперь стала, — сказал вскоре Чиклин. — Наверно, измучилась вся, и кожа на ней стала бурая или кухарочная.

— Наверно, — подтвердил Прушевский. — Времени прошло много, и если жива еще она, то вся обуглилась.

Они остановились на краю овражного котлована; надо бы гораздо раньше начать рыть такую пропасть под общий дом, тогда бы и то существо, которое понадобилось Прушевскому, пребывало здесь в целостности.

— А скорей всего она теперь сознательница, — произнес Чиклин, — и действует для нашего блага: у кого в молодых летах было несчастное чувство, у того потом ум является.

Прушевский осмотрел пустой район ближайшей природы, и ему жалко стало, что его потерянная подруга и многие нужные

люди обязаны жить и теряться на этой смертной земле, на которой еще не устроено уюта, — и он сказал Чиклину одно огорчающее соображение:

— Но ведь я не знаю ее лица! Как же нам быть, товарищ Чиклин, когда она придет?

Чиклин ответил ему:

— Ты ее почувствуешь — и узнаешь, — мало ли забытых на свете! Ты вспомнишь ее по одной своей печали!

Прушевский понял, что это правда, и, побоявшись не угодить чем-нибудь Чиклину, вынул часы, чтобы показать свою заботу о близком дневном труде.

Сафронов, делая интеллигентную походку и задумчивое лицо, приблизился к Чиклину.

— Я слышал, товарищи, вы свои тенденции здесь бросали, так я вас попрошу стать попассивнее, а то время производству настанет! А тебе, товарищ Чиклин, надо бы установку на Козлова взять — он на саботаж линию берет.

Козлов в то время ел завтрак в тоскующем настроении: он считал свои революционные заслуги недостаточными, а ежедневно приносимую общественную пользу — малой. Сегодня он проснулся после полуночи и до утра внимательно томился — о том, что главное организационное строительство идет помимо его участия, а он действует лишь в овраге, но не в гигантском руководящем масштабе. К утру Козлов постановил для себя перейти на инвалидную пенсию, чтобы целиком отдаться наибольшей общественной пользе, — так в нем с мучением высказывалась пролетарская совесть.

Сафронов, услышав от Козлова эту мысль, счел его паразитом и произнес:

— Ты, Козлов, свой принцип заимел и покидаешь рабочую массу, а сам вылезает в даль: значит, ты чужая вша, которая свою линию всегда наружу держит.

— Ты, как говорится, лучше молчи! — сказал Козлов. — А то живо на заметку попадешь!.. Помнишь, как ты подговорил одного бедняка, во время самого курса на коллективизацию, петуха зарезать и съесть! Помнишь? Мы знаем, кто коллективизацию хотел ослабить! Мы знаем, какой ты четкий!

Сафронов, в котором идея находилась в окружении житейских страстей, оставил весь резон Козлова без ответа и отошел от него прочь своей свободомыслящей походкой. Он не уважал, чтобы на него подавались заявления.

Чиклин подошел к Козлову и спросил у него про все.

— Я сегодня в соцстрах пойду становиться на пенсию, — сообщил Козлов. — Хочу за всем следить против социального вреда и мелкобуржуазного бунта.

— Рабочий класс — не царь, — сказал Чиклин, — он бунтов не боится.

— Пускай не боится, — согласился Козлов. — Но все-таки лучше будет, как говорится, его постеречь.

Жачев уже был вблизи на тележке — и, откатившись назад, он разогнался вперед и ударил Козлова со всей скорости молчаливой головой в живот. Козлов упал назад от ужаса, потеряв на минуту желание наибольшей общественной пользы. Чиклин, согнувшись, поднял Жачева вместе с экипажем на воздух и зашвырнул прочь в пространство. Жачев, уравновесив движение, успел сообщить с линии полета свои слова: «За что, Никит? Я хотел, чтоб он первый разряд пенсии получил!» — и раздробил повозку между телом и землей, благодаря падению.

— Ступай, Козлов! — сказал Чиклин лежащему человеку. — Мы все, должно быть, по очереди туда уйдем. Тебе уж пора отдышаться.

Козлов, опомнившись, заявил, что он видит в ночных снах начальника Цустраха товарища Романова и разное общество чисто одетых людей, так что волнуется всю эту неделю.

Вскоре Козлов оделся в пиджак, и Чиклин, совместно с другими, очистил его одежду от земли и приставшего сора. Сафронов управился принести Жачева и, свалив его изнемогшее тело в угол барака, сказал:

— Пускай это пролетарское вещество здесь полежит — из него какой-нибудь принцип вырастет.

Козлов дал всем свою руку и пошел становиться на пенсию.

— Прощай, — сказал ему Сафронов, — ты теперь как передовой ангел от рабочего состава, ввиду вознесения его в служебные учреждения...

Козлов и сам умел думать мысли, поэтому безмолвно отошел в высшую, общепользную жизнь, взяв в руку свой имущественный сундучок.

В ту минуту за оврагом, по полю мчался один человек, которого еще нельзя было разглядеть и остановить; его тело отощало внутри одежды и штаны колебались на нем, как порошние. Человек добежал до людей и сел отдельно на земляную кучу, как всем чужой. Один глаз он закрыл, а другим глядел на всех, ожидая худого, но не собираясь жаловаться; глаз его был хуторского, желтого цвета, оценивающий всю видимость со скорбью экономии.

Вскоре человек вздохнул и лег дремать на животе. Ему никто

не возражал здесь находиться, потому что мало ли кто еще живет без участия в строительстве, — и уже настало время труда в овраге.

Разные сны представляются трудящемуся по ночам — одни выражают исполненную надежду, другие предчувствуют собственный гроб в глинистой могиле; но дневное время проживается одинаковым, сгорбленным способом, — терпением тела, роющего землю, чтобы посадить в свежую пропасть вечный, каменный корень неразрушимого зодчества.

Новые землекопы постепенно обжились и привыкли работать. Каждый из них придумал себе идею будущего спасения отсюда — один желал нарастить стаж и уйти учиться, второй ожидал момента для переквалификации, третий же предпочитал пройти в партию и скрыться в руководящем аппарате, — и каждый с усердием рыл землю, постоянно помня эту свою идею спасения.

Пашкин посещал котлован через день и по-прежнему находил темп тихим. Обыкновенно он приезжал верхом на коне, так как экипаж продал в эпоху режима экономии, и теперь наблюдал со спины животного великое рытье. Однако Жачев присутствовал тут же и сумел, во время пеших отлучек Пашкина в глубь котлована, опопить лошадь, так что Пашкин стал беречься ездить всадником и прибывал на автомобиле.

Вощев, как и раньше, не чувствовал истины жизни, но смирился от истощения тяжелым грунтом — и только собирал в выходные дни всякую несчастную мелочь природы, как документы беспланового создания мира, как факты меланхолии любого живущего дыхания.

И по вечерам, которые теперь были темнее и дольше, стало скучно жить в бараке. Мужик с желтыми глазами, что прибежал откуда-то из полевой страны, жил также среди артели; он находился там безмолвно, но искупал свое существование женской работой по общему хозяйству, вплоть до прилежного ремонта истертой одежды. Сафронов уже рассуждал про себя: не пора ли проводить этого мужика в союз, как обслуживающую силу, но не знал, сколько скотины у него в деревне на дворе и отсутствуют ли батраки, поэтому задерживал свое намеренье.

По вечерам Вощев лежал с открытыми глазами и тосковал о будущем, когда все станет общеизвестным и помещенным в скупое чувство счастья. Жачев убеждал Вощева, что его желанье безумное, потому что вражья имущая сила вновь происходит

и загораживает свет жизни, — надо лишь сберечь детей, как нежность революции, и оставить им наказ.

— А что, товарищи, — сказал однажды Сафронов, — не поставить ли нам радио — для заслушанья достижений и директив! У нас есть здесь отсталые массы, которым полезна бы была культурная революция и всякий музыкальный звук, чтоб они не скопляли в себе темное настроенье!

— Лучше девочку-сиротку привести за ручку, чем твое радио, — возразил Жачев.

— А какие, товарищ Жачев, заслуги или поученье в твоей девочке? Чем она мучается для воздвижения всего строительства?

— Она сейчас сахару не ест для твоего строительства, вот чем она служит, единоголосная душа из тебя вон! — ответил Жачев.

— Ага, — вынес мнение Сафронов, — тогда, товарищ Жачев, доставь нам на своем транспорте эту жалобную девочку, — мы от ее мелодичного вида начнем более согласованно жить.

И Сафронов остановился перед всеми в положении вождя ликбеза и просвещения, а затем прошелся убежденной походкой и сделал активно-мыслящее лицо.

— Нам, товарищи, необходимо здесь иметь, в форме детства, лидера будущего пролетарского света: в этом товарищ Жачев оправдал то положение, что у него голова цела, а ног нету.

Жачев хотел сказать Сафронову ответ, но предпочел притянуть к себе за штанину ближнего хуторского мужика и дать ему развитой рукой два удара в бок, как наличному виноватому буржую. Желтые глаза мужика только зажмурились от муки, но сам он не сделал себе никакой защиты и молча стоял на земле.

— Ишь ты, железный инвентарь какой — стоит и не боится, — рассердился Жачев, и снова ударил мужика с навеса длинной рукой. — Значит, ему, ехидному, где-то еще больней было, а у нас прелесть: чуй, чья власть, коровий супруг!

Мужик сел вниз для отдышки. Он уже привык получать от Жачева удары за свою собственность в деревне и неслышно превозмогал боль.

— Вот еще надлежало бы и товарищу Вощеву приобрести от Жачева карающий удар, — сказал Сафронов. — А то он один среди пролетарьята не знает, для чего ему жить.

— А для чего, товарищ Сафронов? — прислушался Вощев издали сарая. — Я хочу истину для производительности труда.

Сафронов изобразил рукой жест нравоучения, и на лице его получилась морщинистая мысль жалости к отсталому человеку.

— Пролетарьят живет для энтузиазма, товарищ Вощев! Пора

бы тебе получить эту тенденцию. У каждого члена союза от этого лозунга должно тело гореть!

Чиклина не было, он ходил по местности вокруг кафельного завода. Все находилось в прежнем виде, только приобрело ветхость отживающего мира; уличные деревья рассыхались от старости и стояли давно без листьев, но кто-то существовал еще, притаившись за двойными рамами в маленьких домах, живя прочней дерева. В молодости Чиклина здесь пахло пекарней, ездили угольщики и громко пропагандировалось молоко с деревенских телег. Солнце детства нагревало тогда пыль дорог, и своя жизнь была вечностью среди синей, смутной земли, которой Чиклин лишь начинал касаться босыми ногами. Теперь же воздух ветхости и прощальной памяти стоял над потухшей пекарней и постаревшими яблочными садами.

Непрерывно действующее чувство жизни Чиклина доводило его до печали, тем более что он увидел один забор, у которого сидел и радовался в детстве, а сейчас тот забор заиндевел мхом, наклонился и давние гвозди торчали из него, освобождаемые из тесноты древесины силой времени; это было грустно и таинственно, что Чиклин мужал, забывчиво тратил чувство, ходил по далеким местам и разнообразно трудился, а старик-забор стоял неподвижно и, помня о нем, все же дождался часа, когда Чиклин прошел мимо него и погладил забвенные всеми тесины отвыкшей от счастья рукой.

Кафельный завод был в травянистом переулке, по которому насквозь никто не проходил, потому что он упирался в глухую стену кладбища. Здание завода теперь стало ниже, ибо постепенно вращало в землю, и бесплодно было на его дворе. Но один неизвестный старичок еще находился здесь — он сидел под навесом для сырья и чинил лапти, видно, собираясь отправляться в них обратно в старину.

— Что ж тут такое есть? — спросил у него Чиклин.

— Тут, дорогой человек, констервация, — советская власть сильна, а здешняя машина тщедушна — она и не угрождает. Да мне теперь почти что все равно: уж самую малость осталось дышать.

Чиклин сказал ему:

— Изо всего света тебе одни лапти пришлось! Подожди меня здесь на одном месте — я тебе что-нибудь доставлю из одежды или питания.

— А ты сам-то кто же будешь? — спросил старик, склады-

вая для внимательного выраженья свое чтущее лицо. — Жулик, что ль, или просто хозяин-буржуй?

— Да я из пролетариата, — нехотя сообщил Чиклин.

— Ага, стало быть, ты нынешний царь: тогда я тебя обожду.

С силой стыда и грусти Чиклин вошел в старое здание завода; вскоре он нашел и ту деревянную лесенку, на которой некогда его поцеловала хозяйская дочь, — лесенка так обветшала, что обвалилась от веса Чиклина куда-то в нижнюю темноту, и он мог на последнее прощанье только пощупать ее истомленный прах. Постояв в темноте, Чиклин увидел в ней неподвижный, чуть живущий свет и куда-то ведущую дверь. За тою дверью находилось забытое или не внесенное в план помещение без окон, и там горела на полу керосиновая лампа. Чиклину было неизвестно, какое существо притаилось для своей сохранности в этом безвестном убежище, и он стал на месте посреди.

Около лампы лежала женщина на земле, — солома уже истерлась под ее телом, а сама женщина была почти не покрытая одеждой; глаза ее глубоко смежились, точно она томилась или спала, — и девочка, которая сидела у ее головы, тоже дремала, но все время водила по губам матери коркой лимона, не забывая об этом. Очнувшись, девочка заметила, что мать успокоилась, потому что нижняя челюсть ее отвалилась от слабости и разверзла беззубый темный рот; девочка испугалась своей матери и, чтобы не бояться, подвязала ей рот веревочкой через темя, так что уста женщины вновь сомкнулись. Тогда девочка прилегла к лицу матери, желая чувствовать ее и спать. Но мать легко пробудилась и сказала:

— Зачем же ты спишь? Мажь мне лимоном по губам, ты видишь, как мне трудно!

Девочка опять начала водить лимонной коркой по губам матери. Женщина на время замерла, ощущая свое питание из лимонного остатка.

— А ты не заснешь и не уйдешь от меня? — спросила она у дочери.

— Нет, я уж спать теперь расхотела. Я только глаза закрою, а думать все время буду о тебе: ты же моя мама ведь!

Мать приоткрыла свои глаза, они были подозрительные, готовые ко всякой беде жизни, уже побелевшие от равнодушия, — и она произнесла для своей защиты:

— Мне теперь стало тебя не жалко и никого не нужно, я стала как каменная, — потуши лампу и поверни меня на бок, я хочу умереть.

Девочка сознательно молчала, по-прежнему смачивая материнский рот лимонной шкуркой.

— Туши свет, — сказала старая женщина, — а то я все вижу тебя и живу. Только не уходи никуда — когда я умру, тогда пойдемь.

Девочка дунула в лампу и прекратила свет. Чиклин сел на землю, боясь шуметь.

— Мама, ты жива еще или уже тебя нет? — спросила девочка в темноте.

— Немножко, — ответила мать. — Когда будешь уходить от меня, не говори, что я мертвая здесь осталась. Никому не рассказывай, что ты родилась от меня, а то тебя заморят. Уйди далеко-далеко отсюда и там сама позабудься, тогда ты будешь жива...

— Мама, а отчего ты умираешь — оттого что буржуйка или от смерти?..

— Мне стало скучно, я умиралась, — сказала мать.

— Потому что ты родилась давно-давно, а я нет, — говорила девочка. — Как ты только умрешь, то я никому не скажу, и никто не узнает, была ты или нет. Только я одна буду жить и помнить тебя в своей голове... Знаешь что, — помолчала она, — я сейчас засну на одну только каплю, даже на полкапли, а ты лежи и думай, чтоб не умереть.

— Сними с меня твою веревочку, — сказала мать, — она меня задушит.

Но девочка уже неслышно спала, и стало вовсе тихо; до Чиклина не доходило даже их дыхания. Ни одна тварь, видно, не жила в этом помещении — ни крыса, ни червь, ничто, — не раздавалось никакого шума. Только раз был непонятный гул, — упал ли то старый кирпич в соседнем забвенном убежище или грунт перестал терпеть вечность и развалился в мелочь уничтожения.

— Подойдите ко мне кто-нибудь!

Чиклин вслушался в воздух и пополз осторожно во мрак, стараясь не раздавить девочку на ходу. Двигаться Чиклину пришлось долго, потому что ему мешал какой-то матерьял, попадавший по пути. Ощупав голову девочки, Чиклин дошел затем рукой до лица матери и наклонился к ее устам, чтобы узнать — та ли это бывшая девушка, которая целовала его однажды в этой же усадьбе, или нет. Поцеловав, он узнал по сухому вкусу губ и ничтожному остатку нежности в их спекшихся трещинах, что она — та самая.

— Зачем мне нужно? — понятно сказала женщина. — Я буду всегда теперь одна. — И, повернувшись, умерла вниз лицом.

— Надо лампу зажечь, — громко произнес Чиклин и, потрудившись в темноте, осветил помещение.

Девочка спала, положив голову на живот матери; она сжалась от прохладного подземного воздуха и согревалась в тесноте своих

членов. Чиклин, желая отдыха ребенку, стал ждать его пробуждения; а чтобы девочка не тратила свое тепло на остывающую мать, он взял ее к себе на руки и так сохранял до утра, как последний жалкий остаток погибшей женщины.

В начале осени Вощев почувствовал долготу времени и сидел в жилище, окруженный темнотой усталых вечеров.

Другие люди тоже либо лежали, либо сидели, — общая лампа освещала их лица, и все они молчали. Товарищ Пашкин бдительно снабдил жилище землекопов радиорупором, чтобы во время отдыха каждый мог приобретать смысл массовой жизни из трубы.

— Товарищи, мы должны мобилизовать крапиву на фронт социалистического строительства! Крапива есть не что иное, как предмет нужды заграницы...

— Товарищи, мы должны, — ежеминутно произносила требование труба, — обрезать хвосты и гривы у лошадей! Каждые восемьдесят тысяч лошадей дадут нам тридцать тракторов!..

Сафронов слушал и торжествовал, жалея лишь, что он не может говорить обратно в трубу, дабы там слышно было об его чувстве активности, готовности на стрижку лошадей и о счастье. Жачеву же, и наравне с ним Вощеву, становилось беспричинно стыдно от долгих речей по радио; им ничего не казалось против говорящего и наставляющего, а только все более ощущался личный позор. Иногда Жачев не мог стерпеть от радио своего угнетенного отчаянья души, и он кричал среди шума сознания, льющегося из рупора:

— Остановите этот звук! Дайте мне ответить на него!..

Сафронов сейчас же выступал вперед своей изящной походкой:

— Вам, товарищ Жачев, я полагаю, уже достаточно бросать свои выраженья и пора всецело подчиниться производству руководства.

— Оставь, Сафронов, в покое человека, — говорил Вощев, — нам и так скучно жить.

Но социалист Сафронов боялся забыть про обязанность радости и отвечал всем и навсегда верховным голосом могущества:

— У кого в штанах лежит билет партии, тому надо непрерывно заботиться, чтоб в теле был энтузиазм. Вызываю вас, товарищ Вощев, соревноваться на высшее счастье настроенья!

Труба радио все время работала, как вьюга, а затем еще раз провозгласила, что каждый трудящийся должен помочь скоплению снега на коллективных полях, и здесь радио смолкло; навер-

но, лопнула сила науки, дотоле равнодушно мчавшая по природе всем необходимые слова.

Сафронов, заметив пассивное молчание, стал действовать вместо радио:

— Поставим вопрос: откуда взялся русский народ? И ответим: из буржуазной мелочи! Он бы и еще откуда-нибудь родился, да больше места не было. А потому мы должны бросить каждого в рассол социализма, чтоб с него слезла шкура капитализма и сердце обратило внимание на жар жизни вокруг костра классовой борьбы и произошел бы энтузиазм!..

Не имея исхода для силы своего ума, Сафронов пускал ее в слова и долго их говорил. Опершись головами на руки, иные его слушали, чтоб наполнять этими звуками пустую тоску в голове, иные же однообразно горевали, не слыша слов и живя в своей личной тишине. Прушевский сидел на самом пороге барака и смотрел в поздний вечер мира. Он видел темные деревья и слышал иногда дальнюю музыку, волнующую воздух. Прушевский ничему не возражал своим чувством. Ему казалась жизнь хорошей, когда счастье недостижимо и о нем лишь шелестят деревья и поет духовая музыка в профсоюзном саду.

Вскоре вся артель, смирившись общим утомлением, уснула, как жила: в дневных рубашках и верхних штанах, чтобы не трудиться над расстегиванием пуговиц, а хранить силы для производства.

Один Сафронов остался без сна. Он глядел на лежащих людей и с горестью высказывался:

— Эх, ты — масса, масса! Трудно организовать из тебя кулеш коммунизма! И что тебе надо, стерве такой? Ты весь авангард, гадина, замучила!

И четко сознавая бедную отсталость масс, Сафронов прильнул к какому-то уставшему и забылся в глуши сна.

А утром он, не вставая с ложа, приветствовал девочку, пришедшую с Чиклиным, как элемент будущего, и затем снова задремал.

Девочка осторожно села на скамью, разглядела среди стеновых лозунгов карту СССР и спросила у Чиклина про черты меридианов:

— Дядя, это что такое — загородки от буржуев?

— Загородки, дочка, чтоб они к нам не перелезали, — объяснил Чиклин, желая дать ей революционный ум.

— А моя мама через загородку не перелезала, а все равно умерла!

— Ну-к что ж, — сказал Чиклин. — Буржуйки все теперь умирают.

— Пускай умирают, — произнесла девочка. — Ведь все равно я ее помню и во сне буду видеть. Только живота ее нету, мне спать не на чем головой.

— Ничего: ты будешь спать на моем животе, — обещал Чиклин.

— А что лучше — ледокол «Красин» или Кремль?

— Я этого, маленькая, не знаю: я же — ничто! — сказал Чиклин, и подумал о своей голове, которая одна во всем теле не могла чувствовать, а если бы могла, то он весь свет объяснил бы ребенку, чтоб он умел безопасно жить.

Девочка обошла новое место своей жизни и пересчитала все предметы и всех людей, желая сразу же распределить, кого она любит и кого не любит, с кем водится и с кем нет; после этого дела она уже привыкла к деревянному сараю и захотела есть.

— Кушать дайте! Эй, Юлия, угроблю!

Чиклин поднес ей кашу и накрыл детское брюшко чистым полотенцем.

— Что ж кашу холодную даешь, эх ты — Юлия!

— Какая я тебе Юлия?

— А когда мою маму Юлей звали, когда она еще глазами смотрела и дышала все время, то женилась на Мартыныче, потому что он был пролетарский, а Мартыныч как приходит, так и говорит маме: эй, Юлия, угроблю! А мама молчит и все равно с ним водится.

Прушевский слушал и наблюдал девочку; он уже давно не спал, встревоженный явившимся ребенком, и вместе с тем опечаленный, что этому существу, наполненному, точно морозом, свежей жизнью, надлежит мучиться сложнее и дольше его.

— Я нашел твою девушку, — сказал Чиклин Прушевскому. — Пойдем посмотреть ее, она еще цела.

Прушевский встал и пошел, потому что ему было все равно — лежать или двигаться вперед.

На дворе кафельного завода старик доделал свои лапти, но боялся идти по свету в такой обузе.

— Вы не знаете, товарищи, что заарестуют меня в лаптях, или не тронут? — спросил старик. — Нынче ведь каждый последний и тот в кожаных голенищах ходит; бабы — сроду в юбках наголо ходили, — а теперь тоже у каждой под юбкой цветочные штаны надеты, — ишь ты, как ведь стало интересно!

— Кому ты нужен! — сказал Чиклин. — Шагай себе молча.

— Это я и слова не скажу! Я вот чего боюсь: ага, скажут, ты в лаптях идешь, значит — бедняк! А ежели бедняк, то почему один живешь и с другими бедными не скопляешься!.. Я вот чего боюсь! А то бы я давно ушел.

— Подумай, старик, — посоветовал Чиклин.

— Да думать-то уж нечем.

— Ты жил долго: можешь одной памятью работать.

— А я все уж позабыл, хоть сызнова живи.

Спустившись в убежище женщины, Чиклин наклонился и поцеловал ее вновь.

— Она же мертвая! — удивился Прушевский.

— Ну и что ж! — сказал Чиклин. — Каждый человек мертвым бывает, если его замучивают. Она ведь тебе нужна не для житья, а для одного воспоминанья.

Став на колени, Прушевский коснулся мертвых, огорченных губ женщины и, почувствовав их, не узнал ни радости, ни нежности.

— Это не та, которую я видел в молодости, — произнес он. И, поднявшись над погибшей, сказал еще: — А может быть, и та, — после близких ощущений я всегда не узнавал своих любимых, а вдалеке томился о них.

Чиклин молчал. Он и в чужом, и в мертвом человеке чувствовал кое-что остаточное-теплое и родственное, когда ему приходилось целовать его или еще глубже как-либо приникать к нему.

Прушевский не мог отойти от покойной. Легкая и горячая, она некогда прошла мимо него, — он захотел тогда себе смерти, увидя ее уходящей с опущенными глазами, ее колеблющееся, грустное тело. И затем слушал ветер в унылом мире и тосковал о ней. Побоявшись однажды настигнуть эту женщину, это счастье в его юности, он, может быть, оставил ее беззащитной на всю жизнь, и она, уморившись мучиться, спряталась сюда, чтобы погибнуть от голода и печали. Она лежала сейчас навзничь — так ее повернул Чиклин для своего поцелуя, — веревочка через темя и подбородок держала ее уста сомкнутыми, длинные обнаженные ноги были покрыты густым пухом, почти шерстью, выросшей от болезней и неприютности, — какая-то древняя, ожившая сила превращала мертвую еще при ее жизни в обрастающее шкурой животное.

— Ну, достаточно, — сказал Чиклин. — Пусть хранят ее здесь разные мертвые предметы. Мертвых ведь тоже много, как и живых, им нескучно меж собой.

И Чиклин погладил стенные кирпичи, поднял неизвестную устарелую вещь, положил ее рядом со скончавшейся, и оба человека вышли. Женщина осталась лежать в том вечном возрасте, в котором умерла: 32-х лет и 3-х месяцев.

Пройдя двор, Чиклин возвратился назад и завалил дверь, ведущую к мертвой, битым кирпичом, старыми каменными глыбами и прочим тяжелым веществом. Прушевский не помогал ему и спросил потом:

— Зачем ты стараешься?

— Как зачем? — удивился Чиклин. — Мертвые тоже люди.

— Но ей ничего не нужно.

— Ей — нет, но она мне нужна. Пусть сэкономится что-нибудь от человека — мне так и чувствуется, когда я вижу горе мертвых или их кости, зачем мне жить!

Старик, делавший лапти, ушел со двора — одни опорки, как память о скрывшемся навсегда, валялись на его месте.

Солнце уже высоко взошло, и давно настал момент труда. Поэтому Чиклин и Прушевский спешно пошли на котлован по земляным, немощеным улицам, осыпанным листьями, под которыми были укрыты и согревались семена будущего лета.

Вечером того же дня землекопы не пустили в действие громкоговорящий рупор, а, наевшись, сели глядеть на девочку, срывая тем профсоюзную культработу по радио. Жачев еще с утра решил, что как только эта девочка и ей подобные дети мало-мало возмужают, то он кончит всех больших жителей своей местности; он один знал, что СССР населен сплошными врагами социализма, эгоистами и ехиднами будущего света, и втайне утешался тем, что убьет когда-нибудь вскоре всю их массу, оставив в живых лишь пролетарское младенчество и чистое сиротство.

— Ты кто ж такая будешь, девочка? — спросил Сафронов. — Чем у тебя папаша-мамаша занимались?

— Я никто, — сказала девочка.

— Отчего ж ты никто? Какой-нибудь принцип женского рода угодил тебе, что ты родилась при советской власти?

— А я сама не хотела рожаться, я боялась — мать буржуйкой будет.

— Так как же ты организовалась?

Девочка в стеснении и в боязни опустила голову и начала щипать свою рубашку; она ведь знала, что присутствует в пролетариате, и сторожила сама себя, как давно и долго говорила ей мать.

— А я знаю, кто главный!

— Кто ж? — прислушался Сафронов.

— Главный Сталин, а второй Буденный. Когда их не было, а жили одни буржуи, то я и не рожалась, потому что не хотела! А теперь как стал Сталин, так и я стала!

— Ну, девка, — смог проговорить Сафронов, — сознательная женщина — твоя мать! И глубока наша советская власть, раз даже дети, не помня матери, уже чувят товарища Сталина!

Безвестный мужик с желтыми глазами скулил в углу барака про одно и то же свое горе, только не говорил, отчего оно, а старался побольше всем угождать. Его тоскливому уму представля-

лась деревня во ржи, над нею носился ветер и тихо крутил деревянную мельницу, размалывающую насущный, мирный хлеб. Он жил там в недавнее время, чувствуя сытость в желудке и семейное счастье в душе; и сколько годов он ни смотрел из деревни в даль и в будущее, он видел на конце равнины лишь слияние неба с землею, а над собою имел достаточный свет солнца и звезд. Чтоб не думать дальше, мужик ложился вниз и как можно скорее плакал льющимися неотложными слезами.

— Будет тебе, мещанин, сокрушаться-то! — останавливал его Сафронов. — Ведь здесь ребенок теперь живет, — иль ты не знаешь, что скорбь у нас аннулирована!

— Я, товарищ Сафронов, уж обсох, — заявил издали мужик. — Это я по отсталости растрогался.

Девочка вышла с места и оперлась головой о деревянную стену. Ей стало скучно по матери, ей страшна была новая одинокая ночь, и еще она думала, как грустно и долго лежать матери в ожидании, когда будет старенькой и умрет ее девочка.

— Где же живот-то? — спросила она, обернувшись на глядящих на нее. — На чем же я спать буду?

Чиклин сейчас же лег и приготовился.

— А кушать! — сказала девочка. — Сидят все, как Юлии какие, а мне есть нечего!

Жачев подкатился к ней на тележке и предложил фруктовой пастилы, реквизированной еще с утра у заведующего фрумагом.

— Ешь, бедная! Из тебя еще неизвестно что будет, а из нас — уж известно.

Девочка съела и легла лицом на живот Чиклина. Она побледнела от усталости и, позабывшись, обхватила Чиклина рукой, как привычную мать.

Сафронов, Вошев и все другие землекопы долго наблюдали сон этого малого существа, которое будет господствовать над их могилами и жить на успокоенной земле, набитой их костями.

— Товарищи! — начал определять Сафронов всеобщее чувство. — Пред нами лежит без сознания фактический социализм. Из радио и прочего культурного матерьяла мы слышим лишь линию, а щупать нечего. А тут покоится вещество создания и целевая установка партии — маленький человек, предназначенный состоять всемирным элементом! Ради того нам необходимо как можно внезапней закончить котлован, чтобы скорей произошел дом и детский персонал огражден был от ветра и простуды каменной стеной!

Вошев попробовал девочку за руку и рассмотрел ее всю, как в детстве он глядел на ангела на церковной стене; это слабое тело, покинутое без родства среди людей, почувствует когда-нибудь

согревающий поток смысла жизни и ум ее увидит время, подобное первому исконному дню.

И здесь решено было начать завтра рыть землю на час раньше, дабы приблизить срок бутовой кладки фундамента и остального зодчества.

— Как урод, я только приветствую ваше мнение, а помочь не могу! — сказал Жачев. — Вам ведь так и так все равно погибать — у вас же в сердце не лежит ничто — лучше любите что-нибудь маленькое живое и стравливайте себя трудом! Существойте, стервецы, пока что!

Ввиду прохладного времени, Жачев заставил мужика снять армяк и оделся им на ночь; мужик же всю свою жизнь копил капитализм — ему, значит, было время греться.

Дни своего отдыха Прушевский проводил в наблюдениях, либо писал письма сестре. Момент, когда он наклеивал марку и опускал письмо в ящик, всегда давал ему спокойное счастье, точно он чувствовал чью-то нужду по себе, влекущую его оставаться в жизни и тщательно действовать для общей пользы. Сестра ему ничего не писала, она была многодетная и изможденная, и жила как в беспамятстве. Лишь раз в год, на Пасху, она присылала брату открытку, где сообщала: «Христос воскрес, дорогой брат! Мы живем по-старому, я стряпаю, дети растут, мужу прибавили на один разряд, теперь он приносит 48 руб. Приезжай к нам гостить. Твоя сестра Аня».

Прушевский подолгу носил эту открытку в кармане и, перечитывая ее, иногда плакал.

В свои прогулки он уходил далеко в пространство и одиночество. Однажды он остановился на холме, в стороне от города и дороги. День был мутный, неопределенный, будто время не продолжалось дальше, — в такие дни дремлют растения и животные, а люди поминают родителей. Прушевский тихо глядел на всю туманную старость природы и видел на конце ее белые спокойные здания, светящиеся больше, чем было света в воздухе. Он не знал имени тому законченному строительству и назначения его, хотя можно было понять, что те дальние здания устроены не только для пользы, но и для радости. Прушевский с удивлением привыкшего к печали человека наблюдал точную нежность и охлажденную, сомкнутую силу отдаленных монументов. Он еще не видел такой веры и свободы в сложенных камнях и не знал самосветящегося закона для серого цвета своей родины. Как остров, стоял среди остального новостроящегося мира этот белый сюжет

сооружений, и успокоенно светился. Но не все было бело в тех зданиях, — в иных местах они имели синий, желтый и зеленый цвета, что придавало им нарочную красоту детского изображения. «Когда же это выстроено?» — с огорчением сказал Прушевский. Ему уютней было чувствовать скорбь на земной потухшей звезде; чужое и дальнее счастье возбуждало в нем стыд и тревогу, — он бы хотел, не сознавая, чтобы вечно строящийся и недостроенный мир был похож на его разрушенную жизнь.

Он еще раз пристально посмотрел на тот новый город, не желая ни забыть его, ни ошибиться, но здания стояли по-прежнему ясными, точно вокруг них была не муть русского воздуха, а прохладная прозрачность.

Возвращаясь назад, Прушевский заметил много женщин на городских улицах. Женщины ходили медленно, несмотря на свою молодость, — они, наверно, гуляли и ожидали звездного вечера; их ноги ступали с силой жадности, а телесные корпуса расширились и округлились, как резервуары будущего, — значит, будет еще будущее, значит, настоящее несчастно, и — далеко до конца. Вид этих тревожных женщин доставил Прушевскому терпение на свое дальнейшее неизъяснимое существование, вплоть до ближайшей сознательной гибели. Явившись в техническую канцелярию работ, Прушевский сел за составление проекта своей смерти, чтобы скорее и надежней обеспечить ее себе. После окончания проекта Прушевский устал и спокойно уснул на диване. На завтра ему осталось составить лишь объяснительную записку к проекту, а затем найти достаточно прелестную женщину для однократной любви с ней; после удовлетворения любви, к Прушевскому всегда приходило нормальное желание скончаться, и такой же точный расчет он сделал и теперь.

На рассвете в контору пришел Чиклин с неизвестным человеком, одетым в одни штаны.

— Вот к тебе, Прушевский, — сказал Чиклин. — Он просит отдать гробы ихней деревне.

— Какие гробы?

Громадный, опухший от ветра и горя голый человек сказал не сразу свое слово, он сначала опустил голову и напряженно сообразил. Должно быть, он постоянно забывал помнить про самого себя и про свои заботы: то ли он утомился, или же умирал по мелким частям на ходу жизни.

— Гробы! — сообщил он горячим, шерстяным голосом. — Гробы тесовые мы в пещеру сложили впрок, а вы копаете всю балку. Отдай гробы!

Чиклин сказал, что вчера вечером близ северного пикета, на самом деле, было открыто сто пустых гробов; два из них он забрал

для девочки — в одном гробу сделал ей постель на будущее время, когда она станет спать без его живота, а другой подарил ей для игрушек и всякого детского хозяйства: пусть она тоже имеет свой красный уголок.

— Отдайте мужику остальные гробы, — ответил Прушевский.

— Все отдавай, — сказал человек из себя, как из мусора. — Нам не хватает мертвого инвентаря, народ свое имущество ждет. Мы те гробы по самообложению заготовили, не отымай нажитого!

— Нет, — произнес Чиклин. — Два гроба ты оставь нашему ребенку, они для вас все равно маломерные.

Неизвестный человек постоял, что-то почувствовал и не согласился.

— Нельзя! Куда ж мы своих ребят класть будем! Мы по росту готовили гробы: на них метины есть — кому куда влезать. У нас каждый и живет оттого, что гроб свой имеет: он нам теперь цельное хозяйство! Мы те гробы облеживали, как в пещеру зарыть.

Давно живущий на котловане мужик с желтыми глазами вошел тут, поспешая, в контору.

— Елисей, — сказал он полуголому. — Я их тесемками в один обоз связал, пойдем волоком тащить, пока сушь стоит!

— Не устерег двух гробов, — высказался Елисей. — Во что теперь сам ляжешь?

— А я, Елисей Саввич, под кленом дубравным у себя на дворе, под могучее дерево лягу. Я уж там и ямку под корнем себе уготовил, — умру, пойдет моя кровь соком по стволу, высоко взойдет! Иль, скажешь, моя кровь жидка стала, дереву не вкусна?

Полуголый стоял без всякого впечатленья и ничего не ответил. Не замечая подорожных камней и остужающего ветра зари, он пошел с мужиком брать гробы. За ними отправился Чиклин, наблюдая спину Елисея, покрытую целой почвой нечистот и уже обрастающую защитной шерстью. Елисей изредка останавливался на месте и оглядывал пространство сонными, опустевшими глазами, будто вспоминая забытое или ища укромной доли для угрюмого покоя. Но родина ему стала безвестной, и он опускал вниз затихшие глаза.

Гробы стояли длинной чередой на сухой высоте над краем котлована. Мужик, прибежавший прежде в барак, был рад, что гробы нашлись и что Елисей явился; он уже управился пробурить в гробовых изголовьях и подножьях отверстия и связать гробы в общую супрягу. Взявши конец веревки с переднего гроба на плечо, Елисей уперся и поволок, как бурлак, эти тесовые предметы по сухому морю житейскому. Чиклин и вся артель стояли без

препятствий Елисею и смотрели на след, который межевали пустые гробы по земле.

— Дядя, это буржуи были? — заинтересовалась девочка, державшаяся за Чиклина.

— Нет, дочка, — ответил Чиклин. — Они живут в соломенных избушках, сеют хлеб и едят с нами пополам.

Девочка поглядела наверх, на все старые лица людей.

— А зачем им тогда гробы? Умирать должны одни буржуи, а бедные нет!

Землекопы промолчали, еще не сознавая данных, чтобы говорить.

— И один был голый! — произнесла девочка. — Одежду всегда отбирают, когда людей не жалко, — чтоб она осталась. Моя мама тоже голая лежит.

— Ты права, дочка, на все сто процентов, — решил Сафронов. — Два кулака от нас сейчас удалились.

— Убей их пойдя! — сказала девочка.

— Не разрешается, дочка: две личности это не класс...

— Это один да еще один, — сочла девочка.

— А в целости их было мало, — пожалел Сафронов. — Мы же, согласно пленума, обязаны их ликвидировать не меньше как класс, лишь бы весь пролетариат и батрачье сословье осиротели от врагов!

— А с кем останетесь?

— С задачами, с твердой линией дальнейших мероприятий — понимаешь что?

— Да, — ответила девочка. — Это значит плохих людей всех убивать, а то хороших очень мало.

— Ты вполне классовое поколение, — обрадовался Сафронов, — ты с четкостью сознаешь все отношения, хотя сама еще малолеток. Это монархизму люди без разбору требовались для войны, а нам только один класс дорог, — да мы и класс свой будем скоро чистить от несознательного элемента!

— От сволочи, — с легкостью догадалась девочка. — Тогда будут только самые-самые главные люди! Моя мама тоже себя сволочью называла, что жила, а теперь умерла и хорошая стала — правда ведь?

— Правда, — сказал Чиклин.

Девочка, вспомнив, что мать ее находится одна в темноте, молча отошла, ни с кем не считаясь, и села играть в песок. Но она не играла, а только трогала кое-что равнодушной рукой и думала.

Землекопы приблизились к ней и, пригнувшись, спросили:

— Ты что?

— Так, — сказала девочка, не обращая внимания. — Мне у вас

стало скучно, вы меня не любите, — как ночью заснете, так я вас изобью.

Мастеровые с гордостью поглядели друг на друга, и каждому из них захотелось взять ребенка на руки и помять его в своих объятиях, чтобы почувствовать то теплое место, откуда исходит этот разум и прелесть малой жизни.

Один Вощев стоял слабым и безрадостным, механически наблюдая даль; он по-прежнему не знал — есть ли что особенное в общем существовании, — ему никто не мог прочесть на память всемирного устава, события же на поверхности земли его не прельщали. Отдалившись несколько, Вощев тихим шагом скрылся в поле и там прилег полежать, не видимый никем, довольный, что он больше не участник безумных обстоятельств.

Позже он нашел след гробов, увлеченных двумя мужиками за горизонт, — в свой край согбенных плетней, заросших лопухами. Быть может, там была тишина дворовых теплых царств или стояло на ветру дорог бедняцкое колхозное сиротство, с кучей мертвого инвентаря посреди. Вощев пошел туда походкой механически выбывшего человека, не сознавая, что лишь слабость культурной работы на котловане заставляет его не жалеть о строительстве будущего дома. Несмотря на достаточно яркое солнце, было как-то безвозмездно на душе, тем более что в поле простирался мутный чад дыханья и запаха трав, и Вощев шел в этом нагретом облаке тужащейся жизни, потеющей в труде своего роста. Он осмотрелся вокруг, — всюду над пространством стоял пар живого дыханья, создавая сонную, душную незримость; устало длилось терпение на свете, точно все живущее находилось где-то посередине времени и своего движения: начало его всеми забыто и конец неизвестен, осталось лишь направление во все стороны. И Вощев скрылся в одну открытую дорогу.

Козлов прибыл на котлован пассажиром в автомобиле, которым управлял сам Пашкин. Козлов был одет в светло-серую тройку, имел пополневшее от какой-то постоянной радости лицо и стал сильно любить пролетарскую массу. Всякий свой ответ трудящемуся человеку он начинал некими самодовлеющими словами: «Ну хорошо, ну прекрасно», — и продолжал. Про себя же любил произносить: «Где вы теперь, ничтожная фашистка!», или — «Прелестна вы, как Ленина завет!» и многие другие краткие лозунги-песни.

Сегодня утром Козлов ликвидировал как чувство свою любовь к одной средней даме. Она тщетно писала ему письма о сво-

ем обожании, он же, превозмогая общественную нагрузку, молчал, заранее отказываясь от конфискации ее ласк, потому что искал женщину более благородного, активного типа. Прочитав же в газете о загруженности почты и нечеткости ее работы, он решил укрепить этот сектор социалистического строительства, путем прекращения дамских писем к себе. И он написал грустящей даме последнюю, итоговую открытку, складывая с себя ответственность любви:

«Где раньше стол был яств,
Теперь там гроб стоит!
Козлов».

Этот стих он только что прочитал и спешил его не забыть. Каждый день, просыпаясь, он вообще читал в постели книги и, запомнив формулировки, лозунги, стихи, заветы, всякие слова мудрости, тезисы различных актов, резолюции, строфы песен и прочее, он шел в обход органов и организаций, где его знали и уважали как активную общественную силу, — и там Козлов пугал и так уже напуганных служащих своей научностью, кругозором и подкованностью. Дополнительно к пенсии по 1-й категории он обеспечил себе и натурное продовольствие. Зашед однажды в кооператив, он подозвал к себе, не трогаясь с места, заведующего и сказал ему:

— Ну хорошо, ну прекрасно, но у вас кооператив, как говорится, рочдэльского вида, а не советского! Значит, вы не столб со столбовой дороги в социализм?!

— Я вас не сознаю, гражданин, — скромно ответил заведующий.

— Так, значит, опять: просил он, пассивный, не счастья у неба, а хлеба, насущного черного хлеба?! Ну хорошо, ну — прекрасно! — сказал Козлов, и вышел в полном оскорблении, а через одну декаду стал председателем лавкома этого кооператива. Он так и не узнал, что эту должность получил по ходатайству самого заведующего, который учитывал не только ярость масс, но и качество яростных.

И теперь Пашкин гордился Козловым — он верил в тот близкий день, когда весь пролетариат примет образ авангарда своего: это и будет социализм. Поэтому Пашкин всюду показывал Козлова как образцовый элемент активиста, зарожжденного в массах умелым профсоюзным руководством. Благодаря наличию Козлова, Пашкин уж не смущался более Жачева: он знал, что Жачеву надо дать лишь должность, хотя бы сборщика членских взносов, и он перестанет требовать масло у ответственных лиц, ибо сам будет накануне питания жирами.

Спустившись с автомобиля, Козлов с видом ума прошел на поприще строительства и стал на краю его, чтобы иметь общий взгляд на весь темп труда. Что касается ближних землекопов, то он сказал им:

— Не будьте оппортунистами на практике!

Во время обеденного перерыва товарищ Пашкин сообщил мастеровым, что бедняцкий слой деревни печально заскучал по колхозу и нужно туда бросить что-нибудь особенное из рабочего класса, дабы начать классовую борьбу против деревенских пней капитализма.

— Давно пора кончать зажиточных паразитов! — высказался Сафронов. — Мы уж не чувствуем жара от костра классовой борьбы, а огонь должен быть: где ж тогда греться активному персоналу!

И после того артель назначила Сафронова и Козлова идти в ближнюю деревню, чтобы бедняк не остался при социализме круглой сиротой или частным мошенником в своем убежище.

Жачев подъехал к Пашкину с девочкой на тележке и сказал ему:

— Заметь этот социализм в босом теле. Наклонись, стервец, к ее костям, откуда ты сало съел!

— Факт! — произнесла девочка.

Здесь и Сафронов определил свое мнение:

— Зафиксируй, товарищ Пашкин, Настю — это ж наш будущий радостный предмет!

Пашкин вынул записную книжку и поставил в ней точку; уже много точек было изображено в книжке Пашкина, и каждая точка знаменовала какое-либо внимание к массам.

В тот вечер Настя постелила Сафронову отдельную постель и села с ним посидеть. Сафронов сам попросил девочку поскучать о нем, потому что она одна здесь сердечная женщина. И Настя тихо находилась при нем весь вечер, стараясь думать, как уйдет Сафронов туда, где бедные люди тоскуют в избушках, и как он станет швивым среди чужих.

Позже Настя легла в постель Сафронова, согрела ее и ушла спать на живот Чиклина. Она давным-давно привыкла согревать постель своей матери, перед тем как туда ложился спать неродной отец.

Маточное место для дома будущей жизни было готово; теперь предназначалось класть в котловане бут. Но Пашкин постоянно думал светлые думы, и он доложил главному революционеру

в городе, что масштаб дома узок, ибо социалистические женщины будут исполнены свежести и полнокровия, и вся поверхность земли покроется семенящим детством; неужели же детям придется жить снаружи, среди неорганизованной погоды?

— Нет, — ответил главный революционер, сталкивая нечаянным движением сытный бутерброд со стола. — Разroyте маточный котлован вчетверо больше.

Пашкин согнулся и возвратил бутерброд снизу на стол.

— Не стоило нагибаться, — сказал революционер, — на будущий год мы запроектировали сельхозпродукции по округу на полмиллиарда.

Тогда Пашкин положил бутерброд обратно в корзину для бумаг, боясь, что его сочтут за человека, живущего темпами эпохи режима экономии.

Прушевский ожидал Пашкина вблизи здания — для немедленной передачи распоряжения на работы. Пашкин же, пока шел по вестибюлю, обдумал увеличить котлован не вчетверо, а в шесть раз, дабы угодить наверняка и забежать вперед партийной линии, чтобы впоследствии радостно встретить ее на чистом месте, — и тогда линия увидит его и он запечатлется в ней вечной точкой.

— В шесть раз больше, — указал он Прушевскому. — Я говорил, что темп тих!

Прушевский обрадовался и улыбнулся. Пашкин, заметив счастье инженера, тоже стал доволен, потому что почувствовал настроенье инженерно-технической секции своего союза. Но Прушевский узнал удовлетворенье не от масштаба, а от того, что землекопы так же быстро истомят жизнь в котловане, как он сам умрет; ему лучше было иметь друзей мертвыми, чем живыми, чтобы затерять свои кости в общих костях и не оставить на дневной поверхности земли ни памяти, ни свидетелей, — пусть будущее будет чуждым и пустым, а прошлое покоится в могилах — в тесноте некогда обнимавшихся костей, в прахе сотлевших любимых и забытых тел.

Прушевский пошел к Чиклину, чтобы наметить расширение котлована. Еще не доходя, он увидел собрание землекопов и крестьянскую подводу среди молчащих людей. Чиклин вынес из барака пустой гроб и положил его на телегу; затем он принес еще и второй гроб, а Настя стремилась за ним вслед, обрывая с гроба свои картинки. Чтоб девочка не сердилась, Чиклин взял ее подмышку и, прижав к себе, нес другой рукой гроб.

— Они все равно умерли, зачем им гробы! — негодовала Настя. — Мне некуда будет вещи складать!

— Так уж надо, — отвечал Чиклин. — Все мертвые, это люди особенные.

— Важные какие! — удивлялась Настя. — Отчего ж тогда все живут? Лучше б умерли, и стали важными!

— Живут для того, чтоб буржуев не было, — сказал Чиклин, и положил последний гроб на телегу. На телеге сидели двое — Вошев и ушедший когда-то с Елисеем подкулацкий мужик.

— Кому отправляете гробы? — спросил Прушевский.

— Это Сафронов и Козлов умерли в избушке, а им теперь мои гробы отдали: ну что ты будешь делать?! — с подробностью сообщила Настя. И она прислонилась к телеге, озабоченная упущением.

Вошев, прибывший на подводе из неизвестных мест, тронул лошадь, чтобы ехать обратно в то пространство, где он был. Оставив блюсти девочку Жачеву, Чиклин пошел шагом за удалившейся телегой.

До самой глубины лунной ночи он шел в даль. Изредка, в боковой овражной стороне, горели укрозные огни неизвестных жилищ, и там же заунывно брехали собаки — может быть, они скучали, а может быть, замечали каких-нибудь въезжавших командированных людей и пугались их. Впереди Чиклина все время ехала подвода с гробами, и он не отрывался от нее.

Вошев, опершись о гробы спиной, глядел с телеги вверх — на звездное собрание и в мертвую массовую муть Млечного Пути. Он ожидал, когда же там будет вынесена резолюция о прекращении вечности времени, об искуплении томительности жизни. Не надеясь, он задремал и проснулся от остановки.

Чиклин дошел до подводы через несколько минут и стал смотреть вокруг. Вблизи была старая деревня; всеобщая ветхость бедности покрывала ее, — и старческие, терпеливые плетни, и придорожные, склонившиеся в тишине деревья имели одинаковый вид грусти. Во всех избах деревни был свет, но снаружи их никто не находился. Чиклин подступился к первой избе и зажег спичку, чтобы прочитать белую бумажку на двери. В той бумажке было указано, что это обобществленный двор № 7 колхоза имени Генеральной Линии и что здесь живет активист общественных работ по выполнению государственных постановлений и любых кампаний, проводимых на селе.

— Пусти! — постучал Чиклин в дверь.

Активист вышел и впустил его. Затем он составил приемочный акт на гробы и велел Вошеву идти в сельсовет и стоять всю ночь в почетном карауле у двух тел павших товарищей.

— Я пойду сам, — определил Чиклин.

— Ступай, — ответил активист. — Только скажи мне свои данные, я тебя в мобилизованный кадр зачислю.

Чиклин ему начал говорить, и активист занес его в кадр в течение часа; Вошеву же он дал другую нагрузку — пересчитать в ночь всех кур и тем определить к утру наличие свежеснесенных яиц.

— У меня рука велика, я не справлюсь, — произнес Вошев.

— Ты что — по узкому месту равняешься? — сокрушительно удивился активист. — Кто есть на свете: партия или ты?

— Его нет, — ответил про Вошева мужик с желтыми глазами; дотоле он стоял молча, а теперь испугался.

Вошев попробовал себя руками за тело и решил: надо мне перестать думать, пускай живет что-то общее; чего ради мучиться для одного своего корпуса: велик он, что ли?

Согнувшись для меньшего размера и бесчувствия, Вошев скрылся на куриное дело. Активист наклонился к своим бумагам, прощупывая тщательными глазами все точные тезисы и задания; он с жадностью собственности, без памяти о домашнем счастье строил необходимое будущее, готовя для себя в нем вечность, — и потому он сейчас запустел, опух от забот и оброс редкими волосами по толстому лицу, похожему на женскую наружность. Лампа горела перед его подозрительным взглядом, умственно и фактически наблюдающим кулацкую сволочь.

Всю ночь сидел активист при непогашенной лампе, слушая — не скачет ли по темной дороге верховой из района, чтобы спустить директиву на село. Каждую новую директиву он читал с любопытством будущего наслаждения, точно подглядывал в страстные тайны взрослых, центральных людей. Редко проходила ночь, чтобы не появлялась директива, — и до утра изучал ее активист, накапливая к рассвету энтузиазм несокрушимого действия. И только изредка он словно замирал на мгновение от тоски жизни — тогда он жалобно глядел на любого человека, находящегося перед его взором; это он чувствовал воспоминание, что он — головотяп и упущенец, — так его называли иногда в бумагах из района. «Не пойти ли мне в массу, не забыться ли в общей, руководимой жизни?» — решал активист про себя в те минуты, но быстро опоминался, потому что не хотел быть членом общего сиротства и боялся долгого томления по социализму, пока каждый пастух не очутится среди радости, ибо уже сейчас можно быть подручным авангарда и немедленно иметь всю пользу будущего времени. Особенно долго активист рассматривал подписи на бумагах: эти буквы выводила горячая рука революционера, а рука есть часть целого тела, живущего в довольстве славы на глазах преданных, убежденных масс. Даже слезы показывались на

глазах активиста, когда он любовался четкостью ручных подписей и изображениями земных шаров на штемпелях; ведь весь земной шар, вся его мякоть скоро достанется в четкие, железные руки, — неужели он останется без влияния на всемирное тело земли? И со скупостью обеспеченного счастья активист гладил свою истощенную нагрузками грудь.

— Чего стоишь без движения? — сказал он Чиклину. — Ступай сторожить политические трупы от зажиточного бесчестия: видишь, как падает наш героический брат!

Через тьму колхозной ночи Чиклин дошел до пустынной залы сельсовета. Там покоились в вечном состоянии его два товарища. Самая большая лампа, назначенная для освещения заседаний, горела над мертвецами. Они лежали рядом на столе президиума, покрытые знаменем до подбородков, чтобы не были заметны их гибельные увечья и живые не побоялись бы так же умереть.

Чиклин встал у подножия скончавшихся и спокойно засмотрелся в их молчаливые лица. Уж ничего не скажет теперь Сафронов из своего ума, и Козлов не поболит душой за все организационное строительство и не будет получать полагающуюся ему пенсию.

Текущее время тихо шло в полночном мраке колхоза; ничто не нарушало обобщественного имущества и тишины коллективного сознания. Чиклин закурил, приблизился к лицам мертвых и потрогал их рукой.

— Что, Козлов, скучно тебе?

Козлов продолжал лежать умолкшим образом, будучи убитым; Сафронов тоже был спокоен, как довольный человек, и рыжие усы его, нависшие над ослабевшим, полуоткрытым ртом, росли даже из губ, потому что его не целовали при жизни. Вокруг глаз Козлова и Сафронова виднелась засохшая соль бывших слез, так что Чиклину пришлось стереть ее и подумать — отчего же это плакали в конце жизни Сафронов и Козлов. Наверно, оттого, что растрогались от воображенья музыки, которая по ним заиграет после скончания.

— Ты что ж, Сафронов, совсем улегся иль думаешь встать все-таки?

Сафронов не мог ответить, потому что сердце его лежало в разрушенной груди и не имело чувства.

Чиклин прислушался к начавшемуся дождю на дворе, к его долгому скорбящему звуку, поющему в листве, в плетнях и в мирной кровле деревни; безучастно, как в пустоте, проливалась свежая влага, и только тоска хотя бы одного человека, слушающего дождь, могла бы вознаградить это истощение природы. Изредка вскрикивали куры, которых щупал Вошев в огороженных захолу-

стях, но их Чиклин уже не слушал и лег спать под общее знамя между Козловым и Сафроновым, потому что мертвые — это тоже люди. Сельсоветская лампа безрасчетно горела над ними до утра, когда в помещение явился Елисей, и тоже не потушил огня: ему было все равно, что свет, что тьма. Он без пользы постоял некоторое время и вышел так же, как пришел.

Прислонившись грудью к воткнутой для флага жердине, Елисей устался в мутную сырость порожнего места. На том месте собрались грачи для отлета в теплую даль, хотя время их расставания со здешней землей еще не наступило; но, наверно, грачи пожелали отбыть заблаговременно, дабы пережить в солнечном районе организационную колхозную осень и возвратиться потом к всеобщему учрежденному затишью. Еще ранее отлета грачей Елисей видел исчезновение ласточек, и тогда он хотел было стать легким, малосознательным телом птицы, но теперь он уже не думал, чтобы обратиться в грача, потому что думать не мог. Он жил и глядел глазами лишь оттого, что имел документы середняка и его сердце билось по закону.

Из сельсовета раздалась какие-то звуки, и Елисей подошел к окну и прислонился к стеклу; он постоянно прислушивался ко всяким звукам, исходящим из масс или природы, потому что ему никто не говорил слов и не давал понятия, так что приходилось чувствовать даже отдаленное звучание.

Елисей увидел Чиклина, сидящего между двумя лежачими навзничь. Чиклин курил и равнодушно утешал умерших своими словами.

— Ты кончился, Сафронов! Ну и что ж? Все равно я ведь остался: буду теперь как ты; стану умнеть, начну выступать с точкой зрения, увижу всю твою тенденцию, — ты вполне можешь не существовать...

Елисей не мог понимать и слушал одни звуки сквозь чистое стекло.

— А ты, Козлов, тоже не заботься жить. Я сам себя забуду, но тебя начну иметь постоянно. Всю твою погибшую жизнь, все твои задачи спрячу в себя и не брошу их никуда, так что ты считаешь себя живым. Буду день и ночь активным, всю организационность на заметку возьму, на пенсию стану, — лежи спокойно, товарищ Козлов!

Елисей надышал на стекло туман и видел Чиклина слабо, но все равно смотрел, раз глядеть ему было некуда. Чиклин помолчал и, чувствуя, что Сафронов и Козлов теперь рады, сказал им:

— Пускай хоть весь класс умрет — так я один за него останусь и сделаю всю его задачу на свете! Все равно жить для самого себя я не знаю как!.. Чья это там морда усталилась на нас? Войди сюда, чужой человек!

Елисей сейчас же вошел в сельсовет и стал, не соображая, что штаны спустились с его живота, хотя вчера вполне еще держались. Елисей не имел аппетита к питанию и поэтому худел в каждые истекшие сутки.

— Это ты убил их? — спросил Чиклин.

Елисей поднял вверх штаны и уж больше не упустил их, ничего не отвечая, наставя на Чиклина свои бледные пустые глаза.

— А кто же? Пойди приведи мне кого-нибудь, кто убивает нашу массу.

Мужик тронулся и пошел через порожнее сырое место, где находилось последнее сборище грачей; грачи ему дали дорогу, и Елисей увидел того мужика, который был с желтыми глазами; он приставил гроб к плетню и писал на нем свою фамилию печатными буквами, доставая изобразительным пальцем какую-то гущу из бутылки.

— Ты что, Елисей? Аль узнал какое распоряжение?

— Так себе, — сказал Елисей.

— Тогда — ничего, — покойно произнес пишущий мужик. — А мертвых не обмывали еще в совете? Пугаюсь, как бы казенный инвалид не приехал на тележке, он меня рукой тронет, что я жив, а двое умерли.

Мужик пошел помыть мертвых, чтобы обнаружить тем свое участие и сочувствие. Елисей тоже побрел ему вслед, не зная, где ему лучше всего находиться.

Чиклин не возражал, пока мужик снимал с погибших одежду и носил их поочередно в голом состоянии окунать в пруд, а потом, вытерев насухо овчинной шерстью, снова одел и положил оба тела на стол.

— Ну прекрасно, — сказал тогда Чиклин. — А кто ж их убил?

— Нам, товарищ Чиклин, неизвестно — мы сами живем нечаянно.

— Нечаянно! — произнес Чиклин, и сделал мужику удар в лицо, чтоб он стал жить сознательно. Мужик было упал, но побоялся далеко уклоняться, дабы Чиклин не подумал про него чего-нибудь зажиточного, и еще ближе предстал перед ним, желая по сильнее изувечиться, а затем исходатайствовать себе, посредством мученья, право жизни бедняка. Чиклин, видя пред собою такое существо, двинул ему механически в живот, и мужик опрокинулся, закрыв свои желтые глаза.

Елисей, стоявший тихо в стороне, сказал вскоре Чиклину, что мужик кончился.

— А тебе жалко его? — спросил Чиклин.

— Нет, — ответил Елисей.

— Положь его в середку между моими товарищами.

Елисей поволок мужика к столу и, подняв его изо всех сил, свалил поперек прежних мертвых, а уж потом приноровил как следует, уложив его тесно, близ боков Сафронова и Козлова. Когда Елисей отошел обратно, то мужик открыл свои желтые глаза, но уж не мог их закрыть, и так остался глядеть.

— Баба-то есть у него? — спросил Чиклин Елисея.

— Один находился, — ответил Елисей.

— Зачем же он был?

— Не быть он боялся.

Вощев пришел в дверь и сказал Чиклину, чтоб он шел — его требует актив.

— На тебе рубль, — дал поскорее деньги Елисею Чиклин. — Ступай на котлован и погляди — жива ли там девочка Настя, и купи ей конфет. У меня сердце по ней заболело.

Активист сидел с тремя своими помощниками, похудевшими от непрерывного геройства и вполне бедными людьми, но лица их изображали одно и то же твердое чувство — усердную беззаветность. Активист дал знать Чиклину и Вощеву, что директивой товарища Пашкина они должны приурочить все свои скрытые силы на угождение колхозному разворачиванью.

— А истина полагается пролетариату? — спросил Вощев.

— Пролетариату полагается движение, — произнес справку активист, — а что навстречу попадется, то все его: будь там истина, будь кулацкая награбленная кофта, — все пойдет в организованный котел, ты ничего не узнаешь! А курей ты проверил?

— Всю ночь щупал — ни в одной птице нету яйца.

Активист сосредоточился; его помощники тоже соответственно задумались, — неужели птица подкулачница?

— Надо заготовить всех кур, сделать их мертвыми — и съесть, — продумав мысль, заявил один из активного состава.

— А петухов ты заметил? — спросил активист.

— Их нету, — сказал Вощев. — Один человек лежал на дворе и мне говорил, что ты последнего съел, когда шел по колхозу и вдруг почувствовал голод.

— Нам важно выяснить, кто съел первого петуха, а не последнего, — объявил активист.

— А может, первый сам издох! — дал догадку помощник активиста.

— Как же он сам издохнет? — удивился активист. — Разве он сознательный вредитель, что ль, что сам будет в такой момент умирать? Пойдем сквозной допрос делать: тут другая база лежит.

И все встали и пошли искать того вредного едока, который истребил ради своего питания первого петуха. Вощев и Чиклин тоже двигались вслед активу.

— Дело сурьезное, — говорил Чиклин, — без яиц дети ото-
щуют и своего возраста не возьмут!

— Конечно, — подтвердил Воцев, а сам томился, потому что
был согласен жить до смерти без куриного яйца, лишь бы знать
основное устройство всего мира.

Миновав с точным допросом, давшим лишь пассивные ре-
зультаты, дворов десять, актив устал и прислонился к одной избе
подумать — как быть дальше. К активу уже успели присоеди-
ниться еще человек сто, и вся эта масса явно горевала о съеден-
ном каким-то неизвестным ртом первом петухе, отчего погиб и
последний. Чтоб куры не скучали, их взяли на руки и носили с
собой, лаская ладонью по перу. Куры разгнездились в руках, но
были довольны.

Вскоре весь колхоз был на глазах активиста благодаря тому
дисциплинарному расчету, что лучше тыща человек сделает сто
шагов, чем один пройдет пять верст.

— Где ж петух, товарищи? — почти что равнодушно обра-
тился активист ко всем прильнувшим к нему. — Откуда ж у нас
яйцо выйдет, если наша птичья масса не имеет в своей среде про-
дуктивного руководства?!

Население колхоза, скрывая мысль, молча стояло близ своего
актива и грустно опустило свое общее лицо; одна же баба начала
тихо обмокать слезами, а потом так разошлась и расстрадалась,
что вся опустилась и ее пришлось устранить в чулан.

Грачи, бывшие невдалеке отсюда, поднялись и улетели в дру-
гие края; некоторые мужики поглядели на грачей, но иные не ста-
ли глядеть, так как грачи все равно вернуться, сколько они ни
ищут чего-то вдалеке, а мужикам же неподвижно хорошо.

— Где ж петух, граждане?.. — заунывно пытал активист. —
Значит, вы так угрождаете советской власти? А знаете ли вы, что
такое расколхозиванье? Имейте ж в виду, что это вам будет не
раскулачиванье, когда каждый неимущий рад! Я и неимущего рас-
колхожу: бедноты на нас хватит и без вас!

Весь класс стоял и не мог ответить на один вопрос. Бесплод-
ные куры начали тихо стенать в руках; из дальней природы при-
шел остуженный ветер и пошевелил остаточную листву на мест-
ном дереве.

— А ведь петуха-то нету! — скорбно сказал активист.

— И-йх, не-ту! — произнесла ближняя пригорюнившаяся баба.

Активист очнулся от влияния окружения и быстро пошел в
канцелярию, а за ним управились уйти и все другие, организаци-
онно-действующие люди. Остался один Чиклин, который не хо-
тел, чтоб в колхозе получилось отставание в развитии из-за одно-
го петуха.

— Да что ж это на самом деле: долго у вас петуха не будет?! — сказал он.

Один участник колхоза пошевелился в массе, что-то проговорил там, но от бессознательности или тесноты вновь замер.

— Кто там двинулся — выйди ко мне! — позвал Чиклин.

Вышел небольшой, но старый уже человек, в шапке и штанах, а рубашка его сохла после стирки где-то на плетне. Он держал на ладони птицу, вроде обгаженного коровой цыпленка, и подавал ее Чиклину.

— Вот, товарищ, ублюдочек у нас родился, — и уж тому года четыре, как он потихоньку растет!

— Что ж это такое: петух, что ль?

— Да можно считать, что почти что!

— Ну тогда пускай он трудится! — заключил Чиклин, и отправился на сельсовет.

Из дома, где жил актив, выносили знамена; сам же активист шел позади, ибо он не хотел спешить на вечное расставание с мертвыми товарищами. Ему не стало удивительно, когда Чиклин донес сведения об открытом петухе; активист знал и так, что под его руководством совершится всякий передовой факт и петух тоже будет.

Близ мертвых в сельсовете активист опечалился вначале, но затем, вспомнив новостроящееся будущее, бодро улыбнулся и приказал окружающим мобилизовать колхоз на похоронное шествие, чтобы все почувствовали торжественность смерти во время развивающегося светлого момента обобществленья имущества.

Левая рука Козлова свесилась вниз, и весь погибший корпус его накренился со стола, готовый бессознательно упасть. Чиклин поправил Козлова и заметил, что мертвым стало совершенно тесно лежать: их уж было четверо, вместо троих. Четвертого Чиклин не помнил и обратился к активисту за освещением несчастья, хотя четвертый был не пролетарий, а какой-то скучный мужик, покоившийся на боку с замолкшим дыханием. Активист представил Чиклину, что этот дворовый элемент есть смертельный вредитель Сафронова и Козлова, но теперь он заметил свою скорбь от организованного движения на него и сам пришел сюда, лег на стол между покойными и лично умер.

— Все равно бы я его обнаружил через полчаса, — сказал активист. — У нас стихии сейчас нет ни капли, деться никому некуда! А кто-то еще один лишний лежит!

— Того я закончил, — объяснил Чиклин. — Думал, что стержень явился и просит удара. Я ему дал, а он ослаб.

— И правильно: в районе мне и не поверят, чтоб был один убиец, а двое — это уж вполне кулацкий класс и организация!

После похорон в стороне от колхоза зашло солнце, и стало сразу пустынно и чуждо на свете; из-за утреннего края района выходила густая подземная туча, к полночи она должна дойти до здешних угодий и пролить на них всю тяжесть холодной воды. Глядя туда, колхозники начинали зябнуть, а куры уже давно квохтали в своих закутах, предчувствуя долготу времени осенней ночи. Вскоре на земле наступила сплошная тьма, усиленная чернотой почвы, растоптанной бродящими массами; но верх был еще светел, — среди сырости, неслышного ветра и высоты там стояло желтое сияние достигавшего туда солнца и отражалось на последней листве склонившихся в тишине садов. Люди не желали быть внутри изб — там на них нападали думы и настроения, — они ходили по всем открытым местам деревни и старались постоянно видеть друг друга; кроме того, они чутко слушали — не раздастся ли издали по влажному воздуху какого-либо звука, чтобы услышать утешение в таком трудном пространстве. Активист еще давно пустил устную директиву о соблюдении санитарности в народной жизни, для чего люди должны все время находиться на улице, а не задыхаться в семейных избах. От этого заседавшему активу было легче наблюдать массы из окна и вести их все время дальше.

Активист тоже успел заметить эту вечернюю желтую зарю, похожую на свет погребения, и решил завтра же с утра назначить звездный поход колхозных пешеходов в окрестные, жмушиися к единоличию деревни, а затем объявить народные игры.

Председатель сельсовета, середняцкий старичок, подошел было к активисту за каким-нибудь распоряжением, потому что боялся бездействовать, но активист отрешил его от себя рукой, сказав только, чтобы сельсовет укреплял задние завоевания актива и сторожил господствующих бедняков от кулацких хищников. Старичок председатель с благодарностью успокоился и пошел делать себе сторожевую колотушку.

Вощев боялся ночей, он в них лежал без сна и сомневался; его основное чувство жизни стремилось к чему-либо надлежащему на свете, и тайная надежда мысли обещала ему далекое спасение от безвестности всеобщего существования. Он шел на ночлег рядом с Чиклиным и беспокоился, что тот сейчас ляжет и заснет, а он будет один смотреть глазами во мрак над колхозом.

— Ты сегодня, Чиклин, не спи, а то я чего-то боюсь.

— Не бойся. Ты скажи, кто тебе страшен — я его убью.

— Мне страшна сердечная озадаченность, товарищ Чиклин, — я и сам не знаю что. Мне все кажется, что вдалеке есть что-то

особенное, или роскошный несбыточный предмет, и я печально живу.

— А мы его добудем. Ты, Вошев, как говорится, не горюй.

— Когда, товарищ Чиклин?

— А ты считай, что уж добыли: видишь, нам все теперь стало ничто...

На краю колхоза стоял Организационный Двор, в котором активист и другие ведущие бедняки производили воодушевление масс; здесь же проживали недоказанные кулаки и разные проштрафившиеся члены коллектива, — одни из них находились на дворе за то, что впали в мелкое настроение сомнения, другие — что плакали во время бодрости и целовали колья на своем дворе, отходящие в обобществление, третьи — за что-нибудь прочее, и, наконец, один был старичок, явившийся на Организационный Двор самотеком, — это был сторож с кафельного завода: он шел куда-то сквозь, а его здесь приостановили, потому что у него имелось выражение чуждости на лице.

Вошев и Чиклин сели на камень среди Двора, предполагая вскоре уснуть под здешним навесом. Старик с кафельного завода вспомнил Чиклина и дошел до него, — дотоле он сидел в ближайшей траве и сухим способом стирал грязь со своего тела под рубашкой.

— Ты зачем здесь? — спросил его Чиклин.

— Да я шел, а мне приказали остаться: может, говорят, ты зря живешь, дай посмотрим. Я было пошел молча мимо, а меня назад окорачивают: стой, кричат, кулашник! С тех пор я здесь и проживаю на картошных харчах.

— Тебе же все равно где жить, — сказал Чиклин, — лишь бы не умереть.

— Это-то ты верно говоришь! Я к чему хочешь привыкну, только сначала томлюсь. Здесь уж меня и буквам научили и число заставляют знать: будешь, говорят, уместным классовым старичком. Да то что же, я и буду!..

Старик бы всю ночь проговорил, но Елисей возвратился с котлована и принес Чиклину письмо от Прушевского. Под фонарем, освещавшим вывеску Организационного Двора, Чиклин прочитал, что Настя жива и Жачев начал возить ее ежедневно в детский сад, где она полюбила советское государство и собирает для него утильсырье; сам же Прушевский сильно скучает о том, что Козлов и Сафронов погибли, а Жачев по ним плакал громадными слезами.

«Мне довольно трудно, — писал товарищ Прушевский, — и я боюсь, что полюблю какую-нибудь одну женщину и женюсь, так как не имею общественного значения. Котлован закончен, и вес-

ной будем его бутить. Настя, оказывается, умеет писать печатными буквами, посылаю тебе ее бумажку».

Настя писала Чиклину:

«Ликвидируй кулака как класс. Да здравствует Сталин, Козлов и Сафронов! Дядя Чиклин, Сталин только на одну каплю хуже Ленина, а Буденный на две. Привет бедному колхозу, а кулакам нет».

Чиклин долго шептал эти написанные слова и весь глубоко растрогался, не умея морщить свое лицо для печали и плача; потом он направился спать.

В большом доме Организационного Двора была одна громадная горница, и там все спали на полу, благодаря холоду. Сорок или пятьдесят человек народа открыли рты и дышали вверх, а под низким потолком висела лампа в тумане вздохов и она тихо качалась от какого-то сотрясения земли. Среди пола лежал и Елисей; его спящие глаза были почти полностью открыты и глядели, не моргая, на горящую лампу. Нашедши Вощева, Чиклин лег рядом с ним и успокоился до более светлого утра.

Утром колхозные босые пешеходы выстроились в ряд на Оргдворе. Каждый из них имел флаг с лозунгом в руках и сумку с пищей за спиной. Они ожидали активиста, как первоначального человека в колхозе, чтобы узнать от него, зачем им идти в чужие места.

Активист пришел на Двор совместно с передовым персоналом и, расставив пешеходов в виде пятикратной звезды, стал посреди всех и произнес свое слово, указывающее пешеходам идти в среду окружающего беднячества и показать ему свойство колхоза, путем призвания к социалистическому порядку, ибо все равно дальнейшее будет плохо. Елисей держал в руке самый длинный флаг и, покорно выслушав активиста, тронулся привычным шагом вперед, не зная, где ему надо остановиться.

В то утро была сырость и дул холод с дальних пустопорожних мест. Такое обстоятельство тоже не было упущено активом.

— Дезорганизация! — с унылостью сказал активист про этот остужающий ветер природы.

Бедные и средние странники пошли в свой путь и скрылись вдалеке, в постороннем пространстве. Чиклин глядел вслед ушедшей босой коллективизации, не зная, что нужно дальше предполагать, а Вошев молчал без мысли. Из большого облака, остановившегося над глухими дальними пашнями, стеной пошел дождь и укрыл ушедших в среде влаги.

— И куда они пошли? — сказал один подкулачник, уединенный от населения на Оргдворе за свой вред. Активист запретил ему выходить далее плетня, и подкулачник выражался через него. — У нас одной обувки на десять годов хватит, а они куда лезут?

— Дай ему! — сказал Чиклин Вощеву.

Вощев подошел к подкулачнику и сделал удар в его лицо. Подкулачник больше не отзывался.

Вощев приблизился к Чиклину с обыкновенным недоумением об окружающей жизни.

— Смотри, Чиклин, как колхоз идет на свете — скучно и босой.

— Они потому и идут, что босые, — сказал Чиклин. — А радоваться им нечего — колхоз ведь житейское дело.

— Иисус Христос тоже, наверно, ходил скучно, и в природе был ничтожный дождь.

— В тебе ум бедняк, — ответил Чиклин. — Христос ходил один — неизвестно из-за чего, а тут двигаются целые кучи ради существования.

Активист находился здесь же на Оргдворе; прошедшая ночь прошла для него задаром — директива не спустилась на колхоз, и он пустил течение мысли в собственной голове; но мысль несла ему страх упущений. Он боялся, что зажиточность скопится на единоличных дворах и он упустит ее из виду. Одновременно он опасался и переусердия, — поэтому обобществил лишь конское поголовье, мучаясь за одиноких коров, овец и птицу, потому что в руках стихийного единоличника и козел есть рычаг капитализма.

Сдерживая силу своей инициативы, неподвижно стоял активист среди всеобщей тишины колхоза, и его подручные товарищи глядели на его смолкшие уста, не зная, куда им двинуться. Чиклин и Вощев вышли с Оргдвора и отправились искать мертвый инвентарь, чтобы увидеть его годность.

Пройдя несколько расстояния, они остановились на пути, потому что с правой стороны улицы без труда человека открылись одни ворота, и через них стали выходить спокойные лошади. Ровным шагом, не опуская голов к растущей пище на земле, лошади сплоченной массой миновали улицу и спустились в овраг, в котором содержалась вода. Напившись в норму, лошади вошли в воду и постояли в ней некоторое время для своей чистоты, а затем выбрались на береговую сушь и тронулись обратно, не теряя строя и сплочения между собой. Но у первых же дворов лошади разбрелись — одна остановилась у соломенной крыши и начала дергать солому из нее, другая, нагнувшись, подбирала в пасть остаточные пучки тощего сена, более же угрюмые лошади вошли на усадьбы и там взяли на знакомых, родных местах по снопу и вынесли его

во рту на улицу. Каждое животное взяло посильную долю пищи и бережно несло ее в направлении тех ворот, откуда вышли до того все лошади. Прежде пришедшие лошади остановились у общих ворот и подождали всю остальную конскую массу, а уж когда все совместно собрались, то передняя лошадь толкнула головой ворота нараспашку, и весь конский строй ушел с кормом на двор. На дворе лошади открыли рты, пища упала из них в одну среднюю кучу, и тогда обобществленный скот стал вокруг и начал медленно есть, организованно смирившись без заботы человека.

Вощев в испуге глядел на животных через скважину ворот; его удивляло душевное спокойствие жующего скота, будто все лошади с точностью убедились в колхозном смысле жизни, а он один живет и мучается хуже лошади.

Далее лошадного двора находилась чья-то неимущая изба, которая стояла без усадьбы и огорожи на голом земном месте. Чиклин и Вощев вошли в избу и заметили в ней мужика, лежавшего на лавке вниз лицом. Его баба прибирала пол и, увидев гостей, утерла нос концом платка, отчего у ней сейчас же потекли привычные слезы.

— Ты чего? — спросил ее Чиклин.

— И-й, касатики! — произнесла женщина, и еще гуще заплакала.

— Обсыхай скорей и говори! — образумил ее Чиклин.

— Мужик-то который день уткнулся и лежит... Баба, говорит, посуй мне пишу в нутрё, а то я весь пустой лежу, душа ушла изо всей плоти, улететь боюсь, — клади, кричит, какой-нибудь груз на рубашку. Как вечер, так я ему самовар к животу привязываю. Когда ж что-нибудь настанет-то?..

Чиклин подошел к крестьянину и повернул его навзничь — он был действительно легок и худ, и бледные, окаменевшие глаза его не выражали даже робости. Чиклин близко склонился к нему.

— Ты что — дышишь?

— Как вспомню, так вздохну, — слабо ответил человек.

— А если забудешь дышать?

— Тогда помру.

— Может, ты смысла жизни не чувствуешь, так потерпи чуть-чуть, — сказал Вощев лежачему.

Жена хозяина исподволь, но с точностью разглядывала пришедших, и от едкости глаз у нее нечувствительно высохли слезы.

— Он все чуял, товарищи, все дочиста душевно видел! А как лошадь взяли в организацию, так он лег и перестал. Я-то хоть поплачу, а он нет.

— Пусть лучше плачет, ему милее будет, — посоветовал Вощев.

— Я и то ему говорила. Разве ж можно молча лежать — власть будет пугаться. Я-то нарочно, вот правда истинная — вы люди, видать, хорошие, — я-то как выйду на улицу, так и зальюсь вся слезами. А товарищ активист видит меня — ведь он всюду глядит, он все щепки сосчитал, — как увидит меня, так и приказывает: плачь, баба, плачь сильней — это солнце новой жизни взошло и свет режет ваши темные глаза. А голос-то у него ровный, и я вижу, что мне ничего не будет, и плачу со всем желаньем...

— Стало быть, твой мужик только недавно существует без душевной прилежности? — обратился Воцев.

— Да как вот перестал меня женой знать, так и почитай, что с тех пор.

— У него душа — лошадь, — сказал Чиклин. — Пускай он теперь порожняком поживет, а его ветер продует.

Баба открыла рот, но осталась без звука, потому что Воцев и Чиклин ушли в дверь.

Другая изба стояла на большой усадьбе, огороженной плетнями, внутри же избы мужик лежал в пустом гробу и при любом шуме закрывал глаза, как скончавшийся. Над головой полуусопшего уже несколько недель горела лампада, и сам лежащий в гробу подливал в нее масло из бутылки время от времени. Воцев прислонил свою руку ко лбу покойного и почувствовал, что человек теплый. Мужик слышал то и вовсе затих дыханием, желая побольше остыть снаружи. Он сжал зубы и не пропускал воздуха в свою глубину.

— А теперь он похолодал, — сказал Воцев.

Мужик изо всех темных своих сил останавливал внутреннее биение жизни, а жизнь от долголетнего разгона не могла в нем прекратиться. «Ишь ты какая, чтущая меня сила, — между делом думал лежащий, — все равно я тебя затомлю, лучше сама кончись».

— Как будто опять потеплел, — обнаруживал Воцев по течению времени.

— Значит, не боится еще, подкулацкая сила, — произнес Чиклин.

Сердце мужика самостоятельно поднялось в душу, в горловую тесноту и там сжалось, отпуская из себя жар опасной жизни в верхнюю кожу. Мужик тронулся ногами, чтобы помочь своему сердцу вздрогнуть, но сердце замучилось без воздуха и не могло трудиться. Мужик разинул рот и закричал от горя смерти, жалея свои целые кости от сотления в прах, свою кровавую силу тела от гниения в гное, глаза от скрывающегося белого света и двор от вечного сиротства.

— Мертвые не шумят, — сказал Воцев мужику.

— Не буду, — согласно ответил лежачий, и замер, счастливый, что угодил власти.

— Остывает, — пощупал Вощев шею мужика.

— Туши лампаду, — сказал Чиклин. — Над ним огонь горит, а он глаза зажмурил — вот где нет никакой скупости на революцию.

Вышедши на свежий воздух, Чиклин и Вощев встретили активиста — он шел в избу-читальню по делам культурной революции. После того он обязан был еще обойти всех средних одиночников, оставшихся без колхоза, чтобы убедить их в неразумности огороженного дворового капитализма.

В избе-читальне стояли, заранее организованные, колхозные женщины и девушки.

— Здравствуй, товарищ актив! — сказали они все сразу.

— Привет кадру! — ответил задумчиво активист, и постоял в молчаливом созерцании. — А теперь мы повторим букву «а», — слушайте мои сообщения и пишите...

Женщины прилегли к полу, потому что вся изба-читальня была порожняя, и стали писать кусками штукатурки на досках. Чиклин и Вощев тоже сели вниз, желая укрепить свое знание в азбуке.

— Какие слова начинаются на «а»? — спросил активист.

Одна счастливая девушка привстала на колени и ответила со всей быстротой и бодростью своего разума:

— Авангард, актив, аллилуйщик, аванс, архилевый, антифашист! Твердый знак везде нужен, а архилевому не надо!

— Правильно, Макаровна, — оценил активист. — Пишите систематично эти слова.

Женщины и девушки прилежно прилегли к полу и начали настойчиво рисовать буквы, пользуясь корябающей штукатуркой. Активист тем временем засмотрелся в окно, размышляя о каком-то дальнейшем пути или, может быть, томясь от своей одинокой сознательности.

— Зачем они твердый знак пишут? — сказал Вощев.

Активист оглянулся.

— Потому что из слов обозначаются линии и лозунги, и твердый знак нам полезней мягкого. Это мягкий нужно отменить, а твердый нам неизбежен: он делает жесткость и четкость формулировок. Всем понятно?

— Всем, — сказали все.

— Пишите далее понятия на «б». Говори, Макаровна!

Макаровна приподнялась и с доверчивостью перед наукой заговорила:

— Большевик, буржуй, бугор, бессменный председатель, колхоз есть благо бедняка, bravo- bravo ленинцы! Твердые знаки ставить на бугре и большевике и еще на конце колхоза, а там везде мягкие места!

— Бюрократизм забыла, — определил активист. — Ну, пишите. А ты, Макаровна, сбегай мне в церковь — трубку прикури.

— Давай я схожу, — сказал Чиклин, — не отрывай народ от ума.

Активист втолок в трубку лопушиные крошки, и Чиклин пошел зажигать ее от огня. Церковь стояла на краю деревни, а за ней уж начиналась пустынность осени и вечное примиренчество природы. Чиклин поглядел на эту нищую тишину, на дальние лозины, стынувшие в глинистом поле, но ничем пока не мог возразить.

Близ церкви росла старая, забвенная трава и не было тропинок или прочих человеческих проходных следов, — значит, люди давно не молились в храме. Чиклин прошел к церкви по гуще лебеды и лопухов, а затем вступил на паперть. Никого не было в прохладном притворе, только воробей, сжавшись, жил в углу; но и он не испугался Чиклина, а лишь молча поглядел на человека, собираясь, видно, вскоре умереть в темноте осени.

В храме горели многие свечи; свет молчаливого, печального воска делал достаточно определенной всю внутренность помещения до самого подспудья купола, и чистоплотные лица святых с выраженьем равнодушия глядели в мертвый воздух, как жители того, спокойного света, — но храм был пуст.

Чиклин раскурил трубку от ближней свечи и увидел, что впереди на амвоне еще кто-то курит. Так и было, — на ступени амвона сидел человек и курил. Чиклин подошел к нему.

— От товарища активиста пришли? — спросил курящий.

— А тебе что?

— Все равно я по трубке вижу.

— А ты кто?

— Я был поп, а теперь отмежевался от своей души и острижен под фокстрот. Ты погляди!

Поп снял шапку и показал Чиклину голову, обработанную, как на девушке.

— Ничего ведь?.. Да все равно мне не верят — говорят, я тайно верю и явный стервец для бедноты. Приходится стаж зарабатывать, чтоб в кружок безбожия приняли.

— Чем же ты его зарабатываешь, поганый такой? — спросил Чиклин.

Поп сложил горечь себе в сердце и охотно ответил:

— А я свечки народу продаю — ты видишь, вся зала горит! Средства же скопляются в кружку и идут активисту для трактора.

— Не брешь: где же тут богомольный народ?

— Народу тут быть не может, — сообщил поп. — Народ только свечку покупает и ставит ее богу, как сироту, вместо своей молитвы, а сам сейчас же скрывается вон.

Чиклин яростно вздохнул и спросил еще:

— А отчего ж народ не крестится здесь, сволочь ты такая?!

Поп встал пред ним на ноги для уважения, собираясь с точностью сообщить.

— Креститься, товарищ, не допускается: того я записываю скорописью в поминальный листок...

— Говори скорей и дальше! — указал Чиклин.

— А я не прекращаю своего слова, товарищ бригадный, только я темпом слаб, уж вы стерпите меня... А те листки с обозначением человека, осенившего себя рукодействующим крестом, либо склонившего свое тело пред небесной силой, либо совершившего другой акт почитания подкулацких святителей, — те листки я каждую полночь лично сопровождаю к товарищу активисту.

— Подойди ко мне вплоть, — сказал Чиклин.

Поп готовно спустился с порожек амвона.

— Зажмурься, паскудный.

Поп закрыл глаза и выразил на лице умильную любезность. Чиклин, не колебнувшись корпусом, сделал попу сознательный удар в скуло. Поп открыл глаза и снова зажмурил их, но упасть не мог, чтобы не давать Чиклину понятия о своем неподчинении.

— Хочешь жить? — спросил Чиклин.

— Мне, товарищ, жить бесполезно, — разумно ответил поп. — Я не чувствую больше прелести творения — я остался без бога, а бог без человека...

Сказав последние слова, поп склонился на землю и стал молиться своему ангелу-хранителю, касаясь пола фокстротной головой.

В деревне раздался долгий свисток, и после него заржали лошади.

Поп остановил молящуюся руку и сообразил значение сигнала.

— Собрание учредителей, — сказал он со смирением.

Чиклин вышел из церкви в траву. По траве шла было баба к церкви, выправляя позади себя помятую лебеду, но, увидев Чиклина, она обомлела на месте и от испуга протянула ему пятак за свечку.

Организационный Двор покрылся сплошным народом; присутствовали организованные члены и неорганизованные единоличники,

кто еще был маломочен по сознанию или имел подкулацкую долю жизни, и не вступал в колхоз.

Активист находился на высоком крыльце и с молчаливой грустью наблюдал движение жизненной массы на сырой, вечерней земле; он безмолвно любил бедноту, которая, поев простого хлеба, желательно рвалась вперед в невидимое будущее, ибо все равно земля для них была пуста и тревожна; он втайне дарил городские конфеты ребятишкам неимущих и с наступлением коммунизма в сельском хозяйстве решил взять установку на женитьбу, тем более что тогда лучше выявятся женщины. И сейчас чей-то малый ребенок стоял около активиста и глядел на его лицо.

— Ты чего взарился? — спросил активист. — На тебе конфетку.

Мальчик взял конфету, но одной пищи ему было мало.

— Дядь, отчего ты самый умный, а картуза у тебя нету?

Активист без ответа погладил голову мальчика; ребенок с удивлением разгрыз сплошную каменистую конфету — она блеснула, как рассеченный лед, и внутри ее ничего не было, кроме твердости. Мальчик отдал половину конфеты обратно активисту.

— Сам доедай, у ней в середке вареньев нету: это сплошная коллективизация, нам радости мало!

Активист улыбнулся с проницательным сознанием, — он ведь предчувствовал, что этот ребенок в зрелости своей жизни вспомнит о нем среди горящего света социализма, добытого сосредоточенной силой актива из плетневых дворов деревень.

Вощев и еще три убежденных мужика носили бревна к воротам Оргдвора и складывали их в штабель, — им заранее активист дал указание на этот труд. Чиклин тоже пошел за трудящимися и, взяв бревно около оврага, понес его к Оргдвору: пусть идет больше пользы в общий котел, чтоб не было так печально вокруг.

— Ну как же будем, граждане? — произнес активист в вещество народа, находившееся пред ним. — Вы что ж, опять капитализм сеять собираетесь, иль опомнились?..

Организованные сели на землю и курили, с удовлетворительным чувством поглаживая свои бородки, которые за последние полгода что-то стали реже расти; неорганизованные же стояли на ногах, преодолевая свою тщетную душу, но один сподручный актива научил их, что души в них нет, а есть лишь одно имущественное настроенье, и они теперь вовсе не знали, как им станется, раз не будет имущества. Иные, склонившись, стучали себе в грудь и слушали свою мысль оттуда, но сердце билось легко и грустно, как порожнее, и ничего не отвечало. Стоявшие люди ни на мгновение не упускали из вида активиста; ближние же ко крыльцу

глядели на руководящего человека со всем желанием в неморгающих глазах, чтобы он видел их готовное настроенье.

Чиклин и Воцев к тому времени уже управились с доставкой бревен и стали их затесывать в лапу со всех концов, стараясь устроить большой предмет. Солнца не было в природе ни вчера, ни нынче, и унылый вечер рано наступил над сырыми полями; тишина распространялась сейчас по всему видимому свету, только топор Чиклина звучал среди нее и отзывался ветхим скрипом на близкой мельнице и в плетнях.

— Ну что же! — терпеливо сказал активист сверху. — Иль вы так и будете стоять между капитализмом и коммунизмом: ведь уж пора тронуться — у нас в районе четырнадцатый пленум идет!

— Дозволь, товарищ актив, еще малость средноте постоять, — попросили задние мужики. — Может, мы обвыкнемся: нам главное дело привычка, а то мы все стерпим!

— Ну стойте, пока беднота сидит, — разрешил активист. — Все равно товарищ Чиклин еще не успел сколотить бревна в один блок.

— А к чему ж те бревна-то гадят, товарищ актив? — спросил задний середняк.

— А это для ликвидации класса организуется плот, чтоб завтрашний день кулацкий сектор ехал по речке в море и далее...

Вынув поминальные листки и классово-расслоечную ведомость, активист стал метить знаки по бумагам; а карандаш у него был разноцветный, и он применял то синий, то красный цвет, а то просто вздыхал и думал, не кладя знаков до своего решения. Стоячие мужики открыли рты и глядели на карандаш с томлением слабой души, которая появилась у них из последних остатков имущества, потому что стала мучиться. Чиклин и Воцев тесали в два топора сразу, и бревна у них складывались одно к другому вплоть, основывая сверху просторное место.

Ближний середняк прислонился головой к крыльцу и стоял в таком покое некоторое время.

— Товарищ актив, а товарищ!..

— Говори ясно, — предложил середняку активист между своим делом.

— Дозволь нам горе горевать в остатнюю ночь, а уж тогда мы век с тобой будем радоваться!

Активист кратко подумал.

— Ночь, это долго. Кругом нас темпы по округу идут, — го-рюйте, пока плот не готов.

— Ну, хоть до плота, и то радость, — сказал средний мужик, и заплакал, не теряя времени последнего горя. Бабы, стоявшие за плетнем Оргдвора, враз взвыли во все задушевные свои

голоса, так что Чиклин и Вошев перестали рубить дерево топорами. Организованная, членская беднота поднялась с земли, довольная, что ей горевать не приходится, и ушла смотреть на свое общее, насущное имущество деревни.

— Отвернись и ты от нас на краткое время, — попросили активиста два средняка, — дай нам тебя не видеть.

Активист отстранился с крыльца и ушел в дом, где с жадностью начал писать рапорт о точном исполнении мероприятия по сплошной коллективизации и о ликвидации, посредством сплава на плоту, кулака как класса; при этом активист не мог поставить после слова «кулака» запятую, так как и в директиве ее не было. Дальше он попросил себе из района новую боевую кампанию, чтоб местный актив работал бесперебойно и четко чертил дорожную генеральную линию вперед. Активист желал бы еще, чтобы район объявил его в своем постановлении самым идеологичным во всей районной надстройке, но это желание утихло в нем без последствий, потому что он вспомнил, как после хлебозаготовок ему пришлось заявить о себе, что он умнейший человек на данном этапе села, и, услышав его, один мужик объявил себя бабой.

Дверь дома отворилась, и в нее раздался шум мученья из деревни; вошедший человек стер мокроту с одежды, а потом сказал:

— Товарищ актив, там снег пошел и холод дует.

— Пускай идет, нам-то что?

— Нам — ничего, нам хоть что ни случись — мы управимся! — вполне согласился явившийся пожилой бедняк. Он был постоянно удивлен, что еще жив на свете, потому что ничего не имел, кроме овощей с дворового огорода и бедняцкой льготы, и не мог никак добиться высшей, довольной жизни.

— Ты мне, товарищ главный, скажи на утеху: писаться мне в колхоз на покой, иль обождать?

— Пишись, конечно, а то в океан пошлю!

— Бедняку нигде не страшно; я б давно записался, только Зою сеять боюсь!

— Какую Зою? — если сою, то она ведь официальный знак!

— Ее, стерву.

— Ну, не сей — я учту твою психологию.

— Учти, пожалуйста.

Записав бедняка в колхоз, активист вынужден был дать ему квитанцию в приеме в членство и в том, что в колхозе не будет Зои, и выдумал здесь же надлежащую форму для этой квитанции, так как бедняк нипочем не уходил без нее.

Снаружи в то время все гуще падал холодный снег; земля от снега стала смиренней, но звуки середняцкого настроения мешали наступить сплошной тишине. Старый пахарь Иван Семенович

Крестинин целовал молодые деревья в своем саду и с корнем сокрушал их прочь из почвы, а его баба причитала над голыми ветками.

— Не плачь, старуха, — говорил Крестинин, — ты в колхозе мужиковской давалкой станешь. А деревья эти — моя плоть, и пускай она теперь мучается, ей же скучно обобществляться в плен!

Баба, услышав мужние слова, так и покатила по земле, а другая женщина — не то старая девка, не то вдовуха — сначала бежала по улице и голосила таким агитирующим, монашьим голосом, что Чиклину захотелось в нее стрелять, а потом она увидела, как крестининская баба катится понизу, и тоже бросилась навзничь и забила ногами в суконных чулках.

Ночь покрыла весь деревенский масштаб, снег сделал воздух непроницаемым и тесным, в котором задыхалась грудь, но все же бабы вскрикивали повсеместно и, привыкая к горю, держали постоянный вой. Собаки и другие мелкие нервные животные тоже поддерживали эти томительные звуки, и в колхозе было шумно и тревожно, как в предбаннике; средние же и высшие мужики молча работали по дворам и закутам, охраняемые бабьим плачем у раскрытых настежь ворот. Остаточные, необобществленные лошади грустно спали в станках, привязанные к ним так надежно, чтобы они никогда не упали, потому что иные лошади уже стояли мертвыми; в ожидании колхоза, безубыточные мужики содержали лошадей без пищи, чтоб обобществиться лишь одним своим телом, а животных не вести в скорбь.

— Жива ли ты, кормилица?..

Лошадь дремала в стойле, опустив навеки чуткую голову, — один глаз у нее был слабо прикрыт, а на другой не хватило силы — и он остался глядеть в тьму. Сарай остыл без лошадиного дыхания, снег западал в него, ложился на голову кобылы и не таял. Хозяин потушил спичку, обнял лошадь за шею и стоял в своем сиротстве, нюхая по памяти пот кобылы, как на пахоте.

— Значит, ты умерла? Ну ничего — я тоже скоро помру, нам будет тихо.

Собака, не видя человека, вошла в сарай и понюхала заднюю ногу лошади. Потом она зарычала, впила пастью в мясо и вырвала себе говядину. Оба глаза лошади забелели в темноте, она поглядела ими обоими, и переступила ногами шаг вперед, не забыв еще от чувства боли жить.

— Может, ты в колхоз пойдешь? Ступай тогда, а я подожду, — сказал хозяин двора.

Он взял клоч сена из угла и поднес лошади ко рту. Глазные места у кобылы стали темными, она уже смежила последнее

зрение, но еще чуяла запах травы, потому что ноздри ее шевельнулись и рот распался надвое, хотя жевать не мог. Жизнь ее уменьшалась все дальше, сумев дважды возвратиться на боль и еду; затем ноздри ее уже не повелись от сена, и две новые собаки равнодушно отъедали ногу позади, — но жизнь лошади еще была цела — она лишь беднела в дальней нищете, делилась все более мелко и не могла утомиться.

Снег падал на холодную землю, собираясь остаться в зиму; мирный покров застелил на сон грядущий всю видимую землю, только вокруг хлебов снег растаял и земля была черна, потому что теплая кровь коров и овец вышла из-под огорож наружу и летние места оголились. Ликвидировав весь последний дышащий живой инвентарь, мужики стали есть говядину и всем домашним также наказали ее кушать; говядину в то краткое время ели, как причастие, — есть никто не хотел, но надо было спрятать плоть родной убоины в свое тело и сберечь ее там от обобществления. Иные расчетливые мужики давно опухли от мясной еды и ходили тяжело, какдвигающиеся сараи; других же рвало непрерывно, но они не могли расстаться со скотиной и уничтожали ее до костей, не ожидая пользы желудка. Кто вперед успел поесть свою живность или кто отпустил ее в колхозное заключение, тот лежал в пустом гробу и жил в нем, как на тесном дворе, чувствуя огороженный покой.

Чиклин оставил заготовку плота в такую ночь. Вошев тоже настолько ослабел телом без идеологии, что не мог поднять топора и лег в снег: все равно истины нет на свете, или, быть может, она и была в каком-нибудь растении или в героической твари, но шел дорожный нищий и съел то растение или растоптал гнетущуюся низом тварь, а сам умер затем в осеннем овраге, и тело его выдул ветер в ничто.

Активист видел с Оргдвора, что плот не готов; однако он должен был завтрашним утром отправить в район пакет с итоговым отчетом, поэтому дал немедленный свисток к общему учредительному собранию. Народ выступил со дворов на этот звук и всем неорганизованным еще составом явился на площадь Оргдвора. Бабы уже не плакали и высохли лицом, мужики тоже держались самозабвенно, готовые организовать навеки. Приблизившись друг к другу, люди стали без слова всей середняцкой гущей и загляделись на крыльцо, на котором находился активист с фонарем в руке, — от этого собственного света он не видел разной мелочи на лицах людей, но зато его самого наблюдали все с ясностью.

— Готовы, что ль? — спросил активист.

— Подожди, — сказал Чиклин активисту. — Пусть они прощаются до будущей жизни.

Мужики было приготовились к чему-то, но один из них произнес в тишине:

— Дай нам еще одно мгновение времени!

И сказав последние слова, мужик обнял соседа, поцеловал его трижды и попрощался с ним.

— Прощай, Егор Семеныч!

— Не в чем, Никанор Петрович: ты меня тоже прости.

Каждый начал целоваться со всею очередью людей, обнимая чужое доселе тело, и все уста грустно и дружелюбно целовали каждого.

— Прощай, тетка Дарья; не обижайся, что я твою ригу сжег.

— Бог простит, Алеша, — теперь рига все одно не моя.

Многие, прикоснувшись взаимными губами, стояли в таком чувстве некоторое время, чтобы навсегда запомнить новую родину, потому что до этой поры они жили без памяти друг о друге и без жалости.

— Ну, давай, Степан, побратаемся.

— Прощай, Егор, — жили мы люто, а кончаемся по совести.

После целованья люди поклонились в землю — каждый всем, — и встали на ноги, свободные и пустые сердцем.

— Теперь мы, товарищ актив, готовы — пиши нас всех в одну графу, а кулаков мы сами тебе покажем.

Но активист еще прежде обозначил всех жителей — кого в колхоз, а кого на плот.

— Иль сознательность в вас заговорила? — сказал он. — Значит, отозвалась массовая работа актива! Вот она — четкая линия в будущий свет!

Чиклин здесь вышел на высокое крыльцо и потушил фонарь активиста — ночь и без керосина была светла от свежего снега.

— Хорошо вам теперь, товарищи? — спросил Чиклин.

— Хорошо, — сказали со всего Оргдвора. — Мы ничего теперь не чуем, в нас один прах остался.

Вощев лежал в стороне и никак не мог заснуть без покоя истины внутри своей жизни, — тогда он встал со снега и вошел в среду людей.

— Здравствуйте! — сказал он колхозу, обрадовавшись. — Вы стали теперь, как я, — я тоже ничто.

— Здравствуй! — обрадовался весь колхоз одному человеку.

Чиклин тоже не мог стерпеть быть отдельно на крыльце, когда люди стояли вместе внизу; он опустился на землю, разжег костер из плетневого матерьяла, и все начали согреться от огня.

Уже было поздно, ночь стояла смутно над людьми, и больше никто не произносил слова, только слышалось, как по-старинному брехала собака на чужой деревне, точно она существовала в постоянной вечности.

Очнулся Чиклин первым, потому что вспомнил что-то насущное, но, открыв глаза, все забыл. Перед ним стоял Елисей и держал Настю на руках. Он уже держал девочку часа два, пугаясь разбудить Чиклина, а девочка спокойно спала, греясь на его теплой, сердечной груди.

— Не замучил ребенка-то? — спросил Чиклин.

— Я не смею, — сказал Елисей.

Настя открыла глаза на Чиклина и заплакала по нем; она думала, что в мире все есть взаправду и навсегда, — и если ушел Чиклин, то она уже больше нигде не найдет его на свете. В бараке Настя часто видела Чиклина во сне и даже не хотела спать, чтобы не мучиться на утро, когда оно настанет без него.

Чиклин взял девочку на руки.

— Тебе ничего было?

— Ничего, — сказала Настя. — А ты здесь колхоз Сталину сделал? Покажи мне колхоз!

Поднявшись с земли, Чиклин приложил голову Насти к своей шее и пошел раскулачивать.

— Жачев-то не обижал тебя?

— Как же он обидит меня, когда я в социализм останусь, а он скоро помрет!

— Да пожалуй что и не обидит! — сказал Чиклин и обратил внимание на многолюдство. Посторонний, пришлый народ расположился кучами и малыми массами по Оргдвору, тогда как колхоз еще спал общим скоплением близ ночного, померкшего костра. По колхозной улице также находились нездешние люди; они молча стояли в ожидании той радости, за которой их привели сюда Елисей и другие колхозные пешеходы. Некоторые странники обступили Елисея и спрашивали его:

— Где же колхозное благо — иль мы даром шли? Долго ль нам бродить без остановки?

— Раз вас привели, то актив знает, — ответил Елисей.

— А твой актив спит, должно быть?

— Актив спать не может, — сказал Елисей.

Активист вышел на крыльцо со своими сподручными — и рядом с ним был Прушевский, а Жачев полз позади всех. Прушевского послал в колхоз товарищ Пашкин, потому что Елисей

проходил вчера мимо котлована и ел кашу у Жачева, но от отсутствия своего ума не мог сказать ни одного слова. Узнав про то, Пашкин решил во весь темп бросить Прушевского на колхоз как кадр культурной революции, ибо без ума организованные люди жить не должны, а Жачев отправился по своему желанию, как урод, — и поэтому они явились втроем с Настей на руках, не считая еще тех подорожных мужиков, которым Елисей велел идти вслед за собой, чтобы ликовать в колхозе.

— Ступайте скорее плот кончайте, — сказал Чиклин Прушевскому, — а я скоро обратно к вам поспею.

Елисей пошел вместе с Чиклиным, чтобы указать ему самого угнетенного батрака, который почти спокон века работал даром на имущих дворах, а теперь трудится молотобойцем в колхозной кузне и получает пищу и приварок, как кузнец второй руки; однако этот молотобоец не числился членом колхоза, а считался наемным лицом, и профсоюзная линия, получая сообщения об этом официальном батраке, одном во всем районе, глубоко тревожилась. Пашкин же и вовсе грустил о неизвестном, последнем пролетарии района, и хотел как можно скорее избавить его от угнетения.

Около кузницы стоял автомобиль и жег бензин на одном месте. С него только что сошел прибывший вместе с супругой Пашкин, чтобы с активной жадностью обнаружить здесь остаточного батрака и, снабдив его лучшей долей жизни, распустить затем райком союза за халатность обслуживания членской массы. Но еще Чиклин и Елисей не дошли до кузни, как товарищ Пашкин уже вышел из помещения и отбыл на машине обратно, опустив только голову в кузов, будто не зная — как ему теперь быть. Супруга товарища Пашкина из машины не вышла вовсе: она лишь берегла своего любимого человека от встречных женщин, обожающих власть ее мужа и принимавших твердость его руководства за силу любви, которую он может им дать.

Чиклин с Настей на руках вошел в кузню; Елисей же остался постоять снаружи. Кузнец качал мехом воздух в горн, а медведь бил человечески молотом по раскаленной железной полосе на наковальне.

— Скорее, Миш, а то мы с тобой — ударная бригада! — сказал кузнец.

Но медведь и без того настолько усердно старался, что пахло его паленой шерстью, сгорающей от искр металла, а медведь, ради пользы, этого не чувствовал.

— Ну, теперь — будя! — определил кузнец.

Медведь перестал колотить и, отошедши, выпил от жажды полведра воды. Утерев затем свое утомленно-пролетарское лицо,

медведь плюнул в лапу и снова приступил к труду молотобойца. Сейчас ему кузнец положил ковать подкову для одного единоличника из окрестностей колхоза.

— Миш, это надо кончить поживей: вечером хозяин придет — жидкость будет! — и кузнец показал на свою шею, как на трубу для водки. Медведь, поняв будущее наслаждение, с пушей охотой начал делать подкову. — А ты, человек, зачем пришел? — спросил кузнец у Чиклина.

— Отпусти молотобойца кулаков показать: говорят, у него пролетарский стаж велик.

Кузнец поразмышлял немного о чем-то и сказал:

— А ты согласовал с активом вопрос? Ведь в кузне есть промфинплан, а ты его срываешь!

— Согласовал вполне, — ответил Чиклин. — А если план твой сорвется, так я сам приду к тебе его подымать... Ты слыхал про араратскую гору — так я ее наверняк бы насыпал, если б клал землю своей лопатой в одно место!

— Нехай тогда идет, — выразился кузнец про медведя. — Ступай на Оргдвор и вдарь в колокол, чтоб Мишка обеденное время услышал, а то он не тронется — он у нас дисциплину обожает.

Пока Елисей равнодушно ходил на Оргдвор, медведь сделал четыре подковы и просил еще трудиться. Но кузнец послал его за дровами, чтобы нажечь из них потом углей, и медведь принес целый подходящий плетень. Настя, глядя на почерневшего, обгорелого медведя, радовалась, что он за нас, а не за буржуев.

— Он ведь тоже мучается — он, значит, за Сталина, правда ведь? — говорила Настя.

— А то как же! — отвечал Чиклин.

— Звери тоже чувят! — сообщила Настя.

Раздался гул колокола, и медведь мгновенно оставил без внимания свой труд — до того он ломал плетень на мелкие части, а теперь сразу выпрямился и надежно вздохнул: шабаш, дескать. Опустив лапы в ведро с водой, чтоб отмочить на них чистоту, он затем вышел вон для получения еды. Кузнец ему указал на Чиклина, и медведь спокойно пошел за человеком, привычно держась впрямую, на одних задних лапах. Настя тронула медведя за плечо, а он тоже коснулся слегка ее лапой и зевнул всем ртом, откуда запахло прошлой пищей.

— Смотри, Чиклин, он весь седой!

— Жил с людьми, вот и поседел от горя.

Медведь обождал, пока девочка вновь посмотрит на него, и, дождавшись, зажмурил для нее один глаз; Настя засмеялась, а молотобоец ударил себе по животу, так что у него там что-то

забурчало, отчего Настя засмеялась еще лучше, медведь же не обратил на малолетнюю внимания.

Около одних дворов идти было так же прохладно, как и по полю, а около других чувствовалась теплота. Коровы и лошади лежали в усадьбах с разверстыми тлеющими туловищами — и долголетний, скопленный под солнцем жар жизни еще выходил из них в воздух, в общее зимнее пространство. Уже много дворов миновали Чиклин и молотобоец, а кулачества что-то нигде не ликвидировали.

Снег, изредка опускавшийся дотоле с верхних мест, теперь пошел чаще и жестче, — какой-то набредший ветер начал производить вьюгу, что бывает, когда устанавливается зима. Но Чиклин и медведь шли сквозь снежную, секущую частоту прямым уличным порядком, потому что Чиклину невозможно было считаться с настроением природы; только Настю Чиклин спрятал от холода за пазуху, оставив наружи лишь ее голову, чтоб она не скучала в темном тепле. Девочка все время следила за медведем — ей было хорошо, что животное тоже есть рабочий класс, — а молотобоец глядел на нее как на забытую сестру, с которой он жировал у материнского живота в летнем лесу своего детства. Желая обрадовать Настю, медведь посмотрел вокруг — чего бы это схватить или выломать ей для подарка? Но никакого мало-мальски счастливого предмета не было вблизи, кроме глиносоломенных жилищ и плетней. Тогда молотобоец вгляделся в снежный ветер и быстро выхватил из него что-то маленькое, а затем поднес сжатую лапу к Настиному лицу. Настя выбрала из его лапы муху, зная, что мух теперь тоже нету — они умерли еще в конце лета. Медведь начал гоняться за мухами по всей улице, — мухи летели целыми тучами, перемежаясь с несущимся снегом.

— Отчего бывают мухи, когда зима? — спросила Настя.

— От кулаков, дочка! — сказал Чиклин.

Настя задушила в руке жирную кулацкую муху, подаренную ей медведем, и сказала еще:

— А ты убей их как класс! А то мухи зимой будут, а летом нет: птицам нечего есть станет.

Медведь вдруг зарычал около прочной, чистой избы и не хотел идти дальше, забыв про мух и девочку. Бабье лицо уставилось в стекло окна, и по стеклу поползла жидкость слез, будто баба их держала все время наготове. Медведь открыл пасть на видимую бабу и взревел еще яростней, так что баба отскочила внутрь жилища.

— Кулачество! — сказал Чиклин и, вошедши на двор, открыл изнутри ворота. Медведь тоже шагнул через черту владенья на усадьбу.

Чиклин и молотобоец освидетельствовали вначале хозяйственные укромные места. В сарае, засыпанные мякиной, лежали четыре или больше мертвых мясных овцы. Когда медведь тронул одну овцу ногой, из нее поднялись мухи: они жили себе жирующим способом в горячих, говяжьих щелях овечьего тела и, усердно питаясь, сыто летали среди снега, нисколько не остужаясь от него. Из сарая наружу выходил дух теплоты, — в трупных скважинах убоины, наверно, было жарко, как летом в тлеющей торфяной земле, и мухи жили там вполне нормально. Чиклину стало тяжело в большом сарае, ему казалось, что здесь топят банные печи, а Настя зажмурилась от вони глаза и думала, почему в колхозе зимой тепло и нету четырех времен года, про какие ей рассказывал Прушевский на котловане, когда на пустых осенних полях прекратилось пение птиц.

Молотобоец пошел из сарая в избу и, заревев в сенях враждебным голосом, выбросил через крыльцо вековой громадный сундук, откуда посыпались швейные катушки.

Чиклин застал в избе одну бабу и еще мальчишку; мальчишка дулся на горшке, а мать его, присев, разгнездилась среди горницы, будто все вещество из нее опустилось вниз; она уж не кричала, а только открыла рот и старалась дышать.

— Мужик, а мужик! — начала звать она, не двигаясь от немощи горя.

— Чего? — отозвался голос с печки; потом там заскрипел рассыпавшийся гроб и вылез хозяин.

— Цари пришли, — сказывала постепенно баба, — иди встречай... Головушка моя горькая!

— Прочь! — приказал Чиклин всему семейству.

Молотобоец попробовал мальчишку за ухо, и тот вскочил с горшка, а медведь, не зная, что это такое, сам сел для пробы на низкую посуду.

Мальчик стоял в одной рубашке и, соображая, глядел на сидящего медведя.

— Дядь, отдай какашку! — попросил он; но молотобоец тихо зарычал на него, тужась от неудобного положения.

— Прочь! — произнес Чиклин кулацкому населению.

Медведь, не трогаясь с горшка, дал из пасти звук, — и зажиточный ответил:

— Не шумите, хозяйева, мы сами уйдем.

Молотобоец вспомнил, как в старинные года он корчевал пни на угодьях этого мужика и ел траву от безмолвного голода, потому что мужик давал ему пищу только вечером — что оставалось от свиней, а свиньи ложились в корыта и съедали медвежью порцию во сне. Вспомнив такое, медведь поднялся с посуды, обнял

поудобней тело мужика и, сжав его с силой, что из человека вышло нажитое сало и пот, закричал ему в голову на разные голоса — от злобы и наслышки молотобоец мог почти разговаривать.

Зажиточный, обождав, пока медведь отдастся от него, вышел, как есть, на улицу и уже прошел мимо окна снаружи, — только тогда баба помчалась за ним, а мальчик остался в избе без родных. Постояв в скучном недоумении, он схватил горшок с пола и побежал с ним за отцом-матерью.

— Он очень хитрый! — сказала Настя про этого мальчика, унесшего свой горшок.

Дальше кулак встречался гуще. Уже через три двора медведь зарычал снова, обозначая присутствие здесь своего классового врага. Чиклин отдал Настю молотобойцу и вошел в избу один.

— Ты чего, милый, явился? — спросил ласковый, спокойный мужик.

— Уходи прочь! — ответил Чиклин.

— А что, ай я чем не угодил?

— Нам колхоз нужен, не разлагай его!

Мужик не спеша подумал, словно находился в душевной беседе.

— Колхоз вам не годится...

— Прочь, гада!

— Ну что ж, вы сделаете изо всей республики колхоз, а вся республика-то будет единоличным хозяйством!..

У Чиклина захватило дыхание, он бросился к двери и открыл ее, чтоб видна была свобода, — он так же когда-то ударился в замкнувшуюся дверь тюрьмы, не понимая плена, и закричал от скрежещущей силы сердца. Он отвернулся от рассудительного мужика, чтобы тот не участвовал в его преходящей скорби, которая касается лишь одного рабочего класса.

— Не твое дело, стервец! Мы можем царя назначить, когда нам полезно будет, и можем сшибить его одним вздохом... А ты — исчезни!

Здесь Чиклин перехватил мужика поперек и вынес его наружу, где бросил в снег; мужик от жадности не был женатым, расходуя всю свою плоть в скопление имущества, в счастье надежности существования, и теперь не знал, что ему чувствовать.

— Ликвидировали?! — сказал он из снега. — Смотрите, нынче меня нету, а завтра вас не будет. Так и выйдет, что в социализм придет один ваш главный человек!

Через четыре двора молотобоец опять ненавистно заревел. Из дома выскочил бедный житель с блином в руках. Но медведь знал, что этот хозяин бил его древесным корнем, когда он переставал от усталости водить жернов за бревно. Этот мужичишко

заставил на мельнице работать вместо ветра медведя, чтобы не платить налога, а сам скулил всегда по-батрацки и ел с бабой под одеялом. Когда его жена тяжелела, то мельник своими руками совершал ей выкидыш, любя лишь одного большого сына, которого он давно определил в городские коммунисты.

— Покушай, Миша! — подарил мужик блин молотобойцу.

Медведь обернул блином лапу и ударил через эту печеную прокладку кулака по уху, так что мужик вякнул ртом и повалился.

— Оporожняй батрацкое имущество! — сказал Чиклин лежа-чему. — Прочь с колхоза и не смей более жить на свете!

Зажиточный полежал вначале, а потом опомнился.

— А ты покажь мне бумажку, что ты действительно лицо!

— Какое я тебе лицо? — сказал Чиклин. — Я никто; у нас партия — вот лицо!

— Покажи тогда хоть партию, хочу рассмотреть.

Чиклин скудно улыбнулся.

— В лицо ты ее не узнаешь, я сам ее еле чувствую. — Являйся нынче на плот, капитализм сволочь!

— Пусть он едет по морям: нынче здесь, а завтра там, — правда ведь? — произнесла Настя. — Со сволочью нам скучно будет!

Дальше Чиклин и молотобоец освободили еще шесть изб, нажитых батрацкой плотью, и возвратились на Оргдвор, где стояли в ожидании чего-то очищенные от кулачества массы.

Сверив прибывший кулацкий класс со своей расслоечной ведомостью, активист нашел полную точность и обрадовался действию Чиклина и кузнечного молотобойца. Чиклин также одобрил активиста.

— Ты сознательный молодец, — сказал он, — ты чуешь классы, как животное.

Медведь не мог выразиться и, постояв отдельно, пошел на кузню сквозь падающий снег, в котором жужжали мухи; одна только Настя смотрела ему вслед и жалела этого старого, обгорелого человека.

Прушевский уже справился с доделкой из бревен плота, а сейчас глядел на всех с готовностью.

— Гадость ты, — говорил ему Жачев, — чего глядишь, как оторвавшийся? Живи храбрее — жми друг дружку, а деньги в кружку! Ты думаешь, это люди существуют? — ого! Это одна наружная кожа, до людей нам далеко идти, вот чего мне жалко!

По слову активиста кулаки согнулись и стали двигать плот в упор на речную долину. Жачев же пополз за кулачеством, чтобы обеспечить ему надежное отплытие в море по течению и сильнее успокоиться в том, что социализм будет, что Настя получит его

в свое девичье приданое, а он, Жачев, скорее погибнет, как уставший предрассудок.

Ликвидировав кулаков в даль, Жачев не успокоился, ему стало даже труднее, хотя неизвестно отчего. Он долго наблюдал, как систематически уплывал плот по снежной текущей реке, как вечерний ветер шевелил темную, мертвую воду, льющуюся среди охладелых угодий в свою отдаленную пропасть, и ему делалось скучно, печально в груди. Ведь слой грустных уродов не нужен социализму, и его вскоре также ликвидируют в далекую тишину.

Кулачество глядело с плота в одну сторону — на Жачева; люди хотели навсегда заметить свою родину и последнего, счастливого человека на ней.

Вот уже кулацкий речной эшелон начал заходить на повороте за береговой кустарник, и Жачев начал терять видимость классового врага.

— Эй, паразиты, прощай! — закричал Жачев по реке.

— Про-ща-ай! — отозвались уплывающие в море кулаки.

С Оргдвора заиграла призывающая вперед музыка; Жачев поспешно полез по глинистой круче на торжество колхоза, хотя и знал, что там ликуют одни бывшие участники империализма, не считая Насти и прочего детства.

Активист выставил на крыльцо Оргдома рупор радио, и оттуда звучал марш великого похода, а весь колхоз, вместе с окрестными пешими гостями, радостно топтался на месте. Колхозные мужики были светлы лицом, как вымытые, им стало теперь ничего не жалко, безвестно и прохладно в душевной пустоте. Елисей, когда сменилась музыка, вышел на среднее место, вдавил подошвой и затанцевал по земле, ничуть при этом не сгибаясь и не моргая белыми глазами; он ходил как стержень — один среди стоячих, — четко работая костями и туловищем. Постепенно мужики рассопелись и начали охаживать вокруг друг друга, а бабы весело подняли руки и пошли двигать ногами под юбками. Гости скинули сумки, кликнули к себе местных девушек и понеслись понизу, бодро шевелясь, а для своего угощения целовали подружек-колхозниц. Радиомузыка все более тревожила жизнь; пассивные мужики кричали возгласы довольства, более передовые всесторонне развивали дальнейший темп праздника, и даже обобществленные лошади, услышав гул человеческого счастья, пришли поодиночке на Оргдвор и стали ржать.

Снежный ветер утих; неясная луна выявилась на дальнем небе, опорожненном от вихрей и туч, — на небе, которое было так

пустынно, что допускало вечную свободу, и так жутко, что для свободы нужна была дружба.

Под этим небом, на чистом снегу, уже засиженном кое-где мясными мухами, весь народ товарищески торжествовал. Давно живущие на свете люди — и те стронулись и топтались, не помня себя.

— Эх ты, эсесерша наша мать! — кричал в радости один забвенный мужик, показывая ухватку и хлопая себя по пузу, щекам и по рту. — Охаживай, ребята, наше царство-государство: она незамужняя!

— Она — девка или вдова? — спросил на ходу танца окрестный гость.

— Девка! — объяснилдвигающийся мужик. — Аль не видишь, как мудрит?!

— Пускай ей помудрится! — согласился тот же пришлый гость. — Пускай пособничают! А потом мы из нее сделаем смирную бабу: добро будет!

Настя сошла с рук Чиклина и тоже топталась около мчавшихся мужиков, потому что ей хотелось. Жачев ползал между всеми, подсекая под ноги тех, которые ему мешали, а гостевому мужику, желавшему девочку-эсесершу выдать замуж единоличнику, Жачев дал в бок, чтоб он не надеялся.

— Не смей думать что попало! Или хочешь речной самотек зарабатывать? — живо сядешь на плот!

Гость уж испугался, что он явился сюда.

— Боле, товарищ калека, ничто не подумаю — я теперь шептать буду.

Чиклин долго глядел в ликующую гущу народа и чувствовал покой добра в своей груди; с высоты крыльца он видел лунную чистоту далекого масштаба, печальность замершего света и покорный сон всего мира, на устройство которого пошло столько труда и мученья, что всеми забыто, чтобы не знать страха жить дальше.

— Настя, ты не стынь долго, иди ко мне, — позвал Чиклин.

— Я ничуть не озябла, тут ведь дышат, — сказала Настя, бегая от ласково ревущего Жачева.

— Ты три руки, а то окоченеешь: воздух большой, а ты маленькая!

— Я уже их терела: сиди молчи!

Радио вдруг среди мотива перестало играть. Народ же остановиться не мог, пока активист не сказал:

— Стой до очередного звука!

Прушевский сумел в краткое время поправить радио, но оттуда послышалась не музыка, а лишь человек:

— Слушайте наши сообщения: заготовляйте ивовое корье!..

И здесь радио опять прекратилось. Активист, услышав сообщение, задумался для памяти, — чтобы не забыть об ивово-корьевой кампании и не прослыть на весь район упущенцем, как с ним совершилось в прошлый раз, когда он забыл про организацию дня кустарника, а теперь весь колхоз сидит без прутьев. Прушевский снова начал чинить радио, — и прошло время, пока инженер охладевшими руками тщательно слаживал механизм; но ему не давалась работа, потому что он не был уверен — предоставит ли радио бедноте утешение и прозвучит ли для него самого откуда-нибудь милый голос.

Активист боялся меж тем упустить вниз настроение колхоза; чтобы того не случилось, он заиграл музыку своими губами, и, все равно, колхоз затанцевал под эти звуки рта. Елисей, замерший было в наставшей тишине, вновь двинулся топтаться и плясать, и весь сплоченный на дворе народ по-прежнему зашумел от своего, нечувствительного еще, но уже необходимого счастья.

Когда активист уже захрипел от долгой губной игры, а люди все не утихали и двигались туловищами, Чиклин крикнул в колхоз:

— Чуете ли вы что?

— Чуем, — ответил колхоз.

— А чего ж вы чуете?

— Мы всё чуем, только себя — нет.

Чиклин поглядел на эти мненья и мечты и сошел с крыльца вниз, чтобы тоже поплясать, как он плясал когда-то в молодости с девушками под веточками.

— Играй, актив, сурьезней, чтоб нам радость была с жалостью пополам!

Активист заиграл громче и заставил Прушевского тоже петь губами — себе на помощь.

Чиклин, очутившись в густоте людей, забыл про все остатки своей жизни и так часто заработал ногами, что снег под ним исчез, а сырая земля высохла. Елисей приблизился к Чиклину и старался не отстать от него в усердии счастья, но не управлялся. Чиклин же все более смотрел на Елисея и терял силу танца, пока не стал на месте вовсе. Елисей, не замечая, топтался дальше и не моргал остывшими глазами. Чиклин тогда схватил его, не зная, как остановить человека, и Елисей повалился на него, невольный и обмерший. Чиклин опустил Елисея к земле; Елисей молча и редко дышал, глядя таким пустым взглядом, точно сквозь его тело прошел ветер и унес теплое чувство жизни.

— Тебе гадко? — спросил Чиклин.

— Мне — никак, — мог сказать Елисей.

Чиклин покрыл ему своей шапкой глаза, чтоб Елисей никуда не глядел и забыл сам про себя. Активист дал еще несколько звуков, а потом смолк, ибо у него опухли губы и, главное, заболело сознание от напряженного дыхания. Но народ не остановил своего всеобщего танца — он уже так привык к постоянному темпу радости, что топтался по памяти. «Пускай поликуют!» — подумал Чиклин, прошептал эти слова.

Он отошел к Жачеву, который приютился под плетнем и прижал к себе Настю, согревая ее животом и грудью; увечный даже поднял кверху свою рубашку, дабы ребенок полностью пользовался его телесным теплом. Девочка уже глубоко спала, а Жачев был доволен, что он бережет и греет не задумчивую идею, которую забываешь во сне, а будущего, неизвестного человека, дышащего вблизи него.

— А где Воцев? — спросил Чиклин, наклонившись к уроду от шума безмолвно пляшущего колхоза.

— Спит, должно, где-нибудь, — сказал Жачев. — Такая сволочь нескоро издохнет.

— Нет, ему давно не спится, — произнес Чиклин.

— Знает, что живет зря, вот и не спит, — объяснил инвалид.

Полночь, наверно, была уже близка; луна высоко находилась над плетнями и над смирной старческой деревней, и мертвые лопухи блестели, покрытые мелким, смерзшимся снегом. Одна заблудившаяся муха попробовала было сесть на ледяной лопух, но сразу оторвалась и полетела, зажужжав в высоте лунного света, как жаворонок под солнцем.

Колхоз, не прекращая топчущейся, тяжелой пляски, тоже постепенно запел слабым голосом. Слов в этой песне понять было нельзя, но все же в них слышалось жалобное счастье и напев бредущего человека.

— Жачев! — сказал Чиклин. — Ступай прекрати движенье — умерли они, что ль, от радости: пляшут и пляшут.

Жачев уполз с Настей в Оргдом и, устроив ее там лежать, выбрался обратно.

— Эй, организованные, достаточно вам танцевать: обрадовались, сволочи!

Но увлеченный колхоз не принял жачевского слова и веско топтался, покрывая себя песней.

— Заработать от меня захотели? Сейчас получите!

Жачев сполз с крыльца, внедрился среди суеящихся ног и начал спроста брать людей за нижние концы и опрокидывать для отдыха на землю. Люди валились, как порожние штаны, — Жачев даже сожалел, что они, наверно, не чувствуют его рук и враз замолкают.

Уложив весь колхоз спать, Жачев проследил еще, чтоб никто не двигался более, а одному колебнувшемуся сделал для успокоения удар в голову окомелком ноги, отчего колебнувшийся уснул. Лошади, видя такое, стали пятиться с Оргдвора, а на улице бросились вскачь в свою общую загородку.

— Где ж Воцев? — беспокоился Чиклин. — Чего он ищет вдалеке, мелкий пролетарий?

Не дождавшись Воцева, Чиклин пошел его искать после полуночи. Он миновал всю пустынную улицу деревни до самого конца — и нигде не было заметно человека, лишь медведь храпел в кузне на всю лунную окрестность да изредка покашливал кузнец.

Тихо было кругом и прекрасно. Чиклин остановился в недоуменном помышлении. По-прежнему покорно храпел медведь, собирая силы для завтрашней работы и для нового чувства жизни. Он больше не увидит мучившего его кулачества и обрадуется своему существованью. Теперь, наверно, молотобоец будет бить по подковам и шинному железу с еще большим сердечным усердием, раз есть на свете неведомая сила, которая оставила в деревне только тех средних людей, какие ему нравятся, какие молча делают полезное вещество и чувствуют частичное счастье; весь же точный смысл жизни и всемирная круглая радость должны томиться в груди роющего землю пролетарского класса, чтобы сердце молотобойца и Чиклина лишь надеялось и дышало, чтоб их трудящаяся рука была верна и терпелива.

Чиклин в заботе закрыл чьи-то распахнутые ворота, потом осмотрел уличный порядок — цело ли все — и, заметив пропадающий на дороге армяк, поднял его и снес в сени ближней избы: пусть хранится для трудового блага.

Склонившись корпусом от доверчивой надежды, Чиклин пошел по дворовым задам — смотреть Воцева дальше. Он перелезал через плетневые устройства, проходил мимо глиняных стен жилищ, укреплял накренившиеся колья и постоянно видел, как от тощих загоронок сразу начиналась бесконечная порожняя зима. Настя смело может застынуть в таком чужом мире, потому что земля состоит не для зябнущего детства, — только медведь мог вытерпеть здесь свою жизнь, и то поседел от угнетения. «Я еще не рожался, а ты уж лежала, бедная неподвижная моя! — сказал вблизи голос Воцева, человека. — Значит, ты давно терпишь: иди греться!»

Чиклин повернул голову вкось и заметил, что Воцев нагнулся за деревом и кладет что-то в мешок, который был уже полон.

— Ты чего, Воцев?

— Так, — сказал тот, и, завязав мешку горло, положил себе на спину этот груз.

Они пошли вдвоем ночевать на Оргдвор. Луна склонилась уже далеко ниже, деревня стояла в черных тенях, все глухо смолкло, лишь одна сгустившаяся от холода река шевелилась в обжитых сельских берегах.

Колхоз непоколебимо спал на Оргдворе; члены как свалились, уложенные Жачевым, так и находились без удобства. Лицо Елисея по-прежнему было покрыто шапкой Чиклина, и сам Чиклин забыл про этот убор. В Оргдоме горел огонь безопасности — одна лампа на всю потухшую деревню; у лампы сидел активист за умственным трудом, он чертил графы ведомости, куда хотел занести все данные бедняцко-средняцкого благоустройства, чтоб уж была вечная, формальная картина и опыт как основа.

— Запиши и мое добро! — попросил Воцев, распаковывая мешок.

Он собрал по деревне все нищие, отвергнутые предметы, всю мелочь безвестности и всякое беспамятство — для социалистического отмщения. Эта истершаяся терпеливая ветхость некогда касалась батрацкой, кровной плоти, в этих вещах запечатлена навеки тягость согбенной жизни, истраченной без сознательного смысла и погибшей без славы где-нибудь под соломенной рожью земли. Воцев, не полностью соображая, со скупостью скопил в мешок вещественные остатки потерянных людей, живших, подобно ему, без истины и которые скончались ранее победного конца. Сейчас он предъявлял тех ликвидированных тружеников к лицу власти и будущего, чтобы посредством организации вечного смысла людей добиться отмщения — за тех, что тихо лежат в земной глубине.

Активист стал записывать прибывшие с Воцевым вещи, организовав особую боковую графу, под названием «Перечень ликвидированного насмерть кулаком как классом пролетариата, согласно имущественно-выморочного остатка». Вместо людей, активист записывал признаки существованья: лапоть прошедшего века, оловянную серьгу от пастушьего уха, штанину из рядна и разное другое снаряжение трудящегося, но неимущего тела.

К тому времени Жачев, спавший с Настей на полу, сумел нечаянно разбудить девочку.

— Отверни рот: ты зубы, дурак, не чистишь, — сказала Настя загоротившему ее от дверного холода инвалиду, — и так у тебя буржуи ноги отрезали, ты хочешь, чтоб и зубы попадали?

Жачев с испугом закрыл рот и начал гонять воздух носом. Девочка потянулась, оправила теплый платок на голове, в котором она спала, но заснуть не могла, потому что разгулялась.

— Это утильсырье принесли? — спросила она про мешок Воцева.

— Нет, — сказал Чиклин, — это тебе игрушки собрали. Вставай выбирать.

Настя встала в свой рост, потопталась для развития и, опустившись на место, обхватила раздвинутыми ногами зарегистрированную кучу предметов. Чиклин составил ей лампу со стола на пол, чтоб девочка лучше видела то, что ей понравится, — активист же и в темноте писал без ошибки.

Через некоторое время активист спустил на пол ведомость, дабы ребенок пометил, что он получил сполна все нажитое имущество безродно умерших батраков и будет пользоваться им впрок. Настя медленно нарисовала на бумаге серп и молот и отдала ведомость назад.

Чиклин снял с себя стеганую ватную кофту, разулся и ходил по полу в чулках, довольный и мирный, что некому теперь отнять у Насти ее долю жизни на свете, что течение рек идет лишь в пучины морские и уплывшие на плоту не вернуться мучить молотобойца — Михаила; те же безымянные люди, от которых остались только лапти и оловянные серьги, не должны вечно тосковать в земле, но и подняться они не могут.

— Прушевский! — обратился Чиклин.

— Я, — ответил инженер; он сидел в углу, опершись туда спиной, и равнодушно дремал. Сестра ему давно ничего не писала, — если она умерла, то он решил уехать стряпать пищу на ее детей, чтобы истомить себя до потери души и скончаться когда-нибудь старым, привыкшим нечувствительно жить человеком, — это одинаково, что умереть теперь, но еще грустнее; он может, если поедет жить за сестру, дольше и печальней помнить ту прошедшую в его молодости девушку, сейчас уже едва ли существующую. Прушевский хотел, чтобы еще немного побыла на свете, хотя бы в одном его тайном чувстве, взволнованная юная женщина, — забытая всеми, если погибла, стряпающая детям щи, если жива.

— Прушевский! Сумеют или нет успехи высшей науки воскresить назад сопревших людей?

— Нет, — сказал Прушевский.

— Врешь, — упрекнул Жачев, не открывая глаз. — Марксизм все сумеет. Отчего ж тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждет — воскреснуть хочет!

— Пускай, — сказала Настя. — Он встанет и будет жить старичком: Сталин ведь прогнал всех буржуев, Ленину теперь хорошо!

— А я б и Ленину нашел работу, — сообщил Жачев. — Я б ему указал, кто еще добавочно получить должен кое-что! Я почему-то такое любую стерву с самого начала вижу!

— Ты дурак потому что, — объяснила Настя, копаясь в батрацких остатках. — Ты только видишь, а надо трудиться. Правда ведь, дядя Вощев?

Вощев уже успел покрыться пустым мешком и лежал, прислушиваясь к биению своего бестолкового сердца, которое тянуло все его тело в какую-то нежелательную даль жизни.

— Неизвестно, — ответил Вощев Насте. — Трудись и трудись, а когда дотрудишься до конца, когда узнаешь все, то уморишься и помрешь. Не расти, девочка, — затоскуешь!

Настя осталась недовольна.

— Умирать должны одни кулаки, а ты — дурак. Жачев, сторожи меня опять, я спать захотела.

— Иди, девочка, — отозвался Жачев. — Иди ко мне от подкулачника: он заработать захотел — завтра получит!

Все смолкли, в терпении продолжая ночь, лишь активист немолчно писал, и достижения все более расстилались перед его сознательным умом, так что он уже полагал про себя: «Ущерб приносишь Союзу, пассивный дьявол, — мог бы весь район стравить на коллективизацию, а ты в одном колхозе горюешь; пора уж целыми эшелонами население в социализм отправлять, а ты все узкими масштабами стараешься. Эх — горе!»

Из лунной чистой тишины в дверь постучала чья-то негромкая рука, и в звуках той руки был еще слышен страх-пережиток.

— Входи: заседанья нету, — сказал активист.

— Да тó-то, — ответил оттуда человек, не входя. — А я думал, вы думаете.

— Входи, не раздражай меня, — промолвил Жачев.

Вошел Елисей; он уже выпался на земле, потому что глаза его потемнели от внутренней крови, и окреп от привычки быть организованным.

— Там медведь стучит в кузне и песню рычит — весь колхоз глаза открыл: нам без тебя жутко стало!

— Надо пойти справиться, — решил активист.

— Я сам схожу, — определил Чиклин. — Сиди записывая получше: твое дело ум.

— Это — пока я дурак! — предупредил активиста Жачев. — Но скоро мы всех разактивим: дай только массам измучиться, дай детям подрасти!

Чиклин пошел в кузню. Велика и прохладна была ночь над ним, бескорыстно светили звезды над снежной чистотой земли, и широко раздавались удары молотобойца, точно медведь застыдился спать под этими ожидающими звездами и отвечал им, чем мог. «Медведь — правильный пролетарский старик», — мысленно

уважал Чиклин. Далее молотобоец удовлетворенно и протяжно начал рычать, сообщая вслух какую-то счастливую песню.

Кузница была открыта в лунную ночь, на всю земную светлую поверхность; в горне горел дующий огонь, который поддерживал сам кузнец, лежа на земле и потягивая веревку мехов. А молотобоец, вполне довольный, ковал горячее шинное железо и пел песню пастью.

— Ну никак заснуть не дает, — пожаловался кузнец. — Встал, разревелся, я ему горно зажег, а он и пошел бузовать... Всегда был покоен, а нынче как с ума сошел!

— Отчего ж такое? — спросил Чиклин.

— Кто его знает. Вчера вернулся с раскулачки, так все топтался и по-хорошему бурчал. Угодили, стало быть, ему. А тут еще приходил один подактивный — взял и материю пришил на плетень. Вот Михаил глядит все туда и соображает чего-то. Кулаков, дескать, нету, а красный лозунг от этого висит. Вижу, входит что-то в его ум и там останавливается...

— Ну, ты спи, а я подую, — сказал Чиклин. Взяв веревку, он стал качать воздух в горн, чтоб медведь готовил шины на колеса для колхозной езды.

Поближе к утренней заре гостевые вчерашние мужики стали расходиться в окрестность. Колхозу же некуда было уйти, и он, поднявшись с Оргдвора, начал двигаться к кузне, откуда слышалась работа молотобойца. Прушевский и Воцев также явились со всеми совместно и глядели, как Чиклин помогает медведю. Около кузни висел на плетне возглас, нарисованный по флагу: «За партию, за верность ей, за ударный труд, пробивающий пролетариату двери в будущее».

Уставая, молотобоец выходил наружу и ел снег для своего охлаждения, а потом опять всаживал молот в мякоть железа, все более увеличивая частоту ударов; петь молотобоец уже вовсе перестал — всю свою яростную безмолвную радость он расходовал в усердие труда, а колхозные мужики постепенно сочувствовали ему и коллективно кричали во время звука кувалды, чтоб шины были прочней и надежней. Елисей, когда присмотрелся, то дал молотобойцу совет:

— Ты, Миш, бей с отжошкой, тогда шина хрустка не будет и не лопнет. А ты лупишь по железу, как по стерве, а оно ведь тоже добро! Так — не дело!

Но медведь открыл на Елисея рот, и Елисей отошел прочь, тоскуя о железе. Однако и другие мужики тоже не могли более терпеть порчи:

— Слабже бей, черт! — загудели они. — Не гадь всеобщего: теперь имущество что сирота, пожалуй никому... Да тише ты, домовой!

— Что ты так содишь по железу?! Что оно — единоличное, что ль?

— Выйди остынь, дьявол! Уморись, идол шерстяной!

— Вычеркнуть его надо из колхоза, и боле ничего. Аль нам убытки терпеть: на самом-то деле!

Но Чиклин дул воздух в горно, а молотобоец старался поспеть за огнем и крушил железо, как врага жизни, будто, если нет кулачества, так медведь один есть на свете.

— Ведь это же горе! — вздыхали члены колхоза.

— Вот грех-то: все теперь лопнет! Все железо в скважинах будет!

— Наказание господне... А тронуть его нельзя — скажут, бедняк, пролетариат, индустриализация!..

— Это ничего. Вот если «кадр» скажут — тогда нам за него плохо будет.

— Кадр — пустяк. Вот если инструктор приедет, либо сам товарищ Пашкин — тогда нам будет жара!

— А может, ничего не станет? Может — бить?

— Что ты, осатанел, что ль? Он — союзный: наемни товарищ Пашкин специально приезжал — ему ведь тоже скучно без батраков.

А Елисей говорил меньше, но горевал почти что больше всех. Он и двор-то когда имел, так ночей не спал — все следил, как бы что не погисло, как бы лошадь не опилась — не обьелась, да корова чтоб настроение имела, а теперь, когда весь колхоз, весь здешний мир отдан его заботе, потому что на других надеяться он опасался, теперь у него уже загодя болел живот от страха такого имущества.

— Все усохнем! — произнес молча проживший всю революцию середняк. — Раньше за свое семейство боялся, а теперь каждого береги — это нас понос замучает за такое иждивение.

Вощеву грустно стало, что зверь так трудится, будто чувствует смысл жизни вблизи, а он стоит на покое и не пробивается в дверь будущего: может быть, там, действительно, что-нибудь есть. Чиклин к этому времени уже кончил дуть воздух и занялся с медведем готовить бороньи зубья. Не сознавая ни наблюдающего народа, ни всего кругозора, двое мастеровых неустанно работали по чувству совести, как и быть должно. Молотобоец ковал зубья, а Чиклин их закаливал, но в точности не знал времени, сколько нужно держать в воде зубья без перекалки.

— А если зуб на камень наскочит?! — стена, произнес Елисей. — Если он на твердь какую-либо заедет — ведь пополам зубок будет!

— Вынай, дьявол, железку из жидкого! — воскликнул колхоз. — Не мучай матерьял!

Чиклин вынул было из воды перетомленный металл, но Елисей уже лично вошел в кузню, отобрал у Чиклина клещи и начал закаливать зубья своими обеими руками. Другие организованные мужики также бросились внутрь предприятия и с облегченной душой стали трудиться над железными предметами — с тою тщательной жадностью, когда прок более необходим, чем ущерб. «Эту кузню надо запомнить побелить, — спокойно думал Елисей за трудом. — А то стоит вся черная — разве это хозяйское заведение?»

— Дайте я буду веревку все время дергать, — попросил Вощев у Елисея. — У вас воздух в горно тихо идет.

— Ну, дергай, — согласился Елисей. — Только не шибко — веревка теперь дорога, а к новым мехам тоже с колхозной сумкой не подойдешь!

— Я буду потихоньку, — сказал Вощев, и стал тянуть и отпускать веревку, забываясь в терпенье труда.

Приходило утро зимнего дня, и обычный свет сплошь распространялся по всему району. Лампа же все еще горела в Оргдворе, пока Елисей не заметил этого лишнего огня. Заметив же, он сходил туда и потушил лампу, чтоб керосин был цел.

Уже проснулись девушки и подростки, спавшие дотоле в избах; они в общем равнодушно относились к тревоге отцов, им было неинтересно их мученье, и они жили, как чужие в деревне, словно томились любовью к чему-то дальнему. Домашнюю нужду они переносили без внимания, живя за счет своего чувства еще безответного счастья, но которое все равно должно случиться. Почти все девушки и все растущее поколение с утра уходило в избу-читальню и там оставались, не евши, весь день, учась письму и чтению, счету чисел, привыкая к дружбе и что-то воображая в ожидании. Прушевский один остался в стороне, когда колхоз ухватился за кузню, и все время неподвижно был у плетня. Он не знал, зачем его прислали в эту деревню, как ему жить забытым среди массы, — и решил точно назначить день окончания своего пребывания на земле; вынув книжку, он записал в нее поздний вечерний час глухого зимнего дня: пусть все улягутся спать, окоченелая земля смолкнет от шума всякого строительства, и он, где бы ни находился, ляжет вверх лицом и перестанет дышать. Ведь никакое сооружение, никакое довольство, ни милый друг,

ни завоевание звезд — не превозмогут его душевного оскудения, он все равно будет сознавать тщетность дружбы, основанной на превосходстве и не на телесной любви, и скуку самых далеких звезд, где в недрах те же медные руды и нужен будет тот же ВСНХ. Прушевскому казалось, что все чувства его, все влечения и давняя тоска встретились в рассудке и сознали самих себя до самого источника происхождения, до смертельного уничтожения наивности всякой надежды. Но происхождение чувств оставалось волнующим местом жизни; умерев, можно навсегда утратить этот единственно счастливый, истинный район существования, не войдя в него. Что же делать, боже мой, если нет тех самозабвенных впечатлений, откуда волнуется жизнь и, вставая, протягивает руки вперед к своей надежде?

Прушевский закрыл лицо руками в колхозе. Пусть разум есть синтез всех чувств, где смиряются и утихают все потоки тревожных движений, но откуда тревога и движение? Он этого не знал, он только знал, что страсть рассудка есть влечение к смерти, это единственное его чувство; и тогда он, может быть, замкнет кольцо — он возвратится к происхождению чувств, к вечернему летнему дню своего неповторившегося свиданья.

— Товарищ! Это ты пришел к нам на культурную революцию?

Прушевский опустил руки от глаз. Стороною шли девушки и юношество в избу-читальню. Одна девушка стояла перед ним — в валенках и в бедном платке на доверчивой голове; глаза ее смотрели на инженера с удивленной любовью, потому что ей была непонятна сила знания, скрытая в этом человеке; она бы согласилась преданно и вечно любить его, седого и незнакомого, согласилась бы рожать от него, ежедневно мучить свое тело, лишь бы он научил ее знать весь мир и участвовать в нем. Ничто ей была молодость, ничто свое счастье, — она чувствовала вблизи несущееся, горячее движение, у нее поднималось сердце от ветра всеобщей стремящейся жизни, но она не могла выговорить слов своей радости и теперь стояла просила научить ее этим словам, этому уменью чувствовать в голове весь свет, чтобы помогать ему светиться. Девушка еще не знала, пойдет ли с нею ученый человек, и неопределенно смотрела, готовая опять учиться с активистом.

— Я сейчас пойду с вами, — сказал Прушевский.

Девушка хотела обрадоваться и вскрикнуть, но не стала, что-бы Прушевский не обиделся.

— Идемте, — произнес Прушевский.

Девушка пошла вперед, указывая дорогу инженеру, хотя за-

блудиться было невозможно; однако она желала быть благодарной, но не имела ничего для подарка следующему за ней человеку.

Члены колхоза сожгли весь уголь в кузне, истратили все наличное железо на полезные изделия, починили всякий мертвый инвентарь и с тоскою, что кончился труд и как бы теперь колхоз не пошел в убыток, оставили заведение. Молотобоец утомился еще раньше — он вылез недавно поесть снегу от жажды, и, пока снег таял у него во рту, медведь задремал и свалился всем туловищем вниз, на покой.

Вышедши наружу, колхоз сел очередь у плетня и стал сидеть, озирая всю деревню, снег же таял под неподвижными мужиками. Прекратив трудиться, Воцев опять вдруг задумался на одном месте.

— Очнись! — сказал ему Чиклин. — Ляжь с медведем и забудься.

— Истина, товарищ Чиклин, забытья не может...

Чиклин обхватил Воцева поперек и сложил его к спящему молотобойцу.

— Лежи молча, — сказал он над ним. — Медведь дышит, а ты не можешь! Пролетариат терпит, а ты боишься! Ишь ты, сволочь какая!

Воцев приник к молотобойцу, согрелся и заснул.

На улицу вскочил всадник из района на трепещущем коне.

— Где актив? — крикнул он сидящему колхозу, не теряя скорости.

— Скачи прямо! — сообщил путь колхоз. — Только не сворачивай ни направо, ни налево!

— Не буду! — закричал всадник, уже отдалившись, и только сумка с директивами билась на его бедре.

Через несколько минут тот же конный человек пронесся обратно, размахивая в воздухе сдаточной книгой, чтоб ветер сушил чернила активистской расписки. Сытая лошадь, разметав снег и вырвав почву на ходу, срочно скрылась вдалеке.

— Какую лошадь портит, бюрократ! — думал колхоз. — Прямо скучно глядеть.

Чиклин взял в кузнице железный прут и понес его ребенку в виде игрушки. Он любил ей молча приносить разные предметы, чтобы девочка безмолвно понимала его радость к ней.

Жачев уже давно проснулся. Настя же, приоткрыв утомленный рот, невольно и грустно продолжала спать. Чиклин внимательно всмотрелся в ребенка — не поврежден ли он в чем со

вчерашнего дня, цело ли полностью его тело; но ребенок был весь исправен, только лицо его горело от внутренних младенческих сил. Слеза активиста капнула на директиву, — Чиклин сейчас же обратил на это внимание. Как и вчера вечером, руководящий человек неподвижно сидел за столом. Он с удовлетворением отправил через районного всадника законченную ведомость ликвидации классового врага, и в ней же подбил все успехи деятельности; но вот спустилась свежая директива, подписанная почему-то областью, через обе головы — района и округа, и в лежащей директиве отмечались маложелательные явления перегибщины, забеговщества, переусердщины и всякого сползания по правому и левому откосу с отточенной остроты четкой линии; кроме того, назначалось обнаружить выпуклую бдительность актива в сторону среднего мужика: раз он попер в колхозы, то не является ли этот генеральный факт таинственным умыслом, исполняемым по наущению подкулацких масс, — дескать, войдем в колхозы всей бушующей пучиной и размоем берега руководства, — на нас, мол, тогда власти не хватит, она уморится.

«По последним матерьялам, имеющимся в руке областного комитета, — значилось в конце директивы, — видно, например, что актив колхоза имени Генеральной Линии уже забежал в левацкое болото правого оппортунизма. Организатор местного колактива спрашивает вышенаходящуюся организацию: есть ли что после колхоза и коммуны более высшее и более светлое, дабы немедленно двинуть туда местные бедняцко-средняцкие массы, неуждержимо рвущиеся в даль истории, на вершину всемирных невидимых времен. Этот товарищ просит ему прислать примерный устав такой организации, а заодно бланки, ручку с пером и два литра чернил. Он не понимает, насколько он тут спекулирует на искреннем, в основном, здоровом середняцком чувстве тяги в колхозы. Нельзя не согласиться, что такой товарищ есть вредитель партии, объективный враг пролетариата и должен быть немедленно изъят из руководства навсегда».

Здесь у активиста дрогнуло ослабшее сердце, и он заплакал на областную бумагу.

— Что ты, стервец? — спросил его Жачев.

Но активист не ответил ему. Разве он видел радость в последнее время, разве он ел или спал вдосталь или любил хоть одну бедняцкую девицу? Он чувствовал себя как в бреду, его сердце еле билось от нагрузки, он лишь снаружи от себя старался организовать счастье и хотя бы в перспективе заслужить районный пост.

— Отвечай, паразит, а то сейчас получишь! — снова проговорил Жачев. — Наверно, испортил, гад, нашу республику!

Сдернув со стола директиву, Жачев начал лично изучать ее на полу.

— К маме хочу! — сказала Настя, пробуждаясь.

Чиклин нагнулся к заскучавшему ребенку.

— Мама, девочка, умерла, — теперь я остался!

— А зачем ты меня носишь, где четыре времени года? Попробуй, какой у меня страшный жар под кожей! Сними с меня рубашку, а то сгорит — выздоровлю, ходить не в чем будет!

Чиклин попробовал Настю за все места тела, она была горячая, влажная, кости ее жалобно выступали изнутри; насколько окружающий мир должен быть нежен и тих, чтоб она была жива!

— Накрой меня, я спать хочу. Буду ничего не помнить, а то болеть ведь грустно, правда?

Чиклин снял с себя всю верхнюю одежду, кроме того отобрал ватные пиджаки у Жачева и активиста и всем этим теплым веществом закутал Настю. Она закрыла глаза, и ей стало легко в тепле и во сне, будто она полетела среди прохладного воздуха. За текущее время Настя немного подросла и все более походила на мать. Девочка могла бы быть и дочерью Чиклина, мать ее даже хотела, чтоб было так, но все равно ребенок едва ли был бы лучше и разумней; зачал девочку, наверно, такой же, как и Чиклин, мастеровой человек, стало быть, плоть в ребенке из одного классового котла, а если кто и радовался ласкам умершей женщины, то эти ласки не есть квалификация ребенка, это не человечество.

— Я так и знал, что он сволочь, сучья зажимка! — определил Жачев про активиста. — Ну что ты тут будешь делать с этим членом?!

— А что там сообщено? — спросил Чиклин.

— Пишут то, что с ними нельзя не согласиться!

— А ты попробуй не согласишься! — в слезах произнес активный человек.

— Эх, горе мне с революцией, — серьезно опечалился Жачев. — Где же ты, самая пушная стерва? — иди, дорогая, получить от увечного воина!

Почувствовав мысль и одиночество, не желая безответно тратить средств на государство и будущее поколение, активист снял с Насти свой пиджак: раз его устраняют, пусть массы сами греются. И с пиджаком в руке он стал посреди Оргдома — без дальнейшего прельщения к жизни, весь в крупных текущих слезах и в том сомнении души, что капитализм, пожалуй, может еще явиться.

— Ты зачем ребенка раскрыл? — спросил Чиклин. — Остудить хочешь?

— Плешь с ним, с твоим ребенком! — сказал активист.

Жачев поглядел на Чиклина и посоветовал ему:

— Возьми железку, какую из кузни принес!

— Что ты! — ответил Чиклин. — Я сроду не касался человека мертвым оружием: как же я тогда справедливость почувствую?

Далее Чиклин покойно дал активисту ручной удар в грудь, чтоб дети могли еще уповать, а не зябнуть. Внутри активиста раздался слабый треск костей, и весь человек свалился на пол; Чиклин же с удовлетворением посмотрел на него, будто только что принес необходимую пользу. Пиджак у активиста вырвался из рук и лежал отдельно, никого не покрывая.

— Накрой его! — сказал Чиклин Жачеву. — Пускай ему тепло станет.

Жачев сейчас же одел активиста его собственным пиджаком и одновременно пощупал человека — насколько он цел.

— Живой он? — спросил Чиклин.

— Так себе: средний, — радуясь всему факту, ответил Жачев. — Да это все равно, товарищ Чиклин: твоя рука работает, как партия, ты тут ни при чем.

— А он горячего ребенка не раздевай! — с обидой сказал Чиклин. — Мог чаю скипятить и согреться.

В деревне поднялась снежная метель, хотя бури было не слышно. Открыв на проверку окно, Жачев увидел, что это колхоз метет снег для гигиены; мужикам не нравилось теперь, что снег засижен мухами, они хотели более чистой зимы.

Отделавшись на Оргдворе, члены колхоза далее трудиться не стали и поникли под навесом в недоумении своей дальнейшей жизни. Несмотря на то, что люди уже давно ничего не ели, их и сейчас не тянуло на пищу, потому что желудки были завалены мясным обилием еще с прошлых дней. Пользуясь мирной грустью колхоза, а также невидимостью актива, старичок кафельного завода и прочие неясные элементы, бывшие до того в заключении на Оргдворе, вышли из задних клеток и разных укрытых препятствий жизни и отправились в даль по своим насущным делам.

Чиклин и Жачев прислонились к Насте с обоих боков, чтобы лучше ее беречь. От своего безвыходного тепла девочка стала вся смуглой и покорной, только ум ее печально думал.

— Я опять к маме хочу! — произнесла она, не открывая глаз.

— Нету твоей матери, — не радуясь, сказал Жачев. — От жизни все умирают — остаются одни кости.

— Хочу ее кости! — попросила Настя. — Ктой-то это плачет в колхозе?

Чиклин готовно прислушался; но все было тихо кругом — никто не плакал, и не от чего было заплакать. День уже дошел до своей середины, высоко светило бледное солнце над округом, какие-то далекие массы двигались по горизонту на неизвестное

межселенное собрание, — ничто не могло шуметь. Чиклин вышел на крыльцо. Тихое, несознательное стенание пронеслось в безмолвном колхозе, и затем повторилось. Звук начинался где-то в стороне, обращаясь в глухое место, и не был рассчитан на жалобу.

— Это кто? — крикнул Чиклин с высоты крыльца во всю деревню, чтоб его услышал тот недовольный.

— Это молотобоец скулит, — ответил колхоз, лежавший под навесом. — А ночью он песни рычал.

Действительно, кроме медведя, заплакать сейчас было некому. Наверно, он уткнулся ртом в землю и выл печально в глушь почвы, не соображая своего горя.

— Там медведь о чем-то тоскует, — сказал Чиклин Насте, вернувшись в горницу.

— Позови его ко мне, я тоже тоскую, — попросила Настя. — Неси меня к маме, мне здесь очень жарко!

— Сейчас, Настя. Жачев, ползи за медведем. Все равно ему работать здесь нечего — матерьяла нету!

Но Жачев, только что исчезнув, уже вернулся назад: медведь сам шел на Оргдвор, совместно с Вощевым; при этом Вощев держал его, как слабого, за верхнюю лапу, а молотобоец двигался рядом с ним грустным шагом.

Войдя в Оргдом, молотобоец обнюхал лежачего активиста и сел равнодушно в углу.

— Взял его в свидетели, что истины нет, — произнес Вощев. — Он ведь только работать может, а как отдохнет, задумается, так скучать начинает. Пусть существует теперь как предмет — на вечную память социализму, — я всех угошу!

— Угощай грядущую сволочь, — согласился Жачев. — Береги для нее жалкий продукт!

Наклонившись, Вощев стал собирать вынутые Настей ветхие вещи, необходимые для будущего отмщения, в свой мешок. Чиклин поднял Настю на руки, и она открыла свои высохшие, как опавшие листья, смолкшие глаза. Через окно девочка засмотрелась на близко приникших друг к другу колхозных мужиков, залегших под навесом в терпеливом забвении.

— Вощев, а медведя ты тоже в утильсырье понесешь? — озаботилась Настя.

— А то куда же? Я прах и то берегу, а тут ведь бедное существо!

— А их? — Настя протянула свою тонкую, как овечья ножка, занемогшую руку к лежащему на дворе колхозу.

Вощев хозяйственно поглядел на дворовое место и, отвернувшись оттуда, еще более поник своею скучающей по истине головою.

Активист по-прежнему неподвижно молчал на полу, пока задумавшийся Вощев не согнулся над ним и не пошевелил его в чувстве своего любопытства перед всяким ущербом жизни. Но активист, притаясь или умерев, ничем не ответил Вощеву. Тогда Вощев присел близ человека и долго смотрел в его слепое скрытое лицо, унесенное в глубь своего грустного сознания.

Медведь помолчал немного, а потом вновь заскулил, и на его голос весь колхоз пришел с Оргдвора в дом.

— Как же, товарищи активы, нам дальше-то жить? — спросил колхоз. — Вы горюите об нас, а то нам терпежа нет! Инвентарь у нас исправный, семена чистые, дело теперь зимнее — нам почувствовать нечего. Вы уж постарайтесь!

— Некому горевать, — сказал Чиклин. — Лежит ваш главный горюн.

Колхоз спокойно пригляделся к опрокинутому активисту, не имея к нему жалости, но и не радуясь, потому что говорил активист всегда точно и правильно, вполне по завету, только сам был до того поганный, что когда все общество задумало его однажды женить, дабы убавить его деятельность, то даже самые незначительные на лицо бабы и девки заплакали от печали.

— Он умер, — сообщил всем Вощев, поднимаясь снизу. — Все знал, а тоже кончился.

— А может, дышит еще? — усомнился Жачев. — Ты его попробуй, пожалуйста, а то он от меня ничего еще не заработал: я ему тогда добавлю сейчас!

Вощев снова прилег к телу активиста, некогда действовавшему с таким хищным значением, что вся всемирная истина, весь смысл жизни помещались только в нем и более нигде, а уж Вощеву ничего не досталось, кроме мученья ума, кроме бессознательности в несущемся потоке существованья и покорности слепого элемента.

— Ах ты, гад! — прошептал Вощев над этим безмолвным туловищем. — Так вот отчего я смысла не знал! Ты, должно быть, не меня, а весь класс испил, сухая душа, а мы бродим, как тихая гуща, и не знаем ничего!

И Вощев ударил активиста в лоб — для прочности его гибели и для собственного сознательного счастья.

Почувствовав полный ум, хотя и не умея еще произнести или выдвинуть в действие его первоначальную силу, Вощев встал на ноги и сказал колхозу:

— Теперь я буду за вас горевать!

— Просим!! — единогласно выразился колхоз.

Вощев отворил дверь Оргдома в пространство и узнал желанье жить в эту разгороженную даль, где сердце может биться не

только от одного холодного воздуха, но и от истинной радости одоления всего смутного вещества земли.

— Выносите мертвое тело прочь! — указал Вощев.

— А куда? — спросил колхоз. — Его ведь без музыки хоронить никак нельзя! Заведи хоть радио!..

— А вы раскулачьте его по реке в море! — догадался Жачев.

— Можно и так! — согласился колхоз. — Вода еще течет!

И несколько человек подняли тело активиста на высоту и понесли его на берег реки. Чиклин все время держал Настю при себе, собираясь уйти с ней на котлован, но задерживался происходящими условиями.

— Из меня отовсюду сок пошел, — сказала Настя. — Неси меня скорее к маме, пожилой дурак! Мне скучно!

— Сейчас, девочка, тронемся. Я тебя бегом понесу. Елисей, ступай кликни Прушевского — уходим, мол, а Вощев за всех остается, а то ребенок заболел.

Елисей сходил и вернулся один: Прушевский идти не захотел, сказал, что он всю здешнюю юность должен сначала доучить, иначе она может в будущем погибнуть, а ему ее жалко.

— Ну, пускай остается, — согласился Чиклин. — Лишь бы сам цел был.

Жачев, как урод, не умел быстро ходить, он только полз; поэтому Чиклин сообразил сделать так, что Настю велел нести Елисею, а сам понес Жачева. И так они, спеша, отправились на котлован по зимнему пути.

— Берегите медведя Мишку! — обернувшись, приказала Настя. — Я к нему скоро в гости приду.

— Будь покойна, барышня! — пообещал колхоз.

К вечернему времени пешеходы увидели вдалеке электрическое освещение города. Жачев уже давно устал сидеть на руках Чиклина и сказал, что надо бы в колхозе лошадь взять.

— Пешие скорей дойдем, — ответил Елисей. — Наши лошади уж и ездить отвыкли: стоят с коих пор! У них и ноги опухли, ведь им только и ходу, что корма воровать.

Когда путники дошли до своего места, то увидели, что весь котлован занесен снегом, а в бараке было пусто и темно. Чиклин, сложив Жачева на землю, стал заботиться над разведением костра для согревания Насти, но она ему сказала:

— Неси мне мамины кости, я хочу их!

Чиклин велел Жачеву и Елисею разжечь огонь, а сам пошел за костями в убежище на кафельном заводе; ведь едва ли кто унес оттуда мертвую женщину.

Спустившись в заводской подвал, куда приходил и Прушевский когда-то, Чиклину долго пришлось отнимать камни от

дверного входа, который он сам заваливал для сохранности покойной. Спичек у Чиклина не имелось, и он нашел женщину ошупью; сначала он коснулся ее волос, таких же свежих, как и при жизни, потом протрогал весь скелет до ступней, — она вся была еще цела, только самое тело исчезло и вся влага высохла. Унести скелет целиком было трудно, тем более что скрепляющие хрящи давно завяли; поэтому Чиклину пришлось разломать весь скелет на отдельные кости и сложить их, как в мешок, в свою рубашку. В рубашке, после помещения туда всех костей, еще осталось много места, — настолько женщина была мала после смерти.

Настя сильно обрадовалась материнским костям; она их по очереди прижимала к себе, целовала, вытирала тряпочкой и складывала в порядок на земляном полу.

Чиклин сел против девочки и все время жег костер для света и тепла, а Жачева уснул требовать у кого-нибудь молоко. Елисей долго сидел на пороге барака, наблюдая ближний светлый город, где что-то постоянно шумело и равномерно волновалось во всеобщем гонимом беспокойстве, а потом свалился на бок и заснул, ничего не евши.

Мимо барака проходили многие люди, но никто не пришел проведать заболевшую Настю, потому что каждый нагнул голову и непрерывно думал о сплошной коллективизации.

Иногда вдруг наставала тишина, только слышно было, как Настя шевелила мертвые кости, но затем опять пели вдалеке сирены поездов, протяжно спускали пар свайные копры и кричали голоса ударных бригад, упершихся во что-то тяжелое, — кругом беспрерывно нагнеталась общественная польза.

— Чиклин, отчего я всегда ум чувствую и никак его не забуду? — удивилась Настя.

— Не знаю, девочка. Наверно, потому что ты ничего хорошего не видела.

— А почему в городе ночью трудятся, и не спят?

— Это о тебе заботятся.

— А я лежу вся больная... Чиклин, положи мне ближе мамины кости, я их обниму и начну спать. Мне так скучно стало сейчас!

Чиклин сложил кости к Настиному животу, укрыл ее потеплее двумя пиджаками и сказал на прощанье:

— Спи. Может, ум забудешь.

Ослабевшая Настя вдруг приподнялась и поцеловала склонившегося Чиклина в усы, — как и ее мать, она умела первая, не предупреждая, целовать людей.

Чиклин замер от повторившегося счастья своей жизни и молча дышал над телом ребенка, пока вновь не почувствовал озабо-

ченности к этому маленькому, горячему туловищу. Для охранения Насти от ветра и для общего согревания Чиклин поднял с порога Елисея и положил его сбоку ребенка.

— Лежи тут, — сказал Чиклин ужаснувшемуся во сне Елисею. — Обними девочку рукой и дыши на нее чаще.

Елисей так и поступил, а Чиклин прилег в стороне на локоть и чутко слушал дремлющей головой тревожный шум на городских сооруженьях.

Около полуночи явился Жачев; он принес бутылку сливок и два пирожных. Больше ему ничего достать не удалось, так как вся новодействующая буржуазия не присутствовала на квартирах, а шиковала где-то в стороне. Весь изхлопотавшись, Жачев решил в конце концов оштрафовать товарища Пашкина, как самый надежный свой резерв; но и Пашкина дома не было — он, оказывается, присутствовал с супругой в театре. Поэтому Жачеву пришлось появиться на представлении, среди тьмы и внимания к каким-то мучающимся на сцене элементам, и громко потребовать Пашкина в буфет, останавливая действие искусства. Пашкин мгновенно вышел, безмолвно купил для Жачева буфетных продуктов и поспешно удалился в залу представленья, чтобы снова там волноваться.

— Завтра надо опять к Пашкину сходить, — сказал Жачев, успокаиваясь в дальнем углу барака, — пускай печку ставит, а то в этом деревянном эшелоне до социализма не доедешь!..

Рано утром Чиклин проснулся; он озяб и прислушался к Насти. Было чуть светло и тихо, лишь Жачев бурчал во сне свое беспокойство.

— Ты дышишь там, средний черт! — сказал Чиклин к Елисею.

— Дышу, товарищ Чиклин, а как же нет? Всю ночь ребенка теплом обдавал!

— Ну?

— А девчонка, товарищ Чиклин, не дышит: захолодала с чего-то!

Чиклин медленно поднялся с земли и остановился на месте. Постояв, он пошел туда, где лежал Жачев, посмотрел — не уничтожил ли калека сливки и пирожные, потом нашел веник и очистил весь барак от скопившегося за безлюдное время разного налетевшего сора.

Положив веник на его место, Чиклину захотелось рыть землю; он взломал замок с забытого чулана, где хранился запасный инвентарь, и, вытащив оттуда лопату, не спеша отправился на котлован. Он начал рыть грунт, но почва уже смерзлась, и Чиклину пришлось сечь землю на глыбы и выворачивать ее прочь целыми мертвыми кусками. Глубже пошло мягче и теплее; Чиклин

вонзался туда секущими ударами железной лопаты и скоро скрылся в тишину недр почти во весь свой рост, но и там не мог утомиться и стал громить грунт вбок, разверзая земную тесноту вширь. Попав в самородную каменную плиту, лопата согнулась от мощности удара, — тогда Чиклин зашвырнул ее вместе с рукояткой на дневную поверхность и прислонился головой к обнаженной глине.

В этих действиях он хотел забыть сейчас свой ум, а ум его неподвижно думал, что Настя умерла.

— Пойду за другой лопатой! — сказал Чиклин, и вылез из ямы.

В бараке он, чтобы не верить уму, подошел к Насте и попробовал ее голову; потом он прислонил свою руку ко лбу Елисея, проверяя его жизнь по теплу.

— Отчего ж она холодная, а ты горячий? — спросил Чиклин, и не слышал ответа, потому что его ум теперь сам забылся.

Далее Чиклин сидел все время на земляном полу, и проснувшийся Жачев тоже находился с ним, храня неподвижно в руках бутылку сливок и два пирожных. А Елисей, всю ночь без сна дышавший на девочку, теперь утомился и уснул рядом с ней и спал, пока не услышал ржущих голосов родных обобществленных лошадей.

В барак пришел Воцев, а за ним медведь и весь колхоз; лошади же остались ожидать снаружи.

— Ты что? — увидел Воцева Жачев. — Ты зачем оставил колхоз, иль хочешь, чтоб умерла вся наша эсесерша? Иль заработать от всего пролетариата захотел? Так подходи ко мне — получишь, как от класса!

Но Воцев уже вышел к лошадям и не дослушал Жачева. Он привез в подарок Насте мешок специально отобранного утиля, в виде редких, непродającychся игрушек, каждая из которых есть вечная память о забытом человеке. Настя хотя и глядела на Воцева, но ничем не обрадовалась, и Воцев прикоснулся к ней, видя ее открытый, смолкший рот и ее равнодушное, усталое тело. Воцев стоял в недоумении над этим утихшим ребенком, — он уже не знал, где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и в убежденном впечатленьи? Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движеньем?

Воцев согласился бы снова ничего не знать и жить без надежды в смутном вожделении тщетного ума, лишь бы девочка была целой, готовой на жизнь, хотя бы и замучилась с теченьем времени. Воцев поднял Настю на руки, поцеловал ее в распавшиеся

губы и с жадностью счастья прижал ее к себе, найдя больше того, чем искал.

— Зачем колхоз привел? Я тебя спрашиваю вторично! — обратился Жачев, не выпуская из рук ни сливок, ни пирожных.

— Мужики в пролетариат хотят зачисляться, — ответил Вошев. — А я их привел для утиля, как ничто.

— Пускай зачисляются, — произнес Чиклин с земли. — Теперь надо еще шире и глубже рыть котлован. Пускай в наш дом влезет всякий человек из барака и глиняной избы. Зовите сюда всю власть и Прушевского, а я рыть пойду.

Чиклин взял лом и новую лопату и медленно ушел на дальний край котлована. Там он снова начал разверзать неподвижную землю, потому что плакать не мог, и рыл, не в силах устать, до ночи и всю ночь, пока не услышал, как трескаются кости в его трудящемся туловище. Тогда он остановился и глянул кругом. Колхоз шел вслед за ним и, не переставая, рыл землю; все бедные и средние мужики работали с таким усердием жизни, будто хотели спастись навеки в пропасти котлована. Лошади также не стояли — на них колхозники, сидя верхом, возили в руках бутовый камень, а медведь таскал этот камень пешком и разевал от натуги пасть.

Только один Жачев ни в чем не участвовал и смотрел на весь роющий труд взором прискорбия.

— Ты что сидишь, как служащий какой? — спросил его Чиклин, возвратившись в барак. — Взял бы хоть лопаты поточил!

— Не могу, Никит: я теперь в коммунизм не верю! — ответил Жачев в это утро второго дня.

— Почему, стервец?

— Ты же видишь, что я урод империализма, а коммунизм — это детское дело, за то я и Настю любил... Пойду сейчас на прощанье товарища Пашкина убью.

И Жачев уполз в город, более уже никогда не возвратившись на котлован.

В полдень Чиклин начал копать для Насти специальную могилу. Он рыл ее пятнадцать часов подряд, чтоб она была глубока и в нее не сумел бы проникнуть ни червь, ни корень растения, ни тепло, ни холод и чтоб ребенка никогда не побеспокоил шум жизни с поверхности земли. Гробовое ложе Чиклин выдолбил в вечном камне и приготовил еще особую, в виде крышки, гранитную плиту, дабы на девочку не лег громадный вес могильного праха.

Отдохнув, Чиклин взял Настю на руки и бережно понес ее класть в камень и закапывать. Время было ночное, весь колхоз спал в бараке, и только молотобоец, почуяв движение, проснулся, и Чиклин дал ему прикоснуться к Насте на прощанье.

"Котлован"

135

*

Точнее ли Эссена подобно
Насте или вырван в чужую
землю, в иное историческое
общество? — это, безусловно
нужно и составляет тему
социализма, когда он не
автор. Автор — не общество,
исборник в виде системы
будущего некое социаль-
тическое общество, но эта
мысль произошла даже
от идишской традиции. Не
нетто подобное, потому что
равнозначно разрыванию не
только с ~~прошлым~~
прошлого, но и будущего.

Росен

*

Погибнет ли эсерша подобно Насте или вырастет в целого человека, в новое историческое общество? Это тревожное чувство и составляло тему сочинения, когда его писал автор. Автор мог ошибиться, изобразив в виде смерти девочки гибель социалистического поколения, но эта ошибка произошла лишь от излишней тревоги за нечто любимое, потеря чего равносильна разрушению не только всего прошлого, но и будущего.

<Май — осень 1930 г.>

ЮВЕНИЛЬНОЕ МОРЕ

(Море юности)

День за днем шел человек в глубину юго-восточной степи Советского Союза. Он воображал себя паровозным машинистом, летчиком воздухофлота, геологом-разведчиком, исследующим впервые безвестную землю, и всяким другим организованным профессиональным существом, — лишь бы занять голову бесперебойной мыслью и отвлечь тоску от сердца.

Он управился уже на ходу открыть первую причину землетрясений, вулканов и векового переустройства земного шара. Эта причина, благодаря сообразительности пешехода, заключалась в переменном астрономическом движении земного тела по опасному пространству космоса; а именно — как только, хотя бы на мгновение, земля уравнивается среди разнообразия звездных влияний и приведет в гармонию все свое сложное колебательно-поступательное движение, так встречает незнакомое условие в кипящей вселенной, и тогда движение земли изменяется, а погашаемая инерция разогнанной планеты приводит земное тело в содрогание, в медленную переделку всей массы, начиная от центра и кончая, быть может, перистыми облаками. Такое размышление пешеход почел не чем иным, как началом пролетарской космогонии, и нашел в том свое удовлетворение.

В конце пятого дня этот человек увидел вдалеке, в плоскости утомительного пространства несколько черных земляночных жилищ, беззащитно расплженных в пустом месте.

Пока пешеход спешил к тому поселению, наступил сумрак и в одном жилище зажгли свет.

Поселение оказалось усадьбой: вокруг большого двора стояли четыре землебитных дома и один большой бревенчатый сарай, обваленный понизу землей, в котором разные животные подавали свои голоса. Около сарая бегала на рыскале и бушевала от злобы собака.

На дворе повсюду пахло теплом животной жизни, вокруг лежала смиренная смутная степь, нагретая дневным солнцем, и пришедший человек почувствовал добро здешней жизни и захотел спать.

В одном окне землебитного жилища горел огонь. Прибывший подошел к окну и увидел пожилого человека, который сидел около лампы и читал через очки старинную книгу в заржавленном, железном переплете. Он медленно шептал что-то тонкими усохшими губами и тяжело вздыхал, когда переворачивал страницу, видимо, томясь своим впечатлением от чтения.

Пешеход вошел в низкую комнату и поздоровался со старым чтецом.

— Здравствуй, — не спеша ответил пожилой человек. — Соваться пришел?

— Нет, — сказал пришедший и спросил — что здесь такое.

— Здесь мясовхоз номер сто один, — сказал читавший книгу и, поглядев в страницу, прочитал оттуда какое-то очередное старое слово. — А тебе что нужно? Ты здесь, братец, со своими вопросами не суйся!

— А можно мне увидеть директора? — спросил прибывший.

— Можно, — ответил без охоты пожилой человек. — Гляди на меня — это я вот директор. А ты думал — директор здесь кто-то особенный — это же я!

Пешеход вынул бумагу и дал ее директору. В бумаге сообщалось, что в систему мясовхозов командирется инженер-электрик сильных токов тов. Николай Вермо, который окончил, кроме того, музтехникум по классу народных инструментов, дотоле же он был ряд лет слесарем, часовым механиком, шофером и еще кое-чем, в порядке опробования профессий, что указывало на безысходную энергию тела этого человека, а теперь он мчится в действительность из пушки своего класса, заряженный природным талантом и политехническим образованием. Такова была приблизительная тема отношения, препровождавшего инженера Вермо в совхоз.

Прочитав документ, директор вдруг обрадовался и стал говорить с гостем на историческую, мировоззренческую и литературоведческую тему. Он любил все темы, кроме скотоводства, и охотно отдавал мысль любой далекой перспективе, лишь бы она находилась на сто лет вперед или на столько же назад.

Директор почувствовал теперь даже небольшое уважение к культурному служащему, ввиду того что он не суется с мнениями, а сидит молча и слушает.

Животные давно перестали подавать голоса и задремали до рассвета в своих скотоместах. В землебитном домике, где сидели два человека, от лампы и высказанных слов стало душно, скучно, и Николай Вермо уснул на стуле против директора. Собака тоже умолкла к тому времени, не получая из степи отзвука на свою злобу, видимо, она смирилась с отсутствием врага и заснула в

пустой тыкве, заменявшей ей будку. Эту тыкву совхоз вырастил год тому назад, чтобы показать ее на районной выставке как экспонат агрономического усердия. И действительно, тыква получила премию, а затем из той тыквы выбрали внутренность и сделали из нее собачью будку, поскольку кухарки совхоза отказались обрабатывать для пищи такие слишком мощные овощи.

— Ты не видел нашей тыквы? — спросил директор у Вермо; но Вермо спал. — Ты бы глянул: великое растение! Полезная площадь нашей тыквы — половина квадратной сажени. У нас на дальнем гурте целых сто штук таких выдолбленных тыкв: в них спят доярки и гуртоправы. Я целый жилкризис этими тыквами решил... Ах, ты спишь уже? Ну спи, бедный человек, а я еще читаю...

И директор снова углубился вниманием в старинную железную книгу, излагавшую историю Иоанна Грозного, приложив к задумавшейся, грустящей голове несколько пальцев правой руки.

Через полчаса прибывший молодой человек проснулся от неудобства и засмотрелся в лицо директора.

— Что вы такое? — спросил Вермо. — Я ведь, может быть, сумею отобразить вас в звуке: я музыке учился.

— Отобрази, — с польщением согласился директор. — Я Адриан Умрищев: я должен у тебя звучать мощно. Я ведь предполагаю попасть в вечный штатный список истории, как нравственная и разумно-культурная личность переходной эпохи. Поэтому ты сочини меня как можно гуще и веде по музыке басом. Я люблю оркестры!.. Ты что думаешь, — переменял голос Умрищев, — или мне сподручно здесь сидеть среди животных?

— А разве нет? — удивился Вермо.

— Нет, — вздохнул Умрищев. — Я здесь очутился как «невыясненный»! Как выяснюсь, так исчезну отсюда навсегда... Ты можешь или нет сочинить в виде какого-либо гула тоску неясности?..

— Могу, наверно, — пообещал Вермо, чувствуя бред жизни от своей усталости и от этого человека.

Умрищев стал высказываться, как он долгое время служил по разным постам в дальних областях Союза Советов и Союза потребительских обществ, а затем возвратился в центр. Однако в центре уже успели забыть его значение и характеристику, так что Умрищев стал как бы неясен, нечеток, персонально чужд и даже несколько опасен. К тому же новая обстановка, сложившаяся за время отсутствия того же Умрищева, образовала в системе такое соотношение сил и людей, что Умрищев очутился круглой сиротой среди этого течения новых условий. Он увидел по возвращении незнакомый мир секторов, секретариатов, групп ответственных

исполнителей, единоначалия и сдельщины, — тогда как, уезжая, он видел мир отделов, подотделов, широкой коллегиальности, мир совещаний, планирования безвестных времен на тридцать лет вперед, мир натопленных канцелярских коридоров и учреждений такого глубокого и всестороннего продумывания вопросов, что для решения их требуется вечность, — навсегда забытую теперь старину, в которой зрел некогда оппортунизм. Втуне вздохнув, Умрищев пошел в секторную сеть своего ведомства и стал выясняться; его слушали, осматривали лицо, читали шепотом документы и списки стажа, а затем делали озадаченные, напряженные выражения в глазах и говорили: «Нам все же что-то не очень ясно, необходимо кое-что дополнительно выяснить, и тогда уже мы попытаемся вынести какое-либо более или менее определенное решение». Умрищев ответил, что он вполне ясный ответ-работник и все достоверные документы при нем налицо. «Все же достаточной ясности о вас — для нас пока не существует, будем пробовать пытаться выяснить ваше состояние», — отвечало Умрищеву учреждение. Таким способом Умрищев был как бы демобилизован из действующего советского аппарата и попал в специальный класс невыясненных. В том учреждении, которое заведовало Умрищевым, невыясненных людей скопилось уже целых четыреста единиц, и все они были зачислены в резерв, приведены в боевую готовность и поставлены на приличные оклады. Раза два-три в месяц невыясненные приходили в учреждение, получали жалованье и спрашивали: «Ну как, я не выяснен еще?» — «Нет, — отвечали им выясненные, — все еще пока что нет о вас достаточных данных, чтобы дать вам какое-либо назначение, — будем пробовать выяснять!» Выслушав, невыясненные уходили на волю, посещали пивные, пели песни и бушевали свободными, отдохнувшими силами; затем они, собранные из разнообразных городов республики и даже из заграничной службы, шли в гости друг к другу, читали стихотворения, провозглашали лозунги, запевали любимые романсы, — и Умрищев, вспомнив сейчас то невозвратное время невыясненности, спел во весь голос романс в тишине мясного совхоза:

В жизни все неверно и капризно,
Дни бегут, никто их не вернет.
Нынче праздник — завтра будет тризна,
Незаметно старость подойдет.

Когда-то невыясненные громадным хором пели этот романс в буднее время и вытирали глаза от слез и тоски бездеятельности. Именно этот романс они сердечно любили и гремели его во все

голоса где-нибудь среди рабочего дня. После собрания, невыясненные расходились кто куда мог: кто уже имел комнату, кто жил где-нибудь из милости, а наибольшее количество расходилось по отраслевым учреждениям своего ведомства; в этих учреждениях невыясненные ночевали и принимали любовниц, — один невыясненный успел уже настолько влюбиться в какую-то сотрудницу, что от ревности ранил ее после занятий чернильницей месткома. Кроме того, невыясненные звонили по казенным телефонам между собой, играли в шашки с ночными сторожами, читали от скорби архивы и писали письма родственникам на бланках отношений. По ночам невыясненные падали со столов, потому что видели страшные сны, а утром одевались поскорее до прихода служащих, выметали мусор и шли в буфет есть первые бутерброды. Когда же бывало вовсе ободняется, невыясненные шли в секторы кадров, к которым они были приписаны, и спрашивали замедленными голосами, уже боясь втайне, что их наконец выяснили и предпишут назначение: «Ну — как?» — «Да пока еще никак, — отвечает бывало сектор, — вот у вас есть в деле справочка, что вы один месяц болели, — надо выяснить, нет ли тут чего более серьезного, чем болезнь». Невыясненный уходил прочь и, чтобы прожить поскорее служебное время, когда его ночлежное учреждение заселено штатами, заходил во все уборные и не спешил оставлять их; выйдя же оттуда, читал сплошь попутные стенгазеты, придумывал свои мнения по затронутым вопросам, а иногда давал даже свою собственную заметку о каком-либо замеченном беспорядке как единичном явлении. Некоторые невыясненные состояли в своем положении по году; таким говорили, что вот уже скоро они поедут на работу: осталось только выяснить — почему они не сигнализировали своевременно о какой-либо опасности отставания, когда еще были в прошлом на постах, или — почему ниоткуда не видно, что он не подвергался каким-либо местным взысканиям по соответствующим линиям, — нет ли здесь скрытых признаков кумовства: именно в том, что послужной список слишком непорочный? Невыясненный начинал уже серьезно и, главное, тоскливо сознавать, что он ведь действительно смутный, невыясненный и определенно пагубный человек: что-то в нем есть такое скрытое и вредное, объективно очевидное, а лично неизвестное. Он шел тогда с горя в бухгалтерию доказывать, что два месяца не пользовался выходными днями, и, получив за них содержание, направлялся к друзьям и товарищам — пить пиво и петь романсы среди дня. Один из невыясненных уже настолько полюбил свою волю и безответственность, что когда его действительно куда-то назначили, — сурово отказался. Он тихо сообщил про свою глубоко скрытую болезнь, которую он даже сам не чувствует, но которая,

однако, в нем находится. Ему ответили, что скрывание болезни есть та же симуляция, а за симуляцию — суд; и этот невыясненный сошел впоследствии немного с ума.

Сам Умрищев опростался от невыясненности лишь случайно: он вышел однажды в скучный день из учреждения и заметил, что некий человек звал взмахом руки машину. Машина к нему подъехала, и человек сел в нее для поездки. «Слушай, — сказал тогда Умрищев, — подбрось-ка и меня куда-нибудь». — «Почему?» — озадачился из машины человек. «Потому что я член партии и ты член: мы же товарищи!» Человек в автомобиле вначале задумался, а потом сказал: «Садись»; в дороге же он задумался еще более, точно вспомнил нечто простое и влекущее, как печной дым над теплым колхозом зимой.

Незнакомый человек привез Умрищева к себе в гости: жена-комсомолка дала обоим прибывшим обед и чай, а затем муж-начальник выслушал на полный желудок и сонную голову беду Умрищева. Жена при этом начала кустарно точить мужа, что он есть худший вид оппортуниста, что он потворщик рвачества и заражен гнилым либерализмом, — если так будет продолжаться, она не может с ним жить. Муж поник от чувствительного стыда, потому что в словах жены была существенная правда, а наутро он дал Умрищеву назначение в мясосовхоз, чтобы человек довыяснился на практической работе. Заодно муж комсомолки разверстал весь резерв невыясненных и предал суду десять служащих своего ведомства, дабы они имели случай опомниться от своих делов. Вечером же, доложившись жене, муж получил от последней тот ударный поцелуй, который он всегда предпочитал иметь.

Чем больше объяснял Умрищев свое течение жизни, тем грустнее становился Вермо; даже изо рта старика, благодаря его уставшему дыханию, выходила скука старости и сомнения. Светлые глаза Вермо, темневшие от счастья и бледневшие от печали, сейчас стали видными насквозь и пустыми, как несуществующие. Прибывший пешеход участвовал в пролетарском воодушевлении жизни и вместе с лучшими друзьями скапливал, посредством творчества и строительства, вещество для той радости, которая стоит на конце нашей истории. Он уже имел, как миллионы прочих, предчувствие всеобщего будущего, предчувствие, наполнявшее его сердце избыточной силой, — он мог чувствовать даже мертвое, даже основную причину землетрясения и вулканических сил, но вот сидел перед ним старый человек, который не производил на него никакого ощущения, точно живший ранее начала летоисчисления. Быть может поэтому Умрищев с такой охотностью читал Иоанна Грозного, потому что ясно сознавал невзгоду своей жизни — ведь все враги сейчас сознательны — и глубоко, хотя и

чисто исторически, уважал целесообразность татарского ига и разумно не хотел соваться в железный самотек истории, где ему непременно будет отхвачена голова.

Ночь, теряя свой смысл, заканчивалась; за окном землебитного жилища уже начал прозябать день и небо покрылось бледностью рассвета; сырая и изможденная, всюду лежала еще ничем не выдающаяся земля, и лишь кое-где на ней стала шевелиться и вскрикивать разнохарактерная живность.

Вермо сидел неподвижно; он видел раннюю бледность мира в окне и слушал начинающееся смятение жизни. Однако это не был тот напев будущего, в который он беспрерывно и тщетно вникал, — это был обычный вековой шум, счастливый на заре, но равнодушный и безотрадный впоследствии.

Умрищев, потеряв интерес к гостю, снова приступил к своему медленному чтению старины, иногда улыбаясь какой-нибудь ветхой шутке, а иногда вытирая слезы сочувственной печали, тем более что он встретил описание того грустного факта, как однажды, при воцарении Грозного, с неба пошел каменный и мелкозернистый дождь, отчего немало случилось повреждения тогдашнему историческому населению.

— Вот были люди и происшествия, — сказал Умрищев, утешаясь книгой; и стал читать вслух: «Царь Иван захотел однажды на Святки, имея доброе самочувствие, установить в Китай-городе баловство пищей. Для чего он указал боярину Щекотову привести откуда ни на есть в тот Китай-город до 70 сбитенщиков, 45 харчевников, 30 крупенников, 14 обжарщиков и прочую пищевую силу по одному, либо по два человека на каждую сортовую еду. Но люди торговые и промысловые откупились от той милости, дабы не соваться в неиспытанное, а сговорились меж собой есть до смерти добрые домашние щи, либо тюрю». Умрищев здесь отринул от чтения и довольно улыбнулся: — Да у нас в один районный центр требуется больше пишевиков, чем во весь Китай-город: минималисты были, черти — одну тюрю любили!

Николай Вермо уже давно соскучился с этим неясным человеком и встал, чтобы уйти прочь, тем более что на дворе уже разгорался новый день, а здесь горела лампа.

— Ну я пойду, — стеснительно сказал Вермо. — До свиданья!

— Ступай и не суйся, — ответил директор. — Чем старина сама себя пережила: она не совалась!.. Ступай, а то мне тоже вскоре надо поехать кой-куда: окоротить сующихся...

После ухода инженера Умрищев взял из-под стола следующую книгу и заинтересовался ею. Это была «Торговля пенькою в Шацкой провинции — в 17 веке». Он и пеньку любил, и шерсть,

и пшено, и быт мещерских и мордовских племен в моршанском крае, и черное дерево в речных глубинах, и томление старинных девушек перед свадьбой, — все это полностью озадачивало и волновало душу Умрищева; он старался постигнуть тайну и скуку исторического времени, все более доказывая самому себе, что вековые страсти-страдания происходят оттого, что люди ведут себя малолетним образом и во всюду неустанно суются, нарушая размеры спокойствия.

*

Вермо вышел на солнце и не спеша отправился через центральную усадьбу на дальние гурты. Босые доярки уже несли ведра с молоком, шагая по земле толстыми ногами; на пороге ночлежной горницы сидел пожилой пастух, — он ел что-то из чашки на коленях и посматривал между прочим на доярок, на незнакомого человека и на отдаленные пастбища, где ему придется пробыть весь день и много вообразить, вследствие того что пастуху на целине мало работы и все время думается разное в голову.

Вместе с Вермо из совхоза вышла молодая женщина и пошла с ним нечаянно рядом. Она была немного привлекательна, но, видимо, проста и доверчива, так как шла и рассматривала человека объективно, как вещь, еще не чувствуя к нему ни вражды, ни любезности. А Вермо уже стеснялся ее, как человек, у которого сердце всегда живет под напором скопившейся любви и который, не испытав еще, быть может, женщины, уже боится исчезнуть в неизвестном направлении собственной страсти, невнимательно храня себя для высшей доли. Но втайне, стесненным сердцем, Николай Вермо мог любить людей сразу, потому что тело его было уже заранее переполнено безысходной жизнью. Он осмотрел в последний раз женщину — она была действительно сейчас добра и хороша: черные волосы, созревшие в жаркой степи, покрывали ее голову и приближались к глазам, блестящим уверенным светом своего чувства существования; ее скромный рот, немного открытый от внимания к постороннему, показывал прочные зубы, которые потемнели без порошка, и грудь дышала просторно и терпеливо, готовая кормить детей, прижать их к себе и любить, чтоб они выросли. Вермо возмужал от волнения, его стеснительность прошла, и он сказал женщине хриплым, не своим голосом:

— Как скучно бывает жить на свете!

— Отчего скучно! — произнесла женщина. — Нам тоже еще не весело, но уже не скучно давно...

Инженер остановился; спутница его также дальше не пошла, и он снова неподвижно рассматривал ее — уже всю, потому что

и туловище человека содержит его сущность. Глаза этой женщины были сейчас ясны и осторожны; безлюдье лежало позади ее тела, — светлый и пустой мир, все качество которого хранилось теперь в этом небольшом человеке с черными волосами. Женщина молча стояла перед своим дорожным товарищем, не понимая или из хитрости.

— Скучно оттого, что не сбываются наши чувства, — глухо проговорил Вермо в громадном и солнечном пространстве, покрытом дымом пастушьих костров. — Смотришь на какое-нибудь лицо, даже неизвестное, и думаешь: товарищ, дай я тебя поцелую. Но он отвернется, — не кончилась, говорит, классовая борьба — кулак мешает коснуться нашим устам...

— Но он не отвернется, — ответила женщина.

— Вы — например? — спросил Вермо.

— Я, например, — сказала женщина из совхоза.

Вермо обнял ее и долго держал при себе, ощущая теплоту, слушая шум работающего тела и подтверждая самому себе, что мир его воображения похож на действительность и горе жизни ничтожно. Тщательно все созная, Вермо близко поглядел в лицо женщины, она закрыла глаза, и он поцеловал ее в рот. Затем Вермо убедился еще раз в истинности своего состояния и, сжав слегка человека, уже хотел отойти в сторону, сохраняя приобретенное счастье, но здесь женщина сама придержала его и вторично поцеловала.

— Суешься уже? — сказал огорченный и забытый голос со стороны.

Пока двое людей глядели только друг в друга, подъехал верхом третий человек — Умрищев и загодя засмеялся такому явлению поцелуя в степи.

— Она мне очень понравилась! — ответил Вермо; и ему опять стало скучно от лица Умрищева.

— Ну и пускай понравилась, а ты не суйся! — посоветовал Умрищев. — Тебе нравится, а ты в сторону отойди, — так твое же добро целей-то будет: ты подумай...

— Проезжай, Умрищев, — сказала женщина. — На гурте дядька удавилась: я с тобой считаться иду!

— Ну-ну, приходи, — охотно согласился Умрищев. — Только в женскую психиатрию я соваться не буду.

— Я тебя сама туда всуну — обратно не вылезешь, — сказала женщина обещающим голосом.

— Не сунусь, женщина! — ответил Умрищев. — Пять лет в партии без заметки просостоял — оттого, что не совался в иностранные дела и чуждые размышления, — еще двадцать просостою —

до самого коммунизма без одной родинки проживу: успокойся, Босталоева Надежда!

Умрищев тут же уехал, а женщина, Надежда Босталоева, еще постояла, думая уже не о своем ближайшем товарище, а о мертвой доярке; но глаза ее были все такими же, как и во время дружбы с Вермо.

По дороге до гурта инженер узнал, что его попутная подруга работает секретарем гуртовой партячейки и ей здесь тяжело, иногда мучительно, зачастую страшно, но она не может сейчас жить какой-либо легкой жизнью в нашей стране трудного счастья.

Босталоева шла впервые на этот гурт; до того она работала на другом гурте, но теперь здесь стало слишком тяжело и сложно, — прежний секретарь на здешнем гурте пал духом, и комитет партии послал сюда — в «Родительские Дворики» — Надежду Босталоеву, чтобы разбить и довести до гробовой доски действующего классового врага.

*

Гурт «Родительские Дворики» находился в русле древней речки, высохшей лет тысячу назад. Два землебитных жилища составляли убежище гуртовщиков на зимнее время, а для укрытия от летнего ненастья лежали по окрестной степи громадные выдолбленные тыквы.

Судя по ландшафту, насколько хватало зрения, гуртовая база была расположена разумно и удобно: ровно и спокойно лежала земля на десятки видимых верст, как уснувшая навеки, беззащитная и открытая зимнему холоду и всем безлюдным ветрам; лишь по одному месту та земля имела впалое положение, и там было слабое затишье от вихрей непогоды, — это и был след, прорытый древней и бедной рекой, теперь задубой суховеями, погребенной наносами до последнего ослабевшего источника, умолкшей навсегда. Но памятники реки, в виде песчаных выносов, еще лежали на гуртовой усадьбе, и для их зарощения в песок были посажены прутья шелюги и чернотала, а между теми прутьями и самородными лопухами лежали ночлежные пустые тыквы великого размера.

Посреди гуртового места находился срубовый колодезь и две батрачки непрерывно вытаскивали ручной силой воду из глубины земли и относили ее в бак — для питья людям и животным.

Те «Родительские Дворики» имели списочное число коров — четыре тысячи, не считая быков, лошадей, волов и разной мелкой подспорной живности, в форме кроликов, овец, кур и прочих существ. Стало быть, сам тот гурт составлял из себя уже мощный

мясосовхоз и являлся надежным источником мясной пищи для пролетариата.

Когда Вермо и Босталоева только пришли на гурт, Умрищев там уже господствовал и проверял все элементы хозяйства, какие попадались ему навстречу. По сторонам Умрищева ходили два человека — заведующий гуртом зоотехник Високовский и старший гуртоправ Афанасий Божев.

— Вы должны вести себя, как две мои частности, — говорил им Умрищев на ходу, — и бездирективно никуда не соваться.

— Нам это, Адриан Филиппович, понятно: обстановка ведь суетливая! — охотно и даже счастливо отвечал Божев, а сам улыбался всем своим чистым и честным лицом, на котором приятно находились два благожелательных голубых глаза.

Високовский молчал. Он любил скотину саму по себе и давно собирался уйти работать в область племенного животноводства, дабы воспитывать скот для рождения потомства, а не для убийства; он был худой по телу, может быть потому, что больше ел молоко, прудовую рыбу, кашу и редко брал говядину, и знал свою науку с угрюмой точностью — видел в любом животном не только вес и продуктивность, но одновременно и субъективное настроение. За это его любили в скотоводческом объединении и платили ему большие средства, которые он, не имея родных, тратил на баловство любимой скотины; например, он приобретал шерстяной матерьял и сам шил чулки на зиму для кроликов, угощал быков солеными пышками, построил стеклянную теплицу печного отопления — с тем, чтобы там росла зимой свежая кормовая трава для мужающих телят, которым уже надоело молоко, — и еще многое другое совершил Високовский ради любви своей к делу.

Меж тем Умрищев совершал свои замечания по гурту. Войдя в пекарню, он отпробовал хлеба и сказал ближним подчиненным: «Печь более вкусный хлеб». Все согласились. Выйдя наружу, он вдруг задумался и указал Високовскому и Божеву: «Серьезно продумать все формы и недостатки». Божев сейчас же записал эти слова в свою книжку. Увидя какого-то человека, тихо шедшего стороною, Умрищев произнес: «Усилить трудовую дисциплину». Здесь что-то помешало Умрищеву идти дальше; он стал на месте и показал в землю: «Сорвать былинку на пешеходной тропинке, а то бьет по ногам и мешает сосредоточиться». Божев наклонился было, чтобы сразу уничтожить былинку, но Умрищев остановил его: «Ты сразу в дело не суйся, — ты сначала запиши его, а потом изучи: я же говорю принципиально — не только про эту былинку, а вообще, про все былинки в мире». Божев спешно записал, а Високовский шел рядом, ничего не говоря и не делая. Вскоре на

тропинку выбежал кролик и от внезапного ужаса не мог бежать, а стал на задние ноги, обратив лицо прямо к людям.

— Хорошее животное! — оценил Умрищев кролика.

— Да оно ничего: оно милое, Адриан Филиппович! — согласился Божев.

Невдалеке показалась свинья; она подошла к Умрищеву и покрутила около него хвостом, что также понравилось Умрищеву, и он одобрил это животное.

Но зато, придя в служебный кабинет Високовского, Умрищев сразу почувствовал ярость. В самом деле, — в кабинете было кругом нечисто, имелись следы и остатки каких-то огромных животных, точно сюда приходили по делам быки, пригибаясь в дверях; бумаги лежали под бутылками с мочой больных коров, стены не имели убранства и были покрыты разными итоговыми данными, и на стуле у стола сидел, как посетитель, подсвинок.

— Это ж государственная измена! — воскликнул Умрищев в кабинете. — Вы весь авторитет нашего руководства роняете вниз! — закричал он по направлению к Високовскому. — Вас скотина здесь не уважает, а вы целым штатом хотите руководить! За такие кабинеты надо вон с отметкой увольнять!

— Тише, начальник, — попросил Високовский, — говорите негромко: я вас услышу все равно.

— Вас бы надо гидрометеором по голове, — потише сказал Умрищев, — чтоб вы почувствовали что-то.

— Гидрометеор, это дождь, товарищ Умрищев, — равнодушно заявил Високовский.

— Я имею в виду тот дождь, — объяснил Умрищев, — который шел при Иоанне Грозном, — каменный, исторический дождь!

Вслед за тем Умрищев велел Божеву позвать гуртового кузнеца Кемалю, убогого глухонемого счетовода Тишкина, профуполномоченного, старушку Федератовну, а заодно и Босталоеву с явившимся зачем-то инженер-музыкантом. Умрищев любил иногда собрать, как родню, подчиненный аппарат в кучу и поговорить с ним по душам, не составляя повестки дня.

*

Босталоева вошла в свое новое жилище, а Вермо остановился у входа. Это было временное общежитие, построенное из земли и покрытое для крепости дерном.

На правой половине земляной горницы лежали во сне усталые доярки и телятницы, а налево храпели пастухи, водоносы, колодезники, случники, студенты-ветеринары и прочие профессии; некоторые же сидели на земляном полу и писали письма

далеким товарищам или читали книги, чертили изображения и думали, облокотившись на руку.

Тут же, в сенях общежития, на большом столе для кружковых занятий лежал мертвый человек. Он был весь покрыт красным сукном, но одна небольшая старая женщина приоткрыла сукно у изголовья мертвеца и гладила свободной рукой чье-то остывшее лицо.

— Это Айна? — спросила Босталоева у той устарелой женщины.

— Да то кто же! — раздражительно ответила бочонковидная старушка и обернулась своим лицом, похожим на блюдцеобразное озеро.

Вермо подошел со стороны и загляделся на покойницу. Смуглая девушка, наверно, киргизка, лежала навзничь с постаревшим, грустным лицом и открыла рот от последней слабости. Босталоева приподняла покрывало на покойнице и стала ощупывать своей рукой тело Айны, будто разыскивая следы смерти и тайное место гибели человека. Инженер так же близко наклонился над скончавшейся; он видел опухшее от женственности тело, уже копившее запасы для будущего материнства, и терпеливые рабочие рубки, без силы сложенные на животе; Вермо разглядел полотно рубашки, которое повсеместно выдавали ударницам, и почувствовал запах еще сохранившегося пота и прочих отходов уже умолкшей, трудной жизни; но смерти нигде не было заметно.

Тогда Босталоева отвернула ворот на горле Айны, и все увидели темный запекшийся рубец вокруг шеи, — след от бечевы, которая перерезала гортань и сожгла дыханье этой девушки.

Здесь пришел Афанасий Божев и позвал Босталоеву с инженером на совещание.

— Ведь миллиарды разных людей умерли бесполезно, — сказал Божев, — что же вы одну-то стоите жалеете! Мало ли на свете жителей осталось!.. Жалейте хоть меня, если в вас гнилой либерализм бушует!

— Всех жалеть не нужно, — заявила старушка, бывшая тут, — многих нужно убить...

Сказав это, пожилая рабочая отвернула от горя свое лицо, и все промолчали, не понимая значения ее речи, а потом ушли на гуртовое совещание.

Когда Божев привел Босталоеву и Вермо, Умрищев уже давно говорил, сам не понимая о чем, а только чувствуя что-то доброе. Он развивал перед присутствующими различные картины мероприятий, например, — предполагал так организовать все гуртовые работы, чтобы каждый уж молчал постоянно, делал по раз запущенному порядку свое узкое, мирное дело и ни во что не совался.

— Каждому трудящемуся надо дать в его собственность небольшое царство труда — пусть он копается в нем непрерывно и будет вечно счастлив, — развивал Умрищев вслух свое воображение. — Один, например, чистит скотоместа, другой чинит по степи срубовые колодцы, третий пробует просто молоко — какое скисло, какое нет, — каждый делает планово свое дело, и некуда ему больше соваться! Я считаю, что такая установка даст возможность опомниться мне и всему руководящему персоналу от текущих дел, которые перестанут к тому времени течь. Пора, товарищи, социализм сделать привычкой миллионов, а не суетой.

Собрание молчало; старушка Федератовна уже загорюнилась, облокотившись на коричневую руку; она знала, что ей думать, и глядела на Умрищева как на подлого.

— Что здесь такое? — спросила Босталоева. — Что мы обсуждаем и какая повестка дня?

— Я ничего не понимаю, — со сдержанной враждебностью объяснил Високовский. — Обратитесь к товарищу директору: он должен знать.

Високовский, презирая Умрищева, начинал распространять свое холодное чувство уже гораздо шире, может быть — на весь руководящий персонал советского скотоводства. Босталоева это поняла.

— А теперь слушайте меня дальше, — говорил Умрищев. — Есть еще разные неопределенные вопросы, изученные мною по старинной и по советской печати. У грабарей дети рождаются весной, у вальщиков — среди лета, у гуртоправов к осени, у шоферов зимой, монтажницы отделяваются к марту месяцу, а доярки в марте только починают: поздно-поздно, голубушки, починаете, — летом носить ведь жарко будет!..

— Да что ты скучаешь-то все, батюшка: то жарко, то тяжело, — осерчала старушка, — да мы вытерпим!

Умрищев только теперь обратил свой взгляд на ту старушку, и вдруг все его задумчивое лицо сделалось ласковым и снисходительным.

— Стару-у-шка! — сказал он с глубоким сочувствием.

— Стари-чок! — настолько же ласково произнесла старушка.

— Ты что ж — существуешь?

— А что ж мне больше делать-то, батюшка? — подробно говорила старушка. — Привыкла, и живу себе.

— А тебе ничего, не странно жить-то?

— Да мне ничего... Я только интервенции боюсь, а больше ничего... Бессонница еще мучает меня — по всей республике громовень, стуконень идет, разве тут уснешь!

Здесь Умрищев даже удивился:

— Интервенция?! А ты знаешь это понятие? Что ты во все слова суешься?..

— Знаю, батюшка. Я все знаю — я культурная старушка.

Все промолчали, а Умрищев вторично сказал ей сочувствующим тоном:

— Стару-у-шка!

— Стари-чок! — столь же ласково произнесла старушка.

— Ты, наверно, Кузьминишна?! — догадывался Умрищев.

— Нет, батюшка, — ответила старушка, — я Федератовна. Кузьминишной я уже была.

— Федератовна?! — воскликнул здесь Умрищев, поражаясь какой-то собственной недооценке.

— Федератовна, старичок, — осмысленно сообщила старушка.

— А никто не возражал против Федератовны? — уже смирившись со своей ошибкой в оценке масс, спросил Умрищев.

— Приветствовали, батюшка. На руках носили, вверх подкидывали!

— Так ты, может, формально только культурной стала? — несколько сомневался Умрищев.

— Нет, батюшка, я по совести, — отводила Федератовна.

— Химию знаешь?

— Да то как же!

— Что такое аш два о?

— Жидкость, батюшка.

Умрищев встал на ноги и сердечно растрогался.

— Дай я тебя поцелую!

— В щечку, батюшка, — попросила Федератовна, как должное.

— Нежная моя, научная старушка! — говорил Умрищев, целуя Федератовну несколько раз. — Никуда ты не совалась, дожила до старости лет и стала ты как боец против всех стихий природы!

— И против классового врага, батюшка! — поправила Федератовна. — Против тебя, против Божева Афанаса и против еще каких-нибудь, кто появится... Я ведь все кругом вижу, я во все суюсь, я всем здесь мешаю!..

— Говори, бабушка! — обрадовано попросила Босталоева. — У нас повестки дня нету, а ты факты знаешь!

— Да-то, ништ, я фактов не знаю! — медлила Федератовна. — Я всю республику люблю, я день и ночь хожу и щупаю, где что есть и где чего нету... Да без меня б тут давно мужики-единоличники всех коров своих гнусных на наших обменяли, и не узнал бы никто, а кто и проведал бы, так молчал уж: ай ему жалко нашу федеративную республику?! Ему себя жалко!

Умрищев теперь остервенел от вида этой разумно-речистой старушки и громко приказал:

— Замолкни ты, наконец, гнусная юмористка!

Афанасий же Божев, наоборот, — еще более стал чист на лицо и еще более добродушно и преданно глядел на старушку.

— Пускай она говорит, Адриан Филиппович, — попросил Божев Умрищева. — Или ты самокритики не любишь?

— Люблю, — осунулся Умрищев. — Пусть только бабушка зовет меня впредь оппортунистом, а не классовым врагом... Я признаю свои ошибки, отрекаюсь от самого себя и обещаюсь, начиная с завтрашнего дня, во всюду соваться. Спасибо тебе, бабушка!

Божев тоже встал тут же с места и отдельно объявил, что старушка проявила сейчас необходимую бдительность и что в Умрищеве действительно есть нечто оппортунистическое, например — его лозунг: «А ты не суйся!»; благодаря такому непрерывному влиянию оппортунизма, низовые звенья аппарата — тот же он, Божев, — действительно превращались как бы в искусственных классовых врагов, сами того бессознательно не сознавая; однако же он, Божев, давно уже чувствовал какое-то горе, только не мог его выпукло осознать, и от этого темного горя у него давно болело сердце, и теперь болит; больше того, у него даже неизвестно от чего иногда поднимается температура, а однажды он видел сон, что его порет ремнем пролетариат, и он проснулся в ужасе и в поту, но чувствовал почему-то, что пролетариат в основном прав. Однако он не будет, как Умрищев, откладывать свою перестройку до завтрашнего утра, это есть оппортунистическая уловка, он уже сейчас чувствует себя довольно сильно перестроившимся и любит бабушку Федератовну, как смена, как сын и как внук...

— Ах ты, мерзкий, ах ты личность гнуснейшая, — шептала Федератовна помимо общего внимания. — Да я б тебя задушила, если б родила...

Босталоева в тот час глядела на Николая Вермо; инженер все более бледнел и хмурился — он боролся со своим отчаянием, что жизнь скучна и люди не могут побороть своего ничтожного безумия, чтобы создать будущее время. Когда начал говорить Божев — задушевно, с открытым правдивым лицом и с милыми глазами, светящимися пролетарской ясностью, — Вермо заслушался одних звуков его голоса и был доволен, но потом, когда почувствовал весь смысл хитрости Божева, то отвернулся и заплакал. Федератовна, бывшая близко, подошла к инженеру и вытерла ему глаза своей сухой ладонью.

— Будет тебе, — сказала старушка, — иль уж капитализм наступает: душа с советской властью расстается. Мы их кокнем: высохни глазами-то.

Собрание сидело в озадаченном виде. Одна Босталоева улыбнулась и захотела узнать, в чем Умрищев и Божев каются: ведь обвинение их бабушкой Федератовной голословно, она, может быть, недовольна не классовыми фактами, а лишь старостью своих лет!

Божев в молчаливом обозлении сжал зубы во рту: он сразу понял, какую мучительную ошибку он совершил, испугавшись обвинения старухи из ее щербатого рта, — ведь действительности никто здесь не знает. Умрищев же думал безмолвно для самого себя: «Всю жизнь учился не соваться, а тут вот сунулся с покаянием — и пропал! Ну кто тебе директиву соваться дал — скажи пожалуйста: кто? Жил бы себе молча и убого, как остальные два миллиарда живут!»

Божев, засмеявшись, предложил всем перейти к текущим делам, поскольку бабушка Федератовна отлично понимает, что единственным желанием его и Умрищева было доставить удовольствие заслуженной совхозной бабушке и, стало быть, не прекословить ей. Это же явно, — это ведь было предпринято ради уважения к трудовому стажу Федератовны, но вовсе не ради какой-либо идейной серьезности. Умрищев же уныло промолвил, что ошибиться он давно не может, поскольку для оперативного свершения ошибки надо все же сунуться куда-то или во что-то, а он давно уж ни до чего не касается, особенно до вопросов мировоззренчества.

— Товарищи, на дворе, пока мы сидим, наступил тем временем вечер, — сказал в заключение Умрищев. — Посмотрите, как это довольно хорошо! Посмотрите затем на эту советскую старушку (он показал на Федератовну) — разве это не вечер капитализма, слившийся на севере с зарей социализма? И разве не приятно оказать нашей Федератовне, этой доброй тетушке всего будущего и теще всего прошлого, словесную милость? Пусть она утешается по-пустому на старости лет!

Здесь Федератовна как была, так и схватила Умрищева за отросшую бороду, на что Умрищев даже не вскрикнул, решив уже претерпеть все это, как самую дешевую муку, а Божев моментально обнял всю старушку — с одной стороны, для ласкового успокоения, с другой — для защиты Умрищева. Но Федератовна, обернувшись, хлестнула ладонью по лицу Божева, и он не посмел обидеться. Ночью же, учтя эпоху, Божев уничтожил все ночлежные тыквы, чтобы улучшить тем свое политическое положение и ослабить очередную невзгоду жизни.

На следующий день доярку Айну понесли в гробу два выходных пастуха. За ее гробом шла подруга — профуполномоченная, провожавшая тело, несмотря на неплатеж Айной членских взносов, тут же находился кузнец Кемаль, вздыхавший все время от какой-то нечленораздельной силы, затем двигался Умрищев с Божевым и в стороне ото всех шла Надежда Босталоева, держа за руку Мемеда, малолетнего брата Айны. Впереди гроба шел Вермо. Один скотник имел хроматическую гармонию и дал ее Вермо, чтобы музыка сопровождала погибшую.

До могилы было далеко — версты две; друг Айны, кузнец Кемаль, выбрал для погребения сухое песчаное место и вырыл там могилу, чтобы девушка побольше пролежала целой.

Когда вышли подальше, Николай Вермо сыграл по слуху «Аппassionату» Бетховена; в течение игры он чувствовал радость и победу, и желал отомстить всему миру за незащитность человека, которого несли мертвым следом за ним. Существо жизни, беспощадное и нежное, волновалось в музыке, — оттого что оно еще не достигло своей цели в действительности, и Вермо, сознавая, что это тайное напряженное существо и есть большевизм, шел сейчас счастливым. Музыка исполнялась теперь не только в искусстве, но даже на этом гурте — трудом бедняков, собранных изо всех безнадежных пространств земли.

С пустого неба солнце освещало землю и шествие людей; белая пыль золотых песков неслась в атмосферной высоте — вихрем, которого внизу было не слышно, — и солнечный свет доходил до земной поверхности смутным и утомленным, как сквозь молоко. Жара и скука лежали на этой арало-каспийской степи; даже коровы, вышедшие кормиться, стояли в отчаянии среди такого тоскливого действия природы, и неизвестный бред совершался в их уме. Вермо, мгновенно превращавший внешние факты в свое внутреннее чувство, подумал, что мир надо изменять как можно скорей, потому что и животные уже сходят с ума. В этом удручении Вермо спросил у Босталоевой, что ей представлялось, когда он играл.

— Мне представлялась какая-то битва — как мы с кулацким классом, и музыка была за нас! — ответила Босталоева.

Вермо сыграл далее свое сочинение, заключавшее надежду на приближающийся день жизни, когда последний стервец будет убит на земле. Вермо всегда не столько хотел радостной участи человечеству — он не старался ее воображать, — сколько убийства всех врагов творящих и трудящихся людей.

Поэтому его музыка была проста и мучительна, близкая по выразительности к произношению яростных слов. Одна пьеса Вермо так и называлась: «Гибель негодной сволочи», и он сыграл ее, когда гроб поднесли к степной песчаной могиле. Умрищев и Божев не понимали музыки Вермо; они думали, что эти звуки имеют горестное значение, и понемногу плакали из приличия.

Около открытой могилы уже сидела Федератовна и смотрела внутрь земли. Она смерти не боялась, ей только было удивительно — куда же денется ее активная сила, если придется умереть, и кто будет болеть тогда старой грудью за совхозное дело.

— А ты что ж мало плачешь-то? — спросила она у Божева. — Ишь какой сухой весь пришел!

— Ветер слезы сдувает, Мавра Федератовна, — объявил Божев.

— Ветер? — удивилась Федератовна. — А ты отвернись от него на тихую сторонку — и плачь!..

Божев отвернулся и посилился добавочно поплакать, глядя свое лицо со лба вниз. Но Федератовна, обождав, подошла к нему, провела рукой по лицу, попробовала слезную влагу Божева на язык и обнаружила:

— Разве это слезы? Они же не соленые! Ты пот со лба на глаза себе сгоняешь — ты вон что надумал, кулацкий послед!

— Ей богу, это слезы, Мавра Федератовна, — увещевал Божев, — у тебя язык не чует.

— У меня-то не чует?! — допытывалась Федератовна. — А если б и чуял, так я своему языку не поверю, я только уму своему верю да партии большевиков!..

Айну в тот момент положили на край могилы. Все прибывшие люди стояли вокруг покойной и смотрели в ее лицо, уже снедаемое ветхими силами смерти, старое, как у Федератовны.

— Прощай, дочка! — сказала Федератовна и, согнувшись, поцеловала Айну, и видно было, как тело старухи стало изнемогать от немощи, от забот и от злости к действующему, живому врагу.

Надежда Босталоева расцеловала девушку-киргизку страстно и несколько раз, а Умрищев только коснулся рукой ее лба и произнес: «Что ж тут горевать или поражаться: смерть всегда присутствует в текущих делах истории!»

Вермо попрощался с Айной предпоследним; целуясь с умершей, он подумал, что если б она осталась жива, он мог бы жениться на ней. Афанасий же Божев припал к Айне в последнюю очередь, и зарыдал над ней искренним голосом.

— Это он от страха старается: горя в нем нету! — определила Федератовна страдание Божева.

Но Божев поднял лицо кверху, и все увидели на нем открытую печаль. Кузнец Кемаль спустился в могилу, и ему подали гроб; Кемаль уложил получше гроб в земле и прибил крышку, навеки отделив умершую от ее врагов и товарищей, от всей будущей жизни, которую Айна хотела, как девушка и комсомолка.

Брат Аины Мемед, не горевавший по сестре, потому что она стала для него страшная и чужая, подошел к Божеву и сказал ему:

— Дядь, на ней твоя веревка осталась. Она кругом пуза завязана. Ты ее лучше возьми.

Кемаль сейчас же вскрыл гроб и развязал у покойной пояс. Это была крученая бечева, какие применяют для кнутов. Кемаль тут же отдал эту бечеву Божеву и закрыл гроб вторично.

— Ей больно было, а ты ее бил! — равнодушно сказал Мемед Божеву, глядя на крученую бечеву. — Она взяла и умерла, а ты с веревкой остался!

И мальчик, почувствовав значение смерти, что без сестры будет скучно, согнулся, как старый, и заплакал, не издав крика.

Босталоева подняла его на руки и, не сознавая ничего, кроме ребенка, вынула ему для утешения свою опухшую твердую материнскую грудь. Божев вступился здесь за мальчика и начал вырывать его из рук Босталоевой, чтобы поскорее заласкать ребенка самому. Но Кемаль бессловесно нанес Божеву удар в голову, и тот сперва сорвался с ног, а затем пополз на животе к могиле и позабыл чувствовать боль, потому что усиленно размышлял про себя о своем спасении и у него не было времени мучиться. На краю могилы он лег лицом в песок и сказал себе шепотом в теплоте собственного дыхания: «Не буду я помирать — мне неохота; пускай все злятся, я себя сберегу».

*

На гурт «Родительские Дворики» прибыло много народа. Москвич, член правления Скотоводобъединения, и худой секретарь недалекого райкома партии повели так называемое глубокое обследование всего мясовохоза. Афанасия Божева вскоре после похорон Аины отвезли в тюрьму; Умрищев же был на воле и давал начальству такие объяснения, которыми старался всех поставить в тупик.

— Был ли на совхозе распространен ваш лозунг «А ты не суйся»? — спрашивал Умрищева секретарь райкома.

— Был, конечно, — охотно отвечал Умрищев; чем вопрос был опасней, тем Умрищев добрее и подробней отвечал на него. — Вот Божев сунулся к Аине — ее погубил и сам пропал. Этот лозунг, дорогой товарищ, идет по всему свету еще от Иоанна Гроз-

ного, а Грозный ведь был глубокий человек: ты возьми данные истории! Желаете — я тебе предложу кое-что для чтения?

— Не желаю, — говорил секретарь. — Вы мне скажите другое: сколько ежедневно пропадало молока в совхозе? Сколько у вас выдавалось из совхозных коров молока — руками окрестных кулаков и зажиточных единоличников? Можете ответить?

— Ну еще бы! — сообщал Умрищев. — Наша старушка Федератовна совалась, вот, повсюду и говорила мне, что ведер тыщу. А если б она не совалась, то и до тебя бы дело не дошло и вопроса такого бы не стояло.

— Хорошо, — спокойно произносил секретарь, безмолвно борясь со своим сердцем. — Сколько племенных совхозных коров кулаки и зажиточные обменяли на свой беспородный скот? — При содействии Божева, конечно!

— Я в этот счет не вмешивался, — с точностью отвечал Умрищев. — Я вел глубокую тактику и довольно принципиальную политику. А именно: пускай хоть кулаки, хоть бедняки, хоть — кто, поменяют немножко своего скота на наш. Кулака раскулачат, бедняк войдет в колхоз — и все совхозное племя попозже или пораньше все равно очутится в обобществленном секторе. А вот в этом-то и скажется доброе, хозяйственное и ведущее влияние совхоза на колхозную прицепку! Тебе теперь понятно?

— Вы подлец и дурак, — тихо сказал секретарь, бледнея от сдерживаемого страдания. — Кулак порежет наш племенной скот, а ваш беспородный скот принесет нам одни убытки и повальные болезни.

— Какой это ваш и какой это мой скот? — спросил Умрищев. — Я имею собственность только в виде идейных мыслей, а не коров, я ношу при себе билет члена партии! Ты, брат, особо-то не суйся!

— Вы правы, — говорил секретарь, — билет члена партии вы носите при себе. Но я не прав, что сволочь его носит!

Умрищев вскочил во весь рост, желая как можно мужественней возмутиться, но вдруг икнул два раза подряд от нервного страха, и заикался далее беспрерывно.

— Это я... книг начитался. Это я... исторически хочу... Ты гляди на меня, как...

— Как на икающего оппортуниста, — сказал секретарь.

— Хоть бы... так, — икая, соглашался Умрищев.

— Как на второго убийцу киргизской девушки и как на кулацкого мерзавца!

Здесь Умрищев позабыл икнуть очередной раз и вовсе освободился от икоты.

Секретарь райкома отвел глаза на мелкое окно гуртовой избы и что-то подумал о летнем дне, блестящем за стеклом. Он вообразил красоту всего освещенного мира, которая тяжело добывается из резкого противоречия, из мучительного содрогания материи, в ослепшей борьбе, — и единственная надежда для всей изможденной косности, это — пробиться в будущее через истину человеческого сознания — через большевизм, потому что большевизм идет впереди всей мучительной природы и поэтому ближе всех к ее радости; горестное напряжение будет на земле недолго. Секретарь райкома вспомнил затем Надежду Босталоеву, чьи черные таинственные волосы, скромный рот и глаза, в которых постоянно стоит нетерпеливое искреннее чувство, создавали в секретаре странное и неосновательное убеждение, что эта женщина одним своим существованием доказывает верность линии партии, и вся голова, туловище, всякое движение Босталоевой соответствуют коммунизму и обеспечивают его близкую необходимость; Босталоева бы умерла при торжестве кулачества или мелкой буржуазии. Но секретарь был приучен большевизмом к беспощадному разложению действительности, и он сказал самому себе, не обращая внимания на Умрищева:

— Я, наверно, субъективно люблю Босталоеву и наряжаю ее в идеологическое подвенечное платье... Я опоздал — ее надо давно назначить на гурт, пусть она покажет себя в действии, и я полюблю ее сильнее или разлюблю совсем...

Умрищев тем временем настолько обозлился на все сущее, что решил уехать в дальний сибирский район, сделаться там секретарем и основать районное негласное оппортунистическое царство, в форме Руси Иоанна Грозного или мещерского племени: все равно ничего не будет, пускай хоть покой обоснуется в отдаленном месте, а прожить можно одним пеньковым промыслом, или даже не евши, чем так теоретически мучиться.

— Как теперь партия? — спросил Умрищев. — Наверно, разлюбит меня?

— Очевидно, — сказал секретарь, и послал его к прокурору, который уже давно ожидал Умрищева где-то на завалинках гурта.

— Ну, тогда я соваться начну! — пообещал Умрищев. — Как-нибудь она меня полюбит! — И ушел.

Как только завечерело, секретарь начал пить чай и позвал к себе Босталоеву с мальчиком Мемедом, чтобы угостить их чем-нибудь сладким. Федератовна же пришла по своей доброй воле и начала причитать непрерывно, что районная контора задерживает контингенты стройматериалов для совхоза, что переводы кредитных лимитов опаздывают, что среди пастухов слаба культ-работа и малозаметно самозакрепление. При этом она плакала

горючими слезами, так как у нее серьезно болело сердце, и запивала чаем потерю своих сил. Вспомнив об Айне, она уже не могла нагореваться: ведь было же четко и ясно, что Божев — классовый враг, отчего она не поверила своему предчувствию, своему ноющему сердцу, а ждала фактов, либеральничала и объективно помогла совершиться смерти.

— Бабка — дура, — сказал Мемед. — Всегда плачет и всегда живет. Сестра не плакала, а умерла...

— Я тебя в ясли завтра отдам: у подкулачников брехать научился! — сказала старуха.

— Там страшно, — произнес мальчик.

— А чего тебе страшно там? — спросила Босталоева.

— Там старик с бородой как картина висит, — сказал Мемед. — Бабкин жених...

Секретарь и Босталоева поняли мысль ребенка и засмеялись, а Федератовна обиделась за Карла Маркса, хотя секретарь уверял ее, что и Маркс бы улыбнулся сейчас.

— Ты знаешь, отчего умерла твоя сестра? — спросил секретарь у Мемеда.

— Бабка говорила — от нее, — ответил Мемед, — у бабки бдительность пропала. А сестру Афанас измучил, не бабка.

Мальчик представлял сестру с живостью всех фактов ее мучения. Она жила тогда за десять верст от гурта, в землянке у дальнего пастбища. Божев приезжал туда верхом на лошади и с кнутом, а доярки, и Айна с ними, в бане не мылись, горячего к обеду не варили и спали от работы мало. Но Айна не горевала, потому что хотела сделать социализм, только чесала под рубашкой ногтями. Божев приезжал на коне, ел пышки из своего мешка и забирал с собою пастухов, — оставил только одного на пятьсот коров с быками. На ночь стадо расходилось без пути, пастух засыпал, а утром плакал нарочно, как будто от страха и горя, потому что в стаде начали пропадать полные красные коровы и являлись худые или мелкие, которые жрали и не росли, — молока же давали по четыре кружки. Именные быки тоже скрылись куда-то, а пришли незнакомые, — они ходили скучные и худые, и совхозные коровы их били, а неизвестные быки молчали. Айна не стала спать, вышла на ночь пасти стадо, — ходила в темноте и узнала, что приезжали верховые мужики, пригоняли своих коров с быками и угоняли совхозных. Айна ходила за чужими людьми следом, дошла до степных хуторов и возвратилась. Потом она пошла на гурт за людьми и ружьями, но ее встретил Божев и вернул обратно: «Ты, — говорит, — бежать от стада хочешь — ты летунья, ты врешь, я сам сосчитаю коров по списочному числу». Когда сосчитал, оказалось верно. Божев изругал Айну: «Тебе замуж надо, ты

бесишься, все коровы целы, разве ты помнишь все пятьсот коров в морду?» — «Помню», — сказала Айна и побежала из стада на гурт. Божев дал ей время побежать, а потом нагнал и бил кнутом как летунью, которая срывает планы прокормления рабочих и служащих.

Айна упала, Божев ее взял и привез. Скоро Божев прислал нового пастуха, потому что старый пастух пропал вместе с десятью коровами и маточным быком; новый пастух угонял стадо далеко и приводил его к вечеру без молока. Айна была умная и узнала, что кулацкие и зажиточные жены выдаивают коров вдалеке. Она тайно добежала до директора Умрищева, но Умрищев сказал ей: «Не суйся, работай под выменем, чего ты все бесишься!»

Айна не вернулась в стадо, а пошла в районный комитет партии. К ней пристали еще две подружки-доярки, которые бежали навсегда от жизни в степи, Айна же шла по делу. Божев скакал за ними полдня; доярки прятались, но Божев разглядел их с лошади и опять бил Айну кнутом, как кулацкую девку, которая срывает дисциплину и уводит рабочую силу. Айна говорила ему, что идет выходить замуж за тракториста, Божев же спросил у нее отпускной талон и снова рубцевал, что не было талона. Однако двух других доярок Божев не задержал, и они убежали, — довольные, что спаслись, и пропали бесследно. Когда Божев остался с Айной один в пустых местах, он вдруг весь осознался и стал напуганным. От страха смерти, которая достанется ему за порчу батрачки, Божев вдруг полюбил Айну. Он задумал так сильно и искренне обнять Айну, чтобы его любовь дошла к ней до сердца и она бы за все простила ему и согласилась быть женой. Он стал быть добрым, плакал до вечера у бедного подола Айны, облизывал ей измученные ноги, хватал ее за все, бегал в истоме по песчаным барханам и соглашался лизать у Айны нечистые места. Айна все время не давалась ему, потом опять пошла дальше в район. Но Божев вновь достиг ее и шел за ней молча, бросив лошадь, а вечером изувечил ее своей любовью, стараясь так подействовать нижней силой, чтобы Айна почувствовала его до своего сердца и полюбила Божева навеки, а обиду истратила в ответной любви. Айна же схватила Божева за горло, когда была под его тяжестью, и душила врага, но сила клокотала в горле Божева, он не умер, а сестра Мемед ослабела и заснула. Наутро Божев оправил оборванную Айну, отыскал лошадь, подпоясал доярку бечевою от своего кнута и повез женщину на гурт, все время искренно лаская доярку за плечи, а встречным людям говорил, что он на ней скоро женится, так как полюбил. Айна стала смиренная; ей дали два выходных дня подряд, и она, обмывшись в бане, ходила с Мемедом по полю и так целовала брата, что плакала от своей жадности и

нежности к нему. Потом она сказала Мемеду, как большому, все, что было, и ушла за конфетами в совхозный кооператив. Целую ночь она не приходила, а после ночи увидели, что она висит мертвая на постройке колодца и под ногами у нее лежит кулек с конфетами и зарплата за четыре месяца.

*

Божева осудили и увезли в городскую тюрьму. Там его вывели однажды во двор и поставили к ограде, сложенной из старого десятивершкового кирпича; Божев успел рассмотреть эти ветхие кирпичи, которые до сих пор еще лежат в древних русских крепостях, погладил их рукой в своей горести — и вслед за тем, когда Божев обернулся, в него выстрелили. Божев почувствовал ветер, твердою силой ударивший ему в грудь, и не мог упасть навстречу этой силе, хотя и был уже мертвым; он только сполз по стене вниз, как косная глупая тяжесть.

Умрищев же сумел убедить кого-то в районном городе, что он может со временем, по правилам диалектического материализма, обратиться в свою противоположность; благодаря этому, его послали работать в колхоз, ограничившись вынесением достаточно сурового выговора. В колхозе же, расположенном недалеко от «Родительских Двориков», Умрищев стал поступать наоборот своим мыслям: как только что надумает, так вспомнит, что его природа — это ведь оппортунизм, и совершит действие наоборот; до некоторого времени названные обратные действия Умрищева имели успех, так что бывшего директора колхозники выбрали своим председателем. Но впоследствии Умрищева ожидала скучная доля, о которой в свое время стало известно всем...

*

Уезжая, член правления скотоводного треста и секретарь райкома определили гурту «Родительские Дворики» быть самостоятельным мясосовхозом, а директором нового мясосовхоза назначили Надежду Босталоеву, носящую в себе свежий разум исторического любопытства и большевистски непримиримое сердце молодости.

В помощницы себе Босталоева взяла Федератовну, а Николая Вермо назначила главным инженером совхоза. Зоотехник Високовский пришел к Босталоевой в землянку и вежливо, тщательно скрывая свою производственную радость, поздравил Босталоеву с высоким постом. Он надеялся, что эволюция животного мира, остановившаяся в прежних временах, при социализме

возобновится вновь, и все бедные, обросшие шерстью существа, живущие ныне в мутном разуме, достигнут прелестной судьбы сознательной жизни.

— Теперь засыпается пропасть между городом и деревней, — сказал Високовский, — коммунистическое естествознание сделает, вероятно, из флоры и фауны земли более близких родственников человеку... Пропасть между человеком и любым другим существом должна быть перейдена...

— Будет еще лучше, — обещала Босталоева. — Самая далекая ваша мечта все равно не опередит перспектив нашей партии... Между живой и мертвой природой будет проложен вечный мост.

Високовский ушел и на совхозном подворье подхватил и унес к себе своего любимого подсвинка.

Босталоева разобралась в планах и директивах, а затем позвала к себе Вермо и Федератовну.

— Вермо, — сказала она. — В прошлом году «Родительские Дворики» поставили пятьсот тонн мяса, в этом году нам задали тысячу тонн, а поголовье увеличивается процентов на двадцать, потому что мало пастбищ и мало воды...

Вермо улыбнулся.

— Мы должны выполнить, Надежда, — ответил инженер. — Москва вызывает нас на творчество, нормальной мещанской работой взять такого плана нельзя, — значит, в центре доверяют нашим силам...

— Партия слишком уж любит массы, — сказала Федератовна, — оттого она и ценит так ихний ум. Без ума этот план нам сроду не взять!

— Мы поставим три тысячи тонн говядины, — высказалась Босталоева. — Мы не только трудящийся, мы творческий класс. Правда ведь, товарищ Вермо?

Инженер молчал; он воображал великий расчет партии на максимального человека массы, ведущего весь класс вперед, — тот же расчет, который имел сам Ленин перед Октябрем месяцем семнадцатого года.

— Да то, ништ, не правда? — ответила Федератовна. — Уже джоже массы жадны стали на новую светлую жизнь: никакого укроу им нету!

Вермо ушел в полынное поле и только что приготовился подумать о выполнении огромного плана, как ему в лицо подул дальний ветер с запахом горелой соломы. Инженер почувствовал, что этот ветер ему знакомый — ветер не изменился, изменилось и выросло лишь тело Вермо, но и в глубине его тела осталось что-то маленькое неизменное — то, чем вспомнил он сейчас этот теплый ветер, пахнувший дымом далеких печек, второй раз в жизни

подувший ему в лицо из дальних мест. Вермо обратился к самому себе и ощутил свое сердце, все более наполняющееся счастьем, — так же, как в детстве, тело наливается зреющей жизнью. Когда же дул этот ветер в первый раз в лицо Вермо? Он обернулся на «Родительские Дворики». Там робко дымила одна печная труба, — это кухонные мужики растопляли кухню для обеда; шло лето, грусть роста и надежды на еще не сбывшееся будущее расстилась по неровному миру, — это уже чувствовал Вермо когда-то, в свой забытый день. Над «Родительскими Двориками» не хватало мельницы, мелющей зерно: такая мельница была в родном месте Вермо, где он вырос и возмужал. И еще не было в совхозе такого дома, где бы тебя всегда ожидали, — не было отца и матери, — но зато в совхозе была Босталоева, Федератовна, Високовский, а мельницу можно построить... Вермо вспомнил летний день детства на окраине родины — маленького города — и этот ветер, который нес тогда дым жизни далеких и незнакомых людей.

Мельницу же в «Родительских Двориках» надо построить теперь же. Сила ветра будет качать сейчас воду из колодца, а осенью и зимою, когда дуют самые плотные ветры, сила воздушного течения будет отапливать помещения для скота, где целых полгода зябнут и худеют коровы. Пусть теперь степной ветер обратится в электричество, а электричество начнет греть коров и сохранит на них мясо, сдуваемое холодом зимы: скучную силу осеннего ветра и зимнюю пургу, поющую о бесприютности жизни, наступило время превратить в тепло, и на вьюге можно печь блины.

Вечером Вермо сказал Босталоевой, как нужно отопить совхоз без топлива. Босталоева позвала Високовского, Федератовну, кузнеца Кемалья, еще двоих рабочих, и все они прослушали инженера.

Кемаль заключил, что дело ветряного отопления — безубыточное, — он сам думал о том, только не зная электричества, хотел, чтобы ветер вертел и нагревал трением какие-либо бревна или чурки, а чурки тлели бы и давали жар; однако это технически сумбурно.

— А хватит нам киловатт-часов-то? — спросила Федератовна. — Ты амперы-то сосчитал с вольтами? — испытывала старуха инженера Вермо. — Ты гляди, раз овладел техникой!.. А проволоку, шнур и разные частички где ты возьмешь? Мы вон голых гвоздей второй год не допросимся, алебастру, извести и драни нету нигде...

— Я поеду в район, в край и достану все, что нужно, сама, — сказала Босталоева, запечалившись вдруг отчего-то. — Високовский, сколько мы нагоним мяса, если в скотниках будет тепло?..

— Можно телят выпаивать круглый год, — размышлял Високовский. — Весной мы родили две тысячи телят, а теперь будем осеменять коров круглый год — получим минимум три тысячи телят, на добавочную тысячу больше. Это при том стаде, какое у нас есть...

Далее Високовский сделал расчет на бумаге; он сообразил, сколько дадут товарного мяса добавочные телята, на сколько самое меньшее пополнеют, благодаря теплу, взрослые животные, — и выразил цифру: 300 тонн чистого живого мяса, не считая громадной прибавки молока и масла от улучшения бытовых условий.

— Почти двадцать вагонов! — обрадованно произнесла Босталоева. — Мы это сделаем, товарищ Вермо! Бабушка, ты будешь бригадиршей на постройке... Бабушка, возьми по-старинному, когда великаны жили, говорят...

— Обожди, девчонка! — осерчала Федератовна. — Великаны были только сильны, а по уму любой цыплок норовистей их. Обождите, вам говорят!.. Если на небе тихо, а на дворе мороз в тридцать градусов по Реомюру, в тридцать семь по Цельсию: вы тогда — что?!

Вермо выдумал быстрее, чем кончила Федератовна:

— Мы, бабушка, из коровьих лепешек брикетов наделаем в запас. Пусть Кемаль сделает деревянный пресс для обжима и брикетирования коровьих лепешек...

— Я уж ему двенадцать раз говорила, дураку, — сказала Федератовна. — Лежит зимой добро по всему гурту, а скот зябнет...

— Мне оппортунист Умрищев не велел, — оправдался Кемаль. — Я несколько раз докладывался: пора, говорю, нам заготовить деревянный блюминг, — что ж это такое? — коровы ведь зарождают в туловище не одно молоко с мясом, а и топку! Давай, говорю, мне двух плотников и слесаря на помощь — я тебе из коров Донбасс сделаю, я тебе из коровьего желудка центральное отопление поставлю...

— Кто будет крутить ваш брикетный пресс? — спросил Вермо.

— Два вола, — сообщил Кемаль.

— Нет, ветер, — не согласился инженер, — не тратьте животных, живите за счет мертвой природы.

— Я люблю вас, гражданин Вермо, — произнес Високовский.

— Ветер лучше, — согласился Кемаль. — Пресс можно крутить, когда ветряк не нужен для тепла.

Федератовна хоть и была довольна, но не очень — она потребовала от Вермо, чтобы он составил проект с экономической стороны, а она его проверит со всех точек: старуха была настолько скупа и осторожна в отношении социализма, что даже для верного

друга требовала предосудительного контроля, — мало ли совершается в советском мире расточительства, благодаря действию слишком радостных чувств?

Вермо согласился составить проект, а Федератовна пошла заботиться по советскому мясному хозяйству; она уже полгода как не спала, только дремала на заре, объясняя это тем, что она уже старая и ей было достаточное время выспаться при империализме.

Под вечер старуха села в совхозную таратайку и поехала по всем пастбищам, по всем стадам, нажевывающим себе тело в степях; и когда развернулась ночь, то все еще гремела в пространстве таратайка Федератовны, — этот звук старушечьей езды наводил жуть на нерадивых гуртоправов, потому что невозможно было что-либо скрыть от бессонной, специальной бдительности Федератовны, умудренной хитростью классового врага. Даже лучшие доярки вздрогнули, когда узнали, что старуха стала помощником директора. Покойница Айна давала больше всех работы — она выдаивала по 190 литров молока в сутки, при норме в 125; бабушка же однажды просидела в степной ферме трое суток и надоила 700 литров.

— Сучки-подкулачницы, — сказала тогда Федератовна двум бабам-лодырям. — Только любите, чтоб вам груди теребили, а до коровьих грудей у вас охоты нет...

Она помнила всех выдающихся коров в совхозном поголовье, а быков знала лично каждого. Проезжая сквозь жующие стада, старушка всегда сходила с экипажа и бдительно осматривала скотину, особенно быков — их она пробовала кругом, даже вниз к ним заглядывала: целы и здоровы ли у производителей все части жизни.

Сейчас уже далеко звучала таратайка Федератовны и удалялась все более скоро, потому что старуха совала рукой в кучера и пилила его сзади своими словами.

В эту ночь, когда поднялась луна на небе, животные перестали жевать растения и улеглись на ночлег по балкам и понизовьям, напившись воды у колодцев; несъеденная трава тоже склонилась книзу, утомившись жить под солнцем, в смутной тоске жары и бездождия. В этот час Босталоева и Вермо сели верхами на лошадей и понеслись, обдаваемые теплыми волнами воздуха, по открытому воздушному пространству земного шара...

Забвение охватило Вермо, когда скрылось из глаз все видимое и жилое и наступила одна туманная грусть лунного света, отвлекающая ум человека в прохладу мирной бесконечности, точно не существовало подножной нищеты земли. Не умея жить без чувства и без мысли, ежеминутно волнуясь различными перспек-

тивами или томясь неопределенной страстью, Николай Вермо обратил внимание на Босталоеву и немедленно прыгнул на ее коня, оставив своего свободным. Он обхватил сзади всю женщину и поцеловал ее в гущу волос, думая в тот же момент, что любовь это — изобретение, как и колесо, и человек, или некое первичное существо, долго обвыкался с любовью, пока не вошел в ее необходимость.

Босталоева не сопротивлялась, — она заплакала; обе лошади остановились и глядели на людей.

Вермо отпустил Босталоеву и пошел по земле пешком. Босталоева поехала шагом дальше.

— Зачем вы целуете меня в волосы? — сказала вскоре Босталоева. — У меня голова давно не мытая... Надо мне вымыться, а то я скоро поеду в город — стройматериалы доставать.

— Стройматериалы дают только чистоплотным? — спросил Вермо.

— Да, — неясно говорила Босталоева, — я всегда все доставала, когда и на главной базе работала... Вермо, сговоритесь с Високовским, составьте смету совхозного училища: нам надо учить рабочих технике и зоологии. У нас не умеют вырыть колодца и не знают, как уважать животных...

Но Вермо уже думал дальше: колодцы же ветхость, они ровесники происхождению коровы как вида; неужели он пришел в совхоз рыть земляные дыры?

К полуночи инженер и директор доехали до дальнего пастбища совхоза — самого обильного и самого безводного. После того пастбища — на восток — уже начиналась непрерывная пустыня, где в скучной жаре никого не существует.

Худое стадо, голов в триста, ночевало на незащитном выпуклом месте, потому что нигде не было ни балки, ни другого укрытия в тишине рельефа земли. Убогий колодец был серединой ночующего гурта, и в огромном пойловом корыте спал бык, храпя поверх смирившихся коров.

Редкий ковыль покрывал здешнюю степь; при этом много росло полыни и прочих непригодных, бедных трав. Из колодца Вермо вытащил на проверку бадью — в ней оказалось небольшое количество мутной воды, а остальное было заполнено отложениями четвертичной эпохи — погребенной почвой.

Почувяв воду по звуку бадьи, бык проснулся в лотке и съел влагу вместе с отложениями, а ближние коровы лишь терпеливо облизали свои жаждущие рты.

— Здесь так плохо! — проговорила Босталоева с болезненным впечатлением. — Смотрите — земля, как засохшая рана...

Вермо с мгновенностью своего разума, действующего на все коренным образом, уже понял обстановку.

— Мы достанем наверх материнскую воду. Мы нальем здесь большое озеро из древней воды — она лежит глубоко отсюда в кристаллическом гробу!

Босталоева доверчиво поглядела на Вермо: ей нужно было поправить в теле это дальнее стадо, и, кроме того, трест предполагал увеличить стадо «Родительских Двориков» на две тысячи голов; но все пастбища, даже самые тощие, уже густо заселены коровами, а далее лежат умершие пространства пустыни, где трава вырастет только после воды. И те пастбища, которые уже освоены, также нуждаются в воде, — тогда бы корма утроились, скот не жаждал и полумертвые ныне земли покрылись бы влажной жизнью растений. Если брикетирование навоза и пользование ветром для отопления даст триста тонн мяса и двадцать тысяч литров молока, то откуда получить еще семьсот тонн мяса для выполнения плана?

— Товарищ Босталоева, — сказал Вермо, — давайте покроем всю степь, всю Среднюю Азию озерами ювенильной воды! Мы освежим климат и на берегах новой воды разведем миллионы коров! Я сознаю все ясно!

— Давайте, Вермо, — ответила Босталоева. — Я любить буду вас.

Оба человека по-прежнему находились у колодца, и бык храпел возле них. К колодцу подошел пастух. Он был на хозрасчете, у него болело сердце от недостачи двух коров, и он пришел поглядеть — не чужие ли это люди, которые могут обменять коров или выдоить их, тогда как он и сам старался для лучшей удоиности не пить молока.

Вермо в увлечении рассказал пастуху, что внизу, в темноте земли лежат навеки погребенные воды. Когда шло создание земного шара, и теперь, когда оно продолжается, то много воды было зажато кристаллическими породами, и там вода осталась в тесноте и покое. Много воды выделилось из вещества, при изменении его от химических причин, и эта вода также собралась в каменных могилах в неприкосновенном, девственном виде...

— Ну как засиделая девка в шалаше, — обратно объяснил пастух инженеру, — выпусти ее, она тебе сразу рожать начнет, из нее так и посыпется.

Вермо не услышал: он заметил, как дрожали первичные волны рассвета на востоке, и мучил в темноте своего сознания зарождающуюся, еле живую мысль, еще неизвестную самой себе, но связанную с рассветом нового дня. Однако, опершись рукой на спящего быка, Вермо уже приобрел другую догадку: не пришла

ли пора ликвидировать ветхие формы животных и завести вместо них социалистические гиганты, вроде бронтозавров, чтобы получать от них по цистерне молока в один удой?

На обратном пути Вермо погрузился в смутное состояние своего безостановочного ума, который он сам воображал себе в виде низкой комнаты, полной табачного дыма, где дрались, оборвавшиеся от борьбы, диалектические сущности техники и природы. Не было того естественного предмета или даже свойства, судьбу которого Вермо уже не продумывал бы навеки вперед; поэтому он и в Босталоевой видел уже существо, окруженное блестящим светом социализма, светом таинственного летнего дня, утонувшего в синеве своих лесов, наполненного чувственным шумом еще неизвестного влечения.

Когда же Вермо глядел на конкретный вид Босталоевой и на других ныне живущих людей, вырывающихся из мертвого мучения долготы истории, то у него страдало сердце и он готов был считать злобу и все ущербы существующих людей самым счастливым состоянием жизни.

*

Возвращаясь среди утренней зари на «Родительские Дворики», Вермо и Босталоева встретили бригаду колодезников, и Босталоева велела колодезному бригадиру прийти вечером к инженеру Вермо, чтобы решить вопрос о добыче подземных морей.

Молодой бригадир Милешин невнимательно потрогал ногу Босталоевой, сидящей на лошади, и ответил:

— Товарищ директор. Прошлый год было постановление районного съезда о бурении на глубокую воду. Я тогда докладывал, и моя речь транслировалась по радио на все колхозы-совхозы. Я добился, как факта, что у нас нет воды, ее не хватит социализму, — у нас только есть одна сырость, один земляной пот... Я вечером приду.

Босталоева сняла шапку с бригадира гидротехников и пошевелила ему волосы.

Далее инженер и директор поехали по малоизвестной ближней дороге, и вскоре им представился странный вид земли, будто оба человека очутились в забытом сне: пространство лежало не в ширину, а в толщину, и всюду были такие мощные взбурения почвы, что делалось скучно и душно в мире, несмотря на окружающую прелесть свежего дня.

«Надо использовать тяжесть планеты! — заботливо решил Вермо, наблюдая эту толщину местной земли. — Можно будет отапливать пастушьи курени весовой силой обвалов или варить пищу вековым опусканием осадочных пород...»

Мелкий человек с большой бородой стоял невдалеке на толстой земле и читал книгу при восходящем солнце. Простосердечный Вермо решил, что тот человек полюбил теорию и думает, вероятно, о пролетарской космогонии, наблюдая одновременно солнце в упор. Но Босталоева сразу рассмеялась.

— Это Умрищев, — сказала она. — Он думает, что тут было при Иване Грозном: не лучше ли?

И действительно, то стоял в глубоком размышлении Умрищев, держа ветхую книгу в руках. Он небрежно глядел в сияющую природу и думал о чем-то малоизвестном; лицо его слегка похудело, но зато гуще обросло волосом и в глазах находилось постоянное углубление в коренные вопросы человеческого общества и всего текущего мироздания.

Он не заинтересовался конными людьми, — ответил только на привет Вермо и дал необходимое разъяснение: что колхоз его отсюда недалеко — виден даже дым утренних похлебок, что сам он там отлично колхозирует и уже управился начисто ликвидировать гнусную обезличку и что теперь он думает лишь об усовершенствовании учета: учет! — Умрищев вдруг полюбил своевременность восхода солнца, идущего навстречу календарному учетному дню, всякую цифру, таблицу, графу, наметку, уточнение, талон, — и теперь читал на утренней заре Науку Универсальных Исчислений, изданную в 1844 году и принадлежащую уму барона Корфа, председателя Общества Поощрения Голландских Отопленных. Одновременно Умрищев заинтересовался что-то принципиальной сущностью мирового вещества и предполагает в этом направлении предпринять какие-то философские шаги.

Босталоева скучно и гневно поглядела на Умрищева и пустила лошадь в сильный бег; эта женщина не верила в глупость людей, она верила в их подлость.

Вермо оглянулся издали на Умрищева — все так же стоял человек на толстой земле, вредный и безумный в историческом смысле. Вермо сейчас же предложил Босталоевой собрать все районные невыясненные и подопытные личности в одно место и поставить производство исторического идиотизма в крупном, или хотя бы полужавовском масштабе, — с тем чтобы заблаговременно создать для будущих поколений памятники последних членов отживших классов; Умрищев ведь тоже хотел, как нравственная и разумно-культурная личность, быть занесенным в список штатных единиц истории!

Босталоева ответила, что поучительные памятники следует устраивать после гибели враждебных существ, — теперь же нужно заботиться только об их безвозвратной смерти. Вермо наклонился с седла, чтобы лучше разглядеть классовое зло на лице

Босталоевой, но лицо ее было счастливое, и серые глаза были открыты, как рассвет, как утреннее пространство, в котором волнуется электромагнитная энергия солнца.

Вермо почувствовал эту излучающую силу Босталоевой и тут же необдуманно решил использовать свет человека с народнохозяйственной целью; он вспомнил про электромагнитную теорию света Максвелла, по которой сияние солнца, луны и звезд, и даже ночной сумрак, есть действие переменного электромагнитного поля, где длина волны очень короткая, а частота колебаний в секунду велика настолько, что чувство человека скучает от этого воображения. Вермо вспомнил далее первичную зарю сегодняшнего дня, когда свет напрягался на востоке и слабел от сопротивления бесконечности, наполненной мраком, — и Вермо, опершись тогда на быка, утратил в темноте своего тела пробуждавшееся рациональное чувство освещенного неба...

И сейчас еще Вермо не знал, что можно сделать из небесного света.

— Товарищ Босталоева, — сказал он, — дайте мне руку...

Босталоева дала ему свою опухшую от ветра и работы руку, и оба человека проехали некоторое время со сдвоенными руками, причем Вермо жал руку женщины, помогая этим не страсти, а размышлению, — у него даже остыло все тело, теплота которого ушла на внутреннюю силу задумчивости.

Вскоре показалось расположение «Родительских Двориков», беспомощное издали, особенно если сравнить с Двориками небесное пространство, напряженное грозной и безмолвной электромагнитной энергией солнца.

*

К ночи Босталоева назначила производственное совещание.

Колодезный бригадир Милешин, зоотехник Високовский, инженер Вермо, Федератовна, кузнец Кемаль, пять гуртоправов (потому что совхоз состоял из пяти участков) и старший пастух Климент, выбранный, как природный практик, председателем производственного совещания, присутствовали на этом собрании уже загодя. Повестка дня состояла из вопросов переустройства всего мясного хозяйства, ради того, чтобы произвести говядины в совхозе не тысячу тонн, как задано планом, а две тысячи; далее следовало задуматься над пастбищами для прокорма новых двух тысяч коров и сорока быков, о которых в дирекции получено письмо, что они гонятся пешим шагом из соседнего района — отсюда полтора верста.

Как только опустилась вечерняя заря, так приехала и Босталоева из степи, закончив где-то свои дневные заботы.

Климент, глядя на солнце привыкшими глазами, сказал заседанию, что пора уж хозяйски думать о социализме, чтоб в степи было все экономично и умело.

— Во мне, вот, лежит большевистский заряд, — сказал Климент. — А как начну им стрелять в свое дело, так выходит кой-что мало... Ты стараешься все по большому, а получается одна мелочь-сволочь! Ты скотину напитаешь во как, я сам траву жую, прежде чем скотину угощаю, а отчет мне показывает — по молоку недоборка, а по говядине — скотина рость перестала!.. На центральном гурте взяли сорок рабочих всякого пола из колхоза, по сговору, — мне два помощника, два умных на глаз мужика досталось. Что ж такое?! Ходят они, бушуют и стараются — я сам на них пот шупал, — а все на моем гурте как было плохо, так стало еще хуже... Недосмотрю сам — скотина стоит в траве голодная, а не ест: непоёная! А мужики мои аж скачут от ударничества, под ними волю бегом бегут, а куда — неизвестно, кликнешь — они назад вернуться, прикажешь — тужатся, проверишь — проку нет. Это что такое, это откуда смирное охальство такое получается? Злой человек — тот вещь, а смирный же — ничто, его даже ухватить не за чего, чтобы вдарить!..

— У нас классовая борьба, — тихо сказала Босталоева.

— Да то что ж! — сразу согласился Климент. — А то не она, что ль?

— Откуда твои мужики-то, дурак бесхарактерный? — спросила Федератовна. — Из какого это колхоза тебе помощь дали?

— А из того, матушка старушка, где наш прошлый директор книги читает. Он там мужикам какую-то слабость организовал и говорит, чтоб никто не горевал, потому что все на свете есть электрон, который никуда не денется, хотя вся диктатура иди против него. Теперь там зажиточное население всех про электрон спрашивает: каждый хочет электроном стать, а как — не знают...

— Вермо, — обратилась Босталоева, — поезжайте, пожалуйста, с Федератовной в колхоз к Умрищеву и объясните ему, что такое электрон. Теперь давайте обсудим зимнее отопление коровников.

Собрание вступило в это обсуждение, а Високовский вручил Босталоевой бумагу, где описывалось суточное положение совхоза, здоровье скота, отгон масла из молока — и между прочим отмечалась бесследная пропажа восьми коров и смерть двенадцати голов телят. Босталоева с терпеливым сердцем прочитала бумагу: она знала, что надо беречь свою ненависть, чтоб ее хватило до конца классового врага.

Собрание приняло решение строить ветряное отопление и рыть землю вглубь, вплоть до таинственных девственных морей,

дабы выпустить оттуда сжатую воду на дневную поверхность земли, а затем закупорить скважину, и тогда среди степи останется новое пресное море — для утоления жажды трав и коров.

Ввиду дальности и безвестности ювенильной воды, Вермо предложил прожигать землю вольтовой дугой, которая будет плавить кристаллические толщи и входить в них, как нож в тесто.

Федератовна, по своей скупости на социалистические средства, не велела было этим заниматься, но Вермо объяснил ей, что глубокое бурение электрическим пламенем безусловно является событием всемирно-исторического значения, и старушка, улыбаясь щербатым ртом, согласилась, так как была слаба на славу. Вслед за тем собрание начало думать — куда поместить новые две тысячи коров, и Вермо выдумал уже было кое-что, — ничего не выдумывать он не мог: он бы разрушился от напора личной жизни, — но Кемаль, с мгновением столь же оживленного разума, предложил резать плиты в ближайшем месторождении известкового камня и строить из этих плит скотные жилища.

— Резать камень надо не железом, а электрическим огнем: двое рабочих могут заготовить и сложить тысячу скотомест! — враз сообщил Вермо.

— Хорошо сказал! — обрадовался Кемаль, и тут же сказал еще лучше: — А соединять плиты друг с другом мы будем электрической сваркой — такой же вольтовой дугой, которой мы нарежем плиты в карьерах!..

Вермо вытер заслезившиеся от восторга глаза и встал на ноги, будучи рад всеобщей радостью.

— Вы забыли про коровьи брикеты, — напомнила Босталоева; ее глаза побелели от усталости, она наклонилась на свои руки и потеряла во сне сознание.

Проснувшись она уже поздно ночью в своей комнате и сразу велела запрягать лошадь, чтобы ехать до железной дороги и выспаться в степной повозке.

Босталоева решила немедленно достать в краевом центре стройматериалы и оборудование и построить до зимы новые коровьи помещения, а также отопительный ветряк с динамо-машиной и пресс для брикетирования коровьих лепешек. Что касается девственных морей, то Босталоева задумала поступить в городе в институт и учиться заочно, с тем чтобы самой стать инженером и проверить проект Вермо; а сейчас начать эту работу она стеснялась, потому что не понимала еще внутреннего устройства земного шара и не видела ни разу вольтовой дуги. Был еще один трудный выход: перевыполнить вдвое-втрое план, получить премию и добиться согласия всех рабочих совхоза приобрести на премиаль-

ные деньги машину для бурения земли электрическим огнем. Что мешало этому?

В совхозе играла хроматическая гармония; это Вермо выдумывал музыку — он чаще всего играл свои текущие сочинения и сразу же их забывал.

Вокруг совхозного поселения лежала неизвестная тьма, укрыв дальние и незащищенные стада; еще далее тех стад были колхозы, деревни, бывшие уездные города — тысячи дружелюбных и ненавидящих людей; советские коровы сейчас лежали у водопоев, быки храпели, и равнодушные пастухи варили себе что-нибудь на ночь, чтоб не скучать от голода во сне... Только десятая часть пастухов были коммунистами, которые старались спать днем, и то посменно, а ночью они ходили во тьме с открытыми глазами. Если каждые сутки будет исчезать по восемь коров, то сколько можно отправить мяса в Донбасс и Сталинград?

Босталоева сложила в чемодан два запасных платья, ведомость потребных стройматериалов и оборудования, белье, поглядела на себя в зеркало и села на кровать в одиночестве. «У меня ведь нет родственников! — вспомнила она. — Была одна сестра, но мы забыли писать письма друг другу!.. Не забыть узнать в Ветеринарном институте — Високовский не напомнил мне, — как добывают семя из мочи для искусственного оплодотворения... Вермо! Я хочу выйти замуж за тебя при социализме; а может быть, расчучу еще!»

Вермо в тот час играл, как он думал, сонату о животных будущего мира: в виде выдуманных им звуков ходили по благородной земле гиганты молока и масла — живые существа, но с некоторыми металлическими частями тела, дабы лучше было уберечь их от болезни и обеспечить постоянство продуктивности; например — пасть была стальная, кишечник оперирован почти чисто (против заболеваний от разложения кала), а молочные железы должны иметь электромагнитное усовершенствование. Свободные доярки и рабочие слушали музыку Вермо и его разъяснения о значении исполняемой музыки, и тогда только верили, что это так.

Босталоевой подали повозку. Она вышла в дорожном плаще, ее черные волосы блестели от света через окно, и ей стало страшно уезжать из совхоза, когда он остается один во тьме.

Она позвала Федератовну, велела ей ехать завтра вместе с Вермо в умрищевский колхоз, увидеть все, что следует, и если нужно — поставить в райкоме вопрос о немедленной ликвидации остатков кулачества и об удалении из района мясосовхоза всех буржуазных, жестких элементов, иначе хозяйство вести нельзя.

— Я заеду сама в райком, — сказала Босталоева. — Проверьте

лучше электрон Умрищева: по-моему, это его новый политический лозунг.

— С Умрищевым я одна управлюсь, — высказалась Федератовна, — электрон я знаю что такое, меня физике научили, это такая частичка, а лозунги я чувю, даже когда сам оппортунист молчит про них! Поезжай, девочка, — наган не забудь взять!

Вермо опечалился. Дерущиеся, диалектические сущности его сознания лежали от утомления на дне его ума.

— Надежда Михайловна, — произнес Вермо, — я ехал с вами утром и увидел на небе электромагнитную энергию! Нам нужно сделать оптический трансформатор — он будет превращать пульсацию солнца, луны и звезд — в электрический ток. Он будет питаться бесконечным пространством, он...

— Да остановись ты думать хоть ради человека-то, — обиделась на Вермо Федератовна. — Человек уезжает, а он бормочет — голову ей забивает. Девке и без тебя есть забота: иль мы сами физики не знаем, один ученый какой! Что ты при капитализме, что ль, живешь, когда одни особенные думали!

— До свиданья, Вермо, — подала руку Босталоева. — Давайте пока земляные работы, а я привезу оборудование...

С теми словами Босталоева уехала в темноту, в далекий крайний город.

*

На другой день утром повозка Босталоевой остановилась в селе у районного комитета партии. Различные партийцы расположились кругом комитета на раннем солнце; многие спали с омертвевшими впадинами глаз, другие говорили что-то и глядели в широту пространства, где было много положено их молодости и силы и где сейчас уже стлался газ тракторов, блестел тес новостроек, шли на работу бригады людей, — пустоту и скорбь капитализма сменял многолюдный социализм.

Секретарь райкома спал: он лег в постель не далее двух часов назад, потрудившись всю ночь. Босталоева не хотела ждать и вошла в комнату спящего секретаря. Он открыл глаза и узнал ее сразу, потому что все время помнил о ней и втайне ожидал ее, хотя и не имел никакой сладкой надежды.

Босталоева сообщила свою просьбу; секретарь лежа прослушал ее, не понимая вначале ничего. Она ему нравилась как соучастница в мучительной классовой борьбе, как товарищ по непрерывной работе и как женщина, не имеющая никакого тайного личного наслаждения, так же как и сам секретарь.

— Про умрищевский колхоз мы уже знаем кое-что, — сказал секретарь в ответ. — Вчера мы постановили на бюро проверить

положение колхозов вокруг твоего совхоза и выжечь остатки кулачья.

Босталоева попрощалась с секретарем и уехала. Секретарь райкома засмотрелся ей вослед с крыльца дома — ему стало жалко, что она уезжает; все люди, которых он наиболее любил, постоянно были невидимы: находились вдалеке, поглощались трудом, исчезали из дружбы — и нужно ждать еще пять или десять лет, чтобы наступил коммунизм, когда механизмы вступят в труд и освободят людей для взаимного увлечения.

В краевом городе Босталоевой негде было остановиться. Все гостиницы давно наполнились безвыездными инженерами и квалифицированными рабочими Ленинграда и Москвы. Босталоева попала в город в ту пору, когда в нем почти не было приюта, потому что буржуазно-семейные убежища строители снесли в прах, а новые светлые сооружения еще не просохли для вселения.

Тогда Босталоева поселилась в том учреждении, где она хотела достать стройматериалы: ей пошел навстречу местком, который отвел ей для ночлега свою комнату и дал зеркальце, как члену союза и женщине. Ночью Босталоева открыла окно из месткома и засмотрелась в освещенное, гремящее строительство заводов, улиц и жилых домов. В учреждении было темно; молча лежали архивы, скрывая в бумагах бюрократизм, вредительство, бред мелких исчезающих классов и воодушевленный героизм. Босталоева прошла по коридорам гулкого учреждения, потрогала папки в шкафах и серьезно задумалась в скучной пустоте канцелярий.

Вымывшись в ванне, которая вполне разумно была приурочена к какому-то кабинету, Босталоева переоделась в чистое белье и легла спать на столе месткома, слушая через открытое окно шум ночной работы, голоса людей, смех женихов и невест, завыванье напряженных машин, гудки транспорта, песни сменившихся красноармейских караулов, — весь гул большевистской жизни.

Она заснула успокоенная и счастливая, не услышав, как во второй половине ночи по ней ходили крысы.

Наутро Босталоева пошла ходатайствовать о бревнах, гвоздях, о динамо-машине, о проволоке и о железных частях для пресса, который должен сжимать коровье кало и делать из него топливные брикеты.

В большом зале учреждения стоял гул от умственной работы, сотни усердных служащих соображали о снабжении тысячи строительств и непрерывно бились на плановом поприще с представителями мест, употребляя чай в промежутках труда.

В углу того зала сидел молодой еще, но уже поседевший ответственный исполнитель по разрядке стройматериалов; он

уныло глядел в чад пространства своего учреждения, не видя возможности удовлетворить самым необходимым даже ударные строительства и спецработы.

Босталоева подошла к нему.

— Мне нужен ящик гвоздей, — сказала она.

Исполнитель улыбнулся и отечески-ответственно сообщил ей:

— Голубушка моя, мне гвоздей нужно десять тысяч тонн!..

Вы откуда?

Босталоева уселась и с задушевностью надежды рассказала исполнителю всю нужду своего совхоза. Когда она говорила, к исполнителю подошли еще посетители и местные служащие; все они слушали женщину и явно улыбались над ее просьбой о внеплановом снабжении, но сам исполнитель был грустен.

— На весь ваш район мы дали пол-ящика гвоздей: возьмите оттуда себе горсть! — сказал исполнитель, привыкнув к строительному страданию.

Все люди, бывшие близко, удовлетворенно засмеялись: они пришли по делам планового снабжения и действовали не на основе искренности, а посредством высшего комбинирования.

— Вы сволочь! — произнесла Босталоева. — Дайте мне ваш бумажный план, я выдумаю вам гвозди!

Ответственный исполнитель сначала составил акт об оскорблении себя в присутствии свидетелей, а затем дал ей план, поскольку это было его обязанностью.

Босталоева рассмотрела всю разверстку гвоздей, и ей жалко стало каждое строительство, потому что каждое строительство просило жадно и каждому давалось мало, — она не могла указать, кого надо обездолить, чтобы совхоз получил гвозди. В конце ведомости было четыре тонны проволоки-катанки, назначенной в контору орга-тары для опытной увязки.

Босталоева пошла к начальнику учреждения с плановой ведомостью в руках; начальник, оголтелый от голода на стройматериалы, сидел среди чада в своем кабинете, окруженный многолюдством ходатаев по делам. Его убеждали, перед ним открывали очаровательные перспективы пускового чугунного завода, если только начальник даст гвоздей, ему угрожали карами вышестоящих инстанций и его угощали экспортными папиросами; начальник глядел в воздух сквозь дремоту своей усталости и, втайне радуясь, полагал про себя: «Старайтесь, крутитесь, черти, — ничего я вам не дам: учитесь изобретать и находить подножные ресурсы!»

Заметив неслужебное лицо Босталоевой, начальник сразу позвал ее и вник в ее дело. Босталоева предложила начальнику отдать ей полтонны катанки, а она, вместо катанки, сделает в совхозе опытную увязку из соломы и пришлет ее орга-таре.

Начальник учреждения, пожилой рабочий, вдруг потерял свою дремоту и ясными глазами оглядел всю Босталоеву:

— Тебе сколько — полтонны нужно? — спросил он. — Возьми себе все четыре, ты из них дело сделаешь... Горюнов! — крикнул он ближнему секретарю. — Снять катанку с орга-тары, перенарядить ее «Родительским Дворикам»! Поставь вопрос об этой орга-таре перед РКИ, пускай ей шерсть там опалят: надо показать мерзавцам, что металл бывает горячий. Верещасный! — провозгласил начальник поверх гула учреждения в сторону ответственного исполнителя. — Зайди ко мне после занятий, я тебя, может, уволю за проволоку...

В тот же день Босталоева отправила три тонны катанки на совхоз, а одну тонну оставила на складе; затем — уже к вечеру — она явилась на гвоздильный завод и попросила директора рубить ей из проволоки гвоздей.

— А за что мне их вам рубить? — сказал директор. — За ваши глаза?

— Да, — ответила Босталоева, и посмотрела на него своими обычными глазами.

Директор глянул на эту женщину, как на всю федеративную республику, — и ничего не сумел промолвить: сколько он ни отправлял в республику продукции, выгоняя промфинплан до полутора процента, республика все говорила — мало даешь — и сердилась. И теперь стояла перед ним эта женщина, требовательная, как республика, и так же лишенная пока богатых фондов и особой прелести.

— Разве поцеловать мне вас за гвозди! — улыбнулся директор.

— Ладно, — согласилась Босталоева.

Директор с удивлением почувствовал себя всего целиком — от ног до губ — как твердое тело, и даже внутри его все части стали ощутительными, — до этого же он имел только одно сознание на верху тела, а что делалось во всем его корпусе — не чувствовал.

— А вы не обидитесь? — спросил директор, бдительно наблюдая кабинет: нигде не слышно было шагов, телефон молчал, вентилятор гудел ровно, как безмолвный.

— Не обижусь, — ответила Босталоева, — потому что я привыкла... Прошлый год я достала кровельное железо, мне пришлось за это сделать аборт. Но вы, наверно, не такая сволочь...

— Нет, — спокойно сказал директор, садясь на место. — Где ваша катанка: вечером я сам стану за автомат, вы подождете десять минут и получите свои гвозди... Везите катанку сюда.

Директор равнодушно опустил голову к текущим делам. Босталоева сама подошла к нему и поцеловала его — таким способом,

что впоследствии, когда Босталоева уже ушла, директор ходил в уборную глядеться в зеркало — не осталось ли чего на его лице от этой женщины, потому что он все время чувствовал какой-то лишний предмет на своих губах.

Вечером Босталоева получила гвозди на заводе. Директор сам вывез ей из цеха четыре ящика на электрокаре и взял расписку в получении продукции. Босталоева отправила гвозди на вокзал и пошла ночью, под взошедшей слабой луной, по новостроящимся гремящим улицам. Она читала вывески неизвестных ей организаций — «Химрадий», «Востокогаз», «Электробюро высоких напряжений», «Комиссия воздуходувок», «Контора тяжелых фундаментов», «НТО изучения вибраций промустановок», «КрайВЭО» и т. п. — и была рада, что таинственные, мутные и нежные силы природы действуют в рядах большевиков, начиная от силы тяжести и кончая нежной вибрацией и электромагнитной волной, трепещущей в темной бесконечности.

Окна «КрайВЭО» были освещены; девушки-техники работали, склонившись над чертежными досками; молодой инженер, поседевший от бурной технической жизни, проверял на логарифмической линейке расчеты техников и показывал изуродованным рабочим пальцем в просчеты и ущербы чертежей.

Босталоева прислонилась лицом к оконному стеклу и долго смотрела на своих ровесниц и товарищей. Лунная ночь шла в легком воздухе, летние сады и травы по-прежнему произрастали на земле, но они были почти безлюдны теперь, как отжившее явление, никто не гулял по ним в праздности настроения.

Босталоева вошла в «КрайВЭО», подумала в недоумении про свою долю и попросила динамо-машину в сто лошадиных сил у заведующего сектором снабббыта. Заведующий ничего не сказал в ответ Босталоевой, только посмотрел куда-то мимо нее — в страну электрического голода. Босталоева прошла в своем мучении, что нету машины, по нагретым, освещенным горницам учреждения, и ей понравился глубокий труд технической науки. Одна чертежница миловидно улыбнулась Босталоевой; Босталоева тотчас же заметила эту человечность, и, склонившись над чертежной доской, две женщины поговорили, как подруги: одна скучала по ребенку, ожидающему мать до полночи в запертой комнате, другая хотела динамо-машину. По утрам та чертежница занималась в Чертежно-конструкторском институте, а после, не заходя домой, сразу попевала на работу; ночью же она старалась меньше спать, чтобы больше видеть своего ребенка. Босталоева обещала чертежнице приходить в ее комнату с вечера и заниматься с ребенком, пока возвратится мать.

На другой день Босталоева так и сделала, переселившись в жилище чертежницы на время командировки. Она рисовала четырехлетнему мальчику коров и солнце над ними, изобразила партийную умную старушку Федератовну, потом быка, коровью драку у водопоя, — одинокий мальчик смотрел и слушал эти факты с пользой и удивлением. Наконец пришла мать, которая долго не давала спать ребенку и с подробностью рассказывала ему, что она делала в долгий день и про динамо-машину, которую она начала чертить в институте с натуры.

Босталоева сразу же узнала от матери-чертежницы, что это большая динамо-машина, — она давно стоит в аудитории как чертежная модель, но сколько в ней сил, неизвестно: завтра чертежница обещала списать табличку-спецификацию.

Утром Босталоева пошла в то учреждение, где она впервые стала на ночлег, и там ей дали повестку, чтоб она явилась днем в нарсуд — как ответчица по делу о названии сволочью государственного служащего.

Рабочий судья прочитал вслух перед лицом интересующегося народа дело Босталоевой и вдруг дал свое заключение: ответчицу оправдать и вынести ей публично благодарность за бдительность к экономии металла, а истца-служащего признать действительной сволочью и предать наказанию как негодную личность. Народ вначале было озадачился, но потом обрадовался суждению судьи; истец же склонил лицо и публично опозорился, впредь до особых заслуг перед рабочим классом.

Из камеры суда Босталоева ушла, как артистка, — под звуки всеобщих приветствий, и сам судья воскликнул ей: «До свиданья, приходите к нам еще выявлять эти элементы!»

Была еще середина дня, шло жаркое лето и время пятилетки. Заботливая тревога охватила сердце Босталоевой, когда она остановилась среди краевого города, — с жадностью она глядела на доски и бревна построек, на грузовики с железными принадлежностями, на провода высокого напряжения, — она болела, что в ее совхозе много одной только природы и нет техники и стройматериалов. Еще Босталоева страдала о том, что мало будет мяса для гремящего на постройках пролетариата, если даже «Родительские Дворики» дадут две тысячи тонн, — и ей надо поскорее маневрировать.

Босталоева зашла в институт к подруге-чертежнице и увидела старую динамо-машину, с которой студентки чертили детали. Она прочитала на неподвижной машине надпись, что в ней 850 ампер, 110 вольт, но не знала — сильно это или слабо. Выйдя из института, она написала телеграмму Вермо, что машина есть, но в ней

850 ампер и по ней учатся черчению молодые кадры: как же быть?

Ночью инженер Вермо прислал Босталоевой ответную телеграмму: «Придумал более совершенную, современную конструкцию динамо-машины, делаем ее из дерева и проволоки во всех деталях, окрасим в нужный цвет и вышлем багажом институту. Так как чертить можно с деревянной разборной модели — обменяйте нашу деревянную на ихнюю металлическую, наша деревянная конструктивно лучше, для черчения полезней».

«Дорогой мой Вермо, — подумала Босталоева. — Где живет сейчас твоя невеста? Может быть, еще пионеркой с барабаном ходит!..»

На другой день Босталоева вошла к секретарю ячейки Чертежно-конструкторского института. Побледневший человек, спавший позавчера, выслушал женщину и встал со своего места с восторгом.

— Отправляйте сегодня же нашу динамо в ваш совхоз! — воскликнул он, наполнившись сознательной радостью. — Мы будем чертить трансформатор, пока не привезут деревянную модель вашего инженера... Сколько, вы сказали, добавит мяса динамо-машина? — я забыл!

— Сто или двести тонн, — сообщила Босталоева.

Ей захотелось сейчас сделать какое-нибудь добро этому товарищу; она любила всякое свое чувство сопровождать веществом другого человека, но секретарь глядел на нее отвлеченно, и она воздержалась.

Через несколько суток секретарь сам построил упаковочные ящики и отправил динамо-машину в «Родительские Дворики», в то же время он попросил Босталоеву выйти за него замуж через полгода, но Босталоева лишь косвенно улыбнулась на это.

— Тогда мы возьмем шефство над вашим совхозом! — горестно провозгласил секретарь ячейки.

— Ладно, — согласилась Босталоева. — Вы помогите нам организовать в совхозе учебный комбинат. Нам хочется достать ювенильное море, тогда мы нарожаем миллионы телят и вы не успеете поесть наше мясо... Но вперед нам нужно сто пастухов сделать инженерами!

— Ювенильное море! — вскричал секретарь, сам не зная, что такое, но чувствуя, что это хорошо. — Мы добьемся через крайком в порядке шефства, чтоб теперь же у вас был технический комбинат!..

— Нам нужна электротехника, гидрология и наука о мясном животноводстве, — говорила Босталоева, — плюс еще общая подготовка...

— Даю! — радовался секретарь. — Сегодня же поставлю шефство на ячейке и на общем собрании. Обними меня.

Босталоева обняла это худое тело, выгорающее сразу от всех лучших причин, какие есть в жизни.

— Достань мне электрические печи для коровников, — скромно улыбнулась Босталоева, не оставляя объятий секретаря, — и арматуру для них, и наружные изоляторы, и еще кое-что... На тебе спецификацию.

— Печей нету нигде, — отказал секретарь, уходя в сторону. — Через месяц у нас будет практика в конструкторских мастерских: сделаем через два месяца в порядке шефства, давай спецификацию! Тебе не поздно?

— Ладно, — разрешила Босталоева, — мне даже рано, мне нужно к зиме.

Она ушла; секретарь с несчастьем склонил свою голову к столу и перестал чувствовать в сердце интерес к окружающим фактам.

— Буду шефствовать! — с горем выступающих слез воскликнул он и стал провертывать на столе текущие дела.

В тот день Босталоева уехала на подводе в леспромхоз. У нее появилось целесообразное желание — завести себе повсюду шефов, чтобы обратиться к сердцу рабочего класса и тронуть его.

В леспромхозе Босталоева прожила целую декаду, прежде чем успела добиться любви к «Родительским Дворикам» у всего треугольника. Однако же директор леспромхоза решил упрочить свою симпатию к мясосовхозу чем-нибудь более выдающимся, чем одно симпатичное настроение. И он написал двухстороннее шефское обязательство, по которому леспромхоз немедленно отправлял в совхоз бревна, доски, брусья, обolonки и различные жерди, а совхоз ежемесячно должен отгружать леспромхозу по две тонны мяса, в качестве добровольного угощения.

Но когда вопрос о шефстве был поставлен на коллективное размышление рабочих, Босталоева объявила, что она согласна угощать рабочих, но только чтобы директор не ел ее мяса, потому что он допустил в подходе к шефству оппортунистическую практику, а она оппортунистов питать не хочет — она не гнилая либералка.

Сидевшее собрание встало наполовину при этих словах и отказалось есть даровое мясо Босталоевой, вымученное из нее директором. Председатель профкома произнес свою речь, где он уничтожил всякий факт нищенства и угощенчества, в которых рабочий класс никогда не понуждается.

Директор, пока слушал, уже успел написать в блокноте черновик признания своей правдой, деляческой ошибки. На квартире

он не спал всю ночь; он глядел через одинарное окно в тьму лесов, слушал голоса полуночных птиц и ожидал от тишины природы смирения своих тревожных чувств; но и тут он не мог успокоиться, поскольку такое отношение к природе есть лишь натурфилософия — мировоззрение кулака, а не диалектика. На рассвете директор вышел в контору и там написал чернилами раскаяние в одной ошибке и ордер на отправку «Родительским Дворикам» лесоматерьялов — в полуторном количестве против того, что просила Босталоева.

К вечеру того же дня Босталоева приехала обратно в крайцентр. Она уже тосковала по совхозу, у нее даже болел иногда живот от страха, что в «Родительских Двориках» что-то случится. У Босталоевой осталась теперь одна забота — заказать пресс для приготовления навозных брикетов, а потом уехать в степь. Промучившись целый ряд суток по всему кругу учреждений, Босталоева не нашла себе такого сочувствия, чтобы ей дали предметы для устройства пресса, и притом во внеплановом порядке. В горе своем Босталоева пошла в крайком партии. Там ее принял третий секретарь крайкома, старик паровозный машинист; он пил чай с домашним пирогом и старался вообразить себе ясно этот пресс, делающий топливо из животных нечистот.

— Хорошо, — сказал в заключение старик, представив себе жмушущую машину пресса. — Зачем ты шаталась по всему нашему бюрократизму, кустарная дурочка! Ты бы зашла ко мне сразу.

Старый машинист позвонил по телефону в Институт Неизвестных Топливных Масс и велел помочь «одной девице» жечь коровье добро, а вечером пусть институт сообщит ему на квартиру свое исполнение.

— Ступай теперь, умница, в этот институт, — сказал секретарь. — Там ребята тебе сделают пресс... Спроси инженера Гофт, это мой помощник — не здесь, а на паровозе... Если обидишься на что-нибудь, зайди опять ко мне.

По уходе Босталоевой, секретарь долго был доволен: старый механик почувствовал, что ушедшая девушка носила в своей голове миллион тонн нового топлива. Доев домашний пирог, он пошел к первому секретарю краевого комитета и сказал ему, что настала пора обратить в топливо все животные извержения, лежащие на площади края. Первый секретарь согласился подумать над этой задачей в текущих делах бюро.

Когда наступило бюро, то на заседание вызвали, как докладчика, Босталоеву и двух теплотехников из Института Неизвестных Топлив. Обсудив мероприятие, бюро крайкома поручило институту сделать в течение двух месяцев два опытных пресса для «Родительских Двориков», а сам босталоевский совхоз превра-

тить в свою опытную станцию, связавшись с инженером Вермо и кузнецом Кемалем.

Наполнившись счастьем своих достижений, Босталоева уехала наутро в «Родительские Дворики».

*

Тем временем как Босталоева была в командировке, в «Родительских Двориках» умерло восемнадцать коров, а у одного быка непонятным образом был отрезан член размножения, и бык тоже умер.

Кроме того, семь коров были убиты в драке животных у дальнего водопоя, когда бык не сумел установить правильной очереди: старые коровы-бабы начали стервенеть и бодаться и семерых трехлеток кончили на месте.

Федератовна же лежала десять дней, больная животом и поносом, и только терла десны во рту, не имея зубов, чтобы ими скрипеть.

Високовский лично производил вскрытие коров и нашел причиной их смерти крупную нечищеную картошку, которую им скормили либо нештатные пастухи, либо неизвестные подкулачники. Високовский призвал к павшим коровам выздоравливающую Федератовну и, заплакав редкими слезами, жалобно сказал:

— Я не могу больше служить в таком вашем учреждении!.. Я специалист, я никаких родных в мире не имею, я здесь животных воспитываю, а ваши кулаки их картошками душат, ваши колдцы сухими стоят... Если кулаки у вас еще будут, а воды все мало и мало, я уеду отсюда. Я два года любил телушку Пятилетку, в ней уж десять пудов веса было, я мясного гения выращивал здесь, а ее теперь затоптали в очереди за водой! Это контрреволюция: я умру — или жаловаться буду!..

Федератовна скучно поглядела на Високовского, как глядела она обычно на беспартийных.

— Какие это наши кулаки, дурак ты узкий!.. Езжай на дальние степи стеречь гурты, я всех пастухов арестовала.

— Сейчас поеду, — вытерев лицо, смиренно согласился Високовский.

Федератовна сняла с работы также Вермо и Кемаля, вместе с их бригадами, рывшими котлованы под ветряную мельницу и еще под одно сооружение, смысла которого Вермо до приезда Босталоевой никому не говорил, — всю живую людскую наличность Федератовна бросила в мясные гурты.

Сама же Федератовна села в таратайку и поехала без останки в умрищевский колхоз.

В колхозе была тишина, из многих труб шел дым, слабый от безветрия и солнечной жары, — это бабы пекли блинцы; на дворах жили толстые мясные коровы и лошади, на улицах копались куры в печной золе и из века в век грелись старики на завалинках, доживая свою позднюю жизнь. Грустные избы неподвижно стояли под здешним старинным солнцем, как бедное стадо овец, пустые дороги выходили из колхоза на вышину окружающих горизонтов, и беззаботно храпели мужики в сенцах, наевшись блинцов с чухонским маслом. Еще на краю колхоза Федератовна встретила четырех баб, которые понесли в горшках горячие пышки в совхоз своим арестованным мужьям-пастухам; однако те бабы, видно, не особо горевали, так как ихние туловища ходили ходунот от сытых харчей, и бабы зычно перебрехивались.

Тоска неподвижности простиралась над почерневшими соломенными кровлями колхоза. Лишь на одном дворе ходил вол по кругу, вращая, быть может, колодезный привод; водило, к которому был привязан вол, оказалось слишком длинным, так что для вола требовался большой круг и ему разгородили соседние плетни; поэтому вол то выходил на улицу, то скрывался на гумно. Одинокий поющий звук вóрота, вращаемого бредущим одурелым животным, был единственным нарушением в полуденной тишине дремлющего колхоза.

Федератовна остановила свою таратайку и пошла сквозь по избам: ее всегда возмущала нерациональная, ненаучная жизнь деревень, устройство печек без правильной теории теплоиспользования, общая негигиеничность и классовое искищрение зажиточных жителей.

В первой же избе, которую посетила Федератовна, была бьющая в глаза ненормальность: в печке стояли два горшка с жидкой пищей и бежали наружу, а баба сидела на лавке с чаплей и не принимала мер.

Федератовна, как была, так и бросилась в печку и выхватила оттуда оба горшка голыми руками.

— Нет на вас политехнического образования, серые черти! — с яростью сказала Федератовна хозяйке. — Ведь жидкость-то расширяется от температуры, дура ты обнаглелая, — зачем же ты воду с краями наливаешь: чтоб жир убежал?.. А в колхоз небось шла — брыкалась! Да как же тебя, домовую, политехническому образованию научить, если прежде всего единоличного демона твоего не задушить в тебе.... У-у, анчихристы, замучили вы нашего брата!.. Дай вот я к тебе еще приду... Я еще погляжу, как ты в ликбез ходишь, какая ты общественница здесь, дура неумильная!..

Федератовна ушла с несчастным сердцем, а дворовая баба сначала обомлела, а потом ощерилась.

В другой избе Федератовна начала кушать молоко и сливки и раскушала, что это совхозная продукция, отнюдь не колхозная: слишком высок процент жира и пенка вкусна. Здесь старушка ничего не сказала, а только вздохнула с протяжностью и положила зло в запас своего сердца.

На следующем дворе мужик-колхозник экстренно помчался куда-то, не видя гостью, а гостья села на лопушок и обождала его; в запертом сарае в тот час кто-то томительно рыгал и давился, и вскоре оттуда же стали доходить мучительные звуки расставания с жизнью. Федератовна подошла к сараю и заметила в прореху, что там терзается корова, и еще две коровы стоят около нее, облизывая языками ее уже утомляющееся смертью лицо. В тот момент мужик примчался обратно: он держал в одной руке топор, а в другой квитанцию и, отперев коровник, умертвил свое животное топором, зажав квитанцию в зубах. Кончив дело, мужик засунул руку в пасть коровы и вынул оттуда громадную размятую картошку, обмоченную кровью и слизью.

В эти моменты некоторые жители уже успели заметить таратайку Федератовны, и зажиточные ребятишки летали по дворам, предупреждая, кого нужно, что появилась сама старуха, чтоб все сидели смирно, а остаточное кулачество пусть прячется в колодцы. Спустя ряд мгновений, в деревне потух ряд печек и несколько последних, исхищенных кулаков полезли по бурьянным гущам к колодцам и залезли в них по веревкам, а в колодцах сели на давно готовые, прибитые к шахте табуретки и закурили.

Федератовна, как только вышла с последнего двора, как глянула своей зоркостью на изменившийся дух деревни, так у нее закипело все, что было внутри, даже съеденное кушанье.

Она пошла тогда к старому бедняку, своему другу Кузьме Евгеньевичу Иванову, который в тот час облеживался после работы.

Кузьма Евгеньевич со всей симпатией встретил старушку и открыл ей тайну умрищевского колхоза.

— Я ведь здесь, как Союзкиножурнал, — сказал старик Кузьма, любивший туманные картины еще со старого времени, — все вижу и все знаю... Тут что делается, кума, аж последняя теория замирает в груди!.. Дай-ка я тебе чайку погрею в чугуне.

Погрев чаю, бедный старик торжественно объявил, что он вчерашний день организационно покинул колхоз и стал революционным единоличником, ибо Умрищев учредил здесь кулачество.

Федератовна вцепилась здесь в бедняка-старика и, склонив его книзу за отросток волос, начала драть оборкой юбки по заднице:

— Вот тебе революционный единоличник! Вот тебе кулачество! Вот тебе Союзкиножурнал! Все видишь, все знаешь, — так

не молчи, не молчи — действуй, действуй, бунтуй, старый сукин сын!.. Вот тебе теория, вот тебе — в груди она замирает! Не будь, не будь, — либералистом не будь! Старайся, старайся, активничай, выявляй, помогай, шагай, не облеживайся, не единоличничай, — суйся, суйся, суйся, — бодрствуй, мучитель советской власти!..

Укротившись в этом бою и выпив чаю, чтоб не пропадала кипяченая вода, Федератовна пошла проверять экономику колхоза. Она обнаружила, что на каждом дворе была полная живая и мертвая утварь — от лошади до бороны, не говоря уже про пользователей, про молочных или шерстяных животных. Что же, спрашивается, было обобществлено в этом колхозе?

Никакой коллективной конюшни или прочей общественной службы Федератовна не нашла, хотя и прошупала всю деревню сквозь, даже в погреб заглядывала и на чердаки лазила.

С этим непонятным мнением и бушующим сердцем Федератовна появилась к председателю Умрищеву. Умрищев, оказывается, жил в той самой избе, по усадьбе которой бродил вол, таская ярмо привода.

Умрищев сидел в занавешенной комнате, на столе у него горела лампа под синим абажуром, и он читал книгу, запивая чтение охлажденным чаем. Кроме лампы, на столе Умрищева кружился вентилятор и подавал в задумчивое лицо человека беспрерывную струю воздуха, помогающую неустанно мыслить мыслителю. Зная науку, Федератовна расследовала действие вентилятора и нашла, что он крутится силой вола, гонимого погонщиком, который ходил вослед животному с лицом павшего духом; вол передавал свою живую мощь на привод, а от привода шли далее — через переходные оси — канаты, за канаты были привязаны веревки, а уж вентилятор вращала суровая нитка.

— Здравствуй, негодный! — сказала Федератовна.

— Здравствуй, старушка! — ответил Умрищев. — Что это тебя носит по всей территории?! Ты бы лучше жила в сидячку и берегла силу в голову.

— Ты что́ это?.. Где у тебя тут диалектика в действии? Ты что́ — ты кулачество здесь рожаешь?.. Я все, батюшка, знаю, я все, батюшка, видела!.. Замолчи, несчастный схематик, — сейчас тебя тресну!

— Садись, — сказал Умрищев, держа одну руку близ утомившейся головы, а другую кладя на зачитанную страницу, — садись, старушка: в стоячку я не говорю... Ты у меня видела отсутствие обезлички — первый этап моего руководства.

— Какое такое отсутствие обезлички? — как молодая, затрепетала вся Федератовна. — А ты знаешь, что твои колхозники

пастухами у нас были, что они коров наших в гроб кладут, целые гурты твои бабы обдаивают, что...

— Ты не чтокай, старушка, — возразил Умрищев, — ты тверже руководи, соблюдай классовую политику в отношении рабсилы и держись четче на своем посту.

Старуха подвигала пустыми деснами во рту и даже вымолвить ничего не смогла от напора ненавистных чувств.

— Ты погляди на мое достижение, — указывал со спокойствием духа Умрищев, — у меня нет гнусной обезлички: каждый хозяин имеет свою прикрепленную лошадь, своих коров, свой инвентарь и свой надел — колхоз разбит на секции, в каждой секции — один двор и один земельный надел, а на дворе — одно лицо хозяина.

— А чьи же это лошади у твоих хозяев?

— Ихние же, — пояснил Умрищев, — я учитываю чувственные привязанности хозяина к бывшей собственной скотине: я в этом подходе конкретный руководитель, а не механист и не богдановец.

Старуха дрогнула было от идеологической страсти, но с мудростью сдержалась.

— Старичок, старичок, — слабо сказала она, — а в чем же колхоз у тебя держится?

— Колхоз держится только во мне, — сообщил Умрищев. — Вот здесь, — Умрищев прислонил ладонь к своему лбу, — вот здесь соединяются все противоречия и превращаются силой моей мысли в ничто. Колхоз, это философское понятие, старушка, а философ здесь я.

— А все у тебя состоит в колхозе, старичок?

— Нет, бабушка, — пояснил Умрищев, — я не держусь абсолютных величин: все абсолютное превращается в свою противоположность.

— Покажи-ка мне классовую ведомость, — спросила Федератовна.

Умрищев показал графу на бумаге, что двадцать девять дворов бедных и маломощных хозяйств не состояло в колхозе — они отписались назад с приходом Умрищева, а всего в деревне было сорок четыре двора.

Федератовна вскочила с места всем своим округленным телом, собираясь вступить с Умрищевым в злобное действие, но в дверь вошел в валенках чуждый человек.

— Здравствуй, товарищ Умрищев: у меня горе к тебе есть! — сказал пришедший.

— Горе! — удивленно произнес Умрищев. — Для теоретиче-

ского диалектика, товарищ Священный, горе всегда превращается в свою противоположность: горя бояться только идеалисты.

Священный, конечно, согласился, что горе для него не ужас, — однако у него прокисли прошлогодние моченые яблоки в кооперативе и стали солеными, как огурцы, а морковь перележала свою сладость и приобрела горечь.

— Это прекрасно! — радостно констатировал Умрищев. — Это диалектика природы, товарищ Священный: ты продавай теперь яблоки как огурцы, а морковь как редьку!

Священный жутко ухмыльнулся своим громадным пожилым лицом, на котором лежали следы возраста и рубцы неизвестных побоищ; он с непонятной жадностью поглядел на старушку, а затем сразу захохотал и умолк с внезапным испугом, точно ощутив какое-то свое контрольное, предупреждающее сознание. От его смеха по комнате понесся нечистый воздух изо рта, и понятно стало, какую мощную жрущую силу носил в себе этот человек, как ему трудно было жить среди гула своего работающего организма, в дыму пищеваренья и страстей.

Священный сел на скамейку в отдышке от собственной тяжести, — хотя он не был толст, а лишь громаден в костях и во всех отверстиях и выпуклостях, приноровленных для ощущения всего постороннего. Сидячим он казался больше любого стоячего, а по размеру был почти средним. Сердце его стучало во всеулышание, он дышал ненасытно и смотрел на людей привлекающими, сырыми глазами. Он, даже сидя, жил в целесообразной тревоге, желая, видимо, схватить что-либо из предметных вещей, воспользоваться всем ощутимым для единоличной жизни, сжевать любую мякоть и проглотить ее в свое пустое, томящееся тело, обнять и обессилить живущее, умориться, восторжествовать, уничтожить и пасть самому смертью среди употребленного без остатка, заглохшего мира.

Священный вынул рукой из мешка, пришитого к своим штанам, кашу, съел четыре горсти и начал зажевывать ее колбасой, изъятый из того же мешочного кармана; он ел, и видно было, как скоплялась в нем сила и надувала лицо багровой кровью, отчего в глазах Священного появилась даже тоска: он знал, как скудны местные условия и насколько они не способны удовлетворить его жизнь, готовую взорваться или замучиться от избытка и превосходства. Надувшись и шумя своим существом, Священный молча жевал, что лежало в его кармане.

Умрищев, вспомнив про пищу и про то, что мысль есть материалистический факт, попросил у Священного пищи. Священный так чему-то обрадовался, что выбросил, как рвоту, жеваное изо рта и вынул из бокового мешка кривой кусок колбасы, закопчен-

ный на огне. Умрищев без внимания взял колбасу, но Федератовна как глянула на этот продукт, так завизжала, как девушка, и зажмурилась от срама: она узнала бычий член размножения, срезаемый у производителя совхоза.

Умрищев же, начитавшись физико-математических наук, ничем теперь не брезговал, поскольку все на свете состоит из электронов, и съел ту колбасу.

Открыв глаза, Федератовна бросилась энергично на Умрищеву и укусила его; однако ж, благодаря беззубию старушки, Умрищев не узнал боли и подумал, что в старухе загорелись стихии остаточных страстей — преддверие гроба. Захотавший, развонявшийся Священный также получил укус Федератовны, но он лишь обрадовался, почувствовав вкус старухи.

На столе Умрищеву остановился вентилятор; в дверь пришел сонный, унылый погонщик с топориком и сказал, что вол был сытый и здоровый, но скучный последнее время и умер сейчас: наверно, от тоски своего труда для ненужного человека.

— Я теперь кандидат партии, и ухожу со двора, — сказал погонщик. — Бабушка, — обратился он к Федератовне, — ты с совхоза, возьми меня туда.

— А что с тобою такое, родимец? — спросила Федератовна. — Чего ты прежде не сигнализировал — какой ты кандидат партии!..

— Мне, бабушка, неважно тут стало, у меня сердце испортилось от них и ум уморился...

— А отчего ж у тебя сердце-то испортилось?

— От них, — сказал вентиляторный батрак. — У них такая наука, чтоб бить совхоз и твердеть зажиточному одноличнику... Мишка Сысоев двух телок у совхоза свел, — а ты не знала, — он члену кооперации товарищу Священному их на фарш продал, в кооперации товарищ Священный постоянно фарш на машине крутит, раньше хотел сосисочную фабрику открывать — теперь войны ожидает... Мишка Сысоев и Петька Голованец в пастухах были у тебя и хотели коров увезть: они порезали их на степи, а Священный обещал им лошадь, потом подрался с нею и убил всю лошадь, — коров черекнули, а везти не на чем, тут ты поймала пастухов и в амбар заперла. Они теперь сидят, кричат — им там мочи нету, а бабы им блинцы пекут из твоего молока, а мука своя...

— Я не давал установок бить совхоз! — вскричал Умрищев. — Я теоретик, а не практик: я живу здесь лишь как исторически заинтересованная личность, а в последнее время перехожу на точные науки, в том числе на физику и на изучение бесконечно

больших политических тел! Это клевета классового врага на ряды теоретических работников!

Священный по-страшному и непрерывно хохотал, а Умрищев глубоко, но чисто теоретически возмущался.

На дворе же все время шел жаркий день, стареющий в ветхой пустынной пыли, покрытый чадом тления местной почвы, и весь колхоз находился в этой туманной неопределенности атмосферы.

— Ведь здесь же была ликвидация кулачества: кто же тут есть?! — узнавала Федератовна, держа бдительный взгляд на всех присутствующих людях. — Где ж тут сидит самый принципиальный стервец?

— А здесь — они, — вяло показал погонщик на Умрищева и Священного, — а под ними зажиточные остатки, которые жир наживают на твоей говядине с совхоза. У тебя за год сто коров семнадцать дворов съели — и мало, а ты один обман знала...

Федератовна на вид не удивилась, только подернулась гусиной кожей возбуждения.

— А чего ж бедняки-колхозники глядели и молчали? — спросила она.

— А это же я и есть бедняк-колхозник, — с собственным изумлением сказал погонщик, сам в первый раз подумав, кто он такой. — Как же я молчу, когда я весь говорю. На тебе топорик, а то товарищ Священный сейчас убьет тебя.

Священный, чуть двинувшись, схватил погонщика вентиляторного вола поперек и начал давить его слабое тело до смерти, но погонщик стукнул его топором в темя незначительным ударом уставших рук, и оба человека упали в мебель. Умрищев, вообще не склонный к практике действия, обратил внимание Федератовны на полную неуместность происходящего факта. Тем временем лежащий Священный был далеко не мертвый и пробил ногами стену на улицу, высунувшись конечностями в деревню, но уже обратно он не мог подобрать свои ноги, потому что погонщик терпеливо дорубал голову своего врага.

Федератовна взяла погонщика за руку и увела его на двор. Погонщик напился на дворе воды, поглядел на оставшийся без Священного мир и повеселел:

— Это я работал на жаре без шапки, у меня голова ослабела, и я тебе знать ничего не давал. Как буду на совхоз работать, так куплю себе шапку.

— Нет, малый, — сказала Федератовна, — ты в совхозе не будешь работать... Ты зачем, поганец, человека убил? — что ты, вся советская власть, что ли, что чуждыми классами распоряжаешься? Ты же сам — одна частичка, ты хуже электрона теперь!

Погонщик помутился на вид и опустил рано стареющую голову.

— Это, бабушка, от жары: мне голову напекло... Дай я вот шапку куплю!

Федератовна пригнула погонщика и погладила его лохматую голову.

— Нет, ты брешешь, — голова у тебя нормальная...

На околице колхоза встал вихрь кругового ветра и поднял с земли разные предметы деревенского старья. Позади вихря шла, не колеблясь, прочная туча дорожной пыли. Это двигалось добавочное стадо в «Родительские Дворики», уже многие сутки одолевая пешком полтораста верст. Позади стада ехали на волах гуртовщики и ели арбузы от жажды.

Федератовна отправила убийцу-погонщика в совхоз со стадом и велела ждать ее, а сама села в таратайку и направилась в район, в комитет партии.

В районе Федератовна не застала секретаря партии, — он умер вскоре после свидания с Босталоевой, потому что у него вскрылась от истощения тела внутренняя рана гражданской войны.

Новый секретарь, товарищ Определеннов, уже знал курс дела в умрищевском колхозе и еще имел в своем распоряжении всю картину бушующих капиталистических элементов, окружающих «Родительские Дворики».

А сейчас он грустно жалел, что не управился лично объездить колхозы умрищевского влияния, когда даже старушка мчит-ся неустанно в таратайке по степи и действует энергичной силой.

Федератовна начала обижать Определеннова упреками, что он хуже покойника и руководит районом из своего стула, что он скатится в конце концов в схематизм и утонет в теории самотека. Секретарь, хотя и чувствовал свое слабое недовольство, все-таки радовался наличию таких старушек в активе района.

— Бабушка, — сказал с любовью к ней Определеннов, — Умрищева мы сегодня обсудим на бюро и отдадим из партии к прокурору, а тебя мы перебрасываем из совхоза на место Умрищева. Ты согласна?

Федератовна почувствовала было тоску, но сознание враз справилось в ней с ничтожным чувством личности, и она сказала:

— Согласуй с директором и пиши путевку, товарищ Определеннов... Либо социализм, либо нет — ведь вот вопрос-то!

Отвернувшись, Федератовна, как всякая рядовая бабка из масс, вытерла в знак огорчения свои глаза краем кофты — она чувствовала свое расставание с Босталоевой.

— Ты это что? — спросил Определеннов.

— Ты пиши, ты пиши наше партийное, а это мое старое бабье выходит наружу.

— Да то-то! — сказал Определеннов, предначертывая какую-то повестку дня. — А я думал, ты горюешь о чем-то.

— Да-то, ништ, не горюю, да-то, ништ, не скучаю! — закричала вдруг Федератовна. — Иль я безгрудая, бездушная, нездешняя какая!.. Родные мои Дворики, Нádюшка моя, товарищ Босталоева, отымает меня Умрищев-злодей, уж смеркается сердце мое, схоронились вы за дорогою... — и склонившись плачущим лицом на стол секретаря, старуха заголосила на весь районный центр.

Через час терпеливый Определеннов спросил у нее:

— Ну как, бабушка?

— Обсохла уж, — ответила Федератовна. — Давай инструкцию на ликвидацию умрищевской школки.

Определеннов длительно улыбнулся и не стал учить умную и чувствительную старушку, поскольку она сама уже постигла все.

*

Надежда Босталоева возвратилась в «Родительские Дворики». Она приехала тихо, в вечерние часы, на подводе привокзального единоличника.

Не доезжая двух верст, Босталоева остановилась. В совхозе стояла неизвестная башня, емкая и полезная по виду, хотя и невысокая по размеру. Закат солнца освещал темный матерьял местного происхождения, из которого была построена башня. Кроме башни в совхозе был еще огромный силы и величины ветряк, при этом он крутился сейчас, в пустоте совершенно тихого воздуха.

Подъехав еще ближе, Босталоева убедилась, что землбитных жилых домов в совхозе уже нет, и также не было никаких других следов прежних обжитых «Родительских Двориков» — ни шелюги, ни знакомых предметов, в виде тропинок, лопухов и самородных камней, доставленных сюда неизвестной силой, — теперь была лишь развороченная грузная земля, как битва, оставленная погибшими бойцами.

— Что здесь такое? — с испугом спросила Босталоева. — Где же мой совхоз?

Возчик-единоличник объяснил ей, что совхоз должен быть тут.

— А это просто какие-то факторы! — сказал возчик на башню и мельницу. — Теперь ведь много факторов в степи, а я живу около транспорта, я отсюда дальний. Транспорт, тот я знаю: «Тара 414 пудов», «Нетто», «Диаметр шейки», «Тормоз Казанцева», «Закрой поддувало и сифон!», «Автоблокировка», «Три свист-

ка — дай ручные тормоза, два — освободи обратно», «Багаж принимается при наличии проездного билета», — а степь я не люблю: это место для меня как-то почти что маловероятное, я люблю больше всего вагоны парового отопления и еще сторожевые будки. В будках хорошо живет сторожевому человеку: кругом тихо, работы мало, мимо поезда мчатся, выйди и стой себе с сигналом, а потом осмотри свой участок и заваривай себе кашу...

Босталоева со вниманием посмотрела на этого случайного, преходящего для нее человека: как велика жизнь, подумала она, и в каких маленьких местах она приютилась и надеется...

В снесенном совхозе ходили четыре вола по взбугренной почве и крутили мельницу наоборот, то есть не текущий воздух вертел снасть, а живая сила вращала снизу крылья в воздухе. Босталоева с удивлением спросила у Кемалья, радостно созерцавшего такое разорение, что это означает.

Кемаль, назначенный к этому дню секретарем ячейки, подал Босталоевой разросшуюся от работы руку и сказал:

— Это мы притирку частей делаем, чтоб механизм обыгрался на ходу: новый паровоз тоже сам себя сначала не тянет, пока не обкатается...

Около мельницы гонял волов инженер Вермо, обнищавший в одежде и успевший постареть за истекшее время. Он было обрадовался, что видит Босталоеву, но вдруг задумался другим нагрнувшим на него сомнением:

— Надежда Михайловна, — сказал он, — что если мы ликвидируем всех пастухов, а коров поручим быкам? Високовский мне говорил, что бык, это умник, если его приучить к ответственности: субъективно бык будет мужем и защитником коров, а объективно нашим чиновником-пастухом! Штатное многолюдство, это — отсталость, Надежда Михайловна: нам надо поменьше людей, — в республике слишком много работы... Федератовна арестовала кулацких пастухов, а нам их теперь негде держать — их связал Климент веревкой от бегства и увел в районную тюрьму. Говорят, пастушьи бабы защекотали Климента в степи, а бабы мужа разбежались. Динамо-машину мы получили, но без вас было скучно...

Инженер говорил что попало, пробрасывая сквозь ум свою скопившуюся тоску. Босталоева ничего не ответила Вермо; она настолько утомилась от своих действий в городе, от впечатлений исторической жизни, от своего сердца, отягощенного заглушенной страстью, что уснула вскоре в тени неизвестной башни, молчаливо обидевшись на всех.

Проснулась она вечером, покрытая от росы и ночного холода разной одеждой.

Вблизи от Босталоевой сидели шестнадцать человек, среди них были Кемаль, Вермо и Високовский, и все они ели пищу из одного котла.

— Сломали весь совхоз, а сами кашу едят! — сказала Босталоева. — Сволочи какие!.. Кто из вас первый начал землю здесь рыть, здоровы ли гурты, где Федератовна-старушка?.. Кемаль, ты за чем тут глядел, кто эти люди сидят? — я прямо удивляюсь: какие вы малолетние! А я думала, вы и вправду социалисты!

— Мы-то? — прохаркнувшись от мелкой каши с молоком, произнес Кемаль. — Мы-то не социалисты? Ах ты дура-девчонка! Я старый кузнец и механик, я не смеялся тридцать лет, а вот пришел инженер Вермо, открыл нам пространство науки — и я улыбнулся на твой совхоз из землянок! Ты же все лозунги извращаешь, ты с природой, ты с отсталостью примирилась здесь, — нервная ничтожность такая!.. Ты уехала, старуха твоя пропала — тоже советская насадка такая — и мы втроем, — Кемаль показал еще на Вермо и Високовского, — мы сказали твоему старушьему совхозу: прочь, ты не дело теперь! — и не было его в одну ночь! Надо трудиться, товарищ директор, не за лишнюю сотню тонн говядины, а за десять тысяч тонн!.. Ты — девчонка еще в глазах техники!

«Отчего у нас люди так быстро развиваются? — подумала Босталоева, заново разглядывая Кемалья. — Это прямо превосходно!»

Другие рабочие, оказавшиеся на проверку бедняками, сбежавшими из умрищевского колхоза, также начали стыдить Босталоеву за ее недооценку башни, мельницы и дальнейших перспектив.

Високовский взял Босталоеву, как женщину, под руку и повел ее в башню. Босталоева молчала. Вермо глядел ей вслед и думал, сколько гвоздей, свечек, меди и минералов можно химически получить из тела Босталоевой. «Зачем строят крематории? — с грустью удивлялся инженер. — Нужно строить химзаводы для добычи из трупов цветметаллов, различных стройматериалов и оборудования!»

Башня была сложена из сжатых, сбрикетированных ручным прессом глиночерноземных кирпичей и представляла собою вид усеченного конуса.

В сенях башни находилось особое стойло, — оно хотя и не имело еще арматуры, но это было то же, что электрический стул для человека — место смертельного убийства животных высоким напряжением. Високовский и Вермо не хотели портить качества мяса предсмертным ужасом и безумной агонией живого существа от действия механического орудия. Наоборот, животное будет подвержено предварительной ласке в электрическом стойле,

и смерть будет наступать в момент наслаждения лучшей едой. Внутренность башни была выложена досками в тесную пригонку, а доски покрыты слоем клеевого лака, непроходимым для электричества.

— Вы понимаете, что это? — спросил Високовский.

— Нет, я не понимаю, — сказала Босталоева. — Ведь дожди же размоют эту земляную каланчу!

— Толщина кладки земляных брикетов здесь такая, Надежда Михайловна, — объяснил Високовский, — что нужно десять лет ливней, чтобы вода смыла башню...

Вид животных, гонимых сквозь пространства пешком в города на съедение, или даже запертых в неволю вагонов, всегда приводил Високовского в душевное и экономическое содрогание. Коровы, и особенно быки, слишком впечатлительны, чтобы переносить железнодорожную езду, вид городов и ревущую индустриализацию. У животных расстраиваются нервы, они высыпают беспрестанно из себя навоз и теряют съедобный вес. Сосчитано, что при езде в вагоне на тысячу верст коровы худеют на десять и больше процентов, а быки вовсе тают, тоскуя, что им уж никогда теперь не придется случаться.

Если «Родительские Дворики» отправят в течение года две тысячи тонн коров, то двести, а может быть, и четыреста тонн наиболее нежного мяса будет истрачено в пути, благодаря похудению животных. Кроме того, коровы могут вовсе умереть в дороге. Эти двести или четыреста тонн говядины должен сохранить электрический силос, построенный как башня. Коровьи туловища разрубаются на сортовые части и загружаются в башню. Затем небольшое количество высоконапряженного тока пропускается сквозь всю массу говядины, и говядина сохраняется долгое время, даже целый год, в свежем и питательном состоянии, потому что электричество убивает в нем смертных микробов.

По мере надобности, мясо накладывается в приспособленные кадушки с выкачанным воздухом и отправляется в города. В дальнейшем следует вокруг электрического силоса развить комбинат, с тем чтобы на месте обращать мясо в фарш, колбасу, студень, консервы и отправлять в города готовую еду.

У Босталоевой, после разговора с Високовским, жалось сердце, что она еще не инженер и ей нужно излишне любить Вермо.

Високовский развил перед директором еще ряд мер, обдуманных им совместно с Вермо и Кемалем, для резкого накопления мяса в совхозе, а Босталоева молча думала о новом, техническом большевизме, которому уже не соответствует ее ум.

Здесь в башенные сени вошла бывшая совхозная кухарка, не знавшая, куда теперь ей деться, когда все сломали, когда из

металлических ложек мужики сделали проволоку, суповые котлы раскатали в листы, когда даже ушные сережки вынули у нее и расплавили их в олово, — эта печальная, бесхозная женщина, лишенная бытового состояния, сказала, что движется новое стадо из какого-то дальнего пункта: идите его встречать и организуйте поскорее баб из степи, потому что некому обдаивать скотину, а из нее уж капает молоко в землю.

Босталоева и Високовский вышли из сеней башни и увидели погонщика умрищевского вентиляторного вола; погонщик прибежал первым, чтобы осознать новое место своей жизни и сообщить.

*

Устроив вновь прибывшее стадо на участок степного разнотравья, открытый недавно Високовским около одного дальнего одичавшего колодца, Босталоева возвратилась ночью в совхоз. Вермо играл на гармонии, а Кемаль плясал — с тем выражением, словно хотел выветрить из себя всю надоевшую старую душу и взять другой воздух из дующего ветра.

Странно и опасно было видеть костер в степной темноте, веселых людей, крылья могучей мельницы, башню и слушать, как всеобщий человеческий голос, прекрасную музыку, всегда соответствующую намерению борющихся большевиков. Босталоева вошла в среду людей и стала танцевать по очереди со всеми товарищами, пока не перепробовала всех; только Вермо, как занятый музыкант, не мог потанцевать с Босталоевой, но зато она, двигаясь, обещала ему достать агрегат для бурения на ювенильное море, и Вермо с энергией радости начал еще лучше играть на гармонии. Один погонщик вентиляторного вола стоял в стороне, не привыкнув к дружбе и музыке, но и его Босталоева взяла в дело танца, отчего погонщик весь заухмылялся и уж заранее согласен был положить всю свою силу на совхозном строительстве — настолько он мало еще видел нежности в жизни. Танцую, погонщик нюхал подругу-директора и наслаждался своим достоинством, нужностью и равенством с высшими друзьями, а Босталоева глядела на него близко и улыбалась ему в лицо своей улыбкой серьезной искренности, своими спокойными верными глазами, и погонщик чувствовал ее легкую руку на своем плече, привыкшем к тяжести и терпению.

Глядя на танцующих, Вермо успел уже продумать вопрос о рационализации отдыха и счастья, а сам не мог победить в своем сердце чувства той прозрачной печали, которая происходила от сознания, что Босталоева может обнять целый класс пролетариата

и она не утомится, она тоже ответит ему со страстью и преданностью.

Вскоре погонщик умрищевского вола заржал от радости не своим голосом — женским басом, и танец постепенно прекратился, поскольку долгое веселье превращается уже в скорбь.

Наступила полночь; воздух начал прозябать от росы и отсутствия солнца, и всем людям, всей технической бригаде Вермо и Кемаля, захотелось спать и согреться. Тут же стало известно, что вся теплая одежда ушла со вновь нанятыми пастухами на пастбища, — на месте была только одна громадная кошма, метров в десять или пятнадцать длины. Все влезли под ту кошму, а Босталоеву положили в середину, чтобы ей было теплей, и ближние соседи отодвинулись от нее, желая дать Босталоевой больше дыхания и свободы, если она будет шевелиться во сне.

Наутро в совхоз приехала в таратайке Федератовна, и с ней прибыл, в качестве кучера, секретарь райкома Определеннов. Старушка еще издали закричала от злости, решив, что умрищевцы управились украсть без нее весь совхоз.

— Подожди ты шуметь, убогая, — остановил ее Определеннов, не терпевший никакого визга на земле, как знака бессилия. — Побольше спокойствия, бабушка, — нам ничто не страшно.

Застав под кошмой население совхоза, Определеннов стянул со спящих кошму, и они сразу проснулись, как оголтелые.

Опомнившись, видя недовольство старухи и секретаря, Вермо начал порочить естественное самотечное устройство природы и потворство этому оппортунистическому устройству со стороны администрации совхоза; например, разве земляночно-землебитная и деревянная форма совхоза не есть ненависть к технике? — разве можно получить мясо от полуголодного, непоёного скота, бродящего в печали по пище десятки верст ежедневно? — и мы снесли в ночь всю совхозную убогость, дабы освободить мебель с утварью и взять из них гвозди, доски и прочие материалы для истинной техники, для утроения продукции совхоза!

— Он прав вполне, — с неопределенной грустью сказал Кемаль.

— Вы еще понятия не имеете о большевистской технологии, — говорил Вермо среди летнего утра, неумытый и постаревший от темпа своих размышлений, — у вас нет органического ощущения техники как первого чувства своей жизни...

Федератовна, осознав, что кто-то хотел обидеть науку, враз стала на точку яростной защиты Вермо и приветствовала речью башню и мельницу.

Определеннов смеялся на старушку и был рад, что в «Родительских Двориках», под видом чувственного восторга, происходит

на самом деле социалистическое скотоводство, превосмогающее все существующее на свете на этот счет.

— Говори теперь ты, Високовский, — предложил Определеннов.

— Хотя я зоотехник, — сказал Високовский, желая выявить чем-нибудь охватившую его радость зоотехнического творчества, хотя бы тем, что покаяться, — хотя моя дисциплина долгое время была заражена невежественным оппортунизмом и вредительством и взглядом на зоологию как на мягкую какую-то, тихую науку, где все гармонично и эволюционно, но я заявляю, что советская зоотехния немыслима без металлургии, без машиностроения, без электрификации, потому что только железо и огонь добудут нам воду в сухих степях, потому что лишь тонкая пульсация электричества, приближающаяся по нежности и остроте своего факта к жизненным явлениям, к зоологии, лишь она, эта пульсация, игра солнечной энергии в атомной глубине материи, как определяет Николай Эдвардович Вермо, лишь она даст нам излишний нарост мяса на костях животных, позволит нам рационально забить скот, сохранить его без потерь и отлично транспортировать... Затем я предлагаю уничтожить немедленно текущую рабсилу...

— Как — конкретно? — спросил Определеннов, вслушиваясь с полным сердцем в слова специалиста.

— Уничтожить ее как текущую, как пережиток разрыва города с деревней... Нужно ввести скользящую шкалу профессий, чтобы пастух был обучен строительству и мог быть плотником зимой, или еще чем-либо, чтобы человек обнимал своим умением несколько профессий и чередовал их во времена года... Каждый трудящийся может и обязан иметь хотя бы две профессии — наш Кемаль имеет их целых четыре, — это даст десятки тысяч экономии по одним «Родительским Дворикам»... Да здравствует наша жизнь и наш напряженный труд для всех товарищей... как дальних, так и близких! — неожиданно кончил скромный Високовский, и медленно покраснел, почувствовав свою заключительную патетическую бестактность.

— Да здравствуют наши социалистические специалисты! — громко сказал Определеннов, чтобы уничтожить краску ложного смущения с лица Високовского.

Но Високовский покраснел еще гуще, и все засмеялись, а Босталоева смеялась до тех пор, пока у нее не вышли слезы, блестящие на свете солнца, как роса на черной траве ресниц. Все люди поглядели на глаза Босталоевой, а Вермо сказал:

— Я ручаюсь, что не каждый еще сумеет умереть из нас, как наступит высший момент нашей эпохи: нам тогда потребуется лишь построить оптический приемник-трансформатор света в ток,

как мы сейчас строим радиоприемники, и через него к нам польется бесконечная электрическая энергия — из солнечного пространства, из лунного света, из мерцания звезд и из глаз человека... Вот такая проблема, товарищи, сидит в одном взоре Босталовой, а вы увидели ее глазами полового мещанства: так ведь никуда не годится!

— Глянь в мои глаза! — попросила Федератовна. — У меня там горит электричество или потухло?

Вермо поглядел в старушечьи очи.

— Плохо горит, — сказал инженер, — у тебя бельма растут.

Федератовна сразу оценила было этот факт как заглушенную вылазку классового врага, но потом пошевелила деснами и передумала.

— Пусть растут, — согласилась старуха, — я и видеть не буду, так почую. А ты научный левак!

— Погоди судить, бабушка, — сказал Определеннов. — У них уже есть дела, а ты говоришь слова... Давайте, товарищи, наметим план технической реконструкции «Родительских Двориков».

Здесь же, на общей кошме, и был составлен перечень главных мер, а именно:

Название работы	Цель ее	Фамилия бригадира и срок исполнения	Полезный эффект и примечания
1. Закончить постройкой ветродвигатель; установить динамо; смонтировать трансмиссионную передачу; провести электрическую сеть.	Зимой: отопление скотных баз и рабочих жилищ, подача жара на кухню. Летом: давать силу на насос и на брикетный пресс.	Вермо. 2 месяца.	300 тонн добавочной говядины. На 100 руб. топлива. Уничтожение жажды на центральной усадьбе.
2. Электротехнический монтаж силосной башни и убойного стойла.	Заготовка свежей говядины в долгий прок.	Високовский, консультация — Вермо. 1 месяц.	Не менее 400 тонн мяса. При отсутствии ветра, питать башню следует от воловьего привода, ввиду малого количества тока, потребного для башни.
3. Пресс для брикетирования коровьей	Решение степной топливной проблемы.	Кемаль.	Экономия 2000 руб., которые должны быть

желудочной
продукции.

4. Приобрести,
перепроектиро-
вать, переделать
2 вольтовых
агрегата разной
мощности.

Электрическим
пламенем меньше-
го агрегата резать
камень в карьерах
и сваривать их
вновь на месте
кладки, с целью
постройки цельно-
литых жилищ для
людей и скота.
Мощным агрега-
том прожигать
скважины в глуби-
ну земного шара,
дабы вскрыть кри-
сталлическую
гробницу материн-
ского моря, либо
вообще достигнуть
богатых запасов
воды — и взять
оттуда количество
влаги, достаточное
для образования
постоянного озера
или степного моря.
Параллельно —
бурить немедлен-
но вольтовым
огнем неглубокие
водоносные сква-
жины на всех
пастбищах и зим-
них гуртах совхоза
(малое водоснаб-
жение).

5. Изобрести и
сконструировать
оптический прибор
для обращения
солнечного света в
электричество.

Получать энергию
в степи и во всем
мире из любой
точки освещенной
бесконечности.

6. Сконструиро-
вать животновод-
ческий комбайн на

Быстрое обдаива-
ние отдаленных
гуртов и доставка

Босталоева,
Вермо.

3 месяца.

Вермо,
Кемаль,
Босталоева.

Не менее
года.

Високовский,
Кемаль.

истрачены на
покупку сторон-
него топлива.

По строительст-
ву: 50 тыс. руб.
По малому
водоснабжению:
40 тыс. руб. год.
По большому
водоснабжению
(на материнское
море): социали-
стический риск.

Установление
технического
большевизма в
«Родительских
Двориках» и на
всем открытом
пространстве
земли.
18 тыс. руб.
в год.

автомобильном
шасси.

сливок на совхоз-
ную маслобойку.

2 месяца.

В седьмом, восьмом и девятом пунктах плана назначались прочие виды работ. Всякое мероприятие по этому плану должно иметь помощь и консультацию со стороны Института Неизвестных Топливных Масс, КрайВЭО, Института Дешевой Энергии, Варнитсо, Общества Глубокого Бурения и прочих соответствующих организаций.

*

Через месяц или полтора в «Родительские Дворики» прибыло оборудование и матерьялы, занаряженные Босталоевой в край-центре, и то потому, что Босталоева сама нашла свои заблудившиеся на железной дороге грузы и привела вагоны на ближайшую станцию. Иначе бы грузы могли вовсе осиротеть, приобрести безвестное состояние и их сейчас же присвоили бы себе агенты многочисленных строек, населявшие в то время все узловыe пункты транспорта; эти агенты-снабженцы непрерывно глядели волчьими глазами на потоки чужих грузов и только свою стройку считали действительно решающей для судьбы социализма, — поэтому они прямо удивлялись, что кого-то еще снабжают, кроме них, и способствовали превращению блуждающих грузов в бесхозное сиротство, чтобы переадресовать их себе, пользуясь суетой всеобщего строительства.

Около того же времени в совхоз приехали два инженера из края: электрик Гофт и гидрогеолог Даев. Гофт был из Института Неизвестных Топлив, а Даев от Варнитсо и Общества Глубокого Бурения. Совместно с инженером Вермо они довели конструкторские идеи вольтового бурения до чертежного детального выражения и поправили различные упущения в устройстве башни, брикетного пресса и ветродвигателя.

Инженер Гофт уже не хотел уезжать из совхоза и остался в нем до окончания всех работ, а Даев и Босталоева отправились скорее в краевой город и в Ленинград, дабы найти подходящие электросварочные агрегаты; эти агрегаты были нужны для немедленного переустройства их на другую службу. Один из агрегатов должен успеть нарезать камни в карьере и сварить из этих камней жилища еще до наступления зимы.

Контора переустройства совхоза помещалась в сенях электросилошной башни, где все чертили, считали, спали и бредили от ночного воображения. Кемаль взял себе на учет такой бытовой недостаток и отправился в колхоз к Федератовне. Через четверо суток он привез из колхоза на волах шесть пустых изб, принадлежавших ранее кулакам, тем, что прятались в колодцы от старухи.

Эти избы лишь в слабой степени повредились от транспорта и вполне оказались пригодными для размещения техперсонала и для ночлега технических бригад.

Инженер Вермо развернул фронт работ сразу — по всем сопротивлениям; главный же удар он сосредоточил на достройке и оборудовании электрической мясной башни, где производил весь монтаж лично.

Но рабочих было всего шестнадцать человек, и люди так умаривались, что не могли смыть водою свой пот и им не хватало сна для забвения усталости.

Однажды ночью Вермо сидел за столом и, скучая по Босталоевой, рассматривал ее книги. Вокруг Вермо спали люди на полу, от них пахло отработанной жизнью, их рубашки заживо соتلели на постоянно греющемся теле и рты были печально открыты, чтобы освежиться воздухом ночи и продуть насквозь свое туловище, зашлаковавшееся смертельными скоплениями немощи.

Кемаль лежал навзничь с омертвевшим видом лица; он сегодня в одиночку таскал бревна на верх башни, а вчера забивал якорные сваи для крепления ветродвигателя от зимних бурь.

В своем дыхании он плавно поднимал и опускал ребра, обросшие жилами тяжелой силы, и лицо его, хотя и было покрыто печалью утомления, но все же хранило в своем смутном выражении нежность надежды и насмешку над грубой тягостью жизни, — в этом Кемаль, хотя и незаметно, но походил на Босталоеву.

«Зачем он таскает бревна, зачем он не повесил блока и не заставил вола втянуть бревно на канате? — думал Вермо в тишине большого пространства. — Зачем вообще нам труд как повторение однообразных процессов: нужно заменить его непрерывным творчеством изобретений!»

Погонщик умрищевского вентиляторного вола спал вниз лицом. Он трудился по рытью земли для различных установок. Вермо решил завтра же сделать несколько конных лопат и рыть грунт силой волов или даже приспособить под это дело ветер.

Вермо не знал, есть ли у Кемалья и погонщика вентиляторного вола половая жизнь, эстетические вкусы и накопления на сберкнижке. Они были, наверно, безродными и превращали будущее в свою родину.

В вещах Босталоевой Вермо нашел «Вопросы ленинизма» Сталина и стал перечитывать эту прозрачную книгу, в которой дно истины ему показалось близким, тогда как оно на самом деле было глубоким, — потому что стиль был составлен из одного мощного чувства целесообразности, без всяких примесей смешных украшений, и был ясен до самого горизонта, как освещенное простое пространство, уходящее в бесконечность времени и мира.

Крестьян, а убогая — она же
Мабунос, милок, она — так
~~Мабунос, милок, она — так~~
~~Мабунос, милок, она — так~~
~~Мабунос, милок, она — так~~
пухляк, Мабунос!
Здесь летала Федорюшка
обернулась к Заринке
и укусила ее за опарту-
шку.

Вопрос

Читая, Вермо ощущал спокойствие и счастливое убеждение верности своей жизни, точно старый серьезный товарищ, неизвестный в лицо, поддерживал его силу, и все равно, даже если бы погиб в изнеможении инженер Вермо, он был бы и мертвым поднят дружескими руками на высоту успеха — и уцелевшие товарищи добудут из глубины земли материнское море и свет солнца превратят в электричество.

Под утро Вермо вышел наружу. Вращающаяся земля несла здешнее место навстречу солнцу, и солнце показывалось в ответ. Но Вермо не вдумывался в это явление, вдумываясь обычно во все, что попадалось; он слишком начитался за ночь и чувствовал себя сейчас недостаточно умным. Он отошел дальше в степь и лег в нее вниз лицом с настроением своей незначительности.

Откуда-то из участка к Вермо подошел Високовский. Он сказал, что снял с пастбищ двенадцать пастухов в помощь техническим бригадам, а коров поручил наиболее сознательным быкам; он уже делал опыты самоохраны и самокормления стад, приучая отдельных быков к определенному поголовью коров, организуя этим шагом бычьи семейства. И что же? — быки дерутся между собой, каждый желая обеспечить для своих коров лучшую траву и водопой, а коровы мирно пасутся и полнеют в теле. Если перейти на способ бычьих семейств, то можно вдвое сократить степной штат людей.

Вермо, не слушая, глядел на Високовского.

Затем он возвратился в избу, где по-прежнему спали рабочие; но лица их, освещенные зарею, приняли торжественное выражение. Вермо понял, насколько мог, Ленина и Сталина: их мысль — это большевистский расчет на максимального героического человека масс, приведенного в героизм историческим бедствием, — на человека, который истощенной рукой задушил вооруженную буржуазию в семнадцатом году и теперь творит сооружение социализма в скудной стране, беря первичное вещество для него из своего тела.

Эта идея неслышно растворена в книгах, прочитанных Вермо ночью, — потому что ее нельзя услышать мелким сердцем индивидуалиста или буржуа.

В тот же день Вермо составил бригаду в семь человек и сам стал в ее ряды. Он хотел осуществить «седьмое условие» Сталина: ставку на творческого пролетарского человека, — с тем чтобы изобретение стало способом работы, чтобы не Кемаль таскал бревна, а ветер или вол, и чтобы работа шла на смысле, а не на грустном терпении тяжести, как работает мещанин капитализма.

К концу первой десятидневки в бригаде «седьмого условия» почти не применялся черный труд — его сменили деревянно-ве-

ревочные и железные приспособления, движимые животной силой волов.

*

Через два месяца, уже осенью, прибыли из Ленинграда переданные электросварочные агрегаты и другое необходимое оборудование. Одновременно с многочисленными машинами приехали Босталоева и инженер Даев.

Босталоева ехала от железной дороги через колхоз и привезла с собой смирившегося Умрищева, которого выслала Федератовна в совхоз для проварки в рабочем котле.

Умрищев был давно исключен из партии, перенес суд и отрекся в районной газете от своего чуждого мировоззрения. Он ходил теперь робко по земле и, не зная, где ему место, долгие дни жил при Федератовне в качестве домашнего хозяина, чему Босталоева по невыясненной причине радовалась и смеялась на протяжении всей совместной дороги в степном фэзтоне, а Умрищев только сторонился от нее на узком месте сиденья.

Босталоева была несколько дней в Москве, в Скотоводобъединении, и привезла оттуда новость для всех рабочих: в «Родительских Двориках» организуется образцовый опытно-учебный мясокомбинат. Этот вопрос был поднят крайкомом партии и теперь всюду согласован и обдуман.

Спустя еще некоторое время в «Родительские Дворики» съехалось большое число людей из Москвы и краевого центра: они должны были участвовать в организации учебного мясокомбината и быть свидетелями первого в мире бурения земли вольтовой дугой, чтобы прожечь грунт до воды.

Инженер Вермо, как только получил вольтовый агрегат, уехал с ним в степь неизвестной дорогой, взяв с собой одного Кемаля.

Возвратившись через четверо суток, Вермо установил агрегат среди новостроящейся усадьбы совхоза, запустил мотор и направил фронт сияющего, шарообразного пламени вертикально в недра земли.

Делегация Москвы и края уселась к тому времени на скамьи вокруг воющего агрегата; столб едкого газа поднялся над плавящейся породой, обращающейся в магму, затем — через полчаса — раздался взрыв и наружу вырвался вихрь пара: это пламя вошло в массу воды и пережгло ее в пар. Вермо выключил агрегат.

Каждый из бывших здесь освидетельствовал сделанную скважину: она была неглубока, около трех метров, поскольку совхоз стоял в низменности, внутренняя поверхность скважины покрылась расплавленной, застывшей теперь, породой, что сообщало

крепость колодцу от обвала, и внизу светилась вода. Затем Вермо и Кемаль, настроив пламя в острую форму, стали резать его лезвием заранее заготовленные самородные камни и тут же сваривали их вновь в монолиты, слагая сплошную стену, чтоб было ясно, как нужно строить теперь жилища людям и приют скоту.

*

В глубокую осень из Ленинграда в Гамбург отплыл корабль. На борту корабля находились инженер Вермо и Надежда Босталоева. Они имели командировку в Америку, сроком на полтора года, чтобы проверить там в опытном масштабе идею сверхглубокого бурения вольтовым пламенем и научиться добывать электричество из пространства, освещенного небом.

На берегу их провожали две фигуры небольших людей: Федератовна и Умрищев. Старушка приехала издалека, чтобы проводить Босталоеву и поплакать по ней на вечное прощанье, потому что она уже не надеялась прожить полтора года: слишком активно билось ее сердце всю жизнь, и оно устало.

Федератовна была одета в шляпу, которая сидела на ее голове, как чертополох; маленький смиренный Умрищев держал под руку старую женщину и вытирал глаза белым платочком от сочувствия. Он еще в колхозе полюбил Федератовну за оживленность, за открытую страстность сердца, за беспощадность ее идейного духа, и старушка, будучи положительной женщиной, увлеклась постепенно терпеливым отрицательным старичком, так что они поженились в течение времени.

Корабль уплыл в водяные пространства земли. Вермо и Босталоева отошли от борта. Старичок и старушка остались на далеком берегу и долго плакали, глядя на горизонт, а потом приступили к взаимному утешению друг друга.

Вечером того же дня, ложась спать в гостинице, Умрищев долго крихтел, предполагая и боясь высказаться.

— Мавруша, а Мавруш! — обратился он после томления к Федератовне.

— Чего тебе, старичок? — охотно спросила Федератовна.

— А что, Мавруш, когда Николай Эдвардович и Надежда Михайловна начнут из дневного света делать свое электричество, — что, Мавруш, не настанет ли на земле тогда сумрак?.. Ведь свет-то, Мавруш, весь в проводе скроется, а провода — они же, Мавруш, темные, они же чугунные, Мавруш!..

Здесь лежащая Федератовна обернулась к Умрищеву и укусила его за оппортунизм.

<Февраль — апрель 1932 г.>

РЕДАКЦИИ

ВПРОК

(Бедняцкая хроника)

От составителя. Под именем автора, от лица которого ведется сообщение, не следует понимать составителя. Местоимение «я» употреблено для краткости и не соответствует точности. От имени одного человека изложено более широкое наблюдение, чем оно доступно было составителю, — ибо составитель считает, что хроника обязана иметь своим содержанием не запавшее чувство или запечатленное сознание одного субъекта, а те же свойства целого коллектива. Это обстоятельство верно и по отношению к художественной литературе, вопреки мнению тех идеологических паразитов, которые признают искусство действительностью, пропущенной через эмоционально-индивидуальные, ароматические особенности автора и еще дополнительно окрашенной в эти благоухающие качества писателя. На самом же деле литература должна происходить из чувства коллектива и представлять из себя не букет индивидуальных ощущений, годный лишь для излишества, а — хлеб наш насущный. Но как же извлечь из коллектива его активное чувство действительности, его впечатления, обращаясь затем в положительную волю? Несомненно, посредством рассудка автора, а не посредством интуиции, — потому что интуиция, если говорить о ней, это ведь состояние, и оно не поддается транспортированию. Отношения же людей работают на более технически доступных предметах, например на рассудке. Упомянутые паразиты могут сейчас же из этих наших слов установить преимущество интуиции перед рассудком. Тогда мы можем доказать, что они сами никогда не чувствовали в настоящей степени рассудка, иначе бы они узнали, что рассудок есть страсть и синтез всех чувств, куда входят и память, и интуиция, если опять-таки считаться с ней — для угожденья заблуждающимся; понятно, рассудок уже не сохраняет питающих его первоначальных чувств, он их диалектически уничтожает и сам становится в противоречие с действительностью, чтобы развить по отношению к ней тяговое, ведущее усилие. У нас же очень часто судят о рассудке, как о рабе всякой современной действительности, как о Сальери, слепо бредущем за Моцартом и трепещущем перед ним в чувстве тревоги, удивления и несчастья. В наше время эта

пушкинская тема изменилась: мы видим моцартиански действующих людей, но в которых душа Сальери, и видим бессильную иногда работу Сальери, не могущих еще сделать внешним фактом свое моцартианское существо. Вот как стоит эта проблема на своих ногах.

Но наша действительность такова, что в бедной избе-читальне Моцарт научится делать из своей безмолвной души общественное явление, потому что Моцарту не слишком много надо, а действующий Сальери погибнет без душевного резерва, без самостоятельного умения питаться из материнского источника своего класса, — или питаюсь не кровью здорового класса, а гноем погибающего исторического общества.

Прямо говоря, вся эта надменная проблема пахнет в наше время очень скверно. Нельзя отделаться от воображенья, что Моцарт — это аристократ, а Сальери — пролетарий. А в действительности мы наблюдаем иначе: мы видим технически и культурно небооруженных пока Моцартов — пролетариев и мощно вооруженных, моцартиански оборудованных Сальери, не имеющих на самом деле никакой душевной мускулатуры.

Сальери, конечно, может лишь думать своим рассудком, но не может непосредственно усваивать им коллективного, классового исторического опыта; от этого и сохнет, и мучается Сальери, и по заслугам не уважает свой бескровный разум, к которому нет питательной жилы из коллектива, а для равенства в силах, для самоуважения Сальери стремится уничтожить и чужой разум, беря себе на помощь интуицию, то есть нечто произвольно зарождающееся, — дар от бога, а не от людей, ибо к ним Сальери не знает дороги. Он хочет, чтобы и люди питались этой интуицией, а не рассудком, — собственной личностью, а не из коллективного источника. Он бы желал, чтоб насущный ржаной хлеб сознания пропал на земле и в пищу пошла бы подводная клавиатура — редчайшее реликтовое растение из девственных болот, не имеющее никакой пользы для сытости трудящегося человека.

Затем мы должны сказать, что составитель этой хроники стремился отвлечься от своей отсталости от действительности и от личных предрассудков, давая свободу движению фактов, а не своему настроению от них. Он даже помогал фактам произойти, считая, что — литература не служанка для пролетарской революции — рабынь последней не нужно, — а ее младшая сестра, и такая же мужественная, желающая, чтобы старшая сестра воспитала ее себе впрок.

1/2

Впрок.
(Бедняцкая хроника).

От составителя. Под именем автора,
от лица которого ведется сооб-
щение, не следует понимать состави-
теля. Местимение "2" употреблено
для краткости и не соответствует
точности. ~~Под именем "2" имеется~~

Имя одного человека известно
более широкое наблюдение, чем
это доступно было составителю,
~~который пишет. Это~~

~~данный человек не должен быть
рассматриваемым персонажем на картин-
ках и т.д.~~

или составитель считает, что хроника
обязана лишь своим содержанием
не ~~авторские~~ ~~чужие~~ или запав-
шее чужие или запечатленное событие
одного субъекта, а те же события
целого коллектива. Это обязательно
верно и по отношению к художествен-

Хроника.

В марте месяце 1930 года некий душевный бедняк, измученный тревогой за всеобщую действительность, сел в поезд дальнего следования на московском Казанском вокзале и выбыл прочь из верховного, руководящего города.

Он поехал в отдаленные черноземные равнины, где у открытых водоемов стоят, обдуваемые ветром, глиносоломенные избы мелко-имущественных бедняков.

Езда в вагоне изменилась. Ранее в окно можно было наблюдать лишь пустынную страну, лишь разрозненность редких деревень, расположенных так робко и временно, будто они были сиротами в чужой земле и постоянно готовы исчезнуть. Это были постой бредущего народа, не верующего в свою местную судьбу, ожидающего, когда ему повелят стронуться дальше, где еще хуже.

Теперь же по бокам железной дороги строились различные пункты, предприятия, конторы, башни, а ярославские и амовские автомобили усердно возили матерьялы по губительной немощной земле. Люди стояли на кирпичных кладках и заботливо старались трудиться, уже навсегда осваивая эти порожние, убыточные пространства.

На многие сотни километров строящаяся республика не менялась. Везде можно было видеть свежие тесовые и кирпичные приспособления для деревенского общественного хозяйства или целые корпуса благодетельных заводов.

— Сколько травы навсегда скроется, — сказал один добровольно живущий старичок, ехавший попутно со мной, — сколько угодий пропадет под кирпичной тяжестью!

— Порядочно, — ответил ему другой человек, имевший среднее тамбовское лицо, — может быть, житель бывшего Шацкого уезда. Он тоже пристально наблюдал всякое строительство в оконное стекло и шептал что-то с усмешкой гада, швыряя между тем какие-то кусочки из своего пищевого мешка в рот. Этот, подобный мне, душевный бедняк не признавал, наверно, научного социализма, — он бы охотно положил пятак в кружку сборщика на построение храма и вместо радио всю жизнь слушал бы благовест. Он верил, судя по покойному счастью на его лице, что древние вещества мира уничтожат революцию, — поэтому он глядел не только на новостроящуюся республику, но также на овраги, на могучие обнажения глины, на встречных нищих, на растущие деревья, на ветер на небе, — на весь мертвый порожняк природы, потому что этого дела слишком много и оно не может быть истреблено революцией, как она ни старайся. Ветхое лежачее вещество все равно задавит советский едкий поток своим навалом и прахом. Имея такое духовное предвидение, тамбовский человек

скушал еще немного кое-чего и от внутренней покойной расположенности чувств вздохнул, как будущий праведник.

— Бывало, едет воз с молоком, — произнес попутный старичок, — телега вся скрипит, сам хозяин пешком идет, а на возу его баба разгнездилась. А теперь только холодный инвентарь перебрасывают!

— Тракторы горячие, а жизнь прохладная, — сказал тамбовский по лицу человек.

— Вот то-то и горе, — враз согласился старичок.

— Не горюйте, — посоветовал сверху неизвестный человек, лежавший там на голых досках. — Оставьте горе нам.

— Да как хочешь, я ничего! — испугался старичок.

— Да и я тоже ничего не говорил, — предупредил тамбовский житель.

— Бери молоко, — сказал верхний человек, и опустил в красноармейской фляжке этот напиток. — Пей, и не скули!

— Да мы сыты, кушай сам ради бога, — отказался старичок.

— Пей, говорят, пока я не слез! Я же слышал, ты по молоку скучал.

Старичок в страхе попил молочка и передал фляжку тамбовцу — тот тоже напился.

Вскоре с верхней полки слез сам хозяин молока; он был в старом красноармейском обмундировании, доставшемся ему по демобилизации, и обладал молодым, нежным лицом, хотя уже утомленным от ума и деятельности. Он сел на край лавки и закурил.

— Люди говорят, на табак скоро нехватка будет, — высказался старичок, — Семашка не велел больше желчное семя разводить, чтоб пролетариат жил чистым воздухом.

— На — закуривай! — дал бывший красноармеец папиросу старику.

— Я, товарищ, не занимаюсь.

— Кури, тебе говорят!

Старичок закурил из уважения, не желая иметь опасности от встречного человека. Красноармеец заговорил со мной.

— С ними едешь?

— Нет, я один.

— А сам-то кто будешь?

— Электротехник.

— Ну здравствуй, — обрадовался красноармеец, и дал мне свою руку. Я для него был полезный кадр, и сам тоже обрадовался, что я нужный человек.

— А ты утром не соскочишь со мной? Ты бы в нашем колхозе дорог был: у нас там солнце не горит.

— Соскочу, — ответил я.

— Постой, а куда ж ты тогда едешь?

— Да мне ехать некуда — где понадобится, там и выйду из вагона.

— Это хорошо, это нам полезно. А то все, понимаешь, заняты! Да еще смеются, гады, когда скажешь, что над нашим колхозом солнце не горит! А отчего ты не смеешься?

— А может, мы зажжем ваше солнце! Там увидим — плакать, или смеяться.

— Ну, раз ты так говоришь, то зажжем! — радостно воскликнул мой новый товарищ. — Хочешь, я за кипятком сбегаю — сейчас Рязань будет.

— Мы вместе пойдем.

— Ты бы ярлык носил на картузе, что электротехник. А то я думал — ты подкулачник: у тебя вид скверный.

Утром мы сошли с ним на маленькой станции. Внутри станции был бедный пассажирский зал, от одного вида которого, от скуки и общей невзрачности у всякого человека заболел живот. По стенам висели роскошные плакаты, изображающие пароходы, самолеты и курьерские поезда; плакаты призывали к далеким, благополучным путешествиям и показывали задумчивых, сытых женщин, любующихся синей волжской водой, а также обильной природой на берегах.

В этом пассажирском зале присутствовал единственный человек, жевавший хлеб из сумки.

— Сидишь? — спросил его дежурный по станции, возвращаясь от ушедшего поезда. — Когда ж ты тронешься? — уж третья неделя пошла, как ты приехал!

— Ай я тебе мешаю, что ль? — ответил этот оседлый пассажир. — Чего тебе надо? Пол я тебе мету, окна протираю, — намедни ты заснул, а я депешу принял и вышел без шапки постоял, пока поезд промчался. Я живу у тебя нормально!

Дежурный больше не обижал пожилого человека.

— Ну, живи дальше. Я только боюсь, ты пробудешь здесь еще месяца четыре, а потом потребуешь штата.

— Стат мне не нужен, — отказался пассажир. — С документом скорей пропадешь, а без бумажки я всегда проживу на самую слабую статью, — потому что обо мне ничего неизвестно.

Мой спутник, демобилизованный красноармеец товарищ Кондров, остановился от такого разговора.

— Имей в виду, — сказал он дежурному, — ты работаешь, как стервец; теперь у меня будет забота о тебе!

С этим мы вышли на полевою колесную дорогу. Голая при-

рода весны окружила нас, сопротивляясь ветром в лицо, но нам было это не трудно.

Через несколько часов пешеходной работы мы остановились у входных ворот деревни, устроенных в виде триумфальной дуги, на которых было написано: «С.х. коллектив Доброе Начало».

Сам колхоз расположился по склону большой балки, внизу же ее протекал ручей, работавший круглый год. Избы колхоза были обыкновенно деревенскими, все имущественное оборудование было давним и знакомым, только люди показались мне неизвестными. Они ходили во множественном числе по всем местам деревни, шупали разные предметы, подвинчивали гайки на плугах, дельно ссорились и серьезно размышляли. Общим чувством всего населения колхоза была тревога и забота, и колхозники старались уменьшить свою тревогу перед севом рачительной подготовкой. Каждый считал для пользы дела другого дураком и поэтому проверял гайки на всех плугах только своею собственной рукой. Я слышал краткие собеседования.

— Ты смотрел спицы на сеялках?

— Смотрел.

— Ну и что ж?

— Кои шатались, те починил.

— Починил? Знаю я, как ты починишь! Надел с утра рубаха-баян и ходит! Дай-ка я сам схожу — сызнава починю.

Тот, на котором была рубаха-баян (о сорока пуговицах, напоминающих кнопки гармонии — баяна), ничего не возразил, а лишь вздохнул, что никак не мог угодить на колхозных членов.

— Васьк, ты бы сбегал лошадей посмотреть!

— А чего их глядеть? Я глядел: стоят, овес жрут который день, аж салом подернулись!

— А ты все-таки сбегай их проведать!

— Да чего бегать-то, лысый человек?! Чего зря колхозные ноги бить?

— Ну так: поглядишь на их настроенье, прибежишь — скажешь.

— Вот, дьявол жадный, — обиделся моложавый Васька. — Ведь я все кулачество по найму прошел, а так сроду не мотался.

— Чудак: у кулака было грабленное, а у нас кровное.

В конце концов Васька пошел все-таки глядеть на настроенье обобществленных лошадей.

— Граждане, — сказал подошедший человек с ведром олеонафта; из этого ведра он мазал все железные движущиеся и неподвижные части по колхозу, страшась, что они погибнут от ржави и трения. — Граждане, вчерашний день Серега опять сигарки с огнем швырнул куда попало. Сообщаю это, а то будет пожар!

— Бреешь, смазчик, — возразил присутствовавший здесь же громадный Серега, — я их заплывывал.

— Заплывывал, да мимо, — спорил смазчик, — а огонь сухим улетал.

— Ну ладно, будет зудеть, — смирился Серега. — Ты сам ходишь, оленафтом наземь капаешь, а он ведь на общие средства куплен!

— Граждане, он нагло и по-кулачки врет! Пускай хоть одну каплю где-нибудь съест! Что он меня мучает!

— Будя вам, — сказал Кондров, — не пересобачивайте общие заботы. Ты, Серега, кури скромней, а ты капать капай — колхозу капля не ужасна, — а вот мажь — где нужно, а не где сухо. Зачем ты шины-то на телегах мажешь?

— Ржави боюсь, товарищ Кондров, — ответил смазчик. — Я прочитал, что ржавь это тихий огонь, а товарищ Куйбышев по радио говорил — у нас голод на железо: я и скуплюсь на него.

— Соображай до конца, — объяснил смазчику Кондров, — оленафт тоже железными машинами добывается. А раз ты зря его тратишь, то в Баку машины напрасно идут.

— Ну?! — испугался смазчик, и сел в удивлении на свое ведро: он думал, что оленафт это просто себе густая жидкость.

— Петък, — сказал малому лысый мужик, тот, что услал Васку к лошадям. — Пойди все избы обежи — пускай бабы вьюшки закроют, а то тепло улетучится.

— Да теперь не холодно, — сообщил Серега.

— Все равно: пусть бабы привыкают беречь сгоревшее добро, им эта наука на зиму годится.

Петька безмолвно побежал приказывать бабам про вьюшки.

— Слухай, дядя Семен! Ты чего ж вчера сено от моей кобылы отложил, а к своему мерину подсунул? Ишь ты, средний дьявол какой, — знать, колхоз тебе не по диаметру!

Дядя Семен стоял, помутившись лицом.

— Привык к мерину, — сказал он впоследствии, — войду — он сопит на меня и глазами — моргает, а кругом норма — скотину нечем поласкать, вот и положил твое сено!

— А ты теперь к человеку привыкай, тогда тебя все меренья уважать будут!..

— Буду привыкать, — грустно пообещал дядя Семен.

— Нетó пойти крышку на колодезь сделать? — произнес Серега, стоявший без занятия.

— Пойди, дорогой, пойди. С малолетства с мелкими животными воду пьем. Может, при хорошей воде харчей есть меньше станем!

Отошедши с Кондровым в глубь колхоза, я обнаружил, что вправо от деревни, на незаселенной высоте склона стоит новая деревянная каланча, метров в десять-двенадцать. На верху каланчи блестело жестяное устройство, бывшее, судя по форме, рефлектором; причем оно было поставлено так, что должно направлять лучи неизвестного источника света целиком в сторону колхоза.

— Вон наше солнце, которое не горит, — сказал мне Кондров, указав на каланчу. — Ты есть хочешь?

— Хочу. А у вас есть запасы?

— Хватит. Прошлый год осень была большевицкая — все родилось.

Поев разного добра в попутной избе, в которой висела электрическая лампочка, мы пошли с Кондровым не на каланчу, а к ручью. На ручье, около кустарной запруды, помещался дубовый амбар с сильным мельничным пошвенным колесом; запруда служила, очевидно, для сбора запаса воды.

— Наливное колесо у вас работало бы полезней! — сказал я.

— Ну что ж, ты только скажи, как нужно сделать, а мы будем его делать, — ответил мне Кондров.

Мне стало стыдно перед таким человеком. Неужели же мы не можем пустить по нашей колхозной стране несколько отрядов бродячих техников, которые бы давали инструкции местным способным людям, как нужно улучшить уже многочисленные теперь самодельные устройства? Мне кажется, это можно сделать.

Кондров отомкнул амбар. Никакой мельницы в амбаре не было; там стояла небольшая динамо-машина, и больше ничего. На валу водяного колеса имелся деревянный шкив, с которого посредством ремня снималась сила на динамо-машину. Обследование установило, что водяное колесо способно было дать через динамо-машину мощность, достаточную, чтобы в колхозе горело 20 тысяч экономических электрических свечей, или 40 тысяч тех же свечей в полуваттных лампах. При переделке водяного колеса с пошвенного на наливное мощность всей установки можно было повысить, по крайней мере, на одну треть; динамо-машина же была рассчитана на сорок лошадиных сил, и могла терпеть много нагрузки.

— А наше солнце, понимаешь, не горит! — горестно проговорил надо мной Кондров. — Оно потухло.

Провода из амбара тянулись по раkitам, по плетням, по стенам изб и, ответвляясь на попутный колхоз, отправлялись к солнцу. Мы также пошли на солнце. Провода всюду были достаточно исправны, на самом солнце я тоже не мог заметить чего-либо порочного. Особенно меня удовлетворил жестяной рефлектор: его отражающие поверхности имели такую хорошо сосчитанную

кривизну, что всю светосилу отправляли ровно на колхоз и на его огородные уголья, ничего не упуская вверх или в бесполезные стороны. Источник света представлял из себя деревянный диск, на котором было укреплено сто стосвечовых полуваттных ламп, то есть общая светлая мощность солнца равнялась десяти тысячам свечей. Кондров говорил, что этого все же мало, — немедленно нужно добиться света по крайней мере в сорок тысяч свечей; особенно удобен был бы, конечно, прожектор, но его невозможно приобрести.

— Сейчас я схожу пуцу колесо и динамо, и ты увидишь, что наше солнце не горит! — огорченно сказал мне Кондров.

Он сходил и пустил, — и солнце, действительно, не загорелось. Я стоял на каланче в недоумении. Ток в главных проводах был, колхозники собрались под каланчой и обсуждали доносившийся до меня вопрос.

— Власть у нас вся научная, а солнце не светит!

— Вредительство, пожалуй что!

— Сколько строили, думали — у нас пасмурности не будет, букеты распустятся, а оно стоит холодное!

— Это же горе! Как станешь, глянешь, что оно не светит, так и загорюешь весь от головы вниз!

— Вон старики наши перестали верить в бога, а как солнце не загорелось, то они опять начали креститься.

— Дедушка Павлик обещал ликвидировать бога, как веру, если огонь вспыхнет на каланче. Он тогда в электричество, как в бога, обещал поверить.

— А горело это солнце хоть раз? — спросил я у народа.

— Горело почти что с полчаса! — сказал народ и заотвечал дальше, споря сам с собой:

— Больше горело: не бреши!

— Меньше — я обрадоваться не успел!

— Как же меньше, когда у меня слезы от яркости потекли?!

— Они у тебя и от лампадки текут.

— Яркое горело? — спросил я.

— Роскошно!! — закричали некоторые.

— У нас раздался было научный свет, да жалко, что кончился! — сказал знакомый мне смазчик.

— А нужно вам электрическое солнце? — интересовался я.

— Нам оно впрок: ты прочитай формальность около тебя.

Я оглянулся и увидел бумажную рукопись, прибитую гвоздями к специальной доске. Вот этот смысл на той бумаге:

«Устав для действия электросолнца в колхозе Доброе Начало.

1. Солнце организуется для покрытия темного и пасмурного дефицита небесного светила того же названия.

2. Колхозное солнце соблюдает свет над колхозом с 6-ти часов утра до 6-ти часов вечера каждый день и круглый год. При наличии стойкого небесного света, колхозное солнце выключается; при отсутствии включается вновь.

3. Целью колхозного солнца является подавание света для жизни, труда и культурной работы колхозников, полезных животных и огородов, захватываемых лучами света.

4. В ближайшее время простое стекло на солнце надо заменить научным, ультрафиолетовым, которое развивает в освещенных людях здоровье и загар. Озаботиться тов. Кондрову.

5. Колхозное электросолнце в то же время культурная сила, поскольку некоторые старые члены нашего колхоза и разные верующие соседних колхозов и деревень дали письменное обязательство — перестать держаться за религию при наличии местного солнца. Электросолнце также имеет то прекрасное значение, что держит на земле постоянно яркий день и не позволяет скучиваться в настроенных колебаниях, невежеству, сомнению, тоске, унылости и прочим предрассудкам, и тянет всякого бедняка и середняка к познанию происхождения всякой силы света на земле.

6. Наше электросолнце должно доказать городам, что советская деревня желает их дружелюбно догнать-перегнать в технике, науке и культуре и доказать то, что и в городах необходимо устроить районные общественные солнца, дабы техника всюду горела и гремела по нашей стране.

7. Да здравствует ежедневное солнце на советской земле!»

Все это было совершенно правильно и хорошо, и я обрадовался этому действительному строительству новой жизни. Правда, было в таком явлении что-то трогательное и смешное, но это была трогательная неуверенность детства, опережающего тебя, а не падающая ирония гибели. Если бы таких обстоятельств не встречалось, мы бы никогда не устроили человечества и не почувствовали человечности, ибо нам смешон новый человек, как Робинзон для обезьяны; нам кажутся наивными его занятия, и мы тайне хотим, чтоб он не покинул умирать нас одних и возвратился к нам. Но он не вернется, и всякий душевный бедняк, единственное имущество которого — сомнение, погибнет позади всех.

Кондров вернулся.

— Ты, наверно, в Москву ездил за ультрафиолетовыми лампами? — спросил я его.

— За ними, — ответил он. — Сказали, что еще не продаются, все только собираются делать их, чешутся чего-то!

— Ты где был, когда начало гореть солнце и потухло?

— Здесь же на солнце.

— Жарко было около диска?

— Ужасно!

Я зашел за диск и начал проверять всю проводку, но проверять ее было нечего: вся изоляция на проводах сотлела, все провода покоились на коротком замыкании, а входные предохранители, конечно, перегорели. Всю эту оснастку делал, оказывается, кузнец из другой деревни, соответственно одной лишь своей сообразительности.

По общему решению с Кондровым мы сделали полный анализ негорению солнца, а затем сообщили свое мнение присутствовавшим близ нас членам колхоза. Наше мнение было таково: солнце потухло от страшной световой жары, которая испортила провода, стало быть, нужно реже посадить лампы на диске.

— Не нужно! — отверг пассивный дотоле задний середняк. — Вы не понимаете. Вы поставьте на жечь какие-либо сосуды с водой, вода будет остужать жару, а нам для желудка придется кипяченая вода.

Слово середняка, стоявшего позади, было разумно и приемлемо для дела: если на рефлекторе устроить водяную рубашку, то жечь будет холодить провода, кроме того, каждый час можно получать по ведру кипятку.

— Ну, как? — спросил меня Кондров среди общего задумавшегося молчанья.

— Так будет верно, — ответил я.

— Крутильно-молотильную бригаду прошу подойти ко мне! — громко произнес Кондров.

Эта бригада была наиболее упорной в любом тяжком, срочном или малоизвестном труде. Вчера она только что закончила сплошную очистку семян и, проспав двадцать часов, теперь постепенно подошла к Кондрову.

Под солнечной каланчой мы устроили производственное совещание, на котором выяснили все части и материалы для рационализации солнца, а также способ переделки пошвенного водобойного колеса на наливное сверху.

После того мне дали освобожденье и я заинтересовался здешней классовой борьбой. За этим я пошел в изба-читальню, зная, что культурная революция у нас часто идет по раскулаченным местам. Так и оказалось: изба-читальня занимала дом старинного, векового кулака Семена Верещагина, до своей ликвидации единолично и зажиточно хозяйствовавшего на хуторе Перепальном сорок лет (в ожидании того, как назваться колхозом «Доброе Начало», деревня называлась хутором Перепальным). Верещагин и ему подобный его сосед Ревушкин жили не столько за счет своих трудов, сколько за счет своей особой мудрости.

С самого начала советской власти Верещагин выписывал четыре газеты и читал в них все законы и мероприятия, с целью пролезть между ними в какое-либо узкое и полезное место. И так долго и прочно существовал Семен Верещагин, притаясь и мудрствуя. Однако его привела в смущение в последнее время дешевизна скота, а Верещагин исстари занимался негромкими барышами на скупке и перепродаже чужой скотины. Долго искал Верещагин каких-либо законов на этот счет, но газеты говорили лишь что-то косвенное. Тогда Верещагин решил использовать и самое косвенность. Он вспомнил в уме, что его лошадь стоит нынче на базаре рублей тридцать, а застрахована она за сто семнадцать. А тут еще колхоз вот-вот грянет, и тогда лошадь станет вовсе как бы не скот и не предмет.

Цельми длинными днями сидел Верещагин на лавке и грустно думал, хитря одним желтым глазом.

— Главное, чтоб государство меня не услышало, — соображал он. — Что-то я нигде не читал, чтобы лошадей мучить нельзя было: значит — можно. Как бы только Осоавиахим не встрял: да нет — его дело аэроплан!

И Верещагин сознательно перестал давать пищу лошади. Он ее привязал намертво веревками к стойлу и давал только воду, чтоб животное не визжало и не привлекало бдительного слуха соседей.

Так прошла неделя. Лошадь исчахла и глядела почти что почловечья, а когда приходил к ней Верещагин, то она даже открывала рот, как бы желая произнести томящее ее слово.

И еще прошла неделя или десятидневка. Верещагин — для ускорения кончины лошади — перестал ей давать и воду. Животное поникло головой и непрерывно хрипело от своей тоски.

— Кончайся, — приказывал коню Верещагин. — А то советская власть ухватлива. Того и гляди — о тебе вспомнит.

А лошадь жила и жила, точно в ней была какая-то идейная устойчивость.

На двадцатый день, когда у коня уже закрылись глаза, но еще билось сердце, Верещагин обнял свою лошадь за шею и по истечении часа задушил ее. Лошадь через два часа остыла.

Верещагин тихо улыбнулся над побежденным государством и пошел в избу — отдохнуть от волнения нервов.

Дней через десять он отправился получить за павшую лошадь страховку, как только сельсовет дал ему справку, что конь погиб от желудочного томления.

За вырученные сто рублей Верещагин купил на базаре три лошади и, как сознательный гражданин, застраховал это поголовье в окружной конторе Госстраха.

Пропустив месяц и не услышав, чтоб государство зашумело на него, Верещагин перестал кормить и новых трех лошадей. Через месяц он теперь будет иметь двести рублей чистого дохода, а там еще, и так далее — до бесконечности избытка.

Прикрутив лошадей веревками к стойлам, Верещагин стал ждать их смерти и своего дохода.

Однако дворовая собака Верещагина тоже не сидела с убытками — она начала отрывать от омертвевших лошадей задние куски, так что лошади пытались шагать от боли, и таскала мясные куски по чужим дворам, чтобы прятать. Собаку крестьяне заметили, и вскоре сельсовет во всем составе, во главе с Кондровым, пришел к Верещагину, чтобы обнаружить у него склад говядины. Склада сельсовет никакого не нашел, а ночью прибежала на двор Верещагиных целая стая чужих собак и, присев, эти дворовые животные стали выть.

На другой день левый бедняцкий сосед Верещагина перелез через плетень и увидел трех изодранных собаками умирающих лошадей.

Верещагин тоже не спал, а думал. Он уже с утра пошел взять справку о трех своих павших лошадях, которых он купил, дескать, лишь для того, чтобы отдать их в организующуюся лошадиную колонну, но вышла одна божья воля.

Кондров поглядел на Верещагина и сказал:

— Не пройдет, Верещагин, твое мероприятие, мы от собак о всем твоим способе жизни узнали! Иди в чулан пока, а мы будем заседать про твою судьбу: сегодня газета «Беднота» пришла, там написано про тебя и про всех таковых личностей.

— Почта у нас работает никуда, товарищ председатель, — сказал Верещагин, — я ведь думал, что теперь машины пойдут, а лошадь — вредное существо, оттого и не лечил такую отсталую скотину!

— Ага, ты умней всего государства думал, — произнес тогда Кондров. — Ну, ничего, ты теперь на ять попадаешь под новый закон о сбережении скота.

— Пусть попадаю, — с хитростью смирился Верещагин. — Зато я за полную индустриализацию стоял: долой скотину с полей! Да здравствует 3-й Интернационал!

— Вот именно! — воскликнул в то время Кондров. — Долой кулацкую тварь со всех полей, потому что кулак теперь хуже всякой скотины. Иди в чулан и жди нашего суждения, пока у меня нервы держатся, враг всего человечества!

Через месяц или два Верещагина и аналогичного Ревушкина бывшие ихние батраки — Серега, смазчик и другие — погнали пешим ходом в район и там оставили навеки.

Ни один середняк в Перепальном при раскулачивании обижен не был, — наоборот, середняк Евсеев, которому поручили записать точно всякую мелочь в кулацких дворах, чтобы занести ее в колхозный доход, сам обидел советскую власть. А именно, когда Евсеев увидел горку каких-то бабье-дамских драгоценных предметов в доме Ревушкина, то у Евсеева раздвоилось от жадной радости в глазах — и он взял себе лишнюю половину, по его мнению, лишь вторившую предметы, — таким образом, от женского инвентаря ничего не осталось, а государство было обездолено на сумму в сто или двести рублей.

Такое единичное явление в районе обозначили разгибом, а Евсеев прославился как разгибщик — вопреки перегибщику. Здесь я пользуюсь обстоятельствами, чтобы объявить истинное положение: перегибы при коллективизации не были сплошным явлением, были места, свободные от головокружительных ошибок, и там линия партии не прерывалась и не заезжала в кривой уклон. Но, к сожалению, таких мест было не слишком много. В чем же причина такого бесперебойного проведения генеральной линии?

По-моему, в самостоятельно размышляющей голове Кондрова. Многих директив района он просто не выполнял.

— Это писал хвостун, — говорил он, читая особо напорные директивы, вроде «Даешь сплошь в десятидневку» и т. п., — он желает прославиться, как автор какой, я, мол, первый социализм бумажкой достал, — сволочь такая!

Другие директивы, наоборот, Кондров исполнял со строгой тщательностью.

— А вот это мерно и революционно! — сообщал он про дельную бумагу. — Всякое слово хрустит в уме, читаешь — и как будто свежую воду пьешь: только товарищ Сталин может так общаться! Наверно, районные черти просто себе списали эту директиву с центральной, а ту, которую я бросил, сами выдумали, чтоб умней разума быть!

Действовал Кондров без всякого страха и оглядки, несмотря на постоянно грозящий ему палец из района:

— Гляди, Кондров, не задерживай рвущуюся в будущее бедноту — заводи темп на всю историческую скорость, невер несчастный!

Но Кондров знал, что темп нужно развить в бедняцком классе, а не только в своем настроении; районные же люди приняли свое единоличное настроение за всеобщее воодушевление и рванулись так далеко вперед, что давно скрылись от малоимущего крестьянства за полевым горизонтом.

Все же и Кондров совершил недостойный его факт: в день получения статьи Сталина о головокружении к Кондрову по текущему

делу заехал предрика. Кондров сидел в тот час на срубке колодца и торжествовал от настоящей радости, не зная, что ему сделать сначала — броситься в снег, или сразу приняться за строительство солнца, но надо было обязательно и немедленно утомиться от своего сбывшегося счастья, обещающего повториться и впредь при таком мужественном руководстве.

— Ты что гудишь? — спросил его неосведомленный предрика. — Сделай мне сводочку...

И тут Кондров обернул «Правдой» кулак и сделал им удар в ухо предрика.

До самого захода небесного солнца я находился в колхозе и, облюбовав все достойное в нем, вышел из него прочь. Колхозное солнце еще было не готово, но я надеялся увидеть его свет с какого-нибудь придорожного дерева из ночной тьмы.

Отойдя верст за десять, я встретил подходящее дерево и влез на него в ожидании. Половина района была подвержена моему наблюдению в ту начинающуюся весеннюю ночь. В далеких колхозах горели огни, слышен был работающий где-то триер, и отовсюду раздавался знакомый, как колокольный звон, стерегущий голос собак, работающих на коммунизм с тем же усердием, что и на кулацкий капитализм. Я нашел место, где было расположено «Доброе Начало», но там горело всего огня два, и оттуда не доносились собачьего голоса.

Я пропустил долгое время, поместившись на боковой отрасли дерева, и все глядел в окружающую, постепенно молкнущую даль. Множество прохладных звезд светило с неба в земную тьму, в которой неустанно работали люди, чтобы впоследствии задуматься и над судьбой посторонних планет; поэтому колхоз более приемлем для небесной звезды, чем одиночная деревня. Утомившись, я нечаянно задремал и так пробыл неопределенное время, пока не упал от испуга, но не убили. Неизвестный человек отстранился от дерева, давая мне свободное место падать, — от голоса этого человека я и проснулся наверху.

Разговорившись с человеком, я пошел за ним вслед, — по дороге, ведущей дальше от «Доброго Начала». Иногда я оглядывался назад, ожидая света колхозного солнца, но все напрасно. Человек мне сказал, что он *борец с неглавной опасностью* и идет сквозь округ по командировке.

— Прощай, Кондров! — в последний раз обернулся я на «Доброе Начало».

Навстречу нам часто попадались какие-то одинокие и груп-

повые люди, — видно, в колхозное время и пустое поле имеет свою плотность населения.

— А какая опасность неглавная? — спросил я того, с кем шел. — Ты бы лучше с главной боролся!

— Неглавная кормит главную, — ответил мне дорожный друг. — Кроме того, я слабосердечен, а в области левачества действует более всего юношество и девичество, которых надо бить без грубости. Главная опасность — вот та хороша: там старики, там пожилые почетные бюрократы, там разные акционерные либералы — тех крушить можно вдосталь, — и для самообразования будет полезно: кто ее знает, может быть, правые уже последние ошибочники, последние вышибленные души кулаков! С кем бороться после них, на ком набьешь руку идеологии, на чем укрепишь тогда свою правоту? Почти нет больше вражьих классов!.. Ах, как жалко, что у меня сердце слабое, а то бы мне главную дали: эх, и пожил бы я в такое сокрушающее время!

Я осмотрел говорящего человека. Лета его были еще не старые, зато лицо и тело, видимо, уже истратились в окружных дискуссиях, настолько его туловище глядело измученным существом. Он дышал неравномерно и редко, все время забывался во внутренних мыслях и едва ли достаточно ел пищи, — лишь истина коммунизма согривала его, а борьба за ее сбережение давала ему отличное счастье.

Переваливая за горизонт, мы заметили по бледному свету на земле, что зади нас взошла луна. Мы оглянулись.

Я увидел среди дальнего мрака слабое круглое светило, все же боровшее сплошную тьму.

— Это солнце зажгли в колхозе! — сказал я.

— Да, возможно, — безразлично согласился борец с неглавной опасностью. — Для луны — для последователя солнца это слишком неважный огонь. И последователем надо быть уметь!

Ночевали мы с ним в неопределенной избушке, которую увидели в стороне от тракта.

— Пункт бы здесь устроить какой-нибудь! — сказал мне на утренней заре прохожий товарищ. — Зачем стоит эта хатка пустой, когда основной золотой миллиард, нашу идеологию, не каждый имеет в душе!

— Это правда, — сказал я, — на свете много душевных бедняков.

В течение первой половины дня мы шли дальше. По сырým полям кое-где уже ходили всем составом колхозы и щупали руками землю, определяя ее весеннюю спелость.

Затем мы дошли до деревни Понизовки, расположенной, действительно, по низу земли. Это объясняется недостатком воды

или трудностью ее добычи на верхних почвах. Вообще — колхозное и совхозное водоснабжение должно стать большим предметом второй пятилетки, ибо, как я заметил, степень обработки и освоенности земель обратно пропорциональна водоснабжению. Это значит, что высокие, водораздельные земли, обычно самые ценные по качеству, самые структурные по составу, хуже обрабатываются и за такими полями бывает меньше ухода. Оно и понятно, потому что водоразделы лежат далеко от хозяйственной базы, всегда прижатой к естественно-открытому водоему или к неглубокой грунтовой воде. Я видел в зерновых районах не меньше ста громадных сел, и все они согнаны на водопой в низы — в долины рек, в балки и прочие провалы рельефа. Высокие же, самые тучные земли — далеки и пустынно. Это означает громадные, вероятно в несколько сот миллионов рублей ежегодно, потери для нашего хозяйства, благодаря недобору урожая с водораздельных почв.

В чем же заключается решение задачи? В том, чтобы селить колхозы и основывать совхозные усадьбы прямо на водоразделах, в центре плодородия почв. А водоснабжение для них следует устраивать посредством глубоких трубчатых колодцев. Добавочное значение тут будет еще в резком оздоровлении деревни. Та заразная жижка открытых водоемов, которой утоляет свою жажду почти весь деревенский СССР, потеряет тогда свой смысл как источник водоснабжения. Артезианская же, глубокая вода трубчатых колодцев — безвредней, вкуснее и чище, чем хлорированная водопроводная.

Сейчас, когда идешь по СССР, то видишь как бы пустую, незаселенную страну. Это потому, что все поселения спрятались в низовые ущелья; иначе говоря — гидрологические условия определили собой способ заселения нашей земли. Соображая же несколько глубже, можно сказать, что феодально-капиталистические производственные отношения держали деревню у ручьев и болот, оставляя в полном или частичном запустении самые лучшие по плодородию суходолы. Отсюда ясно, что для многих наших южных, юго-восточных и центрально-черноземных районов социализм должен явиться, в числе прочих своих элементов, также и в качестве воды на водоразделах.

Вот отчего деревня, встреченная нами, называлась Понизовкой — именем, которое подходяще и для тысячи других деревень.

Борец с неглавной опасностью пошел непосредственно в сельсовет. И здесь я был свидетелем действий его опытного ума, умевшего всякую бюрократическую сложность обращать в понятную простоту истины.

— Что же вы ничего нам не сообщили? — спросил моего дорожного товарища секретарь сельсовета. — Мы бы вам тарантас послали навстречу!

— Не указывай! — ответил борец. — Береги лошадей для сева, а не для меня.

На стене совета висели многие схемы и плакаты, и в числе их один крупный план, сразу привлечший зоркий ум борца с опасностью. План изображал закрепленные сроки и названия боевых кампаний: сортировочной, землеуказательной, разъяснительной, супряжно-организационной, пробно-посевной, проверочной к готовности, посевной, контрольной, прополочной, уборочной, учетно-урожайной, хлебозаготовительной, транспортно-тарочной и *едоцкой*.

Глубоко озадачившись, борец сел против пожилого, несколько угрюмого председателя. Ему было интересно, почему сельсовет заботится и о том, чтоб люди ели хлеб, — разве они сами непосильны для этого или настолько отстали, что откажутся от своевременной пищи?

— А кто его знает? — ответил председатель. — Может, обольются на что-нибудь, либо кулаков послушают, и станут не есть! А мы не можем допускать ослабления населения!

Секретарь дал со своего места дополнительное доказательство необходимости жесткого проведения едоцкой кампании.

— Если так считать, — сказал секретарь, — тогда и прополочная кампания не нужна: ведь ходили же раньше бабы сами полоть просо, а почему ж мы их сейчас мобилизуем?

— Потому что, молодой человек, вы только приказываете верить, что общественное хозяйство лучше единоличного, а почему лучше — не показываете, — ответил мой дорожный товарищ.

— Нам показывать некогда, социализм не ждет! — возразил секретарь.

— Ну конечно, — заключил борец. — Вы строить и достраивать ничего не хотите, вам охота поскорей как-нибудь отстроиться и лечь на отдых среди счастья... Вот она — левая, бегущая юность! — уже ко мне обратился командированный.

Настроение председателя было иным. Он угрюмо предвидел, что дальше жизнь пойдет еще туже. По его выходило, что скоро придется людей административно кормить из ложек, будить по утрам и уговаривать прожить очередную обыденку. Секретарь же с ним постоянно ссорился и считал его правым трусом, сам в то же время яростно и директивно натягивая группу бедняков-активистов, не давая им ни понять, ни почувствовать, вперед, бегом через колхоз, на коммуноу.

Иллюстрации к рассказу А.П. Платонова «Г.М. Скрынко», опубликованному в журнале «Прожектор»

Спустя немного времени, окружной товарищ сильно смеялся такому четкому обстоятельству, когда левый и правый сидят в одной комнате и все время как бы производят один другого.

— Едоцкая кампания была ниточкой, на которую я сразу поймал и левацкого караса, и правую шуку, — объяснил мне окружной спутник. — Придется мне в этом селе посидеть и кой-кого обидеть из этих дрессировщиков масс...

— Да ты слишком примиренчески с ними говоришь, — сказал я. — При чем тут юность, нежность, когда левый правит на катастрофу?!

— Это верно, — вдумчиво согласился борец. — Случись что тяжелое, левый ведь побегит к правому — боюсь, скажет, дяденька! А этот дяденька зарычит своим басом и угробит все на свете, кулацкий кум!

Окружной человек еще немного подумал среди тишины кончающегося степного дня.

— Правильно-правильно: у левых — дискант, у правых — бас, а у настоящей революции баритон, звук гения и точного мотора!

И здесь борец с неглавной опасностью отошел от меня; я же направился из Понизовки дальше — по своему маршруту, не смотря на вечернее время.

Идти мне пришлось недолго; два неизвестных инженера ехали с шофером на автомобиле и взяли меня подвезти до ближнего места. С полчаса мы ехали спокойно; а потом в моторе что-то жестко и часто забило, словно в камеры цилиндров попало металлическое трепещущее существо. Конус, тормоз, — и шофер вышел смотреть повреждение. Отняв гайки, мы общим усилием попробовали поднять блок цилиндров, но силы в нас оказалось меньше тяжести, а энтузиазма не было. Прохожий человек стоял и судил нас:

— Вы маломочны и беретесь не так. Лучше ступайте на Самодельные хутора — отсюда версты две будет, и того нет. Возьмите оттуда Гришку — он вам одну машину зарядит. А так вы замучаетесь: вы люди не те!

Мы помолчали — из уважения к себе перед прохожим, но затем сообразили, что без того Григория с хутора и без лошадей нам не обойтись, и темнело уже.

Я пошел на хутор. В долине существовали четыре закопченных двора, из каждой трубы шел какой-то нефтяной дым, и всюду в этом поселении гремели молотки. Хутор был похож не на деревню, а на группу придорожных кузниц; самые же дома, когда я

подошел ближе, были вовсе не жилищами, а мастерскими, и там горел огонь труда над металлом. Опустелые поля окружали эту индустрию — видно, что хуторяне не пахали и не сеяли, а занимались железным делом какого-то постоянного машинного мастерства. Вдруг резкая воздушная волна ударила мне в глаза горячим песком, снесенным с почвы, и вслед за тем раздался пушечный удар. От неожиданного страха я присел за лопух и слегка обождал. Голый человек, черный и обгорелый — не на солнце, а близ огня, — вышел из хаты-мастерской и поднял позади меня огромный деревянный кляп.

Этот человек оказался необходимым нам Григорием. Он только что испробовал прочность железной трубы, посредством выстрела из нее деревянной пробкой: железная труба лежала в горне, имея воду внутри, и работала как паровой котел — на давление, пока не вышибла кляпа из отверстия.

Григорий пошел со мной и поступил с автомобилем очень просто: он выбрал начинку из двух цилиндров, в виде рассыпавшихся вкладышей, и запустил мотор на двух цилиндрах.

— Ехать можно, — сказал нам Григорий. — Только в двух холостых цилиндрах теперь живот болит — там газ и масло гоняются непостижимо как.

Мы поехали на его хутор. Хутор этот живет уже лет двести, и всегда в нем было не более четырех дворов. В свое, отошедшее в древность время, хутор был ремонтной мастерской чумачьих телег, арб и чиновничьих экипажей, а теперь на хуторе поселились бывшие партизаны и демобилизованные красноармейцы, происхождением из шахтеров, московских холодных сапожников и деревенских часовых мастеров, делавших в свое время, за недостатком заказов, девичьи бусы.

— Вы ездили на автомобилях? — спросил у Григория один основной пассажир — инженер.

— Кто мне давал его?! — с вопросительной обидой произнес Григорий, правивший машиной.

— А как же вы едете так прилично?

— А я же еду и думаю, — объяснил Григорий. — Машина же сама говорит, что ей симпатично, а я ее слушаю и норовлю.

На этом хуторе мы ночевали, потому что Григорий обещал поделывать вкладыши из металла, который никогда не лопнет и не раскрошится.

Мы легли на ночлег в солому близ сарая, в котором хранился кузнечный уголь и брак продукции. Едва только мы углубились в прохладу сна на свежем воздухе, как нас разбудил гром аплодисментов и длительные овации. Вокруг ничего не существовало, кроме тихой и порожней степи, а в одном строении хутора гремел

восторг масс и трезво дребезжало стекло открытого окна. Я встал в раздражении испорченного сна, но со счастьем любопытства.

— Неопределенных возгласов не хватает! — услышал я рассуждение Григория в тишине кончившейся орации. — Люди всегда работают сразу — и в ладоши, и в голос крика! Иначе не бывает. Когда рад, то все члены организма начинают передачу.

Я не понимал, и пошел внутрь мастерской. На полу жилия стоял станок, похожий на тот, что точит ножи и всякие лезвия, но с особым значительным ящиком и разными мелкими деталями. Привод станка в действие — явно был ножной. Весь этот аплодирующий автомат был изготовлен полевыми мастеровыми для Петропавловского драмкружка, которому нужны были, по ходу одной пьесы, приветствующие массы за сценой.

Здесь пришел другой мастеровой — Павел, по прозвищу Прынцип, он принес кусок блестящего металла в руке.

— Это что? — спросил я у Григория.

— Это мы детекторы из него крошим.

— И много вам заказывают?

— Тыщи. Наши деревни музыку обожают, а слободы — еще более. Я думаю, что дальше в степь радио и не проходит: у нас в округе антенн гуще, чем деревьев, вся волна тут оседает.

Затем мастеровые сели ужинать; их было семь человек, и все они слегка походили друг на друга. Стол находился под кущей закоптевшего единственного дерева — в конце двора; над столом, подвешенная к дереву, горела чугунная люстра из десяти пяти-свечовых электрических лампочек, а самое электрическое питание лампам подавал аккумулятор с чердака. На столе имелись для аппетита полевые цветы в банке и две стальные гравюры, изображавшие любовь.

После сытного ужина, рассчитанного на утоление мощных туловищ степных мастеровых, состоялось чтение газеты вслух. Читал Григорий, а остальные серьезно слушали и отвечали искренними чувствами.

— «Нашей погранохраной задержан польский шпион Злучковский!» — читал Григорий.

— К ногтю! — решили слушатели про того шпиона.

— «В Баку открыт новый мощный завод смазочных масел».

— Машинам необходимы жиры. Это первейшая нужда, — одобряли такое дело мастеровые, сочувствуя машинам.

— «Камчатская пушная экспедиция Госторга шлет приветствие пролетариату Советского Союза».

И все слушатели молча наклоняли головы в ответном приветствии.

— «Близ Ашхабада наблюдались слабые толчки почвы, в деревне Исмидие разрушен один дом».

— Зря: люди работают, а посторонняя сила лезет.

Это были очень серьезные люди. Было заметно, что они не слушают происшествия, а чувствуют их, не созерцают, а изучают, и в легкой работе ума отдыхают тяжелым телом.

После ужина Григорий принялся за изделие вкладышей для автомобильного мотора. По его системе вкладыши должны получиться прочнее, потому что он их делал не из целого куска бронзы, а из частей.

— Ты видел дома из одного цельного камня? — спросил Григорий у меня.

— Нет, — по справедливости сообщил я.

— Оттого они и стоят по сту лет, оттого и держат бури, жару, дожди и сотрясения. Часть — великое дело, а сплошной массив — хрупкая опасность. Я тебе вкладыши сварю из крупинок и частей, как кирпичный дом. Будешь ездить сильно! Митрий, порть мне бронзу на мелочь!

Дмитрий начал рубить кусок бронзы.

— Брось, — догадался Григорий. — Бронза стоит государству средств и организации. Руби мне ее из старых вкладышей.

И так было поступлено.

Еще не успел сварить и отформовать Григорий вкладыши, как из степной ночи предстал перед мастерской таинственный, озадаченный всадник. То был друг Григория — комсомолец из недалекой слободы.

— Гриша, к нам бог вступает, поп и бабы ему иже херуим хором поют, на голове у него свет горит!.. Едем со мной на лошадином заду!

— Заводи машину, — сказал Григорий мне. — Буди шофера!

Шофера я разбудил, а инженеры от усталости ехать не захотели.

Через минуту мы помчались с хутора на паре цилиндров — бороться с пришествием бога в слободу, а позади нас попевал комсомолец на коне.

Мы приехали быстрее бога: он еще не дошел до слободы, а медленно двигался по горизонту, окруженный старым народом, и над головой его, действительно, светился нимб беловатого огня. Мы дали газ в мотор и, с перебоями в цилиндрах, достигли бога и верующих в него.

Шел старик по земле, одетый в рядно, босой и торжественный. Борода, ясные очи и благодушные пожилого лица служили как бы определенными признаками бога-отца. Вокруг косматых головных волос светилось ровное озарение. Увидев автомобиль,

бог-отец выпустил из рук чернохвостого голубя, означавшего духа святого; голубь не хотел было улетать от кормильца, но Григорий дал воющий сигнал — и птица понеслась боком вдаль. За это мы получили из толпы камень, разбивший стекло в правой фаре.

Григорий тогда встал на шоферское сиденье:

— Господа старики и старухи! (В южных слободах любят это почтительно-отжившее обращение.) Господь устал от тяжести грехов народа и пешего хода по земному пространству. Мы приехали сюда на машине, чтобы заставить дьявола послужить господу... Садись, бог!

— Охотно, голубчик! — согласился близко созерцавший нас бог-отец.

Он был усажен в пассажирское заднее отделение, и рядом с ним сел Григорий, а шофер повел машину — с такой скоростью, чтобы старики и старухи поспедали сзади бежать.

Ночь продолжалась над нами; глубокая звездная природа существовала вокруг нас, не замечая местного людского происшествия. В слободе заметили приближение того, кто явился во второй раз в мир человечества, и сторож зазвонил в главный колокол с малыми подголосками, произнося на них пасхальную службу.

Шоферское боковое зеркало все время отражало свет заднего бога, и вдруг оно погасло; я не мог обернуться, потому что по указанию шофера качал воздух в бензиновый бак, но зеркало опять заблестело божьим сиянием, и я успокоился.

У входа в храм лежал ниц поп и также повалены были все те, кто и раньше ходил под богом. В стороне стояла группа комсомольцев, трактористов и молодых слобожан, они бесстрашно улыбались накануне светопреставления. Один крестьянин, уже положительного возраста, подошел ко мне в сомнении:

— Либó, товарищ, правда — бог где-то был, а теперя явился, когда не нужен?

Я не разубеждал его словом, поскольку бог-отец почти фактически был.

Здесь божий свет снова потух. Поп поднял очи:

— Где же свет господень, что я видел во мгновении времени?

— Сейчас, — ответил бог. Но свет вокруг его главы не происходил.

— Давай я зажгу! — предложил Григорий, — ты будешь копаться — должность потеряешь.

Он заголил богу рядом, как юбку, пошарил по его груди, и свет засиял.

— У тебя зажимы на батарее ослабли, — тихо сообщил Григорий богу.

— Знаю! — согласно сказал господь. — Туда бы нужны болтики и гаечки, а разве их обнаружишь где в степи!

После посещения храма мы повезли бога в избу-читальню. Так пожелал Григорий, а бог согласился. У Григория был замысел: в этой зажиточной слободе почти никто не верил в радио, а считали его граммофоном, — Григорий вез бога в техническое доказательство. В избе-читальне собралось народу порядочно, тем более что прибывал бог.

В громкоговорителе же ослаб аккумулятор, и про то знал Григорий, а у бога вокруг груди висела свежая батарея элементов. Григорий поставил бога вблизи громкоговорителя и прицепил его проводами к аппарату. Радио, получив усиленное питание, зазвучало четким басом, но зато свет вокруг головы бога потух.

— Верите ли вы теперь в радио? — спросил Григорий собрание, во время перерыва для подготовки оркестра в Москве.

— Верим, — ответило собрание. — Верим господу и в шумную машину!

— А во что не верите? — испытывал Григорий.

— В граммофон теперь не верим, — сообщило собрание.

— Вот тебе раз! — раздражился Григорий. — А если мы вам граммофон сделаем, тогда поверите?

— Послушаем. Слушать будем, а верить обождем.

— А если я вас бога сейчас лишу?

Собрание и тому не особо удивилось:

— Ну-к что ж, — ответил за всех неимуший мужик Евсей, читатель центральных газет. — Вместо одного бога, за нами десять безбожников ухажорствовать будут. Чем, Гриш, меньше веришь, тем оно к тебе внимания и доходу больше.

В полночь настала пора расходиться. Но вышло горе: никто не брал бога ужинать и ночевать в свою хату. Слобожане требовали, чтобы сельсовет назначил подворную очередь на содержание бога, а неорганизованно иметь бога не желали.

— Да возьми хоть ты его, Степан, — сказал Евсей соседу. — У тебя новая хата порожняя, как-нибудь уляжешься.

— Чего ты? — обиделся Степан. — Я третьего дня бревна на мост по самообложению возил!

Бог уже захотел есть и озяб от свежей ночи, проникавшей в окна избы-читальни.

Наконец, над ним сжалился комсомолец, который приезжал за нами на хутор, и позвал старика в свою хату, где существовала одна его бедная мать.

Григорий озлобился на такую религию и увез бога на хутор как старика. Там бог поел, выпался и наутро остался трудиться второстепенным кузнецом. Он оказался безработным кочегаром

астраханской электростанции, тронувшимся в путь в виде богатоца для проповеди коллективной жизни и для подыскания работы в колхозе.

— Я тебя еще раз поймаю — ушибу! — пообещал Григорий. — Живи здесь и работай на производстве. Проповедуй молотком, а не ртом.

Довольный бог остался: все же в нем жила душа кочегара и пролетария, жила и думала; кулак или другой буржуй не сумел бы стать богом — он, невежда, не знает электротехники.

С теми техническими способностями, какие были у Григория Михайловича Скрынко, сидеть ему на хуторе и стрелять из труб деревянными пробками — ни к чему и вредно для государства. Наутро я сказал Григорию об этом. Он послушал и показал мне окружные бумаги, в силу которых он назначался директором машинно-тракторной станции — из шестидесяти тяжелых тракторов; начальной базой для этой станции предназначался тот самый механический хутор, где жил сейчас Григорий. Машины и оборудование для МТС должны были прибыть в течение одной-двух ближайших недель.

Это было прекрасно. Лучшего вождя и друга машин, чем Григорий Михайлович, найти в этой местности нельзя. Кроме того, только в случае внезапной смерти Григория Михайловича посевной план МТС мог бы быть не выполнен, а при его жизни этот план наверняка будет превышен процентов на сто, ибо у него трактора не остановятся никогда, и он заставит машину работать даже на одном цилиндре, лишь бы сберечь весеннюю минуту.

— А я недоволен, — сказал мне в последующей беседе Григорий Скрынко. — Вот проверну здесь генеральную линию, покажу всей средноте, что такое колхоз в натуре, что такое весна на тракторном руле, а потом учиться уеду, — больше не могу терпеть!

— Чего вы не можете терпеть?

— Отсталости. Зачем нам нужны трактора в каких-то двенадцать, двадцать или шестьдесят сил? Это капиталистические, слабосильные марки! Нам годятся машины в двести сил, чтоб она катилась на шести широких колесах, чтоб на ней не аэроплан трещал, а дышал бы спокойный нефтяной дизель, либо газогенератор! Вот что такое советский трактор, а не фордовская горелка!

— Это, пожалуй, верно. Но как того добиться?

— Стану сам профессором тяги, вот и добьюсь.

Наверно, так и случится, что года через три-четыре или пять у нас начнут пропадать фордзоновские царапки и появятся мощные двухсотсильные пахари конструкции профессора Г.М. Скрынко.

— Что будет дальше на моем пути? — спросил я у Григория.

— Колхоз «Без кулака», — сказал Григорий. — Там председателем мой двоюродный брат, Сенька Кучум, скажи ему, что ты был у меня.

Я направился в этот указанный колхоз, но ввиду ночной тьмы не успел достигнуть места назначения и явился туда на утро нового дня.

При входе в колхоз висела вывеска с названием этого общественного сельского хозяйства, а под вывеской план работ на текущий год, изображенный по железу, и классовый состав колхоза: 48 бедняков, 11 батраков, 73 середняка, 2 учителя, 1 прочая женщина с детьми-сиротами.

Колхоз «Без кулака» существует с августа 1929 года; причем в 1928 году — при единоличном ведении хозяйства — нынешними участниками колхоза засеяно озимыми всего 182 гектара, колхоз же посеял озимых 232 гектара; по яровым колхоз наметил увеличить площадь посева в полтора раза — против того, что сеяли нынешние члены, будучи единоличниками. За счет какой же конкретной силы произошло увеличение производительности сплошных бедняцко-середняцких хозяйств?

Не зная этого, я пошел к Семену Кучуму, чтобы спросить. Семен, по прозванию Кучум, удивил меня мрачностью лица и резким голосом, раздающимся из глубины его постоянно скорбящего сердца.

— Я не могу тебе ответить, — сказал он мне, — потому что для нас нет такого вопроса, для нас это понятно без всякого ума.

— У вас, наверно, тракторы есть — или вам МТС работала?

— Нет еще ни трактора, ни МТС.

— А что же есть?

— Чего в тебе нет — в нас нет вопроса.

— А отчего ж мужики больше сеять начали?

— А для чего ж они колхоз организовали — для бурьяна, что ли?

— Ты обходишь мой вопрос, я же с добром спрашиваю.

— Не обхожу, — сообщил Кучум. — По-твоему, все наше дело должно выйти так: собрались люди в кучу с одним планом и желаньем, стали работать, и вдруг ничего у них не вышло. Это же страшно, и так быть не может! Так думает безумный, или ненавидный.

— И я так думаю иногда.

— Понятно: в тебе нет колхозного чувства, не все поспевают за революцией. Кто имеет чувство — у того и ум, а без чувства — остаются одни вопросы и злоба.

Я поник. Это была приблизительная правда. Я остался в колхозе на несколько дней, не особо все же доверяя Семену Кучуму. Больше Кучум уже ни разу не говорил со мной, потому что вообще не произносил слов без нужды, хотя был вежливым и спокойным, от какого-то равномерного уныния, человеком. Дальше я существовал лишь свидетелем некоторых событий.

В этой деревне около четверти населения была в колхозе. Остальные же крестьяне все время мучились душой: входить им или обождать. Семерых кулаков раскулачили и выселили. Сверх того раскулачили троих середняков, но теперь в районе уже заботились над их возвращением обратно. Работал Кучум непостижимо, я больше нигде не видел такого колхозного организатора.

Однажды приходят к нему четыре бедняка — у всех одно заявление: бери их и зачисляй в колхоз. Бедняки эти были общеизвестными, в смысле качества — люди вполне усердные, давно отчаявшиеся найти дорогу к облегчению своей жизни.

— Чего еще! — с грубым недружелюбием сказал им Кучум. — Вы что — очертенели, что ль? Вы думаете — в колхозе легко вам будет?

— Да может, Семен Ефимыч, и легче, — ответили бедняки.

— Это вам люди набрехали, — угрюмо объяснил Кучум. — В колхозе же труд, забота, обязанности, дисциплина, — куда вы лезете?

— А как же нам быть-то, Семен Ефимыч?

— Да будьте на своих дворах, охота вам горе в колхозе добывать!

Бедняки в раздумчивости уходили от Кучума.

Средняки обычно приходили писаться в колхоз поодиночке. Они подавали бумажку с молчаньем и с морщиной на лбу, ввевшейся в их голову еще с зимы.

— Пиши и нас, Семен Ефимыч, я человек не каменный!

— А какой же ты? — спрашивал Кучум.

— Я трогательный. Я же вижу ваши обстоятельства, а у себя не вижу ничего — живу неподвижно, как вечный какой!

— Истомиться у нас пожелал? — уныло-недоуменно ставил вопрос Кучум. — Другую морщину нажать хочешь на лоб?

— Да хоть бы и так, Семен Ефимыч!

— Хоть бы и так?.. Нет, ты уж иди назад — нам мучеников не нужно. Помучайся лучше на своей усадьбе — отмучаешься, тогда придешь.

Я решил, что Кучум нарочно не принимал единоличников, чтобы поднять колхоз изолированным способом на высоту благосостояния, устроив нечто вроде группового дворянства. Но

единоличные крестьяне чувствовали другое: они глубоко чтители Кучума.

— Сначала мы тоже думали, что он пьяный или дурной, а потом узнали, что он — настоящий, — объяснил мне многократно непринятый в колхоз бедняк Астапов.

Оказывается, и в прошлом году Кучум тоже создавал колхоз крайне неохотно, с отсрочкой и с оттяжкой, страшно поднимая этой истомой чувство бедноты, положившей уже уйти в колхоз. Такими непонятными действиями Кучум устроил не просто поток бедноты в колхоз, а целый напор, давку у его дверей, ибо сумел организовать какую-то высокую загадочность колхоза и дал в массу чувство недостойности быть его членом. Но в то же время Кучум не хитрил и не казался политиком. Он никогда не обещал ничего хорошего вперед, не давал никаких обязательств и поручительств на светлую жизнь и первый, среди всех известных мне колхозных активистов, имел мужество угрюмо сказать колхозникам, что их ожидает вначале горе неладов, неумелости, непорядка и нужды; причем нужда эта будет еще горче, чем бывает она на одном дворе, и побороть ее тоже будет трудней, чем одинокому хозяину.

— Но, может, потом нам будет хорошо? — робко спрашивали его первые колхозники.

— Не знаю, — искренно отвечал Кучум. — Это зависит от вас, а не от меня. Помогать я вам буду, кулака в колхоз не впущу, но кормиться и добиваться лучшего вы должны сами. Вы не думайте, что советской власти так уж необходим ваш колхоз — советская власть и без хлеба жила — колхоз нужен вам, а не ей.

— Да ну?! — пугались первые колхозники. — А мы слышали, что колхоз советской власти по душе!

— Ну что ж, что по душе! У советской власти душа же бедняцкая, — стало быть, что вам хорошо, то и ей впрок.

Так, еле-еле, под напором нескольких неимущих, но почти что против воли Кучума, был устроен колхоз «Без кулака».

И действительно, Семен Кучум никого не обманул — тяжело пришлось колхозным жителям в первое смутное время организационности. А Семен ходил среди всех в такие дни тяжести и говорил: «Ну, кого выписывать прочь? Я же вас предупреждал, что вы не годитесь в колхоз!» Но никто не пожелал выписаться.

Только много позже, уже зимой, один батрак выписался из колхоза.

— Не могу, — сказал он. — Харчи дают без гуши, работай от сна до сна, все помнить велют, лучше я батрачкой льготой буду жить.

— Вали, — ответил ему Кучум. — Кулак ведь не одних боль-

шевиков из нашего брата делал, а и вечных рабов еще, вроде тебя. Вали к чертовой матери!

После осеннего сева Кучум, однако, принял в колхоз дворов, кажется, десять, и то с серьезным разговором. Я написал «принял», но это не значит, что Кучум решал все дела колхоза в одиночку, наоборот, он отказывался ото всех дел, кроме прямой работы, вроде пахоты. Но сами колхозники так относились к Кучуму, что ничего не совершали без его слова; если же он молчал, тогда коллективисты чувствовали его настроение, и по его настроению делали свои постановления. После сортировки зерна и подготовки к севу Кучум принял еще дворов пять. Такими способами приема Кучум мучил всю единоличную часть деревни, потому что большая часть единоличников уже напирала в ворота колхоза. Но Кучум не совершал приемов без показательных фактов колхоза, без достижения таких образцов работы, которые служат ясным и простым доказательством выгоды общественного трудового хозяйства. Поэтому он и принял десять дворов только после осеннего сева, проведенного, говорят, так, что единоличники стояли по сторонам колхозного поля и плакали, точно видели что-то трогательное.

После подготовки к севу также состоялся прием новых членов, и после весны, надо думать, Кучум опять отойдет сердцем и даст вход нескольким беднякам и середнякам. Правило Кучума, очевидно, было такое: чем больше колхоз доказывает сам себя (доказывает фактически — на ощупь населению), тем больше он пополняется новыми членами. Кучум не разрешал обманываться людям.

Мне странно было видеть и слышать, как единоличники, не принятые еще в колхоз, любили этот колхоз и заботились о нем. Один средний крестьянин, по уличному прозвищу Пупс, хотел, например, организовать группу колхозных кандидатов, дабы обеспечить себе первоочередное проникновение в колхоз, но Кучум запретил такое дело и разрешил Пупсу создать лишь товарищество общественной обработки земли. Пупс такое товарищество учредил, но остался в большой обиде на Кучума и, выпивши, ходил по деревне с песней:

— Эх, в колхозе вольно жить,
Вольно жить — не тужить...
Выпьешь бутылку-другую кваску
И побежишь погулять по леску!

Дойдя до правления колхоза, Пупс долго требовал, чтобы к нему вышел Кучум, — он хотел еще раз поглядеть на великого человека.

В разных частях быта и хозяйственной сноровки единоличников сильно сказывалось влияние колхоза. Каждый личный хозяин норовил суетиться на своем дворе по звонкам колхоза, раздававшимся на всю деревню. Ему было теперь неудобно лежать дома на лавке, зная, что в колхозе трудятся. Особенно же доставалось женской части единоличников. Насмотревшись порядков в колхозе, мужики ходили теперь по своим домашним угодьям с полным презрением.

— Марфуш! А Марфуш! — терпя свое сердце, обращался супруг к жене, а жена его доила корову. — Ты бы хвостяную конечность-то к коровьей ножке привязала: чего ж тебя животное хвостом по морде бьет! Ты бы хоть раз на колхозные дворы сходила — поглядела бы, как там членки доют!

Другой хозяин всю ночь спал с открытым окном избы, потому что и в колхозе люди спали с воздушным сообщением; третий человек выписывал сразу две газеты на одного себя, поскольку в колхозе приходилось по газете на каждую взрослую душу.

И еще я заметил, что колхозные девицы были самыми модными барышнями среди юношей единоличных дворов. Они им казались и вкусней, и сознательней, и гораздо изящней, точно социалистические парижанки среди феодального строя. Единоличники девки, глядя на молодых колхозниц, единодушно бросили белиться, перестав тереться щеками о белые стены, ибо ни одна колхозница не украшала свое лицо красками.

Таково было великое томление единоличников по колхозу, устроенному Кучумом без особого восторга. Мало того, я наблюдал людей, прибывших из окрестных деревень и, видимо, надеявшихся, что можно скустовать своей деревней с колхозом Кучума.

— Действуйте себе на горе, если вам жизнь не дорога, — общал Кучум таким гостям, — а жаловаться потом ко мне не приходите.

— Ишь ты какой! — обижались пришельцы. — У тебя, стало быть, и колхоз, и весь свет жизни, а мы сиди под собственным плетнем и жуй житное с солью!

— Я же вам говорю, чтоб вы организовались, раз вы беды не боитесь!

— А у вас-то в колхозе, аль беда какая?

Беды в колхозе, пожалуй, не было, но и покоя жизни тоже никто не знал. Но все же единоличники верили, что в колхозе каждый день прибавляется по одной капле лучшей жизни, а у них эта влага стоит всрезёк, на одном уровне. Кучум посчитал, что о союзе с окрестными колхозами он будет говорить во время самой нужды в этом союзе, например, при появлении МТС, при земле-

устройстве, при организации борьбы с вредителями и в других больших хозяйственных случаях.

Мне было очень интересно, как сумел этот мрачный вождь бедняцкого движения к хлебу и свету организовать труд в колхозе и распределение продуктов. В этом деле он оказался скупым рыцарем. Весь состав колхоза он разбил на две половины: люди до 20 лет (юноши и девушки) и люди старше 20 лет. При этом молодое поколение (до 20 лет) разбивалось еще на ряд групп: младенчество, детство, отрочество, рабочая молодежь в 15–20 лет. Для всей этой молодежной части колхоза снабжение было установлено, как в коммуне, без всякой разницы и поправки на общественную трудовую полезность (принималась в расчет только возрастная разница, например — младенец и уже работающий юноша в 17 лет и т. п.). Для членов старше 20 лет натуральное и денежное снабжение происходило сдельным способом. В хозяйственном плане колхоза было записано и утверждено следующее: «Весь доход колхоза “Без кулака”, за отчислением из него амортизации, налога, расходов по скоту, страховки и пр., делится на число душ-едоков; души-едоки до 20 лет получают свою долю дохода полностью, а более старшие лишь половину своей доли, и из расчета этой половины душевого дохода составляется сдельный расценочный лист каждого члена старше 20 лет. Другая половина душевого дохода старшего члена за минувший хозяйственный год делится так: четверть ее идет на усиление пищи и одежды молодого поколения, т. е. не свыше 20 лет, две четверти на хозяйственное развитие коллектива и последняя четверть в запасный, неприкосновенный фонд, а также на помощь индустриализации государства».

Ясно, что Кучум имел на свежее поколение великую надежду и впряг всех взрослых людей, уже испорченных бывшим империализмом, работать на это живое будущее. Кучум знал, что нынешнее юношество уже будет жить в коммуне и не станет нуждаться в сдельщине. Впрочем, молодежь не нуждалась в сдельщине и сейчас: я узнал, что колхозники в возрасте 15–20 лет работали с предельным напряжением сил и не имели надобности в каком-либо подгоняющем принуждении, — им было необходимо лишь обучение. Эта картина — трудовое усердие молодежи — стала обычной в нашей стране, потому что советская юность не знает причин для избежания труда, разве что лишь когда переутомится или влюбится.

Рабочие планы составлялись в этом колхозе на каждые десять дней. Согласно такому общему декадному плану всякому члену колхоза выдавался на руки личный план-талон, в котором обозначались объем работы, число часов для исполнения и расценки. Такие индивидуальные планы-талоны указывали обязанности каждого

члена в течение одного, двух, а иногда трех дней. Весь плановый и операционный штаб колхоза состоял из Кучума и его помощника, бывшего батрака Силайлова; но и эти двое также получали личные планы-талоны на обычную работу, общей же плановой и руководящей деятельностью они занимались по вечерам или рано утром.

Из новых учреждений в колхозе были детский сад с яслями и Дом коллективиста, работавшие под заботой двух учителей-колхозников, — причем эти учителя были освобождены от всякой сельскохозяйственной работы и снабжались так, как если бы им было меньше 20 лет. Последнее обстоятельство указывало на глубокий расчетливый такт Кучума; в остальном же он был скупец и безжалостный хозяин. Это его свойство сказалось и в плане колхоза, и во внешнем виде колхозников — одевались они плохо и имели худой, изработанный вид. Зато молодая часть колхоза была совсем другая — не только пригожа и сыта на лицо, но и одета вполне прилично: недаром колхозные девушки были парижанками для всех единоличных девок. В эту сторону Кучум уже ничего не жалел и лично ездил в город закупать мануфактурный матерьял для молодежи, беря для консультации парня и девицу.

В мою бытность в этом колхозе Кучум совершил одно замечательно-правильное начинание: он, от имени колхоза, вызвал на соревнование весь местный состав единоличников, желавших быть колхозниками. Предметом соревнования были все обычные статьи весеннего сева: семязерно, площадь засева на лошадь-человека, срок и т. д. Призом же соревнования было следующее: если единоличники выиграют у колхоза или хотя бы близко сравняются с ним, то всех соревнующихся единоличников Кучум принимает в колхоз; если проиграют — пусть с приемом подождут до осени. Единоличники вызов Кучума приняли.

— Мы ему, черту, покажем, кто мы такие! — ожесточаясь для невероятного труда, говорили некоторые единоличники.

— Попробуем. Может, и сладим.

— С ним попробуешь! Он, гляди, вот-вот и спать перестанет.

— Это бы ничего. Плохо то, что и другие все запляшут скоро под его шаг.

— На лицо-то он вялый, а как почнет рвать и метать — как только почва его носит!

— Ну, ведь и мы из костяного матерьяла сделаны!

— Замучил он нас. Если б он бабой был, то мы бы думали, что он присушку знает, а раз он мужик, то — непонятно. При нем, говорят, и дети в яслях не плачут.

— А что ж они делают?

— Кто ее знает! Наверно, сознавать начинают.

— Вот крест-то нам господь послал! От него, как от бабы, и отвязаться нельзя!

— Даже странно! — почти научно выразился какой-то единоличный малый.

Мне неизвестно, чем закончилось это редкое соревнование. Если даже колхоз и не выиграл, что при Кучуме недопустимо, то выиграло государство, ибо в той деревне засеяны, наверно, не только все порожние земли, но даже и овражные косогоры, ибо ярость мужиков была велика, да и у кучумовцев она немаленькая, хотя и другого качества.

В день своего отхода из колхоза я увидел, наконец, как уныло-равнодушный Кучум был краткое время бешеным. К нему явился снятый с должности председатель колхозного куста, расположенного отсюда километров за двадцать. Он с Кучумом был хорошо знаком и почти что приходился ему другом, — то замечалось по искренности отношения и легкой радости на обоих лицах. Прибывший кустовой председатель начал жаловаться на неправомерности: его прогнали за перегибы, за то, что он раскулачил будто бы сорок человек середняков и закрыл церковь без либерального подхода к массам; но ведь те середняки завтра могли бы стать кулаками, и он лишь пресек их растущую тенденцию. А что касается церкви, то народ, сам не сознавая, давно потерял надежду в наличие бога, и он только фиксировал этот факт путем запрещения религии, — за что же, спрашивается, его ликвидировали как председателя?

Здесь бывший председатель сообщил следующее свое мнение: собаке рубят хвост для того, чтоб она поумнела, потому что на другом конце хвоста находится голова, — так значит и теперь отрубает от партии ее низовой хвост для того, чтобы окружком и высшие инстанции поумнели. Точно высшие инстанции и вправду приказывали ему в течение недели учредить коммунизм. Даже мне было глубоко грустно слушать такую отъявленную, негодяйскую речь.

Чем больше слушал Кучум эти слова своего друга, тем все значительней серело его лицо. Затем он стал бордовый, равнодушные его глаза осветились мгновенной энергией и, слегка приподнявшись, Кучум молча совершил резкий, хрустящий удар в грудь противосидящего друга. Друг без дыханья повалился навзничь. Но Кучум еще не чувствовал удовлетворенья. Он вышел из-за стола, поднял упавшего за куртку и дал ему свежий, сокрушающий удар в скуло — так что бывший председатель прошиб затылком оконную раму и вывалился из помещения на улицу, осыпанный мелким стеклом. После этого акта Кучум вновь приобрел унылое выражение своего лица, я же почувствовал

значение партии и Сталина для сердца этих угрюмых, непобедимых людей, способных годами томить в себе безмолвную любовь и расходовать ее только в измощающий, счастливый труд социализма.

— До свиданья! — сказал я Кучуму.

— Прощай, — товарищески мягко произнес он, зная, что, куда бы я ни делся, я все же всюду останусь в строительстве социализма и какой-нибудь прок от меня будет.

Наевшись в колхозе мяса, я пошел из него по прямому направлению и часов через шесть дошел до большого селения — под названием Гущевка. Я стал в крайней избе на ночлег и долго лежал на лавке без сна, а в полночь в это же место пришел ночевать товарищ Крушилов, глава района сплошной коллективизации, не имевший постоянного местопребывания.

К утру я уже коренным образом познакомился с товарищем Крушиловым и узнал мужественную, необоримую жизнь этого простого человека.

Раньше любая кулацкая сила постоянно говорила бедняку Крушилову: «Ты — отсталый, ты человек напрасный на этом свете, ты — псих, — большевиком ты состоять не годишься: большевики — люди проворные».

Но Крушилов не верил ни кулаку, ни событию, — он был неудержим в своей активности и ежедневно тратил тело для революции.

Семья Крушилова постепенно вымерла от голода и халатного отношения к ней самого Крушилова, потому что все свои силы и желания он направлял на заботу о бедных массах. И когда ему сказали: «Крушилов, обратись на свой двор, пожалей свою жену — она тоже была когда-то изящной середнячкой», то Крушилов глянул на говорящих своим активно-мыслящим лицом и сказал им, указывая на весь бедный, окружающий его мир:

— Вот мои жены, отцы, дети и матеря, — нет у меня никого, кроме неимущих масс! Отойдите от меня, кулацкие эгоисты, не останавливайте хода революционности! Вперед — в социализм!

И все зажиточные, наблюдая энергичное бешенство Крушилова, молчали вокруг этого полууголого, еле живого от своей едкой идеи человека.

По ночам же Крушилов лежал где-нибудь в траве, рядом с прохожим бедняком, и плакал, орошая слезами терпеливую землю; он плакал потому, что нет еще нигде полного, героического социализма, когда каждый несчастный и угнетенный очутится на

высоте всего мира. Однажды, в полночь, Крушилов заметил в своем сновидении Ленина и утром, не оборачиваясь, пошел, как был, на Москву.

В Москве он явился в Кремль и постучал рукой в какую-то дверь. Ему открыл красноармеец и спросил:

— Чего надо?

— О Ленине тоскую, — ответил Крушилов, — хочу свою политику рассказать.

Постепенно Крушилова допустили к Владимиру Ильичу.

Маленький человек сидел за столом, выставив вперед большую голову, похожую на смертоносное ядро для буржуазии.

— Чего, товарищ? — спросил Ленин. — Говорите мне, как умеете, я буду вас слушать и делать другое дело — я так могу.

Крушилов, увидев Ленина, заскрипел зубами от радости и, не сдержавшись, закапал слезами вниз. Он готов был размолоть себя под жерновом, лишь бы этот небольшой человек, думающий две мысли враз, сидел за своим столом и чертил для вечности, для всех безрадостных и погибающих свои скрижали на бумаге.

— Владимир Ильич, товарищ Ленин, — обратился Крушилов, стараясь быть мужественным и железным, а не оловянным. — Дозволь мне совершить коммунизм в своей местности! Ведь зажиточный гад опять хочет бушевать, а по дорогам снова объявились люди, которые не только что имущества, а и пачпорта не имеют! Дозволь мне опереться на пешеходные нищие массы!..

Ленин поднял свое лицо на Крушилова:

— Знаешь что, товарищ! У тебя ведь разума нет: буржуазия лишила тебя разума, но не успела уничтожить в тебе гигантского чувства жизни и того самого высокого ощущения будущего человечества, которое называется революцией! Ты одарен крупной стихией жизни, но ты можешь много навредить нам, если не приобретешь дисциплины и организованности.

— Значит, так и есть, Владимир Ильич! — ответил Крушилов. — Против тебя я ничего не могу сказать.

— Поезжай в деревню, — произнес Владимир Ильич, — мы тебя снарядим — дадим одежду и пищу на дорогу, а ты объединяй бедноту и пиши мне письма: как у тебя выходит.

— Ладно, Владимир Ильич, — через неделю все бедные и средние будут чтить тебя и коммунизм!

— Живи, товарищ, — сказал Ленин на прощанье. — Будем тратить жизнь для счастья работающих и погибающих: ведь целые десятки и сотни миллионов умерли напрасно!

Крушилов взял руку Владимира Ильича — рука была горячая, и смерть желтела на задумавшемся лице Ленина.

— Ты гляди, Владимир Ильич, — указал Крушилов, — не

скончайся от своей мудрости, — тебе-то станет все равно, а как же нам-то?!

Ленин засмеялся — и это радостное давление жизни уничтожило с лица Ленина все смертные пятна мысли и утомления.

— Ты, Владимир Ильич, главное, не забудь оставить нам кого-нибудь вроде себя — на всякий случай!

Ленин улыбнулся и обещал это сделать.

По возвращении в деревню, Крушилов стал действовать хладнокровнее. Когда же в нем начинало бушевать излишнее революционное чувство, то Крушилов бил себя по животу и кричал: «Исчезни, стихия!»

Однако не всегда Крушилов мог помнить про то, что он отсталый и что ему надо думать: в одну душную ночь он сжег кулацкий хутор, чтобы кулаки чувствовали — чья власть.

Крушилова тогда арестовали за классовое самоуправство, и он безмолвно сел в тюрьму. В тюрьме он сидел целую зиму, и среди зимы увидел сон, что Ленин мертв, и проснулся в слезах. Действительно, тюремный надзиратель стоял в дверях и говорил, что Ленин — мертв, и плакал слезами на свечку в руке.

Все камеры отворили, узники вышли в коридоры и начали тосковать, вместе со стражей и всеми предметами о скончавшемся вечном человеке.

Когда под утро народ утих, Крушилов сказал самому себе:

— Ленин умер, чего же ради такая сволочь, как я, буду жить! — и повесился на поясном ремне, прицепив его к коечному кольцу. Но неспавший бродяга освободил его от смерти и, выслушав объяснение Крушилова, веско возразил:

— Ты, действительно, сволочь! Неужели ты думаешь, что такой человек, как Ленин, не позаботился о нас и не оставил нам своего наследника — хотя бы одного?!

— Тебе хорошо говорить, — сказал Крушилов. — А я лично видел Ленина и не могу почувствовать, кто ему будет равен!

Бродяга оглядел Крушилова нравоучительным взглядом:

— Дурак: как же ты не постигаешь, что ведь Ленин-то умнее всех и если он умер, то нас без призора не покинул и оставил нам настоящего человека, хотя бы одного.

— Верно, — согласился Крушилов. — Ленин правду говорил, что у меня разум еще не взошел из стихии чувства жизни.

И теперь, когда прошли годы с тех пор, когда Крушилов стоит во главе района сплошной коллективизации и сметает кулака со всей революционной суши, — он полнее чувствует и понимает, что Ленин, действительно, позаботился о своем помощнике и наследнике.

И, умирая, Ленин думал не о своей судьбе, а о жизни тружеников и неимущих, потому что его наследник действует с тою же неустрашимостью и пользой для бедности, как действовал бы сам Ленин, если бы он жив был на свете.

И каждый год, зимой, Крушилов думает о том бродяге, который вытащил его в тюрьме из петли, который понимал Ленина, никогда не видя его, лучше Крушилова.

В общем же Крушилов был почти что счастлив, если не считать выговора от окрЗУ, который он получил за посев крапивы на десяти гектарах. И то он был не виноват, — так как прочел в газете лозунг: «Даешь крапиву на фронт социалистического строительства!» — и начал размножать этот предмет для отправки его за границу целыми эшелонами.

Крушилов радостно думал, что вопрос стоит о крапивочной порке капиталистов руками заграничных, мало-вооруженных товарищей.

Бродя в последующие дни по усадьбам и угожьям колхоза, я убедился, что мнение о зажиме колхозной массы со стороны колхозных руководителей неверно. От Крушилова колхозники чувствовали не зажим, а отжим, который заключался в том, что Крушилов немедленно отжимал прочь всякого незначительного или ленивого работника — и лично совершал всю работу на его глазах.

Мне пришлось наблюдать, как он согнал рулевого с трактора, потому что тот жег керосин с черным дымом, — и сам сел править, а рулевой шел сзади пешком и смотрел, как надо работать. Так же внезапно и показательно Крушилов внизывался в среду сортировщиков зерна и порóчил их невнимательный труд посредством показа своего умения. Он даже нарочно садился обедать среди отсталых девок и показывал им, как надо медленно и продуктивно жевать пищу, дабы от нее получалась польза и не было желудочного завала. Девки, действительно, из страха или сознания, — не могу сказать точно отчего, — перестали глотать говядину целыми кусками. Раньше же у них постоянно бурчало в желудках от несварения. Подобным же способом показа образца Крушилов приучил всех колхозников хорошо умываться по утрам, — для чего вначале ему пришлось мыться на трибуне посреди деревни, а колхозники стояли кругом и изучали его правильные приемы. С этой же трибуны Крушилов всенародно чистил зубы и показывал три глубоких вдоха, которые надо делать на утренней заре каждому сознательному человеку.

Не имея квартиры, ночуя в той избе, какая ему только предстанет в ночной темноте, Крушилов считал своей горницей все колхозное село и, томимый великим душевным чувством, выходил иногда на деревянную трибуну и говорил доклады на закате солнца.

Эти его речи содержали больше волнения, чем слов, и призывали к прекрасной обоюдной жизни на тучной земле. Он поднимал к себе на трибуну какую-нибудь пригожую девушку, гладил ее волосы, целовал в губы, плакал и бушевал тем грудным чувством, которое в свое время в нем товарищески запретил В.И. Ленин.

— Товарищи! Вечно идет время на свете, — из нас уж душа вон выходит, а в детях зато волосы растут. Вы поглядите своими глазами кругом, насколько с годами расцветает советская власть и хорошеет молодое поколение! Это ж ужасно прелестно, от этого сердце день и ночь стучит в мою кость и я скорблю, что уходит план моей жизни, ибо он выполняется на все сто процентов, и скоро я скроюсь в землю под ноги будущего всего человечества... Кто сказал, что я тужу о своей жизни?

— Ты сам сказал, — говорила Крушилову рядом стоящая девушка.

— Ага — я сказал! Так позор мне, позор такой нелепой сволочи! Бояться гибнуть — это буржуазный дух, это индивидуальная роскошь... Скажите мне громко, зачем я нужен, о чем мне горевать, когда уже присутствует большевицкая юность и новый шикарный человек стал на учет революции?! Вы гляньте, как солнце заходит над нашими полями, — это ж всемирная слава колхозному движению! Пусть теперь глядит на нас любая звезда ночи — нам не стыдно существовать, мы задаром организуем все бедное человечество, мы трудимся навстречу далеким планетам, а не живем, как гады!.. Скажи и ты что-нибудь или спой сразу песню! — обратился к девушке Крушилов.

Девушка стеснялась.

— Скажи хоть приблизительно! — упрасивал ее Крушилов в волнении.

— Что ж я тебе скажу, когда мне и так хорошо! — сообщала девица.

— Дядя Крушилов, дай я тебе куплет спою! — предложил один юноша из рядов колхоза.

— Ну спой, сукин сын! — согласился Крушилов.

Парень тронул на гармонике мотив и спел задушевным тоном:

— Эх, любят девки, как одна,
Любят Ваньку — пер...на!

— Раскулачу за хулиганство, стервец! — выслушав хороший голос, воскликнул Крушилов, и бросился было с трибуны к гармонисту. Но его остановили активисты:

— Брось, Крушилов, у него голос хороший, а у нас культработа слаба!

Позже Крушилов спрашивал у меня о происхождении человечества: его в избе-читальне тоже однажды спросили об этом, а он точно не знал и сказал только, что, наверно, в самом начале человечества был актив, который и организовал людей из животных. Но слушатели спросили и про актив — откуда же он взялся?

Я ответил, что, по-моему, вначале тоже был вождевой актив, но в точности не мог объяснить всей картины происхождения человека из обезьяны.

— Отчего обезьяна-то стала человеком, иль ей плохо было? — попытывался Крушилов. — Отчего она вдруг поумнела?

Здесь я вспомнил про Кучума и про того, кого он расшиб на месте.

— Самый главный стержень у животного и человека, товарищ Крушилов, это позвоночный столб с жидкостью внутри. Один конец позвоночника — это голова, а другой — хвост.

— Понимаю, — размышлял Крушилов. — Позвоночник в человеке вроде партии, в нем весь устой.

— Может быть, какие-нибудь звери отгрызли обезьянам хвосты, и сила, какая в хвост шла, вдарилась в другой конец — в голову, и обезьяны поумнели!

— А может быть! — радостно удивился Крушилов. — Стало быть, нам тоже звери — кулаки и подкулачники должны что-нибудь отъесть, чтоб мы поумнели.

— Они уже отгрызли, — сказал я.

— Как так отгрызли? Что ж мне больно не было?

— А перегибщик линии — это тебе не подкулачник?

— Он, стерва.

— А он больно сделал коллективизации, или не больно?

— Факт — больно, гада такая!

На том мы и расстались, чтобы спать. Но после полуночи Крушилов постучал мне в голову, и я проснулся.

— Слушай, ты ведь мне ложь набрехал! — произнес Крушилов. — Я лег спать и одумался: это ведь не кулаки нам хвост отгрызли, а мы им классовую голову оторвали! Ты кто? Покажь документы!

Документов я с собой не носил. Однако Крушилов простил мне это обстоятельство и экстренно проводил ночью за черту колхоза.

— Я полное собрание сочинений Владимира Ильича ежедневно читаю, я к товарищу Сталину скоро на беседу пойду, — чего ты мне голову морочишь?

— Я слышал, что один перегибщик так говорил, — слабо ответил я.

— Перегибщик, иль головокруженец есть подкулачник: кого ж ты слушаешь? Эх, гадина! Пойдем назад ночевать.

Я отказался. Крушилов поглядел на меня странно-беззащитными глазами, какие бывают у мучающихся и сомневающихся людей.

— По-твоему, наверно, тоже — Ленин умер, а один дух его живет?! — вдруг спросил он.

Я не мог уследить за тайной его мысли и за поворотами настроения.

— И дух, и дело, — сказал я. — А что?

— А то, что ошибка! Дух и дело — для жизни масс, а для чувства нам нужно иметь конкретное туловище!

Я шел молча, ничего не понимая. Крушилов вздохнул и дополнительно сообщил:

— Нам нужен живой — и такой же, как Ленин... Засею землю — пойду Сталина глядеть: чувствую в нем свой источник. Вернусь, на всю жизнь покоен буду!

Мы попрощались.

— Вертайся, черт с тобой! — попросил меня Крушилов.

Из предрассудка я не согласился и ушел в тьму. Шаги Крушилова смолкли на обратном пути. Я пошел неуверенно, не зная, куда мне идти и где осталась позади железная дорога. Глушь глубокой страны окружала меня, я уже забыл, в какой области и районе я нахожусь, я почти потерялся в громадном, безмолвном пространстве. Но Крушилов бы и здесь никогда не утратил стойкости души, потому что у него есть на свете центральное лицо, которое он любит больше себя, и он весь туго направлен к тому лицу, считая себя лишь средством его и класса. Это похоже на религию, но ведь человеку кровно необходим самый любимый предмет на земле, резко выражающий весь класс и всю революцию в виде одного туловища, которое, благодаря своей конкретности, поддается живому ощущению сердцем. Крушилов отнес революции все свое существование, а взамен он хотел видеть революцию в форме одного человека, чтобы надежно и счастливо любить его, как он любил Ленина. Кто назовет это новой религией, тот ничего не понимает ни в нашей революции, ни в пролетарском человеке, потому что думает, что у нас людей любить нельзя. В религии вера нужна для созерцания и застоя жизни, Крушилову же требовалась человеческая любовь к старшему товарищу — для того, чтоб еще яростней и неутомимей действовать.

Все более уважая Крушилова, я шел постепенно вперед своим средним шагом и вскоре встретил степной рассвет утра. Дороги подо мной не было; я спустился в сухую балку и пошел по ее дну к устью, зная, что чем ближе вода к поверхности, тем скорее найдешь деревню.

Так и было. Я заметил дым ранней печки и через краткое время вошел на глинистую, природную улицу неизвестного селения. С востока, как из отверстия, дуло холодом и сонливой сыростью зари. Мне захотелось отдохнуть; я свернул в междуусадебный проезд, нашел тихое место в одном плетневом закоулке и улегся для сна.

Проснулся я уже при высоком солнцестоянии — наверно, в полдень. Невдалеке от меня, среди улицы, топтался народ, и посреди его сидел человек без шапки — верхом на коне. Я подошел к общему месту и спросил у ближнего человека: кто этот измученный на сильной лошади?

— Это воинствующий безбожник только сейчас прибыл. Он давно нашу местность обслуживает, — объяснил мне сельский гражданин.

Действительно, товарища Щекотулова, активно отрицавшего бога и небо, знали здесь довольно подробно. Он уже года два, как ездил по деревням верхом на коне и сокрушал бога в умах и сердцах отсталых верующих масс.

Действовал товарищ Щекотулов убежденно и просто. Приезжает он в любую деревню, останавливается среди людного кооперативного места и восклицает:

— Граждане, кто не верит в бога, тот пускай остается дома, а кто верит — выходи и становись передо мной организованной массой!

Верующие с испугу выходили и становились перед глазами товарища Щекотулова.

— Бога нет! — громко произносил Щекотулов, выждав народ.

— А кто ж главный? — вопрошал какой-нибудь темный пожилой мужик.

— Главный у нас — класс! — объяснял Щекотулов и говорил дальше: — Чтоб ни одного хотя бы слабоверующего человека больше у вас не было! Верующий в гада-бога есть расстройщик социалистического строительства, он портит, безумный член, настроение масс, идущих вперед темпом! Немедленно прекратите религию, повысьте уровень ума и двиньте бывшую церковь в орудие культурной революции! Устройте в церкви радио, и пусть оно загремит взрывами классовой победы и счастьем достижений!..

Передние женщины, видевшие возбуждение тов. Щекотулова, начинали утирать глаза от сочувствия кричащему проповеднику.

— Вот, — обращался тов. Щекотулов. — Сознательные женщины плачут предо мной, стало быть, они сознают, что бога нет.

— Нету, милый, — говорили женщины. — Где ж ему быть, когда ты явился.

— Вот именно, — соглашался тов. Щекотулов. — Если б он даже и явился, то я б его уничтожил ради бедноты и середнячества...

— Вот он и скрылся, милый, — горевали бабы, — а как ты уедешь, то он и явится.

— Откуда явится? — удивлялся Щекотулов. — Тогда я его покараую.

— Чего ж тебе караулить: бога нету, — с хитростью сообщили бабы.

— Ага! — сказал Щекотулов. — Я так и знал, что убедил вас. Теперь я поеду дальше.

И тов. Щекотулов, довольный своей победой над отсталостью, ехал проповедовать отсутствие бога дальше. А женщины и все верующие оставались в деревне и начинали верить в бога против тов. Щекотулова.

В другой деревне тов. Щекотулов поступал так же: собирал народ и говорил:

— Бога нет!

— Ну-к что ж! — отвечали ему верующие. — Нет и нет, стало быть, тебе нечего воевать против него, раз Иисуса Христа нет.

Щекотулов становился своим умом в тупик.

— В природе-то нет, — объяснял Щекотулов, — но в вашем теле он есть.

— Тогда убей наше тело.

— Вы, граждане, обладаете идиотизмом деревенской жизни. Вас еще Маркс Карл предвидел.

— Так как же нам делать?

— Думайте что-нибудь научное!

— А про что думать-то?

— Думайте, как, например, земля сама по себе сотворилась...

— У нас ум слаб: нас Карл Маркс предвидел, что мы — идиотизм!

— А раз вы думать не можете, — заключил Щекотулов, — то лучше в меня верьте, лишь бы не в бога.

— Нет, товарищ оратор, ты хуже бога! Бог хоть невидим, и за то ему спасибо, а ты тут — от тебя покоя не будет.

Последний резон был произнесен при мне. Он заставил Щекотулова обомлеть на одно мгновение, видимо, мысль его несколько устала. Но он живо опомнился и мужественно закричал на всех:

— Это контрреволюция!! Я разрушу ваш подкулацкий Карфаген!

— Стоп, товарищ, сильно шуметь! — сказал с места невидимый мне человек.

И я услышал голос, говорящий о Щекотулове как о помощнике религии и кулацком сподручном. Человек говорил, что религия — тончайшее дело, ее ликвидировать можно только посредством силы коллективного хозяйства и с помощью высшей и нежной социальной культуры. Такие же, как Щекотулов, лишь пугают народ и еще больше обращают его лицом к православию, — Щекотуловым не место в рядах районных культработников.

Вторым выступил я и тщательно постарался объяснить религию как средство доведения народа капиталистами до потери сознания, а также рассказал, насколько мог, правильные способы ликвидации этого безумия; при этом я опорочил Щекотулова, борющегося с безумием темными средствами, потому что Щекотулов есть тот левый прыгун, с которым партия сейчас воюет.

Щекотулов, дав мне кончить, быстро повернул лошадь и решительно поскакал вон из деревни, имея такой вид, будто он поехал вести на нас войска.

— Ишь, гадюка: в колхозы он небось ездить перестал! — сказал кто-то ему вслед. — Там враз бы ему в разум иголку через ухо вдели! Маркс-Энгельс какой!

Деревня, где я теперь присутствовал, называлась 2-м Отрадным, 1-е же находилось еще где-нибудь. 2-е Отрадное до сих пор еще не было колхозом, и даже ТОЗа в нем не существовало, точно здесь жили какие-то особо искренние единоличники или непоколебимые подкулачники. Со вниманием, как за границей, я шел по этой многодворной деревне, желая понять по наглядным фактам и источникам уцелевший здесь капитализм.

На завалинке одной полуистлевшей избы сидел пожилой крестьянин и, видимо, горевал.

— О чем ты скучаешь? — спросил я его.

— Да все об колхозе! — сказал крестьянин.

— А чего ж о нем скучать-то?

— Да как же не горевать, когда у всех есть, а у нас нету! Все уж давно организованы, а мы живем, как анчутки! Нам так убыточно!

— А тебе очень в колхоз охота?

— Страсть! — искренно ответил крестьянин.

Либо он обманывал меня, либо я был дурак новой жизни.

Я постоял в неизвестности и отошел посмотреть на местный капитализм.

Он заключался в дворах, непримиримо желавших стать поместьями, и в слабых по виду людях, только устно тосковавших по колхозу, а на самом деле, может быть, мечтавших о ночной чуме для всех своих соседей, дабы наутро каждому стать единственным хозяином всего выморочного имущества. Но с другой стороны, на завалинках сидели горюны о колхозном строительстве, а самого колхоза не было. Стало быть, здесь существовала какая-то серьезная загадка. Поэтому я ходил и исследовал, будучи весь начеку.

Вечером я попал в избучитальню, узнав за день лишь одно, что все хотят в колхоз, а колхоз не учреждается. В избе-читальне стояло пять столов, за которыми заседали пять комиссий по организации колхоза. На стенах висели названия комиссий: «Уставная», «Классово-отборочная», «Инвентарная», «Ликвидационно-кулацкая», и наконец — «Разъяснительно-добровольческая».

Послушав непрерывную работу этих комиссий, я понял, что такого большого количества глупых людей, собранных в одном месте, быть не может. Стало быть, в комиссиях сидели подкулацкие деятели, желавшие умертвить колхозное живое начало в бесконечных, якобы подготовительных, бюрократических хлопотах. Я поговорил с председателем «разъяснительно-добровольческой» комиссии, — мне хотелось узнать, в чем заключается его работа.

— Боимся, чтоб принуждения не было: развиваем добровольчество! — сообщил председатель.

— Развили уже, или не удается? — спросил я.

— Как вам сказать? Конечно, зная массовой разъяснительной работы мы держим высоко, но — кто его знает — а вдруг единопличники еще не убедились! Перегнуть ведь теперь никак нельзя, приходится держать курс на святое чувство убедительности!

Мне показалось, что председатель несколько скрытный человек.

— И давно работают ваши комиссии?

— Да уж четвертый месяц! Зимой-то мы не управились сорганизоваться, а теперь ведем массовую кампанию!

Окружающие комиссии что-то тихо писали, а мужики заунывно ожидали колхоза на завалинках. Один из таких ожидальцев пришел потом к председателю добровольческой комиссии для дачи сведений.

Его спросили:

— Чувствуешь желанье коллективизации?

— Еще бы! — ответил крестьянин.

— А отчего ж ты чувствуешь?

— От безлошадности. Ты ведь, — обратился он к председателю, — мне исполу пашешь, а вон лошадная бригада исполу и

пашет, и сеет, и зерно на двор везет! Только та лошадная колонна на колхозы работает, а на нас не управляется!

— Так это же твое рваческое настроенье, а не колхозное чувство! — даже удивился председатель. — Ты, значит, еще не убежден в колхозе!

— Да как тут понять! — выразился безлошадный. — Колхоза мы почти что и не чувствуем, — чувствуем, что нашему брату жить там барыш!

— Барыш — рвачество, а не сознание, — ответил председатель. — Придется нам еще шире повести разъяснительную кампанию!..

— Веди ее бессрочно, — сказал безлошадный, — тебе ведь колхоз — убыток...

Председатель терпеливо промолчал.

Легко было догадаться, что здешние зажиточные и подкулачники стали чиновниками и глубоко эксплуатировали принцип добровольности, откладывая организацию колхоза в далекое время какой-то высшей и всеобщей убежденности. Неизвестно, насколько здесь имелось потворства со стороны района, только вся кулацкая норма населения деревни (около 5 процентов) сидела в комиссиях, а бедняки и средние, видя в окружающих колхозах развитие усердного труда и жизненного довольства, считали свое единоличие убытком, упущением и даже грехом, кто еще точно верил в бога. Но зажиточные, ставшие бюрократическим активом села, так официально-косноязычно приучили народ думать и говорить, что иная фраза бедняка, выражающая искреннее чувство, звучала почти иронически. Слушая, можно было подумать, что деревня населена издевающимися подкулачниками, а на самом деле это были бедняки, завтрашние строители новой всемирной истории, говорящие свои мысли на чужом, двусмысленном, кулацко-бюрократическом языке. Бедняцкие бабы выходили под вечер из ворот и, пригорюнившись, начинали голосить по колхозу. Для них отсутствие колхоза означало переплату лошадным за пахоту, побирушничество за хлебом до новины по зажиточным дворам, дальнейшая жизнь без ситца и всяких обновок и скудное сиротство в голой избе, — тогда как колхозные бабы уже теперь гуляют по волости в новых платках и хвалятся, что говядину порциями едят. Одной завистью, одним обычным житейским чувством бедняцкие бабы вполне точно понимали, где лежит их высшая жизнь.

Но внутри самой ихней деревни сидел в комиссии кулацкий змей, а единоличные беднячки ходили в гунях, никогда не пробуя колхозного мяса.

Книги из серии «Социалистическое строительство». Анонс о выходе книги А.П. Платонова «ЦЧО» на последней странице книги А.Н. Новикова «Гоночное поле»

Удивительно еще то, что колхозные комиссии ни разу не собирали во 2-м Отрядном бедняцко-средняцкого пленума, откладывая такое дело вплоть до невероятной проработки всей гущи оргвопросов, которые ежедневно выдумывали сами же члены-подкулачники.

Посоветовавшись с некоторыми энергичными бедняками, я написал письмо Крушилову в Гущевку, поскольку он был ближайшим к этому месту активистом.

«Тов. Крушилов. Во 2-м Отрядном колхозное строительство подпольно захвачено зажиточно-подкулацкими людьми, беднота (женская часть) заявляет свое страдание непосредственно песнями на улицах. А твой сплошной район рядом. Советую заехать тебе прежде в районную власть и, узнав — нет ли там корней каких-либо, расцветших целыми ветвями во 2-м Отрядном, — прибыть сюда для ликвидации бюрократического очага».

Один бедняк взялся снести письмо тов. Крушилову, я же, убежденный, что Крушилов явится во 2-е Отрядное и ликвидирует бюрократическое кулачество, пошел дальше из этого места.

Погода разведрилась, в природе стало довольно хорошо, и я шел с покойной за колхозы душой. Осимые поколения хлебов широко росли вокруг, и ветер делал бредущие волны по их задумчивой зеленой гуще, — это лучшее зрелище на всей земле. Мне захотелось уйти сегодня подальше, минуя попутные малые колхозы, дабы найти вдаль что-нибудь более выдающееся.

Вечернее солнце застало меня вблизи какого-то парка; от проезжей дороги внутрь парка вела очищенная аллея, а у начала аллеи находилась арка с надписью: «С.х. коммуна имени Общества Старых Большевиков, учр. в 1923 г.».

Здесь, наверно, общественное производство достигло высокого совершенства, люди, может быть, уже работали с такой же согласованной легкостью, как дышали сердцем. С этой ясной надеждой я свернул со своего пути и вступил на землю коммуны.

Пройдя парк, я увидел громадную и вместе с тем уютную усадьбу коммуны. Десятки новых и отремонтированных хозяйственных помещений в плановом, разумном порядке были расположены по усадьбе; три больших жилых дома находились несколько в стороне от служб, вероятно, для лучших санитарно-гигиенических условий. Если раньше эта усадьба и была приютом помещику, то теперь не осталось от прошлого никакого следа. Не желая быть ни гостем, ни нахлебником, я пошел в контору коммуны и, предъявив один образовательный документ, был вскоре

принят на должность временного техника по ремонту водоснабжения и по организации правильного водопользования. В тот же час мне была отведена отдельная комната, предоставлена постель и меня, как служебное лицо, зачислили на паек. С давно исчезнувшим сознанием своей общественной полезности, я лег в кровать и предался отдыху — авансом за будущий труд по водоснабжению.

Поздно вечером я посетил клуб коммуны, интересуясь ее членским составом. В клубе шла пьеса «На командных высотах», содержащая в себе изложение удовольствия пролетариата от собственной власти, то есть чувство, совершенно чуждое пролетариату. Но эта правая благонамеренность у нас идет как массовое искусство, потому что первосортные люди заняты непосредственным строительством социализма, а второсортные усердствуют в искусстве.

Члены коммуны имели спокойный, чистоплотный вид и глядели на героев действия пьесы, как на самих себя, отчего еще более успокаивались и удовлетворялись. Четыре девочки-коммунарки стояли по углам сцены и держали десятилинейные лампы; одеты девочки были в белые платья, на головах их лежали густые прически — и весь их вид напоминал старинных гимназисток.

Кроме нормальной сытости лиц, ничего в тот вечер я заметить в коммунарах не успел.

Проработав же несколько дней на ремонте трубчатого колодца, я узнал достаточно многое и неутешительное для себя. Своими глазами я, пожалуй, не сумел бы все разглядеть, но со мной на колодце работали два члена коммуны, и они мне объяснили некоторые обстоятельства про тех, кто тщетно хотел уподобиться старым большевикам.

Эти два коммунара, оказывается, были в коммуне недавно и ненавидели почти всех других коммунаров; причиной такого безумного явления было следующее: РИК и сельские партячейки вели политику на пополнение коммуны Старых Большевиков бедняками-активистами; правление же коммуны не хотело принимать никаких новых членов, ибо для правления хороши были только старые, сжившиеся между собой члены. Но кто же были эти старые члены коммуны, ее основатели? Может быть, тайные кулаки?

— Что ты?! — удивились два коммунара, поставленные со мной на ремонт колодца. — Это — сплошное геройство гражданской войны! Их партия на все зубы пробовала, ничего не выходит: вполне наши люди!

— А отчего ж они никого в коммуну пускать не хотят?

Бедняки-коммунары несколько подумали.

— Видишь ты, в семнадцатом году и они бедняками были —

стало быть, не было у них ничего, кроме своего класса, а теперь накопили бугор имущества, а класс оставили в покое...

Однако невозможно было, чтобы все герои битв с белогвардейцами стали хозяйственными рачителями и врагами окрестной бедноты: куда же могла исчезнуть их основная беззаветная натура? И я узнал, что, действительно, иные основатели коммуны уже давно умерли от болезней и плохо залеченных ран, другие же бросили коммуны и ушли безвозвратно в города, третьи же остались в коммуне навеки. Эти третьи были героями не от классовых, органических свойств, а от каких-то мгновенных условий фронта, то есть не помня себя, а теперь они эксплуатировали свои нечаянные подвиги со всей ухваткой буржуазной мелочи.

Председатель коммуны тов. Мчалов пришел на нашу работу к концу второго дня. Я увидел полнотелого, пожилого человека с горюющей заботой на лице, но со старым красноармейским шлемом на голове.

— Озимые-то, говорят, все в Черноземной области померзли, — сказал он мне. — Чего только кушать будем на будущий операционный год?.. И сейчас тоже — нужен бы дождь под овсы, а его нет и нет!..

— Ты бы лучше кулацкий картуз надел на голову, — сказал я ему. — А красноармейский убор лучше бы снял!.. Кто тебе врет и кого ты слушаешь?..

— Да кажется мне так, а люди сообщают, — произнес председатель. — Ведь сердце-то болит!.. Слушай, ты, как колодезь исправишь, так уходи, а то за тебя в соцстрах придется платить, прозодежду покупать, — ты ведь не член, от тебя заботы не обещаться, а воды мы и без тебя напьемся!..

Обедать мне полагалось в общей столовой; обед был плохой, и я голодал, не понимая, почему коммунары так упитанны в теле; потом все те же оппозиционно-настроенные бедняки-новочленцы показали мне, что коммунары обедают еще вторично по своим комнатам. Обед же в столовой совершался как можно бедней, дабы постоянно торчащим на усадьбе коммуны окрестным беднякам не казалось, что в коммуне сладко едят.

Чем больше я жил в этой коммуне, тем больше убеждался, что ее идеология — ханжество, несмотря на значительное общее достояние, несмотря на крупные производственные успехи. Коммунары, особенно перед посторонними мужиками, постоянно ныли о плохом урожае прошлого года, о том, что жизнь в коммуне убыточна и придется, видно, скоро на дворы разделяться, уходить в старину.

Все это было, конечно, лицемерие. Годовой доход на каждого коммунара, по крайней мере, вдвое превышал такой же доход

на местную душу середняка-единоличника, а доля основного капитала, падающая на члена коммуны, приближалась к тысяче рублей.

Но откуда же это ханжество, эта хитрая, скрытая борьба с партией и бедняками за сохранение только для себя своего удела?

Сама коммуна находилась островом среди довольно просторного, если не моря, то озера единоличников. Бедняцкий актив ближних деревень, а также советско-партийные организации давно имели желание сделать эту коммуну центром, источником опыта общественно-классового хозяйства для большого колхоза-комбината. Но коммуна, состоящая из бывших героев, героически сопротивлялась, — разрушать же высокое, в производственном смысле, хозяйство ни активисты-бедняки, ни партийцы не хотели. Наоборот, все их попытки поставить коммуны во главе колхозного движения основывались на добровольном соглашении с правлением коммуны. Но соглашение это не удавалось. Больше того, за последние четыре года коммуна приняла в новые члены только десять человек бедняков, и то под большим давлением всех организаций. Причем двое из этих десяти обжились в коммуне, прониклись ее скопческим духом делячества, трое вышли назад, променяв сундуки коммуны на воздух большевистского ветра, пятеро же составили в коммуне настоящую большевистскую оппозицию сектантскому правлению; с двоими из них я и был знаком. Понятно, эти пятеро не имели решающего значения в коммуне, их даже при первом случае могли вычистить из коммуны. Но они-то, по-моему, и есть действительный зародыш будущего, большевистского правления коммуны, которое должно сменить бывших героев, а нынешних ханжей и сладкоежек.

Во всем районе, где находилась коммуна имени Общества Старых Большевиков, в колхозах было лишь процентов двадцать бедняков и середняков; больших колхозных массивов не существовало еще вовсе, и все маленькие, точечные колхозы, как и коммуна, варились в своем деляческом соку. Отсутствие массовости колхозного движения, святое, ханжеское соблюдение принципа добровольности (по существу же развитие пассивности в лучших людях бедноты), какая-то безветренность всей обстановки и создала, вместо колхозной нарастающей реки, лужицы-колхозики и целое болото такой коммуны.

Доделав порученную мне колодезную работу, я получил десять рублей и должен был уходить. Но оставлять такую роскошно-производственную коммуны новорастущим феодалам было весьма жалко. Ведь коммуна в прошлом, средне-благоприятном году дала урожая пшеницы почти по две тонны с гектара, одних фруктов было отпущено кооперации на двадцать пять тысяч руб-

лей. Было ясно, что это хозяйственное место может объединить, поставить на ноги и двинуть вперед несколько сот бедняцких хозяйств. Так зачем же тут содержать несколько десятков неподвижно-жиреющих «коммунаров»? Интересно еще сообщить, что в коммуне было всего два трактора. Все работы совершались вековыми, старинными способами; хорошие же результаты объяснялись крайним трудолюбием, дружной организацией и скупостью к своей продукции коммунаров; в этих качествах им нельзя отказать, и эти качества должны остаться и тогда, когда эта ханжеско-деляческая коммуна станет большевистской. Что же будет в коммуне, если снабдить ее тракторами, удобрением, приложить к ее угольям, вместо сухого рачительства — ударный труд, сменить ханжу на большевика и агронома и, главное, сделать коммуноу действительным трудовым товариществом крестьян-бедняков?

Двое оппозиционно-настроенных членов коммуны и я долго обсуждали болезненные предметы коммуны, не видя, как найти способ их уничтожения.

Один член в конце беседы спросил меня:

— А что у нас сильнее и лучше всего?

Я ему сказал, что это — диктатура пролетариата.

— Пойду в окрисполком, пойду в окружной комитет партии, попрошу сменить наше правление коммуны посредством диктатуры пролетариата, — сказал коммунар. — Везде коммуны ведут колхозы, а у нас она мертвая пробка.

— Наверно, наша коммуна — это не коммунизм, — произнес другой коммунар.

— Ваша коммуна вроде кулацкого товарищества на трудовых паях и на государственном имуществе, — сообщил я некоторое определение.

— А ведь учредители — герои гражданской войны! — с жалостью сказал один из коммунаров.

— Но время побеждает героев и делает из них одну смехотворность!

Это сказал я, но коммунары тут же меня опровергли.

— Ты ложь говоришь: большевики никогда не опаздывали против времени, они его позади себя ведут.

Ввиду очевидности, я, конечно, согласился. После этого мы собрали одному коммунару общие средства и он пошел призывать сюда помощь пролетарской диктатуры.

В те дни наступило ненастье и дорога сильно испортилась. Оставив коммуноу имени Общества Старых Большевиков, я шел

долго и трудно, не замечая вблизи ни людей, ни селений. Наконец я увидел, что впереди меня тоже идет какой-то человек. Судя по его телу и одежде, неизвестно, кем он был. Бывают такие раскольники, бывают рыбаки с Верхнего Дона, бывает прочий похожий народ. Пешеход был не мужик, а, пожалуй, парень. Он поспешал, сбивался с такта и чесал сырые худые руки. В одном попутном овраге стоял пруд, человек сполз туда по глинистому склону и попил водицы. Это было ни к чему — в такую погоду, в сырость, в такое прохладное весеннее время не пьется даже бегуну. А путник пил много, со вкусом и жадностью, будто утоляя не желудок, а смазывая и охлаждая перегретое сердце.

Очнувшись, человек зашагал сызнова, глядя как напуганный.

Прошло часа два; пешеход, одолевая великие грязи, выбился из сил и ждал какую-нибудь нечаянную деревушку на своей мучительной дороге.

Началась равнина, овраги перемежились и исчезли, запутавшись в своей глуши и заброшенности.

Но шло время, а никакого поселения на дороге не случалось. Тогда парень сел на обдутый ветрами бугорок и вздохнул. Видимо, это был хороший молчаливый человек и у него была терпеливая душа.

По-прежнему пространство было безлюдно, но туман уползал в вышину, обнажались пустые еще поля с безжизненными остьями прошлогодних подсолнухов, и понемногу наливался светом скромный день.

Парень посмотрел на камешек, кинутый во впадину, и подумал с сожалением об его одиночестве и вечной прикованности к этому невеселому месту. Тотчас же он встал и опять пошел, сожалея об участи разных безымянных вещей в грязных полях.

Скоро местность снизилась и обнаружилось небольшое село — дворов пятнадцать.

Пеший человек подошел к первой хате и постучал. Никто ему не ответил. Тогда он самовольно вошел внутрь помещения, и я тоже не отстал от него.

В хате сидел нестарый крестьянин, бороды и усов у него не росло, а лицо было утомлено трудом, или подвигом. Этот человек как будто сам только вошел в это жилье и не мог двинуться от усталости, оттого он и не ответил на стук вошедшего, равно как и на меня, второго человека.

Парень взгляделся в лицо нахмуренного сидельца и сказал:

— Фома! Ньюжли возвратился?

Человек поднял голову, направил на нас силу своих опечаленных умных глаз и ответил:

— Садись, Петруха! Воротился: нигде нет благочестия — тело

наружи, а душа внутри. Да и шут ее знает — кто ее шупал — душу свою...

— Што ж, хорошо на Афоне? — спросил Петр, то есть тот человек, что вошел.

— Конечно, там земля разнообразней, а человек — стервец, — разъяснил Фома.

— Што ж теперь делать думаешь, Фома?

— Так чохом не скажешь! Погляжу пока! Шесть лет ушло зря, теперь бегом надо жить. А ты куда уходишь, Петр?

— В Америку. А сейчас иду в Ригу на морской пароход.

— Далече... Стало быть, дело какое имеешь знаменитое?

— А то как же!

— Стало быть, дело твое сурьезное?

— А то как же! Бедовать иду, всего лишился!

— Видать, туго задумал ты свое дело?

— Знамо, не слабо. Без харчей иду, придорожным приработком кормлюсь!

— Дело твое крупное, Петруха...

Пустая хата пахла не по-людски. Мутные окна глядели равнодушно и разуверяли человека: «Оставайся, не ходи никуда, жи-ви молча в укромном месте!»

Петр и Фома разулись, развесили мокрые портянки и закурили, оставившись на стол рассеянными глазами.

— А этот человек с тобой, что ль, идет? — показал Фома на меня.

— Нет. Это проходящий, — объяснил Петр.

— Проходящий? Ну пускай посидит, — разрешил Фома. — Что-то дует ветром! Захлобысни дверь, Петруха! — сказал затем Фома. Устроив это, Петр спросил:

— Небось, тепло теперь в Афонском монастыре! Небось, покойно живетс там! Чего сбежал из монахов?

— Оставь, Петр, мне нужна была истина, а не чужеродные харчи. Я хотел с Афона в Месопотамию уйти — говорят, там есть остатки рая, а потом передумал. Года ушли, уж ничего не нужно стало. Только вспомнишь детей, и как-то жалко станет. Помнишь, трое детей умерло у меня в одно лето?.. Уж двадцать годов прошло, небось кость да волос остались в могиле... Ох, жутко мне чего-то, Петр! Оставайся ночевать, может, дорога к утру завокнет...

— И то останусь, Фома. Враз до Риги не дойдешь!

— Вари картохи! Жрать с горя тянет...

Уснувши спозаранок, Фома и Петр проснулись ночью, а я лежал без сна. Огня в хате не было, за окном стояла нерушимая, медленная тишина. Был еще только час ночи, до утра далеко, — и поля за избою лежали и скучали, как люди.

Почуяв, что Петр не спит, Фома спросил:
— Из Америки-то думаешь воротиться?
— Затем и иду, чтоб вернуться...
— Едва ли, дюже далеко!
— Ничего, обучусь нужному делу и ворочусь!
— Мудрому делу скоро не обучишься!
— Это верно, дело мое богатое, скоро не ухватишь!
— Насчет чего же дело твое?
— Пыточный ты человек, Фома, — был на Афоне и в иностранных державах, рай искал, а насущного ничего не узнал!
— Это истинно, кому — что!
— А нашему бедному делу достаток полезней всего!
— Мало ли что нам полезно! А чего ж ты задумал?
— Слышал про розовое масло? — сказал тогда Петр.
— Слышал — гречанки тело мажут им для прелести!
— Это што! Это для духовитости. Из розового масла знаменитые лекарства делают — человек не стареет, кровь ободряют, волос выращивают — я по книжкам изучал. Я ее с собой несу. В Америке половина земли розами засажена — по тыще рублей в год чистого прибытка десятина дает! Вот где, Фома, бедняцкое счастье!..

Петр говорил зажмурившись, в избытке своего благородного чувства. Открыв глаза, он заметил, что в окне посерело; тогда он слез с печки и стал собираться в Америку, не стравливая зря времени.

— Куда — ты? — спросил Фома.

— Пора уходить, мне еще далече идти. Отдохнул, и в ход, а то я томиться начинаю, когда задерживаюсь.

— Рано еще, наварим кулешу, поешь и пойдешь!

— Нет, я сейчас пойду, день и так мал для моей дороги.

— Ну, как хочешь... Ты, стало быть, в Америке хочешь разузнать, как розовое масло делается?..

— Догадался? А ты думал, я свечки там делать буду? Наша земля сотворена для розы! На нашем черноземе только розе и расти! Ты погляди, Фома, благоухание какое будет — все болезни пропадут!..

— Да, дело твое лепное! Ну, ступай, чудотворец: поглядим — подышим! Много тогда рассады, должно, потребуется! Скорей только ворочайся и в морях не утопни!..

Петр был уверен, что, действительно, нежное масло душистых и пьяных роз способно построить вечные здания в древних балках его родины, и в этих зданиях поселятся довольные, счастливые бедняки со своими многочисленными семействами.

Он уже посчитал — сколько это денег будет, если каждая десятина дает по тысяче рублей чистого прибытка.

Эта надежда на будущее счастье и шевелила его ноги по грязным полям его родины, увлекая в дальнюю Америку.

Километра через три я догнал Петра и посоветовал ему сначала побывать в Москве у академика Вавилова, — этот человек полностью поможет Петру в исполнении его мечты и, если нужно будет, то снарядит его и в Америку. Петр выслушал, поблагодарил и, отвернувшись от меня, молча пошел. Я не знаю, сделал ли он так, как я ему сказал, или его единственная, неотложная дума вытеснила уже из его сознания все второстепенные, вспомогательные мысли, необходимые для успеха главной идеи.

Под религиозный праздник пасхи я вошел в небольшой колхоз «Сильный Поток», и был здесь свидетелем конца жизни Филата-батрака, историю которого я постараюсь сейчас неприкосновенно изложить.

Филата приняли в колхоз самым последним, когда уже все середняки успели записаться.

— Ты всегда справишься войти в членство, — говорили Филату руководящие лица. — Ты же человек в классовом размере абсолютный!

И Филат ждал, не зная, чему ему радоваться, поскольку он еще не член колхоза. Со скучным выражением лица он ходил по колхозу и устранял прочь всякие неполадки. Была ли открыта дверь в избу, покачнулся ли плетень, иль просто петух ходил отдельно от кур, — Филат притворял дверь, устанавливал плетень и подгонял к курам петуха.

Во время ветра Филат выходил на тот край колхозной деревни, куда направлялся ветер, и глядел, чтобы ветер не выдул из деревни чего-либо полезного. А если что полезное ветер уносил, то Филат подхватывал ту полезную вещь и возвращал ее обратно в обобществленный фонд.

И так жил Филат в усиленных заботах о колхозном добре и порядке, не будучи членом артельного хозяйства.

К Филату давно все привыкли, и он был необходим в колхозе. Когда у кого рожала баба, звали Филата вести хозяйство и смотреть за малыми детьми; кроме того, Филат мог чистить трубы, умел отучивать кур от желания быть наседками и рубил хвосты собакам для злобы.

Такого человека правление колхоза решило принять в члены на первый день пасхи, дабы вместо воскресенья Христа устроить воскресенье бедняка в колхозе.

Накануне пасхи Филата одели в роскошную чистоплотную одежду, взяв ее из колхозного кооператива, а старую одежду Филата повесили в особый амбар, который назывался «Музеем бедняка и батрака, жившего в эпоху кулачества как класса».

Избу-читальню загодя украсили флагом и лозунгом, а утром на пасхальный день Филата вывели на крыльцо, около которого стояла, собравшись, вся колхозная масса. Филат, увидев солнце на небе и организованный народ внизу, обрадовался всеми силами своего тела и захотел жить в будущем еще более преданно и трудоспособно, чем он жил дотолле.

— Вот, — сказал активный председатель всему колхозу, — вот вам новый член нашего колхоза — товарищ Филат. Не колокол звучит над унылыми хатами, не поп поет загробные песни, не кулак, наконец, сало жует, а наоборот — Филат стоит улыбается, трудящееся солнце сияет над нашим колхозом и всем мировым интернационалом, и мы сами чувствуем непонятную радость в своем туловище! Но отчего же непонятна наша радость? Оттого, что Филат был самый гонимый, самый молчаливый и самый мало-кушавший человек на свете! Он никогда не говорил слов, а всегда двигался в труде — и вот теперь он воскрес, последний бедняк, посредством организации колхоза!.. Скажи же, Филат, нам что-нибудь, — теперь ты, грустный труженик, должен сиять на свете вместо кулацкого Христа...

Филат улыбнулся ближнему народу и всей окрестной цветущей природе.

— Я, товарищи, говорю тихо, потому что меня никогда не спрашивали. Я думал только, чтоб было счастье когда-нибудь в батрацком котле, но боюсь хлебать то счастье, — пусть уж другим достается...

Здесь Филат побелел лицом и прислонился к телу председателя колхоза.

— Что ты, Филат?! — закричал весь колхоз. — Живи смелей, робкая душа, ты теперь членом будешь! Проповедуй нам труд и усердие, последний человек!

— Могу, — тихо сказал Филат, — только сердце мое привыкло к горю и обману, а вы мне даете счастье, — грудь не выдержит!..

— Ничего: обтерпишься! — крикнули колхозники. — Глянь на солнце, дайте ему воздуху...

Но Филат настолько ослаб от счастья, что опустился на землю и стал умирать от излишнего биения сердца.

Филата вынесли на траву и положили лицом к небесному свету солнца. Все замолкли и стояли неподвижно.

И вдруг раздался голос какого-то притаившегося подкулачника.

— Значит, есть Иисус Христос, раз он покарал Филата-батрака!

Филат услышал то слово сквозь тьму своего потухающего ума и встал на ноги, потому что привык трудиться и терпеть истому.

— Врешь, тайный гад! Вот он я живой — ты видишь, солнце горит над рожью и надо мной! Меня кулаки тридцать лет томили — и вот меня уж нет...

Последние слова Филат говорил уже будучи мертвым, лишь по привычке терпеть и трудиться. Вслед за тем он шагнул два шага, открыл глаза и умер с побелевшим взором.

— Прощай, Филат! — сказал за всех председатель. — Велик твой труд, безвестный знаменитый человек...

И каждый колхозник снял шапку и широко открыл глаза, чтоб они сохли, а не плакали.

Невдалеке от колхоза «Сильный Поток» я встретил железнодорожную насыпь и, пойдя вдоль нее, достиг станции и поехал поездом.

В течение одних суток я уехал настолько далеко, что сошел с поезда уже в Острогжском округе, на родине ценнейшей во всем СССР михновской овцы. Однако Острогжский округ не имеет возможности всерьез и планомерно заняться разведением последней, ввиду того, что сухих здоровых для овец пастбищ в округе нет, а сырые подлунные и заболоченные пастбища страшно заражены всевозможными инфекциями и в особенности почечной двуусткой овец.

Селения Острогжского района — Ольшаны, Гумны, Писаревка, Осиповка, Гнилое, Средне-Воскресенское, Рыбенское, Луки, Александровка — и других районов совершенно отказались от разведения и выращивания овец, так как последние, поголовно пораженные фасциолезом, гибнут тысячами на заболоченных пастбищах.

Далеко не полный учет говорит о гибели в течение двух последних лет до 40 тысяч пораженных почечно-глистной болезнью овец — на общую сумму, за округлением, 500 тысяч рублей.

Все препараты, применяемые при медикаментном методе лечения, не достигают желаемых результатов — и население, и ветеринарный персонал убедились в совершенной бесцельности всякого лечения при наличии заболоченных пастбищ, так как овцы каждую минуту, с каждым стеблем болотной травы получают все новую и новую порцию глистов.

С ветеринарно-санитарной точки зрения опасно и экономически невыгодно отдать заболоченные места микробам — бактериям и глистам для их пышной жизни и лишить скот здоровых кормов, которыми так беден Острогожский округ.

Исходя из вышеизложенного, окрветотдел в своих докладах и планах считает мелиорацию — осушение болот и заболоченных пастбищ — единственным средством избавить овцеводство от постоянной угрозы гибели и находит существенно необходимым немедленную организацию работ по осушке заболоченных пастбищ, в первую очередь — по течению реки Тихой Сосны с ее притоками, как прорезывающую весь округ, пойма которой (массив поймы 30 тысяч гектаров) после осушения станет экономической базой округа, а также и будет разрешена проблема разведения михновской овцы во всем округе.

Но когда-то во всем Острогожском округе были девственные пастбища, — хотя это было не только до появления здесь овцы, но и до человека, — еще прежде оседания первых поселений людей по берегам Тихой Сосны, — ибо именно к тому начальному времени относится зарождение оврагов в меловых отложениях, в связи с хозяйственной деятельностью человека. Овраги же, выходя своими устьями в пойму реки, выносили в нее почвенный матерьял и тем создавали затухание речного потока, начиная долгую эпоху заболочиванья.

Если посмотреть на всю площадь Острогожского округа, то можно увидеть великое народнохозяйственное бедствие от быстрого роста болот.

Естественное орошение округа представляет такую картину. — В округе протекает река Дон с притоками — Тихая Сосна, Потудань, Девица, Хворостянка и Игорец. Долина самой реки Дона имеет незначительную заболоченность в отдельных пунктах, отличаясь вообще хорошо дренированными пойменными почвами с хорошей растительностью. Все же вышеуказанные притоки сильно заболочены на всем почти протяжении, что обуславливается малым уклоном пойменных долин, а также механическими препятствиями для правильного стока, к каковым надо отнести овражные выносы (теперь ослабевшие), наличие водоподпорных сооружений, заколов, перепруд и пр. Все эти заболоченные теперь площади в количестве до 50 тысяч гектаров в свое время были в большей своей части, по свидетельству крестьян, хорошими лугами, а теперь превратились в осоковые и тростниково-камышовые болота. В общем это заболочивание отняло у сельского хозяйства до 50 процентов кормовой площади.

Но со смертью рек не толькодохнут овцы и падает животноводство, — начинает умирать и человек. Злокачественная, хрони-

ческая малярия сильно распространена среди жителей долины Тихой Сосны.

И было бы, конечно, малодушием, установив такое грозное бедствие, не попытаться вступить с природой в сражение — для отвоевания у нее громадных бросовых площадей, чтобы дать скоту питательный, безболезненный корм, а трудящимся людям продукцию и здоровье.

Эта борьба с природой за десятки тысяч гектаров заболоченных площадей началась в 1925 году. Проект регулировочно-осушительных работ по реке Тихая Сосна охватывает пойменный массив протяжением в 40 километров и на площади в 83 квадратных километра. Примерно треть всего объема работ уже выполнена; сами работы с 1927 года механизированы, то есть чистит и углубляет реку не человек, стоящий с лопатой в воде, а плавучий экскаватор, — причем эта затерянная в болотах машина может служить некоторой общей гордостью советской землечерпательной техники, ибо машина оригинальной конструкции и впервые сделана в Советском Союзе (ни до войны, ни после в России подобные машины не делались, их покупали обычно в Америке). Но советские инженеры применяют для борьбы с болотами не только машины, а и взрывную технику, разрушая слежавшиеся наносы и карчу, душащие реку, динамитом.

Насколько население заинтересовано в успехе работ, видно из того, что участие населения в затратах (преимущественно натуральным трудом) составляет 52 процента исполнительных сметы. Но эти данные относятся к эпохе мелиоративных товариществ, то есть ко времени простейших целевых объединений крестьянства; теперь же, когда в долине Тихой Сосны есть мощные колхозы, надо ожидать гораздо более высокого темпа осушительных работ и еще более энергичного участия в них населения.

Придолинное крестьянство еще в 1924 году, когда я был на Тихой Сосне, уже знало, что вести пойменное хозяйство, тем более создать из болот луга, одним напряжением единоличного хозяйства нельзя, — и в 1925 году, к моменту начала работ, все заинтересованное обедневшее крестьянство объединилось в мелиоративные товарищества, то есть в зачаточную форму производственного кооператива.

Таковы богатые факты на этой бедной долине, где и посейчас идет тяжелая борьба за создание девственной, погибшей родины михновской овцы.

Выбравшись из этой дружно-трудящейся долины на суходолы, я вошел в колхозную деревню «Утро Человечества», прельщенный

как хорошим названием, так и добавочным лозунгом на вывеске колхоза, взятым из метрической системы: «Всем угнетенным народам — на долгие времена». Ясно, что это относилось к колхозной организации жизни и труда.

У заставы колхоза стоял некий человек, с милым, но грозным лицом, и смотрел на меня.

— Ты кто? — спросил он.

Я ему приблизительно ответил, так как вопрос в сущности не очень прост.

— А ты не кадр?

— Кадр.

— Ну, входи, пожалуйста. Пойдем, я тебя яичницей покормлю. А я знаешь кто?

— Кто?

— Да председатель всей бузы новой жизни, товарищ Ефим Нечаев. Здравствуй!

— Здравствуй.

Раньше я боялся — гожусь ли я в новую жизнь, — а теперь видел, что чем жизнь новее, тем люди ко мне проще и родней.

Веселая жена Нечаева живо и прилежно сделала нам яичницу, а мы стали ее есть. Во время пищи я загляделся на супругу Нечаева — она была красива до прелести, но не в этом заключалась ее привилегия, а в том, что она веселая и уверенная в своей жизни. Мне уже приходилось встречать ряд колхозниц, подобных этой женщине, и я обращал свое внимание на их повеселевший нрав. Отчего это получилось, трудно сформулировать, поскольку на колхозника лежит сейчас больше забот и тревог, чем на единоличниках; однако же единоличницы в большинстве своем лишь традиционно-унылые, беспросветные бабы.

— Так, стало быть, ты кадр! — поев, высказался Ефим Нечаев и тронул меня за грудь.

— Кадр, — подтвердил я.

— Ну а вдруг ты ложный! — догадливо испугался Нечаев. — Ответь мне на общий вопрос: сколько нужно кирпичей, чтоб построить научную избу-читальню?..

Второй поверочный вопрос Нечаева был из другой области:

— Говорят, что мир бесконечен и звездам нет счета! Неверно, товарищи, — это буржуазная идеология: буржуям выгодно, чтоб мир был такой широкий, дабы гадам не тесно жилось и было куда бежать от пролетариата. А по-моему, мир имеет конец и звездам есть окончательный счет...

Я подтвердил, что Нечаев говорит вполне справедливо: вселенная не может быть неопределенно-бесконечной.

— А отчего электричество железо любит, а стекло не уважает?..

— Есть ли в веществе какие законы или там одни только тенденции? Вот говорят, что можно сделать две палки, равные друг другу! Чушь!! Я четыре недели стругал две линейки, и все же на полволоска они никак не сходились! Где же закон равенства? Одни только тенденции, и более нет ничего!

По возможности, я отвечал на все его вопросы.

— Ну, достаточно! — определил часа через два Нечаев. — Оставайся у нас колхозным техником — решай великую задачу, чтоб нам догнать, перегнать и не умориться. Можешь? — А мы хотим сделать тут такой колхоз, чтоб он был, как автомобиль-форд, годен по организационной форме и мужику-африканцу, и бедняку-индейцу. Ясно тебе?

— Ясно-то ясно, только это не нужно: африканский мужик и сам не дурак.

— Он-то нет, а ты-то дурак! Ведь СССР — самая передняя по революции держава! Отчего же нам не делать для всего отсталого света социальные заготовки?! А уж по нашим заготовкам пускай потом всемирная беднота пригоняет себе жизнь в меру и впрок!.. Я весь Париж хотел советской власти научить!

Пожив и потрудившись в «Утре Человечества», я узнал про тов. Нечаева все подробности его истекшей жизни. Эти подробности обозначали Ефима Нечаева как великого и все более растущего большевистского человека, — пусть даже некоторые его действия покажутся неловкими и смешными: ведь мы имеем перед собой только начало будущего человека.

Товарищ Ефим Нечаев сроду не имел в своем сознании ни рвачества, ни отсталости, а сердце его не располагалось в виде любви к единоличным коровам и частным дворам. Он еще с семнадцатого года приобрел симпатию к обширной, общественной жизни и к энтузиазму кампаний, проводимых на селе благодаря спускающимся туда директивам.

Уже давно Ефим стоял на заметке района и округа, как низовая пружина, ведущая и жмущая бедные и средние массы вперед. Поэтому Ефима назначили однажды ехать за границу, чтобы посмотреть там разную научность, а затем запомнить и доставить в голову, как в сундуке, в СССР.

Весь колхоз провожал Ефима.

— Не объем ли я свое государство, товарищи? — спрашивал Ефим. — Ведь дорого обойдется везти и кормить мое личное тело!

Колхоз отвечал ему, как один рот:

— Ничего, Ефим! Ты же не за нашу кашу поедешь, а за счет роста производительных сил!

— Не засохнут ли те силы от моего аппетита?

— Ничего, Ефим! Мы без тебя кашу щами будем мочить, а ты уж ешь масло на глазах буржуазии.

— Разве что на глазах только! — ответил Ефим. — А уж до капитализма я поеду натошак!

Вдобавок Ефиму дали еще наказ. В нем значилось, чтобы товарищ Ефим осмотрел заграничные города и уголья, понаблюдал природные дожди и ветры, обнаружил бы там активные массы, а также прочие тенденции. Особо же Ефим должен сосредоточиться на заграничном быте: сколько времени буржуй жует мясо во рту, долго ль беднячество будет обожать феодалов, и за что, как организованы там красота и счастье жизни, и когда настанет мгновенье раскулачиванья? И еще должен Ефим справиться — хватит ли заграничным товарищам революционных сил или придется откомандировать туда кадры наших активистов, — тогда пусть они запомнят нашего дядю Лукьяна: он пойдет за границу пешком и вручную ликвидирует все, что прикажут, — будь то класс, или племя, или кирпичная постройка.

— Скажи там, что у дяди Лукьяна рука, как чугунная болванка, — что попало кроет, лишь бы директива была!

С тем Ефим и отправился в буржуазию.

Достигнув капитализма, Ефим сказал ему:

— Сволочь! — и пошел ходить по одному всемирному городу, под названьем Париж.

— Где тут такая контора, как у нас сельсовет? — спросил он у провожатого.

— На что тебе? — произнес провожатый.

— Пускай на удостоверении явку отметят!

После отметки Ефим сказал, что здешняя контора велика для сельсовета — придется пойти поискать другое помещение для канцелярии парижской диктатуры.

Нашедши более подходящий дом, дабы загодя разместить в нем сельсовет, Ефим вошел внутрь него вместе с провожатым. Он хотел уже сейчас распланировать установку столов по комнатам.

— Тут сейчас беата! — сказал Ефиму провожатый. — Что обозначает красоту.

— Тем более, — определил Ефим. — Красота у меня в наказе есть, нам тоже ведь нужно какое-нибудь загляденье! Веди, подкулачник!

В институте Красоты их начали приветствовать. Ефим уже знал, что его советскую державу всюду боятся, и не стал отвечать на поклоны, а сел посреди убранного зала и начал делать проверку всей наличной женской массе.

— Организуй красоту дальше! — сообщил он, а провожатый спустил его приказ на присутствующую периферию.

Зажиточные дамы занялись производством красоты. Они все имели толстые туловища, — прибавочное сало, отнятое у пролетариата, намазано было на них сверху, так что можно слизать его обратно, но Ефим решил сделать это на утро после социальной революции.

Главная руководящая дама вынесла из чулана большую банку, наполненную какой-то копошащейся живностью. Ефим сейчас же узнал, что в банке живет население глистов. Главная худощавая женщина включила громкоговоритель — и в зале, как в избечитальне, раздалась бушующая музыка боевых масс Африки. Так провожатый объяснил Ефиму значение фокстрота.

— Сам чую! — ответил Ефим, и вздохнул, что музыка играет без революции.

После того активная дама открыла перед жирными бабами буфет с напитками и все начали танцевать такими движениями, как будто хотели размножаться.

— Останови их! — указал Ефим. — Буржуазное количество и так достаточно!

Но дамы и сами остановились, только от них запахло потом и сварившимся салом.

Инструкторша пустила из трубки благовоние, а потом вынула одного червя из банки. Ближняя толстая баба подошла к ней и проглотила того червя своею пастью, а инструкторша дала ей стакан какой-то влаги, чтобы запить проглоченное животное. Другие пухлые женщины тоже стали глотать червей: кто по одному, а кто по два.

Спустя же время вновь заиграла музыка и все начали танцевать с червями внутри.

Ефим встал, чтобы заняться ликвидацией такого явления, но председательница подошла к нему, взяла его, как буржуя, под руку, и повела вместе с провожатым в другое помещение. Там было вроде больницы — и лежали похудевшие полуголые женщины на чистых столах. Главная дама объяснила через провожатого Ефиму эти видимые обстоятельства. Здесь вытравливали червей обратно, потому что черви уже сделали свое дело — довели обрюзгших девушек до красоты худощавости. Теперь оставалось только вымыть глистов и опять давать их глотать жирному женскому полу.

— Но только нам плохо! — сказала дама через провожатого. — Наши дамы уже привыкли к местным глистам и худеют от них очень медленно. Нам нужны более ядовитые аскаридные черви, мы бы хорошо за них уплатили.

— Можно! — согласился Ефим. — Скажи этой стерве, что большевистский глист не только в худобу — в гроб любую буржуйку вгонит.

— Узкая юбка ухочена, — сказала
 мне Бран. — ~~Мне не нравится~~
~~Кто все на дворе опущено наши~~
~~никуда — это так же, как~~
 Все на китим в этом классе
 котле, и сок твоей жизни войдет
 до меня!

— ~~—————~~ раздел
4-й год
 ↓
 Сл. журнал ОК-2076 №2
 Стр. 159.

Повесть «Впрок». Автограф. ИМЛИ

Провожатый перевел.

— Мерси, мерси! — заулыбалась руководительница.

— Я как скажу своему государству, — сообщил Ефим, — так мы целыми эшелонами червей сюда будем гнать — этого имущества у нас хватает! Пускай только машины нам качают обратно: им черви, а нам чугун! Скажи ей еще, подкулачник, чтобы она дала мне в задаток за будущих глистов радио: оно нам для культурной революции приемлемо!

Дама с удовольствием поднесла Ефиму весь радиоаппарат.

— Все равно бы конфисковал! — поблагодарил Ефим. — Чего, червивая, ухмыляешься?

В тот же день Ефим отправил громкоговоритель почтой в колхоз, а колхозу приказал, чтобы все его члены изгнали из своей утробы глистов, — пускай пролетарии всех колхозов опорожнятся от вредителей и соберут их в бочку, а ту бочку пусть шлют на Париж Ефиму. Он же ту бочку загонит здесь толстым бабам для тощей красоты, а ихнее золото обратит в предметы железной индустриализации. Что же касается его личности, то он слышал уже такую бушующую музыку масс и видел таких опухших от классового счастья буржеек, что настал сочельник революции. А посему он остается на своем парижском посту, тем более что уже подыскал удобный дом для парижского сельсовета и теперь ищет здание для правления колхоза. Завтра он пойдет метить мелом по полу, где будут стоять столы председателя и секретаря, а пока пусть спросят по родному району сплошной коллективизации — согласны ли массы, чтобы Ефим стал председателем парижского сельсовета. Пусть также колхозные массы ждут от него, вскоре после социальной революции, эшелон парижских толстых туловищ, — с тем, чтобы трамбовать ими проезжий грунт.

После поклона дяде Лукьяну, Ефим закончил письмо и пошел покупать кусок мела для обозначения места сельсоветских столов в том Институте, в котором нынче живут черви, жирные буржуйки и какая-то незаметная сволочь по имени Беата.

— Я ее в плен возьму, — решил Ефим про ту Беату. — Пролетариату и сволочь пригодится, раз она невидима.

После получения от тов. Нечаева его первого же письма, он был немедленно отозван назад в СССР. Ибо его послали учиться садоводству, а не учить парижанок советской власти.

Нечаев приехал обратно без всякой обиды, ибо вера его в классовую революцию была сильнее парижской действительности — она способна была сдвинуть с места и преобразовать эту нынешнюю действительность.

Я прожил в колхозе Нечаева очень долго; я был свидетелем ярового сева на 140 процентов от плана и участником трех

строительств — прудовой плотины, семенного амбара и силосной башни.

После каждого очередного успеха тов. Нечаев выступал на собрании колхоза и провозглашал приблизительно одну и ту же тему:

— Я — товарищ Нечаев — со всеми вами, бедняками и товарищами, добьюсь того, чтоб в СССР никогда не смолкал рев гудков индустриализации, как над британским империализмом никогда не заходит солнце! И дальше того: мы добьемся, чтобы дым наших заводов застал солнце над Британией!.. Мы должны в будущем году взять какой-нибудь героический завод, дабы полностью снабжать его из нашего колхоза пшеничным зерном, — пусть наш рабочий товарищ оставит черный кислый хлеб и кушает наш первый первач! Это говорю я, — товарищ Ефим Нечаев!..

Ясно, что Нечаев для дипломатической работы годен быть не мог, а для строительства социализма на советской родине он был вполне хорош.

Дожив близ Нечаева до начала осени, полюбив его до глубокой дружбы, я все же в один светлый день подал товарищу Нечаеву руку на прощанье и поехал в уральские степи.

— Езжай куда хочешь, — сказал мне Ефим. — Все мы кипим в одном классовом котле, и сок твоей жизни дойдет до меня!

— Здравствуй, товарищ Первоиванов!

— Здравствуй, приезжий!.. Чего прибыл в осеннее время? — Чужого ума ищешь учиться, иль просто хлеб ходьбой зарабатывать?

— Чужого ума ищу.

— А свой принес?

— Своего мне мало.

— Ага! Ну, раз — мало, то живи с нами: у нас тоже ума не хватает, может — от твоей малости что прибавится!

Этот разговор был произнесен на юге Уральской области, в земледельческом коллективе имени Исаака Ньютона, где Первоиванов и его два помощника были членами и механиками. Механик же в колхозе — это весьма возвышенное лицо, это — естествоиспытатель, командир огнедышащего инвентаря и человек науки-техники; лучшие снаружи девушки состоят во многих колхозах невестами механиков. Так приблизительно обстояло дело и в коллективе «Ньютона»; но Первоиванов еще не додумал всех своих мыслей, еще не сделал из стихийной природы искусственного советского творения, поэтому заставлял невесту постоянно терпеть

и страдать без обручения. И когда он виделся с невестой, что было редко, то, вероятно, больше размышлял о странности стихийной природы, чем любовался женским присутствующим существом.

Я остался в «Ньютоне». Мне было важно изучить труд ума и рук Первоиванова, — предметы новой техники, о которых он мне писал дважды, предлагая выслать из Москвы гвозди, провода, полый медный шар, водяной насос высокого сжатия, манометр и многое прочее. Что мог, я отыскивал на Мясницкой и отправлял наложенным платежом в степную мастерскую Первоиванова.

В тот день Первоиванов пришел отдыхать в общий дом коллектива поздно ночью, но мы стали разговаривать о научной судьбе советского государства, и тов. Первоиванов променял сон на увлечение технической беседой. Я сидел с молчаливым сочувствием, а Первоиванов говорил предо мною, как великий безвестный эkonom и ключник природы. Он имел низшее техническое образование, и, прожив жизнь в глуши, где пахло конским навозом монгольских всадников, где на все четыре страны света не возвышалось ни одного технического устройства, — Первоиванов умножил свое знание, совершил научно-технические открытия и выполнил прекрасные изобретения. Он, полусамочка, изучил несколько сот технических книг, поэтому мысль его была точна, а разговор прост и интеллигентен. Он рассуждал, как европейский инженер, с сознанием скромности своего тщательного ума, без превосходства прирожденного невежды. Этот нестарый мастеровой был истинный интеллигент: он знал и чувствовал теорию, как инженер, он пережил практику, как рядовой рабочий.

Я достаточно сильно удивлялся ему. Изобретателей-кустарей я видел, видел вечные двигатели, работающие моченым и сухим песком, но еще не наблюдал мастерового, ставшего, ради изобретательства, совершенным техническим интеллигентом, и притом личными усилиями.

Вблизи нас спали мужчины-коллективисты на раскладных кроватях. Горела лампа, дверь на балкон была открыта для воздуха, за балконом лежала мрачная мировая косность, привычная до неощутимости и примирения с нею.

Первоиванов говорил, а мы, три человека — два тракториста и я, — слушали его.

— Сахара, Гоби, песчаные реки Азии — это экскременты неразумных культур, легших в уготованные самими себе песчаные могилы. Что такое вся Средняя Азия? Это пески и люди!

«Верно ведь!» — думали все мы и молчали дальше. А Первоиванов говорил с жадностью и скупостью настоящего разума,

воображая весь мир своим двором, в котором, однако, еще царствует хищная, смертная бесхозяйственность.

— Основной капитал человечества — плодородие земли, поэтому он не должен расхищаться и истребляться, а должен лишь использоваться, сохраняя абсолютную величину постоянной.

Современные способы эксплуатации почвы, конечно, есть причины образования пустынь. Современная система сельского хозяйства есть хищничество по существу и разрушение производительных сил земли, а не хозяйство в нравоучительном смысле. Хозяйство есть такая система трансформации элементарных производительных сил, где абсолютная величина производительных сил, участвующих в процессе трансформации, постоянна, а, так сказать, чистая прибыль, продукт, прибавочная ценность образуются за счет солнечной энергии, участвующей в хозяйстве как элементарная производительная сила, — энергии, практически неубывающей. За счет солнца же должно происходить восстановление органических потерь и нарушений почвенных элементарных производительных сил, — потерь благодаря трансформации. Этот частичный ремонт почвы возможен, конечно, лишь при участии посредников (системы чередования растений, удобрений и пр.), искусственно вводимых человеком, которых также можно рассматривать как трансформаторов солнечной энергии.

Земля должна быть цела и девственна, а вся пышная жизнь человечества пусть идет целиком за счет солнца. В этом, по сути, конечная цель агрономической техники.

Я сейчас коснусь лишь способа ликвидации одного, и главнейшего, пустынообразователя — поверхностного стока вод. Весеннее таяние снега и ливни дают в результате мощные потоки воды, которые с большими скоростями сбегает в реки, выгребая из почвы те вещества, которые питают растения. Ежегодно уносит вода такие богатства, которые не исчислишь, которые не удовлетворишь никакими удобрениями. Значит, стихийный поверхностный скат воды есть причина истощения почвы, есть сосун ее плодородия. Это одно. Второе — мы теряем воду, которая сама по себе необходима растению и от недостатка которой мы бедствуем постоянно и пока неизлечимо. Ведь 50–60 процентов всех осадков уходит безвозвратно. Это два. Кроме того, стихийный поверхностный сток воды творит овраги, увеличивая площадь неудобных земель и умыкая поля; он заносит реки продуктами размыва почвы, заставляя блуждать их русла и плодя болота; он, этот сток воды, дробит организм почвы, вода делает неорганический песок, а этот песок, обрабатываясь ветром, образует холмы и барханы, заносит плодородные черные земли — и уже дышит пустыня. Это три. Этого достаточно.

Надо уничтожить главного пустынообразователя — поверхностный сток воды. Но как это сделать?

Мы здесь, в колхозе, разработали особый проект «реконструкции рельефа», суть которого — в создании водозадерживающих валиков по горизонталям поверхности. Валики должны охватывать как можно большую площадь (тем действительней будет их эффект). Теоретически этим достигалось почти полное прекращение поверхностного стока. Последний таким образом превращался во внутренний сток. Горизонтальное скольжение воды заменялось вертикальным ее поглощением почвой. Почва выходила из весны в лето жирно насыщенной влагой. Благодаря такому переустройству естественного рельефа, дожди и ливни также лучше использовались почвой. Вообще этим достигалось увлажнение почвы и ликвидация всех ненаучных бед. В условиях нашего края, в широком массовом крестьянском масштабе только и применим этот способ непосредственной и поражающей борьбы с засухой. Все остальные способы — паллиативы и не могут иметь такого великого всестороннего значения, как ликвидация поверхностного стока воды. Увлажнительная мелиорация, полное усвоение почвой зимнего урожая воды — вот основная и победная позиция над засухой. Борьба с засухой есть лишь часть более общего вопроса об одолении пустыни. Увлажнение же есть не только мелиоративное мероприятие, но также и агрикультурное.

Увлажнение у нас вышло вполне выгодно: на гектар у нас упал расход (если считать при ручном способе земляных работ) в 20–25 рублей, а при машинном способе у нас вышло 15–18 рублей. Здесь мы работали силой реконструктора. Это такой механизм, — завтра ты его увидишь, — существенная часть которого — быстро вращающийся лежачий барабан с зубьями, насыпающий валик параллельно движению реконструктора. Полезно также некоторое укрепление валиков, кроме обязательного трамбования, растительностью — не самих валиков, а подступов к ним со стороны воды. Для этой цели подойдет лох (дикая маслина), крутик (аморфа куртикоза) и др. Эти культуры мы выписываем из питомников Тамбовского округа. Стоимость обсадки на один гектар падает в 8 рублей. Следовательно, на один гектар падает расходов: на земляные работы при ручном способе — 20 рублей, плюс обсадка — 8 рублей, плюс съемка в горизонталях и разные организационные расходы — 2 рубля; всего — 30 рублей.

При машинном производстве земляных работ общая стоимость увлажнения одного гектара понижается до 25 рублей.

Эффект увлажнения, считая по сравнительному приросту урожая, для годов, благополучных по осадкам, надо прикидывать в 25 процентов, для засушливых — в 75 процентов. Максимум в три

года затраты полностью будут возвращены. Но увлажнение есть не только увлажнение, а также способ сохранения плодородия — косвенное удобрение. Увлажнительные сооружения — это средство для приведения речных систем в порядок, это прекращение роста оврагов и конец иссушения земель, — это омоложение природы.

Первоиванов на время смолк. Мы ничего не могли сказать ему, и он сам добавил:

— Вот когда у нас вода не будет течь, а будет всасываться в землю, — у нас получится действительно большевистская почва. А сейчас у нас есть овраги, пески, обнаженные глины — это еще не наша, а царская территория!

Спящие коллективисты открывали глаза от звуков слов Первоиванова и вновь закрывали их от неизжитой усталости.

— Дмитрий Степанович, — обратился один слушатель-тракторист, — я читал, что ум кормится фосфором. У тебя, должно быть, много фосфора в голове!

— Наверно, есть, — ответил Первоиванов. — Только многие люди живут так плохо и вредно, что лучше б было поколоть ихние головы и обратить оттуда фосфор на минеральное удобрение.

— Ты бы лучше поспал, — сказал тот же тракторист. — А то весь фосфор истратишь — чем завтра будешь думать!

— И то, надо поспать. Давайте, товарищи, успокоимся на последние темные часы.

Через несколько минут мы затихли, бурча во сне невысказанные слова.

Я проснулся уже в пустоте общежития, освещенного одиноким солнцем. Все спавшие люди давно пробудились и ушли на общий труд. Я вспомнил, что в Москве люди трудятся тоже коллективно, но живут одиночно и часто ругаются. Здесь же было тихо, лишь где-то вдалеке шумела, вращаясь, неизвестная машина или какое-нибудь орудие. Я находился в колхозе ненужным человеком и решил ввязаться в труд на эти дни.

В общежитие вошел человек в кожаной, истертой о машины, одежде: очевидно, один из механиков или мастеров «Ньютона». В «Ньютоне» половина людей была в сапогах и в коже, а другая половина — женщины и дети; но после я увидел, что и женщины обращаются с инструментом в слесарном отделении колхозной мастерской, а подросшие дети — юные натуралисты, и с ними приходилось говорить, напрягая все свои остаточные естественные знания.

— Тебя зовет Первый Иван, — сказал нерусским голосом пришедший человек. — Живи — не спи.

— Ты кто? — спросил я.

— Я в коллективе — электрик Гюли, а был киргиз.

— Разве электрик лучше киргиза? Ведь киргиз — сильный человек, и его народ терпелив и способен к трудной жизни. Там, где живут киргизы, другие люди через год погибли бы или сошли с ума от нервности!..

Гюли помолчал, давая мне из уважения время для слова, а затем сам начал думать и отвечать:

— Твоя голова лучше твоего слова. Я видел тайгу. Отец говорил, что дальше тайги народ живет на льду, и я сказал отцу: тот народ умный, что умеет жить на льду, — киргиз бы там умер. А отец научил меня: ты глупый, — тот народ тоже умер бы в киргизских песках. А другое ты говоришь: киргиз сильный, а лучше электрика! Твое верно: киргиз сильный, но пустыня терпеливей киргиза; пустыня останется, а киргиза не будет. Электрик лучше киргиза, электрик сильней пустыни, а киргиз — нет. Всякий киргиз будет электрик и механик, — от них пустыня зарастет, а человек останется. Ты плохо уважаешь киргиза.

Мы вышли на колхозную усадьбу, похожую на заводской двор; из скотины присутствовали вдалеке, в углу усадьбы, коровы, овцы и одна толстая неработоспособная лошадь.

Первоиванов пускал в работу реконструктор рельефа. Я разглядел механизм. Это был тип фрезера, отбрасывающий землю вбок, под прямым углом к линии своего движения. Реконструктор имел собственный мотор, который давал поступательное движение всему механизму и вращал фрезерный барабан. Барабан с зубьями — разной величины — мог быть прижат к почве сильнее или слабее, в зависимости от условий грунта и желаемой интенсивности.

Реконструктор отправлялся в соседнее с «Ньютоном» товарищество общественной обработки земли. Он должен за месяц насыпать увлажнительные валики на площади в сто или полтора-ста гектаров. Киргиз Гюли уже обучил тамошнего крестьянина работе на реконструкторе, и этот новый механик слушал сейчас последние советы Первоиванова.

Затем барабан реконструктора был поднят в холостое положение, и машина пошла своим ходом в товарищество, в деревню за тридцать километров. Но я заметил, что барабан продолжал вращаться в воздухе.

— Что он? — спросил я.

Первоиванов понял.

— Не из чего было сделать холостой муфты, — сказал он. — Стыд и срам получился.

Вскоре я отошел в поля «Ньютона», чтобы не мешать регулярному труду коллектива. Хотя те поля находились в безотрадной степи, но они имели уют от кустарника, росшего полосами подле небольших насыпей земли, а эти насыпи тянулись по горизонталям одновысотных точек на несколько километров. Расстояние между валами, считая по направлению падения естественного рельефа, равнялось приблизительно 200–300 метрам, хотя я прошел всего три линии земляных водоудержательных заграждений. Это все было производство только что виденного мною реконструктора рельефа; но были части валов, насыпанные вручную, — они легко различались на глаз грубостью работы.

Но меня больше всего привлекала неизвестная мачта вдалеке и шар на ней из красной меди, блестевший на солнце. Подойдя ближе, я рассмотрел на том шаре особые заусенции, или тонкие острия, вделанные в тело шара перпендикулярно к его поверхности.

У основания той мачты помещалась небольшая деревянная будка, закрытая на замок; из будки шел провод на вершину мачты — к медному шару, и другой провод, разветвлявшийся далее на несколько проводов. Эти последние провода покоились подвешенными на низенькие столбики, а со столбиков вонзались прямо в землю и в ней пропадали где-то. На земле же находились, ограниченные канавками, четыре участка, явно похожие на подопытные и контрольные делянки. Но делянки были гладки и пусты, — наверно, на них ничего летом не произрастало. Я не мог понять такой картины и сел в канаву, взволнованный тайной техники.

Через два часа я вновь посетил это место, в сопровождении Первоиванова и Гюли, поскольку вся таинственная установка представляет их совместное изобретение, достигнутое в течение шести лет изучения, размышлений и опытного труда. Вечером Гюли показал мне свои расчеты, записки, вспомогательные научные книги и объяснил всю тайну. В результате у меня получилось следующее представление об этом редком и оригинальном изобретении, которое я сейчас изложу в меру своего постижения его из уст Гюли и Первоиванова.

О всасывающей энергии почвы известно уже давно. Но только недавно ученым В.Г. Корневым была сделана удачная попытка использовать это открытие для практики земледелия. Именно, его система автоматического самоорошения почвы представляет

почти совершенную конструкцию. Пользуясь этой системой, нельзя засолить почву, влага не теряется на испарение, расход влаги регулируется самим растением и почвой, и, в случае избыточности осадков, вода отдается в систему, которая начинает действовать как дренаж. Система работает совершенно автоматически, точно и надежно, — раз запрограммированная, она почти не требует надзора.

Налицо высокое и остроумное произведение техники. Если бы не дороговизна некоторых частей этой системы (керамиковые трубы), она бы нашла широчайшее применение, в первую очередь, конечно, в садовых и интенсивных культурах, а затем и в полях нашего засушливого юго-востока. Экспериментальная проверка В.Г. Корневым своего изобретения дала вполне удовлетворительные результаты (смотри работу в «Трудах Государственного института сельскохозяйственной мелиорации» за 1925 год).

В.Г. Корнев, установив и опытно подтвердив самое наличие в природе всасывающей энергии почвы, этим и ограничился. Причины этой энергии все же остались, видимо, скрытыми, — из чтения его работы ни Первоиванов, ни Гюли этих причин не узнали, и нашли их самостоятельно.

Они, Первоиванов и Гюли, стали сначала учиться и думать, а потом делать опыты, и открыли следующее.

В почве вода присутствует в двух состояниях: пленочном и капельно-жидком (это давно установлено многими исследователями). Проявляя «всасывающую энергию», почва получает влагу извне для себя и этой же силой старается удержать ее.

Но что такое всасывающая влагу энергия почвы?

Поверхность земли, то есть почва в первую очередь, имеет электрический заряд отрицательного знака (открытие принадлежит старым ученым, фамилии которых мне Первоиванов говорил, но я забыл).

Это означает присутствие в почве отрицательных электронов, чрезвычайно энергичных на стягивание вокруг себя паров влаги. Присутствием же в атмосфере отрицательных и положительных электронов (последние на влагу менее энергичны) и объясняется молодой наукой, электрометеорологией, образование гидравлических метеоров (облака, тучи, туманы).

Почва, стало быть, имеет скопления отрицательных электронов. Причем эти электроны, будучи наведенными в почву силами космического порядка, циркулируют в почве в свободном состоянии, то есть не связанными с материей. Отрицательные электроны могут появиться в почве и в результате почвенных процессов. Вероятно, в природе имеются налицо обе причины появления отрицательных электрических зарядов в почве — и космическая, и почвенно-внутренняя.

Кроме этих свободных электронов, в почве, как и во всякой материи, имеются отрицательные электроны, связанные с материей, — это те отрицательные электроны, которые входят в структуру всякого атома. Но все же и эти связанные с атомом электроны обладают всеми свойствами электронов свободных — сгущать вокруг себя пары влаги.

Пленочная влага в почве, тончайшим слоем (пленкой) обтягивающая мельчайшие пылинки почвы, образуется силой отрицательных (в меньшей степени положительных) электронов, входящих в состав атомов. Поэтому-то пленочная влага и теряет почти все свойства влаги — она не участвует в растворении солей в почве, не испаряется, не замерзает при очень низких температурах и составляет как бы структурную принадлежность атомов и молекул.

Отрицательные электроны, входящие в структуру атомов почвы, образуют пленочную влагу. Эта пленочная влага практически в сельском хозяйстве никак не может быть использована.

Но, кроме пленочной, в почве находится еще влага в капельно-жидком состоянии, всосанная в почву отрицательными электронами, находящимися в свободном, а не структурно-атомном, состоянии, то есть циркулирующими в почве по своим законам.

Эти свободные отрицательные электроны в почве и есть причина всасывающей силы почвы. Они образуют в почве влагу в капельно-жидком состоянии, которая остается влагой и не теряет своих свойств влаги, а следовательно, может быть использована в сельском хозяйстве.

Такова теория Гюли и Первоиванова. А первый опыт их был таков (он произведен в 1926 году):

На делянке, площадью около 40 квадратных метров, был посеян овес. Такая же была контрольная делянка. Имелся источник электрического тока в виде многоэлементного аккумулятора с высоким напряжением тока. Положительный полюс аккумулятора был соединен с медным полым шаром на мачте: Гюли припаял к поверхности шара множество длинных и тонких концов, чтобы положительный заряд уходил через них в атмосферу. А отрицательный заряд направлялся в почву, в корневую систему растений, посредством соединений луженых волосков провода с корнями овса. Таких соединений на опытной делянке было семь. Сколько положительного электричества уходило в атмосферу, столько же отрицательного электричества поступало в корнеобитаемый слой почвы. Не имея приборов и возможностей для точного учета результатов опыта, Первоиванов и Гюли достигли в 1926 году такого конца своей работы.

1) Почва подопытной делянки хранила влаги больше по сравнению с контрольной делянкой; простейшим выпариванием установлено, что в пробе почвы с опытной делянки влаги было больше приблизительно на 8 процентов, чем на контрольной делянке.

2) Вероятно, были побочные положительные действия отрицательного тока на физиологию растений, кроме лучшего увлажнения почвы, потому что опытная делянка имела на вид более пышную растительность.

3) Валовой урожай твердой массы урожая с опытной делянки превысил контрольную делянку на 12 процентов.

4) Очевидно, что крайне кустарная обстановка опытов позволяет считать эти результаты лишь условными.

По расчетам Первоиванова и Гюли, для электрического орошения нужна примерно одна лошадиная сила на каждые 100 гектаров. А при больших площадях — и того меньше. В стоимости это выражается по 5–10 рублей на гектар.

Обладая исключительной простотой, ясностью и изяществом устройства, электрический способ орошения, изобретенный в «Ньютоне», может стать решающим орудием в борьбе с засухой: мы можем сразу нанести засухе смертельный удар по всему фронту.

— Действительно, — воскликнул для своего слушателя Первоиванов, — что тут происходит? Ведь мы копируем природу — делаем в почве то же самое, что делает и она на своей воле, лишь искусственно подгоняя и усиливая ее. Как рождаются тучи в атмосфере, как получается капельно-жидкая влага в почве, таким же путем идем и мы, лишь уснащая почву усиленной пропорцией отрицательных электронов и получая поэтому более могучее всасывание почвой паров влаги в себя. Но откуда же будет приходиться влага в почву после добавочного, считая против природной нормы, насыщения ее отрицательными электронами? А вот. Влага почвой будет усиленнее всасываться из подпочвы; отработанные, испаряемые растением пары влаги будут втягиваться обратно в почву, поступая, стало быть, во второй оборот; обтекающие дневную поверхность почвы пары влаги, а также утренние и всякие иные росы, будут также вовлекаться в почву; наконец, поступившие хотя бы тощие осадки сильнейшим образом будут замедлены в своей фильтрации под почву и в испарении, уходя, главным образом, в полезный оборот растения и образуя некоторый запас влаги на будущее, — запас, который стянут электронами, как цементом. Электрическое орошение собирает влагу по крохам отовсюду, и хлеб растущий будет сыт.

— Вы мне говорили про опыты 1926 года, а я видел ваше устройство нынче. Что у вас теперь выходит?

— Это другое, — сказал Первоиванов. — Это мы пробуем

переродить электричеством почву. Там первые опыты по удобрению голой почвы электричеством.

— Каким образом?

— Образом изменения строения почвы, чтоб растению было выгодней питаться и жить. Но только у нас ничего не выходит пока.

— Может быть, еще выйдет!

— Конечно, выйдет. Природе от науки некуда деться.

— А зачем это все нужно, товарищ Первоиванов? Природу вы денете в науку, свой коллектив сделаете зеленой крепостью среди мутных мертвых песков. Ну, и что же?.. Вам придется только пироги с начинкой кушать, — больше ничего. Вы носите имя Исаака Ньютона, а добьетесь того, что обратитесь в артель сытых людей!

— Ты слаб в отношении чужого характера, — заявил Первоиванов. — Нам пища-одежда-жилище — пустяки: их мы в мах устроим. Мы соображаем прочней и дальше, наш колхоз в одиночку не удержится. Как же это так: ты одну пятитысячную часть своей жизни истратил на нас, а не понимаешь?!

— Нет, не понимаю.

Первоиванов со всем терпением присущего ему стойкого ума объяснил мне с полной ясностью, что колхоз в честь Исаака Ньютона не что иное, как центр, или просто точка, целой системы — союза подобных колхозов, которые должны создаваться — и уже создаются — от южного конца Уральского хребта вплоть до северного берега Каспийского моря. Эти сомкнутые колхозы покроют сухую степь и полупустыню непрерывной зеленой живой полосой, с тем, чтобы эта полоса культурных растений послужила несокрушимой стеной, ботаническим кремлем против активных среднеазиатских пустынь, с тем, чтобы пустыня иссякла, упершись в юго-восточный противозасушливый союз колхозов. Нижнее и Среднее Поволжье, Северо-Кавказский край и Украина никогда не должны чувствовать желтой чумы пустыни. Кто это должен сделать, то есть кто именно будет жить и работать в таких противопустынных коллективах? Конечно, в первую очередь кочующие калмыки и киргизы. Они знают пустыню, они гибнут от нее, и они способны победить ее. Причем форма колхоза как раз наиболее приспособлена для безболезненного и быстрого перевода кочующих племен и родов на оседлость, не разлучая людей внутри племени или рода. Этот план одоления пустыни состоит из следующих частей: 1) перевод кочевников на оседлость и организация из кочующих скотоводов земледельческих коллективов, 2) сплошная коллективизация русских и всех старо-оседлых обжитых районов, 3) образование противозасушливого союза кол-

хозов и 4) вооружение всех объединенных колхозов агрономической машиной и специально противозасушливой техникой.

Так, по словам Первоиванова, в одном узле должны решиться национальная, климатическая, классовая и техническая задачи. Весь план выдумал и доказал Гюли, Первоиванов же был в этом плане, так сказать, «изобретателем технической революции».

Дальше Первоиванов унылым голосом говорил о своей общей скорби. Эта скорбь ощущалась им от расточения имущества природы бесхозяйственным человечеством. Нефть и уголь изымаются и передаются обращению в силу посредством огня, то есть уничтожению навеки. Леса изводятся на дрова, в тепловой газ, который уже невозможно превратить обратно в вещество. Материю земного шара тратят непрерывно, и кончится это дело великой нуждой. И как это не жалко никому? Где же наука экономии и чувство скупости ради существования будущих людей? Того нет и не предвидится.

В размышляющей тоске Первоиванов опустил голову, и так же поступил Гюли.

Поэтому Первоиванов, Гюли и весь человеческий коллективный состав «Ньютона» сейчас думают более всего над устройством новой экономики жизни. В новой экономике сила и тепло должны добываться из падающей воды и дующего ветра, то есть посредством таких стихий, где вещество — капитал природы — нисколько не уничтожается. К концу времен люди не должны стать обездоленными, — они и тогда, через наш берегущий разум, должны иметь под ногами полнотелый земной шар. По докладу Первоиванова колхоз принял план, что летом будущего года начнется сооружение ветросиловой установки, которая снабдит главную усадьбу коллектива силой, светом и теплом.

Узнав эти обстоятельства, я возразил:

— Ведь металл в машинах изнашивается: он рассыпается, истирается, стареет, пропадает в невозвратимый прах. И вы не можете экономить вещество в быстроходной технике.

— Это — да, — задумался Первоиванов. — Но мы такую вещь предупреждаем прессовкой металла. Мы уж с Гюлем это обдумали. Идем, я тебе покажу — у нас тайны нету, мы работаем для всех большевистских людей. Денег за мысли об улучшениях мы не просим — они сами к нам придут от изобретений.

И я посетил небольшую литейную в колхозной мастерской. Там была новость — пресс для упрочения металла. Пресс представлял из себя пару цилиндров, поставленных друг против друга на одной геометрической оси. В один цилиндр накачивалась вода небольшим насосом, способным к высокому сжатию. Под давлением воды из цилиндра начинал выползать поршень, похожий по

форме тоже на цилиндр. Этот рабочий поршень мог нажимать на такой же поршень противоположного цилиндра.

Но предварительно совершалось следующее. Металл разогревался до жидкого состояния обыкновенным способом, в вагранке. Затем расплавленный металл подносился в тиглях к прессу и наливался во второй, назовем его — исполнительный, цилиндр. Отверстие, через которое был налит металл в пресс, потом быстро и наглухо закрывалось фланцем и заюлчивалось замковым болтом. Пресс немедленно пускался в действие: из первого, рабочего, цилиндра выходил поршень и вдавливал второй поршень внутрь исполнительного цилиндра, наполненного жидкостью металла. Постепенно жидкость сжималась все более, объем ее уменьшался, пресс гудел от напряжения. Манометр последовательно показывал 10—20—40 и, наконец, 100 атмосфер, то есть давление в 100 килограммов на каждый квадратный сантиметр поверхности жидкого металла. Выше насос был взят не в состоянии. Тело исполнительного цилиндра все время интенсивно охлаждалось, — сначала вентилятором, а затем, медленно и осторожно, под рубашку цилиндра Первоиванов пустил воду. Пресс замер в положении сжатия в 100 атмосфер. Он будет так стоять еще некоторое время, пока сжатый металл не обратится из жидкого в твердое состояние.

Когда происходил процесс увеличения давления, Гюли несколько раз выпускал особым краном газ из грушевидного сосуда над исполнительным цилиндром. Этот газ освобождался из недр сжимаемого металла, чтобы он не остался там в виде раковин, пустот и желваков, уменьшив прочность строения металла.

Через несколько минут металл, остывая, уже твердеет под сжатием. А раз он затвердел, то, следовательно, остается в таком искусственно-малом объеме, какой ему придало мощное прессование. Тогда остается разомкнуть заднюю крышку исполнительного цилиндра и посредством несильного нажима рабочим поршнем вытолкнуть наружу готовый металл. Он уже теперь имеет чрезвычайную прочность, его строение спрессовано навсегда.

Понятно, я опустил многие детали процесса отпрессовки и самого устройства гидравлического пресса. Например, я не упомянул, что внутренняя поверхность исполнительного цилиндра покрыта огнеупорным составом высокой стойкости. Не упомянуть и еще многие обстоятельства. Однако принципиальная часть изобретения изложена.

Вся картина работы по «упрочению металлов» мне стала ясна только после двухдневного осмотра пресса и присутствия во время одной заливки пресса жидким металлом.

Но что же делается дальше? Ведь горячая обработка готовой болванки «отпустит» металл, он потеряет свои качества «прессованного», сверхпрочного, устойчивого к трению и износу.

Это верно. Прессованный, «сжатый» металл допускает только холодную обработку. Для того же, чтобы получить изделие нужной формы, необходимо, чтобы пресс в своей исполнительской части имел форму заданного изделия, был бы, так сказать, изложницей. Но чтобы так устроить, следует иметь не один пресс, а целую серию их, и притом производство должно быть посвящено одному какому-либо стандартизованному изделию, — например, определенному двигателю, станку и т. д.

Это изобретение Гюли и Первоиванова еще не доведено до конца: прессованный металл имеет хрупкость, показатель которой выше хрупкости обычно приготовленного металла. Однако Первоиванов предполагает в ближайшее время этот недостаток пресечь — путем ввода в тело жидкого металла особого вяжущего состава. Мне кажется, что это Первоиванову удастся, потому что ему и его друзьям само время помогает, да и стихии мира, видимо, не прочь отдаться в его бережные, разумные и догадливые руки.

Таковы советские умственные дела, сбывающиеся за чертой нашего внимания безвестными, великими и рядовыми людьми «массы». Но надо знать, что эти дела сбываются лишь потому, что силы Первоиванова и его товарищей, что земля и все снаряжение ее уже свободны или освобождаются от расхищения классовым врагом.

Вскоре я отправился домой. Мне пришлось долго ехать по осенней степи, среди которой природа исполняла свою скуку.

Было в точности ясно, что в мире необходимо иметь множество «Первых Иванов», дабы уничтожить скуку природы счастливым смыслом их совокупного, образующего творчества.

*

Расставаясь с товарищами и врагами, я надеюсь, что коммунизм наступит скорее, чем пройдет наша жизнь, что на могилах всех врагов, нынешних и будущих, мы встретимся с товарищами еще раз и тогда поговорим обо всем окончательно.

<Весна 1930 г.>

<ФРАГМЕНТЫ ПОВЕСТИ «КОТЛОВАН», ИСКЛЮЧЕННЫЕ АВТОРОМ ПРИ ПРАВКЕ МАШИНОПИСИ>

<1>

Стр. 72. После слов «...где был перед ним лишь горизонт и ощущение ветра в склонившееся лицо»:

Через версту стоял дом шоссейного надзирателя. Привыкнув к пустоте, надзиратель громко ссорился с женой, а женщина сидела у открытого окна с ребенком на коленях и отвечала мужу возгласами брани; сам же ребенок молча щипал оборку своей рубашки, понимая, но ничего не говоря. Это терпение ребенка ободрило Вощева, он увидел, что мать и отец не чувствуют смысла жизни, и раздражены, а ребенок живет без упрека, вырастая себе на мученье. Здесь Вощев решил напрямь свою душу, не жалеть тела на работу ума, с тем чтобы вскоре вернуться к дому дорожного надзирателя и рассказать осмысленному ребенку тайну жизни, все время забываемую его родителями. «Их тело сейчас блуждает автоматически, — наблюдал родителей Вощев, — сущности они не чувствуют».

— Отчего вы не чувствуете сущности? — спросил Вощев, обратясь в окно. — У вас ребенок живет, а вы ругаетесь, он же весь свет родился окончить.

Муж и жена со страхом совести, скрытой за злобностью лиц, глядели на свидетеля.

— Если вам нечем спокойно существовать, вы бы почитали своего ребенка — вам лучше будет.

— А тебе чего тут надо? — со злобной тонкостью в голосе спросил надзиратель дороги. — Ты идешь и иди, для таких и дорогу замостили...

Вощев стоял среди пути, не решаясь. Семья ждала, пока он уйдет, и держала свое зло в запасе.

— Я бы ушел, но мне некуда. Далеко здесь до другого какого-нибудь города?

— Близо, — ответил надзиратель, — если не будешь стоять, то дорога доведет.

— А вы — чтите своего ребенка, — сказал Вощев, — когда вы умрете, то он будет!

Сказав эти слова, Вощев отошел от дома надзирателя на версту и там сел на край канавы;

<2>

Стр. 75. После слов «Как заочно живущий, Вощев делал свое гуляние мимо людей, чувствуя нарастающую силу горюющего ума»:

И когда потемнело в природе, он сел на скамейку профсоюзного сада в глубине города, дабы забыться в темной мысли, уединившись в тесноте своей печали; для экономии измученного туловища он прилег на скамейку и уснул в покое всеобщей ночи.

Вскоре на лавку половиной корпуса присела женщина, а затем начала беспокоить волосы на спящей голове Вощева.

— Иди, бабушка, — сказал Вощев в забвении, — я ведь редко сплю.

— Какая же, мальчик, я бабушка? Я запасная барышня!

— Не мучай меня, — ответил Вощев, — днем я буду опять думать.

Женщина говорила еще что-то, но Вощев уже был без памяти о ней.

Утром снова раздалась музыка; Вощев, очнувшись, сразу сел среди ранней сырости воздуха. Мимо сада ехала воинская конница, а впереди нее протяжно пели медные трубы, призывая к победе над классовым врагом. Мастеровой человек шел по саду с ребенком-сыном и рассказывал ему про конницу, но ребенок понимал еще больше, чем видел.

— Папа, мне так и хочется крикнуть: да здравствует Первое мая! — сказал мальчик.

И они ушли дальше. Вощев хотя и не мучился от голода, но знал, что он давно не кушал и надо питаться. Город находился вблизи ржи, поэтому Вощев пошел в поле нарвать колосьев, чтобы прожить это время, пока он не узнает смысла жизни.

В поле была тишина света, и от солнца наступало тепло. Рожь еще не поспела, зерна представляли мякоть, но тем легче ими можно постепенно кормиться. Наевшись поскорее, Вощев скрылся в безлюдной гуще колосьев и лег в землю лицом, чтобы в забвении выдумать истину жизни и устроиться внутри себя и снаружи навсегда. Он притаился и лежал без защиты; воздух слабо двигался поверх его тела, стволы колосьев поскрипывали в начальной зрелости, где-то за нивами ступал человек по дороге и говорил сам с собой. И Вощев подождал думать, пока пройдет человек.

Смутное солнце светило с вышины бессознательного мира, испуская тепло не от смысла, а от закона; травяная мелочь бережно таилась у низов ржи, — может быть, она надеялась на свое

искупление из природы человеком, или сама была сцеплена глубиной корней с питающей истиной терпения, — может быть, существовала лишь в химической тьме. Полдневная земля сохла вокруг; в раздраженной тишине, исполненной запаха соломы и сытости, звучали кузнечики, трудясь для продолжения своей жизни — зря бы они не производили звуков. Вощев хотел поймать для памяти кузнечика, чтобы разглядеть вблизи это существо, уверенное в своей жизни, и увидеть, почему оно уверено, а не мучается. Отвыкшему от работы и ловкости, ему долго пришлось бродить и ползать, охотясь за кузнечиком, пока не удалось уединить его посредством шапки. Затем Вощев взял кузнечика в руку и стал глядеть на него, ища глаза и разум этого существа; кузнечик шевелился по своей заботе, но не видел человека и без страха продолжал жить.

Вощев погладил пальцем кузнечика и выпустил из руки жить, чтобы не уродовать.

— Иди, сохраняйся, — сказал он. — Ты, может быть, давно знаешь, о чем я живу и скучаю.

Освобожденный кузнечик молча посидел в траве, а потом ушел пешком куда-то в гущу, а Вощеву стало хуже без него.

Но все же постоянное горе Вощева забылось в этом отвлекающем созерцании кузнечика, и окрестная жизнь утешила его, как могла, своим действием и существованьем. Другой человек вошел с дороги в рожь и наклонился над Вощевым.

— Это кто тут лежит один?

— Я, — ответил Вощев, будто он общеизвестен на свете.

— Кто это — я? Что это за епипшка валяется? — весело говорил человек.

Далеко, но слышно закричал жеребенок от радости, дорвавшись до матери или еще что-нибудь. Его телесный, доверчивый голос звучал продолжительно и смолкал лишь постепенно, в меру удовлетворения тамошнего счастья жеребенка.

Вощев послушал голос животного, встал на ноги и почесал лоб, старый от размышлений.

— Ты, наверно, хочешь сказать, что я рожь помял! — произнес он по направлению пришедшего человека.

— Ну тебя! Разве ты дешевле ржи, что ль?

Вощев всю жизнь не утомлялся думать, особенно когда человек был близко к нему.

— Это верно: рожь — дело стихийное, а человек — организованное и умирающее существо...

— Это ты тоже верно сказал. А хочешь, я тебя на работу пошлю? Ты, кажется, человек хорош!

— Почему?

— Я профуполномоченный. У нас сейчас идет работа по устройству окончательной жизни, а с людьми — убыток. Чего-нибудь ты стукать можешь?

— Нет, нисколько не могу, — сознался Воцев. — Могу в будущем смысл жизни выдумать для всех, а сейчас какой-то хищник украл мое чувство и тело мое слабое.

Противоположный человек превратил свое лицо из простого в серьезное: он не знал — профессия ли смысл жизни, или нет.

— А может твой смысл повлиять на выработку труда?

— Конечно, может. Отчего же я сейчас работать не могу?

Они еще немного поговорили среди ржи, а потом пошли в город. Профуполномоченный и сам уже хотел бы знать причину и течение всемирного существования; он решил поговорить в окрпрофбюро насчет необходимости истины для трудящихся, — ведь истина, действительно, укрепляет ум и повышает производительность человека. Многие люди живут как былинки на ветру руководящих обстоятельств, а тогда у них будет точное направление вперед на вечность и темп прямого движения к свету.

Так как Воцеву нечего было есть, то профуполномоченный повел его кормить холодными шами на свою квартиру; Воцев удивился чувству незнакомого человека, но профуполномоченный объяснил свою доброту тем, что сейчас другие директивы жизни, чем год назад, сейчас нельзя быть членом партии лишь в социальном масштабе, но надо им быть и вдвоем с человеком, и наедине в безвестности.

Поев и рассеявшись, Воцев написал заявление в культотдел окрпрофбюро, по совету уполномоченного. Воцев просил для себя предоставления труда по отысканию истины путем постоянной мысли; в заявлении было указано, что истина есть потребность, она — организационное начало человека, причем истину нельзя понимать лишь как организационный момент, но следует воображать ее себе трудом над организацией вечности.

— У нас стало всего много, — сказал профуполномоченный. — Я думаю, тебя примут думать за жалованье.

— Я прокормлюсь за жалованье и вспомню смысл всего мира, — произнес Воцев с надеждой.

— Ну к что ж, — согласился профуполномоченный. — Кормить тебя недорого, а ты дашь настроение народу.

— Я устрою человека, — с сознанием обещал Воцев.

Окрпрофбюро того города сумело намного увеличить довольство пролетариата, теперь же его заботила культурная скудость тружеников; культработники мучились над улучшением самой

классовой сущности пролетариата, и в такое время было получено заявление Вощева. Уже то, что вопрос о необходимости смысла жизни ставился безработным трудящимся, — было учтено как признак повысившегося культурного уровня, и заявление Вощева не имело отказа.

— Мы должны поддерживать всяческие начинания масс, — сказал заведующий культотделом. — Жизнь сама отберет потом мертвое от цветущего. Дайте человеку шестой разряд — для жизни во время его мысли.

Профуполномоченный возвратился вечером на отдых и сказал Вощеву, что ему положили жалованье по 38 рублей в месяц.

— Живи на моей площади, товарищ Вощев, — я тебя на жительство пропишу.

— На что мне твое жительство, — я для задумчивости должен находиться один. Мне нужно поскорее истину выдумать, чтоб жалованье не тратить.

Вощев ушел из квартиры профуполномоченного, боясь проживать время без производства.

<3>

Стр. 75. После слов «...в постройке для ее завершения»:

— Не убывают ли люди в чувстве своей жизни, когда прибывают постройки? — не решался верить Вощев.

<4>

Стр. 76. После слов «...росшие здесь спокон века»:

а сам косарь, играя с ровесниками в этих же старинных гущах, менял здесь свое детское тело на юношеское.

<5>

Стр. 77. После слов «Вчерашние спящие живыми стояли над ним и наблюдали его немощное положение»:

— Ты зачем здесь ходишь и существуешь? — спросил один, у которого от измождения слабо росла борода.

— Я здесь не существую, — произнес Вощев, стыдясь, что много людей чувствуют сейчас его одного. — Я только думаю здесь.

— А ради чего ж ты думаешь, себя мучаешь?

— У меня без истины тело слабеет, я трудом кормиться не могу — я задумывался на производстве, и меня сократили...

Все мастеровые молчали против Вощева; их лица были равнодушны и скучны, редкая, заранее утомленная мысль освещала их терпеливые глаза.

— Что же твоя истина! — сказал тот, кто говорил прежде. — Ты же не работаешь, ты не переживаешь вещества существования, откуда же ты вспомнишь мысль!

— А зачем тебе истина? — спросил другой человек, разомкнув спекшиеся от безмолвия уста. — Только в уме у тебя будет хорошо, а снаружи гадко.

<6>

Стр. 77. После слов «...принимая в себя пищу как должное, но не наслаждаясь ею»:

Хотя они и владели смыслом жизни, что равносильно вечному счастью, однако их лица были угрюмы и худы, а вместо покоя жизни они имели измождение. Воцев со скупостью надежды, со страхом утраты наблюдал этих грустно существующих людей, способных без торжества хранить внутри себя истину; он уже был доволен и тем, что истина заключалась на свете в ближнем к нему теле человека, который сейчас только говорил с ним, значит — достаточно лишь быть около того человека, чтобы стать терпеливым к жизни и трудоспособным.

<7>

Стр. 77. После слов «...пошел есть, стесняясь и тоскуя»:

— Что же ты такой скудный снаружи? — спросили у него.

— Так, — ответил Воцев. — Я теперь тоже хочу работать над веществом существования.

За время сомнения в правильности жизни он редко ел спокойно, всегда чувствуя свою томящую душу.

Но теперь он поел хладнокровно, и наиболее активный среди мастеровых, товарищ Сафронов, сообщил ему, после питания, что, пожалуй, и Воцев теперь годится в труд, потому что люди ныне стали дороги, наравне с матерьялом; вот уже который день ходит профуполномоченный по окрестностям города и пустым местам, чтобы встретить бесхозяйственных бедняков и образовать из них постоянных тружеников, но редко кого приводит — весь народ занят жизнью и трудом.

Воцев уже наелся и встал среди сидящих.

— Что ты поднялся? — спросил его Сафронов.

— Сидя у меня мысль еще хуже развивается. Я лучше постою.

— Ну стой. Ты, наверно, интеллигенция — той лишь бы посидеть да подумать.

— Пока я был бессознательным, я жил ручным трудом, а уж потом — не увидел значенья жизни, и ослаб.

К бараку подошла музыка и заиграла особые жизненные звуки, в которых не было никакой мысли, но зато имелось ликующее предчувствие, приводившее тело Вощева в дребезжащее состояние радости. Тревожные звуки внезапной музыки давали чувство совести, они предлагали беречь время жизни, пройти даль надежды до конца и достигнуть ее, чтобы найти там источник этого волнующего пения и не заплакать перед смертью от тоски тщетности.

Музыка перестала, и жизнь осела во всех прежней тяжестью.

Профуполномоченный, уже знакомый Вощеву, вошел в рабочее помещение и попросил всю артель пройти один раз поперек старого города, чтобы увидеть значение того труда, который начнется на выкошенном пустыре после шествия.

Артель мастеровых вышла наружу и со смущением остановилась против музыкантов. Сафронов ложно покашливал, стыдясь общественной чести, обращенной к нему в виде музыки. Землекоп Чиклин глядел с удивлением и ожиданием — он не чувствовал своих заслуг, но хотел еще раз прослушать торжественный марш и молча порадоваться. Другие робко опустили терпеливые руки.

Профуполномоченный от забот и деятельности забыл ощущать самого себя, и так ему было легче; в суете сплачивания масс и организации подсобных радостей для рабочих, он не помнил про удовлетворение удовольствиями личной жизни, худел и спал глубоко по ночам. Если бы профуполномоченный убавил волнение своей работы, вспомнил про недостаток домашнего имущества в своем семействе или погладил бы ночью свое уменьшившееся, постаревшее тело, он бы почувствовал стыд существованья за счет двух процентов тоскующего труда. Но он не мог останавливаться и иметь созерцающее сознание.

Со скоростью, происходящей от беспокойной преданности трудящимся, профуполномоченный выступил вперед, чтобы показать расселившийся усадьбами город квалифицированным мастеровым, потому что они должны сегодня начать постройкой то единое здание, куда войдет на поселение весь местный класс пролетариата, — и тот общий дом возвысится надо всем усадебным, дворовым городом, а малые единоличные дома опустеют, их непроницаемо покроет растительный мир, и там постепенно остановят дыхание исчахшие люди забытого времени.

К бараку подошли несколько каменных кладчиков с двух новостроящихся заводов, профуполномоченный напрягся от восторга последней минуты перед маршем строителей по городу, музыканты приложили духовые принадлежности к губам, но артель мастеровых стояла врозь, не готовая идти. Сафронов заметил

ложное усердие на лицах музыкантов и обиделся за унижаемую музыку.

— Это что еще за игрушку придумали? Куда это мы пойдем — чего мы не видели!

Профуполномоченный потерял готовность лица и почувствовал свою душу — он всегда ее чувствовал, когда его обижали.

— Товарищ Сафронов! Это окрпрофбюро хотело показать вашей первой образцовой артели жалость старой жизни, разные бедные жилища и скучные условия, а также кладбище, где хоронились пролетарии, которые скончались до революции без счастья, — тогда бы вы увидели, какой это погибший город стоит среди равнины нашей страны, тогда бы вы сразу узнали, зачем нам нужен общий дом пролетариату, который вы начнете строить вслед за тем...

— Ты нам не переугождай! — возражающе произнес Сафронов. — Что мы — или не видели мелочных домов, где живут разные авторитеты? Отведи музыку в детскую организацию, а мы справимся с домом по одному своему сознанию.

— Значит, я переугожденец? — все более догадываясь, пугался профуполномоченный. — У нас есть в профбюро один какой-то аллилуйщик, а я, значит, переугожденец?

И, заболев сердцем, профуполномоченный молча пошел в учреждение союза, и оркестр за ним.

<8>

Стр. 78. После слов «...в простертый, ждущий его мир»:

И Вошев с жестокостью отчаяния своей жизни обнажал лопатой земной прах, точно добывая истину из середины природы.

<9>

Стр. 79. После слов «...в летние вишневые вечера»:

Сафронов от Чиклина почти не отставал — он имел большую семью и хотел как можно скорее и лучше строить общие дома, чтобы его дети там росли и жили, защищенные стенами и людьми.

<10>

Стр. 79. После слов «...промолчал от равнодушного утомления»:

— За что он тебя? — спросил Вошев.

Козлов вынул соринку из своего костяного носа и посмотрел в сторону, точно тоскуя о свободе, но на самом деле — ни о чем не тосковал.

— Они говорят, — ответил он, — что у меня женщины нету, — с трудом обиды сказал Козлов, — что я ночью под одеялом

сам себя люблю, а днем от пустоты тела жить не гожусь. Они ведь, как говорится, все знают!

Вощев снова стал рыть одинаковую глину и видел, что глины и общей земли еще много остается — еще долго надо иметь жизнь, чтобы превозмочь забвением и трудом этот залегший мир, спрятавший в своей темноте истину всего существования. Может быть, легче выдумать смысл жизни в голове, — ведь можно нечаянно догадаться о нем или коснуться его печально текущим чувством.

— Сафронов, — сказал Вощев, ослабев терпеньем, — лучше я буду думать без работы, все равно весь свет не разроешь до дна.

— Не выдумашь, — не отвлекаясь, сообщил Сафронов. — У тебя не будет памяти вещества, и ты станешь вроде Козлова, думать сам себя, как животное.

— Чего ты стонешь, сирота! — отозвался Чиклин спереди. — Смотри на людей и живи, пока родился.

<11>

Стр. 83. После слов «...слышать птиц и шаги пешеходов»:

Вощев перестал спать и открыл глаза. Утренний свежий мир светился сквозь щели барака, и Вощев почувствовал свое тело как вновь зачатое: вчерашний труд истребил в нем старые внутренности, но сон наполнил его первоначальной плотью.

Чиклин еще спал, и Козлов рядом с ним, а другие лежали сбoku, одинаково уставшие от земли. Пусть они спят пока, чтобы вместе с дыханием из них выгорала отжившая кровь и пустое место наливалось густой ощущаемой влагой. У Козлова ниже ушей возобновилось биение материнских родников и уже порозовело оскудевшее лицо. Значит, ему скоро пора пробудиться и сознательно жить.

Вощев открыл дверь наружу, впуская воздух для дыхания спящих, а сам вышел прочь, чтобы не мешать течению свежести на лежащие лица. В природе был теплый свет и раздавался ровный шум суеты мелкой жизни, которая тоже добывала себе смысл жизни кое из чего. Недалеко находился заглохший овраг, и одинокое дерево наклонилось над ним безветренными ветвями, ища своего рождения в земле или посмертного сожительства с нею. По ту сторону оврага была еще какая-то впадина, и оттуда, из невидимого предприятия, выходил изжитый машиной пар. В стороне ото всего сидел, согнувшись в траве, бедный человек, его палка была воткнута в землю, и узелок с имуществом висел на ней; он тоже, наверное, жил с усилием и надеялся получить свое счастье полностью, — а может быть, существовал лишь с терпеньем любопытства.

Вслед за своим наблюдением того человека, Вошев услышал пение тихого голоса:

Липа векова-ая...

Дальше голос стал тише, продолжая песню шепотом, и вовсе смолк. Вошев зашел обратно в барак. Там Чиклин глядел непонимающими глазами и безмолвно произносил песню ртом; он уже очнулся, но еще не мог вспомнить своей жизни — и помнил песню, готовясь жить сначала.

Козлов же хотя и спал пока, но карябал грудь ногтями, мучаясь с закрытыми глазами, а потом сразу приподнялся и боязливо закричал.

— Ты чего испугался? — спросил Вошев, приближаясь на помощь.

— Крыса в груди грызется!

Чиклин встал на привычные ноги и умело взгляделся в тело Козлова, где находилась крыса; Чиклин захотел ее спокойно убить.

— Рот зажми! — сказал он Козлову. — И живот схвати руками, а то она выскочит.

Козлов бережно сжал рот и вдавил рукой живот, чтоб крысе было туже выходить, но вдруг почувствовал свою внутренность свободной и сердце легким.

— Она — вонна! — показал он на свой пиджак, которым прикрывал ноги.

Чиклин с твердой силой ударил босой подошвой по пиджаку, но место под ним было пусто.

— Ушла! — обнаружил Чиклин.

Козлов грустно обиделся:

— Я вот теперь, как говорится, заявление в охрану труда подам — крысы рабочему сердце грызут.

<12>

Стр. 84. После слов «...почти все знал или предвидел»:

— Крысы, товарищ Пашкин! — сказал ему Козлов. — Они мне сердце, как говорится, грызут и грызут.

Пашкин никогда не спешил отвечать, чтобы люди видели его думающим, а отвечал небрежно: пусть сущность его слова действует сама по себе.

— Где крысы? Зачем они придут сюда? Ведь у вас женщин нету — грязи заводить некому! Ты, наверно, спишь с надбавкой — и тебя снятся животные. Тут же был санврач! А если крысы, организуйте кружок Осоавиахима и травите любую тварь —

практикуйтесь против буржуазии на мелочи!.. Это даже хорошо, что хоть крыса будет, — как вы не понимаете!?

— Мы понимаем, — с уважением сообщил Сафронов. — Нам деваться некуда, приходится все понимать.

Морщась от забот и привычной осведомленности, Пашкин обошел своим шагом жилое помещение, изучая невзрачным взглядом гигиеничность и кубатуру, — и нашел условия приличными: ведь пролетариат еще только делает себе существование, так что требовать ему блага не с кого. Пашкин угрюмо знал почти все, и даже скучал:

<13>

Стр. 84. После слов «...и оставил Козлова без утешения» Платонов вписал одно предложение и вычеркнул фрагмент:

После Пашкина Козлов сел кушать печенку со вчерашним хлебом, который Сафронов называл не черствым, а всего лишь холодным. И другие тоже съели пищу, чтобы приобщить свое тело к силе, а затем к труду. Только Чиклин и Вошев ничего не ели; Чиклин находился в глубине соседнего оврага, а Вошев стоял на пустыре около котлована и слушал, как пели в городе красноармейцы одну и ту же песню:

Сухарики-чупчики,
Чуп-чи-ки...

Эту песню он слышал еще в детстве, ее пели солдаты русско-японской войны. И теперь ее поют, — и одинаково, как в то давнее время, небо было покрыто туманной жарой, а солнце пустынно светило над всею безлюдной ветхостью земли. Значит, Вошев зря проживает жизнь — она не меняется, она как замершее детство, и в ней нет истины на конце. Вон видна одна изба в поле — если кто и живет там, то стихийно, а не по сознанию, и уж не может организовать в колхоз. Горе всеобщего состояния начинало мучить Вошева, и он чувствовал всю наружную жизнь, как свою внутренность, и хрипел горлом, открыв рот для сообщения.

— Чиклин, а где ж марксизм? Кругом слабые места и одно пустое, вечное время, — у меня опять здоровье пропадает...

— Да вот именно-то! — сказал Чиклин. — Тут дом нужен, а тут порожняк лежит, поневоле у тебя нужда свербит. Но мы управимся, мы всю пустоту загромоздим.

Вошев глядел на низкое туловище Чиклина, всю жизнь молча обращавшее харчи в рытве земляных ям, и взял лопату, чтобы трудиться близ него. Козлов, стараясь не думать и не считать жизни, резал лопатой глину и клал ее наверх; он хотел бы еще и

не чувствовать, чтобы опомниться лишь вечером или во сне. Сон для Козлова и всех мастеровых был почти главной жизнью — в нем они забывались для сбережения тела, там они видели мир уже доделанным до конца, и им оставалось краткое счастье существованья и медленное дыхание в груди; часто во сне они поворачивались вниз лицом, чтобы спать теснее к земле, глубже и безвозвратней. Просыпался Козлов, как обманутый, и первые часы работал в раздражении, но тем более не жалея себя, потому что ничего еще не закончено и не сбылось, и можно умереть, не дождавшись. Когда же Козлов ослабевал от глины, то падал пролетарской верой и шел внутрь города — писать опорочивающие заявления и налаживать различные конфликты, с целью организационных достижений; при истощении тела Козлов стремился развивать ум, чтоб не пропасть для общественной полезности.

<14>

Стр. 87. После слов «...принес ему образцы грунта из разведочных скважин»:

«Наверно, он знает смысл природной жизни», — тихо подумал Воцев о Прушевском и, томимый своей последовательной тоской, спросил:

— А вы не знаете, — отчего устроился весь мир?

Прушевский задержал внимание на Воцеве: неужели они тоже будут интеллигенцией, неужели нас капитализм родил двоешками, — боже мой, какое у него уже теперь скучное лицо!

— Не знаю, — ответил Прушевский.

— А вы бы научились этому, раз вас старались учить.

— Нас учили каждого какой-нибудь мертвой части: я знаю глину, тяжесть веса и механику покоя, но плохо знаю машины и не знаю, почему бьется сердце в животном. Всего целого, или что внутри, нам не объяснили.

— Зря, — определил Воцев. — Как же вы живы были так долго? Глина хороша для кирпича, а для вас она мала!

<15>

Стр. 161. После слов «Воцев принял к молотобойцу, согрелся и заснул»:

«Или я хуже рабочего зверя, что он живет и чувствует, а я мучаюсь, — подумал Воцев накануне сна. — Отчего я забыл смысл, ведь я его, кажется, знал?»

Страницы записной книжки. 1930. Автограф. ИМЛИ

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АРХИВОХРАНИЛИЩА

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).

ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва).

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).

ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности России (Москва).

ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ

Антонова — Антонова Е.В. Воронежский период жизни и творчества А.П. Платонова: биография, текстология, поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2016.

Архив, 1 — Архив А.П. Платонова / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Кн. 1.

Архив, 2 — Архив А.П. Платонова. Описание рукописи романа «Чевенгур» / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Кн. 2.

В. труда — журн. «Вопросы труда».

В. страхования — журн. «Вопросы страхования».

ВМ — газ. «Вечерняя Москва».

Воспоминания — Андрей Платонов: воспоминания современников. Материалы к биографии / сост., подгот. текстов и примеч. Н.В. Корниенко, Е.Д. Шубиной. М.: Современный писатель, 1994.

Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т., СПб., 1863–1866.

Дер. ком. — журн. «Деревенский коммунист».

Дер. театр — журн. «Деревенский театр».

Жизнь и техника будущего — Жизнь и техника будущего: социальные и научно-технические утопии. М.–Л., 1928.

ЖКМ — журн. «Журнал крестьянской молодежи» (номера страниц в журнале не указаны).

За пролет. муз. — журн. «За пролетарскую музыку».

Записные книжки — Платонов А. Записные книжки: материалы к биографии / публ. М.А. Платоновой; сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Н.В. Корниенко. 2-е изд. М.: ИМЛИ РАН, 2006.

Здор. дерев. — журн. «Здоровая деревня».

ЗС — журн. «Земля советская».

- К. пр.* — газ. «Комсомольская правда».
- Календарь коммуниста, 1930* — Календарь коммуниста на 1930 год. М., 1930.
- Колх. правда* — газ. «Колхозная правда» (Борисоглебск).
- Кр. новь* — журн. «Красная новь».
- Краткий курс* — История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Репринтное воспроизведение стабильного издания 30–40-х годов. М.: Писатель, 1997.
- Крест. газ.* — газ. «Крестьянская газета».
- Крест. газ. (кооп.)* — газ. «Крестьянская газета (Кооперативное издание)».
- Культ. рев.* — журн. «Культурная революция».
- ЛГ* — газ. «Литературная газета».
- Ленин. ПСС, 1–55* — *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд. 5. М., 1958–1966.
- МГ* — журн. «Молодая гвардия».
- МСЭ, 1–10* — Малая советская энциклопедия: в 10 т. / ред. Н.Л. Мещеряков. М., 1928–1931.
- На агр. фронте* — журн. «На аграрном фронте».
- На лит. посту* — журн. «На литературном посту».
- На тр. фронте* — журн. «На трудовом фронте» (номера страниц в журнале не указаны).
- Наше стр.* — журн. «Наше строительство».
- Наши дост.* — журн. «Наши достижения».
- Нов. деревня* — газ. «Новая деревня» (Воронеж).
- НМ* — журн. «Новый мир».
- Нов. жизнь* — газ. «Новая жизнь» (Острогжск).
- Общ. пит.* — журн. «Общественное питание».
- Ожегов* — *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1990.
- Письма* — *Платонов А.* «...я прожил жизнь»: письма. 1920–1950 гг. / сост., вступ. ст., коммент. Н. Корниенко и др. М.: Астрель, 2014.
- Письма во власть* — Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М.: РОССПЭН, 2002.
- Платонов в документах ОГПУ* — Андрей Платонов в документах ОГПУ–НКВД–НКГБ. Публикация В. Гончарова и В. Нехотина // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М., 2000.
- Под зн. марк.* — журн. «Под знаменем марксизма».
- Раб. газ.* — газ. «Рабочая газета».
- РиК* — журн. «Работница и крестьянка».
- Селищев* — *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком (1917–1926). М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
- Соц. земл.* — газ. «Социалистическое земледелие».
- Сов. активист* — журн. «Советский активист».
- Сов. краев.* — журн. «Советское краеведение».
- Советская деревня глазами ВЧК, 1–4* — Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. М.: РОССПЭН, 2003.

Совершенно секретно, 8(1–2) — «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 8, ч. 1, 2. М., 2008.

Соц. жив. — журн. «Социалистическое животноводство».

Сочинения, 1(1–2), 2 — *Платонов А.П.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004, 2016.

Союз потр. — журн. «Союз потребителей».

Сталин — Сталин И. Вопросы ленинизма. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.

Страна философов, 1994, 1995, 1999, 2000, 2003, 2005, 2009, 2017. — «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 1994–2017. Вып. 1–8.

Тепцов — Тепцов Н. В дни великого перелома: История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям. М.: Издательский дом «Звонница», 2002.

ТиК — журн. «Трезвость и культура».

Трагедия советской деревни, 1–5 — Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 томах. М.: РОССПЭН. 1999.

Третьяков. Вызов — *Третьяков С.* Вызов. Колхозные очерки. М., 1930.

Третьяков. Месяц в деревне — *Третьяков С.* Месяц в деревне (июнь–июль 1930 г.). Оперативные очерки. М., 1931.

Ушаков — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / ред. Д.Н. Ушаков. М., 1935–1940.

Федоров — Федоров Н.Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982.

Флоренский — Флоренский П.А. Столп и Утверждение Истины (1). М.: Правда, 1990.

Фицпатрик — Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2008.

ФНиТ — журн. «Фронт науки и техники».

Чаянов, Дукин — Чаянов С.К., Дукин А.С. Памятка агроуполномоченного Центральной Черноземной области. М.–Л., 1930.

ЮК — журн. «Юный коммунист».

ЯС — Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Настоящий том включает произведения А.П. Платонова, написанные с лета 1928 по лето 1932 г., и состоит из двух книг; в первую входят повести: «Впрок» (1930), «Котлован» (1930) и «Ювенильное море» (1932); во вторую — рассказы и очерки, небеллетристические «заметки корреспондента», пьесы, сценарии для немого кино, литературно-критические статьи, наброски, технические проекты и тексты для фабричной многотиражки — след участия Платонова в работе писательской бригады, помогавшей ликвидировать «прорыв» на одной из фабрик страны. Кроме произведений 1928–1932 гг., во вторую книгу включен рассказ «Человек нашего времени», который выходит за временные рамки тома, но примыкает к повести «Ювенильное море».

Большинство входящих в том произведений при жизни писателя не было опубликовано, хотя он и пытался это сделать; только малая часть их датирована самим автором; предложенная датировка, основанная на деталях реального контекста и известных фактах биографии писателя, является до некоторой степени условной — указывает на промежуток времени, в рамках которого произведение могло быть написано.

Имя Платонова трудно встретить на страницах «Литературной газеты» или других литературных изданий, за исключением тех случаев, когда он попадал в немилость после публикаций рассказа «Усомнившийся Макар» и повести «Впрок», — и это при том, что все другие писатели оставили там свидетельства о себе — в хронике литературной жизни; в дружеской «Лит-энциклопедии в шаржах», регулярно публикуемой «Литературной газетой»; в интервью о творческих планах и упоминаниях о том, в чем принял участие или куда поехал. Но в результате архивных разысканий стали известны новые факты биографии Платонова. Приобретение Институтом мировой литературы им. А.М. Горького семейного архива писателя (в настоящее время находится в фондах Отдела рукописей ИМЛИ) открыло доступ к сохранившимся документам его жизни и творчества. Некоторые из новых архивных материалов опубликованы в изданиях, сопровождающих Собрание сочинений А. Платонова: восьми выпусках «“Страны философов” Андрея Платонова» и «Архиве А. Платонова»; но некоторые — публикуются впервые: это прежде всего документы творческой истории пьесы «Высокое напряжение», освобожденный от цензурной правки 1934 г. текст повести «Ювенильное море», некоторые рассказы и наброски.

Период 1928–1932 гг. оказался значимым как для страны, так и для литературного сообщества в целом и Андрея Платонова в частности. В истории страны это было время ее огромной «ломки» — 1-й пятилетки, которая стала «пятилеткой в четыре года» (конец 1928–1932 г.) и самым драматическим этапом коллективизации и индустриализации; первых громких политических процессов над «врагителями»: «Шахтинское дело» (1928), публичные суды над так называемыми «Промышленной партией» (1930) и «Союз-

ным бюро меньшевиков» (1931) и др.; частью целой эпохи, которая получит название «социалистической реконструкции» — прежде всего «реконструкции народного хозяйства», а затем и «реконструкции человека», «социалистической переделки человеческого материала». Для литературных объединений и самих писателей это время прошло под знаком диктата РАПП, от его основания в мае 1928 г. и до роспуска в апреле 1932 г. В жизни Андрея Платонова это были годы, которые он полностью посвятил литературной работе: после отказа поехать в провинцию по направлению НКЗ весной 1927 г. и увольнения по сокращению штатов из Центросоюза летом того же года, Платонов вновь станет «служить», т. е. работать как инженер, только с конца мая 1932 г. В период бурных исторических преобразований первой пятилетки особенно остро проявилось то направление таланта писателя, о котором он будет говорить на своем творческом вечере в ВССП 1 февраля 1932 г.: «...с самого начала своей литературной работы я ясно сознавал и всегда хотел быть именно политическим писателем <...> По этому принципу я работаю и сейчас» (Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова. Публикация и примечания Н.В. Корниенко // *Воспоминания*. С. 297). Творчество Платонова 1928–1932 гг. охватит все существенное в политике молодого советского государства: индустриализацию, коллективизацию, процессы над «вредителями». А литературная судьба аккумулирует все, чем жили писатели: за свои произведения он несколько раз станет объектом разгромной критики и попадет под пресс РАПП; поучаствует в литературной дискуссии; будет работать для газет и радио, писать очерки, в составе литературной бригады участвовать в ликвидации «прорывов» на производстве, вместе с коллегами по перу ездить по стране, чтобы показать героев пятилетки.

Середина и вторая половина 1928 г. отмечена следующими событиями литературной и общественно-политической жизни страны: в мае 1928 г. на 1-м Всесоюзном съезде пролетарских писателей ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей) реорганизована в РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), название которой на четыре года для многих станет символом несвободы; 28 мая 1928 г. из-за границы приезжает М. Горький; в октябре 1928 г. началась первая пятилетка.

Основная часть дошедших до нас произведений Платонова 1928 г. — это рассказы, написанные для радиопередачи «Деревенский утренник», воскресного приложения «Крестьянской газеты по радио», в редакции которой Платонов работает вместе со своими земляками-воронежцами — писателем Андреем Новиковым и журналистом Николаем Тришиным. Как работали сотрудники редакции, описано в заметке самого Платонова «Круговорот. Как делается “Крестьянская Радиогазета”» (см.: *Сочинения*, 4(2). С. 133–135). Сколько написал этих радиорассказов Платонов, в настоящее время не известно. Но часть из написанного для радио он переделает в печатную форму — так в 1929 г. появятся рассказ «Усомнившийся Макар», составленный из радиорассказов 1928–1929 гг., и цикл «Рассказы про население в сельских местностях»; несколько радиорассказов войдет в повесть «Впрок» (1930). И только один дошел до нас в своей первоначальной радиоформе: «Послушайте рассказ о том...»

Кроме радиорассказов, в 1928 г. Платонов написал «Областные организационно-философские очерки» и пьесу «Дураки на периферии» — оба эти произведения помечены именем Б. Пильняка, в квартире которого Платонов с семьей живет в сентябре–октябре 1928 г. Переезд к Пильняку был вызван тем, что писатель не имел собственного жилья: после выселения в сентябре 1927 г. из ЦДС (Центральный дом специалистов сельского и лесного хозяйства), комнату в котором Платонов получил как служащий ведомства, он был вынужден несколько лет жить на съемных квартирах. Осенью 1928 г. Платонова приютил Пильняк, в то время глава московского отделения ВСП. Спустя три с половиной года на своем творческом вечере Платонов скажет об этом так: «Пильняку я обязан — он совершил по отношению ко мне дружеский акт» (*Воспоминания*. С. 308). «Областные организационно-философские очерки» Платонов, согласно его собственному признанию, написал еще до переезда к Пильняку, летом 1928 г. Пильняк отредактировал новый текст, — и эта вторая редакция, с несколько измененным названием «Че-Че-О (Областные организационно-философские очерки)», была опубликована (*НМ*. 1928. № 12) под двумя фамилиями: А. Платонов и Б. Пильняк. Рассказ «Че-Че-О» вызвал немало критических откликов, при этом главный удар пришелся по номинальному автору Пильняку — именно ему «Че-Че-О» будет еще долго ставить в вину. На квартире Пильняка появилась и пьеса «Дураки на периферии». По свидетельству самого Пильняка, интервью с которым опубликовал журнал «Рабис» (1928. № 46), идея пьесы принадлежала ему. В литературную форму, однако, ее облек Платонов — Пильняк только редактировал уже написанную пьесу. Писатели даже устраивали публичное чтение «Дураков...» — не менее двух раз, но так и не напечатали. Как для Платонова, так и для Пильняка это был первый драматургический опыт.

Не удивительно, что в настоящем томе написанного Платоновым в 1928 г. немного: в это время основные силы писатель отдает роману «Чевенгур», над которым будет работать до лета 1929 г. и фрагменты которого пытается публиковать. В 1928 г. выходят: «Происхождение мастера» (*Кр. новь*. 1928. № 4), «Потомок рыбака» (*Кр. новь*. 1928. № 6) и «Приключение» (*НМ*. 1928. № 6); анонсируется публикация других фрагментов романа (*МГ*. 1928. № 6–7); летом 1928 г. рассказы «Сочельник коммунизма» и «Двое людей» читаются в «Красной нови» (*Лисьма*. С. 262; примеч. Н.В. Корниенко).

1929 г., первый год пятилетки, в историю страны вошел как «год великого перелома» — выражение из одноименной статьи И. Сталина, посвященной 12-й годовщине революции. В литературной жизни этот год ознаменовался следующими событиями. В марте 1929 г. Б. Пильняк публикует в берлинском издательстве «Петрополис» роман «Красное дерево», а в августе начинается кампания против него и Е. Замятина, отрывки из романа которого «Мы» (1920) были напечатаны в эмигрантском журнале «Воля России» (Прага) еще весной 1927 г.: Пильняка обвиняют в совершении антисоветского поступка и смыкании с белой эмиграцией; называют трибуном буржуазии; роман «Красное дерево» квалифицируют как поклеп на Советский Союз, его строительство и борьбу; как враждебные вспоминают и другие произведения Пильняка, среди которых всегда фигурирует «Че-Че-О» (Против

буржуазных трибунов под маской советского писателя [Ред. статья] // *ЛГ*. 1929. 2 сент.). В ходе этой кампании в сентябре 1929 г. ВСП (Всероссийский союз писателей), московским отделением которого руководил Пильняк, а ленинградским — Замятин, реорганизован в ВССП (Всероссийский союз советских писателей) (*ЛГ*. 1929. 30 сент.). В 1929 г. начинается массовое движение писателей на фабрики и заводы, которое вскоре примет форму литературных бригад. РАПП выдвигает лозунги: «РАПП на предприятия» и «За большевизацию пролетарской литературы». В конце мая 1929 г. М. Горький снова приезжает в СССР. В июне 1929 г. проходит Первый съезд крестьянских писателей. 27 декабря 1929 г. на конференции аграрников-марксистов И. Сталин произносит речь «К вопросам аграрной политики в СССР» и объявляет о новой политике в деревне — «ликвидации кулачества как класса».

Для Платонова 1929 год начинается с того, что он подает заявление в МАПП (московское отделение РАПП), сохранившееся в фонде этой организации. Заявление красноречиво в своей лаконичности: «Просьба зачислить меня в члены Ассоциации. Если будут нужны обо мне какие-либо сведения, то я сообщу. Андрей Платонов. Москва, 19/1 – 29» (цит. по: *Московская Д. К хронике работы над пьесой «Высокое напряжение» // Страна философов, 2017. С. 420*). Дальнейшая судьба заявления неизвестна — Платонов никак не проявлял своего членства в МАПП, его имя никогда не упоминалось в связи с акциями и мероприятиями Ассоциации пролетарских писателей или среди участников ее съездов. В ближайшие годы Платонов примет участие практически во всех значимых писательских кампаниях — всегда под эгидой ВССП.

В апреле 1929 г. начинает выходить «Литературная газета» как печатный орган Федерации объединений советских писателей. С этим событием совпало оформление регулярного сотрудничества писателей с производством — в первом номере «Литературной газеты» опубликован призыв ФОСП: «На фабрики, на заводы <...> для пристального и добросовестного изучения пролетариата, его работы, его культурной жизни зовем мы писателя» (*ЛГ*. 1929. 22 апр. С. 3). Инициатором призыва выступил ВЦСПС: «Культотдел ВЦСПС обратился к Федерации писателей с предложением выделить группу писателей для посылки на фабрики и заводы с целью отображения в литературе труда и быта рабочих. Писатели поедут в Донбасс, на Урал, а также в промышленные губернии: в Тверскую, Иваново-Вознесенскую и др. Всего поедут 25 писателей <...> Писателям, выразившим желание поехать на производство, будут предоставлены бесплатный проезд и аванс <...> К настоящему времени записались 12 человек (Пильняк, Всеволод Иванов, Копылова и др.)» (Там же). Необходимая группа писателей была собрана и отправлена в соответствующие районы в мае 1929 г. Есть вероятность, что в ней был и Андрей Платонов — в его архиве сохранился очерк «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)». Очерк не датирован, но фактическая основа очерка позволяет предположить, что он написан в мае 1929 г. и, похоже, по материалам реальной поездки на Каменскую фабрику, а для такой поездки нужно было основание. Данную инициативу ВЦСПС и ФОСП можно считать началом регулярных поездок групп писате-

лей на предприятия — небольшой опыт прошлого года признан неудачным: «В прошлом году был опыт поездок в колхозы и совхозы. Опыт неудавшийся» (Там же). Вскоре после этой майской акции была сформирована первая писательская бригада, отчет о работе которой помещен тоже в «Литературной газете»: «Первая бригада писателей в составе В. Казина, В. Луговского, К. Минаева и С. Громова, работавшая по заданию ВЦСПС (по договору с ЦК металлостроителей), вернулась в Москву. За три с половиной месяца бригада писателей провела 65 литературных вечеров, посетила около 40 предприятий...» (Первая бригада писателей закончила свою работу // ЛГ. 1929. 7 окт. С. 3). Но настоящий размах движение писательских бригад примет в следующем году.

К лету 1929 г. Платонов заканчивает роман «Чевенгур». Он посылает в «Красную новь» два его фрагмента под названием: «Ребенок в Чевенгуре» и «Смерть Копенкина» (Письма. С. 262) и пытается опубликовать роман целиком — ведет переговоры с издательствами «Федерация» и «Молодая гвардия», а также обращается за поддержкой к А.М. Горькому, в это время находящемуся в СССР, которому приносит рукопись романа. Горький издание романа не поддержал и посоветовал Платонову часть его переделать в комедию (Письма А.М. Горькому от 19 августа, 12 сентября и 21 сентября 1929 г. // Письма. С. 264–266, 268–269). В разгар хлопот Платонова по продвижению в печать «Чевенгура», 28 сентября 1929 г., в газете «Вечерняя Москва» появилась статья В. Стрельниковой «“Разоблачители социализма”. О подпольщиках». Статья была инициирована кампанией против Пильняка и Замятина, но касалась в основном Платонова как соавтора Пильняка. Не ответить на критику Платонов не мог — обвинения в его адрес носили политический характер; он пишет письмо редактору «Вечерней Москвы» (см.: Сочинения, 4(2), раздел «Редакции»). Отредактированный текст этого письма был опубликован в «Литературной газете» 14 октября 1929 г. под названием «Против халтурных судей (Ответ В. Стрельниковой)» (см.: Сочинения, 4(2), раздел «Статьи»).

Середина и вторая половина 1929 г. прошла для Платонов в попытках опубликовать хоть что-то из написанного ранее. Он заключает договор с издательством «Федерация» на издание своих повестей, о чем свидетельствует сообщение в «Литературной газете»: «Приняты для издания: <...> книга Андрея Платонова “Русские повести”...» (В издательстве «Федерация» // ЛГ. 1929. 8 июня. С. 3); в журналы «Новый мир», «Красная нива», «Октябрь» посылает рассказы, один из которых действительно дошел до печати — и принес Платонову первые серьезные проблемы: это был «Усомнившийся Макар» (Октябрь. № 9). Появляются у Платонова и идеи новых произведений — 14 октября 1929 г. он заключает с издательством «Молодая гвардия», председателем правления которого в это время был Г.З. Литвин-Молоотов, договор на издание художественной повести на современном материале, под названием «Вещество существования», до 8 п. л. (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 1). Когда договор заключался, повести не было, но какой-то план ее, видимо, намечался — сдать повесть предполагалось 10 декабря 1929 г. Повесть Платонов не написал — после публикации рассказа «Усомнившийся Макар» ему пришлось отбиваться от несправедливых

обвинений рапповской критики. А заглавный образ предполагаемой повести появится в следующем году в другом произведении — повести «Котлован».

Рассказ «Усомнившийся Макар» оказался удобным для нападок агрессивных рапповцев, и их реакция не заставила себя ждать: в ноябре 1929 г. в журнале «На литературном посту» (1929. № 21–22) появилась статья Л. Авербаха «О целостных масштабах и частных Макарах», 3 декабря 1929 г. перепечатанная в «Правде». Статья генерального секретаря РАПП (а по совместительству — ответственного редактора «На литературном посту») и секретаря ФОСП) Авербаха стала сигналом к травле Платонова со стороны других критиков (см. примеч. к рассказу «Усомнившийся Макар»: *Сочинения*, 4(2). С. 534). Возмущенный несправедливыми обвинениями писатель в декабре 1929 г. пишет письмо в редакцию «Правды» — похоже, так и не отправленное. Суть его возражений состоит в том, что переносить на автора чувства и мысли героя выходит за рамки литературной критики: обвинения Макара в анархизме и мелкобуржуазности справедливы, но «...я не герой своего рассказа...» (*Письма*. С. 273).

Второй год первой пятилетки, 1930, начинается с «социалистического переустройства деревни» и перехода к сплошной коллективизации, самым драматическим периодом которой станут зима и весна этого года. Определение, данное И. Сталиным предыдущему, первому году пятилетки — «год великого перелома», — с еще большим правом можно отнести к 1930 г., но уже в негативном смысле: этот год сломал традиционную жизнь деревни. Для 1930 г. нет своего названия, и в характеристике его роли в построении социализма на первое место выходит понятие реконструкции, которое становится основным маркером и этого года, и большого периода времени. В феврале 1930 г. проходит первая областная конференция МАПП, на которой А. Фадеев делает доклад «Задачи РАПП в реконструктивный период». Одновременно РАПП инициирует дискуссию о творческом методе пролетарской литературы, «который должен строиться на основах диалектического материализма» (Рост. 1930. № 2. С. 7), — и два следующих года, 1930 и 1931, пройдут под знаком этой дискуссии. На той же конференции в РАПП принимают В. Маяковского — событие получает широкое освещение в печати. А 14 апреля 1930 г. страну потрясает сообщение о самоубийстве В. Маяковского — поэту, который только недавно вступил в Ассоциацию пролетарских писателей, во всех периодических изданиях посвящается много статей, авторы которых пишут и о «приближении творчества Маяковского к пролетарской литературе» (РАПП — памяти Маяковского // *ЛГ*. 1930. 28 апр. С. 2). В 1930 г. РАПП последовательно расправляется со своими конкурентами в сфере литературного творчества: при активном участии Ассоциации проходит дискуссия о школе В.Ф. Перверзева и его «социологическом» методе в литературоведении; дискуссия о «Перевале», которая тянулась со второй половины 1920-х гг., в мае 1930 г., после диспутов в Доме печати и Комакадемии, завершается осуждением всех теорий перевальцев с их лозунгами об «искренности» и «моцартианстве» художника, «движничестве» и «гуманизме» искусства. В 1930 г. появляется новое литературное объединение ЛОКАФ, которое заявляет о себе так: «Мы предполагаем создать объединение писателей Красной армии, куда войдут все писатели, создававшие и

создающие произведения в помощь обороне» (ЛГ. 1930. 26 июня. С. 1). 26 июня 1930 г. открывается XVI съезд ВКП(б), который И. Сталин в своем отчетном докладе назовет съездом «развернутого наступления социализма по всему фронту» (*Сталин И. Политический отчет Центрального комитета XVI съезду // Сталин. С. 410*); это наступление объявляется главной задачей «работы по реконструкции всего народного хозяйства» (Там же. С. 388). Идея реконструкции все больше переносится на литературу: «Реконструкция должна охватить литературную практику во всех ее формах. <...> За реконструкцию литературы, за развернутое социалистическое наступление по всему фронту!» (За реконструкцию литературы [Ред. статья] // ЛГ. 1930. 14 сент. С. 1). Вторая половина 1930 г. ознаменовалась несколькими политическими процессами, самый громкий из которых — по делу так называемой «Промышленной партии» (ноябрь–декабрь 1930 г.). В 1930 г. движение за включение писателей в социалистическое строительство становится еще более массовым. Осенью 1930 г. РАПП объявляет призыв ударников в литературу — через год это уже повод для шуток: «...находятся люди, которые не прочь позубоскалить по поводу призыва ударников в литературу, объявляя его призывом “бездарников”» (*Макарьев И. Призыв ударников в литературу // На лит. посту. 1931. № 28. С. 5*); выдвигает лозунги: «Орабочивание РАПП» и «Ударник — центральная фигура литературы»; требует вести рабочих от станка во все издательства и редколлегии журналов. Все эти события литературной и общественной жизни найдут отклик в жизни и произведениях «политического писателя» Андрея Платонова.

Для Платонова 1930 год оказался весьма скудным по публикациям, но результативным в плане того, сколько и что он написал. Напечатанного немного — в настоящее время известно всего две небольшие публикации 1930 г., одна из которых приходится на начало года — очерк «Первый Иван» (Октябрь. 1930. № 2).

В начале 1930 г. Платонов еще сотрудничает с «Крестьянской газетой по радио» — написанное для нее войдет в повесть «Впрок». Однако с переходом к политике «ликвидации кулачества как класса» жизнь в деревне больше не укладывалась в рамки юмористических рассказов, каковыми были тексты для передачи «Деревенский утренник». Неизвестно, о чем в это время рассказывали крестьяне в своих письмах на радио, но многие писатели, в начале 1930 г. поехавшие наблюдать социалистическое преобразование деревни, возвращаются в ужасе от увиденного: раскулачивание, сопровождавшееся отъемом у крестьян всего нажитого, вплоть до носильных вещей; их горе, выселение из собственных домов, переселение в дальние северные районы, гибель по дороге детей и пр. никого не могли оставить равнодушным. Ситуация в деревне была не только трагической, но и политически опасной: во многих сельскохозяйственных районах происходят массовые антиколхозные выступления, иногда переходящие в вооруженные крестьянские восстания. Чтобы избежать катастрофы, И. Сталин решает на временное смягчение проводимой в деревне политики: 2 марта 1930 г. «Правда» публикует его статью «Головокружение от успехов», а через месяц — вторую, «Ответ товарищам колхозникам» (Правда. 1930. 3 апр.), в которых осуждаются особо ретивые организаторы колхозного движения и их

практика загонять в колхозы силой. Раскулачивание было временно приостановлено. Весной 1930 г. за очень короткий срок Платонов пишет повесть «Впрок».

Вскоре после этого он приступает к новому произведению, повести «Котлован». Вне всякого сомнения, толчком для новой повести Платонова послужили события в деревне: на титульном листе, который писатель приложит к ее машинописи, указан важный именно для деревни период времени: «Котлован / Декабрь 1929 — Апрель 1930». К работе над «Котлованом» Платонов приступает предположительно после завершения этого первого трагического этапа «сплошной коллективизации», т. е., вероятно, в мае 1930 г. Но «Котлован» посвящен, конечно, индустриализации не меньше, чем коллективизации; более того, в показе деревни Платонов во всем следует за требованиями литературной критики: он изображает коллективизацию как производную от индустриализации. Повесть почти документально воспроизводит происходящее в стране с декабря 1929 по апрель 1930 г., но она новаторская: абсолютно реалистическая в деталях, которые естественно комментируются по документам времени, и при этом — аллегорическая. В «Котловане» необычно многое: ее центральный герой, горящий об отсутствующих в жизни истине и смысле; открытость, с которой Платонов изображает горе коллективизирующейся деревни; сравнение скорбной деревенской трапезы — поедания крестьянами своего скота, чтобы «спрятать плоть родной убоины в свое тело и сберечь ее там от обобществления» (наст. изд., с. 140), — с причастием, главным христианским таинством, и это в разгар государственной антирелигиозной пропаганды.

Не известно, как долго Платонов работает над «Котлованом», но по материалам его творческой истории понятно, что тщательно, — не исключено, что до конца 1930 г. Затем он будет включать «Котлован» в свои писательские отчеты и читать коллегам-писателям — об одном таком чтении отрывков из повести в редакции журнала «Новый мир» критик В.В. Гольцев на творческом вечере Платонова 1 февраля 1932 г. скажет: «...чтение отрывков из повести “К<отлован>” слышал в “Новом мире”. Эта вещь поразила меня своей законченностью» (*Воспоминания*. С. 300). Пытался Платонов и опубликовать «Котлован» (см. об этом примеч. к повести «Котлован», с. 511–512 наст. изд.). Это удивляет — наивным он не был, а в «Котловане», с точки зрения даже самой либеральной цензуры, много абсолютно «непроходных» мест. Но Платонов необычен и в этом: он не чувствует за собой вины; он не диссидент, не враг советской власти и даже не сатирик; он думает только о благе для молодой страны — строящегося дома, и о том, что «дом должен быть населен людьми, а люди наполнены той излишней теплотой жизни, которая названа однажды душой» (наст. изд., с. 82).

Работа над «Котлованом» не лишает Платонова возможности делать много других дел. Он оставляет свое мнение по вопросу затеянной РАПП дискуссии о творческом методе пролетарской литературы, в рамках которой в мае – июне 1930 г. обсуждались повесть Ю. Либединского «Рождение героя» и комедия А. Безыменского «Выстрел» — обсуждение включало как диспуты на разных площадках, так и выступления в печати; мнение Платонова о комедии «Выстрел» и повести «Рождение героя» дошло в форме

текста о современной литературе под названием «Великая Глухая» (см.: *Сочинения, 4(2)*, раздел «Статьи») — неизвестно, каково было его предназначение: «слово» на диспуте, статья для журнала или простое самовыражение писателя, которому не безразличны пути, по которым развивается современная литература. Пишет два сценария для немого кино, «Машинист» и в конце года — «Турбинщики»; первый — частично на том же материале, что и «Котлован», и, вероятно, по заказу «Совкино» (о сотрудничестве писателя с кино см. вступ. статью к разделу «Сценарии»: *Сочинения, 4(2)*. С. 733–739). Заключает несколько издательских договоров: с ГИХЛ — на издание повестей «Впрок» и «Сокровенный человек» (*РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 5*); с «Федерацией» — на книгу очерков «ЦЧО» (подробно об этом см. примеч. к повести «Впрок», с. 379–380 наст. изд.) и с «Молодой гвардией», детская серия, «на издание труда “Пятилетка в полях”», который должен быть сдан 1 декабря 1930 г.; предполагаемая тема: «рассказать ребятам на конкретном примере, как техника вооружила бедноту и середняков для борьбы с кулачеством и подъема сельского хозяйства» (*РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 2*). Вероятно, летом 1930 г. Платонов был еще и в Воронеже, реалии которого появляются в нескольких произведениях этого времени (прежде всего, в рассказе «Факт (Очерк про двух отсталых рабочих)» и сценарии «Машинист»); не исключено, что дополнительным мотивом посещения родного города стал договор на книгу очерков «ЦЧО»: ряд тем, среди которых есть и старые, связанные с прошлым Воронежа, в записной книжке писателя помечены словом «Очерк»; от идеи этой книги Платонов откажется после поездки по Поволжью.

В августе 1930 г. Платонов отправляется в колхозы и МТС Средней Волги — возможно, как внештатный корреспондент газеты «Социалистическое земледелие»: с адреса этой газеты начинаются записи по материалам поездки. Факт поездки не вызывает удивления — сотрудничество писателей с газетами было в это время распространенной практикой и вменялось в обязанность и тем, и другим: писатель должен был стать «разъездным корреспондентом газеты» (*Перцов В. Писатель на производстве (отрывок из книги) // На лит. посту. 1930. № 23–24. С. 10*) и отражать на страницах периодики социалистическую перестройку, — не исключено, что определение «разъездной корреспондент газеты» было общепринятым для обозначения подобного рода деятельности писателей. Такие обязанности Платонова не тяготят — ему интересно все. В маршрут его поездки вошли городки и села Средневолжского края: Выры — Чердаклы — Якушка — Мелекес. От этой поездки остались два текста Платонова с подзаголовком «Заметки разъездного корреспондента»: «За большевистского счетовода в колхозе!» и «По заволжским МТС»; последний в сокращенном виде будет опубликован в журнале «На стройке МТС», 1930, № 7–8 (разыскание Н.В. Умрюхиной) — и станет второй публикацией Платонова 1930 г.

В 1930 г. движение писательских бригад получает особый размах; в октябре 1930 г. Платонов тоже примет в нем участие.

Бригады как новый метод работы писателей появились летом 1929 г., после завершения поездки группы писателей на фабрики и заводы для «отображения в литературе труда и быта рабочих» (*ЛГ. 1929. 22 апр. С. 3*; см. об

этом выше). В 1929 г. бригад еще немного, а задачи перед ними ставятся скорее культурные: участники самой первой бригады, о которой сообщает «Литературная газета», посещают предприятия и проводят литературные вечера; несколько писательских бригад поступает в распоряжение ОДН — они называются «культурные бригады писателей» (ЛГ. 1929. 29 июля. С. 4).

Преобразование деревни на социалистических началах — основное направление политики 1930 г. — требовало отражения в печати, и 3 января 1930 г. газета «Правда» отправляет в районы сплошной коллективизации пять бригад писателей, среди которых — земляк и друг Платонова писатель Андрей Новиков (ЛГ. 1930. 24 февр. С. 1). Отныне писательские бригады — норма жизни: «Литературная газета» начинает год с призыва «Включим писателей в социалистическое строительство», которой станет постоянным лозунгом; под ним — статья С. Третьякова «Построимся в бригады»: писатель-очеркист призывает своих собратьев по перу к поездкам на производство — «бригадами с одним заданием» (ЛГ. 1930. 6 янв. С. 1). Ниже — постановление секретариата ФОСП: «...считать целесообразным создание ударных бригад писателей для посылки их на фабрики, заводы, в колхозы и совхозы» (Там же). Почти каждый следующий номер «Литературной газеты» приносит очередную порцию информации о писательских бригадах, которые теперь называются ударными: во втором номере говорится о создании «ударных бригад писателей» как мере по «включению советского писателя в дело великой борьбы и строительства» (К повестке дня // ЛГ. 1930. 13 янв. С. 1. Подпись: Б. Н.); в третьем сообщается уже «об отправке писательских бригад (25 человек) в районы сплошной коллективизации — сроком на 3 месяца» (ЛГ. 1930. 20 янв. С. 4); затем все литературные организации приступают к формированию ударных писательских бригад: «Вопрос об организации писательских бригад вступил в свою решающую фазу» (ЛГ. 1930. 10 февр. С. 2); еще через несколько дней отправленные «Правдой» писатели возвращаются из районов «сплошной коллективизации» и делятся своими впечатлениями; один из этих писателей — Андрей Новиков: «Я был в Самойловском районе Балашовского округа — в районе сплошной коллективизации. <...> Я ходил по дворам вместе с колхозной бригадой по сбору утильсырья <...> Мною лично привезено много материала <...> Я написал для “Правды” ряд очерков...» (Писатели в колхозах // ЛГ. 1930. 24 февр. С. 1).

Появляется все больше общественных институтов, организующих поездки писательских бригад, — это «Правда» и «Литературная газета»; ФОСП, ВССП, РАПП и другие литературные объединения; Хлебоцентр; издательства и пр. Писательские бригады регулярно отчитываются о проделанной работе: «Секретариат ФОСП заслушал доклад о результатах поездок писателей в колхозы и совхозы, организованные через Хлебоцентр, Животноводсоюз и т. д. ...Секретариат Федерации постановил продолжить и в дальнейшем посылку писателей в колхозы, совхозы и на производство» (Писатели в колхозах: Итоги поездок // ЛГ. 1930. 19 мая. С. 3).

Писательские бригады первой половины 1930 г. отправляются по стране с одним из двух заданий — либо стать хроникерами ее социалистических преобразований, либо проводить литературные вечера для установки связи

с читателями. Адреса поездок самые разные: 17 марта «Литературная газета» сообщает об ударной бригаде писателей, которые выезжают в Туркменистан; 12 мая — о деятельности районных бригад РАПП: «Северо-Двинская АПП организовала три ударные бригады писателей для связи с читателями. Писатели проводят на предприятиях и в колхозах доклады и беседы по литературным вопросам. Ударная бригада Ярославской АПП организует на заводах литературные вечера» (Ударные литбригады РАПП // ЛГ. 1930. 12 мая. С. 2) и т. д.

Но к осени, т. е. времени окончания хозяйственного года, стало понятно, что промфинплан 1929/30 г. не выполняется и на всех предприятиях страны — сплошные прорывы. Тогда 3 сентября ЦК ВКП(б) обратился ко всем партийным, хозяйственным, профсоюзным и комсомольским организациям «мобилизовать все силы <...> на выполнение промфинплана» (Правда. 1930. 3 сент. С. 1). К решению этой задачи были немедленно подключены и писатели. В ответ на обращение ЦК ВКП(б) Федерация объединений советских писателей корректирует задачи писательских бригад, которые теперь должны ехать на предприятия не для сбора материала, а для борьбы с прорывами производства, и «средствами художественного слова помогать стройке»: «Писатели — на заводы, фабрики, рудники. Не для того, чтобы «собирать материал» для произведений <...>, а для того, чтобы средствами художественного слова помогать стройке, будить энтузиазм, подтягивать отстающих, разить волынщиков и прогульщиков, разоблачать благодушствующих и бюрократов, бить дезертиров труда. <...> Что это — отказ от литературы <...>? Нет, это постановка перед литературой более высоких задач...» (Писатели — в бой за промфинплан [Ред. статья] // ЛГ. 1930. 9 сент. С. 1). Сообщения о посылке писательских бригад двух осенних месяцев, которые остались до конца финансового года, звучат как сводки с фронта: Исполком ФОСП постановляет «мобилизовать в двухнедельный срок 30 писателей...» (Постановление Исполкома ФОСП // ЛГ. 1930. 9 сент. С. 1); некоторые писатели стремятся освободиться от такой обязанности, но многие являются помимо мобилизации, добровольно; писателей отправляют на предприятия, объясняя их новую роль — писать фельетоны и лозунги для заводских газет, «освещая выполнение промфинплана на данном предприятии»: «На 12 сентября в различные промышленные районы выехало бригадами свыше 25 писателей. Около 20 человек выезжают сегодня и завтра. <...> Командированные на места промышленных прорывов писатели работают в заводских газетах по заданиям редакции, пишут в них фельетоны, очерки, стихи, лозунги на конкретные темы, освещая выполнение промфинплана на данном предприятии» (Мобилизация писателей в ФОСП // ЛГ. 1930. 14 сент. С. 2. Подпись: Д. К.); «ВССП в ударном порядке дополнительно наметил 60 писателей на ликвидацию прорывов. Писатели немедленно направляются в распоряжение распределительных органов для комплектования в бригады» (60 писателей — на ликвидацию прорывов // ЛГ. 1930. 24 сент. С. 4) и т. д.

Одна из таких бригад — московская бригада ВССП, которая в октябре 1930 г. направляется на Ленинградскую писчебумажную фабрику им. Зиновьева; в ее составе — Андрей Платонов. Коллеги Платонова по бригаде —

поэт С. Городецкий, романист А. Виноградов и пародист А. Архангельский — приехали на фабрику 11 октября, Платонов же был включен в бригаду вместо Вс. Иванова и приехал позже (см. об этом примеч. к фельетонам из фабричной многотиражки, раздел «Коллективное»: *Сочинения*, 4(2). С. 815).

Благодаря архивным разысканиям и дошедшим до нас письмам самого писателя эта поездка оказалась хорошо документированной. Выявлены: вопросник, регламентирующий деятельность бригады по установлению причин прорыва на фабрике, и инструкция по сотрудничеству бригады с различными фабричными структурами; письмо бригады в Правление ВССП от 21 октября 1930 г. о финансовых расчетах с ней, в котором говорится и о финансово тяжелом положении Платонова; отчет о работе бригады (*Московская Д.С.* К истории производственного очерка (1929–1932 гг.). По документам ОР ИМЛИ РАН // *Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения.* Вып. 2. М., 2012. С. 814–827) и дневник, который вел А. Архангельский во время работы на фабрике (*Антонова Е.* Писатели на фабрике (По следам одной командировки Андрея Платонова) // *Подъем.* 2016. № 2. С. 159–164). В семейном архиве писателя сохранились: письмо самого Платонова от 29 октября из Ленинграда Андрею Новикову с описанием некоторых обстоятельств, сопутствующих его мирному труду («на почве бригадного ударничества») (*Письма.* С. 277–280), и его записная книжка с «фабричными» записями. Результатом работы Платонова в составе писательской бригады стали фельетоны и лозунги в местной многотиражке «Голос бумажника» (см.: *Сочинения*, 4(2), раздел «Коллективное»).

Записи о Зиновьевской фабрике в записной книжке писателя соседствуют с заметками о турбинной мастерской Ленинградского металлургического завода крупного машиностроения им. И. Сталина — участием в ликвидации прорыва на Зиновьевской фабрике в октябре 1930 г. дела Платонова в Ленинграде не ограничились; заметки о турбинной мастерской воплотятся затем в сценарий для немого кино «Турбинщики». Что Платонов делал на ЛМЗ осенью 1930 г., в настоящее время точно не известно. Но в тематическом плане 3-й московской кинофабрики «Союзкино» на 1931 г. именно его имя закреплено за темой «Турбостроение» (разыскание Р.Е. Клементьева; см. об этом примеч. к сценарию «Турбинщики»: *Сочинения*, 4(2). С. 758): возможно, договор с кинофабрикой и был истинной причиной появления Платонова на ЛМЗ. Адреса и телефоны 3-й Кинофабрики и Зиновьевской писчебумажной фабрики в записной книжке писателя тоже стоят рядом. Вскоре после возвращения Платонова в Москву в агентурном донесении ОГПУ от 10 декабря 1930 г. появилась такая информация о его поездке в Ленинград: «Недавно он ездил с писательской бригадой в Ленинград на электрозавод. Приехал очень приподнятый, много рассказывал хорошего...» (*Платонов в документах ОГПУ.* С. 850). Известно, однако, что с писательской бригадой Платонов ездил на Ленинградскую писчебумажную фабрику. Можно предположить, что агент ОГПУ соединил два разных дела Платонова в Ленинграде — работу в бригаде на фабрике и сбор материала для сценария на ЛМЗ, который он назвал электрозаводом.

В 1930 г. Платонов возобновляет рационализаторскую деятельность (см.: *Сочинения*, 4(2), раздел «Технические проекты»). Возможно, поэтому он решает получить какие-то дополнительные навыки или документы, позволяющие работать на предприятиях: в архиве писателя сохранилась справка о зачислении его «на курсы рационализации по обслуживанию энергохозяйства в химпромышленности», занятия на которых «начнутся 15 декабря 1930 г.» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1). Но Платонов мог записаться на курсы и потому, что курсантам предоставлялось жилье: «На время прохождения курсов, курсанты (без семьи) обеспечиваются общежитием» (Там же). Квартирный вопрос стоит перед Платоновым остро: с 1927 г. его семья не имеет собственного жилья, а в 1930 г. живет в меблированных комнатах, в крайне неблагоприятной обстановке. Не известно, учился ли Платонов на курсах рационализации, — во всяком случае, обеспечение жильем без семьи ему не подходило. О своей тяжелой жилищной ситуации перед поездкой в Ленинград Платонов пишет Л. Авербаху, прося «помочь получить площадь для жилья»; затем уже из Ленинграда — писателю и другу Андрею Новикову, чтобы тот замолвил за него слово перед Союзом писателей (*Письма*. С. 278); об этом же говорится и в агентурном донесении ОГПУ от 10 декабря 1930 г.: «Бытовые условия у Платонова очень трудные — нет комнаты, нет денег, износилась одежда» (*Платонов в документах ОГПУ*. С. 850). И в таких условиях Платонов много пишет — к концу 1930 г. относится начало еще одного произведения, пьесы «Шарманка». Пьеса будет закончена в марте 1931 г., но ее главная идея связана с событием ноября–декабря 1930 г. — громким политическим процессом по делу Промышленной партии.

Следующий год, 1931, получает официальное название решающего года пятилетки, или года завершения фундамента социалистической экономики: «Позади — первые два года пятилетки. Впереди — решающий третий год, год завершения фундамента социалистической экономики» (Правда. 1931. 1 янв. С. 1). 4 февраля 1931 г. Сталин объявляет о начале похода «за овладение техникой»: «Техника в период реконструкции решает все» (*Сталин И. О задачах хозяйственников // Сталин*. С. 446). В марте 1931 г. все газеты освещают суд над меньшевиками — процесс по делу «Союзного бюро РСДРП(м)». В апреле вспоминают Маяковского — прошел год со дня его смерти: «Год назад, 14 апреля 1930 г., застрелился Владимир Маяковский. <...> ...В период восстановления и реконструкции народного хозяйства великий поэт стал чернорабочим революции, самым близким союзником и участником революционной практики пролетариата» (Владимир Маяковский // Рост. 1931. № 8. С. 14); «Маяковский не был рожден пролетарским поэтом. <...> ...Он проходил путь превращения союзника в пролетарского поэта» (От футуризма к пролетарской поэзии [Ред. статья] // ЛГ. 1931. 14 апр. С. 1). В начале весны 1931 г. ЛОКАФ объявляет «творческую мобилизацию писателей на задачи обороны» (*Свирин Н. Перед угрозой войны // ЛОКАФ*. 1931. № 1. С. 137), а 4 мая РАПП — начало новой литературной кампании, и призывает писателей к массовому походу «За широкий показ героев пятилетки»: «...дать задание всем ассоциациям в целом и каждому писателю в отдельности немедленно заняться художественным показом

героев пятилетки» (ЛГ. 1931. 10 мая. С. 1). Отныне поездки писателей по стране будут подчинены задаче «показа героев пятилетки», и Андрей Платонов тоже примет в них участие. Объявленная РАПП дискуссия о творческом методе пролетарской литературы в 1931 г. выходит на новый этап: «Вопросы творческого метода были впервые выдвинуты и сформулированы РАПП. <...> Предшествующий этап творческой дискуссии в РАПП <...> имел и существенные недочеты. <...> Новый этап дискуссии должен характеризоваться более пристальным вниманием к конкретной художественной практике» (К развертыванию творческой дискуссии [Ред. статья] // ЛГ. 1931. 9 апр. С. 1). 14 мая в Москву опять приезжает М. Горький; 21 июля в СССР приезжает Б. Шоу. Призыв ударников в литературу, объявленный РАПП год назад, признан провалившимся.

Для Платонова 1931 год стал одним из самых тяжелых — после публикации в «Красной Нови» (1931. № 3) повести «Впрок» в печати развернется кампания против него, которая примет еще больший размах, чем первая (1929), в том числе и из-за вмешательства в дело лично Сталина.

В начале 1931 г. Платонов еще работает над пьесой «Шарманка», которую закончит в марте 1931 г.

Весной 1931 г. наконец решается проблема с выделением Платонову жилья: в феврале он в очередной раз обращается к ответственному секретарю ФОСП Л. Авербаху — просит выделить квартиру в новом писательском доме: «Переселение в дом должно совершиться сегодня-завтра. <...> 3 с лишним года без квартиры — это предел любому человеку» (Письма. С. 282). И квартиру наконец выделяют — апрельские письма писателя помечены уже новым адресом: «проезд Художественного театра, д. 2, кв. 14»; эту квартиру Платонов затем обменяет на квартиру в Доме Герцена: Тверской бульвар, д. 25, кв. 27 (см. об этом: Письма. С. 284; примеч. Н.В. Корниенко).

Весной 1931 г. Литературное объединение Красной Армии и Флота (ЛОКАФ), развернувшее широкую деятельность по вовлечению писателей в дело пропаганды Красной Армии, объявляет о «творческой мобилизации писателей на задачи обороны» и «укрепление боеспособности Красной армии и флота оружием художественного слова» (Свирин Н. Перед угрозой войны // ЛОКАФ. 1931. № 3. С. 138) и рассылает писателям письма с предложением о сотрудничестве и обещанием помощи в организации работы, которая «включает также помощь писателям в изучении необходимых архивов, плановую командировку в части Красной армии, военную и политическую консультацию...» (Рейзин С. Лицом к творческим вопросам // ЛОКАФ. 1931. № 4. С. 140). Получает такое письмо и Андрей Платонов — в архиве ЛОКАФ сохранился его ответ на это письмо: «В секретариат ЛОКАФ. В ответ на ваше письмо сообщаю, что я желаю быть мобилизованным для литературной работы на Красную Армию. Тема, которую я хочу использовать, заключается приблизительно в следующем: технические и механизированные части Красной Армии <...> Сама же тема заключается в “противоречии”, что самое мощное “техническое” вооружение Красной Армии состоит не в механизмах, а в классовых идеях, владеющей вооруженным пролетариатом <...> Это помножение духа на технику, взятое в процессе роста, и составляет тему. <...> Работу я подготовлю, но на всю подготовку мне нужен

месяц времени — с выездом на интересующие меня места, на посещение частей Красной Армии, архивов и библиотек. <...> Уеду не позже 15 мая, т. к. мне нужно посетить места событий, которых я был участником или свидетелем, и провинциальные архивы и библиотеки. <...> Андрей Платонов. 18/IV. 1931. Адрес: Москва, проезд Художественного театра, д. № 2, кв. 14» (цит. по: *Московская Д. К* хронике работы над пьесой «Высокое напряжение» // *Страна философов*, 2017. С. 422). Ездил ли Платонов в эту командировку, не известно. Известно, однако, что летом 1932 г. у Платонова был рассказ под названием «Русский воин» (в настоящее время не выявлен), который мог быть написан по заданию ЛОКАФ: в августе он посылает его, вместе с пьесой «Высокое напряжение», в журнал «Ленинград» (*Письма*. С. 324, 330; о передвижении рассказа см. также: *Письма*. С. 325, 331; примеч. Н.В. Корниенко).

Обе известные в настоящее время публикации Платонова 1931 г. связаны с повестью «Впрок»: в январе напечатан ее фрагмент под названием «Г.М. Скрынко» (*Прожектор*. 1931. № 3), а в апреле — вся повесть (*Кр. новь*. 1931. № 3). После знакомства с повестью лично Сталина и его распоряжения наказать автора начинается самая мощная кампания против Платонова (см. об этом примеч. к повести «Впрок», с. 399–416 наст. изд.). Лето 1931 г. оказывается для Платонова очень трудным. Затравленный «критикой» в свой адрес, он пишет письма — И. Сталину: «Товарищи из рапповского руководства оценили мою работу как идеологически крайне вредную. <...> Я увидел, что товарищи из РАППа — правы, что я заблудился и погибаю. <...> ...Я <...> стараюсь найти способ, каким можно уменьшить вред от опубликования повести “Впрок”» (*Письма*. С. 284–287); два письма в редакцию «Правды» и «Литературной газеты»: «Нижеподписавшийся отрекается от всей своей прошлой литературно-художественной деятельности, выраженной как в напечатанных произведениях, так и в ненапечатанных», «...Моя работа, несмотря на положительные субъективные намерения, объективно приносит вред. <...> Главной же моей заботой является теперь <...> создание таких произведений, которые бы с избытком перекрыли тот вред, который был принесен автором в прошлом» (*Письма*. С. 291–293, 298–299); А.М. Горькому: «...я не классовый враг...» (*Письма*. С. 304–306).

Но Платонов, конечно, не отрекся «от всей своей прошлой литературно-художественной деятельности»: в том же самом июне 1931 г., через несколько дней после того, как были написаны письма Сталину и в редакции газет, он отвечает на анкету «Какой нам нужен писатель» журнала «На литературном посту». На вопрос: «Что вы написали за последние два года», — Платонов перечисляет все свои произведения, в том числе и не напечатанные: «Повести: “Котлован”, “Впрок”, несколько небольших рассказов, сценарий о лен<инградском> заводе им. Сталина <...>, пьесу “Шарманка”» (*Воспоминания*. С. 287). Рассказы, написанные Платоновым за два последних года, — это «Первый Иван» (Заметки о техническом творчестве трудящихся людей), «Факт (Очерк про двух отсталых рабочих)» и «Вольтова дуга (Рассказ об ударниках-изобретателях)»; вероятно, в летние дни 1931 г. появился рассказ «Заблуждение на родине компота»; в том же 1931 г. — рассказ «Кухонный мужик Советского Союза». Что касается рассказа «Вольтова дуга»,

то Платонов мог написать его, чтобы «уменьшить вред от опубликования повести “Впрок”», как он обещал Сталину; точно известно, что «Вольтова дуга» Платонов отдавал в журналы. Возможно, именно «Вольтова дуга» упоминается в письме И. Сталину партийного функционера, редактора ряда литературных изданий, члена редколлегии журнала «Красная новь» перед тем, как там была опубликована повесть Платонова «Впрок», в 1929–1930 гг. ответственного редактора «Литературной газеты» С. Канатчикова; письмо датировано 6 июня 1931 г.: «Ныне по редакциям журналов путешествует такой же возмутительный рассказ об ударничестве того же автора» (цит. по: *Письма*. С. 288), слова «об ударничестве» при этом подчеркнуты; других рассказов Платонова об ударниках, кроме «Вольтовой дуги» с подзаголовком: «Рассказ об ударниках-изобретателях», в настоящее время не известно.

Отвечая на анкету «Какой нам нужен писатель», Платонов назвал свои небольшие произведения последних лет рассказами — что, однако, противоречит его же собственному определению их как очерков: все эти рассказы, за исключением «Заблуждения на родине компота», а равно как и большинство других рассказов Платонова 1928–1932 гг., либо помечены словом «очерк», либо написаны «под очерк»: «очерками» называется «Че-Че-О»; черты очерка имеют «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)» и «“Первый Иван” (Заметки о техническом творчестве трудящихся людей)»; слово «очерк» стоит после названий рассказов «Факт», «Кухонный мужик Советского Союза», «Товарищ пролетариата» и «Человек нашего времени». Даже первое название повести «Ювенильное море» — «Степное дело» — имело подзаголовок, в который входило слово «очерк» (см. об этом. примеч. к повести «Ювенильное море», с. 587 наст. изд.). У Платонова есть набросок под названием «Интервью» (1930), зафиксировавший колебания в определении жанра: зачеркнуто «Очерк» и вписано «Рассказ» (см.: *Сочинения*, 4(2), раздел «Наброски»). Рассказы Платонова 1928–1932 гг. действительно не совсем обычные: в них писатель во многом следует очерковой тенденции времени; раздел, в котором они помещены, в соответствии с авторским определением жанра, называется «Рассказы и очерки».

В 1928–1932 гг. очерк становится одним из ведущих жанров советской литературы, а проблемы художественного очерка выходят на страницы литературных газет и журналов и широко дискутируются. Основные обсуждаемые вопросы: в чем особенности современного очерка и какова его тематика; почему он стал популярным на данном этапе исторического развития; относится ли очерк к «литературе факта» или в нем все-таки возможен вымысел и т. д. Проблема очерка как ведущего литературного жанра «реконструктивного периода» занимает в основном РАПП и ЛЕФ; появляются авторы, которые пишут об очерке: Беккер М., Жига И., Перцов В., Лузгин М. и др.; они не во всем согласны друг с другом, но тем не менее картина очерка «реконструктивного периода» по их выступлениям складывается. Вот небольшая подборка отрывков из статей 1929–1931 гг., отражающая основную проблематику темы.

Один из ее идеологов, М. Беккер, обращает внимание на такое отличие очерка от рассказа, как деловая установка и отсутствие «выдумки, художественного вымысла, фантазии»; чертами очерка называет простой словарь,

ориентацию на определенного читателя и общественно-производственную тематику — за основу очерка кладется «не драма отдельной личности, а общественные отношения, факты общественной жизни» (*Беккер Мих.* Проблема художественного очерка // *На лит. посту.* 1929. № 13. С. 54); подчеркивает отсутствие в очерке сюжета, функцию которого выполняет ситуация поездки по стране, и реальность героев: «Очерк вне сюжета; материал идет как бы самотеком. <...> Очерки чаще всего рождаются в дороге, в движении. <...> Верность фактической стороне выражается в том <...>, что фамилии <...> не вымышленные, реальные» (Там же. С. 55); важной чертой очерка считает выход в сферу политики: «Очерк давал возможность писателю вплотную подойти к вопросам политики» (Там же. С. 58).

Второй популяризатор темы — бывший «лефовец» и участник лефовского сборника «Литература факта» В. Перцов: выходит его книга «Писатель на производстве», статьи об очерке регулярно печатаются и в «Литературной газете», и в журнале «На литературном посту». Перцов подчеркивает особое значение очерка в эпоху социалистической реконструкции, которая заставляет современного писателя перемещаться по стране, наблюдать и описывать процесс реконструкции: «Стихийное движение за очерк началось. <...> ...Очеркист — это писатель “на колесах” <...> вырастает роль очеркового движения в общей литературной работе наступившей эпохи» (*Перцов В.* Ударный цех советской литературы // *ЛГ.* 1929. 2 дек. С. 2); объясняет, в чем особенности очерковой тематики: «В нашу эпоху центр тяжести изображения переместился в сторону общественно-производственных отношений»: писатель должен дать «производственный портрет человека», а не бытовой, как роман (*Перцов В.* Дать пятилетке очеркиста! // *ЛГ.* 1929. 16 дек. С. 3); подчеркивает агитационную роль очерка: «Очерк представляет собой фиксацию фактов, в большинстве случаев лично наблюдаемых очеркистами; не фиксацию просто, а с определенными агитационными целями. <...> Строительство социализма, взятое как глубоко человеческая проблема, как процесс переделки человека — вот основная тематика очерка в реконструктивный период» (*Перцов В.* Куда ведет очерк? // *ЛГ.* 1930. 16 июня. С. 2).

Но есть и другие точки зрения на очерк — они получают отражение в статье одного из секретарей РАПП В. Ставского: «С определением очерка у нас невообразима путаница. Всякий плохой рассказ считается очерком. <...> Очерком считают всякую корреспонденцию в газете» (*Ставский В.* Об очерке и очеркистах // *На лит. посту.* 1931. № 4. С. 16). Сам Ставский уверен: основным требованием к очерку должно быть единство художественного образа и публицистики; он возражает тем, кто говорит, что в очерке допустимы выдумка, вымысел, но и протестует «против бездумной фактографичности» (Там же. С. 17). Проблема отношения очерка к литературе факта специально выносится на II пленум правления РАПП: «С докладом об очерковой литературе выступил тов. Лузгин <...> Неверно смешивать очерковую литературу с литературой факта и противопоставлять ей романы и повести. В основе очерковой литературы тоже лежит художественный образ...» (*ЛГ.* 1929. 30 сент. С. 4).

Очерк занимает в литературе все более прочные позиции. За ним закрепляются определенные темы: в 1929 г. «Литературная газета» открывает

постоянный отдел очерков, посвященных социалистическому соревнованию (Советским писателям // ЛГ. 1929. 27 мая. С. 1). Проблема очерка как жанра — в центре литературной дискуссии: в 1930 г. в «Литературной газете» появляется рубрика: «Продолжаем дискуссию об очерке»; под этой рубрикой опубликованы статьи: *Беккер Мих.* Каким должен быть пролетарский очерк // ЛГ. 1930. 5 июля. С. 2; *Жига И.* Промежуточный жанр // ЛГ. 1930. 15 июля. С. 2; *Амурский Д.* Еще раз об очерке // ЛГ. 1930. 5 сент. С. 3 и др.

Укреплению позиций очерка в литературе способствовало движение писательских бригад, которые в 1930 г. были двух типов — или для сбора материала о социалистическом строительстве, или для ликвидации прорывов на производстве; деятельность бригад первого типа сопровождалась написанием очерков об увиденном: «Бригады в прошлом году формировались по двум типам. Тип первый — организация бригад издательствами, промышленно-хозяйственными учреждениями или советскими. Эти бригады <...> действительно ехали на места нашей стройки <...> В литературном активе от поездок прошлого года мы имеем большой очерковый материал — в нашей периодике и в журналах. <...> Бригады второго типа — это бригады, созданные осенью 1930 г., в кампанию по ликвидации прорыва на ряде предприятий» (*Никитин Н.* Писатель в бригадах // ЛГ. 1931. 24 марта. С. 3). Кроме движения писательских бригад и превращения писателей в разъездных корреспондентов газет, распространению очерка способствовало и то, что на рубеже 1930-х гг. в литературу массово пришли непрофессионалы: пытаясь приобщить к писательству рабочих от станка, РАПП в 1930 г. объявил о новой кампании — призыве в литературу ударников: «Рабочий-ударник, являющийся костяком социалистической стройки, должен на деле стать центральной фигурой пролетарского литературного движения» (Призыв ударников в литературу // Рост. 1930. № 17–18. С. 2).

Эти тенденции современной литературы не прошли мимо Андрея Платонова. Его рассказы периода 1928–1932 гг. обращены к политической тематике и общественным отношениям; действие происходит на производстве; сюжет упрощен, в его основе часто лежит поездка героя на какой-нибудь объект социалистического строительства. Эти рассказы Платонов называет очерками.

В трудные дни лета 1931 г., наступившие после публикации повести «Впрок», больше всего Платонов хочет уехать из Москвы; деньги на командировку он пытается найти через разные организации, которые отправляют писателей по стране, чтобы те потом показали в своих произведениях героев пятилетки. Групповые писательские поездки с такой целью — новая инициатива РАПП: 10 мая 1931 г. «Литературная газета» вышла с редакционной статьей «Показать стране ее героев» — объявлением об очередной литературной кампании: «Секретариат РАПП поставил перед всеми пролетарскими писателями ударно-творческую задачу — <...> дать художественные биографии лучших ударников Страны советов» (Показать стране ее героев [Ред. статья] // ЛГ. 1931. 10 мая. С. 1); ниже — короткое объявление: «РАПП начала массовый поход <...> за широкий художественный показ в литературе героев пятилетки» (Там же).

Достать деньги на поездку Платонов пытается через краеведческую секцию ВССП — она тоже организует поездку писателей по различным стройкам социализма, о чем свидетельствует сообщение в «Литературной газете» от 30 июня 1931 г.: «Этим летом краеведческая секция отправляет в различные районы СССР 12 писателей (сроком на 2–3 месяца). Писатели обязуются дать определенный листаж литпродукции, показать в художественных очерках, повестях и рассказах героев социалистической пятилетки» (Перед всероссийской конференцией ВССП // *ЛГ*. 1931. 30 июня. С. 4).

Вероятно, Платонов делал попытки присоединиться к этой группе писателей — об этом свидетельствует его письмо жене, отдыхающей с сыном в Сочи: «Уехать я хочу страстно, но нужно достать деньги. С краеведами еще ничего не вышло. Все обещают на днях, а дни идут» (*Письма*. С. 296). Одновременно он ищет и другие возможности уехать — в архиве писателя сохранилось командировочное удостоверение от 17 июня 1931 г. для поездки на Северный Кавказ, выданное Сельколхозгизом (о Сельколхозгизе и отношениях с ним Платонова, а также об организованных Сельколхозгизом поездках писательских бригад в совхозы летом 1931 г. см.: *Письма*. С. 301–304; примеч. Н.В. Умрюхиной). Не известно, ездил ли Платонов в командировку от Сельколхозгиза, — выданное ему командировочное удостоверение не предполагало конкретной даты отъезда, а было «действительно с 17 июня по 18 августа», со второй же половины июня и до середины августа, судя по документам, он находится в Москве: 27 июня 1931 г. заполняет анкету «Какой нам нужен писатель» журнала «На литературном посту» (см.: *Воспоминания*. С. 287); 14 июля пишет редактору агитмассового отдела Сельколхозгиза И. Мартынову — сопроводительное письмо при посылке какого-то очерка (какого, неизвестно), рукопись которого была готова еще 8 июля; 24 июля — письмо А.М. Горькому (*Письма*. С. 301, 304), оба письма отправлены из Москвы. Вероятно, к лету 1931 г. относится и сатирический рассказ «Заблуждение на родине компота», хотя он и не вписывается в трагическую гамму эмоций этого лета; рассказ написан по мотивам пьесы «Шарманка» — с использованием ее образов (не единственная у Платонова связка произведений); объектом же сатиры является современное краеведение. С 3 по 13 августа 1931 г., согласно авторской датировке, Платонов пишет пьесу «Объявление о смерти» (первая редакция пьесы «Высокое напряжение»), пронизанную его собственным чувством безысходности лета 1931 г. Действие пьесы происходит на том же ЛМЗ, что и сценария «Турбинщики».

И сразу после завершения «Объявления о смерти» Платонову наконец удалось решить вопрос о своей поездке, а именно — договориться с объединением «Скотовод», которое считалось краеведческой организацией и с которым правление ВССП заключило договор о сотрудничестве. В результате 15 августа 1931 г. Всесоюзным государственным объединением «Скотовод» писателю выдано командировочное удостоверение, в котором указывалось, что «тов. Платонов, занимающий должность члена о-ва писателей-краеведов, командировуется в Средневолжский край по совхозам» (*РГАЛИ*. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 6). К обязанностям по этой командировке Платонов присоединяет и другие — как следует из его писем, во время поездки он что-то делает для Общества друзей радио (ОДР) (см.: *Сочинения*, 4(2), раздел

«Заметки и корреспонденции»); не исключено, что и для Сельколхозгиза тоже: в письме к жене от 27 августа Платонов упоминает несколько командировок: «Работаю по командировкам. Для ОДР кое-что уже сделал» (*Письма*. С. 314).

В командировочном удостоверении «Скотовода» в графе «отметки» имеются две записи о получении Платоновым аванса и зарплаты по командировке: «15/8–31 г. — 400 руб., 25/IX–31 г. — зар. 250 руб.». Следовательно, Платонов выехал из Москвы во второй половине августа, вернулся — во второй половине сентября. Командировка была долгой, а маршрут писателя — длинным: из писем точно известно, что во время командировки он посетил города Северного Кавказа и Средней Волги — Орск, Самару и Ставрополь, а также ряд совхозов (см.: *Письма*. С. 314–316); в относящейся к поездке записной книжке есть, кроме того, записи по ЦЧО, Хакасии, Средней Азии и др. (*Записные книжки*. С. 81–92). От этой поездки осталась также написанная от руки записка (*РГАЛИ*. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 131) — в ней упоминаются в основном совхозы объединений «Скотовод» и «Свиновод», расположенные на Средней Волге и Северном Кавказе, но есть и запись о Холмогорском совхозе в Северном крае — маловероятно, чтобы писатель туда доехал: сведения об этом совхозе он мог внести из какого-то печатного источника.

Среди записей, относящихся к этой поездке, стоит помета: «Дирижабль» (*Записные книжки*. С. 82). О «Дирижабле» известно следующее: в 1931 г. Платонов заключил с ГИХЛ договор на предоставление издательству рукописи под названием «Дирижабль», номер договора — № 1970. Информация об этом договоре содержится в нескольких документах: более позднем дополнительном «Соглашении к договору № 1970» на представление к 1 октября 1933 г. вместо «Дирижабля», а также повестей «Сокровенный человек» и «Впрок», рукописи «Технического романа» (*РГАЛИ*. Ф. 2124. Оп. № 1. Ед. хр. 15. Л. 5), и в «Бюллетени Редак<ионно>-Издат<ательской> деятельности ГИХЛ, Москва, за август 1932 года»; среди документов, относящихся к сектору ИТК (Искусство, театр, кино), в списке «III. Сведения о расторгнутых договорах и изъятых рукописях» под номером «12» записано: «Платонов “Дирижабль” / Авт<орских> лист<ов> — 15 / Тираж — 5 <вероятно, планировавшийся по первоначальному договору тираж в тысячах> / Причины — Отклон<ено> / Чьим решением — Правл<ения> / Выплаченная сумма — 938 <рублей>» (*РГАЛИ*. Ф. 613 (ГИХЛ). Оп. 1. Ед. хр. 5100. Л. 10–13; разыскание Р.Е. Клементьева). Изначально тема дирижабля была связана с пьесой «Шарманка». Каким Платонов видел новое произведение, возможности узнать нет, — рукопись в издательство он, вероятно, все-таки не представил.

Об успешном завершении поездки писателей-краеведов в различные районы СССР в заметке «Писатели-краеведы в районах строительства» сообщает «Литературная газета» от 10 сентября 1931 г.: «Краеведческая секция ВССП послала в районы строительства, колхозы и совхозы около 20 писателей. На днях, на расширенном заседании секции писатели-краеведы гг. П. Сухотин, П. Ширяев (Иссык-кульский конесовхоз), П. Скосырев (проблема Терека), Д. Стонов (Магнитогорск) отчитались в своей работе. <...>

Тов. Карпыч, выступивший от имени общества краеведов-марксистов при Комакадемии, отметил положительные результаты работы краеведческой секции ВССП. Поездки писателей в районы, изучение края, участие в строительстве — это есть одна из основных форм перестройки советского писателя. <...> Планируется выпустить краеведческий альманах по результатам поездок писателей».

Отчетом Андрея Платонова перед краеведческой секцией ВССП, пославшей его в «в Средневожский край по совхозам», станет повесть «Степное дело» (первое название повести «Ювенильное море»), которую Платонов представляет для краеведческого альманаха. Повесть написана по материалам поездки августа–сентября 1931 г., связана с краеведческой тематикой и показывает героев пятилетки. Но вопрос о ее датировке — текстологическая проблема: повесть, как и большинство произведений этого периода, автором не датирована. По логике, Платонов должен был написать ее осенью 1931 г., вернувшись из поездки. Однако все имеющиеся материалы по истории текста повести говорят о том, что она была написана только весной 1932 г. (см. об этом примеч. к повести «Ювенильное море», с. 588 наст. изд.). В пользу этой версии свидетельствует и стенограмма творческого вечера Андрея Платонова, состоявшегося во Всероссийском Союзе советских писателей 1 февраля 1932 г., — перечисляя написанные им произведения, Платонов ни разу не называет «Степное дело». Несколько раз он упоминает какую-то большую вещь: «...пишу большую вещь...» (*Воспоминания*. С. 294). Но, похоже, имеет в виду роман, о долгой работе над которым с мая 1931 и до конца 1932 г. свидетельствуют записные книжки писателя.

Первая запись о планируемом Платоновым романе датирована маем 1931 г.: «Май 1931 г. / Д<ля> Жовова / Д<ля> Полпашк<ина>/ Д<ля> Борисевкина» (*Записные книжки*. С. 94). Далее идут записи об этих персонажах, например: «Борисевкин путал себя со всем пролетариатом; не знал, где он находится, а где — вся масса» (Там же); «Жовов: “Я еще не старый, какие мои годы”. Выражение надежды на исполнение оптимизма — не радости, а движения в утверждающем смысле» (Там же. С. 95); «В конце романа Кузьява во сне видит капитализм и убивает Жовова для добычи из него скелета» (Там же. С. 98) и т. д. Характер записей позволяет предположить, что Платонов не только обдумывает роман, но и пишет его: «Изменить весь роман. Переделать Жовова. Выбросить много страниц из начала. Переучиться к черту. Взять основную идею в соответствии с моим главным» (Там же. С. 100). Записная книжка отражает появление в романе Стратилата — возможно, автобиографического персонажа (Андрей Платонов был крещен в честь Андрея Стратилата, память которого празднуется 19 августа по старому стилю, или 1 сентября по новому, через три дня после рождения будущего писателя): «Очень важно! Высшая конкретность: небольшое сравн<итель-но> стр<отельство>; борьба [Жовова] Стратилата с Полпашкиным и его саранчой. Меньше философем» (Там же. С. 101) и т. д. — записи к роману продолжают и в 1932 г. Согласно записным книжкам, писатель несколько раз переделывал роман, но так и не закончил; до наших дней этот роман не дошел.

Из других фактов творческой биографии Платонова конца 1931 г. по архивным источникам известны следующие: с 1 сентября 1931 г. Платонов числится в киносекции Всероскомдрама; осенью «подает заявление в краеведческую секцию ВССП — обсудить свой новый “сценарий” (возможно, “Турбинчики”), и 8 декабря на секции принимается соответствующее решение о читке Платоновым своего произведения и об организации для этого специального творческого вечера с присутствием на нем желательных лиц: “Для читки т. Платоновым написанного им сценария, о котором он указывает в своем заявлении — организовать вечер, обеспечив на нем присутствие желательных лиц”. Состоялась ли 8 декабря 1931 г. эта читка, документально неизвестно» (*Московская Д. К хронике работы над пьесой «Высокое напряжение» // Страна философов, 2017. С. 423*).

1932 год — последний, завершающий год пятилетки в четыре года — начинается с объявления: «В 1931 г. СССР завершил построение фундамента социалистической экономики» (*Правда. 1932. 1 янв. С. 1*). Это утверждение повторяется и в других изданиях: «Фундамент построения социализма в СССР завершен» (*Сов. краев. 1932. № 1. С. 2*). Главным же событием литературной жизни 1932 г. стало опубликованное 23 апреля Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», прекращающее деятельность РАПП и всех других литературных организаций.

Первая половина 1932 г. для Платонова-писателя ознаменовалась следующими событиями: состоялся его творческий вечер в ВССП; он написал повесть «Степное дело» и отдает ее на прочтение, а также начинает бороться за постановку в театре своей последней пьесы.

Вечер Платонова в ВССП прошел 1 февраля. Его инициатором был сам Платонов, после публикации повести «Впрок» оказавшийся в трудном положении — творческой изоляции и с клеймом враждебного писателя. Председательствующий на вечере глава ВССП Петр Павленко описал ситуацию так: «За последний год Платонов был популярнейшей личностью, всюду его раскулачивали как писателя, занимавшего враждебные позиции, проводящего идеи, несовместимые с именем советского писателя <...> Платонов как бы оказался вне советской и писательской общности. <...> Платонов писатель крупный...» (*Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова // Воспоминания. С. 293–294*). Репутация классового врага лишает писателя всякой возможности опубликовать хоть что-то из написанного. Об этой проблеме Платонов скажет: «За последнее время, когда я сдаю рукопись в редакцию, они возвращаются без объяснения» (*Там же. С. 297*). Поэтому он и предложил устроить «небольшой закрытый товарищеский вечер», чтобы объяснить свою позицию — «в среде писателей рассказать о прошлой стадии своего творчества, уроках критики и наметке новых путей вперед» (*Там же. С. 294*).

На вечере присутствовали писатели П. Павленко, Л. Леонов, П. Слетов и др.; критики: А. Селивановский — один из авторов статей о повести «Впрок»; Н. Замошкин — редактор отдела прозы журнала «Новый мир», знакомый с произведениями Платонова по своей редакционной практике и не раз поддерживавший их публикацию; К. Зелинский — сосед Платонова, читавший все, что тот написал; В. Гольцев; О. Резник — автор отрицатель-

ной рецензии (ГИХЛ) на повесть «Ювенильное море» и др. Они слушают Платонова и сами в неформальной обстановке говорят о его творчестве. Стенограмма этого вечера — документ, повествующий о самосознании писателя и о восприятии написанного им современниками, особенно ценный при ограниченности других материалов подобного рода.

Платонов рассказывает о том, как начиналось его литературная деятельность: «Я начал свою литературную работу — печататься — в начале революции...» (Там же. С. 295); о том, что он сделал и делает в литературе: «...написал разные рассказы, пишу большую вещь, <...> написал пьесу, о которой т. Зелинский знает, и написал повесть» (Там же. С. 294); о своих пролетарских корнях: «...я сам не из отсталых рабочих и вовсе не из крестьян...» (Там же. С. 296) и социалистическом мировоззрении, которое всегда проявлялось в его производственной деятельности: «...я в производственной работе высоко ценил и ценю теорию организации, необходимости пролетарского авангарда и дисциплины» (Там же), — и о постепенном отходе от этой идеологии в художественном творчестве: «Моя художественная идеология с 1927 г. — это идеология беспартийного отсталого рабочего...» (Там же. С. 295), «...с 26 или 27 года <...> мною овладело постепенно другое мировоззрение, которое заглушило то, действительное мировоззрение» (Там же. С. 299). Он признает свои мировоззренческие ошибки: «Ошибки я совершал и до “Впрока”...» (Там же. С. 296); не настаивает на правильности своего поворота «направо»: «...я попал в чуждую идеологическую страну, и мне нужно возвратиться на родину» (Там же). Говорит о том, как появлялись его произведения, большинство из которых не напечатано, — это признание косвенно свидетельствует и о писательском гении Платонова: «...мне нужно было прекратить этот поток произведений, выходящий из меня. Мне нужно было прекратить не только внешнее издание, важно было остановить это внутри себя» (Там же. С. 297). Называет те новые впечатления, которые позволяют ему измениться: «Я был потом на Средней Волге, где я убедился в совершенно новой действительности, не согласной с тем представлением о действительности, которое было у меня» (Там же. С. 296); подчеркивает готовность перестроиться: «...у меня есть материал для изменения, для перестройки...» (Там же. С. 297); объясняет причину своего обращения к коллегам: «...мне нужно знать какой-то измеритель, что я движусь в этом направлении, а одному совершенно невозможно» (Там же).

Понимал ли он вредность своих произведений, или все дело в стиле, который сам по себе является могущественным фактом? — спрашивают его. «Я не сознавал вредность», — отвечает Платонов, но стилем не оправдывается: «Стиль действительно вел. <...> В технологии литературного дела он отчасти ведет, но нельзя этим оправдывать себя. <...> Тут дело в мировоззрении» (Там же. С. 298–299). По поводу стиля Платонова Леонов замечает: «...это талантливо, но стиль уж очень сформировавшийся, сложившийся. <...> Он <...> имеет колоссальное значение, он может долго вести» (Там же. С. 299). Реплика Леонова выливается в серьезный диалог о внутреннем строе творчества Платонова, особенностях его сатиры, социалистическом идеале, возможных учителях и предшественниках в литературе — диалог, который все время возвращается к вопросу о стиле писателя как ключевому.

Критическую направленность произведений Платонова признают все — и те, кто относится к писателю с сочувствием; и те, кто ждет от него только доказательств перестройки. Эту направленность Зелинский описывает так: «...попытка подковырнуть, нигилистически издеваться над действительностью и что-то ей противопоставить» (Там же. С. 304). Слетов спрашивает Платонова, не сознавал ли он себя сатириком. Это предположение Платонов категорически отрицает: «Я себя не сознавал сатириком и не старался им быть. Я искал возможности быть политическим писателем» (Там же. С. 300). Платонова поддерживает Зелинский, который отвечает сторонникам сатирической интенции его творчества: «...вы не поняли самого внутреннего строя Андрея. В этом смысле он человек, <...> лишенный литературщины, в самом таком узком значении слова» (Там же. С. 303). Стремление разобраться, почему Платонов не вписывается в современную литературу, и помочь писателю найти правильное направление дальнейшего движения в ней неизбежно возвращает к проблеме стиля и сатиры. Замошкин связывает стиль Платонова с определенной литературной традицией, а причину негативной окрашенности его образов — с «нетерпеливой тоской по социалистической жизни», а не с желанием посмеяться над изображаемым: «Товарищ Леонов совершенно законно задал вопрос о стиле <...> Все произведения Платонова заражены чисто литературными архаизмами, звучащими подчас модернистически. Это касается языка и выбора персонажей. Я в них чувствовал какое-то давление сильных литературных традиций <...> находил истоки традиций в Лескове. Это литература традиционная, специфическая, народническая, “со словечками”. <...> Стиль — другая сторона политического анализа. ...Я никогда в произведениях Платонова сатиры не чувствовал, а гротеск — да. Творчество его глубже сатиры. Не желчь бьет ключом из его произведений, а тоска, нетерпеливая тоска по социалистической жизни, понятая им не через организацию, а через мечтательность» (Там же. С. 306). Связь с творчеством Лескова, как и признание себя сатириком, Платонов отрицает. Разговор естественно выходит на вопрос о мировоззрении Платонова. И хотя участники вечера констатируют «мировоззренческий скат» писателя и его «резкий поворот направо» (Там же. С. 302, 300), однако всем понятно, что и «правым» Платонов был не обычным; по этому поводу Замошкин говорит о соединении в его творчестве двух подходов к действительности, правого и левого: «В истории литературы были писатели, которые считались и правыми и левыми. Возьмем Лескова или Прудона. <...> С одной стороны, мы видим этих рабочих, “святых людей”, мечтающих о социализме как о рае, необыкновенно честных людей. Это поражало какой-то чистотой, верой. С другой стороны — совершенно отсталые люди, показанные в виде этих честных ребят. Отсталость их заключалась в непонимании Октябрьской революции, принципов революции, в явной оппозиции к организационным принципам революции. Это, несомненно, была правая сторона <...> Это смешение двух подходов у Платонова продолжалось <...> с 26 года до последних дней» (Там же. С. 306). Ответ Платонова отчасти объясняет, почему он не сознавал вредности своих произведений и почему пытался их опубликовать: «В моих вещах — некоторых и непечатанных —

есть одна попытка <...> она и составляет главную идею в литературном искусстве — установление самого коммунизма» (Там же. С. 307).

И опять разговор возвращается к вопросам о стиле, о сатире, а также о возможных учителях и предшественниках в литературе. Слетов говорит: «Я вернусь к спорному вопросу — о стиле. <...> Я знал, что Платонов не считает себя сатириком <...> Откуда произошел стиль Платонова, я не знаю. Для меня есть связь в его творчестве с Сервантесом, романтическая сатира присутствует, я почувствовал эту связь» (Там же. С. 309). Как и Замошкин, Слетов обращает внимание на двойственность авторской позиции Платонова, которую видит в противоречии между композицией и основным повествовательным тоном его произведений: «Я чувствую противоречие между композицией и основным тоном произведений Платонова. <...> Мне казалось, что общая композиция у Платонова благополучна и не вызывает возражений, а в то же время в каждом отдельном голосе платоновских произведений слышится что-то ехидное. <...> То, что Платонов себя не сознает сатириком, это не означает, что он в действительности не сатирик. Полагаться на собственное чувство писателя, на его самооценку — невозможно» (Там же. С. 309–310).

Несколько раз в течение вечера Платонов говорит о том, что он старается изменить свое мировоззрение; несколько раз упоминает какую-то «большую вещь» — вероятно, роман, который он пишет с 1931 г.: «...пишу большую вещь...»; «Я начал писать большую вещь; написал листов 4–5, а потом через два месяца уже приходится перерабатывать снова...»; «Я все время хочу возвратиться к той работе, которую веду, — к большой рукописи, уже начатой и обдуманной, но ряд условий заставляют писать эти рассказы и пьесы» (Там же. С. 294, 297, 306–307). Был ли этот роман, над которым Платонов, согласно его записным книжкам, работал больше года, попыткой писателя перестроиться? Случайно ли он не дошел до нас? Ответа на эти вопросы нет.

Подводя итог встречи, Павленко отметил ее необычную атмосферу: «...я должен сказать, что за много лет впервые здесь слушали и говорили на совесть» (Там же. С. 310).

Весной 1932 г. Платонов наконец написал повесть «Степное дело» — вероятно, это был его затянувшийся отчет перед краеведческой секцией ВССП. Об этом раннем этапе истории повести существуют три документальных свидетельства, одно из которых — запись от 4 мая 1932 г. в дневнике К. Зелинского о разговоре с Вс. Ивановым, членом президиума Общества советских писателей-краеведов (ОСПК) и редактором отдела прозы журнала «Красная новь», который сообщил, что Платонов дал (из слов Иванова непонятно, куда) новую повесть (см. об этом примеч. к повести «Ювенильное море», с. 591 наст. изд.). Второе свидетельство о повести — отрицательная рецензия П. Скосырева, заместителя председателя ОСПК и коллеги Платонова по прошлогодней поездке от краеведческой секции, занимающегося подготовкой краеведческого альманаха; рецензия Скосырева не датирована, но написана предположительно тоже в начале мая (см. об этом примеч. к повести «Ювенильное море», с. 592 наст. изд.). В первых числах мая Платонов уезжает в Ленинград и на Свирьстрой — в командировку от газеты

«Известия», о чем свидетельствует выданное ему редакцией газеты «Известия» соглашение о том, что «Тов. Платонов, выезжающий 5 мая с. г. в Ленинград и на Свирьстрой сроком на один месяц, дает редакции четыре очерка...» (РГАЛИ. Ф. 2024. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 3). Судя по всему, в Ленинграде Платонов был гораздо меньше месяца. Находясь в Ленинграде, 16 мая 1932 г. он подписывает договор с Издательством писателей в Ленинграде на публикацию повести «Степное дело» — с предоставлением издательству права «на издание и переиздание своего труда под названием “Степное дело” размером до 6 печатных листов», а также самой повести «в совершенно готовом виде не позже 25 мая 1932 г.» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 7) — скорее всего, текста повести у него при этом не было. Однако в Издательстве писателей в Ленинграде «Степное дело» издано не было. Очень вероятно, что оно туда не было и представлено — после возвращения во второй половине мая в Москву у писателя появятся новые срочные дела и заботы: подготовка к обсуждению его последней пьесы на Худполитсовете Московского драматического театра (б. Корш) и устройство на завод «Росметровес».

В 1931 и 1932 гг. Платонов продолжает изобретательскую деятельность (см.: *Сочинения*, 4(2), раздел «Технические проекты»). Вероятно, на ее активизацию повлиял переезд в Москву брата писателя инженера-гидрогеолога Петра Климентова: в 1931 г. Петр Климентов, в то время студент Ленинградского геологоразведочного института, «одновременно с занятиями в институте работал по совместительству в горном отделе Московского научного института по удобрениям в должности начальника разведочной партии», а с 1932 г. постоянно живет в Москве (см. автобиографию Петра Климентова, опубл.: «Происхождение мастера»: Платон Фирсович Климентов. Статья и публикация Е.В. Антоновой // *Страна философов*, 2017. С. 331); технические проекты Платонова 1931–1932 гг. составлены в соавторстве с братом. А с 29 мая 1932 г. в жизни Платонова начинается новый период регулярной «службы» — он работает в тресте «Росметровес» вместе с братом, зачисленным туда несколькими днями раньше (см. об этом: *Антонова Е. А. Платонов — инженер треста «Росметровес»* // *Страна философов*, 2000. С. 787–804).

Не все из написанного А. Платоновы в 1928–1932 гг. дошло до наших дней: не сохранился рассказ «Русский воин»; вероятно, такая же судьба постигла и некоторые другие произведения писателя — так, в цикле «Рассказы про население в сельских местностях», который Платонов посылал в «Новый мир» В. Полонскому (*Письма*. С. 267), все рассказы помечены номерами — рассказ с номером «1» в настоящее время не обнаружен. Из писем Платонова, сопровождающих отправку его рассказов или очерков в редакции журналов, не всегда понятно, о чем идет речь, — возможно, какие-то из них потеряны. Не все произведения Платонова сохранились целиком: утрачены некоторые страницы единственного источника текста — машинописей пьесы «Дураки на периферии» и рассказа «Кухонный мужик Советского Союза»; автографов корреспонденции «По заволжским МТС»; «Действия IV» пьесы «Высокое напряжение» и сценария «Турбинщики». Эти места

в текстах помечены знаком купюры с указанием количества утраченных страниц. Вероятно, еще не все произведения Платонова 1928–1932 гг. выявлены — так, по договору с газетой «Известия» от 25 апреля 1932 г. он должен был представить в редакцию газеты четыре очерка по результатам своей поездки в Ленинград и на Свирьстрой; эти очерки в настоящее время не обнаружены. Один рассказ, машинопись которого сохранилась в архиве Платонова (на оборотных сторонах ее написаны «вставки» в сценарий «Машинист» и сопроводительное письмо при посылке его в сценарный отдел «Совкино»), не был включен в состав тома — машинопись рассказа не авторизована; правка (орфографическая и стилистическая) проведена не рукой Платонова (см. публикацию рассказа: *Корниенко Н.В.* Киносценарии в творческой истории «Котлована» // *Котлован*. С. 361–363).

При подготовке текстов Платонова к публикации мы постарались сохранить пунктуацию автора: целостность его предложения, членение фразы, манеру выделять некоторые обороты, не определенную правилом постановку двоеточия и некоторых других знаков препинания, — не всегда укладываемая в пунктуационную норму, они, однако, придают фразе дополнительные смысловые оттенки. Для автора, который использует неправильность речи как поэтический прием, этот момент является важным. Исправлению подверглось только то, что не входит в систему авторских знаков: выделение вводных слов (с какого-то момента Платонов перестал их выделять), постановка запятой внутри сложносочиненных предложений (которую Платонов мог иногда не поставить), пунктуация при союзах «как» и «однако», внутри сложных союзов «с тем чтобы», «тем временем как», «ввиду того что». В текстах отдельных произведений, которые создавались при особых условиях (например, переделывались), были описки, не замеченные автором при вычитке текста. Все подобные случаи несогласования исправлены — указания на эти исправления имеются в примечаниях.

ПОВЕСТИ

ВПРОК (Бедняцкая хроника) (с. 7). — *Кр. новь*. 1931. № 3. С. 3–39.

Источники текста:

A — автограф с машинописными вставками (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 1–115; Там же. Ед. хр. 27. Л. 1–30).

M1 — машинопись с двумя слоями авторской правки и редакторскими пометами (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1–90; Там же. Ед. хр. 102. Л. 1–22; *ИРЛИ*. Ф. 780. Ед. хр. 41. Л. 53–56).

M2 — неполная машинопись с авторской правкой, исправлениями М.Ал. Платоновой и редакторскими пометами (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 1–83).

M3 — неполная машинопись (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 1–47).

M4 — фрагмент машинописи с авторской правкой, редакторскими пометами и правкой, со штампом журн. *Кр. новь* (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 1–10).

М5 — неполная авторизованная машинопись (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 1 об. — 18 об., 21 об., 24 об., 27 об., 30 об. — 31 об., 40 об., 42 об. — 43 об., 46 об., 58 об. — 73 об., 75 об., 98 об. — 102 об. Обороты автографа пьесы «Шарманка»).

Разрозненные страницы машинописей (*РГАЛИ*. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 1 об. — 5 об. Обороты автографа статьи «Великая Глухая»; *ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 387. Л. 1 об. Обороты автографа статьи «Великая Глухая»; Там же. Оп. 2. Ед. хр. 46. Л. 1 об. — 3 об. Обороты наброска «Беглец издалека»; Там же. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 1–11; Там же. Ед. хр. 110. Л. 1 об. — 4 об. Обороты автографа рассказа «Заблуждение на родине компота»; Там же. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 6 об., 9 об. — 10 об. Обороты набросков; Там же. Оп. 3. Ед. хр. 36. Л. 1 об. — 2 об. Обороты автографа письма М. Горькому, 1931 г.; Там же. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 1–19).

Октябрь. 1930. № 2. С. 159–168.

Красная новь. 1931. № 3. С. 3–39.

Датируется весной 1930 — началом 1931 г.

Печатается по публикации в журнале «Красная новь», с внесением исправлений по автографу и *М1*.

Автограф повести «Впрок» выполнен карандашом в общей тетради, в которую были вложены машинописные вставки с собственной нумерацией и авторской правкой. На последнем листе автографа стоит запись Платонова: «См. журнал Октябрь № 2 стр. 159», отсылающая к журналу «Октябрь» за 1930 г., в котором был напечатан очерк «“Первый Иван” (Заметки о техническом творчестве трудящихся людей)»: таким образом писатель включил очерк в текст повести в качестве последней, завершающей ее части. На обороте первого листа автографа Платоновым сделана запись для машинистки с указанием количества экземпляров машинописи: «В 3-х экз<емплярах> на одной стороне листа». С автографа была сделана машинопись, включающая и очерк «Первый Иван», — три экземпляра одной закладки (*М1*, *М2*, *М3*). Черта этой машинописи — допущенный машинисткой сбой в нумерации страниц (пропуск номеров 4, 45, 62, 95). Машинопись Платонов вычитал — исправил опечатки и внес небольшую смысловую правку; этот общий слой правки содержат две машинописные копии, *М1* и *М2* (первая редакция повести «Впрок», см. наст. изд., раздел «Редакции»). *М1* побывала в издательствах: в «Федерации», а затем в ГИХЛ — машинопись содержит множество подчеркиваний, редакторских помет и записей на полях. По замечаниям редакторов Платонов правит текст прямо в машинописи, значительно перерабатывая некоторые эпизоды, — в результате появляется вторая редакция повести, которая и была впоследствии опубликована. С *М1*, после внесения в нее Платоновым правки по замечаниям и предложениям редакторов, сделана еще одна машинопись — два экземпляра одной закладки, *М4* и *М5*. *М4* находилась в журнале «Красная новь»; сохранилось несколько страниц этой машинописи с авторской и редакторской правкой. *М5* почти не содержит правки, обороты большей части листов использованы при написании «Шарманки». Машинописи *М1*, *М2* и *М3* дошли до наших дней в разной степени сохранности: из всех трех были вынуты страницы с очерком

«Первый Иван»; обороты листов *M2* и *M3* с текстом очерка использовались Платоновым в работе над другими произведениями. *M2* содержит правку М.Ал. Платоновой; ее рукой проставлена и дата на последней странице *M2*: «1929–1930». Сохранившиеся страницы *M3* не содержат правки. Несколько первых страниц *M1* и *M2* — другой закладки: в *M1* это три страницы предисловия «От составителя» (с проставленной карандашом литерной нумерацией — а, б, в) и две следующие страницы текста (с. 1, 2); в *M2* — первая страница предисловия <а> и с. 1, 2. На с. <а> Платонов вписал свое имя и заглавие; судя по сохранившимся следам карандашной записи, впоследствии стертой, писатель пробовал внести уточнение в название повести — «Впрок (К достатку). Бедняцкая хроника», подчеркнув одно из значений ключевого для повести слова: впрок — «на пользу, в выгоду, к добру, в запас» (*Даль*); «серьезно, истинно, справедливо, верно», «совсем, окончательно» (*Словарь русских народных говоров*. Вып. 5. 2-е изд. СПб., 2002. С. 178). Эти страницы *M1*, *M2* напечатаны на той же машинке, что и *M4*, *M5*, — неизвестно, по какой причине и когда они были заменены.

По собственному признанию Платонова, «Впрок» был написан быстро — «в течение 10–12 дней» (*Письма*. С. 305), весной 1930 г. (*Воспоминания*. С. 301). Установлению нижней границы датировки (вторая половина апреля) помогает тот факт, что № 2 журнала «Октябрь», в котором был напечатан «Первый Иван», вышел в середине апреля (см. примеч. к рассказу «Первый Иван»: *Сочинения*, 4(2). С. 549). Скорее всего, первая редакция «Впрок» была написана в конце апреля — начале мая 1930 г. Работа над окончательной редакцией шла с осени 1930 до начала 1931 г.

В автограф Платонов внес пометы о восьми вставках: «Вставка I», «Вставка Б», «Вставка В», «Вставка Д», «Вставка Р», «Вставка Е», «Вставка С», «Вставка Д». Все вставки имеют самостоятельную историю.

Вставки, посвященные Семену Верещагину («Вставка I») и Филату-батраку («Вставка Е»), представляют собой радиорассказы, которые появились в период сотрудничества Платонова с редакцией «Крестьянской радиогазеты» и программой «Деревенский утренник» (см. примеч. к заметке «Круговорот. Как делается “Крестьянская Радиогазета”»: *Сочинения*, 4(2). С. 583–585). Тексты начинаются с характерного для радиорассказа зачина: «Послушайте рассказ об одном мужике, который перехитрил целое государство»; «И слушайте теперь краткий рассказ про Филата-батрака». Судя по реалиям, отразившимся в текстах, эти рассказы написаны не ранее января 1930 г. При включении рассказов в состав автографа «Впрок» Платонов зачеркнул зачин, внес небольшую правку и исправления, необходимые для связи эпизода с остальным текстом повести. Так, во «Вставке I» уточняется характеристика Верещагина: усиливаются акценты на вредительской деятельности персонажа, который в финале эпизода вместо нейтрального «лошадиный работник» назван «врагом всего человечества». Дописывается сообщение о дальнейшей судьбе Верещагина: «Через месяц или два Верещагина и аналогичного Ревушкина бывшие ихние батраки — Серега, смазчик и другие — погнали пешим ходом в район и там оставили навеки» (*А*. Ед. хр. 27. Л. 3). Во «Вставке Е» правка незначительна и связана главным образом с исправлением опечаток машинистки. Образ терпеливого, смиренного

Филата, отсылающий к одному из главных героев повести Платонова «Ямская слобода» (1927), в дальнейшем вызвал резкие замечания у многочисленных редакторов. Однако на всех этапах работы писатель сохраняет этот эпизод практически без изменений.

Скорее всего, радиорассказом был и текст «Вставки Д» — о воинствующем безбожнике: верхняя часть первого листа, где мог быть соответствующий зачин, оторвана. Две машинописные страницы этой вставки, видимо, представляют собой не весь текст радиорассказа, а лишь его фрагмент, продолжение которого Платонов вписал уже в автограф повести. При включении фрагмента в повесть писатель исправляет фамилию персонажа Чумовой на Щекотулов (фамилию Чумовой носит персонаж рассказа «Усомнившийся Макар»).

Еще две вставки в повести — «Вставка У» (о поездке Ефима Нечаева в Париж) и «Вставка В» (о визите к Ленину) — примыкают по стилю к радиорассказам. Машинопись «Вставки У» (впервые опубл.: «Меня убьет только прямое попадание по башке»: материалы к творческой биографии Андрея Платонова 1927–1932 гг. // *НМ*. 1993. № 4. Подготовка текста и комментарии Н.В. Корниенко) в составе автографа повести «Впрок» отсутствует. В качестве «Вставки В» вложена машинопись рассказа «Наследник Ленина», которая содержит авторские исправления карандашом, внесенные при работе над повестью «Впрок». Платонов зачеркнул заглавие, вычитал текст и внес небольшую правку. В предложение «Ты одарен стихией жизни...» вписал уточнение: «...крупной стихией жизни...» (А. Ед. хр. 27. Л. 13); уменьшил площадь «посева крапивы»: было «на сорока гектарах», стало «на десяти гектарах» (Там же. Л. 15) и др.

Помимо текстов радиорассказов, в автограф повести «Впрок» включены машинописи еще нескольких произведений. «Вставка Б» — это машинопись рассказа, написанного предположительно в конце 1928 — начале 1929 г. (см. примеч. к рассказу «Григорий с Умственного хутора»: *Сочинения*, 4(2). С. 512–514). В машинописи заголовок отсутствует; текст вставки содержит правку, адаптирующую эпизод к сюжету повести «Впрок». Платонов вычеркивает экспозицию рассказа, убирает упоминания о реальных топонимах: «Хутор назывался “Спартак”, и находился он в бывшем Богучарском уезде, Воронежской области» (А. Ед. хр. 27. Л. 4); происходит замена действующих лиц — вместо спутника рассказчика Сергея Дмитриевича Гущева появляются два инженера. Платонов вносит в текст стилистическую и смысловую правку. После слов «все они слегка походили друг на друга» вычеркивает объяснение: «таково, вероятно, интернациональное братское свойство труда» (Там же. Л. 6). Меняет мотивировку действий героя — вместо «я не мог обернуться, потому что впереди машины неслись собаки, их можно было подавить» вписывает: «...потому что по указанию шофера качал воздух в бензиновый бак» (Л. 9). Машинопись «Вставки Б» представляет собой часть рассказа, нижняя половина последней страницы оторвана, текст заканчивается абзацем: «Довольный бог остался: все же в нем жила душа кочегара и пролетария, жила и думала; кулак или другой буржуй не сумел бы стать богом — он, невежда, не знает электротехники» (Л. 11).

В качестве «Вставки Р» использована машинопись рассказа «Масло розы», сюжет которого ранее вошел в повесть «Эфирный тракт» (ноябрь 1926 — январь 1927 г.) и в цикл «Родоначалники нации, или Беспokoйные происшествия» (1927). (Об истории сюжета «Масло розы» — см.: *Платонов А. Масло розы* / публ. М.А. Платоновой; подготовка текста и вступ. статья Н.В. Корниенко // *Страна философов, 1994. С. 359–365.*) В машинописи рассказа Платонов тщательно зачеркнул название «Масло розы», ввел в действие «душевного бедняка», исправил осенние приметы на весенние, внес небольшую смысловую правку (в том числе вместо слов «мужицкое», «мужики» вписал более актуальное для начала 1930 г. «бедняцкое», «бедняки»).

В текст повести включены два фрагмента, связанных с деятельностью Платонова-мелиоратора: о михновской овце («Вставка С») и о заболачивании пойм («Вставка Д»). Поскольку в текстах речь идет об Острогoжском округе, написаны они были не ранее второй половины 1928 г. (состав округов ЦЧО был определен летом 1928 г.). Платонов внес незначительную правку в эти тексты, зачеркнув фрагмент в конце «Вставки Д»: «Работой по р. Тихой Сосне открывается целая серия последующих работ на вышеназванных реках по отвоеванию у природы громадных бросовых площадей для превращения их в культурные, весьма необходимые для округа кормовые и проч. уголья» (А. Ед. хр. 27. Л. 26).

С автографа повести были сделаны три машинописные копии. После их получения Платонов вычитывает М1, исправляя опечатки. Однако часть из них писатель не заметил, и они сохранились в последующих источниках. Так, вместо «обобществленных лошадей» машинистка напечатала «общественных лошадей» (М1. Л. 10); вместо «на незаселенной высоте склона» — «на незасеянной высоте склона» (Л. 11); вместо «о происхождении человечества» — «о происхождении человека» (Л. 61); вместо «строители новой всемирной истории» — «строители новой великой истории» (Л. 70) и т. д. На этом этапе работы с машинописью писатель расставляет знаки препинания, кое-где меняет порядок слов, восстанавливает деление на абзацы, вносит смысловую правку: «утомиться от невозможного счастья» исправляет на «утомиться от своего сбывшегося счастья» (Л. 23), «он дышал неправильно» на «он дышал неравномерно» (Л. 25), «второстепенные заведуют искусством» на «второстепенные усердствуют в искусстве», «девочки-коммунистки» — на «девочки-коммунарки» (Л. 72). Из предложения: «Здесь бывший председатель сообщил следующее свое мнение: собаке рубят хвост для того, чтоб она поумнела, потому что на другом конце хвоста находится голова, так значит и теперь отрубают от партии ее низовой хвост для того, чтоб ЦК и Сталин поумнели...» — Платонов сначала вычеркивает слова: «чтоб ЦК и Сталин поумнели» (эта фраза тщательно зачеркнута и в М3, в которой нет другой правки). Затем вписывает новый вариант: «чтобы окружком и высшие инстанции поумнели. Точно высшие инстанции и вправду приказывали ему в течение недели учредить коммунизм. Даже мне было глубоко грустно слушать такую отъявленную, негодяйскую речь» (Л. 53); фразу «...я же почувствовал значение Сталина...» дополняет словом «партии»: «...я же почувствовал значение партии и Сталина» (Там же).

По указанию писателя, оставленному на последнем листе автографа «Впрок», машинистка перепечатала текст очерка «Первый Иван» непосредственно со страниц журнала «Октябрь». Правя эту часть текста уже в составе машинописи «Впрок» (*M1*), Платонов исключил один абзац из описания пресса для упрочения металла («Манометром был присоединен ~ но с этим Первоиванов и Гюли пока мирились»), и дописал две фразы: «Но надо знать, что эти дела сбываются лишь потому, что силы Первоиванова и его товарищей, что земля и все снаряжение ее уже свободны или освобождаются от расхищения классовым врагом» (*M1*. Ед. хр. 102. Л. 21) и «Расставаясь с товарищами и врагами, я надеюсь, что коммунизм наступит скорее, чем пройдет наша жизнь, что на могилах всех врагов, нынешних и будущих, мы встретимся с товарищами еще раз и тогда поговорим обо всем окончательно» (Там же. Л. 22).

Затем из *M1* Платонов переносит все исправления в *M2* (именно о таком порядке работы с машинописями свидетельствуют случаи, когда отвергнутое в процессе правки и зачеркнутое в *M1* слово не переходит в *M2*).

На своем творческом вечере 1 февраля 1932 г. Платонов, рассказывая о прохождении повести в редакциях московских журналов и издательств, упомянул об «Октябре»: «Я его [“Впрок”] отдал в журнал “Октябрь”, там он не был принят» (*Воспоминания*. С. 105–106). Обстоятельства пребывания рукописи в редакции журнала в настоящий момент не установлены. Вероятно, в «Октябрь» была отдана *M2*, без страниц с «Первым Иваном» (очерк уже был опубликован в этом журнале). О готовящейся публикации «Впрок» сообщалось на последней странице обложки журнала «Октябрь» летом 1930 г. (см. № 7, 8). Однако от повести в журнале отказались.

На полях машинописи *M2* остались редакторские пометы — черными и красными чернилами, синим и простым карандашом. В составе *M2* отсутствуют страницы 28–39. Это страницы, посвященные Григорию Скрынко. Возможно, Платонов их вынул из машинописи и отдал в журнал «Прожектор», в котором в начале 1931 г. был опубликован рассказ под названием «Г.М. Скрынко» (№ 3. С. 28–29; разыскание Е. Антоновой). Перед публикацией фрагмент повести был значительно сокращен: из диалога Григория с народом в избе-читальне осталось только начало («Верите ли вы теперь в радио? — спросил Григорий собрание во время перерыва для подготовки оркестра в Москве. — Верим, — ответило собрание»), не вошли в текст рассказа ни история «безработного кочегара астраханской электростанции», ни планы Григория «стать профессором тяги». Заканчивалась публикация словами рассказчика: «Я направился в этот указанный колхоз, но ввиду ночной тьмы не успел достигнуть места назначения и явился туда на утро нового дня» (Там же. С. 29).

Машинопись *M1* Платонов отдает в издательство «Федерация». На титульном листе машинописи стоит входящий номер с датой: «1/VII–30 г.» (Л. 1). Вероятно, ко «Впрок» имеет отношение упоминание о книге Платонова в письме издательства «Федерация» в отдел книгораспространения от 19 июня 1930 г., к которому был приложен список книг, в том числе: «А. Платонов “ЦЧО”, очерки. 6–8 п.л., (тираж) 10 000» (*РГАЛИ*. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 5). Сообщение о готовящейся в «Федерации» книге

Платонова «ЦЧО» было напечатано и на обложке книги А. Новикова «Гонимое поле», вышедшей в серии «Социалистическое строительство» в сентябре 1930 г.

Машинопись побывала у трех рецензентов «Федерации»: в фонде издательства сохранились три отзыва (РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 29–32; опубли.: *Воспоминания*. С. 282–285. Публ. Е. Шубиной). Первый отзыв, датированный 13 июля 1930 г., подписан редактором отдела прозы издательства «Федерация», членом редколлегии журнала «Новый мир», В.И. Соловьевым. Он поддержал повесть, не найдя в сатире Платонова ничего враждебного: «У Платонова острый, сатирически направленный взгляд. <...> Сквозь насмешку, а порой издевательство над головами чувствуется любовь автора к тому грандиозному строительству, которое происходит в деревне...» (РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 32). В качестве замечаний редактор предлагал снять описание поездки Ефима Нечаева в Париж («слишком искусственно»), «сгладить отдельные шероховатости и исключить редко, но встречающиеся эпизоды, построенные на беспринципном зубоскальстве». «Отдельные незначительные исправления и выкидки, — указывает Соловьев, — внесены мною в текст (стр. 20, 55 и др.)» (Там же). На этих страницах *М* действительно имеются «исправления и выкидки», выполненные зеленым карандашом — тем же, что и подпись Соловьева в отзыве на повесть: вычеркнуто предложение, объясняющее причины «бесперебойного проведения генеральной линии» в колхозе Кондрова: «Многих директив района он просто не выполнял» (*М*. С. 20, л. 22); зачеркнут диалог Крушилова с Лениным: «Ладно, Владимир Ильич, — через неделю все бедные и средние будут чтить тебя и коммунизм! ~ Ты, Владимир Ильич, главное не забудь оставить нам кого-нибудь вроде себя — на всякий случай! Ленин улыбнулся и обещал это сделать» (*М*. С. 55, л. 56).

Второй рецензент (его отзыв датирован 30 июля 1930 г.) главную причину всех недостатков повести увидел в сатирическом изображении действительности, а автора обвинил в зубоскальстве и высокомерной иронии. Суждения редактора (подпись не прочитывается) обнаруживают его знакомство не только с оформившейся к этому времени официальной точкой зрения на задачи советской сатиры, но и с критикой «Усомнившегося Макара» (см. примеч. к рассказу «Усомнившийся Макар»: *Сочинения*, 4(2). С. 530–534). Словно продолжая обвинительную речь Л. Авербаха, рецензент задает вопрос: «...когда же Платонов будет давать сатиру, способствующую нашему соцстроительству?» (РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 31 об.). Автор отзыва находит «полезные мысли» лишь в тех фрагментах повести, в которых Платонов отказывается от сатирического стиля и пишет «как обычный журналист»: «об артезианских колодцах, о борьбе с засухой, о прессовании железа». В конце отзыва, несмотря на категорическое: «Рабочему и колхознику от этой книги ни пользы, ни удовольствия», рецензент все же вносит ряд предложений на случай, если «большинство редсовета будет за книгу»: он рекомендует изъять из текста повести предисловие, эпизод о Филат-батраке и отдать «на предварительный» просмотр всю рукопись в Главлит (Там же).

В августе, во время командировки Платонова в Средневолжский край, машинопись «Впрок» (*М1*) передают третьему рецензенту. В своем отзыве (от 19 августа; подпись неразборчива) он полностью исключает возможность публикации повести в представленном виде. Книга, по словам критика, лишена идеологической направленности и политической заостренности, выполнена в манерном стиле, наполнена причудливыми фактами и ненужными наблюдениями, чудаковатыми героями — «российскими мечтателями» и «беспомощными кустарями-изобретателями». Все это позволяет рецензенту сделать вывод: «О новой советской деревне нужны не такие книги. <...> Книгу следует отклонить» (Там же. Л. 30). При этом, отмечая положительные места в повести: «...тут он правильно отметил бытовую, реальную суть “левых загибов”, там хорошо увидел кулацкий псевдоколхоз под фирмой герои гражданской войны, здесь нашел весьма распространенный тип колхозного организатора из низов» (Л. 29 об.), — автор отзыва перечисляет те эпизоды, к которым в дальнейшем будут серьезные претензии у рецензентов и редакторов.

Повесть была окончательно отклонена в «Федерации». Предположительно в конце августа Платонов забирает машинопись и передает ее редактору отдела русской литературы издательства «Земля и фабрика» (ЗИФ) Я.З. Черняку. На титульном листе, вложенном в *М1*, Платонов, зачеркнув входящий номер издательства «Федерация», написал обращение к редактору: «Тов. Черняк. Просьба прочитав эту небольшую рукопись. Я заинтересован в скорейшем решении вопроса об этой рукописи, т. е. мне желательно получить ответ в начале сентября. Ваш Андр. Платонов» (*М1*. Л. 1).

Машинопись повести «Впрок» оказалась в ЗИФ в период масштабной реорганизации издательств. 30 июля 1930 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О работе Госиздата РСФСР и об объединении издательского дела», на базе Государственного издательства (Госиздата) образовано Объединенное государственное издательство (ОГИЗ). Первоначально в системе ОГИЗ роль «типизированного издательства», специализирующегося на выпуске художественной литературы, отводилась ЗИФ. Прошло два месяца, и 1 октября на базе издательства ЗИФ и литературно-художественного сектора Госиздата было образовано Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ), вошедшее в состав ОГИЗ.

После «Федерации» и ЗИФ машинопись (*М1*) была передана в ГИХЛ, с которым писатель заключил договор на издание повести отдельной книгой, договор № 1693 (*РГАЛИ*. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 5). Машинопись передают рабочему редакционному совету. Впервые рабредсовет был образован при Госиздате летом 1929 г. На него были возложены задачи «Организовать постоянную связь издательства с рабочей и партийной общественностью, придать ей такие формы, при которых рабочие-передовики, представители фабрик и заводов, явились бы реальными участниками нашей редакционно-издательской работы» (Художественная литература. 1930. № 1. С. 2). Какое-то время рабочий редсовет функционировал при ЗИФ, а потом вошел вместе с издательством в ГИХЛ. В работе редсовета принимали участие представители крупнейших предприятий Москвы, члены рабочих и красноармейских литературных кружков, ударники подшефных предприятий и отдельных

типографий (подробнее об этом см.: *Архив*, I. С. 602). Четыре секции рабредсовета соответствовали основным направлениям в издании массовой книги: общественно-политическая, производственно-техническая, научно-популярная и художественная. На членов рабочего редсовета возлагалась задача идеологического контроля: «Конечно, нельзя требовать от членов секции стилистического исправления рукописей; не в этом дело. Ваша работа будет заключаться в том, что вы будете отыскивать в содержании такие моменты, которые ускользают от внимания наших редакторов. Я допускаю мысль о том, что какая-нибудь массовая книжка может подвергнуться такой редакционной правке со стороны рабочего читателя, которую нельзя было бы предвидеть», — говорил один из участников первого Пленума рабочего редсовета (*Болотов М. Работа секций рабочего редсовета // За массовую книгу. Двухмесячный бюллетень рабочего редакционного совета Госиздата. 1930. № 1–2. С. 20*). Предварительно члены редсовета получали рукописи для составления отзывов. При необходимости устраивалось их обсуждение «на большом читательском активе» — в литературных кружках на заводах и фабриках. Затем проводилось коллективное обсуждение рукописей на заседаниях секций, при участии авторов.

27 октября 1930 г. состоялось заседание рабочего редсовета ГИХЛ, на котором обсуждалась повесть «Впрок» (сохранилась лишь часть протокола — *ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 61. Л. 1–12*; опубл.: *Архив*, I. С. 601–616. Публ. Н. Умрюжиной). На обсуждении присутствовали работники издательства, члены рабочего редсовета и слушатели литературных факультетов — всего 32 человека. Среди них — профессиональные редакторы: Я. Черняк, И. Сац, Е. Поволоцкая, Г. Колесникова, И. Ионов; автор неоднократно переиздававшейся книги «Догоним» С. Тарасевич, другие писатели из рабочих. Платонов не был на этом заседании, так как с середины октября по 3 ноября находился в Ленинграде — в составе писательской бригады на Писчебумажной фабрике им. Зиновьева (см. об этом: *Сочинения*, 4(2). С. 814–815). Но из слов участников собрания известно: перед отъездом Платонов общался с некоторыми редакторами и, — видимо, понимая, что без серьезной переработки повесть к публикации не примут, — выражал готовность исправлять допущенные «перегибы».

Центральной темой всех выступлений на заседании стал вопрос об объекте сатиры Платонова и его отношении к образу рассказчика. В зависимости от ответа на вопрос — «каково отношение автора, сатирическое или сочувственное, к бродяге?» — выносилось решение о повести. В сохранившейся части протокола лишь в двух выступлениях — Черняка и Саца — платоновская сатира не определена как враждебная. По словам Черняка, «никаких двух моментов относительно того, что Платонов художник, связанный с пролетарской революцией, не может быть» (*Архив*, I. С. 601): «общая установка автора» верная, а потому все недостатки произведения вызваны лишь тем, что писатель («политически грамотный и высоко сознательный») не справился с поставленной задачей. Об этом же в своем коротком выступлении говорит и Сац: «задача поставлена <...> правильно, но выполнение негодное» (Там же. С. 609).

Другие участники выражали недоумение по поводу авторского замысла: «Я не знаю, какая цель была у автора...»; «это, видимо, карикатура, но это нужно дать понятно» (неизвестный участник); «каково отношение автора <...> для меня все это неясно» (Пятницкий); «Что он этим хочет показать?» (Колесникова); «Некоторые места непонятны...» (Белкин). Основной чертой повести Колесникова назвала «скользкость и в отношении литературном, и в отношении политическом», в результате чего «получилась сплошная мешанина»; «рукопись как бы находится в трясине»; «все неопределенно». В своих рассуждениях о «Впрок» члены редсовета не могли пройти мимо идеологических вопросов о сатире. По мнению большинства участников заседания, повесть Платонова не соответствует требованиям, предъявляемым к советской сатире: «...сатира должна писаться на общеизвестные факты» (Тарасевич); «...если писать сатиру, то нужно отмечать плохие стороны» (Павлов); «...сатира — нужная вещь, но она трудная и сложная. ...В нашем колхозе мало материала для сатиры. Конечно, нужно показать и отрицательные стороны колхозной жизни, но основная ошибка автора в том, что он стал указывать на мелочи, хотя у нас было много политических ошибок» (Колесникова). Симптоматично и противопоставление повести Платонова творчеству Д. Бедного, чьи произведения считались образцом советской сатиры. (Вскоре, однако, стихотворные фельетоны «Слезай с печки!» и «Без пошады» будут осуждены специальным постановлением Секретариата ЦК ВКП(б) от 6 декабря 1930 г.) Итак, большинство участников заседания увидели в повести идеологическую двусмысленность и неопределенность авторской позиции, недопустимые в сатирическом произведении. Тарасевич так сформулировал «задание Платонову»: «поменьше сатиры, а уж если давать ее, то ясную и четкую».

Наиболее жесткие оценки прозвучали в выступлениях Нестерова, Горелова и Ионова. Нестеров, скорее всего, не читавший повести, дал категоричное заключение: «Тов. Платонов не имеет пролетарского чутья <...> он старается всеми правдами-неправдами протащить кулацкую линию. Он ведет антисоветскую политику...» После публикации повести подобные оценочные штампы будут воспроизводиться в каждой статье о Платонове. Однако на заседании голос критика (вопрос об исключении которого из состава рабочего редсовета вскоре будет вынесен на обсуждение) вряд ли имел серьезный вес в решении судьбы «Впрок». В отличие от Нестерова, Горелов и Ионов внимательно прочитали повесть и подготовили развернутые отзывы с отрицательными заключениями. Каждый из них в своем выступлении обращается к тексту повести, подробно пересказывает (часто с намеренным искажением смысла) многие эпизоды, комментирует их. Цитируемые Гореловым и Ионовым фрагменты текста отмечены в машинописи (М1) красным и синим карандашами — к этим пометам при переработке повести писатель отнесется достаточно внимательно. Сатире Платонова дана недвусмысленная оценка: это «цветистая карикатура и “свободное движение фактов” на действительность», «идеологически чуждое нам произведение», а потому книга «не должна и не может быть напечатана» (Горелов), «тратить бумагу на такие произведения не следует» (Ионов). Судя по словам Ионова, повесть обсуждалась на заседании литературного кружка при одном из заводов и

также не получила поддержки. Вывод Ионава во многом созвучен заключениям двух рецензентов из «Федерации»: книга Платонова «не разрешает вопросов, поставленных перед трудящимися Советского Союза», ни колхознику, ни рабочему в ней «поучиться нечему».

Большинство членов рабочего редсовета высказалось против платоновской книги, в то время как Черняк, Сац, Колесникова, Поволоцкая, несмотря на признание серьезных идеологических ошибок писателя, поддержали издание повести — при условии ее тщательной переработки. Главным же контраргументом в их выступлениях стало утверждение о необходимости оказать поддержку Платонову в рамках выполнения поставленной перед рабочим редсоветом задачи по перевоспитанию попутчика: «Сейчас отбросить Платонова было бы неправильно политически, мы должны помочь автору найти верный политический шаг» (Колесникова); «Наша задача выправить перегибы автора» (Сац); «Безусловно, Платонову нужно помочь» (Белкин). Основанием же для принятия такого решения должны стать, по мысли выступавших, искреннее желание писателя работать и его талант, который вынуждены были признать даже противники публикации повести: «Автор талантлив, я с этим не спорю...» (Ионов) (см.: *Архив*, I. С. 608–616).

Очевидно вскоре после заседания редсовета был составлен отзыв о «Впрок» И. Саца (*РГАЛИ*. Ф. 611. Оп. 2. Ед. хр. 246. Л. 227; опубл.: *Воспоминания*. С. 282–283. Публ. Е. Шубиной). Рецензия представляет своеобразный итог обсуждения повести. Критик вновь подтвердит: «произведение Платонова нельзя назвать сатирой, исходящей из чужого лагеря», и вместе с тем вполне однозначно решит вопрос об ответственности писателя за идеологические промахи рассказчика: «Несмотря на то, что автор в предисловии <...> заявляет, что нельзя отождествлять автора с лицом, ведущим повествование, мы вправе ему не верить и делать Платонова ответственным за все промахи “электротехника”». Главной же причиной всех «перегибов» писателя (переоценка отдельных руководителей и значения техники, недооценка роли партии и комсомола в деревне) Сац назовет «непонимание масс» и сделает вывод, который, скорее всего, отражает решение, принятое на заседании рабочего редсовета: «В настоящем виде книга не может быть издана. Все же есть основания для того, чтобы принять ее за основу для переработки» (*РГАЛИ*. Ф. 611. Оп. 2. Ед. хр. 246. Л. 227).

Вернувшись 3 ноября 1930 г. из Ленинграда, Платонов получает из ГИХЛ машинопись *М1* с замечаниями членов редсовета и начинает работать с редакторами. Многое в истории текста «Впрок» проясняет детальная информация осведомителя в ОГПУ, сообщившего 10 декабря 1930 г.: повесть Платонова «обсуждалась <...> на рабочем редсовете, вызвала очень резкие суждения. Все же, принимая во внимание согласие автора на любую правку и заявление его о том, что многие установки этой повести он сам считает теперь ошибочными, решено было в случае, если изменения окажутся удовлетворительными, рукопись принять к печати. Была выделена комиссия в составе: Горелов (член рабочего редсовета), Поволоцкая (редактор массовой литературы), Сац (редактор массовой литературы) и Черняк (ред<актор> соврем<енной> русской литературы) — для работы с Платоновым. Первый разговор был вначале очень труден, т. к. Платонов чувствует себя обижен-

ным и ущемленным вообще. Он говорил: “Я не против воспитания, но у нас воспитывают так, что головы отрывают”. Через полчаса разговор пошел легче, многое выяснили и установили, что надо изменить. Но следующие встречи показали, что дело не обойдется так уж просто. По конкретным поводам приходилось спорить подолгу и, договорившись один раз, возобновлять об этом же разговор в следующий раз, так как исправления бывали недостаточными. Платонов работает над этой рукописью с тем большей неохотой, что не придает ей большого значения. Он не считает ее и правильной, но говорит, что она имеет для него значение завершения определенного периода развития и начала нового...» (*Андрей Платонов в документах ОГПУ*. С. 849). Из этого же сообщения известно, что Платонов предлагал «Впрок» для публикации в «Новом мире»: «В последний раз он [Платонов] приходил сегодня 10/XII — рассказал, что “Новый мир” хочет опубликовать часть повести “Впрок”...» (Там же. С. 849–850). Об этом свидетельствует и запись в дневнике главного редактора журнала, В. Полонского, от 4 июля 1931 г.: «Когда рукопись эта была у меня, я говорил Платонову: “Не печатайте. Эта вещь контрреволюционна. Не надо печатать”...» (*Полонский В. «Моя борьба на литературном фронте»*. Дневник. Май 1920 — январь 1932 / публ. С.В. Шумихина // *НМ*. 2008. № 5. С. 140).

Редкие страницы возвращенной Платонову машинописи остались без редакторских помет и записей на полях, выполненных красным, синим, зеленым, простым карандашами, черными и синими чернилами. На одни замечания Платонов отреагировал, другие — оставил без внимания, несмотря на настойчивость редакторов.

Практически все читавшие повесть (в том числе и те, кто поддержал ее издание) рекомендовали отказаться от предисловия или полностью его переписать: «Выбросить из предисловия философию о Моцарте и Сальери», — советовал рецензент «Федерации» (*РГАЛИ*. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 31 об.); предисловие написано неудачно, «оно направлено против “Перевала”, но так же идеалистически ставит проблему соотношения бессознательного творчества и рассудка...», — отмечал Сац (*Архив*, 1. С. 609); «Предисловие, данное автором, слабое, в своей концепции искусства оно не свободно от ошибок, и мы его принять не можем», — говорил Черняк (Там же. С. 601); «Судя по предисловию, книга эта написана не для массового читателя», — делал вывод Горелов (Там же. С. 602). Страницы *М1* с предисловием (очевидно, содержащие множество помет редакторов) не сохранились: на каком-то этапе в машинопись были вложены страницы, напечатанные на той же машинке, что и более поздняя *М4*. При этом Платонов вписал в *М1* заглавие «Впрок (Бедняцкая хроника)» и свое имя на следующей после предисловия странице. То есть, вероятно, машинопись *М1* была подготовлена к двум вариантам публикации: с предисловием и «Первым Иваном» (в виде книги) и без этих частей (в журнале).

Рецензентов и редакторов очень волновал вопрос об отношении автора к своему герою, выбор которого признали неудачным: «Благодаря неудачно выбранному составителю автор достиг противоположных результатов» (Горелов). На полях *М1* Платонов зафиксировал суть требуемых исправлений: «Душ<евный> бедняк / разделить от ме<ня>» (*М1*. Л. 4). В результате после

первого абзаца Платонов делает «Вставку “а”» с новым текстом: «Кто был этот только что выехавший человек, который в дальнейшем будет свидетелем героических, трогательных и печальных событий? ~ ибо ценное наблюдение может произойти только из чувства кровной работы по устройству социализма». Текст вставки, написанный, видимо, на отдельном листе, в составе *MI* отсутствует. На следующей странице машинописи Платонов реагирует на пометы редактора, подчеркнувшего предложение: «Этот, подобный мне, душевный бедняк не признавал, наверное, научного социализма» (Л. 5). Во время своего выступления Ионов привел характерный комментарий к этому фрагменту: «...подобный автору, как видно тоже не признающего научного социализма» (*Архив*, I. С. 612). Писатель исправляет предложение: вместо «подобный мне, душевный бедняк» вписывает «житель старой глухой земли».

Авторская правка еще одного фрагмента тоже, по всей видимости, вызвана замечаниями Иопова. Абзац, посвященный технической беспомощности Кондрова и размышлениям «душевного бедняка» об «отрядах бродячих техников», получил следующий комментарий Иопова: «Превращать наши незначительные технические силы в бродячие не к лицу советской власти, ежели ударных технических бригад для помощи колхозам, это еще было бы показательно» (Там же. С. 613). Этот фрагмент Платонов переписывает — тему технической помощи «местным способным людям» сменяет тема вредительства специалистов (см.: наст. изд., с. 14 и 257). Достаточно внимательно Платонов отнесся сначала и к другим замечаниям Иопова. Так, писатель внес небольшую правку во фрагмент о проблемах водоснабжения, который, как и большинство производственных сюжетов повести, практически не вызвал замечаний у других редакторов.

Эпизод, посвященный колхозному солнцу, отметили в своих отзывах почти все критики. Электросолнце, «неизвестно для чего устроенное в одном колхозе» (рецензент «Федерации»), в основном вызывало недоуменные вопросы. Сац объяснил появление этого образа сатирическими и антирелигиозными целями писателя. Колесникова, напротив, считала, что «это не сатира»: Платонов «в положительном смысле говорит о солнце»; «председатель колхоза у него показан 100% председателем <...> он ни разу не перегнул линию. Он вместо того, чтобы снабжать колхоз, устанавливает солнце» (*Архив*, I. С. 610). Иткин (вероятно, один из рабочих) отметил несоответствие этого технического изобретения деревенским реалиям: «Если бы солнце было показано по отношению к заводу — это было бы понятно» (Там же. С. 616). На полях рядом с «Уставом действия электросолнца» Платонов резюмировал редакторские требования к эпизоду: «Лучше (2-я половина)» (*MI*. Л. 15); «Лучше, яснее!» (Л. 16). Однако оставил этот фрагмент без изменений.

Направление необходимой правки в эпизоде о Верещагине выражено в платоновских записях на полях: «Классовую борьбу подарить Верещагину» (Л. 18); «Лошадь — оппорт-унистическое» животное» (Л. 21). И писатель правит текст, акцентируя тему оппортунизма — вместо «долгой скотину с полей! Да здравствует 3-й Интернационал!» Верещагин восклицает: «а лошадь есть животное-оппортун!», Кондров вместо «Долой кулацкую тварь со

всех полей, потому что кулак теперь хуже всякой скотины» произносит: «Оппортун всегда кричит за, когда от него чашку со шами отодвинут!»

Замечание рассказчика о том, что «...отовсюду раздавался знакомый, как колокольный звон, стерегущий голос собак, работающих на коммунизм с тем же усердием, что и на кулацкий капитализм» (Л. 24), критики посчитали очень опасным: «Что получится, если рабочие будут читать эту книгу?» (Павлов); «Тут можно понимать, что на коммунизм работают собачьим лаем...» (Ионов); «...здесь образ дан приспособленца. Это символ, но дан он недостаточно четко. Тут должен быть осторожный подход» (Колесникова). В тексте *М1* фрагмент подчеркнут красным карандашом. Тем не менее никакой правки Платонов не внес.

Еще более идеологически уязвимым посчитали редакторы эпизод о борце с неглавной опасностью: по мнению Черняка, автор «должен был показать и элементы правого оппортунизма, и “леваков”, и настоящую генеральную линию в строительстве с<ельского> х<озияства>. Он с этой задачей не справился» (*Архив*, I. С. 601); свое мнение высказала Колесникова: «Тут троцкистская установка. — С главной опасностью он не решается бороться. Не-главная опасность у него — молодежь. Когда я разговаривала с т. Платоновым, то он говорил, что он издевается над героем, но в таком случае надо прибавить порцию издевательства и иронии» (Там же. С. 610); а также Ионов: «Стало быть, вся молодежь с левым уклоном, а старики — бюрократы, кто же ведет наше социалистическое строительство?» (Там же. С. 614). Этот фрагмент в машинописи отчеркнут, на полях сделана запись рукой Платонова: «Улучшить — сделать не в катег<орической> степени! Правая база! Из одного места растут!» (*М1*. Л. 25). Писатель внес правку — отказался от «возрастного» объяснения правой и левой опасности и усилил мотив их взаимосвязи: вместо «а в области левачества действует более всего юношество и девичество, которых надо бить без грубости», появляется «и мне дали левачество как подсобный для правых район!» Этот абзац Платонов дополняет предложением: «До чего ж приятно и полезно сшибить правых и левых, чтоб у здешнего кулачества не осталось ни души, ни ума!»

В эпизоде о Григории Скрынко (в целом не вызвавшем каких-либо серьезных замечаний у редакторов) было тщательно зачеркнуто предложение, отмеченное на полях вопросительным знаком: «Часть великое дело, а сплошной массив — хрупкая опасность» (Л. 34).

Критике подвергся образ Кучума и его методы организации колхоза: «...показаны такие моменты вовлечения бедняков в колхоз: бедняк просится в колхоз, а ему говорят — обожди, будет хуже, чем одиночке. Это, конечно, не метод вовлечения в колхоз, у нас это и не практикуется» (Павлов); «Теперь относительно колхоза, в который не пускают колхозников. Что автор этим хотел сказать? Он хотел сказать, что если не будет агитации за вхождение в колхоз, если не будут втягивать в колхоз — тогда крестьяне сами пойдут в колхоз. Тут он перегнул образ, и получилась кулацкая линия» (Колесникова); «Председатель колхоза так поставил вопрос, что единоличнику определенно будет легче жить. Поэтому всякий читатель, который объявляет себя ударником, такой литературой будет отталкиваться» (Ионов) (*Архив*, I. С. 609–611). И вновь возникает лаконичная запись Платонова на полях:

«Смягчить его / Кучума! / Он похож на кулака!» (*М1*. Л. 41). Платонов вписывает фразы, в которых слышится «эх» редакторских суждений о герое: «некоторые же считали шепотом, что Кучум — тайный подкулачник» (Л. 43); «Такая политика, в сущности, лишала возможности бедноту и лучших середняков проявить свою активность; такая политика, похожая на безвольный самотек, разоружала революционные силы деревни, и впоследствии район серьезно и резко указал Кучуму, что хотя сам он, Кучум, человек милый и геройский, но политика его почти кулацкая, и Кучум, обидевшись, все-таки согласился с районом, потому что ума и дисциплины в нем было больше, чем однодворного эгоизма» (Л. 46).

На этом этапе работы над текстом Платонов снова вносит правку в речь бывшего председателя колхозного куста, пришедшего к Кучуму. Права фрагмент: «Здесь бывший председатель сообщил следующее свое мнение: собаке рубят хвост для того, чтоб она поумнела, потому что на другом конце хвоста находится голова, так значит и теперь отрубают от партии ее низовой хвост для того, чтобы окружком и высшие инстанции поумнели», — Платонов отрывает верх страницы с фразой о «хвосте» партии и на предыдущей странице вписывает новый вариант: «тут он явно намекал на то, что, дескать, райисполком — голова, а он — хвост» (Л. 52). В следующем предложении «высшие инстанции» понижаются в политическом статусе до районного исполнительного комитета (рик): «Точно рик, и вправду, приказывал ему в течение недели учредить коммунизм» (Л. 53). Из фрагмента «я же почувствовал значение партии и Сталина...» вычеркивается «и Сталина».

Еще более значительной правке подвергся эпизод о встрече бедняка с Лениным. Этот фрагмент вызвал серьезные замечания редакторов: «...что это за рассказ о свидании с Лениным, что это за нелепый разговор об “учениках Ильича”...», — недоумевал рецензент «Федерации» (*РГАЛИ*. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 29 об. — 30); «Есть планы совершенно неприемлемые (хождение к Ленину и Сталину...», — отмечал Сац (*Архив*, I. С. 609); «Вопрос о наследнике Ленина — это нелепость, карикатура, что ли?», — задавал вопрос неизвестный участник обсуждения (Там же. С. 609). Правку этого эпизода Платонов начинает с переименования персонажа. Во время своего выступления на рабочем редсовете Горелов предложил увидеть в имени героя ключ ко всему эпизоду: «Крушилов. (Видимо, от слова крушить, а не создавать.)» (Там же. С. 605). Платонов исправляет фамилию Крушилов на Уповев. Начало этого эпизода в *М1* отчеркнуто, на полях синим карандашом написано кем-то из читавших рукопись: «Как по Евангелию!», а ниже рукой Платонова сделана запись: «Исправить» (Л. 54). Развернутый комментарий к редакторской помете содержится в выступлениях Горелова и Ионова: «Вся эта глава смахивает на жизнь какого-то угодника»; «Что это, большевистский колхозный, или юродивый во Христе, режиссирующий кукольным театром из колхозников?» (Горелов); «Крушилов — проповедующий Христос от слова до слова»; «Неприлично в наше время делать переложения из библейских изречений» (Ионов) (*Архив*, I. С. 606, 615). Платонов вносит умозаключения редакторов в свой текст: в предложении «Уповев глянул на говорящих своим активно-мыслящим лицом и сказал им...» вписывает: «евангельским слогом, потому что марксистского он еще не знал...» (*М1*. Л. 54).

Диалог Крушилова с Лениным отмечен записью на полях черными чернилами (эти записи в *М1* с большой долей вероятности сделаны Сацем): «Не так!» (Л. 55) и пометой Платонова: «Изменить наоборот». Писатель вычеркивает часть диалога: «— Знаешь что, товарищ! У тебя ведь разума нет: буржуазия лишила тебя разума, но не успела уничтожить в тебе гигантского чувства жизни и того самого высокого ощущения будущего человечества, которое называется революцией. Ты одарен крупной стихией жизни, но ты можешь много навредить нам, если не приобретешь дисциплины и организованности. — Значит так и есть, Владимир Ильич! — ответил Крушилов. — Против тебя я ничего не могу сказать» (Л. 55–56). И полностью переписывает этот фрагмент, уводя в подтекст его смысл: «...и здесь между двумя людьми произошло собеседование, оставшееся в классовой тайне, ибо Уповев договаривал только до этого места, а дальше плакал и стонал от тоски по скончаемся» (Л. 55).

Правит Платонов и рассуждения персонажей о наследнике Ленина: фразу «Неужели ты думаешь, что такой человек, как Ленин, не позаботился о нас и не оставил нам своего наследника — хотя бы одного?!» меняет на «Ведь Ленин всю жизнь жил для нас таких, а если и ты кончишься, то, спрашивается, для кого ж он старался?!». Вместо «не могу почувствовать, кто ему будет равен!» вписывает «не могу теперь почувствовать, зачем я остался на свете!»; вместо «позаботился о своем помощнике и наследнике» — «позаботился и его сиротой не оставил» (Л. 57). Абзац, завершающий тему наследника Ленина, Платонов вычеркнул: «И, умирая, Ленин думал не о своей судьбе, а о жизни тружеников и неимущих, потому что его наследник действует с тою же неустрашимостью и пользой для бедности, как действовал бы сам Ленин, если бы он жив был на свете» (Л. 58).

На полях напротив диалога «душевного бедняка» с Крушиловым о происхождении человека из обезьяны Платонов сделал запись на полях: «Относительно другого явления» (Л. 61). Но внес лишь одну правку, заменив сравнительный оборот в предложении «Позвоночник в человеке вроде партии, в нем есть устой» на: «Позвоночник в человеке вроде бревна, в нем упор жизни».

Редактору, отметившему на полях заключительный фрагмент о Крушилове (черные чернила), Платонов адресовал вопрос: «изъять или изменить?» (Л. 63). В результате работы над этим фрагментом текст был значительно сокращен и переписан: вместо «у него есть на свете центральное лицо, которое он любит больше себя, и он весь туго направлен к тому лицу, считая себя лишь средством его и класса» появилось «потому что у него есть на свете центральная дорога и любимые им люди идут впереди него, чтобы он не заблудился»; продолжение этого абзаца вычеркнуто: «Это похоже на религию ~ Крушилову же требовалась человеческая любовь к старшему товарищу — для того, чтобы еще яростнее и неутомимей действовать» (наст. изд., с. 290).

От диалога «тов. Щекотулова» с народом Сац рекомендовал вовсе отказаться: «удалить — слабо!» (Л. 66). Однако Платонов ограничился правкой предложения, отмеченного кем-то из читавших вопросительным знаком: в реплике «Тогда убей наше тело!» — писатель зачеркнул слово «убей»

и вместо него вписал «залезь в». Напротив слов рассказчика, обращенных к воинственному безбожнику, Сац сделал запись: «Это “я” резко противоречит и “душевному бедняку” <нрзб>». Платонов реагирует на замечание, вводя обоснование для этого монолога душевного бедняка: «потому что почувствовал ярость против Щекотулова и революционную совесть перед массами» (Л. 67).

В конце эпизода о 2-м Отрядном появляется новая запись Саца: «апелляция не по адресу», ниже — пояснение Платонова: «Не к Крушилову, а к Скрынко!» (Л. 71). Обращение за помощью в борьбе с подкулачниками к Крушилову (который дискредитировал себя многими поступками) выглядело, по мнению редакторов, неубедительно. С тем, что беднякам целесообразнее обратиться к директору машинно-тракторной станции, Платонов согласился и внес соответствующую правку в этот фрагмент. Был изменен адресат: вместо «я написал письмо Крушилову в Гушевку» — «я написал письмо т. Г.М. Скрынко на Самодельный хутор»; скорректирована мотивировка обращения: «поскольку он был ближайшим к этому месту активистом» заменено на «поскольку он был наиболее разумным активистом прилегающего района»; исправлены детали, относящиеся к героям, — было: «А твой сплошной район рядом», стало: «А твой район и возглавляемая тобой МТС почти что рядом» (Л. 71).

Во 2-е Отрядное редакторы предлагали перенести действие следующего эпизода, посвященного кулацкому колхозу, — Платонов зафиксировал это требование очередной записью на полях: «Перенести во 2 отрядное, где кулаки и т. д. Скрынко» (Л. 71). Этот сюжет вызвал множество замечаний у читавших рукопись: «Вредные штуки эти коммуны. Поживешь в них лет восемь и буржуем сделаешься, даже класс свой позабудешь» (Горелов); «Из колхозников никто не собирается выхаливать дворян, а наоборот, самых примерных тружеников-ударников, и изолированных колхозов нигде нет и не будет...» (Ионов); «В книге даются типы коммунаров, которые боролись десятки лет, а теперь будто бы они ожирели» (Нестеров). В отзыве Саца этот эпизод назван в числе «совершенно неприемлемых». Тем не менее Платонов не отказывается от него, а лишь вносит небольшую правку. Коммуну меняет на артель, изменяя при этом и ее название: коммуна «имени Общества Старых Большевиков» становится артелью «имени Награжденных Героев» (Л. 71) — таким образом, снимается намек на «Общество старых большевиков», которое возглавлял один из идеологов партии Е. Ярославский. Реагируя на одну из редакторских помет, Платонов исправляет часть фразы «...большевики никогда не опаздывали против времени» на «...есть такие герои, которые никогда не опаздывают против времени» (Л. 77). Не вся правка этого эпизода продиктована логикой «исправления идеологических промахов» — писатель вносит смысловые уточнения и стилистическую правку: снимает упоминание об одном образовательном документе «душевного бедняка» (ведь ранее герой говорил, что не носит с собой документов), корректирует время появления «тов. Мчалова» на работах по ремонту колдодца: вместо «пришел на нашу работу к концу второго дня» вписывает «пришел на нашу работу к концу четвертого дня» (Л. 74); правит «ханжу» на «имущественного скопца» (Л. 77).

Перед эпизодом о путешествии Петра в Америку на полях появляется очередная запись Саца черными чернилами: «Слабый эпизод. Если речь идет об утописте, надо подчеркнуть» (Л. 78). В своем выступлении на заседании редсовета Сац обратил внимание на этот фрагмент: «Это утопизм, вымысел. Тов. Горелов задумался над вопросом, что это человек, от которого автор ждет пользы? Нет, автор издевается, он говорит, что над ним можно смеяться» (*Архив*, 1. С. 609). Править и прояснять эпизод Платонов не стал. Первая страница о масле розы перечеркнута, на обороте следующего листа сделана рукописная вставка, сюжетно завершающая рассказ об артели «им. Награжденных героев» (Платонов частично прислушался к совету редакторов и связал эпизод со 2-м Отрядным): «человек ушел и через два дня вернулся. ~ Ввиду этого тайной деревенской буржуазии приходил конец, и я с удовлетворением отправился отсюда в очередную даль, какая была мне видна из усадьбы артели» (Л. 79 об.). Остальные листы с текстом о масле розы были изъяты из машинописи, а на странице 83 (Л. 80) сделано пояснение для машинистки: «предыдущ<ая> стр<аница> — 78».

Эпизод о Филате редакторы единодушно предлагали исключить из текста повести: «Выбросить главу, в которой умирает бедняк, едва вступивший в колхоз» (первый рецензент «Федерации»); «... что это за нелепый разговор <...> о батраке, умершем от счастья в день принятия его в колхоз? Все это ненужное и лишнее...» (второй рецензент «Федерации»); «Угробили хорошему работника, уморили батрака Филата. Теперь, наверно, все батраки за десять километров обегают этот колхоз, где Христа воскресение, а им смерть» (Горелов). Перед рассказом о Филате Платонов записал на полях: «Вклеить в другой, больший эпизод» (Л. 80). Однако писатель не исключил и не переписал этот фрагмент — лишь внес небольшую правку: изменил объяснение кратковременного возвращения Филата к жизни, вместо «потому что привык трудиться и терпеть истому» вписал «потому что если он сумел вытерпеть тридцать семь лет жизни, то мог стерпеть и превозмочь смерть, хотя бы на последнюю минуту»; зачеркнул предложение, отмеченное кем-то вопросительным знаком: «Последние слова Филат говорил уже будучи мертвым, лишь по привычке терпеть и трудиться» (Л. 85).

Эпизод повести, посвященный Ефиму Нечаеву, все читавшие рукопись также посчитали неприемлемым: «Описание поездки крестьянина Ефима Нечаева в Париж <...> слишком искусственно, и его лучше опустить», — советовал Соловьев (*РГАЛИ*. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 32); «Это, товарищи, издевательство. Если напечатать книгу в том виде, в каком она представлена, то за границей она будет расцениваться как “Красное Дерево” Пильняка», — считал Павлов (*Архив*, 1. С. 609). Платонов прислушался к столь серьезному предупреждению и заменил эпизод о Ефиме сюжетом о товарище Пашке, вновь используя текст радиорассказа — «Послушайте рассказ про истинное происшествие с Пашкой-дураком...» (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 1–8). В начале текста о Ефиме Платонов вносит небольшую правку, исправляя имя и возраст героя, а также добавляя несколько важных для рассказа о «дураке Пашке» уточнений. В диалоге Ефима/Пашки с «душевым бедняком» появляются новые реплики: «— Где служишь? — В уме». После фразы «— Ну, входи, пожалуйста» вписывается «это хорошее

учреждение» (М1. Л. 87). Страницы с описанием путешествия в Париж Платонов вынул из машинописи М1 (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 41. Л. 53–56). На странице 98 (Л. 90) он сделал указание машинистке: «предыдущая стр<аница> — 95».

Итак, при работе над второй редакцией «Впрок» Платонов полностью переписывает два эпизода («Масло розы» и о Ефиме Нечаеве), значительно правит весь текст по замечаниям редакторов; вносит стилистическую правку, например, в предложении «На многие сотни километров строящаяся республика не меняла своего беспокойного лица, сияющего свежим тесом на вечернем солнце» (М1. Л. 1).

С М1 была сделана новая машинопись (М4, М5) — с учетом большей части правки Платонова. Однако некоторые исправления в М1 не были учтены в новой машинописи, при этом вошли в опубликованный текст. Например, в М1 слова «ведь он за кусок знания» исправлены на «ведь он за маленькое знание» (Л. 12), и эта правка учтена в публикации, но не учтена в М5 (эти страницы М4 не сохранились); выражение «погибнет отстав» в М1 заменено на «погибнет в выморочной стране прошлого» (Л. 16) — это нашло отражение в тексте «Красной нови», но не учтено в М5. Не известно, на каком этапе производилась эта правка в М1. Расхождения в текстах машинописей, с одной стороны, могут объясняться невнимательностью машинистки (которая действительно допустила множество опечаток в М4, М5), а с другой — свидетельствовать о том, что Платонов уже после появления новой машинописи возвращался к М1.

М4 была передана в журнал «Красная новь». Произошло это предположительно в начале 1931 г.: в январе журнал «Художественная литература», орган ГИХЛ, сообщал: «Андрей Платонов подготовил к печати сатирическую повесть “Впрок”» (№ 1. С. 12). На первой странице М4 стоит штамп о предварительной вычитке журнала «Красная новь» с подписью неустановленного лица и датой (<нрзб> февраля). Из этой машинописи сохранились страницы с началом повести (без предисловия, которое, видимо, и не предполагалось в журнальной публикации), шесть страниц о Кучуме и две страницы, посвященные Упоеву. Получив М4, Платонов не совсем внимательно ее вычитал, часть опечаток вошли в опубликованный текст: например, вместо «собачьего голоса» стало «собачьего лая». Первый слой авторской правки выполнен карандашом: писатель исправил подзаголовок «Бедняцкая хроника» на «Равнинная хроника» (предложенный вариант кем-то зачеркнут чернилами), восстановил пропущенные слова, в том числе фрагмент, перечеркнутый в М1: «— Ты, Владимир Ильич, главное не забудь оставить нам кого-нибудь вроде себя — на всякий случай! Ленин улыбнулся и обещал это сделать» (М1. Л. 56). Несмотря на платоновскую запись на полях: «Нужно», машинистка не напечатала этот абзац, и он не вошел в М4. Платонов восстановил его, незначительно изменив концовку: вместо «и обещал это сделать» написал «и больше не ответил» (М4. Л. 9).

Следующий слой правки в М4 — это исправления Платонова (черными чернилами), которые он вносит, вероятно, по новым замечаниям редакторов. И вновь серьезной правке подвергся фрагмент о визите Упоева к Ленину:

«и смерть желтела на задумавшемся лице Ленина» исправляется на «и тягость трудовой жизни желтела на задумавшемся лице Ленина» (Л. 9); «не скончайся от своей мудрости» на «не скончайся нечаянно»; «нам нужно иметь конкретное туловище» на «нам нужно иметь конкретную личность среди земли». В восстановленный из *М1* фрагмент: «— Ты, Владимир Ильич, главное не забудь оставить нам ~ Ленин улыбнулся и больше не ответил» — Платонов вносит правку: вместо «оставить нам кого-нибудь вроде себя» вписывает «оставить нам прямого человека вроде себя»; добавляет слова «доверчиво», «ничего»: «Ленин доверчиво улыбнулся...»; «не ответил ничего» (Л. 9). От некоторых внесенных им исправлений писатель тут же отказывается, зачеркивая их и записывая на полях: «Нужно по машинке». Например, фразу «...пойду Сталина глядеть: чувствую в нем свой источник. Вернусь, на всю жизнь покоен буду!» Платонов сначала исправляет на «пойду глядеть, есть ли такой» (Л. 10), а затем эту правку отменяет.

Масштаб сокращений, предлагавшихся редакторами, можно оценить по сохранившимся страницам *М4*, большая часть которых целиком перечеркнута (фиолетовым карандашом и черными чернилами). Зачеркнуты диалоги Кучума с бедняками о колхозе, фрагмент о принятии новых членов в колхоз и строки о Пупсе. Однако почти все сокращения затем были отменены записями на полях кем-то из редакторов: «Все правильно набирать в точности, не обращая внимания на карандаш» (Л. 1); «Набрать все, не обращая внимания на зачеркнутое» (Л. 3) и Платоновым: «Набирать все по машинке», «Оставить по машинке» (Л. 4); «Набирать все по машинке и правке черным карандашом» (Л. 5); «Правку черным карандашом считать верной всюду» (Л. 8); «Набрать», «Нужно» (Л. 9) и др. Почти все зачеркнутые, а затем восстановленные на страницах *М4* фрагменты вошли в опубликованный текст. Некоторые сокращения и редакторские исправления все же были учтены: так, в «Красной нови» из «...чтобы поднять колхоз изолированным способом на высоту благосостояния, устроив нечто вроде группового дворянства» исчез оборот «устроив нечто вроде группового дворянства»; из «...объяснил мне многократно непринятый в колхоз бедняк Астапов» — уточнение «многократно непринятый в колхоз»; из «...под напором нескольких неимущих, но почти что против воли Кучума был устроен колхоз “Без кулака”» — указание на позицию Кучума «но почти что против воли Кучума» и др.

По всей видимости, в гранки тоже вносилась правка: в опубликованном тексте отсутствуют фрагменты: «Естественное орошение округа представляет такую картину ~ В общем это заболачивание отняло у сельского хозяйства до 50% кормовой площади»; «С кем бороться после них, на ком набьешь руку идеологии, на чем укрепишь тогда свою правоту? Почти нет больше вражьих классов!...»; исправлены ошибки в речи героев; в нескольких местах изменен порядок слов и др.; нарушено авторское деление на абзацы, допущено множество опечаток (например, вместо «глава района» в тексте появилось «главарь района»). Один случай совсем курьезный. В *М4* Платонов в предложение: «Кучум посчитал, что о союзе с окрестными колхозами он будет говорить <...> организации борьбы с вредителями...» внес уточнение: «несознательными полевыми вредителями». В «Красной нови» слово «полевые» превратилось в «полезные».

С публикацией текста, больше полугодом находившегося в редакциях разных издательств, в журнале явно торопились. Несомненно, однако, что набор Платонов читал: в журнальный текст внесена правка, которой нет в *М4*, и эта правка явно принадлежит автору. Так, во фразе «когда левый и правый сидят в одной комнате и все время как бы производят один другого» появилось уточнение «из единой кулацкой бездны». На этом этапе вновь серьезной переработке подвергся текст о Кучуме. Исчез фрагмент: «Семь кулаков раскулачили и выселили. Сверх того раскулачили троих середняков, но теперь в районе уже заботились над их возвращением обратно». В предложении «Бедняки эти были общеизвестными, в смысле качества — люди вполне усердные...» внесена правка, меняющая утверждение на отрицание: «Бедняки эти были общеизвестными, но в смысле качества — люди не вполне усердные...», дописаны предложение: «Это их неусердие, вероятно, и озлобило Кучума, поскольку дорога для жизни бедноты была уже открытой» и большой фрагмент: «Теперь задумаемся над тем: правильна ли работа Кучума во всех частях ~ напиральная беднота украдет вскоре у Кучума эту установку, и тогда, потерпев самотек, он приобретет полный дар вождя». Опубликованный текст завершается абзацем, который Платонов вписал в финал «Первого Ивана» в *М1*: «Расставаясь с товарищами и врагами ~ и тогда поговорим обо всем окончательно» (*Кр. новь*. 1931. № 3. С. 39).

О том, что практически одновременно с публикацией в журнале повесть готовилась к изданию отдельной книгой, свидетельствует сообщение от издательства «Московское товарищество писателей» (*ЛГ*. 1931. 24 апр. С. 4). История и этого несостоявшегося издательского проекта остается неизвестной.

Почти год Платонов добивался публикации повести и, несмотря на значительную правку, произведенную по требованиям редакторов, сохранил в тексте «Впрок» ключевые для себя идеи и сюжеты. Опубликованная в журнале «Красная новь» вторая редакция «бедняцкой хроники» стала значительным фактом литературной жизни, вызвавшим сильнейший общественно-политический резонанс. Это принималось во внимание при выборе основного источника для публикации в настоящем издании.

Вписывая в автограф повести подзаголовок «бедняцкая хроника», Платонов, безусловно, учитывал жанровые приоритеты эпохи реконструкции, теорию и практику левого искусства. Лефовская методология литературы, представленная в программном сборнике «Литература факта» (1929), утверждала «правду живого факта» вместо «дешевой символики», точность вместо образности, отрицала «искусственный» сюжет, обобщение и типизацию: «Нужно научиться писать корреспонденции, хронику, потом статьи, фельетоны, театральные рецензии, бытовой очерк и то, что будет заменять роман; т. е. нужно учиться работать на будущее — на ту форму, которую вы сами должны создать» (*Шкловский В. О писателе и производстве // Литература факта*. М., 1929. С. 199). Жанр хроники, имеющий богатую традицию в отечественной литературе XIX в., активно осваивался и в 1920-е гг. Хроника предполагает фиксацию событий определенного периода, она ориентирует на «непридуманность» и объективность изложения. Вместе с тем «Впрок» не

является отражением реальной поездки Платонова по районам ЦЧО и Урала. Маршрут героя «бедняцкой хроники» не детализирован, немногочисленные топонимы определяют самое общее направление движения. В пространственной оппозиции, с которой начинается повесть («верховный, руководящий город» и «отдаленные черноземные равнины»), отражается давняя сокровенная платоновская тема — жизни провинции, уже воплощенная в «Городе Градове» и «Епифанских шлюзах». Монтаж как один из методов новой литературы был осмыслен Платоновым в статье «Фабрика литературы» (1926), опробован в рассказе «Антисексус» (1926) и фантастической повести «Эфирный тракт» (1927). Во «Впрок» Платонов продолжил творческий эксперимент с монтажом, включив в «бедняцкую хронику» написанные в разное время тексты. Синтетический жанр — хроника — позволял безболезненно осуществить это объединение разнородных по стилю фрагментов и открывал особые повествовательные возможности.

С принятием курса на коллективизацию эта тема была объявлена главной в литературе о деревне: «...едва ли можно найти в современной жизни что-нибудь более захватывающее, более волнующее по глубине, широте, резкости перелома, чем колхозы» (*Карпинский В.* Неосвещенная область жизни // *ЗС.* 1929. № 1. С. 43). Известный партийный деятель Е.А. Преображенский, побывавший в марте 1930 г. в районах сплошной коллективизации, обратился к писателям со страниц главной газеты страны с призывом: «Нам страшно нужно точное и подробное знание всего того, что сейчас происходит в деревне» (*Преображенский Е.* По районам сплошной коллективизации (Проблемы колхозного движения. Впечатления) // *Правда.* 1930. 16 марта. С. 3). Однако «точные и подробные знания» о деревне должны были соответствовать жестким идеологическим требованиям реконструктивного периода, когда мера «объективности познания» определялась «классовой позицией художника»: «В наши дни способен познавать мир с наибольшей мерой объективности только тот художник, который стоит на передовых позициях революционного пролетариата и, вооруженный мировоззрением этого класса, активно участвует в революционной переладке общественных отношений» (Резолюция секции литературы и искусства Коммунистической Академии о содружестве писателей «Перевал» // *Против буржуазного либерализма в художественной литературе. Дискуссия о «Перевале»* (апрель 1930). М., 1931. С. 101). Вся литература о деревне оценивалась с точки зрения умения «органически воспринять новый, решительный поворот в партийной политике к реконструкции, коллективизации сельского хозяйства» (*Дивильковский А.* Художественный рост крестьянской литературы. Краткий обзор // *ЗС.* 1929. № 5. С. 50).

Требованиям эпохи не соответствовал платоновский выбор рассказчика, которого автор наделил деталями собственной производственной биографии. Герой с подчеркнуто неписательским статусом (техник) лишен «силы сердца», «резкого ума», «воли жизни», правильного мировоззрения, он обладает лишь одним достоинством — честность: «он способен был ошибиться, но не мог солгать». «Душевный бедняк» продолжает галерею платоновских «сомневающихся» странников, наблюдателей, вопрошающих эпоху (Фома Пухов, Макар Ганушкин, Саша Дванов).

Для выполнения социального заказа на отражение коллективизирующейся деревни с начала 1930 г. развернулась широкая кампания писательских поездок по колхозам. Участие в реконструкции жизни страны было названо главным средством идеологического перевоспитания писателя-путчика, условием жизнеспособности и востребованности его творчества: «После этой работы я, быть может, что-нибудь толковое о колхозе сказать смогу, но это уже будет сказ *не писательский*, а колхозничий» (*Третьяков С. Почему не удалась поездка писателей на колхоз? // ЛГ. 1929. 22 апр. С. 3*). Очерки, привезенные писателями из колхозов, наполняли страницы газет и журналов, выходили отдельными книгами, включались в серийные издания. На новую серию «Социалистическое строительство» руководство издательства «Федерация» возлагало особые надежды. В конце 1929 г. в результате пересмотра издательского плана значительную его часть составили очерки: «Редсовет издательства “Федерация” разработал ориентировочный план новой серии книг под общим заголовком “Социалистическое строительство”». В эту серию войдут книги очерков, посвященных строительству крупных заводов, совхозов, колхозов и социалистических городов. К серии привлечены писатели, недавно вернувшиеся из поездок в районы сплошной коллективизации...» (В издательстве «Федерация» // *ЛГ. 1930. 10 марта. С. 3*). В августе — сентябре 1930 г. в издательстве вышли первые книги этой серии: «Вызов. Колхозные очерки» С. Третьякова; «Дела и люди соревнования. Книга очерков» Г. Алексеева; «Перелом» И. Дубинского; «Путина» Вл. Лидина; «Гонимое поле» А. Новикова. В этой серии была запланирована и книга Платонова «ЦЧО».

В заголовках отдельных очерков, вошедших в книги серии «Социалистическое строительство», нашли отражение главные темы коллективизации: «На кулака» (И. Дубинский «Перелом»); «Подкулачник», «Старое и новое» (С. Канатчиков «Рождение колхоза»); «Обобществленный конь» (*Третьяков. Вызов*); «Доход колхозника», «Единоличники» (*Третьяков. Месяц в деревне*) и др. В основе многих очерков лежит общая сюжетная схема: автор выезжает из города (Москвы, Харькова и др.), по прибытии на место знакомится с общей расстановкой сил, ездит по селам, наблюдает коллективизацию. Повествование в очерках нередко начинается со сцены в поезде, разговор случайных попутчиков служит своеобразной увертюрой к дальнейшему рассказу о классовой борьбе: в беседе один из пассажиров выражает откровенно «враждебные» взгляды, недовольство тем, что происходит в деревне, с ностальгией вспоминая о прежней жизни. Этому персонажу отвечает (и его разоблачает) герой, выражающий «идеологически верную» точку зрения на действительность. С подобного эпизода начинается и «Впрок» (сцена в поезде возникает также в повести «Город Градов», рассказе «Областные организационно-философские очерки»). В «бедняцкой хронике» нашли отражение многие темы и стержневые образы колхозных очерков: организация нового быта (пища, одежда и жилище коммунаров); хозяйственные кампании; антирелигиозная пропаганда; перевоспитание («мужика» передовой женщиной и др. Красноармеец, участвующий в переустройстве деревенской жизни на социалистических началах, — один из центральных образов литературы о деревне (см., напр., в сборнике рассказов П. Замойского «Лебеда», повести А. Караваевой «Двор», романах Ф. Панферова

«Бруски», М. Карпова «Пятая любовь», П. Замойского «Левин дол» и др.). Другой типичный герой колхозной литературы — «тихий старик», тайный подкулачник, защитник многовековых устоев, религиозный проповедник и антиколхозник (см.: Рыклин Г. Силуэты новых людей // *Наши дост.* 1929. № 1. С. 186). При этом в повести Платонова узнаваемые образы выходят за рамки идеологических клише, нарушают привычную логику — так, старик-проповедник оказывается «безработным коচেгаром» с «душой <...> пролетария», деревенские бабы ставят своими вопросами в тупик антирелигиозного агитатора, а батрак, принятый в колхоз последним, умирает, боясь «хлебать то счастье» (наст. изд., с. 31, 59).

В общую полифоническую структуру платоновской хроники вошли материалы газетных передовиц, партийных постановлений, сталинских статей (особым статусом в повести наделяется газета), а в подтексте диалогов персонажей — крестьян и организаторов колхозов — даны народные оценки драматических событий «первой большевистской весны». Два фрагмента, исключенные писателем при работе над второй редакцией повести, тесно связаны с общественно-политическими и литературными событиями начала 1930 г. Предисловие «От составителя» отсылает к масштабной кампании вокруг группы «Перевал», получившей широкое освещение в центральной периодике. В это время содружество писателей «Перевал» стало оформляться как литературная школа с общими эстетическими принципами. Рационализму и фактографии Лефа «Перевал» противопоставлял интуитивизм, художественное видение мира, «моцартианство» — давний спор между «интуитивистами» и «рационалистами» получил свое продолжение. Теоретическое осмысление художественных принципов было представлено в работах перевальских критиков — Д. Горбова, А. Лежнева и др., а их практическое воплощение — в сборниках произведений, печатавшихся регулярно с 1925 г. В начале 1930 г. были опубликованы седьмой выпуск сборника «Ровесники» и антология группы «Перевальцы». Именно на эти два издания обрушилась рапповская критика. Наиболее острый период борьбы пришелся на три весенних месяца 1930 г. «Перевал» обвинили в провозглашении пассивности, созерцательности, аполитичности, в попытке противопоставить видение мира активному участию в его перестройке; в «моцартианстве» увидели апологию аристократизма, избранничества в искусстве, декларацию свободы художника от проблем современности: «Лозунг моцартианства в наши дни особенно вреден потому, что он дает оправдание художнику быть “гулякой праздным” в отношении явлений общественной жизни» (*МГ.* 1930. № 10. С. 92); «Идеализация “моцартианства” и унижение “сальеризма” в наши дни имеет лишь тот объективный смысл, что этой антитезой подчеркивается стремление определенной части интеллигенции оставить за собой монополию на художественную культуру» (*Кальм Д.* Разоблачение школы Воронского // *ЛГ.* 1930. 27 апр. С. 3).

Для Платонова — инженера-мелиоратора, участника восстановления хозяйства ЦЧО — очевидна нравственная уязвимость эстетики «Перевала»: в такой трактовке темы «Моцарта и Сальери» он увидел попытку литературы снять с себя ответственность за происходящее, высокомерное отношение писателя-интеллигента к «массе». Предисловие — это и скрытый

диалог Платонова с Пришвиным, который в это время от замысла романа об инженере Алпатове, участвующем в осушении болота ради необходимой для жизни земледельцев «золотой луговины», приходит к борьбе за сохранение реликта ледниковой эпохи — водоросли кладофоры, гибнущей в результате работы землечерпалки. «Кладофора» для Пришвина вырастает до символа жизни и творчества: это «сердце Земли, сохраняющее лучистую энергию солнца, тайну всеобщего творчества жизни»; «в ней открыта игра, лежащая в основании творчества» (*Пришвин М.М. Журавлиная родина // ИМ. 1929. № 7. С. 63*). Писатель признавал неоднозначность собственной позиции: «...чувствую некоторую неловкость в самой постановке вопроса, — настолько население страдает от болот и настолько благодетельны уже по достигнутым результатам работы энергичных мелиораторов» (*Пришвин М.М. Cladophora Sauteri (К делу охраны природы) // Известия. 1928. 8 июля. С. 7*). Платонов ответил предисловием, в котором по-своему решает эту философскую коллизию: «Он бы желал, чтоб насущный ржаной хлеб сознания пропал на земле и в пищу пошла бы подводная кладофора — редчайшее реликтовое растение из девственных болот, не имеющее никакой пользы для сытости трудящегося человека» (наст. изд., с. 250). Тему продолжают эпизоды «Впрок», излагающие хронику «тяжелой борьбы» с «великим народнохозяйственным бедствием от быстрого роста болот», борьбы «с природой за десятки тысяч гектаров заболоченных площадей» (наст. изд., с. 61).

В эпизоде о Ефиме Нечаеве, также не вошедшем в окончательную редакцию повести, нашла отражение политико-экономическая кампания по сбору утильсырья, широко проводившаяся с начала 1930 г. В печати особо подчеркивалась необходимость выявления новых видов экспорта для получения дополнительных средств на приобретение зарубежной техники: «...Экосю РСФСР решил ввести премиальное вознаграждение за выявление новых реальных предметов экспорта» (*Известия. 1930. 22 апр. С. 4*). Новую статью для экспорта и находит Ефим Нечаев во время зарубежной командировки: «Я как скажу своему государству <...> так мы целыми эшелонами червей сюда будем гнать — этого имущества у нас хватает! Пускай только машины нам качают обратно: им черви, а нам чугун!» (наст. изд., с. 315). При этом Платонов объединяет экономическую кампанию с политической идеей экспорта социалистической революции на Запад. Платоновский герой отправляется в Париж — город, с которым связан комплекс культурно-исторических и общественно-политических вопросов советской действительности.

Париж стал одним из самых посещаемых советскими писателями европейских городов. В конце 1920-х гг. во французской столице побывали Вл. Лидин, М. Слонимский, О. Форш, И. Эренбург, Л. Сейфуллина, Вс. Иванов, Л. Никулин, И. Бабель, В. Инбер, К. Зелинский. Наиболее обсуждаемыми в литературной среде были книги В. Инбер «Америка в Париже» (1928), Л. Никулина «Вокруг Парижа (Воображаемые прогулки)» (1929), О. Форш «Под куполом» (1929) (подробно о «заграничных текстах» в советской литературе этого периода см.: *Пономарев Е.Р. Типология советского путешествия. Советский путевой очерк 1920–1930-х годов. СПб., 2011*). Непременным атрибутом литературного образа Парижа стал фокстрот, получивший распространение и в СССР. В советской печати танец клеймили как образец

музыкальной безвкусицы и признак вырождения буржуазной культуры. О нем писал почти каждый писатель, побывавший за границей (А. Белый, В. Лидин и др.). Сцена, наблюдаемая Ефимом в Институте Красоты, напоминает описание танца в статье М. Горького «О музыке толстых», в которой «торжественной музыке всемирного труда великих и маленьких людей» противопоставляется какофония «оркестра безумных»: «...падает дикий визг, свист, грохот, вой, рев, треск; врываются нечеловеческие голоса, напоминая лошадиное ржание, раздается хрюканье медной свиньи, вопли ослов, любовное кваканье огромной лягушки <...> Это радио в соседнем отеле утешает мир толстых людей, мир хищников, сообщая им по воздуху новый фокстрот в исполнении оркестра негров. Это — музыка для толстых. Под ее ритм во всех великолепных кабаках “культурных” стран толстые люди, цинически двигая бедрами, грязнят, симулируют акт оплодотворения женщиной женщины» (Правда. 1928. 18 апр. С. 2).

Заметное влияние на «парижскую тему» в литературе 1920-х гг. оказал цикл стихотворений В.В. Маяковского «Париж» (1924–1925). С лирическим героем цикла Ефима Нечаева роднит хозяйственная забота по использованию парижских зданий: Ефим ищет подходящее место для сельсовета, герой Маяковского, попав в собор Парижской Богоматери, строит планы по его переоборудованию: «Спускался в партер, / подымался к хорам / смотрел удобства / и мебель. <...> Конечно, / под клуб не пойдет — / темноват, — / <...> Но то хорошо, / что уже места / готовы тебе / для сидения. / Его / ни к чему / перестраивать заново — / приладим / с грехом пополам, / <...> Да, надо / быть / бережливым тут, / ядром / чего / не попортив. / В особенности, / если пойдут / громить / префектуру / напротив» (Notre-dame // *Маяковский В. Париж*. М., 1925. С. 20–23). Логика захвата направляет поиски Ефима — помещение Института Красоты (центр буржуазного Парижа) он хочет использовать для сельсовета (главный орган пролетарской диктатуры в деревне). То есть на географической карте Ефима французская столица — почти советская деревня, просто пока не коллективизированная. Не без отсылки к рапповским статьям о новом человеке, пролетарском гуманизме создан образ «все более растущего большевистского человека», который собирается «вскоре после социальной революции» выслать в родной район сплошной коллективизации «эшелон парижских толстых туловищ, — с тем, чтобы трамбовать ими проезжий грунт».

Рецензенты, читавшие первую редакцию «Впрок», настойчиво рекомендовали Платонову отказаться от парижского эпизода, возможный эффект от которого сравнивали с публикацией «Красного дерева» Б. Пильняка. Описание путешествия Ефима Платонов заменил на рассказ о «выросшем из мелкого дурака» Пашке, однако это не спасло «Впрок» от жесточайшей критики.

Повесть «Впрок» была опубликована в № 3 «Красной нови» в 1931 г. (предположительно в апреле, точная дата выхода номера не установлена). Это был первый номер журнала, вышедший под маркой ФОСП, с обновленным составом редакционной коллегии. В прежнюю редколлегию входили И. Беспалов (ответственный редактор), В. Васильевский, Вс. Иванов, С. Канатчиков.

Членами новой редколлегии, помимо Вс. Иванова, стали А. Фадеев (ответственный редактор), Л. Леонов, А. Горохов. Номер журнала с повестью Платонова попал на стол И.В. Сталину — он прочитал «Впрок» внимательно, с карандашом в руках, сначала ограничиваясь подчеркиванием отдельных слов и выражений (не остались без внимания ни подзаголовки повести «Бедняцкая хроника», ни авторское определение ее героя — «душевный бедняк»), затем — оставляя на полях все больше эмоциональных комментариев: «Дурак!», «Пошляк!», «Балаганщик», «Беззубый “остряк”!», «Это не русский, а какой-то тарабарский язык», «Болван!», «Балбес», «Да, дурак и пошляк “новой жизни”», «Подлец!», «Контрреволюционный пошляк», «Мерзавец!», «Тарковы, значит, непосредственные руководители колх<озного> движения, кадры колхозов?! Подлец!» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 201. Л. 23). Наиболее яростную реакцию Сталина вызвали эпизоды об Уповее, Филате и Пашке, в то время как страницы, посвященные Григорию, Кучуму, колхозу «Без кулака» и проблемам заболоченности рек, остались практически без помет. По прочтении повести Сталин написал рядом с ее заглавием резолюцию: «К сведению редакции “Кр<асная> Н<овь>”. Рассказ агента наших врагов, написанный с целью развенчания колхозного движения и опубликованный головотяпами-коммунистами с целью продемонстрировать *свою* непревзойденную слепоту. И. Сталин. P.S. Надо бы наказать и автора и головотяпов так, чтобы наказание пошло им “впрок”. И. Ст<алин>» (Там же. Л. 5; опубли.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999. С. 150).

«Бедняцкая хроника» была воспринята Сталиным в политической обстановке весны 1931 г. Отличие этого периода от «первой большевистской весны» всячески подчеркивалось в печати, пройденная за год дистанция освещалась с точки зрения достигнутых успехов и созданных условий для качественного и количественного роста колхозов: «Колхозы значительно окрепли и упрочились. В деле изоляции кулачества и его ликвидации мы добились громадных успехов. <...> Мы уже преодолеваем, частью преодолели, главные трудности реконструктивного периода» (Правда. 1931. 21 апр. С. 1). Многие политические вопросы колхозного строительства, актуальные весной 1930 г., в 1931-м считались решенными, а главные партийные постановления по сплошной коллективизации — воплощенными в жизнь: «Исторические решения декабрьского пленума ЦК о коллективизации уже осуществлены. <...> Нарастающие темпы сева, величайшие победы на фронте коллективизации демонстрируют правильность генеральной линии партии, направленной на успешное завершение сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса» (Правда. 1931. 15 мая. С. 1). ЦЧО, в период написания «Впрок» подвергшаяся критике за «перегибы», через год была названа областью, образцово осуществляющей колхозное строительство (см.: Дубинский. Опыт ЦЧО перенесем во все районы. ЦЧО — образец массовой работы за прилив // Коллективист. 1931. № 10. С. 36).

После указания Сталина на автора и его повесть обрушился шквал истребительной критики. Плотность идеологического «огня» беспрецедентна: летом 1931 г. одна за другой появляются разоблачительные статьи, в течение

1931–1932 гг. о «Впрок» говорят на дискуссиях, пленумах и совещаниях различных литературных организаций. Наиболее сильный удар по «хронике» был нанесен из лагеря пролетарской критики — в выступлениях А. Селивановского, И. Макарьева, В. Сутырина, Л. Авербаха повесть неизменно включалась в перечень наиболее показательных «буржуазных», «злопахательских» явлений в современной литературе. Эпитеты «кулацкая», «клеветническая» стали постоянными в характеристике произведения, а образ юродствующего «душевного бедняка» получил статус нарицательного, использовался критикой порой без указания на произведение и его автора, как знакомый многим вполне определенным идеологическим содержанием.

И прежней, и новой редакции «Красной нови» пришлось оправдываться за публикацию «Впрок». Так, бывший член редколлегии С. Канатчиков поспешил изложить свою позицию в письме Сталину (от 6 июня): «Дорогой тов. Сталин! На одном из последних заседаний Политбюро рассматривался вопрос о напечатании рассказа Андрея Платонова в № 3 “Красной Нивы” <sic!> за 1931 г. “Впрок”. Вызывая на это заседание меня и т. Васильевского, как бывших редакторов журнала “Красная Новь”, меня почему-то не нашли, хотя я находился в момент вызова вместе с тов. Васильевским. Во избежание всяких кривотолков считаю своим долгом заявить: я считал и считаю этот рассказ возмутительно издевательским, контрреволюционным. При обсуждении его я категорически протестовал против его напечатания» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 201. Л. 24; опубл.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999. С. 751). Однако в полной мере наказание за «Впрок» понес только его автор.

2 июня начал свою работу Первый расширенный пленум правления Московской ассоциации пролетарских писателей, к которому было привлечено большое внимание «со стороны пролетарской общественности» (*Кирьянов*. На новую ступень // Рост. 1931. № 12 (июнь). С. 16). 3 июня на пленуме был зачитан доклад В.М. Киршона «Враг народа». Начав с обращения к творчеству таких признанных «буржуазных писателей», как Пильняк, Замятин и Клычков, критик уделил особое внимание повести Платонова как «характерному и показательному примеру откровенной вылазки классового врага» (Первый расширенный пленум МАПП. Стенограмма заседания // *ИМЛИ*. Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 5). Не отказывая автору ни в остроумии, ни в таланте, Киршон определил повесть как «зловую, отвратительную» издевку, требующую беспощадного идейного разгрома, а публикацию произведения как «грубейшую политическую ошибку» и прежней редакции «Красной нови», и новой — в лице А. Фадеева. Вывод, сделанный критиком, станет лейтмотивом в выступлениях о «Впрок»: хитрость врага, способного обмануть «наших крепких партийных товарищей», «говорит о необходимости усиления нашей бдительности» (Там же. Л. 7). Признавая, что МАПП в последнее время мало занималась произведениями «буржуазной литературы», Киршон предлагает «организовать несколько общественных судов на заводах, на больших рабочих собраниях, на которые вызвать этих буржуазных писателей <...> дать рабочим прочитать эти их произведения и на этих судах поставить эту публику перед лицом рабочего зрителя, перед лицом

рабочего читателя» (Л. 8). Заканчивается рассуждение о «Впрок» словами, непримиримый пафос которых напоминает об известной статье М. Горького «Если враг не сдается, его уничтожают» (Правда. 1930. 15 ноября): «Я думаю, что нам нужно действительно подойти к идейному расстрелу этой публики. Жестоко надо бороться, надо драться, и другого пути по отношению к этой публике нет» (ИМЛИ. Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 8).

4 июня была принята резолюция пленума правления МАПП, в которой отмечалось: «Буржуазные литераторы, выразители идеологии уничтожаемых классов, в замаскированной, а подчас и открытой форме в своих произведениях клеветают на пролетарскую революцию, отстаивая интересы кулачества и интервентов. Ряд таких произведений, вышедших в последнее время (“Впрок” Платонова, “Портрет” Добычина, “В поисках оптимизма” Шкловского), свидетельствуют об активизации враждебных элементов на литературном участке идеологического фронта»; «Необходимо повысить политическую бдительность редакций журналов и издательств, не допуская возможности проникновения на страницы советского журнала враждебных пролетариату произведений, подобных рассказу А. Платонова “Впрок”, помещению которого в “Красной нови” является грубой ошибкой редакции журнала» (*На лит. посту.* 1931. № 22. С. 1).

Платонов узнает о начавшейся против него кампании и 8 июня пишет письмо Сталину, используя в тексте обороты из выступлений пролетарских критиков: «Перечитав свою повесть, я многое передумал; я заметил в ней то, что было в период работы незаметно для меня самого и явно для всякого пролетарского человека — кулацкий дух, дух иронии, двусмысленности, ухищрений, ложной стилистики и т. д. <...> У меня же, коротко говоря, получилась какая-то контрреволюционная пропаганда <...> Теперь рапповская критика объяснила мне, что “Впрок” есть вредное произведение...» (*Письма.* С. 285–287). Письмо Платонова ближайший помощник Сталина И.П. Товстуха передал М. Горькому, которому чуть позже напишет и сам Платонов. Однако и это его письмо останется без ответа (см.: *Письма.* С. 304–306).

9 июня Платонов пишет письмо в редакции «Правды» и «Литературной газеты» (*Письма.* С. 291–293). На следующий день в письме к жене Платонов делился сокровенным: «Сегодня уже есть подвал в “Литературной газете” против “Впрока”. Наверно, будет дальнейшая суровая критика. Перемучившись, обдумав все (думать над коренным изменением своей литературной деятельности я начал еще с осени; ты знаешь про это), — я решил отказаться, отречься от своего литературного прошлого и начать новую жизнь. Об этом я напишу в газеты “Правда” и “Литературная газета”, — пришлю тебе напечатанное письмо. Когда увидимся, я тебе все объясню и ты поймешь, что это высшее мужество с моей стороны. Другого выхода нет. Другой выход — гибель. В результате всего для меня настали труднейшие времена. Так тяжело мне никогда не было. Притом я совершенно один» (*Письма.* С. 295–296). Письмо Платонова газеты не напечатают.

10 июня в «Литературной газете» появляется статья А. Селивановского «В чем “сомневается” Андрей Платонов». Критик напоминает о произведениях Платонова, которые подверглись в конце 1920-х гг. «справедливой критике», — о рассказах «Усомнившийся Макар» и «Че-Че-О». Таким обра-

зом вина автора усугубляется, «Впрок» — не единичное ошибочное явление в его творчестве, а выражение определенной тенденции: «...читатель сохранил в памяти обывательско-анархистствующую издевку Платонова над массами, строящими социализм, над диктатурой пролетариата»; «...годы не изменили существа автора. Оно — все то же: обывательское, злобствующее, насквозь реакционное». Причисляя писателя к сатирикам, Селивановский ставит те вопросы, с которыми в 1929–1931 гг. критики подходили к советской сатире: «...решающим моментом являются выбор *объектов* сатиры, *исходная* точка, откуда наносится удар, *утверждение* определенных идей и принципов в противовес отвергаемым». И формулирует однозначные ответы: «Объектом этой издевки служит *бедняцко-средняцкое крестьянство, идущее в колхозы*»; «Свысока, с пренебрежением, с издевкой глядит он на то, как бедняцко-средняцкие массы под руководством партии производят социалистическую реконструкцию сельского хозяйства...»; «Здесь уже отчетливо слышится голос определенного класса...». Заканчивается статья традиционным для подобных выступлений указанием: «Редакция “Красной нови” совершила грубейшую ошибку. Будем ждать ее исправления» (ЛГ. 1931. 10 июня. С. 3).

12 июня в газете «За коммунистическое просвещение» (орган ЦК Союза работников просвещения СССР) выходит статья партийного критика Д. Ханнина «Пасквиль на колхозную деревню», в которой дается подробный разбор платоновской повести. В первой части статьи с заголовком «Человек прохожий» критик снимает вопрос об отношении Платонова к герою, всю ответственность за увиденное возлагая на автора: «Оставим путника в стороне. Его глаза — это глаза Платонова. Здесь полное тождество взглядов автора и героя, которого, собственно, и нет. <...> Это Платонов едет по колхозным полям и свои впечатления описывает». Вторую часть статьи «О классовой правде» Ханнин завершает вопросом: «Глазами какого класса смотрит он на перестройку деревни?» Ответ вынесен в название третьей части — «Чужими глазами»: «Он видит ее дикой, странной и непонятной. Во главе ее стоят либо люди явно ни к чему не пригодные <...> либо беспочвенные мечтатели <...> Партия, партийная организация отсутствует». Итоговое заключение о классовой природе повести «Впрок» представлено в последней части статьи, для названия которой Ханнин выбрал экспрессивную идиому — «Удар в спину». «Предательский» смысл повести раскрывается, по мнению критика, в том, что пролетарской правде о колхозном движении (правильная организация труда и быта колхозников, сдельщина, бригадный метод, социалистическое соревнование, ударничество) Платонов противопоставил «правду классового врага», создав «пасквиль на современную действительность» — кривое зеркало с уродливым отражением происходящего в стране. Вслед за Селивановским, Ханнин определяет платоновскую повесть как сатиру, направленную против советского строительства, а сходство со щедринской традицией оценивает как неудачное подражание классику. Статью критик завершает нравоучительным выводом, вслед за Сталиным обыгрывая слово «впрок»: «Усомнившийся Макар» в свое время вызвал «отпор советской общественности» — «Урок, как видно, не был усвоен писателем

и не пошел ему впрок. Так и запишем» (Ханин Д. Пасквиль на колхозную деревню // За коммунистическое просвещение. 1931. 12 июня. С. 2).

После публикации статей Селивановского и Ханина, 14 июня Платонов пишет второе письмо в редакции «Литературной газеты» и «Правды», в котором признает ряд формулировок предыдущего письма ошибочными (Письма. С. 298–299). Но и это обращение писателя остается без ответа, а его имя на следующий день появляется на страницах «Литературной газеты» в передовой, посвященной проблеме перестройки попутчиков: «В союзе началось отчетливое литературно-политическое и творческое *размежевание*. <...> В ряде случаев получают преобладание отчетливо выраженные *буржуазные* тенденции (как мы это видели на примере “Бедняцкой хроники” А. Платонова...)» (Перед конференцией ВССП // ЛГ. 1931. 15 июня. С. 1).

18 июня в кампанию против «Впрок» включается «Правда» — статья В. Дятлова «Больше внимания тактике классового врага». Повесть Платонова получает жесткую оценку в политическом контексте 1931 г.: «Победно развивающееся наступление социализма по всему фронту, крупнейшие успехи генеральной линии партии вызывают бешеную злобу и отчаянное сопротивление со стороны наших классовых врагов. Формы сопротивления, тактика классового врага требуют к себе пристального внимания и изучения, ибо “социальная мимикрия” классово враждебных элементов гибка и многообразна. Невнимание к этой быстро меняющейся под давлением все новых и новых побед социализма тактике классового врага приводит порою отдельные наши организации прямо к постыдным промахам. Кулак-кондратьевец вдруг получает возможность полным голосом изложить свое “крело” например, со страниц <...> советской печати. В данном случае речь идет о “Красной нови”, напечатанной в третьей книге за этот год “Бедняцкую хронику” Андрея Платонова под многозначным заголовком “Впрок”». Партийного критика не интересуют вопросы стиля, сатиры, щедринской традиции в произведении Платонова, для него нет проблемы условности маски рассказчика — «Впрок» получает однозначную политическую оценку: это «пасквиль на генеральную линию партии в целом и на политику сплошной коллективизации»; «кулацко-кондратьевская “исповедь”». По мнению критика, Платонов не ограничивается дискредитацией колхозного строительства, он старается развенчать и политику индустриализации, «и роль пролетариата в социалистической реконструкции сельского хозяйства». В «контрреволюционном пасквили» «каждое слово продумано, взвешено и затем уже поставлено в строку». То есть «Впрок», в оценке критика, — это уже не просто писательская издевка, а весьма показательное проявление изощенного мастерства классового врага, результат его целенаправленной, хорошо продуманной «подрывной» работы, который требует тщательного изучения для успешной борьбы: «“Бедняцкую хронику” Платонова, раз она увидела свет, да еще в советском журнале, стоит подробно разобрать, потому что в ней, как в капле воды, отразились маневры классового врага на современном этапе»; «Сейчас, на решающем этапе развернутого социалистического наступления по всему фронту, когда противостоящие классовые линии фронта с особой четкостью должны быть разграничены, преступлением является безразличное,

правоопportunистическое отношение к вопросам классовой борьбы вообще, к ее отражению в художественной литературе в частности»; «Должна быть повышена пролетарская классовая бдительность и в советской художественной литературе. Больше внимания надо уделить изучению тактики и конкретных форм сопротивления классового врага» (Правда. 1931. 18 июня. С. 2).

26 июня вопрос о публикации «Впрок» в «Красной нови» рассматривался на заседании коммунистической фракции секретариата РАПП. Было вынесено решение: «а) Отметить грубую политическую ошибку т. Фадеева, пропустившего в “Кр<асной> Нови” “Впрок” Платонова, получивший достаточно высокую оценку на страницах партийной печати <...> б) Отметить, что причины фактов подобного рода могут лежать только в ослаблении классовой и партийной настороженности наших редакций. в) Предложить редакторам всех рапповских журналов обеспечить привлечение к работе всех членов редколлегии. г) Отметить совершенно недопустимый факт, что рапповская критика до указания ЦК никак не реагировала на “Впрок” Платонова» (Протокол заседания фракции секретариата от 26 июня 1931 года // ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 85).

Вскоре с разоблачением «кулацкой хроники» выступила и провинившаяся «Красная новь». Статья Фадеева появилась в июньском номере журнала и в газете «Известия» (от 3 июля). Начинаясь она с привычного тезиса о том, что «кулацкие агенты все реже решаются выступать с открытым, ничем не замаскированным нападением на колхозное строительство», для чего используют маску юродивого. Именно эта тема замаскированного врага определит основной мотив статьи: «Повесть Платонова “Впрок” с чрезвычайной наглядностью демонстрирует все наиболее типичные свойства кулацкого агента самой последней формации — периода ликвидации кулачества как класса и является контрреволюционной по содержанию» (Фадеев А. Об одной кулацкой хронике // *Кр. новь*. 1931. № 5–6. С. 206). Форму произведения (язык, художественную манеру) Фадеев назовет фальшивой и лицемерной, призванной скрыть истинное отношение автора к изображаемому. В стилистике этой статьи хорошо заметно знакомство ее автора с краткими характеристиками, оставленными Сталиным на полях «Впрок». Производные слова от сталинского «Пошляк!» активно используются Фадеевым: «Бессилие и пошлость его издевки»; «юридические пошлости»; «Нужно обладать неисчерпаемым запасом тупой и самодовольной пошлости...»; «С этим неисчерпаемым запасом пошлости...». Тема последней записи Сталина («Таковы, значит, непосредственные руководители колх<озного> движения, кадры колхозов?!») получила развитие в следующих формулировках Фадеева: «Основной смысл его “очерков” состоит в попытке оклеветать коммунистическое руководство колхозным движением и кадры строителей колхозов вообще» (Там же. С. 207); «Таковы, по Платонову, непосредственные руководители колхозного движения, кадры колхозов» (Там же. С. 208). Общий тон и грубые выражения фадеевской статьи также напоминают о гневных пометах Сталина: «идиотские шутки», «тупой, животный юмор», «озлобленная морда классового врага». Как и другие критики, Фадеев в объект платоновской

«издевки» включает не только колхозное строительство, но и «массовое движение за овладение техникой», а вслед за Дятловым предлагает увидеть в повести, близкой к «чаяновской кулацкой утопии», отражение политических пристрастий автора.

Текст статьи Фадеева, напечатанный в «Известиях», несколько отличается от журнального. Наиболее показательно различие концовок: в «Красной нови», ориентированной на писательскую аудиторию, в финале появляется покаянный мотив (с почти дословным воспроизведением записи Сталина): «И потому нас, коммунистов, работающих в “Красной нови”, прозевавших конкретную вылазку агента классового врага, следовало бы примерно наказать, чтобы наука пошла впрок» (Там же. С. 209). Далее следует приписка от редакции: «Редакция присоединяется к оценке “очерков” Платонова, данной в статье т. Фадеева, и считает грубой ошибкой напечатание их в “Красной нови”» (Там же). Совсем иначе заканчивается статья на страницах общественно-политической газеты: «Социалистическому наступлению оказывает бешеное сопротивление классовый враг. Он находит своих агентов в литературе. Поэтому коммунисты, работающие в области литературы, должны зорко смотреть за маневрами классового врага и давать ему своевременный и решительный большевистский отпор» (Известия. 1931. 3 июля. С. 3).

В дневнике редактора журнала «Новый мир» В. Полонского сохранилась его реакция на статью Фадеева в «Известиях» (запись от 4 июля 1931 г.): «...вчера статья А. Фадеева о повести Платонова “Впрок”: повесть он напечатал в “Красной нови” — повесть оказалась контрреволюционной. <...> А Фадееву нужен был материал для журнала. Он хотел поднять “Красную новь” до уровня, на котором она была “при Воронском”. Ну, взял, может быть, рассчитывал на шум в печати — поднимет интерес к журналу. Но “Впрок” прочитал Сталин — и возмутился. <...> В “Правде” была статья, буквально уничтожившая Платонова. А вчера сам Фадеев — еще резче, еще круче, буквально убийственная статья. Но, заклеив Платонова как кулацкого агента и т. п., он ни звуком не обмолвился о то, что именно он, Фадеев, напечатал ее, уговорил Платонова напечатать. <...> Кончается статья призывом к коммунистам, работающим в литературе, чтобы они “зорче смотрели за маневрами классового врага” и давали ему “своевременный и решительный большевистский отпор”. Все это превосходно — но ни звука о себе, о том, что именно он-то и попался на удочку, именно он-то и не оказался зорким и т. д. Это омерзительно — хочет нажиться на собственном позоре» (Полонский В. «Моя борьба на литературном фронте». Дневник. Май 1920 — январь 1932 / публ. С.В. Шумихина // *НМ*. 2008. № 5. С. 140).

В июньском номере журнала «На литературном посту» появляется статья И. Макарьева «Клевета» (1931. № 18. С. 22–27). Обращаясь к воображаемому читателю, критик словно приглашает его включиться в обсуждение (осуждение) повести «Впрок», у которой, по его мнению, нет ничего общего с советской сатирой: «Нет, это уж не легкая сатира на колхозные недостатки» (Там же. С. 22). Слово, вынесенное в заглавие статьи, ставшее постоянным в оценках «Впрок», многократно повторяется в тексте: «Вы чувствуете, что это — *клевета классового врага* на колхозы, на колхозные кадры, на всю

нашу работу» (Там же); «Худшую кулацкую клевету, охаивающую героический труд советских колхозников, изображающую жизнь в колхозе, как сплошное безделье, — трудно выдумать!» (Там же. С. 23); «Оклеветана вся советская действительность» (Там же. С. 27). Статья Макарьева содержит уже знакомые обвинения, а в некоторых формулировках почти дословно совпадает с выступлением Фадеева: «Пошлость кулацкого писателя доходит здесь до предельной наглости распоясавшегося классового врага» (Там же. С. 26). Критик отказывает Платонову в таланте, знании быта и языка деревни, его стиль называет «скучным, серым сукном», а язык — «юродствующим». Объяснив факт публикации повести «излишней доверчивостью редакции», Макарьев все же в установленном порядке высказывает осуждение: «...трудно найти оправдание для редакции “Красной Нови”, сделавшей совершенно недопустимую политическую ошибку, позволившей классовому врагу использовать для клеветы на нас нашу же печать» (Там же. С. 27). Эта статья секретаря РАПП была опубликована также в журнале Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей «На подъеме» (Ростов-на-Дону. 1931. № 7. С. 113–120).

В июле в ленинградском отделении Всероссийского союза советских писателей проходит дискуссия об идейно-творческой перестройке писателей-попутчиков, по докладу З.Я. Штейнмана «Формула перехода — борьба за мировоззрение». О том, что на этой дискуссии звучало имя Платонова как автора «Впрок», свидетельствует заметка в журнале «Пролетарский авангард»: «...обозначился отряд писателей, чуждых и даже враждебных процессам, происходящим в нашей стране, обслуживающих средствами искусства интересы классового врага (Андрей Платонов, Куклин, Тагер, Берзин, Грабарь, Добычин и другие)» (Основные вопросы литературного движения (К очередному пленуму правления РАПП) // Пролетарский авангард. 1931. № 8. С. 183. Подпись: Г.К.).

3 августа был срочно разослан секретный циркуляр Главлита: «Уважаемые товарищи, Партия и Правительство в последнее время вынесли ряд важнейших решений и постановлений по вопросу об усилении политконтроля за выпускаемой периодической и непериодической печатью. <...> ...Конфискация № 3 “Красной Нивы” <sic!> за повесть Андр. Платонова “Впрок” и № 4–5 “Октября” за очерки Чарного “Герой” и “Киса”, “Подкоп” и т. д. требуют решительного поворота в сторону особой классовой бдительности» (История советской политической цензуры. Документы и комментарии / отв. сост. Т.М. Горяева. М., 1997. С. 289. В реальности конфискация номеров журнала «Красная новь» не производилась.)

Призывы к классовой бдительности в условиях борьбы с «замаскированным» врагом тиражируются в печати — с неизменным упоминанием о «Впрок» (см., например: Повесть классовую бдительность // Перелом. 1931. № 9. С. 1). Это находит отражение и в резолюции пленума правления РАПП (30 августа 1931 г.) по докладу А. Селивановского «Попутничество и союзничество»: «...пленум правления РАПП постановляет: в) Борясь за превращение попутчика в союзника и за окончательный переход союзника на позиции пролетариата, РАПП в целом обязан усилить свою борьбу со всеми

попытками классово враждебных пролетариату сил в литературе использовать трибуну искусства для пропаганды своих идей (что, например, имело место в “хронике” А. Платонова — “Впрок”), добиваясь полного разгрома этих сил» (*На лит. посту.* 1931. № 26. С. 5). Утверждая правильность творческой и теоретической линии РАПП, а также подчеркивая собственную проницательность, Л. Авербах в заметке «Злободневное послесловие» указал: «...“Впрок” подтвердил основную характеристику, дававшуюся мною ранее А. Платонову...» (*ЛГ.* 1931. 17 ноября. С. 2), напомнив, что еще статьей об «Усомнившемся Макаре» определил классовую сущность платоновского творчества.

Повесть о колхозном строительстве получила оценку и на страницах журнала «Земля советская», органа Российской организации пролетарско-колхозных писателей (РОПКП). В статье Д. Амурского «Заметки по существу» «Впрок» опять используется как наглядный пример «новой тактики классового врага», более изворотливого и хитрого, чем прежние «представители кулацкой идеологии» (Клюев, Клычков, Орешин): «Платоновский “бедняк” явно тенденциозен в подходе к фактам колхозного строительства. Он берет факты из колхозной жизни, использует трудности колхозного строительства с целью оклеветать всю работу и борьбу партии и рабочего класса за социализм. Не случайно этот “бедняк” выглядит чрезвычайным пессимистом. Он не верит в колхозное строительство, а поэтому всячески порочит его. Но он не только не верит, он активно сопротивляется. <...> ...Все усилия автор направляет к тому, чтобы дискредитировать идею коллективизации, доказать бесполезность борьбы за колхозы» (*Амурский Д.* Заметки по существу // *ЗС.* 1931. № 9. С. 124). «Впрок» упоминается и в резолюции комфракции Ленинградской организации пролетарско-колхозных писателей (Перелом. 1931. № 9. С. 38).

Политический резонанс от публикации повести мгновенно вышел за рамки собственно литературного процесса, оказал влияние и на другие области советского искусства. В это время выдвигается задача создания единого фронта пролетарского искусства «для отстаивания единой политической линии» в условиях активизации классового врага (см.: *Кирион В.* Единым фронтом // *Рост.* 1931. № 15. С. 2). Теоретическим вопросам искусства посвятил свою статью с говорящим названием «Конец красоте» научный сотрудник Института литературы, искусства и языка Комакадемии Н. Иезуитов. В своем изложении концептуальных основ пролетарской эстетики литературовед обращается к повести «Впрок». Сначала в общей характеристике русских мыслителей XIX — начала XX в. (Ф. Достоевского, В. Соловьева, С. Булгакова и П. Флоренского) в их отношении к прекрасному Иезуитов использует образ платоновского героя без указания на источник цитаты: «...в вопросе о красоте все они выступали вполне согласованно. Эти большие и малые мыслители, либералы и черносотенцы, “душевные бедняки” и богатые мракобесы видели в красоте абсолютную идею, существующую и существовавшую вне человеческого сознания и помимо него» (*Иезуитов Н.* Конец красоте // *Пролетарская литература.* 1931. № 4. С. 124). Затем «Впрок» служит иллюстрацией «ложной», «враждебной» позиции по вопро-

сам современного искусства: «С какой бы стороны мы ни обсуждали проблему качества пролетарского искусства, мы не можем ни в какой мере подходить к ней так, как подходит некоторая группа представителей оппортунизма в советской литературе, точку зрения которых выразил недавно А. Платонов в “бедняцкой хронике”, “Впрок”. По Платонову, у нас потому плохие пьесы и потому никуда не годится массовое искусство, что перво-сортные люди заняты непосредственно строительством социализма, а второстепенные усердствуют в искусстве <...> Данное представление о причинах недостаточного художественного качества пролетарского искусства является гнусной ложью и клеветой на работников пролетарской художественной культуры. <...> ...Пролетарскую художественную культуру строят такие же люди, что строят и социализм. Впрочем, расчленение Платоновым писателей и строителей социализма безграмотно: ведь создание пролетарской литературы есть тоже строительство социализма» (Там же. С. 156–157).

В кампанию против «бедняцкой хроники» оперативно включились работники советского кино. Еще в период подготовки и публикации первых статей о «Впрок», 8 и 13 июня, на собрании Ассоциации работников революционной кинематографии (АРРК) прозвучал доклад К.Ю. Юкова «Основные вопросы борьбы за пролетарское кино», в котором критик подробно остановился на повести Платонова как на очень поучительной для кинематографистов «вылазке классового врага»: «Этот факт очень важен для того, чтобы понять, как сложна классовая борьба и как классовый враг может хитро проводить враждебную нам идеологию. “Рассказ” Платонова сигнализирует необходимость быть особенно бдительным в литературе и искусстве» (подробнее см.: *Клементьев Р.Е.* Кинообщественность в кампании 1931 года против повести А. Платонова «Впрок» // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2018. № 4. С. 94–105).

Подтверждением тому, что произведения, подобные «Впрок», могут появляться и на экране, стало заключение о сатирическом фильме режиссера А. Маковского «Никита Иванович и социализм» после закрытого просмотра в клубе ФОСП 2 ноября: «Издательство и поклеп соперничают друг с другом. Похоже на то, словно “душевный бедняк” Андрея Платонова перекочевал на экран. Совершенно непостижимо, как могли столь клеветническую картину довести до конца? <...> Что фильм этот должен быть изъят — вполне ясно. Но этого мало. Надо еще вытащить “душевных бедняков”, которые картину эту создавали» (*Зоров А.* Клевета в пяти частях // *ВМ.* 1931. 5 ноября. С. 3).

В дискуссии о фильмах А.И. Медведкина, проходившей в московской АРРК, принял участие один из руководителей РАПП и одновременно заведующий отделом по производству фильмов «Союзкино» — В. Сутырин. В поисках ответа о причинах творческих неудач и политических поражений современных художников, работающих в сатирических жанрах, критик обращается к опыту литературы, предупредительно заявляя: «Я не буду приводить такие примеры, как недавно напечатанную “бедняцкую хронику” Андрея Платонова “Впрок”; это — явно контрреволюционная вещь» (Пролетарское кино. 1931. № 10–11. С. 7). Свой разбор сатирической повести А. Новикова

«Причина происхождения туманностей» (1929) Сутырин завершает суровым приговором: «Вывод явно недостойный советского писателя, вывод, ставящий “Причины происхождения туманностей” (по политическому значению повести) на одну книжную полку с кулацкой “Хроникой” Андрея Платонова» (Там же. С. 8).

Сходство творческой манеры Платонова и Новикова отмечалось критикой и ранее, после же публикации «бедняцкой хроники» эта параллель возникает в печати регулярно. Не очень осведомленные критики порой даже путали писателей: «За последнее время наблюдается значительная активизация буржуазной литературы. На фронте сатиры эта активизация получила свое весьма яркое выражение в повести А. Новикова “Впрок”» (*Сенин С.* За пролетарскую сатиру // Рост. 1931. № 23. С. 18). В прочной связке с повестью Платонова оказалась книга Новикова «Гоночное поле». Так, автор статьи с характерным названием «Больше бдительности!» говорит о книге Новикова как о выражении той самой враждебной тенденции, которая обнаруживает себя, «показывая лицо юродствующего “душевного бедняка”. В основе этого представления — кулацкая ирония, юродство, искажающее нашу действительность». Критик не может не отметить и стиливую близость книги Новикова «пресловутой повести “Впрок” Андрея Платонова. Тяжелые обороты, явные погрешности против синтаксиса, претендующие на стилизацию речи юродивого, — все это, очевидно, призвано затушевать, скрыть действительное лицо книги. Но это не удастся. Книга разоблачает автора» (*ЛГ.* 1931. 10 сент. С. 2. Подпись: В-Р). И в дальнейшем в отрицательных откликах на произведения Новикова будет отмечаться сходство его стиля с платоновским — например, в отзыве «Федерации» на книгу «Комбинат общественного благоустройства»: «Вся книга крайне ерническим, подхихикивающим стилем и не только является рабским подражанием Андрею Платонову, но многие страницы ее выглядят как прямая карикатура на Андрея Платонова» (*РГАЛИ.* Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 95. Документ от 25 июня 1932 г.).

«Впрок» упоминается в дискуссиях о творческом методе (см.: *Замошкин Н.* О смежных и касательных сторонах диалектико-материалистического метода в литературе // *НМ.* 1931. № 11. С. 179–180; *Серебрянский М.* Воронщина сегодня // *На лит. посту.* 1932. № 1. С. 30); становится аргументом в обвинительных выступлениях в адрес «толстых» журналов и издательств: «На сегодняшний день мы должны констатировать неповоротливость “толстых” журналов, слабое реагирование ими на постановление секретариата РАПП. Они предпочитают печатать такие “перлы”, как “Черное золото”, “Впрок”...» (*Кириянов С.* За качество продукции // *На лит. посту.* 1931. № 19. С. 43). Защищаясь от нападков политических противников, В. Полонский указывал на осторожность и избирательность «Нового мира» в отборе материала: журнал «в последнее время дал ряд передовых произведений попутнической прозы, которые являются наилучшим показателем для характеристики положительных процессов, наблюдаемых в попутничестве. Все это происходило в то время, когда другой журнал, ставящий те же задачи, что и “Новый мир”, но находившийся фактически в руках налитпостовцев, был на деле журналом, отражавшим правое, реакционное крыло попутничества. Разве “Впрок” был напечатан в “Новом мире”, а не в “Красной нови”?»

(Вторая речь В. Полонского // *НМ*. 1931. № 10. С. 149). В статье о десятилетии «Красной нови», отмечая особую роль «толстого» журнала как «инструмента литературной политики партии», Н. Оружейников вновь напомнил о политическом промахе редакции, однако попытался оправдать ее новый состав: «Первый номер, вышедший под маркой ФОСП, заключил в себе целую серию сюрпризов: кулацкая, клеветническая хроника “Впрок” <...> Это — наследство, от которого не успела избавиться новая редакция» (*Оружейников Н.* 10 лет журнала «Красная новь». Ближе к линии огня! // *ЛГ*. 1931. 12 дек. С. 3). Недостаточное внимание к «кулацкой опасности» в литературе», в частности к повести Платонова, ставится в вину журналу «Земля советская» (см.: *Гурвич В.* Выше темпы перестройки! // *Резец*. 1931. № 36. С. 14).

Особо планомерной критике за публикацию чуждых произведений подверглось издательство «Федерация»: «Мы должны потребовать отчета от тех, кто “апробировал” появление книг с клеветой на нашу действительность». Это требование к издательству предварялось ссылкой на очередное выступление Авербаха, в котором вновь упоминался «Впрок» (О конкретных случаях проявления буржуазной опасности в литературе // *ЛГ*. 1931. 2 ноября. С. 1). Отказ ГИХЛ от издания повести Платонова, о чем осенью 1931 г. напомнил председатель рабочего редсовета Д. Павлов, должен был свидетельствовать о бдительности работников издательства (Больше внимания, больше связи с рабочим редсоветом // *Художественная литература*. 1931. № 11. С. 2).

С конца 1931 г. в языке критики «Впрок» появляются новые формулировки, что связано с публикацией письма И. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» по поводу статьи Слуцкого «Большевики о Германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса». Документ был воспринят как «прямая директива нашей марксистской критике по усилению борьбы с классовым врагом на всем идеологическом фронте...» (*Карлин С.* Против буржуазной опасности в литературе // *На лит. посту*. 1932. № 1. С. 39). Принимается специальное постановление секретариата ВОАП «Письмо тов. Сталина и задачи ВОАП» с требованием проверить всю работу пролетарских критиков, провести широкую мобилизацию общественности и «разработать развернутый план наступления на агентуру классового врага в области литературы, разоблачив конкретных носителей классово-враждебных влияний...» (*Пролетарская литература*. 1931. № 5–6. С. 11–12). Слово-сочетания «гнилой либерализм» и «контрреволюционная контрабанда» из письма Сталина перешли в устные и письменные выступления критиков, в том числе при характеристике «Впрок». Это нашло отражение в целом ряде документов конца 1931 — начала 1932 г. Так, в резолюции общего собрания ячейки ВКП(б) Института красной профессуры ЛИЯ об итогах проработки письма Сталина отмечалось: «Наименее перестроившимся звеном нашей печати являются журналы. Здесь мы находим особенно вопиющие факты гнилого либерализма (“Пролетарская революция” — ст. Слуцкого, и “Советское строительство” — передовица о советах, “Красная новь” — кулацкая хроника Платонова...)» (*Марксистско-ленинское искусствознание*. 1932. № 1. С. 137). В выступлении литературоведа С. Динамова «Боевые задачи марксистской критики» в Институте литературы и искусства Комакадемии

подчеркивалось: «Прежде всего нужно понять, что правильная марксистско-ленинская теория не может быть построена без решительной и беспощадной борьбы с “гнилым либерализмом” <...> Редакция “Красной нови” предоставила трибуну своего журнала для откровенно кулацкой вылазки Платонова (“Впрок”))» (Марксистско-ленинское искусствознание. 1932. № 1. С. 3, 4). Подобные формулировки прозвучали и на пленуме правления РАПП (см.: Подъем. 1931. № 10. С. 58; *Подобедов М.* За ленинский этап пролетарской литературы (к итогам IV пленума РАПП) // Подъем. 1931. № 11–12. С. 66, 67; «Об очередных задачах перестройки РАПП». Резолюция по докладу Л. Авербаха на пленуме РАПП 2 декабря 1931 г. // Пролетарская литература. 1931. № 5–6. С. 16). Тезисы о неудовлетворительной работе пролетарской критики подкрепляются указаниями на недостаточно серьезное разоблачение «Впрок»: «...без художественного анализа произведения политическая его оценка будет недостаточно глубока и зачастую неверна. Если в этом плане взять, к примеру, ту критику, которая была дана повести А. Платонова “Впрок”, то она недостаточно еще разоблачила кулацкую, юродствующую суть художественных особенностей этого произведения. А ведь стиль произведений прозаиков А. Новикова, И. Одоева, ленинградского поэта Заболотского находится в художественно-идейном родстве с линией творчества Платонова. Критика на это не обратила внимания, не указала и политическое не заострила проблему дальнейшего творческого развития этих писателей» (*Корабельников Г.* Звенья перестройки // *На лит. посту.* 1932. № 1. С. 24).

Откликаясь на заказ партийного руководства, журнал «Пролетарский авангард» публикует развернутую статью П. Березова «Под маской». Название статьи не отличалось оригинальностью, в тексте повторялись распространенные в печати обороты, да и список «враждебных» произведений был стандартным — Березов обратился к творчеству А. Платонова, А. Новикова, Л. Грабаря, А. Тарасова, Л. Гумилевского, О. Форш, Б. Пастернака и др. Платонову вновь ставится в вину глумление над низовыми кадрами, серость и безрадостность в изображении колхозной жизни, неверие в индустриализацию и коллективизацию, стилизацию «под юродивого»: «Специально следует отметить манеру вычурного и хитрого письма А. Платонова и А. Новикова, которые стилизацией речи под юродивого пытаются замаскировать, скрыть классово враждебный тон своих реакционных высказываний» (Пролетарский авангард. 1932. № 2. С. 182). В статье, повторяющей критические штампы, лишь тема «маски» получила некоторое развитие: если до этого говорилось о маске сочувствующего, под которой скрывается «озлобленная морда классового врага» (А. Фадеев), то в трактовке Березова Платонов использует уродливые маски, чтобы исказить подлинное лицо колхозных строителей.

По тому, насколько своевременно и правильно литературные организации отреагировали на «враждебные вылазки» (в том числе на публикацию «Впрок»), выносятся решения о качестве работы этих объединений. Так, Российскую организацию пролетарско-колхозных писателей упрекают в том, что она «прошла мимо контрреволюционных произведений о колхозном строительстве (А. Платонов “Впрок”...)» (ЛГ. 1932. 4 янв. С. 3). Напротив, рапповская критика, как отмечал Фадеев, выступая на первом

производственном совещании критиков РАПП, «разоблачила целый ряд враждебных нам литературных произведений — “Ортодоксы” А. Тарасова, “Впрок” А. Платонова, “Гугенот из Териберки” В. Правдухина, “Сумасшедший корабль” О. Форш и др.» (ЛГ. 1932. 28 янв. С. 1).

Промежуточные итоги самого острого периода кампании против «Впрок» были подведены на творческом вечере Платонова во Всероссийском Союзе советских писателей 1 февраля 1932 г. В связи с «бедняцкой хроникой» были поставлены вопросы о стиле (Л. Леонов), сатире (П. Слетов), мировоззрении Платонова, а также об отношении писателя к «политической характеристике» его повести в критике.

В кампании против «Впрок» приняли участие и воронежские литераторы. На состоявшемся 23 февраля литературном вечере член редколлегии журнала «Подъем», активный участник литературной жизни Воронежа Л. Плоткин в докладе «Классовая борьба на литературном фронте» говорил о повести, используя типовые словосочетания и формулировки: «В настоящее время певцы ликвидированного кулачества выступают в роли юродствующих шутов, клеветнически высмеивающих колхозное строительство. В этом смысле наиболее показательна “Бедняцкая хроника” А. Платонова, которую, конечно, следовало бы назвать *кулацкой* хроникой. Колхозники в кривом зеркале А. Платонова выглядят обитателями сумасшедшего дома. <...> Такими же идиотами выводит Платонов и партийные кадры, руководящие колхозным движением. И всему этому Платонов с предельной и наглой откровенностью и с большим сочувствием противопоставляет некий лжеколхоз, в котором окопавшееся кулачье благоденствует. <...> Смысл “философии” сей ясен. Распоясавшийся классовый враг использовал трибуну советского журнала (“Хроника” напечатана в “Красной нови”) для того, чтобы оплывать героическую борьбу многомиллионных колхозных масс за социалистическое земледелие» (Подъем. 1932. № 3–4. С. 93).

После принятия постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (от 23 апреля 1932 г.) преобладающим мотивом в выступлениях партийных критиков становится признание собственной «близорукости», в том числе в отношении «Впрок» (см.: Сидоренко Н. Боевые задачи марксистско-ленинской критики (К итогам критического совещания) // На подъеме. 1932. № 3. С. 112–113). Теперь Фадеев был вынужден признать, что активное участие в разоблачительной кампании против «Впрок» не избавило критиков РАПП от ошибок в работе: «Конечно, можно привести десятки случаев <...> правильного разоблачения и мещанской пошлости, и приспособленчества, и прямых враждебных вылазок (стоит упомянуть критику романов “Красное дерево” и “Волга впадает в Каспийское море” Пильняка, “Мы” Замятина, очерков группы писателей “Балахна”, “Впрок” Платонова, рассказов Буданцева и т. п.), но это было повседневной обязанностью РАПП, а ошибки становились тормозом дальнейшего литературного развития, и поэтому о них нужно говорить» (ЛГ. 1932. 17 окт. С. 2).

О публикации повести Платонова знали и за границей. Еще до появления первых статей в советской печати «Впрок» отметили в эмиграции — заметкой в газете «Последние новости». Автором заметки, подписанной *Сизиф*, был поэт, литературный критик и переводчик Г.В. Адамович, который

с 1928 г. вел еженедельное книжное обозрение в газете. Ошибочно указав «Октябрь» в качестве журнала, напечатавшего «Впрок», автор заметки сделал акцент на жанровом определении произведения: «Это не роман и не повесть. Это “бедняцкая хроника” <...> Произведение замечательное». Особо критик отметил образ Упоева и остановился на теме «Сталин — наследник Ленина», неточно цитируя текст повести: «Дальше выясняется, что “без призора нас Ленин не покинул, из мудрых мудрейшего выделил — Сталина”» (Последние новости. Париж. 1931. 21 мая. С. 3. Подпись: *Сизиф*). После публикации в «Известиях» фадеевской статьи появилась анонимная заметка в «Последних новостях» — «Травля Андрея Платонова» (Последние новости. Париж. 1931. 6 июля. С. 2). Высокую оценку «Впрок» дал Е.И. Замятин, когда писал из Парижа в мае 1932 г. американскому филологу и переводчику А.Ц. Ярмолинскому: «Что касается вопроса о Вашей антологии русской прозы, которой Вы интересуетесь, ответить на него не так легко, потому что антология такого рода имеет двойную цель: выбрать лучшее произведение, в котором лучше всего отражена жизнь современной России. Не слишком часто удается найти произведение, отвечающее этим двум целям одновременно. <...> В том же журнале “Красная новь” <...> была опубликована повесть Платонова “Впрок”, нашумевшая в Москве: это произведение, в основе которого впечатления от “колхоза”, довольно сатирическое, но очень интересное и хорошо написанное» (цит. по: «...Я человек негнувшийся и своевольный. Таким и останусь». Письма Е.И. Замятина разным адресатам / публ. Т.Т. Давыдовой, А.Н. Тюрина // *НМ*. 1996. № 10. С. 153).

В последующие годы при упоминании «Впрок» критики использовали формулы, отточенные в публикациях и выступлениях 1931–1932 гг.: «“Впрок” дает неверное представление о сущности коллективизации...» (*Гнедина Н.* Андрей Платонов // *Литературная энциклопедия*. М., 1934. Т. 8. С. 689). В ходе кампании против Н. Заболоцкого, начатой в 1933 г., о повести Платонова вспоминает Е. Усиевич. Критик ищет в литературе корни таких явлений, как «маскировка» и «юродство», и находит источник — «Впрок»: «Но что юродская форма не является специфической особенностью Заболоцкого, а именно одной из основных форм, используемых на данном этапе для классово-враждебных выступлений, об этом следует твердо помнить. Чрезвычайно характерно, что такого рода юродские выступления в художественной литературе начали появляться именно в реконструктивный период, начиная с повести “Впрок” Платонова, Вагинова и кончая юродскими баснями Эрдмана...» (*Усиевич Е.* Классовая борьба в литературе // *Литературный критик*. 1934. № 1. С. 25). Тема «замаскированного врага» в литературе, получившая разработку с 1931 г., не теряла актуальности и в 1934 г.: «...вот в этих-то юродивых словословиях, написанных с особыми формалистическими вывертами, выхолащивается вся сущность социализма, как раз в него он изображается в виде царства всеобщей глупости, серости и ограниченности, т. е. под видом апофеоза социализма преподносится имеющая за собой вековую давность глупая и жалкая пародия на социализм. Бросается в глаза, что такого рода произведения стали появляться именно в реконструктивный период <...> “Впрок” Платонова, отдельные вещи Вагинова,

наконец, как венец и завершение “Торжество земледелия” Заболоцкого — все эти вещи носят именно характер издевательства под видом восхваления» (Усевич Е. Литературное сегодня // ЛГ. 1934. 26 янв. С. 1).

Накануне открытия Первого съезда советских писателей А. Селивановский в статье «Инженерия душ» включает повесть Платонова в перечень наиболее характерных отрицательных явлений предшествующего периода: «В то время враждебные социализму силы на литературном фронте были значительно более велики, чем сейчас. Прямые памфлеты на социализм (например, роман Е. Замятина “Мы” или более поздняя “хроника” Андрея Платонова “Впрок”), волна кабацкой, шедшей под знаком есенинщины, лирики, проповедь кулацкой “расейщины”, плач по отсталой, кондовой, толстозадой Руси, национально-демократические вылазки в литературе народов СССР, культурная (и иная) ориентация на капиталистический Запад — в таких и в других формах проявлялось в литературе сопротивление классового врага начавшемуся развернутому социалистическому наступлению» (Селивановский А. Инженерия душ // Известия. 1934. 12 авг. С. 3).

О «Впрок» не забыли и в 1935 г. На втором пленуме правления Союза советских писателей в прениях по докладам о критике оргсекретарь Союза писателей СССР А.С. Щербаков предложит обратить особое внимание на творчество Платонова: «...Андрей Платонов принадлежит к тем писателям, о творческом пути которых надо поговорить. Товарищи, вероятно, помнят, что Андрей Платонов является автором произведений: “Впрок”, “Усумнившийся Макар” <sic> и другие. В этих произведениях Андрей Платонов с кулацких позиций обстреливал индустриализацию, коллективизацию, протаскивал идейки о перерождении партийных кадров» (ЛГ. 1935. 10 марта. С. 3).

Вновь о «бедственных ошибках» Платонова скажет весной 1937 г. критик А. Дроздов: «Душный творческий мир Платонова и метод его “стихийствующего” письма не мог не привести к ряду тяжелых, опустошающих, бедственных ошибок. Этот своеобразный писатель, запутавшись в ловушках своего худо воображенного мира, зашел в тупик. Живя в нем, идти дальше было некуда. Повести “Усомнившийся Макар” и “Впрок”, появившиеся в эпоху коллективизации, отчетливо играли на руку классовому врагу» (Дроздов А. Выход в счастье // ЛГ. 1937. 10 марта. С. 5).

«Бедняцкой хронике» уделит внимание А. Гурвич в обстоятельной монографической статье «Андрей Платонов». Включив в свое повествование «Впрок» через уже привычные характеристики «клевета», «ирония», «пародия», «извращение действительности», Гурвич рассматривает повесть с точки зрения «генеалогии платоновского образа “большевика”». Он, по мнению критика, не претерпевает существенных изменений — меняется лишь «отношение писателя к идее большевика», но не сам образ. Гурвича интересуют герои-«великомученики» — Сенька Кучум, Упов и батрак Филат, которые, по его мнению, воплощают постоянные в творчестве Платонова темы жертвенности, самозабвения и аскетизма. В этом они сближаются с героем сказа «Бессмертие» — с той лишь разницей, что во «Впрок» эти образы карикатурны, анекдотичны и абсурдны. Не знающие радости герои, населяющие художественный мир Платонова, выражают, как считает критик,

неизменное авторское представление о действительности: «...все беллетристические произведения Платонова, независимо от эпохи, к которой относятся их содержание, и от времени их опубликования, несут на себе печать единого, глубоко порочного и в то же время весьма устойчивого мироощущения автора» (Гурвич А. В поисках героя. М.—Л., 1938. С. 61).

Выход книги отметил главный редактор журнала «Красная новь» В. Ермилов, согласившись с выводами Гурвича о своеобразии платоновского творчества: «Юродское восхваление нищенства, материального и духовного — “блаженны нищие духом” — отличает многие произведения писателя. Раскрыв эту сторону платоновского творчества, Гурвич показывает, что апология нищенства имеет у Платонова обратную сторону — разгул необузданного “своеволия” анархической личности, продиктовавший такие произведения А. Платонова, как “Впрок”, “Усомнившийся Макар”, “Город Градов” и др.» (ЛГ. 1938. 20 сент. С. 3). С критикой взглядов Гурвича выступила Е. Усиевич (Литературный критик. 1938. № 9—10. С. 172). В полемику вступил В. Ермилов, увидев в защите «ложных, политических вредных произведений» Платонова (в том числе «Впрок») негативные тенденции современной литературной критики (ЛГ. 1938. 15 дек. С. 2). Дискуссия продолжилась и в 1939 г. — на состоявшемся в конце апреля заседании президиума ССП, см. выступления А. Гурвича, Е. Усиевич, В. Герасимовой (ЛГ. 1939. 26 апр. С. 2—3).

О «Впрок» вспомнят и после Великой Отечественной войны. В статью «Клеветнический рассказ А. Платонова» В. Ермилов вновь вернется к «бедняцкой хронике»: «А. Платонов давно известен читателю и с этой стороны, — как литератор, уже выступавший с клеветническими произведениями о нашей действительности. Мы не забыли его кулацкий памфлет против колхозного строя под названием “Впрок” <...> Мы не вспомнили бы об этом, если бы А. Платонов не повторялся. <...> Надоела вся манера “юродствующего во Христе”, характеризующая писания А. Платонова» (ЛГ. 1947. 4 янв. С. 4).

С. 7. В марте месяце 1930 года... — Март 1930 г. отмечен публикацией важнейших документов периода сплошной коллективизации: статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов (К вопросам колхозного движения)» (Правда. 1930. 2 марта. С. 1) и Постановления ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» (Правда. 1930. 15 марта. С. 1). Кроме того, принимается ряд документов, содержащих практические указания по колхозному строительству: «Примерный устав артели» (Правда. 1930. 2 марта. С. 1), «Примерная рабочая программа весеннего сева в колхозах» (Там же. 3 марта. С. 4), «Примерные нормы выработки в колхозах по основным работам в весеннюю кампанию» (Там же. 6 марта. С. 4). Правительственные документы были вызваны необходимостью срочных мер в связи с обстановкой, сложившейся в стране в результате форсированной коллективизации. Сев (в южных районах СССР он начинался в конце марта) оказался под угрозой срыва. В статьях и постановлениях не ставились под сомнение успехи колхозного строительства, не пересматривались его темпы; нарушение принципа добровольности при организации колхозов представлялось

как административный произвол отдельных работников на местах; осуждалась практика насильственной коллективизации: грубое обращение с крестьянами, мародерство; принудительное обобществление жилых построек, мелкого скота, птицы; искусственное раздувание процента коллективизации, закрытие церквей, упразднение рынков и базаров. В наиболее неблагоприятные районы в начале марта выехали из Москвы инструкторские группы Наркомзема СССР — «для принятия мер» (Правда. 1930. 22 марта. С. 2). Местные партийные организации, получив руководящие указания ЦК, отчитывались о ликвидации «перегибов». В каждом мартовском номере центральных газет публикуются сообщения о борьбе с «головотяпством», «чиновничьим декретированием», «хвастливыми резолюциями», «бумажными колхозами». О том, что эта всесоюзная кампания не означала изменения политического курса, свидетельствуют четкие правительственные установки: «Партия ни на йоту не будет отступать от своей политики наступления на кулака, политики ликвидации кулачества как класса» (Вылазки классового врага // Правда. 1930. 23 марта. С. 4); «Работа по ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации должна быть доведена до конца» (Организовать сев! Сокрушить сопротивление кулака // Правда. 1930. 24 марта. С. 1).

...душевный бедняк... — Определение «душевный» образовано от слова «душа», существование которой отрицало материалистическое мировоззрение. См., например, как это объясняет врач в книге из дешевой массовой серии, предназначенной для деревенского читателя: «Слово “душевнობольной” держится от прежнего времени, когда думали, что у человека есть душа, которая управляет его мыслями, словами и поступками. Одним словом, раньше думали, что характер и вообще все поведение человека зависит от его души. <...> Но теперь наука доказала, что никакой души у человека нет, а вся так называемая по старинке душевная жизнь человека есть не что иное, как работа его головного мозга» (Тяпугин Н.П. О дурачках и юродивых. М.—Л., 1928. С. 16).

...он сделан из телячьего матерьяла... — Подобная характеристика приобрела особую актуальность после публикации рассказа И. Катаева «Молоко» (1930, перевальский сборник «Ровесники»). Произведение вызвало гневную реакцию пролетарской критики, осуждавшей автора за образ рассказчика по прозвищу Телочка, мягкосердечного и жалостливого к классовому врагу: «Много ли этой гуманностью сделаешь? Выстроишь ли социализм в варварски отсталой <...> стране жалостью, “телячьей” нежностью, хлюпкой гуманностью?» (Серебрянский М. Эпоха и ее «ровесники» // На лит. посту. 1930. № 5–6. С. 21).

Он походил на полевого паука, из которого вынута индивидуальная, хищная душа... — В политических статьях, агитационном искусстве и литературе за образом паука закрепилось значение классового врага — хищника-капиталиста или кулака. См., например: на плакате В. Дени «Хлебный паук. Кулак-мирод» (1922); в выступлении В.М. Молотова «О значении посевной кампании»: «Никакое сопротивление кулаков, этих пауков деревни, им уже не поможет» (Крест. газ. 1930. 11 февр. С. 1); в статье И.В. Сталина «Ответ товарищам колхозникам»: «Терпеть дальше этих пауков и кровопийц, поджигающих колхозы, убивающих колхозных деятелей и пытающихся сорвать

сев, — значит идти против интересов рабочих и крестьян» (Правда. 1930. 3 апр. С. 1); в колхозных очерках: «Третий Колесник — виднейший братенецкий паук — посажен на Холодную гору за кулацкий террор» (Дубинский И. Перелом. М., 1930. С. 87).

...где еще жил и косвенно ел бедноту кулак. — Согласно Постановлению СНК СССР от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде» признаками кулацких хозяйств являются: систематическое применение наемного труда, наличие мельницы, маслобойни, сдача в наем помещений, наличие нетрудовых доходов и др.

...тогда как настоящий пролетарский человек должен иметь в своем составе серную кислоту, дабы он мог сжечь всю капиталистическую стерву... — Классовая ненависть как важнейшая составляющая нового «пролетарского» гуманизма провозглашалась партийной критикой: «...главным лозунгом является последовательная, решительная и беспощадная ненависть к классовому врагу. <...> Наш гуманизм предполагает эту ненависть, он без нее обойтись не может» (Против буржуазного либерализма в художественной литературе. Дискуссия о «Перевале» (апрель 1930). М., 1931. С. 27).

С. 7–8. *...не из признания, что безвольное созерцание важнее напряжения и борьбы. ~ ибо ценное наблюдение может произойти только из чувства кровной работы по устройству социализма.* — Фрагмент появляется во второй редакции повести и содержит явную отсылку к литературным дискуссиям об авторе-наблюдателе и авторе-участнике социалистического строительства, см., например, одно из выступлений на эту тему: «Нельзя смотреть на материал со стороны <...> Объективно взгляд на материал со стороны дает или плохие, или чуждые эпохе произведения, а субъективно создает для писателя трагический разрыв с современностью» (Огнев Н. «Я» перерастает в «Мы» // ЛГ. 1930. 3 марта. С. 1). В зависимости от оценки позиции автора критики делили очерки на публицистические и описательно-туристические (Л. Корелин), пролетарско-крестьянские и обывательские (М. Беккер), организационные и мемуарные (В. Перцов). В этих парах очерки, наполненные «активизмом», оптимизмом и пафосом строительства, противопоставлялись остальной очерковой литературе — причем как окровленной халтуре (поверхностному описательству), так и произведениям, не отвечающим идеологическим требованиям эпохи.

Об участии писателя в социалистическом строительстве см. в статье «Великая Глухая» (1930): «...писатель не может далее оставаться лишь профессионалом одного своего дела: он должен вмешаться в самое строительство, он должен стать рядовым участником его, ибо трудно в такое время сидеть и писать, не строя самого социалистического существа» (Сочинения, 4(2). С. 324).

С. 8. *...этот человек поехал в отдаленные черноземные равнины, где у открытых водоемов стоят, обдуваемые ветром, глиносоломенные избы мелко-имущественных бедняков.* — Герой отправляется в Центрально-Черноземную область, которая была образована в 1928 г. (см. об этом примеч. к рассказу «Областные организационно-философские очерки»: Сочинения, 4(2). С. 474–476). В начале 1930 г. область включала 12 округов: Белгородский, Борисоглебский, Елецкий, Козловский, Курский, Львовский, Орлов-

ский, Острогжский, Россошанский, Старо-Оскольский, Тамбовский, Усманский.

ЦЧО характеризовалась большим количеством сельского населения: по данным переписи 1926 г., в сельской местности проживало более 90% всего населения области (см.: Административно-территориальное деление Союза ССР и список важнейших населенных пунктов. Изд. 8-е. М., 1929. С. 82). При перенаселенности — см.: «На один квадратный километр здесь приходится 52 человека жителей, что в два раза превышает плотность других земледельческих районов» (*Чаянов, Дукин*. С. 16), — старых формах хозяйства (зерновое трехполье), небеспеченности крестьян сельскохозяйственным инвентарем и лошадьми (высокий процент безлошадных в ЦЧО) область считалась крайне бедной и отсталой: «ЦЧО один из наиболее отсталых районов республики» (*Черменский П.* За изучение производительных сил Центр.-Черноземной области // Коммуна. 1930. 3 янв. С. 3); «ЦЧО — хозяйственно и культурно отсталая аграрная область» (*Рябинин Е.* Пути развития хозяйственного и культурного строительства ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. 1930. № 3–4. С. 3). Вот характерный фрагмент из очерка, посвященного дореволюционному прошлому области: «Господство помещичьей знати наложило, казалось, неизгладимую печать на всю область. Крестьянство хирело, задыхалось от малоземелья и помещичьей зависимости. Сермяжная, домотканая жизнь, вся в почестях, язвах и лишениях невежества и нищеты, дожила до наших дней. Еще недавно здесь можно было встретить много сел, в которых на 200 человек едва набиралось 15–20 грамотных людей» (*Озерский Ал.* На полях Черноземья // *Наши дост.* 1930. № 3. С. 58). На известную книгу земского врача А.И. Шингарева о двух селениях Воронежского уезда — «Вымирающая деревня» (первое издание в 1901 г.) — печать активно ссылалась и в 1930 г.

С началом сплошной коллективизации ЦЧО заслужила статус одной из самых неблагоприятных, опасных областей, «где за 2 месяца и 14 дней 1930 г. произошло 205 выступлений с 83 030 участниками. Именно в этом регионе раскулачивание <...> сопровождалось насилиями, издевательствами, арестом людей, захватом имущества и дележом его среди бедноты и местных работников» (*Совершенно секретно*, 8(1). С. 58). Несмотря на то что ЦЧО не относилась к основным зерновым районам СССР, которые должны были в первую очередь перейти на сплошную коллективизацию, местные власти с конца 1929 г. взяли курс на максимальное развертывание коллективизации и раскулачивание. «Здесь нужны революционная инициатива и суровая решительность»; «Никаких колебаний!», — писала газета Борисоглебского округа «Колхозная правда» (1930. 2 февр. С. 2). Организация колхозов началась с арестов — «производились подворные обходы, описывалось имущество <...> Нежелающих вступать в колхоз арестовывали» (*Трагедия советской деревни*, 2. С. 12). В докладах в ЦК ВКП(б) секретарь обкома ЦЧО И.М. Варейкис сообщал: «Развернувшаяся в связи с коллективизацией массовая работа и массовое колхозное движение в области идет таким темпом, который дает все основания предполагать, что сплошная коллективизация области будет закончена в основном в весеннюю посевную кампанию 1930 г.»; «В течение февраля-марта мы, очевидно, закончим

полностью коллективизацию ЦЧО» (*Трагедия советской деревни*, 2. С. 226, 234). Этот темп был поддержан и центральной властью. В конце февраля в ЦЧО приехал Калинин, — выступая на объединенном пленуме облисполкома и Воронежского горсовета, он объявил о победе области на фронте коллективизации. В свою очередь, выступавшие «заверили партию, ЦИК и т. Калинина, что к весне область будет коллективизирована на сто процентов, что ЦЧО перестанет быть отсталой областью в Союзе» (*Нов. жизнь*. 1930. 22 февр. С. 6). Процент коллективизации по области вырос мгновенно: в декабре 1929 г. — 16,7%, в феврале 1930 г. — 73,6%, в марте — 80% (первое место среди всех областей и республик). Весной 1930 г. ЦЧО постоянно упоминается на страницах печати как наиболее показательная область по «головокружению от успехов». Именно в таком контексте о ней говорит И.В. Сталин в статье «Ответ товарищам колхозникам» (*Правда*. 1930. 3 апр. С. 1), этот статус области подтверждает и Варейкис: «Что такое ЦЧО? Иные думают — это “страна лаптей, это аграрно отсталая область” мелкого индивидуального хозяйства. Что такое ЦЧО? Некоторым теперь может быть известно — область перегибов!» (*Варейкис И. Задачи областной парторганизации в связи с шестнадцатым съездом ВКП(б) // Коммуна*. 1930. 30 апр. С. 2).

Наибольший процент рабочих-двадцатипятипятитысячников, мобилизованных по всей стране на проведение коллективизации, был направлен в ЦЧО. Так о массовых поездках в область рассказывается в одном из очерков весны 1930 г.: «Деревушки — кучки белых хаток, слившихся со снегом и чернеющих закоптелой соломой крыш — деревушки одна за другой отлетают назад. <...> Из окон вагона по обеим сторонам видны горы песку, груды камня, кирпича. <...> А в вагоне, на полках, — едущие в колхозы рабочие, партийцы, активисты, добровольцы. <...> Поезда во все стороны ЦЧО несут тех, что должны удобрить собой черноземную деревню, — несут рабочих-колхозников. И оттого, что это удобрение попадет в чернозем деревень, — будет легче взрастить новое, превратить в явь лозунг: Центрально-Черноземная область будет сплошным колхозом!» (*Филиппов Ник. Чернозем // Беднота*. 1930. 23 марта. С. 3).

Глиносоломенные избы — избы с крышей из соломы, тщательно пропитанной глиной. Такой тип кровли на территории ЦЧО был известен с XVII в., см.: «...черкасы отличались искусством возведения глинобитных построек и глиносоломенных крыш» (*Историко-статистическое описание Воронежского края. Воронеж, 2012. С. 113*), получил широкое распространение с конца XIX в., а в 1930 г. предлагался в качестве основного при разработке стандарта колхозной постройки (см.: *Беднота*. 1930. 19 янв. С. 4; Там же. 16 марта. С. 1). Основные преимущества такого типа крыши — «в огнестойкости, слабой теплопроводности, водонепроницаемости, дешевизне и наличии значительного количества этого вида стройматериала на месте» (*Сельскохозяйственный словарь-справочник. М.—Л., 1937. 3-е изд. С. 231–232*).

...строились различные пункты, предприятия, конторы, башни ~ железные и кирпичные приспособления для деревенского общественного хозяйства или целые корпуса благодетельных заводов. — Одной из задач первой пятилетки (конец 1928 — 1932 г.) стала индустриализация страны (развитие крупного машинного производства во всех отраслях народного хозяйства).

По ориентировочному проекту специализации сельскохозяйственных районов, составленному Сельскохозяйственной академией им. В.И. Ленина, на 10 марта 1930 г. почти вся Центрально-Черноземная область относилась к свекловично-животноводческому району. Условием реализации этого плана выдвигалось скорейшее развитие индустрии: строительство сахарозаводов, маслоделных, картофелеперерабатывающих, плодоовощных, беконных и птичьих фабрик (см.: *Чаянов С.К.* Приемы повышения урожайности в разрезе с.-х. районов РСФСР и реконструкции сельского хозяйства в них. М.—Л., 1930. 2-е изд. С. 96). Кроме того, в качестве ближайшей весенней кампании после посевной называлось строительство в колхозах «конюшен, скотных дворов, силосов, амбаров, зерновых хранилищ, подвалов и других производственных построек» (*Чаянов, Дукин.* С. 120).

Ярославские и амовские автомобили — советские грузовые автомобили. Московский завод АМО (возник из товарищества на паях «Автомобильное московское общество», 1915–1916 гг.) с начала 1930 г. реконструируется, его производственная программа увеличивается до 50 тысяч грузовых автомобилей в год, растет мощность выпускаемых грузовиков. Грузовой автомобиль Я4 создавался на Ярославском автомобильном заводе, который также в это время расширяется «до размеров ежегодного выпуска 20 тыс. тяжелых грузовиков» (*Оськин Д.* Наши задачи // Автотракторное дело. 1930. № 1–2. С. 1). 1930 год был объявлен первым годом практической автомобилизации СССР. Основанное в 1927 г. Общество содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог (Автодор) в 1929–1930 гг. проводит широкую пропаганду автомобилизации: выпускаются специальные брошюры, в печати и по радио освещаются вопросы автодорожной работы, устраиваются киносьемки, агитпробеги, лекции и т. д. Важнейшей темой становится борьба с бездорожьем: «Огромное большинство наших дорог (99%) почти первобытного грунтового типа, и ездить по ним может лишь наша телега» (*Купреянов К.* Улучшение грунтовых дорог промасливанием // За рулем. 1929. № 7. С. 5). В марте 1929 г. в Воронеже проходил съезд Автодора ЦЧО, на котором отмечалось крайне неудовлетворительное состояние дорог в области: «ЦЧО имеет 82 тыс. километров гужевых дорог, из них мощеных только 1057, а в исправном состоянии только 500 километров» (Автодорожная переключка // За рулем. 1929. № 7. С. 21). Инициатор создания Автодора, известный экономист, государственный и партийный деятель, главный редактор журнала «За рулем» Н. Осинский, принимавший участие в автопробеге Москва — Тула — Воронеж — Харьков — Курск — Орел — Тула — Москва, делился впечатлениями от дорог ЦЧО: «Воистину, наши дороги (в особенности так называемые большаки) одно из самых больных мест в нашей экономике и культурной жизни <...> В этом отношении бывшая Воронежская губерния занимает и поныне одно из блестящих первых мест» (*Осинский Н.* Две тысячи километров на автомобиле // За рулем. 1929. № 15. С. 15). За пятилетку предполагалось построить не менее 7 тысяч километров шоссейных дорог, не менее 5 тысяч километров мощеных, 30 тысяч километров гравийных и не менее 50 тысяч километров грунтовых дорог.

... человек, имевший среднее тамбовское лицо, — может быть, житель бывшего Шацкого уезда. — Шацкий уезд — административная единица,

существовавшая с 1779 по 1925 г.; располагался на севере Тамбовской губернии (уездный город — Шацк). С начала 1920-х гг. Тамбовский округ (до 1928 г. — губерния), где произошло крупнейшее крестьянское восстание против советской власти («Антоновский мятеж»), считался одним из самых политически неблагонадежных округов ЦЧО, с сильным кулацким влиянием (подробнее о реакционном статусе Тамбова — см. примеч. к повести «Город Градов»: *Сочинения*, 2. С. 555–558). Весной 1930 г. в печати регулярно отмечается отставание Тамбовского округа в подготовке к весеннему севу, в проведении культурной и антирелигиозной работы, в организации МТС и по другим показателям (см., например: Благополучные цифры и скверная действительность // Беднота. 1930. 7 марта. С. 1; Ликбез «по-тамбовски» // Там же. 20 марта. С. 2; В округе нет ни передовых совхозов, ни крепких МТС // Там же. 16 мая. С. 2).

...он бы охотно положил пятак в кружку сборщика на построение храма... — См. в рассказе «Надлежащие мероприятия» (1927): «Раньше, бывало, ходят так называемые странники: висит у них на животе кружка, на кружке живописная картинка, а в кружку люди кладут пятаки и любую разменную монету — по желанию. Так и строились кафедральные соборы» (*Сочинения*, 2. С. 287). Пустующие кружки — важная деталь в газетных сообщениях о победах на антирелигиозном фронте: «По обеим сторонам главного входа в монастырское здание сиротливо стоят надписи над пустующими кружками: “На свечи и масло”, “На построение храма”. Теперь тут стоят столики, где подают кофе, шоколад и сладкие булочки» (*Ольшевец М.* Простой рассказ о «несчастных курортниках» (Письмо с Кавказа) // *Известия*. 1927. 26 авг. С. 4).

...и вместо радио всю жизнь слушал бы благовест. — Радио считалось важнейшим средством борьбы с «религиозными предрассудками»: «Первые опыты массовой радиофикации деревни желательно использовать с самого начала в двух направлениях — для целей антирелигиозной борьбы и для улучшения массовой культурной работы вокруг радио» (*Плесков В.* Радиофицируем деревню! // *Сов. активист*. 1929. № 6. С. 24); «Многочисленная армия безбожников получила в свои руки могучее средство борьбы — радио» (В наступление на религию // *Радиослушатель*. 1929. № 24. С. 3); «Радио становится и станет могильщиком религии» (Необходимо начать подготовку // *Радио всем*. 1929. № 7. С. 193). С этой целью создаются специальные радиoproграммы: «Час безбожника», «Радиобезбожник», «Радиосток безбожника», проводятся антирелигиозные беседы и концерты, организуется радиоуниверситет (с антирелигиозным факультетом) и т. д. День радио предлагалось отмечать 25 декабря, в день Рождества по старому стилю. В церковные праздники радио должно было отвлекать слушателей от церкви. Так, в пасхальную ночь, с 4 на 5 мая 1929 г. в ЦЧО проходил карнавал на автомобилях с передвижной радиоустановкой: «Мы давали передачу до 2 часов ночи. <...> Из церкви понемножку стали выходить крестьяне и, расположившись на паперти, слушали радио. В результате около 300 человек собралось около радиоустановки, а церковь опустела. <...> Радиопередвижка привлекала много слушателей, настолько хорошо было слышно, что даже на колокольне некому стало звонить, все “заядлые звонари” оказались в числе

наших слушателей» (Бурлянд В. Первомайская неделя в Воронеже // Радио всем. 1929. № 12. С. 348–350).

Однако идеологам нового быта приходилось признавать, что борьбу радио против церкви пока нельзя назвать успешной: «Мало разломать церкви. Нужно продумать установку на их местах равнозначащего им аппарата нашей агитации. <...> Колокольный звон <...> Главной и самой значимой было напоминание его об отдыхе, о празднике, о радости. <...> При всем развитии техники у нас такого орудия не имеется. <...> Отсутствие равнозначащего ему звукового сигнала очень обеднило и снизило наши праздники. <...> Казалось бы, колокольный звон может быть заменен радио. Однако радио слишком интеллигентно для такого массового общественного воздействия. Этот могучий аппарат превращается в назойливую муху с претензиями образовательного и эстетически-воспитательного характера. Мы сделали из него вместо глашатая надоедливую крикуна» (Асеев Н. Перестановка рядов // Октябрь. 1929. № 1. С. 183–184). На страницах печати появлялись скудные сообщения о крестьянах, недовольных антирелигиозными радиопрограммами. Их «злопыхательские» письма приходили в редакции радиожурналов: «Спасибо за первую часть деревенского вечера. Весело, хорошо. За часть вторую, “безбожную”, которая для “передовых”, для городских, для богом обиженных и на него сердитых — вас благодарят обиженные. Но нас, необиженных, деревенских, 95%, и в угоду 5% вы даете, а мы должны слушать издевательство над верованиями масс, миллионов» (Опыт антирелигиозной пропаганды // Радиослушатель. 1929. № 12. С. 4. Подпись: З.П.). В конце 1929 — начале 1930 г. по всей стране проходит «антиколокольная» кампания, принимаются постановления о запрещении колокольного звона и снятии колоколов с церквей.

О колокольном звоне Платонов писал в автобиографии 1922 г.: «Колокол “Чугунной” церкви был всею музыкою слободы, его умирительно слушали в тихие вечера старухи, нищие и я» (Сочинения, 1(1). С. 479).

С. 10. — Бывало, едет воз с молоком, — произнес попутный старичок, — телега вся скрипит, сам хозяин пешком идет, а на возу его баба разгездилась. — Базары и рынки, на которых шла крестьянская торговля, считались элементом быта старой деревни: «С утра на базар выливается вся жизнь слободы, все старое, гнилое, отмирающее в районе» (Грязнов Ив. На черноземе // Сов. активист. 1930. № 7. С. 19–20). Исчезновение базаров и рынков стало одной из примет коллективизации: «Первое, по чему воочию видишь коллективизацию, — это дорога, ведущая из сел к городу в базарные дни. Каждую субботу грузил, бывало, терский станичник и поселенец свои брички или тачанки нанесенными за неделю яйцами, выкормленными гусями и курами, лишним картофелем, набитым в семье маслом, и в городе Георгиевске <...> развертывался базар. <...> А потом базар стал худеть, оседать, утихать. Это значило, что “моя” лошадь превратилась в “нашу”» (Третьяков. Вызов. С. 225–227). Одним из видов «перегиба» в ходе коллективизации зимой — весной 1930 г. стало закрытие рынков, что ухудшило и без того тяжелое продовольственное положение города и деревни. В постановлении ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» предписывалось: «Воспретить закрытие рынков, восстановить

базары и не стеснять продажу крестьянами, в том числе колхозниками, своих продуктов на рынке» (Известия. 1930. 15 марта. С. 1).

Я же слышал, ты по молоку сучал. — С началом коллективизации, в связи с массовым убоем скота, закрытием рынков и базаров, общим ухудшением ситуации в продовольственном снабжении молоко стало дефицитным продуктом, в городах отпускалось по заборным книжкам на определенных условиях: «Молоко отпускается больным, беременным и кормящим грудью женщинам при условии, если они получат специальную типовую справку Мосздраводела» (Известия. 1930. 6 марта. С. 4). Проблема обеспечения молоком городов и промышленных центров было посвящено специальное Всероссийское совещание, состоявшееся в феврале 1930 г. (*Раб. газ.* 1930. 7 февр. С. 8). Однако весной ситуация только обострилась: «В связи с распутицей за последнее время ухудшилась доставка в Москву молока. Молочная кооперация и молочные тресты Ивановской, Западной и ЦЧ областей не выполняют своих обязательств по завозу молока в Москву» (Известия. 1930. 7 апр. С. 4).

«Молочная» проблема нашла отражение в колхозных очерках этого времени. Так, в книге А.Н. Новикова «Гоночное поле» едущие в колхозы артисты интересуются, можно ли в колхозах покупать молоко: «Едва ли, — отвечает им инструктор молочной кооперации. — Я только что с поездки по периферии: молоко полностью законтрактовано» (*Новиков А.Н. Гоночное поле.* М., 1930. С. 38).

...он был в старом красноармейском обмундировании, доставшемся ему по демобилизации... — В рядах Красной Армии служили главным образом выходцы из крестьянской среды. А потому на возвращающихся после двухлетней службы в деревню демобилизованных красноармейцев была возложена задача идеологического, политического, культурного и технического просвещения крестьянских масс: «...ежегодно Красная армия выпускает свыше двухсот тысяч крестьян, сбросивших за время пребывания в армии все то, что они принесли в казарму из деревни: ограниченный кругозор, неграмотность и малограмотность, суеверия и религиозные предрассудки, подчас недоверие к пролетариату, к партии, отсталые взгляды на сельскохозяйственное производство, слабую политическую ориентировку. Эти двести тысяч возвращаются в деревню, как передовые, грамотные общественники, из которых многим армия дала знания и навыки по агрономии, кооперации, советской работе, землеустройству, тракторному делу, литературе, земельным вопросам, культурному строительству» (*Зорин Б. Красная Армия в культурном развитии СССР // Наши дост.* 1929. № 1. С. 115). В 1929 г. была разработана система специальной подготовки демобилизованных красноармейцев для колхозной работы, в том же году подготовлены для работы в деревне 20 тысяч человек и организовано около 150 крупных красноармейских колхозов. В начале 1930 г., в связи с общей нехваткой кадров для проведения сплошной коллективизации, число колхозников из красноармейцев должно было значительно увеличиться. 30 января принимается Постановление Революционного военного совета СССР, по которому следует «подготовить в 1930 г. из числа красноармейского актива и младших командиров 100 000 массовых работников для деревни, из них не менее 75 000 — для

колхозной системы, способных руководить колхозами, отдельными отраслями работы в них, обслуживать тракторы, комбайны, сложные сельскохозяйственные машины и быть передовыми борцами за превращение простейших колхозов в высшие формы» (Беднота. 1930. 1 февр. С. 1). Колхозы, организованные бывшими красноармейцами и красными партизанами, получали специальные льготы. Демобилизованный красноармеец, участвующий в перестройке деревни, — один из ключевых образов литературы этого времени.

— *Люди говорят, на табак скоро нехватка будет...* — До революции в Воронежской губернии табак разводили в Павловском, Острогожском, Богучарском, Землянском и Новохоперском уездах. Перспективным для области разведение табака признавали и в 1928 г. В целом в первой пятилетке табачное производство занимало видное место в экономике некоторых районов СССР. Однако реально с конца 1920-х гг. происходит снижение посевов табака из-за нерентабельности мелких табачных предприятий: «В Центрально-Черноземной области большая часть поселковых товариществ и райтабаков системы махоросоюза ЦЧО была вовсе ликвидирована» (Сафонов П. Махорка — не мелочь // Известия. 1930. 19 мая. С. 4). Это приводит к повышению акциза и розничных цен на табак, папиросы, сигары и махорку, сокращению торговли с лотков — дефициту табачных изделий. В качестве решения проблемы предлагалась реорганизация системы управления табачной промышленностью, а также предоставление ряда льгот для табаководов.

... *Семашка не велел больше желчное семя разводить, чтоб пролетариат жил чистым воздухом.* — Семашко Николай Александрович (1874–1949) — партийный и государственный деятель, с 1918 г. до конца января 1930 г. народный комиссар здравоохранения РСФСР. Семашко активно выступал в печати по вопросам рационализации и оздоровления быта рабочих и крестьян — в том числе писал о вреде курения: «...нюхать гарь и дым — занятие вредное и малоинтересное. Вредное потому, что в легкие вдыхается яд — никотин, который, по последним данным, отравляет не только дыхательные пути, но и кровеносную систему, и нервную систему, и пищеварительные органы. <...> ...На месте плантаций табачного зелья с большей пользой можно было бы засеять кукурузу, виноград и другие полезные для питания растения»; «Борьба с этой, как кажется многим, “невинной”, но на самом деле очень вредной привычкой является одной из задач оздоровления быта» (Семашко Н.А. Культурная революция и оздоровление быта. 2-е изд. М.–Л., 1930. С. 7, 85). Борьбу с табакокурением возглавило Общество борьбы с алкоголизмом, организованное в 1929 г. Однако речь не шла о полном запрете на табачную продукцию: «Некоторые думают, что в борьбе с курением проще было бы совсем запретить производство, продажу и потребление табака. <...> ...В борьбе с табаком дело не в запрете, а в том, чтобы уничтожить причины курения и чтобы распространять знания о вреде табака, что теперь и делается у нас» (Тяпугин Н.П. Почему и как должна молодежь бороться с табаком. М.–Л., 1930. С. 35).

— *А сам-то кто будешь?* — *Электротехник.* — Автобиографическая деталь: в 1922–1924 гг. Платонов принимал участие в электрификации Воронежской губернии. Обращаясь к А.Г. Божко-Божинскому в 1926 г., Платонов

писал: «...гидротехника и электротехника — мои специальности, и я имею большой практический стаж по ним...» (*Письма*. С. 584). Об электротехнических работах Платонова см.: *Сочинения*, 1(1). С. 454–455.

Я для него был полезный кадр... — После ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. вопрос о кадрах стал центральным. С одной стороны, в это время проходят судебные процессы над старыми специалистами, обвиняемыми во вредительстве, с другой — объем и темп запланированных работ требуют привлечения большого числа работников: «Успешное выполнение пятилетнего плана упирается сейчас в проблему кадров. Это одно из “узких” мест, которые нам необходимо преодолеть путем ускорения и рационализации процесса подготовки новых кадров — организаторов социалистического земледелия» (*Ежов Н.* Сельскохозяйственные кадры // *На агр. фронте*. 1930. № 1. С. 33). В конце марта 1930 г. Коллегия Наркомпроса утвердила пятилетку подготовки кадров. На страницах ведущих сельскохозяйственных журналов («Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», «Плановое хозяйство», «Сельскохозяйственная жизнь», «Техника социалистического земледелия», «На стройке МТС» и др.) публикуются статьи, посвященные проблеме кадров, проводятся дискуссии о типе специалиста, необходимого социалистическому земледелию. Особо отмечается нехватка технических кадров, т. к. основная часть инженеров задействована в промышленности. Для обеспечения сельского хозяйства инженерно-техническим персоналом организуются разного рода краткосрочные курсы, техникумы, мобилизуются работники из центральных московских учреждений. Совнарком выпустил специальное постановление о мобилизации не менее 90 процентов всех агрономов, ветеринаров, зоотехников для участия в проведении весенней посевной кампании. Областью, наименее обеспеченной техническими специалистами, признается ЦЧО: «Вряд ли есть область, где так остро чувствуется недостаток руководящих и технических кадров, как в ЦЧО» (*Рябинин Е.* К XVI партсъезду и II Областной партконференции ВКП(б) ЦЧО // *Хозяйство ЦЧО*. 1930. № 5. С. 15). В марте 1930 г. в область была направлена значительная часть московских работников из 2000 учтенных агроспециалистов (Беднота. 1930. 2 марта. С. 1).

С. 11. ...у нас там солнце не горит. — Речь идет об искусственном солнце, подробнее см. примеч. к с. 14.

— *Да мне ехать некуда — где понадобится, там и выйду из вагона.* — Такой свободой выбора мобилизованные сельскохозяйственные кадры не обладали: «Из всего количества специалистов, мобилизуемых по московским и ленинградским областным учреждениям, 40 процентов поступает в распоряжение их земельных органов для обслуживания этих областей и 60 проц. направляется по нарядам штаба в основные производящие области» (Беднота. 1930. 28 февр. С. 1).

— *Ты бы ярлык носил на картузе, что электротехник.* — *Картуз* — мужской головной убор, гражданская фуражка, получившая широкое распространение в России: «Уже в первой половине XIX века в селах находил распространение картуз из фабричной ткани, который в конце XIX века постепенно вытесняет другие типы летних головных уборов» (*Толкачева С.П.* Народный костюм Воронежской губернии конца XIX — начала XX века.

Воронеж, 2012. С. 72). В первое советское десятилетие работники гражданских ведомств носили на околыше картуза специальные знаки (например, техническая эмблема в виде двух перекрещенных молотков). В 1928 г. началась кампания по запрещению ношения форменной одежды со значками, отражающими специальность инженеров и техников (*Письма во власть*. С. 101).

А то я думал — ты подкулачник: у тебя вид скверный. — Подкулачник — крестьянин, действовавший в интересах кулака. О том, что в период форсированной коллективизации в подкулачники могли зачислить любого, не согласного с действиями колхозных организаторов, свидетельствуют заметки о «перегибах» на местах: «Батраки и бедняки боятся получить кличку подкулачника» (Домрачев. Лицо оппортуниста // Правда. 1930. 22 апр. С. 4).

По стенам висели роскошные плакаты, изображающие пароходы, самолеты и курьерские поезда; плакаты призывали к далеким, благополучным путешествиям и показывали задумчивых, сытых женщин, любующихся синей волжской водой, а также обильной природой на берегах. — См. также ироничное освещение «курортной» темы в рассказе «Областные организационно-философские очерки» (1928) (Сочинения, 4(2). С. 7–22). В программе борьбы за новый быт значительное внимание уделялось вопросам правильной организации отдыха советских граждан — в том числе развитию массового туризма: «СССР — страна исключительных природных богатств и живописных местностей. <...> Советские курорты — ремонтные мастерские здоровья трудящихся» (Семашко Н. Как отдыхать // 30 дней. 1929. № 6. С. 29, 30). При этом провозглашалась воспитательная и образовательная функция пролетарского туризма: главная его цель не любованье красотами природы, а изучение местного быта и хозяйства. Весной 1930 г. Общество пролетарского туризма и экскурсий предлагало различные «волжские» маршруты — например: «Один — десятидневный — намечается до Самары и обратно <...> другой, 7-дневный — Саратов — Сталинград — Саратов» (Известия. 1930. 5 апр. С. 4); двенадцатидневный: «Ярославль — Н. Новгород — Сталинград пароходом» (На суше и на море. 1930. № 9. С. 12) и др. Пропаганде пролетарского туризма посвящаются специальные плакаты, туристические журналы «На суше и на море», «Бюллетень туриста». Очерки о путешествиях печатаются в литературных журналах. См., например: «И все проходят мимо приволжские деревни и села, мелькают стада на перекатах, виднеются кое-где купальщики и купальщицы, густо бронзовеющие на солнце, и стеклянно дымится впереди волжский простор» (Смирнов Н. Путевые очерки «Воды волжские» // 30 дней. 1929. № 7. С. 40).

— Сидишь? — спросил его дежурный по станции, возвращаясь от ушедшего поезда. ~ Пол я тебе мету, окна протираю, — намедни ты заснул, а я депешу принял и вышел без шапки постоял, пока поезд промчался. — «Оседлый пассажир» хорошо знаком со служебными обязанностями дежурного по станции, которые были прописаны в Правилах технической эксплуатации (приняты в 1921 г., в последующие годы дополнялись). Дежурный по станции распоряжается приемом, пропуском и отправлением поездов в пределах станции, ему подчиняются все станционные службы эксплуатации:

«...дежурный по станции является полным распорядителем движения, и ни один поезд не может быть впущен или выпущен со станции без его разрешения» (Железнодорожная энциклопедия. М.—Л., 1926. С. 213). При этом не допускалась необоснованная задержка поезда. В повести дежурный по станции грубо нарушил свои должностные обязанности: «Допускаться к исполнению обязанностей дежурного по станции могут только лица <...> обладающие соответствующими познаниями и ответственные в деле станционной службы, знакомые с обслуживанием аппаратов, с которыми им придется иметь дело во время дежурства, и выдержавшие надлежащие испытания порядком, установленным начальником дороги» (Инструкция дежурному по станции Колеи 750 м/м. Муром, 1932. С. 1). Об отправлении, прибытии и проследовании поездов станции информировались через *депешу* (телеграммы). Использовались аппараты Морзе, Бодо, Уитстона и др., т. е. для того, чтобы принять депешу, требовались опыт и знание. Снять шапку пассажиру пришлось, вероятно, для того, чтобы не бросалось в глаза несоответствие головного убора установленной форме, в которой дежурный по станции должен был встретить поезд (фуражка черного цвета, с лакированным козырьком, с тульей красного цвета, на околыше — железнодорожная эмблема).

— *Стат мне не нужен, — отказался пассажир. — С документом скорей пропадешь, а без бумажки я всегда проживу на самую слабую станью, — потому что обо мне ничего неизвестно.* — С началом сплошной коллективизации многие крестьяне, не дожидаясь раскулачивания, бежали из деревни. Отсутствие контроля за их передвижением серьезно беспокоило власть: «...целые группы кулаков передвигаются по железным дорогам (загружая транспорт, скопляясь на узловых железнодорожных пунктах, разнося эпидемии), явочным порядком поселяются в пограничных районах, проникают в города...» (Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) об организации весеннего сева и дальнейших мероприятиях по коллективизации и ликвидации кулачества, подготовленный комиссией С.И. Сырцова // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 224).

С. 12. ...«С.х. коллектив Добро Начало». — На территории ЦЧО находились три поселка с названием «Доброе начало» (см.: Населенные пункты ЦЧО. Воронеж, 1932. С. 252).

...все имущественное оборудование было давним и знакомым... — В конце декабря 1929 г., выступая на конференции аграрников-марксистов, И.В. Сталин отмечал, что пока колхозы «как будто бы не отличаются с точки зрения техники от мелкого крестьянского хозяйства (мало машин, мало тракторов), а между тем простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики» (Правда. 1929. 29 дек. С. 3). Весенний сев 1930 г. проходил в условиях острой нехватки сельскохозяйственного оборудования. При этом партия призвала к борьбе «со всякими попытками сдерживать развитие коллективного движения из-за недостатка тракторов и сложных машин» (О темпе коллективизации и мерах помощи государству колхозному строительству. Постановление ЦК ВКП(б) // Беднота. 1930. 7 янв. С. 1), к проведению «большевистского сева» с максимальным использованием старого инвентаря индивидуальных хозяйств, конно-тягловой силы.

...овес жрут который день, аж салом подернулись! — О необходимости обеспечить надлежащий уход и усиленное кормление лошадей перед началом сева весной 1930 г. регулярно писали газеты: «Недели за две, за три до начала полевых работ нужно приступить к заправке лошадей путем усиленного кормления. Нельзя требовать от лошади хорошей работы, если она будет кормиться одной соломой да сеном. *Наряду с грубыми кормами нужен сильный корм и в первую очередь овес*» (*Силин С.* Первое внимание — рабочей лошади // *Крест. газ.* 1930. 15 марта. С. 2). Однако в действительности колхозы остро нуждались в фураже (см. примеч. к с. 13).

...обобщественных лошадей. — При организации колхоза (артели, коммуны) обобществлялся весь рабочий скот вступающих в коллектив крестьян.

...с ведром олеонафта... — *Олеонафт* — вид смазочного масла, добываемого из нефти, изобретенный русским инженером и предпринимателем В.И. Рагозиным.

С. 13. — *Граждане, вчерашний день Серега опять сигарки с огнем швырял куда попало. Сообщаю это, а то будет пожар!* — Сигарка — самодельная папироса, скрученная из бумаги трубочка с табаком. Непогашенные окурки становились причиной частых пожаров: «Неосторожно бросит курильщик спичку или окурочок, выпадет папироска из рук заснувшего пьяного и т. д., и загуляет пожар по деревянным домам, по соломенным крышам!» (*Тялугин Н.П.* Почему и как должна молодежь бороться с табаком. М.—Л., 1930. С. 28). См. в рассказе «Город Градов» (1927): «А утром Градов горел — сгорели пять домов и одна пекарня. Загорелось, как говорят, с пекарни, но пекарь уверял, что он окурки всегда бросает в тесто, а не на пол, — тесто же не горит, а шипит и гасит огонь» (*Сочинения, 2.* С. 139).

— *Брешишь, смазчик...* — На железной дороге в обязанности смазчика входил мелкий ремонт вагонов в пути.

— *Ржави боюсь ~ ржавь это тихий огонь, а товарищ Куйбышев по радио говорил — у нас голод на железо: я и скуплюсь на него.* — Куйбышев Валериан Владимирович (1888–1935) — член Политбюро ЦК ВКП(б), с 1926 г. — председатель ВСНХ, в 1930 г. — председатель Госплана СССР. Куйбышев выступал на Всесоюзном радиособрании, которое проходило в январе 1930 г. и передавалось по 53 радиостанциям: «В Москве перед микрофоном один за другим прошли секретарь ЦК ВКП(б) тов. Каганович, председатель ВСНХ тов. Куйбышев, секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Косарев...» (Радиослушатель. 1930. № 2. С. 4). О том, что такие выступления, полезные для крестьян, должны транслироваться чаще, писали радиожурналы: «Сто тысяч деревенских слушателей, организованных вокруг деревенских радиозулов, радиустановок в избах-читальнях, школах, колхозных и совхозных приемных пунктах дорого бы расценили возможность выслушать руководящие статьи и беседы с крестьянами-колхозниками» (Почему наши вожди не выступают перед миллионной аудиторией? // *Радиолобитель.* 1930. № 4. С. 121).

Для индустриализации стране требовался металл, которого не хватало. Со страниц газет и журналов 1929–1930 гг. звучали призывы к максимальной экономии металла, сбору металлолома и т. д.: «Уже сейчас у нас в стране

заметно ощущается железный голод: мы собираем старое железо, лом, мы пускаем в переработку все, что до сих пор валялось без пользы и употребления, лишь бы хоть в некоторой степени покрыть недостачу металла» (Богатства СССР. Рудные богатства. Железо // Московский пролетарий. 1929. № 10. С. 16); «У нас мало металла, не дадим остаться неиспользованным ни одному килограмму лома» (Известия. 1930. 16 февр. С. 3); «...нужно поднять все массы трудящегося населения на борьбу за строгий режим экономного расходования железа где бы то ни было» (Золин Г. Маленькое дело большой важности // Сов. активист. 1930. № 1. С. 5). Проблема нехватки металла нашла отражение в колхозных очерках, см.: «Кузнецы орали на завхозов, требуя железа, которого город не давал, и рылись в кучах утиля, выискивая все, что может годиться для ремонта» (Третьяков. Вызов. С. 316). О природе ржавчины и способах борьбы с ней рассказывалось в популярных изданиях и на страницах журналов: «Железо — наш друг. Враги наших друзей — наши враги. А у железа есть смертельный враг — ржавчина, от которой оно гибнет миллионами тонн ежегодно» (Дарк. «Бурая опасность» и борьба с ней // Московский пролетарий. 1929. № 2. С. 20).

...оленафт тоже железными машинами добывается. А раз ты зря его тратишь, то в Баку машины напрасно идут. — Баку — один из центров добычи нефти. В начале 1930 г. нефтепромышленность не выполняла план: «Наиболее неблагоприятно обстоит дело с Азнефтью, основным нефтяным районом СССР. <...> Такого значительного отставания от промфинплана не дает ни одна отрасль нашей промышленности. <...> Производственный прорыв в нефтяной промышленности является одним из самых опасных прорывов на фронте пятилетки» (Раб. газ. 1930. 26 февр. С. 4). О необходимости бережного расходования нефтепродуктов регулярно напоминала печать: «Экономия горючего и смазочных материалов вещь очень полезная и нужная. Нефть это жидкое золото. Каждая сэкономленная тонна увеличивает наш экспорт» (Экономия до бесчувствия // На стройке МТС. 1930. № 6. С. 39).

...все избы обещи — пускай бабы вьюшки закроют ~ пусть бабы привькают беречь сгоревшее добро, им эта наука на зиму годится. — Вьюшка — род крышки, закрывающей печную трубу для прекращения тяги. Раннее перекрытие труб становилось причиной частых отравлений угарным газом в деревнях ЦЧО, см.: «Стремление сберечь тепло приводит к раннему закрыванию трубы в печке и отсюда угоранию. Угорают в 73,9% хозяйств...» (Тарадин И. «Золотое дно»: экономика, история, культура и быт волости Центрально-Черноземной Области. Воронеж, 1928. С. 117).

Ты чего ж вчера сено от моей кобылы отложил, а к своему мерину подсунул? Ишь ты, средний дьявол какой, — знать, колхоз тебе не по диаметру! ~ а кругом норма — скотину нечем поласкать... — Средний дьявол — середняк. В партийных выступлениях постоянно подчеркивалось, что после организации колхоза классовая борьба не исчезает, а недостатки крестьянина-индивидуалиста быстро не изживаются: «Нет, придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженника социалистического общества» (Из речи И.В. Сталина на конференции

аграрников-марксистов // Правда. 1929. 29 дек. С. 3); «Понятно, классовая борьба внутри колхозов продолжается, поскольку среди колхозников еще сохраняются пережитки мелкособственнической индивидуалистической психологии» (*Атан Н.* Обострение классовой борьбы и оппортунистические шатания // Беднота. 1930. 27 февр. С. 2). Критика отмечала недостаточное освещение этой злободневной темы в произведениях о деревне: «...мало <...> внимания уделяется обрисовке настроений середняка, его отношению к процессам коллективизации, в частности, первым шагам его в еще слабо и плохо организованном колхозе» (*Корелин Л.* Очерки коллективизации. Обзор очерков в брошюрах и газетах // *На лит. посту.* 1930. № 9. С. 50). См. о крестьянской любви к собственности в статье Платонова «Почему мы, городские рабочие, — коммунисты» (1920): «...крестьянин должен сам ее [душу] перестроить и отучиться любить одну свою собственность, а полюбить собственность всех — коммунистическое хозяйство» (цит. по: *Антонова.* С. 513).

Весной 1930 г. кормовой вопрос стоял очень остро. Обеспечить фуражом колхозы и машинно-конные станции (в это время объявленные основным центром технической помощи сельскохозяйственным коллективам) пытались за счет запасов, отобранных у прежних владельцев скота, но недостаток в кормах все равно был ощутимым. В Колхозцентр поступали сведения об истощении и падеже колхозных лошадей. С мест в центр шли телеграммы: «В Челябинском окр. в коммуне “Большевик” от истощения пало 26 лошадей»; «Есть опасения, что к весне лошади настолько ослабеют от бескормицы, что ими нельзя будет обслужить своевременно весенний сев»; «Производительность рабочего скота упала на 30–40 проц.» (*Гроссман Ан.* Ударная задача. Итоги кормового совещания при ЦК ВЛКСМ // *ЖКМ.* 1930. № 9). 11 февраля Колхозцентр СССР принимает постановление, по которому для рационального расходования кормовых запасов должны быть установлены «нормы кормления скота» (Беднота. 1930. 14 февр. С. 4). Совнарком СССР требовал, чтобы «не позднее 25 марта <...> было закончено приведение в порядок живой тяговой силы и обеспечение ее кормами путем создания специальных кормовых фондов на весь период подготовки и проведения весеннего сева» (Беднота. 1930. 14 марта. С. 1). Мобилизация кормов в ЦЧО шла тяжело. Причем всю ответственность за недостаток фуража местные власти возложили на крестьян: «...у крестьянина фураж есть. Бойкот фуражом есть хитрость кулаков...» (Очередные задачи колхозного строительства в подготовке к коллективному севу. Беседа с секретарем Обкома ВКП(б) т. Варейкисом // *Колх. правда.* 1930. 26 марта. С. 3). При подведении итогов первой большевистской весны нехватка фуража была названа в числе главных трудностей ЦЧО: «Бескормица в этом году была одной из основных причин (наряду с кулацким вредительством) резкого сокращения поголовья скота» (*Газер Д.* ЦЧО обязана дать 1 млн тонн силоса // *Известия.* 1930. 29 июля. С. 3).

Наблюдая плохой уход за общественным скотом, отсутствие нормальных построек, неравномерное распределение скудного фуража, — см., например: конюх «обслуживает лошадей брата, свата, давая им в первую очередь и сверх всякой нормы корм» (Беднота. 1930. 22 марта. С. 3), —

гибель «своих» лошадей, крестьяне выходили из колхозов: «Показалось колхознику, что похудела, зашелудивела его лошадь в колхозном табуне (а может быть, и действительно испортилась. Мало ли дурней и разгильдяев среди колхозных конюхов!). И стало человеку досадно и нестерпимо жалко этой лошади, которую он не перестает ощущать собственностью. <...> — За свою, мол, лошадку ратуешь? Единоличного дьявола тешишь» (*Третьяков. Месяц в деревне*. С. 206–208).

С. 13–14. — *Нетó пойти крышку на колодезь сделать? ~ С малолетства с мелкими животными воду пьем.* — По данным экспедиции облздравотдела ЦЧО, проходившей весной 1930 г., «больше половины обследованных колодцев <...> находятся в соседстве с жильем, скотными дворами, конюшнями, нечистоплотными свалками <...> Крышки имеются только в 8 колодцах, 19 колодцев крышек не имеют. Будучи совершенно незащищены сверху, колодцы всегда подвергаются засорению уличной пылью и случайными предметами (мусор, кошки и т. п.) <...> Водопой скота <...> происходит непосредственно у колодцев» (Колхозы ЦЧО в социально-гигиеническом отношении. Воронеж, 1930. С. 81–84). Многие страницы журнала «Здоровая деревня» за 1929–1930 гг. посвящены проблеме деревенского водоснабжения, см.: «Вокруг колодца можно почти всегда видеть сор, мусор, кучи навоза от животных, которых водят к колодцу на водопой. Все это делает загрязнение колодца неизбежным: заносится в колодезь грязь, а иногда и зараза с ведрами <...> проникают через плохой сруб в колодезь извержения людей и животных <...> Как же бороться с загрязнением источников водоснабжения в деревне? Для этого надо вокруг каждого колодца сделать ограду, чтобы к нему близко не подходил домашний скот, надо приделать к колодцу крышку и поставить насос или повесить общественную бадью» (*Соловьев В. Берегите источники водоснабжения // Здор. дерев.* 1929. № 2. С. 11).

С. 14. *...стоит новая деревянная каланча, метров в десять-двенадцать. На верху каланчи блестело жестяное устройство, бывшее, судя по форме, рефлектором; причем оно было поставлено так, что должно направлять лучи неизвестного источника света целиком в сторону колхоза.* — Возможность создания искусственного солнца и его применения в сельском хозяйстве, медицине, промышленности всерьез обсуждалась в конце 1920-х гг. на страницах печати («Известия», «Наука и техника», «Вопросы труда», «Вестник труда», «Гудок», «Торгово-промышленная газета» и др.). В связи с введением непрерывной производственной недели и многосменного рабочего дня решался вопрос круглосуточного культурно-бытового обслуживания рабочих, улучшения условий работы ночных смен. Детально разрабатывался проект использования специальных ламп для ночного освещения в городах. В феврале 1930 г. Наркомзем СССР разослал Колхозцентру, Совхозцентру, Трактороцентру, Зернотресту и Овцеводсоюзу циркуляр, в котором предлагал до 20 февраля «представить план перевода на непрерывную производственную неделю совхозов, колхозов с площадью в 10 тыс. га и машинно-тракторных станций» (Беднота. 1930. 13 февр. С. 4). Весь спектр культурно-бытовых вопросов, связанных с разработкой искусственного солнца, практически одновременно с повестью Платонова нашел свое художественное отражение и в романе М.Я. Козырева, И. Кремлева-Свэна «Город энтузиастов» (1929–

1930). (Подробнее об этом см.: *Умрюхина Н.* «Искусственное солнце» у А. Платонова и М. Козырева — И. Кремлева (Документ и художественный текст) // *Страна философов*, 2005. С. 455–460). См. также примеч. к с. 15–17.

Прошлый год осень была большевицкая — все родилось. — Итоги уборочной кампании 1929 г. признали положительными: «В этом году на Украине, в ЦЧО и на Северном Кавказе мы имеем более удовлетворительный урожай»; «В этом году мы имеем более высокий, по сравнению с прошлым годом, валовый сбор хлебов. <...> ...Заготовки за предстоящие месяцы должны, несомненно, превышать заготовки всех предыдущих лет» (*Микоян А. К* новой хлебозаготовительной кампании // *Известия*. 1929. 25 авг. С. 1).

...в попутной избе, в которой висела электрическая лампочка... — В 1930 г. электрическая лампочка по-прежнему была большой редкостью в крестьянской избе, см.: «Отсутствие руководства строительством сельских электростанций, недостаточность и необеспеченность кредитов, задержка в выполнении заказов для электроустановок — все это задерживает развитие электричества на селе. <...> Плата за освещение при таких условиях бывает очень высока <...> и недоступна для бедняцкой части населения» (*Соломонов М.* Внимание «лампочке Ильича!» // *Сов. активист*. 1930. № 1. С. 3). В ЦЧО эта проблема стояла особенно остро: «В ЦЧО очень слаба электрификация <...> На одного жителя ЦЧО вырабатывается в год 4,5 квт, а по Союзу — 34,1 квт. <...> Поэтому вопрос электрификации является одним из основных и главных вопросов в развитии и реконструкции хозяйства ЦЧО» (*Рябинин Е.* Перспективы развития хозяйства ЦЧО // *Правда*. 1930. 28 марта. С. 3).

...амбар с сильным мельничным пошвенным колесом ~ Наливное колесо у вас работало бы полезней! — Гидравлические (водяные) колеса, которые приводятся в движение водой и служат двигателями (например, на мельнице), могли быть пошвенными или наливными. *Пошвенное* колесо характеризуется плоскими лопатками и подводом воды к нижней части колеса с помощью искусственного русла. К *наливному* колесу вода подводится сверху, «заполняет углубления лопаток и своим весом заставляет колесо вращаться. Верхненаливные колеса можно видеть во многих местах Союза ССР на водяных мельницах. <...> Достоинством верхненаливного колеса является очень малое уменьшение коэффициента полезного действия при изменении расхода» (*Сельскохозяйственная энциклопедия*. М., 1932. Т. 1. С. 717–718). Еще до революции 72% водяных колес в ЦЧО были наливными (см.: *Энциклопедический словарь ЦЧО*. Т. 1. Воронеж, 1934. С. 343).

...его всякая вредительская стерва может легко обмануть и повести на гибель, доказав предварительно, что она знает в своей голове алгебру и механику. — Отклик на ряд показательных судебных процессов, проходивших с 1928 г.: «За последние два года в ряде отраслей Союза были обнаружены и ликвидированы вредительские организации антисоветской части верхнего слоя инженерства» (Вредительство как оно есть. Из статьи тов. Г.М. Кржижановского // *Раб. газ*. 1930. 14 февр. С. 8).

Динамо-машина — машина, служащая для выработки постоянного электрического тока, электрический генератор. См. объяснение в статье Платонова «Электрификация нашего края» (1920): «...это такая машина, где сила

движения колеса водяной мельницы или ветрянки переходит в электричество и уже от этой машины по проволокам идет куда нужно — в дома на освещение...» (цит. по: Антонова. С. 523–524).

На валу водяного колеса имелся деревянный шкив, с которого посредством ремня снималась сила на динамо-машину. — Шкив — колесо, которое передает движение приводному ремню или канату.

...20 тысяч экономических электрических свечей... — Свеча — устарелое название единицы силы света.

С. 15. *...на колхоз и на его огородные угодья...* — Установку на развитие огородничества дал ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. Организация колхозных огородов входила в программу социалистического переустройства деревни: «1930 год должен стать переломным годом: огородные площади должны укрепиться, то есть стать промышленными, товарность должна повыситься на 20 проц., и кулацкое огородничество должен заменить крупный промышленный огородный колхоз или совхоз» (*Порубский Ст. Дело большой важности // Беднота. 1930. 16 февр. С. 3*). В марте 1930 г. на заседании коллегии Наркомзема РСФСР принимается решение об организации общественных огородов в каждом колхозе: «Расширение огородных площадей и увеличение овощной продукции открывают возможность уже в ближайшем году сэкономить около 4 миллионов тонн хлеба, а также заменить значительное количество рыбных и мясных продуктов» (Огородное дело — под контроль общественности // Беднота. 1930. 15 марта. С. 2). Садоводство и огородничество занимали важное место в планах по реконструкции сельского хозяйства ЦЧО, особенно в Курском, Воронежском и Белгородском округах, в которых организуются плодоовощные заводы (см.: Чаянов, Дукин. С. 18).

...немедленно нужно добиться света по крайней мере в сорок тысяч свечей... — В эпоху высоких темпов наречие «немедленно» постоянно использовалось в многочисленных лозунгах, при проведении кампаний: «Немедленно развернуть зерноочистку» (Беднота. 1930. 9 янв. С. 3); «Немедленно приступить к организации машинно-конных станций» (Беднота. 1930. 19 янв. С. 1); «немедленно начать подготовку новых кадров для низовых советов» (Беднота. 1930. 22 янв. С. 2); «немедленно разработать план организации строительства» (Хозяйство ЦЧО. 1930. № 1. С. 212); «немедленно назначить ответственных лиц» (Беднота. 1930. 14 февр. С. 4); «немедленно приступить к организации на селе курсов счетных работников» (Беднота. 1930. 6 марта. С. 4); «немедленно приступить к организации специального вуза по с.-х. строительству» (*На агр. фронте. 1930. № 5. С. 98*) и т. д.

...особенно удобен был бы, конечно, прожектор, но его невозможно приобрести. — По назначению прожекторы делились на группы: дальнего действия (военные и морские), ближнего действия (для театральных и кинопостановок), сигнальные (маяки, уличная сигнализация), транспортные прожекторы и др. Применялись для освещения больших пространств — аэродромов, спортивных площадок, использовались при проведении крупных зрелищных мероприятий. «В настоящее время нет, кажется, ни одной области светотехники, где бы прожектор не нашел своего применения <...> можно с уверенностью сказать, что это один из осветительных приборов,

которому предстоит большое будущее» (Луговской Б.И. Современные прожекторы и область их применения. М., 1927. С. 1). Ожидалось расширение сферы применения этих приборов: «Мы не касаемся здесь еще целого ряда областей, где прожектор должен будет найти применение, как, например, использование ультрафиолетовых лучей и сконцентрирование таковых для лечебных и других целей, устройство тепловых рефлекторов и т. д.» (Там же. С. 8). Однако в конце 1920-х гг. отечественные конструкции еще только разрабатывались — прожекторы закупались за границей и стоили дорого.

— *Вредительство, пожалуй что!* — Вредительство кулаков, приведшее к неисправности сельскохозяйственного оборудования в колхозах, — одна из тем газетных сообщений; см.: Вредителя — к расстрелу! // *Нов. деревня*. 1930. 17 янв. С. 4; Выслать из ЦЧО // *Нов. деревня*. 1930. 20 февр. С. 2. Подпись: Ш.

— *Сколько строили, думали — у нас пасмурности не будет, букеты распустанятся...* — Ключ к этому эпизоду повести дает запись Платонова в записной книжке: «Жажда бедняков к будущему: уфиолетовое солнце над районом и т. д.» (*Записные книжки*. С. 30). Вопросы применения электричества в сельском хозяйстве в 1929–1930 гг. получают широкое освещение на страницах печати. Появляются сообщения о промышленном применении электрического обогрева почвы в Швеции, об использовании электрического света и тепла в опытных хозяйствах Тимирязевской академии: «...применение электричества открывает для садоводства новую эпоху, которая даст возможность выращивать растения совершенно вне зависимости от времени года и климата» (Электричество и садоводство // *Крестьянский журнал*. 1929. № 11. С. 16); «Когда электрификация в нашей стране разовьется до намеченных планом размеров и энергия значительно удешевится, можно будет благодаря искусственному солнечному свету превращать пустыри в цветущие сады» (Созревание без солнца // *Сов. активист*. 1929. № 4. С. 30. Примечательно, что эта же статья была вновь напечатана в журнале через год — см.: *Сов. активист*. 1930. № 3. С. 27).

С. 16. *В ближайшее время простое стекло на солнце надо заменить научным, ультрафиолетовым, которое развивает в осеуенных людях здоровье и загар.* — Многие страницы газет и журналов 1927–1930 гг. посвящены проблеме применения ультрафиолетовых лучей в медицине: при лечении сонной болезни, детского рахита и золотухи, в целях общего оздоровления населения. В опытных лабораториях Москвы и Ленинграда ведутся работы по налаживанию производства ламп с колбами нового стекла, под действием которых «здоровый человек спустя 22–24 зимних вечера <...> загорал ровным густым загаром» (*Известия*. 1929. 11 сент. С. 5). Один из разработчиков идеи «ультрафиолетизации СССР», В. Львов, объявивший 12 октября днем рождения советской ультрафиолетовой лампы, подробно знакомил читателей «Известий» с ходом исследовательских работ: «В конце сентября руководимая С.А. Векшинским опытная лаборатория ленинградского электролампового завода «Светлана», войдя еще ранее в контакт с лабораторией В.В. Варгина, приступила к монтажу первых калильных ламп с колбами нового стекла. Одновременно велись и ведутся работы проф. Китайгородским в лаборатории завода им. Уханова под Москвой. <...> Располагая

ультрафиолетовое “солнце” на расстоянии $\frac{3}{4}$ метра от облучаемого субъекта (что соответствует настольной лампе), можно создать в каждой комнате “климат горного курорта”. <...> *Наиболее рациональным решением вопроса является, бесспорно, создание стеклянных абажуров, сделанных из того же проницаемого стеклянного материала, что и стенки колбы, но окрашенных в более или менее темные тона, ослабляющие видимую яркость света* (Львов В. Необходима решительная и энергичная «ультрафиолетизация» СССР // Известия. 1929. 23 ноября. С. 5).

Наше электросолнце должно доказать городам, что советская деревня желает их дружелюбно догнать-перегнать в технике, науке и культуре... — Выражение «догнать и перегнать» (капиталистические страны) впервые появилось в речах В.И. Ленина, в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (1917): «...либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически» (Ленин. ПСС, 34. С. 198). После выступлений И.В. Сталина выражение превратилось в лозунг, подхваченный партийной печатью и широко использовавшийся в конце 1920-х — в начале 1930-х гг. применительно к промышленности, сельскому хозяйству, научно-исследовательской и культурно-бытовой работе.

В данном контексте речь идет о соревновании города и деревни. Кампания за превращение социалистического соревнования в широкое общественное движение началась весной 1929 г. Опыт промышленных предприятий предлагалось переносить в деревню. Так, пять колхозов Воронежского округа выступили с призывом: «Организуем соревнование районов и волостей, деревень и сел на лучшее кооперирование и коллективизацию, расширение посевных площадей и подъем урожайности!» (Правда. 1929. 24 апр. С. 3). Однако к весне 1930 г. социалистическое соревнование не получило широкого распространения в деревне: «Многомиллионное крестьянство еще не охвачено в достаточной степени соревновательным движением» (Капустин. Социалистическое соревнование // Календарь коммуниста, 1930. С. 200). Соревнующиеся с заводами и фабриками колхозы брали на себя обязательство увеличить посевную площадь, засеять ее очищенными семенами, применять культурные способы обработки земли, вовлекать индивидуальные хозяйства в колхозы. В ответ рабочие должны были поднять производительность труда, увеличить выпуск готовой продукции, бороться с прогулами, браком, простоями и т. п. «Социалистическое соревнование между городом и деревней в то же время является могущественным средством укрепления производственной смычки и помогает осуществлять пролетарское руководство над основными крестьянскими массами» (Там же. С. 201).

...погибнет в выморочной стране прошлого. — Выморочное — имущество, оставшееся после владельца, у которого нет наследников, и поступающее в доход государственной казны. См. также примеч. к с. 50.

...в Москву ездил за ультрафиолетовыми лампами? — Изготовлением электрических ламп в СССР занимались два завода — ленинградский «Светлана» и московский «Электрозавод». Стеклянные колбы для ламп поставлялись заводом им. Уханова в Москве и Запрудненским в Ленинграде (см.: Дать стекло электрозаводам // Правда. 1930. 18 апр. С. 4). В Москве

разработкой ультрафиолетовых стекол занимались на заводе им. Уханова, под руководством профессора И.И. Китайгородского (см. примеч. выше).

С. 17. — *Сказали, что еще не продаются, все только собираются делать их, чешутся чего-то!* — В статьях об ультрафиолетовых лампах высказывалось пожелание о том, чтобы изобретение ученых в ближайшее время вышло из лаборатории и поступило в массовое производство: «Мы обращаем внимание советской силикатной химии <...> на необходимость проработки рецепта цветных ультрафиолетовых стекол в кратчайший срок с тем, чтобы массовый выпуск в продажу советских комнатных солнц совпал с выпуском дополняющих их ультрафиолетовых абажуров <...> Почти одновременно закончились и работы проф. Китайгородского на заводе им. Уханова в Москве, также давшие Союзу первые экземпляры воплощенного в кровь и плоть научного “чуда”. <...> Мы спрашиваем: когда же, наконец, научно-технические работники, закладывающие сейчас фундамент большого дела, узнают, что ожидает это дело на завтрашний день, после окончания их напряженной работы» (*Львов В.* Необходима решительная и энергичная «ультрафиолетизация» СССР // *Известия.* 1929. 23 ноября. С. 5). В начале 1930 г. производство ламп еще не было налажено: «Имеются все возможности для массового выпуска увиолевого стекла. До сих пор, однако, никто этим вопросом серьезно не занялся. Председатель ВСНХ СССР тов. Куйбышев <...> предложил стекольно-фарфоровому комитету взять на себя руководство и наблюдение за организацией производства увиолевого стекла» (*Известия.* 1930. 10 янв. С. 3).

...устроить водяную рубашку... — Водяная рубашка — полость, окружающая подверженные сильному нагреву элементы машин, оборудования и предназначенная для пропускания охлаждающей жидкости.

— *Крутильно-молотильную бригаду ~ Эта бригада была наиболее упорной в любом тяжком, срочном или малоизвестном труде.* — Ведущей формой организации коллективного труда в весеннюю посевную кампанию 1930 г. была названа бригадная работа. Для каждой группы колхозников устанавливались характер, сроки и стоимость выполнения работы. За бригадой мог быть закреплен тот или иной участок земли (со всем объемом работ на нем) или какой-либо вид работы (севачи, пахари, бороновщики, тракторная бригада и т. д.). Однако специализация бригад вызывала возражения, т. к. случалось «несвоевременное выполнение очередной работы и недостаточно быстрое переключение с одной работы на другую» (*Киндеев К.* Организация труда и распределение дохода в колхозах. М., 1930. С. 36). В качестве оптимальной формы организации труда предлагались производственные бригады с комплексными заданиями. «Специальные же бригады могут быть только для отдельных видов работ» (Там же. С. 37). Колхозы должны были усвоить опыт ударных бригад на предприятиях: «Ударные бригады необходимо создавать и в деревне. <...> Эти бригады должны первые выехать на посев, на сбор урожая, первыми сдать все излишки, уплатить сельхозналог...» (*Капустин.* О социалистическом соревновании // *Календарь коммуниста,* 1930. С. 207).

...только что закончила сплошную очистку семян... — В числе первоочередных, «боевых» задач в начале января 1930 г. Наркомзем выдвинул

незамедлительное развертывание работы по зерноочистке и обмену рядовых семян на сортовые, «чтобы к началу весенней посевной кампании все подготовительные работы были уже закончены по каждому отдельному колхозу» (Яковлев Я. О производственной работе в колхозах в связи с посевной кампанией // Известия. 1930. 7 янв. С. 4). Посевной материал должен был пройти через зерноочистительные машины (триеры), которые переводились на сани для большего охвата территории. Срок окончания был назначен на 1 февраля. Однако с 18 января в газетах печатаются сообщения о том, что планы зерноочистки не выполняются (по ЦЧО на это время очищено лишь 6% собранных семян). 8 февраля коллегия Наркомзема отметила совершенно неудовлетворительный темп подготовки к посевной кампании в ЦЧО и «угрожающее положение» с семенным материалом: «Заданием предусматривалась стопроцентная очистка зерна. Это составляет 4 800 000 центнеров. Пока очищено лишь 25 проц. этого количества <...> 12 работников облзу выехали на места для проверки» (Беднота. 1930. 8 февр. С. 1). На 10 февраля план по зерноочистке был выполнен на 31 процент. М.И. Калинин, выступая в начале марта на объединенном заседании Центрально-черноземного областного исполнительного комитета и Воронежского городского совета, в начале своей речи подчеркнул: «Товарищи, я приехал в Центрально-Черноземную область, чтобы подтолкнуть местных работников к скорейшей засыпке и очистке семенного материала...» (Беднота. 1930. 4 марта. С. 2). К началу апреля ЦЧО выполнила план по очистке семян.

...мы устроили производственное совещание, на котором выяснили все части и матерьялы для рационализации солнца... — О создании производственных совещаний при всех сельсоветах было принято Постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР 10 декабря 1929 г. В ЦЧО организация производственных совещаний должна была завершиться 15 февраля 1930 г. (Создать производственные совещания при сельсоветах // Нов. деревня. 1930. 10 янв. С. 1). Наряду с ударными бригадами и социалистическим соревнованием производственные совещания были признаны главными методами колхозной работы весной 1930 г.: «Мы не сомневаемся, что новый закон о с.-х. совещаниях поднимет работу этих совещаний на высшую ступень, сделает из них действительную опору для сельсовета в борьбе за социалистическое переустройство деревни» (Смирнов Ф. Сельсоветы — штабы коллективизации // Изба-читальня. 1930. № 3–4. С. 14–15). В состав производственных совещаний входили члены сельсоветов и ревизионных комиссий, представители колхозов и совхозов, землеустроители, ветеринарные врачи, члены комитетов крестьянских обществ взаимопомощи, активисты из комсомольцев, батрачества, бедняков и середняков, учителя, избачи, политпросветработники и др. Собиралось производственное совещание не реже одного раза в месяц (в свободное от полевых работ время) или по мере возможности (в сезон полевых работ). Составление организационных планов, поднятие производительности труда в колхозах, рационализация производства, выполнение директив партии о расширении посевных площадей, поднятию урожайности, развитию животноводства — «На каждый обсуждаемый вопрос совещание должно дать практический ответ: как лучше и экономней организовать то или иное дело, как устранить те или иные неполадки и т. д.»

(Перенесем пролетарский опыт в колхозы (Производственные совещания в колхозах) // *Колх. правда*. 1930. 23 марта. С. 2. Подпись: С. П.).

...я пошел в изба-читальню, зная, что культурная революция у нас часто идет по раскулаченным местам. ~ изба-читальня занимала дом старинного, векового кулака... — Культурная революция — одна из составляющих программы первой пятилетки (индустриализация, коллективизация, культурная революция). В культурной политике партии в 1920-е гг. изба-читальне отводилась важная политико-просветительская роль. В конце 1929 — начале 1930 г. принимается ряд документов (резолюция ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1929 г., постановление Совета народных комиссаров РСФСР об избах-читальнях от 7 февраля 1930 г.), проясняющих значение избы-читальни в реконструктивный период: «...необходимо, чтобы изба-читальня стала в гораздо большей мере, чем сейчас, действительным центром политико-просветительной работы, основным содержанием которой должны быть организация и использование растущей активности батрацко-бедняцких и середняцких масс крестьян (и в частности крестьянок) в деле социалистического преобразования деревни» (Изба-читальня. 1930. № 2. С. 4). В печати отмечалась неудовлетворительная работа изб-читален, плохая оснащенность, отсутствие средств для обустройства помещений: «А что же мы видим на самом деле в наших избах-читальнях? Грязь, прокуренные стены, заплеванной пол, разбитые стекла, нетопленные печи, — вот что мы видим. В общем, полный хаос» (Бондарев Ф.И. Внимание избе-читальне! // *Сов. активист*. 1930. № 1. С. 12). Предлагались следующие меры: расширение сети изб-читален (к 1932–1933 гг. изба-читальня должна быть при каждом сельсовете), улучшение материального положения изб-читален, распространение на избачей льгот и т. д.

Постройки раскулаченных крестьян должны были использоваться для нужд колхоза: «Надо добиться большего использования кулацких домов для общественных и культурных нужд колхозов...» (Ковалев Л. Укрепим количественно, организационно и качественно // *Правда*. 1930. 11 мая. С. 3); «В ряде мест необходимо пока что ограничиться простым переоборудованием и перестройкой новых зданий, отведенных под культураную работу из числа домов, отчужденных у кулачества» (Будный А. Основные моменты в работе райполитпросветинспектора на апрель // *Изба-читальня*. 1930. № 5. С. 37).

...на хуторе Перепальном... — В Острогожском уезде Воронежской губернии находился хутор Перевальный (Список населенных мест Воронежской губернии, по сведениям 1859 г. СПб., 1865. С. XLVIII).

С. 18. ...*(в ожидании того, как назваться колхозом «Доброе Начало», деревня называлась хутором Перепальным)*. — О практике переименований населенных пунктов см.: «...С. Третьяков свой очерк “Из дневника колхозника” <...> начинает таким ярким сопоставлением: “Называлось: село “Новосреднее” (ранее Нахаловка), хутор “Матигорин”, “Курганное”, “Орловка” <...> Стало: артель “Красный колос”, артель “Красный городок”, артель “Имени Калинина”...» (Корелин Л. Очерки коллективизации. Обзор очерков в брошюрах и газетах // *На лит. посту*. 1930. № 9. С. 51).

С самого начала советской власти Верещагин выписывал четыре газеты... — Отношение крестьян к газетам не раз становилось предметом

исследования в 1920-е гг. Я. Шафир, побывавший в экспедиции в Воронежской губернии в 1923 г., отмечал почти полное отсутствие читателя газет среди крестьян: «...обследование установило, что в деревне в настоящее время нет ни подписчика, ни читателя. <...> Так называемый крестьянский подписчик (1 на 25 дворов, как определяют его наши статистики) призрак, среднеарифметическая фантазия» (Шафир Я. Газета и деревня. М.—Л., 1924. 2-е изд. С. 5, 17). Это объяснялось тем, что газеты слишком дороги для крестьян, написаны непонятным для них языком, содержат неинтересный материал и не вызывают у деревенских жителей доверия. О пробуждении интереса крестьян к газетам сообщается в других исследованиях: «С середины этой зимы появилось массовое стремление крестьян к газете, в особенности среди бывших красноармейцев. В итоге — в апреле 24-го года в данной волости получается: 54 номера “Крестьянской газеты”, 39 номеров “Тамбовской правды”, 5 номеров “Экономической жизни”, 9 номеров “Правды”, 7 номеров “Известий” и один номер “Бедноты”. Подавляющие подписчики на “Крестьянскую газету” — индивидуальные. <...> Для них “Крестьянская газета” — единственный источник света, знания о том, что делается в России и за пределами России, частью учитель в области хозяйства, частью справочник в области закона, частью заместитель букваря для детей, если не считать даже того, что прочтенная газета до конца выполняет свой долг, заменяя папиросную бумагу» (Яковлев Я. Наша деревня. М., 1924. С. 122, 124); «Крестьяне обычно выписывают “Крестьянскую газету” и изредка “Бедноту”. <...> “Крестьянская газета” пользуется большой популярностью» (Голубых М. Очерки глухой деревни. М.—Л., 1926. С. 44); «Из газет больше читаются центральные, как то: “Правда”, “Известия”, “Беднота” и “Крестьянская газета”...» (Тарадин И. «Золотое дно»: экономика, история, культура и быт волости Центрально-Черноземной Области. Воронеж, 1928. С. 74).

...и читал в них все законы и мероприятия, с целью пролезть между ними в какое-либо узкое и полезное место. — Согласно постановлению президиума ВЦИК от 3 апреля 1918 г., газетам предписывалось: «...печатать на первой странице все декреты и распоряжения Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров, а также распоряжения и приказы местных Советов рабочих и крестьянских депутатов» (цит. по: О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. Сборник документов и материалов. М., 1972. С. 61). В «Известиях» были введены два отдела для официальных распоряжений и постановлений. О том, что этот газетный материал может быть интересен крестьянам, свидетельствовали исследования: «Крестьянам еще очень важны законы земельные, продналоговые. <...> Нужно, чтобы крестьянин мог понять законы, чтобы местная власть не могла его обманывать» (Шафир Я. Газета и деревня. М.—Л., 1924. 2-е изд. С. 84); «Крестьяне больше всего интересуются нашим международным положением. <...> На втором месте нужно поставить декреты и различные распоряжения» (Голубых М. Очерки глухой деревни. М.—Л., 1926. С. 44); «...подавляющее большинство хозяйств, именно, 78,0% желают знать о внутреннем положении и успехах сельскохозяйственного строительства» (Тарадин И. «Золотое дно»: экономика, история, культура и быт волости Центрально-Черноземной Области. Воронеж, 1928. С. 75).

Узкое место — обыгрывается выражение, активно использовавшееся в языке эпохи для обозначения проблем в различных отраслях хозяйства в связи с нехваткой рабочей силы и материалов, недостаточным темпом и объемом работ, невыполнением планов и др. См., например: «Транспорт — узкое место народного хозяйства!» (Правда. 1930. 16 янв. С. 4); «Стройматериалы в текущем году — особенно “узкое” место строительного сезона» (Правда. 1930. 3 апр. С. 2); «Рабочая сила — “узкое” место» (Правда. 1930. 20 апр. С. 4).

...в последнее время дешевизна скота ~ его лошадь стоит нынче на базаре рублей тридцать, а застрахована за сто семнадцать. — О резком снижении цен на скот зимой 1930 г. сообщали газеты: «Цены на лошадей пали до невозможности, — отдают за 20–30 рублей таких лошадей, которые два-три месяца назад стоили 125–150 рублей. <...> Причина всему этому — кулацкая агитация в связи со сплошной коллективизацией Рязанского округа и контрактацией скота» (Когда же это прекратится? // Беднота. 1930. 15 янв. С. 4. Подпись: *крестьянин В. Бобков*).

— *Что-то я нигде не читал, чтобы лошадей мучить нельзя было: значит — можно.* — Такой пробел в законодательстве отмечала печать: «Истребление чужого имущества карается ст. 175 УК, а истребление своего имущества не наказуемо. Отсюда и сознание безнаказанности за истребление скота, с целью мошенничества» (Новая кулацкая вылазка // *Сов. активист*. 1930. № 3. С. 23. Подпись: *И.Г.*).

Как бы только Осоавиахим не встрял: да нет — его дело аэроплан! — Осоавиахим — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Главным делом Осоавиахима (второй его съезд проходил 10 февраля 1930 г.) стало развитие авиации, популяризация авиационных знаний через кружки воздушного флота, строительство сети гражданских авиационных школ и легкомоторной авиации: «Осоавиахим немало способствовал тому, что за эти годы наша авиация стала в уровень с зарубежными достижениями в этой области, дав ряд мировых рекордов» (*Раб. газ.* 1930. 9 февр. С. 5). В круг задач Осоавиахима входили и другие вопросы, связанные с обороной страны, — в том числе развитие коневодства: «Почетное место занимает и конное дело как по линии подготовки и переподготовки командного состава и бойцов, так и спортивной» (Известия. 1930. 12 февр. С. 5); «Вопрос о крестьянской лошади также должен быть включен в круг практической работы Осоавиахима. Улучшение ее породы играет громадную роль как для сельхозяйства, так и для обороны страны. <...> Тов. Буденный на 2-м всесоюзном съезде Осоавиахима недаром по поводу этого сказал: “Осоавиахим должен принять участие в улучшении качества нашего конского состава”» (Известия. 1930. 27 апр. С. 4).

С. 18–19. *И Верещагин сознательно перестал давать пищу лошади. ~ он отправился получить за навиую лошадь страховку...* — Зимой 1930 г. о массовом истреблении крестьянами лошадей с целью получения страховых выплат постоянно сообщала печать: «Под влиянием кулацкой агитации некоторые крестьяне сознательно морят скот голодом, получая потом страховые деньги. <...> Госстрах принимает меры для спасения скота. Прекращена выплата страховых денег вредителям» (Голодом морят скот // Беднота. 1930.

14 янв. С. 2); «Максим Жестовский из колхоза “Красный Путь”, Екатериновского района, нашел легкий способ обогащения. У него было две лошади, он их уморил голодом и получил 240 рублей страховой премии. Теперь у Жестовского колхозная лошадь, но он и ее недокармливает...» (Морит лошадей // Самарский колхозник. 1930. 22 янв. С. 8. Подпись: *Свой*); «Но если в предвидении этого завтрашнего дня мы допустим, чтобы в Чапаевском районе 60 лошадей удушили для того, чтобы получить страховку, то мы будем последними дураками» (В поход за организацию действительно коллективного производства. Из доклада Наркомзема СССР тов. Я.А. Яковлева московским рабочим, уезжающим на работу в колхозы // *Раб. газ.* 1930. 25 янв. С. 4).

С. 19. ...как сознательный гражданин, застраховал это поголовье в окружной конторе Госстраха. — Госстрах — главное управление государственного страхования, которому было поручено осуществлять надзор за всеми страховыми операциями, разрабатывать правила страхования, устанавливать тарифы и планы. Существовало два вида страхования: окладное (обязательное) и добровольное. В обязательном порядке крестьяне должны были страховать лошадей, крупный рогатый скот, дома и посевы.

...левый бедняцкий сосед Верещагина перелез через плетень и увидел трех изодранных собаками умирающих лошадей. — См.: «...все крестьяне, с которыми я говорил, в один голос заявляют следующее: теперь в деревне ничего нельзя резать, чтобы беднота не заметила. Все следят друг за другом, весь скот на учете. Каждый бедняк является теперь агентом советской власти в деревне» (Преображенский Е. По районам сплошной коллективизации (Проблемы колхозного движения. Впечатления) // Правда. 1930. 16 марта. С. 3). Правительством предусматривалось премирование за помощь в раскрытии случаев незаконного получения страховых выплат.

...чтобы отдать в организующуюся лошадиную колонну... — В Постановлении ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г. подчеркивалось, что в предстоящую весну конный инвентарь еще не может быть полностью заменен машинной тягой, а потому «в качестве переходной меры» должны быть созданы «в колхозах конно-машинные базы и смешанного типа тракторно-конные базы, сочетающие тракторную тягу с конной» (Правда. 1930. 6 янв. С. 1). Для каждой области было определено количество машинно-конных станций, которое в сжатые сроки следовало организовать. ЦЧО до начала сева выполнить план по тяговой силе не удалось: в начале апреля «по самым радужным подсчетам, по области организовано пока немногим больше 300 машинно-конных станций, что составляет всего треть даже первоначального плана облзу» (Левочкин Н. Поторопившаяся весна и неторопливые работники // Беднота. 1930. 2 апр. С. 1).

...сегодня газета «Беднота» пришла, там написано про тебя и про всех таковых личностей. — «Беднота» — ежедневная, массовая крестьянско-солдатская газета, орган ЦК ВКП(б), выходила в Москве с 1918 до начала 1931 г. В Постановлении ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1929 г. «О газете “Беднота”» отмечалось, что со своими «основными задачами — политическое и культурное воспитание деревенского актива и передовых слоев бедняцко-

средняцкого крестьянства и организация этих слоев вокруг лозунгов социалистического переустройства деревни — газета «Беднота» справляется удовлетворительно. ЦК ВКП(б) отмечает инициативу «Бедноты» в постановке новых вопросов политики партии в деревне, активное участие в подготовке решений партии и советской власти по вопросам налоговым, земельным и др., широкое освещение вопросов коллективизации <...> Газета должна шире и полнее освещать факты и формы классовой борьбы...» (цит. по: О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. Сборник документов и материалов / сост. Л.С. Климанова. М., 1972. С. 161, 162).

С начала 1930 г. почти в каждом номере газеты «Беднота» печатались сообщения об уничтожении крестьянами скота (и прежде всего, лошадей). Правительство принимает ряд ответных мер, о которых также сообщает газета (см. примеч. ниже).

— Ну, ничего, ты теперь на ять попадаешь под новый закон о сбережении скота. — На ять — хорошо, прекрасно. Выражение получило широкое распространение в языке эпохи: «Это наречие теперь в большом ходу среди всех слоев городского и фабрично-заводского населения. Так говорят и рабочие, и школьники, и некоторые профессора. Употребляется оно и в письменном языке» (Селищев. С. 78).

8 января 1930 г. Совнарком РСФСР предложил Народному комиссариату земледелия и Народному комиссариату юстиции срочно разработать новый проект закона об уголовной ответственности за злостный убой скота. 15 января публикуется проект Постановления ЦИК и СНК СССР о мерах борьбы с хищническим убоем скота, 16 января оно принимается и на следующий день публикуется в окончательном виде. Это постановление дает право районному исполнительному комитету наказывать всех, причастных к убою скота: лишать права на пользование землей, конфисковывать скот и сельскохозяйственный инвентарь, привлекать к уголовной ответственности в виде лишения свободы до двух лет с высылением из данной местности и без выселения. Было решено дополнить уголовный кодекс формулировкой «за хищнический убой и умышленное изувечение скота, а также за подстрекательство к этому других лиц, с целью подрыва коллективизации сельского хозяйства и воспрепятствования его подъему» (Беднота. 1930. 22 янв. С. 4). 5 февраля председатель Совнаркома РСФСР С.И. Сырцов отправляет всем правительствам автономных республик, краевым и областным исполкомам радиотелеграмму, в которой говорится о необходимости всем органам государственного страхования совместно с сельсоветами тщательно проверять причину гибели скота: «В случае если будет установлен злостный убой скота или намеренное доведение животных до падежа — страховое вознаграждение не должно выдаваться» (Беднота. 1930. 6 февр. С. 1). В конце марта правление Росгосстраха принимает новый порядок выплаты страховых сумм, по которому, в случае неустановления обстоятельств убоя или пропажи, выплаты не производятся.

— Зато я за полную индустриализацию стоял, а лошадь есть животное-оппортуни! — Оппортунизм — одно из самых распространенных политических обвинений, которым обозначалась ошибочная с точки зрения «генеральной линии» партии позиция в решении государственных вопросов:

капитуляция перед трудностями, установка на ослабление темпов индустриализации и коллективизации, «теория деградации сельского хозяйства» (Из резолюции I Всесоюзной конференции аграрников-марксистов // *На агр. фронте*. 1930. № 1. С. 119). В документах конца 1929 — начала 1930 г. подчеркивалось: недооценка роли лошади на данном этапе развития коллективизации и индустриализации недопустима, т. к. «...главной решающей двигательной силой в текущую посевную кампанию все же явится лошадь» (*Фелистак И.И.* Машинно-конные станции — на передовые позиции // *Беднота*. 1930. 7 янв. С. 3).

С. 20. ...*Верещагина и аналогичного Ревушкина бывшие ихние батраки — Серега, смазчик и другие — погнали пешим ходом в район и там оставили навеки.* — Участие батраков в раскулачивании всячески поддерживалось властью. Так, сельский рабочий комитет в районах сплошной коллективизации должен был заниматься мобилизацией «батрацких масс для активного участия в организации и укреплении колхозов и в раскулачивании кулака» (*Анцелович Н.* О новом этапе в работе среди батрачества // *На агр. фронте*. 1930. № 3. С. 16). Раскулачиваемые крестьяне делились на три категории: первая — «кулацкий актив» — подлежала заключению в концлагеря (применялась и «высшая мера репрессии»), вторая — высылке в отдаленные местности (из ЦЧО — в Северный край), третьей категории разрешали оставаться на месте, с отводом неудобных земель вне колхоза. О массовых высылках крестьян зимой-весной 1930 г. сообщали газеты: «Сотни кулаков, наиболее злостных, выселены за пределы округа» (*Беднота*. 1930. 28 янв. С. 2); «В ответ на кулацкие выступления беднота и середняки повсеместно выносят решения о выселении кулаков из округа и отобрании у них земли и имущества» (*Беднота*. 1930. 29 янв. С. 2); «Наиболее злостные кулаки, возглавляющие контрреволюционную борьбу против колхозного движения, должны решительно подавляться и высылаться за пределы области» (*Правда*. 1930. 31 янв. С. 4). К Верещагину и Ревушкину могли применить и высшую меру социальной защиты как к вредителям, наносящим «всевозможный вред имуществу и инвентарю совхозов и колхозов» (Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о ликвидации кулачества как класса, подготовленный подкомиссией И.Д. Кабакова от 23 января 1930 г. Совершенно секретно // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 118).

Ни один середняк в Перепальном при раскулачивании обижен не был... — О недопустимости применения раскулачивания в отношении к середняку стали говорить после публикации статей И.В. Сталина «Головокружение от успехов» (2 марта) и «Ответ товарищам колхозникам» (3 апреля). Главной причиной ошибок в крестьянском вопросе Сталин назвал неправильный подход к середняку. Во всех партийных документах, статьях и выступлениях руководителей колхозного движения декларировалась необходимость бережного отношения к середняку. См. также примеч. к с. 39.

...середняк Евсеев, которому поручили с точностью записать каждую мелочь в кулацких дворах ~ сам обидел советскую власть. ~ государство было обездолено на сумму в сто или двести рублей. — Имущество раскулаченных должно было передаваться в колхозы в качестве паевых взносов вступающих туда бедняков и батраков с зачислением их в неделимый фонд

колхоза. Однако зачастую при раскулачивании у крестьян отбиралось абсолютно все и присваивалось «активистами». О подобных случаях сообщали газеты: «Брали все, что попадалось под руку: куски сахара, мануфактуру, мыло, катушки ниток и т. п. мелочь. <...> Установить, что из имущества передано в колхозы и что расхищено заливхватскими “активистами”, не представляется возможным» (Раскулачивание перешло всякие границы // *Нов. жизнь*. 1930. 29 апр. С. 4. Подпись: В.С.).

В чем же причина такого бесперебойного проведения генеральной линии? — *Генеральная линия* — основное понятие, обозначающее политику партии — курс на индустриализацию страны и социалистическое переустройство деревни.

— *Это писал хвостун, — говорил он, читая особо напорные директивы, вроде «Даешь сплошь в десятидневку»...* — С начала января 1930 г. каждые десять дней области отчитывались о ходе коллективизации по различным округам. Так, например, по ЦЧО в конце января был отмечен «громадный сдвиг по охвату коллективизацией крестьянских хозяйств. В течение 10 дней к площади в 5,5 млн га, занятой колхозами, прибавилось около 2 млн га. Всего колхозами охвачено 45 проц. всех земель трудового пользования ЦЧО» (Беднота. 1930. 29 янв. С. 4). «За первые 10 дней февраля в этих округах вступило в колхозы около 335 тыс. хозяйств» (Беднота. 1930. 18 февр. С. 2).

С. 21. *...районные же люди приняли свое единоличное настроение за всеобщее воодушевление и рванулись так далеко вперед, что давно скрылись от малоимущего крестьянства за полевым горизонтом.* — См. в статье Сталина «Головокружение от успехов»: «Искусство руководства есть серьезное дело. Нельзя отставать от движения, ибо отстать значит оторваться от масс. Но нельзя и забегать вперед, ибо забежать вперед значит потерять связь с массами. Кто хочет руководить движением и сохранить вместе с тем связь с миллионными массами, тот должен вести борьбу на два фронта — и против отстающих, и против забегающих вперед» (Правда. 1930. 2 марта. С. 1).

...в день получения статьи Сталина о головокружении... — Статья «Головокружение от успехов (К вопросам колхозного движения)» была напечатана в центральных газетах 2 марта 1930 г.

Предрика — председатель районного исполнительного комитета.

— *Сделай мне сводочку...* — Речь идет о сводке, форме отчетности о ходе проведения той или иной кампании по району или округу. С отчетом о коллективизации сводки посылались раз в десять дней (см. примеч. к с. 20); для главной весенней кампании — посевной — в марте 1930 г. Наркомземом была принята пятидневная форма отчетности о ходе сева, которую сельсоветы должны были направлять с нарочным в районное земуправление: «Своевременная отчетность — одно из условий успешного проведения сева. К 20 марта должны поступить первые сводки о ходе сева» (Известия. 1930. 16 марта. С. 4). В печати критиковались многочисленные громоздкие отчеты: «Первое место по количеству слов в последней декадной сводке принадлежит ЦЧО, сведения по которой переданы в Москву <...> в телеграмме в 1899 слов» (Отчетные безобразия // Известия. 1930. 12 февр. С. 3); «Прекратить поток ненужной отчетности» (Известия. 1930. 13 февр. С. 2).

...слышен был работающий где-то триер... — Триер — зерноочистительная машина. В начале 1930 г. триер — не только сельскохозяйственное орудие, но и почти политическое понятие, так как именно с этой машиной связывают успешность подготовки к весеннему севу: «Ни одна зерноочистительная машина не должна безмолвствовать, когда вся страна поглощена подготовкой к грядущему весеннему севу. <...> То исключительное внимание, которое уделяет правительство работе зерноочистительных пунктов, вызвано их гигантской ролью в деле выполнения одного из важнейших показателей пятилетнего плана — повышение количества и качества урожая» (Шейнин М. Улучшайте зерноочистку // Сов. активист. 1930. № 2. С. 15, 16). Однако кампания по сбору и очистке семян проходила тяжело: «Триеры стоят. Сотни тысяч тонн зерна не очищено» (Правда. 1930. 11 янв. С. 2). В других местах не хватало самих триеров: «...в колхозе, который объединяет 2000 хозяйств, нет ни одного триера...» (Правда. 1930. 10 февр. С. 5). В Воронеже находился единственный в СССР завод по производству триеров, работавший с 1927 г.: «...триер, который до недавнего времени был залетным иностранным гостем, теперь должен быть доступен каждому колхозу, каждой артели, а не только крупным совхозам и опытным станциями. Он должен стать таким же обыкновенным сельскохозяйственным орудием, как плуг и лопата» (Моголь Вл., Перелетов А. Воронежский триер // Наши дост. 1930. № 10–11. С. 22).

...отовсюду раздавался знакомый, как колокольный звон, стерегущий голос собак, работающих на коммунизм с тем же усердием, что и на кулацкий капитализм. ~ оттуда не доносилось собачьего голоса. — В период массовой коллективизации наличие собак могло восприниматься как свидетельство классового неблагополучия деревни или села: «Сейчас Братеница имеет триста дворов. Это значит — триста хат, триста ворот, триста собак, но не триста плугов, не триста клунь, не триста комор и амбаров» (Дубинский И. Перелом. М., 1930. С. 21). Собака как элементу старого крестьянского быта не находилось место в картине новой деревни, перестроенной на коллективных началах: «По снежному полю вьются к горизонту неведомые дорожки. По одной из них бежит пара собак. С деловой озабоченностью, не уменьшая рыси, следуют они в Братеницу из Лемещина. Не потому ли, что в Лемещине, где проведена почти полная коллективизация, им нечего делать? С отмиранием собственности наступает конец и собакам. Конец “собачьей жизни”! Конец “собачьей радости”! Конец “собачьей верности”, и вообще конец многим собачьим вещам» (Там же. С. 77).

Возможно, отсутствие собачьего лая в колхозе «Доброе Начало» объясняется тем, что всех собак истребили в ходе кампании по сбору утильсырья: «Опыт Пушногосторга показал чрезвычайную выгодность выработки шкурки нашей обыкновенной дворянжки, превращающейся в товар, ставший одной из наиболее прибыльных статей нашего вывоза» (Беднота. 1930. 5 янв. С. 2). Об охоте деревенских активистов за собаками сообщалось в печати: так, в Тамбовском округе уполномоченные районного исполнительного комитета вместо организации ликвидации неграмотности «гоняют ликвидаторов по селу убивать собак» (Беднота. 1930. 20 марта. С. 2); в Острогжском

округе: «День и ночь в слободе стрельба, убиваются собаки даже по дворам...» (*Нов. жизнь*. 1930. 1 февр. С. 5).

С. 22. *Человек мне сказал, что он борец с неглавной опасностью и идет сквозь округ по командировке. ~ До чего ж приятно и полезно шибить правых и левых, чтоб у здешнего кулачества не осталось ни души, ни ума!* — С 1928 г. разворачивается борьба с «правым уклоном», получившая идеологическое обоснование в выступлениях И.В. Сталина «О правой опасности в ВКП(б)» (октябрь 1928 г.) и «О правом уклоне в ВКП(б)» (апрель 1929 г.). Сущность правого уклона определялась так: «отказ от усиленного темпа индустриализации, отказ от строительства совхозов и колхозов, отказ от организации деревенской бедноты» (К итогам XVI Всесоюзной конференции ВКП(б) // *Сов. активист*. 1929. № 3. С. 3). Ноябрьский пленум 1929 г. подчеркнул, что правая опасность остается главной, а борьба с ней — основной задачей этого периода. При этом вести борьбу следовало «на два фронта»: с теорией и практикой правого уклона и с остатками «левых загибов» троцкистских элементов. Весной 1930 г. теория борьбы на два фронта уточняется в важнейших документах марта — апреля: в постановлении ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» и в статьях И.В. Сталина: «...какая у нас главная опасность — правая или левая? — правая. <...> “Левые” загибщики являются объективными союзниками правых уклонистов» (*Сталин И.В.* Ответ товарищам-колхозникам // *Правда*. 1930. 3 апр. С. 1). При характеристике правой и левой опасности в сельском хозяйстве использовались стандартные формулировки. Правая опасность выражалась в представлении о постепенном затухании классовой борьбы и мирном вращении капиталистических элементов в социализм (капитуляция перед трудностями, дезертирство с фронта социалистической борьбы, соглашательство с кулаками). Левый уклон проявлялся в нетерпеливом «перепрыгивании» к высшим формам коллективизации, в давлении на середняка.

Округ — административно-территориальная единица. После выступления И.В. Сталина на XVI партийном съезде началась подготовка к упразднению округов, которые были названы «ненужным средостением между областью и районами» (*Известия*. 1930. 29 июня. С. 4). 23 июля 1930 г. было принято постановление ЦИК и СНК «О ликвидации округов».

...зато лицо и тело, видимо, уже истратились в окружных дискуссиях, настолько его туловище глядело измученным существом. — Всесоюзная кампания по перевыборам сельских советов, широко развернувшаяся с начала 1930 г. (см. примеч. к с. 23), включала в себя огромное количество всевозможных заседаний, собраний, обсуждений на местах: «Насколько глубока была эта дискуссия, видно хотя бы из того факта, что только в одном Елецком округе ЦЧО обсуждение проекта (нового закона о сельских советах. — *Н. У.*) происходило на 3 пленумах райисполкома, на 6 президиумах райисполкома, 120 пленумах сельских советов, 2 собраниях групп бедноты, 13 бедняцких собраниях, 381 общем собрании граждан, причем в обсуждении проекта было вовлечено 48 146 человек» (*Енукидзе А.* Основные положения об организации сельских советов в Союзе ССР // *Известия*. 1930. 7 марта. С. 1).

С. 23. *Я видел в зерновых районах...* — В начале 1930 г. к основным зерновым районам относились Нижняя и Средняя Волга, Северный Кавказ — в них должна была в первую очередь проводиться сплошная коллективизация: «В колхозном движении впереди всех районов стоят у нас зерновые районы» (*Сталин И.В. Головокружение от успехов (К вопросам колхозного движения)* // Правда. 1930. 2 марта. С. 1).

А водоснабжение для них следует устраивать посредством глубоких трубчатых колодцев. ~ Артезианская же, глубокая вода трубчатых колодцев — безвредней, вкуснее и чище, чем хлорированная водопроводная. — Вода артезианских (трубчатых) колодцев, «получаемая из глубоких слоев земной коры, отличается от грунтовых вод и вод открытых водоемов своей чистотой и постоянной, обычно невысокой температурой» (Сельскохозяйственная энциклопедия. М., 1932. Т. 1. С. 236). В удостоверении, выданном Платонову Воронежским ГЗУ 11 мая 1926 г., в числе проведенных под его руководством работ отмечалось: «построено 315 шахтных колодцев (бетонных, каменных и деревянных); построено 16 трубчатых колодцев» (см.: *Письма*. С. 159).

Борец с неглавной опасностью пошел непосредственно в сельсовет. И здесь я был свидетелем действий его опытного ума, умевшего всякую бюрократическую сложность обращать в понятную простоту истины. — *Сельский совет* — низовой орган советской власти в деревне. С начала 1930 г. по всей стране разворачивается отчетно-проверочная (а затем перевыборная) кампания, главный лозунг которой — сельсоветы лицом к колхозному движению (см.: Лицом к колхозам. Новые задачи и перевыборы советов. Из доклада т. Молотова // *Колх. правда*. 1930. 26 янв. С. 3). В начале февраля 1930 г. Президиумом ЦИК СССР разрабатываются основные положения о сельских советах. Во все сельскохозяйственные области страны посылаются бригады рабочих, отряды «легкой кавалерии»; в районы отправляются члены городских советов и окружные работники; заслушиваются доклады фракций сельсоветов, бедняцко-батрацких групп, публикуются отчеты. Сельсоветы обвиняются в недостаточной классовой бдительности, отсутствии связи с батрацкими массами, плохой подготовке к севу, бюрократизме и т. п. Центральные и местные газеты сообщают о раскрытии кулацкого ядра того или иного сельсовета, призывают провести коренную чистку управленческого аппарата: «Агенты классового врага. О советах, которые необходимо немедленно переизбрать» (Правда. 1930. 22 янв. С. 4); «Классово-чуждый элемент изгнать из советов» (*Нов. жизнь*. 1930. 1 февр. С. 5). В новые правления сельсоветов должны были войти проверенные, классово-выдержанные активисты-колхозники, а также «командированные для укрепления колхозной системы квалифицированные партийные и кооперативные работники» (Беднота. 1930. 12 февр. С. 2). Перевыборы сельсоветов в ЦЧО проходят в течение февраля — марта. 20 апреля состоялось заседание Президиума ВЦИК, на котором был заслушан доклад о работе сельсоветов ЦЧО. Было отмечено «чрезвычайное неблагополучие в работе сельсоветов ЦЧО»: «...в ЦЧО работа по коллективизации проходила и до сих пор проходит помимо сельсоветов» (Советы ЦЧО все еще живут вчерашним днем // Правда. 1930. 25 апр. С. 4).

С. 24. ...*один крупный план ~ План изображал закрепленные сроки и названия боевых кампаний: сортировочной, землеуказательной, разъяснительной, супряжно-организационной, пробно-посевной, проверочной к готовности, посевной, контрольной, прополочной, уборочной, учетно-урожайной, хлебозаготовительной, транспортно-тарочной и едоцкой.* — Кампания — активная работа, проводимая для решения какой-либо общественно-политической или хозяйственной задачи: «Работа в деревне, это — непрерывный ряд кампаний. То сбор сельхозналога и страховки, то распространение займа, то хлебозаготовительная, то посевная, и так одна за другой» (Проведение кампаний в деревне. По материалам шефобщества сотрудников ОГПУ // *Сов. активист*. 1929. № 3. С. 14). До конца февраля 1930 г. каждый колхоз должен был составить рабочий план ближайших хозяйственных мероприятий. В ЦЧО подготовка планов затягивалась, в большинстве колхозов планы не составлялись, а те, что появлялись, были неумеренными и громоздкими: «Сами производственные планы крайне неудовлетворительны: они представляют из себя сложную, запутанную схему часто совершенно ненужных расчетов, условных, не связанных с действительностью, не учитывающих действительного положения данного конкретного колхоза, причем эти планы совершенно не понятны для крестьянина» (Доклад И.М. Варейкиса Я.А. Яковлеву о ходе коллективизации, мероприятиях по ликвидации кулачества и подготовке к весеннему севу в ЦЧО от 2 марта 1930 г. // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 273). В первых числах марта в газетах была напечатана принятая Колхозцентром «Примерная рабочая программа весеннего сева в колхозах» (Правда. 1930. 3 марта. С. 4). На основе документа каждый колхоз должен был в кратчайшие сроки выработать свой простой и понятный колхозникам план посевных работ.

В числе важнейших мероприятий назывались *сортировка зерна* (см. примеч. к с. 17); *землеустройство* («...всякий колхоз сейчас же после его организации должен быть землеустроен. Можно сказать, что без землеустройства не может быть крупного хозяйства»: *Киндеев К.* Организация труда и распределение дохода в колхозах. М., 1930. С. 24; см. также примеч. к с. 37); *разъяснение устава колхоза* («После того как общее собрание граждан села <...> приняло решение перейти всем селом в колхоз, инициативная группа должна развернуть работу по тщательному разъяснению устава»: *Дьяков В.* Спутник организатора колхозов. В вопросах и ответах. М., 1930. С. 29); *пробные выезды в поле, пробный сев* («Пробный выезд в поле — экзамен готовности колхозов к весеннему севу»: *Нов. жизнь*. 1930. 25 марта. С. 1) и т. д.

Супряга — одна из традиционных форм крестьянской трудовой кооперации, при которой крестьяне для совместного проведения сельскохозяйственных работ объединяли рабочий скот и инвентарь. В начале 1930 г. супряги считались устаревшей формой коллективного труда, которая должна смениться колхозами: «В ряде селений района под влиянием наглядных преимуществ колхозного труда *супряги единоличников начинают перерастать в "дикие", беззаставные, колхозы.* <...> *Супряги единоличников соревнуются с колхозами по расширению посевной площади*» (Известия. 1930. 4 мая. С. 1); «В результате супряга объединяет 60–80–100 дворов, супряга охватывает

все село, супруга перерастает в фактический, безуставный колхоз» (Шапиро И. Агитация показом действует // Известия. 1930. 13 мая. С. 1).

В целом план в деревне Понизовке соответствовал общим установкам в проведении колхозных работ. Кроме последнего пункта, неслучайно вызвавшего вопросы у командированного. В партийных постановлениях слово «едоцкая» сочеталось не с «кампанией», а с «системой», с которой нужно было бороться. *Едоцкой* системой называли распределение колхозных доходов по числу душ. Такой принцип, распространенный во времена первых колхозов, весной 1930 г. осуждался как уравнилельный и задерживающий рост производительности труда членов коллективного хозяйства.

...тогда и проположная кампания не нужна: ведь ходили же раньше бабы сами полоть просо, а почему ж мы их сейчас мобилизуем? — О необходимости «мобилизации» колхозниц на прополку и о том, что крестьянки плохо откликаются на кампанию, писали газеты и журналы: «Началась полка пропашных. Полка — женское дело. Организуются бригады женщин-колхозниц. <...> Однако многие колхозы еще не приступили к полке пропашных, медлят с организацией женских бригад. <...> Пшеница в колхозах зарастает бурьяном. Против полки посевов, производимой преимущественно женщинами, сейчас направлена кулацкая агитация» (Известия. 1930. 17 мая. С. 3); «Особенно необходимо отметить <...> слабую организацию женского труда, что особенно резко выявилось во время прополки пропашных и технических культур» (Об итогах весенней сельскохозяйственной кампании. Постановление Экономического совета РСФСР // Сельское хозяйство РСФСР. Бюллетень Наркомзема РСФСР. 1930. № 3. С. 7).

...вперед, бегом через колхоз, на коммуну. — Колхоз — коллективное сельскохозяйственное предприятие, организованное по одному из трех принципов обобществления имущества: как товарищество по совместной обработке земли (ТСОЗ) без обобществления средств производства; как артель, предполагающая обобществление и землепользования, и основных средств производства, рабочего скота, техники и хозяйственных построек; или как коммуна, где обобществлено уже не только производство и рабочий скот, но и распределение и домашняя пища. В массовом словоупотреблении понятие «колхоз» часто отождествлялось с артелью, которая весной 1930 г. называлась основной формой коллективизации на данном этапе. В статьях И.В. Сталина и в партийной печати осуждались преждевременные попытки организации коммун вместо артелей: «Известно, что в ряде районов СССР, где борьба за существование колхозов далеко еще не закончена и где артели еще не закреплены, имеются попытки выскочить за рамки артели и перепрыгнуть сразу к сельскохозяйственной коммуне» (Сталин И.В. Головокружение от успехов (К вопросам колхозного движения) // Правда. 1930. 2 марта. С. 1); «Только что колхоз создан, его через несколько дней, а иногда через несколько часов сразу переводят в коммуну. Это было несомненно явной ошибкой» (Артель — основное звено коллективизации // Беднота. 1930. 22 марта. С. 1); «Более сложные формы коллективизации станут возможны лишь тогда, когда крестьянин сам поймет преимущество коммуны» (Социалистическое строительство в области транспорта и перевоспитания человека // Изба-читальня. 1930. № 5. С. 52).

С. 25. — *Едоцкая кампания была ниточкой, на которую я сразу поймал и левацкого караса, и правую щуку...* — Используются образы из сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина «Карась-идеалист» (1884).

— *Правильно-правильно: у левых — дискант, у правых — бас, а у настоящей революции баритон, звук гения и точного мотора!* — К музыкальным аналогиям при характеристике классовой борьбы обращалась рапповская критика — см. в статье Л. Авербаха «Классовая борьба обостряется», в которой упоминается и «Че-Че-О»: «“Реакционные ноты”, шумовые оркестры прущей мелкобуржуазной стихии, сладкие напевы отвратительных приспособленцев, завывания упадочников не всегда встречаются у нас должным отпором, бешеными ударами, непримиримой травлей» (*На лит. посту.* 1929. № 1. С. 4).

Конус — система сцепления.

С. 26. — *Ехать можно, — сказал нам Григорий. — Только в двух холодных цилиндрах теперь живот болит — там газ и масло гоняются непостижимо как.* — Наиболее распространенным типом автомобильного двигателя был четырехтактный двигатель внутреннего сгорания: «При работе двигателя от сгорания смеси топлива с воздухом в цилиндрах развивается чрезвычайно высокая температура (около 1500 градусов), и если стенки цилиндра не охлаждать, то они, сильно раскаляясь, вызовут преждевременное воспламенение топлива и сгорание смазки. <...> При приближении поршня к верхней мертвой точке происходит зажигание смеси пропусканьем электрической искры <...> Топливо начинает гореть (взрывается), температура повышается, в цилиндре получается много газов, которые давят на поршень...» (*Лавров В.* Работа сельскохозяйственных машин и орудий. Трактор // *Изда-читальня.* 1930. № 3–4. С. 78–86). Эпизод с поломкой машины имеет автобиографическую основу — см. примеч. к рассказу «Григорий с Умственного хутора»: *Сочинения, 4(2).* С. 515.

Хутор этот живет уже лет двести, и всегда в нем было не более четырех дворов. ~ делавших в свое время, за недостатком заказов, девичьи бусы. — В Воронежской губернии издавна существовали разнообразные промыслы: «Изготовлением саней, телег, колес, дуг занимались жители Воронцовки, Верхнего Карачана, Оськино. Столяры и плотники жили в слободах вокруг Воронежа (Придача, Чижовка, Ямки). <...> Повсеместно был распространен кузнечный промысел, особо славились своими мастерами село Хреновое и слобода Бутурлиновка. <...> Сравнительно активное развитие кустарной промышленности было обусловлено тем, что продукция кустарей обычно стоила гораздо дешевле фабричной и была более доступной для основной массы населения» (*Историко-статистическое описание Воронежского края.* Воронеж, 2012. С. 194, 195).

Холодные сапожники — так называли сапожников, которые работали не в мастерской, а на улице.

— *Вы ездили на автомобилях? ~ Кто мне давал его?!* — В 1929–1930 гг. колхозы, совхозы и МТС не были обеспечены транспортом. В конце зимы 1929/30 г. принимается решение временно приостановить отпуск автомобилей (и советских, и импортных) городским потребителям, чтобы максимальное количество машин было направлено в тракторные станции.

Обсуждалась возможность переброски городского автотранспорта в колхозы (см.: От слов перейти к делу. Городской автотранспорт для нужд сева // *Раб. газ.* 1930. 18 марта. С. 6). Однако грузовых и легковых машин все равно не хватало, что отмечалось при подведении итогов сева: «Отсутствие автотранспорта, несомненно, сказалось на работах, их темпе, объеме и т. д. Многих дефектов, ошибок и упущений удалось бы избежать, если бы директор МТС, агроперсонал и механики имели бы возможность пользоваться при разъездах автомобилями. Наличие грузовых авто исключило бы нерациональное использование тракторов, как то: подвозку ими горючего, семян, холостые пробеги для заправки и т. д., к которому необходимо было прибегать в отдельных случаях» (*Суворов М.* МТС Трактороцентра в ЦЧО // *Хозяйство ЦЧО.* 1930. № 6–7. С. 135). Платонов откликнулся на актуальную проблему летом 1930 г. — в очерке «По заволжским МТС» (см.: *Сочинения*, 4(2). С. 143–150).

— *А я же еду и думаю, — объяснил Григорий. — Машина же сама говорит, что ей симпатично, а я ее слушаю и норюлю.* — Развитие одной из базовых тем платоновского творчества — о взаимоотношениях человека и машины (см. раннюю публицистику, повесть «Сокровенный человек», роман «Чевенгур» и др.). Регулировка работы двигателя «на слух» — распространенная практика при ремонте и проверке техники, см.: «На тракторной базе комиссия выслушивала трактора. Один за другим приближался к ней, и техники клали ладонь на шкивы и, словно доктора биение пульса, слушали стук мотора» (*Третьяков. Вызов.* С. 322).

С. 27. *На полу жилья стоял станок, похожий на тот, что точит ножи и всякие лезвия ~ Весь этот аплодирующий автомат был изготовлен полевыми мастерами для Петропавловского драмкружка, которому нужны были, по ходу одной пьесы, приветствующие массы за сценой.* — Ср. с «голосовательным аппаратом» в пьесе В.В. Маяковского «Клоп» (1928). Возможность создания особых приборов для звуковых декораций обсуждалась на страницах радиожурналов: «“Звуковой стол”, построенный Эд. Майзелем. Стол воспроизводит шум битвы, жужжание цеппелина и проч. Применяется Э. Пискатором в его знаменитом театре в Берлине» (*Брайдо Е.* Оркестр будущего // *Радиослушатель.* 1929. № 20. С. 4); «Вопросу звукового оформления должно быть уделено большое внимание. Эта работа должна быть изучена всерьез. За границей в этом отношении имеются уже большие достижения...» (Шкаф с оформлением // *Радиослушатель.* 1929. № 32. С. 9. Подпись: *БАЗ*); «Смешно, конечно, думать о создании новых кадров таких звукоподражателей. Их должна заменить машина, универсальная звуковая конструкция, из которой можно извлечь максимум разнообразнейших красочно-богатых, натуральных звучаний. <...> Этот генератор будет лаять по-собачьи, кукарекать по-петушиному, петь по-соловьиному, подражать сирене, паровозному свистку, фабричному гудку, ветру, речному шуму и т. д., и т. п. <...> В деле звукового оформления радиопостановок сыграет большую роль новый метод граммофонной записи, так называемая “электрозапись”, которая дает возможность записывать массовые звучания, не поддающиеся никаким подражаниям — ни человеческим, ни машинным. Так, например, на граммофонные пластинки придется записывать необходимые

для радиопостановок звуки шумов городских улиц, демонстраций, карнавалов, массовых сцен, звуковые картины боя, ледохода, работы фабрики и др.» (Рюмин Е. Артиста звукоподражателя должна заменить машина // Радиослушатель. 1929. № 43. С. 7. См. также: *Наши дост.* 1930. № 3. С. 93).

...для Петропавловского драмкружка... — Петропавловка — село в Богучарском округе, возникло в первой половине XVIII в.; с 1928 г. — районный центр. Деревенские драмкружки были объявлены «одним из самых могучих средств пролетарского влияния и культурной революции в деревне», на них возлагалась задача обслуживания «текущих ударных как общих, так и местных кампаний» (Волгин В. Поленовский дом — центр художественной работы в деревне // Клубная сцена. 1930. № 3. С. 21); «Через художественные кружки мы проводим в массу политические лозунги социалистического строительства, при помощи их мы организуем и ведем за собой массы» (Тункель Д. В помощь деревне. Внимание деревенским кружкам // Клубная сцена. 1930. № 4. С. 23). Вместе с тем, как правило, деревенские кружки ничем не обеспечивались: не было опытных руководителей, подходящего репертуара, костюмов, декораций, реквизита, помещений (см.: Бри Г. В деревне // Клубная сцена. 1930. № 6. С. 13).

— Это мы детекторы из него крошим. — Детектор — прибор для приема электрических волн, часть радиоприемника. Детекторный приемник — самый распространенный тип радиоприемников в 1929–1930 гг. (ок. 80% всех приемников). В 1929 г. почти в каждом номере радиожурналов детекторному приемнику посвящались статьи, отмечающие надежность, простоту и удобство детектора (см., например: *Владимиров*. Как радиофицировать? Детектор или трансляция? // Радио всем. 1929. № 9. С. 250). В начале 1930 г. в некоторых публикациях детекторный приемник назывался устаревшим и идеологически вредным, а его значительная доля в пятилетнем плане радиофикации расценивалась как проявление правого уклона: «На какого потребителя рассчитан этот план? В нем число детекторных приемников значительно превышает число ламповых. Это значит, что основной, радиофицированной точкой будет индивидуальное лицо, сидящее с трубкой на ушах и унынием на лице, ибо слышно на детектор плохо, и дать послушать передачу всей семье уже нельзя. Это — самый неправильный, самый вредный уклон в плане радиофикации. <...> Детекторный приемник отжил свой век, и ориентироваться на устаревшую аппаратуру нельзя» (Гинкин Г. О «вредных уклонах» в плановой радиофикации Союза ССР (в порядке постановки вопроса) // Радиолюбитель. 1930. № 1. С. 2).

Наши деревни музыку обожают, а слободы — еще более. — Вопросы музыкального обслуживания деревенских радиослушателей активно обсуждались в печати, становились предметом дискуссий критиков. О своих предпочтениях писали и крестьяне, — обращаясь в радиожурналы, они просили чаще включать народную музыку, хор Пятницкого («хор Пятницкого — крестьянский хор»), песни под гармошку: «Мы считаем необходимым дать свой голос за продолжение передачи игры на двухрядке. Она нам особенно близка и понятна. Это — наша музыка, нам редко приходится слушать хорошую гармонику и хорошего гармониста. Мы за то, чтобы дать ход нашей гармошке — “кудеснице советских деревень”» (Голосуем за гармошку //

Радиослушатель. 1929. № 31. С. 12). Напротив, классическая музыка и оперы, как сообщалось в крестьянских письмах, не понятны и не интересны деревне: «Как только начинается опера или балет, кладешь наушники и заземляешь антенну, ничего в них все равно не поймешь. <...> Кому нужна такая музыка? Для деревни это китайская грамота» (Слушатель предлагает // Радио всем. 1929. № 4. С. 109); «Музыка непонятна и действует на нервы»; «Концерты скучны и унылы» (Трибуна радиослушателя // Радиослушатель. 1930. № 5. С. 10). См. о реакции деревенских слушателей на любимые радиопрограммы: «...у нас могло произойти что угодно, вооруженное восстание, пожар, извержение вулкана, налет саранчи, но в те часы, когда играла гармония или шла радиогазета, мы были отрезаны от всего мира» (Третьяков. Месяц в деревне. С. 56).

Я думаю, что дальше в степь радио и не проходит: у нас в округе антенн гуще, чем деревьев, вся волна тут оседает. — В 1929–1930 гг. проводилась сплошная радиофикация коллективизируемых районов. Годовой план радиофикации 1929 г. предусматривал увеличение радиоточек в два раза и создание образцовых районов: «Идти тем же темпом, как и в прошлые годы, нельзя, и план НКПиТ предусматривает создание в 215 уездах (округах) по одной образцово радиофицированной волости. В этих образцовых волостях должно быть радиофицировано не менее 10 проц. крестьянских дворов и все школы, избы-читальни, дома крестьянина...» (Радиофикация СССР в 1929 г. // Известия. 1929. 21 апр. С. 5). Воронежская областная организация ОДР, старейшая в Обществе друзей радио, первая вступила в социалистическое соревнование по «организации массового слушания и вовлечения в ОДР широких слоев трудящихся» (Развертывание социалистического наступления в городе и деревне // Радио всем. 1929. № 9. С. 225). Активно распространялись радиоустановки, устанавливались громкоговорители: даже «заштатный городок Задонск» с 7000 жителей служил примером стремительной радиофикации района (см.: Алексеев А. Радио в захолустьи // Радио всем. 1929. № 2. С. 63). В областном центре — в Воронеже — к началу 1930 г. была запланирована установка 10 000 новых радиоточек. Однако выполнение планов радиофикации оказалось под угрозой из-за нехватки материалов (см. примеч. к с. 28).

Читал Григорий, а остальные серьезно слушали и отвечали искренними чувствами. — В формулировках новостей отражены темы газетных сообщений 1928–1929 гг.

— «Нашей погранохраной задержан польский шпион Злучковский!» — В конце 1920-х гг. происходит очередное обострение отношений между СССР и Польшей — в газетах печатаются сообщения об активной работе польской разведки: «Десятки других дел, заслушанных за последние годы нашими судами на Украине, в Белоруссии, Москве и других районах, дают нам богатый материал для доказательства весьма активной шпионской деятельности офицеров и чиновников 2-го разведывательного отдела польского генерального штаба и его местных органов. Деятельность эта не только не ослабевает, но с каждым годом усиливается <...> Я ограничусь лишь упоминанием нескольких дел, заслушанных в 1929 г.: дело братьев Эдуарда и Зефира Жилевских было заслушано в Харькове 16 января с. г.; дело

Метельницкого и Вацлава Жилового заслушано там же 8 марта с. г. <...> В апреле 1929 г. волинский окрсуд разбирает дело о польских шпионах Свинциком, Карпинском и других в числе 16 человек...» (Ульрих В. Пора положить конец польской провокации! // Известия. 1929. 2 ноября. С. 2).

— *«В Баку открыт новый мощный завод смазочных масел».* — В 1929 г. в Баку открывается сразу несколько заводов: «За предстоящие полтора месяца Азнефть обогатится несколькими новыми заводами, постройка которых началась за период последних двух лет. 15 июня заканчивается постройка американского трубчатого завода системы Гревера, который будет перерабатывать 1335 тонн нефти в сутки. 1 июля выйдет из стадии испытания и вступит в эксплуатацию вновь выстроенный трубчатый завод германской конструкции “Пинч”, который способен перерабатывать на бензин, керосин и газолин 620 тонн нефти в сутки...» (Известия. 1929. 11 июня. С. 2).

— *«Камчатская пушная экспедиция Госторга шлет приветствие пролетариату Советского Союза».* — Госторг — Государственная экспортно-импортная контора, образованная в 1922 г. при Наркомате внешней торговли; в декабре 1929 г. началась реорганизация Госторга. Одним из основных экспортных товаров в СССР, как и в Российской империи, была пушнина. Пушным производством в составе Госторга занималась Пушная контора. «Главными районами добычи пушнины является Сибирь, затем север Европейской России и Дальний Восток...» (Сельскохозяйственный экспорт СССР. М.—Л., 1930. С. 315). На Камчатке занимались заготовкой соболя.

С. 28. — *«Близ Ашхабада наблюдались слабые толчки почвы, в деревне Исмидие разрушен один дом».* — Подземные толчки в Ашхабаде отмечались в 1928 г., достаточно разрушительное землетрясение (в 5–6 баллов) случилось там 1 мая 1929 г. (Донцов А. Небывалое землетрясение в Туркмении // Проектор. 1929. № 21. С. 12).

— *Бронза стоит государству средств и организации.* — Бронза — сплав меди с оловом. О нехватке меди для нужд радиофикации в конце 1920-х гг. постоянно сообщали периодические издания: «Это небольшое количество меди должно быть обязательно изыскано и срочно передано для целей радиофикации, ибо затруднения уже дают себя чувствовать» (Веллер И. Интересы радиофикации должны быть обеспечены // Радио всем. 1929. № 1. С. 4). Из-за дефицита материалов радиопромышленность не обеспечивала запланированный объем радиофикации необходимыми деталями (не хватало радиотрубок, рупоров, усилителей, проволоки). Газеты били тревогу: «Плановая радиофикация под угрозой срыва» (Беднота. 1930. 4 янв. С. 3); «Прекращение продажи дефицитной радиоаппаратуры» (Известия. 1930. 14 янв. С. 4); «В районах сплошной коллективизации — нет радиосвязи» (Беднота. 1930. 16 янв. С. 3). При производстве детекторов цветной металл предлагалось заменить железом.

...поп и бабы ему иже херуим хором поют... — Иже херуим — искаженное «Иже Херувимы», в православной церкви богослужебный гимн (Херувимская песнь), песнопение, которое поется во время литургии.

Шел старик по земле, одетый в рядно, босой и торжественный. — *Рядно* — «толстый холст из конопляной или грубой льняной ткани» (Ушаков). В печати встречаются сообщения о крестьянах, выдававших себя за

бога, см., например: «Появился этот Христос в деревне Павловской, Явенгской волости, Кадниковского уезда», Вологодской губернии в марте 1929 года. Одет был в монашеском костюме; носил длинные волосы и густую, слегка вьющуюся бороду. Зашел в деревню поздно вечером и, подойдя к избе крестьянина Ригина Михаила, смиренно заговорил: — Во имя отца и сына и святого духа, пустите ночевать, добрые люди. Смиранный тон понравился жене Ригина Евфиле, и она стала просить мужа, чтобы он оставил ночевать святого отца. Ригин дал согласие» («Живой Христос» // Крестьянский журнал. 1929. № 16. С. 15. Подпись: *И. И. Т.*).

С. 30. *У Григория был замысел: в этой зажиточной слободе почти никто не верил в радио, а считали его граммофоном...* — Крестьяне воспринимают радио как аппарат, воспроизводящий звуки, записанные на пластинку (граммофон), обнаруживая тем самым определенный уровень технической осведомленности. В массовом сознании радио получало и другие, более причудливые, объяснения: «Насколько отсталый и религиозный народ в Козьмодемьяновке, видно из того, что до сего времени еще, слушая радио, не верят, что это действительно радио. Старики говорят, что это избач посадил кого-то на крышу, а другие, что это — черт» (Изба-читальня. 1930. № 10. С. 17); «Нечего удивляться, что при таком состоянии знаний миллионы людей, живущие в деревнях, считали даже передачу речи, пения по радио “чудом” либо шарлатанством» (Сверхгенеральный план радиофикации (Полет в будущее) // Радио всем. 1929. № 9. С. 231. Подпись: *QRD*).

В громкоговорителе же ослаб аккумулятор, и про то знал Григорий, а у бога вокруг груди висела свежая батарея элементов. — Одной из проблем радиофикации деревни в 1928–1930 гг. была нехватка запасных частей и расходных материалов: «Причинами слабого развития радиофикации Союза ССР является <...> плохое качество батарей и аккумуляторов <...> отсутствие ремонтных и зарядных баз» (Из Постановления СНК от 23 октября 1928 г. «Об очередных задачах в области радиофикации Союза ССР» // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. Сборник документов и материалов. М., 1972. С. 512); «Тут и отсутствие зарядных баз или правильно налаженного снабжения батареями и лампами...» (*Чечик П.* Проблемы радиофикации // Радио всем. 1929. № 1. С. 20); «Скоро ли радио забалакает? Ответ неутешительный: — Нет аккумуляторов. Новые ожидаются из Москвы...» (*Шестаков К.* По следам радиоголовотпяства. Улита едет // Беднота. 1930. 6 апр. С. 3).

...во время перерыва для подготовки оркестра в Москве. — В вечернее время, как правило в 19:30 или в 20:00, работа местных радиостудий заканчивалась, и включалась трансляция из Москвы. Чаще всего по вечерам бывали концерты классической музыки. Например, в пасхальную ночь с 4 на 5 мая 1929 г. по селам ЦЧО были развезены радиоустановки, которые до двух часов ночи передавали концерт из Москвы. Этот концерт был призван отвлечь крестьян от церковной службы.

Место одного бога, за нами десять безбожников ухажорствовать будут. — В 1925 г. на основе Общества друзей газеты «Безбожник» был образован Союз безбожников, возглавивший антирелигиозное движение в СССР. В последующие годы число членов Союза стремительно росло,

достигнув к 1930 г. двух миллионов человек (тридцать пять тысяч ячеек по всей стране) (см.: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 273). К 1930 г. была сформирована система массовой пропаганды и подготовки кадров антирелигиозных работников. Ячейки Союза безбожников часто совместно с Обществом друзей радио и Автодором проводили агитацию среди колхозников, жителей сел и деревень за отказ от традиционных праздников, за невыполнение церковных обрядов, снятие икон, закрытие церквей и т. д. Формы пропаганды были разнообразными: беседы, плакаты, постановки, карнавалы, экскурсии, специальная литература. Большое значение придавалось радио.

— *Я третьего дня бревна на мост по самообложению возил!* — Закон о самообложении действовал с 1924 г., в 1927 г. на основе постановления ЦИК и СНК СССР был принят новый закон о самообложении, который позднее был доработан. Закон регулировал сбор средств населения (как в денежной, так и в натуральной форме, а также в виде трудового участия) для обеспечения хозяйственных и культурных нужд местности. Летом 1929 г. заместитель председателя Совета народных комиссаров РСФСР А. М. Лежава обратился с циркуляром ко всем председателям краевых, областных и губернских исполкомов «с просьбой привлечь представителей местных организаций Автодора к работам сельсоветов по проведению самообложения населения. В циркуляре указывается, что к числу нужд, на удовлетворение которых допускается самообложение, относится: устройство, ремонт и содержание проселочных дорог, а также полевых, имеющих общественное значение, устройство и ремонт мостов, гатей, переправ, перевозов и проч. Осуществление самообложения, а также руководство всеми работами, проводимыми в порядке трудового участия населения, отнесено к ведению сельских советов» (Обеспечим участие Автодора в проведении самообложения // За рулем. 1929. № 11. С. 32). В 1930 г. сбор средств по самообложению требовалось закончить к 1 февраля, улучшение дорог и постройка мостов назывались в числе ударных задач этого года.

С. 30–31. *Он оказался кочегаром-летуном астраханской электростанции...* — Слово «летун» появилось во второй редакции повести. С мая 1930 г. на страницах газет разворачивается кампания против текучести рабочей силы на предприятиях: «За год иногда меняется до 80–100 процентов рабочих» (Известия. 1930. 8 мая. С. 3); «Будем бороться с летунами!» (Известия. 1930. 11 мая. С. 4); «Текучесть рабочей силы на ряде крупнейших предприятий принимает угрожающие размеры, становится одним из тормозов выполнения промфинплана. <...> Газеты начинают бить тревогу» (Раб. газ. 1930. 26 мая. С. 5). Указывались причины появления «летунов»: длительная работа без повышения разряда, тарифная неразбериха, плохие условия быта. Но основным фактором печаль называла «рваческое настроение» рабочих, их желание получать более высокую зарплату.

Астраханская электростанция была построена на берегу реки Кутум в 1910 г., в 1916–1917 гг. электростанция была расширена, в 1928 г. увеличена ее мощность. «17 ноября 1929 г. постановлением Крайисполкома был одобрен план расширения мощности станции до 10–11 тыс. киловатт» (История

Астраханского края. Астрахань, 2000. С. 682). Однако в 1930 г. запланированное увеличение мощности станции сократилось до 5000 киловатт.

С. 31. ...*тронувшимся в путь в виде бога-отца для проповеди святой коллективной жизни...* — В 1930 г. в многочисленных сообщениях о «божьих странниках» подчеркивались исключительно вредительские цели их путешествий: кулак «готов надеть вериги и пойти под видом святого, божьего человека вредить» (*Козлов Аристарх. «Святые» делишки // Беднота. 1930. 9 янв. С. 2*); «...ходят по деревням и распространяют различные слухи. <...> В Шахтинском и Острогжском округах “бродячие агитаторы” выступают в роли “странников” и “божьих людей”» («Бродячие агитаторы» // *Раб. газ. 1930. 15 февр. С. 3*); «В Одесском округе по селам ходят “божьи старички” и агитируют против машинно-тракторных станций» (Безбожники, колхозное строительство и весенний сев // *Изба-читальня. 1930. № 3–4. С. 43. Подпись: Н.З.*).

Он послушал и показал мне окружные бумаги, в силу которых он назначался директором машинно-тракторной станции ~ Машин и оборудование для МТС должны были прибыть в течение одной-двух недель. — Первая машинно-тракторная станция была создана в 1928 г. на базе тракторной колонны при совхозе им. Шевченко Березовского района Одесской области. Одним из руководителей первой МТС стал агроном А.М. Маркевич, заместитель управляющего Укрсовхозобъединения, названный вскоре автором идеи машинно-тракторных станций. Определение МТС, данное Маркевичем, стало почти хрестоматийным и постоянно цитировалось в периодике этого времени: «Машинно-тракторная станция — центр сосредоточения всей тяговой силы (механической) и технического оборудования, необходимого для производственного обслуживания окружающего сельского хозяйства площадью оптимального размера» (*Маркевич А.М. Межселенные машинно-тракторные станции. М., 1929. С. 32*). Маркевич стал директором Шевченковской МТС, при которой были организованы всесоюзные курсы механиков и построена первая в стране совхозная мастерская для капитального ремонта тракторов. В 1929 г. создается Всесоюзный центр по организации и руководству машинно-тракторными станциями (Трактороцентр), председателем которого становится Маркевич. 5 июня 1929 г. Советом труда и обороны принимается постановление «Об организации машинно-тракторных станций», после которого начинается широкое строительство МТС. В начале 1930 г. СТО, обсуждая производственный план Трактороцентра на 1929/30 г., поручил ему развернуть к весенней посевкампании 1930 г. уже не 102 машинно-тракторные станции, как это планировалось ранее, а 159 (в том числе 8 в ЦЧО: 4 МТС в Борисоглебском округе и 4 в Россошанском округе). Принцип работы МТС был следующим: станция заключает договор с бедняками и середняками, по которому все разграничения полей уничтожаются, объединенная земля обрабатывается средствами МТС, а каждый крестьянский двор предоставляет рабочую силу. «Все работы производятся крестьянами под руководством агронома и тракторного механика. Станция берет за свою работу определенную по договору часть урожая» (*Чаянов, Дукин. С. 20*). См. также очерк «По заволжским МТС»: *Сочинения, 4(2). С. 143–150.*

...у него трактора не останутся никогда, и он заставит машину работать даже на одном цилиндре, лишь бы сберечь весеннюю минуту. — Нехватка сельскохозяйственной техники и запасных частей к машинам — одна из самых острых проблем 1930 г. Сев в ЦЧО мог быть сорван: «76 проц. больных тракторов. <...> Положение с ремонтом тракторов в ЦЧО по-прежнему остается напряженным. <...> Округам необходимо принимать решительные меры по использованию местных ресурсов, иначе тракторы не будут приведены в боевую готовность к началу посевкампании. В Воронеже на складе Коопхлебсоюза запасных частей к тракторам нет» (Каждый трактор должен выйти в поле // Коммуна. 1930. 12 февр. С. 2. Подпись: *Трактор*). Преодолевать трудности предлагалось своими силами — в том числе с помощью кузниц: «Для ремонта по области должно быть законтраковано 10 тыс. кузниц. <...> Делу контрактации кузниц придается огромное значение, ибо только таким путем можно окончить ремонт с. х. инвентаря вовремя» (Там же). О вынужденной изобретательности мастеровых людей в условиях нехватки техники и деталей к ней рассказывают очерки: «Самохин уже не лукавит, он откровенно, с нотками юмора, повествует нам о всех своих злоключениях: — Инвентаря нужного нет. Сцепим три крестьянских сеялки в ряд — и жарь до отказа» (*Кретова О. Колонны // ЗС. 1930. № 6. С. 165*); «Настало время изобретательства по нашим колхозным кузням, где кузнецы, буквально из ничего, из старых кочерег, мастерили пропашники» (*Третьяков. Месяц в деревне. С. 236*).

Зачем нам нужны трактора в каких-то двенадцать, двадцать или шестьдесят сил? Это капиталистические, слабосильные марки! ~ у нас начнут пропадать фордзоновские царапалки и появятся мощные двухсотсильные пахари конструкции профессора Г.М. Скрынко. — В 1929–1930 гг. наиболее известными были тракторы четырех марок: колесные тракторы «Фордзон» (мощность 10–20 л/с), «Интернационал» (10–20 и 15–30 л/с) и гусеничные тракторы «Клетрак» (в 20, 30, 40 и 110 л/с), «Катерпиллер» (в 10, 15, 20, 30 и 60 л/с). О том, что «капиталистические марки», приспособленные для среднего фермерского хозяйства, не годятся для охваченного коллективизацией СССР, писали с 1929 г.: «Американцы не рассчитывают на наши зерновые хозяйства в 40–70 тысяч гектаров. Это нигде не виданные масштабы. И для наших хозяйств фермерские тракторы и комбайны мелки и не подходят» (*Латшин Н. Обогнать Америку // Изобретатель. 1929. № 9. С. 13*). Распространенный в СССР трактор «Фордзон» в начале 1930 г. оценивался как устаревший и не соответствующий задачам сельскохозяйственной реконструкции страны.

Решить проблему были призваны новые кадры изобретателей: «Изобретательская мысль должна быть мобилизована для разрешения проблем конструкции сверхмощных сельскохозяйственных машин. Всемерно должна быть поддержана изобретательская мысль и инициатива комбайнистов и трактористов. Не только научно-исследовательские институты и выдающиеся техники страны, но и рядовые работники и кружки изобретателей должны услышать о новом плановом заказе крупного социалистического земледелия» (*Латшин Н. Обогнать Америку // Изобретатель. 1929. № 9. С. 13*); «Множество практически-ценных изобретений, усовершенствований и просто

полезных идей и советов могли бы нам дать растущие кадры “рабочих и инженеров земли”. <...> *До сих пор изобретательство в колхозах и совхозах было совершенно не развито*» (Нестеровский Н. Развернем изобретательство в совхозах и колхозах // *Сов. активист*. 1930. № 9. С. 15). В сообщениях об отечественных изобретениях подчеркивалось, что они позволили добиться большей экономичности и производительности техники, чем у зарубежных аналогов, см., например: «...тов. Бороздин конструирует одномоторный комбайн, который будет и двигаться, и приводиться в работу одним мотором, вместо двух, как в американском» (Нестеровский Н. Выкуем новые кадры изобретателей // *Беднота*. 1930. 22 марта. С. 4).

...чтоб она катилась на шести широких колесах... — В это время автомобильные фирмы разных стран выпускают пробные образцы шестиколесного грузового автомобиля, успешно проходившего испытания в условиях бездорожья. Разработкой машины заинтересовались советские инженеры — журнал «За рулем» публиковал материалы о возможном применении шестиколесных автомобилей в военных и гражданских целях (см.: *За рулем*. 1929. № 8. С. 3; № 19. С. 2, 3; № 22. С. 6; № 24. С. 1). Проходила кампания по сбору средств на постройку шестиколесных автомобилей для Красной Армии.

...чтоб на ней не аэроплан трещал, а дышал бы спокойный нефтяной дизель, либо газогенератор! — Во второй половине 1920-х гг. за рубежом ведутся разработки двигателей, работающих на других видах топлива, более дешевых и экономичных, чем бензин. Одним из таких двигателей был газогенератор, который работал на газу, получающемся от сжигания дровяного топлива. Изучением такого двигателя занимались и в СССР: «...в настоящее время применение Г<азогенератора> на автомобилях и тракторах находится в стадии изучения. Надо полагать, что в Союзе ССР газогенераторное дело привьется скоро и в большом масштабе» (Сельскохозяйственная энциклопедия. М., 1932. Т. 1. С. 843). Выходили издания, посвященные газогенераторному двигателю, см., например: *Карпов В.* Автомобильные газогенераторы. М.-Л., 1930 и др. Однако у такого топлива были свои недостатки, из-за которых мотор терял в мощности. Другой тип двигателя — дизельмотор, работающий на тяжелом жидком топливе, — уже применялся до этого в некоторых типах тракторов. Его доработка позволила уменьшить вес и увеличить число оборотов (мощность). Мотор, работающий на нефти, давал значительное снижение расходов (70%) и при этом не уступал по производительности бензиновому двигателю. О популярности идеи автомобильного дизельмотора у советских инженеров свидетельствовали многочисленные статьи, посвященные этому типу двигателя; см.: *Инж. П. М-ч.* Грузовые автомобили с дизельмоторами (*За рулем*. 1929. № 22. С. 11); *Сперанский Ф.Л.* Двигатель Дизеля в применении к автомобилям (Автотракторное дело. 1930. № 1–2. С. 6–10); *Корсов-Ганевский В.* Применение дизеля для автомобиля и трактора (Там же. С. 11–18) и др. Весной 1930 г. со страниц центральных газет звучат призывы ускорить процесс перевода транспорта на более экономичные виды топлива: «Переход на дизеля мог бы сократить потребность в горючем по меньшей мере вдвое, т. е. дать до полумиллиарда рублей экономии. <...> Госплан СССР еще в мае прошлого года поставил перед ВСНХ

СССР вопрос о замене нефтяного горючего газогенераторными установками на тракторах и автомобилях. До сих пор, однако, ВСНХ не дал определенного ответа. Для постановки опытов с дизельными установками, по заявлению НТУ ВСНХ, нужны средства на покупку дизелей за границей. Госплан считает, что опыты по замене светлого горючего твердым топливом, нефтью и нефтяными остатками имеют для СССР исключительное значение. Эти опыты необходимо всемерно форсировать» (Правда. 1930. 14 мая. С. 5).

С. 32. — *Колхоз «Без кулака»... — «Без кулака!»* — один из лозунгов эпохи сплошной коллективизации. В 1930 г. публикуются директивы партии о недопущении кулака в колхоз, а также сообщения о проникновении классовых врагов в коллективные объединения: см., например, в одном номере газеты «Беднота»: «Колхоз под кулацким руководством»; «Лжеколхозы — под суд!»; «Гнать кулаков и белогвардейцев из колхоза» (1930. 15 февр. С. 2). Были выпущены специальные плакаты: «Вышибем кулаков из колхозов», «Долой кулака из колхозов» (*На лит. посту.* 1930. № 7. С. 22).

При входе в колхоз висела вывеска с названием этого общественного сельского хозяйства ~ и классовый состав колхоза: 48 бедняков, 11 батраков, 73 середняка, 2 учителя, 1 прочая женщина с детьми-сиротами. — См. об общих тенденциях в классовом составе колхозов: «Середняк... составляет часто большинство в колхозах, но при всем этом основной сплавляющей силой колхоза является беднота и батраки...» (из речи Я.А. Яковлева, произнесенной перед московскими рабочими в январе 1930 г. // цит. по: *Чаянов, Дукин.* С. 124–125). Учителя относились к сельской интеллигенции, неоднородной по «классовой принадлежности»: «В некоторых до 80 проц. сельской интеллигенции ведут общественную работу. ...Встречаются районы <...> где в составе учительства до 60 проц. — быв. дворяне, быв. офицеры, быв. белые, выходцы из духовного звания» (О сельской интеллигенции // *Известия.* 1929. 16 окт. С. 1).

Колхоз «Без кулака» существует с августа 1929 года... — В колхозном строительстве август 1929 г. имел значение рубежа: «Положение кардинально изменяется с августа 29-го года, когда мы имеем развернувшееся широким планом массовое колхозное движение, природу которого так хорошо определил тов. Сталин своим метким замечанием: “середняк пошел в колхозы”. За один-два месяца колхозный сектор вырос больше, чем за несколько предшествующих лет» (Социалистический сектор сельского хозяйства ЦЧО в 1928–1929 гг. Совхозы и колхозы. Воронеж, 1929. С. IV).

...будучи единоличниками. — *Единоличником* назывался «крестьянин, ведущий хозяйство единолично или только со своей семьей» (Словострой // 30 дней. 1931. № 1. С. 94). О «классовом» смысле слова «единоличник» см.: «Слово “единоличник” в деревне слово самое модное и злободневное. Единоличник — это целая программа. Это целый заряд самых разнообразных чувств. Единоличник — это лагерь. И против этого лагеря — другой — колхозничий» (*Третьяков. Месяц в деревне.* С. 213).

С. 34. *...имел мужество упрямо сказать колхозникам, что их ожидает вначале горе неладов, неумелости, беспорядка и нужды ~ тяжело пришлось колхозным жителям...* — Из трудностей, с которыми столкнулись колхозники (отсутствие нормальных условий для содержания и кормления скота,

нехватка посевного материала, техники, запасных частей к ней и т. д.), наиболее острой оказалась проблема продовольственного снабжения. Голод, пришедший в деревню в результате политики сплошной коллективизации и раскулачивания, коснулся не только единоличников, но и членов коллективных хозяйств. О нехватке продовольствия в колхозах ЦЧО регулярно сообщали секретные сводки: «В Острогжском р. и округах в колхозах, вновь организованных, ощущается нужда в продуктах; ежедневно колхозники бьются в РКПС с просьбой выдать пшеницу, масла, хлеба» (Голод в СССР. 1929–1934. Т. 1. 1929 — июль 1932. Кн. 2. М., 2011. С. 171).

— *Не могу, — сказал он. — Харчи дают без гуши, работай от сна до сна, все помнить велят...* — Похожие объяснения давали батраки, выходящие из колхозов, — см., например: «Подкулачники говорят: “У кулака я, мол, батрачил, был сыт хлебом и жирами, за год получал 100–150 руб., а в коммуне голод, и работать приходится даром. <...> Кормите так и платите так, как платил кулак, тогда и я пойду в коммуну”. Так часто говорят бедняки, бывшие раньше батраками» (Из сводки № 75 писем отдела читки и расследования редакции газеты «Правда» о настроениях в деревне, от 21 мая 1930 г. // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 459).

...лучше я батрачкой льготой буду жить. — Батракам, так называемому сельскохозяйственному пролетариату, предусматривался ряд социальных и материальных льгот: минимальный взнос при вступлении в колхоз, приоритетный прием на рабфаки, на курсы для подготовки трактористов и других квалифицированных рабочих, снабжение хлебом до нового урожая, выплата пособия по безработице, которое должно было сохраняться за батраками, вступающими в колхозы, до нового урожая (см.: Союз сельхозрабочих мобилизован на проведение весенней посевной кампании // *Правда*. 1930. 26 янв. С. 5).

С. 35. *...большая часть единоличников уже натирала в ворота колхоза.* — Выступая в январе 1930 г. перед московскими рабочими, уезжающими в колхозы, народный комиссар земледелия СССР Я.А. Яковлев подчеркивал, что единоличники в большинстве своем уже убеждены в преимуществах коллективной жизни, а потому пора переходить от убеждений и агитации к организации коллективных хозяйств: «...объединяющиеся в коллективы крестьяне самым ходом развития нашей страны уже убеждены в преимуществах коллективов» (*Правда*. 1930. 24 янв. С. 4).

Но Кучум не совершал приемов без показательных фактов колхоза, без достижения таких образцов работы, которые служат ясным и простым доказательством выгоды общественного трудового хозяйства. ~ единоличники стояли по сторонам колхозного поля и плакали, точно видели что-то трогательное. — Весной 1930 г. в числе методов массовой работы в колхозах был назван и «метод показа». Показ слаженной работы коллективов должен убедить единоличников в преимуществах колхозной жизни: «Живой показ — лучший агитатор за колхозы» (*Известия*. 1930. 16 марта. С. 2); «Весна этого года превратилась именно в такую массовую практическую агитацию показом» (*Шатира И.* Агитация показом действует // *Известия*. 1930. 13 мая. С. 1); «Убеждаем не словами, а показом» (*Крестьянка*. 1930. № 7. С. 8–9). Соответствующая установка была дана И.В. Сталиным

в статье «Ответ товарищам колхозникам»: «Ленинизм учит, что убедить крестьян в преимуществах коллективного хозяйства можно лишь в том случае, если будет *показано* им и *доказано* на деле, на опыте, что колхоз лучше единоличного хозяйства, что он выгоднее единоличного хозяйства, что колхоз дает выход крестьянину, бедняку и середняку, из нужды и нищеты» (Правда. 1930. 3 апр. С. 5).

В центральных газетах регулярно печатаются заметки об эффекте, произведенном на единоличников, наблюдавших образцовую работу колхозов и решивших вступить в коллективы: «Единоличная деревня напряженно следила за ходом колхозного сева, взвешивала и проверяла. Дело доходило до того, что *единоличники толпами выходили на колхозные поля следить за работой*. <...> И когда единоличник был поражен организованностью, подъемом и производительностью колхозного труда, он перестал колебаться. Отсюда — тысячи новых заявлений в колхозы, организация новых артелей и СОЗ» (Пинчук. Большевицкая весна [О Борисоглебском округе] // Правда. 1930. 25 апр. С. 4); «Дружный выход колхозников колхоза имени газеты “Правда” в поле произвел на село неизгладимое впечатление. В течение целых дней крестьяне-единоличники ходили и смотрели, как колхозники пахали на тракторах, бороновали и сеяли сеялками. <...> На 25 апреля сев зерновых закончен» (Кондратьев Ф. ЦЧО. Колхоз имени «Правды» перевыполнил план на 40% // Правда. 1930. 30 апр. С. 1).

...такая политика, похожая отчасти на безвольный самотек, могла разоружить революционные силы деревни, и впоследствии район серьезно и резко указал Кучуму, что хотя сам он, Кучум, человек милый и геройский, но политика его почти кулацкая... — Фрагмент появился во второй редакции повести. «Теория самотека» считалась антимарксистской и связывалась с именем Н.И. Бухарина, считавшего, что мелкокрестьянское хозяйство вслед за социалистическим городом само по себе, постепенно превратится в крупное социалистическое хозяйство. В своей речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. И.В. Сталин, говоря об отставании теоретической мысли от практических успехов социалистического строительства, в числе живучих буржуазных теорий («теория равновесия», «теория устойчивости мелкокрестьянского хозяйства» и др.) указал «теорию самотека»: «Авторы этой теории утверждают <...> что деревня может пойти за социалистическим городом в порядке самотека. <...> Можно ли сказать, что мелко-товарное крестьянское хозяйство в своей основе также однотипно с социалистическим производством в городе? Очевидно, что нельзя этого сказать, не разрывая с марксизмом. <...> Социалистический город может *вести* за собой мелкокрестьянскую деревню не иначе, как *насаждая* в деревне колхозы и совхозы и преобразуя деревню на новый, социалистический лад» (Правда. 1929. 29 дек. С. 3).

С. 36. — *Эх, в колхозе вольно жить, / Вольно жить — не тужить... / Выпьешь бутылку-другую кваску / И победишь погулять по леску!* — Темы нового быта, радио, электрификации, МТС, Осоавиахим, индустриализации и др. находили отражение в частушках, получая противоположные оценки — в зависимости от позиции «исполнителя». Советские частушки, популяризировавшие элементы колхозного быта, печатались на страницах газет,

журналов, специальных сборников (см., например, песенник «Красное знамя». М., 1930). Сообщалось об использовании частушек «классовым врагом»: «Во многих местах современная деревенская улица мало чем отличается от дореволюционной. Проникшие на улицу советские мотивы и песни тонут в массе пошло-мещанских песен прошлого, в похабных, а то и антисоветских частушках» (*Волгин В.* Поленовский дом — центр художественной работы в деревне // *Клубная сцена.* 1930. № 3. С. 21); «Почувствовал, что последняя почва ускользает из-под его ног, кулак пустил в ход ложную агитацию, направленную против мероприятий партии и правительства <...> к месту собрания бедноты, женщин, молодежи, как видно организованно, подсылались подростки девочки, которые под окнами пели антиколхозные частушки, примерно, такого содержания: “Колхоз с МТС, / как ваши делишки? / У вас хлеба нет, / плачут ребятишки”» (*Лебедев В.* Поделится опытом нашей работы // *На стройке МТС.* 1930. № 9. С. 55).

Дойдя до правления колхоза... — При организации колхоза общее собрание колхозников должно было выбрать правление, на которое возлагалось ведение всех дел: представительство в других организациях, заключение договоров, учет имущества колхоза, ведение отчетности, распределение работ между членами колхоза и др.

Каждый личный хозяин норовил суетиться на своем дворе по звонкам колхоза, раздававшимся на всю деревню. — В колхозах использовались сигналы для начала работ, см.: «Важны и такие мелочи, как сигнал начала работ (гудок, колокол, гонг)» (*Бирюлин П.* Больше внимания внутреннему распорядку в колхозах // *Правда.* 1930. 1 марта. С. 3). Деталь нашла отражение в колхозных очерках — так, в книге А. Новикова «Гоночное поле» парработник сообщает рассказчику, что в колхозе оставлен один колокол «для выполнения общественных дел: мы колоколом созываем колхозников на собрание» (*Новиков А.* Гоночное поле. М., 1930. С. 16).

— *Ты бы хвостяную конечность-то к коровьей ножке привязала ~ хоть раз на колхозные дворы сходила — поглядела бы, как там членки доют!* — В агитационно-просветительских целях для крестьян-единоличников устраивались специальные экскурсии в колхозы и совхозы, в том числе в молочные хозяйства: «Совхоз сыграл огромную воспитательную роль среди окружающего крестьянства. За последние восемь месяцев прошло свыше 60 крестьянских экскурсий. <...> ...Приходят сюда учиться, как практически образцово организовать молочное хозяйство» (Образцовое молочное хозяйство // *Сов. активист.* 1930. № 4. С. 21–22). Среди рационализаторских решений, облегчающих дойку, были и приспособления для удержания хвоста коров: «Известно, что коровы часто машут хвостом во время доения, чем доильнице причиняется много неудобств. <...> В скотоводческой практике применяется много различных способов, чтобы удержать у таких коров хвост в покое» (далее в статье подробно описывается очередное изобретение для удержания хвоста) (*Молочное хозяйство.* 1930. № 7–8. С. 40).

Другой хозяин всю ночь спал с открытым окном избы, потому что и в колхозе люди спали с воздушным сообщением... — Колхозы были объявлены «школой нового здорового быта»: «Трудно крестьянину-единоличнику

ломать свой быт, да и мало к тому же рядом хороших примеров. А все-таки быт ломать надо. В этом отношении надо брать пример с колхозов. Чему же можно у них научиться? Прежде всего здоровым навыкам и привычкам. <...> Говорить о форточках в избе колхозника уже не приходится: там, где хозяйство хоть чуть-чуть стало на ноги, немедленно появляется форточка» (Степанов С. Новая жизнь // Здор. дерев. 1929. № 13. С. 8–9); «Колхозы и совхозы учат окружающее население, как нужно строить новую, здоровую, чистую, светлую жизнь» (Семашко Н.А. Колхозы и совхозы в борьбе за здоровье // Здор. дерев. 1929. № 18. С. 3). Однако реальность зачастую не соответствовала таким представлениям о колхозной жизни. См., например, фрагмент из очерка С. Третьякова — рассказ врача о быте коммуны: «— Коммунары невероятно грязны, только 20 из 100 чисты. Есть много не купавшихся всю зиму. <...> Боязнь форточек. <...> ...И некоторые коммунары говорят не без злорадства: — Единоличники на хуторах живут чище нас, коммунаров» (Третьяков. Вызов. С. 274, 275).

...третий человек выписывал сразу две газеты на одного себя, поскольку в колхозе приходилось по газете на каждую взрослую душу. — В картине колхозного быта важное место отводилось газетам: «О центральных газетах все время беспокоимся — как их читать, не лучше ли вслух, как приучать колхозников к тем или иным разделам, к необходимости тянуться за свежей газетой?» (Третьяков. Месяц в деревне. С. 138); «В обеденный перерыв мы все читаем газеты и узнаем, что у нас ведется в стране. А единоличнику некогда почитать...» (Кривопапов И. Дневник тракториста // Штурм. 1931. № 8–9. С. 15). В печати регулярно сообщалось о том, что по постановлению общего собрания все члены того или иного колхоза решили выписывать газеты (местные, «Бедноту», «Крестьянскую газету» и др.). Тираж крестьянской печати «вырос более чем на 50 проц., в то время как тираж рабочих газет поднялся только на 4 проц.» (Беднота. 1930. 29 янв. С. 1).

...я наблюдал людей, прибывших из окрестных деревень и, видимо, надеявшихся, что можно будет скустовать своей деревней с колхозом Кучума. — Скустовать — объединиться. О кустовых объединениях см. примеч. к с. 39.

...и жуй житное с солью! — Житное — в южных областях России: ржаной печеный хлеб.

С. 37. *...всрезёк...* — Всрезь — вровень с краями, до краев (Словарь русских народных говоров. Вып. 5. СПб., 2002. С. 212).

Кучум посчитал, что о союзе с окрестными колхозами он будет говорить во время самой нужды в этом союзе, например, во время появления МТС, при землеустройстве, при организации борьбы с несознательными полевыми вредителями и в других больших хозяйственных случаях. — Организация МТС была для колхозов «большим хозяйственным случаем», так как по правилам должна была производиться в основном за счет крестьянских средств. В начале 1930 г. Трактороцентр объявил сбор средств на постройку машинно-тракторных станций. Регулярно составлялись отчеты о ходе кампании: «По сообщениям мест, сбор крестьянских средств проходит вполне успешно. В дальнейшем станции будут строиться только при условии предварительного сбора средств, причем на каждую станцию должно

быть собрано не менее 250 тыс. руб. На строительство новых станций средства должны быть собраны не позже апреля текущего года» (Крестьянские средства — на строительство МТС // Беднота. 1930. 29 янв. С. 4).

С началом развернутой коллективизации *землеустройство* было названо важнейшей реконструктивной мерой наряду с мелиорацией, агрономией, машиноснабжением и др. Зимой 1929/30 г. весь штат землеустроителей был переведен на обслуживание коллективного сектора сельского хозяйства: «По существу в 1930 году намечается только землеустройство совхозов, колхозов и массивов машинно-тракторных станций, касаясь индивидуально-го сектора постольку, поскольку без этого невозможно землеустройство социалистического сектора» (Грехнев А.С. *Землеустройство в 1930 году // Землеустроитель*. 1929. № 11–12. С. 63). Землеустройство приобрело характер политической кампании: «Землеустройство — орудие ликвидации кулачества» (Правда. 1930. 20 янв. С. 2). Перед землеустроителями были поставлены задачи: составлять районные карты, намечать по ним колхозное землеустройство, добиваться стирания прежних земельных границ, выделять худшие и дальние земли для кулаков и лишенцев — строго соблюдать классовый принцип в работе: «Землеустроители должны стать передовыми революционными кадрами по переделке деревни на новых социалистических началах» (Землеустройство — на службу социалистическому земледелию // Беднота. 1930. 14 февр. С. 4). Условия работы специалистов оказались крайне тяжелыми. Вот как определялась степень ответственности землеустроителя: «Ему придется не один раз единолично решить судьбу оставшегося вне колхоза бедняка и не принятого в колхоз кулака. И если все эти вопросы и сотни других он не сумеет разрешить правильно, то он также единолично будет нести за это и ответственность» (Аверкин А. К весне землеустроить все колхозы. Немедленно перестроить на революционную ногу работу землеустроительного аппарата // Беднота. 1930. 17 янв. С. 3). В землеустройстве были свои «перегибы»: «...очень часто колхозу, состоящему даже из небольшого количества дворов, отходила вся лучшая земля, а остальным хозяйствам, в значительном числе бедняцко-средняцким, оставались неразработанные земли, топи, кустарники, пустоши и т. д.» (Матвеев Ф. О перегибах и искривлениях в связи с землеустройством колхозов // Социалистическое землеустройство. 1930. № 3–4. С. 78). О землеустройстве см. также примеч. к рассказу «Областные организационно-философские очерки»: *Сочинения*, 4(2). С. 499–500.

Борьба с вредителями — одно из важных сельскохозяйственных мероприятий, широко пропагандируемое в это время на страницах печати. На борьбу с полевыми вредителями (с саранчой, луговым мотыльком, долгоносиком, короедом, озимой совкой, сусликами и др.) было запланировано израсходовать в течение 1930 г. сто миллионов рублей. В январе по инициативе Наркомзема СССР создается акционерное общество по борьбе с вредителями сельского и лесного хозяйства: «Общество будет иметь свои базы и отряды для борьбы с вредителями, а также организует на специальных курсах и в вузах подготовку кадров для борьбы с вредителями» (Беднота. 1930. 7 янв. С. 1). В ЦЧО основным вредителем считался луговой мотылек,

«погубивший в прошлом году 10 тыс. га свеклы» (По-ударному вести борьбу с вредителями сельского хозяйства // Беднота. 1930. 13 мая. С. 1).

...он оказался скупым рыцарем. — *Скупой рыцарь* — герой одноименной «маленькой трагедии» (1830) А.С. Пушкина.

Для членов старше 20 лет натуральное и денежное снабжение происходило сдельным способом. — В числе важнейших вопросов колхозного строительства была проблема организации и учета труда колхозников. Существовавшие в практике предыдущих лет системы распределения доходов (едоцкая — по количеству душ, паевая — по объему вклада, внесенного при поступлении в колхоз) подверглись критике за то, что не способствовали повышению заинтересованности членов колхозов в своем труде, плохо сказывались на дисциплине и производительности. *Сдельщина* (оплата труда по количеству и качеству проделанной работы) весной 1930 г. рассматривалась как стимулирующая форма оплаты, которую необходимо ввести во всех колхозах: «Если людей не организуешь, не осуществишь разделения труда, не установишь расценок, не введешь сдельщины, то того необходимого повышения производительности труда, которое может дать колхоз, не получишь» (Доклад Наркомзема СССР тов. Я.А. Яковлева московским рабочим, уезжающим на работу в колхозы // Правда. 1930. 24 янв. С. 4); «Все посевные работы в колхозе, а также работы, обслуживающие посев, производятся в сдельном порядке как по группам, так и отдельными колхозникам» (Примерные нормы выработки в колхозах по основным работам в весеннюю кампанию // Правда. 1930. 6 марта. С. 4); «При сдельной оплате труда оплата производится в зависимости от квалификации работника по тарифной сетке, установленной Колхозцентром СССР» (*Майзельс Д.* Как организовать труд в колхозах // Крестьянка. 1930. № 7. С. 12).

Кучум соединил две системы распределения дохода — устаревшую едоцкую и актуальную сдельную. При сдельной системе оплаты труда многодетные семьи и нетрудоспособные члены колхоза оказывались незащищенными, плохо обеспеченными. Этот вопрос волновал будущих колхозников и особенно колхозниц: «Как у вас распределяются все работы, как они выполняются по всем категориям трудоспособности и как все оплачиваются? Как обеспечиваются дети, инвалиды? По этому вопросу мы больше всего боимся, что будут неполадки с работой тех, у кого много детей и больных. Хорошенечко опишите» (Как вы живете? Запрос коммунарам новобридинской коммуны // Крестьянка. 1930. № 4. С. 3). Для решения проблемы руководители колхозного движения предлагали усилить роль колхозной кассы взаимопомощи, возложить заботу о детях на весь колхоз: «Все дети до 14 лет находятся на иждивении коммуны, получая содержание из такого расчета: ребенок со дня рождения и до 7-летнего возраста получает в месяц по 5 р. 50 к., с 7 до 14 лет — 6 р. 50 к. Помимо этого дети школьного возраста получают еще от коммуны годовую пятнадцатирублевую стипендию. <...> Летом некоторые из стариков и детей снимаются с иждивения коммуны и используются на подходящих для их возраста и силы работах. Дети моложе 7 лет круглый год берутся у матерей в детские ясли» (*Пьяных М.* Организация труда и его оплата в коллективных объединениях области // Хозяйство ЦЧО. 1930. № 1. С. 46).

...«Весь доход колхоза “Без кулака”, за отчислением из него амортизации, налога, расходов по скоту, страховки и пр. ~ и последняя четверть в запасный, неприкосновенный фонд, а также на помощь индустриализации государства». — По правилам распределения доходов колхоз в первую очередь должен был производить платежи по сельскохозяйственному налогу и страхованию имущества. Затем — отчисления в различные фонды: «...не меньше 40 процентов остатка валового дохода, после покрытия расхода, надо отчислить в неделимый и другие фонды колхоза. После этого покрываются расходы на оплату труда членов, на содержание нетрудоспособных и детей — по производственному плану колхоза. Остаток валового дохода присоединяется к отчислениям в неделимый и др. фонды колхоза» (Беднота. 1930. 4 янв. С. 4); «Чистый доход распределяется общим собранием колхозников в соответствии с уставом с.-х. артели и существующими распоряжениями Правительства по различным фондам: неделимый, обобществленный, культуры и быта, премияльный и т. п.» (Борисевич А., Челпанов П. О распределении доходов в с.-х. артелях // *На агр. фронте*. 1930. № 9. С. 113).

С. 37–38. Впрочем, молодежь не нуждалась в сдельщине и сейчас: я узнал, что колхозники в возрасте 15–20 лет работали с предельным напряжением сил и не имели надобности в каком-либо подгоняющем принуждении, — им было необходимо лишь обучение. — Весной 1930 г. был разработан проект «временных правил» ЦК ВЛКСМ о труде детей и подростков в колхозах: «Согласно проекта, труд детей (до 12 лет) в колхозах носит исключительно учебно-производственный характер. Созданная детским трудом материальная ценность поступает в фонд культурно-бытового обслуживания детей (питания, детские площадки и т. п.). Труд подростков (от 12 до 16 л.) должен быть подчинен задачам политехнического образования» (Труд детей и подростков в колхозах // *Колх. правда*. 1930. 25 апр. С. 2). О вовлеченности детей в полевые работы сообщалось в печати: «В Центрально-Черноземной области организовано 252 детских колхоза. Организовано 63 зерноочистительных детских обоза, начали работу 2552 детских птицеводческих товариществ» (Дети на посевном фронте // Самарский колхозник. 1930. 26 февр. С. 4); «В Бутурлиновском районе, Россошанского окр., ЦЧО в ряде колхозов в поле работает по большей части молодежь и даже дети, а взрослые бездельничают» (Лапоть. 1930. № 12. С. 14).

С. 38. Рабочие планы составлялись в этом колхозе на каждые десять дней. ~ Такие индивидуальные планы-талоны указывали обязанности каждого члена в течение одного, двух, а иногда трех дней. — После организации колхозов вопрос учета труда и распределения обязанностей между членами хозяйств приобретал первоочередное значение. Формы учета обсуждались в печати — предлагался, в частности, порядок, по которому колхозник получал выписку из производственного плана с указанием объема работ, который он со своей семьей должен выполнить в течение года; кроме того, каждому работнику полагалась книжка, в которой велся бы учет выполненной им работы: «Например, сегодня у групповода работает 20 человек. Он записывает, что такой-то номер на такой-то работе, работал столько-то, разряд такой-то. Он пересылает общую сводку табельщику. Табельщик в свою очередь составляет общую сводку. Через каждые десять дней у колхозника

отбирается его книжка, и его табель заносится в общую книгу» (Беднота. 1930. 3 янв. С. 2). Однако зачастую в колхозах не было квалифицированных кадров (счетоводов, бухгалтеров), царил неразбериха в распределении обязанностей, плохо велся учет труда, что ставило под угрозу жизнеспособность коллективов. Этой проблеме посвящен очерк Платонова «За большевистского счетовода в колхозе!» (см.: *Сочинения*, 4(2). С. 136–142).

...бывшего батрака Силайлова... — Персонаж с такой фамилией встречается в неоконченных набросках «Ветер-пахарь» и «Два красноармейца в старых шинелях...» (см.: *Сочинения*, 4(2). С. 404–406, 409–411).

Из новых учреждений в колхозе были детский сад с яслями и Дом коллективиста... — Важнейшее значение в организации колхозного быта придавалось яслям, которые должны были освободить женщину от заботы о детях, способствовать поднятию производительности ее труда, создать условия для коллективного воспитания детей и побороть в крестьянках недоверие к новым формам жизни: «Организация постоянных яслей в колхозах должна стать заботой каждого колхоза и в первую очередь его женского актива, ибо *трактор и ясли — двигатели новой деревни*» (*Ерман. Стройте ясли в колхозах! // Здор. дерев.* 1930. № 1. С. 7); «...в эту посевную кампанию организация летних сельских яслей больше чем когда бы то ни было ставится как политическая задача, как один из сильнейших аргументов за коллективизацию быта, за колхозное движение» (*Генс А. Там, где колхоз, там и ясли // Вопросы здравоохранения.* 1930. № 3. С. 10). В мае 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок», вскоре был организован так называемый «дошкольный поход» с целью «максимального охвата дошкольными учреждениями детей трудящихся и в первую очередь — 100% охвата детей рабочих и членов колхозов и совхозов, вступивших в социалистическое соревнование...» (*Ширямов А. На передовых позициях культурной революции.* М., 1930. С. 34). До конца 1930 г. планировалось построить по стране 655 постоянных яслей и 1200 летних. ЦЧО занимала второе место после Нижней Волги по объему запланированного строительства детских учреждений (см.: *Фосс Н. Медпомощь в колхозах // Здор. дерев.* 1930. № 1. С. 6). Об их нехватке свидетельствовала статистика: «Детсадами и очагами охвачено только 0,58% — менее одного процента детей. <...> Дошкольное воспитание — самый слабый участок воспитательной работы с детьми» (*Ширямов А. На передовых позициях культурной революции.* М., 1930. С. 33).

Дом коллективиста — вероятно, учреждение наподобие тех, что открывались в городах и сельских пунктах для культурно-политического обслуживания крестьян. Сначала эти учреждения носили название Дом крестьянина, потом — Дом колхозника.

...причем эти учителя были освобождены от всякой сельскохозяйственной работы и снабжались так, как если бы им было меньше 20 лет. — Печать сообщала о тяжелых условиях работы и быта учителей, которых так не хватало в сельской местности: «Культурные силы деревни иногда подвергаются гонениям и возмутительным нападкам. <...> ...Для той части сельской интеллигенции, которая активно участвует в общественной работе, должны быть обеспечены возможно лучшие условия материального и

культурно-бытового характера. Пример в этом отношении должны показать колхозы, коммуны, совхозы <...> один учитель приходится на 600–700 чел.» (О сельской интеллигенции // Известия. 1929. 16 окт. С. 1). В Постановлении ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном обучении» (от 25 июля 1930 г.) предписывалось: «Обеспечить для учителей сельской школы нормы рабочего снабжения» (Известия. 1930. 28 июля. С. 3).

...во внешнем виде колхозников — одевались они плохо и имели худой, изработанный вид. — Ср. описание условий быта и труда колхозников в очерках: «Рубахи истлевают на теле»; «Обносились до заплат, до дыр, до кожи. Надо приодеться. Но нужны сноповязалки, и вот — воруют у пшеницы мешки, что похуже, шьют себе из них балахоны» (Третьяков. Вызов. С. 274, 277); «Обувь у бригад на степи горела, а новой было достать негде. Питание было плохо <...> Работать на колхозном севе было самым настоящим героизмом» (Третьяков. Месяц в деревне. С. 221); «— Сам видишь, в чем шеголяем <...> Ленточки вместо штанов и рубах. По-индейски стали наряжаться» (Акульшин Р. Один из лучших. Из повести об одном колхозе. М., 1931. С. 164).

Зато молодая часть колхоза была совсем другая ~ Кучум ~ лично ездил в город закупать мануфактурный матерьял для молодежи... — Ср. с фрагментом из очерка М.Д. Шошина «Деревня»: «Курников радуется, когда видит девок в блестящих калошах или в ботинках на высоком каблуке, бойко выплясывающих тустеп на площадке у избы-читальни... У него расплывается довольная блаженная улыбка, когда он видит по праздникам баб в новых цветистых платьях и мужиков в лоснящихся черной краской и топырящихся новых штанах. <...> Он одевает сельчан, принаряжает и потом любитесь ими и радуется. Он вдруг в самый разгар летних гулянок привозит необыкновенных невиданных рубашек фантарий. Зная почти всех парней, он предусмотрительно выбирает рубашку им по размеру. И вот суренские парни шеголяют в красивых рубашках и устанавливают моду во всей округе» (Наши дост. 1930. № 1. С. 75).

...он, от имени колхоза, вызвал на соревнование весь местный состав единоличников, желавших быть колхозниками. ~ Единоличники вызов Кучума приняли. — В печати подчеркивалось воспитательное значение соревнования между колхозом и единоличниками, в результате которого крестьяне должны убедиться в преимуществах коллективного хозяйства: «Соревнование заставляет деревню подражать совхозу и колхозу» (Стальский Н. Соревнование на полях // Наши дост. 1930. № 1. С. 33); «Архангельское (Борисоглебского окр.). <...> Массовый сев в районе начался 8 апреля. Во всех сельсоветах первыми вышли в поле колхозы. Колхозы ведут за собой единоличников, вовлекая их в соревнование. Организованность колхозников вызвала новый прилив масс единоличников в колхозы» (Известия. 1930. 16 апр. С. 2).

С. 39. *...присушку знает... — Присушка, от глагола «присушить» — «притомлять, заставить изнывать и сохнуть любовью, страстью» (Даль).*

При нем, говорят, и дети в яслях не плачут. ~ Наверно, сознавать начинают. — Идеологическая составляющая — важная часть коммунистического воспитания детей: «Очень отличаются игры колхозных ребят от дет-

ских игр в старой деревне. Ребята в колхозах играют, например, в товарищеский суд над пьяницами, в общую работу, в общую еду. <...> Колхозные дети знают все революционные праздники и все политические кампании. Они в классовой борьбе кое-что смыслят. Знают, что кулак не друг их родителям» (*Заречная С.* О наших детях. Колхозные ребята и дети в отдельных крестьянских хозяйствах // *Крестьянка*. 1930. № 1. С. 15).

...выиграло государство, ибо в той деревне засеяны, наверно, не только все порожние земли, но даже и овражные косогоры... — В результате перехода к массовой коллективизации ожидалось существенное увеличение площади посевов — в том числе за счет заброшенных земель: «Значение колхозного движения <...> состоит, между прочим, в том, что крестьяне получают теперь возможность пустить в ход заброшенные земли и целину. В этом секрет громадного расширения посевных площадей при переходе крестьян на коллективный труд» (Речь И.В. Сталина на конференции аграрников-марксистов // *Правда*. 1929. 29 дек. С. 3). Со страниц центральных и местных газет звучали призывы к колхозникам и единоличникам максимально расширить площадь посева в 1930 г.: «Заставим пустующие земли давать урожай. Ни одного незасеянного надела!» (*Колх. правда*. 1930. 9 мая. С. 1). В Примерном уставе сельскохозяйственной артели предписывалось: «расширять посевную площадь путем использования всей находящейся в распоряжении артели земли, улучшения и обработки бросовых земель...» (*Правда*. 1930. 2 марта. С. 2). Впервые засеянные земли освобождались от налога.

...нет ли в его работе скрытой установки на самотек... — *Установка* — «такое установление, построение, которое направлено к определенной цели» (*Селищев*. С. 139). О *самотеке* — см. примеч. к с. 35.

...набирающая беднота украдет вскоре у Кучума эту установку... — Фрагмент появился во второй редакции повести. См. промежуточное название пьесы «Шарманка» — «Человек, укравший установку» (*Сочинения*, 4(2). С. 649–652).

...председатель колхозного куста... — Кустовые объединения — одна из организационных форм крупного колхозного строительства (наряду с агрокомбинатами, см. примеч. к с. 55), вводившаяся с 1928 г. Особую актуальность проблема крупных сельскохозяйственных объединений приобрела в 1929 г.: «Нарождение *крупного* коллективного производства в нашем сельском хозяйстве стало в этом году почти повсеместным фактом. 1929 г. войдет в историю колхозного движения именно с этим отличительным признаком...» (*Казачек А.* Крупное коллективное с.-х. производство в 1929/30 г. // На путях коллективизации. М., 1929. С. 61). В задачу кустовых объединений входило усиление планоности в работе колхозов, введение счетоводства и отчетности, организация электростанций, снабжение тракторами, устройство школ, клубов, больниц. Особую роль кустовых объединений отметил пленум ЦК ВКП(б) 1929 г.: они «должны стать производственными центрами, подготовляющими необходимые материально-технические предпосылки для укрепления мелких колхозов и массового вовлечения в них окружающих крестьянских хозяйств» (Пленум Центрального комитета ВКП(б) // *Правда*. 1929. 21 ноябрь. С. 1).

...его прогнали за перегибы, за то, что он раскулачил будто бы сорок человек середняков... — После публикации статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» страницы газет заполняются сообщениями о многочисленных антисредняцких извращениях на местах, см. в «Правде»: «Кто допускает перегибы в отношении середняка, тот помогает кулаку» (Правда. 1930. 2 марта. С. 4; 5 марта. С. 5); «Удар по середняку — удар по коллективизации» (Правда. 1930. 4 марта. С. 4); «Перегибы в отношении середняка на руку кулаку» (Правда. 1930. 6 марта. С. 5); «Как известно, в основном перегибы и искривления задела середняка» (Крылов С. О перегибах и добровольности в колхозном движении // Правда. 1930. 25 марта. С. 2). О действиях «перегибщиков» в ЦЧО писала и областная, и центральная пресса: «...“раскулачивал” середняка, искренне убежденный, что “предвосхищает” директиву ЦК» (Коммуна. 1930. 25 марта. С. 3); «В Алексеевском районе в некоторых сельсоветах составили наспех списки и горячо взялись за раскулачивание. В результате в одном из сел из 150 хозяйств 100 были раскулачены. <...> По неполным сведениям, по округу “рассреднячено” свыше 400 середняцких хозяйств» (Северный И. Решительная борьба с извращениями дает новый приток в колхозы // Коммуна. 1930. 6 апр. С. 2); «В селе Щербиновке, Козловского округа, уполномоченный рика раскулачивал как середняков, так и бедняков и в конце концов разослал по селениям следующий приказ: “В 24 часа с получением настоящего приказываю всем вступить в колхоз”» (Перегибы, середняк и сельсовет // Известия. 1930. 16 мая. С. 1). «Перегибы» в ЦЧО обсуждались на заседании президиума ВЦИК в конце мая (см.: Не медлить с исправлением ошибок и перегибов. Массовая советская работа в ЦЧО была заменена администрированием // Беднота. 1930. 25 мая. С. 2).

С. 39–40. ...и закрыл церковь без либерального подхода к массам ~ народ, сам не сознавая, давно потерял надежду в наличие бога, и он только фиксировал этот факт путем запрещения религии... — В 1929–1930 гг. по всей стране закрываются церкви — тысячи храмов передаются под склады или разрушаются. Народные протесты жестоко подавляются: «В Венеце Тульской губернии народ пытался воспрепятствовать закрытию храмов. Настоятель храма Чугунов и несколько мирян расстреляно» (Ответ русской зарубежной церкви на интервью митрополита Сергия от 15 февраля 1930 г. // Русская православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 264). «Административные методы» борьбы с религией были осуждены в весенних правительственных документах: «Решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения. Допускать закрытие церквей лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян и не иначе, как с утверждения постановлений сходов областными исполкомами. За издевательские выходы в отношении религиозных чувств крестьян привлекать виновных к строжайшей ответственности» (Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» // Правда. 1930. 15 марта. С. 1).

С. 40. ...за что же, спрашивается, его ликвидировали как председателя? — Образовано по аналогии с выражением «ликвидировать кулачество как класс». (Переход к «политике ликвидации кулачества как класса» был провозглашен Сталиным на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г.) О привлечении к ответственности местных работников за «перегибы» весной 1930 г. сообщали газеты: «Показательные суды над головоотяпами. За извращение партийных директив привлечено к ответственности 1186 работников. Беседа с облпрокурором тов. Калмыковым» (Коммуна. 1930. 20 марта. С. 1); «Головоотяпы, раскулачившие бедноту и середняков, привлечены к ответственности. В ближайшее время над ними будет устроен показательный суд. 13 работников, извративших классовую линию в коллективизации, сняты с работы, девять за мародерство, отвечают в уголовном порядке» (Северный И. Решительная борьба с извращениями дает новый приток в колхозы // Коммуна. 1930. 6 апр. С. 2); «За грубые искривления политики партии и правительства в области коллективизации и за применение административных мер по всей ЦЧО привлечено к судебной ответственности 1500 человек» (Правда. 1930. 25 апр. С. 4).

...тут он явно намекал на то, что, дескать, райисполком — голова, а он — хвост, точно РИК и вправду приказывал ему в течение недели учредить коммунизм. — О негодовании колхозных организаторов по поводу партийных документов, разоблачающих действия на местах, сообщали секретные сводки, см., например: «Наверху накрутили, взяли темпы не по силам, а нам за это расплачиваться придется» (Из сводки ОГПУ «Настроения вокруг решений ЦК и статей т. Сталина» об откликах крестьян и партийно-советских работников по материалам Северного Кавказа и ЦЧО на 18 апреля 1930 г. // Трагедия советской деревни, 2. С. 387); «Анализируя действия коллективизаторов как извращения, дискредитирование и развенчание колхозного движения, невольно назревает вопрос, а кто же подал повод к этому нашим низовым и окружным работникам? Ответ ясен — директивы ЦК партии и постановления правительства. Так зачем же теперь охать и впадать в головокружение?» (Сводка № 76 писем отдела читки и расследования редакционной газеты «Правда» об откликах на статью И.В. Сталина // Трагедия советской деревни, 2. С. 464).

...товарищ Упоев, глава района сплошной коллективизации... — Первые районы сплошной коллективизации появились в 1929 г.: «Чем дальше, тем больший процент района охватывается колхозным движением, и уже сейчас мы имеем налицо ряд районов сплошной коллективизации» (Новиковский Ю. Районы сплошной коллективизации // На путях коллективизации. М., 1929. С. 3). На ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г. было принято решение об организации «300 новых районов сплошной коллективизации» (Изда-читальня. 1930. № 3–4. С. 123). Зимой 1929/30 г. форсированная коллективизация ЦЧО началась с пяти округов — Льговского, Острогожского, Россошанского, Тамбовского и Борисоглебского, в «ЦЧО сейчас не меньше 15 районов сплошной коллективизации» (из выступления председателя правления Колхозцентра Г.Н. Каминского на заседании комиссии о темпах коллективизации 14 декабря 1929 г. // Трагедия советской деревни, 2. С. 45). В конце января 1930 г. секретарь Обкома ЦЧО И.М. Варейкис объявил

о переходе всей области к сплошной коллективизации. Кроме того, в ЦЧО «создаются 3 опытно-показательных района сплошной коллективизации» (Коммуна. 1930. 29 янв. С. 1). Переход к сплошной коллективизации означал решительное проведение «экономических, политических и административных мер в отношении кулачества» вплоть до очистки области через органы ГПУ «от бандитских и контрреволюционных элементов» (Коммуна. 1930. 28 янв. С. 1).

С. 41. *И когда ему сказали: «Упове, обратись на свой двор, пожалей свою жену ~ Вот мои жены, отцы, дети и матеря, — нет у меня никого, кроме немущих масс!»* — Ср. в Евангелии: «Когда же Он еще говорил к народу, Матерь и братья Его стояли вне дома, желая говорить с Ним. И некто сказал Ему: вот Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. <...> И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот матеря Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и матеря» (Мф. 12: 46–50).

См. образ коммуниста в статье Платонова «Коммунист принадлежит будущему» (1921): «Что такое коммунисты? Это лучшие люди, передовые борцы человечества. Люди, которые умеют любить больше дальнего человека, чем ближнего. Люди, которые любят себя больше в будущем человечества, чем себя в настоящем, и, несмотря на их физическую зависимость от сегодня, умеют духовно всецело отдаваться завтра» (Сочинения, 1(2). С. 174).

Маленький человек сидел за столом, выставив вперед большую голову, похожую на смертоносное ядро для буржуазии. — Ср. с портретом Ленина в воспоминаниях Н. Осинского: «...вы видите перед собой невысокого человека <...> Голова его, гладкая, словно полированная, сидит на крепком туловище <...> ...И невольно наворачивается сравнение — отполированный стальной снаряд, начиненный веществом колоссальной силы» (О Ленине. Сб. воспоминаний. М., 1924. Кн. 1. Это описание цитировалось в статье М. Беккера «Ленин и художественная литература» // ЛГ. 1930. 20 янв. С. 3).

С. 44. *...ведь Ленин-то умнее всех и если он умер, то нас без призору не покинул! ~ Ленин, действительно, позаботился и его сиротой не оставил.* — Тема верного ученика и наследника Ленина, ставшая важнейшей составляющей внутрипартийной борьбы 1924–1927 гг., актуализируется в конце 1929 — начале 1930 г. в связи с празднованием 50-летия И.В. Сталина: «Этот день празднуют рабочий класс и коммунистические партии всего мира. Ибо тов. Сталин — самый близкий и самый верный ученик Ленина. Ибо тов. Сталин — самый стойкий и последовательный до конца ленинец. <...> Ибо тов. Сталин — сильнейший знаток ленинизма, самый лучший проводник его на деле. <...> Под руководством тов. Сталина, под руководством Центрального комитета коммунистической партии стальная ленинская партия доведет дело Владимира Ильича до конца» (Крестьянка. 1930. № 1. С. 2, обл.); «Это особенно ясно в наши дни, когда враг называет побеждающую генеральную линию партии сталинской. Она, эта линия, именно потому и побеждает, что она от начала до конца — большевистская, ленинская» (Ярославский Ем. Революционер-большевик // Безбожник. 1930. № 1. С. 3). В статье Сталина «Ответ товарищам колхозникам» каждый тезис

подкреплялся обширными цитатами из трудов Ленина и ссылками на постановления ЦК — как знак преемственности политики партии.

...если не считать выговора от окрЗУ, который он получил за посев крапивы на десяти гектарах. И то он был не виноват, — так как прочел в газете лозунг: «Даешь крапиву на фронт социалистического строительства!» — и начал размножать этот предмет для отправки его за границу целыми эшелонами. — ОкрЗУ — окружное земельное управление. С января 1930 г. проводился месячник сбора предметов экспорта. Все утильсырье делилось на две группы: в первую категорию входили масло животное, яйца, птица домашняя, лен и пенька и т. д. Ко второй группе второстепенного экспорта относилось и так называемое лексырье: муравьиные яйца, корень одуванчика, шпанская мушка и т. п. 24 декабря 1929 г. со страниц «Правды» прозвучал призыв: «2000 тонн крапивы — за границу. На помощь, пионеры!»: «Среди сорных трав СССР имеются породы, за которые за граница платит золотом. Крапива является остро дефицитным товаром на международном рынке. Акц. о-во “Лектехсырье” должно заготовить для экспорта 2000 тонн крапивы. <...> “В нашей еще некультурной стране мы заросли крапивой. Помогите нам, дорогие юные товарищи, за дико растущую крапиву получить 400 000 руб. золотом. На эти деньги мы можем приобрести 400 тракторов”» (С. 5). Сообщалось о планах треста «Лектехсырье» построить в селе Рогачевке под Воронежем заводы по первичной обработке лекарственного сырья. Весной 1930 г. в Рогачевке трест совместно с колхозом посеял разные культуры (мяту, анис, тмин и др.): «Будем и другие лекарственные культуры выращивать культурно» (Дьяченко А. Дикая золотая валюта // ЖКМ. 1930. № 11–12). О крапиве см. также примеч. к повести «Котлован», с. 542–543 наст. изд.

Уповев радостно думать, что вопрос стоит о крапивоной порке капиталистов руками заграничных, мало-вооруженных товарищей. — См. ироничное упоминание в печати о применении крапивы в крестьянском быту: «А крапива, которой секут или обещают высечь! Мало ли ее нагромождено по гумнам, по низинам, по садам? И нет ей лучшего применения в нашей деревне, чем то, что ею пугают. <...> За крапиву получить трактор — это лучше, чем крапивой высечь» (Дьяченко А. Дикая золотая валюта // ЖКМ. 1930. № 11–12).

...мнение о зажиме колхозной массы со стороны колхозных руководителей неверно. — Зажим — притеснение; слово активно использовалось в языке эпохи, чаще всего в словосочетании «зажим самокритики» (см., например: Правда. 1930. 14 апр. С. 6), а также в других контекстах: «Зажим бедноты в некоторых районах был настолько сильный, что не всегда удавалось в должной степени поднять активность бедноты» (Укрепить батрацко-бедняцкое ядро в колхозах // Правда. 1930. 14 янв. С. 4. Подпись: А.). «Зажим колхозной массы» — распространенная практика колхозных организаторов: «В результате запугиваний крестьяне никакого участия в обсуждении вопроса о коллективизации не принимали. Решения об организации колхозов принимались незначительным числом присутствующих» (Справка Информационного отдела ОГПУ об организационных недочетах, перегибах

и классовой борьбе вокруг колхозного строительства в ЦЧО по материалам на 1 февраля 1930 г. // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 245).

...он сознал рулевого с трактора, потому что тот жег керосин с черным дымом... — О необходимости беречь дорогостоящее и дефицитное горючее много писали в печати: «Каждый руководитель тракторным хозяйством, в особенности трактористы, кладовщики, отпускающие нефтепродукты, должны знать, что только бережное и экономное расходование нефтепродуктов даст нам возможность безболезненно пережить временные затруднения с их получением» (*Климов Д.* Берегите горючее // *Машина в деревне*. 1930. № 6. С. 3–4). Низкая квалификация трактористов, небрежность в отношении к машине становились причиной частых поломок техники: «Во время начала сева в совхозе “Гигант” <...> десятки тракторов были выведены из строя вследствие небрежного отношения к ним со стороны трактористов» (*Ширямов А.* На передовых позициях культурной революции. М., 1930. С. 7. См. также примеч. к очерку «За большевистского счетовода в колхозе!»: *Сочинения*, 4(2). С. 591).

Он даже нарочно садился обедать среди отсталых девок и показывал им, как надо медленно и продуктивно жевать пищу, дабы от нее получалась польза и не было желудочного завала. — На страницах журналов для деревни публикуются статьи, в которых подробно освещаются вопросы общественного питания, даются советы по его разумной организации: «Большой недостаток крестьянского питания заключается еще в дурных бытовых привычках, в неумении есть. <...> Чтобы изжить все указанные недостатки, нужно изменить старый крестьянский быт, нужно крестьянам переходить к общественному питанию» (*Бархан Э.* Общественное питание в колхозах // *Здор. дерев.* 1929. № 18. С. 5); «Многие сельскохозяйственные коммуны уже теперь приступили к обобществлению питания. Но делается это по старинке, когда на пищу смотрели как на средство “набить потуже живот”. Между тем пища, чтобы быть действительно питательной, должна быть правильно составлена. <...> А у нас не только “в розговены”, но и при всяком случае так “набьют” живот всякими неудобоваримыми продуктами, что только вызывают заболевания желудка и кишок и потом идут лечиться от “изжоги”, “боли под ложечкой” и других “напастей”, не говоря уже о том, что понапрасну портят ценные продукты» (*Семашко Н.* Переломный год // *Здор. дерев.* 1930. № 1. С. 4). В реальности весной 1930 г. деревня испытывала острый недостаток продовольствия.

Подобным же способом показа образца Уповеи приучил всех колхозников хорошо умываться по утрам ~ С этой же трибуны Уповеи всенародно чистил зубы... — В статьях, посвященных колхозному быту, большое внимание уделялось вопросам гигиены: «Нужно по возможности ежедневно очищать всю кожу от слоя пыли и жира. Для этого очень полезно ежедневно по утрам обтирать все тело мокрой мочалкой или полотенцем. <...> Если хочешь с утра запастись бодростью и неутомимостью, то смело пользуйся целебным и освежающим свойством холодной воды!» (*Таборисский М.* Как умываться // *Здор. дерев.* 1930. № 4. С. 10); «В колхозах коммунары выучились ходить чистыми, привыкли к отдельному полотенцу, привыкли часто мыть руки, чисто есть, чисто жить. Все это сделал коллектив путем приме-

ров наиболее сознательных членов колхоза» (*Степанов С. Новая жизнь // Здор. дерев.* 1929. № 13. С. 8–9). Зубная щетка стала одним из символов нового быта, ей посвящались специальные просветительские мероприятия (часто проводимые с участием детей): «После двухнедельной атаки зубные щетки энергией школьников были внедрены в крестьянские избы. Но как обращаться с ними? Для этой цели устраивается “генеральная репетиция” чистки зубов в школе. В классы доставляются теплая вода, зубной порошок, и ученики под наблюдением педагогов обучаются чистить зубы, а по возвращении из школы школьники проделывают эту репетицию с родными» (*Горький М. По Союзу Советов // Наши дост.* 1929. № 4. С. 5). О том, что зубная щетка была редкостью и в колхозах, свидетельствует рассказ врача в очерке С. Третьякова: «Рты нечистые, зубы — до половины обросли камнем. На взрослых коммунаров хорошо, если найдется 10 зубных щеток» (*Третьяков. Вызов.* С. 274).

С. 45. ...и я скорблю, что уходит план моей жизни, ибо он выполняется на все сто процентов... — План (заранее намеченная система мероприятий, предусматривающая порядок и срок выполнения работы) — одно из ключевых понятий эпохи. Разнообразные планы — пятилетний, перспективный, промышленный, календарный, оперативный и т. д. — охватывали все сферы хозяйственной жизни страны. Обсуждалось введение плановости и в области искусства («Литературная пятилетка» И. Сельвинского). Повсеместное «планотворчество» становилось объектом сатиры. (Об употреблении слова в языке эпохи см.: *Селищев.* С. 106–107. См. также примеч. к повести «Котлован», с. 523 наст. изд.)

...зачем я нужен, о чем мне горевать, когда уже присутствует большевицкая юность и новый шикарный человек стал на учет революции?! — Оптимизм, устремленность в будущее, вера в «нового человека» — важные черты советской идеологии: «Эпоха крепнущего социализма будет в основном эпохой настойчивого роста и углубления радостного фонда человечества» (*Залкинд А. Психология человека будущего // Жизнь и техника будущего.* С. 463); «...человек будущего, который народится при этой обстановке, будет физически силен, долговечен, красив, могуч и талантлив. Таким он нам рисуется в общих чертах и иным не может быть, поскольку мы, основываясь на выводах научного коммунизма, убеждены, что золотой век человечества не позади, а впереди его» (*Мелик-Пашаев Н.Ш. Человек будущего // Жизнь и техника будущего.* С. 339). К теме нового человека Платонов обращался в ранней публицистике, в статье «Питомник нового человека» (1927), в повести «Строители страны» (1927).

Вы гляньте, как солнце заходит над нашими полями, — это ж всемирная слава колхозному движению! — В художественных произведениях о колхозном строительстве образ солнца был обязательным элементом в картине радостного обновления деревни: «Новая песня / В полях запета, / Новое солнце / Горит над страной!» (*Пришелец А. За букварь! // Сельскохозяйственная работница.* 1930. № 3. С. 7); «Солнце! Солнце! Ты ведь тоже с нами, / Лей теплынь и согревай борьбу! / Я встречаю звонкими стихами, / Новую колхозную весну» (*Рыбак Н. Весна в колхозе // Там же.* № 8. С. 15). См. в статье о стихах А. Дорогойченко: «...слова “солнце” и “золотой”

встречаются до пятидесяти раз...» (Ревякин А. Пути крестьянской лирики // ЗС. 1930. № 4. С. 223).

— *Раскулачу за хулиганство...* — Хулиганство считалось наследием старого крестьянского быта: «Пьяный разгул, непристойные песни, грубая брань, драки — вот чем обычно развлекаются в деревне и взрослые и молодежь в крестьянские дни отдыха» (*Здор. дерев.* 1930. № 1. С. 8). Характер всесоюзной кампании борьба с хулиганством — бытовым и литературным — приобрела в 1926 г. Массовое неблагополучие среди молодежи объяснялось влиянием С.А. Есенина как главного выразителя «кабацких», «упадочнических» и «мещанских» настроений. (См. об этом: *Корниенко Н.В.* «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М., 2010. С. 217–274.) Несмотря на то, что борьба с хулиганством стала одной из постоянных тем партийных выступлений, реальная проблема деревенской жизни оставалась нерешенной. Об этом, в частности, свидетельствовали материалы Всесоюзного крестьянского митинга «Красной газеты», проходившего в 1927 г. В своих письмах крестьяне жаловались на безнаказанность хулиганов: «Хулиганы так наглеют, что крестьянам ничего не остается делать, как молчать и сидеть в своей избе»; «Хулиганство развилось до невозможности. <...> так как хулиганов советская власть плохо наказывает <...> Раздолье хулиганам!» (Крестьяне о советской власти. М.–Л., 1929. С. 177, 189). В начале 1930 г. борьба с хулиганством находилась в ведении сельсоветов; при проведении общественных собраний хулиганов могли выгнать, наложить на них штраф, а в случае повторения бесчинств — предать суду, поставив вопрос о выселении и лишении земли.

С. 46. ...у него голос хороший, а у нас культработа слаба! — Большое агитационно-пропагандистское значение придавалось культурно-бытовому обслуживанию колхозников, развитию самодеятельности и новых форм досуга (спектакли, литературно-музыкальные вечера, экскурсии, «разумные развлечения» и др.). После безуспешной борьбы с гармошкой в начале 1920-х гг. и ее реабилитации в 1926–1927 гг. (см.: *Корниенко Н.В.* «Сказано русским языком...»: Андрей Платонов и Михаил Шолохов: встречи в русской литературе. М., 2003. С. 98–110) этот народный инструмент был поставлен на службу в борьбе за новый быт и социалистическую культуру: «Можно ли в весеннюю кампанию забыть гармошку? Ни в коем случае нельзя. Гармошку необходимо поставить на службу весне. Проводы и встреча ударных бригад, организация на их стоянках музыкальных выступлений — все это послужит реальной помощью руководителям сева» (*Аверкин И.* Культурно-бытовое обслуживание колхозов весной // *Беднота.* 1930. 25 янв. С. 2).

Позже Упоев спрашивал у меня о происхождении человечества: его в избе-читальне тоже однажды спросили об этом... — Важный элемент агитационно-просветительской и антирелигиозной программы для деревни — учение Ч. Дарвина в популярном изложении: «Согласно новому учению о происхождении видов <...> все ныне живущие и известные нам растительные и животные формы, включая человека, <...> являются непосредственными <...> потомками тех растений и животных, которые населяли землю в первобытную эпоху ее жизни» (*Мелик-Пашаев Н.Ш.* Человек будущего // *Жизнь и техника будущего.* С. 341). Этой теме посвящались много-

численные дешевые массовые издания, статьи, лекции, радиопередачи — например, цикл «Возникновение и развитие жизни» в Рабоче-крестьянском радиоуниверситете на станции Наркомпочтеля (см.: Радиослушатель. 1929. № 8. С. 10). Одной из приоритетных форм работы изб-читален считались беседы, «вечера вопросов и ответов», «которые требуют непосредственного общения работников избы-читальни с массой обслуживаемого населения» (*Ширямов А.* На передовых позициях культурной революции. М., 1930. С. 69).

— *Отчего обезьяна-то стала человеком, иль ей плохо было? — допытывался Упоев. — Отчего она вдруг поумнела? ~ какие-нибудь звери отгрызли обезьянам хвосты, и сила, какая в хвост шла, вдарилась в другой конец — в голову, и обезьяны поумнели!* — В работах, посвященных происхождению человека, ученые-марксисты вслед за Ф. Энгельсом говорили о перестройке человеческого организма в результате социально-средовых изменений: о постепенном усложнении роли головного мозга с одновременным упрощением и частичным отмиранием тех функций или частей человеческого организма, которые становятся не востребуемыми (ослабление жевательного аппарата и исчезновение хвоста). Это приводит «к постепенному отсеиванию, отрубанию *атавизмов*, т. е. ненужных биологических остатков, и к *переключению освободившейся их энергии на новые физиологические участки*» (*Залкинд А.Б.* Психология человека будущего // *Жизнь и техника будущего*. С. 486). Биологические понятия из эволюционной теории Дарвина переносились и на представления о развитии человеческого общества, в результате которого пролетариат должен окончательно победить «мелкобуржуазных хищников»: «Чем устойчивее будет становиться экономическое положение юного социализма, чем больше сытости, спокойствия и творчества внесет социализм в жизнь человечества, тем быстрее будут отгнивать жалкие охвостья буржуазной эпохи, лишённые питающих корней, — совсем не похожие на своих могучих предков, грызших СССР» (Там же. С. 460).

— *Самый главный стержень у животного и человека, товарищ Упоев, это позвоночный столб с жидкостью внутри. Один конец позвоночника — это голова, а другой — хвост.* — Вопрос, освещавшийся в научно-популярной литературе этого времени; см.: «...спинной мозг должен быть рассматриваем как придаток головного, как промежуточное звено между головным мозгом, с одной стороны, и внешней средой и нашим телом — с другой. Сравнительное анатомическое изучение спинного мозга показывает, что в заднем его конце происходит некоторый процесс редукции, заключающийся в укорочении спинного мозга, что сопровождается также описанным уже укорочением самого позвоночника. Вот в указанном процессе дальнейшего укорочения спинного мозга да в гистологических и топографических изменениях нервных волокон и нервных клеток могут заключаться изменения мозга в будущем» (*Мелик-Пашаев Н.Ш.* Человек будущего // *Жизнь и техника будущего*. С. 366).

— *Я полное собрание сочинений Владимира Ильича ежедневно читаю...* — Первое Собрание сочинений Ленина (20 томов) выходило с 1920 по 1927 г. (ссылки на это издание содержатся в статье Платонова «<Против халтурных судей (Ответ В. Стрельниковой)>» — см. примеч.: *Сочинения*, 4(2)).

С. 780–783). Издание не было полным, многие письма в него не вошли. В мае 1924 г. на XIII съезде партии было принято решение о подготовке полного собрания сочинений Ленина. Весной 1930 г. в Институте Ленина завершалась работа над последними томами второго и третьего издания полного собрания сочинений. Тома выходили огромными тиражами, которые все равно считались недостаточными: «Спрос на 2-е и 3-е издания уже сейчас почти вдвое превышает установленный тираж в 200 тысяч. Надо немедленно начать выпуск дополнительного тиража» (*Халатов А.* Книга Ленина — в массы // *Правда.* 1930. 21 янв. С. 4). При этом, несмотря на то, что третье издание специально готовилось как удешевленное, оно оставалось малодоступным для широких масс. Поэтому началась подготовка более дешевого 6-томного издания сочинений (см.: *Халатов А.* Сочинения Ленина в новых тиражах // *Правда.* 1930. 26 апр. С. 5).

С. 47. ...для дружелюбного чувства нам нужно иметь конкретную личность среди земли! — Ср. с рассуждением Федора Федоровича в рассказе «Областные организационно-философские очерки» (1928, вторая редакция): «При пролетарской диктатуре всякие организации есть дело второстепенное и низкое. Первостепенно надо: делать вещи, покорять природу и — самое главное — искать дороги друг к другу. Дружество — и есть коммунизм. Он есть как бы напряженное сочувствие между людьми» (*Сочинения, 4(2).* С. 338).

С. 48. — *Это воинствующий безбожник...* — Существовавший с 1925 г. Союз безбожников был переименован в Союз воинствующих безбожников летом 1929 г.

— *А кто ж главный?* — *вопросал какой-нибудь темный пожилой мужик.* — Ситуация диалога организатора колхозной жизни (агитатора, горожанина, врача, литератора и др.) с крестьянами типична для колхозных очерков. См., например, крестьянские вопросы: «А почему слезы солены? Почему слезы берутся, когда досада. Лишни, что ли?» (*Шмерлинг В.* Коммуна в Ободовке // *Октябрь.* 1929. № 7. С. 168); «Кто есть папа римский — святой или дамский угодник? <...> Если нет бога, откуда солнце и звезды?» (*Панов Н.* Газета на колесах // *ЛГ.* 1930. 28 апр. С. 3).

— *Главный у нас — класс!* — См. Программу РКП(б) (принята VIII съездом партии в марте 1919 г.): «В противоположность буржуазной демократии, скрывавшей классовый характер ее государства, Советская власть открыто признает неизбежность классового характера всякого государства, пока совершенно не исчезло деление общества на классы и вместе с ним всякая государственная власть» (цит. по: Программа и Устав РКП(б) с резолюциями партсъездов и конференций по организационным вопросам. М., 1924. С. 11).

Немедленно прекратите религию, повысьте уровень ума и двиньте бывшую церковь в орудие культурной революции! — Подобная нетерпеливость в антирелигиозной борьбе осуждалась в печати: «...ничего общего не имеют с марксизмом-ленинизмом такие, скажем, предложения, как немедленно, без привлечения самостоятельности масс закрыть все церкви: немедленно приказом запретить попам и сектантам венчать, хоронить, крестить; немедленно, без мобилизации внимания и активности масс снять колокола и т. п. Поэтому всякие предложения о мероприятиях, сводящихся по сути дела

к запрещению религии, являются *анархическим уклоном в антирелигиозной работе*» (Лунин А. Против оппортунизма на антирелигиозном фронте // Беднота. 1930. 12 янв. С. 2).

Устройте в церкви радио... — Задачи радиофикации были непосредственно связаны с антирелигиозной пропагандой — в закрывающихся церквях предлагалось устраивать Дома радио, радиотеатры и радиоклубы: «Характерно, что борьба между радио, могучим пропагандистом идей социалистического строительства в нашей стране, и церковью, агитатором буржуазно-кулацких слоев, уже развернулась, и поводом здесь послужили церковные помещения, которые, как известно, с большим успехом могут быть приспособлены под рабочие и деревенские радиотеатры. В своей резолюции по вопросу о радиовещании и радиофикации съезд работников НКПТ вынес пожелание о приспособлении местных церквей, синагог, мечетей и т. п. под клубы молодежи, где может быть организовано радиослушание» (Галактионов М. Молот безбожия // Радиослушатель. 1929. № 40. С. 10); «Радиослушатели должны противопоставить церкви радио и добиваться оборудования церквей в образцовых волостях под радиоклубы для коллективного слушания, для активной пропаганды безбожия» (В наступление на религию // Радиослушатель. 1929. № 24. С. 3).

...и пусть оно загревами взрывами классовой победы и счастьем достигнуений!.. — Ср. с одним из предложений по празднованию 10-летия Октября в рассказе «Надлежащие мероприятия» (1927): «...Добиться всеобщего радостного единодушия, посредством испускания радиоволн, и организовать взрывы счастья с интервалами для заслушивания итоговых отчетов...» (Сочинения, 2. С. 287). Пафос речи Щекотулова соответствует стилистике публикаций о советском радиовещании, см., например: «...и мощными аккордами загремят по радио железные слова о строительстве социализма. <...> Из Москвы понесутся сюда в крестьянские избы новые, бодрые слова, которые зажгут энтузиазмом строительства батрацкие и бедняцкие слои деревни. “Осенний пейзаж” капиталистической деревни сменяется феерией индустриализации» (Радиослушатель. 1929. № 45–46. С. 3).

С. 49. *А женщины и все верующие оставались в деревне и начинали верить в бога против тов. Щекотулова.* — Крестьянка была объявлена главным идеологом старого быта, защитником традиционного уклада и религии, врагом коллективизации: «Величайший удар и развал колхозного строя по всему Советскому Союзу произвели женщины полной прицепкой к церквям и попам» (Из сводки № 102 писем отдела расследования и читки редакции газеты «Правда» // Трагедия советской деревни, 2. С. 587). В сообщениях о ходе коллективизации отмечалось самое активное участие крестьянок в народных восстаниях по всему СССР. Районы, в которых происходили массовые выступления женщин, в сводках ОГПУ назывались «пораженными районами» (Совершенно секретно, 8(1). С. 60, 1409). Во время народных мятежей, охвативших ЦЧО в начале 1930 г., женщины выступали против закрытия церквей, расхищения церковного имущества, арестов крестьян, защищали священнослужителей, выгоняли уполномоченных и рабочие бригады. В статье «Ответ товарищам колхозникам» И.В. Сталин указал на слабую работу среди крестьянок. Тема реакционной роли женщины в социалистической

перестройке деревни стала одной из центральных в очерковой литературе: «В качестве своего авангарда кулаки пустили баб — визгливых, горластых, станичных баб...» (*Ставский В.* Борьба за коллективный сев // *Известия.* 1930. 30 марта. С. 4); «Часто бывало, что хозяева сидели по домам, а женщины расхаживали по улице, шумели у кооператива, стучали в двери сельсовета и вообще проявляли “политическую активность”. Таковы были силы женщин во вражеском лагере» (*Гнедин Е.* На путях к колхозу. Из заметок пропагандиста ЦЧО // *Кр. новь.* 1930. № 5. С. 180); «Женщина в деревне — последний козырь темноты и реакции» (*Третьяков.* *Вызов.* С. 222); «Женщины, выпущенные на передовую линию социальной борьбы, — характерное явление сегодняшней деревни» (*Третьяков.* *Месяц в колхозе.* С. 214); «А бабы у нас самый отсталый элемент. Кулаки через них всякую бузу подымают» (*Канатчиков С.* Рождение колхоза. М., 1931. С. 45).

— *Вы, граждане, обладаете идиотизмом деревенской жизни. Вас еще Маркс Карл предвидел. ~ У нас ум слаб: нас Карл Маркс предвидел, что мы — идиотизм! — Идиотизм деревенской жизни — выражение из работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест коммунистической партии» (1848): «Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, она в высокой степени увеличила число городского населения по сравнению с сельским и, таким образом, вырвала значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни» (Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 1932. С. 21). В период коренной перестройки крестьянского быта это выражение активно использовалось в политических статьях — см., например: «Вся сила и значимость этого роста деревни проявляется в том, что она *требует* от города <...> пролетариев, библиотечкарей и инженеров, избачей и механиков, врачей и политпросветчиков <...> все то, что нужно для окончательной победы над “идиотизмом деревенской жизни”...» (Большевистский сев // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1930. № 2. С. 3). Из партийных выступлений это устоявшееся определение традиционной крестьянской жизни перешло в литературу о деревне: «...надеемся, что через пять-десять лет мы повернем деревню, вытряхнем из нее деревенский идиотизм и <...> создадим нового человека...» (*Иванович Ф.* Городок в степи. Путевые зарисовки // Октябрь. 1929. № 8. С. 148); «Во втором томе “Брусков” <...> автор показывает нам идиотизм старой деревенской жизни» (*Исбах Ал.* Заметки о второй книге «Брусков» Ф. Панферова // *На лит. посту.* 1930. № 12. С. 29); «...тот писатель, который проникнут темной ненавистью к науке, который поэтизирует темноту, патриархальщину, идиотизм деревенской жизни, тот в наше время — прямой выразитель кулацких тенденций...» (*Ольховый Б.* Что и требовалось доказать. Ответ т. С. Клычкову // *ЛГ.* 1930. 21 апр. С. 3).*

— *Это контрреволюция!! Я разрушу ваш подкулацкий Карфаген! —* В источнике: «Карфаген должен быть разрушен»; по преданию, слова, которыми римский сенатор и политический деятель Марк Порций Катон Старший (234–149 до н.э.), боровшийся против торговых соперников Рима, заканчивал любое свое выступление в сенате. В 1926 г. выражение использовал ведущий теоретик РАПП Л.Л. Авербах в выступлении против «Перевала»:

«...воронский Карфаген обязательно должен быть разрушен!» (Авербах Л. Опять о Воронском // *На лит. посту*. 1926. № 1. С. 20).

...обращают его лицом к православию... — «Стать лицом к чему-нибудь» — лозунговое сочетание, активно используемое в языке эпохи в призывах к выполнению различных кампаний (см.: Селищев. С. 134): «Советы — лицом к коллективизации» (*Крест. газ.* 1930. 8 февр. С. 1); «Под лозунгом “лицом к колхозам” начнем коренную перестройку работы и обновление советов» (Беднота. 1930. 26 февр. С. 2); «Как мы поворачиваемся лицом к производству» (Сельскохозяйственная работница. 1930. № 6. С. 1). Этот штамп высмеян в стихотворении В.В. Маяковского «Верлен и Сезан» (1925): «“Лицом к деревне” — / заданье дано, — / за гусли, / поэты-други! / Поймите ж — / лицо у меня / одно — / оно лицо, / а не флюгер» (*Маяковский В.* Париж. М., 1925. С. 14). См. также примеч. к повести «Котлован», с. 533 наст. изд.

С. 50. ...мы живем, как анчутки! — Анчутки — чертенята (Даль).

...мечтавших о ночной чуме для всех своих соседей, дабы наутро каждому стать единственным хозяином всего выморочного имущества. — См. объяснение этого юридического вопроса: «Если наследников нет, или они откажутся от наследства, то двор считается выморочным и имущество двора поступает в распоряжение земельного общества» (*Дембо Л.И.* Крестьянский двор и земельное общество. Л., 1926. С. 20).

С. 50–51. В избе-читальне стояло пять столов, за которыми заседали пять комиссий по организации колхоза. ~ желавшие умертвить колхозное живое начало в бесконечных, якобы подготовительных, бюрократических хлопотах. — Борьба с бюрократизмом не сходила с политической повестки дня на протяжении 1920-х гг. Различным аспектам этой темы посвящены произведения Платонова: повесть «Город Градов», рассказы «Административное естествознание», «Областные организационно-философские очерки», либретто «Надлежащие мероприятия», пьеса «Дураки на периферии» и др. На XVI Всесоюзной партийной конференции, проходившей в апреле 1929 г., было принято решение о проведении в течение ближайших 2–3 лет тотальной проверки всех советских учреждений, которая «должна очистить советский аппарат от всех извращающих линию партии и советской власти, от всех лодырей и разгильдяев» (*Сов. активист*. 1929. № 4. С. 6). Печать разоблачала бюрократический подход сельсоветов к исполнению директив партии, который выражался в том числе в многочисленных заседаниях всевозможных комиссий: «В действительности же по колленцовскому сельсовету никакой работы по коллективизации населения не ведется ни со стороны сельсовета, ни со стороны местных партийцев. Создали на бумаге разные комиссии, подкомиссии, ударную бригаду и т. д.» (Решения остаются на бумаге // Беднота. 1930. 30 янв. С. 3).

С. 51. — Боимся, чтоб принуждения не было: развиваем добровольчество! ~ Перегнуть ведь теперь никак нельзя, приходится держать курс на святое чувство убедительности! — После публикации сталинских статей в партийных выступлениях неизменно делался акцент на необходимости убеждения крестьян, на соблюдении принципа добровольности при организации колхозов. Разъяснительной работе отводилось особое место: «После

того как общее собрание граждан села, за небольшим исключением, приняло решение перейти всем селом в колхоз, инициативная группа должна развернуть работу по тщательному разъяснению устава. <...> Каждый, выразивший желание вступить в колхоз, должен знать, на что идет, что он должен обобществить, какие обязанности, как член колхоза, он должен будет нести и какие права он будет иметь» (Дьяков В. Спутник организатора колхозов. В вопросах и ответах. М., 1930. С. 29).

— *От безлошадности.* — Деталь, характерная для ЦЧО: «...до сих пор в области, на богатой плодородной земле, из 2 млн крестьянских хозяйств — 40 проц. безлошадных, безтягловых вовсе» (Озерский Ал. На полях Черноземья // Наши дост. 1930. № 3. С. 58).

...мне испола пашешь... — То есть забирая в качестве платы половину урожая. *Испола* — «в половину, на половину <...> пополам» (Даль).

Только та лошадная колонна на колхозы работает, а на нас не управляется! — См. запись Платонова в записной книжке: «Бедняки за колхозы; в колхозе им пахут общие лошади и тракторы, а в кулацкой деревне — кулацкие лошади. В колхозе лошадь д<ля> бедняка обходится дешевле» (Записные книжки. С. 29).

— *Так это же твое рваческое настроенье ~ Барыш — рвачество...* — Распространенное обвинение в адрес рабочих (желание личной наживы, собственныйческий инстинкт) использовалось и для объяснения антиколхозных настроений крестьян: «Правильной организацией коллективного хозяйства надо отучить крестьянина от рвачества. “Застрельщиков” же рвачества надо жестоко карать» (Убой и распродажа // Правда. 1930. 7 февр. С. 4. Подпись: М.Ц.); «В совхозе процветает рвачество, идет сильная кулацкая агитация и вредительская работа» (Колхозные новости // Правда. 1930. 8 мая. С. 4).

С. 52. *...вся кулацкая норма населения деревни (около 5 процентов)...* — Согласно Постановлению ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», принятому 30 января 1930 г., число раскулачиваемых по районам не должно превышать 5 процентов всех крестьянских хозяйств. В реальности процент раскулаченных был гораздо выше — в постановлении ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» признавалось, что в некоторых районах доля раскулаченных доходит до 20% (см.: Правда. 1930. 15 марта. С. 1).

Но зажиточные, ставшие бюрократическим активом села, так официально-косноязычно приучили народ думать и говорить, что иная фраза бедняка, выражающая искреннее чувство, звучала почти иронически. ~ говорящие свои мысли на чужом, двусмысленном, кулацко-бюрократическом языке. — О процессах, происходящих в языке, говорили ученые, политики, писатели. Крупный специалист по славянским языкам, член-корреспондент АН (1929) А.М. Селищев с горечью отмечал: «Язык деревенский — красочный, яркий и образный деревенский язык — портится. Поговоришь со стариком, — сердце радуется. Речь искрится, цветет, — настоящая земляная речь. Послушаешь молодого, — удивляешься, — “Постольку — посольку”, “в общем и целом”, “констатируем”, “явный факт” и прочая ненужная бессмыслица» (Селищев. С. 213).

Свою оценку происходящим в языке изменениям давали и руководители колхозного движения: так, по мнению М.И. Калинина, огромное количество «новых живых понятий», появившихся «в голове крестьянина», являются признаком политического и культурного роста, расширения кругозора крестьян, их интеллектуального развития (Беднота. 1930. 4 марта. С. 2).

В 1929 г. на страницах журнала «На литературном посту» развернулась дискуссия о порче языка. Часть писателей приветствовала новые явления в языке: «Очень хорошо, что в словарях не найдутся объяснения многих слов. Это указывает, что язык не мертв» (Э. Багрицкий); «Но право же, не видит ни малейшего прока / В том, чтобы вечно молиться на Даля»; «Нет, я стою за вырыв корней, / За помесь французского с нижегородским, / За международность газеты»; «Держать бы курс на новый язык / Латинизированного разноречья» (И. Сельвинский) (*На лит. посту*. 1929. № 11–12. С. 71–72). См. также статьи М. Ольминского, К. Федина (Звезда. 1929. № 9), Н. Дементьева (Октябрь. 1929. № 3), выступление М. Горького на Всероссийском съезде крестьянских писателей (ЗС. 1929. № 7). Показательно суждение С. Третьякова: «Мне кажется, что дело клонится к преодолению народнической речи <...> Такие слова, как “народ”, “крестьянин”, “мир”, “общество”, “дружный”, “сообща” должны будут вымереть и замениться словами коммунистического порядка. “Класс”, “колхозник”, “бедняк”, “средняк”, “коллектив”, “организованно”, “ударный”, “индивидуальный”, “кооперативный”. <...> Преобладание в языке деревенского актива <...> речевых конструкций, выработанных газетными передовицами, несомненно, и не знаю, можно ли это явление считать отрицательным. Во всяком случае даже непосредственные массовые книжки, изданные кооперацией, пожалуй, крестьянин поймет лучше, чем тургеневские рассказы» (*Третьяков. Месяц в деревне*. С. 147–148).

...побирушничество за хлебом до новины... — Новина — хлеб нового урожая (Ушаков).

...дальнейшая жизнь без ситца... — В повседневном крестьянском быту использовалась домотканая одежда, ситец относился к покупным, фабричным тканям.

...колхозные бабы уже теперь гуляют по волости в новых платках и хвелятся, что говядину порциями едят. — Агитационные выезды колхозников в соседние населенные пункты — одна из реалий коллективизации, см., например, сообщение из письма колхозника: «Собираются эдак до 500 <человек> молодежи <...> и едут в слабую деревню, где коллективизация туго идет. Разрядятся кумачом, платками, полотенцами, развешат ковры, бубенцы и едут с песнями, гармоньками. Получается захватывающее зрелище. <...> Это действует лучше всякой агитации» (Крупская Н. Об одном письме // Правда. 1930. 8 марта. С. 1).

...единоличные беднячки ходили в гунях... — Гуня — ветошь, обноски, отрепье, тряпье, тряпица (Даль).

...до неимоверной проработки всей гущи оргвопросов... — Проработка — «обсуждение, изучение»; «Прорабатывать, проработка» весьма часто в речи советских образованных и стремящихся к образованию граждан» (Селищев. С. 139, 140).

С. 53. ...арка с надписью: «С.х. артель имени Награжденных Героев, учр. в 1923 г.». — В первой редакции повести: «С.х. коммуна имени Общества Старых Большевиков, учр. в 1923 г.». Правкой Платонов снял недвусмысленный намек на Всесоюзное общество старых большевиков (образовано в 1922 г.), а также исправил актуальную для начала 1920-х гг. «коммуну» на «артель», которая весной 1930 г. была признана основной формой коллективных хозяйств. Согласно переписи 1928 г., коммуны составляли менее 5% всех коллективных хозяйств в ЦЧО. Причем большинство коммун — это старые колхозы, возникшие в период с 1918 по 1924 г. Наибольший процент партийных был именно в коммунах: 14,1%, в то время как в артелях — меньше 5%, в товариществах общественной обработки земли — 1–2% (см.: Социалистический сектор сельского хозяйства ЦЧО в 1928–1929 гг. Совхозы и колхозы. Воронеж, 1929. С. 33).

О колхозах, организованных участниками Гражданской войны, сообщала печать: «Тов. Ю. Конопко, герой Гражданской войны, бывший командир автоброневоего отряда, краснознаменник, организовал в Белоруссии сельскохозяйственную артель из бывших бойцов своего отряда» (Совхоз имени героя гражданской войны // Радиослушатель. 1930. № 6. С. 3). Для сельскохозяйственных объединений, созданных партизанами или инвалидами Гражданской войны, с сентября 1928 г. предусматривались специальные льготы: первоочередной «отвод земельных участков», «проведение бесплатного землеустройства»; снабжение сельскохозяйственным инвентарем и семенами, а также обслуживание «прокатными и зерноочистительными пунктами» (Хитев В. Льготы бедноте: действующее законодательство с пояснениями. М., 1929. С. 54–55).

...я колодезный и черепичный мастер, был вскоре принят на должность временного техника по ремонту водоснабжения... — Согласно «Положению о сельскохозяйственной кооперации», утвержденному ВЦИК 3 октября 1927 г., применение наемного труда в сельскохозяйственных коллективах не допускалось, однако в некоторых случаях делались исключения (что было зафиксировано в Примерном уставе сельскохозяйственной артели): «Все работы в с.-х. коллективе должны вестись личным трудом членов колхоза. Если в колхозе не хватает собственных работников, колхоз должен вовлечь в свой состав новых членов. Однако это не всегда удается делать, в особенности в тех случаях, когда проведение тех или иных работ требует специальных технических знаний. В этом случае колхоз имеет право привлечь на работу наемного рабочего или служащего» (Дьяков В. Спутник организатора колхозов. В вопросах и ответах. М., 1930. С. 69–70). Старые колхозы чаще прибегали к помощи наемных работников, чем новые (см.: Социалистический сектор сельского хозяйства ЦЧО в 1928–1929 гг. Совхозы и колхозы. Воронеж, 1929. С. 35).

В клубе шла пьеса «На командных высотах», содержащая изложение умиленья пролетариата от собственной власти... — Весной 1930 г. пьеса «На командных высотах» Н.И. Фалеева (еще до революции известного политического деятеля и автора популярных театральных миниатюр, выступавшего под псевдонимом Чуж-Чуженин) была поставлена театром им. М. Горького, должен был состояться ее общественный просмотр (см.: Известия.

1930. 9 марта. С. 4). Отзывы зрителей сохранились в фонде редакции журнала «На литературном посту» (РГАЛИ. Ф. 1698. Оп. 1. Ед. хр. 820). Главный герой пьесы — в прошлом фабрикант — во время Гражданской войны завладевает чужими документами, выдает себя за партизана и начинает новую жизнь. В настоящем он — директор завода, возглавляет крупную стройку, с гордостью восклицает: «Все, что видит отсюда глаз <...> создано моей волей <...> моим напряжением. И на пустом пространстве поднимается гигант. Величайший в Европе. Я стоял на командных высотах и останусь там!» (РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. Ед. хр. 2903. Л. 39). Но директору возражает его заместитель: «В нашу эпоху <...> в нашей стране <...> никто, даже гений не смеет присваивать себе чести строительства <...> Все строят. Весь коллектив, многоголовый, многорукий, советский коллектив» (Там же). В финале пьесы обманщик разоблачен, а страстные речи героя-резонера продолжают «ораторы»: «Глаза всего мира прикованы к нашему хозяйственному полю. Весь мир смотрит на нас. <...> Решаются дела не только нашей страны, но и дела всего мира. <...> Не верьте тем, кто утверждает, что в нашей стране можно быть вне политики. Не может быть аполитичности в нашей стране <...> Кто не с нами, тот против нас!» (Там же. Л. 82, 83).

В названии пьесы используется распространенное словосочетание. *Командные высоты* — буквально: господствующая возвышенная местность, дающая войскам преимущества перед противником; в переносном значении: важнейшие участки в какой-либо деятельности, «высшие должности, посты» (Селищев. С. 87). Это один из многих терминов военного происхождения, перешедших в язык революционных и советских деятелей (см.: Селищев. С. 24, 87, 98). В начале 1930 г. выражение часто употреблялось в партийных выступлениях и газетных статьях: «Один из ретивых обобществителей доходит даже до того, что дает приказ по артели, где он предписывает “учесть в трехдневный срок все поголовье домашней птицы каждого хозяйства”, установить должность специальных “командиров” по учету и наблюдению, “занять в артели командные высоты”...» (Сталин И.В. Головокружение от успехов (К вопросам колхозного движения) // Правда. 1930. 2 марта. С. 1); см. также: Плесков В. «На командных высотах коллективизации. Агроиндустриальные комбинаты» (Беднота. 1930. 4 янв. С. 3); «Бывшие городовые на командных высотах» (Беднота. 1930. 26 янв. С. 3) и др.

С. 54. ...десятилинейные лампы... — Разновидность керосиновых ламп с шириной фитиля 10 линий, что составляет приблизительно 2 см (линия — русская мера длины, равная 1/12 дюйма).

...РИК и сельские партячейки вели политику на пополнение артели Негражденных Героев бедняками-активистами; правление же артели не хотело принимать никаких новых членов... — В конце мая 1930 г. вышел специальный циркуляр Колхозцентра «О борьбе с замкнутостью колхозов». В документе предлагалось «обратить серьезное внимание на следующее явление, которое замечается за последнее время в различных районах (ЦЧО и др.), заключающееся в некоторой замкнутости вновь организованных колхозов. Замкнутость выражается в том, что колхозы отказываются принимать новых членов <...> Боязнь колхозников <...> объясняется тем, что увеличение количества членов колхоза, особенно из бедноты, уменьшит доходы

колхозников» (Колхозно-кооперативное законодательство. Сб. директивных законодательных и ведомственных постановлений. М., 1931. С. 70–71).

...в семнадцатом году и они бедняками были — стало быть, не было у них ничего, кроме своего класса, а теперь накопили бугор имущества, а класс оставили в покое... — Эпизод, посвященный артели им. Награжденных героев, корреспондирует с рассказом А. Веселого «Босая правда» (МГ. 1929. № 5. С. 2–6), в котором участники Гражданской войны пишут письмо бывшему сослуживцу о своей мирной жизни. «Горько и прискорбно» бойцам видеть, как перерождается «старая партизанская гвардия»: «Кто стал торговцем, кто бандитом, иные как жуки зарылись в землю и ничего дальше кучки своего дерьма не видят и видеть не желают, многих сломила нужда и, когда-то разившие грозного врага, теперь на мирном положении сами попадают в плен к кулакам» (Там же. С. 5). По рассказу А. Веселого 8 мая 1929 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) с объявлением строгого выговора редакции журнала «Молодая гвардия» за публикацию произведения, в котором «хотел того или не хотел автор, но в данном случае его языком говорит классовый враг» (Петров В. Из дневника комсомольского активиста // МГ. 1929. № 10. С. 94). О рассказе Веселого рапповская критика не забудет и в 1930 г., включит его и рассказ Платонова «Усомнившийся Макар» в ряд идеологически вредных произведений (см.: Безыменский А., Горбачев Г., Родов С. Пора окончательно ликвидировать родовщину! О демагогии без маски. Ответ Селивановскому // На лит. посту. 1930. № 10. С. 41). Проблема перерождения «бывших героев» поднималась и в других произведениях этого времени. См., например, в книге С. Малашкина «Поход колонн», написанной на материале ЦЧО: «...Никитины, имея партийные билеты, поднимались к власти, благополучно жили, окапывались в своих хозяйствах, рождались с кулаками, с уездным мещанством, плодили обильно потомство, ржавели, плесневели» (Малашкин С. Поход колонн. М., 1930. С. 115).

С. 55. — *Озимые-то, говорят, все в Черноземной области померзли...* — Каждые десять дней на страницах газеты «Беднота» печатались сообщения метеорологических станций, присылаемые в Наркомзем РСФСР, о состоянии озимых в разных областях страны. В ЦЧО с января преобладала устойчивая, морозная погода с достаточным снежным покровом — все говорило о благополучном состоянии посевов. Тем не менее в некоторых статьях высказывались опасения о возможности частичной гибели озимей: «Исследования говорят, что обычно через каждые 2–4 года во второй половине зимы и рано весной происходит значительное повреждение озимей, причем гибель их иногда достигает 50 проц. и более» (Озол И.А. Взять под защиту озимые поля. Снежная мелиорация страхует хлеб от вымерзания и засухи // Беднота. 1930. 18 янв. С. 3). Вскоре опасения подтвердились: в начале марта в нескольких районах ЦЧО и других областей «увеличился процент гибели озимых» (Беднота. 1930. 5 марта. С. 4). Кроме того, весна оказалась ранней и бурной, а в конце марта — начале апреля наступило резкое похолодание (Беднота. 1930. 2 апр. С. 1).

— *Чего только кушать будем в будущем операционном году?..* — Операционный год начинался с 1 октября.

— Ты бы лучше кулацкий картуз надел на голову... — В советском агитационном искусстве (карикатурах и плакатах) кулак неизменно изображался в картузе.

...уходи, а то за тебя в соцстрах придется платить, прозодежду покупать, — ты ведь не член, от тебя заботы не оберешься... — Согласно Временным правилам, принятым 11 июля 1929 г., «трудовые крестьянские хозяйства страхуют занятых у них по найму рабочих лишь в добровольном порядке. Если же они не страхуют своих рабочих, то в случае какого-нибудь несчастья с рабочим, а также в случае болезни или увечья наниматели обязаны сами обеспечить рабочего или работницу. Если наниматель желает застраховать рабочего или работницу, то он вносит в ближайшую кассу социального страхования три процента от заработной платы батрака или батрачки...»; «...необходимо добиваться того, чтобы закон о социальном страховании, которым устанавливается добровольное страхование в трудовых крестьянских хозяйствах, был широко использован нанимателями, и чтобы добровольное страхование возможно шире применялось» (*Шахновский Э.Б. Закон о труде батраков. М., 1929. С. 19, 20*).

Обед же в столовой совершался как можно бедней, дабы постоянно торчащим на усадьбе артели окрестным беднякам не казалось, что в артели сладко едят. — В начале 1930 г. в печати регулярно появлялись сообщения с мест о неудовлетворительном состоянии колхозных столовых: «Пища однообразная, приготовлена невкусно, работников, подготовленных и знакомых с организацией питания, нет, очереди, отсутствие самого необходимого оборудования — все это в столовых колхозов и совхозов можно встретить нередко. <...> В некоторых районах в общественных столовых питается только от 12 до 41 проц. коммунаров» (*Беднота. 1930. 15 марта. С. 1*). В качестве ответной меры был объявлен всесоюзный смотр общественного питания, который проходил с 15 марта до 1 мая 1930 г.

Сама артель находилась островом среди довольно просторного, если не моря, то озера единоличников. — Используется распространенная в языке времени формула: «остров» (что-то единичное, новое) среди «моря/океана» (старое, пока преобладающее). См., например: «Среди сплошного моря единоличных крестьянских хозяйств постепенно вырос социалистический островок» (*На родине энтузиастов // Нов. жизнь. 1930. 20 февр. С. 2*); «Там, где год назад колхозы составляли островки в океане мелких, распыленных крестьянских хозяйств, мы сейчас имеем районы сплошной коллективизации...» (*Мнухин И. О перестройке партийной работы в деревне // Правда. 1930. 2 марта. С. 3*); «...мечтая о пролетарском островке среди великого крестьянского океана» (*Леонов Л. Соть // НМ. 1930. № 1. С. 42*).

Бедняцкий актив ближних деревень, а также советско-партийные организации давно имели желание сделать эту артель центром, источником опыта общественно-классового хозяйства для большого колхоза-комбината. — Комбинаты — одна из форм крупного колхозного строительства, сельскохозяйственное предприятие «с единым производственным планом, с общим энергетическим центром, с последовательным применением системы машин, с полным обобществлением всех средств производства <...> входящее в общую систему единого планируемого социалистического народного

хозяйства» (Никулихин Я. Проблема агроиндустриальных комбинатов // *На агр. фронте*. 1930. № 1. С. 41). Так задачи комбината определены в очерке С. Третьякова: «Комбинату, вернее, кусту, “колхозу колхозов” в первую очередь надо найти формы, как между собою срастить колхозы разной мощности, разной закредитованности, разной обобщественности и разного стажа, как слить их, чтобы не снизить той хозяйственной озабоченности судьбами своего коллективного предприятия, которая является стимулом колхозника...» (Третьяков. *Вызов*. С. 214). Организация первых агроиндустриальных комбинатов началась в 1928 г. В начале 1930 г. массовое строительство комбинатов предполагалось после решения самых неотложных проблем коллективизации. Так, председатель правления Колхозцентра Г.М. Каминский подчеркивал: «...сегодня у нас на очереди стоят совсем не агрокомбинаты: к ним надо сейчас только готовиться. Разрабатывать их планы, стягивать местные средства, организовать колхозстрои. А сейчас, сегодня нам нужно в колхозах ставить хотя бы временные большие скотные дворы, разрешить вопросы силосования <...> Начинать нужно нам не с агрокомбинатов, а с навозного дела» (Сперва скотные дворы и силосы, потом — комбинаты // *Беднота*. 1930. 7 янв. С. 3). Тем не менее в начале 1930 г. Колхозцентром было намечено строительство 10 показательных колхозных комбинатов в разных областях СССР. «Один из них должен быть в ЦЧО. И он строится здесь, на Усманском массиве, на площади в 100 тыс. га. Его полное имя — Донской агроиндустриальный комбинат имени тов. Сталина» (Озерский Ал. На полях черноземья // *Наши дост.* 1930. № 3. С. 63).

С. 56. ...их даже при первом случае могли вычистить из членства. — Целью чистки колхозов называлось исключение кулацких элементов, проникших в коллективы. Так, на Пленуме областного исполнительного комитета ЦЧО прозвучал призыв: «...немедленно, более решительно и энергично провести чистку органов управления и контроля, а также самого членского состава колхозов от кулаков, всякого рода разложившихся элементов...» (Коммуна. 1930. 4 янв. С. 1). Однако на практике под чистку нередко попадали неугодные крестьяне: «...при чистке колхоза много вычистили середняков и бедняков за самокритику, некоторых из них даже раскулачили...» (Чистка середняков и бедняков // *Нов. деревня*. 1930. 31 марта. С. 4. Подпись: Селькор).

...все маленькие, точечные колхозы, как и артель, варились в своем делеческом соку. — *Вариться в собственном соку* — фразеологизм, употреблявшийся при описании опасной замкнутости коллективов. См., например: «...колхоз “Батрак” <...> в настоящее время <...> растет один, варясь в своем жидком классовом соку» (Медяков Ал. Дать живое руководство «Батраку» // За сплошную коллективизацию. 1930. № 2–3. С. 57).

Интересно еще сообщить, что в артели было всего два трактора. ~ Что же будет в артели, если снабдить ее тракторами, удобрением... — Ср.: «И все это [хозяйственная энергия] в районах, где почти нет тракторов (за исключением нескольких штук в старых колхозах) и где их совсем не обещают и на нынешний год. Что же будет, когда в каждую деревню потянутся стальные кони?» (Преображенский Е. По районам сплошной коллективизации (Проблемы колхозного движения. Впечатления) // *Правда*. 1930.

16 марта. С. 3). В ЦЧО большая часть тракторов была сосредоточена «в старых, более мощных колхозах, причем <...> использование тракторов в хозяйстве более рациональное, чем в новых колхозах» (Социалистический сектор сельского хозяйства ЦЧО в 1928–1929 гг. Совхозы и колхозы. Воронеж, 1929. С. 47). В области применяли почти исключительно фосфорные удобрения (см.: *Чаянов, Дукин*. С. 38), которых не хватало: «ЦЧО ощущает большой недостаток в минеральных удобрениях» (XVI Всесоюзная конференция ВКП(б). Дневник конференции // *Правда*. 1929. 25 апр. С. 1).

...ударный труд... — Начало ударничеству как одной из форм социалистического соревнования было положено в 1929 г.: «Рожденные самими массами в период социалистической реконструкции хозяйства, ударники показывают изумительные темпы коммунистического труда, новые образцы прекрасной дисциплины на производстве» (*Календарь коммуниста*, 1930. С. 192). В 1930 г. звучат призывы перенести опыт первых ударных бригад и заводов в колхозы и совхозы. (См. также примеч. к повести «Котлован», с. 573–574 наст. изд.)

С. 57. ...окрисполком... — окружной исполнительный комитет.

— *Ваша артель вроде кулацкого товарищества на трудовых паях... — Товарищество на паях* — распространенное в России до 1917 г. объединение, каждый участник которого вносил свою долю (пай) в общее дело.

Под религиозный праздник пасхи... — В 1930 г. православная Пасха приходилась на 20 апреля. «Антипасхальная кампания в нынешнем году совпадает с празднованием пятилетия существования союза воинствующих безбожников как всесоюзного объединения» (*Зарин П.* Пятилетие союза воинствующих безбожников // *Нов. жизнь*. 1930. 10 апр. С. 6).

...колхоз «Сильный Поток»... — Название колхоза отсылает к главному тезису партийных выступлений конца 1929 — начала 1930 г. — о массовом характере коллективизации на новом этапе: «В чем состоит новое в нынешнем колхозном движении? Новое и решающее в нынешнем колхозном движении состоит в том, что в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами» (*Сталин И.В.* Год великого перелома // *Правда*. 1929. 7 ноября. С. 2); «...колхозное движение, принявшее характер мощной нарастающей антикулацкой лавины, сметает на своем пути сопротивление кулака, ломает кулачество и прокладывает дорогу для широкого социалистического строительства в деревне» (Из речи И.В. Сталина на конференции аграрников-марксистов // *Правда*. 1929. 29 дек. С. 3); «...основная масса крестьянства — батраки, бедняки и середняки — лавиной хлынули в русло коллективизации. <...> Теперь, как во время весеннего половодья, крестьянские массы широким и бурным потоком двинулись в колхозы, беспощадно уничтожая и сметая все препятствия на своем пути» (Доклад М.И. Калинина на объединенном заседании Центрально-Черноземного областного исполкома и Воронежского горсовета рабочих и красноармейских // *Правда*. 1930. 3 марта. С. 3).

С. 58. — *Ты всегда управись войти в членство, — говорили Филату руководящие лица. — Ты же человек в классовом размере абсолютный!* — В начале 1930 г. перед организаторами колхозного движения партийное руководство поставило задачу — вовлечь в сельскохозяйственные коллективы

максимальное число батраков (лозунг кампании: «Ни одного батрака — вне кооперации»). Намеченные ранее цифры (300 тысяч батраков, вовлеченных в колхозы) признавались недостаточными, «бурный рост колхозного движения» вносил коррективы и в эти показатели — число батраков-колхозников следовало довести до 1 миллиона, а в районах сплошной коллективизации — вовлечь всю батрацкую массу: «В этом отношении 1930 год будет переломным. В этом году намечается *вовлечь в колхозы миллион батраков*. Таким образом, *в колхозы вовлекается все батрачество*, за исключением тех, которые пойдут на работу в совхозы» (Миллион батраков — в колхозы // Правда. 1930. 21 янв. С. 7). По областям велся учет батраков: «В ЦЧО насчитывается 148 000 батраков. В их составе бездворники составляют 10 000 чел., или 6,7 проц. всего батрачества» (Беднота. 1930. 12 янв. С. 2); составлялись отчеты о ходе кампании по вовлечению батрацких масс в колхозы. При этом на практике батраков принимали в колхозы неохотно, отказывая им под разными предлогами (наиболее частый повод для отказа — избыток рабочих рук): «...в одном колхозе подано батраками 50 заявлений о приеме их в члены. Но из них принято только 11 человек, 4 батракам дан отказ, а заявления остальных еще не разобраны» (Никулин А. Как идет вовлечение батрачества в колхозы // Беднота. 1930. 21 марта. С. 3); «Отсутствие средств производства у батрака, его бедность ставит его в несколько специфическое положение при его вхождении в колхоз. Но и само вхождение в колхоз политикой и практикой колхозных органов не всюду и не особенно поддерживается» (Замечания председателя ЦК профсоюза сельхозлесрабочих Н.М. Анцеловича по проекту постановления ЦК ВКП(б) о кулаке, подготовленному подкомиссией Я.А. Яковлева, не позднее 25 янв. 1930 г. // Трагедия советской деревни, 2. С. 121–122).

Была ли открыта дверь в избу, покачнулся ли плетень, иль просто петух ходил отдельно от кур, — Филат притворял дверь, устанавливал плетень и подгонял к курам петуха. ~ Когда у кого рождала баба, звали Филата вести хозяйство и смотреть за малыши детьми... — Филат, терпеливый, смиренный человек, — один из центральных образов в повести Платонова «Ямская слобода» (1927). Ср.: «Филат <...> жил разным слободским заработком: он мог чинить ведра и плетни, помогать в кузнице, замещал пастуха, оставался с грудным ребенком, когда какая-нибудь хозяйка уходила на базар...» (Сочинения, 2. С. 214).

Такого человека правление колхоза решило принять в члены на первый день пасхи, дабы вместо воскресенья Христа устроить воскресенье бедняка в колхозе. — По мнению идеологов нового быта, церковь выполняет в жизни народа исключительно обрядовую функцию: «Веры нет или почти нет <...> Элемент рассеяния, отвлечения и развлечения играет в церковной обрядности огромную роль. <...> Чтобы освободить широкие массы от обрядности, от бытовой церковности... можно вытеснить новыми формами быта, новыми развлечениями, новой, более культурной театральностью» (Троцкий Л.Д. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М., 1923. С. 35, 36). Новые праздники утверждались через противопоставление событиям церковного календаря, получавшим соответствующее идеологическое толкование: «Пасха — праздник воскрешения власти буржуазии и помещиков,

а 1 мая — праздник воскрешения рабочего класса из капиталистического рабства к радостной свободной жизни, к творчеству нового социалистического общества» (Коммуна. 1930. 20 апр. С. 3). В «пасхальном» номере «Коммуны» эта тема была продолжена публикацией стихотворения В.В. Маяковского «Наше воскресенье» (1923): «Мы не в церковке / тесной и грязенькой / Будем кукситься в праздники наши, — / Мы / свои установим праздники / И распряднуем / в грозном марше. / Не святить нам столы усеянные, / Не творить / жратвы обряд, — / Коммунистов воскресенье / 25 Октября. / В этот день / В рост весь, / Меж буржуазной паники, / Рабочий воскрес, / Воскрес — / И стал на ноги» (Коммуна. 1930. 20 апр. С. 3).

... *Филата одели в роскошную чистоплотную одежду, взяв ее из колхозного кооператива...* — В печати сообщалось о необходимости создания фондов финансирования колхозов: «На полученные средства колхозы должны выдавать батракам продукты натурой, а также выдавать им единовременные денежные вспомоществования на покупку рабочей одежды» (Беднота. 1930. 14 марта. С. 4). При этом, как правило, в кооперативе не было самого необходимого — мыла, махорки, спичек, сахара.

... *а старую одежду Филата повесили в особый амбар, который назывался «Музеем бедняка и батрака, жившего в эпоху кулачества как клас-са».* — Во второй половине 1920-х гг. правительство принимает ряд документов, предусматривающих реорганизацию музейной работы. За музеями закрепляется просветительско-пропагандистская функция: они должны участвовать в изучении того или иного края с точки зрения истории революционного движения, классовой борьбы и быта трудящихся. Весной 1930 г. после IV Всероссийской конференции по краеведению разворачивается борьба со старыми «реакционными» специалистами-краеведами, музейная работа целиком подчиняется задаче содействия социалистическому строительству. Происходит перепрофилирование старых музеев, организуются музеи при предприятиях и колхозах, в рамках соцсоревнования музеи и краеведческие общества заключают договоры на скорейшее развертывание работ по изучению колхозов, заводов, фабрик, по максимальному втягиванию в эту кампанию рабочих и крестьян. Музейные экспозиции составляются из материалов по новому быту, посвящаются злободневным социально-политическим вопросам и производственно-экономическим достижениям: коллективизации, индустриализации, антирелигиозной борьбе. Н.К. Крупская писала: «Для нас музей не кунсткамера и не коллекция раритетов, не кладбище с монументами, не эстетическая галерея, наконец, не закрытое собрание для немногих. Для нас музей есть политико-просветительный комбинат, на базе научно-исследовательской работы, показывающий свои собрания, и показом, наглядными представлениями рассказывающий трудящимся массам о природе и человеческом обществе об исторических формах классовой борьбы, о борьбе за социализм, о великом социалистическом строительстве» (Советский музей. М., 1931. № 1. С. 5).

С. 60. ...*сошел с поезда уже в Острогжском округе...* — Зимой — весной 1930 г. Острогжский округ стал самым неблагополучным округом ЦЧО. В гонке за процентом коллективизации округ вышел на первое место,

уже к 10 февраля 1930 г. достигнув почти стопроцентного охвата колхозами (98,5%). Лидировал округ и по количеству крестьянских восстаний: «...только в одном Острогжском окр. с 12 января по 14 февраля было 16 кулацких массовых выступлений <...> В отдельных местах толпы выступавших достигали двух и больше тысяч человек. Часть выступлений носила полуповстанческий характер. <...> Шесть кулацких выступлений в Острогжском окр. пришлось ликвидировать при помощи вооруженной силы» (Доклад И.М. Варейкиса в ЦК ВКП(б) о ходе коллективизации и о мероприятиях по ликвидации кулачества в ЦЧО // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 230). Округ пережил особенно острую нехватку продовольствия: «По-прежнему наиболее неблагоприятно с продовольствием в Острогжском окр., где по ряду пунктов население питается исключительно суррогатами» (Спецсводка ОГПУ о подготовке к уборочной кампании, коллективизации и раскулачивании на 30 июня 1930 г. // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 500).

...на родине ценнейшей во всем СССР михновской овцы. — На территории ЦЧО овцеводство начало развиваться с XVII в. — шерсть поставлялась на местные суконные фабрики, открытые Петром I. «С тех пор здесь появилось три новых товара, пользовавшихся хорошим спросом, — сукно, шерсть и племенные овцы. В особенности племенное овцеводство привилось и развилось среди черкасов, проживавших в Острогжске» (Историко-статистическое описание Воронежского края. Воронеж, 2012. С. 121). В XIX веке овцеводство считалось «наиболее развитой и самой прибыльной отраслью скотоводства» в Воронежской губернии (Список населенных мест Воронежской губернии, по сведениям 1859 г. СПб., 1865. С. XXXIX). Социально-экономические потрясения первых десятилетий XX в., отразившиеся на всем хозяйстве области, нанесли серьезный удар и по животноводству. В 1926–1928 гг. Воронежская сельскохозяйственная опытная станция по заданию комиссии по овцеводству при Совете труда и обороны провела обследование овцеводства ЦЧО. Обследование показало, что овечье стадо сильно уменьшилось по сравнению с довоенными показателями и больше всех пострадала бывшая Воронежская губерния. Правительство предпринимает ряд мер, направленных на восстановление овцеводства: проводятся экспедиционные обследования, организуется сеть опытных станций, в пятилетнем плане предусматривается ассигнование средств, создается акционерное общество «Овцевод», устраиваются съезды по овцеводству (первый планировался в феврале 1930 г., но был перенесен на конец июня), организуются экспедиции в районы, исторически связанные с овцеводством. В ЦЧО проводится исследование климатических, кормовых и бытовых условий разведения овец, а также изучаются местные породы (кучугуровская и михновская) «ввиду хорошей их продуктивности и широкого использования в целях улучшения крестьянского овцеводства целого ряда районов Союза ССР» (Овцеводство. 1930. № 1. С. 152). Однако весной 1930 г. появляются планы по переносу всего овцеводства из европейской части СССР в среднеазиатские республики, в Казахстан и Киргизию, что должно было привести к исчезновению многих пород, в том числе михновской. Об отрицательных последствиях этого решения предупреждают ученые (см.: *Иванов М.Ф.*

Угроза овцеводству в СССР // Известия. 1930. 23 мая. С. 3). В острогожском совхозе «Викторополь», занимавшемся разведением уникальной «михновки», в начале 1930 г. не было ни специалистов-овцеводов, ни врача — заметки о тяжелом положении хозяйства печатались на страницах окружной газеты «Новая жизнь».

...сухих здоровых для овец пастбищ в округе нет, а сырые подлунные и заболоченные пастбища страшно заражены всевозможными инфекциями и в особенности почечной двуусткой овец. ~ отказались от разведения и выращивания овец, так как последние, поголовно пораженные фасциолезом, гибнут тысячами на заболоченных пастбищах. — Одним из главных ветеринарно-санитарных вопросов развития овцеводства стала проблема распространения среди овец глистных заболеваний, причиняющих значительный урон овцеводству. С 25 июня по 25 сентября 1929 г. в ЦЧО работала гельминтологическая экспедиция. Результаты обследований публиковались в начале 1930 г. в только что созданном журнале «Овцеводство», обсуждались и на I Всесоюзном съезде по овцеводству (конец июня 1930 г.). Ученые пришли к выводу: «...бич овцеводства — фасциолез» (Баскаков В.П. Предварительные данные гельминтологической экспедиции в ЦЧО // Овцеводство. 1930. № 2–3. С. 147); «В некоторых случаях уничтожение им взрослых овец доходит до полных ста процентов...» (Зеленин. Профилактика в овцеводстве // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1930. № 9–10. С. 136). Фасциолез представляет собой глистное заболевание, «вызываемое трематодой *Fasciola hepatica* 1758, которая обычно локализуется в печени (желчных ходах) окончательного хозяина (овца, коза, крупный рогатый скот, другие травоядные животные и человек)» (Сельское хозяйство РСФСР. Бюллетень Наркомзема РСФСР. 1930. № 13–14. С. 29–30). Признаки фасциолеза, условия возникновения этого заболевания, методы предупреждения и лечения освещались в специальных книгах и сельскохозяйственных журналах: «Овцеводство», «Скотоводство», «На стройке социалистического животноводства», «Социалистическое животноводство», «Практическая ветеринария» и т. д. Острогожская газета «Новая жизнь» сообщала о зараженности глистами всего поголовья михновской овцы в совхозе «Викторополь» (см.: Бедные овечки // Нов. жизнь. 1930. 24 февр. С. 4; На борьбу с глистами у овец // Нов. жизнь. 1930. 26 апр. С. 4).

...и население, и ветперсонал убедились в совершенной бесцельности всякого лечения при наличии заболоченных пастбищ, так как овцы каждую минуту, с каждым стеблем болотной травы получают все новую и новую порцию глистов. — В разработанной специалистами инструкции по борьбе с фасциолезом назывались главные источники заражения животных: пастбища и пресноводные водоемы. «При колоссальном количестве образующейся при фасциолезе заразы достаточно одного хотя бы временно заболочиваемого участка, чтобы повторно заражать большое количество овец <...> Очень опасными в этом отношении являются низкие, поросшие осокой и кислыми травами затопляемые от времени до времени берега небольших рек и ручьев, текущих по лощинам, — обычный приют во время летних жар для стад и пастухов» (Зеленин. Профилактика в овцеводстве // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1930. № 9–10. С. 138); «Зараженные

старые низменные сырые пастбища и водоемы рекомендуется закрыть для пользования овцами не менее чем на 2 года, если представляется возможность заменить их незараженными, или же принять меры к их обезвреживанию путем осолонения хлористым натром (поваренной солью), а также медным купоросом...» (Сельское хозяйство РСФСР. Бюллетень Наркомзема РСФСР. 1930. № 13–14. С. 29–30).

...окрветотдел в своих докладах и планах считает мелиорацию — осушение болот и заболоченных пастбищ — единственным средством избавить овцеводство от постоянной угрозы гибели... — Окрветотдел — окружной ветеринарный отдел. В статьях и выступлениях специалистов по овцеводству мелиорация определялась как главное средство борьбы с источниками заражения животных и считалась основным мероприятием по оздоровлению пастбищ: «решительные результаты по искоренению фасциолеза можно получить путем уничтожения промежуточного хозяина фасциолеза — улитки-прудовика. Проще, но и дороже всего это достигается дренажем мест, на которых пасутся овцы: если нет влаги, нет и прудовика. Дренаж, как он ни дорог, содействует значительному улучшению лугов и повышению их доходности, так что он производится обычно в этих целях» (Зеленин. Профилактика в овцеводстве // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1930. № 9–10. С. 138). В 1930 г. в ЦЧО проходила комплексно-мелиоративная научно-исследовательская экспедиция «на поймы рек: Тихой Сосны, Черной Калитвы и Осереды для изучения геоботаники, почв, гидрологии и гидрогеологии пойм указанных рек в целях использования их под скотоводные колхозы» (Хозяйство ЦЧО. 1930. № 6–7. С. 241).

С. 61. *...это было не только до появления здесь овцы, но и до человека, — еще прежде оседания первых поселений людей по берегам Тихой Сосны... —* О древности заселения Острогожского округа свидетельствуют памятники археологии: «Только в самом городе насчитывается 6 поселений и курганных групп, датирующихся эпохой бронзы и раннего железа (1-е тыс. до н. э. — VIII–IX вв.) (Абасов А.М. История Острогожчины (К 350-летию освоения края). Воронеж, 1997. С. 9).

Злокачественная, хроническая малярия сильно распространена среди жителей долины Тихой Сосны. — Проблема нашла отражение в служебной записке Платонова «Характер отложений, слагающих пойму реки Тихая Сосна» (1925): «Все жители больны маляр<ией>, 100%...» (Записные книжки. С. 317). А также в местной печати: «...болота стали рассадниками малярии и эпизоотических заболеваний. Сейчас, по данным бактериологической станции, все население заражено малярией: смертность, особенно среди детей, превышает все другие районы округа...» (Очистка Тихой Сосны. Как образовались болота // Нов. жизнь. 1929. 16 февр. С. 5. Подпись: З<енкевич А.>)

Эта борьба с природой за десятки тысяч гектаров заболоченных площадей началась в 1925 году. ~ сами работы с 1927 года механизированы, то есть чистит и углубляет реку не человек, стоящий с лопатой в воде, а плавающий экскаватор... — В основе фрагмента — история гидротехнических работ в Острогожском округе, проводившихся при участии Платонова. В период работы в Воронежском ГЗУ в 1924–1926 гг. Платонов добивался получения экскаватора, необходимого для проведения регулировочно-осу-

шительных работ в губернии; вел переговоры с инженером И.Г. Райхером о приобретении землечерпалки его конструкции, одновременно обращался в Наркомзем. В конце 1925 г. Наркомзем выделил губернии экскаватор «Мария», который был доставлен в 1926 г., а начал работу лишь в августе 1927 г., уже после отъезда Платонова в Москву. Однако Платонов продолжал следить за ходом работ на реке Тихая Сосна. Подробно об истории проекта осушительных работ на реке Тихая Сосна см.: Антонова Е.В. Окружение Платонова: мелиораторы братья Зенкевичи // *Страна философов*, 2017. С. 378–389. Детали этой истории нашли отражение в платоновских статьях «Мелиоративные работы в нашей губернии» (1924) и «Огни Волховостроя» (1924), служебной записке «Характер отложений, слагающих пойму реки Тихая Сосна» (1925), заметке «Мелиоративное достижение» (1926), в наброске к очерку о Тихой Сосне (1929), в сценарии «Машинист» (1930). См. примеч. к статьям: *Сочинения*, 1(2). С. 473–476, 478–481; примеч. к сценарию: *Сочинения*, 4(2). С. 740–743, 750–751.

...разрушая слежавшиеся наносы и карчу... — Нанос — нанесенный водой слой (галка, песок, ракушечник и др.). Карчей называют засоряющие реку коряги, ветвистые обломки, деревья и пр., опасные для рыболовов и судов.

*Насколько население заинтересовано в успехе работ, видно из того, что участие населения в затратах (преимущественно натуральным трудом) составляет 52 процента исполнительной сметы. — См. запись в записной книжке: «На осушке сред<ств> нас<еления> — 52%» (Записные книжки. С. 24). О заинтересованности населения в проведении работ сообщалось и в окружной газете: «Население присосненских слобод, испытывая весь ужас от все увеличивающихся болот, с первых же дней работ почти поголовно объединилось в мелиоративные товарищества, чтобы участвовать в их проведении своим личным трудом» (Очистка Тихой Сосны. Как образовались болота // *Нов. жизнь*. 1929. 16 февр. С. 5. Подпись: З<енкевич А.>).*

С. 62. *...добавочным лозунгом на вывеске колхоза, взятым из метрической системы: «Всем угнетенным народам — на долгие времена». — Метрическая система — международная система мер, основанная на использовании метра и килограмма. В 1875 г. семнадцать государств подписали Метрическую Конвенцию, после чего было организовано Международное бюро мер и весов. В России метрическая система была допущена с 1899 г., а в качестве обязательной в СССР введена Постановлением СНК от 21 июля 1925 г. «О признании Международной метрической конвенции, заключенной в Париже 20 мая 1875 года, имеющей силу для СССР». Несмотря на ряд государственных мероприятий в поддержку новой системе, она с трудом входила в советский быт (см. об этом примеч. к повести «Город Градов»: *Сочинения*, 2. С. 555, 617). О метрической системе, ее истории и политико-идеологическом значении рассказывала книга Л.Д. Исакова «На все времена, для всех народов. Очерки по истории метрической системы» (Пг., 1923), завершавшаяся словами: «Слишком мало еще на свете вещей, которые объединяют людей, и слишком много того, что их разделяет; но тем драгоценнее для нас это немногое, ибо оно лишь и дает ту почву, на которой можно строить — на все времена, для всех народов» (С. 91).*

С. 62–63. — *А ты не кадр? ~ Ну а вдруг ты ложный!* — В диалоге нашел отражение комплекс кадровых проблем эпохи. С одной стороны, значительная часть специалистов (прежде всего, сельского хозяйства) по своим политическим взглядам считалась неблагонадежной и даже враждебной. «Специалист не только должен иметь технические знания, но и уметь проводить политическую линию, диктуемую партией» (Известия. 1930. 23 янв. С. 1). О «неблагополучии» социального состава агротехнического персонала в ЦЧО свидетельствовали цифры: «на 163 агронома и техника по сельскому хозяйству насчитывается всего только 1 член ВКП(б) и 2 комсомолец» (Беднота. 1930. 25 апр. С. 4). С другой стороны, распространенным стало явление, когда работники занимали должности, не имея необходимого образования: «...в Строительном управлении ВСНХ РСФСР из 16 чел, которые утверждают строительные планы и проекты, т. е. производят работу, требующую высокой квалификации, 6 человек не имеют соответственного образования» (*Календарь коммуниста*, 1930. С. 180); «Для борьбы с лжеспециалистами Президиум ВЦИК установил, что медицинские и фармацевтические работники при поступлении на службу по своей специальности обязаны предъявлять документы, свидетельствующие об их специальном образовании» (Борьба с лжеспециалистами // Известия. 1930. 12 янв. С. 2).

С. 63. — *А отчего электричество железо любит, а стекло не уважает?..* — По электрическим свойствам все тела делятся на проводники, имеющие свободные заряженные частицы (металлы являются твердыми проводниками), и на диэлектрики, обладающие малой электропроводностью (например, стекло).

...мы хотим сделать тут такой колхоз, чтоб он был, как автомобиль-форд, годен по организационной форме и мужику-африканцу, и бедняку-индейцу. — Генри Форд (1863–1947) — американский промышленник, изобретатель конвейерной системы (в 1915 г.). Автомобили, созданные на заводах Форда, благодаря простоте сборки и невысокой себестоимости получили широкое распространение по всему миру, в том числе в Советском Союзе (легковые автомобили: сначала модель «Т», а с 1926 г. модель «А»). Организационные идеи Форда, изложенные им в работах «Моя жизнь и работа» (1922), «Сегодня и завтра» (1926), «Движение вперед» (1930), имели большую популярность в СССР, их разработкой занимался Центральный институт труда под руководством поэта А. Гастева: «...стандартизация и фордизация открывают широкие перспективы облегчения труда рабочих масс, замены большинства процессов личного труда работой машины и, главное, общего сокращения рабочего времени» (*Лобач-Жученко М. Искания и утопии в области производства // Жизнь и техника будущего*. С. 219); «Свои организационные методы Форд считает всеобщими, т. е. такими, которые могут быть применены к любым предприятиям, в любых условиях» (*Михайлов А. Система Форда*. М.-Л., 1930. 2-е изд. С. 31, 33). Идеи книги Форда «Сегодня и завтра» нашли отражение в повести «Сокровенный человек» (1927) (см. об этом: *Корниенко Н.В. История текста и биография А.П. Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь*. 1993. № 1. С. 91–92).

...и мужику-африканцу, и бедняку-индейцу. — Нарастание протестных настроений в колониях — одна из постоянных тем в зарубежных обзорах

советских газет начала 1930 г.: «Борьба угнетенных колониальных народов против империалистических эксплуататоров обнаруживает за последнее время серьезный подъем, опоясывая земной шар острыми революционными вспышками. <...> В крупнейших колониях империализма пришли в движение гигантские пласты угнетенных масс» (Правда. 1930. 7 янв. С. 1); «За последние месяцы по самым отдаленным углам земного шара прокатилась волна революционных восстаний против мирового империализма. <...> Очень важно отметить, что в них участвуют самые угнетенные отряды мирового крестьянства» (*Колх. правда*. 1930. 7 февр. С. 1). Африка — один из центров колониальных восстаний; о том, что там происходит, почти ежедневно сообщали газеты, см., например: «Пробудившаяся стомиллионная негритянская Африка раньше или позже сметет владычество международных империалистов» (Беднота. 1930. 5 янв. С. 4).

О внимании заграницы к советскому колхозному строительству говорили партийные лидеры, см., например доклад М.И. Калинина на объединенном заседании Центрально-черноземного областного исполкома и Воронежского горсовета: «Теперь частенько среди наших заклятых врагов за границей раздаются голоса о том, что если коллективизация пройдет удачно, то это будет исключительное явление. Один германский буржуазный публицист прямо заявил, что в таком случае, пожалуй, придется признаться в том, что весь мир надо перестроить по большевистским методам» (На путях сплошной коллективизации // Правда. 1930. 3 марта. С. 3). Эта международная тема должна была вдохновлять колхозников в их повседневной работе — см. характерные фрагменты из очерков С. Третьякова: «Для иностранных крестьян — китайских, американских, индийских — сегодня слово “колхозник” — это как солнце. Американские капиталисты прямо говорят: если коллективизация удастся, не совладать нам с Союзом, всех конкурентов своей пшеницей Советский Союз забьет» (*Третьяков. Вызов*. С. 301); «Видите, колхозники <...> что в Индии делается. Там триста миллионов населения. Это ваши союзники. Вы здесь кулаков повыгнали, да бандитов, да помещиков, а они за это дело сейчас берутся. <...> А то, что вы посевной план выполнили и бригадой к “Победе” на помощь пойдете, это индусам такая помощь, что целого склада снарядов стоит» (*Третьяков. Месяц в деревне*. С. 253).

...СССР — самая передняя по революции держава! — После XV партсъезда в статьях и выступлениях И.В. Сталина, направленных против троцкистско-зиновьевского блока, провозглашается независимость российского революционного процесса от запаздывающей мировой революции. Это не отменяло цели распространения коммунистической революции за пределами советских границ, но выдвигало на первый план задачу построения социализма в единственной стране диктатуры пролетариата вне зависимости от темпов развития революционного движения в других государствах. В партийных документах и печати подчеркивалась ведущая роль Советского союза в мировой революции: «С каждым днем пролетарская революция все больше и больше завоевывает трудящиеся массы всего мира. Наша страна пролетарской диктатуры является важнейшим фактором мировой пролетарской революции, отечеством пролетариев всего мира...» (Приказ Революционного

Военного совета СССР от 23 февраля 1930 // *Крест. газ.* 1930. 23 февр. С. 1); «...революционная борьба пролетарских и полупролетарских слоев деревни все больше воздвигается на высшую ступень и, связываясь непосредственно с общей революционной борьбой рабочего класса, превращается в последний и решительный бой всех трудящихся за их победу, за мировую революцию» (*Ясинская.* В борьбе за мировую революцию // *Крестьянка.* 1930. № 4. С. 9).

С. 64. *В то прошедшее время он скупал в земельных обществах овраги... — Земельные общества — органы крестьянского самоуправления в дореволюционной России: «...земельные наделы нарезались не отдельным крестьянам, а целым селениям — сельским обществам. Сельское общество отвечало за всех своих односельчан, а потому и земля считалась принадлежащей не отдельным дворам, а всему сельскому обществу, которое и распоряжалось землею»* (*Дембо Л.И.* Крестьянский двор и земельное общество. Л., 1926. С. 23). Земельные общества сохранились и после революции, утратив часть своих функций. С началом сплошной коллективизации земельные общества постепенно ликвидировались или переходили под контроль сельских советов.

...ему хотелось иметь хоть какое-нибудь имущество, чтобы сознавать свой смысл жизни в государстве. — См. в статье Платонова «Почему мы, городские рабочие, — коммунисты» (1920): «...характеру крестьянина присуща любовь к собственности, влечение к ней, и сознание, что только собственность дает человеку значение и силу в обществе. А это и есть самая яркая особенность и сущность буржуазии» (цит. по: *Антонова.* С. 513).

Такие места ему доставались дешево: однажды за полведра водки он скупил в волости все болота и песчаные угодья. — Фрагмент отражает реальную практику крестьянских сделок, сохранившуюся и после революции, см.: «Широко распространенным явлением на сходах стало употребление спиртных напитков. Ни одно важное дело в деревне, будь то земельный передел, сдача в аренду общественных угодий, раздел леса и т. п. не обходилось без выпивки. <...> Во время земельных переделов в этом селе всегда оставался небольшой участок нераспределенной земли, который сдавался по предложению группы так называемых горлопанов “на пропой”» (*Есиков С.А., Есикова М.М.* Крестьянская община (земельное общество) в общественно-политической и хозяйственной жизни доколхозной деревни в 1920-е годы (на материалах Тамбовской губернии). Тамбов, 2013. С. 23).

Шел он мимо помещичьего сада... — До революции садоводство в Воронежской губернии получило распространение главным образом в Землянском, Воронежском, Задонском и Бобровском уездах. Садоводством «занимались преимущественно помещики и торговцы фруктами, крестьяне же не уделяли разведению садов достойного внимания» (Историко-статистическое описание Воронежского края. Воронеж, 2012. С. 142).

...овраги и мочежинные владения. — *Мочежинные владения* — «место, на котором растут одни грубые резучие травы» (*Даль*).

С. 66. *И действительно, его уважали сельсоветы: — Вот, — говорили сельсоветы на Пашку, — идет наш сподвижник, узнетенный человек. ~ мы тебя в актив привлечем: нам весьма нужны подобные люди.* — С начала

января 1930 г. проводилась кампания по организации групп бедноты при сельсоветах: «Выполнить огромные задачи по коллективизации сельского хозяйства сельские советы могут, конечно, лишь при условии твердой поддержки батрацких и бедняцко-средняцких элементов деревни, всего деревенского советского актива. Вот почему основные положения требуют от сельсоветов, чтобы вся их работа строилась на основе вовлечения в нее широких рабочих, батрацких и бедняцко-средняцких масс. <...> Батраки и бедняки должны составлять основное ядро актива сельсоветов» (Основные положения об организации сельских советов в Союзе ССР. М., 1930. С. 4). Однако на деле кампания проходила слабо, темпы вовлечения бедняков были недостаточными, и 25 февраля ВЦИК принимает постановление «О работе советов по организации групп бедноты и батрачества». Документ предписывал в кратчайший срок закончить организацию групп бедноты при всех сельсоветах, а также «развернуть мероприятия по политическому воспитанию батрацко-бедняцких масс <...> систематическому выдвижению в советские органы бедняцко-батрацкого актива...» (Крестьянка. 1930. № 5. С. 2).

...Пашку привлекли к суду, как бродягу и непроизводительного труженика... — Бродяжничество, нищенство считались социальными аномалиями, наследием дореволюционной политической и экономической системы: «В советских условиях нищенство представляет собою одну из самых уродливых гримас нашей действительности» (Меньшагин В.Д., Эдельштейн А.О. Современное нищенство // Нищенство и беспризорность. М., 1929. С. 57). Важность борьбы с этими явлениями была отмечена в Программе РКП(б): партия «ведет решительную борьбу со всякого рода паразитизмом и тунеядством и ставит своей задачей вернуть к трудовой жизни каждого, выбитого из трудовой колеи» (цит. по: Программа и Устав РКП(б) с резолюциями партсъездов и конференций по организационным вопросам. М., 1924. С. 38). «Борьба с нищенством» — один из лозунгов второй половины 1920-х гг. В газетной хронике нашло отражение участие различных ведомств в борьбе с этим явлением: «Недавно состоявшееся всесоюзное совещание наркомов внутренних дел выработало ряд основных мер по борьбе с социальным паразитизмом» (Известия. 1926. 25 марта. С. 4); «Для проведения борьбы с нищенством при московском отделе социального обеспечения будет образована специальная комиссия...» (Известия. 1926. 8 апр. С. 4); «Совнарком РСФСР признал необходимым усилить борьбу с нищими-профессионалами» (Известия. 1929. 15 ноября. С. 2). Одновременно велась работа по изучению нищенства, составлялись классификации, на основе которых определялись меры социального воздействия. «Злостных нищих-профессионалов» предлагалось помещать в колонии и труддома. В отношении основной части «паразитирующих элементов» ставка делалась на исправительно-трудовое и культурно-воспитательное воздействие: «Вполне понятно, что вопрос о трудовом перевоспитании паразитирующих и возвращении их в группу социально-полезных представляет особый интерес в условиях советского строительства» (Меньшагин В.Д., Эдельштейн А.О. Современное нищенство // Нищенство и беспризорность. М., 1929. С. 115).

И тут мы, товарищи, подходим к культурной революции. — 1920-е гг. стали «эпохой культурничества» — с активным поиском путей преодоления

старой, буржуазной культуры, «перевоспитания масс» в соответствии с задачами советского государства (см. работы идеологов нового быта: Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина, Н.К. Крупской, А.В. Луначарского, Е.М. Ярославского, А.К. Гастева, А.Б. Залкинда и др.). Особое внимание культурной революции уделил XV съезд партии (декабрь 1927 г.), определивший программу культурного строительства и указавший на «необходимость усиления внимания идеологическому фронту и развернутого наступления на враждебную пролетариату идеологию» (*Авербах Л.* На путях культурной революции. 2-е изд., М.—Л., 1928. С. 113). В период начала сплошной коллективизации звучат призывы к резкому повышению темпов культурной революции в условиях обострения классовой борьбы: «Поэтому вопрос о необходимости усиления нашей активности по линии “третьего фронта”, фронта идеологического, культурного, поставлен особенно остро именно в последний период. <...> Побороть “врага внутри себя” в форме остатков мелко-буржуазной, анти-общественной, анти-социалистической психологии — это одна из первейших задач пролетариата в культурной революции» (*Столяров А.* Культурная революция и строительство социализма. М., 1930. С. 19).

...мы тебя отдадим в мужья одной сознательной бабочке... — Особая злободневность этого сюжета связана с тем, что в эпоху борьбы за новый быт «первым объектом для воспитания» была названа женщина, «обычно наиболее прочный и косный защитник старых заветов» (*Залкинд А.Б.* Революция и молодежь. М., 1925. С. 60). А потому «выросшая» сознательность и активность крестьянки становятся главным показателем успехов «культурной революции». Так, М. Горький в очерке «О женщине» писал: «Ей надобно понять, что если она сама считает или чувствует себя глупее мужчины, так это именно потому, что церковь и буржуазное государство “гасили ее душу”. Потому что никто не заботился о том, чтоб она была умнее мужчины. Было выгодно обратное» (*Наши дост.* 1930. № 3. С. 9). Изменившееся положение женщины в советском государстве был призван продемонстрировать и Первый всесоюзный съезд колхозниц, проходивший в декабре 1929 г. Через два месяца, 23 февраля, в преддверии 8 марта (отмечавшегося в 1930 г. особенно широко в связи с 20-летием первого Международного женского дня), ЦИК принимает специальное постановление о массовом выдвижении работниц и крестьянок на руководящую работу. Многие страницы деревенских газет и журналов посвящаются активным участницам колхозного строительства — см., например, статьи: «Председательницы сельсоветов — организаторы колхозов» (*Крестьянка.* 1930. № 4. С. 13); «У нас вожаки — женщины» (Там же. С. 16); «Выковываем женские кадры» (*Сельскохозяйственная работница.* 1930. № 4. С. 8); «Крестьянка и переделка быта деревни» (*За здоровый колхоз.* 1930. № 7–8. С. 4) и др.

С. 68. *...и участником трех строителей ~ и силосной башни.* — После посевной кампании первоочередной задачей стало возведение в колхозах конюшен, скотных дворов, амбаров, зерновых хранилищ, подвалов и других производственных построек. Особое внимание уделялось строительству силосных ям и силосных башен: «В ямах обычно силосуют малоценные корма, как бурьяны, сорняки, ботву корнеплодов и картофеля. Для силосо-

вания растений, засеваемых специально для силоса, лучше строить крупные силосные башни. При силосовании зеленую массу измельчают или на соломорезке, или косой, а для крупных башен — особой машиной. Затем эту массу укладывают в силосную яму или башню» (*Чаянов, Дукин. С. 77–78*). До 1929–1930 гг. силосование было редкостью, башни не строились, использовались ямы или траншеи. 10 апреля 1930 г. состоялось Всесоюзное совещание по строительству силосных башен, ям и траншей, получившее широкое освещение в печати. Совещание постановило начать массовое строительство силосных установок с 10 мая: «Ни один колхоз и совхоз не должны остаться без силосных установок» (*ЖКМ. 1930. № 10*). Промышленности было дано задание на изготовление отдельных стандартных частей силосных башен: «Совещание считает необходимым просить НКЗ СССР в срочном порядке *поставить перед промышленностью задачу производства в 1930–31 году не менее 20–25 тыс. стандартных силосных башен*» (*Беднота. 1930. 24 апр. С. 3*). При этом совещание признало, что приступить к массовому изготовлению силосных башен в 1930 г. невозможно: «ввиду неподготовленности к этому делу как промышленности, так и самого животноводческого хозяйства. Поэтому в 1930 г. главное внимание должно быть сосредоточено на строительстве силосных ям и траншей...» (*Там же*). В 1930 г. планировалось построить 163 силосных башни в ЦЧО (*Нов. деревня. 1930. 12 мая. С. 4*). Однако выполнению этих планов мешало отсутствие проектов и материалов (см.: *Заколдованный круг. Строительство силосных башен под угрозой срыва // Нов. деревня. 1930. 12 июня. С. 7. Подпись: И. Ш-н*).

...как над британским империализмом никогда не заходит солнце! — Обигрывается известное выражение об империи, над которой «никогда не заходит солнце». Так характеризуется могущество страны, у которой множество колоний: в XVI–XVII веках это была Испания, в XIX — начале XX в. — Британская империя. После окончания Первой мировой войны Британская империя достигла максимального расширения за всю свою историю, имела колонии на всех обитаемых континентах.

...мы добьемся, чтобы дым наших заводов застил солнце над Британией!.. — Тема отношений между СССР и Англией нашла отражение в произведениях Платонова 1927–1928 гг.: «Город Градов», «Сокровенный человек», «Война», «Надлежащие мероприятия», «Областные организационно-философские очерки». В конце 1929 г. были восстановлены советско-британские дипломатические отношения, разорванные в мае 1927 г. В апреле 1930 г. СССР и Великобритания заключили временное торговое соглашение. Вместе с тем в печати политика Британии, как и других империалистических государств, называется хищнической по отношению к колониальным странам и враждебной Советскому Союзу. В ответ на недружественные действия звучат призывы к увеличению темпов социалистической реконструкции хозяйства, поднятию производительности, выполнению планов: «Советский союз прекрасно понимает всю эту политику. Она не застанет нас врасплох. Она требует от нас еще более энергичной работы по социалистическому переустройству союзного хозяйства, по укреплению колхозного строительства, по ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации» (*В странах капитала // Крест. газ. 1930. 4 марта. С. 4*). Публикуются

и негативные прогнозы для английской промышленности: «Руководитель одной крупной английской фирмы так писал в секретном циркуляре о хозяйственном положении Англии: “Я считаю, что мы находимся на пути к длительному закату. Было бы весьма неразумно ожидать, что Англия снова добьется руководства в мировом хозяйстве”» (Первое мая 1930 года // Избачитальня. 1930. № 7. С. 3. Подпись: А.С.). «Все эти данные говорят о том, что депрессия в основных отраслях британской промышленности будет расти»; «В последний месяц потушены 10 доменных печей, и во всей английской сталелитейной промышленности работает сейчас всего лишь 141 доменная печь. 25 проц. рабочих, обычно занятых в сталелитейной промышленности, являются теперь безработными» (*Мерфи Дж.* Депрессия в британской промышленности // Правда. 1930. 15 июня. С. 2).

...какой-нибудь героический завод... — Героический завод — т. е. ударный завод, выполняющий производственную программу: «Только тот завод смеет называться ударным, который ни разу не сорвал промфинплана, который не стал тормозом пятилетки» (Резец. 1930. 17 марта. С. 1).

...пусть наш рабочий товарищ оставит черный кислый хлеб и кушает наш первый первач! — *Первач* — хлеб, сделанный из «лучшей, отсеянной от первого перемолу» муки (*Даль*); продукт лучшего качества. Ср. с фразой одного из героев колхозных очерков И. Дубинского: «Я за то, чтобы наши дорогие рабочие и любимые красноармейцы кушали не то что ржаной, но пшеничные булочки» (*Дубинский И.* Перелом. М., 1930. С. 28).

...ибо он был живым доказательством, что глупость есть лишь переходящее социальное условие... — Фрагмент вписан Платоновым в машинопись при переработке повести осенью 1930 г. В эпизоде о поумневшем «дурачке» Пашке очевиден отклик на популярную в литературе тему глупости как наследия прошлого, см., например, очерк М. Горького «Об умниках»: «Существует ли глупость, как “дар природы”? Я уверен, что не существует и что даже кретины, идиоты создаются не природой, а тою биологией, которая обусловлена — точнее: изуродована “бытом”, социологией. <...> Глупость — уродство разума, воспитанное и воспитываемое искусственно посредством давления на разум религией, церковью. <...> Буржуазная система воспитания масс — система фабрикации дураков» (*Наши дост.* 1930. № 10–11. С. 4).

...поехал в уральские степи. — Главный герой очерка «Первый Иван» приезжает осенью на юг Уральской области. Текст этого очерка был включен в первую редакцию повести «Впрок» (см.: наст. изд., раздел «Редакции»).

КОТЛОВАН (с. 69). — Студент: Журнал авангарда советской литературы (London). 1969. № 13–14. С. 3–113; Новый мир. 1987. № 6. С. 50–123.

Источники текста:

A — автограф (*ИРЛИ.* Ф. 780. Ед. хр. 7. Л. 1–152).

M1 — машинопись с правкой автора и исправлениями М.Ал. Платоновой (*ИМЛИ.* Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. А, 1–141).

M2 — машинопись с правкой автора, пометами и подчеркиваниями редактора (*ИРЛИ.* Ф. 780. Ед. хр. 8. Л. 1–135).

М3 — машинопись с правкой автора и пометами редактора (РГАЛИ. Оп. 1. Ф. 2124. Ед. хр. 71. Л. 1–137).

М4 — машинопись с исправлениями М.Ал. Платоновой (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. А, 1–141).

Фрагменты машинописей *М2* и *М3*, исключенные А. Платоновым в процессе правки и вынутые из машинописей (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1–15).

Датируется маем — осенью 1930 г.

Печатается по *М2*, с внесением исправлений по автографу.

Текст повести «Котлован» представлен автографом и сделанной с него машинописью — четыре экземпляра одной закладки. Автограф выполнен карандашом на оборотах разрозненных машинописей текстов самого Платонова, среди которых — страницы трех редакций повести «Город Градов»; начальные страницы очерка «Огни Волховстроя»; фрагменты киносценария «Песчаная учительница»; начало статьи «О постройке нового человека»; технические таблицы; письмо в сценарный отдел фабрики «Совкино»; машинопись очерка «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)» и др. В верхнем правом углу первого листа автографа — помета для машинистки: «4 экз<емпляра> на одной стороне листа». Все четыре экземпляра машинописи содержат сходную правку. В два первых (*М1* и *М2*) правку вносил сам автор практически одновременно; большая часть этой правки идентична, проведена одинаковыми зелеными чернилами в такой последовательности: сначала правилась *М1*, затем правка из нее перенесена в *М2*. Эту же правку, но не всегда точно, писатель перенес в *М3* позже карандашом. *М2* и *М3* отдавались в редакции и содержат редакторские подчеркивания и пометы. Небольшие отличия правки в *М2* от правки в *М1* объясняются тем, что после возвращения *М2* из редакции Платонов внес в нее несколько незначительных исправлений — черными чернилами, химическим и простым карандашом. Правку из *М1* в *М4* уже после смерти писателя перенесла вдова Андрея Платонова, Мария Александровна, шариковой ручкой; она внесла некоторые коррективы в правку автора, в том числе сняла часть его вычеркиваний текста, продублировав это снятие и в *М1*. Печатается по *М2* как содержащей последние авторские поправки.

Точное время работы Андрея Платонова над «Котлованом» не известно. Сам писатель датировал только время действия повести: декабрь 1929 — апрель 1930 г. (см. об этом ниже). Можно предположить, что к написанию повести он приступил вскоре после событий, положенных в ее основу, т. е. в мае 1930 г.; осенью 1930 г. работа над «Котлованом», вероятно, еще продолжалась.

Для первых страниц повести Платонов использовал два более ранних наброска: «Один на свете (Повесть)» и второй без названия, начинающийся словами «На глинистом бугре...» (см.: *Сочинения*, 4(2), раздел «Наброски»), который сначала планировал развить в рассказ «Смысл жизни», о чем свидетельствует запись на листе в составе автографа «Котлована», — под словами «Смысл жизни (Новелла)» и после эпиграфа, приписанного вымышленному

лицу Н. Вошикову, Платонов перебирает детали, которые вошли в данный набросок, — названия организаций, где работает и с которыми сталкивается его герой: «Комитет уставов», журнал «Оформление», «Комитет согласований» (*ИРЛИ*. Ф. 780. Ед. хр. 7. Л. 18 об.). В обоих набросках впервые появились некоторые образы начала будущей повести — сад совторгслужащих; дерево на бугре; пивная и пр. При этом герой наброска «Один на свете» (вероятно, более раннего) носит фамилию «Отчев» (первоначально принадлежала одному из персонажей рассказа Платонова 1927 г. «Война»; см.: *Сочинения*, 2. С. 275), герой же наброска «На глинистом бугре...» именуется уже Вошевым.

Над «Котлованом» Платонов работает тщательно, продумывая сюжет, эпизоды, характеры персонажей, что фиксируют две записные книжки писателя. Одна из них относится в основном к городской части сюжета, но уже первая запись прокладывает мост к событиям в деревне: «Котл<ован>: отняв имущество, опустошили душу» (*Записные книжки*. С. 36). Далее писатель планирует отдельные эпизоды и темы будущей повести, начиная с прихода Вошева в город, — намеченному плану, однако, следует не всегда, например: «Вошев / V) Жизнь сквозь город. / V) Любовь Вошева во время строительства новой жизни. / V) Город работает сильно, но беден. / V) Буржуазность / V) В городе не было любви — все уставали...» (Там же). Несколько раз перечисляет персонажей, иногда вместе с их возможными репликами или основной чертой, например: «Климентов / Вошев / Сафронов / Прушевский / Козлов = раб + конфликт / Пашкин / Девочка (что лучше, лед<окол> Красин или Кремль / Урод», «1) Чикл<ин> / 2) Вош<ев> / 3) Пр<ушевский> / 4) Настя / 5) Жач<ев> / 6) Пашк<ин> / 7) Ел<исей> 8) Акт<ивист>» (Там же. С. 39–40, 43). Дает краткую характеристику героев: «Вошев — человек-видение. Его мысли = поступкам», «Прушевский — человек — [осени.]», «Пашкин — буржуй-функционер» (Там же. С. 37, 39) и пр. Некоторые эпизоды и персонажи деревенской части сюжета тоже появляются здесь, например: «Активист общественных работ по выполн<ению> госуд<арственных> постановл<ений> и любых кампаний, проводимых на селе» (Там же. С. 43). Записи в записной книжке Платонов делает параллельно с работой над текстом повести, о чем свидетельствует одна из них, после которой указана страница автографа, на которой данная запись использована (наблюдение И. Долгова): «Закон, чтоб беречь отсталые элементы. / (42 стр.) / Котлован» (Там же. С. 37). В какой-то момент Платонов изменяет имена некоторых персонажей — эту корректировку тоже отражает записная книжка: «Чиклин — Клим<ентов>» (Там же. С. 44). Пометы о героях и возможных эпизодах иногда прерываются словом «Котлован», написанным по нескольку раз подряд (Там же. С. 37). Соотносимые с «Котлованом» записи в другой книжке касаются деревни и начинаются так: «Котлован / Активист нарисовал К. Маркса как его понимал: диктатура антикулачника / Козлов» (Там же. С. 33–35). Такого эпизода в «Котловане» нет, как нет и некоторых других — Платонов использовал свои записи частично.

Уже на стадии автографа Платонов вносит в текст повести ряд изменений. Первое существенное исправление коснулось имен собственных: так, Чиклин до с. 89 включительно именовался Климентовым (настоящая фамилия

самого Андрея Платонова); Сафронов до с. 58 — Кмитом; Жачев сначала появляется в повести без имени и определяется словами «инвалид», «калека», «безногий», «урод»; первое упоминание фамилии инвалида появляется на с. 66, где он сначала назван Сыновым, но на той же странице Платонов заменяет эту фамилию на «Жачев» (см. транскрипцию автографа «Котлована», выполненную И. Долговым: *Котлован*. С. 169–308). Фамилии «Чиклин» и «Сафронов» до того, как Платонов отдал их героям «Котлована», уже были в орбите повести: Сафроновым именовался персонаж более раннего наброска «Один на свете» (см. выше), а фамилия Чиклина фигурировала в записной книжке наряду с фамилией «Климентов» — возможно, Платонов с самого начала колебался в выборе ее для этого героя: «Чиклин — примитивный свежий человек», «Чиклин — магический», «Климентов — проста эксплуатируемая» (*Записные книжки*. С. 36, 37; 39). При этом фамилия «Кмит» в записных книжках не упоминается ни разу, только «Сафронов» — возможно, первая запись о герое появилась, когда эта замена уже произошла.

Работу Платонова над повестью отражают пометы на полях автографа. Таких помет больше ста пятидесяти. Иногда они определяют тему на ближайших страницах; иногда обращены к уже написанному тексту и указывают, в каком направлении его нужно исправить. Вот некоторые из таких авторских записей на полях: «Назв<ать> веществ<тво> “Вещество существова-
нья”» (*Котлован*. С. 185) — и этот образ появляется ниже, в обращениях к Воцеву словах одного из рабочих (вычеркнутый в машинописи фрагмент): «Ты же не работаешь, ты не переживаешь вещества существованья, откуда же ты вспомнишь мысль!» (Там же. С. 187); рядом со словами: «Ты гляди, какой грунт живет!» на полях написано: «О грунте вставить» (Там же. С. 197) — и ниже следует описание грунта: «...не может быть, чтобы такой вес и такая прочность существовали без веры и правды; однако и в глине тоже есть скважины и мелочь пустоты, и там вечная сжатая тьма, как сомнение ума в жизни; но хотя без той скрытой щелистой пустоты глина не могла бы мяться и терпеть, — она давно бы лопнула, искрошилась в разьединенное ничтожество и исчезла прочь от ветра, времени, воды» (фрагмент, вычеркнутый на стадии правки автографа); запись на верхнем поле с. 90 (Там же. С. 225) указывает на предстоящее изменение фамилии героя: «Климентов — Чиклин», и далее этот герой будет сразу именоваться Чиклиным, а выше его фамилия исправлена; рядом со словами: «...и над ветхой покойной деревней...» написано: «Заменить эпит<ет>» (Там же. С. 285), и вместо слов «ветхой покойной» вписано «смирной старческой»; рядом с описанием Воцева, тоскующего об истине и собирающего в свой мешок «необходимые для будущего отмщения» вещи, написано: «Вначале сказ<ать>, почему Воц<ев> потер<ял> см<ысл> ж<изни>» (Там же. С. 300) — вероятно, во исполнение этого указания на с. 7 автографа (Там же. С. 173) появилась поздняя вставка в монолог этого героя: «Как будто кто-то один или несколько немногих извлекли из нас убежденное чувство, и взяли его себе». На полях последней страницы автографа — помета о необходимости исправить финал повести: «Исправить, углубить окончание» (Там же. С. 308). И в описании могилы Насти после слов: «...чтоб она была глубока и в нее не сумел бы проникнуть ни червь, ни корень растения, ни тепло, ни холод...» зачеркнуты

полтора итоговых предложения: «...выдолбив гробовое ложе в вечном камне. И в это надлежащее отверстие земли Настя была бережно опущена, чтобы даже мертвое семя будущего сохранилось навсегда. / Конец». Вместо них вписан расширенный вариант этого же финала: «...и чтоб ребенка никогда не побеспокоил шум жизни с поверхности земли. Гробовое ложе Чиклин выдолбил в вечном камне и приготовил еще особую, в виде крышки, гранитную плиту, дабы на девочку не лег громадный вес могильного праха. / Отдохнув, Чиклин взял Настю на руки и бережно понес ее класть в камень и закапывать. Время было ночное, весь колхоз спал в бараке, и только молотобоец, почуяв движение, проснулся, и Чиклин дал ему прикоснуться к Насте на прощанье. / Конец». Возможно, Платонова не удовлетворило и такое исправление окончания — к проблеме его углубления он вернется при работе с машинописью.

Уже в автографе Платонов начинает сокращать повесть. При этом практически все сокращения приходятся на ее начало: Платонов вычеркивает первый эпизод по пришествии Вощева в новый город — описание выставки сельскохозяйственных машин и разговор Вощева с агрономом, а затем — две его «думы»: в профсоюзном саду и в поле (см.: *Котлован*. С. 175–177, 178–179, 180); сокращает разговор Вощева с профуполномоченным и его первый по пробуждении в бараке разговор со строителями дома (Там же. С. 182, 187–188), а также еще несколько небольших фрагментов. Чтобы устранить разрыв в повествовании после сокращения, на вставных листах пишет короткий связующий текст, помечая листы тем же номером, что и сокращенная страница, с буквой «а» (14а, 30а, 32а). В тех случаях, когда речь идет о чистом добавлении текста, на отдельных листах делает «Вставки», обозначая их буквами или цифрами; эти обозначения могут косвенно свидетельствовать о той последовательности, в которой они были сделаны: «Вставка “Б” к стран<ице> 60», «Вставка “А” к стран<ице> 142», «Вставка I (К стр. 163)».

При передаче автографа машинистке Платонов, вероятно, приложил к нему и титульный лист следующего содержания: «Андрей Платонов / Котлован. / Декабрь 1929 — Апрель 1930». В настоящее время мы располагаем четырьмя экземплярами машинописи одной закладки и четырьмя титульными листами, сделанными на той же машинке (тот же шрифт и та же синяя лента для первого экземпляра). Дата, которую сам Платонов поставил на титульном листе рядом с названием, указывала на время действия повести — первый и самый драматический период эпохи массового раскулачивания. Отсутствие титульного листа в машинописной копии *М2* объясняется тем, что Платонов вынул его оттуда; этот титульный лист хранился в семейном архиве отдельно, вместе с фрагментами, исключенными на этапе правки машинописи и вынутыми из состава *М2* и *М3*. Титульный лист *М3*, в перевернутом виде и с той же самой записью, сделанной «от руки» на чистой стороне, использован в качестве ее нового титула. *М1* и *М4* так и остались с титульными листами.

Машинопись Платонов вычитывает, внося при этом изменения в текст. Авторскую правку содержат три машинописные копии, и во всех трех она почти совпадает: писатель переносит свои исправления из одной в другую,

иногда допуская небольшие отклонения от исходного варианта правки и, соответственно, разночтения в машинописях (возможно, такие разночтения появляются там, где у него не было твердого предпочтения), а иногда, после ее небольшого видоизменения при перенесении в очередную машинопись, вносит соответствующую корректировку и в исправленные ранее — можно предположить, что в этом случае писатель однозначно предпочел новый вариант текста. По характеру этой правки и ее орудию (зеленые чернила, простой карандаш или черные чернила) можно точно определить, в какой последовательности Платонов правит машинописные копии. И многое указывает на то, что сначала он правит *М1*: прежде всего потому, что фрагменты, исключенные при правке машинописи, в *М1* сначала содержали исправления, а уже потом были вычеркнуты, тогда как в двух других ни один из них не содержит исправлений.

Начиная работать с *М1*, Платонов исправляет опечатки и пропуски машинистки, в том числе и на тех страницах, которые он вскоре вычеркнет. Кроме этой обычной вычитки текста, Платонов вносит поправки в отдельные фразы, например, в выражение «с робостью спросил Воцев» после слов «с робостью» вписывает «слабой надежды» (*М1*. С. 15; здесь и далее ссылки на правку в *М1*, *М2* и *М3* даны по исходной пагинации машинописи); исправляет «те люди» на «евшие» (*М1*. С. 16), «единственный общий дом» на «единственный общепролетарский дом», «единый новый дом» на «монументальный новый дом» (*М1*. С. 26), «в барак пришел» на «в ночлежный барак землекопов пришел» (*М1*. С. 29), «смысл жизни знаете» на «все на свете знаете» (*М1*. С. 43), «выходила землистая туча» на «выходила густая подземная туча» (*М1*. С. 85). Иногда Платонов переставляет какое-то слово, например, вместо «Подойдите кто-нибудь ко мне» — «Подойдите ко мне кто-нибудь» (*М1*. С. 56); иногда вычеркивает, например, в выражении: «он уходил далеко в пространство и одиночество» вычеркивает слово «пространство», в результате оно получает форму: «он уходил далеко в одиночество» (*М1*. С. 65); иногда правит пунктуацию.

Решение исключить ряд эпизодов из текста повести приходит к Платонову, вероятно, на довольно раннем этапе правки, хотя и не сразу. Он возвращается к уже исправленному тексту и зачеркивает некоторые фрагменты — сначала пробно, простым карандашом (это при том, что вся основная правка в *М1* выполнена зелеными чернилами), а затем окончательно, дублируя зелеными чернилами это предварительное вычеркивание. Намеченных к исключению фрагментов сначала было больше, но затем Платонов теми же зелеными чернилами один из них восстановил — эпизод о том, как на строительстве дома работают Воцев, Козлов и Чиклин и ослабевшему Козлову строители предлагают «записаться в физкультуру» (*М1*. С. 33–34). В итоге вычеркнутых фрагментов оказалось пятнадцать — десять больших (от одного абзаца до пяти страниц) и пять маленьких (одно–два предложения); почти все они, как и исключенные в автографе, приходились на начало повести. Данная правка не является результатом автоцензуры — вероятно, писатель убирает из повести то, что, на его взгляд, могло отвлекать от основной идеи: эпизод с домом шоссейного надзирателя на пути Воцева в новый город; несколько эпизодов по приходу Воцева в этот город, в том числе все,

связанные с профуполномоченным, набирающим рабочих на строительство общего дома пролетариату — встречу с ним Вощева, приход на стройку, а также попытку профуполномоченного устроить марш строителей по городу; сцену пробуждения строителей в бараке и первые разговоры Вощева с мастерами, а также несколько эпизодов, связанных с Козловым (см. наст. изд., с. 330–341).

Оказавшиеся рядом ранее далекие части текста Платонов связывает короткими фразами; например, большой фрагмент о том, как Вощев ест вместе со строителями, а потом профуполномоченный пытается организовать их марш по городу (*М1*. С. 16–18), заменяет предложением: «Покушав пищи, мастера вышли наружу с лопатами в руках, и Вощев направился за ними вслед» (*М1*. С. 19). Некоторые реплики из вычеркнутых фрагментов Платонов решает сохранить, передавая другим персонажам; например, фразу «...так и хочется крикнуть: да здравствует Первое мая!», которую говорил мальчик, — Платонов переадресовывает кузнецу (*М1*. С. 8). Подобный перенос текста Платонов предваряет пометами (чего нет в *М2* и *М3* и что дополнительно свидетельствует о первоочередности правки в *М1*). Эти черновые указания сделаны простым карандашом, а реализованы уже зелеными чернилами. Так, например, на с. 20 (*М1*) зачеркнута фраза: «И Вощев с жестокостью отчаяния своей жизни обнажал лопатой земной прах, точно добывал истину из середины природы». Рядом с вычеркнутым предложением — помета карандашом «вст<авить на стр.> 19» и стрелка, указывающая на с. 19. На полях с. 19 — тоже помета: «вст<авить со стр.> 20». Во исполнение этого указания два фрагмента фразы со с. 20 («с жестокостью отчаяния своей жизни» и «точно добывал истину из середины природы») перенесены в следующую фразу на с. 19: «Вощеву дали лопату, он сжал ее руками как средство своего пристанища к тем людям, которые обладают утешением истины жизни внутри себя», часть которой Платонов при этом вычеркнул, в результате чего получилось следующее предложение: «Вощеву дали лопату, он с жестокостью отчаяния своей жизни сжал ее руками, точно хотел добыть истину из середины земного праха».

По карандашным пометам на полях и в самом тексте видно, что некоторым образом из вычеркнутых фрагментов Платонов ищет, но не сразу находит новое место. Так, он исключил эпизод о работе мастеровых на котловане, часть которого была посвящена Козлову и который заканчивался фразой: «Когда же Козлов ослабевал от глины, то падал пролетарской верой и шел внутрь города — писать опорочивающие заявления и налаживать различные конфликты, с целью организационных достижений» (*М1*. С. 32). Часть этой последней фразы о Козлове Платонов решает сохранить. В результате на странице, следующей после вычеркивания, рядом с другим фрагментом о Козлове, Платонов делает две записи карандашом — вроде «выписок» из вычеркнутого: «Он пал пролет<арской верой>» и «конфл<икты>» (С. 33). Однако здесь Платонов эти пометы не использует и зачеркивает, перенося первую из них на с. 31 — в то место текста, где фразу нужно было вставить, — тоже карандашом: «Козлов пал дух<ом>». Здесь же зелеными чернилами вписано уже большое предложение о Козлове — почти в том же виде, как оно было в вычеркнутом фрагменте: «А Козлов тотчас же

начал падать пролетарской верой, и захотел уйти внутрь города, чтобы писать там опорочивающие заявления и налаживать различные конфликты, с целью организационных достижений».

Корректировка темы Козлова в «Котловане» — одна из основных линий правки в машинописи: Платонов вычеркивает ряд эпизодов, содержащих прямые указания на онанизм героя; оставшиеся упоминания видоизменяет так, что фразы получают более подвижный смысл, например, реплику Сафронова: «Наслаждаешься много. ~ Будем тебя класть спать на столе под лампой, чтобы ты лежал и стыдился», — исправляет следующим образом: «Наслаждаешься конфликтами много. ~ Вот и слабеешь!» (М1. С. 21); другую реплику: «На что тебе пролетариат в доме, когда ты одним своим телом радуешься», — исправляет: «На что тебе пролетариат в доме, когда ты одной его наружной организованностью радоваться можешь!» (М1. С. 23).

М1 содержит одно важное исправление, которое ранее считалось поздним: уже здесь, на самом первом этапе своей работы с машинописью, Платонов вычеркивает слово «Конец» на последней странице и вместо него рисует три звездочки — знак, что повесть будет иметь новый финал. Этот финал он допишет и приложит к М2.

Все исправления Платонов аккуратно переносит из М1 в М2 — без всяких изменений и теми же зелеными чернилами, а исключенные страницы сразу перечеркивает, не внося никаких поправок. После этого он вынимает зачеркнутые страницы из состава М2 и карандашом проставляет новую нумерацию страниц. Их оказывается 134 (сначала было 141). Затем тем же карандашом зачеркивает слово «Конец», вместо которого рисует звездочку, и пишет новый финал повести — страницу «135».

Исключенные страницы вынуты из состава М2 и М3 (там — такая же картина), но остались (зачеркнутые) в составе М1. Произошло это, вероятно, потому, что машинописи М2 и М3 Платонов отдавал в какие-то издательства, и лишние страницы мешали бы чтению текста, а М1 всегда оставалась дома.

М2 действительно содержит следы чтения ее редактором (или даже не одним), о чем свидетельствуют многочисленные подчеркивания и пометы на полях, сделанные разными карандашами: простым, синим и красным. В правом верхнем углу первого листа М2 сохранилась полустертая запись зеленым карандашом — вероятно, дата, в которой более или менее различимы день и месяц, но трудно разобрать год, что-то вроде: «7/VIII/ 2». Возможно, это была дата рассмотрения «Котлована» в какой-то редакции, — ответить на этот вопрос пока не представляется возможным.

После перенесения основной правки из М1 в М2 Платонов еще несколько раз обращается к М2 — заменяет, дописывает или вычеркивает отдельные слова. В М1 и М3 он эти исправления не переносит. Вот эти более поздние исправления — они сделаны черными чернилами, а также химическим и простым карандашом: во фрагмент «Я мог выдумать» (С. 3) вставляет частицу «бы» («Я мог бы выдумать»); вместо запятой во фразе «этот задний был угрюм, ничтожен» (С. 21) ставит союз «и»; во фразе: «Вощев поглядел на людей» заменяет глагол, получается «осмотрел этих людей» (С. 22); в предложении: «ночь замерла рассветом» (С. 44), — добавляет

предлог («замерла перед рассветом»); во фразе «точно была постыдным существом» (С. 44) вычеркивает «существом» и вписывает «животным»; во фразе «свет молчаливого, печального воска освещал всю внутренность помещения» зачеркивает «освещал» и вписывает «делал достаточно определенной» (С. 95); к реплике Насти: «Звери тоже чуют!» — дописывает «сообщила Настя» (С. 108); во фразе «девочку-эсершу выдать замуж мужику» меняет «мужику» на «единоличнику» (С. 115); убирает союз «и» между двумя глаголами: «стояла и просила», — получилось: «стояла просила» (С. 128); есть также несколько незначительных исправлений знаков препинания. Такое впечатление, что эта правка носила случайный характер и могла сопутствовать изучению редакторских помет.

Машинопись *М3* с самого начала предназначалась для харьковского издательства «Пролетарий», имевшего свои представительства в Москве и Ленинграде: об этом свидетельствует надпись на втором листе титула, сделанная в три строчки: «Котлован / Андр. Платонов / В Издательство “Пролетарий”» (*РГАЛИ*. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 2). Машинопись обернута большим листом бумаги, на котором рукой Платонова красным карандашом написано: «Андрей Платонов / Котлован / Декабрь 1929 — Апрель 1930». В верхнем правом углу — штамп «30908», в правом нижнем — помета «М/о». Этот рукописный титульный лист является одной из четырех копий общего для всех машинописей титульного листа, перевернутого так, что машинописная запись оказалась с его внутренней стороны. Верх первого листа машинописи *М3* с названием повести отрезан.

Все исправления, сделанные в *М1*, Платонов так же аккуратно, как и в *М2*, переносит в *М3*, на этот раз простым карандашом. Есть несколько небольших отличий правки в *М3* от правки в *М1* и *М2*, проведенной зелеными чернилами. Эти отличия можно объяснить, вероятно, некоторой небрежностью Платонова при перенесении правки. Вот эти отличия: вместо слов «ночлежный барак землекопов», которые Платонов вписал в *М1* и *М2* вместо слова «барак», в *М3* вписано просто «ночлежный барак» (С. 29); над фразой «волнуясь всем невозможным телом», подчеркнутой красным карандашом (вероятно, подчеркнул редактор), но не зачеркнутой, сверху вписана ее возможная замена: «не терпящим отлагательства телом» (С. 39); в *М3* не перенесено из *М1* одно маленькое исправление предлога («от» — на «ото»): «разбудил его ото сна» (С. 47), — вероятно, Платонов его просто не заметил; только в *М3* Платонов добавил союз «и» в выражение «от земли и приставшего сора» (С. 50), сделав его более нормативным, но не перенес союз в *М1* и *М2*, а также добавил тире там, где в *М1* и *М2* была только запятая, и тоже не перенес его в *М1* и *М2*: «живет без участия в строительстве, — и уже настало время труда в овраге» (С. 51).

Только один раз Платонов перенес из *М3* в *М1* и *М2* добавленное в исходный текст правки слово, что хорошо видно по ее орудию — простой карандаш и зеленые чернила. Так, реплику Козлова: «Товарищ Пашкин, вон у нас Вошев не зачислился, а у него записка из протокола есть, его, как говорится, смысл жизни заставили организовать, а он землю копает и забыл, — вы ему скажите», — Платонов исправил в *М1* и *М2* следующим образом: «Товарищ Пашкин, вон у нас Вошев не зачислился, а у него путевки с биржи

труда нет, вы его, как говорится, должны отчислить» (С. 31). При перенесении этой фразы в *М3* Платонов добавляет к ней слово «назад» («...должны отчислить назад»), после чего тем же простым карандашом, которым переносил правку в *М3*, вписывает слово «назад» и в «зеленую» запись *М1* и *М2*. Эта же фраза в *М3* имеет еще одно незначительное отличие от исходной — «нету» вместо «нет» в выражении: «путевки с биржи труда нету», но эта поправка (или описка) не внесена в *М1* и *М2*.

Вычеркнутые страницы вынуты из состава *М3*, так же как из состава *М2*, и хранились отдельно.

Еще одно отличие *М3* от *М1* и *М2*: в *М3* не зачеркнуто слово «Конец» на последней странице. Объяснить это можно тем, что целью правки *М3* была не дальнейшая работа над текстом, а подготовка ее для передачи в издательство (может быть, было конкретное предложение). Из-за множества редакторских помет *М2* для этого не подходила; *М1* была, вероятно, резервным, «домашним» экземпляром. Платонов переносит правку еще в одну машинопись — в какой-то степени вопреки своему правилу исправлять две машинописных копии, наблюдаемому на других произведениях, — но переносит небрежно и без нового финала, страница с которым не была напечатана. Возможно, Платонов и не стремился отдать в «Пролетарий» идеальный текст. Машинопись *М3* читал редактор — в ней немало подчеркиваний красным карандашом, но нет исправлений.

Вероятно, последнее исправление исходного текста повести относится к ее первой фразе: «В день тридцатилетия жизни...» В эту фразу во все три машинописи Платонов вписывает красным карандашом слово «личной», в результате чего получается знаменитое начало «Котлована»: «В день тридцатилетия личной жизни Вошеву дали расчет с небольшого механического завода...»

Уже после смерти писателя в *М1* вносила исправления его вдова, М.Ал. Платонова. Она снимает ряд вычеркиваний Платонова, в том числе эпизода в доме шоссевого надзирателя, пунктирной линией подчеркивая каждую строчку тех вычеркнутых фрагментов, которые она решила оставить, и делая на полях указание «Печатать»; кроме того, она зачеркивает или заменяет некоторые выражения повести. Всю эту правку (итоговую, Платонова и свою) вдова переносит в *М4*, с которой и делались публикации после смерти писателя. Мария Александровна переписывает от руки и новый финал повести (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 6 доп. Ед. хр. 28. Л. 155), так и оставшийся в рукописном виде, но не передает его для публикации.

Опубликовать «Котлован» при жизни Платонову не удалось, но повесть он не скрывал: 27 июня 1931 г., отвечая на анкету «Какой нам нужен писатель», Платонов называет «Котлован» среди написанных им произведений (*Воспоминания*. С. 296); устраивает коллективные чтения повести — на творческом вечере Платонова в ВССП, состоявшемся 1 февраля 1932 г., В. Гольцев упоминает о чтении отрывков из «Котлована» в редакции журнала «Новый мир» (*Воспоминания*. С. 300).

Приблизительно с середины 1920-х гг. в «больших» жанрах (повесть, роман) советской литературы все большее место занимает сюжет, в центре

которого оказывается какое-нибудь строительство — завода, комбината, электростанции и пр., и эта тенденция к 1930 г. становится ведущей. Можно назвать «Цемент» (1925) Ф. Гладкова, «Доменную печь» (1925) Н. Ляшко, «Стройку» (1925) А. Пучкова, «Лесозавод» (1927) А. Караваевой, «Соть» Л. Леонова и «Гидроцентральный» М. Шагинян (оба произведения написаны в 1929 г. и опубликованы в первых номерах «Нового мира» за 1930 г.), «Самстрой» (1930) Г. Медынского. Не остаются в стороне от темы строительства и «малые» жанры — например, очерки «Покорение Днепра» К. Большакова (*Кр. новь*. 1930. № 2) или «Повесть о Турксибе» Н. Немчинского (30 дней. 1930. № 5). Выдвижение стройки на первый план сюжета художественного произведения в этот период понятно — страна строилась, а ситуация стройки была идеологически и литературно выигрышной: «строительство» воспринималось как путь социалистического преобразования; давало возможность показать новую эпоху, трудовой коллектив и все положительные изменения в характере и нравах человека; позволяло поднять тему будущего и представить каждую конкретную стройку частью возводящегося «здания социализма», — образ этого «здания» прочно входит в литературу: «Построим мы социализма здание / Упорной силой, волею труда» (*Немчинский Н. Повесть о Турксибе // 30 дней*. 1930. № 5).

Платонов приступает к работе над «Котлованом» ориентировочно в мае 1930 г. Как раз перед этим в первых пяти номерах журнала «Новый мир» за 1930 г. опубликован роман Л. Леонова «Соть» — одно из таких произведений о социалистическом строительстве. Роман затрагивает многие закрепившиеся в литературе темы: руководители строительства, трудовой коллектив и те положительные изменения, которые происходят в людях; превращение стихийной крестьянской массы в сознательных пролетариев. Кроме этих уже устоявшихся тем, в «Соти» есть и новая — тема социалистического поколения, ради которого и осуществляется все строительство, представленная образом девочки Кати из будущего. Скорее всего, Платонов не оставил без внимания этого романа Леонова: тематически «Котлован» во многом пересекается с «Сотью»; не исключено, что и образ Насти, олицетворяющей социалистическое поколение и будущее, появляется у Платонова именно под влиянием образа Кати из романа «Соть».

В посвященной «строительству» литературе рубежа 1920–1930-х гг. нередко акцентируется образ котлована, ставший заглавным в повести Платонова, — например, в очерке о Днепрострое К. Большакова «Покорение Днепра» (*Кр. новь*. 1930. № 2), в котором есть и литературный контекст темы «тихого темпа» в «Котловане» — «среди общего темпа труда»: «Темп, самое главное — темп, — говорил сопровождающий нас по строительству руководитель инженер. Эти слова, сейчас одинаково обязательный лозунг в любой отрасли общественной стройки, здесь звучат по-особому убедительно <...> ...За два года здесь в голой степи вырос целый город <...> За ним, за этим освещенным городом черный кусок неба был выхвачен раскаленным добела кратером. Это — котлован. Там день и ночь машины и люди, люди и машины неустанно работают, чтобы за три года изменить то, что не могли изменить тысячелетия, чтобы на этой измененной земле построить новую жизнь. — Темп, самое главное — темп» (Там же. С. 207).

Близок к «Котловану» по времени создания и роман Г. Медынского «Самстрой» (Октябрь. 1930. № 7, 8), в котором изображено строительство нового здания Самтеевской фабрики — на фоне ее старого корпуса. Весь роман овеян пафосом этого строительства — высотного, уносящего в счастливое будущее. Старые маленькие домики фабрики и этот новый строящийся корпус противопоставлены: «этажами растет новая фабрика», а около нее «новые дома, большие, шлакобетонные, с прачечной, яслями, общей кухней». «А в пятилетке <...> в пятилетке <...> — там, где сейчас гробами раскинулись приземистые, черным толем крытые бараки строителей, вырастет новый корпус в два раза больше этого. В пятилетке — Самтеевка будет крупным промышленным центром» (Октябрь. 1930. № 7. С. 72).

Тематически «Котлован» состоит из двух частей: первая посвящена городу, вторая — деревне. К теме города сюжет повести обращается с самого начала: город увидел на своем пути бредущий в поисках работы Воцев — «и пошел в этот город жить» (наст. изд., с. 75). И город, и строящийся в нем «общепролетарский дом» у Платонова связаны. Оба эти образа становятся обобщением многих проблем современности, и в этом Платонов тоже опирается на общеполитическую и литературную реальность. С начала 1920-х гг. в стране проходят дискуссии о городах будущего, проводятся конкурсы архитектурных проектов (см. об этом: Привлечь рабочих к планированию социалистических городов // Труд. 1930. 10 марта. С. 4. Подпись: К.); профсоюзы «взялись за пропаганду идеи строительства социалистических городов» (Зувев А. Социалистический Сталинград // Культ. рев. 1930. № 2. С. 16). Некоторые районы страны объявляются экспериментальными площадками социалистических городов, например, Сталинград и его окрестности: «Нужен новый социалистический город. <...> В Сталинградском районе мы должны будем построить 5 социалистических городов» (Там же). И это не просто планы: «Города будущего — это уже города сегодняшнего дня. Строительство социалистических городов становится практикой пятилетки» (Стройка. 1930. № 6. С. 8–9). «Построим города социализма» — один из лозунгов дня. Строительство социалистических городов неизбежно влечет за собой планирование новых домов для рабочих; о таких домах, жизнь в которых будет организована на научной основе, сообщают газеты: «Госплан СССР разработал план строительства социалистического города. <...> Дома будут защищены от вредных газов и дыма заводских труб. <...> Верхний этаж дома отводится для спален. Этажом ниже — целый ряд комнат для культурно-просветительской массовой и научной работы» и т. д. (Дом-коммуна создаст нового человека // Раб. газ. 1929. 13 дек. С. 6).

В 1930 г. выходит несколько книг об устройстве жизни в социалистическом городе, вызывающих широкое обсуждение: «Вопрос строительства социалистических городов — волнующая тема советской общественности: дискуссии в печати, в Госплане, в Комакадемии пытаются наметить основные вехи, по которым должно пойти новое строительство. <...> В новом городе строительство жилищ проектируется отдельными домами-коммунами, на трехтысячный коллектив каждый» (Борисов С. Книжное обозрение: «К проблеме строительства социалистического города». М., 1930 // НМ. 1930. № 6. С. 208). Много дискуссий вызывает изданная в 1930 г. книга

Л. Сабсовича «Социалистические города»; одним из откликов на нее стал очерк К. Паустовского «Строительство новых городов» (30 дней. 1930. № 2), в котором есть и своего рода резюме темы: «1929–1930 гг. стали годами великой революции для установленного веками социалистического общежития. Впервые вплотную был поставлен вопрос о строительстве новых городов и перепланировке старых, о новых формах жилища и о подлинной коллективизации быта. <...> Сейчас мы присутствуем при разгорающейся широкой дискуссии о том, какими должны быть социалистические города и жилища» (Там же. С. 10). Паустовский приводит идеи Л. Сабсовича — одного из теоретиков проблемы: «В новом городе питание должно быть обобществлено. <...> Вся стирка должна быть сосредоточена на фабриках-прачечных. <...> Уборка домов будет механизирована» (Там же. С. 11); «По мнению Сабсовича, наиболее благоустроенными могут быть только большие дома. В новых социалистических городах каждый дом должен быть рассчитан на 1–2 тысячи жителей» (Там же. С. 12); «Думая о новых городах, читатель ясно представляет себе их жизнь, полную организованного труда, света, зелени и здоровья» (Там же. С. 14). Образы новых больших домов прочно входят в литературу — например, в рассказе Г. Никифорова «Немного — и все», где старый уют гераней противопоставляется «новому трудовому быту с его светлыми солнечными домами» (30 дней. 1930. № 3. С. 33). Герой рассказа живет в подвале — а за окном на пустыре строится новый дом; девушка говорит ему: «Я люблю тебя, милый мой, люблю с того дня, когда был уничтожен пустырь и положен новый камень»; и оба уходят из подвала в новый дом как в будущее гарантированное счастье (Там же. С. 34).

Образ города и строящегося дома в «Котловане» учитывает все эти литературно-публицистические контексты времени. Город, в котором строится «общепролетарский дом», и сам этот дом у Платонова не просто связаны — иногда они сливаются и становятся разными сторонами одного и того же образа. Характерная для времени устремленность темы Города в будущее позволяет писателю «подключить» к образной системе «Котлована» и контекст его собственного раннего поэтического творчества с пафосом романтического будущего, выраженного в образе Нового Города: «По земным пустыням строим Новый Город» (Май // *Сочинения*, 1(1). С. 372), «В душе моей движутся толпы <...> Строят неведомый город» (Топот // *Сочинения*, 1(1). С. 400), — и тот библейский контекст с его образом грядущего Града и прочими эсхатологическими образами, которые стояли за образом Нового Города.

Особое отношение к городу в первую пятилетку объяснялось и тем, что город считался мотором «движения к социализму»: «Город — один из главных двигателей к социализму» (В новых домах должен быть новый быт // *Раб. газ.* 1930. 7 янв. С. 5). Такая оценка города возникла не случайно, ведь город был центром индустриализации — важнейшей составляющей программы первой пятилетки по построению социализма. При этом город всегда противопоставлялся деревне — один из разделов речи Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. «К вопросам аграрной политики в СССР», с которой началась политика «ликвидации кулачества

как класса», так и назывался: «Город и деревня». И вторая часть «Котлована» тоже посвящена деревне.

Крестьянская тематика с первых пореволюционных лет занимает существенное место в литературе. В первой половине 1920-х гг. это классовая борьба и расслоение в деревне, — таковы «Андрон Непутевый» (1923) А. Неверова, «Перегной» (1922) Л. Сейфуллиной; «Деревенские были» (1923) и «Большая Каменка» (1926) А. Дорогойченко и др. Во второй половине 1920-х гг. появляются произведения о первых колхозах-коммунах, созданных еще до «сплошной коллективизации». Их главной задачей было показать рост нового в деревне и победу его над старым. Из наиболее крупных произведений о коммунах — роман Ф. Панферова «Бруски» (первая книга — 1927/28; вторая — 1929), при этом вторая книга «Брусков» опубликована тогда же, когда и «Соть» Л. Леонова, — в первых номерах журнала «Октябрь» за 1930 г. В центре романа — коммуна «Бруски», которая живет среди единоличных хозяйств: постепенно растет, обустроивается в новом доме, расширяет свою деятельность, вводит новую систему оплаты и пр. После публикации второй книги «Брусков», уже в реальных условиях «сплошной коллективизации», проходят диспуты об этом романе; «Литературная газета», журналы «На литературном посту», «Октябрь» и др. публикуют многочисленные статьи о «Брусках», в которых подчеркивается то положительное, что внес роман Панферова в деревенскую тематику: показ переделки крестьянства в процессе коллективизации, преодоления «мелкими товаропроизводителями» своих собственнических инстинктов и изображение ведущей роли города в этом процессе. Так, критик М. Гельфанд определяет основную идею «Брусков» как «превращение миллионов вчерашних рабов сохи и индивидуальной земельной полоски в свободных работников социалистического производства» (*Гельфанд М. Заметки о «Брусках» Ф. Панферова // Кр. новь. 1930. № 8. С. 153*). Он пишет: «Потому-то “Бруски” и знаменуют собой новое явление в изображении крестьянской темы, что они являются типичным пролетарским произведением *реконструктивного* периода эпохи ликвидации остатков капитализма в нашей стране, эпохи социалистической переделки миллионов мелких товаропроизводителей» (Там же. С. 155); «“Бруски” есть художественное практическое применение ленинского учения о “двух душах” мелкого товаропроизводителя, о двойственно-противоречивой социальной природе середняка. Борьба этих “двух душ” — “души” торгаша и приобретателя и “души” труженика — и составляет драматический конфликт, лежащий в основе “Брусков”» (Там же. С. 156). Другой критик, Д. Манзин, ставит Панферову в заслугу показ ведущей роли города в деревенских преобразованиях: писатель, считает Д. Манзин, «видит движущиеся силы исторического процесса, который неминуемо приведет деревню к социализму, видит ростки нового, их борьбу и победу над старым в деревне» (*Манзин Д. Творческий метод Ф. Панферова // На лит. посту. 1930. № 18. С. 77*).

Показ взаимоотношений города и деревни — неизменное требование к деревенской литературе. Сущность этих взаимоотношений получает конкретную характеристику — происходящее в деревне называется производным от индустриализации: «...перед литературой сейчас стоит задача показа

взаимоотношений, фигурально выражаясь, завода и колхоза, показа того, что процессы, происходящие сейчас в деревне, это есть процессы, производные от индустриализации, процессы, обусловленные ведущей ролью пролетариата по отношению к крестьянству» (*Корабельников Г. Журнал «Октябрь» в реконструктивный период // Октябрь. 1930. № 5–6. С. 241*).

В 1930 г. публикуется много произведений, написанных уже по свежим следам «сплошной» коллективизации — в основном это очерки: А. Соколов «Великие будни» (*НМ. 1930. № 1*); Е. Гнедин «На путях к колхозу (Из заметок пропагандиста ЦЧО)» (*Кр. новь. 1930. № 5*); И. Микитенко «Тринадцатая весна» (*Октябрь. 1930. № 7*) и др. Авторы очерков изображают коллективизацию как позитивный процесс и пишут о том, что ей мешает. Так, в очерке Е. Гнедина «На путях к колхозу (Из заметок пропагандиста ЦЧО)» (*Кр. новь. 1930. № 5*) происходящее в колхозе дается глазами человека, «приезжающего из Москвы в далекий туманный район ЦЧО» (Там же. С. 172). Сразу по приезду он видит членов комиссии по изгнанию из колхоза кулаков: «...шестеро встреченных нами были членами комиссии, всю ночь заседавшей для рассмотрения списков кулаков, исключаемых из колхозов. “Мы ликвидируем кулака как класс” — таковы были первые слова...» (Там же. С. 172). Факты деревенской жизни, изображенной в этом очерке, такие: кулаки орудут, строят козни; урожай в совхозах выше, чем в индивидуальных хозяйствах; старик жжет иконы; женщины возглавляют оба лагеря — и кулаков, и тех, кто за колхоз. Из увиденного автор очерка делает вывод о росте сознательности крестьян и их активности в борьбе за социализм: «...грандиозная человеческая масса созревает для того, чтобы активно и сознательно участвовать в борьбе за социализм» (Там же. С. 182). Борьбе с кулаками посвящен и очерк И. Микитенко «Тринадцатая весна»: кулаки вредят, прячут зерно; крестьяне «выслали, раскулачили, выгнали из района кулаков...» (*Октябрь. 1930. № 7. С. 165*).

Обращаясь во второй части своей повести к деревне, Платонов ориентируется на такие темы литературы «реконструктивного периода», как вредительство кулаков во время коллективизации и преодоление крестьянами своих мелкобуржуазных инстинктов, а также ведущая роль города по отношению к деревне и производность коллективизации от индустриализации. Но эти обязательные для литературы темы он переосмысливает: крестьяне в «Котловане» действительно уничтожают скот, но делают это из любви к нему — чтобы «животных не вести за собою в скорбь» (наст. изд., с. 139); переделки крестьян в процессе коллективизации не происходят и своих буржуазных инстинктов они не преодолевают. Пролетариат, в лице Вощева, в буквальном смысле приводит деревню в город. Но понимание того, в чем процессы в деревне являются производными от индустриализации, у Платонова отличается от официальной точки зрения: промышленности нужны сырье и рабочие руки, о чем постоянно пишут газеты; рабочие руки дает деревня; коллективизация высвободила много рабочей силы — вот Воцев и приводит мужиков на котлован как необходимое промышленности сырье: «для утиля», говорит он.

С. 69. *В день тридцатилетия личной жизни...* — Автобиографическая деталь: 28 августа 1929 г. Андрею Платонову исполнилось тридцать лет.

...дали расчет с небольшого механического завода... — Механическим назывался завод, производящий различные хозяйственные принадлежности из металла (гвозди, скобы, подковы, ведра, баки, детали сельхозинвентаря и пр.), а также занимающийся ремонтом соответствующих изделий; часто обслуживал нужды заказчика и был, как правило, небольшим. Механические заводы не относились к приоритетным стройкам пятилетки и нередко испытывали нужду в рабочей силе — объявления о требовании тому или иному механическому заводу специалистов можно встретить на соответствующей странице газет: «МЕХАНИЧЕСКОМУ ЗАВОДУ срочно требуются кузнецы пятого и выше разрядов. Предложения адресовать: гор. Брянск, Механический завод № 13» (*Раб. газ.* 1930. 16 марта. С. 7). Механические заводы часто имели не название, а порядковый номер: «Ячейка ВКП(б) механического завода № 2 Мотовилихи работает порывами, кампаниями. Это ее больное место» (Не допустить развала // *Раб. газ.* 1930. 17 апр. С. 5. Подпись: *Нездешний*).

...устраняется с производства, вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости... — Основная причина многочисленных увольнений в первую пятилетку — либо собственное желание рабочего, либо нарушение им трудовой дисциплины, о чем свидетельствовала пресса: «За три месяца по этим рудуправлениям уволилось 21669 человек. Из них: по собственному желанию — 15993 человека, за прогулы — 802 человека, за прочие нарушения правил внутреннего распорядка — 666, по сокращению штатов — 226 чел., за окончанием срока найма — 627 чел., по прочим причинам — 3415 чел.» («Летуны» — вредители производства // *Раб. газ.* 1929. 27 марта. С. 3. Подпись: *Д. К-Р.*).

...среди общего темпа труда. — Понятие «темп» — одно из основных в лексиконе первой пятилетки. Требование «быстрого темпа развития нашей индустрии» (*Сталин И.* О правом уклоне в ВКП(б) // *Сталин.* С. 266), которое вскоре дополняется требованием «темпов коллективизации», — постоянные в речах Сталина. Слово распространяется и на другие инициативы партии; критика реальных темпов — одна из тем: «Темп вербовки в партию недостаточен» (*Известия.* 1930. 6 янв. С. 2); «Не тем темпом работают» (*Труд.* 1930. 14 янв. С. 3); «Повысить темп экспортной работы» (*Труд.* 1930. 17 янв. С. 1); «Ни шагу от взятых темпов» (*Труд.* 1930. 19 янв. С. 4); «Рабские темпы» (*Никифоров С.* Позор еще не смыт! // *Раб. газ.* 1930. 25 янв. С. 5); «Слабые темпы» (*Известия.* 1930. 31 мая. С. 3), «Отстали от темпов», «Черепашьи темпы» (*Кульм. рев.* 1930. № 13–14. С. 53) и т. д.

...и облокотился в конце города на низкую ограду одной усадьбы, в которой приучали бессемейных детей к труду и пользе. — В бывших дворянских усадьбах после революции часто размещали детские дома — Гражданская война и коллективизация привели к росту в стране сирот и беспризорных детей: «Несмотря на рост экономического и культурного благосостояния СССР, беспризорность в нем не уменьшается, а, наоборот, продолжает расти и становиться все более кричащим явлением. <...> Основной кадр воспитанников детских домов — круглые сироты» (*Богуславский М.* Детская беспризорность // *Раб. газ.* 1926. 17 февр. С. 5). В середине 1920-х гг. беспризорных детей стали активно собирать в детские дома и приучать к какому-нибудь

простому и полезному труду, а сами детские дома получили новый статус — трудовых коммун: «МОНО открыл в Марьиной роще <...> клуб-мастерские для 100 беспризорных девочек Красно-Пресненского района. В помещении детского дома Измайловского зверинца (дача бывших Аренс) организована трудовая коммуна на 90 детей — 50 девочек и 40 мальчиков. При ст. Салтыковка, Нижегородской ж.д., открыта трудовая коммуна им. Калининой на 50 девочек и 30 мальчиков» (Московские новости // *Раб. газ.* 1926. 9 янв. С. 4); «По сообщению А.Д. Калининой, в ближайшее время в один из вечеров в Москве будут обследованы все места скопления беспризорных. Все беспризорные будут взяты на учет и распределены по трудовым коммунам» (Все беспризорные будут собраны в трудовые коммуны // *Раб. газ.* 1926. 14 янв. С. 2); «В Крыму наблюдается наплыв беспризорных детей. <...> Для беспризорных открываются <...> три сельско-хозяйственных коммуны с ремесленными мастерскими» (Наплыв беспризорных в Крым // *Раб. газ.* 1926. 16 апр. С. 2). В рассказах о жизни детских трудовых коммун нередко упоминаются и дворянские усадьбы, в которых те размещались: «Приехали мы в трудовую коммуны беспризорных <...> Строения старинного дворянского имения...» (Трудовая коммуна беспризорных // *Раб. газ.* 1926. 28 июля. С. 4).

...пивная для отходников и низкооплачиваемых категорий... — Пивная — популярное в 1920-е гг. место досуга рабочих, особенно строительных, большинство из которых составляли крестьяне, ушедшие в город на заработки, — так называемые «отходники», или «сезонники». Одним из направлений воспитательной работы с такими рабочими было отвлечение их от пивных — закрытие пивных и открытие на их месте «культурных чайных», где после работы можно выпить чаю и послушать лекцию: «В Воронеже закрыты две пивные, расположенные на окраине города. <...> На Плехановской улице в помещении бывшей пивной открыта областная показательная станция и учебная пионерская мастерская» (Отовсюду // *ТуК.* 1930. № 2. С. 19); «На Семеновской площади открыта первая в Москве культурная чайная» (Отовсюду // *ТуК.* 1930. № 1. С. 19); «В борьбе за трезвость большое значение приобретают культурные чайные. Прежние очаги алкоголизма — трактир и пивная — должны уступить место этим новым формам организации отдыха и обслуживания досуга трудящихся масс. Обществом борьбы с алкоголизмом открыто в Москве на Семеновской площади рабочее кафе. Основная задача кафе — культурное обслуживание рабочих окружающих заводов и фабрик, отвлечение их от пьянки. <...> Проводятся лекции по вопросам общественного питания, гигиены, алкоголизма и пр. Вот, например, некоторые темы лекций: “Религия и человек”, “Как продлить жизнь”, “Человек — машина”, “Одежда, жилище и гигиена” и др. <...> Лозунг, который красуется над сценой, вполне отражает основную установку кафе: “Театр, радио, кино — заменят пиво и вино”» (Вместо пивной — рабочее кафе // *ТуК.* 1930. № 4. С. 19. Подписано: *Н.М.*) и т. д.

Пивная — один из устойчивых элементов «старого» в популярной альтернативе «старое и новое», где пивной противопоставлен клуб, а ее пьяным завсегдатаям — сознательные строители социализма: «Каждым вечером из-за угла / Порыжелая вывеска щурится, / Солодовая липкая мгла / Выползает

уныло на улицу. / И гудит, ничего не боясь, / Человечья разгульная масса. /
Иступленно рыдает баян / И певец захлебнулся романсом. / <...> / Гибнуть,
голову уронив, / И заливать горькие губы, / И не видеть, как вьются огни /
Над дверями рабочего клуба? / Есть же люди, что знают одно — / Это жизнь
свою строить и двигать. / Ходят в клубы, в театры, в кино / И читают газеты
и книги» (*Нестерова Н. Пивная // ТуК. 1930. № 8. С. 16*).

Отходниками еще до революции назывались крестьяне, уходящие из деревни в город на дополнительные заработки — «в отход». Эта деталь быта русской деревни и в первые годы советской власти не теряет своего значения. С началом же коллективизации количество «отходников» достигло небывалых размеров. Появилось даже понятие «неорганизованного отходничества» (не санкционированное и не контролируемое властями бегство из деревни). Такое поведение крестьян отвечало интересам государственной политики, так как для многочисленных строек первой пятилетки требовались рабочие руки. Эти строительные работы чаще всего носили сезонный характер (теплое время года), и поэтому крестьяне, уходящие в город на отхожий промысел, назывались иначе сезонниками. Низкий культурный уровень таких сезонных рабочих, а также их непростой быт в городе — одна из проблем, которую власть пыталась решать: «Пункты скопления отходников получили библиотеки-передвижки, радиоприемники, выделены специальные уполномоченные для связи с союзом (строителей)» (*Котов Н. Культобслуживание “сезонников”-отходников // Культ. рев. 1929. № 6. С. 35*).

Чтобы дать представление об уровне дохода *низкооплачиваемых категорий* в это время, когда и постоянные кадровые рабочие с трудом могли прокормить семью, приведем некоторые цифры по заработной плате рабочих и служащих на 1929–1930 гг. «Справочник цен на строительные материалы, рабсилу и транспортные средства» по союзу строительных рабочих некоторых округов ЦЧО приводит, например, такие данные на первый квартал 1930 г. (январь–апрель), с учетом 7-разрядной тарифной сетки: 1 разряд (чернорабочий-поденщик) — около 29 руб./мес.; 2 разряд — 36 руб./мес.; 3 разряд — 42 руб./мес.; 6 разряд — 60 руб./мес.; 7 разряд — 72 руб./мес. Журнал «Вопросы труда» в обзоре заработной платы за истекший период времени сообщает следующие данные: средняя заработная плата по союзу строителей в это время составляла 68,48 руб. у рабочих; 45,71 руб. у младшего обслуживающего персонала и 231,87 руб. у административно-технического персонала (*Цыбульский В. Заработная плата за период 1927–29 гг. // В. труда. 1930. № 5. С. 8–18*).

...в саду совторгслужащих... — Совторгслужащие — имеется в виду профсоюз, объединяющий служащих советской торговли; существовал наряду с такими, например, профсоюзами, как союз пищевиков, союз сахарников, союз строителей, союз текстильщиков и пр. Каждый профсоюз имел свою собственность: санатории и дома отдыха, городские сады и пр.

С. 71. *Пищевой служащий* — работник пищевой промышленности, пищевик. В профессионально-социальном делении послереволюционного общества (рабочие, крестьяне, интеллигенция и служащие) работники пищевой промышленности относились к категории служащих.

...двое пришедших кровельщиков... — Кровельщик (мастеровой, занимающийся настилом и ремонтом крыш) — распространенная в 1920–1930-е гг. профессия строительных рабочих: в разделе о спросе и предложениях рабочей силы, который был в большинстве газет первой пятилетки, много объявлений касалось кровельщиков.

— Тебе, бюрократ, рабочий человек должен одним пальцем приказывать... — Проблема бюрократизма — одна из основных в партийных решениях и постановлениях первого советского десятилетия (см. примеч. к либретто «Надлежащие мероприятия», *Сочинения*, 2. С. 826–828). На рубеже 1920–1930-х гг. она поднимается в связи с плохой работой госаппарата, которую руководство страны объясняет преобладанием в госаппарате старых чиновников, «проникнутых духом бюрократизма» (Государственный аппарат и борьба с бюрократизмом // *Календарь коммуниста*, 1930). Таким образом, «злейший бюрократизм», наряду с «международным капитализмом» и «сопротивлением кулачества», называются «врагами рабочего класса» («О самокритике»: Обращение ЦК ВКП(б) от 3 июня 1928 г. / *Справочник партийного работника*. Вып. седьмой. Ч. 1. 1930. С. 305–306). Борьба с бюрократами и бюрократизмом — постоянная тема общественной жизни, при этом бюрократизм понимается очень широко, а обвинение в бюрократизме распространяется и на бытовые ситуации: например, рабочие просят организовать им столовую, а хозяйственники отказывают в решении вопроса, они — бюрократы; директор не любит, когда рабочие его критикуют, он — бюрократ (Вырвем сорную траву бюрократизма // *Раб. газ.* 1929. 12 янв. С. 4). Периодически устраиваются проверки учреждений на наличие в них «бюрократов»: «1500 рабочих от станка, 130 студентов горной академии и 80 членов ЦКК сделали “налеты” на “бюрократов”. В строго секретном порядке “налетчики” являлись в учреждения и зорко приглядывались: как принимают посетителей. Вот галерея бюрократов и волокитчиков»: в ломбарде принимают только золотые вещи, а не ботинки, которые принесла работница; в медицинском учреждении отказываются прислать врача к больной после окончания записи и т. д. Автор этого сообщения делает такой вывод о бюрократах: «Их много. В учреждениях, в конторах предприятий, за прилавком. Простерлись комариной тучей, и часто не видать из-за них советского закона. Имя им — бюрократы. Мы мало жалуемся на бюрократов. Нам нужно научиться не спускать им. Это поможет очистить советский аппарат» (В борьбе за четкий аппарат // *Раб. газ.* 1929. 1 марта. С. 7).

...он пошел в завком — защищать свой ненужный труд. — Завком (или ФЗК, фабрично-заводской комитет) — орган профсоюза на предприятии, в задачи которого входила защита экономических интересов рабочих, внимание к их культурным и бытовым нуждам; участие в обсуждении вопросов организации производства, в найме и увольнении рабочих; обеспечение дисциплины на предприятии и пр.: «Основной и непосредственной задачей ФЗК является защита экономических интересов рабочих и служащих своего предприятия, удовлетворение их бытовых и культурных нужд, охрана труда и участие в обсуждении совместно с заводоуправлением вопросов, касающихся организации производства»; «участие в найме и увольнении рабочих и служащих»; «проведение среди рабочих и служащих профсоюзно-про-

летарской дисциплины» (Положение о союзных органах // Труд. 1925. 26 февр. С. 3).

— *Администрация говорит, что ты стоял и думал среди производства...* — То, за что был уволен Воцев, на официальном языке называлось «простой» — одна из наиболее распространенных форм нарушения трудовой дисциплины, например, на московском заводе «Серп и Молот»: «Простои, маленькие и большие, — от 10 мин. до 8 час. — повторяются ежедневно, как правило. Всего за 7 дней было 16 час. 15 мин. простоев. <...> После прогулов простои являются самой опасной вещью» (Прогулы и простои // Раб. газ. 1929. 23 мая. С. 3. Подпись: Н.М.).

— *О чем ты думал, товарищ Воцев? — О плане жизни...* — В 1920-е гг. понятие «план» прочно входит в повседневность; такие виды планов, как пятилетний, годовой, встречный, промфинплан и др., становятся частью жизни людей. Рассуждения о плановости как отличительной черте социалистической экономики нередки на страницах печати; их пафос — плановость преобразует психологию человека и делает его общественным: «Пусть решительный переход от анархического хозяйства к планово-социалистическому хозяйству необычайно труден, пусть мы делаем ошибки на этом пути, но одно несомненно: мы куюм социалистическим планом волю миллионов, сплоченных в одну огромную армию строителей социализма. ВСНХ и Госплан сами по себе не разрешат стоящих перед ними гигантских задач. <...> Нужен новый человек, общественный человек <...> Мы создадим такого человека, у которого наблюдения над действительностью и практические шаги будут неразрывно связаны» (Кржижановский Г. Новый человек // 30 дней. 1930. № 4. С. 3).

— *Завод работает по готовому плану треста.* — Трест — объединение государственных предприятий одной отрасли с централизованным управлением; например, ряд механических заводов в Ленинграде были объединены в Ленинградский государственный трест «Знамя труда».

С. 72. — *Я мог бы выдумать что-нибудь, вроде счастья, а от душевного смысла улучшилась бы производительность.* — Низкая производительность труда — одна из больших проблем первой пятилетки. Отсюда многочисленные призывы партии к рабочим — сознательно участвовать в социалистическом строительстве, проявлять активность в вопросе о производстве и предлагать пути повышения его эффективности; а к профсоюзам — перестроить формы и методы работы с массами и наполнить ее новым содержанием.

К 1930 г. в практике профсоюзной работы сформировался набор средств, направленных на повышение производительности. Среди наиболее распространенных — «красная доска, черная доска, черная касса, рогожное знамя» как «средства, стимулирующие повышение производительности труда», а также «вид общественного воздействия на лодырей, прогульщиков и т. п.». Встречались и более редкие средства «общественного воздействия»: «В Донбассе, например, распространен прием — *поставить на табуретку*, вид общественного воздействия на лодырей, прогульщиков и т. д. Их во время групповых и сменных собраний ставят на табуретку, с которой они дают объяснение причин плохого качества работы» (Словострой // 30 дней.

1931. № 9. С. 79). Кроме этих средств «общественного воздействия», для повышения производительности труда предлагались и разные формы производственного просвещения рабочих в рамках культуры работы: «массовые диспуты, лекции, беседы, вечера вопросов и ответов на злободневные производственно-технические темы»; а также всевозможные способы вызвать интерес рабочих к производству, как то: «организация производственных конкурсов, соревнований, производственных переключек между предприятиями», экскурсии на другие предприятия, стенгазеты и др. (Бондырев Н. Укреплять собственные ряды // *Культ. рев.* 1929. № 3. С. 3). Эти вспомогательные средства повышения производительности дополнялись прямыми, к каковым относили так называемые производственные совещания (новая форма рабочей активности — участие рабочих в регулярно проводимых совещаниях, где они вносили свои предложения по улучшению производства; введены в 1929 г.) и, конечно, ударничество и соревнование: «Одним из могучих рычагов производительности труда и трудовой дисциплины является социалистическое соревнование» (Гальперин М. Трудовую дисциплину — в центр общественного внимания // *Раб. газ.* 1929. 6 июля. С. 2).

Газеты пишут о творческой инициативе масс как огромном неиспользованном ресурсе повышения производительности: «Большие, еще далеко не использованные возможности поднятия производительности труда и снижения себестоимости таятся в творческих силах рабочих масс. <...> О том, насколько велико значение привлечения масс к управлению производством, <...> очень красноречиво говорят результаты смотра производственных совещаний. Смотр показал, что мы еще мало вовлекаем массы в управление производством» (Людвис В. Первые шаги пятилетки // *ЮК.* 1929. № 14. С. 28).

Призыв к профсоюзам привлекать к работе по повышению производительности многомиллионные рабочие массы, а также к самим массам — проявлять инициативу в этом вопросе, — звучит все громче: «Нужно широкое привлечение к практической работе добровольцев из числа рабочих, интересующихся культурной работой» (Лицом к производству! [Ред. статья] // *Культ. рев.* 1929. № 18. С. 2); «Шире дорогу рабочей активности» (*Раб. газ.* 1929. 10 сент. С. 4); «Вся энергия пролетариата — на поднятие производительности труда» (*Раб. газ.* 1929. 3 марта. С. 7). Параллельно с призывами к рабочей инициативе делается признание: «Старые формы [культуры работы] “навязли в зубах”, а новых мало» (Веселов С. Культура на службе соревнования // *Культ. рев.* 1929. № 20. С. 27).

— *Счастье произойдет от материализма, товарищ Воцев, а не от смысла.* — Материализм и идеализм — два главных философских направления, по-разному решающих основной вопрос философии: о первичности духа или материи, об отношении духовного к материальному; материализм является основой марксистско-ленинского учения о законах развития природы и общества, о коммунизме как последней общественно-экономической формации, разрешающей все общественные противоречия и уничтожающей зло и страдание, — учения, которое считалось мировоззрением рабочего класса. Материализм и идеализм также — важнейшие категории ранней публицистики Платонова (см.: *Культура пролетариата // Сочинения, 1(2).*

С. 90–100), в которой сам Платонов отдавал предпочтение материализму: он утверждал, что «жизнь неминуемо катится к общему счастью» (В чем свобода // *Сочинения*, 1(2). С. 71), путь к нему — «через советскую власть к коммунизму» (Ленин // *Сочинения*, 1(2). С. 18), который, в свою очередь, является плодом науки и научного осмысления мира (Сила сил // *Сочинения*, 1(2). С. 43); против же «врага научной истины и, следовательно, человечества, уже давно был выдвинут материализм» (Культура пролетариата // *Сочинения*, 1(2). С. 94), так что «вне материи для нас нет ценностей» (Революция «духа» // *Сочинения*, 1(2). С. 171). Понятие «материализм» может употребляться и в ироничном контексте — как обозначение материальных благ, вполне конкретных материальных предметов потребления, с которыми и связывалось обывательское представление о счастье.

Мы тебя отстоять не можем, ты человек несознательный, а мы не желаем очутиться в хвосте масс. — Так называемый «хвостизм» в разных областях строительства социализма (т. е. отсутствие инициативы и творческой активности, нежелание проводить в жизнь директивы руководящих органов и вести за собой массы) — один из многочисленных политических ярлыков времени («быть/плестись в хвосте требований жизни/масс») и одно из распространенных политических обвинений. Печать 1929–1930 гг. пестрит разоблачениями, которые относятся прежде всего к деятельности профсоюзов: «Плетущиеся в хвосте» (*Культ. рев.* 1929. № 15. С. 33. Подпись: Г.С.), «В хвосте у жизни» (*Культ. рев.* 1929. № 16. С. 3), «Старые методы породили хвостизм» (*Культ. рев.* 1929. № 19. С. 33); «Отдельные группы профсоюзных работников очутились в хвосте требований жизни и не смогли перестроить свою работу по-новому» (Изменить темп работы профсоюзов: Основные итоги II Пленума ВЦСПС [Ред. статья] // *Культ. рев.* 1929. № 11. С. 1). Обвинения в «хвостизме» часто выдвигались в адрес профсоюзов именно за безразличие к вопросам трудовой дисциплины: жизнь-де требует заботиться о трудовой дисциплине, а профсоюзы, вместо того чтобы идти во главе рабочих/колхозных масс, «плетутся в хвосте требований жизни».

— *Вы боитесь быть в хвосте ~ и сели на шею!* — Новое идеологическое клише («быть/плестись в хвосте требований жизни/масс») Платонов оттеняет старой языковой идиомой («сесть на шею»).

— *Тебе, Воццев, государство дало лишний час на твою задумчивость — работал восемь, теперь семь...* — О переходе на семичасовой рабочий день было объявлено в «Манифесте ко всем рабочим, крестьянам, трудящимся и красноармейцам СССР. К пролетариям и угнетенным всего мира», принятом на Юбилейной сессии ВЦИК, посвященной 10-летию революции. Этот переход осуществлялся постепенно. К концу 1930 г. намечалось перевести на сокращенный рабочий день около 1 миллиона рабочих. К началу 1930 г., как следует из профсоюзной печати, намеченный план успешно выполнялся: «За два года с момента провозглашения манифеста ЦИК мы перевели на 7 часов 400 тыс. рабочих, что составляет 20 проц. всего промышленного пролетариата» (Внимание переходу на 7-часовой рабочий день [Ред. статья] // *Труд*. 1930. 29 янв. С. 1). Пресса пишет и об отрицательных явлениях перехода на укороченный рабочий день: увеличиваются простои, перебои в работе предприятий, ухудшается обслуживание рабочих. Одно из таких отрицательных

явлений — неумение рабочих разумно и культурно использовать лишний час отдыха: «Культурные организации редко предпринимают меры для того, чтобы помочь рабочему, имеющему лишний час отдыха, использовать этот час как следует» (Там же).

В феврале 1930 г. переход на 7-часовой рабочий день уже увязывается с новыми реалиями рабочей жизни — непрерывной рабочей неделей и соревнованием: «Перевод на 7-часовой рабочий день всех предприятий всего нашего народного хозяйства будет полностью закончен в последующие два года, т. е. за год до окончания пятилетки. <...> Всю подготовку к переходу на сокращенный рабочий день нужно увязать с социалистическим соревнованием и непрерывной неделей» (*Гиммельфарб С. Больше внимания семи-часовому дню // На тр. фронте. 1930. № 4.*)

Он ушел из завкома без помощи. — К числу задач завкомов на предприятии относилось содействие инициативам рабочих масс, направленным на улучшение производства, что они делали далеко не всегда — критика профсоюзных организаций за невнимание к предложениям рабочих была постоянной темой советской печати рубежа 1920–1930-х гг.: «Профсоюзную работу нужно перестроить со всей решительностью. <...> Неповоротливость, неумение работать профсоюзных организаций привели в тому, что они *отстали от творческой инициативы рабочего класса*» (Энтузиазм масс проходит мимо профсоюзов // *ВМ. 1930. 3 февр. С. 1.*)

Но вскоре он почувствовал сомнения в своей жизни и слабость тела без истины... — Истина — важное понятие ранней публицистики Платонова: «Истины теперь хотят огромные массы человечества. Истины хочет все мое тело. <...> Истина — реальная вещь. Она есть совершенная организация материи по отношению к человеку. Поэтому и социальную революцию можно рассматривать как творчество истины» (Пролетарская поэзия // *Сочинения, 1(2). С. 164.*) Истина также — одно из ключевых понятий христианства: «Что есть истина?» (Ин. 18: 38), «Я есть путь, и истина, и жизнь» (Ин. 14: 6), «Истина сделает вас свободными» (Ин. 8: 32) и др.

...он не мог долго ступить по дороге ~ не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться. — Тема раннего творчества Платонова; цель, к которой должен стремиться победивший пролетариат, писатель видел в «постижении сущности мира» ради спасения от физических законов и достижения бессмертия: «История есть путь к спасению через победу человека над вселенной. И мы идем к бессмертию человечества и спасению его от казематов физических законов, стихий, дезорганизованности, случайности, тайны и ужаса. Конечная наша станция — постижение сущности мира» (Пролетарская поэзия // *Сочинения, 1(2). С. 162.*)

Умерший, пальй лист лежал рядом с головою Вощева... — Оторвавшийся от ветки лист — образ, встречающийся в Библии («И лист его не упадет»: 1 Пс.), фольклоре («С клена да березушки / Все листья падут...»), цит. по: *Самоделова Е.А. Рязанская свадьба: Исследование обрядового фольклора / Рязанский этнографический вестник. 1993. С. 165*), литературе художественной («Дубовый листок оторвался от ветки родимой»: *Лермонтов М.*) и даже философской («Один за другим, один за другим падали листья. <...> Один за другим, один за другим, как пожелтевшие листья,

отпадают дорогие люди»: *Флоренский*. С. 10); обычно символизирует человеческую судьбу.

С. 73. ...*двинулся из глубины города строй детей-пионеров...* — Пионеры — члены добровольной детской (от 9 до 14 лет) коммунистической организации; «ребята школьного возраста, вовлеченные в политико-просветительную работу» (Словострой // 30 дней. 1930. № 10–11. С. 137). В августе 1929 г. состоялся Первый Всесоюзный слет пионеров.

С. 75. ...*да здравствует Первое мая!* — Первое мая — один из основных государственных праздников в СССР; появился в ходе революционного движения: «Первое мая — день смотра сил борющегося за свое раскрепощение международного пролетариата, день международной демонстрации пролетарской солидарности. Начало этому празднику в 1889 г. положил первый конгресс II Интернационала, который объявил 1 Мая днем международной пролетарской солидарности» (*Календарь коммуниста*, 1930. С. 60). Назывался Днем Интернационала. В преддверии основных советских праздников, в том числе и накануне Первого мая, в периодике печатались лозунги этого дня; «Да здравствует 1-е мая — боевой смотр революционных сил пролетариата!» (Труд. 1930. 24 апр. С. 1) — один из них.

...*он увидел середину города и строящиеся устройства его. ~ в светлом месте электричества с желанием трудились люди...* — Картина стройки в первую пятилетку — одна из самых популярных на страницах печати. В 1930 г. начинает выходить журнал фотографий «СССР на стройке». Иллюстрированные журналы публикуют фотографии всевозможныхстроек — в журнале «Прожектор» в 1930 г., например, появляется разворот под названием «СССР в лесах. На социалистической стройке нашего хозяйства». Стройки — везде и всякие; тон рассказов о них — восторженный: «В визге / И грохоте / Кованном / Строится / Строится / СССР / Кроится / Жизнь / Поновому» (*Тобенгауз М. Непрерывная // На тр. фронте*. 1930. № 3). Именно новая жизнь считается целью этой великой стройки: «Великая стройка. Страна советов крепнет. Вся она охвачена стройкой. <...> Мы строим новую жизнь» (*Здоров А.З. Букварь для колхозников*. М., 1931. С. 54).

Воцев долго наблюдал строительство неизвестной ему башни... — О строительстве высотных домов-башен в Москве в 1929–1930 гг. см. примеч. к с. 82. Образы башен также представлены в мировой культуре и творчестве Платонова: Вавилонская башня (Быт. 9: 4–9); «башня» нового пролетарского мира в одноименной новелле писателя-пролеткультовца А. Гастева; башня Церкви в эсхатологическом «Видении» римского писателя-аскета первого века Ерма, известном и само по себе, и в пересказе П. Флоренского в книге «Столп и Утверждение Истины»; «высокая башня из гранита», с которой ассоциируется город революции Петроград, в статье Платонова «Рабочее братство» (*Сочинения*, 1(2). С. 41); «неимоверный дом», «вечный дом из железа, бетона, стали и светлого стекла» в рассказе «Усомнившийся Макар» (см.: *Сочинения*, 4(2). С. 48).

— *Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет?* — Ср. с записью Платонова в записной книжке во время работы над «Котлованом»: «Строя дома, человек расстраивает себя, убывает человек. С построением человек разрушен» (*Записные книжки*. С. 37). Возможна

также реминисценция идей В.В. Розанова о неизбежной гибели будущего «нового здания» социалистической культуры, высказанных им в книге «Уединенное» (об этом см.: *Корниенко Н.* История текста и биография А.П. Платонова (1926–1946) // *Здесь и теперь.* 1993. № 1. С. 146–147).

...лишь вода и ветер населяли вдали этот мрак и природу... — Ср. с первыми строками книги «Бытия», посвященными творению мира Богом: «Земля же была безводна и пуста и тьма над бездной, и Дух Божий носился над водой» (Быт. 1: 2).

С. 76. — *Ты смело можешь в бараке доспать. ~ Внутри сарая спали на спине семнадцать или двадцать человек...* — Бараки — основной тип рабочего жилья в первую пятилетку; антисанитарные условия и неблагоустроенная жизнь строительных рабочих в них — одна из тем периодической печати: «Вот факты. Общежития для рабочих, занятых на постройках при заводе АМО, <...> находятся в антисанитарном состоянии. В них так холодно, что рабочим приходится спать в пальто и сапогах. В бараках Мосстроя <...> воздух спертый, тяжелый. Пол моется раз в неделю. <...> Нет умывальников, мало света, зато много клопов. Полы моются редко и в бараках “Текстильстроя”. <...> Отопление плохое — рабочие спят в одеждах. Вешалок нет, урн нет — плюнуть некуда. Но есть плакат: “Плевать на пол некультурно — плюйте в урны”. <...> Контора “Строитель”, в которой будут работать 15000 человек, приготовила жилье только для 7000 сезонников. Обещали еще месяц тому назад построить 35 барачков, но пока не видно даже приготовления к их стройке» (Сапожник без сапог — строитель без жилья // *Раб. газ.* 1930. 11 апр. С. 6. Подпись: *А.К.*).

— *Лишь бы он по сословию подходил: тогда — годится.* — Согласно Постановлению Правительства СССР «О порядке найма и распределения рабочей силы и о борьбе с текучестью рабочей силы», на работу в промышленность «направлялись лица, наиболее близкие по своему социальному положению к рабочему классу» (Известия. 1930. 17 дек. С. 5). Таким сословием считались батраки и деревенская беднота. Все остальные сословия (интеллигенция и разные виды современной городской и деревенской «буржуазии»), как то: кулаки и нэпманы, не говоря уже о дворянстве и духовенстве) для работы на стройках социализма «не подходили».

С. 78. *...сказал Чиклину...* — *Чиклин* — реальная фамилия одного из коллег отца Андрея Платонова по Воронежскому паровозоремонтному заводу Платона Климентова, фамилию которого первоначально носил тот же персонаж; Чиклин упоминается в воронежской газете «Резец» среди рабочих Воронежского паровозоремонтного завода им. Дзержинского, бывшие Железнодорожные мастерские (Резец. 1930. 12 мая. С. 3; 1 июня. С. 3).

...когда же настанет пора бутовой кладки... — Бутом называется часть основания каменного здания, которая находится под землей, в вырытом рву: ров заваливается (а не выкладывается) камнем и заливается известью.

— *Биржа обещала прислать пятьдесят человек, а я просил сто...* — Биржа труда — орган Наркомата труда, где безработные регистрировались и распределялись по многочисленным стройкам страны. В 1930 г. проблема удовлетворения потребностей строительства в рабочей силе стояла очень

остро. Беседа на эту тему с наркомом труда СССР Н.А. Углановым, опубликованная в «Рабочей газете», так и называлась: «Будет ли строительство обеспечено рабочими?» (*Раб. газ.* 1930. 18 марта. С. 8). Нехватка рабочих рук и несоответствие между реальным предложением рабочей силы и заявками на нее с мест — частая тема газетных публикаций: «Наркомтруд в настоящий момент располагает на Украине 110 тыс. квалифицированных строителей. Ожидается прибытие 80 тыс. строителей из районов РСФСР и Белоруссии. <...> Между тем, места дали заявки на 330 тыс. строителей» (*Пут В.* Строительный сезон встретить во всеоружии // *Труд.* 1930. 12 янв. С. 4).

...под почвой была супесь... — Супесь — почва с большой примесью песка.

С. 80. *А сегодня — суббота: вам уже пора кончать. ~ Вы уже работаете больше шести часов, и есть закон.* — Имеется в виду «Постановление Народного комиссариата труда СССР от 27 февраля 1930 г. № 74», опубликованное в газете «Известия»: «О недопустимости удлинения рабочего дня и неиспользовании выходных дней» (*Известия.* 1930. 28 февр. С. 2). Принятие этого специального постановления было вызвано тем, что в первую пятилетку с ее бесконечными «прорывами» в производстве рабочие вынуждены были трудиться без выходных и даже оставаться на производстве по несколько суток, что приводило к нарушению ст. 103 КЗОТ, запрещающей сверхурочные работы.

...во всей России теперь моют полы под праздник социализма... — Имеется в виду 7 ноября, День пролетарской революции (официальное название праздника в 1930 г.).

С. 81. *Производитель работ...* — Производитель работ (сокращенно — прораб) — лицо, осуществляющее технический надзор за выполнением строительных работ; в первую пятилетку с ее многочисленными стройками — одна из популярных должностей (см., например, раздел «Спрос и предложения труда» в газете «Известия» за 1930 г.). На должность производителя работ принимались инженеры или техники со стажем практической работы. В обязанности производителя работ входило получение из госконторы общего плана выполнения строительства и внесение в него, на основе имеющегося опыта, необходимых изменений и дополнений; обеспечение строительства инструментами и рабсилой, путем своевременной подачи заявки в соответствующие органы; наблюдение за своевременным выполнением календарного плана работ; руководство разработкой мероприятий по снижению себестоимости работ и т. д. (Типовое положение о производителе строительных работ // *Наше стр.* 1931. № 3. С. 119–121).

С. 82. *Вот он выдумал единственный общепролетарский дом, вместо старого города ~ весь местный класс пролетариата выйдет из мелко-имущественного города и займет для жизни монументальный новый дом.* — Проектирование и строительство в Москве, Ленинграде и других городах страны домов-гигантов и домов-коммун для рабочих, в которых быт будет организован на социалистических началах и которые иногда называли «дома-города», — актуальная проблема рубежа 1920–1930-х гг.: «Город — один из главных двигателей к социализму. В то же время в городе почти забыли

об организации быта на социалистических началах. Необходимо немедленно приступить к строительству домов-коммун»; «Необходимо поднять самую яростную кампанию за постройку домов-коммун. Надо совершенно прекратить строительство домов старого типа» (В новых домах должен быть новый быт // *Раб. газ.* 1930. 7 янв. С. 5); «Сегодня открывается 1-й дом-коммуна жилищно-строительного кооператива “Замоскворецкий рабочий”. <...> Дом-коммуна первый в СССР» (Приходите на открытие дома-коммуны // *Раб. газ.* 1930. 11 янв. С. 6); «На Ново-Басманной улице уже начата постройка девятиэтажного дома-гиганта. Сейчас закончен проект дома-коммуны в Пролетарском районе в 10 этажей. <...> Разрабатывается проект постройки дома-коммуны на 1200 человек в Сокольническом районе. Решено построить такие же дома-коммуны в Краснопресненском и Бауманском районах Москвы и по одному — в Туле и Твери» (Дом-гигант на Ново-Басманной улице // *Раб. газ.* 1930. 4 апр. С. 6).

Дома-коммуны должны были обязательно включать объекты соцкультбыта: «Среди огромных корпусов выделяется первый дом-коммуна. Весь первый этаж дома-коммуны отводится для детского сада и яслей. Дети будут здесь находиться под присмотром опытных руководителей дошкольного воспитания. <...> На втором этаже открывается общественная столовая. Рядом со столовой заканчивается отделка клуба на 300 человек. В комнате отдыха все будет приспособлено к тому, чтобы каждый жилец, придя с работы, мог действительно отдохнуть в культурной обстановке. На шестом этаже оборудован специальный спортивный зал для физкультуры. На крыше дома устраивается каток. В летнее время вместо катка будет открыт солярий. В новом “Доме-коммуне” имеются все условия для осуществления социалистического быта» (Дом-коммуна на Шаболовке // *На тр. фронте.* 1930. № 1. Подпись: М.).

Вот как писали о строительстве в Москве самого высокого дома, который был назван «Домом Правительства»: «Против грязного галдящего Болотного рынка выросли громады “Дома Правительства”. <...> Против Болота растет и растет дом-город. <...> 7 корпусов, 12 этажей, самый высокий дом в Москве. <...> Этот дом по объему работ самый большой в СССР. <...> В верхних этажах всех семи корпусов будут жилые помещения. Но первая задача дома-города много значительнее, чем стать просто “жилплощадью”. “Дом Правительства” явится культурным центром в этом районе, огороженном кольцом фабрик и заводов. <...> Универмаг-гигант, оборудованный по последнему слову техники. Наконец, огромное помещение отводится под клуб. <...> Мы много строим. Старая Москва понемногу перекрашивает свое “лицо”. Здесь и там — леса, заборы, из-под которых тянутся кверху кирпичные и бетонные стены, новые многоэтажные дома-коммуны. Но то, что строится против Болота — ведь это город, в котором все — от крыши и системы паропроводных труб до маленького гвоздя — все последнее слово техники. Такого дома мы еще не видели» (*Гард Э.* Дом — город // *ВМ.* 1930. 27 янв. С. 2).

Как следует из той же периодической печати, сам народ нередко возражает против строительства домов-коммун: «Центрожилсоюз планировал строительство домов, рассчитанных на индивидуальное жилье, так как того

требовало само население и так как опыт строительства в Ленинграде домов с коллективным уклоном (общая кухня, детские и другие культурные учреждения) показал, что население предпочитает индивидуальное жилье. Население нужно воспитывать, приучать, перестраивать домашний быт — строить дома-коммуны, а не плестись в хвосте масс» (Строительная пятилетка обошла дома-коммуны // *Раб. газ.* 1930. 7 янв. С. 5).

Прушевский ~ не мог предчувствовать устройства души поселенцев общего дома... — Вопросы рационального построения домов-коммун в городах будущего рассматриваются в тесной связи с «внутренним содержанием» жизни в новых домах: «Города последовательно-социалистического типа уже строятся. <...> В неразрывной связи с вопросом о внешности и чисто механических чертах будущего города встают вопросы “внутреннего содержания” и в первую очередь культурной, вернее — социалистической культуры» (*Ломберг Л.* Контуры социалистической культуры // *Культ. рев.* 1930. № 12. С. 28). «Устройство души» нового человека, как правило, обсуждается наряду с вопросами нового быта: «Борьба за новый быт написана на всех наших знаменах. На путях к коммунистическому обществу наша важнейшая задача — подготовка нового человека, общественника и коллективиста. Всеми возможными средствами мы стараемся воспитать в молодежи стремление к коллективу, привить ей новые бытовые устои, навыки к общественным формам хозяйства и быта: колхоз в деревне, коммуна-общезитие в городе — вот те бытовые формы, к которым мы зовем молодежь» (Крепости старого быта // *Культ. рев.* 1930. № 2. С. 17. Подпись: *А.Д.*).

...чтобы не напрасно строились стены его зодчества... — За образами конкретныхстроек, которые планировались в стране, стояла более общая идея — построение социализма, о чем свидетельствуют современники Платонова: «Тысячи людей закладывают новые здания — новую жизнь» (Там, где кипит стройка // *Культ. рев.* 1929. № 17. С. 35. Подпись: *М.Д.*); «Для выполнения пятилетнего задания, / Перекроив по-своему года, / Построим мы социализма здание / Упорной волей, силой труда» (*Немчинский Н.* Повесть о Турксибе // 30 дней. 1930. № 5. С. 5).

Изо всякой ли базы образуется надстройка? — База («основание чего-либо») — русифицированная форма слова «базис», вместе с «надстройкой» образующего центральное понятие исторического материализма «базис и надстройка»: базисом общества, т. е. его реальным основанием, К. Маркс назвал экономическую структуру той или иной общественно-экономической формации (рабства, феодализма, капитализма и коммунизма) — совокупность материальных отношений, в которые люди вступают в процессе производства, обмена и распределения материальных благ. Над этими материальными отношениями, по мысли Маркса, возвышаются идеологические — политическая, культурная и духовная *надстройка*, отражающая общественное сознание. На рубеже 1920–1930-х гг. понятие «базис и надстройка» употреблялось широко: так, например, рапповец Л. Авербах, спорящий со своими литературными противниками, прибегает к такому рассуждению о роли идеологии в обществе: «Базис — причина, надстройка — следствие, но диалектика, как мы знаем, дает нам ключ к пониманию того, как следствие становится причиной» (*Авербах Л.* К критике взглядов проф. В.Ф. Переверзева) //

На лит. посту. 1930. № 1. С. 11). В записной книжке Платонова, где соби-
рался материал к «Котловану», также есть аналогичная запись: «Баба — база
двора, а мужики — надстройка» (*Записные книжки*. С. 34).

Понятие «база» входило также в устойчивые обороты времени — такие,
как «на базе индустриализации» и «на базе социализма». Кроме того, оба эти
понятия — и база, и базис — близки по значению к слову «фундамент», об-
разующему употребительную политическую метафору «фундамент соци-
ализма», на котором предстояло возводить само «здание социализма».

*Каждое ли производство жизненного матерьяла дает добавочным
продуктом душу в человека? — Производство жизненного матерьяла —*
соединение двух понятий политической экономии, «производство средств
производства» и «производство предметов потребления», с акцентом на вто-
рой части этого двуединого понятия. *Добавочный продукт* — также полит-
экономический термин: «добавочным продуктом» называется материальный
результат труда человека, та часть произведенных человеком материальных
ценностей, которая превышает необходимое для его пропитания и воспроиз-
ведения жизни. Отождествление «добавочного продукта» с душой носит
характер автореминисценции: в статье «О нашей религии», полемизируя с
теми, кто критиковал социалистическое учение за его внимание к удовле-
творению материальных потребностей людей, Платонов утверждал, что сна-
чала народ поест, а уже потом у него появится душа (*Сочинения*, 1(2). С. 78).

...если производство улучшить до точной экономии... — Возможный
намек на политическую кампанию второй половины 1920-х гг. под названи-
ем «режим экономии» («эпоха режима экономии» началась с «Обращения
ЦК ВКП(б)» от 25 апреля 1926 г. «О борьбе за режим экономии»); целью
данного курса было «усиление социалистического накопления» и «макси-
мальное обеспечение подъема индустрии» (О борьбе за режим экономии:
Обращение ЦК ВКП(б) // *Справочник партийного работника*. Выпуск шес-
той. Ч. I. М., 1927. С. 460).

С. 84. *...председатель окпрпрофсовета.* — Окпрпрофсовет (окружной
профессиональный совет; округ — административно-территориальная еди-
ница области) — одно из звеньев в организации любого профессионального
союза, вплоть до лета 1930 г., когда округа стали ликвидировать.

...счастье наступит исторически. — Согласно историческому мате-
риализму (исторический материализм — учение о закономерностях истори-
ческого развития общества, предложенное К. Марксом; наряду с диалекти-
ческим материализмом, составная часть марксизма-ленинизма), история
общества есть неуклонный процесс восхождения от низших общественно-
экономических формаций к высшим, так что гибель капитализма и замена
его коммунистической формацией являются неизбежными. Коммунизм же
мыслился как цель истории, подлинно человеческое общество, высшее раз-
витие всех материальных и духовных благ (исчезнет разделение труда, на-
ступит социальное равенство, свободное развитие каждого индивида станет
условием свободного развития всех и т. д., и т. п.), что равносильно счастью.
Эту мысль Маркса, ставшую основополагающей в историческом материа-
лизме, Платонов развил в ранней статье «В чем свобода»: «Он [Карл Маркс]
первый увидел, что весь ход жизни на земле идет ко все большему и

большему развитию, расширению, успеху ее <...> Мир непрерывно богатеет. Жизнь неминуемо катится к общему счастью. Если бы люди даже не захотели счастья, оно бы пришло к ним помимо их воли» (*Сочинения. 1(2). С. 70–71*).

...*Пашкин постоял лицом к земле, как ко всякому производству.* — «Лицом к производству» — с конца 1929 г. основной лозунг профсоюзов, о чем неоднократно напоминают в своих выступлениях профсоюзные лидеры: «Во главу всей союзной работы мы поставили лозунг “лицом к производству”. Чтобы осуществить эту задачу, мы перестраиваем сейчас всю союзную работу, меняя формы и методы ее» (*Шверник Н. За быстрейшую перестройку // Культ. рев. 1930. № 13–14. С. 8*).

Призыв к профсоюзам повернуться «лицом к производству» провозглашен в письме ВЦСПС «За поворот профсоюзов лицом к производству. За решительную перестройку форм и методов работы профсоюзов. Ко всем профорганизациям, ко всем членам профсоюзов, ко всем работникам и работницам» (Правда. 1929. 6 сент.). Данный документ принят после снятия М.П. Томского с должности председателя ВЦСПС в апреле 1929 г., в рамках исправления ошибок «старого профсоюзного руководства». С конца 1929 г. лозунг перестройки профсоюзной работы «лицом к производству» и призыв менять ее «формы и методы» практически не сходят со страниц периодики. По поводу данного лозунга профсоюзная печать постоянно ведет разъяснительную работу: «Лозунг “лицом к производству” — это требование к профорганизациям, чтобы они стали организаторами трудового героизма масс, направили ее подъем и творческую инициативу по правильному руслу. Мало того, профорганизации должны быть ближе к массе, замечать все новое, все сдвиги, которые происходят в рабочем классе» (Лицом к производству [Ред. статья] // Труд. 1930. 25 февр. С. 1).

— *Темп тих ~ Зачем вы жалеете подымать производительность?* — Недостаточность темпа в той или иной области социалистического строительства — одна из тем периодики первой пятилетки. Профсоюзы призывают своих членов перейти на ударные темпы работы и повышать производительность труда, поясняя: «Что значит — работать по-ударному? Это значит — отказаться от старого темпа труда, от халтурного и небрежного отношения к производству <...> Работать по-ударному — значит <...> создать такой темп труда, который был бы примером для рабочей массы...» (Ленинский призыв ударников // Рабочий полдень. Бесплатное приложение к журналу *Культ. рев. 1930. № 4. С. 1*).

...*вон у нас Воцев зачислился, а у него путевки с биржи труда нет...* — Регистрация безработных в органах труда и наличие путевки с биржи труда было обязательным условием при приеме на работу потому, что в путевке указывалось социальное происхождение ищущего работу (см. примеч. к с. 76). Кроме того, биржи труда при посылке на работу обязаны были «отдавать предпочтение лицам, которые не подвергались увольнению за грубое или систематическое нарушение трудовой дисциплины» (Как производится наем строителей // Справочник строителя. М., 1930. С. 29), — условие, которое препятствовало зачислению на стройку Воцева, уволенного с предыдущего места работы именно за нарушение трудовой дисциплины.

С. 85. *Тебе для прочности надо бы в физкультуру записаться...* — Первая пятилетка, составной частью которой была культурная революция с ее пафосом перевоспитания современного человека, ознаменовалась активной пропагандой физкультуры как средства такого перевоспитания: «Культурный быт не может не быть пронизан элементами физкультуры» (Солоневич И. Перестроим физкультуру // *Культ. рев.* 1929. № 13. С. 24); «Физкультура для нас — комплекс <...> целого ряда социально-гигиенических мероприятий и навыков и, конечно, средство и метод политического воспитания» (Иттин А. Смотр союзной физкультуры // *Культ. рев.* 1929. № 13. С. 23); «Одним из методов культурного воспитания рабочих является физкультура» (Как и где работают кружки физкультуры // *ТуК.* 1930. № 1. С. 18. Подпись: М.Н.).

Один из критикуемых недостатков физкультурного движения — оно не охватывает рабочие массы: «Массы рабочих до сих пор физкультурой не охвачены. В работе физкультурных кружков все еще преобладает погоня за рекордами» (Миллионы рабочих — в физкультуру // *Раб. газ.* 1930. 7 апр. С. 8). Призыв заниматься физкультурой звучит в периодике часто и настойчиво: «Восстанавливать и укреплять расходуемые силы можно только при помощи физкультуры! <...> Рабочий, если ты хочешь быть здоровым, бодрым, сильным, выносливым — занимайся физкультурой!» (Михельс В. За физкультуру! // *ТуК.* 1930. № 1. С. 10).

С. 86. — *Ты что, Козлов, — курс на интеллигенцию взял?* — Выражение *курс на...* — один из оборотов языка времени; обозначало те или иные тенденции и приоритеты в политике государства, например: «курс на индустриализацию», «курс на коллективизацию», «курс на сохранение и дальнейшее повышение темпов» и т. д. Об обороте *курс на...* как одном из военных терминов в языке эпохи см. наблюдение А.М. Селищева: «Не только в военно-морских делах, но и в политической общественной жизни *берут, ставят, держат курс на* что-либо или на кого-нибудь. Такие сочетания (*держат, брать курс на...*) входят в обиходную речь населения» (Селищев. С. 90).

С. 88. *На его столе находились различные жидкости и баночки для укрепления здоровья и развития активности...* — На рубеже 1920–1930-х гг. центральная пресса с удивительной регулярностью рекламировала три препарата «для укрепления здоровья и развития активности» схожего наименования и, возможно, действия: «Секарская жидкость. Extractum testiculorum», «Спермин-фармакон» и «Спермоль». Реклама этих препаратов размещена в таких, например, органах ЦК ВКП(б), как газеты «Правда» и «Рабочая газета»: только в феврале — марте 1930 г. реклама «Спермоли» появляется в следующих номерах «Правды»: 1, 15 февраля; 1, 15 марта; «Секарской жидкости»: 4, 18 февраля; 4, 11, 18, 26 марта; реклама «Секарской жидкости» в «Рабочей газете» за первые три месяца 1930 г.: 1, 5, 14, 21 и 28 января; 4, 18 и 25 февраля; 6, 11, 18 и 27 марта. Назначение одного из препаратов, «Спермоли», реклама объясняла так: «Для укрепления всего организма, нервной системы и как общетонизирующее». Все три препарата были схожими по составу, который просвечивает в русском названии и однозначно указан в латинском: «extractum testiculorum» — «вытяжка из семенных желез»,

экстракт для укрепления мужской силы. Следовательно, «активность», которую эти препараты развивали, была вполне определенного рода.

...Пашкин ~ научно хранил свое тело — не только для личной радости существования, но и для ближних рабочих масс. — Основные директивные документы профсоюзов в 1930 г. — письмо ВЦСПС, опубликованное в «Правде» 6 сентября 1929 г., и постановление III Пленума ВЦСПС. Эти документы требовали от профсоюзов перестройки работы и новизны в ее содержании. Одним из «лозунгов» такой перестройки был призыв к членам и руководителям профсоюзов вернуться «лицом к производству» (см. примеч. к с. 84). Второе требование гласило: стать «ближе к массам». Газеты пишут о низкой активности как самих профсоюзов, так и рабочих — требование вернуться «лицом к производству» и стать «ближе к массам» как раз и имело целью повышение их активности. Однако формализм и бюрократизм профсоюзных деятелей мешает выполнению поставленной задачи: «Бюрократы лежат колодой на пути перестройки профработы» (Чистка профаппарата // Труд. 1930. 6 марта. С. 3). Не исключено, что Платонов обыграл какую-то общеупотребительную шутку, связавшую лозунг «ближе к массам», а также стремление руководства страны активизировать равнодушное к проводимой политике население с рекламой «Секарской жидкости» и ей подобных препаратов («для развития активности» (см. примеч. выше).

С. 89. ...ведь тебе идет пенсия по первой категории... — Безногий Жачев был, вероятно, инвалидом I-й группы: «лица, которые не только не способны к труду, но и сами нуждаются в посторонней помощи» (Обеспечение инвалидов // Справочник строителя. М., 1930. С. 67), — и принадлежал к «контингенту Гражданской войны». Пенсия инвалидов Гражданской войны I-й группы в начале 1931 г. насчитывала около 35 рублей — именно в это время были установлены единые нормы социальных выплат; до 1931 г. размеры пенсий в разных районах страны несколько различались (Об установлении на 1931 г. контингента пенсионлируемых в порядке государственного обеспечения и о нормах пенсий для этих лиц: Постановление СНК РСФСР от 7 ноября 1930 г. // В. страхования. 1931. № 7. С. 34). Чтобы понять, насколько мизерными были пенсии инвалидов, можно сравнить их со средней заработной платой некоторых категорий работающих (см. об этом примеч. к с. 69).

С. 90. ...послал в ОблКК заявление... — ОблКК (областная контрольная комиссия) — орган партийного контроля, образована в 1920 г.; существовали также центральная, окружные, городские и районные контрольные комиссии; все контрольные комиссии относились к Наркомату рабоче-крестьянской инспекции (сокращенно — РКИ, или Рабкрин). Основное назначение КК — контроль за исполнением государственными учреждениями и общественными организациями директив партии, за партийной дисциплиной и нравственностью членов ВКП(б). В 1930 г. деятельность контрольных комиссий проходит под лозунгом борьбы с бюрократизмом и «чистки» советского аппарата, с целью улучшения его личного состава. Участие широких рабочих масс в деятельности КК приветствовалось как проявление самокритики, поэтому при КК имелись Бюро жалоб, которые работали по заявлениям граждан. При разборе этих заявлений особое внимание оказывалось жалобам,

имеющим общественно-политическое значение (Справочник работника КК-РКИ. М.-Л., 1931).

...даже к имени придирались: почему и Лев, и Ильич? — Разные половинки имени Пашкина принадлежали двум несовместимым, с точки зрения пропаганды 1930 г., вождям октябрьской революции и представляли собой наиболее идентификационную часть их личностей: Львом звали Троцкого (Лев Давидович), а отчество «Ильич» принадлежало Ленину (Владимир Ильич). При этом Ленин в 1930 г. считался непререкаемым авторитетом революционной теории и практики, а Троцкий — оппозиционером и врагом, и его в 1929 г. выслали из страны (отмечено А. Харитоновым).

...вынесла инвалиду бутылку кооперативных сливок... — Имеется в виду, бутылку сливок, купленных в кооперативном магазине. Розничная торговая сеть СССР в 1930 г. включала два типа магазинов: кооперативы (или потребительская кооперация) как предприятия государственной торговли — и «магазины в руках частника», оставшиеся со времен нэпа. В начале первой пятилетки (октябрь 1928 г.) «торговые единицы в руках частного торговца» составляли $\frac{2}{3}$ от всей торговой сети по стране, а в городах даже 70%. Поэтому перед потребительской кооперацией была поставлена задача — вытеснить частника из советской розничной торговли, и на 1 января 1930 г. розничный сектор в розничной сети составлял уже 77,7% (Рязанов Н. Розничная сеть Союза на пороге второй пятилетки // Народное хозяйство СССР. 1932. № 3–4. С. 117–130). Пропаганда конца 1920-х гг. призывала поддерживать государственную торговлю и покупать товары в советских кооперативах — см., например, лозунги дня: «Гоните частника со всех участков торговли», «Расширяйте охват рабочего бюджета кооперацией» (Труд. 1930. 18 янв. С. 4).

...все мелкие жители города хорошо знали, что сливочного масла нет... — Дефицит жиров, особенно сливочного масла, — одна из насущных проблем народного питания на рубеже 1920–1930-х гг., о чем свидетельствуют документы: «Положение со снабжением населения маслом напряженное. В январе установленная норма выдана полностью не была. Запасов масла почти не имеется» (Спецсводка № 2 ИНФО ОГПУ о перебоях в снабжении продовольствием промрайонов и городов от 17 февр. 1930 г. // Совершенно секретно, 8(2). С. 873); «Норма животного и растительного масла повсеместно сокращена и по ряду округов в феврале и марте масло совершенно не выдавалось...» (Спецсводка № 6 // Там же. С. 883). Сливочное масло отсутствовало в свободной продаже; через специальные распределители оно выдавались только некоторым категориям работающих граждан: «Животное масло в феврале выдавалось лишь рабочим промышленных районов» (Там же. С. 884).

С. 91. *...когда Чиклин работал на прочистке реки от карчи...* — Автобиографическая деталь: в начале 1920-х гг. Платонов исполнял обязанности губернского мелиоратора, а затем, в середине и второй половине 1920-х гг., — куратора гидротехнических работ в Центрально-Черноземной области от НКЗ. Как губернский мелиоратор, Платонов проводил работы по очистке дна рек Воронеж, Тихая Сосна и других водных артерий Воронежской губернии, для улучшения их судоходных условий. О работе Платонова по очи-

стке рек Воронежской губернии см. его статьи «Река Воронеж, ее настоящее и будущее» (1923), «Мелиоративные работы в нашей губернии» (1924) (*Сочинения*, 1(2). С. 421–427, 472–478), а также записные книжки 1929–1930 гг. (*Записные книжки*. С. 24; 316). *Карчой* называют засоряющие реку коряги, ветвистые обломки, деревья и пр., опасные для рыбаков и судов.

Мы все свое тело выдавливаем для общего здания... — Идея, многократно повторяющаяся в платоновских произведениях рубежа 1920–1930-х гг.: см., например, в повести «Ювенильное море»: «Вермо понял, насколько мог, Ленина и Сталина: их мысль — это большевистский расчет на максимального героического человека масс, приведенного в героизм историческим бедствием, — на человека, который <...> творит сооружение социализма в скудной стране, беря первичное вещество для него из своего тела» (наст. изд., с. 244).

С. 93. *А если ты, Козлов, умственную начинку имеешь и в авангарде лежишь...* — В авангарде — значит, во главе, в первых рядах. Чаще всего «авангардом» называлась коммунистическая партия, которая считалась передовой частью общества (широко известно определение В. Ленина: «Партия — авангард рабочего класса»).

...в старое время, когда работал на кафельно-изразцовом заводе. — *Кафельно-изразцовый завод* — реалія дореволюционного Воронежа; подробнее об этом см. примеч. к с. 101.

С. 94. *...какую бы ему наиболее благополучную линию принять в отношении сидящего представителя интеллигенции.* — О роли понятия *линия* в языке эпохи см. наблюдение А.М. Селищева: «В языке революционных и советских людей очень много терминов военного происхождения: <...> “армия”, “авангард”, “линия”» (*Селищев*. С. 85), «По многочисленным линиям происходит партийная и общественная деятельность. В общественной деятельности термин *линия* заменяет собой “образ действия”, “направление”, “курс”» (*Селищев*. С. 134). Наиболее употребительные в 1929–1930 гг. выражения со словом «линия»: «ленинская линия», «генеральная линия партии», «линия товарища Бухарина», например: «У нас имеются на деле две линии. Одна линия — это генеральная линия партии, революционная ленинская линия нашей партии. Другая линия — это линия группы т. Бухарина» (*Сталин И.* О правом уклоне в ВКП(б) // *Сталин*. С. 286).

...раз курс на спецов есть... — *Спецами* в 1920-е и в начале 1930-х гг. назывались, как правило, специалисты непролетарского происхождения («старые спецы», «буржуазные спецы»), получившие высшее образование до революции; многие из них принадлежали к технической интеллигенции. Такие специалисты считались политически неблагонадежными, и государственная политика по отношению к ним была переменчивой: чаще — репрессивной («шахтинский процесс» 1928 г. и следовавшие за ним репрессии против технической интеллигенции); иногда, при углублении экономического кризиса, — лояльно-потребительской. Так, в статье 1929 г. «Год великого перелома» Сталин говорит о «приобретении десятков тысяч советски настроенных техников и специалистов к социалистическому строительству» (*Сталин*. С. 291). Однако в широком словоупотреблении понятия «специалист» и «спец», как правило, противопоставлялись: см., например, письмо

Платонова 1927 г. к неизвестному лицу, где Платонов пишет о себе: «Я специалист, а не “спец”, я не меньше пролетарий, чем председатель ЦК» (Письма. С. 248).

С. 94–95. — *Я четыре месяца взносов в профсоюз не платил. ~ Теперь вы механически выбывший человек: факт!* — Первой обязанностью члена профсоюза было «своевременно и аккуратно платить членские взносы»; «лица, не уплатившие членского взноса в течение трех месяцев без уважительной причины», из профсоюза автоматически выбывали (Как устроен профсоюз строительных рабочих // Справочник строителя. М., 1930. С. 74).

С. 97–98. *...перейти на инвалидную пенсию, чтобы целиком отдаться наибольшей общественной пользе ~ Я сегодня в соцстрах пойду становиться на пенсию...* — Соцстрах (социальное страхование) — система материального обеспечения и поддержки граждан в старости, а также в случае потери трудоспособности; обеспечивала пособиями по временной нетрудоспособности, инвалидности, старости, безработице и пр. Чтобы получить пенсию по инвалидности, работник должен был подать заявление в страхкассу и справку о наличии стажа по найму, а также «акт о несчастном случае, если инвалидность наступила вследствие трудового увечья» (Справочник строителя. М., 1930. С. 70). Однако в работе органов соцстраха в 1929–1930 гг. было много нарушений, одно из которых — постановка на пенсию по инвалидности совершенно здоровых людей. Пресса этого времени сообщает о многочисленных нарушениях в работе врачебной комиссии по установлению инвалидности; о неудовлетворительном составе врачебно-экспертных комиссий; о случаях непризнания инвалидами людей со стойкой утратой трудоспособности, равно как и попадания в число инвалидов здоровых людей (см. об этом: *Мирский С.* Экспертиза инвалидности: Выправить работу // *В. страхования.* 1929. № 2. С. 18–19).

С. 98. *Жачев ~ ударил Козлова со всей скорости молчаливой головой в живот. ~ Я хотел, чтоб он первый разряд пенсии получил!* — 19 февраля 1930 г. в центральных газетах «Труд» и «Известия» был опубликован новый документ, касающийся начисления пенсий, — Постановление ЦИК и Совета Народных Комиссаров СССР «Положение о пенсиях и пособиях по социальному страхованию». Согласно этому Положению, «право на пенсию по инвалидности имеют лица, работающие по найму, в случае наступления у них инвалидности (стойкой нетрудоспособности)». При этом, однако, разумная по величине пенсия («в размере полного заработка от работы по найму») назначалась только инвалидам первой группы («неспособным к труду и нуждающимся в постоянном уходе»), если эта «инвалидность наступила вследствие несчастного случая, связанного с работой по найму» (Положение о пенсиях и пособиях по социальному страхованию // *Известия.* 1930. 19 февр. С. 5).

Козлов, опомнившись, заявил, что он видит в ночных снах начальника Цустраха товарища Романова... — Цустрах — Центральное управление социального страхования, орган при Наркомате труда СССР, начальником которого с марта 1929 г. и до конца 1930-х гг. был В.А. Котов. Что касается «товарища Романова» (М.И. Романова), то он был начальником Главсоцстраха (Главное управление социального страхования — орган при

Наркомате труда РСФСР). Опубликованные в прессе многочисленные документы по социальному страхованию подписаны то «начальник Главсоцстраха тов. Романов», то «начальник Цустраха тов. Котов», а под некоторыми стоят подписи обоих начальников. Так что перепутать их было не сложно, что и сделал Козлов. Но он не только перепутал Котова с Романовым или возглавляемые ими ведомства, но и не уследил за административными перестановками: отчеты, циркуляры и прочие документы Главсоцстраха, которые публикуют газеты «Труд», «Известия», журнал «Вопросы страхования», до конца 1929 г. подписаны М.И. Романовым. Но в конце 1929 и в начале 1930 г. в НКТ РСФСР проходит «чистка» (о чистке соваппарата см. примеч. к повести «Ювенильное море», с. 610–611 наст. изд.), о которой сообщает журнал «Вопросы страхования». В ходе «чистки» некоторые чиновники смещаются со своих постов («вычищаются»). Видимо, нечто подобное произошло с М. Романовым в январе 1930 г.: февральский номер журнала «Вопросы страхования» за 1930 г. в разделе «Как живем, что делаем» под словами «В Главсоцстрахе РСФСР» сообщает: «Вместо тов. Романова М.И. начальником Главсоцстраха РСФСР назначен зав. фондовым отделом Главсоцстраха тов. Михайлов М.К.» (*В. страхования*. 1930. № 5. С. 26). Подпись М.И. Романова на некоторое время исчезает из документов и только в сентябре 1930 г. опять появляется, сначала с такой расшифровкой: «За Народного комиссара труда РСФСР М. Романов», а через некоторое время «Нарком труда РСФСР М. Романов».

С. 99. ...мало ли кто еще живет без участия в строительстве... — Идея «строительства» формировала многие ключевые понятия первой пятилетки: строительство социализма, колхозное строительство, физкультурное строительство и пр., — этим словом называлось все, что относилось к переделке и преобразованию жизни. При этом «без участия в строительстве» жили многие граждане: во-первых, так называемые «лишенцы» — лишены прав и «участия в строительстве» по социальному происхождению; во-вторых, многие из тех, для кого это «строительство» проводилось, — люди, равнодушно относившиеся к преобразованиям в стране. О подобных настроениях «неучастия в строительстве» свидетельствуют документы времени, например, «письма во власть» 1929–1930 гг.: «Вы заменяете смысл жизни, мудрость ее — бессмысленным строительством человеческого муравейника» (Письмо *Н. Симанского* в Наркомпрос // *Письма во власть*. С. 107); «Еще учесть <...> наше недоконченное строительство, наше государственное обеднение, то приходится задуматься над тем, на что же опереться? На энтузиазм, на подъем духа? К сожалению, этого нет» (Письмо *Тарановича* В.М. Молотову // *Письма во власть*. С. 148).

...он приезжал верхом на коне, так как экипаж продал в эпоху режима экономии... — Режим экономии — название вынужденной государственной политики, направленной на экономию средств и ресурсов с целью скопления их для подъема индустрии. Началась с «Обращения ЦК ВКП(б) от 25 апреля 1926 г. «О борьбе за режим экономии» (см.: Справочник партийного работника. Выпуск шестой. Ч. I. М., 1927. С. 460–461); получила отражение в рассказах Платонова «Мавра Кузьминишна» и «Экономик Магов» (1926), а также в повести «Город Градов» (1927). XVI партконференция

(апрель 1929 г.) подводит итог этой борьбы: «Борьба за режим экономии и развертывание работы по рационализации советского аппарата за последние два года дали уже значительные практические результаты» (Резолюция XVI партконференции // Справочник партийного работника. Выпуск седьмой. Ч. I. М., 1930. С. 248).

...проводить этого мужика в союз... — Имеется в виду профсоюз строительных рабочих (членство в профсоюзе — обязанность работающих граждан).

...как обслуживающую силу... — *Обслуживающая сила*, или сфера обслуживания, — название рода деятельности по оказанию услуг населению.

...но не знал, сколько скотины у него в деревне на дворе и отсутствуют ли батраки... — Сведения о количестве скота в крестьянском хозяйстве и использовании наемной силы — важная информация для определения социального статуса крестьянина (бедняк, середняк, кулак).

С. 100. *...надо лишь сберечь детей, как нежность революции...* — Политика молодого советского государства была ориентирована на подрастающее поколение как будущих строителей коммунизма: «Нам нужно обеспечить правильное воспитание поколения социалистического строительства, которое станет и поколением мировой социальной революции» (*Млечин В.* Завоевать командные высоты детской литературы // *ВМ.* 1930. 8 февр. С. 2); «Борьба за детей — борьба за будущее рабочего класса» (Накануне всесоюзного слета пионеров [Ред. статья] // *Правда.* 1929. 13 авг. С. 1); «Нигде не заботятся так о детях, как в Советском Союзе. Им принадлежат дворцы, лучшие сады, многочисленные детские учреждения» (*Смирнов А.* Всесоюзный слет пионеров // *Культ. рев.* 1929. № 13. С. 5).

...и оставить им наказ. — *Наказ* — понятие, введенное в активный речевой оборот после революции (см. об этом: *Селищев.* С. 28, 199). Своего рода «наказ» давался «детям батраков, бедноты, колхозников и рабочих» — статья «пролетарской сменой» и продолжать дело революции. Особенно настойчиво тема детей и «наказа» им звучат в период подготовки и проведения первого слета пионеров в августе 1929 г.: дети обязаны «овладеть в период так называемого “бесправного возраста” опытом классовой борьбы и строительства» (*Кошелев Ф.* Всесоюзный пионерский слет — глубокая проверка классового воспитания пролетарской смены // *Беднота.* 1929. 13 июля. С. 2). Как результат претворения в жизнь данного «наказа» — активное участие детей во взрослой жизни: в налетах «легкой кавалерии», в проверках советских, кооперативных, профсоюзных и общественных организаций (О слете пионеров // *30 дней.* 1929. № 8. С. 73), в проведении хлебозаготовок и пр. Политика приобщения детей к делу революции получает положительную оценку: «О таком детстве, отрочестве, юности, вдохновленных самой высокой целью, которую когда-либо ставило себе человечество, еще не написано ни в каких романах...» (*Нитуборг Л.* Новое поколение // *30 дней.* 1930. № 2. С. 73). Воспитанные таким образом дети уже сами дают «наказ» взрослым: «Почти повсеместно в СССР во время перевыборов советов практиковались специальные детские наказания советам. Наказания эти обычно принимались на детских собраниях и конференциях <...> Дети сильно опечалились, когда

узнали, что еще не доросли немного, чтобы давать наказ горсовету...» (Львович Г. Дети и политика // *Наши дост.* 1929. № 4. С. 30).

...не поставит ли нам радио — для заслушивания достижений и директив! У нас есть здесь отсталые массы, которым полезна бы была культурная революция... — Культурная революция — одно из направлений государственной политики после революции. Программа культурной революции включала прежде всего воспитание и образование масс, поэтому радио как средство массового политического воспитания и культурно-просветительской работы приобретает особое значение. Вот как объясняется значение радио: «В СССР эфир призван на службу рабочему классу. По радио проводится учеба, выходят различные газеты, ведется нужная нашему строительству политическая пропаганда. Радио в нашей стране — учебная кафедра, политическая трибуна, эстрада» (*Тэсс Т. Мобилизация эфира* // 30 дней. 1931. № 1. С. 61).

Радио становится одним из символов новой жизни, его значение в жизни человека усиленно противопоставляется церкви: «Поповской брехне противопоставим радио» (Лицом к деревне. 1929. № 24. С. 20); рисунок в букваре: крестьяне за столом, на столе — рупор; подпись: «Вместо звона церковного слушают радио» (Вперед, за колхоз! Книга для обучения грамоте в сельской школе. М.—Саратов, 1930. С. 91). В рамках культурно-просветительской работы населению рекомендуется проводить тематическую игру «Старое — новое», в которой одна команда игроков представляет «старое», а другая — «новое»: в этой игре «новое» должно победить «старое». Предлагаются и примеры борющихся параллелей из этих двух сфер: лодырь — ударник; комсомолец — хулиган; радио — церковь (Тематические игры // *Дер. театр.* 1930. № 8. С. 30).

Периодика публикует многочисленные фотографии людей, слушающих радио: «Крестьяне слушают радио» (Лицом к деревне. 1928. № 1. С. 14); «Радио в артели “Братская жизнь”» (Лицом к деревне. 1928. № 3. С. 15); «Агрономические курсы по радио. Колхозники учатся по радио в избечитальне» (*Тук.* 1930. № 3. С. 6–7). Газеты регулярно печатают лозунги на тему радио: «Направим радиоволны в колхозы и совхозы» (Беднота. 1930. 4 янв. С. 3); «Радиостановки — на посевной фронт» (Беднота. 1930. 6 апр. С. 3). В целях пропаганды радио и внедрения его в жизнь организуется общество «Друзья радио» (ОДР).

...воздя ликбеза и просвещения... — Политика ликбеза (ликвидации безграмотности) и просвещения была начата В. Лениным и затем явилась частью культурной революции. Данная работа находилась в ведении Народного комиссариата просвещения. Наркомом просвещения в 1930 г. был Бубнов А.С.

С. 101. *...ездили угольщики...* — Угольщик — человек, торгующий углем.

Кафельный завод был в травянистом переулке, по которому насквозь никто не проходил, потому что он упирался в глухую стену кладбища. — До революции в Воронеже было два кафельно-изразцовых заводов, на которых работало пять человек («Памятные книжки Воронежской губернии» за 1900 год. Воронеж, 1899. С. 82). Один из них, принадлежащий братьям М.И. и А.И. Павловым, располагался рядом с Чугуновским кладбищем,

примыкавшим к Ямской слободе. На плане Воронежа 1910 г. на Чугуновское кладбище выходят и упираются в него два переулка — Миллионный и Вознесенский; в одном из них и располагался кафельный завод. На Миллионной улице в отрочестве и юности жил сам А. Платонов, и эти места были ему хорошо знакомы (Справку о кафельно-изразцовом заводе в Воронеже подготовил *Б.А. Фирсов*, главный библиограф отдела краеведения ВОУНБ им. И.С. Никитина).

— *Тут, дорогой человек, консервация...* — Консервация — временная приостановка какого-то вида деятельности, например, работы предприятия или строительства. После революции многие небольшие дореволюционные предприятия оказались заброшенными.

С. 104. *...снабдил жилище землекопов радиорупором...* — Радиорупор — один из видов радиоточки, в форме трубы с расширяющимся концом для усиления звука; рупоры устанавливали как на улице, так и в других местах массового пребывания людей, например, в рабочем общежитии или клубе: «Радио — во все клубы, во все рабочие дворцы» (Прожектор. 1930. № 7. С. 24). О радио см. также примеч. к с. 100.

...мы должны мобилизовать крапиву на фронт социалистического строительства! Крапива есть не что иное, как предмет нужды за границы... — Одна из проблем первой пятилетки — экспорт советских товаров за границу и получение валютных средств на развитие индустриализации. В конце 1920 — начале 1930-х гг. средства массовой информации регулярно повторяли о необходимости выполнения экспортного плана, о поиске новых валютных ресурсов и о значении так называемого «второстепенного экспорта», к которому относили прежде всего утильсырьё: «Большой спрос на утильсырьё предъявляет за граница» (Миллионы на помойках и свалках // 30 дней. 1930. № 2. С. 81). Одним из видов «второстепенного экспорта» объявляется и крапива — прежде всего потому, что она является лекарственным сырьём. В начале 1930 г. кампания «Лектехсырьё» обратилась к учителям и школьникам с призывом собирать крапиву, о чем рассказывает газета «Известия». В воззвании приводится пример того, как необходимая стране валюта, из-за отсутствия заранее заготовленной крапивы, была упущена и заказ на экспорт за границу 2000 т крапивы на сумму 400 тыс. зол. руб. не выполнен (Внимание к лекарственным травам // Известия. 1930. 15 янв. С. 4). Крапива как одна из статей второстепенного экспорта неоднократно рекламируется в печати, причем называются и другие ее свойства, помимо лекарственных: «По всему Союзу идет месячник сбора утильсырья. В трамваях, на вокзалах и в поездах — всюду яркие плакаты, зовущие сдавать государству отбросы хозяйства. <...> Крапива дает волокно, такое же крепкое, как лен. Крапивное волокно годится для изготовления толя, рогожи, картона и грубых тканей. Кроме того, крапива содержит целлюлозу и годится для изготовления бумаги» (*Зморская Е.* Отбросы — в тракторы // Беднота. 1930. 6 марта. С. 4). На актуальность темы утиля откликнулись советские писатели; так, журнал «30 дней» публикует очерк К. Паустовского «Всякий хлам», в котором говорится и о крапиве: «Что такое крапива? Бурьян. Худая трава. Здесь “народная мудрость” дала осечку. <...> Появилась научная станция по исследованию лубяных волокон. Она не побрезговала крапивой. Она разъяла

крапиву на части и выяснила, — волокно крапивы прочно, как лен, и годится для изготовления простой ткани. В крапиве много чистой целлюлозы. Из крапивы можно делать бумагу» (*Паустовский К.* Всякий хлам // 30 дней. 1930. № 4. С. 49).

...мы должны ~ обрезать хвосты и гривы у лошадей! Каждые восемь тысяч лошадей дадут нам тридцать тракторов!.. — Один из видов «второстепенного экспорта», который призывают собирать в период «месячника по сбору утильсырья» (январь 1930 г., затем продлен), — конский волос: «Сбор второстепенного экспорта — боевая задача всей советской общест-венности» (Беднота. 1930. 9 янв. С. 3); «Мы приветствуем предложение “Бедноты” о массовой заготовке конского волоса. В этом направлении осо-бенно большая работа развита в нашей области, в Острогожском округе. <...> На специальных крестьянских сходках уже обсуждались вопросы об обрезании хвостов у лошадей. Крестьяне охотно встречают предложение производить обрезку» (Через экспорт увеличим число тракторов на полях ЦЧО // Беднота. 1930. 9 янв. С. 3). Польза от сбора конского волоса обычно увязывалась с теми тракторами, которые может получить деревня: «Тысячи тракторов деревне за предметы второстепенного экспорта» (Беднота. 1930. 4 февр. С. 2). О том, как крестьяне реагировали на эти призывы, свидетель-ствуют сообщения в прессе: например, крестьяне ряда деревень Самарской области «срезают лошадиные гривы и волосы с хвостов и сдают, как экс-портное сырье» (Конский волос на тракторы // Известия. 1930. 9 янв. С. 1). О кампании 1930 г. по сбору утильсырья см. также примеч. к с. 154, 165, 171.

Вызываю вас, товарищ Воцев, соревноваться на высшее счастье на-строенья! — Соревнование, наряду с ударными бригадами, — так называе-мые формы социалистического труда; введено в мае 1929 г. (см. об этом примеч. к с. 143). О том, насколько идея соревнования вошла в повседне-вный обиход и насколько неожиданными могли быть объекты соревнования, свидетельствует, например, письмо стрелочника, зарабатывающего 46 руб-лей 20 копеек в месяц и имеющего на своем обеспечении семью из шести человек, М.И. Калинину, зарегистрированное 19 сентября 1929 г.: «Вызываю на социалистическое соревнование Михаила Ивановича Калинина. <...> Я вызываю всех рабочих и трудящихся С.С.С.Р. в том смысле, чтобы каж-дый советский человек прожил один месяц на 40-рублевом жалованье. А остальное, свыше сорока рублей, отдал бы в фонд укрепления Красной армии и вооружения» (*Письма во власть.* С. 98).

С. 104–105. *...здесь радио смолкло; наверно, лопнула сила науки...* — Сообщения о плохой работе радио или о том, что недавно установленное радио не работает вообще, в периодике рубежа 1920–1930-х гг. нередки: «Радио безмолвствует» (*Колосов Н.* Радио безмолвствует // *Культ. рев.* 1929. № 4. С. 36); «Проводимая сейчас массовая радиофикация, а также начавшиеся в некоторых местах радиопоходы Общества друзей радио уменьшают число “громкомолчащих” установок» (*Кротов С.* Вынесем радио на колхоз-ные поля // Беднота. 1930. 6 апр. С. 3); «Первое время радио говорило, а потом устало и замолкло» (*Шестаков К.* По следам радиоголовотпяства // Беднота. 1930. 6 апр. С. 3).

С. 105. — *Поставим вопрос: откуда взялся русский народ? И ответим: из буржуазной мелочи!* — Основную часть дореволюционного населения России составляли крестьяне, т. е. так называемая «мелкая буржуазия», что создавало особую сложность для коммунистической работы.

А потому мы должны бросить каждого в раскол социализма, чтоб с него слезла шкура капитализма и сердце обратило внимание на жар жизни вокруг костра классовой борьбы и произошел бы энтузиазм!.. — Вопрос о классовой борьбе при диктатуре пролетариата — один из пунктов полемики И. Сталина с Н. Бухариным и так называемыми «правыми». Эта полемика получила отражение в речи Сталина на апрельском Пленуме 1929 г. «О правом уклоне в ВКП(б)». Сталин осуждает «немарксистский подход т. Бухарина к вопросу о классовой борьбе в нашей стране», который состоит в том, что «тов. Бухарин думает, что при диктатуре пролетариата классовая борьба должна погаснуть» (Сталин. С. 251). Таким образом, точка зрения Бухарина на классовую борьбу при социализме закрепляется в формуле «затухание классовой борьбы», а Сталина — в формуле «обострение классовой борьбы». Считалось, что лозунг «обострения классовой борьбы» в реконструктивный период питает энтузиазм масс: «*Не тишина и безмятежность, а яростная классовая борьба — наш лозунг*» (Очередные задачи комсомола // *Календарь коммуниста*, 1930. С. 215).

...вся артель... — Артель — бригада крестьян-сезонников, которые на разных стройках работали вместе; вместе жили, имели своего повара и ответственного за хозяйственные нужды. Иногда крестьяне приходили из деревни уже готовой артелью, иногда — артель формировалась на бирже труда (о работе артелей см: *Медынский Г. Самстрой* // Октябрь. 1930. № 7. С. 77–79, 95).

— *Эх ты — масса, масса! Трудно организовать из тебя кулеш коммунизма!* — Кулеш — густая крупяная похлебка.

С. 106. — *А что лучше — ледокол «Красин» или Кремль?* — 10 июля 1929 г. в 11 часов 45 минут линейный ледокол Арктического флота СССР «Красин» вышел во второй полярный поход (первый — в 1928 г.). Газеты периодически публикуют репортажи об этом походе «за завоевание северного морского пути» — письма с «Красина», фотографии, рассказы о демонстрациях рабочих тех иностранных портов, куда прибывал «Красин», и пр.

С. 108. *...одни опорки ~ валялись...* — Опорок — часть отпоротой одежды или обуви, в том числе башмаки, сделанные из сапог отрезкою голенищ (Даль).

Жачев ~ один знал, что СССР населен сплошными врагами социализма... — Большой список врагов социализма (вредители, кулаки, попы, бюрократы, прогульщики, разгильдяи, пьяницы, взяточники, «летуны», врачи, «очковтиратели», оппортунисты, «зажимщики самокритики», «хвостисты» и т. д., и т. п.) можно найти на страницах печати, например: «Смертельно врага наши предприятия имеют в лице кулаков, проникающих на производство» (Усилить бдительность [Ред. статья] // Труд. 1930. 10 февр. С. 1); «Наши классовые враги — нэпманы, кулаки, попы всех религий, вредители и бюрократы — оказывают бешеное сопротивление шагающему к социализму рабочему классу» (Наши задачи [Ред. статья] // *На тр. фронте*. 1930.

№ 1); «Начался общественно-показательный процесс над зажимщиками самокритики» (Гонители самокритики на скамье подсудимых // Труд. 1930. 14 янв. С. 2); «Форсунщик Фадеев умышленно портил сырье. Вредителя выявили рабочие» (Сильнее ударим по классовым врагам // Труд. 1930. 14 янв. С. 2); «Вредителей, контрреволюционеров и чуждых исключать из союза и снимать с работы» (Очистим свои ряды // Труд. 1930. 19 янв. С. 3); «На заводе “Электрик” есть немало партийцев и комсомольцев “летунов”. Эти люди, пользуясь недостатком квалифицированной рабочей силы, “летают” с предприятия на предприятие в погоне за большими заработками» (Гришков. Коммунист не должен быть “летуном” // Труд. 1930. 8 апр. С. 3); «За последний год рабочие прогуляли 18 000 000 раб. дней. Недоработали продукции на 222 000 000 рублей. Товарищи, за трудовую дисциплину! Ударим по расхлябанности, разгильдяйству, прогулам, лодырничеству, пьянству и вредительству!» (Ты знаешь завет Ильича? (плакат ГИЗ) // *Культ. рев.* 1929. № 20. С. 17) и т. д.

— *Главный Сталин, а второй Буденный.* — Буденный Семен Михайлович (1883–1973), в Гражданскую войну командовал 1-й Конной армией; в 1924–1937 гг. был инспектором кавалерии Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА); входил в ближайшее окружение И. Сталина.

С. 109. *...целевая установка партии...* — *Целевая установка* — «такое установление, постановление, которое направлено к определенной цели» (Селищев. С. 139). О распространенности выражения *целевая установка* в языке эпохи см.: «В каждом предприятии, институте должна быть *целевая установка*. О ней постоянно идет речь при обсуждении *планового* вопроса. — Сейчас уточнена *целевая установка* ФЗС [фабрично-заводских семилеток, школ] («Изв.» № 234. 1926). — Стенгазета не имеет *целевой установки* («К. Пр.» № 111. 1926)» (Селищев. С. 89). Примеры оборота в печати 1929–1930 гг.: «В работе культкабинетов нет ясной *целевой установки*» (Вайнштейн. О *целевой установке* культкабинетов // *Культ. рев.* 1929. № 17. С. 40); «...обеспечивать сознательное, активное участие рабочих и работниц во всем социалистическом строительстве. Такова основная *целевая установка* культурно-просветительной работы, данная в публикуемом постановлении ЦК ВКП(б)» (Партия о *культработе* // *Культ. рев.* 1929. № 9. С. 1).

С. 110. *...ум ее увидит время, подобное первому исконному дню.* — Исконный — «изначальный», «стародавний».

...заставил мужика снять армяк... — *Армяк* — крестьянский кафтан (мужская верхняя долгополая одежда) из толстого сукна.

...мужу прибавили на один разряд, теперь он приносит 48 руб. — О заработной плате в конце 1920 — начале 1930-х гг. в СССР см. примеч. к с. 69.

День был мутный, неопределенный, будто время не продолжалось дальше, — *в такие дни ~ люди поминают родителей.* — Согласно «Откровению Иоанна Богослова», остановка времени — один из признаков конца истории: «времени уже не будет» (Отк. 10: 6). В соответствии с православной традицией, один из дней поминовения родителей — первая суббота ноября (Димитриевская родительская суббота).

...глядел на всю туманную старость природы и видел на конце ее... — о конце природы и истории см. в «Откровении Иоанна Богослова»: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Отк. 21:1). Понятие «конца природы» — одно из важных и для ранней публицистики самого А. Платонова, когда он связывал «конец природы» с победой над ее главным законом — смертью, а также с революционными преобразованиями: «...о конечной победе над своими врагами, природой и смертью, я напишу в другой раз» (О науке // *Сочинения*, 1(2). С. 34); «Наш же смысл — победа всего человечества над природой» (Борьба мозгов // *Сочинения*, 1(2). С. 80); «...не бесконечности, а конца, результата прогресса хочет человечество» (Культура пролетариата // *Сочинения*, 1(2). С. 100).

...белые спокойные здания, светящиеся больше, чем было света в воздухе. — Ср. белый, как наряд невесты, цвет зданий и их свечение с описанием Небесного Иерусалима в видении Иоанна Богослова и в церковных песнопениях: «...увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Отк. 21: 2): «Светися, светися, Новый Иерусалиме» (ирмос Пасхального канона). В то же время свет — это то, что связывает «самосветящиеся здания» с идеалами самого Платонова, выраженными в его раннем творчестве: «...социализм надо строить на <...> свете и из света надо отлить и выточить коммунизм» (Свет и социализм // *Сочинения*, 1(2). С. 219).

...не знал имени тому законченному строительству... — Ср. с признанием платоновских современников несовершенства и незаконченности «нашего строительства»: «Наше строительство еще до сих пор плохо организовано, ведется кустарно, беспланово» (Справочник строителя. М., 1930. С. 7); «Пятилетка. <...> Если учесть враждебное окружение, экономический бойкот, наше недоконченное строительство <...> Отметив эти неудачи, изъяны в нашем строительстве...» (Письмо Тарановича В.М. Молотову от 30 дек. 1930 г. // *Письма во власть*. С. 148).

...те дальние здания устроены не только для пользы, но и для радости. — Ср. с рассуждением о. Павла (Флоренского) о Церкви и о высшем тождестве ей Богородицы, которую называют «одушевленным храмом» (Акафист Пресвятой Богородице, икос 12): именно Богородицу, «Небо одушевленное», «то есть Горний Мир, Иерусалим Небесный» (Флоренский. С. 356), — в церковных песнопениях зовут Радостью и «радости мира Ходатаицей», «Нечаянной радостью», «Радостью всех радостей», «Всех скорбящих радостью» и т. д. (Флоренский. С. 355).

...наблюдал точную нежность и охлажденную, сомкнутую силу отдаленных монументов. Он еще не видел такой веры и свободы в сложенных камнях... — Ср. с изображением строительства на земле Церкви в памятнике раннехристианской письменности — книге «Пастырь» римского аскета I и начала II века Ерма, в пересказе Павла Флоренского: «Ерм видел Церковь под образом башни <...> Камнями же для постройки Церкви являлись христиане. Входя в состав постройки, эти камни спаивались так крепко, что вся башня представлялась как бы высеченной из одного цельного камня» (Флоренский. С. 337). Такие человеческие качества «отдаленных монументов»,

как «вера и свобода в сложенных камнях», перекликаются со строительным материалом Церкви, которая строится из самих верующих, — момент, акцентированный о. Павлом. Живой строительный материал Церкви дублируется аналогичным строительным материалом «общепролетарского дома», строители которого «все свое тело выдавливают для общего здания» (наст. изд., с. 91).

С. 110–111. *Как остров, стоял среди остального новостроящегося мира этот белый сюжет сооружений, и успокоено светился. Но не все было бело в этих зданиях, — в иных местах они имели синий, желтый и зеленый цвета, что придавало им нарочную красоту детского изображения.* — Ср. данное изображение с картиной реальных православных храмов на фоне современных построек (сравнение отмечено А. Киселевым: О повести «Котлован» А. Платонова // Грани. 1970. № 77. С. 141): необычные по форме и красивые, они всегда воспринимаются как остров «среди остального новостроящегося мира» и напоминают сказочный детский рисунок; в раскраске православных храмов преобладает белый цвет, однако есть и другие — например, синий, желтый и зеленый.

С. 111. *Когда же это выстроено?* — Ср. с рассуждением Павла Флоренского («Столп и Утверждение Истины») о строительстве Церкви: Церковь, говорит он, опираясь на «Пастыря» Ерма, имеет два аспекта, небесно-ионический и исторический; Церковь в своем небесно-ионическом аспекте выстроена до существования мира, «сотворена она прежде всего»; историческая же Церковь — это «величина, в мире строимая» (Флоренский. С. 336–339), вплоть до окончания времен; хотя это «одно и то же существо, но только видимое под разными углами зрения» (Флоренский. С. 337).

...значит, будет еще будущее, значит, настоящее несчастно, и — далеко до конца. — Конец истории как цель человечества — тема раннего творчества Платонова: о близком конце истории и о скором наступлении рая на земле он писал во многих ранних произведениях, в том числе и в статьях 1920 г.: «На земле будет рай» (Поэзия рабочих и крестьян // Сочинения, 1(2). С. 88), «Ибо не бесконечности, а конца, результата прогресса хочет человечество» (Культура пролетариата // Сочинения, 1(2). С. 100) и др.

...близ северного пикета... — Пикет — небольшой отряд или пост.

С. 112. *...другой [гроб] подарил ей для игрушек и всякого детского хозяйства: пусть она тоже имеет свой красный уголок.* — Красный уголок — обязательная принадлежность рабочего общежития; но не только — устраивать дома свой собственный «красный уголок» рекомендовалось и детям. Вот, например, текст из букваря: «Женя, что ты делаешь? — Красный уголок. Здесь я буду играть и работать. На полочку положу книжки. Из журнала вырежу портрет Сталина и повешу на стенку. У всех ребят нашей группы дома есть красные уголки. / А у тебя есть свой уголок? Сделай, если нет» (Букварь для городских школ «На смену». Москва–Харьков. 1931. С. 45).

Мы те гробы по самообложению заготовили... — Самообложением назывались денежные сборы крестьян какого-либо села, производимые по постановлению сельских сходов и предназначенные на культурные и хозяйственные нужды данной деревни — постройку мостов, колодцев, школ, дорог, кладбищ и прочих объектов общего пользования. Практиковалось

с 1924 г., но окончательно оформилось в 1927 г. принятием ВЦИК и СНК СССР специального «Закона о самообложении», а затем в 1929 г. — «Нового закона о самообложении». Несмотря на то что «самообложение» считалось добровольным, государство активно вмешивалось в его проведение. Размер «самообложения» спускался свыше и определялся в процентном отношении к единому сельхозналогу, который, в свою очередь, зависел от величины и крепости конкретного крестьянского хозяйства. Таким образом, основной тяжестью «самообложение» ложилось на зажиточных крестьян — в этом и была его цель: бить «по кулацкой и зажиточной верхушке» (*Федяев П.* Кулак и самообложение // *Сов. активист.* 1929. № 1. С. 22). Собранные «по самообложению» средства должны были идти «на удовлетворение имеющих общественное значение местных культурных и хозяйственных нужд», однако, как свидетельствует пресса, они безответственно и бесхозяйственно разбазаривались (*Лубских И.* Бесхозяйственность и разгильдяйство в Чайкинском и Богословском сельсоветах // *Сов. активист.* 1929. № 1. С. 23). Поэтому сдавать деньги «по самообложению» крестьяне отказывались; их аргументы приводит печать: «Зачем нам проводить самообложение, и так тяжело платить налоги. Если государству нужны школы, больницы, избы-читальни, мосты, хорошие дороги и т. д., пусть оно само и строит, а нам ни к чему» (*Мусонов И.* Как нужно проводить самообложение // *Сов. активист.* 1930. № 1. С. 15). Кроме этого обязательного «самообложения», было еще так называемое «добровольное самообложение» — сбор средств «на общественные нужды, не предусмотренные законом о самообложении». Постановление о «добровольном самообложении» принималось на сельских сходах; «участие сельсоветов и других государственных органов в проведении такого самообложения воспрещалось» (Что нужно знать о самообложении // *Справочник строителя.* М. 1930. С. 172).

...поволок ~ по сухому морю житейскому. — Образ «житейского моря» имеет своим источником церковные песнопения: «...житейское море, зря напастей бурею...» (Канон Пресвятой и Животворящей Троице, ирмос 6-й песни).

С. 113. — *Убей их пойдя! ~ Не разрешается, дочка: две личности это не класс...* — Основное направление государственной политики в деревне в первой половине 1930 г. — «ликвидация кулачества как класса».

Мы же, согласно пленума, обязаны ликвидировать их не меньше как класс... — Ссылка на пленум при характеристике какого-либо политического решения — типичный речевой штамп: большинство из них действительно принималось на том или ином пленуме ВКП(б), однако политика «ликвидации кулачества как класса» была провозглашена не на пленуме, а в выступлении И. Сталина «К вопросам аграрной политики в СССР» на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г.

...мы и класс свой будем скоро чистить от несознательного элемента! — Вероятно, указание на начавшуюся в 1929 г. и широко рекламируемую в печати «чистку партии», т. е. «очищение партийного состава или советского и прочего аппарата от чуждого и вредного элемента» (Словострой // 30 дней. 1930. № 10–11. С. 136). По уставу ВКП(б), коммунисты должны были периодически производить чистку (перерегистрацию) своего состава,

чтобы «очистить партию» от социально чуждых и «неизбежно примазавшихся к ней мелкобуржуазных элементов» (О генеральной проверке и чистке рядов ВКП(б) // Рабочий полдень. Бесплатное приложение к журналу *Культ. рев.* 1929. № 12. С. 1). «Чистка» партии проводилась регулярно: первая была в 1921 г., вторая — в 1929–1930 гг.

С. 114. ...слабость культработы на котловане... — *Культработа* — важная составляющая программы культурной революции; рассматривалась как средство воспитания человека в духе сознательного строителя социализма и орудие в борьбе за выполнение плана: «Такое могучее массовое оружие, как культработа, совершенно не используется в борьбе за промфинплан» (*Кальманович М.* В стороне от борьбы // *Культ. рев.* 1930. № 10. С. 28). Слабость культработы считалась причиной наплевательского отношения рабочих к производству — например, на заводе «Марти» в г. Николаеве, где многие бросали работу за 20 минут до гудка: «Вина за такое положение ложится на цеховые культбригады, которые плетутся в хвосте событий, своевременно не реагируя на события. <...> Сейчас, когда каждый завод напрягает все усилия для ликвидации прорыва, культработу отодвигать на задворки — преступление» (*Кальманович М.* В стороне от борьбы. С. 28). Слабость культработы на том или ином объекте советского строительства — одна из тем сообщений «с мест»: «Совещание в своих решениях записало, что культурная работа является наиболее слабым участком профсоюзной работы» (*Никитина А.* Что решило всесоюзное клубное совещание // *Культ. рев.* 1930. № 13–14. С. 5).

Про себя же он любил произносить: «Где вы теперь, ничтожная фашистка!», или — «Прелестна вы, как Ленина завет!» — Вариации на темы популярных в 1920-е гг. романсов Александра Вертинского, главным образом — «Лиловый негр»: «Где вы теперь? Кто вам целует пальцы?» Соединение традиционных тем романа с революционным содержанием в песнях рубежа 1920–1930-х гг. было нередким явлением и явилось следствием борьбы с так называемой «музыкой легкого жанра» — борьбы, которая окрасила конец 1920-х гг. и особенно 1930 г., когда на исполнение подобной музыки вводятся запреты: «...большое событие прошлого года — борьба с нэпманской музыкой легкого жанра (“цыганщина”, фокстрот, и т. п.), которая привела к запрещению печатания и исполнения этого вида музыкальной порнографии и дурмана. Борьба с легким жанром велась не только <...> административными мерами. <...> Наша задача — добиться полного вытеснения мещанской и нэпманской музыки из музыкального быта масс» (Год борьбы [Ред. статья] // *За пролет. муз.* 1931. № 1. С. 2–3). Запрет на исполнение романсов и требование от песен революционного содержания приводит, в частности, к появлению новых песен, в которых механически соединяются революционное содержание с традиционными темами романа, — черте советской эстрады рубежа 1920–1930-х гг. Журнал «Культурная революция» приводит образец такой механической связи: «Сердце-то в партию тянет» (*Бугославский С.* За музыкальную работу в клубе // *Культ. рев.* 1929. № 4. С. 21). Как показал опыт изучения песен, которые пели на демонстрации, в результате запрета на «музыку легкого жанра» появляются так

называемые «псевдо-революционные песни» (Опыт изучения песен на демонстрации // Пролетарский музыкант. 1930. № 9–10).

...ликвидировал как чувство свою любовь к одной средней даме... — оборот *ликвидировать как...* восходит к выражению «ликвидировать как класс». О популярности слова «средний» в языке эпохи см. такие наблюдения А.М. Селищева: «В последние годы политика партии и советской власти направлена в сторону не только бедноты, но и среднего по своему состоянию крестьянина, — в сторону *средняка, середняка*. О *средняке* много говорят и спорят в партии. *Средняк* стали применять в последнее время и к лицам других групп. О “среднем мужике”, о “среднем крестьянине”, “среднем крестьянстве” писал Ленин в 1919 г.» (*Селищев*. С. 109). Селищев приводит примеры употребления данного слова по отношению к лицам других социальных групп: «Масса рабочего середняка в Европе», «Партийный середняк необычайно окреп», «средняяцкий большевизм». В русском языке, кроме того, употребительны многие выражения со словом «средний»: «человек среднего роста», «среднего возраста», «средних способностей», «среднее образование» и пр.

С. 115. *Прочитав же в газете о загроможденности почты и нечеткости ее работы...* — Плохая работа почты, несвоевременная доставка, а то и вообще недоставка газет и писем, недобросовестность и отсутствие письмоносов — частая тема газетных публикаций: «Вопрос о доставке почты сейчас — в годы подъема культурной революции — больше чем когда бы то ни было является политическим вопросом» (*Михайлов М.* Почту — на службу культурной революции в деревне // *Правда*. 1930. 8 февр. С. 4).

Где раньше стол был яств, / Теперь там гроб стоит! — Неточная цитата из оды Г.Р. Державина «На смерть князя Мещерского»: «Где стол был яств, там гроб стоит».

...но у вас кооператив, как говорится, рочдельского вида, а не советского! — Кооперативом в 1920-е гг. в СССР назывался магазин, торговавший товарами народного потребления, который существовал при поддержке государства и на взносы членов кооператива, или «пайщиков».

Рочдель — английский город, в котором в 1844 г. появились потребительские кооперативы, вскоре завоевавшие себе многочисленных сторонников во всем мире такими качествами, как демократичность организации, невысокие паевые взносы, открытость для новых членов, качество обслуживания и пр. В 1920-е гг. в СССР проблема кооперации приобретает все большее значение в связи с так называемым «кооперативным планом Ленина», который, как считалось, намечал пути построения социализма, поэтому информация о рочдельских кооперативах периодически появляется в печати — волею судьбы они становятся главным антагонистом кооперативов «московского типа». В 1925 г. несколькими изданиями выходит брошюра «Москва или Рочдель», в которой опубликовано два доклада — старейшего представителя кооперативного движения, французского профессора Ш. Жидда «Рочдель и Москва», и старого большевика, одного из главных советских специалистов по кооперативам, автора нескольких книг и статей на эту тему Н.Л. Мещерякова — «Москва и Рочдель». В этих докладах подробно, хотя и с разных точек зрения, описаны отличия «московского типа» кооперации от

рочдельского: рочдельская кооперация — это свободный и независимый от государства союз добровольных членов, «московская» же почти обязательна для не лишенных прав граждан и существует при постоянной поддержке и по заданиям государства; рочдельская кооперация открыта для всех, московская — закрыта для «классово чуждых»; рочдельская кооперация распределяет прибыль между своими пайщиками, московская об этом и речи не ведет и т. д. (Москва или Рочдель. М., 1925). Но наибольшее раздражение идеологов советского кооперативного движения вызвал пункт в программе рочдельцев, который декларировал нейтралитет кооперации в области политики и религии и принципиальное неучастие в классовой борьбе. «Малая советская энциклопедия» по этому поводу писала: «Революционные кооператоры капиталистических стран и СССР отбрасывают эти принципы и ведут против них энергичную борьбу, требуя от кооперации участия в революционной борьбе пролетариата в союзе со всеми другими революционными организациями рабочего класса» (Рочдельские принципы // МСЭ, 7. С. 437–438). Существенным отличием в работе этих диаметрально противоположных типов кооперации являлось и качество обслуживания. Рочдельские кооператоры требовали «продавать только доброкачественные продукты, соблюдая правильную меру и правильный вес», чего в советских кооперативах, как свидетельствуют сообщения в прессе, не было и в помине: информацией о многочисленных злоупотреблениях, порче товаров и отсутствии их в кооперативах полны периодические издания этого времени. Кооперативов «рочдельского вида» в СССР не было и быть не могло — все были «советского».

Значит, вы не столб со столб со столбовой дороги в социализм?! — Понятие «столбовая дорога к социализму» — один из оборотов политического языка и одна из тем партийной полемики 1920-х гг. о социалистическом переустройстве деревни и ее «путях к социализму». На XIV конференции РКП(б) (апрель 1925 г.), Ю. Ларину, призывавшему создавать в деревне колхозы, возражал Н. Бухарин: «Колхоз — это есть могущественная штука, но не это столбовая дорога к социализму» (Четырнадцатая конференция РКП(б): Стенографический отчет. М.–Л., 1925. С. 188). Сам Бухарин считал, что «столбовая дорога к социализму» проходит прежде всего через кооперацию в области закупки товаров, сбыта продукции и пр., а не производства (т. е. отдавал предпочтение, как говорили, «низшим формам кооперации»). Эти взгляды Бухарин развивает в ряде работ, в том числе в брошюре «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (1925), один из разделов которой так и называется: «Столбовой путь к социализму». Вопрос о «столбовой дороге к социализму» поднимает и Сталин — в работе «К вопросам ленинизма» (1926) он поддерживает точку зрения Ю. Ларина, оппонента Бухарина, что «столбовой дорогой» социалистического переустройства деревни являются колхозы: «Кооперирование миллионов масс крестьянства является столбовой дорогой социалистического строительства в деревне» (Сталин. С. 142). Настаивать на этом Сталин будет и в статье «Год великого перелома» (1929): «Спор о “столбовой дороге” социалистического развития в деревне есть спор схоластический. <...> Ясно, что пока не было массового колхозного движения, “столбовой дорогой” являлись низшие формы кооперации <...>, а когда выступила на сцену высшая форма кооперации, ее

колхозная форма, последняя стала столбовой дорогой развития» (Сталин. С. 295).

...просил он, пассивный, не счастья у неба, а хлеба, засушного черного хлеба?! — Неточная цитата из стихотворения И.С. Никитина «На пепелище»; в источнике: «Просил, безответный, не счастья у неба / А хлеба засушного, черного хлеба».

...Козлов ~ через одну декаду стал председателем лавкома этого кооператива. — Лавкомы (лавочные комиссии) — органы рабочего контроля за деятельностью кооперативов; введены как реакция на многочисленные злоупотребления в их руководстве: манипуляции с карточками, распределение дефицитных товаров по личным каналам, плохое качество и хранение продаваемых товаров, а чаще их полное отсутствие и пр. Однако после введения лавкомов в печати появляются сообщения о том, что лавочные комиссии не справляются с задачами рабочего контроля над кооперацией: они «сращиваются с кооперативным аппаратом и становятся участниками преступлений» (Бутузова Е. Вместо лавкомов — рабочее шефство и бригады (Лавочные комиссии или рабочее шефство?) // Труд. 1930. 7 апр. С. 3); звучит даже требование «перешерстить лавкомы, чтобы отсеялись все шкурники» (За немедленную перестройку работы рабочей кооперации // Правда. 1930. 9 янв. С. 4).

...учитывал не только ярость масс, но и качество яростных. — Понятие ярость масс — оборот времени: «Необходимо направить ярость масс против тех красных уголков, которые стоят в стороне от социалистического соревнования» (Рейнберг Л. Социалистическое соревнование и красный уголок // Культ. рев. 1930. №11. С. 15); «Поднимем ярость масс на борьбу с бесхозяйственностью» (Березанский Л. Уральские профорганизации в борьбе за выполнение промфинплана // Труд. 1930. 19 февр. С. 2); «Поднять ярость масс против бюрократизма» (ВМ. 1930. 5 апр. С. 3) и т. д. Одно из главных драматургических произведений о социалистическом преобразовании деревни в театральном сезоне 1929–1930 гг. — пьеса Е. Яновского «Ярость»: «ее ставят сейчас несколько московских театров: МГСПС, рабочий театр Пролеткульта. Она идет в четырех ленинградских театрах, в передвижных деревенских и почти во всех городах провинции» (Войтинская З. «Ярость» — пьеса Яновского // Беднота. 1930. 8 янв. С. 4). Статья о конференции ленинградских драматургов, написанная под впечатлением от этой пьесы, называлась «За темп и ярость» (За темп и ярость [Ред. статья] // Стройка. 1930. № 9. С. 1).

С. 117. — *Не будьте оппортунистами на практике!* — Обвинение в оппортунизме — распространенное на рубеже 1920–1930-х гг.; в разгар борьбы Сталина с Бухариным широко применялось для характеристики теоретических взглядов «уклонистов» и их практических проявлений, например: «оппортунизм в теории и на практике» (Усилим вооружение ленинского комсомола в борьбе с оппортунизмом в теории и на практике // Правда. 1929. 1 дек. С. 3), «теоретические основы правого уклона и оппортунизм на практике» (Радыгин Г. Новый этап борьбы с правой опасностью // Спутник коммуниста. 1929. № 21–22. С. 4) и т. д. В начале 1930 г., в разгар коллективизации, «оппортунизм на практике» обычно называлось лояльное

отношение к «кулакам» и их пребыванию в колхозах. Например, практика оппортунистов характеризуется так: «Нерешительность в чистке колхозов от кулачества, прием в колхозы кулаков, нежелание коммунистов идти в колхозы, беззаботность в деле развертывания колхозного движения и укрепления существующих колхозов — это худшее проявление правого уклона на практике» (Елизаров Н. О практике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации // *Дер. ком.* 1930. № 5. С. 23).

...бедняцкий слой деревни печально заскучал по колхозу и нужно туда бросить что-нибудь особенное из рабочего класса... — Решение послать в деревню на проведение коллективизации «не менее 25000 рабочих с достаточным опытом в организационно-политической работе» принято на ноябрьском 1929 г. Пленуме ЦК ВКП(б) (За 30 дней: 25000 — в колхозы // 30 дней. 1930. № 1. С. 82). О необходимости посылки в деревню рабочих с декабря 1929 г. постоянно пишет советская пресса: «Эти трудности колхозное движение сможет преодолеть лишь при твердом, классово выдержанном руководстве, которое может обеспечить только непосредственное участие в колхозном строительстве индустриальных рабочих» (Темкин Е. Готовьтесь к встрече 25000 рабочих // *Дер. ком.* 1930. № 1. С. 31). Газеты января — февраля 1930 г. регулярно сообщают о ходе выполнения данного партийного решения: «Колхозцентр сообщает о медленном наборе 25000» (Набор 25000 идет медленно // *Раб. газ.* 1930. 1 янв. С. 3); «На многих воронежских предприятиях приступают к организации рабочих бригад из членов горсовета» (Рабочие бригады — в деревню // *Труд.* 1930. 21 февр. С. 4); «Рабочие колонны двинулись в деревню» (Правда. 1930. 5 янв. С.3). В газетах печатаются и лозунги о необходимости рабочего руководства коллективизацией, например: «Руководить колхозным движением должны миллионы рабочих» (Правда. 1930. 5 янв. С. 3); «Мощный поток пролетарских организаторских сил укрепит органы пролетарской диктатуры в деревне» (Труд. 1930. 21 февр. С. 4).

...начать классовую борьбу против деревенских пней капитализма. — Выражение «пни капитализма», вероятно, восходит к понятию «корни капитализма» — например, «уничтожение корней капитализма» (Сталин И. О правом уклоне в ВКП(б) // *Сталин.* С. 253), а также к устойчивому обороту времени «выкорчевывать корни капитализма», распространявшемуся и на крестьян с их мелкобуржуазной природой, которую постоянно подчеркивали вожди и теоретики социалистических преобразований в СССР. Данный оборот получает распространение в политическом языке времени: «Мы выкорчевываем последние корни капитализма в нашей стране» (Акулов И. Новые методы профсоюзной работы. М., 1930. С. 2). Невозможный с точки зрения русского языка фразеологизм «выкорчевывать корни» (очевидная тавтология) или даже «выкорчевывать с корнями» многократно употреблялся Сталиным, например, в речи «К вопросам аграрной политики в СССР» (декабрь 1929 г.): «выкорчевывать с корнями все и всяческие буржуазные теории».

Мы уже не чувствуем жара от костра классовой борьбы, а огонь должен быть... — О «костре классовой борьбы» см. примеч. к с. 105.

С. 118. *Разройте маточный котлован вчетверо больше. ~ Пашкин ~ обдумал увеличить котлован не вчетверо, а в шесть раз, дабы угодить*

наверняка и забежать вперед партийной линии ~ В шесть раз больше, — указал он Прушевскому. — Выдвижение так называемого «встречного плана» (или «встречного промфинплана») — обязательное требование ко всем предприятиям и организациям первой пятилетки, получающим задание от руководящих ведомств: ведомство определяет план работ на предстоящий период, а организация выдвигает встречный план, превышающий предложенный. Например, промышленная кооперация получает от СНК задание — открыть 500 магазинов. «Система промкооперации выдвигает встречный план — 671 магазин» (Рязанов Н. Розничная сеть Союза на пороге второй пятилетки // Народное хозяйство СССР. 1932. № 3–4. С. 122).

...главный революционер, сталкивая нечаянным движением сытный бутерброд со стола. ~ Пашкин согнулся и возвратил бутерброд снизу на стол. — Не стоило нагибаться, — сказал революционер, — на будущий год мы запроектировали сельхозпродукции по округу на полмиллиарда. Тогда Пашкин положил бутерброд обратно в корзину для бумаг, боясь, что его сочтут за человека, живущего темпами эпохи режима экономии. — С началом первой пятилетки и отменой нэпа положение с хлебом и другими продуктами питания в стране стало критическим — его не хватало даже для того, чтобы прокормить рабочие районы. Реагируя на хлебную проблему, с 1928 г. государство стало принудительно изымать хлеб у сельского населения. Еще раньше, в апреле 1926 г., особым постановлением введена политика так называемого «режима экономии» (об эпохе «режима экономии» см. примеч. к с. 99), которую вскоре распространили и на расходование хлеба. Все партийные документы с апреля 1926 г. вплоть до весны 1929 г. призывают бороться «за режим экономии», в том числе и в отношении хлебных ресурсов; так, резолюция ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1928 г., повествуя о неудачной хлебозаготовительной кампании, призвала «с величайшей настойчивостью бороться за режим экономии в области расходования хлеба и со всякими растратами наших хлебных ресурсов» (О контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/29 г.: Резолюция ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1928 г. // Справочник партийного работника. Выпуск седьмой. Ч. I. С. 287). Однако резолюция ноябрьского (1929) пленума ЦК ВКП(б) уже свидетельствует об иной оценке ситуации с хлебом; она констатирует, что все предпринятые в деревне меры, как то: повышение удельного веса обобщественного сектора, усиление репрессий против хлебных спекуляций и пр., — «обеспечили благоприятный ход хлебозаготовок, значительно превышающий результаты прошлых лет и позволяющей уже в текущем году создать резерв до 100 млн. пуд. хлеба. <...> Валовая продукция сельского хозяйства в 1930 г. по сравнению с 1929 г. должна возрасти на 13%» (Резолюция ноябрьского (1929) пленума ЦК ВКП(б) // Справочник партийного работника. Вып. седьмой. Ч. II. М., 1930. С. 90). Реальное положение с обеспеченностью хлебом большинства населения страны было по-прежнему тяжелым — в апреле 1929 г. введены хлебные карточки; из-за полного изъятия хлеба у большей части сельского населения люди голодали и употребляли в пищу лебеду: «...зарегистрированы факты голода и употребления в пищу лебеды. Голодом главным образом охвачены бедняки и батраки, есть случаи недоставки хлеба и у середняков» (Справка ИНФО ОГПУ о продовольственных

затруднениях и голоде... // *Совершенно секретно*, 8(2). С. 881); «Недостаток хлеба, по преимуществу у бедноты, ощущается во всех округах области [ЦЧО]. Наиболее остро положение в Острогожском районе, где в некоторых районах <...> 60% населения сильно нуждается в хлебе. <...> На почве недостатка хлеба и недоедания имеют место факты заболевания. В Моршанском районе лежат 33 человека больных от истощения» (Справка ИНФО ОГПУ о продовольственных затруднениях на 19 мая 1930 г. // *Совершенно секретно*, 8(2). С. 921); «Средне-Волжский край (10 мая 1930 г.). В апреле месяце пшеничный хлеб и животные жиры совершенно не выдавались» (Спецсводка № 10 ИНФО ОГПУ о перебоях в продснабжении городов и промрайонов // *Совершенно секретно*, 8(2). С. 927). Однако официальная версия хлебной проблемы стала оптимистической и свидетельствовала об окончании «эпохи режима экономии».

С. 119. ...*обобщественный двор № 7 колхоза имени Генеральной Линии...* — Первое появление колхоза имени Генеральной Линии — в либретто киносценария «Машинист» (см.: *Сочинения*, 4(2)). На рубеже 1920–1930-х гг. *генеральной линией* назывался курс на индустриализацию страны и социалистическое переустройство деревни — основная «целевая установка» первой пятилетки. Популярное политическое понятие использовалось для названий колхозов. Возможна также кинематографическая аллюзия — в 1929 г. на экраны советского кинопроката вышел фильм С. Эйзенштейна о социалистическом преобразовании деревни «Генеральная линия», о котором задолго до появления на экране писала советская пресса; в окончательном варианте фильм стал называться «Старое и новое» (указано: *Корниенко Н.* Киносценарии в творческой истории «Котлована» // *Котлован*. С. 361).

...*активист общественных работ по выполнению государственных постановлений и любых кампаний, проводимых на селе.* — «Политический словарь» 1928 г. под редакцией А.И. Стецкого дает такое определение понятия «активист»: «Активист — сторонник решительных действий». С началом политики «ликвидации кулачества как класса» появляется понятие «актив бедноты», который включал наиболее бедную часть деревенского населения, активно участвующую в раскулачивании. Актив бедноты играл ведущую роль в проведении коллективизации: «непосредственный участник и активный проводник политики партии по построению крупного обобщественного хозяйства <...> — такой колхозник является действительным представителем нового типа деревенского актива, актива строителей социалистической деревни» (Деревенские организации — лицом к производству: Лицо ячейки и беспартийный актив // *Дер. ком.* 1930. № 1. С. 27. Подпись: *Михаил*).

Именно за активом бедноты, который активно поддержал политику партии по коллективизации деревни, на время ее проведения и закрепляется понятие «активист». Как свидетельствуют документы, активистами колхозного движения были бедняки и бывшие батраки. В это время и газеты, и народ «активистов» и «коммунистов», как правило, не только различают, но и противопоставляют, например: «Коммуниста ни одного в сельсовете не было, не было и комсомольцев, все делали активисты» (*Тетцов*. С. 258).

С. 120. ...*Воцеву же он дал другую нагрузку...* — *Нагрузка* — общественное поручение, работа на благо общества, выполняемая бесплатно; нагрузкой, как правило, называлась «очередная работа партийца или партийки» (Селищев. С. 103).

— *Ты что — по узкому месту равняешься?* — *Узким местом* назывался тот участок социалистического строительства, на котором не выполнялся план, отстающий сектор народного хозяйства или наиболее уязвимое, «больное» место в деятельности какой-нибудь отрасли. «Узкое место» — популярная тема лозунгов: «Преодолевайте узкие места» (Правда. 1930. 27 янв. С. 5) и др.

...он — головоотяп и упущенец, — так его называли иногда в бумагах из района. — Обвинение в «головоотяпстве» в адрес тех, кто проводил коллективизацию, в партийных документах и печати особенно широко применялось после публикации статей И. Сталина «Головокружение от успехов» (Правда. 1930. 2 марта) и «Ответ товарищам колхозникам» (Правда. 1930. 3 апр.), где все перегибы в коллективизации Сталин назвал «головоотяпской работой», «головоотяпскими настроениями» и «головоотяпскими упражнениями» («Головокружение от успехов»), а людей, допустивших ошибки в этом деле, — головоотяпами: «Мы хотим, чтобы головоотяпы отступили от своего головоотяпства на позиции ленинизма» («Ответ товарищам колхозникам»). Данный образ заимствован из «Истории одного города» — И. Сталин и В. Ленин часто цитировали М.Е. Салтыкова-Щедрина. В марте — апреле 1930 г. выражение «головоотяпы» и «головоотяпство» часто встречается во всех партийных документах о коллективизации: «Массовая разъяснительная работа подменялась голым администрированием, переходящим в ряде случаев в голое головоотяпство» (Справка Информационного отдела ОГПУ о перегибах в ходе коллективизации в Московской области по материалам на 19 марта 1930 г. // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 322). Другое обвинение в адрес активиста («упущенец») образовано от существительного «упущение», что значит «недосмотр», «ошибка по небрежности»: об «упущениях» во всех сферах «советского строительства» в первую пятилетку свидетельствует пресса. В журнале «Наше строительство», например, регулярно печатались сообщения под общим названием: «Изыяны и упущения на отдельных участках строительства» (*Наше стр.* 1931. № 1. С. 46; № 2. С. 95 и др.), которое иногда слегка видоизменялось: «Изыяны и неполадки на строительном фронте» (*Наше стр.* 1931. № 5. С. 227).

...пока каждый пастух не очутится среди радости... — Пастухи, наряду с батраками, были наиболее бедными представителями деревни, иногда — круглыми сиротами. Их культурная отсталость и низкая политическая активность — черты, которые подчеркиваются в публикациях о необходимости специальной работы с пастухами (Садаков А. Курсы пастухов при избечитальне // *Изба-читальня*. 1930. № 10. С. 24).

С. 121. *...любовался четкостью ручных подписей и изображениями земных шаров на штемпелях...* — Изображение земного шара входило в герб СССР, который представлял собой такую картинку: серп и молот на фоне земного шара, в лучах солнца и в обрамлении венка из колосьев. Правом пользоваться гербовой печатью обладали высшие органы власти, наделенные

судебными полномочиями лица и некоторые организации, например, ВЦИК, СНК, прокуроры, следователи и т. д.

...видишь, как падает наш героический бран! — Пресса 1920 — начала 1930-х гг. регулярно сообщает о нападениях на сельских должностных лиц — селькоров, активистов, секретарей сельсоветов, членов заготовительных отрядов: «Безлунными ночами шевелятся черные силы деревни и кулацкими вилами, топорами, обрезками стерегут за углом носителей социалистической нови — селькоров. <...> Отдельными убийствами из-за угла, избиениями селькоров — этих храбрых часовых советской власти, охраняющих интересы бедноты, — кулачество хочет повернуть вспять колесо истории и вернуть себе привольные дни на шее бедноты. Из самых отдаленных мест разносятся тревожные вести. Убит селькор <...> За селом в бурьяне изуродован деревенский активист <...> Кулак преследует батрака...» (*Карасева Л.* Орудием селькора — по кулаку // Лицом к деревне. 1928. № 2. С. 9); «После убийства организатора колхоза “Искра” Котова и порки бедняка Михеева кулаки повели бешеную агитацию против кампании распространения 3<-го> займа индустриализации, хлебазаготовок и льнозаготовок» (Кулаки оцетинились // Труд. 1930. 4 янв. С. 2).

С. 122. *...имел документы середняка...* — Деление крестьян на кулаков, середняков и бедняков было официальным определением их классовой принадлежности; статус кулака, середняка или бедняка устанавливался по имущественному положению крестьянина, а также по факту использования им когда-либо наемного труда. «Было выведено следующее процентное соотношение этих групп по стране в конце Гражданской войны: 35–40% бедняков и батраков, 55–60% середняков и 3% кулаков» (*Фицпатрик*. С. 41). Средняки не только составляли самую многочисленную группу сельского населения, но и официально считались опорой социалистических преобразований в деревне. Вопросу о важной роли середняка много внимания уделяет Сталин в статьях, обрамляющих самый драматический период «ликвидации кулачества», — «Год великого перелома» (7 ноября 1929 г.) и «Ответ товарищам колхозникам» (3 апреля 1930 г.): «середняк повернул в сторону колхозов» (Год великого перелома // *Сталин*. С. 296); «В чем состоит корень ошибок в крестьянском вопросе? <...> В неправильном подходе к середняку. <...> В забвении того, что хозяйственная смычка с середняцкими массами должна строиться <...> на основе соглашения с середняком, на основе союза с середняком» (Ответ товарищам колхозникам // *Сталин*. С. 328).

Войди сюда, чужой человек! — *Чужой* — употреблено вместо распространенного в это время понятия *чуждый*: «чуждым элементом» назывались кулаки и другие представители тех сословий, которые официально считались враждебными пролетариату, например, священнического. Выражение часто встречается в периодике, а также во всех документах, определяющих тактику по отношению к «кулакам и другим “чуждым элементам”» (Докладная записка Информационного отдела ОГПУ о недочетах в колхозном строительстве // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 110). В разряд «чуждого элемента» часто попадали обычные крестьяне, о чем свидетельствуют их письма: «Вот я и стал чуждый элемент...» (*Тенцов*. С. 60); «не думайте, что мы чуждые люди и оппортунисты...» (*Тенцов*. С. 157).

С. 123. *Мужик было упал, но побоялся далеко уклониться, дабы Чиклин не подумал про него чего-нибудь зажиточного...* — Слова «уклон» и «уклониться» — употребительные в языке времени. Как свидетельствует А.М. Селищев, понятие «уклон» являлось наиболее распространенным термином, характеризующим фракционность в партии: «Особенно много говорилось и писалось об уклонах осенью 1924 г. в связи с троцкизмом. Из сфер партийных этот термин (уклон) перешел и в другие области. Значение этого термина: уклонение в сторону от чего-либо, но уклонение вредное; это — ошибка» (Селищев. С. 100). В конце 1920-х гг. Сталин и его соратники в борьбе за лидерство в партии широко используют обвинение в «уклоне» от «генеральной линии партии», который мог быть «правым» и «левым».

С. 124. *...а что навстречу попадется, то все его: будь там истина, будь кулацкая награбленная кофта, — все пойдет в организационный котел...* — Изъятие имущества кулаков при коллективизации — черта раскулачивания, о которой свидетельствуют и письма крестьян, и партийные документы, и художественная литература: «Прибыли коллективщики того же сельсовета и забрали все, что таковым понравилось. А так как таковым понравилось все, то и забрали все, начиная от скота и семян и кончая старыми лаптями без всякого составления акта изъятия» (Тепцов. С. 50); «забираются все предметы домашнего обихода вплоть до носильного белья, икон и квашеной капусты» (Сводка Колхозцентра о ликвидации кулачества как класса по материалам печати с 25 янв. по 9 февр. 1930 г. // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 200).

С. 125. *А знаете ли вы, что такое расколхозиванье? ~ Я и неимущего расколхозю...* — Неологизм *расколхозивание* образован по модели распространенных слов «раскулачивание» и «расказачивание» (массовый террор против казачества в ходе Гражданской войны) — активное словообразование по имеющимся моделям было характерной чертой языка революционной эпохи. Особенно много новых слов появляется в период коллективизации деревни. Для объяснения их журнал «30 дней» в 1930 г. вводит специальную рубрику «Словострой». В качестве имеющих хождение журнал приводит такие весьма необычные слова периода коллективизации, как «закулачивание», что означало «перегибы при коллективизации, когда под категорию кулацких хозяйств ретивые администраторы подводили середняков» (Словострой // 30 дней. 1931. № 4. С. 78), и «колхозничать», т. е. «работать в колхозе» (Словострой // 30 дней. 1931. № 7. С. 76). Что касается «разколхозиванья» как реалии времени, то и периодические издания начала 1930 г., и отчеты в ЦК областных партийных руководителей, и письма самих крестьян наряду с информацией о коллективизации полны свидетельств об обратном процессе — «чистке колхозов» и изгнании из них некоторых членов. Официальная версия этого мероприятия такая: многие колхозы «засорены» кулаками и являются «лжеколхозами», поэтому и подлежат «чистке». Газеты бьют тревогу о «попытках кулачества пролезть в колхозы и взорвать их изнутри» (см. об этом: *Нестюрин Ф.* Кулаки в колхозе // *Крест. газ. (кооп.)*. 1930. 7 янв. С. 3; *Огонь* по правому уклону на практике // *Крест. газ. (кооп.)*. 1930. 17 янв. С. 3). В ответ на это ОГПУ рапортует о массовом исключении из колхозов: «Всего по округу вычищено 1168 хозяйств» (*Трагедия*

советской деревни, 2. С. 243). Но уже и сами партийные лидеры признают, что многие «товарищи наделали глупостей, исключая середняков из колхозов» (Там же. С. 317) и что «зафиксированы случаи исключения из колхозов середняков и даже бедняков» (Там же. С. 471). Крестьянские же свидетельства об этом — самые горькие: некоторых из них сначала загнали в колхоз со всем имуществом, а потом выгнали — уже без имущества: «В 1930 г. отец вступил в колхоз и все сдал: и скотину, и мельницу, и инвентарь. А зимой нас из колхоза вычистили» (Тепцов. С. 170).

С. 127. *Активист еще давно пустил устную директиву о соблюдении санитарности в народной жизни...* — Антисанитарное состояние жизни и быта рабочих и крестьян — одна из проблем, которая поднимается в периодической печати; улучшение жизни и быта считалось важной задачей культурной революции. Санитарное оздоровление населения — особая тема специальных постановлений ЦК ВКП(б). Санитарный кружок — один из самых распространенных в деревне, он почти всегда упоминается среди кружков, организованных при избе-читальне: ликбез, малограмотных, санитарный и др. (Витамин Н. Ни дел, ни людей // Изба-читальня. 1930. № 5. С. 22).

Активист ~ решил завтра же с утра назначить звездный поход колхозных пешеходов в окрестные, жмущиеся к единоличию деревни... — Агитация за вступление в колхоз и организация агитационных походов в деревни, где жили в основном единоличники, — распространенное явление периода «ликвидации кулачества», о котором сообщается в печати, например: «Рентьевский район Острогского округа (ЦЧО) в короткий срок втянул в колхозы 91 процент всех хозяйств. Райком сначала добился коллективизации всего села Старо-Уколово. На следующий день тысячная масса крестьян села Старо-Уколово совершила поход на село Ново-Уколово с целью его коллективизации. <...> Когда тысячная масса крестьян вошла с красными знаменами в центр села — получилось неожиданное торжество. Ораторы — бедняки-крестьяне — простыми словами сумели доказать соседям выгоду коллективизации» (Кулачество будет уничтожено // Раб. газ. 1930. 24 янв. С. 3. Подпись: К-ин А.). Ответственность за подобную агитацию обычно лежала на избе-читальне: «Теперь изба-читальня ведет работу по организации колхозов в трех соседних деревнях» (Как изба-читальня добилась сплошной коллективизации // Изба-читальня. 1930. № 1. С. 23. Подпись: С.А.). Изба-читальня брала под свое покровительство «бедняцкий актив в 10–12 человек», который должен был и первым записываться в колхоз, и вести дальнейшую вербовку и запись желающих (Ключников С. Лицом к социалистическому сектору // Изба-читальня. 1930. № 3–4. С. 19).

С. 128. *...проживали недоказанные кулаки...* — Вопрос о критериях принадлежности того или иного деревенского жителя к кулакам был сложным и еще более осложнился зимой — весной 1930 г., в связи с политикой «ликвидации кулачества как класса». Официально крестьянское хозяйство считалось кулацким, если в нем когда-либо использовался наемный труд и арендованная земля — следовательно, их владельцы являлись «эксплуататорским элементом» (Замечание председателя ЦК профсоюзов сельхозлесрабочих Н.М. Анциловича по проекту ЦК ВКП(б) о кулаке // Трагедия советской деревни, 2. С. 121). Данный критерий определения кулачества,

однако, был зыбким — встречались бедные крестьяне, платившие богатому односельчанину, имеющему лошадь, за вспашку земли и, следовательно, использовавшие наемный труд. Однако, при всей зыбкости определения кулачества, принадлежность к слою деревенской буржуазии в 1920-е гг. была закреплена документально: поскольку кулаки как представители буржуазии лишались избирательных прав, их списки находились в местных органах власти; по логике, только эти крестьяне и подлежали раскулачиванию. Согласно Постановлению ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г., устанавливались контрольные цифры для раскулачивания в зерновых районах в 3–5% от общего числа крестьянских хозяйств (*Трагедия советской деревни*, 2. С. 127) — таков был официальный процент кулаков в деревне, хотя в реальности, как свидетельствуют те же документы, эта норма была даже завышенной: «по данным статистического обследования, осенью 1929 г. кулацкие хозяйства составляли по СССР 2,3%» (*Трагедия советской деревни*, 2. С. 18).

Действительное же раскулачивание проводилось в нарушение всех правил и норм, и в число раскулаченных попадали середняки и даже бедняки. В материалах времени появляется понятие «своевременно невыявленные кулаки», например: «своевременно невыявленный кулак Шляховский проник в колхоз» (Информационная сводка сибирского краевого суда о перегибах в ходе коллективизации от 1 апр. 1930 г. // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 363). Хотя в каждом сельсовете и имелись списки кулаков, однако на местах решение о раскулачивании принимал «актив бедноты», который почти всегда действовал пристрастно. Как свидетельствуют официальные документы, «под категорию раскулаченных подводились целые группы середняков, бедняков, быв. красных партизан, семей красноармейцев» (Справка ИНФО ОГПУ о предварительных итогах раскулачивания на 17 мая 1930 г. // *Советская деревня глазами ВЧК*, 3(1). С. 346). В результате количество реально «раскулаченных» значительно превысило не только фактическую цифру кулачества, но и рекомендованную в постановлении ЦК ВКП(б). Как свидетельствуют современные исследования, «в ряде районов Нижегородского края число раскулаченных достигло 37 процентов всех крестьянских хозяйств, в Центрально-Черноземной области — 15 процентов. <...> Кулачками на 100 процентов объявлялись некоторые села и деревни» (*Тепцов*. С. 15).

С. 129. Утром колхозные босые пешеходы выстроились в ряд на Огдворе. Каждый из них имел флаг с лозунгом в руках и сумку с пищей за спиной. — Агитация за коллективизацию среди соседних деревень — обязанность колхозных активистов, о чем свидетельствует пресса: «Совхоз окружен деревнями. В этих деревнях активисты совхоза ведут интенсивную работу по коллективизации крестьян» (*Мол И. Поможем новой деревне // Культ. рев.* 1930. № 5. С. 14). Шествие актива бедноты на коллективизацию и раскулачивание с красными флагами практиковалось во многих селах: «Актив бедноты в количестве 50 чел. с красными флагами проводил раскулачивание» (*Трагедия советской деревни*, 2. С. 205).

...расставив пешеходов в виде пятикратной звезды... — Красная пятиконечная звезда — официальная эмблема Красной армии, ставшая одной из эмблем советского государства (была изображена на флаге и гербе СССР) и символом коммунизма. Форма пятиконечной звезды, а также других символов советского государства (например, серпа и молота) использовалась в построении участников массовых праздничных спортивных мероприятий.

...произнес свое слово, указывающее пешеходам идти в среду окружающего беднячества и показать ему свойство колхоза... — 4 января 1930 г. опубликовано Постановление ЦК ВКП(б) «О партийной и массовой работе в колхозах и среди окружающего населения» (Беднота. 1930. 4 янв. С. 2). Согласно этому постановлению, «массовая работа в районах, окружающих совхозы, должна быть направлена на организацию бедняцких и середняцких слоев деревни в колхозы». Содержание постановления разъясняется населению в последующие дни: «Совхозы должны быть действительным центром всестороннего воздействия на окружающее население по линии колхозного строительства, должны стать рычагами, способствующими “переходу индивидуальных крестьянских хозяйств на рельсы коллективизации”» (Совхозы и коллективизация // Беднота. 1930. 5 янв. С. 1).

С. 130. *...подкулачник, уединенный от населения на Оргдворе за свой вред. — Подкулачник — одно из новых понятий, вошедших в язык в период коллективизации. Журнал «30 дней» объясняет его так: «В связи с происходящей ликвидацией кулачества как класса и различными формами классовой борьбы в деревне родилось несколько лет назад это слово, которым окрестили всех, кто, не будучи кулаком по своему социальному положению или материальной обеспеченности, сознательно или бессознательно выполняет волю кулака, помогает ему и тем самым мешает строительству социализма» (Словострой // 30 дней. 1931. № 1. С. 95).*

— Иисус Христос тоже, наверно, ходил скучно... — То есть ходил с проповедью нового учения (благой вести о Царствии Божием): «Иисус <...> перешел отсюда учить и проповедовать в городах их» (Мф. 9: 1); «Он проходил по городам и селениям, проповедуя и благовествуя Царствие Божие» (Лк. 8: 1).

...он опасался и переусердия, — поэтому обобществил лишь конское поголовье, мучаясь за одиноких коров, овец и птицу... — Обобществление в ходе коллективизации «мелкого скота, домашней птицы» и пр. (Сталин И. Головокружение от успехов // Сталин. С. 326), вызвавшее недовольство населения и массу протестов, широко практиковалось в январе — феврале 1930 г. Практика такого обобществления осуждена в статье Сталина «Головокружение от успехов», опубликованной 2 марта 1930 г. в «Правде», и в «Постановлении ЦК ВКП(б) о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» от 10 марта 1930 г., опубликованном 15 марта 1930 г. В дальнейших партийных документах и в печати принудительное обобществление домашней птицы и нетоварного молочного скота было названо «перегибами» (Информационная сводка Сибирского краевого суда о перегибах в ходе коллективизации от 1 апр. 1930 г. // Трагедия советской деревни, 2. С. 355) и «усердием не по разуму» (Раб. газ. 1930. 27 марта. С. 8; Беднота. 1930. 21 марта. С. 2).

... потому что в руках стихийного единоличника и козел есть рычаг капитализма. — Единоличником назывался «крестьянин, ведущий хозяйство единолично или только со своей семьей. Колхозное строительство растет, и в новой деревне все меньше и меньше остается единоличников» (Словострой // 30 дней. 1931. № 1. С. 94). Оборот «<что-то> есть рычаг...» — один из характерных для времени; часто составлял основу лозунгов: «Самообложение — рычаг культурной революции» (Правда. 1929. 27 сент. С. 1); «Расширение экспорта — рычаг для выполнения пятилетки в четыре года» (Правда. 1930. 3 янв. С. 5); «Радио — рычаг для развития и улучшения работы профсоюзов» (Радиовещание и культура // Культ. рев. 1929. № 17. С. 28. Подпись: Н.И.); «Трактор — рычаг коллективизации» (Крест. газ. 1930. 4 янв. С. 4); «Превратим клубы в рычаги культурной революции» (Раб. газ. 1930. 13 апр. С. 5) и т. д.

С. 131. — Мужик-то который день уткнулся и лежит ~ Ты что — дышишь? — Как вспомню, так вздохну ~ А если забудешь дышать? — Тогда помру. — Многочисленные документы периода коллективизации, и прежде всего письма самих крестьян, свидетельствуют о подавленном состоянии деревенских жителей, апатии, нежелании жить и массовых самоубийствах: «Селяне вешались <...>, напивались до бесчувствия, поджигали свои дома и гибли в огне» (Тепцов. С. 34); «У нас растут самоубийства каждый день» (Тепцов. С. 59); «...вот и думаешь, да что, живу ли я? <...> Нам чем скорее помереть, тем лучше» (Тепцов. С. 60); «Едва ли кто из живущих наблюдал когда-нибудь столь чудовищно подавленное и угнетенное состояние человечества» (Тепцов. С. 69).

С. 131–132. — Он все чуял, товарищи, все дочиста душевно видел! А как лошадь взяли в организацию, так он лег и перестал. ~ твой мужик только недавно существует без душевной принадлежности? ~ У него душа — лошадь. — О том, что отнятие собственности воспринималось крестьянами как потеря души, свидетельствуют их собственные письма, в том числе и в газету «Правда»: «...теперь слезы льют все крестьяне за то, что им приходится расставаться со своим хозяйством, собственность — это душа долой, трудно расставаться» (Из сводки № 75 отдела чистки и расследования редакции газеты «Правда» о настроениях в деревне // Трагедия советской деревни, 2. С. 461).

С. 133. — Привет кадру! — Понятие «кадры» в лексиконе времени употребляется в двух близких, но не тождественных значениях. В данном случае имеется в виду рабоче-крестьянская молодежь, ликвидирующая собственную неграмотность. Журнал «Культурная революция» публикует фотографии из деревни — например, несколько молодых людей в учебном классе около доски, и подпись: «Подготовка кадров в округе сплошной коллективизации. За уроком математики. Село Волово» (Прорывы по ликбезу // Культ. рев. 1930. № 7. С. 14. Подпись: А.Р.); или — группа молодых людей у доски, и подпись: «Подготовка культурных кадров. Курсы батраков в Харькове» (Донская В. Договоры застряли в портфелях // Культ. рев. 1930. № 8–9. С. 16). Об употреблении слова «кадры» см. также примеч. к с. 143, 158.

Женщины прилегли к полу, потому что вся изба была порожня... — Пункт ликвидации безграмотности при избачитальне — обязательный элемент ее организации: жители деревни в основной своей массе были

бизграмотными. Плохое оборудование помещений для школ и изб-читален — актуальная проблема, на которую обращают внимание деревенские корреспонденты: «Не все школы обеспечены подходящими помещениями» (Прорывы по ликбезу // *Культ. рев.* 1930. № 7. С. 14. Подпись: *А.Р.*); «В Могилской избе-читальне проваливается пол <...> Неважное оборудование и в других избах-читальнях» (*Константинов И.* Забытый участок работы // *Изда-читальня.* 1930. № 6. С. 20). Иногда в деревенских школах не было никакого оборудования: «В ШКМ (Школа крестьянской молодежи) с. Кама, Барабинского округа, нет никаких учебных пособий. Нет доски, скамеек, столов и т. д.» (Стенглаз // *Пионер.* 1930. № 3. С. 9).

— *Авангард, актив, аллилуйщик, аванс, архилевый, антифашист!* — Перечисленные слова принадлежат к лексикону рубежа 1920–1930-х гг. *Авангард* — см. примеч. к с. 93. *Актив* — изначально, одна из характеристик членов партии, которые подразделялись на активных (или актив) и рядовых членов, или пассив (см. об этом: *Селищев.* С. 103; см. также примеч. к с. 119). *Аллилуйщик* — «тот, кто чрезмерно восхваляет кого-л., что-л.» (*ЯС.* С. 34); аллилуйщиками назывались «люди, которые на словах провозглашают борьбу с правой опасностью, но не принимают никаких практических мер, чтобы преодолеть уклон на деле», в чем они и сравниваются со священниками, во время богослужения провозглашающими «аллилуйя» (*Марков М.* В партии еще много «аллилуйщиков» // *Раб. газ.* 1929. 18 авг. С. 5). *Архилевый* — наличие слов с префиксом архи- как «элемент книжного, философско-теоретического происхождения» (*Селищев.* С. 22) характеризовало речь русских революционных деятелей и должно было служить одним из средств представления «величия задач революции, трудностей в осуществлении их, угроз и наступлений противника» (*Селищев.* С. 127). «Образования с архи- особенности часто встречаются в языке Ленина» (*Селищев.* С. 53).

Практиковалось издание азбук для разных категорий населения — так, в 1919 г. В.В. Маяковский издает «Советскую азбуку», написанную, по признанию поэта, для солдат; на буквы «А» и «Б» (см. ниже) предлагался следующий текст: «А / Антисемит Антанте мил. / Антанта сборище громил», «Б / Большевики / Буржуев ищут. / Буржуи мчатся / Верст за тыщу» (Советская азбука. М., 1919. С. 3, 4).

Твердый знак везде нужен ~ Зачем они твердый знак пишут? — Написание твердого знака в конце слов, оканчивающихся на твердый согласный звук, — орфографическая норма русского языка до революции: «Почти все русские согласные могут произноситься двояко, твердо или мягко... И в конце слога, за русскою согласной слышится всегда приступ к твердой или мягкой гласной: в первом случае этот оттенок произношения в окончании слова обозначается буквой ъ, например *дань, плоть*, во втором — буквою ь, например *дань, плоть*» (*Грот А.* Русское правописание. СПб., 1902. С. 11). Данная норма просуществовала до орфографической реформы 1917/18 г.

С. 134. *Большевик, буржуй, бугор, бесманный председатель, колхоз есть благо бедняка, bravo-bravo ленинцы!* ~ *Бюрократизм забыла...* — *Большевик* — член коммунистической партии, последовательно разделяющий «генеральную линию». *Бюрократизм* — один из объектов борьбы партии: «Бюрократизм — злейший враг партии. Бюрократизму, просачивающемуся

в партию, чистка нанесет решительный удар» (*Бабаевский Б.* Выкорчуем бюрократизм из рядов партии // *Раб. газ.* 1929. 23 мая. С. 5). Борьба с бюрократизмом — тема лозунгов: «Выдерем сорную траву бюрократизма» (*Раб. газ.* 1929. 12 янв. С. 4) и т. д.

В храме горели многие свечи ~ но храм был пуст. — После Декрета 1918 г. об отделении церкви от государства закрытие и разрушение церквей по всей стране стало частым явлением. С началом первой пятилетки антирелигиозная кампания усиливается — в печати появляются сообщения о закрытии церквей и передаче их помещений под нужды клубов и зернохранилищ; на Рождество и Пасху комсомольцы организуют антирождественские и антипасхальные мероприятия. Даже если формально церковь и не закрывалась, проводить службу там часто было невозможно из-за отсутствия священников — многие из них были арестованы и высланы; часть священников, из-за агрессивной антирелигиозной пропаганды и преследования служителей культа и членов их семей, отреклись от сана и подыскивали другой род занятий.

— *Я был поп, а теперь отмежевался от своей души и острижен под фокстрот.* — Об отречении деревенских священников от сана, а также об их насильственной стрижке свидетельствуют письма переживших коллективизацию крестьян, например: «В селе Лук-Майдане священник отказался от священства и церковь осталась без прихода» (*Тепцов. С. 245*); «...в 11 час. ночи пришли три комсомольца, попа связали и остригли, имущество забрали» (*Тепцов. С. 272*).

...чтоб в кружок безбожия приняли. — Антирелигиозная пропаганда 1920–1930-х гг. предполагала активную работу с массами, особенно деревенскими. При каждой избе-читальне создавались ячейки Союза воинствующих безбожников; на основе этих ячеек действовали «кружки безбожников», члены которых регулярно собирались, ставили антирелигиозные спектакли, проводили антирелигиозные беседы (*Широков П.* От кружка безбожников к с.-х. коммуне // *Изва-читальня.* 1930. № 1. С. 26). Случалось, что в антирелигиозной пропаганде принимали участие бывшие священники: «Нередко приходилось слышать о священниках, ставших учителями, секретарями сельсоветов, сельскими писарями, журналистами, пропагандистами атеизма» (*Фицпатрик. С. 46*).

— *А я свечки народу продаю — ты видишь, вся зала горит! Средства же скопляются в кружку и идут активисту для трактора.* — Сбор денег на покупку трактора — одно из мероприятий колхозной жизни. Известны случаи, когда к сбору денег на колхозные нужды местные органы деревенской власти привлекали священников: «Однажды председатель сельсовета привлек священника на помощь, собирая подписку на государственный заем» (*Фицпатрик. С. 236*).

С. 135. *...того я записываю скорописью в поминальный листок... — Поминальный листок* — существующая в церкви форма подачи просьб о молитвах «за здравие» и «за упокой».

...товарищ бригадный... — т. е. участник/представитель бригады, посылаемой в деревню из города. С началом сплошной коллективизации в 1928 г. на городских фабриках и заводах стали создаваться специальные

рабочие бригады для помощи деревне в проведении коллективизации: «Политически выше воспитанная часть фабрично-заводского пролетариата <...> поняла смысл ленинской смычки города с деревней <...> и создала особый вид обслуживания деревни — «бригадирство». <...> На примере бригадирства пролетариат доказал свою способность быть руководителем и организатором смычки пролетариата с крестьянством. <...> *Надо немедленно приступить к широкому развертыванию бригадирства, как постоянного вида работы по смычке пролетариата с крестьянством*» (Волин Б. Кто и как помогает деревне // Лицом к деревне. 1929. № 9. С. 28).

Сохранившиеся в архивах рассказы крестьян о коллективизации часто начинались словами: «К нам выехала бригада из центра под руководством...» (*Трагедия советской деревни*, 2. С. 372). Как свидетельствуют отразившие коллективизацию документы, на ее проведение из города в деревню отправлялись бригады коммунистов, комсомольцев, рабочих и студентов, агитировавших за вступление в колхоз. Многие из этих бригад, по сводкам ОГПУ, «буквально терроризировали население»: «...особого внимания заслуживают факты грубейших извращений, допускаемых посланными на места бригадами. <...> Прибывшая в Анненский район бригада в числе 11 чел. буквально терроризировала население» (Справка Информационного отдела ОГПУ об административном произволе в связи со сплошной коллективизацией в ЦЧО, не ранее 5 янв. 1930 г. // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 99). Уже само слово «бригада» должно было вызывать у крестьян негативные чувства — в селе часто находилось несколько бригад. Об отправке различных бригад из города в деревню — например, профсоюзами Самары — сообщает и пресса: «Союзы посылают ремонтные бригады, в состав которых кроме слесарей и кузнецов входят и политические руководители. Союз пищевиков создал 5 таких бригад по 3 человека в каждой. Этот же союз выделил по краю еще 9 бригад со специально-производственным назначением <...> Что касается культурной работы, то она вылилась главным образом в посылку бригад по агропрому из добровольцев — членов союза. <...> Второй формой культурного похода в деревню, практикующейся у нас, являются вылазки физкультурных бригад. Бригады проводят в деревнях и колхозах доклады, беседы и другие задания. Ездят на время от 5 до 15 дней» (Лицом к колхозу // *Культ. рев.* 1930. № 10. С. 24. Подпись: А.К.).

— *Собрание учредителей...* — Понятие «собрание учредителей» здесь является, вероятно, языковым штампом и не отражает реальность: данное собрание должно было быть общим собранием колхозников или даже всей сельской общины. *Учредители* — это лица, которые выступали инициаторами создания колхоза; наличие их являлось юридически обязательным условием организации колхоза. Однако если до перехода к «сплошной коллективизации» учредители колхоза являлись одновременно и его членами, то в начале 1930 г. ситуация изменилась: учредители составляли уже незначительную часть от всех колхозников. Вот как описана эта процедура в статье, инструктирующей крестьян по организации колхоза в ситуации «сплошной коллективизации»: «Оформление колхоза должно быть начато с общего собрания трудящихся крестьян, желающих работать совместно. <...> Колхоз по закону («Положение о с.-х. кооперации от 3 октября 1927 г.») может быть

организован “не менее как пятью учредителями, которые не состояли бы в родственных отношениях между собой” <...> Закон в этой части для настоящего периода уже несомненно устарел. Для настоящего времени лозунгом дня при организации колхоза должно быть: всем селом в колхоз (исключая, конечно, кулачество). <...> Если колхоз организуется более чем из десятка членов <...>, должны быть выбраны учредители для регистрации устава. <...> После принятия собрания устава последний должен быть подписан избранными учредителями...» (Чешков А. Как организовать колхоз // Избачитальня. 1930. № 2. С. 74).

С. 136. ...отчего ты самый умный, а картуза у тебя нету? — *Картуз* — фуражка с козырьком (подробно см. примеч. к повести «Впрок», с. 426–427 наст. изд.).

...опять капитализм сеять собирается... — *Сеять капитализм* — словосочетание, образованное, вероятно, по аналогии с распространенным выражением Сталина «насаждать колхозы» и даже «пересаживать» их, например: «Советская власть <...> вовремя оказала ему [крестьянству] помощь в виде насаждения колхозов» (Сталин И. К вопросам аграрной политики в СССР // Сталин. С. 304); «Нельзя насаждать колхозы силой. <...> Нельзя механически пересаживать образцы колхозного строительства в развитых районах в районы неразвитые» (Сталин И. Головокружение от успехов // Сталин. С. 323) и пр.

...один сподручный актива научил их, что души в них нет, а есть лишь одно имущественное настроенье... — Отрицание души — один из тезисов антирелигиозной пропаганды.

С. 137. ...стали их [бревна] затесывать в лапу со всех концов... — *Лапа* — «корневище, дерево, вырубленное с корнем»; «рубить в лапу» — рубить, обрубая концы; «затес — удар топором наискосок» (*Даль*).

...у нас в районе четырнадцатый пленум идет! — Во время зимы — весны 1930 г. пленумы проводились чаще, чем обычно. О них сообщается в печати: 3-й и 4-й пленум МК; пленум коломенского окружкома ВКП(б), пленум Сокольнического РК и РКК ВКП(б) — без номера (*Раб. газ.* 1930. 7 апр). Информация о профсоюзных пленумах встречается так же часто: «На пленуме ЦК железнодорожников», «Закрылся пленум ЦК медсантруд», «Пленум ЦК совторгслужащих закончился» (На пленумах ЦК союзов // Труд. 1930. 28 янв. С. 4). Не исключено, что «четырнадцатый пленум» — это не порядковый номер пленума какой-то организации, а суммарное количество пленумов всех организаций в данном районе.

...для ликвидации класса организуется плот... — Провозглашенная в декабре 1929 г. политика «уничтожения кулачества как класса» предполагала ряд мер, в том числе «высылку кулацких элементов» из мест основного проживания, с конфискацией имущества (Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о ликвидации кулачества как класса, от 23 янв. 1930 г. // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 118). Обычно кулаков вывозили по железной дороге в специально приготовленных для этого эшелонах, но известны также и случаи отправки их по реке на баржах: «...через полгода почти довели на баржах наших лишенцев», «...потянули эти баржи вверх по реке лошадьми» (*Тепцов*. С. 168, 170).

Вынув поминальные листки и классово-расслоечную ведомость, активист стал метить знаки по бумагам... — Согласно инструкциям ВКП(б) о проведении «уничтожения кулачества как класса», «списки подлежащих выселению и внутреннему расселению определяются сельсоветами» (Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о ликвидации кулачества как класса // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 118). Однако, как следует из тех же документов, «беднота принимала активное участие в раскулачивании и составлении списков кулаков, подлежащих выселению» (Там же. С. 340); «На собраниях батрацко-бедняцких групп <...> намечены списки кулаков» (*Тетцов*. С. 84). Кроме списков кулаков, подлежащих раскулачиванию и высылке, в документах упоминаются также два списка, которые составляли сами коллективизаторы — крестьян, которые были «за» и «против» колхоза, например: «с/х артель <...> была организована при сильном нажиме и запугивании как от бригады, так и от нашего актива <...> заставляли расписываться в двух списках — один за, другой против колхоза» (Политсводка секретариата Совнаркома СССР по приему заявлений и жалоб по вопросам сельского хозяйства за февр. — март 1930 г. // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 372).

Кругом нас темпы по округу идут... — Небывалые темпы социалистического строительства — одна из задач первой пятилетки: «...Мы строим и построим социализм. <...> Темп социалистического строительства невиданный» (Двенадцать лет пролетарской диктатуры [Ред. статья] // *Дер. ком.* 1929. № 20. С. 2); «Пятилетний план развития нашего хозяйства предусматривает грандиозные темпы социалистического строительства. <...> По всей стране бурным темпом развивается строительство новых заводов, фабрик, электростанций, железных дорог, совхозов, колхозов и т. д.» (Наши задачи [Ред. статья] // *На тр. фронте*. 1930. № 1). Высокие темпы строительства — тема лозунгов: «Боевыми темпами разрешим проблему животноводства» (Труд. 1930. 14 янв. С. 2), «Развертывая социалистическое наступление — ни шагу от взятых темпов!» (Труд. 1930. 19 янв. С. 4), «В ногу с общим темпом строительства» (Труд. 1930. 16 февр. С. 4), «Нужны боевые темпы» (Труд. 1930. 10 марта. С. 1) и т. д. Однако в рассказе о реальных темпах преобладали другие слова: «отстали от темпов» (*Эмге*. Отстали от темпов // *Культ. рев.* 1930. № 13–14. С. 53); «черепашьим темпом», «темпов нет», «обломовские темпы», «разгильдяйские темпы», «рабские темпы» и пр. (см. об этом примеч. к с. 69), — и призывы: «Усилить темпы культурного строительства» (Обращение Президиума ЦИК Союза ко всем трудящимся // Труд. 1930. 8 апр. С. 1).

С. 138. *...о точном исполнении мероприятия по сплошной коллективизации и о ликвидации ~ кулака как класса...* — Сроки проведения сплошной коллективизации и ликвидации кулачества по стране определялись Постановлением ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г. Согласно этому постановлению, коллективизацию должны были провести до конца первой пятилетки, при этом оговаривалось, что «коллективизация таких важнейших зерновых районов, как Нижняя Волга, Средняя Волга и Северный Кавказ, может быть в основном закончена осенью 1930 г. или во всяком случае весной 1931 г.;

коллективизация других районов может быть в основном закончена осенью 1931 г. или во всяком случае весной 1932 г.» (ВМ. 1930. 6 янв. С. 1).

Однако информация с мест в январе — феврале 1930 г. свидетельствовала о том, что во многих областях коллективизация была проведена полностью за несколько дней. Так, 6 февраля 1930 г. газета «Беднота» на стр. 4 публикует лозунг: «Целые округа и районы — в сплошные колхозы». В марте 1930 г. динамика коллективизации, например, по Острогжскому району Центрально-Черноземной области была такая: «...на 1 октября 1928 г. коллективизировано около двух процентов крестьянских хозяйств. 10 января 1930 года — три четверти дворов были в колхозах. Сейчас округ представляет собой сплошной колхоз» (Большевистская весна (письмо из ЦЧО) // Стройка. Л., 1930. № 3. С. 9). Около 100 процентов крестьянских хозяйств было коллективизировано в январе — феврале 1930 г. и по другим областям: ««Рязань не голопузая, а район сплошной коллективизации», — сказали себе руководители рязанского окружка. <...> Разъехались рязанские вожди с директивой: “100 процентов — и никаких гвоздей”» (Ширяев Н. Из рязанской практики перегибов и искривлений // Беднота. 1930. 14 марта. С. 2); «Бабынинский р-н, Калужского окр., Московской обл. был объявлен районом сплошной коллективизации. Были присланы рабочие бригады, и работа шла успешно. Было коллективизировано уже почти 97 проц. всего района» (Неправильная директива сыграет на руку кулаку // Беднота. 1930. 15 марта. С. 3. Подпись: *Колхозник.*) и т. д.

...при этом активист не мог поставить после слова «кулака» запятую, так как и в директиве ее не было. — Политика «ликвидации кулачества как класса» провозглашена И. Сталиным в речи «К вопросам аграрной политики СССР» на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г., опубликованной в «Правде» 29 декабря. Это первое печатное объявление о новой политике в выражении «ликвидация кулачества, как класса» имело запятую; последующие же публикации на данную тему были уже без запятой: Постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» (Правда. 1930. 6 янв. С.1); редакционная статья «Ликвидация кулачества как класса ставится в порядок дня» (Правда 1930. 11 янв. С.1) и др. (впервые отмечено: *Золотоносов М.* «Ложное солнце»: «Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994. С. 273).

...попросил себе из района новую боевую кампанию... — Кампания — активная работа, проводимая для решения какой-либо общественно-политической или хозяйственной задачи. Примеры наиболее распространенных кампаний на селе: «кампания хлебозаготовок, займа, сельхозналога, самообложения, сбора недоимок» (*Мелькумов А.* Важнейшее условие сплошной коллективизации // *Дер. ком.* 1930. № 3–4. С. 51), отчетно-перевыборная, отчетно-проверочная, ликвидация безграмотности, посевная и уборочная кампании, например: «Наряду с проверкой итогов хлебозаготовительной кампании, участие сельсоветов в прошлой весенней и осенней посевной кампании, а также его работы по проведению ряда других политических и хозяйственных кампаний, необходимо проверить, как сельсоветы и райисполкомы в повседневной практической работе помогали строительству

колхозов» (Отчетно-проверочная кампания // *Дер. ком.* 1930. № 1. С. 34. Подпись: *М.В.*). Кроме этих распространенных хозяйственно-политических кампаний, в деревне объявлялись и более редкие, например: «Уже начинается ясельная кампания» (*Шекун О.* К восьмому марта // *Дер. ком.* 1930. № 3–4. С. 42). Перед главными религиозными праздниками всегда проводилась «антипасхальная кампания» и «антирождественская кампания».

*...во всей районной надстройке... — Надстройка — часть двуединого общественно-экономического понятия, введенного К. Марксом: (экономический) базис и (культурная) надстройка (см. об этом примеч. к с. 82). Платонов, однако, мог употреблять его переносно, в ироническом смысле — см.: «Баба — база двора, а мужики — надстройка» (*Записные книжки.* С. 34).*

*...после хлебозаготовок... — Хлебозаготовки — начиная с 1928 г. регулярная государственная кампания по изъятию зерна у сельского населения. Причиной введения хлебозаготовок стали продовольственные проблемы 1927 г., возникшие отчасти из-за бойкотирования крестьянами продажи хлеба государству как следствия низких закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. Официально считалось, что в ходе хлебозаготовок изымаются «хлебные излишки», на самом же деле насильственно отбирался часто весь хлеб, что обрекало крестьян на голод, о чем свидетельствовали и справки ОГПУ о ходе хлебозаготовительной кампании: «...беднячка заявила: “В прошлом году приезжали работники и агитировали за хлебозаготовки <...> В результате этого хлеб забрали поголовно у всех, а нам, беднякам, теперь не дают и купить его негде. Соввласть нас давит. Если в этом году она будет проводить хлебозаготовки, то мы, бедняки, ее не допустим, чтобы не голодать”» (*Советская деревня глазами ВЧК, 3(1).* С. 409).*

...ничего не имел, кроме овощей с дворового огорода и бедняцкой льготы... — По сравнению с кулаками и середняками бедняки имели ряд льгот — они освобождались от сельхозналога, пользовались льготами при приеме в средние и высшие учебные заведения, в комсомол и ВКП(б).

*...только Зою сеять боюсь! — Какую Зою? — если сою, то она ведь официальный знак! — О необыкновенных особенностях сои и ее способности решить все продовольственные проблемы в конце 1920-х гг. писала пресса, называя сою «надеждой республики»: «На первый взгляд не придет даже в голову, какие сказочные возможности таят в себе ее мохнатые короткие стручки. В ней двадцать два процента белка и столько же жира. Сгущенное молоко, которое мы получаем из Америки, готовится из сои. Масло, сыр, мука, соуса, всевозможные консервы, вплоть до колбасы и ветчины, — все это выделывают из сои» (*Мозута Е.* Надежда республики // *Лицом к деревне.* 1929. № 23. С. 4). «Ешьте сою!», — звучит призыв со страниц советской прессы (*Мар С.* Ешьте сою! // 30 дней. 1930. № 8. С. 69).*

Правительство принимает специальное постановление о выращивании в стране сои — заметка в «Правде» свидетельствует, что в текущем, 1930 г., предполагается засеять соей 380 000 га вместо 70 000 в предыдущем (За сою и кукурузу // *Правда.* 1930. 15 апр. С. 3). Это решение, однако, повсеместно не выполняется, о чем и сообщает пресса: «Создалось угрожающее положение с посевом сои: здесь план выполнен только на 19 процентов. Повсюду к посеву сои относятся крайне небрежно!» (Небрежное отношение к посеву

сои // Беднота. 1930. 27 апр. С. 1). Чтобы поправить ситуацию, государство объявило «льготы посевищикам технических культур», а среди них — сои (Беднота. 1930. 29 апр. С. 1), однако — «посевищики не знают о льготах», в результате — «недопустимо слабо продолжает развертываться посев технических культур» (Беднота. 1930. 29 апр. С. 1). Сигналы тревоги по поводу невыполнения планов посева сои продолжают звучать и в мае 1930 г.: «К посевам сои некоторые округа правобережья Украины относятся с неизмеримой прохладцей... Важнейшая директива правительства о посеве сои грозит остаться невыполненной» (*Соц. земл.* 1930. 7 мая. С. 3). При этом сама задача не снимается с повестки дня: «План посевов сои должен быть выполнен целиком» (Там же).

С. 138–139. *Старый пахарь Иван Семенович Крестинин целовал молодые деревья в своем саду и с корнем сокрушал их прочь из почвы...* — Уничтожение крестьянами своей собственности перед вступлением в колхоз, подавленное состояние при расставании с ней — известный факт коллективизации. Вот как об этом пишут сами крестьяне: «Мужики враждебно относятся к сплошной коллективизации, пропивают последнюю копейку; режут скот, продают имущество, все гонят к концу»; «теперь слезы льют все крестьяне за то, что им приходится расставаться со своим хозяйством, собственность — это душа долой, трудно расставаться» (Из сводки № 75 писем отдела чистки и расследования редакции газета «Правда» о настроениях в деревне от 21 мая 1930 г. // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 459, 461). Такое положение дел противоречило заявлению Сталина о том, что вступающие в колхоз крестьяне радостно расстаются со своей собственностью: «Рушится и превращается в прах последняя надежда капиталистов всех стран, мечтающих о восстановлении капитализма в СССР, — “священный принцип частной собственности”». Крестьяне <...> массами покидают хваленое знамя “частной собственности” и переходят на рельсы коллективизма, на рельсы социализма» (*Сталин И.* Год великого перелома // *Сталин*. С. 296).

С. 139. — *Не плачь, старуха ~ ты в колхозе мужиковской давалкой станешь.* — Страх перед угрозой, которую коллективизация несла традиционному укладу крестьянской жизни, выражался, в частности, в обилии слухов об обобществлении жен в колхозе. Эти слухи, о которых многократно сообщает периодическая печать, обычно приписывали кулакам: «При обсуждении всех животрепещущих вопросов они [кулаки] собирались отдельными группами и вели разговоры о том, что “скоро загонят всех в коммуны, где все будет общее и бабы будут общие”» (Как изба-читальня добилась сплошной коллективизации // *Изда-читальня*. 1930. № 1. С. 23. Подпись: *С.А.*); что «колхозники сначала объединяют свои хозяйства, а затем объединяют своих жен и детей, будут шить большое одеяло и вместе ложиться спать» (*Ключников С.* Лицом к социалистическому сектору // *Изда-читальня*. 1930. № 3–4. С. 25).

...в ожидании колхоза, безубыточные мужики содержали лошадей без пшеницы... — О массовой распродаже и убое скота в период «сплошной коллективизации» свидетельствуют и сводки ОГПУ, и периодика, и письма самих крестьян: «Уничтожение скота происходит, главным образом, в районах, где проводится в значительных размерах коллективизация» (Из политсводки

секретариата СНК СССР по приему заявлений и жалоб по вопросам сельского хозяйства за дек. 1929 г. и янв. 1930 г. // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 186). Сначала крестьяне старались продавать свой скот, а когда цены на него значительно упали — стали убивать, чтобы получить от государства страховку, которая во многих местах превышала рыночную цену на лошадь. Вот что говорят об этом документы: «кулаки, вследствие низких цен на лошадей, прибегают к умышленному измору их голодом и хищническому истреблению, получая от Госстраха премию по 40–50 рублей за каждую павшую лошадь» (Справка Информационного отдела ОГПУ об организационных недочетах, перегибах и классовой борьбе вокруг колхозного строительства в ЦЧО по материалам на 1 февр. 1930 г. // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 246). Однако из тех же официальных документов ясно, что не только кулаки истребляли свой скот и морили его голодом до смерти, но и колхозники, и даже члены правления колхоза: «В с. Мазикино члены правления колхоза в связи с предстоящим обобществлением скота убивают свой скот. По их примеру режут скот и остальные колхозники и единоличные хозяйства» (Там же. С. 247). Результатом такого истребления скота стало значительное уменьшение его поголовья, о чем тоже сообщается в справках ОГПУ: «некоторые районы ЦЧО оказались оголенными от рабочего и крупного скота более чем на 60%» (Справка ИНФО ОГПУ о массовой распродаже и убое скота от 11 янв. 1930 г. // *Советская деревня глазами ВЧК*, 3(1). С. 74). Причины массового истребления скота указаны в официальных документах — справках ОГПУ и правительства: страх раскулачивания, нежелание отдавать скот в колхоз даром; отсутствие кормов и невозможность прокормить животных; кулацкая агитация («все равно советская власть заберет»; «в колхозе не нужны лошади — там будут работать тракторы»).

С. 140. ...говядину в то краткое время ели, как причастие, — есть никто не хотел, но надо было спрятать плоть родной убоины в свое тело... — *Причастие* — главное христианское таинство, вкушение плоти и крови Христовой, ради соединения с Ним.

С. 141. — Пусть они попрощаются до будущей жизни. ~ мужик обнял соседа, поцеловал его трижды и стал прощаться с ним. ~ Каждый начал целоваться со всею очередью людей... — В эпизоде прощания крестьян перед началом коллективизации воспроизведен чин прощания взаимных обид в православном богослужении перед началом Великого поста. Об отношении к коллективизации как к смерти см.: «...лишенцы, женщины и дети, группами идут в церковь, исповедуются и причащаются, готовясь к смерти» (Спецсводка ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю о ходе раскулачивания в крае на 13 февр. 1930 г. // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 207). О том, что крестьяне плакали, провожая высылаемых кулаков как на смерть, см.: «В Брянском округе, при прохождении через ст. Болва эшелона с 200 выселяемыми кулаками, в том числе и попами, последние пели похоронно-религиозную песню — “Волною морскую”, чем вызывали у собравшихся на станции зрителей жалость, часть которых плакала...» (Смоленский архив ВКП(б), цит. по: *Фицпатрик*. С. 72). О том, что происходящее в деревне воспринималось крестьянами как конец мира, см.: «Распускаются самые невероятные слухи.

Говорят, что антихрист на землю сошел, что скоро конец миру» (Барчук В. Колхозное движение на новом этапе // *Дер. ком.* 1929. № 19. С. 13).

Но активист еще прежде обозначил всех жителей — кого в колхоз, а кого на плот. — О существовании у проводивших коллективизацию двух списков, в один из которых вносились будущие колхозники, а в другой — претенденты на выселение; о двух списках коллективизаторов см. примеч. к с. 137.

...отозвалась массовая работа актива! — *Массовая работа* — работа с массажи; ср. с названиями заметок в журнале: «Подготовку квалифицированных сил — в центр массовой работы завода» (Массовик. 1930. № 3. С. 29), «О массовой работе в совхозах и совхозах» (Массовик. 1930. № 4. С. 13), «12-я годовщина Красной армии и массовая военная работа» (Массовик. 1930. № 5. С. 11), «Новое в массовой работе» (Массовик. 1930. № 7. С. 21).

С. 143. *...бросить Прушевского на колхоз как кадр культурной революции...* — В первую пятилетку, которая получает дополнительное название «культурной», особое значение приобретает подготовка «кадров культурной революции». Важность проблемы «культкадров» подчеркивается в периодике 1930 г.: «Особенно важный, кардинальный вопрос, без разрешения которого невозможна перестройка культработы, — это проблема культкадров» (За перестройку культработы [Ред. статья] // *Культ. рев.* 1930. № 10. С. 3). Наиболее остро проблема «кадров культурной революции» стояла в деревне, поэтому на рабочих, приехавших проводить коллективизацию, часто возлагается дополнительная нагрузка — «культурные мероприятия среди крестьянства»: «Что ликвидация кулака в деревне, организация колхозов не может идти без ликвидации неграмотности, без широких культурных мероприятий среди крестьянства, — поняли рабочие и работницы, пошедшие по воле рабочего класса в деревню» (Ломский И. Двадцатипятидесятники // *Культ. рев.* 1930. № 10. С. 21). Ликвидация неграмотности и малограмотности были наиболее востребованной частью культработы в деревне: «Сейчас в Михайловском сельсовете идет сплошная ликвидация неграмотности, в которой принимают участие наши рабочие» (Там же. С. 25).

Параллельно с рассказами об участии рабочих в ликвидации неграмотности сельского населения на страницах печати обсуждается и другая возможность — вместе с рабочими бригадами посылать специального человека на проведение в деревне культработы: «В будущем вместе с рабочими бригадами необходимо посылать в деревню одного товарища для проверки состояния и налаживания культработы» (Псковский М. Против кулацкого влияния // *Культ. рев.* 1930. № 10. С. 24).

...указать ему самого угнетенного батрака, который почти спокон века работал даром на имущих дворах... — Батраки — наемные рабочие у зажиточных крестьян; «основной отряд рабочего класса в деревне» и опора пролетариата в проведении коллективизации (Работа среди батрачества [Ред. статья] // *Труд.* 1930. 2 апр. С. 1); самые угнетенные, бесправные и бедные жители деревни.

...профсоюзная линия, получая сообщения об этом официальном батраке ~ глубоко тревожилась. Паикин ~ хотел как можно скорее избавиться его от угнетения. — В период «ликвидации кулачества» ЦК ВКП(б) принимает

специальное постановление, запрещающее использовать батрацкий труд: «Следует практически поставить вопрос о запрещении всяческой эксплуатации батрачества не только в кулацких <...>, но и во всех других хозяйствах. <...> Кончая с кулаком, надо в районах сплошной коллективизации кончить и с подневольным батрацким трудом» (Замечания председателя ЦК профсоюза сельскохозяйственных рабочих Н.М. Анцеловича по проекту постановления ЦК ВКП(б) о кулаке, подготовленному подкомиссией Я.А. Яковлева // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 121). Надзор за проведением в жизнь этих решений и «передвижка батрачества в хозяйства» социалистического сектора возлагались именно на профсоюзы: «...возложить на краевые, областные и окружные исполкомы <...> обязанность практически разработать и принять меры по организационной передвижке батрачества в хозяйства и предприятия социалистического сектора» (Там же. С. 121).

...сошел ~ Пашкин, чтобы ~ обнаружить здесь остаточного батрака и ~ распустить затем райком союза за халатность обслуживания членской массы. — Халатное отношение к батракам и невнимание к защите их прав — одна из критикуемых в печати черт профсоюза сельхозрабочих: «Партия, ЦК союза и ВЦСПС категорически предложили улучшить защиту материально-трудовых и правовых интересов батрачества путем решительного проведения КЗоТ в кулацких хозяйствах и “временных правил” в хозяйствах трудового типа. А как проводится все это ленинградским союзом сельхозрабочих в жизнь?» Далее в статье разоблачаются тяжелые условия труда батраков: «В результате самая беспощадная эксплуатация батрачества. Как правило, рабочий день составляет 10–14 часов. Ряд батраков работает за одни харчи» (Ленинградский союз сельхозрабочих не справился с задачей политической организации и защиты прав батрачества // *Труд*. 1930. 4 янв. С. 2. Подпись: *Р.С.*).

...медведь бил человеческим молотом... — О работе медведя в одной из кузниц Ямской слободы в Воронеже со слов Семена Климентова, брата А. Платонова, сообщают исследователи: «В одной из кузниц вместе с хозяином у наковальни на задних лапах стоял хорошо выдрессированный медведь. Силища у зверя была огромная, а трудился он только за пропитание. По свистку кузнеца медведь бросал работу и шел к кормушке» (*Ласунский О.* Житель родного города. Воронеж. 2007. С. 26).

...мы с тобой — ударная бригада! — Ударные бригады (бригады, работающие в ускоренном темпе, и при этом без прогулов и брака), наряду с соревнованием, задумывались как новая форма социалистического труда в борьбе за повышение его производительности и выполнение планов пятилетки: «В огне социалистического соревнования возникло ударное движение» (Новые формы организации труда [Ред. статья] // *Труд*. 1930. 9 апр. С. 1).

Ударные бригады имеют конкретную дату появления — май 1929 г.: «В мае 1929 г. была напечатана в газетах найденная статья Ильича о социалистическом соревновании. <...> Статья Ильича призывала путем соревнования между собой рабочих и крестьянских коллективов ускорить ход социалистического строительства. И передовые деятельные рабочие вскоре откликнулись на этот призыв, стали организовываться в группы, в ударные бригады. <...> Ударники пошли в наступление, вызывая на соревнование на

лучшую работу другие группы рабочих» (*Валдайский Г. Ударники // Крестьянский журнал. 1929. № 23. С. 10*). Вскоре после публикации упомянутой статьи В. Ленина соревнование и ударничество официально признаны новыми формами социалистического труда, поднимающими его производительность, — и широко пропагандируются: 6 декабря 1929 г. в Москве проходит первый Всесоюзный съезд ударных бригад, 21 января 1930 г. газеты «Правда» и «Труд» публикуют воззвание ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «Ленинский призыв ударников». Суть воззвания — призыв ко всем членам профсоюзов, к молодежи создавать новые ударные бригады: «Ленинский призыв ударников должен дать новых 500 тыс. революционеров темпа, борцов за максимально короткие сроки построения социализма» (В ряды ленинцев-ударников [Ред. статья] // *Труд. 1930. 24 янв. С. 1*). По всей стране объявляют себя ударными бригады, цеха, заводы: «В Тамбове объявил себя ударным завод “Ревтруд” в ознаменование смерти Ленина. <...> На “Электрозаводе” в Москве ударными бригадами и цехами охвачено 5100 человек. Особенно усилилась кампания вербовки в ударные бригады накануне ленинских дней» (Ударной работой отметить годовщину смерти Ильича // *Труд. 1930. 24 янв. С. 1*).

Объявление бригад ударными происходит не только в городе, но и в деревне, в том числе и среди кузнецов: «Шесть бригад кузнецов, объявив себя ударными, вступили в соревнование. Заключив договор, они добились досрочного ремонта всех с.-х. машин и инвентаря» (*Земцов А. Вместе с массами — к новым победам // Беднота. 1930. 15 марта. С. 3*).

Периодика 1930 г. пестрит призывами создавать ударные бригады по разным видам деятельности и сообщениями об их организации: «Создадим ударные бригады по обобществлению семян!», «Организуйте ударные бригады по сбору утиля!» (*Крест. газ. 1930. 17 янв. С. 4, 5*); «Каждый день с мест поступают сводки, говорящие о том, что новые цеха, отделы и предприятия в целом берут на себя обязанности работать новыми ударными темпами» (Ударничество и борьба за промфинплан // *Раб. газ. 1930. 1 марта. С. 1*) и др.

С. 144. ...в кузне есть промфинплан... — *Промфинплан* — промышленно-финансовый план предприятия, по которому велись все финансовые операции (расходы на строительство, кредиты, распределение прибыли и т. д.); составлялся перед началом каждого хозяйственного года с опорой на пятилетний план, утверждался центральными хозорганами. Выполнение каждым предприятием своего промфинплана в первую пятилетку приобретает идеологическое значение: «Бороться за промфинплан — бороться за социализм» (*Труд. 1930. 28 янв. С. 2*). Со страниц периодики звучат лозунги, призывающие к выполнению промфинплана: «Все силы — на выполнение плана» (*Труд. 1930. 31 янв. С. 2*); «Без упорной борьбы плана не выполнить» (*Труд. 1930. 1 февр. С. 4*); «Усилим мобилизацию масс на борьбу за промфинплан» (*Труд. 1930. 21 февр. С. 1*).

...вдарь в колокол, чтоб Мишка обеденное время услышал... — Снятые с церквей колокола часто использовались в колхозах для созыва колхозников по разным поводам; см. об этом: «19 февраля в том же селе по набатному звону вновь собралась толпа» (*Советская деревня глазами ВЧК, 3(1). С. 208*).

С. 147. — *Нам колхоз нужен, не разлагай его!* — Разложение колхозов кулаками — частая тема партийных документов и публикаций в печати: «В результате разлагающей деятельности кулацко-антисоветского элемента внутри колхозов имеет место ряд случаев массовой подачи заявлений о выходе из колхозов» (Докладная записка Информационного отдела ОГПУ о недочетах в колхозном строительстве... // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 109); «Кулаки и подкулачники, попадая в колхоз, начинают разлагать остальную рабочую массу» (*Сергеев С.* За образцовую массовую работу в крупных совхозах // *Беднота*. 1930. 4 февр. С. 2) и др.

С. 148. — *Опорожняй батрацкое имущество!* — Согласно Постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г., «конфискуемые жилые кулацкие постройки используются <...> для общежития вступающих в колхоз и не имеющих собственного жилья батраков» (*Трагедия советской деревни*, 2. С. 129).

— *А ты покажь мне бумажку, что ты действительно лицо!* — *Какое я тебе лицо? ~ у нас партия — вот лицо!* — Во фразеологической практике 1920–1930-х гг. часто используется слово «лицо»: «лицо актива», «вернуться лицом к деревне / городу / колхозу / производству / социалистическому сектору / строительному сезону / ударнику» и т. д.; «Лицо профсоюзной печати», «Лицом к строительному сезону» (Труд. 1930. 16 марта. С. 3); «крестьянин-средняк <...> меняет свое старое социальное лицо, приобретает новое» (*Нодель В.* О середняке в колхозе // *Дер. ком.* 1930. № 11–12. С. 35) и др. Цель начавшейся в 1929 г. чистки партии определялась как необходимость «выяснить лицо» партийца по таким критериям, как «связь с масса-ми», «борьба с бюрократизмом», «труддисциплина»: «Эти моменты являются решающими для характеристики классового лица партийца» (Выяснить лицо советской ячейки // *Раб. газ.* 1929. 6 июня. С. 5. Подпись: *И.Н.*).

...по морям: нынче здесь, а завтра там... — Припев популярной песни «По морям». Автор первоначального текста и музыки песни — В. Межевич (1814–1849).

С. 151. ...заготовляйте ивовое корье!.. — О необходимости заготовки ивового корья см., например, объявление в «Крестьянской газете»: «Ивовое, еловое и дубовое корье требуется кожзаводам для выделки кожи. Бедняки, середняки, колхозники! Заготовляйте ивовое, еловое и дубовое корье. Всесоюзный кожевенный синдикат извещает, что все его конторы и заготовительные пункты принимают заготовленную кору по установленным ценам в любом количестве» (*Крест. газ.* 1930. 18 марта. С. 6; 13 апр. С. 5 и др.).

...забыл про организацию дня кустарника... — Организация разного рода «дней», «недель» и даже «месяцев» — одна из форм проведения той или иной хозяйственно-политической кампании, т. е. кратковременной усиленной работы по решению соответствующей проблемы. Такого рода «дни» были как общесоюзными, так и местными: 4 мая 1930 г., например, газета «Правда» призывает готовиться ко «дню леса»; в январе 1930 г. в Ленинграде проводится «антиалкогольная неделя» (*Тук.* 1930. № 2. С. 6), а также объявлен всесоюзный «месячник по сбору утильсырья», о котором сообщают практически все издания; в том же январе — «месячник животноводства»,

для интенсивного создания совхозов молочного и мясного направления (Беднота. 1930. 17 янв. С. 3); март 1930 г. — «всесоюзный месячник сбережений», когда «каждый трудящийся должен пересмотреть свой бюджет и предоставить государству — заимообразно — часть своего заработка на индустриализацию» (Враждебному наскоку врагов дадим массовый отпор // Беднота. 1930. 19 февр. С. 2); август 1930 г. — «месячник тревоги», для борьбы с нарушителями трудовой дисциплины и прорывами на хозяйственном фронте (Словострой // 30 дней. 1931. № 3. С. 79) и т. д.

С. 153. ...одному колебнувшемуся сделал для успокоения удар в голову... — В конце 1920 — начале 1930-х гг. слова со значением «колебания» и «шатания» приобретают устойчивый политический оттенок — см.: «...необходимо решительно преодолеть колебания, шатания в отдельных прослойках рабочего класса. <...> Эти колебания и шатания <...> породили правый уклон в среде нашей партии. “Только преодолев шатания, колебания в своих рядах, — говорится в воззвании конференции, — только дав отпор правому уклону, партия и пролетариат сумеют сломать сопротивление классовых врагов...”» (Решение XVI партконференции — в массы [Ред. статья] // *Культ. рев.* 1929. № 10. С. 1).

С. 154. *Он собрал по деревне все нищие, отвергнутые предметы ~ скопил в мешок вещественные остатки потерянных людей ~ лапоть прошедшего века, оловянную серьгу от пастушьего уха, штанину из рядна...* — Деятельность Вощева по сбору ненужных вещей имеет истоки в реальном контексте времени — кампании по сбору утиля, о которой было объявлено в январе 1930 г.: «С 1 января по всей Московской области начался месячник по сбору утильсырья. Эта кампания является началом ударной работы по сбору утиля по всему нашему союзу» (*Шапиро Л.* Начало ударной работы // *Правда.* 1930. 3 янв. С. 5). Газета акцентирует главную цель сбора утильсырья — «создание валютных ресурсов»; подчеркивает необходимость «бережного отношения к отбросам и отходам и их утилизации»; призывает: «Надо наметить организационные формы сбора утиля, привлекая для этого кадры безработных в городах» (Там же). Во всех призывах собирать утиль подчеркивается: «Больше всего утиля в деревне» (*Зморская Е.* Отбросы — в тракторы // *Беднота.* 1930. 6 марта. С. 4). Об отражении в повести кампании по сбору утиля см. также примеч. к с. 104, 165, 171.

Философский подтекст данного сюжета опирается на учение Н.Ф. Федорова (1828–1903): овладение тайной жизни, преодоление слепой силы природы и ее главного зла, смерти; воскрешение ранее умерших. Федоров призывал бережно относиться к праху умерших и их вещам как материалу будущего воскрешения, говорил о «высокой, непродажной ценности вещей негодных, вышедших из употребления» (*Федоров.* С. 577), призывал к «собиранию под видом старых вещей (ветоши) душ отшедших, умерших» (*Федоров.* С. 576).

С. 155. *Сумеют ли успехи высшей науки воскресить назад сопревших людей?* — Воскрешение мертвых, отцов силой науки — центральная идея «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова. По вопросу о воскрешении умерших Н.Ф. Федоров заявлял: «...нужно и возможно воскрешение всего умершего...» (*Федоров.* С. 596). В деле воскрешения Федоров отдавал предпочтение

науке, «на всеобщем наблюдении и опыте основанной <...>, на опыте как регуляции метеорологических, вулканических <...> и космических явлений <...>, — на опыте едином, производимом всеми живущими <...> над всею землею как одним целым, как кладбищем множества поколений, постепенно возвращаемых к жизни...» (Федоров. С. 489); большую роль в этом отводил музею: «Музей есть высшая инстанция, которая должна и может возвращать жизнь...» (Федоров. С. 579), «...деятельность его заключается <...> в восстановлении умерших...» (Федоров. С. 587); его требование к науке: «Превернуть знание в исследование причин смерти ради дела воскрешения» (Федоров. С. 80).

С. 156. ...мог бы весь район стравить на коллективизацию ~ пора уж целыми эшелонами население в социализм отправлять... — Мысль о приобщении крестьян к колхозной жизни «целыми районами» появляется в статье Сталина «Год великого перелома» (Правда. 1929. 7 ноября): «в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами». Выражение Сталина «целыми селами <...> районами» повторяется во многих публикациях о коллективизации конца 1929 — начала 1930 г.: «Мы подошли теперь к положению, <...> когда коллективизация настолько велика, что можно говорить о сплошной коллективизации районов. <...> Итак, от охвата целых селений мы переходим уже к охвату коллективизацией целых районов» (Колхозы перед новыми задачами. Сплошная коллективизация районов // Учись сам. 1929. № 9. С. 27–28). В реальности же «ликвидация кулачества» как неотъемлемая часть «колхозного движения» и построения социализма началась с высылки миллионов крестьян и отправки их на Север — целыми эшелонами: «Сроки начала отправки выселяемых со сборных пунктов эшелонами таковы...» (Приказ ОГПУ по ликвидации кулачества как класса // Трагедия советской деревни, 2. С. 165); «ТО ОГПУ организовать бесперебойную перевозку выселяемых в эшелонах» (Там же. С. 166); «В лагере уже поселены десятки тысяч людей всех возрастов, и каждый день прибывают все новые и новые эшелоны» (Тепцов. С. 162); «Кого вы раскулачиваете? Кого ссылаете? Тех, кто годами трудился своими мозолями в своем хозяйстве, <...> в эшелонах вы убиваете голодной смертью» (Там же. С. 274) и т. д.

С. 157. ...возглас, нарисованный по флагу: «За партию, за верность ей, за ударный труд, пробивающий пролетариату двери в будущее». — Плакаты или полотнища с лозунгами — одна из реалий времени; см., например, на страницах журналов фотографии, на которых запечатлены полотнища с лозунгами: «За план, за социалистические формы труда, за боевые большевистские темпы» (Красная нива. 1931. № 1. С. 4); «Выполнение 5-летки в 4 года — лучший ответ на провокацию вылазки церковных империалистов» (Культ. рев. 1930. № 11. С. 9); «Рвите остатки религиозных пут — они мешают строить социализм» (Берман М. Полным ходом // Культ. рев. 1930. № 11. С. 9) и т. д. Красные полотна с лозунгами упоминаются и в художественной литературе: «По карнизу избы, снаружи, висело красное полотно с лозунгом: “Генеральная чистка партии еще крепче сплотит ряды передового авангарда пролетариата”» (Малов Ф. Самочистка // Кр. новь. 1930. № 1. С. 203). Газеты регулярно печатали лозунги, дающие темы для подобных

плакатов: «За генеральную линию коммунистической партии», «За обеспечение и ускорение пятилетнего плана социалистического строительства» и др. (Правда. 1929. 6 сент. С. 1).

С. 158. *...теперь имущество что сирота, пожалеть некому...* — О низкой дисциплине в колхозах и бесхозяйственном отношении к обобществленному имуществу часто пишут в газетах 1930 г. и сообщают в сводках ОГПУ, посвященных ходу коллективизации: «Труд в колхозах организован скверно, или, вернее, совсем не организован» (Бунин Ф. За немедленное исправление ошибок // *Дер. ком.* 1930. № 6. С. 39); «Чрезвычайно слабое руководство правлений обуславливает низкую производственную дисциплину в колхозах, массовые невыезды на работу, бесхозяйственное отношение к колхозному инвентарю, скоту и т. д.» (*Трагедия советской деревни*, 2. С. 109); «обобществленный скот дохнет от голода, <...> отсутствует надлежащий уход за скотом» (Там же. С. 185) и т. д.

Вот если «кадр» скажут... — В лексиконе конца 1920 — начала 1930-х гг. слова «кадр» и «кадры» — из самых распространенных. Как свидетельствует рубрика «Словострой» журнала «30 дней», рассказывающая о новых понятиях советской действительности, слово «кадры» «заменило во многих случаях такие слова, как специалист, работник, рабочий, служащий, техник и т. д.» (Словострой // 30 дней. 1931, № 3. С. 78). «Словострой» приводит цитату из лондонского журнала «Экономист»: «...кадры, как в России называют индустриальную армию». В это понятие, таким образом, включались прежде всего разновидности труда, необходимые для промышленности.

В первую пятилетку с ее многочисленными стройками особенно острый недостаток страна испытывала в технических кадрах — ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. принимает постановление об их усиленной подготовке. Тогда же был разработан 5-летний план подготовки кадров в различных областях промышленности и сельского хозяйства, который получает название «пятилетка кадров»: «Выполнить боевой приказ партии. *Пятилетка кадров* должна быть создана в срок» (Труд. 1930. 12 янв. С. 5). Невыполнение этого плана — тема тревожных сообщений: «Все силы — на подготовку кадров. Постановление ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) не выполнено» (Труд. 1930. 18 янв. С. 3); «Ноябрьский пленум ЦК партии указал срок представления пятилетнего плана по кадрам. Срок не соблюден» (Пятилетка кадров к сроку не составлена // Труд. 1930. 3 марта. С. 2). Нехватка кадров и «слабые места» в их подготовке — темы периодики: «Мертвечятина царит в области подготовки социалистических кадров вообще» (Ударим по успокоенности [Ред. статья] // Труд. 1930. 1 янв. С. 1); «Быстрее развернуть подготовку рабочих кадров. Органы НКТ еще не приступили к этой работе» (*Толстопятов И.* Слабый участок // Труд. 1930. 5 янв. С. 2); «Покроем дефицит в кадрах» (Труд. 1930. 9 янв. С. 4); «Борьба за кадры — борьба за социализм» (Труд. 1930. 30 янв. С. 3) и т. д. 19 апреля 1930 г. «Правда» выходит с редакционной статьей «Подготовка кадров — центральная задача».

С. 160. *...нужен будет тот же ВСНХ.* — ВСНХ — Высший совет народного хозяйства СССР, орган по регулированию и управлению основными отраслями народного хозяйства и финансами СССР в период с 1917 по 1932 г., со статусом наркомата. В состав ВСНХ входили отраслевые

ведомства: Главсахар, Главнефть и т. д. ВСНХ устанавливал трестам план, проверял его выполнение. Для руководства производственной деятельностью трестов в ВСНХ создается центральное управление государственной промышленностью (Цугпром ВСНХ). Председателями ВСНХ СССР были: В.В. Куйбышев (1926–1930) и Г.К. Орджоникидзе (1930–1932).

С. 161. — *Скачи прямо!* — *сообщил путь колхоз.* — *Только не сворачивай ни направо, ни налево!* — Обыграна ситуация борьбы сторонников «генеральной линии» в ВКП(б) с «правым» или «левым» уклоном от нее. О возможности двук «уклонов» от прямой линии партии, вправо и влево, и об опасности уклониться в любую из этих сторон при проведении коллективизации регулярно предупреждает пресса: «В практике ликвидации кулацких хозяйств встречаются “левые” перегибы, когда удары, направляемые на кулака, задевают середняка. <...> Правый уклон, правые настроения и практика являются главной опасностью в данный отрезок времени. По ним необходимо сосредоточить сокрушительный огонь. “Левые” перегибы и заскоки должны также встретить решительный отпор. Борьба на два фронта — с оппортунистами справа и “слева” — была и остается для нас обязательной» (Елизаров Н. О практике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации // *Дер. ком.* 1930. № 5. С. 23–27).

С. 162. ...*отправил через районного всадника законченную ведомость ликвидации классового врага...* — После провозглашения Сталиным 27 декабря 1929 г. перехода «...к политике ликвидации кулачества как класса» (Сталин И. К вопросам аграрной политики в СССР // *Сталин.* С. 314) большинство районов в январе — феврале 1930 г. уже рапортовало о 100-процентной коллективизации и ликвидации кулаков, в качестве каковых «раскулачили» середняков — несмотря на то что Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. ориентировало на окончание коллективизации «осенью 1930 г. или, во всяком случае, весной 1932 г.»: «15 февраля в Перемышльском р-не сплошной коллективизации Калужского округа было коллективизировано 99,3 проц. всех хозяйств. Окружные калужские организации поощряли эту дикую гонку. В окружной газете “Коммуна” печатались сводки коллективизации округа. Район, шедший впереди, изображался в виде самолета, отстающие изображались соответствующе: один в виде паровоза, другой — в виде автомобиля, третий — черепахой и т. д.» (Дегтярный А. Коллективизация «на самолете» // *Крест. газ.* 1930. 13 апр. С. 5).

...*но вот спустилась свежая директива...* — 2 марта 1930 г. во всех центральных газетах появилась статья Сталина «Головокружение от успехов», осуждавшая низовых коллективизаторов за нарушение принципа добровольности в проведении коллективизации и обобществление мелкого домашнего скота и птицы. 10 марта на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) принимается постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» с решением — разослать данное постановление всем нижестоящим комитетам партии и другим органам, участвующим в проведении коллективизации. 3 апреля 1930 г. газеты публикуют вторую статью Сталина об «ошибках в колхозном движении» — «Ответ товарищам колхозникам». Директивы на места «об искривлениях партийной линии» при коллективизации рассылаются параллельно с этими документами.

...подписанная почему-то областью, через обе головы — района и округа... — В 1925–1930 гг. в РСФСР существовала четырехступенчатая система территориального деления: центр — область — округ — район. Область (или край) решала задачи крупного значения; округ занимался организацией и регулированием окружного хозяйства и культурного строительства, руководил работой районов и городов (*Календарь коммуниста, 1930*).

О распространенности в языке выражения «сделать что-то через голову» см.: «Имеются случаи разговаривания с середняком через голову бедноты путем созыва собрания одних середняков» (*Архивов. Против перегибов в отношении середняка // Дер. ком. 1930. № 7. С. 40*) и др.

...отмечались маложелательные явления перегибщины, забеговщества, переусердщины... — Данные явления как допущенные при проведении начального этапа «сплошной коллективизации» отмечаются в статьях Сталина «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам», а также в постановлении ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении»: «Кому нужно это глупое и вредное для дела забегание вперед?» (*Сталин И. Головокружение от успехов // Сталин. С. 326*); «ошибки и искривления “левых” загибщиков являются теперь главным тормозом колхозного движения» (*Сталин И. Ответ товарищам колхозникам // Сталин. С. 337*). Вслед за статьями Сталина о допущенных при коллективизации перегибах, «забегании вперед» и «усердии не по разуму» говорится практически во всех партийных документах и директивах весны 1930 г., а также в периодике: «Из всех перегибщиков в округе привлечено всего 15%» (*Советская деревня глазами ВЧК, 3(1). С. 310*); «усердие не по разуму: в с. Степановке раскулачили общественного пастуха» (*Колхозник. 1930. № 8. С. 3 обл.*) и пр.

...и всякого сползания по правому и левому откосу с отточенной остроты четкой линии... — О распространенности в языке выражений и понятий «сползание по/с», «линия», «правый и левый уклон», «острие» свидетельствует периодика того времени и статьи И. Сталина, например: «Руководители Коханского сельсовета сползли с правильной классовой линии» (Кулаков как таковых не имеется // *Крест. газ. 1930. 4 янв. С. 3. Подпись: Селькор С.М.*); «У нас имеются на деле две линии. Одна линия — это генеральная линия партии, революционная ленинская линия нашей партии. Другая линия — это линия группы т. Бухарина. <...> Эта вторая линия есть в основном линия правого уклона. <...> Борьба с правым уклоном есть одна из решающих задач нашей партии» (*Сталин И. О правом уклоне в ВКП(б) // Сталин. С. 286*); «Когда некоторые наши товарищи, опьяненные успехами, стали сползать с пути наступления на кулака на путь борьбы с середняком...» (*Сталин И. Ответ товарищам колхозникам // Сталин. С. 329*).

...назначалось обнаружить выпуклую бдительность актива в сторону среднего мужика: раз он попер в колхозы, то не является ли этот генеральный факт таинственным умыслом, исполненным по наущению подкулацких масс... — Выражение «попер в колхозы/совхозы» в документах и периодике 1930 г. употреблялось исключительно по отношению к кулаку, а не середняку, например: «Кулак прет в совхоз» (*Сергеев С. За образцовую массовую работу в крупных совхозах // Беднота. 1930. 4 февр. С. 2*). С начала 1930 г.

и в прессе, и в справках ОГПУ звучит мысль о засоренности колхозов кулацким элементом (это при том, что кулаки официально составляли 3% всего крестьянства), а не середняками, и необходимости чистки колхозов. Однако меры, направленные против кулака, стали переноситься на середняка: «Методы борьбы с кулаком стали переноситься и на середняка» (Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 366); «Проводимая в связи с засорением колхозов чистка, судя по письмам, в некоторых случаях извращается. Имеется много жалоб со стороны середняков на неправильное их исключение из колхоза» (Политсводка секретариата Совнаркома СССР по приему заявлений и жалоб по вопросам сельского хозяйства... // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 374) и др.

...войдем в колхозы всей бушующей пучиной и размоем берега руководства... — Обвинение в стремлении «проникнуть в колхозы и разрушить их изнутри», захватив при этом руководство колхозами, с начала политики ликвидации кулачества как класса выдвигалось также в адрес кулаков, а не середняков: «Кулак, если пытается проникнуть внутрь колхоза, то для разложения его изнутри» (Ликвидация кулачества как класса ставится в порядок дня [Ред. статья] // *Правда*. 1930. 11 янв. С. 1); «Кулак приспособляется с тем, чтобы проникнуть в колхозы и разрушить их изнутри. Вот почему ноябрьский пленум вынес решение о преграждении доступа кулаку в колхозы и чистке колхозов от кулачества» (Весенняя посевная кампания — поход за коллективизацию [Ред. статья] // *Дер. ком.* 1930. № 1. С. 3); «...следует констатировать стремление кулачества попасть в колхозы для разложения их изнутри» (*Трагедия советской деревни*, 2. С. 110) и др.

...актив колхоза имени Генеральной Линии уже забежал в левацкое болото правого оппортунизма. — О «болоте правого оппортунизма» см.: «Кто этого [т. е. того, что в колхозе есть классовая борьба середняка с кулаком] не понимает, тот не поймет всех новых моментов в нашей политике и попадет в болото оппортунизма правой или “левой” окраски» (Ликвидация кулачества как класса ставится в порядок дня [Ред. статья] // *Правда*. 1930. 11 янв. С. 1); «Партия решительно отвергает эти попытки тянуть партию в оппортунистическое болото политики отказа и укрепления опоры партии в деревне» (*Зайцев П.* Организовать бедноту и батрачество к весенней посевкампании // *Дер. ком.* 1930. № 1. С. 19); «Прозябли в болоте оппортунизма» (*Труд*. 1930. 9 апр. С. 3).

...есть ли что после колхоза и коммуны более высшее и более светлое, дабы немедленно двинуть туда местные бедняцко-середняцкие массы... — *Колхоз и коммуна* — два употребительные понятия времени, относящиеся друг к другу, однако, как «общее» к «частному». *Колхозом* называлось всякое коллективное хозяйство, которое могло быть организовано по одному из трех принципов обобществления имущества: как *товарищество по совместной обработке земли* (СОЗ) без обобществления средств производства; как *артель*, предполагающая обобществление и землепользования, и основных средств производства, рабочего скота, техники и хозяйственных построек; или как *коммуна*, где обобществлено уже не только производство и рабочий скот, но и распределение и домашняя птица. О трех возможных

формах организации колхоза пишет Сталин в статьях весны 1930 г., делая упор на том, что в данный момент «артель является *основным звеном колхозного движения*» (Сталин И. Головокружение от успехов // Сталин. С. 325). При этом *высшей формой колхозного движения*, к которой пока можно только стремиться, Сталин называет коммуны: «Коммуна, представляющая высшую форму, может стать главным звеном колхозного движения лишь в будущем» (Сталин И. Ответ товарищам колхозникам // Сталин. С. 341).

До начала «сплошной коллективизации» существовали колхозы, организованные по всем трем принципам, однако больше всего было СОЗов, меньше всего — коммун: о численном соотношении различных типов колхозов, например, в ЦЧО в начале января 1930 г. свидетельствует доклад секретаря обкома ВКП(б) области Варейкиса И.М.: «На 10 января по области имелось коммун — 4%, с/х артелей — 27%, СОЗов — 68,6%. Коллективизация за последний месяц идет, главным образом, за счет организации с/х артелей» (Трагедия советской деревни, 2. С. 226). В ходе же «сплошной коллективизации» многие организаторы колхозов стали предпочитать коммуны, в результате чего коммуны вышли на первое место, несмотря на установку партии на артель: «Основным звеном колхозного движения является в данный момент сельскохозяйственная артель. В Болотинском же районе основной курс держали на коммуны, а артель считали уже отжившей. На 1 декабря прошлого года в районе было две артели и две коммуны, а 1 марта этого года артелей было две, коммун же — 24» (Страхов В. Колхозные ухабы // Беднота. 1930. 21 марта. С. 2).

Этот товарищ просит ему прислать примерный устав такой организации... — 2 марта 1930 г. в «Правде» вместе со статьей Сталина «Головокружение от успехов» опубликован «Примерный устав» сельскохозяйственной артели как основной формы колхозного движения на данном историческом этапе. С этого момента проблема устава оказывается в центре внимания деревни; при этом устав артели у многих вызывает нарекания как не прогрессивный, о чем и свидетельствует пресса: «А разве не кулак говорит устами руководителей Левашовской области в Татарстане, которые утверждают, что *новый устав с.-х. артели для них уже устарел!* Принятие устава — шаг назад на пути коллективизации» (Беспощадный огонь по кулаку и его помощникам справа и «слева» // Раб. газ. 1930. 25 марта. С. 5).

...спекулирует на искреннем, в основном, здоровом середняцком чувстве тяги в колхозы. — О массовом движении середняка в колхоз заявил Сталин в статье «Год великого перелома» (7 ноября 1929 г.): «...в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами. А что это значит? Это значит, что в колхоз пошел середняк» (Сталин. С. 296). Следующее объявление о массовом движении середняков в колхозы — в редакционной статье «Правды» от 11 января 1930 г.: «Средняк пошел в колхозы сплошной массой. Средняк решительно направился по пути социалистического преобразования сельского хозяйства». Затем сообщения о массовом вступлении середняков в колхозы появляются в периодике после публикации 2 апреля 1930 г. «Постановления о льготах колхозникам», за которым следует вывод — середняки массово возвращаются в колхозы: «Продолжается массовое возвращение

крестьян, вышедших из колхозов, а также вступление в колхозы ранее колебавшихся крестьян» (Обратно в колхозы // Беднота. 1930. 16 апр. С. 1).

...такой товарищ есть вредитель партии, объективный враг пролетариата и должен быть немедленно изъят из руководства навсегда. — После появления статей Сталина «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам» многие газеты публикуют материалы, обвиняющие тех, кто проводил коллективизацию, в пособничестве врагам: «Такие работники, как правильно указал ЦК, льют воду на кулацкую мельницу, превращаются в кулацких пособников» (Беспощадный огонь по кулаку и его помощникам справа и «слева» // Раб. газ. 1930. 25 марта. С. 5). Газеты сообщают и об исключении из партии перестаравшихся проводников коллективизации, — например, по решению окружкома партии г. Ульяновска: «За головоотяпскую работу было исключено из партии 5 чел., снято с работы 11 чел. и отдано под суд 5 чел.» (Головоотяпов одернули // Крест. газ. 1930. 4 мая. С. 3. Подпись: Меч).

Разве он видел радость в последнее время, разве он ел или спал вдовсталь или любил хоть одну бедняцкую девушку? ~ его сердце еле билось от нагрузки... — О самозабвенной деятельности активистов во время коллективизации советская пресса писала: «Были и такие активисты, которые в период проводимых кампаний не спали, не ели, не считались ни с чем, все время помогая местным партийным ячейкам» (Гривун С. Работа с колхозным активом // Дер. ком. 1930. № 9–10. С. 63).

С. 163. *...сучья зажимка!* — Обвинение в зажиме чего-нибудь — одно из распространенных, например: «Имеется <...> ряд фактов зажима самокритики» (Алапаевский урок // Раб. газ. 1930. 3 янв. С. 2; Подпись: А.К.); статья о тех, кто прячет хлеб и не хочет сдавать его по хлебозаготовкам, называлась «Хлебозажимщики» (Лицом к деревне. 1929. № 24. С. 33); другой вид «зажима» мог быть со стороны кулаков: «Бедняки и середняки зажаты кулаком из Октябрьского сельсовета» (Гололобов Ю. Шиловские сельсоветчики и риковцы — твердая опора кулака // Беднота. 1930. 14 марта. С. 2).

С. 164. *Внутри активиста раздался слабый треск костей ~ твоя рука работает, как партия...* — Об уголовном преследовании, вплоть до расстрела, в апреле — мае 1930 г. тех, кто проводил первый этап «сплошной коллективизации», свидетельствуют и партийные документы, и пресса, и письма крестьян: «ЦК предлагает всем партийным комитетам повести решительную борьбу с этими искривлениями и их носителями» (Постановление ЦК ВКП(б) о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении // Трагедия советской деревни, 2. С. 304). Данная директива партии исправно выполнялась: «В Сызранском районе было осуждено 220 перегибщиков <...> с вынесением в отношении 4-х лиц приговоров к высшей мере наказания» (Спецсводка ОГПУ по Средне-Волжскому краю... // Советская деревня глазами ВЧК, 3(1). С. 288); «ЦЧО. На 1-е мая по области осуждено на разные сроки 1052 чел., из них членов ВКП(б) — 256, членов ВЛКСМ — 27, беспартийных — 658» (Там же. С. 346); «Попадают и такие курьезные случаи, когда высланы к нам активисты, сами принимавшие участие в раскулачивании. Их забрали ночью, внезапно...» (Трагедия советской деревни, 2. С. 349); «Много уже колхозов было организовано, и вдруг появляется

статья Сталина И.В. «Головокружение от успехов». Мне кажется, что закружилась голова у самого И.В. Сталина. <...> Людей начали судить, исключать из партии и комсомола» (Тепцов. С. 258) и т. д. Своеобразный итог этой партийной установки на наказание тех, кто проводил коллективизацию, подводит газета: «Быстрые темпы вскружили голову некоторым товарищам. Опыненные огромными успехами, некоторые товарищи забыли указания Ленина о том, что нужно двигаться вместе с массами. <...> Жизнь со всей суровостью щелкнула по лбу этих левых загибщиков» (Против примиренческого отношения к левым загибщикам [Ред. статья] // Беднота. 1930. 27 апр. С. 1).

...высоко светило бледное солнце над округом... — Округ — одно из территориальных делений РСФСР (республика — область — округ — район), «немного меньше прежней губернии, выделен по экономическому признаку» (Районирование // Календарь коммуниста, 1930. С. 288). Округа вводились в процессе районирования, проводившегося с 1923 по 1929 г. и считавшегося «наиболее рациональной организацией территории СССР» (Там же). В 1928 г. образован Центрально-Черноземный округ (образование ЦЧО нашло отражение в рассказе «Че-Че-О» — см.: Сочинения, 4(2)). Во второй половине 1930 г. округа были упразднены. Решение о ликвидации округов утверждено на XVI съезде партии (июль 1930 г.), о чем в печати было объявлено заранее: «ЦК ВКП(б) вынес постановление об упразднении округов. Это постановление будет вынесено на утверждение 16-го партсъезда. <...> Существование округа чрезмерно затрудняло установление повседневной связи между областью и районом» (Об упразднении округов // Крест. газ. 1930. 25 июня. С. 4).

С. 165. ...а медведя ты тоже в утильсырьё понесешь? — Цель кампании 1930 г. по заготовке утильсырья — сбор средств на покупку тракторов за границей; газеты и журналы печатают списки утильсырья; в этих списках много пунктов, касающихся животных: «...на экспорт пойдут и такие товары, как пух, перо, конский волос, второстепенная пушнина (кролик, собака, кошка, хомяк, суслик)» (Медведев С. Второстепенный экспорт — на тракторы // Соц. земл. 1930. 9 мая. С. 3). Сбор такого «второстепенного экспорта» вменяется населению в обязанность: «Второстепенный экспорт становится в центре внимания советской общественности» (Шейнфинкель М. В обмен на отбросы... книгу // Известия. 1930. 19 янв. С. 3); к проявлению инициативы в изыскании новых видов утильсырья оно призывается постоянно: «Без общественной инициативы, без инициативы широких масс при заготовке и обработке этих товаров не обойтись» (Левин А. Тысячи тракторов из отбросов). Об отражении в повести данной кампании см. также примеч. к с. 104, 154, 171.

С. 168. ...свайные копры... — Копёр — устройство для забивания свай.

...кричали голоса ударных бригад ~ А почему в городе ночью трудятся, и не спят? — Ночная работа в неурочное время в первую пятилетку практиковалась для ликвидации многочисленных «прорывов» на производстве, выполнения промфинплана и осуществления взятых темпов — см. об этом, например, заметку о работе Окуловской бумажной фабрики: [перечисляются фамилии рабочих] «не считаясь со своим здоровьем, работали без сна

75 часов. Готово... Прорыв ликвидировали. <...> Вот они, ударные темпы. Только так можно выйти победителем в боях за социализм. <...> Все, как один, для ликвидации прорыва» (Нальханов А. 75 часов без сна // Труд. 1930. 24 мая. С. 3). Та же газета двумя месяцами раньше приводит слова директора этой фабрики о том, как Окуловская фабрика стала ударной: «Да у меня люди ночами работают. Главный механик Эммануэль не вылезает с фабрики, пока не обрастет бородой» (Пиши: выполним с превышением // Труд. 1930. 8 апр. С. 3). Об ударной бригаде литейного цеха, которая 24 часа выстояла на работе, чтобы доказать осуществимость большевистских темпов, см., например, рассказ А. Исбаха «Четыре плавки» (30 дней. 1931. № 2). Борьбе с прорывами на московском Электростроительном заводе им. В.В. Куйбышева посвящен «Марш ударных бригад» (1930) В. Маяковского, написанный для многотиражной «Электростроительницы»: «Вперед! / Пятилетку в четыре года / Выполним, вымчим, закончим». Внеурочную работу на предприятиях страны дополнительно стимулировал и один из лозунгов весны 1930 г.: «К партсъезду ликвидировать прорывы в промышленности» (Труд. 1930. 27 мая. С. 2).

С. 169. ...в этом деревянном эшелоне до социализма не доедешь!.. — О реальной роли эшелонов в проведении коллективизации см. примеч. к с. 156.

С. 170. ...пока не услышал ржущих голосов родных обобщественных лошадей. ~ лошади же остались ожидать снаружи. — Об использовании колхозных лошадей крестьянами-отходниками см. примеч. к с. 171.

С. 171. — Мужики в пролетариат хотят зачисляться... — Миграция деревенских жителей в город в 1929/30 г. стала массовым явлением — следствием как государственной политики, направленной на обеспечение многочисленных строек рабочей силой, так и желания самих крестьян убежать от коллективизации.

О пополнении строек первой пятилетки рабочей силой из деревни и о необходимости организации отходничества в самих колхозах весной 1930 г. пресса писала постоянно: «В этом году в нашей стране развертывается огромное строительство. В разных концах Советского Союза идет постройка крупнейших фабрик и заводов. Всего в текущем году будет свыше сотни крупных строителей. <...> Наряду со своевременной заготовкой стройматериалов, обеспечением инженерно-технического персонала и т. д., решающее значение для строительства имеет подготовка рабочих кадров, обеспечение рабочей силой строительства. <...> Организовать отход сезонников из колхозов. <...> Отходники-строители должны быть организованы компактными группами и направляться, по возможности, на строительство в одно место» (Сергеев М. Организовать отход колхозников на строительные работы // Беднота. 1930. 2 марта. С. 3). Дать такое количество рабочих рук, которые требовалось объявленным стройкам, могла только деревня: «Для выполнения намеченных в текущем году планов строительства потребуется около 2 мил. 200 тыс. строительных рабочих, т. е. примерно на 700 тыс. больше, чем в прошлом году. <...> Крупнейшее значение имеет правильная организация отходничества в колхозах. <...> Надо, чтобы уже в текущем году коллективизация обеспечила дело вербовки строительных рабочих и обеспечила планомерное и бесперебойное снабжение строительства рабочей

силой» (Сергеев Б. Обеспечить строительство рабочей силой // *Раб. газ.* 1930. 4 марта. С. 2).

Сами же крестьяне о причинах своего ухода в город во время коллективизации говорили так: «Крестьяне как бедняки, так и середняки стали бросать свои хозяйства и уезжать кто куда попало...» (Тепцов. С. 54); «Когда это и где было, чтобы крестьянин не интересовался землей, а вот сейчас бросают все и бегут кто куда» (Там же. С. 60).

А я их привел... — Необходимость организованной, под руководством наиболее сознательного товарища, доставки колхозников на строительство подчеркивается в печати: «Вместе с тем колхозы обязаны позаботиться о том, чтобы колхозники-отходники пришли на строительство в организованном порядке. Речь идет о создании бригад колхозников-отходников. Во главе таких бригад должны стоять колхозники, пользующиеся наибольшим доверием и наиболее политически сознательные» (Задержка отходников — на руку классовому врагу [Ред. статья] // *Беднота.* 1930. 21 марта. С. 1); «Одиночный, стихийный отход на заработки можно и нужно заменить групповым, организованным отходом» (Аристов Н. Обеспечить строительство рабочей силой из деревни // *На тр. фронте.* 1930. № 8).

...для утиля, как ничто. — Утиль как необходимое сырье для промышленности и деревня как главный поставщик и утиля, и рабочей силы — темы многих публикаций 1930 г.: «Наши фабрики и заводы нуждаются в сырье, причем это сырье может дать деревня» (Что дает утиль деревне и нашей промышленности // *Крест. газ. (кооп.)* 1930. 4 янв. С. 6); «Колхозы и совхозы должны и могут сыграть большую роль в деле заготовки утильсырья» (*Крест. газ. (кооп.)* 1930. 17 янв. С. 5); «Колхозы должны сыграть решающую роль в деле организации отходников на строительство» (Сергеев М. Организовать отход колхозников на строительные работы // *Беднота.* 1930. 2 марта. С. 3) и пр.

Лошади также не стояли — на них колхозники, сидя верхом, возили в руках буттовый камень... — Об использовании крестьянами-отходниками при работе на отхожем промысле обобществленных лошадей Колхозцентром принята специальная инструкция: «Многие отхожие промыслы связаны с применением тяговой силы. <...> Поскольку рабочий скот при вступлении в колхоз обобществляется, возникает вопрос о взаимоотношении колхозника с колхозом при работе на отхожем промысле вместе с лошадей. Этот вопрос подробно рассмотрен в утвержденной 15 мая 1930 г. Колхозцентром СССР «Инструкции о порядке использования колхозниками обобщественного рабочего скота, инвентаря и сбруи на работах вне колхоза» («Соц. землед.» от 22/V–30 г. № 116). Инструкция предусматривает 4 способа организации отходничества на обобществленных лошадях. <...> Основное правило то, что рабочий скот выдается колхозникам для работы на стороне только в периоды, свободные от внутриколхозных работ» (Спутник колхозника. М.–Л., 1931. С. 158).

...в это утро второго дня. — Ср. с библейским рассказом о творении Богом мира за шесть дней: «И назвал Бог твердь небом. (И увидел Бог, что это хорошо). И был вечер, и было утро: день второй» (Быт. 1: 8).

ЮВЕНИЛЬНОЕ МОРЕ (Море юности) (с. 174). — Знамя. 1986. № 6. С. 48–98. Публикация М. Анд. Платоновой.

Источники текста:

A — автограф (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 1–277).

M1 — неполная машинопись с авторской правкой 1932 г.; отсутствуют с. 56–69, фрагменты с. 55, 70 (ГЛМ. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1–13; ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 1–77).

M2 — машинопись с двумя слоями авторской правки, 1932 г. и 1934 г., и правкой М. Ал. Платоновой (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 1–106).

M3 — неполная машинопись; отсутствуют с. 18–40, 42, 43, 58–70, фрагменты с. 57, 88, 89, 99, 100, 101 (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 1–68).

M4 — фрагменты машинописи, с. 16, 27, 44–55, 74, 76, 79, 80–84, 86, 91–96, 99 (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 13. Обороты л. 1, 4; ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 244. Обороты л. 2, 10, 15, 16, 20, 22, 24–37, 39–48, 52).

Датируется февралем — апрелем 1932 г.

Печатается по *M2*, без учета правки 1934 г., с восстановлением первой страницы по *M1* и внесением исправлений по автографу.

К источникам текста повести «Ювенильное море (Море юности)» относятся автограф и четыре экземпляра машинописи одной закладки. Автограф выполнен карандашом; при работе использованы листы писчей бумаги низкого качества, две общие тетради, фрагмент тетради без обложки, отдельные листы в линейку и листы из блокнота без разметки. На первом листе — название повести с подзаголовком: «Степное дело (<нрзб> очерк)»; подзаголовок тщательно вымаран, первое слово не читается. К автографу приложен лист бумаги с названием повести и записью для машинистки о количестве копий. На нем два названия: первое — «Ювенильное море» — зачеркнуто и вписано второе: «Степное дело» с подзаголовком, заштрихованным, как и на первом листе автографа. Запись для машинистки «3 экз<емпляра> на одной стороне листа» исправлена: «4 экземпляра». Из четырех машинописных копий полностью сохранилась только одна (*M2*) — это второй экземпляр машинописи; при этом две страницы *M2* разрезаны — с. 55 (Л. 55, 56) и с. 70 (Л. 71, 72) (фрагмент соответствует рассказу «Стройматериалы и оборудование», подготовленному на основе повести в 1934 г.), а с. 1 и с. 104 перепечатаны и не принадлежат исходной машинописи. Первый экземпляр машинописи (*M1*) оказался разделенным по двум архивам (ГЛМ и ИМЛИ) и сохранился неполным — в нем отсутствует фрагмент, соответствующий рассказу «Стройматериалы и оборудование». Машинопись *M3* также сохранилась не полностью: на с. 44 — поздняя запись М. Ал. Платоновой: «Отослано в Ашхабад с 18 по 43 стр.»; кроме того, несколько страниц *M3* включены Платоновым в очерк 1934 г. «Человек нашего времени» (ИМЛИ. Ф. 629. Ед. хр. 113). *M4* сохранилась частично; ее отдельные страницы находятся в составе автографов других произведений писателя — 4-го действия пьесы «Высокое напряжение» (1932) (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 244) и незавершенного романа «Македонский офицер» (1935) (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 13). Авторскую правку содержат только *M1* и *M2*, причем в *M2* — два слоя правки,

один из которых — общий с *M1*: эта правка внесена при первой вычитке машинописи после машинистки и датируется 1932 г. Предположительно в одно время с этой правкой изменено название повести: верхняя часть первого листа машинописи *M1* с названием «Степное дело» отрезана; вместо него от руки вписано новое название: «Ювенильное море (Море юности)». Первая страница *M2*, вероятно, подверглась той же процедуре, но она не сохранилась: в 1934 г. Платонов в последний раз готовил *M2* для передачи в издательство и заменил ее первую и последнюю страницы. В ходе замены первая страница *M2* перепечатана без названия; оно вписано от руки на оставленном для этого месте: «Море юности (Повесть)». Последняя страница *M2* также перепечатана (вероятно, там были следы пребывания ее в издательстве), и от руки вписана дата: «1934». Замену страниц сопровождала правка текста — этот второй слой правки 1934 г. носит характер автоцензуры. *M2* содержит также позднюю правку М. Ал. Платоновой.

Когда была написана повесть, точно не известно, но предположительно после творческого вечера Платонова в ВССП 1 февраля 1932 г., на котором писатель ни разу ее не упомянул (см. вступ. статью к коммент. тома, с. 368–371 наст. изд.). Это предположение подкрепляется и автографом, вычеркнутый фрагмент которого содержит прямое указание на весну 1932 г. как время действия повести: «До самой весны 1932 года Федератовна не получала писем от Босталоевой» (Л. 275). Документальные свидетельства об уже написанной повести датируются маем 1932 г. (см. об этом ниже).

Повесть «Степное дело» (впоследствии «Ювенильное море (Море юности)») появилась в результате поездки Платонова от краеведческой секции ВССП по животноводческим совхозам Средневолжского и Северокавказского краев в августе — сентябре 1931 г. (см. об этом вступ. статью к коммент. тома, с. 365–367 наст. изд.). По условиям таких поездок писатели должны были отчитаться перед пославшей их краеведческой секцией «определенным листажом литпродукции» (Перед всероссийской конференцией ВССП // ЛГ. 1931. 30 июня. С. 4) — таким отчетным произведением, вероятно, и стало «Степное дело».

От поездки Платонова 1931 г. остались написанная им записка о животноводческих совхозах (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 2. Ед. хр. 131. Л. 1–4) и записи на ту же тему в записной книжке (*Записные книжки*. С. 81–92). Среди этих записей — одна, напрямую относящаяся к будущей повести: «Умрищев из невыясн<енных> / Случайно:» (Там же. С. 82), и несколько реплик, часть которых Платонов отдаст ее героям (Там же. С. 90–91). Возможно, сразу после возвращения из поездки Платонов делал попытку написать отчетное произведение в виде пьесы: к 1931 г. относятся черновые наброски драматургической формы (см.: *Сочинения*, 4(2). С. 423–426), в которых впервые появляются герои еще не родившейся повести — Умрищев, Босталоева, Вермо и Федератовна. Для этой несостоявшейся пьесы написано несколько разрозненных сцен. От одноименных героев повести персонажи пьесы отличаются: Умрищев здесь — профессор с портфелем; Босталоева уехала из Москвы на окраину страны строить фундамент социализма; Вермо — московский возлюбленный Босталоевой, о котором сообщается только такая портретная деталь, как «косой зуб». Но ученая старушка Федератовна

изменится мало. Речи ее и Умрищева почти полностью перейдут затем в повесть.

Толчком к написанию повести могла послужить необходимость отчитаться перед краеведческой секцией — первые отклики на нее исходят от краеведов (см. об этом ниже).

Автограф повести «Степное дело» имеет ряд особенностей, которые могут свидетельствовать о спешке автора и отсутствии у него плана будущего произведения. Вычеркиваний здесь необычно много: эпизоды рождаются под пером писателя не сразу в приемлемой форме; повествование может пойти «не туда» или слова не складываться в предложение, что для Платонова не характерно. Зачеркнутое писатель по несколько раз переписывает, почти не внося изменений, иногда бросает недописанным: возможно, его не устраивает то, что выходит из-под пера. Вот некоторые фрагменты вычеркнутого текста, в которых видна и небрежность письма, и неопределенность замысла повести.

Так, повествуя о «невьясненных» — с точки зрения реального контекста, проходящих одну из проверок (или «чисток») времени и отстраненных на это время от работы, — Платонов приводит две конкретные истории «выяснения», какого-то служащего и Умрищева. Первый за то время, пока он был без работы, так полюбил свою «волю и безответственность», что отказался ехать по назначению, когда проверка в отношении него наконец закончилась, мотивируя свой отказ скрытой болезнью. В исходном варианте реакции на такую мотивировку Платонов неожиданно «уклонился» в философию: бывший невясненный «напоролся на человека, который отверг такой мотив. “Раз ваша болезнь так глубоко скрыта, что вы ее не чувствуете, то это есть “вещь в себе”, а вещь в себе открыл Кант, будучи идеалистом, врагом Маркса и защищая неприкосновенность собственности: стало быть, вещи в себе нету и нет вашей болезни”. — “Тогда я здоров”, — ответил выяснившийся и пропал с тех пор из резерва невясненных. Сам Умрищев выяснился нечаянно, и то неокончательно» (Л. 15).

Не дописав, как «выяснился» сам Умрищев, Платонов возвращается к ситуации безымянного служащего — отказывается от философской мотивации принять его аргумент о скрытой болезни и пытается найти другую: «Он напоролся на столь же умного человека, как и сам; человек ему сказал: “если ваша», но не заканчивает это предложение и вписывает между строк текст, который остался в повести — о том, что «скрывание болезни есть та же симуляция, а за симуляцию — суд; и этот невясненный сошел впоследствии немного с ума» (Л. 15). После этого начинается повествование об Умрищеве сначала: «Сам Умрищев опростался от невясненности лишь случайно: он вышел однажды из учреждения [*и в тот же момент оттуда вышел и человек*] и увидел худого человека, который»; затем зачеркивает конец предложения о том, как Умрищев вышел из учреждения, и пишет о другом событии, повлиявшем на разрешение проблемы, — выступлении Умрищева на собрании ячейки РКК: «Он выступал однажды на собрании ячейки РКК, собравшейся в той учрежденской комнате, где он ночевал, с каким-то уклончивым мнением, — и Умрищеву на следующий день дали назначение в мясосовхоз, с тою целью, чтобы до-выяснить его на практической работе.

И чем больше объяснял Умрищев свою долю, тем грустнее становился Вермо» (Л. 16). Но и эта версия событий, вероятно, не устроила писателя — он вычеркивает все о собрании ячейки РКК и возвращается к ситуации случайной встречи героя на улице, теперь уже с начальником, у которого есть жена-комсомолка; эту оставшуюся в повести историю писатель заканчивает почти той же фразой, что и отклоненную о собрании ячейки РКК: «Чем больше объяснял Умрищев свое течение жизни, тем грустнее становился Вермо» (Л.17).

Круг героев повести с самого начала не был строго очерчен: новые персонажи появлялись легко — и тут же исчезали, например: «Умрищев велел позвать гуртового инженера Ознобкина, делопроизводителя Мелкова, выходного полевого гуртоправа Цукайло, старушку Федератовну, а заодно и Босталоеву с музыкантом» (Л. 47).

Платонов, вероятно, планировал сделать из Умрищева отрицательного по меркам времени персонажа — он применяет к нему почти все идеологические обвинения начала 1930-х гг.; в совокупности этих политических характеристик нет системы, что может свидетельствовать и о спешке в работе, при этом в черновой форме их было еще больше: «Но впоследствии Умрищева ожидала печальная скучная доля [механиста] гнуснейшего тактика оппортунизма, еще ползущего под пузом шевелящегося поверженного кулака безвыходного оппортуниста, и блуждания в дебрях экле <слово не дописано>» (Л. 102).

Многочисленные рассуждения о диалектике Платонов сначала приписывал и Федератовне: «Старуха практически знала, насколько мучительно-диалектически земное существование, и насколько эта диалектика состоит из точных порций — так что трудно было войти между этими порциями бедной фантазии человека. Маркс, Энгельс, Ленин, и теперь Сталин беспрерывно следят за движением в мире диалектических порций и в такт этому движению направляют силы пролетариата, — и лишь тогда пролетариат изменяет жизнь» (Л. 119–120).

Некоторые из зачеркнутых фрагментов автографа свидетельствуют о том, что повествование не всегда давалось Платонову просто — он перебирает слова, а предложения не складываются и остаются недописанными. Вот два таких примера: «Надежда Михайловна, — произнес он, с утомленным чувством, чувствуя, что дерущиеся диалектические сущности его сознания лежат свалившись от утомления: — Надежда Михайловна, я изобрел электричество из солнечного света. Нужно сделать оптический трансформатор — он будет превращать пульсацию солнца, луны, звезд, свет человеческих глаз — в электрический ток. Мы живем в <нрзб> энергии / энергий, в любую точку над своей головой / в середине водопада энергии / в любую точку над / в любой точке дня и ночи вы можете поставить оптический кристалл и принимать энергию... До свидания, Надежда Михайловна, — сказал вдруг печально Вермо. — Я ехал с вами утром и увидел на небе электрическую энергию» (Л. 156–157); «Инженер Вермо, насмехавшийся ранее над дурной унизительной организацией труда в / над низкой производительностью труда, сам теперь увидел буржуазность своей насмешки. Он чувствовал /

спал / смотрел по ночам, как спят / развернул фронт работ сразу — по всем [направлениям] сопротивлениям» (Л. 260).

Платонов развивает в повести свои старые темы и образы, а также доверяет героям собственное изобретение, «вольтову дугу», которую они предлагают в качестве средства добычи из-под земли вод «ювенильного моря», — но вначале предполагалось другое ее применение: «— Зачем же голое мясо-то везти, головы? — спросил Кемаль. — Консервы надо делать и колбасу коптить; нужно стремиться к высшему продукту! — А банки где возьмешь? — сомнительно спросил рабочий из этой бригады. — Банки?! — враз задумался Вермо. — Мы будем делать не банки, а горшочки — мы поставим гончарное производство: надо только продумать автоматический формовочный станок и печь из вольтовой дуги!» (Л. 238).

В повести есть эпизод, как Вермо читает книгу И. Сталина «Вопросы ленинизма», — однако сначала он читал не только Сталина, но и Ленина: «По совету Кемалья Вермо ввел добавочную зарплату и люди так умаривались, что не могли смыть водою свой пот и им не хватало сна для забвения усталости. [Читал однажды в книгах Босталоевой] Рассматривая однажды ночью книги Босталоевой, Вермо нашел “Вопросы ленинизма” Сталина и несколько томов Ленина; он начал их перечитывать» (Л. 261). Рассуждение о книге Сталина стало для писателя трудной задачей — он не закончил ни одного предложения, а из параллельного чтения героем двух вождей, Ленина и Сталина, чуть не сделал вывод в пользу большего ума Ленина: «Под утро Вермо, начитавшись Ленина, затем вновь возвратился к Сталину и беспокойство его возрастало. В нем происходило знание Он догадался о чем-то хотел догадаться об этой тайне книги Сталина, с целью использования Он находил мысль, но терял ее от радости открытия и снова ощущал в темноте сознания тайну. Вышел наружу, залез на башню, снова увидел высоту солнца вышел наружу, лег вниз лицом в степь и подумал: “Я дурак, я что-то недоцениваю — начитавшись, начал думать, что он недостаточно умен, сравнительно <предложение не дописано>”» (Л. 265–266).

Автограф зафиксировал колебания писателя между двумя названиями повести: «Степное дело» и «Ювенильное море». Уже перед передачей его машинистке Платонов склонился к первому — и получил четыре машинописных копии под названием «Степное дело», которое, однако, при первой вычитке машинописи все-таки поменяет на «Ювенильное море». Изменение в названии повести помогает проследить за всеми этапами ее истории.

Три первых известных свидетельства о только что написанной повести относятся к маю 1932 г.; в одном из них повесть упоминается без названия, а в двух других — как «Степное дело».

Эпизод, связанный, очевидно, со «Степным делом», отражен в воспоминаниях К. Зелинского под датой «4 мая 1932 г.»; из этих воспоминаний следует, что в конце апреля или начале мая 1932 г. Платонов дал какое-то свое новое произведение, по описанию похожее на «Степное дело», Всеволоду Иванову, члену президиума Общества советских писателей-краеведов и редактору отдела прозы журнала «Красная новь»: «Второго мая. Обедая у Всеволода Иванова. <...> Всеволод входит. — ...Читал вот новую вещь. Платонова. Дал нам. Анархизм опять. Талантливо, но черт те что. Ни партии,

ни советской власти, совхоз какой-то...» (Воспоминания К.Л. Зелинского «Три встречи». Цит по: Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. М., 2011. С. 135).

Второе свидетельство о повести — отзыв на нее П. Скосырева, заместителя председателя Общества советских писателей-краеведов, написанный предположительно тоже в начале мая 1932 г. для какого-то краеведческого альманаха — вероятно, того, что заявлен в «Литературной газете»: краеведческой секции ВССП, организовавшей поездки писателей по стране, рекомендовано связаться с обществом краеведов-марксистов при Комакадемии, которое «выпустит в результате поездок писателей краеведческий альманах» (Писатели-краеведы в районах строительства // ЛГ. 1931. 10 сент. С. 4. Подпись: КР.). Главная мысль Скосырева — повесть лишена элементов, образующих краеведческое произведение; главный вывод — печатать ее в альманахе нельзя: «А. Платонов “Степное дело” (повесть). <...> Система образов позволяет говорить о “Степном деле” как о художественной победе Платонова. Но тем не менее печатать ее в альманахе нельзя. Прежде всего, она лишена всех элементов, образующих подлинно краеведческое произведение» (ИМЛИ. Ф. 494. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1; Страна философов, 2005. С. 562; публ. Е. Рожнецовой). Вероятно, именно эта история получит небольшое продолжение осенью 1932 г.: 29 ноября 1932 г. Платонов посылает в секцию писателей-краеведов открытку — судя по содержанию, ответ на повторный вопрос о произведении для готовящегося альманаха: «На ваш запрос сообщаю, что я могу дать для альманаха повесть (или — часть ее) “Степное дело”. Если это вас интересует, то прошу мне сообщить» (ИМЛИ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 1260; разыскание Д.С. Московской).

К маю 1932 г. относится еще одно упоминание «Степного дела». В начале мая 1932 г. Платонов уезжает в командировку от газеты «Известия», о чем свидетельствует выданное ему редакцией газеты соглашение о том, что «Тов. Платонов, выезжающий 5 мая с. г. в Ленинград и на Свирьстрой сроком на один месяц, дает редакции четыре очерка...» (РГАЛИ. Ф. 2024. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 3). Находясь в Ленинграде, 16 мая 1932 г. Платонов подписывает договор с «Издательством писателей в Ленинграде» на публикацию повести «Степное дело» — не исключено, что отрицательный отзыв краеведов ему был уже известен. По условиям договора писатель должен был представить издательству повесть «в совершенно готовом виде не позже 25 мая 1932 г.» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 7) — судя по всему, текста повести у него с собой не было. Вероятно, в «Издательство писателей в Ленинграде» повесть Платонов так и не представил — 5 марта 1933 г. он пишет письмо М.Э. Казакову, члену правления «Издательства писателей в Ленинграде»: «...я буду в Ленинграде и представлю небольшой роман (листов 8–10), в исполнение своего прошлого договора с “Издательством <писателей> в Л<енингра>де”...» (Письма. С. 330).

Следующий этап истории текста повести фиксирует машинопись, в которой, как можно предположить, до отъезда в Ленинград Платонов исправил всего несколько опечаток (этот незначительный слой правки отражен во всех сохранившихся машинописных копиях) и которую он серьезно вычитывает, вероятно, только после возвращения в Москву: исправляет опечатки

и грубые ошибки машинистки, а также вносит изменения в текст, — при этом правит, как он это обычно делает, два экземпляра (*M1* и *M2*); наличие общей в двух экземплярах правки позволяет отделить данный слой исправлений от последующих. И что особенно важно, одновременно с вычиткой текста Платонов меняет название повести: «Степное дело» становится «Ювенильным морем»; вероятно, эта правка имела место летом 1932 г.

Кроме исправления обычных опечаток, Платонов устраняет допущенные машинисткой несуразности, а их немало. Так, например, во фразе: «...Умрищев стал как бы неясен, нечеток, персонально чужд...» (*A. Л.* 10) машинистка сделала ошибку и вместо «персонально» напечатала «нереально»; только теперь Платонов эту ошибку исправляет (*M1* и *M2*, с. 5). Кроме этого, в одном месте машинистка неправильно прочла слово и вместо «постороннего» напечатала «ресторанного», в результате чего получилось следующее: «Священный ~ не был толст, а лишь громаден в костях и во всех отверстиях и выпуклостях, приноровленных для ощущения всего ресторанного». Платонов исправляет эту опечатку — зачеркивает «ресторанного» и вписывает «постороннего» (*M1* и *M2*, с. 78), как и было в автографе. Одно исправление, которое Платонов сделал в автографе, машинистка не учла, — он написал сначала: «Где же тут сидит самая категорическая стерва?», но потом зачеркнул слова «категорическая стерва» и написал «принципиальный стервец» (*A. Л.* 215); машинистка же, не обратив внимание на вычеркивание, напечатала оба выражения: «Где же тут сидит самая категорическая стерва? принципиальный стервец?», — Платонов вычеркивает первое (*M1* и *M2*, с. 81) в обоих подвергшихся правке экземплярах.

В ходе этой правки он также заменяет некоторые слова и выражения, чем-то не нравящиеся ему стилистически; например, после слов «...предал суду десять служащих своего ведомства, дабы они...» вычеркивает часть предложения: «получили примерное наказание и впредь не занимались заготовкой людей впрок» и вписывает вместо этого: «имели случай опомниться от своих делов» (*M1* и *M2*, с. 9); в предложении «На следующий день доярку Айну хоронили» вычеркивает «хоронили» и вписывает «понесли в гробу два выходных пастуха» (*M1* и *M2*, с. 26); имя Федератовны «Пелагея» заменяет на «Мавра» (*M1* и *M2*, с. 28); в выражении «пространство, напряженное безвыходной и безмолвной электромагнитной энергией солнца» зачеркивает слово «безвыходной» и вписывает «грозной» (*M1* и *M2*, с. 51); в предложении: «Проводи классовую политику», — заменяет «проводи» на «соблюдай» (*M1* и *M2*, с. 76).

Название повести Платонов меняет следующим образом — он срезает верх первых страниц *M1* и *M2* с названием «Степное дело» и на свободном месте вписывает от руки: «Ювенильное море (Море юности)», так что никаких следов того, как повесть называлась прежде, на этих машинописных копиях не остается. Таким образом, у Платонова оказывается два более авторитетных, с исправленными опечатками, экземпляра машинописи под названием «Ювенильное море (Море юности)» (*M1* и *M2*) и два экземпляра «Степного дела» практически без правки (*M3* и *M4*), которые писатель использует при работе над другими произведениями: на оборотах страниц *M4* он пишет 4-е действие пьесы «Высокое напряжение» (см. примеч. к пьесе

«Объявление о смерти»: *Сочинения*, 4(2). С. 709); еще один небольшой фрагмент этой же машинописной копии находится в составе незавершенного романа 1935 г. «Македонский офицер» (*ИРЛИ*); несколько страниц *M3* войдут в составную рукопись очерка «Человек нашего времени» (1934).

В последующих свидетельствах современников эта повесть Платонова будет упоминаться уже как «Ювенильное море»; первое из них — сохранившаяся в фонде московского издательства «Художественная литература» (ГИХЛ) рецензия, написанная критиком О. Резником: «Андрей Платонов “Ювенильное море”». Эта повесть посвящена одному из важнейших отрицательных явлений нашей жизни — оппортунизму. <...> ...На этой повести со всей яркостью сказалась обычная для творчества А. Платонова (последних лет) ошибка. Отдельные недостатки и язвы нашего аппарата, отрицательные явления жизни столь выпячены, что в общем создают картину сплошной бракованности всей системы. Этот гиперболизм обобщений и нанизываний отрицательного создает в итоге объективно пасквильный характер повести. Она выглядит злобной и неверной сатирой на действительность. Ясно, что об издании подобной вещи не может быть и речи» (цит. по: *Корниенко Н.В.* История текста и биография А.П. Платонова // *Здесь и теперь*. М., 1993. № 1. С. 170).

В 1933 г. машинопись «Ювенильного моря» оказалась в ОГПУ (вероятно, принесена туда кем-то из его агентов, взявших повесть у писателя на прочтение), где с нее была сделана сокращенная копия: частичная перепечатка, вперемешку с пересказом, всего 77 страниц. На первой странице этого «дела» в архиве ФСБ написано «Ювенильное дело»; слово «дело» зачеркнуто, и вместо него вписано «море». В результате вся надпись выглядит так: «Ювенильное море (Море юности). Роман», — и стоит дата: «Москва 1933 г.»; в верхнем левом углу — помета: «Получено через агентуру». На второй странице — слова: «Ювенильное море / Выписки из романа» (*ФСБ*. Фонд № К-4. Оп. № 1. Порядок № 62. Л. 2). Сравнение с *M2* тех фрагментов машинописи ОГПУ, которые являются перепечаткой, свидетельствует о том, что в 1933 г. никакой другой правки, кроме правки 1932 г., в машинописи не было.

Следующая информация о «Ювенильном море» — тоже от ОГПУ: в материалах его слежки за Платоновым есть запись от 20 октября 1933 г.: «Рукопись “Ювенильное море” возвращена, даже без отзыва, из альманаха “Год 16-й”» (*Андрей Платонов в документах ОГПУ*. С. 852).

Однако, несмотря на все неудачи с публикациями в 1932–1933 гг., Платонов не теряет надежды и в 1934 г. вновь пытается издать повесть, серьезно ее переделав. Следы этой попытки тоже сохранила машинопись (*M2*) — одна из тех двух, которые он уже вычитывал и правил. Прежде всего, Платонов снова изменяет название: отказывается от его необычной первой части «Ювенильное море» и оставляет только вторую — «Море юности». Так как вписывать новое название было некуда — из-за аналогичной предыдущей замены первая страница *M2* (как и *M1*) была укороченной, — Платонов отдает эту страницу перепечатать без названия и затем вписывает от руки на оставленном для этого месте: «Море юности / (Повесть)». Вместе с первой страницей он одновременно заменяет и последнюю — вероятно, там были

какие-то следы пребывания в редакциях; иначе невозможно объяснить замену этой страницы, ибо на ней нет никаких исправлений. В конце этой последней страницы Платонов проставляет от руки дату, позволяющую определить время данной правки: «1934». В сам текст он тоже вносит исправления. Так как эта правка есть только в одном экземпляре машинописи, отделить ее от предыдущей — несложно, сравнив две машинописи с авторской правкой (*M1* и *M2*).

Правя текст в этот раз, Платонов обращает внимание на то, что может как-то задеть возможных критиков. Так, в выражении «теперь он мчится в действительность из пушки своего класса, заряженный природным талантом и политехническим образованием» вычеркивает слова «из пушки своего класса» (*M2*, с. 3); убирает большой фрагмент про собрание, на котором Умрищев и Божев каются в своих ошибках, а потом Божев видит сон, как «его порет ремнем пролетариат» (*M2*, с. 23–24), — в результате оказывается немотивированным следующее предложение, чего Платонов не замечает: «Собрание сидело в озадаченном виде. Одна Босталоева улыбнулась и захотела знать, в чем Умрищев и Божев каются...» (*M2*, с. 25), а эпизода с покаянием уже не было. Кроме фрагментов, уязвимых в политическом плане, Платонов смягчает излишне натуралистические сцены или даже совсем избавляется от них: отказывается от абзаца, где Босталоева пытается дать грудь брату повесившейся Айны, чтобы утешить его после смерти сестры (*M2*, с. 30); редактирует эпизод, в котором Божев насилует Айну, сглаживая натурализм описания (*M2*, с. 36). Кроме этого, он сокращает действительно длинный диалог Федератовны с Умрищевым (*M2*, с. 22) и делает несколько нейтральных замен — например, в выражении «два благожелательных голубых глаза» зачеркивает «голубых» и вписывает «степного светлого цвета» (*M2*, с. 16).

Мало вероятно, что Платонов стал бы исправлять повесть просто так. Возможно, была какая-то договоренность о ее публикации, — и действительно, в фонде Гослитиздата сохранилась рецензия на повесть А. Платонова «Море юности», написанная критиком Н.Г. Плиско, даты на ней нет. Рецензия отрицательная; ее главная идея — произведение пасквильное и враждебное, печатать его нельзя: «А. Платонов “Море юности” (5 листов). Повесть сатирическая. Написана талантливо. Автор поставил задачей разоблачить, высмеять, поиздеваться над оппортунизмом и оппортунистами. Тема хорошая, интересная, нужная. Но А. Платонов свою сатирическую издевку, во-первых, распространил на все стороны нашей действительности, в результате чего ведущие люди нашей эпохи (Босталоева <sic>) и близкие к ним (Вермо) выглядят карикатурно, политически неверно, а во-вторых, оппортунизм и оппортунист представляют собой нечто обывательски-мещанское, а не враждебную, сознательную силу, теоретически осмыслившую свои цели. Повесть дает издевательский акцент и над политикой индустриализации. Произведение пасквильное, и хотел того или нет автор, объективный смысл повести явно враждебный. О печатании ее, разумеется, говорить не приходится» (*РГАЛИ*. Ф. 611. Оп. 1. Ед. хр. 386. Л. 10).

Что касается других известных документов, то «Ювенильное море» названо «Морем юности» лишь однажды — в ответе Платонова на Анкету Группкома Московского Товарищества Писателей, который датируется

3 января 1934 г.: «За последние три года мною написано следующее: “Шарманка” — пьеса, “Высокое напряжение” — пьеса, “Море юности” — повесть...”» (*Воспоминания*. С. 318). Упоминание повести под таким названием в анкете 1934 г. может косвенно указывать и на время последней правки, ориентированной на публикацию 1934 г.

Потерпев ряд неудач с публикацией повести, Платонов решает переделать ее в рассказы, два из которых получили законченную форму. Один из них — рассказ «Человек нашего времени» (см.: *Сочинения*, 4(2). С. 123–129), в котором использованы страницы машинописи «Степное дело» (МЗ); под текстом рассказа стоит неполная дата, без указания года: Ленинград, 24/V. Невероятно, чтобы это был май 1932 г., когда Платонов только-только заключил договор с «Издательством писателей в Ленинграде» и, похоже, даже не представил повесть; также маловероятно, чтобы это был 1933 г., — в это время Платонов пытается издать повесть целиком; кроме того, как свидетельствуют письма, 23 мая 1933 г. Платонов находился в Москве, а не в Ленинграде (*Письма*. С. 332). Скорее всего, «Человек нашего времени» написан на основе повести в 1934 г. — после того, как Платонов потерпел очередную неудачу с публикацией ее полного текста. И еще один большой фрагмент повести (рассказ о поездке Босталоевой в крайцентр за стройматериалами) Платонов переделал в рассказ «Стройматериалы и оборудование» — когда, не известно: в дате на первой машинописи рассказа тоже не указан год: «24/VI» (см. об этом ниже); вероятнее все-таки, что это был тот же 1934 г. — в пользу этой даты говорят все датированные попытки напечатать рассказ. Кроме того, одна из машинописей повести (М1) сохранила следы переделки в самостоятельный рассказ сюжета об Умрищеве (*ГЛМ*. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1–13): данная переделка сводилась в основном к вычеркиванию больших фрагментов, даже страниц текста. Однако эта работа у Платонова «не пошла», и он ее оставил.

В настоящее время ничего не известно о стремлении Платонова опубликовать очерк «Человек нашего времени»; однако история «Стройматериалов и оборудования» насчитывает по крайней мере четыре таких попытки.

Первая публикация рассказа предполагалась, возможно, в журнале «30 дней», если судить по рецензентам, писателям П. Павленко (один из редакторов «30 дней») и А. Митрофанову (*ГЛМ*. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 26). Эта попытка публикации зафиксировала самое начало истории отдельного текста «Стройматериалов и оборудования», который будет переделываться потом неоднократно: фрагмент машинописи «Ювенильного моря» (М1, содержащей только правку 1932 г.; этот фрагмент в настоящее время в данной машинописи отсутствует) перепечатан без всяких изменений; полученный таким образом текст не имеет названия, которое вписано Платоновым от руки: «Стройматериалы и оборудование (Рассказ)»; страницы машинописи пронумерованы тоже от руки. Этот машинописный текст Платонов правит — исправляет опечатки, убирает скрепы с «Ювенильным морем», а также «вызывающие» детали сюжета (например, факт аборта Босталоевой); что-то вписывает, что-то вычеркивает. Вот некоторые образцы его исправлений: после слов «по учреждению ходили крысы» вписано: «ликвидируя исторические документы»; «коровье кало» исправлено на «коровьи лепешки»

(ГЛМ. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 2); после слов «...мне пришлось за это сделать аборт» (Там же. Л. 4) вписано: «Босталоева отвернулась, чтобы скрыть улыбку: она лгала — без страсти и влечения она не могла бы сделать даже рукопожатия, и сердце ее не имело хозрасчета». Внеся исправления, писатель отдает машинопись на перепечатку (Там же. Л. 10–21).

Однако у рецензентов была та машинопись, в которую Платонов вносил правку: их отзывы остались прямо на ней. На полях первой страницы машинописи написано: «Рассказ написан мастерски, всем Габриловичам дает фору, но... печатать можно, кое-какие строки выбросив вовсе, кое-какие радикально переделав. Обязательно! А. Митрофанов. 24/VI». На обороте последней страницы оставил свое мнение другой рецензент, П. Павленко: «Рассказ полон графомании, написан — с начала до конца — с издевкой. Можно напечатать в Известиях Психоневрологического института... и нигде больше. Я против категорически. П. Павленко» (Там же. Л. 9). Им же напротив слов: «Из камеры суда Босталоева ушла, как актриса...», — сделана еще одна запись: «Не глупо ли?» (Там же. Л. 6).

С такими отзывами рассказ, естественно, не был напечатан. И спустя некоторое время Платонов делает попытку включить его в какой-то сборник своих произведений; эту попытку зафиксировали две машинописи: одна из них является перепечаткой с той, о которой речь шла выше; она, в свою очередь, содержит редакторские пометы и авторскую правку (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 1–13); вторая — перепечатка с последней уже с учетом этой авторской правки, без нумерации страниц (что может быть только при подготовке сборника, когда не до конца ясен его состав, чтобы в итоге ввести единую нумерацию); страницы пронумерованы вручную от 50 до 61 (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 1–12). В подтверждение версии предполагаемого сборника есть еще один документ с такими же характеристиками — машинопись рассказа «Государственный житель» (см. об этом: *Сочинения*, 2. С. 732). В настоящее время точно известно о подготовке на рубеже 1934 и 1935 гг. сборника девяти рассказов Платонова под общим названием «Такыр»: о данном сборнике свидетельствует письмо Платонова К. Зелинскому, члену редсовета «Федерации», от 1 января 1935 г. (*Письма*. С. 367–369). Судя по всему, письмо написано при пересылке Зелинскому текстов предполагаемого сборника.

Готовя «Стройматериалы и оборудование» для этого сборника, Платонов продолжает править текст: так, он заменяет «различных партийцев» на «загорелых коммунистов» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 1); добавляет прилагательное «удаленного» в выражение «глядели в широту пространства» — получилось: «глядели в широту удаленного пространства» (Там же); вычеркивает слова «ликвидируя исторические документы» (Там же. Л. 2), добавленные в предыдущей машинописи «Стройматериалов...» после слов «по учреждению ходили крысы» (см. выше); убирает из текста упоминание о Федеративной (Там же. Л. 7). Некоторые выражения и даже абзацы вычеркивает редактор — их Платонов восстанавливает, написав рядом с такими исправлениями: «Все нужно печатать», — например, от слов «Разве поцеловать мне вас за гвозди...» и до слов «...вечером я сам сяду за автомат, вы подождете десять минут и получите свои гвозди... Везите катанку сюда» (Там же.

Л. 5); «Директор опустил голову к текущим делам. Босталоева сама подошла и поцеловала его — таким способом, что впоследствии, когда Босталоева уже ушла, директор ходил в уборную глядеться в зеркало, — не осталось ли чего на его лице от этой женщины, потому что он все время чувствовал какой-то лишний предмет на своих губах» (Там же. Л. 6); «она не гнилая либералка» (Там же. Л. 11); «Зачем ты шатаешься по всему нашему бюрократизму, кустарная дурочка! Ты бы зашла ко мне сразу» (Там же. Л. 12). Некоторые сокращения редактора Платонов принимает — например, такое: «...и нужно ждать еще пять или десять лет, чтобы наступил коммунизм, когда механизмы вступят в труд и освободят людей для взаимного увлечения» (Там же. Л. 1). На некоторые — отвечает новым вариантом текста; так, после слов «И теперь стояла перед ним эта женщина, требовательная, как республика» (Там же. Л. 5) редактор вычеркнул «...и так же лишенная пока богатых фондов и особой прелести»; вместо этих слов Платонов вписал: «накапливая себе богатые фонды и храня прелесть лица в запас». Как известно, данный сборник платоновских рассказов издан не был.

Об очередной попытке Платонова опубликовать «Стройматериалы...» в 1935 г., теперь уже в журнале «Наши достижения», свидетельствует запись в материалах ОГПУ от 8 октября 1935 г.: «Редакцией журнала “Наши достижения” был заказан А. Платонову очерк для специального номера, посвященного совершеннолетию ровесников Октября — молодежи, которой минет в этом году восемнадцать. А. Платонов сдал рукопись, называющуюся “Стройматериалы и оборудование”. Эта вещь представляет собой злой пасквиль на советскую действительность. Рассказывается в рукописи об одной молодой коммунистке, ездивший в краевой центр, добывать гвозди для своего совхоза. Рукопись была заказана и авансирована Бобрышевым (аванс 500 рублей)» (*Андрей Платонов в документах ОГПУ*. С. 858). Об этой попытке публикации свидетельствует машинопись «Стройматериалов и оборудования», хранящаяся в РГАЛИ и имеющая редакционную запись в углу на первом листе машинописи: «№ 209 / 19/IX-35 г. / 2 экз.».

Машинопись для «Наших достижений» Платонов создает на базе той, которая предполагалась для сборника (см. выше). Номер «Наших достижений», для которого Платонову был заказан очерк, посвящался молодежи — ровесникам Октябрьской революции. Такой ровесницей Октября Платонов делает Босталоеву, подтягивая к этому возрасту и остальных героев рассказа; параллельно он убирает из текста те реалии, которые в конце 1935 г. уже не существуют. В результате этой коррекции сюжета Босталоева больше не директор мясосовхоза, а помощница директора; ее определение «женщина» исправлено на «девушка», характеристика «счастливая» — на «кроткая» (*РГАЛИ*. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 1); после слов «...в скучной пустоте канцелярий» вписано: «Ей было пока еще девятнадцать лет, и всякое чувство или настроение ее превращалось в мысль счастливой, томящей силой юности» (Там же. Л. 2); «РКИ» заменено на «Совконтрестом» (Там же. Л. 4), так как наркомат Рабоче-крестьянской инспекции был ликвидирован в 1934 г.; выражение «требовательная, как республика, накапливая себе богатые фонды и храня прелесть лица в запас» (см. выше: слова, вписанные на предыдущем этапе исправления, в экземпляре машинописи для сборника

рассказов) исправлено на «требовательная, как республика, и милая, как рядовой товарищ» (Там же. Л. 5); вычеркнуто все про ювенильное море («Нам хочется достать ювенильное море, а то нам не хватает воды для водопоя...») как реакция на помету редактора на полях: «Зачем это? Непонятно»; в рассказе о встрече Босталоевой с секретарем ячейки чертежно-конструкторского института, у которого она просит динамо-машину, а он в ответ предлагает ей «выйти за него замуж через полгода», — после этих слов добавлено «когда он окончит институт» (Там же. Л. 9). Как ясно из материалов ОГПУ, журналу «Наши достижения» рассказ тоже не подошел.

Последняя из известных попыток Платонова опубликовать «Стройматериалы...» относится к 1940 г., когда в издательстве «Советский писатель» готовился сборник его рассказов «Течение времени». Сборник так и не увидел света, но сохранилось несколько рецензий на него, в которых есть оценка и этого текста. Ф. Левин пишет о рассказе очень кратко: «Хороший рассказ “Стройматериалы и оборудование”» (*ГМЛ*. Ф. 49 (Н. Замошкин). Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 2); Л. Разин придерживается иной точки зрения: «Рассказ “Стройматериалы и оборудование” я воспринял как пасквиль на нашу жизнь. Сердечное отношение Босталоевой к машине, прессующей брикеты из коровьих лепешек, не вызывает никакого сочувствия и волнения. Противопоставление искренней и человеческой заботы Босталоевой сплошному бюрократическому чаду и бумажной суете служащих явно фальшиво. Вывод получается неверный, ложный — именно что советская система, сухая, бумажная, чадная суета, а человеческого понимания, сердечных отношений почти нет. Конец рассказа, когда Крайком, воодушевленный энтузиазмом Босталоевой, создает что-то вроде областного комбината по изготовлению брикетов из отходов животного организма, выглядит совсем издевательски. Л. Разин. 18/IX—40 г.» (Там же. Л. 4); В. Шкловский дает скорее положительную оценку рассказа: «“Стройматериалы и оборудование”. Надежда Михайловна Босталоева ищет оборудование для колхоза. Рассказ напоминает один рассказ Габриловича, где показан упорный шахтер, ищущий провод для шахты. Босталоева сделана аскетичной, настойчивой. Рассказ почти хороший, но пересказ событий, детскость его нехороша» (Там же. Л. 6). Машинопись «Стройматериалов...», предложенная для данного сборника, в настоящее время не обнаружена, однако из рецензии Л. Разина видно, что Платонов продолжал вносить в текст изменения, — в этой поздней версии «Стройматериалов...» появляется такая новая сюжетная деталь, как создание крайкомом «областного комбината по изготовлению брикетов из отходов животного организма».

Кроме перечисленных официальных откликов на «Ювенильное море» — как доброжелательных, так и резко отрицательных — были, очевидно, и другие. Один из них, согласно свидетельству И.А. Луначарской, принадлежал А.В. Луначарскому, который в феврале 1933 г. познакомился с «Ювенильным морем» и записал в дневнике: «...прочли “Ювенильное море”, злую, печальную и почти страшную пародию Платонова, которая, конечно, не пройдет в печать» (цит. по: *Перхин В.В.* Русские литераторы в письмах. СПб., 2004. С. 96). Пародии в строгом смысле этого слова Платонов, конечно,

не пишет — в то время, когда еще слышны отголоски скандала вокруг повести «Впрок» и его нигде не печатают, ему не до литературной игры. Но весь сюжет «Ювенильного моря» действительно составлен из литературных штампов — возможно, потому, что у писателя не было идей по поводу новой повести. И он не только использует сложившиеся литературные шаблоны, но даже заимствует из современной литературы некоторые сюжеты. Более того, создается впечатление, что для этого он специально просматривает литературу по близкой тематике.

Это прежде всего произведения о животноводческих совхозах, написанные в основном в жанре очерка. После объявления курса на разрешение в стране мясной проблемы и продовольственного кризиса таких очерков появилось много: И. Фельдман «Фабрика зерна и мяса» (Красная нива. 1931. № 1) и «Молоко» (*Наши дост.* 1931. № 7–8); А. Озерный «Тройные удои» (*Наши дост.* 1931. № 7–8); Я. Цейтлин «Ленин джол (на фабрике мяса и молока)» (*МГ.* 1931. № 13–14); Д. Фибих «Бой за мясо» (*НМ.* 1931. № 10); Г. Фридман «Молочное» (*Наши дост.* 1931. № 12); Ст. Емелин «Фабрика молока» (Вокруг света. 1931. № 28–29) и др.

В повести «Ювенильное море» большая часть сюжета тоже связана с жизнью в животноводческом совхозе. Свой собственный фактический материал на эту тему у Платонова был — он отражен в его записной книжке и в записке о состоянии совхозов на Волге и Северном Кавказе. Этот материал касается положения дел в животноводческих совхозах, например: «ветсанитария к/совхозов является катастрофической», «сдельщины нет», «есть обезличка», «Союзсельстрой работает преступно» (*Записные книжки.* С. 89), «нет ударных темпов» (Там же. С. 90); «В совхозе недостает коров из зимовки. Совхоз даже не может постигнуть, сколько коров он растерял», «имеется большой падеж телят», «базы по гуртам в степи построены на 60 телят, туда загоняют по 200 и более; телята подушились — за короткий срок из 2800 голов пало 800», «Имеются случаи, что рабочие не получая зарплаты уходят с работы. Бывало и так, когда доярки с гуртов убежали, их догоняли <нрзб> и заставляли работать — имеются случаи самоубийства на этой почве» (*РГАЛИ.* Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 2) и т. д. Негативная информация о положении дел в колхозах и совхозах — обычная для литературы времени: такие проблемы, как падеж скота, отсутствие кормов и водопоев, за исключением самоубийств, упоминаются и в периодике. Соединить все детали в единый сюжет, вероятно, было не сложно — такими сюжетами изобиловали литературно-художественные журналы. И повесть Платонова воспроизводит те же реалии и отражает те же проблемы, что и другие произведения о мясосовхозах, например, очерк Я. Цейтлина «Ленин джол (на фабрике мяса и молока)».

Мясосовхоз «Ленин джол» (в переводе «Путь Ленина») был соседним с тем, который изображен у Платонова: он тоже степной; его порядковый номер, как следует из соответствующей печати, — № 42. И в остальном все очень похоже: сходная обстановка (степной совхоз в окружении колхозов); единая система действующих лиц (директор, гуртоправы, доярки, изобретатель-рационализатор); похожие места действия (центральная усадьба с директором, вокруг которой — хутора; землянки для пастухов; базы для скота);

общие проблемы (настоящий и планируемый размер стада; гибель скота как следствие плохих условий его содержания; нехватка кормов и проблема их заготовки; отсутствие удобных водопоев и колодцев и пр.). Вода при этом — тоже главная проблема, как и в платоновской повести: «И вот задача: завоевать воду и корм. Приходилось двигать гурты от одного колхоза к другому, дрожать над каждой каплей мутной воды. <...> И люди из совхоза решили отремонтировать 80 колодцев, засыпанных во время гражданской войны. <...> Вода была побеждена» (*Цейтлин Я. Ленин джол* (на фабрике мяса и молока) // *МГ*. 1931. № 13–14. С. 75). В совхозе «Ленин джол» есть свой изобретатель, место которого в платоновской повести занимает Николай Вермо, — Житников: «Он слесарь, изобретатель, рационализатор. Но прежде всего он энтузиаст социалистического строительства» (Там же. С. 81). Изобрел «из утиля жмыходробилку», изобрел насос для колодцев, «применение которого изменит работу на водопое и даст возможность без трудностей напоить любое количество скота сразу» (Там же. С. 81). Таким образом, в очерке Я. Цейтлина и в повести А. Платонова почти полностью совпадают реалии, проблемы и обстановка, в которой происходит действие, что свидетельствует и о стандартности изображенной ситуации, и о сложившейся схеме ее изображения. Но то, что отличает очерк «Ленин джол», а равно и все другие очерки о животноводческих совхозах, от «Ювенильного моря» — это дозированное и не конкретное изображение недостатков, а также оптимизм и неизменный пафос будущей победы. «Ленин джол» начинается с победного зачина: «Партия сказала: — Очередная задача разрешить проблему животноводства. Нам нужно много мяса, много молока. И степи Казахстана стали огромным плацдармом борьбы за развитие животноводства. По всему краю в три миллиона квадратных километров создается сеть мясовозхозов с большим поголовьем скота. <...> Постепенно начали вокруг совхозов — этих оазисов социализма — расти животноводческие колхозы» (Там же. С. 73). И заканчивается рассказом о рационализаторе Житникове, «борце за социалистическую реконструкцию животноводства». И в других очерках о животноводческих совхозах оптимистический тон преобладает, хотя трудности и недостатки признаются.

Наиболее распространенные темы очерков о мясовозхозах — это недавно построенные силосные башни, чистота в коровниках, рекордные удои молока, вредительство со стороны кулаков. Большинство этих очерков создают «Ювенильному морю» тот контрастный фон, который помогает понять, почему повесть Платонова не устраивала его современников. Вот несколько таких примеров. Очерк Г. Фридмана «Молочное» рассказывает о научно-промышленном комбинате «Молочное», в котором построили новые силосные башни; картина этих силосных башен описана поэтически: «Вдали высятся силосные башни. Десять башен выстроились треугольником, словно журавли в поле. Они на цементном фундаменте, с двойной деревянной обшивкой и толевой прокладкой. Каждая из них должна принять по 300 т зеленой массы» (*Фридман Г. Молочное* // *Наши дост.* 1931. № 12. С. 45). А в «Ювенильном море» такой же оптимистический тон резко контрастирует с содержанием описываемого: силосные башни построены из земляных брикетов и без фундамента; и загружать туда предполагается не зеленую массу,

а коровы туловища (см. примеч. к повести). Другой очерк повествует о совхозе № 1: «Здание коровника поражает чистотой» (*Емелин Ст.* Фабрика молока // *Вокруг света.* 1931. № 28–29. С. 8); «Каждая скотница прикреплена к определенной группе коров и выдаивает по 100–120 литров в смену. Такое прикрепление скотниц к определенной группе коров имеет большое значение» (Там же. С. 9). На экскурсию в совхоз приезжают американцы и удивляются: «Вы уже догнали и перегнали уровень наших лучших средних ферм» (Там же. С. 9). Вывод, который делает автор очерка: «Советское молочное животноводство, правда, еще молодое дело, но оно поставлено на правильный путь. Партия и правительство зорко следят за этим делом» (Там же. С. 9). В «Ювенильном море» по некоторым показателям дела идут еще лучше, а результат — отрицательный; и при этом, как отмечено в отклике на повесть Вс. Иванова (см. выше), нет ни партии, ни правительства. Очерк М. Касвинова «Край наливается силой» рассказывает о совхозе, в котором не все благополучно; здесь есть свои проблемы и свои вредители: «На 10-м участке пастухи режут овец, составляя акты о падеже. А по направлению на Троицк ушло по снегу четырехтысячное стадо, неизвестно кем из совхоза отправленное, погибая в снегу, теряя на 20% в весе, оставляя за собой в сугробах тысячи тяжело добытых большевистских рублей» (*Касвинов М.* Край наливается силой // 30 дней. 1931. № 3. С. 44). И в «Родительских Двориках» — те же проблемы: кулаки обменивают своих плохих коров на колхозных племенных, исчезает и погибает скот и т. д. Но основной пафос очерка Касвинова — все же оптимистический: «Живые люди встанут над пустыней Советской Азии, которая хочет освободиться от азиатчины», — «встает величайшая фабрика мяса» (Там же).

Инженер и изобретатель Николай Вермо — не случайный персонаж повести. С одной стороны, он продолжает линию платоновских героев-изобретателей: Маркуна, Первого Ивана и др.; с другой — отвечает тематике современных очерков, рассказывающих об изобретателях, часть которых живет и работает в совхозах. В связи с этим можно назвать очерк В. Опалова «К социалистическому земледелию», действие которого происходит в симферопольском зерносовхозе, в котором много проблем, и решить их помогает изобретатель Турков: «Он упростил подачу воздуха на катерпиллере <...> Кроме того, Турков изобрел прицепку к трактору для буксирного сева <...> В данный момент Турков занят работой над тем, как заставить виндроусы системы “Мак-Кормик” не только косить, но и складывать скошенное в кучи. Турков не одиночка» (*Опалов В.* К социалистическому земледелию // *Наши дост.* 1931. № 9. С. 87) — перечисляются другие изобретатели. Многие идеи Вермо касаются использования местных источников энергии — в этом повороте темы изобретательства в сторону энергетики Платонов не только опирается на свои старые темы и занятия (см. примеч. к повести), но и следует за современной публицистикой и требованиями к краеведению, среди актуальных задач которого называется «изучение энергетических ресурсов районов» (*Канчевев А.* За четкие установки в краеведении // *Сов. краев.* 1932. № 1. С. 4).

Образ любителя исторических сочинений Умрищева тоже имеет истоки и в творчестве Платонова, и в современной литературе: с одной стороны, он

близок лесному надзирателю из романа «Чевенгур», который сидит над старинными книгами, желая найти в них разгадку жизни; с другой — интересующая Умрищева тематика исторических сочинений сходна с той, за которую на рубеже 1920–1930-х гг. критиковали историков и краеведов, — и она оказывается одним из штампов литературы времени.

Давая оценку повести, ее рецензенты назвали главной темой «Ювенильного моря» оппортунизм и оппортунистов (см. выше рецензии О. Резника и Н. Плиско). Оппортунисты — это те, кто попустительствует вредителям, приносящим вред социалистическому производству. В конце 1920 — начале 1930-х гг. обвинение в оппортунизме превращается в распространенный политический ярлык, что отразилось на появлении в литературе отрицательного типа героя-оппортуниста. Одно из подобных произведений — роман В. Ильенкова «Ведущая ось», 1-я часть которого опубликована в №№ 9–12 журнала «Октябрь» за 1931 г., а в 1932 г. состоялась дискуссия о романе и ее героях (см: Октябрь. 1932. № 4).

Действие романа происходит на заводе «Красный пролетарий», который делает паровозы и пр. На этом заводе есть вредители и есть и правый оппортунист — один из руководителей завода Петр Корченко. Его оппортунизм и попустительство вредителям приводят к крушению поезда из-за паровоза, сделанного на заводе. Отчитываясь на собрании в райкоме, Корченко признает свои ошибки. Впоследствии он избавляется от своего оппортунизма, вспоминая Гражданскую войну.

Многое в ситуации Умрищева перекликаются с образом правого оппортуниста Корченко (возможно, случайно): то, что Умрищев — оппортунист, повторяется в повести постоянно. Из-за его попустительства врагам (прежде всего Афанасию Божеву) гибнет доярка Айна, после чего Умрищев «исключен из партии, перенес суд и отрекся в районной газете от своего чуждого мировоззрения» (наст. изд., с. 245); отданный на попечительство Федератовне, он постепенно изменяется в лучшую сторону.

В появлении образа оппортуниста Умрищева как героя повести Платонова важно и то обстоятельство, что тема «борьбы с оппортунистами всех мастей» на рубеже 1920–1930-х гг. выходит на повестку дня и в краеведении. Борьба с правым оппортунизмом объявляется главной в работе краеведческих организаций: «Вся работа краеведческих организаций в национальных районах <...> должна строиться против правых и “левых” уклонистов и особенно против правого оппортунизма как главной опасности в данный период социалистического строительства» (*Карпыч В.Ф.* Что изучать в национальных районах // *Сов. краев.* 1931. № 1. С. 3). В 1932 г. журнал «Советское краеведение» заявляет уже об успехах борьбы с оппортунистами: «Наши крупнейшие достижения в области социалистического строительства являются прежде всего результатом проведения генеральной линии партии в борьбе с оппортунистами всех мастей» (*Канчев А.* За четкие установки в краеведении // *Сов. краев.* 1932. № 1. С. 3). При этом оппортунизм в краеведении часто связывали именно с идеализацией исторического прошлого народа: в том же номере журнала — статья «За большевистскую бдительность в краеведении», подписанная: *В. Г.* Автор нападает на историка-краеведа из Переславля-Залесского *М.И. Смирнова* и ленинградского историка-краеведа

И.М. Гревса, который «идеализирует буржуазно-помещичий строй» (*Сов. краев.* 1932. № 1. С. 10), — это обвинение можно отнести и к Умрищеву. Более того, практически все его интересы и увлечения, включая падения метеоритов, связаны с политическими процессами рубежа 1920–1930-х гг. над историками и краеведами (см. примеч. к повести).

Рассказ о животноводческом совхозе, во главе которого некоторое время стоял оппортунист Умришев, — только часть «Ювенильного моря». Другая сюжетная линия повести — это повествование о поездке Босталоевой в крайцентр за динамо-машиной и гвоздями для своего совхоза, из которого Платонов пытался сделать рассказ «Стройматериалы и оборудование». Не удивительно, что именно этот фрагмент Платонов выделяет в самостоятельное произведение: он явно независим от основного сюжета повести и почти никак не связан с ней по содержанию, что могло иметь свою причину.

Первая оценка рассказа, полученного выделением фрагмента из «Ювенильного моря», дана А. Митрофановым, и она сугубо положительная: «Рассказ написан мастерски, всем Габриловичам дает фору». Габрилович упоминается и в более поздней рецензии на рассказ В. Шкловского: «Рассказ напоминает один рассказ Габриловича, где показан упорный шахтер, ищущий провод для шахты» (см. выше).

Рассказ Е. Габриловича, о котором идет речь в этих двух рецензиях, — это «Поездка в Конск»; опубликован в мартовском номере «Красной нови» за 1932 г., а также вышел отдельным изданием в библиотеке «Огонька» (1932). История о поездке Надежды Босталоевой в крайцентр за стройматериалами для своего совхоза действительно очень похожа на аналогичную у Габриловича — о шахтере Степанове, который добывал в районном городе Конске электрический шнур для освещения шахты в своем поселке. В обоих произведениях совпадают и завязка действия (отсутствие необходимого оборудования), и многие эпизоды (поездка в город за оборудованием; хождение по инстанциям в его поисках; получение ряда отказов от ответственных лиц; решающая помощь секретаря партячейки; ночная телеграмма в свой поселок/совхоз — с вопросом, подходит ли добытое оборудование; отправка его по месту назначения и пр.). Позаимствовал ли Платонов идею для второй части своей повести у Габриловича, на сходство с рассказом которого «Стройматериалов и оборудования» обратили внимание два рецензента, или совпадения между ними случайные, сказать трудно.

Последние эпизоды «Ювенильного моря» посвящены электросилосным башням, которые инженер Вермо планирует построить в совхозе «Родительские Дворики» и в которых будет находиться «электросилос». Силосная башня — это простое сооружение, в которое летом закладывается трава, чтобы она «заквасилась» и к зиме был готов сочный корм скоту, или силос, — устройство силосных башен и ям, а также производство в них силоса в начале 1930-х гг. подробно описывается во многих журналах. Электричества там обычно не использовали — это опыт крупных заграничных хозяйств. В февральском номере журнала «Наши достижения» за 1932 г., однако, опубликован очерк Д. Семеновского «Электрический совхоз», где, как и в повести Платонова, есть «электросилозные башни» и «электросилос». Совхоз им. Фрунзе под Иваново-Вознесенском, о котором идет здесь речь, передовой, и в нем все

электрическое: «В каждом производственном предприятии совхоза им. Фрунзе, в каждой части ее хозяйства электричество находит свое место» (*Семеновский Дм. Электрический совхоз // Наши дост.* 1932. № 2. С. 62) — электрическое освещение устроено в коровнике; электропылесосом чистят коров; электротехнической машинкой стригут; электроуловителем ловят насекомых; электровентилятором — сушат вымя; электродоилкой — доят. Одна из глав очерка называется: «Электрический корм». В ней рассказывается о трудностях с заготовкой кормов летом 1931 г. — травы не было, поэтому в совхозе решили силосовать ветки, предварительно порубив их с помощью электромотора — вот корм и назван «электросилосом», для единства со всеми остальным электрическим оборудованием совхоза, а башни, в которые он закладывается, — электросилосными.

Использование электричества в животноводстве — одна из тех проблем, на которые Платонов обращал внимание; среди записей в ходе его поездки 1931 г. по животноводческим совхозам есть и об этом: «О введении электричества в животноводство» (*Записные книжки.* С. 88). Интерес к данной теме мог послужить толчком к своеобразному заимствованию идеи электросилосных башен, которые, однако, в платоновской повести очень необычные — в них закладывают не траву, а мясо, что позволило Платонову перейти к другой проблеме — оптимальной организации бойни для животных и последующего хранения мяса. Обращение и к этой теме не случайно — она тоже заявлена в очерковой литературе, например в очерке Д. Фибиха «Бой за мясо».

Автор этого очерка ставит на повестку дня проблему устройства бойни и строительства мясокомбинатов. Общий тон очерка оптимистический, хотя и с признанием некоторых трудностей: «Зерновая проблема в основном разрешена. О ней достаточно писалось. Но есть и другая, не менее ответственная, не менее важная тема. Это — тема о мясе». Союзмясо заготавливает скот; кулаки, не желая его отдавать, строят козни, но им не победить: скот заготовлен, его привозят на бойню; картина бойни: «Любой мясник прекрасно знает, как вредно отражается на качестве самого мяса предсмертное волнение животного» (*Фибих Д. Бой за мясо // НМ.* 1931. № 10. С. 115). Описание убийства быка. Заведующий бойней называет главную проблему современной скотобойни: «Главная беда — камеры для хранения нет...» (Там же). А о «камере для хранения» у Платонова в начале 1920-х гг. как раз и были собственные идеи (см. примеч. к повести) — вот и появилась возможность рассказать о них в «Ювенильном море». И силосные башни в «Ювенильном море» превращаются одновременно и в бойню, и в мясокомбинат, и в хранилище для мяса, в устройстве которого использованы старые, еще юношеские идеи самого Платонова.

В поездку от краеведческой секции ВССП одновременно с Платоновым ездили еще несколько писателей. Как следует из заметки в «Литературной газете» (Писатели-краеведы в районах строительства // *ЛГ.* 1931. 10 сент. С. 4. Подпись: *КР.*), их было около 20; по именам названы только некоторые: П. Скосырев, П. Ширяев, П. Сухотин и Д. Стонов. Все они в начале 1930-х гг. работают в краеведческом направлении; в составе разных бригад часто ездят в отдаленные районы СССР и описывают производственную и

бытовую сторону строительства там новых социалистических предприятий. Что касается Петра Скосырева, то сохранился его отчет о поездке «по контракции объединения советских писателей-краеведов» летом 1931 г., в котором названы такие ее результаты: «2 очерка в “Известиях”, один очерк в “Вокруг света”» (*ИМЛИ. Ф. 494. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1*). В журнале «Вокруг света», который считался краеведческим, в 1931–1932 гг. очерка Скосырева не обнаружено; в «Известиях» опубликован его очерк «Кендырь» (Известия. 1931. 16 сент.) — о совхозе «Кендырь» в 38 км от Кизляра. Кендырь — многолетнее волокнистое растение, часто дикорастущее; первые опыты по его культивированию в СССР относятся к 1929–1931 гг.; на рубеже 1920–1930-х гг. пропаганда новых технических растений вменяется краеведам в обязанность (*Шлыков Г. В поисках новых культур // Сов. краев. 1932. № 1. С. 27, 28*). Ширяев и Сухотин летом 1931 г. были в Иссык-Кульском конесовхозе — в результате появился их совместный очерк «Чолпан-Ата» (Прожектор. 1931. № 31–33). Чолпан-Ата — местечко на берегу озера Иссык-Куль, в котором расположен конесовхоз № 54. В совхозе происходит встреча авторов с директором, т. Раппопортом, который устроил им выводку лошадей: «все лошади были в прекрасном порядке» (*Сухотин П., Ширяев П. Чолпан-Ата // Прожектор. 1931. № 31–33. С. 10*). Картина благополучия не ограничивается первым впечатлением: «Все косяки, которые мы просмотрели за этот день, производили великолепное впечатление. Лошади были в хорошем порядке, без покусов и ушибов, и прекрасно упитаны» (Там же. С. 21). И следует вывод: «Поездка в Чолпан-Ата, это — приобщение к подлинному пафосу социалистического строительства, это — великолепная зарядка энергии, бодрости, веры» (Там же. С. 21). Осенью того же 1931 г. Петр Ширяев опять едет в Киргизию — в соседний конесовхоз № 53, после чего пишет очерк «Лошади и люди» и совместно с Сухотиным — очерк «В стране гор» (*РГАЛИ. Ф. 620 («30 дней»). Оп. 1. Ед. хр. 766*), оба об одном и том же конесовхозе № 53. От этой поездки в фонде Ширяева в РГАЛИ сохранилась тетрадь с записями; на тетради — надпись: «Нарын — 1931 г. Киргизская ССР». Картина жизни в конесовхозе по этим записям — не такая отрадная, как в очерках: «Уборка плоха; лошади грязны: в худом теле. <...> На потниках запекшаяся кровь, уздечки и <нрзб> — грязные, не чистятся. У одной — ушиб пятки, поражение <нрзб>, лечение запущено» (*РГАЛИ. Ф. 2241. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 4 об.*). Ни одной из этих деталей нет в очерках, которые столь же оптимистичны, как и предыдущий «Чолпан-Ата», что отличает их от «Ювенильного моря», которое включило весь собранный Платоновым материал.

С. 174. ...вообразал себя ~ летчиком воздухофлота... — Тема воздухофлота (официальное название гражданской авиации в СССР) в начале 1930-х гг. была актуальной, а профессия летчика считалась романтической и ответственной, ибо в это время создавалась советская гражданская авиация. 11 января 1931 г. принят декрет Совнаркома РСФСР, объявляющий «строительство и эксплуатацию гражданского воздухофлота особо привилегированными». 20 февраля 1931 г. состоялась I Всесоюзная конференция гражданского воздушного флота, на которой выступил В.В. Куйбышев. Тема конференции — подготовка летных кадров, на которые возлагались особые

надежды в предстоящей битве между капитализмом и социализмом: «Кадры будущих бойцов великой битвы между капитализмом и социализмом будут черпаться из тех, кто обучается в школах гражданской авиации» (Создадим мощный гражданский воздушный флот в СССР // Известия. 1931. 21 февр. С. 3).

...открыть первую причину землетрясений... — Вопрос о причинах землетрясений до конца не изучен. В этой связи чаще всего называют смещение на глубине в веществе Земли — в местах нарушений в земной коре (внешняя твердая оболочка земли).

...почел ~ началом пролетарской космогонии... — Космогония — учение о происхождении и развитии небесных тел. В истории науки высказывалось несколько гипотез происхождения планет, однако все они считаются спорными. В 1920–1930-е гг. была популярна так называемая «приливная теория» образования Солнечной системы Дж. Джинса — его работа «Современная космогония» печаталась в краеведческом журнале «Мироведение» (Джинс Д. Современная космогония // Мироведение. 1930. № 3–4. С. 19–51). Согласно этой теории, планеты Солнечной системы образовались из Солнца гравитационным притяжением близко проходившей звезды — из отделившейся при такой катастрофе массы. С идеями Джинса Платонов был знаком, как видно из воспоминаний о нем А. Явича (*Воспоминания*. С. 29). В СССР проблемой происхождения Солнечной системы занимался В.Г. Фесенков (основатель и директор Астрофизического института в Москве, редактор «Астрономического журнала», автор книги «Звезды», 1924). По его теории, Солнце и планеты образовались одновременно из газово-пылевой туманности. Работы В.Г. Фесенкова также печатались в журнале «Мироведение» (напр.: *Фесенков В.Г.* Проблема определения солнечной постоянной // Мироведение. 1930. № 3–4. С. 52–68).

Идея «пролетарской космогонии», во-первых, перекликается с ранним творчеством самого Платонова, много писавшего о «пролетарской культуре», которой предстоит разрешить все мировые проблемы; о пролетарской науке, которая одна может найти истину (статья «Культура пролетариата» и др.); о Вселенной, которую познают («Лунные изыскания») и переделают (стихи «Познаны нами тайны Вселенной...», «Вселенной», «К звездным товарищам» и др.); во-вторых, согласуется с уверенным пафосом настоящего и будущего превосходства СССР в науке и технике, свойственным началу 1930-х гг., когда, после призыва И. Сталина «овладеть техникой» («О задачах хозяйственников», 4 февр. 1931 г.), в советской печати появляются публикации о близкой победе над буржуазной наукой: «Капиталистическая наука объята робостью, она оказывается неспособной к смелой и решительной постановке крупнейших научно-исследовательских проблем»; «В максимальном развитии подлинной науки насущно заинтересован только рабочий класс, переделывающий мир, строящий социализм. Он <...> освобождает науку от оков буржуазных лжеучений» (*Бачелис И.* Освобожденная наука // 30 дней. 1931. № 5–6. С. 11) и др.

...четыре землебитных дома... — Землебитный — «сделанный из земли с добавлением вяжущих веществ» (*Ожегов*). Проблему отсутствия жилых домов и помещений для скота в животноводческих совхозах степной зоны,

организующихся в 1931 г., предлагалось решать возведением таких упрощенных землестроительных сооружений: «...должны быть использованы все возможности для возведения упрощенных построек из дерна и земляных валов» (Темкин А.С. Обращение ЦК и СНК — программа работы Скотовода // Скотоводство. 1931. № 9. С. 2). Наиболее распространенный тип жилья для рабочих животноводческих совхозов — шалаши и землянки.

...бегала на рыскале ~ собака. — Рыскало — «веревка, по которой, на конце или калитке, бегала цепная собака» (Даль).

С. 176. *...мясосовхоз нумер сто один... — Первые совхозы, специализирующиеся на выращивании скота, появились в СССР в 1929–1930 гг. в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и специальной политикой по разрешению в стране «мясной проблемы» и продовольственного кризиса.*

Начало первой пятилетки (октябрь 1928 г.) ознаменовались дефицитом всех продуктов питания, включая хлеб и мясомолочную продукцию. Предполагалось, что решить эту проблему сможет коллективизация сельского хозяйства — одна из трех составляющих генеральной политики партии по построению социализма (индустриализация, коллективизация и культурная революция). Первые совхозы были зерновыми. Считалось, что к концу 1929 г. зерновая проблема была успешно решена и население страны получило достаточное хлеба. Поэтому на очередь встала мясная проблема. 20 декабря 1929 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление о мероприятиях по разрешению мясной проблемы. В рамках этой программы было решено создавать крупные скотоводческие совхозы. Объединение таких мясосовхозов называлось «Скотовод». Мясосовхозы создавались преимущественно около границы степной и полустепной полос — в Средне-Волжском крае, в Заволжье, на Северном Кавказе, в степях Казахстана. Совхозы являлись государственными предприятиями и получали стадо от государства. Правление «Скотовода» утвердило список совхозов, развертываемых в 1929–1930 гг. В него входило 108 хозяйств, и они были признаны совхозами первой очередности. Управление «Скотовода» предложило пронумеровать совхозы. Номер совхоза закреплялся вместе с его названием, например: Терско-Прикумский мясосовхоз № 1, Ставропольский мясосовхоз № 24, мясосовхоз Ленин-джол № 42, Армавирский мясосовхоз № 75, мясосовхоз «Коминтерн» № 106. Реальный мясосовхоз № 101 находился в Дагестане и назывался Ачикулакский мясосовхоз № 101 (Список мясосовхозов первой очереди Всесоюзного объединения «Скотовод», развертываемых в 1929/30 г. // Бюллетень Всесоюзного объединения мясосовхозов «Скотовод». 1930. № 4. С. 51–55).

Ты здесь, братец, со своими вопросами не суйся! — Данное заявление Умрищева иллюстрирует позицию, которую критикует И. Сталин в речи «О задачах хозяйственников» 4 февраля 1931 г.: «Пора покончить с гнилой установкой невмешательства в производство. Пора усвоить новую, другую, соответствующую нынешнему периоду установку: вмешиваться во все. Если ты директор завода — вмешивайся во все дела, вникай во все, не упускай ничего...» (Сталин И. О задачах хозяйственников // Сталин. С. 446). Специфическая формула («не суйся») раскрытковой Сталиным позиции невмешательства, вероятно, заимствована Платоновым из цикла очерков Гл. Успенского «Крестьянин и крестьянский труд», четвертая глава которых

так и называется: «Не суйся!» Ср. также с главной идеей старинной книги, которую читает лесной надзиратель в романе «Чевенгур»: «...живи и не шевелись» (*Архив*, 2. С. 215).

...заряженный ~ политехническим образованием. — Политехническое образование, политехнизация школы — центральная идея школьной и образовательной реформы первой пятилетки и одно из наиболее распространенных в это время понятий: политехнизация школы объявлена «ударным участком социалистического строительства» (Политехнизация школы — ударный участок социалистического строительства [Ред. статья] // *Известия*. 1931. 14 мая. С. 1). Образование Вермо, вероятно, было политехническим в другом смысле: во-первых, он инженер, а во-вторых, владел несколькими ремеслами.

Животные ~ задремали до рассвета в своих скотоместах. — Скотоместо — одно из понятий, которые применялись для характеристики размеров помещений для скота («помещение на такое-то количество скотомест») или для подсчета средств на его постройку либо содержание.

С. 177. *Эту тыкву совхоз вырастил год тому назад, чтобы показать ее на районной выставке как экспонат агрономического усердия. ~ Полезная площадь нашей тыквы — половина квадратной сажени.* — Ср., например, такую информацию об успехах социалистического земледелия в совхозе «Большевик»: «На столе в кабинете директора 23-килограммовая тыква. Рядом свекла <...>, в ней 8 кг. <...> Это материал для выставки» (В совхозе «Большевик» // *Наши дост.* 1931. № 1. С. 82). *Квадратная сажень* — старая русская мера площади (1 сажень равна 2, 134 м), утвердилась при Петре I; с введением в СССР в 1924 г. метрической системы мер вышла из употребления.

Я целый жилкризис этими тыквами решил... — «Неналаженность жилищно-бытовых условий» в животноводческих совхозах (*Кощеев С.М.* Болезни мясосовхозного быта // *Скотоводство*. 1931. № 1. С. 72–73) — одна из существенных проблем их быта.

И директор снова углубился вниманием в старинную железную книгу, излагавшую историю Иоанна Грозного... — Ср. в романе «Чевенгур»: «Лесной надзиратель <...> сидел над старинными книгами. Он искал советскому времени подобия в прошлом» (*Архив*, 2. С. 214).

Проблема интереса к прошлому страны с конца 1929 и по 1932 г. приобретает особое значение в связи с процессами над историками и краеведами, осуждение которых сопровождалось развернутой критикой в печати. Эти процессы затронули как родной город писателя Воронеж, так и другие города. За «узкий академизм» и отсутствие связи с современностью в 1929 г. уволен из университета, а затем в 1930 г. арестован воронежский историк Г.А. Замятин, работы которого посвящались борьбе за московский престол в 1611–1613 гг. и избранию на царство Михаила Романова. Замятина, активного участника воронежского краеведческого движения, арестовали по делу воронежской организации «Краеведы» (*Коваленко Г.М.* Герман Андреевич Замятин // *Исторические записки*. № 9 (127). М., 2006. С. 364–373). В конце 1930 и начале 1931 г. проведены массовые аресты среди воронежских краеведов, многие из которых были страстными любителями местной старины —

работники музеев, архивов, преподаватели (*Акинъшин А.Н.* Судьба краеведов (конец 20-х — начало 30-х годов) // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 173–178). В то же самое время в Ленинграде заводится дело против так называемых историков-академиков — сотрудников Академии Наук. Самые известные из них — С.Ф. Платонов (автор работ по истории российского государства, в том числе и книги об Иване Грозном: *Платонов С.Ф.* Иван Грозный. Пг., 1923) и Е.В. Тарле. Наряду с ленинградскими историками, подвергаются опале и московские. В ленинградском и московском отделениях Академии Наук проходят собрания с разоблачением историков; доклады на этих собраниях (*Г.С. Зайдель* «Тарле как историк»; *М.М. Цвибак* «Платонов и его школа») выходят отдельным изданием (*Зайдель Г., Цвибак М.* Классовый враг на историческом фронте. М.–Л., 1931). 16 февраля 1931 г. «Ленинградская правда» публикует материалы, посвященный «разоблачению» школ Платонова и Тарле. Интерес историков к историческому прошлому квалифицируется как «реставраторство».

Это же обвинение распространяется и на краеведов. Периодическая печать того времени обращается к теме краеведения, делая акцент на отличиях старого русского краеведения от нового советского. Одно из обвинений в адрес старого краеведения заключалось в том, что краеведы представляют собой круг «любителей старины», «знатоков, ценителей и любителей российских древностей и “вечных святынь”», стараются «повернуть краеведение лицом к прошлому» (*Карпыч В.* Под знамя большевистской партийности! // *Сов. краев.* 1931. № 7–8. С. 10). Этому узкому «кружку любителей старины» противопоставляется новое советское краеведение как активная форма участия масс в социалистическом строительстве через изучения своего края с целью его переделки (*Карпыч В.* О краеведческом движении // *Известия.* 1930. 12 авг. С. 3).

...как нравственная и разумно-культурная личность переходной эпохи. — Переходной называлась эпоха между капитализмом и социализмом. Одну из целей построения социализма его идеологи видели в переделке человека, в создании нравственной и культурной личности.

Я здесь очутился как «невъясненный»! Как выясню, так исчезну откуда навсегда... — Ср. запись в записной книжке А. Платонова, среди маршрутов по командировке лета 1931 г.: «[Умрищев из невъяс<енных> / Случайно:]» (*Записные книжки.* С. 82).

В середине 1929 г. в стране одновременно начались две масштабные проверки некоторых категорий населения, или генеральные чистки, — чистка и проверка членов и кандидатов ВКП(б) и чистка советского аппарата. Обе чистки инициированы докладами на XVI партконференции (23–29 апреля 1929 г.) членов ЦКК ВКП(б) — Я. Яковлева «Итоги и ближайшие задачи борьбы с бюрократизмом», о необходимости чистки госаппарата; Е. Ярославского «О чистке и проверке членов и кандидатов ВКП(б)», о необходимости очередной генеральной чистки партии. Член ЦК ВКП(б) И. Косиор предложил применить тезисы Е. Ярославского о чистке партии к хозяйственникам: «...если генеральная чистка партии призвана укрепить ряды всей нашей партии и обеспечить ей дальнейшую борьбу за социализм, то чистка хозяйственников должна еще в большей степени содействовать

этому укреплению...» (*Косиор И. Чистка партии и хозяйственники // Правда. 1929. 28 апр. С. 3*). По докладам Яковлева и Ярославского приняты резолюции, в которых объявлялось о предстоящих чистках: «...организовать чистку советского аппарата от элементов разложившихся...» (Итоги и ближайшие задачи борьбы с бюрократизмом // *Правда. 1929. 1 мая. С. 2*); «...провести генеральную чистку партии...» (О чистке и проверке членов и кандидатов ВКП(б) // Там же. С. 3). В дополнение к резолюции «Итоги и ближайшие задачи борьбы с бюрократизмом» 1 июня 1929 г. ЦИК и Совнарком СССР принял постановление: «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций» (*Правда. 1929. 2 июня. С. 4*), а также утвердил «Инструкцию НК РКИ СССР по проверке и чистке советского аппарата», в которой объяснялись задача чистки («...РКИ <...> организует чистку советского аппарата от элементов разложившихся...»); процедура ее организации (на местах проведения чистки организуются «комиссии <...> в составе двух работников РКИ, председателя прокуратуры, отдела труда <...> и двух работников от станка»); итоги чистки (по итогам чистки часть сотрудников «вычищалась» из советского аппарата; «вычищенные» делились на три категории: уволенные без выходного пособия и права работать в любом советском учреждении; уволенные с возможностью работать в учреждении другого типа; уволенные с ответственности должности, но с возможностью получения в данном учреждении технической должности) (Там же). В процессе чистки советского аппарата проверялись все документы сотрудника, включая характеристику, больничные листы, всевозможные справки; подвергалось ревизии его прошлое и настоящее. Чистка партии должна была закончиться к XVI съезду партии, т. е. к лету 1930 г.; чистка советского аппарата продолжалась до 1932 г. Обе чистки широко освещались в печати.

«Выяснить лицо» партийца и партийной ячейки — так акцентировалась цель чистки партии: «Основными требованиями, предъявляемыми к члену партии советской ячейки, должны быть: связь его с массами, борьба с бюрократизмом, труддисциплина, проведение режима экономии. Эти моменты являются решающими для характеристики классового лица партийца» (Выяснить лицо советской ячейки // *Раб. газ. 1929. 6 июня. С. 5*). В языке 1920–1930-х гг. также широко употреблялся близкий к «выяснить» глагол «выявить» (в значении «обнаружить», «выразить», «показать») и однокоренные с ним: «выявленность», «выявленный», а также «невыявленный» и др. А.М. Селищев приводит такие примеры употребления этой семантической группы: «Студентов выявляли с общественной стороны, чтобы знать, какими они выйдут в жизнь», «Меры для выявления беспартийного крестьянского актива» и др. (*Селищев. С. 49*). В 1930 г. было распространено понятие «невыявленный кулак»: «...своевременно невыявленный кулак Шляховский проник в колхоз» (Информационная сводка Сибирского краевого суда о перепибах в ходе коллективизации // *Трагедия советской деревни, 2. С. 363*).

...служил по разным постам в дальних областях Союза Советов и Союза потребительских обществ... — Союз Советов — сокращенное название государства (Союз Советских Социалистических Республик); Союз потребительских обществ — сеть государственных торговых организаций,

расположенных по всей территории Советского союза и за границей. Союз потребительских обществ объединял Центросоюз, Облсоюзы и Райсоюзы. В функции Центросоюза (первоначальное название «Московский союз потребительских обществ») входила продажа товаров населению страны, закупка импортных товаров и экспорт отечественных. Центросоюз имел свой журнал, который назывался «Союз потребителей».

Чистка аппарата потребкооперации проходила в 1930 г. Она началась с проверки аппарата Центросоюза. Чистку проводили рабочие Трехгорной мануфактуры — предприятия, которое взяло шефство над Центросоюзом (*Дыхне М. К чистке кооперативного аппарата // Союз потреб.* 1930. № 1. С. 16–19; К чистке аппарата Центросоюза // Там же. № 3. С. 17–18. Подпись: *И. Х.; Хохлов И.* Чистка аппарата Центросоюза и подготовка кадров выдвиженцев // Там же. № 5. С. 53–54).

С. 177–178. *Он увидел по возвращении незнакомый мир секторов, секретариатов ~ единоначалия и сдельщины, — тогда как, уезжая, он видел мир отделов, подотделов, широкой коллегиальности... — Сектора и секретариаты, отделы и подотделы — относящиеся к разным периодам времени названия структурных подразделений государственных организаций: сектора и секретариаты введены на предприятиях СССР в 1930 г. вместо существовавших до того отделов и подотделов — до мая 1930 г. в документах времени упоминаются отделы: общий отдел, торговый отдел, хлебо-фуражный отдел, пище-сырьевой отдел (*Минаев Л. Опыт строительства райПО в Сальском округе // Союз потр.* 1930. № 3. С. 92); а в мае 1930 г. уже были сектора, о чем свидетельствуют сообщения в газетах, например: «...Что обнаружили рабочие, проверяющие работу социально-бытового сектора ВЦСПС?» (Зачем они здесь? // *Известия.* 1930. 11 мая. С. 4. Подпись: *Б-Н Ю.*). Смена наименований произошла в рамках реорганизации всех частей советского аппарата, проводимой в преддверии XVI съезда партии.*

Единоначалие — ключевое слово одного из усиленно внедряемых Постановлений ЦК ВКП(б) «О мерах по упорядочению управления производством и установлению единоначалия» (опубликовано в «Правде» 7 сентября 1929 г.). Причиной принятия такого постановления послужила реальная бесхозяйственность на предприятиях, которые управлялись так называемым «треугольником» (партком, профком и директор), что приводило к перекладыванию ответственности каждой из управляющих сторон на других. Постановление «О единоначалии» гласило, что нужно строго разграничить функции и обязанности между директором, парткомом и завкомом и что за работу предприятия отвечает прежде всего его директор. Проблема единоначалия и его реального введения на предприятиях на страницах периодики 1929–1930 гг. обсуждается постоянно. Но в данном случае «единоначалие» как маркер времени — скорее всего, шутка с политическим подтекстом, и речь идет не об одном из упоминаемых постановлений ЦК, а об одном конкретном начальнике — самом Сталине. Намек на этого «начальника» содержится в том, что эпохе «единоначалия» противопоставлена другая эпоха — «широкой коллегиальности».

Сдельщина — одно из ключевых понятий начала 1930-х гг., относилось к учету и оплате труда в колхозах и совхозах. В первых колхозах (1928 —

начало 1930 г.) колхозный доход распределялся не по количеству и качеству труда колхозника, а по количеству едоков в его семье, т. е. по душам. Такая форма оплаты пагубно влияла на усердие колхозников, ибо больше получать могли те, кто работал меньше. Поэтому принцип учета и оплаты труда решили изменить и перейти на сдельную оплату, или сдельщину. Согласно новой форме учета труда, колхозник получал в соответствии с количеством выработанных им трудодней (трудодень — условная единица оплаты труда колхозника): «В основу расчетов с колхозниками кладется количество и качество труда отдельного колхозника или двора...» (Постановление НКЗ и КХЦ, утвержденное ЦИК и СНК СССР от 13. 04. 1930 г.). В 1931 г. принцип сдельщины был несколько видоизменен: в основу сдельщины решили положить норму выработки, которая определялись по работе лучших колхозников и бригад. На основе норм выработки правление колхоза устанавливало сдельную оценку каждой единицы работы в трудоднях. Нормы выработки и сдельная оценка в трудоднях обсуждаются на производственном совещании (Организация труда в колхозах // Правда. 1931. 9 февр. С. 5. Подпись: *Председатель Колхозцентра СССР и РСФСР Юркин*).

Коллегиальность — принцип управления, при котором руководство осуществляется не единолично, а группой лиц. Именно такой способ управления был завещан партии Лениным в его знаменитом «Письме съезду». О «широкой коллегиальности» управления после смерти Ленина говорили и сами члены партийной верхушки (Л. Троцкий, Л. Каменев, Г. Зиновьев, Н. Бухарин и др.), не желающие упустить власть из своих рук и опасаящиеся, что она целиком сосредоточится в руках Сталина; и рядовые члены партии, призывающие лидеров к единству, ибо они «должны заменить своим коллективом нашего незабвенного Ильича» (Правда. 1924. 31 янв.). Какое-то время считалось, что партия и страна управляются «коллегиально». Но к 1929–1930 гг. Сталин уже окончательно сосредоточил власть в своих руках и «коллегиальность» была только в воспоминаниях, да в критике современности оппозиционерами. Так, сестра Ленина, М.И. Ульянова, в письме к апрельскому 1929 г. Пленуму ЦК писала: «Перед своей смертью Владимир Ильич тревожился за судьбу нашей революции и в завещании, давая характеристику отдельных вождей, предупреждал партию, что не одна из личностей, а только коллегиальная работа может обеспечить правильное руководство и единство партии» (цит. по: *Горелов О.И. Цугцванг Михаила Томского*. М., 2000. С. 203). На том же апрельском 1929 г. Пленуме обвиняемый во фракционности Томский призывает к «коллегиальности»: «Мы работаем без Ленина, и это настоятельно диктует нам необходимость коллегиального руководства» (Там же. С. 202). Однако «широкой коллегиальности» уже давно не было: к 1929 г. Сталин добился своего «единоначалия».

С. 178. ...*старину, в которой зрел некогда оппортунизм*. — Обвинение в оппортунизме — распространенное политическое клеймо рубежа 1920–1930-х гг.

Понятие «оппортунизм» (от лат. *opportunus* — удобный, выгодный) применяется во времена зарождения марксизма для характеристики теории и практики руководителей рабочего движения, использующих каждый удобный случай, чтобы из сложившейся обстановки извлечь выгоду для своего

дела; в этой связи часто приводили слова А. Бебеля: «В политике мы все оппортунисты». За способность менять тактику в зависимости от политической обстановки «гениальным оппортунистом» называли В. Ленина. К началу 1920-х гг. устоялась следующая характеристика «оппортунистов»: «...это люди, партии, группы, неспособные на решительное революционное действие и проповедующие соглашательство с существующим строем вместо классовой борьбы» («Политический словарь» под ред. *Б.М. Эльцина*, 1924). Такое понимание оппортунизма сохраняется до 1928 г.: вышедший в 1928 г. «Политический словарь» под ред. А.И. Стецкого характеризует оппортунизм точно так же: «...в современном словоупотреблении означает неспособность к революционному действию, <...> беспринципное приспособление к господствующей партии и силе». Одно из обвинений, которые выдвигает Л. Троцкий в адрес И. Сталина, — именно в оппортунизме, т. е. неспособности к решительным революционным действиям; оно пополнило те лозунги, с которыми оппозиционеры во главе с Троцким вышли на демонстрацию 7 ноября 1927 г.: «Против оппортунизма, против раскола, за единство ленинской партии». Однако, как подчеркивал сам Троцкий в своих воспоминаниях, его лозунги в борьбе со Сталиным составили затем «официальное кредо сталинской фракции в ее борьбе против правых» (*Троцкий Л. Моя жизнь*. М., 2001. С. 520). И действительно, в 1928 г., в начале борьбы И. Сталина с Н. Бухариным и его сторонниками, появляется понятие «правый оппортунизм» Бухарина. Проявлением оппортунизма Бухарина считалось его убеждение в затухании классовой борьбы при диктатуре пролетариата; идея о «врастании кулака в социализм» и миролюбивое к нему отношение.

Умрищев пошел в секторную часть своего ведомства и стал выясняться; его слушали, осматривали лицо, читали шепотом документы и списки стажа... — Разные министерства и ведомства проходили чистку по очереди. О чистке объявлялось в газете, например: «Началась чистка аппарата Госплана РСФСР» (Со всех концов Советского союза // *Правда*. 1931. 8 апр. С. 4). Процедура чистки описана на страницах периодической печати: создавались специальные «бригады по чистке» из рабочих, а также активистов проводившего чистку ведомства. Если чистку проходило какое-нибудь министерство или другое аппаратное учреждение, то в комиссию по чистке приглашались рабочие с заводов, шефствующих над данным учреждением. Эти бригады посещали тот или иной отдел (или сектор) проходящей чистку организации и знакомились с делом каждого сотрудника и его работой. В газетных публикациях иногда сообщаются детали работы некоторых «комиссий по чистке», например: «Рабочие бригады с утра до ночи кропотливо и внимательно изучают работу, людей <...> Рабочие бригады слушают, смотрят, рожьются в ворохах решенных дел <...> Они знакомятся с работниками <...> слушают, думают и... пока молчат» (К чистке аппарата НКЮ // *Известия*. 1930. 17 апр. С. 3. Подпись: *Н-А.*). После проверки документов устраивались «открытые заседания комиссии по чистке» и «собрания по персональной чистке», о которых давались объявления в газете. На собраниях выступали те, кто эту «чистку» проводил, и те, кто ее проводил, и приглашались все, располагающие информацией о гражданине. По результатам «чистки» в газету также давалось объявление, например: «Чистка

Наркомпроса закончилась. По чистке удалено из аппарата 14 процентов состава сотрудников. Отрицательные явления, обнаруженные во время чистки: сотрудники финансового отдела получали подарки от провинциального института, подчиненного Наркомпросу; некоторые сотрудники скрывали свою службу у Колчака; среди сотрудников ГЛАВНАУКИ нашлись верующие. Комиссии пришлось снять с работы группу лиц, как имеющих специальность маслоделов, животноводов и т. д., и отправить их в провинцию на производство. Группу сотрудников комиссия по чистке отправила на переквалификацию для работы в будущем на производстве» (Бауэр Я. Итоги чистки НКпроса СССР // Известия. 1930. 14 мая. С. 3).

...Умрищев был как бы демобилизован из действующего советского аппарата и попал в специальный класс невыясненных. ~ невыясненных людей скопилось уже целых четыреста единиц, и все они зачислены в резерв, приведены в боевую готовность и поставлены на приличные оклады. — На время «чистки» гражданин отстранялся от служебных обязанностей и считался находящимся в вынужденном прогуле, который оплачивался в полном объеме до дня обратного приема на работу или отказа в приеме (Разъяснения НКТ СССР от 5 марта 1930 г. № 91 о порядке увольнения, перевода и восстановления в должности при чистке аппарата и об оплате труда лиц, привлекаемых к чистке // Известия НКТ СССР. 1930. № 9. С. 183–185).

В жизни все неверно и капризно... — Популярный романс «Эй, друг гитара!»; музыка Б. Фомина (1900–1948), стихи Б. Тимофеева (1899–1963). Написан в 1928 или 1929 г. Входил в репертуар Т. Церетели (1900–1968) и А. Вертинского (1889–1957). Другие популярные романсы Б. Фомина 1920–1930-х гг.: «Только раз бывает в жизни встреча», «Дорогой длиною», «Твои глаза зеленые». На Всероссийской музыкальной конференции 1929 г. романс, наряду с фокстротом, получает официальное осуждение как «упадочнический жанр», «легкий жанр», «цыганщина» и «нэпманская музыка». С 1929 г. исполнение романсов, равно как и их исполнительница, «звезда цыганского жанра» Т. Церетели, а также продажа соответствующих нот вызывает неизменное осуждение идеологических работников.

С. 179. *...бывало вовсе ободняется — т. е. когда наступает день: «ободнять» — устаревшее слово, означает «расцветать» (Даль).*

...читал сплошь попутные стенгазеты... — Стенгазета (стенная газета) — местная, выпускаемая конкретным коллективом для внутренних нужд своей организации и посвященная ее проблемам; была, как правило, рукописной; изготавливалась в одном экземпляре и вывешивалась на стене. История возникновения «газеты на стене» такая: в первые дни революции появилась революционная газета, «основу которой составляли декреты, приказы, лозунги», — и она для общей доступности вывешивалась на улице на стене. Впоследствии, чтобы шире распространять информацию, «был создан специальный тип “Стенной газеты РОСТА”. <...> Эта газета набиралась крупным шрифтом и была доступна даже для малограмотных» (Евгенов С. Газета на стене // Наши дост. 1929. № 4. С. 93). Затем во многих коллективах появилась своя стенгазета как «газета масс» и одновременно орган воздействия на них. «Ее появление связывалось с ростом массового рабселькоровского движения <...> “Своя”, “собственная”, выдвигающие самые важные и самые

острые для данного коллектива вопросы, <...> она является одним из ярких проводников пролетарской демократии» (Там же).

Невыясненный ~ шел тогда с горя в бухгалтерию доказывать, что два месяца не пользовался выходными днями, и, получив за них содержание... — Процесс проверки работника в рамках «чистки» часто длился по несколько месяцев, на которые данный работник отстранялся от производства. Этот «вынужденный прогул» оплачивался; оплата регулировалась рядом инструкций, которые публиковались в «Известиях НКТ СССР». В самом общем виде положение о расчетах с проходящими чистку гласило: «Вынужденный прогул при полном восстановлении оплачивается полностью до дня обратного приема на работу или отказа в приеме» (Законы о чистке советского аппарата // *В. труда*. 1930. № 6. С. 57. Подпись: В. Ч.).

С. 180. *Жена при этом начала кустарно точить мужа, что он есть...* — *Кустарно* — в русском языке данное слово многозначно; здесь важны следующие его значения: «по-домашнему», а не заводским способом, а также «грубо, топорно, примитивно». О другом значении прилагательного «кустарный» в контексте эпохи см. также примеч. к с. 222.

...худший вид оппортуниста, ~ потворщик рвачества и заражен гнилым либерализмом... — Три распространенных в 1931–1932 гг. политических обвинений. Понятие «оппортунизм» (см. об этом примеч. к с. 178) в начале 1930-х гг. постепенно теряет свою привязку ко взглядам Н. Бухарина и его сторонников: кроме «правого», появляется еще и «левый» оппортунизм, а затем всякое отрицательное явление советской действительности квалифицируется как «оппортунизм» — понятие становится широким, например, «слабый рост ударничества и соревнования — доказательство оппортунистического руководства» (Правда. 1931. 4 янв. С. 4); «правый оппортунизм <...> в наших условиях означает идеологию и практику отставания, самотека, срыва и торможения темпов, <...> союзником правого оппортунизма продолжает быть «левый» оппортунизм — идеология и практика забегания вперед» (Огонь по оппортунизму [Ред. статья] // Правда. 1931. 9 июня. С. 1) и т. д. Обвинение в оппортунизме коснулось и литературной критики: *Бескин О.* Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика. М., 1930.

Проявлением оппортунизма считались и такие «отрицательные» явления советской действительности, как *рвачество* (стремление побольше заработать) и *гнилой либерализм* (лояльное отношение к представителям иных взглядов и чуждых классов). Выражение «гнилой либерализм» принадлежит М.Е. Салтыкову-Щедрину (цикл «В среде умеренности и аккуратности», очерк «Господа Молчалины», гл. 4); неоднократно цитировалось Лениным (например, «...гнилость нашего либерализма...»: *Ленин В.И.* О демонстрации по поводу смерти Муромцева // *Ленин. ПСС*, 20. С. 6); в 1931 г. получило новый толчок к широкому употреблению благодаря статье И. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» — письму в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931, № 6). Возмущенный публикацией в журнале работы историка Слуцкого, содержащей неправильные, с точки зрения официальной версии, мысли о Ленине, Сталин задает вопрос, на каком основании журнал опубликовал статью Слуцкого. И сам отвечает:

«Может быть, ради гнилого либерализма, чтобы Слуцкие и прочие ученики Троцкого не могли сказать, что им зажимают рот?» (*Сталин И.* О некоторых вопросах истории большевизма // *Сталин.* С. 468). Данная статья Сталина посвящена в основном *оппортунизму* и *примиренчеству с ним* и явилась одной из инструктивных для 1931 г. О роли обвинения в *гнилом либерализме* в критике повести «Впрок» см. примеч. к повести, с. 411–412 наст. изд.

...назначение в мясосовхоз... — Одним из результатов «чистки» могло быть назначение на производство.

...ударный поцелуй... — Слово «ударный» появилось в производственном лексиконе первой пятилетки, например: «ударный труд», «ударная работа», «ударник производства». «Ударником» назывался «сознательный пролетарий, переключившийся на ускоренные темпы работы, темпы ударного характера» (*Словострой* // 30 дней. 1930. № 10–11. С. 137).

С. 181. *Умрищев ~ приступил к своему медленному чтению старины...* — Об истоках темы в творчестве Платонова см. примеч. к с. 177.

Обвинение в «идеализации старины, в утверждении Руси на месте СССР» (*Бескин О.* Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика. М., 1930. С. 8), в «апологетике прошлого Руси, неприятию современности» (Там же. С. 22) на рубеже 1920–1930-х гг. выдвигались и по отношению к крестьянской литературе, которую называли «кулацкой», — в лице таких ее представителей, как С. Клычков, П. Орешин, Н. Клюев.

...он встретил описание того грустного факта, как однажды, при воцарении Грозного, с неба пошел каменный и мелкозернистый дождь, отчего немало случилось повреждения тогдашнему историческому населению. — Из бедствий, которые были при воцарении Грозного, летописи упоминают только пожар Москвы и град. Сообщения же о падении метеоритов и их разрушительной силе периодически появляются в краеведческом журнале «Мироведение», например: *Святский Д.* Падение метеоритов в Белозерском крае 29 ноября // *Мироведение.* 1929. № 5; *Астанович И.* Юбилей старинных метеоритов // Там же. 1930. № 1–2 и др. В последней из упомянутых статей есть описание нескольких каменных дождей в прошлом, причинивших вред «историческому населению», например: «Прошло 625 лет с года падения “каменной, подобных граду, черных, как уголья, и твердых, как железо” в марк-графстве Бранденбургском в г. Фридланде. Как сообщает старинная запись, “бедные тамошние жители много потерпели вреда”. Затем 275 лет назад на острове Фионии 30 марта 1654 г. имело место аналогичное явление каменного дождя» (Там же. С. 63).

Определенный ракурс в восприятии метеорных дождей задают работы Николая Морозова, 75-летие которого отмечалось в 1929 г., — известного революционера и астронома, 25 лет проведшего в Шлиссельбургской крепости в заключении. Одна из самых известных работ Н. Морозова по астрономии — его толкование на книгу «Апокалипсис», под названием «Откровение в грозе и буре». Описывая различные метеоритные явления, Морозов констатирует их влияние на умы людей: *Морозов Н.* Метеорные катастрофы и их влияние на умы людей // *Мироведение.* 1929. № 3. С. 149. В этой работе Морозов называет и такие катастрофы на территории Руси, как метеорный дождь в Великом Устюге 25 июня 1290 г. и каменный дождь 1662 г. Учеником

Н. Морозова был Д.О. Святский — один из лучших специалистов по древнерусской астрономии, краевед и активный член Русского общества любителей мироведения, автор ряда работ по астрономии и метеорологии и статей в журнале «Мироведение». В 1930 г. Святский был арестован, а летом 1931 г. осужден по делу Общества любителей мироведения; в 1932 г. отправлен на строительство Беломоро-Балтийского канала.

Падение метеоритов — тема раннего творчества А. Платонова (см. примеч. к повести «Эфирный тракт»: *Сочинения*, 2. С. 501).

«Царь Иван захотел однажды на Святки ~ установить в Китай-городе баловство пицей. Для чего он указал боярину Щекотову привести откуда ни на есть в тот Китай-город до 70 сбитеничиков, 45 харчевников, 30 крупенников, 14 обжарициков и прочую пицевую силу ~ Но люди торговые и промысловые откупились от той милости ~ сговорились меж собой есть до смерти добрые домашние щи, либо тюрю». — В данном описании реальные детали переплетаются с вымышленными. На Святки (праздничные дни от Рождества до Крещения) на Руси действительно устраивались массовые гуляния, однако «баловство пицей» обычно было частью масленичного гуляния. *Китай-город* (общее название поселения, примыкавшего к Кремлю), в который входила и Красная площадь, при Иване Грозном был торговым центром Москвы; значительное место в нем занимали торговые ряды — для каждого товара свой ряд: Харчевный, Пряничный, Калачный и т. д. *Торговые и промысловые люди* в России нередко откупались от того, что мешало их торговле, например, от строительства в некоторых местностях железных дорог; однако случаев подобных сделок в отношении пищи не известно, тем более что большинство перечисленных ремесленных специализаций в сфере питания — исконно русские. Ремесленники с такими названиями упоминаются в краеведческой литературе, которая поднимала вопрос и о том, как до революции решалась проблема питания Москвы (например, *Довгар-Запольский М.В.* Торговля и промышленность Москвы XVI–XVII вв. М., 1910; *Большаков А., Рожков Н.* История хозяйства России в материалах и документах. Л., 1926 и др.): *сбитеничики* — продавцы сбитня, горячего напитка из разведенного меда с сахаром, с добавлением пряностей (гвоздики, корицы, имбиря, кардамона, перца, мяты и пр.) и иногда вина; *харчевник* — хозяин харчевни (заведения, где едят за деньги); *крупенники* — один из видов древнерусских ремесленников, упоминаются в краеведческой литературе, приводящей списки ремесленных специальностей XVI–XVII вв. по писцовым книгам; *обжарицики* — такого вида ремесленников в соответствующей литературе не обнаружено; *прочая пицевая сила* — среди исконно русских ремесленников, занятых в системе питания, в краеведческой литературе называются также пирожники, хлебники, калачники, блинники, сытники, житники, кисельники, квасники, сусленники, пивовары, медовщики. *Тюрю* — самая простая еда из размоченного хлеба: хлеб, покрошенный в воду, иногда — в щи.

...*Умрищев взял из-под стола следующую книгу ~ Это была «Торговля пенькою в Шацкой провинции — в 17 веке». Он и пеньку любил...* — В ходе кампаний 1930–1931 гг. против историков-краеведов ученым часто ставили в вину «узкую областную тематику», при этом в качестве примера приводили

«работы Бахрушина о тобольских воеводах в 17 в., работы Богословского о провинциальных городах в 16–17 вв.» (*Рубинштейн Н.* Борьба с классовым врагом в краеведческой литературе и задачи историков-марксистов // Против вредительства в краеведческой литературе. М.–Ив.–Вознесенск. 1931. С. 4). Интерес историков-краеведов к местной истории объявлялся контрреволюционным, ибо «на материале истории какого-либо провинциального города 17 века было гораздо удобнее протащить контрреволюционную историческую схему и укрыться от прямого ответа на основные кардинальные вопросы» (Там же). Считалось, что в интересе к этнографии и фольклористике «расцветают махровые цветы великорусского шовинизма» (*Потемкин М.П.* X пленум ЦБК // *Сов. краев.* 1931. № 2. С. 1). В связи с чтением героем книги «Торговля пенькой в Шацкой провинции — в 17 веке», можно привести названия нескольких работ С.В. Бахрушина — одного из историков-краеведов, раскритикованных в печати и репрессированных в 1931 г.: «Торговые крестьяне в 17 в.», «Агенты русских торговых людей в 17 в.», «Самоеды в 17 в.». В 1928 г. под редакцией Бахрушина выходит книга «Московский край в его прошлом. Очерки по социальной и экономической истории 16–17 вв.»

В названии «Торговля пенькой в Шацкой провинции — в 17 веке» есть фактическая ошибка: провинция — административно-территориальная единица России (на провинции делились губернии), которая была введена указом Петра I в 1719 г. и просуществовала до 1775 г., следовательно, в XVII в. провинций еще не было. Шацкая провинция, наряду с Тамбовской, входила в Воронежскую губернию — родину писателя. *Пенька* (грубое волокно, получаемое из стеблей конопли; применялась для изготовления веревок и канатов) — традиционная статья внешней торговли России до революции. Однако в 1930–1931 гг. страна, по директиве свыше, пытается выращивать кенаф (который называют бомбейской пенькой) — культуру, традиционную для Индии и Африки.

С. 182. ...и быт мещерских и мордовских племен в моршанском крае... — *Мещера и мордва* — древние племена финского происхождения на территории России; мещера большей частью ассимилировалось с основным славянским населением местности. *Моршанский край*, на территории которого в древности жили мещерские и мордовские племена, находится в Тамбовской области, т. е. входил в сферу жизни и деятельности самого А. Платонова.

...и черное дерево в речных глубинах... — Черное дерево — название древесины с темной окраской некоторых иноземных и отечественных деревьев; очень плотное, твердое и ценное; тонет в воде, поэтому залежи его имеются в некоторых реках. Древесина дуба, пролежавшая на дне реки сотни лет, тоже получает почти черную окраску и очень ценится, так как не гниет.

У образа «черного дерева» не исключен и литературный контекст: И. Гроссман-Роцин, один из деятелей РАПП, назвал так, по аналогии с романом Б. Пильняка «Красное дерево», повесть И. Катаева «Молоко», а заодно и всю литературную продукцию группы «Перевал» (*Гроссман-Роцин И.* Черное дерево // *На лит. посту.* 1930. № 10. С. 17).

...на дальние гурты. — Гурт, или гурт скота — это стадо, перегоняемое с одного места на другое. Гурт считался первичной производственной

единицей мясосовхоза. В одном мясосовхозе насчитывалось несколько десятков гуртов. У каждого гурта была своя территория с помещениями для скота и для обслуживающего персонала.

С. 183. *На гурте доярка удавилась...* — Случай самоубийства в животноводческих совхозах — трагическая реальность времени: об этом упоминается в записке о состоянии совхозов на Волге и Северном Кавказе, составленной Платоновым по впечатлениям его поездок летом 1931 г.: «доярки из гуртов убежали, их догоняли верхами и заставляли работать — имеются случаи самоубийства на этой почве» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 2).

С. 184. *...работает секретарем гуртовой партячейки...* — Ячейкой до 1934 г. называлась первичная партийная организация — начальное, низовое звено партийной организации на предприятии; во главе всех подразделений парторганизации стояли выборные руководители — секретари.

...в песок были посажены прутья шелюги и чернотала... — Шелюга и чернотал — растения, способствующие закреплению песков (см. рассказ А. Платонова «Песчаная учительница»: *Сочинения*, 1(1). С. 46).

Те «Родительские Дворики» имели списочное число коров — четыре тысячи... — Рекомендованное количество скота в гурте — 300 голов. В каждом мясосовхозе было по несколько десятков гуртов, объединенных в зоотехнические зоны: десять гуртов — одна зоотехническая зона. Каждая зоотехническая зона должна была насчитывать в среднем 3000 голов скота (Москвин В.И. Организационная схема построения мясосовхозов // Скотоводство. 1931. № 1. С. 46). Очевидно, в случае с «Родительскими Двориками» речь идет не об отдельном гурте, а о зоотехнической зоне, для упрощения названной гуртом. Дополнительное подтверждение этому можно найти ниже — на стр. 205 упоминается стадо тех же «Родительских Двориков» численностью 300 голов, а на стр. 210 сказано, что «Родительские Дворики» состояли из пяти участков.

С. 185. *...являлся надежным источником мясной пищи для пролетариата.* — Проблема нехватки продуктов питания, особенно мяса и молока, наиболее остро стояла в рабочих районах, что грозило стране как минимум невыполнением плана индустриализации. Поэтому снабжение мясом именно пролетариата и ударников производства активно обсуждается на страницах печати: «Донбассу — ударное снабжение» (Правда. 1931. 1 авг. С. 1); «Покончить с оппортунистическим самотеком, срывающим улучшение рабочего снабжения» (Правда. 1931. 4 авг. С. 3) и т. д.

...заведующий гуртом зоотехник Високовский и старший гуртоправ Афанасий Божев. — Согласно рекомендованной схеме организации мясосовхозов (Москвин В.И. Организационная схема построения мясосовхозов // Скотоводство. 1931. № 1. С. 45–49), зоотехник стоял во главе зоотехнической зоны (десять гуртов по триста голов скота). Обслуживающий персонал каждого гурта состоял из старшего гуртоправа, двух его помощников и рабочего. В обязанности старшего гуртоправа входило наблюдение за правильным кормлением, уходом и содержанием скота.

«Печь более вкусный хлеб» ~ «Усилить трудовую дисциплину» — данные реплики Платонов перенес в повесть из записной книжки, которую он вел летом 1931 г. во время поездки по районам Средней Волги (*Записные*

книжки. С. 90). О плохом качестве хлеба на рубеже 1920–1930-х гг. пишет и советская печать: «Постановка хлебопечения до сего времени остается неудовлетворительной. Качество хлеба также оставляет желать много лучшего. <...> Органы государственной хлебной инспекции обычно только констатируют плохое качество хлеба или штрафуют пекарей за плохое качество хлеба» (Улучшить хлебопечение // Труд. 1930. 21 апр. С. 1).

С. 186. — *Вас бы надо гидрометеором по голове ~ Гидрометеор, это дождь ~ Я имею в виду тот дождь ~ который шел при Иоанне Грозном, — каменный, исторический дождь!* — Гидрометеоры — синоним атмосферных осадков вообще — никакого отношения к каменным дождям не имеют, что Платонов, профессионально занимавшийся мелиорацией, хорошо знал: в незаконченной статье «Гидрофикация» (1922) он упоминает и гидрометеоры: «Гидрофикация — это вся система работ и мероприятий, имеющая целью оптимальное увлажнение корнеобитаемого слоя почвы. Это — орошение в самом широком, всеохватывающем и глубоком смысле слова. <...> Гидрофикация есть также умение передразнить природу при создании ею гидрометеоров, чтобы суметь самим сделать это же самое искусственно в месте и времени, нужным нам» (Платонов А. Гидрофикация // РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 37).

...позвать ~ убогого глухонемого счетовода Тишкина, профуполномоченного... — Обязанности счетовода в колхозах и совхозах описаны Платоновым в очерке «За большевистского счетовода в колхозе!»: счетовод «сидит на учете труда — количества и качества его — каждого колхозника и на определении его доли в урожае» (см.: Сочинения, 4(2). С. 141). Профуполномоченный — лицо с правами рабочкома (позже преобразован в профком), ведущее профсоюзную работу на предприятиях с числом работников менее 25 человек.

...налево хранили настухи, водоносы, колодезники, случники... — Наличие специалистов в разных видах сельскохозяйственной деятельности — проблема колхозов и совхозов начала 1930-х гг.; особую сложность представляли *случники*: «В каждом колхозе, совхозе, сельсовете и рике выделить и подготовить специальных лиц по проведению случной кампании» (Необходимо своевременно подготовиться к случной кампании // Соц. жив. 1931. № 2. С. 8. Подпись: Ф.С.).

С. 187. *...на большом столе для кружковых занятий...* — *Стол для кружковых занятий* — центр проведения культработы в рабочем общежитии, обязательной для всех предприятий и организаций. *Кружок* (объединение людей для совместных занятий) — организованная форма этой культработы; в зависимости от тематики *кружки* назывались «ликбез», «культпросвет», «политграмоть», шахматный и пр. На столе для кружковых занятий всегда лежали газеты и журналы. В очерках этого времени, повествующих о жизни в рабочих бараках, встречаются также свидетельства о том, что этот стол и отгороженный угол вокруг него со стенгазетой рабочие называли «красным столом» (еще нельзя сказать «красный уголок», но пока еще «красный стол»: Перелешин Б. Учитель Деррик // 30 дней. 1931. № 5–6. С. 71). За «красным столом» выступали докладчики; проходили занятия самообразования. В очерке Б. Перелешина приводятся такие бытовые зарисовки с участием «красного стола»: барак № 13 Кузнецкстроя, батрак Гривкин учит арифметику на

кровати. Товарищи говорят ему: «Шел бы ты, Вася, в красный стол!». Или: «Для своего красного стола ребята всю осень не могли найти докладчика. Никто не приходит читать лекции, не учит политграмоте, не объясняет игру в шахматы и как бороться с насекомыми» (Там же).

...полотно рубашки, которое повсеместно выдавали ударницам... — Так как в стране (а особенно в деревне) был дефицит товаров легкой промышленности, и прежде всего так называемой мануфактуры (ткани и текстильных изделий), то в совхозах создавался премиальный фонд из ситца и прочей мануфактуры. Из этого премиального фонда, в качестве дополнительного стимула к труду, и выдавалось ударникам дефицитное полотно. Это же полотно, главным распорядителем которого был завхоз, могло стать и средством реализации его личных интересов (см., например, рассказ: *Работники А. Бык // НМ. 1931. № 11. С. 59*).

С. 188. *...каждый делает планово свое дело... —* Плановость считалась основной чертой и преимуществом советского хозяйства. В апреле 1931 г. проходит первая всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы, в Обращении которой к жителям страны есть такие слова: «Советский союз дал первый образец социалистического планового хозяйства» (Из обращения первой всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы // *ФНиТ. 1931. № 6. С. 63*).

Есть еще разные неопределенные вопросы, изученные мною по старинной и по советской печати. У грабарей дети рождаются весной, у вальщиков ~ у гуртоправов ~ монтажницы ~ а доярки в марте только починают... — Первое упоминание на тему, «когда у кого рождаются дети», содержится в записной книжке Платонова, которая относится к его поездкам по Поволжью летом 1930 г.: «Когда у кого рождаются дети: у вальщиков в сентябре и т. д.» (*Записные книжки. С. 48*). Фрагмент о рождении детей у представителей разных профессий Платонов перенес в повесть из набросков к несостоявшейся пьесе, предположительно 1931 г. (см.: *Сочинения, 4(2). С. 425–426*). Речь, содержащую статистические данные по рождаемости у представителей разных профессий, в пьесе произносит тоже Умрищев, но там это приехавший в совхоз профессор с портфелем и небольшим чемоданом. В устах профессора (вполне возможно, экономиста или социолога, подобно одному из бывших лидеров Пролеткульта А. Гастеву или репрессированному в 1929–1931 гг. А. Чайнову и Н. Кондратьеву, которые занимались статистическими исследованиями) подобная информация выглядит естественно: до революции в России и в 1920-е годы в СССР проводилось много исследований по социологии труда, в том числе и по рождаемости и другим проявлениям санитарной статистики труда среди представителей разных профессий. В 1920-е гг. существовало около десяти институтов НОТ (научной организации труда); Центральный институт труда (ЦИТ) возглавлял А. Гастев. Проводимые ими социологические исследования публиковались в журналах («Архив истории труда», «Вопросы труда», «Организация труда», «Статистический вестник» и др.), выходили отдельными изданиями (Санитарная статистика труда. Л., 1924). *Грабарь — землекоп; вальщик — тот, кто валит лес; гуртоправ — заведующий гуртом (стадом) скота; монтажница — специалистка по сбору строительных конструкций в единое целое.*

Я только интервенции боюсь... — В 1930–1932 гг. о готовящейся интервенции (иначе говоря, о новой войне всего западного мира против СССР) много писала советская пресса — прежде всего, в связи с наиболее крупными политическими процессами (дело «Промышленной партии» в 1930 г., дело «Союзного бюро РСДРП» — процесс над эсерами в 1931 г.): целью инкриминируемых им экономических и идеологических диверсий называлась подготовка интервенции. Так, 1931 г. начитается с подведения основных итогов истекшего года: «Мы достраиваем фундамент социалистической экономики. Мировой империализм готовит нападение на СССР» (Достроим фундамент социалистической экономики // Правда. 1931. 1 янв. С. 1); «Угроза интервенции и итоги процесса Промпартии» (Там же).

С. 189. — *Ты, наверно, Кузьминична?! ~ Нет, батюшка, ~ я Федератовна. Кузьминичной я уже была.* — На 1920-е гг. приходится бум замены традиционных имен собственных на этимологически связанные с новыми советскими реалиями (см. об этом примеч. к пьесе «Дураки на периферии»: Сочинения, 4(2). С. 642). Маврой Кузьминичной звали героиню рассказа Платонова «Мавра Кузьминична» (1926) — тоже старушку (Сочинения, 1(1). С. 67).

С. 190. — *Или ты самокритики не любишь?* — Лозунг самокритики выдвинут в обращении ЦК ВКП(б) от 3 июня 1928 г. «О самокритике» — с призывом ко всем предприятиям, организациям, членам партии и рабочим «развернуть самокритику» и публично критиковать свою работу. На рубеже 1920–1930-х гг. лозунг «самокритики» приобретает особую актуальность в связи с проведением «чистки» партии и советского аппарата (Лозунг самокритики в действии [Ред. статья] // Известия. 1930. 13 июня. С. 1).

— *Пусть только бабушка зовет меня впрямь оппортунистом, а не классовым врагом...* — Два обвинения рубежа 1920–1930-х гг.; обвинение в оппортунизме, ввиду своей широты и неопределенности, было более мягким.

Я признаю свои ошибки, отрекаюсь от самого себя и обещаюсь ~ во всюду соваться. — Подобными «отречениями» полны страницы периодики с сообщениями о политических процессах, «чистке» и пр. Но больше всего готовность публично «каяться» в своих ошибках демонстрировали представители литературного цеха — одной из самых уязвимых к идеологическим обвинениям областей деятельности. Ярким свидетельством этого может быть речь В. Полонского, главного редактора «Нового мира», на дискуссии по вопросам творческого метода, в сентябре 1931 г. в Москве. Опальный редактор объясняет, почему он не занимался «самокритикой» и не каялся в своих ошибках: «Ведь из этих заявлений очень многие литературные работники делали нечто вроде спорта. <...> Ну, покаяйся раз, покаяйся другой, но не до бесчувствия же!» (Вторая речь В. Полонского // НМ. 1931. № 10. С. 160).

С. 192. *На следующий день доярку Айну понесли в гробу два выходных пастуха. За ее гробом шла подруга — профуполномоченная, провожавшая тело, несмотря на неплатеж Айной членских взносов ~ затем двигался Умричев с Божевым ~ Один скотник имел хроматическую гармонию и дал ее Вермо, чтобы музыка сопровождала погибшую.* — Описание нового, советского, обряда «комсомольских (или красных) похорон» — шествия на кладбище колонны сослуживцев и родственников умершего, в сопровождении

оркестра либо, как в данном случае, одного музыканта; этот новый обряд должен был заменить религиозный — отпевание в церкви. Такие мероприятия вводились в противовес всем традиционным религиозным обрядам и праздникам: комсомольская свадьба; комсомольские «крестины», или «октябрины»; комсомольские похороны; даже комсомольская пасха и комсомольское рождество (Словострой // 30 дней. 1931. № 4. С. 78).

...два выходных пастуха... — Появление в русском языке субстантивированного прилагательного «выходной, выходная» было вызвано переходом страны в конце 1920-х гг. на непрерывную трудовую неделю со скользящим графиком работы и отказом от субботы и воскресенья как общих выходных дней. О планах по введению в стране нового календаря сообщают газеты: «Вчера на заседании правительственной комиссии по непрерывке был заслушан доклад замнаркома по просвещению тов. Курца о работе подкомиссии по реформе календаря. <...> Летоисчисление по принятому подкомиссией проекту начинается с 1917 г. — года пролетарской революции в СССР. Первый день года — начало Октябрьской революции, 7 ноября. <...> Год делится на 12 месяцев, которые имеют по 6 пятидневных недель. Пять дней праздников (день Ленина — 22 января, 2 дня Интернационала и 2 дня пролетарской революции) включаются в соответствующие месяцы, как дублирующие дни, т. е. 1а мая и 16 мая являются днями Интернационала, 7а ноября и 7б ноября — праздник пролетарской революции. Названия месяцев и дней остаются прежними, кроме субботы и воскресенья, которые отпадают. <...> При сношении с заграницей числа должны проставляться по новому календарю, но в скобках указывается старое летоисчисление» (Новый календарь // *Раб. газ.* 1930. 28 янв. С. 8). Согласно проекту нового календаря и идее непрерывной трудовой недели, выходной у каждого был свой. Цель таких нововведений — отучить население ходить в церковь в воскресенье, о чем пресса сообщает прямым текстом, объясняя новые слова «выходная, выходной»: «Эти слова дал переход на непрерывную производственную неделю», который «постепенно исключает из нашего обихода названия дней, бьет по религии и тем самым заставляет забывать названия праздников» (Словострой // 30 дней. 1931. № 8. С. 76).

...неплатеж Айной членских взносов... — Уплата членских взносов — одна из обязанностей членов комсомольской, партийной и профсоюзной организаций. Однако дояркам по несколько месяцев не выплачивали заработной платы или платили мизерную часть ее, поэтому платить взносы им было часто нечем. Например, в Кочержинском мясосовхозе № 34 (ЦЧО) «доярки получают 1/16 часть своего жалования» (*Григорьев К.* Кочержинский мясосовхоз // *Скотоводство.* 1931. № 9. С. 73). Жалованье у доярок было небольшое: в мясосовхозе «Коминтерн» № 106, например, при выработке дояркой нормы месячное жалованье составляло 40 руб. (*Бородовский А.* Тревожный сигнал из совхоза «Коминтерн» // *Скотоводство.* 1931. № 8. С. 73).

Хроматическая гармоника — иное название баяна, русского народного музыкального инструмента, появившегося в результате усовершенствования двухрядной гармоникки. Баян в правой клавиатуре имеет те же звуки, что и фортепиано, поэтому на нем можно исполнять и классическую музыку.

В 1931 г. баян был довольно редким инструментом, и в музыкальной периодике объясняются его особенности, а гармонистов призывают овладеть баяном: «Каждый гармонист должен стремиться переходить на баян как на более совершенный инструмент» (*Голубев А. Указания и советы // За пролет. муз.* 1931. № 1. С. 24).

...белая пыль золотых песков... — Золовы пески — пески, принесенные ветром: Эол — древнегреческий бог ветров.

С. 194. *Москвич, член правления Скотоводобъединения...* — Объединение мясосовхозов, созданное в конце 1929 г., называлось «Скотовод». Правление «Скотовода» находилось в Москве. Государство выделило «Скотоводу» огромные материальные ресурсы и огромное стадо.

С. 195. *...сколько ежедневно пропадало молока в совхозе? Сколько у вас выдаивалось из совхозных коров молока — руками окрестных кулаков и зажиточных единоличников?* — О бесхозяйственном отношении к стаду в совхозах есть запись Платонова в составленной им справке по итогам летней поездки 1931 г.: «Кому не лень, тот пользуется совхозным скотом» (*РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 2*). Журнал по животноводству упоминает аналогичные случаи пользования молоком совхозных коров для личных нужд самих служащих совхозов: «...гуртоправы по неделям держали у себя по 15–16 таких коров, пользуясь их молоком, а некоторые имели даже свои сепараторы для отделения сливок» (*Бородовский А. Тревожный сигнал из колхоза «Коминтерн // Скотоводство.* 1931. № 8. С. 73). *Единоличник* — крестьянин, ведущий свое хозяйство единолично или только со своей семьей.

С. 196. *...верность линии партии...* — Линией партии назывался курс на индустриализацию промышленности и коллективизацию сельского хозяйства — план первой пятилетки. Проблема «верности линии партии» возникла в полемике с оппозиционерами (см. примеч. к пьесе «Шарманка»: *Сочинения, 4(2).* С. 664–666).

Умрищев ~ решил уехать в дальний сибирский район, сделаться там секретарем и основать районное негласное оппортунистическое царство, в форме Руси Иоанна Грозного или мещерского племени... — Одно из обвинений в адрес историков и краеведов во время кампании 1930–1931 гг. заключалось в том, что ими якобы владеют «реставраторские установки» врагов Октябрьской революции (*Карпыч В. Под знамя большевистской партийности! // Сов. краев.* 1931. № 7–8. С. 9). «В дальнем сибирском районе» находился «Вечный Град-на-Дальней реке» — основанное героем рассказа А. Платонова «Иван Жох» (см.: *Сочинения, 1(1).* С. 26–41) поселение раскольников, не желающих жить по законам государства.

...районная контора задерживает контингенты стройматериалов... — *Контингентом* называлось установленное в официальном порядке количество чего-либо, в данном случае тех или иных стройматериалов для конкретного строительства; выражение «контингенты стройматериалов» принадлежит к числу канцеляризмов и использовалось в соответствующих документах, например: «Госплан СССР выделяет контингенты стройматериалов: А. Республика; Б. Союзным наркоматам» (Положение о плановом распределении основных дефицитных стройматериалов для строительства 1931 г. // *Наше стр.* 1931. № 1. С. 24).

...переводы кредитных лимитов опаздывают... — Кредитные лимиты — новый порядок кредитования хозорганов; введен в марте 1931 г. как реакция на их безответственность и невозвращение взятых кредитов; по новому порядку «без договора ни один хозорган не получит ни одной копейки кредита. Выполнение взятых по договору обязательств будет проверяться» (Советы и хозрасчет [Ред. статья] // Известия. 1931. 8 мая. С. 1). Новый режим кредитования объявляется формой «внедрения хозрасчета и контроля рублем» предприятия: «Новый режим кредитования — рычаг борьбы за выполнение программы социалистического накопления» (Хозрасчет и борьба за финплан [Ред. статья] // Известия. 1931. 10 мая. С. 1). Кредитным лимитам посвящена редакционная статья «Правды» от 23 октября 1931 г.: «Ликвидировать обезличку в кредитовании, укрепить хозрасчет».

...среди пастухов слаба культработа и малозаметно самозакрепление. — Плохое качество культработы — тема постоянной критики в адрес организующихся мясосовхозов: «Плохо налажена культработа» (Бородовский А. Тревожный сигнал из совхоза «Коминтерн» // Скотоводство. 1931. № 8. С. 73). Многие промахи в работе мясосовхозов печать часто объясняла «низким культурным уровнем рабочих масс и отсутствием культработы среди них» (Кощеев С.М. Болезни мясосовхозного быта // Скотоводство. 1931. № 1. С. 72). Замечание о слабости культработы в животноводческих совхозах есть и в записке, составленной Платоновым в ходе поездки по животноводческим совхозам в августе — сентябре 1931 г.: «Рабочком совхоза ничего не делает для культурного обслуживания совхоза» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 1). Текучесть рабочей силы также называли серьезной проблемой мясосовхозов (см. об этом: Веков Б. Светотени совхозного труда и быта // Скотоводство. 1931. № 9. С. 64–73).

С. 197. — *Я тебя в ясли отдам ~ Там страшно ~ Там старик с бородой как картина висит...* — В разных организациях, в том числе в детских дошкольных заведениях, было принято вешать на стену портреты идеологов и вождей революции К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина — изображенных иногда по отдельности, иногда вместе. У Маркса и Энгельса были бороды, особенно мощная — у Маркса.

...дойрки, и Айна с ними, в бане не мылись, горячего к обеду не варили и спали от работы мало. — Бытовые условия жизни доярок в мясосовхозах были плохими. Пресса периодически пишет о «тревожных сигналах» по данному поводу из того или иного мясосовхоза, например, мясосовхоза «Коминтерн» № 106: «Доярки жили в полушалашах, пока не разбежались, и лишь после этого им дали вагончики» (Бородовский А. Тревожный сигнал из совхоза «Коминтерн» // Скотоводство. 1931. № 8. С. 73). Доярок, как и других рабочих мясосовхозов, не снабжали продуктами; зарплату не платили; даже на питье молока устанавливалась норма.

...ты летунья... — Летуном назывался «рабочий или служащий, часто меняющий работу из личных интересов» (Словострой // 30 дней. 1930. № 10–11. С. 136).

С. 198. *...старый пастух пропал вместе с десятью коровами и маточным быком; новый пастух угонял стадо и приводил его к вечеру без молока. ~ зажиточные жены выдаивают коров вдалеке. — О пропаже скота в том или*

инном совхозе сообщает и периодика: «...за 1930 год совхоз потерял 54 лошади и 92 коровы. Некоторые лошади пропали со сбруей и упряжью» (Сильнее огонь по оппортунистам! // Правда. 1931. 6 мая. С. 3).

...две подружки-доярки, которые бежали навсегда от жизни в степи... — Массовый уход рабочих из животноводческих совхозов — типичное для времени явление; см. об этом, например, запись Платонова о положении дел в колхозах на Волге и Северном Кавказе: «Имеются случаи, когда рабочие, не получая зарплаты, уходят с работы. Бывало и так, когда доярки с гуртов убегали, их догоняли <нрзб> и заставляли работать — имеются случаи самоубийства на этой почве» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 2).

Айна говорила ему, что идет выходить замуж за тракториста, Божев же спросил у нее отпускной талон... — Новые коллективные хозяйства в деревне контролировали перемещения своих членов; на отъезд требовалось специальное разрешение (см. об этом: Фицпатрик. С. 106).

С. 199. *Умрищев же сумел убедить кого-то в районном городе, что он может со временем, по правилам диалектического материализма, обратиться в свою противоположность...* — О диалектическом материализме см. примеч. к с. 208, 222.

...гурту «Родительские Дворики» быть самостоятельным мясосовхозом... — Первые животноводческие совхозы, расположенные на огромных территориях, были «гигантские по размеру» (Леёман Г. По-большевистски драться за сохранение молодняка // Скотоводство. 1931. № 9. С. 18), что объяснялось необходимостью как можно скорее разрешить мясную проблему и произвести больше молока и мяса. Однако большие размеры совхозов имели ряд отрицательных последствий, в частности, сложности с руководством. По этому поводу И. Сталин в речи «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного развития» на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. заявил: «Что требуется для того, чтобы наладить руководство по-новому? <...> Для этого требуется, чтобы наши нынешние громоздкие объединения, имеющие иногда в своем составе 100–200 предприятий, — разукрупнить немедленно и разбить на несколько объединений» (Сталин И. Новая обстановка — новые задачи хозяйственного развития // Сталин. С. 465). В рамках претворения в жизнь этой установки и происходит отделение «Родительских Двориков» в самостоятельный мясосовхоз.

С. 199–200. *Зоотехник Високовский ~ надеялся, что эволюция животного мира, остановившаяся в прежних временах, при социализме возобновится вновь, и все бедные, обросшие шерстью существа, живущие ныне в мутном разуме, достигнут прелестной судьбы сознательной жизни. ~ коммунистическое естествознание сделает, вероятно, из флоры и фауны земли более близких родственников человеку...* — Тема эволюции животного мира в советской околонушной литературе звучит в связи с популярностью в СССР учения английского натуралиста Ч. Дарвина, выдвинутого им в полемике с библейской картиной мира. В самом общем виде содержание этого учения можно сформулировать как идею об исторической эволюции всех животных форм, включая человека, и о происхождении человека как вида от обезьяны. Учение Дарвина об эволюции животных форм изучали в школе; для лучшей наглядности оно иллюстрировалось многочисленными плакатами,

показывающими поэтапную эволюцию обезьяны в процессе борьбы за выживание и постепенное превращение ее в человека. Это учение становится краеугольным камнем советской антропологии, которая с энтузиазмом подхватывает мысль о том, что современный человек является результатом исторической эволюции «всех видов живых существ», а его первобытным предком была обезьяна (см. об этом: *Мелик-Пашаев Н. Человек будущего // Жизнь и техника будущего*; см. также примеч. к повести «Впрок», с. 478–479 наст. изд.). Вера в дальнейшую эволюцию человека и его собратьев по животному миру соединяется с энтузиазмом по поводу особых технических возможностей социализма. Рассуждения на эту тему и вытекающие из них опыты по улучшению человеческой природы, которые проводят на животных, освещаются в центральной периодике, в том числе в журнале «Наши достижения». Один из энтузиастов физической эволюции человека при социализме и организатор соответствующих опытов, Н. Мелик-Пашаев, задается вопросом: «Существует ли предел изменений животных форм и человеческого организма, достигшего, казалось бы, вершины совершенства и законченности?» (*Жизнь и техника будущего*. С. 347). И высказывает предположение, что развитие, которое привело к появлению современного человека из человекоподобной обезьяны, «будет продолжаться и в обстановке современной и грядущей культуры» (Там же. С. 343).

С. 200. — *Теперь засыпается пропасть между городом и деревней...* — Проблема «уничтожения противоположности между городом и деревней» — одна из поставленных И. Сталиным в речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. «К вопросам аграрной политики в СССР», с которой началась «ликвидация кулачества как класса»: «...вопрос об отношениях между городом и деревней становится на новую почву, <...> противоположность между городом и деревней будет размываться ускоренным темпом» (*Сталин*. С. 310).

Между живой и мертвой природой должен быть проложен вечный мост. — Вопрос о преодолении границы между живой и мертвой природой, между органическим и неорганическим миром звучит в связи с обсуждением «прорывов на фронте естествознания», нападками на академика В.И. Вернадского и критикой так называемых «виталистов»: «Виталисты стремятся проложить непроходимую грань между органическим миром и неорганическим. Для виталиста эти два мира абсолютно различны. Огромное большинство виталистов придает особое значение характеру энергетических процессов в живых организмах. Особое место уделено этому и в трудах Вернадского» (*Новогрудский Д. Геохимия и витализм // Под зн. марк.* 1931. № 7–8. С. 192). Критика виталистов — основное направление дискуссии (Комакадемия, 1931) о положении на фронте естествознания. Эта дискуссия в Комакадемии, видимо, вызвала общественный интерес: среди вопросов, заданных в «Консультационное бюро» журнала «Фронт науки и техники», есть и такой вопрос от писателя Л. Славина: «Как решается в современной науке проблема переходного звена между мертвой и живой природой?» Отвечая, что «наши современные конкретные знания о переходном звене между мертвой и живой природой весьма недостаточны», журнал тем не менее утверждает, что «живые существа произошли путем синтеза элементов

мертвой природы» (Консультационное бюро // *ФНУТ*. 1931. № 12. С. 117). Для самого Платонова этот вопрос имел еще и ретроспективное значение — в связи с его юношеским увлечением идеями А. Богданова и, возможно, В. Вернадского.

С. 201. *Сила ветра будет качать сейчас воду из колодца, а осенью и зимой ~ сила воздушного течения будет отапливать помещения для скота...* — Проблема источников электроэнергии в 1930–1931 гг. обсуждалась в связи с десятилетним юбилеем плана ГОЭЛРО. В рамках подготовки следующего генерального плана по энергетике признается «напряженное положение с энергоснабжением страны»; общая установка в этой области — «использовать местные ресурсы» (Внимание энергетике // *Известия*. 1930. 16 авг. С. 1). Одним из таких ресурсов называется ветер: «Энергетические ресурсы ветра огромны и для СССР превосходят почти в 6 раз общее количество всех, кроме ветра, учтенных энергетических ресурсов, как возобновляемых, так и не возобновляемых» (*Красовский М.* Об использовании энергии ветра // *Известия*. 1930. 11 мая. С. 4).

В то же время эта тема источников энергии и ветер как один из них — проблема, актуальная одновременно для творчества и практической деятельности писателя в 1921 г., когда создавался план ГОЭЛРО, и позже. В связи с этим можно назвать статьи Платонова: «Электрификация» («Полезная энергия на нашей планете залегает неравномерно <...> Пока мало использованная форма энергии — атмосферные потоки — ветры, так называемый серый уголь, хотя правильнее было бы назвать его голубым углем»: *Сочинения*, 1(2). С. 134), «Электрификация деревень» («Ведь если топлива нет под руками, <...> то обязательно есть воздух — голубой или серый уголь»: Там же. С. 160), «Свет и социализм» («Вся вселенная есть, точно говоря, резервуар, аккумулятор электрической энергии»: Там же. С. 219) и др.

...и на вьюге можно печь блины. — Использование энергии ветра для получения электроэнергии и выпекания блинов — тема рассказа Платонова «Кухонный мужик Советского Союза» (1931): ветер — это и есть «кухонный мужик» (см.: *Сочинения*, 4(2). С. 104–110).

...как нужно отопить совхоз без топлива. ~ дело ветряного отопления — безубыточное... — Изучение возможных источников электроэнергии в своем крае и использование ветра как ее дополнительного ресурса были теми задачами, которые ставились и перед краеведами: «Краеведческие организации <...> должны поднять массы на встречные планы электрификации. Все ли ресурсы “потенциальной” энергии учтены в данном районе? <...> Ветер — это сила, которая может быть использована» (*Кржижановский Г.* К десятилетию плана ГОЭЛРО // *За марксизм в советском краеведении*. М.–Л., 1931. С. 165–168). Как устроена воздушная электрическая станция — самый доступный для деревни тип электростанции, — Платонов описал в статье «Электрификация деревень» (*Сочинения*, 1(2). С. 159–161).

— *А хватит нам киловатт-часов-то? ~ Ты амперы-то сосчитал с вольтами?* — О тенденции к политехнизации образования см. примеч. к с. 176. Идеи политехнизации распространялись и на образование взрослых: «Политехнизация культурной работы среди взрослого населения — это путь производственной пропаганды, путь вовлечения трудящихся в рационализацию

производства. Это — путь к участию масс в изобретательстве, к увеличению производительности труда» (*Кузюпа Д.* Культурное обслуживание колхозов // ВАРНИТСО. 1931. № 2. С. 46); «...Сейчас широкое распространение технического образование в массы является лозунгом дня» (*Зеленко А.* Массовое техническое образование // ВАРНИТСО. 1931. № 3. С. 24).

— *Ты гляди, раз овладел техникой!* — Задача овладения техникой поставлена И. Сталиным в речи «О задачах хозяйственников» на конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.: «Пора, давно пора повернуться лицом к технике». Мысль о необходимости «овладеть техникой» Сталин повторяет на разные лады: «Главное состоит в том, чтобы иметь страстное большевистское желание овладеть техникой», «у нас нет единоначалия <...> и не будет, пока мы не овладеем техникой», «техника в период реконструкции решает все» (*Сталин И.* О задачах хозяйственников // *Сталин.* С. 444, 446).

Мы вон голых гвоздей второй год не допросимся, алебастру, извести и драни нету нигде... — Летом и осенью 1931 г., ввиду приближающейся зимы, в печати активно обсуждается необходимость строительства жилья для рабочих и стойловых помещений для скота, а также то, что мешает этому строительству: «...основным тормозом является необеспеченность совхозов строительными материалами и особенно лесом; крайне слаба отгрузка этих материалов в совхозы» (Комплектование стад и строительство на ударные темпы // *Правда.* 1931. 2 сент. С. 3). *Дрань* — небольшие колотые сосновые дощечки, используемые, как и более дорогой тес, для кровли и обшивки изб (*Даль*); уже в XIX в. дрань выходила из употребления.

...сколько мы нагоним мяса, если в скотниках будет тепло? — Пригодные для содержания скота помещения стали одной из основных проблем зимы 1930–1931 гг. — первой в существовании животноводческих совхозов: крытых помещений для скота либо не было вовсе, либо они не утеплялись. В результате скот стоял под открытым небом и замерзал (*Григорьев К.* Дела и дни Ставрополя // *Скотоводство.* 1931. № 8. С. 69). Поэтому в «Обращении ЦК ВКП(б) и СНК СССР» от 30 июля 1931 г. особое внимание уделяется именно «подготовке скота к зимовке» и «улучшению работы по сохранению молодняка», в том числе использованию «всех возможностей для возведения упрощенных построек из дерна и земляных валов», чтобы обеспечить помещениями на зиму все поголовье (*Темкин А.С.* Обращение ЦК и СНК — программа работы «Скотовода» // *Скотоводство.* 1931. № 9. С. 2). В рамках этого «Обращения», мясосовхозы получают приказ — «отремонтировать все старые строения, которые должны быть приспособлены для зимнего содержания скота» (*Хроника «Скотовода»* // *Скотоводство.* 1931. № 9. С. 79). Однако, несмотря на все инструкции, проблема не снималась: ввиду приближающейся зимы по-прежнему зловеще звучит призыв: «Скот гибнет не только от голода, но и от холода и грязи. Сохраняй в базах теплоту и чистоту!» (*Скотоводство.* 1931. № 10. С. 55).

С. 203. *...теперь будем осеменять коров круглый год...* — Искусственное осеменение — вынужденная мера по быстрейшему увеличению стада в ситуации недостатка племенных быков в мясосовхозах «Скотовода». Искусственное осеменение коров было введено в практику в 1930 г.: «До самого

последнего времени искусственное осеменение применялось лишь в хозяйственной практике только в области коневодства. Лишь с 1928 г. оно стало применяться в овцеводстве и наконец в 1930 году — в скотоводстве. В 1930 году Скотовод впервые в мире провел широкий опыт массового осеменения коров. <...> В 1930 году была заново разработана и широко проверена новая техника искусственного осеменения коров. <...> Положительный опыт 1930 г. позволил в 1931 году развернуть осеменение в более широких размерах, применяя его как основное зоотехническое мероприятие по качественному улучшению стада. Под искусственное осеменение было пущено в 1931 г. 200 тыс. коров. Все импортные и лучшие местные быки были использованы исключительно для искусственного осеменения» (*Скаткин П.М.* Роль искусственного осеменения в расширении метизации стада в мясосовхозах Скотоводобъединения // *Скотоводство. 1932. № 1. С. 4–5*). Основная цель искусственного осеменения — максимальное использование племенных производителей. Приводились такие цифры: в 1932 г. для естественной случки понадобилось бы «около 15 тыс. племенных производителей», а найти такое количество быков было трудно; для ввоза же их из-за границы «потребовались бы громадные валютные затраты. <...> При правильной организации применение метода искусственного осеменения обеспечивает осеменение одним быком за случный сезон 1 тыс. голов» (Там же. С. 7).

...заготовить деревянный блюминг... — Блюминг — прокатный обжимный станок, предназначенный для проката крупных стальных слитков. Обычный блюминг — стальной; в данном случае речь идет о деревянном и потому, что прокатывать предполагалось коровьи лепешки; и потому, что со сталью в стране были проблемы.

...коровы ведь зарождают в туловище не одно молоко с мясом, а и топку ~ я тебе из коров Донбасс сделаю... — Прессованный коровий навоз (кизяки) в степных и южных районах часто использовался как топливо. Донбасс — главный угольный бассейн СССР.

— *Кто будет крутить ваш брикетный пресс? ~ Два вола ~ Нет, ветер ~ не тратьте животных, живите за счет мертвой природы.* — Использовать механическую, а не живую силу в качестве энергетической базы животноводческих совхозов рекомендовалось на официальном уровне: «Основной энергетической базы маточных совхозов должна стать не живая, а механическая сила, которая при наличии в районе расположения совхозов дешевой электроэнергии может и должна быть заменена электрической силой по крайней мере в отрасли животноводства» (Профиль маточного совхоза Скотовода // *Скотоводство. 1931. № 9. С. 35. Подпись: А.Ф.*).

С. 204. *...она выдаивала по 190 литров молока в сутки, при норме 125; бабушка же однажды просидела в степной ферме трое суток и надоила 700 литров.* — Для сравнения: в передовом совхозе № 1 доярки выдаивали по 100–120 литров в сутки: «Каждая скотница прикреплена к определенной группе коров и выдаивает по 100–120 литров в смену» (*Емелин Ст.* Фабрика молока // *Вокруг света. 1931. № 28–29. С. 9*); в мясосовхозе «Коминтерн» № 106 дневная норма удоя составляла 100 литров (*Бородовский А.* Тревожный сигнал из совхоза «Коминтерн» // *Скотоводство. 1931. № 8. С. 73*). Как свидетельствуют публикации в прессе на ту же тему, нормы удоя для каждого

совхоза устанавливались по работе какой-нибудь передовой доярки — об этом в «Ювенильном море» сначала был фрагмент, затем зачеркнутый: «Федератовна работала по-страшному: она доила коров, определяя норму для настоящих ударниц» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 133). После введения «сдельщины», или сдельно-премиальной оплаты, за норму доярки получали фиксированную зарплату, а за каждый литр, выдоенный сверх нормы, — дополнительную и по более высоким расценкам (Бородовский А. Тревожный сигнал из совхоза «Коминтерн» // Скотоводство. 1931. № 8. С. 73).

— *Сучки-подкулачницы...* — Слово «подкулачник» — один из неологизмов эпохи коллективизации. Вот как объясняется его значение в рубрике «Словострой» журнала «30 дней»: этим словом называют всех, «кто, не будучи кулаком по своему социальному положению или материальной обеспеченности, сознательно или бессознательно выполняет волю кулака, помогает ему и тем самым мешает строительству социализма» (Словострой // 30 дней. 1931. № 1. С. 95).

С. 205. ...*стройматериалы доставать.* — Главной бедой мясосовхозов в 1931 г. считалось отсутствие зимних помещений для скота. Перед директорами мясосовхозов ставится задача любыми средствами «обеспечить строительство зимних помещений для скота в срок» (Хроника Скотовода // Скотоводство. 1931. № 9. С. 79), вплоть до того, что самим доставать стройматериалы: «Если аппарат Союзсельстроя не в состоянии обеспечить выполнение строительной программы, дирекция совхозов обязана принять ее реализацию на себя, <...> затребовав выделение необходимых стройматериалов» (Там же).

О нехватке стройматериалов в животноводческих совхозах см. записи Платонова, сделанные им в ходе летне-осенней поездки 1931 г.: «Леса нет», «Союзсельстрой не строит: не дает материалов» (Записные книжки. С. 88); «Сев. Кав. край. Строительство на 10/VI выполнено на 25 % плана. Нет гвоздей. Нет железа и леса» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 1); «Ср. Аз. <...> Со стройматериалами плохо» (Там же. Л. 3).

...*сговоритесь с Високовским, составьте смету совхозного училища: нам надо учить рабочих технике и зоологии.* — Организация в животноводческих совхозах школ и училищ с зоотехническим уклоном — обязательное для совхозов мероприятие, проводимое в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 6 сентября 1930 г., в котором ответственность за подготовку новых животноводческих кадров возлагалась на сам совхоз: «...главнейшим центром подготовки кадров массовой квалификации является непосредственно совхоз» (Коноплев В. Новые задачи требуют новых кадров // Скотоводство. 1931. № 9. С. 47). Решения о создании «школ совхозного ученичества» в совхозах публикуются в печати (Организация школ совхозного ученичества // Скотоводство. 1931. № 1. С. 89).

У нас не умеют вырыть колодца... — Организация мясосовхозов в засушливой степи начинается с рекомендаций по строительству колодцев: «...преподавать мясосовхозам простейшие типы шахтных колодцев» (О мясосовхозах Северного Кавказа // Бюллетень всесоюзного гособъединения мясосовхозов «Скотовод». 1930. № 4. С. 5). Тем не менее отсутствие колодцев и удобных водопоев, а также плохая организация данной работы — тема

тревожных сигналов из мясосовхозов: «Вся наша беда в том <...>, что нет настоящих колодцев. Во всем колхозе не набрать и двух десятков таких колодцев, чтобы напоить из них сразу все стадо» (*Григорьев К.* Дела и дни Ставрополя // Скотоводство. 1931. № 8. С. 69); «Гидротехнические работы в мясосовхозах Скотовода в 1931 г. развернуты в далеко еще недостаточных масштабах» (*Конопельцев Н.В.* Механизация водоподъемников // Скотоводство. 1931. № 11. С. 52).

Худое стадо, голов в триста... — Триста голов скота — рекомендованная величина гурта: «Зоотехническая зона, состоящая в среднем из 10 гуртов по 300 голов скота в каждом, а всего 3000 голов...» (*Москвин В.И.* Организационная схема построения мясосовхозов // Скотоводство. 1931. № 1. С. 46).

Из колодца Вермо вытащил на проверку бадью — в ней оказалось небольшое количество мутной воды ~ ближние коровы лишь терпеливо облизали свои жаждающие рты. — Большинство мясосовхозов Скотовода располагалось «около границы степной и полустепной полос, где климат позволял пользоваться пастбищем на протяжении 6–7 месяцев» (*Жадинский Н.Н.* Пастбища полупустынной зоны // Скотоводство. 1931. № 7. С. 39), но это была засушливая зона, в которой отсутствовали настоящие колодцы.

С. 207. — *Мы достанем наверх материнскую воду ~ она лежит глубоко отсюда в кристаллическом гробу!* — Интерес к подземным водам и их добычливости — автобиографическая деталь: гидрогеологом был брат Андрея Платонова Петр Климентов, совместно с которым Платонов имел общие изобретения и с мая 1932 г. работал в тресте «Росметрорес» (см. об этом: *Антонова А. А.* Платонов — инженер треста «Росметрорес» // *Страна философов*, 2000. С. 787–804).

...трест предполагал увеличить стадо «Родительских Двориков» на две тысячи голов... — Увеличение поголовья скота — задача, поставленная перед мясосовхозами в обращении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 30 июля 1931 г. «О развертывании социалистического животноводства». При этом назывались такие цифры: к концу 1931 г. увеличить поголовье с 1 700 000 (начало года) до 2 800 000 (Скотоводство. 1931. № 8. С. 3).

...давайте покроем всю степь, всю Среднюю Азию озерами ювенильной воды! — Ювенильные воды — один из видов подземных вод (воды, расположенные ниже дна поверхностных водоемов; нижняя граница распространения подземных вод — около 13–14 км). Подземные воды образуются разными способами. Понятие «ювенильные воды» ввел австрийский геолог Э. Зюсс (1831–1914) в 1902 г. Он указал на возможность образования подземных вод, кроме других способов, также за счет выделения водяных паров из состава магмы: магма, остывающая в глубинах земной коры, постепенно выделяет водяные пары и тем самым пополняет запасы подземных вод. Эти воды Зюсс и назвал «ювенильными»: название «ювенильные» (от лат. *iuvenilis* — юношеский, молодой, юный) по отношению к подземным водам переводится как «девственные», т. к. они еще не участвовали в круговороте воды на поверхности Земли — не испарялись, не выпадали в виде осадков, не стекали по поверхности суши в Океан. Ювенильные воды Зюсс противопоставил вадозным (от лат. *vadere* — идти, двигаться), издавна участвовавшим в поверхностном круговороте.

...пастух ~ был на хозрасчете, у него болело сердце от недостачи двух коров... — Введение хозрасчета было основополагающим в «шестом условии» развития промышленности, которое в числе прочих сформулировал И. Сталин в речи 23 июня 1931 г.: «Внедрять и укреплять хозрасчет, поднять внутрипромышленное накопление — такова задача» (*Сталин И.* Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства // *Сталин.* С. 463).

Введение хозрасчета среди рабочих совхозов было проблемой — об отсутствии его в том или ином совхозе свидетельствуют записи Платонова по итогам поездки 1931 г.: «Емелевский совхоз С. Волги Скотовода № 10. Хозрасчета нет. Рабочим ничего не разъяснили о значении хозрасчета. <...> Совхоз Свиновод № 23. Хозрасчета нет» (*РГАЛИ.* Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 1).

...не чужие ли это люди, которые могут обменять коров или выдоить их... — Об обмене колхозниками коров на совхозные см. запись Платонова в ходе поездки 1931 г.: «Колхозники просто обменивают своих коров на совхозных. В совхозе не достает коров из зимовки, совхоз даже не может постигнуть, сколько коров он растерял» (*РГАЛИ.* Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 2).

...тогда как он и сам старался для лучшей удоиности не пить молока. — Потребление молока рабочими животноводческих совхозов строго регламентировалось — см., например, критику в адрес Сталинградского совхоза № 3 на Нижней Волге: «...рабочие во главе с зоотехниками выдаивали гурты отдыхающих коров, изготовляли масло и ели, не считаясь с нормами» (Совхозный «5000 центнеров, не меньше!» // *Скотоводство.* 1931. № 8. С. 74); при этом даже снятое молоко стали продавать рабочим только после массового ухода с работы (*Веков Б.* Светотени совхозного труда и быта // *Скотоводство.* 1931. № 9. С. 68).

С. 207–208. *...не пришла ли пора ликвидировать ветхие формы животных и завести вместо них социалистические гиганты, вроде бронтозавров, чтобы получать от них по цистерне молока в один удой?* — Селекция домашних животных является одной из тем полуутопических рассуждений А. Чайнова «Возможное будущее сельского хозяйства», ставших частью сборника: *Жизнь и техника будущего: социальные и научно-технические утопии.* М.–Л. 1928. Задачу этого сборника его издатели видели в том, чтобы заглянуть в недалекое будущее и показать молодежи, во что выльется социалистическое строительство. Сам тип такого рассуждения о будущем отвечал пафосу грядущей победы над природой, свойственному советской мысли 1920–1930-х гг.

С. 208. *...дрались, оборвавшись от борьбы, диалектические сущности техники и природы.* — Перефразируется так называемый второй закон диалектики (законы диалектики — наиболее общие законы движения и развития природы, общества, мышления): единство и борьба противоположностей.

Понятия «диалектика» и «диалектические законы» в СССР были в широком употреблении — диалектический материализм официально объявляется мировоззрением пролетариата: «Поворот специалистов в области техники в нашу сторону сможет быть закреплен, если они овладеют мировоззрением пролетариата — диалектическим материализмом марксизма-ленинизма»

(О технической пропаганде [Ред. статья] // *Под зн. марк.* 1931. № 7–8. С. 3). Диалектический материализм провозглашается и методом художественной литературы: «...пролетарская литература должна выработать свой, диалектико-материалистический стиль, и соответствующий этому стилю творческий метод» (*Ермилов В.* О чем спор // *На лит. посту.* 1930. № 10. С. 3) и «применить в специфической области литературного творчества метод диалектического материализма» (*Манзин Д.* Творческий путь Ф. Панферова // *На лит. посту.* 1930. № 18. С. 76). Ввиду этого в печати (не только философской) особое внимание уделяется идеалисту Г. Гегелю, сформулировавшему законы диалектики, и Ф. Энгельсу, переложившему их для материализма, а также самим законам диалектики, которых три: закон перехода количества в качество; закон единства и борьбы противоположностей; закон отрицания отрицаний. Из трех законов именно второй объявляется «ядром диалектики» (*Митин М.* К вопросу о ленинском этапе в развитии диалектического материализма // *Под зн. марк.* 1931. № 7–8. С. 11); кроме того, он, видимо, легче давался и широким массам населения: апелляции к закону о единстве и борьбе противоположностей встречаются наиболее часто. Этот закон даже порождает попадающие в печать анекдоты на тему, что такое диалектика — вопрос, на который незадачливый студент из вузовского анекдота отвечает так: диалектика — это когда дерутся (*Рафалович В.* С Энгельсом помолимся // *РиТ.* 1930. № 54–55. С. 4).

С. 209. ...сам он там отлично колхозирует... — Активное словообразование по имеющимся в языке моделям — черта революционной и пореволюционной эпохи. В первые десятилетия советской власти появилось много новых понятий и оборотов на тему «строительства социализма»; коллективизация привела к появлению неологизмов на колхозную тему. Журнал «30 дней», отреагировавший на этот языковой бум, в 1930 г. ввел специальную рубрику под названием «Словострой», где объяснялись новые реалии советской жизни и отражающие их неологизмы. Один из выпусков «Словостроя» посвящен колхозной тематике: журнал приводит и объясняет такие новые слова на тему социалистического преобразования деревни: колхоз, колхозничать, колхозить, околхаживание; раскулачивание и закулачивание. К новой колхозной лексике журнал возвращается неоднократно, при этом глагол «колхозничать» объясняется как «работать в колхозе» (*Словострой // 30 дней.* 1931. № 7. С. 78). Возможно, «колхозировать» (образовано по модели «дирижировать») означало «руководить колхозом».

...управился начисто ликвидировать гнусную обезличку... — Понятие «обезлички» — одно из центральных в речи И. Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства», в которой он сформулировал так называемые «шесть условий развития нашей промышленности». Третье условие гласило: «ликвидировать обезличку, улучшить организацию труда, правильно расставить силы на предприятии» (*Сталин И.* Новая обстановка — новые задачи хозяйственного развития // *Сталин.* С. 456). Сталин признает, что «у нас все еще имеется ряд предприятий, где <...> вместо ответственности за работу царит полная безответственность и обезличка», — и объясняет, что такое

«обезличка»: «Обезличка есть отсутствие всякой ответственности за порученную работу» (Там же. С. 454). О наличии «обезлички» в колхозах и совхозах сигнализирует и пресса: «В молочных гуртах и по сей день процветает обезличка; доярки, не имея прикрепленных коров и телят, выбирают лучших, оставляя слабых без присмотра» (Совхозный «5000 центнеров, не меньше!» // Скотоводство. 1931. № 8. С. 74).

...думает лишь об усовершенствовании учета: учет! — Проблема учета (имеется в виду — учета проделанной тем или иным членом трудового коллектива работы) появляется в связи с введением сдельщины (о сдельщине см. примеч. к с. 177–178): «Сдельщина неосуществима без своевременного учета количества выработанных колхозниками трудодней. Отсутствие учета сводит на-нет достижения сдельщины» (Без учета нет колхоза // Известия. 1931. 22 июня. С. 1).

...Науку Универсальных Исчислений, изданную в 1844 году и принадлежащую уму барона Корфа, председателя Общества Поощрения Голландских Отоплений. — Корфы — известный в России баронский род немецкого происхождения. Из рода Корфов происходило много общественных деятелей и ученых. Однако описанная Платоновым личность — вымышленная. Из всех Корфов ближе всего к ней лицейский товарищ Пушкина барон Корф Модест Андреевич (1800–1876). Он был членом нескольких обществ — «Вольного общества любителей российской словесности», «Московского общества любителей коммерческих знаний» и «Курляндского общества литературы и художеств». К голландскому же отоплению имел такое отношение: на посту директора Императорской Публичной библиотеки заменил голландские печи в книгохранилище на пневматические.

...заинтересовался что-то принципиальной сущностью мирового вещества и предполагает в этом направлении предпринять какие-то философские шаги. — Тема мирового вещества относилась к области борьбы за чистоту марксизма в области идеологии. Мировое вещество — «материя, из которой построены все физические тела» и которая является основой всего мироздания (Вещество // БСЭ. 1930. Т. 10). Внимание к теме вещества на рубеже 1920–1930-х гг. возникает из-за дискуссии вокруг статей «Вещество» и «Витализм» в недавно вышедших томах БСЭ; дискуссия упоминается в печати (Бондаренко П., Яксон Р. Работа Секции естествознания Комкадемии в свете дискуссии о положении на фронте естествознания // За марксистско-ленинское естествознание. 1931. № 1. С. 20). В понятии «мировое вещество» возможна также реминисценция идеи Вернадского о «живом веществе» как основе процессов жизни: в 1931 г. идеи Вернадского упоминаются в связи с общей критикой «виталистов» и «механистов» и также критикуются (см. об этом: Новогрудский Д. Геохимия и витализм: О «научном мировоззрении» акад. В.И. Вернадского // Под зн. марк. 1931. № 7–8. С. 168–203).

С. 210. *...электромагнитная энергия солнца.* — Возможность использования солнечной энергии в 1931 г. обсуждается в связи с общей проблемой энергоснабжения страны, а также реализацией плана ГОЭЛРО. С идеей об использовании энергии солнца на страницах печати неоднократно выступает акад. А.Ф. Иоффе. Он говорит об увеличении использования солнечной энергии как перспективах энергетики и ставит вопрос о возможности

использовать 80% энергии солнца, при современном использовании только 20 из 100%. А.Ф. Иоффе делает вывод: «Вопрос о превращении световой энергии в электрическую должен быть поставлен в программу физических исследований» (*Иоффе А.Ф. Проблемы физики, требующие разрешения // Известия. 1931. 2 марта. С. 5*). В мае 1931 г. в Москве проходит Всесоюзное совещание по составлению нового плана электрификации СССР, на котором опять выступает акад. А.Ф. Иоффе; тема его доклада — использование солнечной энергии и возможности ее «поймать», превратить в электрическую (На всесоюзном совещании по составлению генерального плана электрификации СССР // *Известия. 1931. 7 мая. С. 2*).

Идея использовать энергию солнца, как и энергию ветра (см. примеч. к с. 201), входила в круг проблем публицистики Платонова начала 1920-х гг.: «...социализм надо строить на такой физической силе, которая самая дешевая, самая распространенная и запасы которой не поддаются исчислению <...>, т. е. на свете...» (*Платонов А. Свет и социализм // Сочинения. 1(2). С. 219*).

Вермо почувствовал эту излучающую силу Босталоевой и тут же недобдуманно решил использовать свет человека с народнохозяйственной целью... — Поиск новых источников энергии — одна из тем научно-технической утопической мысли: «...сейчас <...> мечтают получать электричество в больших количествах даже из воздуха и света» (*Лобач-Жученко М. Искания и утопии в области производства, транспорта и связи // Жизнь и техника будущего. С. 213*).

...вспомнил про электромагнитную теорию света Максвелла, по которой сияние солнца, луны и звезд ~ есть действие переменного электромагнитного поля, где длина волны очень короткая... — Электромагнитная природа света — одно из выдающихся открытий XIX в., сделанное шотландским физиком Дж. Максвеллом (1831–1879). Максвелл опытным путем доказал, что волны света имеют ту же природу, что и волны, возникающие вокруг провода, в котором есть переменный электрический ток. Они отличаются друг от друга только длиной: очень короткие волны и есть видимый свет.

*...пять гуртоправов (потому что совхоз состоял из пяти участков)... — Существовала рекомендованная схема построения животноводческого совхоза (см. об этом: *Москвин В.И. Организационная схема построения мясосовхозов // Скотоводство. 1931. № 1. С. 45–48*): первичной производственной единицей совхоза является гурт скота, руководство которым осуществляет гуртоправ; совхоз состоит из зоотехнических зон (5–10), в каждой — до десяти гуртов; в гурте — около 300 голов скота. Под участком, скорее всего, подразумевается зоотехническая зона, во главе которой стоял зоотехник.*

С. 211. *...мужики мои аж скачут от ударничества ~ проверишь — проку нет. — В ходе развития соцсоревнования и ударничества появляется такое явление, как лжеударничество — «борьба с лжеударничеством»* (*Раб. газ. 1930. 21 марта. С. 3*) становится актуальной проблемой.

— *У нас классовая борьба... — Тезис об усилении классовой борьбы при «переходе от восстановительного периода к реконструктивному»*

(Основные задачи ВАРНИТСО к третьему году пятилетки // ВАРНИТСО. 1931. № 1. С. 4), которая проявляется во вредительстве во всех сферах хозяйства, принадлежал И. Сталину: «Конечно, в основе вредительства лежит классовая борьба» (*Сталин И. О задачах хозяйственников // Сталин. С. 444*). Ожесточение классовой борьбы в СССР по мере успехов в строительстве социализма становится общим местом: «Ожесточенная классовая борьба <...> разворачивается вокруг каждого шага вперед социалистического строительства как в городе, так и в деревне» (К вопросу о диалектике нэпа [Ред. статья] // *Под зн. марк. 1931. № 1–2. С. 5*).

...потому что все на свете есть электрон, который никуда не денется, хотя вся диктатура иди против него. ~ каждый хочет электроном стать... — Электроны — мельчайшие частицы, заряженные положительным или отрицательным электричеством, из которых состоят атомы. Открытие электрона принадлежит к числу важнейших достижений конца XIX в., поэтому электрон упоминался во всех обзорах на тему «кризиса современного естествознания» и «последних событий в физике». В начале 1930-х гг. эта тема в СССР вновь становится популярной в связи с так называемым философским спором с механистами (течение в современной философии: см. ниже — примеч. к с. 227). Тема электрона — одна из основных в работе В. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», которую в СССР изучали повсеместно: электрон — бесконечно малая частица материи, которую нельзя увидеть не только простым глазом, но и в микроскоп; неделимая и неразрушимая; движется с быстротой до 270000 км/сек.; делает 500 триллионов оборотов в секунду; его масса меняется в зависимости от скорости; то, из чего состоит материя, а она неуничтожима, — и т. д. Популяризации электрона в 1931 г., кроме споров с «механистами» и интереса к работам Ленина, способствует и обсуждение следующего после ГОЭЛРО генерального плана электрификации СССР. Только в журнале «Новый мир» в разделе «Наука и жизнь» опубликовано две статьи об электроны В.Е. Львова: «Разгадка положительного электричества и последние события в физике» (*НМ. 1931. № 4*) и «Загадка электрона» (*НМ. 1931. № 12*). Об электроны в статьях Львова сказано так: «Центральной <...> фигурой всех физических процессов, этим подлинным “героем нашего времени”, чья деятельность обнаруживается сейчас на каждом шагу как в повседневной жизни, так и в технике — в токе, идущем с Волховстроя <...>, — таким героем является именно <...> электрон» (*Львов В.Е. Разгадка положительного электричества и последние события в физике // НМ. 1931. № 4. С. 180*); «буровая скважина, заложенная современной физикой в глубинную подпочву материи, остановилась в 1931 году на электроны» (*Львов В.Е. Загадка электрона // НМ. 1931. № 12. С. 194*). В.Е. Львов касается и таких свойств электрона, как недоступность и неуязвимость: электроны могут попасть в такие условия, что становятся «принципиально ненаблюдаемыми» (*Львов В.Е. Разгадка положительного электричества и последние события в физике // НМ. 1931. № 4. С. 182*); кроме того, «электрон не может быть “разорван” никакой причиной в мире» (*Львов В.Е. Загадка электрона // НМ. 1931. № 12. С. 200*).

Электрон — давний «герой» Платонова: «элемент света» (*Платонов А. Невозможное // Сочинения, I(1). С. 189*) и носитель электричества, электрон

упоминается и в повести «Эфирный тракт», где тема электрона разрабатывается фантастически.

...обсудим зимнее отопление коровников. — Рекомендации об устройстве теплых помещений для скота периодически появляются в печати, например: «Маточные совхозы <...> должны быть обеспечены на все поголовье скота <...> утепленными скотными дворами с полами <...> Температура в скотных дворах должна быть не ниже +8° С» (Профиль маточного совхоза Скотовода // Скотоводство. 1931. № 9. С. 37. Подпись: А. Ф.).

С. 212. *...Вермо предложил прожигать землю вольтовой дугой, которая будет плавить кристаллические толици...* — Вольтова дуга — сварка и резка металлов электрическим пламенем. Предложение применять вольтову дугу «для бурения кристаллических пород» «в буровой технике, в горном деле, в каменоломнях, в гражданском строительстве» принадлежит самому Андрею Платонову и его брату, инженеру Петру Климентову, и описано в их записке под названием «Овладеем техникой вольтовой дуги!» (см.: *Сочинения, 4(2)*), раздел «Технические проекты». Это же изобретение в применении к торфоразработкам — тема очерка «Вольтова дуга» (см.: *Сочинения, 4(2)*. С. 98–103).

...собрание начало думать — куда поместить новые две тысячи коров... — Проблема отсутствия стойловых помещений для скота с новой силой встала в связи с Обращением СНК и ЦК ВКП(б) от 30 июля 1931 г. «О развертывании социалистического животноводства», которое утверждало почти двукратное увеличение поголовья животноводческих совхозов к концу 1931 г. В Обращении отмечается ненормально большой падеж скота истекшей зимой, особенно молодняка, и предлагается «принять надлежащие меры к решительному улучшению ухода за скотом» (О развертывании социалистического животноводства // Скотоводство. 1931. № 8. С. 1–8). Закупленных за границей коров в мясосовхозы передавал Народный комиссариат снабжения СССР: коров пригоняли, а помещать их было некуда.

С. 213. *...сколько можно отправить мяса в Донбасс и Сталинград?* — В первую пятилетку особенно остро стояла проблема «рабочего снабжения». Донбасс и Сталинград — важные рабочие районы СССР: Донбасс — крупнейший угольный бассейн, расположенный на территории Донецкой и Луганской областей; в Сталинграде строился тракторный завод.

...как добывают семя из мочи для искусственного оплодотворения... — Об искусственном оплодотворении см. примеч. к с. 203.

С. 214. *...это его новый политический лозунг.* — Наличие у партии, общественного движения, политического деятеля или рядового рабочего лозунга, намечающего основной вектор развития, — реалия времени. Наиболее популярные партийные лозунги: «Борьба с бюрократизмом», «Самокритика», «Техническое образование» и пр. Из политически осужденных широко известен лозунг Н. Бухарина «Обогащайтесь!», обращенный к крестьянству и расцененный как защита кулачества. Литературные группировки тоже имели лозунги — например, РАПП, среди лозунгов которой: «Одемянивание литературы», «Срывание всех и всяческих масок», «За живого человека в литературе», «За большое искусство большевизма», «За создание Магнитостроев литературы» (*Авербах Л.* За ленинскую партийность творческого метода //

Октябрь. 1932. № 1. С. 171–178). Свои лозунги были на стройках социализма, например: «Лозунг “перевыполним на 5000 тон” стал реальностью» (*Стонов Д.* На сухонских предприятиях // *НМ.* 1931. № 1. С. 162).

Дерущися, диалектические сущности его сознания... — Об одном из законов диалектики — единство и борьба противоположностей — см. примеч. к с. 208.

Нам нужно сделать оптический трансформатор — он будет превращать пульсацию солнца, луны и звезд в электрический ток. — Идея создания прибора, превращающего свет в электричество, высказывается в ряде художественных и публицистических произведений Платонова 1922 г. (см. об этом примеч. к рассказу «Невозможное»: *Сочинения, I(1).* С. 581). Характер упоминаний об этом приборе в произведениях Платонова позволил автору примечаний Е.В. Антоновой высказать предположение, что Платонов не только «рассматривал данный проект как реально выполнимый», но и сам работал над этим изобретением (Там же. С. 582). Об использовании энергии света см. также примеч. к с. 210.

С. 215. *Босталоева попала в город в ту пору, когда в нем почти не было приюта, потому что буржуазно-семейные убежища строители снесли в прах, а новые светлые сооружения еще не просохли для вселения.* — О повсеместной стройке и неустроенности в стране ср.: «Вся наша страна перерыта и перепахана до основания. В шумихе и грохоте великих работ, в пыли лихорадочного труда вся земля потеет от неслыханного напряжения» (Из обращения первой всероссийской конференции по планированию научно-исследовательской работы // *ФНУТ.* 1931. № 6. С. 63).

...ей пошел навстречу местком... — Местком — местный комитет профсоюза; одна из трех руководящих организаций на предприятии, наряду с парткомом и дирекцией.

С. 216. *...просьбой о внеплановом снабжении ~ пришли по делам планового снабжения...* — Понятие *планового снабжения* стройматериалами различных строительных объектов появилось потому, что стройматериалы были одним из «узких мест» первой пятилетки: их не хватало на все стройки, которые были запланированы без учета реальных возможностей промышленности страны. Поэтому с конца 1930 г. Госплан, а затем ВСНХ СССР выпускает все новые и новые постановления на 1931 г., регулирующие распределение дефицитных стройматериалов между стройками, составляя списки строек первоочередного снабжения: «Положение о плановом распределении основных дефицитных материалов для строительства 1931 г.», «Распределение стройматериалов на 1931 г.», «Перечень ударных строительства 1931 г.», «Передача распределения стройматериалов из Госплана в ВСНХ», «О порядке снабжения строительными материалами» и т. д. (см. об этом: *Наше стр.* 1931. №№ 1–24. Журнал публикует все постановления по стройсектору). Необходимость планового распределения стройматериалов подробно разъясняется в первом из этих постановлений: это «снабжение первоочередных и важнейших видов строительства», «экономия дефицитных стройматериалов» и т. д. (Положение о плановом распределении основных дефицитных стройматериалов для строительства 1931 г. // *Наше стр.* 1931. № 1. С. 23).

...учитесь изобретать и находить подножные ресурсы! — «Максимальное осуществление <...> экономии дефицитных стройматериалов с заменой их местными и новыми» (*Наше стр.* 1931. № 1. С. 23) — одно из требований «Положения о плановом распределении дефицитных стройматериалов для строительства 1931 г.».

С. 217. *...вопрос об этой орг-таре перед РКИ...* — РКИ (Рабочекрестьянская инспекция) — название одного из наркоматов СССР. Деятельность РКИ осуществлялась через контрольные комиссии (КК), основное назначение которых — контроль за исполнением государственными учреждениями директив партии. В 1931 г. деятельность КК–РКИ проходит под лозунгами «борьбы с бюрократизмом за удешевление и упрощение госаппарата» и «выявление конкретных носителей бюрократического зла и борьба с ним» (Справочник работника КК–РКИ. М.–Л. 1931. С. 6).

...выгоняя промфинплан до полутора процента... — Промфинплан (промышленно-финансовый план) — годовой план работы промышленного предприятия.

С. 218. *...вывески неизвестных ей организаций — «Химрадий» ~ «КрайВЭО»...* — КрайВЭО — Краевое (отделение) Всесоюзного электротехнического объединения. Остальные названия перечисленных здесь и далее организаций, трестов, научных обществ и институтов, вероятно, придуманы — упоминаний о них нет в справочнике «Весь СССР» за 1931 г.

...попросила динамо-машину в сто лошадиных сил у заведующего сектором снабсбыта. — Сектор снабсбыта (снабжения и сбыта) — орган распределения дефицитных стройматериалов. Согласно постановлению «О порядке снабжения строительными материалами» от 13 августа 1931 г., сектора снабжения и сбыта были ликвидированы, а их функции и штат переданы стройсекторам (О порядке снабжения строительными материалами // *Наше стр.* 1931. № 17–18. С. 740): некоторые реалии повести относятся к тому времени, когда Платонов ездил в командировку, по материалам которой она была написана.

...в страну электрического голода. — «Напряженное положение с энергоснабжением страны» (Внимание энергетике // *Известия.* 1930. 16 авг. С. 1) — реальная проблема в ситуации одновременного открытия многочисленных строек первой пятилетки.

С. 220. *...возьмем шефство над вашим совхозом!* — Шефство — зародившаяся в ходе чистки госаппарата 1929–1931 гг. форма рабочего контроля над каким-нибудь ведомством или организацией (подробнее об этом см. примеч. к пьесе «Шарманка»: *Сочинения*, 4(2). С. 671). Дополнительная цель шефства — оказание систематической помощи подшефной организации в культурном, производственном и политическом отношениях.

С. 221. *...уехала на подводе в леспромхоз.* — Леспромхоз (лесопромышленное хозяйство) — предприятие, занимающееся заготовкой, разделкой и вывозом леса.

Директор ~ успел написать в блокноте черновик признания своей правдой, деляческой ошибки. — Образцы такой «самокритики» и публичных саморазоблачений периодически появлялись в печати, например: «Прочитав заявление инженера Якубова в № 102 газеты “За индустриализацию” от

5/V — с. г., которым он порывает связь и участие в контрреволюционной вредительской организации текстильной промышленности, я решил написать в вашу газету с тем, чтобы таким же путем отмежеваться от контрреволюционной организации, к которой я долгие годы принадлежал. <...> В итоге я прошу только одного: верить в искренность моего раскаяния и дать мне возможность, оставаясь, как и инженер Якубов, на свободе, творческим трудом и напряженной работой исправить все то, что было сделано во вред советскому государству» (Саморазоблачение вредителя С.В. Герсона // Известия. 1930. 30 мая. С. 2).

С. 222. ...*натурфилософия* — мировоззрение кулака, а не диалектика. — Натурфилософия — первая историческая форма философии, учение о природе в ее целостности; объясняла устройство мира. Натурфилософия противопоставлена диалектике как более прогрессивной философии Ф. Энгельсом («Диалектика природы»), который называет ее «старой натурфилософией» (Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 20. С. 11) и «гегелевской натурфилософией» (Там же. С. 371). С точки зрения Энгельса, главная слабость старой натурфилософии в гегелевской форме заключалась в том, что она не признавала за природой развития, которое идеалист Гегель отводил только Духу. Эту «старую натурфилософию» Энгельс противопоставляет материалистической диалектике, отдающей возможность развития природе. Диалектический материализм считался мировоззрением пролетариата, строителя нового общества (см. об этом примеч. к с. 208).

Обвинение в приверженности натурфилософии в 1929–1931 гг. коснулось крестьянских поэтов и писателей, получивших название «кулацких», — С. Клычкова, П. Орешина, Н. Клюева: «Прозаические произведения Клычкова — это развернутая в художественной форме доморощенная “натурфилософия” кулачества, “россеянства”» (Бескин О. Кулацкая философия и диалектика // Бескин О. Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика. М., 1931. С. 30).

...*кустарная дурочка!* — Прилагательное «кустарный», с негативным акцентом на значении «уходящий в прошлое индивидуальный работник, мелкий фабричный промышленник», было распространено в период создания крупной государственной промышленности и индустриализации, например: «...разрозненная, <...> полукустарно-оборудованная нефтяная промышленность России» (Наши дост. 1931. № 7–8. С. 151); «...две полукустарные ферросплавные печи» (Там же. № 9. С. 22); «...когда из кустарных мастерских рождался гигант советской индустрии» (Там же. № 10–11. С. 67). При этом слово «кустарный» часто употреблялось и переносно — в значении «самодельный, не проистекающий из единого руководящего органа», например, о работе научных съездов: «...организована в значительной степени по-кустарному» (Бондаренко П., Яксон Р. Работа секции естествознания Комакадемии // За марксистско-ленинское естествознание. 1931. № 1. С. 16). О значении прилагательного «кустарный» в контексте эпохи см. также примеч. к с. 180.

С. 223. ...в «Родительских Двориках» умерло восемнадцать коров ~ Високовский ~ нашел причиной их смерти крупную нечищеную картошку,

которую им скормили либо нештатные пастухи, либо неизвестные подкулачники. — Истребление скота, начавшееся в 1929 г., продолжалось и в 1931 г., о чем свидетельствовала пресса: «Под влиянием кулацкой агитации продолжается массовый убой скота. Есть случаи убоя скота даже в колхозах» (Прекратить истребление скота // *Соц. жив.* 1931. № 14. С. 30. Подпись: *Б-рев.*).

С. 224. ...*наевшись блинцов с чухонским маслом.* — Чухонским называлось обычное сливочное (кисломолочное) масло.

Одинокий поющий звук вóрота... — Ворот — простейшая грузоподъемная машина, горизонтальный вал, на который наматывается трос с грузом; обычно — часть деревенского колодца: вращением ворота ведро, привязанное к длинной веревке, опускалось глубоко в колодец.

...баба сидела на лавке с чаплей... — Чапля (от глагола ‘чапать’, что значит ‘трогать, хватать, цапать’; иное название ‘ухват’) — род железных вил, которыми в деревнях ставили в печь горшки и чугуны.

— *Нет на вас политехнического образования, старые черти!* — О политехнизации школы в первую пятилетку см. примеч. к с. 176, 201.

Я еще погляжу, как ты в ликбез ходишь, какая ты общественница здесь... — Ликбез (ликвидация безграмотности) — один из неологизмов первых лет советской власти: ликбезом называлась сеть организаций по обучению чтению и письму неграмотного населения, а также сама эта деятельность. XVI съезд ВКП(б) (июль 1930 г.) назвал поголовную ликвидацию неграмотности и малограмотности среди трудящихся приоритетной задачей в области образования. 1931 год объявлен «последним годом борьбы на фронте ликбеза»; ликвидировать безграмотность предполагалось к началу 1932 г.: «Перед нами стоит огромная задача — к 1932 г. сделать Советский Союз страной сплошной грамотности. Мы проводим с 20 мая ударный месячник за выполнение культурплана 1931 г.» (Ликбез на новом этапе // *Известия.* 1931. 5 июня. С. 3). Главным объектом работы по ликвидации безграмотности была деревня.

Существительное *общественница*, обозначающее женщину, активно участвующую в общественной жизни и занимающуюся общественной работой (т. е. работой — как правило, бесплатной — по обслуживанию культурных, политических и пр. нужд общества), вошло в лексикон на рубеже 1920–1930-х годов. Журналы этого времени полны сообщений о пробуждении женской активности и сознательности, об участии женщин в жизни страны, например: «Моя общественная работа началась с 1928 г., когда я впервые была выбрана делегаткой от домохозяек. <...> Сейчас я состою членом товарищеского суда...» (*Круглецова.* Трудности меня не страшат // *РиК.* 1931. № 8. С. 23); «В 1927 году меня впервые выбрали членом комитета содействия нашего дома. <...> Осенью меня избрали делегаткой от домохозяек. <...> Общественная работа научила меня разбираться в политических вопросах» (*Курбатова А.* На советской работе // *РиК.* 1931. № 8. С. 23).

С. 225. ...*мужик ~ держал в одной руке топор, а в другой квитанцию и, отперев коровник, умертвил свое животное топором, зажав квитанцию в зубах. Кончив дело, мужик засунул руку в пасть коровы и вынул оттуда громадную размятую картошку...* — Сообщения о порче скота относятся в основном к зиме 1929–1930 гг., но и в 1931 г. подобные факты имели место,

например: «На 10-м участке пастухи режут овец, составляя акты о падеже» (*Касвинов М. Край наливается силой // 30 дней. 1931. № 3. С. 44*).

— *Я ведь здесь, как Союзкиножурнал ~ все вижу и все знаю...* — Союзкиножурнал — периодическое экранное издание кинохроники, сначала — ежемесячное, затем — еженедельное. Под названием «Совкиножурнал» журнал кинохроники начал выпускаться в 1925 г. В 1930 г. переименован в «Союзкиножурнал» (1930–1944), а с 1944 г. — в «Новости дня». Каждый номер журнала состоял из нескольких самостоятельных сюжетов на злободневные темы — кратких информационных очерков о положительных и отрицательных явлениях в жизни страны. Кинопериодика (газета «Кино», журналы «Кино и жизнь», «Советский экран») публикует сообщения о содержании того или иного номера Союзкиножурнала; вот, например, некоторые сюжеты киножурнала: 1) Новая трикотажная фабрика в Ленинграде; 2) Курсы председателниц сельсоветов; 3) Прогульщик с Подольского завода (СССР на экране (кадры из Совкиножурнала) // *Кино и жизнь. 1929. № 1. С. 9–10*).

С. 226. *Где у тебя тут диалектика в действии?* — «Диалектикой в действии» называлось умение «практически соединять противоположности»; в качестве примера данной диалектики часто называли политику нэпа и слова Ленина: «Отступить для того, чтобы сильнее прыгнуть»: «Именно диалектика марксизма-ленинизма, которой так владеет т. Сталин, дала возможность нашей партии выделить, выпятить руководящую основу противоречивого развития в условиях нэпа. <...> Необходимость практически “соединить противоположности” <...> для антидиалектических методологических установок недостижима» (*К вопросу о диалектике нэпа [Ред. статья] // Под зн. марк. 1931. № 1–2. С. 6*).

С. 227. *...у меня нет гнусной обезлички: каждый хозяин имеет свою прикрепленную лошадь ~ свой надел...* — Об обезличке см. примеч. к с. 209. Призыв «покончить с обезличкой» на том или ином участке социалистического строительства с конца июня 1931 г. становится одним из лейтмотивов прессы. Что касается «ликвидации обезлички» в колхозах и совхозах, то она состояла в «прикреплении к тракторам, машинам, лошадям определенных работников» (*Донецкий Я. По-новому работать, по-новому руководить // Культ. рев. 1931. № 20–21. С. 1*). Однако сделать это удавалось далеко не всегда. Как свидетельствуют сообщения из совхозов лета и осени 1931 г., «...в молочных гуртах и по сей день процветает обезличка; доярки, не имея прикрепленных коров и телят, выдаивают лучших, оставляя слабых без присмотра» (*Совхозный “5000 процентов, не меньше!” // Скотоводство. 1931. № 8. С. 74*).

...колхоз разбит на секции, в каждой секции — один двор и один земельный надел, а на дворе — одно лицо хозяина... — Оптимальное устройство сельского хозяйства — область интереса ученых-аграрников А.В. Чайнова и Н.Д. Кондратьева, фигурантов по делу так называемой «Трудовой крестьянской партии» (1930). Чайнов и Кондратьев арестованы в 1930 г. Открытого процесса над ними не было, но «разоблачения» в адрес ученых попали в прессу. Задача «вести непримиримую борьбу с враждебными марксизму-ленинизму теориями в аграрном вопросе, с контрреволюционными установками

гр. Кондратьева — Чайнова, с правым и левым оппортунизмом в колхозном и совхозном строительстве» объявлена одной из приоритетных для журнала «Скотоводство» в 1932 г. — в обращении к читателям и подписчикам, помещенном на обороте титульного листа (Скотоводство. 1931. № 12). Имена Чайнова и Кондратьева становятся знаками всякой оппозиционности в сельском хозяйстве. В «кондратьевщине» обвиняли и самого Платонова — в связи с его повестью «Впрок». В 1925 г. вышла книга Чайнова «Организация крестьянского хозяйства»; в центральной прессе (газетах «Социалистическое земледелие», «Сельскохозяйственная газета»; журналах «Совхоз», «Экономическое обозрение», «Экономическая жизнь») вплоть до 1930 г. печатались его статьи. При этом Чайнов был еще и краеведом, любителем московской старины и старинной книги, состоял членом общества «Старая Москва», где делал доклады о Москве XIII–XVII вв.

...я в этом подходе конкретный руководитель, а не механист и не богдановец. — Ярлыки «механиста» и «богдановца» на рубеже 1930-х гг. применялись для дискредитации идеологических работников — в первую очередь философов, а также экономистов и писателей. Термин «механисты» происходит от названия философского направления «механицизм», в основе которого лежит понимание мира как механизма и признание механической формы движения материи единственно объективной; механицизм был господствующим направлением философии в XVI–XVIII вв.; вновь привлек внимание философов в конце XIX в., в связи с так называемым «кризисом естествознания». На советской почве термин актуализируется в 1924 г., в работах некоторых философов, утверждавших независимость естествознания от философии марксизма и назвавших себя механистами. Лидером советских механистов считался А. Тимирязев: началом так называемой «дискуссии с механистами» послужил сборник его статей «Естествознание и диалектический материализм» (1924). Постепенно термин становится синонимом мировоззрения, противоположного диалектическому материализму — официально признанному мировоззрению советского человека, а сами механисты объявляются «главной опасностью в философии». Вот как объясняет суть понятия «механисты» один из борцов с ними: «Взгляды механистов внутри нашей партии представляют собой такую систему философских взглядов, которые уже шестой год <...> отстаиваются и пропагандируются в противовес партийному, марксистско-ленинскому мировоззрению» (*Ральцевич В. На два фронта. М.–Л., 1931. С. 14*). Взгляды «механистов» получают суровую для времени оценку: «механистическая ревизия марксизма в области естествознания и философии» (*Максимов А. Ленин и кризис естествознания эпохи империализма // Под зн. марк. 1931. № 1–2. С. 41*). Основным объектом данного обвинения в 1931 г. стал один из самых титулованных советских философов, главный специалист по диалектическому материализму А.М. Деборин: именно Деборин начал борьбу с механистами, однако вскоре сам был обвинен в том, что критиковал механицизм «с неправильной позиции», питавшей «механистическую ревизию марксизма» (Об одной философской дискуссии // *Под зн. марк. 1931. № 1–2. С. 248*).

В компанию «механистов» попадает и теоретик пролетарской культуры А.А. Богданов (1873–1928) — прежде всего, из-за своего увлечения идеями

главы «энергетической школы» немецкого философа Вильгельма Оствальда. В 1931 г., после мартовского процесса над меньшевиками (дело «Союзного бюро РСДРП»), главным «богдановцем» объявляется старый соратник Богданова В.А. Базаров — философ и экономист, арестованный по делу «Союзного бюро РСДРП». Вместе с основным обвиняемым по тому же делу В.Г. Громаном, Базаров предложил метод планирования и оценки советской экономики, основанный на «тектологических принципах» (идея и термин Богданова), за что и был обвинен в «тектологической тарабарщине» и «разработке социологии в энергетическом аспекте» (*Вышинский П. Образчик вредительской философии (базаровщина) // Под зн. марк. 1931. № 1–2. С. 140.*)

Литературная жизнь тоже не оставляет без внимания ярлыка «механист»: свой спор с Переверзевым рапповцы называют «отражением в литературоведении дискуссии между диалектиками-материалистами и механистами в философии и политэкономии» (*Авербах Л. К критике взглядов профессора В.Ф. Переверзева // На лит. посту. 1930. № 1. С. 5.*)

Обвинение «механист» Платонов сначала все-таки пытался отнести на счет Умрищева, о чем свидетельствует автограф: описывая судьбу героя после снятия его с должности директора мясосовхоза, он написал, а потом зачеркнул: «но впоследствии Умрищева ожидала печальная скучная доля механиста» (*ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 94.*)

...все абсолютное превращается в свою противоположность. — Иметется в виду третий закон диалектики — закон отрицания отрицаний (о значении диалектики для мировоззрения пролетариата см. примеч. к с. 199, 208, 222, 226).

С. 228. *...у него прокисли прошлогодние моченые яблоки в кооперативе и стали солеными, как огурцы, а морковь перележала свою сладость и приобрела горечь ~ Эта диалектика природы ~ ты продавай теперь яблоки как огурцы, а морковь как редьку!* — Порча продуктов в кооперативах — тема периодической печати (см. об этом примеч. к пьесе «Шарманка»: *Сочинения, 4(2). С. 677.*) «Диалектика природы» — название одного из трудов Ф. Энгельса. Иллюстрируя третий закон диалектики (отрицание отрицаний), Энгельс приводит много примеров «постоянного изменения, т. е. смирания тождества с самим собой» — действия этого закона в органической и неорганической природе, например, «современный сланец радикально отличен от ила, из которого он образован». Энгельс говорит о диалектическом понимании жизни: отрицание жизни (смерть) заложено в самой жизни; о диалектическом понимании истории: каждый новый исторический этап содержит отрицание предыдущего (Древний мир — Средневековье — Возрождение) и т. д. В современной Платонову литературе высказывались пожелания в адрес диалектика как носителя нового мировоззрения: «Диалектик должен понимать процесс в его противоречивом становлении» (*Бескин О. Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика. М., 1931. С. 59.*)

Умрищев, вспомнив ~ что мысль есть материалистический факт, попросил у Священного пицци. — Вопрос о том, что материя и все физическое первичны, а сознание и духовное вторичны и зависят от материи, — одна из тем работы В. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»: «Материализм в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное материя,

считая вторичным сознание, мышление, ощущение» (Ленин В. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин. ПСС, 18. С. 39); «Это и есть материализм: материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущение. Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. от определенным образом организованной материи. <...> Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи» (Там же. С. 50).

С. 229. *Умрицев же, начитавшись физико-математических наук, ничем теперь не брезговал, потому что все на свете состоит из электронов...* — Одна из широко известных книг, в которой представлены «физико-математические науки», — работа В. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»: Ленин пишет и про дифференциальные уравнения, и про направления в современной физике, и про физические законы (подробнее об этом см. примеч. к с. 211).

— *Я теперь кандидат партии ~ Чего ты прежде не сигнализировал — какой ты кандидат партии!..* — Членству в ВКП(б) предшествовал один год испытательного срока: в течение этого года желающий вступить в партию назывался кандидатом в члены ВКП(б) и должен был на деле проявить свою активность и сознательность.

...теперь войны ожидает... — Сообщения об угрозе войны и интервенции сопровождали освещение в печати всех крупных политических процессов 1930–1931 гг., в том числе и процесса над меньшевиками, или дела Союзного бюро РСДРП: «“Союзное бюро” признало, что интервенция является необходимым орудием борьбы с диктатурой пролетариата и советской властью» (Обвинительное заключение по делу меньшевистской контрреволюционной организации // Правда. 1931. 27 февр. С. 3).

С. 230. — *Ведь здесь же была ликвидация кулачества: кто же тут есть?! —* Курс на ликвидацию кулачества провозглашен И. Сталиным в декабре 1929 г. О ликвидации кулачества см. примеч. к повести «Котлован»: с. 558, 559, 566, 570 и др. наст. изд.

С. 231. *...он ~ утонет в теории самотека.* — Теория самотека, или стихийного развития того или иного участка социалистического строительства в нужном направлении, — взгляды, которые связывали прежде всего с Н. Бухариным и «товарищами из правого лагеря» (Сталин И. К вопросам аграрной политики в СССР // Сталин. С. 302); изначально она относилась к возможности социалистического преобразования деревни без руководящего вмешательства. Логика «теории самотека» сводится к следующему: при капитализме индустрия развивалась на капиталистической базе, а деревня шла за городом самотеком, стихийно «преобразуясь по образу и подобию капиталистического города»; почему же и сейчас она не может пойти за социалистическим городом — «в порядке самотека»? (Там же. С. 303). «Теория самотека» в социалистическом строительстве была названа антимарксистской. Однако «самотек», т. е. отсутствие должного внимания и руководства со стороны соответствующих органов, стал особенностью любого хозяйственного процесса; страницы газет пестрели такими увещеваниями: «Самотеку противопоставить плановость» (Труд. 1930. 28 марта. С. 1); «Долой самотек в росте!» (Правда. 1931. 24 янв. С. 3) и т. д.

С. 232. *Давай инструкцию на ликвидацию умрицевской школки.* — Обвинение в адрес того или иного ученого или политического деятеля в организации какой-нибудь «школы» (как правило, с уничижительно-уменьшительным суффиксом), с которой нужно бороться, — типично для начала 1930-х гг. Вот, например, осужденные в это время «школки»: «воинствующая переверзевская школка» (*Ермилов В. Наши творческие разногласия // На лит. посту.* 1930. № 13–14. С. 24); «бухаринская школка» (*Селивановский А.* К характеристике некоторых этапов напостовской брѣбы // *На лит. посту.* 1931. № 1. С. 13); «школка меньшевиствующего идеализма (деборинщина)», она же — «философская секта» (*Зарян Н.* Конкретная критика держит экзамен // *ЛГ.* 1931. 19 июля. С. 2). Аналогично по стилю описание деятельности Н. Кондратьева и А. Чайнова (см. о них примеч. к с. 227), которые якобы использовали советские НИИ и отдельные журналы «для проталкивания своих истрепанных идей» (*Любич А.* Контрреволюционное вредительство в сельском хозяйстве // *Скотоводство.* 1931. № 2. С. 8).

...землебитных жилых домов в совхозе уже нет, и также не было никаких других следов прежних обжитых «Родительских Двориков»... — В ожидании обещанного государством строительства разрушение пусть плохих, но все же помещений, в которых могли как-то перезимовать люди и животные, стало повсеместной практикой животноводческих совхозов летом 1931 г., что грозило еще более тяжелыми последствиями в грядущую зиму. Эту практику осуждает Обращение ЦК ВКП(б) и СНК от 30 июля 1931 г.: «...совхозы располагают огромными возможностями в смысле использования и приспособления существующих крестьянских построек. Эта работа ведется крайне слабо. Больше того: совхозы под разными предлогами разрушают эти постройки как непригодные» (Обращение ЦК и СНК СССР — программа работы «Скотовода» // *Скотоводство.* 1931. № 9. С. 2).

С. 232–233. *«Тара 414 пудов» ~ «Тормоз Казанцева», «Закрой поддувало и сифон!», «Автоблокировка» ~ «Багаж принимается при наличии проездного билета»...* — надписи и объявления на железнодорожной станции. *Тормоз Казанцева* — тормоз с воздухораспределителем конструкции Ф.П. Казанцева (1877–1940), применялся в СССР на грузовых поездах с 1925 г. *Поддувало и сифон* — система для усиления тяги в топке паровоза во время его стоянки. *Автоблокировка* — система регулирования движения поездов на перегонах между станциями по сигналам проходных светофоров.

С. 234. *Башня была сложена из сжатых, сбрикетированных ручным прессом глиночерноземных кирпичей и представляла собою вид усеченного конуса.* — Фотографии силосных башен в виде усеченных конусов часто встречаются в советской периодике 1930–1931 гг.: тема заготовки силоса, ввиду приближающейся зимы и опасности того, что животные погибнут от голода, — одна из наиболее актуальных. Газета «Известия», например, публикует фотографии силосных башен и сообщает: «Сегодня начинается всесоюзная неделя силоса» (*Известия.* 1930. 25 июля. С. 4). Средства массовой информации объясняют, что такое силос, и ведут активную пропаганду строительства в совхозах и колхозах силосных башен, ям и траншей: «Силос заменяет собой сочные корма (корнеплоды, бахчевые), <...> заменяет отчасти свежий корм, превращает сорные, дикорастущие травы в ценный сочный

корм» (*Ширман М.* На высшую ступень. За социалистические фабрики молока, мяса, шерсти // *ФНУТ.* 1931. № 9. С. 13). В самой разной печати появляются сообщения о том, как и из чего строить силосные башни: «Вдали высятся силосные башни. Десять башен выстроились треугольником, словно журавли в поле. Они на цементном фундаменте, с двойной деревянной обшивкой и толевой прокладкой. Каждая из них должна принять по 300 кг зеленой массы» (*Фридман Г.* Молочное // *Наши дост.* 1931. № 12. С. 45). Главным строительным материалом силосных башен в условиях СССР называется древесина плюс металл, тогда как в САСШ это «кирпич, бетон, железобетон» (*Кулагин В.* Научно-исследовательские работы и опытное с.-х. строительство // *Наше стр.* 1931. № 16. С. 659).

С. 234–235. *В сенях башни находилось особое стойло ~ место смертельного убийства животных высоким напряжением. Високовский и Вермо не хотели портить качества мяса предсмертным ужасом ~ животное будет подвержено предварительной ласке в электрическом стойле, и смерть будет наступать в момент наслаждения лучшей едой.* — Проблема гуманного убийства животных, их состояния в момент смерти в советской периодике обсуждается обычно в связи со строительством новых мясокомбинатов: «Любой мясник прекрасно знает, как вредно отражается на качестве самого мяса предсмертное волнение животного» (*Фибих Д.* Бой за мясо // *НМ.* 1931. № 10. С. 115). Создание мясокомбинатов — проблема, на которую Платонов обращает внимание: 29 сентября 1931 г. газета «Правда» публикует Обращение СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии мясной и консервной промышленности» — в записной книжке А. Платонов 1931 г. есть упоминание об этом постановлении: «Постановление ЦК о мясной промышленности: что делать совхозам животноводства» (*Записные книжки.* С. 88). 11 октября 1931 г. «Правда» публикует статью И. Бахманова «Люди, быки, конвейеры» — о строительстве в Москве нового мясокомбината, где быков будут убивать способом, который является «наиболее гуманным и целесообразным с точки зрения сохранения качества мяса», загоняя их в убойный бокс электрическими палками (*Правда.* 1931. 11 окт. С. 3). Запись «Московский мясокомбинат» есть и в записных книжках Платонова (*Записные книжки.* С. 83).

С. 235. *...при езде в вагоне на тысячу верст коровы хudeют на десять и больше процентов...* — В записной книжке Платонова, сразу под записью о Московском мясокомбинате, сделана другая — о целесообразности выращивания скота вблизи мясокомбината, чтобы не перегонять его на большие расстояния (*Записные книжки.* С. 83).

Коровьи туловища разрубаются на сортовые части и загружаются в башню. Затем небольшое количество высоконапряженного тока пропускается сквозь всю массу говядины, и говядина сохраняется долгое время... — Описано собственное изобретение Платонова — консервирование мяса путем пропускания тока через алюминиевые электроды. Письмо с описанием этого изобретения Платонов направил в Комитет по делам изобретений ВСНХ 20 апреля 1924 г. Этой заявке предшествовала более ранняя, в которой Платонов предлагал консервировать мясо, пропуская ток через медные электроды (см. об этом: *Антонова Е.* Воронежский период жизни и творчества А.П. Платонова: биография, текстология, поэтика. М., 2016. С. 423).

...электрического силоса... — Силос — заготовленный на зиму корм для скота, полученный в результате брожения зеленой травяной массы; проблема заготовки такого корма — одна из актуальных для 1930–1932 гг. В передовых граничных хозяйствах для ускорения процесса брожения и улучшения качества корма при его заготовке применялось электричество: для этого в бак с металлической пластиной на дне складывали траву, и на утрамбованный корм помещалась другая металлическая пластина. «Электрический ток пропускается через всю гущу вещества и равномерно ее нагревает. Весь процесс силосования <...> длится от 15 до 30 часов». В СССР же на очереди дня было строительство силосных башен и ям, «консервирование кормов в которых пока будет производиться без применения электричества» (*Блюм И. Электрическое силосование улучшит качество кормов // ЖКМ. 1930. № 10*). В записной книжке Платонова, относящейся к его поездке 1931 г. по мясосовхозам, есть запись, акцентирующая одну из их проблем: «О введении электричества в животноводство» (*Записные книжки. С. 88*).

...Босталоева молча думала о новом, техническом большевизме... — Соединение власти большевиков с техническим оснащением промышленности и повсеместным овладением техникой как ближайшая задача и черта реконструктивного периода — тема речи И. Сталина «О задачах хозяйственников» (4 февр. 1931 г.): «Большевики должны овладеть техникой. Пора большевикам самим стать специалистами. Техника в период реконструкции решает все» (*Сталин И. О задачах хозяйственников // Сталин. С. 446–447*).

С. 237. *...громдная кошма...* — Кошма — кусок войлока, войлочная подстилка (*Ожегов*).

...и мы снесли в ночь всю совхозную убогость, дабы освободить мебель с утварью и взять из них гвозди, доски и прочие материалы... — Отсутствие специальных помещений для зимовки скота в животноводческих совхозах и одновременно бесхозяйственное отношение к имеющимся строениям, вплоть до разрушения их, — реальная проблема зим 1930/31 и 1931/32 гг.: «Совхозы, вместо того чтобы приспособить старые постройки, бросились на строительство новых» (*Ужанский С. Животноводческие совхозы // Правда. 1931. 20 янв. С. 4*).

С. 238–239. *...нам тогда потребуется лишь построить оптический приемник-трансформатор света в ток ~ и через него к нам польется бесконечная электрическая энергия...* — О приборе, превращающем свет в электричество, см. примеч. к с. 214.

С. 239. *Закончить постройкой ветродвигатель...* — Закончить постройкой — общепринятый оборот для описания завершеного строительства чего-либо, например: «Закончена постройкой 1-я показательная силосная башня на 1-м лесозаводе в Саратове» (*Известия. 1931. 25 июня. С. 1*).

С. 241. *Варнитсо* — Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР; организована в 1928 г. Издавался журнал с одноименным названием.

С. 242. *...в вещах Босталоевой Вермо нашел «Вопросы ленинизма» Сталина...* — «Вопросы ленинизма» — сборник основных произведений И. Сталина, который выходил несколькими изданиями: 1-е — 1926 г.; даль-

ше — 1928, 1929 гг. и т. д. В 1931 г. вышло 7-е издание. Обязательное ядро сборника составляли работы Сталина «Об основах ленинизма» и «К вопросам ленинизма». Они были в сборнике всегда, часть же утративших свою актуальность работ в каждом очередном издании заменялась. В сборник всегда входили последние речи Сталина: к появлению новых речей и приурочивалось каждое очередное издание.

С. 244. *Он хотел осуществить «седьмое условие» Сталина: ставку на творческого пролетарского человека... — «Шесть условий тов. Сталина» — понятие из речи И. Сталина «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» на совещании хозяйственников 22–23 июня 1931 г. (основной документ второй половины 1931 г.). В этой речи Сталин сформулировал шесть «новых условий развития промышленности». Сам Сталин постоянно подчеркивает, что условий шесть, и перечисляет: «первое..., второе..., шестое». Периодика тоже пишет о «шести условиях товарища Сталина»: «Реализуем шесть условий т. Сталина!» (Скотоводство. 1931. № 12. С. 6). Предположение о «седьмом условии», возможно, появилось из-за того, что условий было шесть, а разделов в речи Сталина — семь. Про каждое очередное условие говорится в новом, пронумерованном разделе речи: «II Зарплата рабочих»; «III Организация труда»; «VI О хозрасчете». Последний же, седьмой раздел, называется: «VII По-новому работать, по-новому руководить». В седьмом разделе Сталин опять перечисляет «шесть условий» и говорит, что они требуют «новых приемов работы, новых приемов руководства хозяйственным строительством» (Сталин И. Новая обстановка — новые задачи // Сталин. С. 464). «Новым приемом работы» как раз и была ставка «на творческого пролетарского человека»: «творческий энтузиазм» масс часто предлагается как путь решения многих проблем социалистического строительства, в том числе и животноводческих: «Лучшим ответом животноводческих совхозов на постановление СНК, ЦК и НКЗема будет новый мощный подъем творческого энтузиазма в рядах армии работников социалистического животноводства» (Решительно улучшить работу животноводческих совхозов // Известия. 1932. 3 апр. С. 1).*

С. 245. *Умрищев был давно исключен из партии, перенес суд и отрекся в районной газете от своего чуждого мировоззрения. — О снятии с работы и отдании по суд директоров и секретарей партячек животноводческих совхозов пресса сообщает постоянно. 1 апреля 1932 г. принято специальное Постановление Совета Народных Комиссаров СССР, ЦК ВКП(б) и Наркомзема СССР «О работе животноводческих совхозов», в котором говорится о мерах по ликвидации недостатков в работе мясосовхозов, «выразившихся в снятии с работы и отдании под суд директоров животноводческих совхозов, избалованных в бесхозяйственности и разбазаривании государственной товарной продукции»; далее — длинный список снятых и отданных под суд (Постановление Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) и Наркомзема СССР «О работе животноводческих совхозов» // Известия. 1932. 1 апр. С. 1). О массовости отречения от «чуждого мировоззрения» и признания своих ошибок см. также примеч. к с. 190, 221.*

С. 246. *На борту корабля находились инженер Вермо и Надежда Босталоева. Они имели командировку в Америку, сроком на полтора года... —*

Заграничные командировки с целью повышения квалификации, подготовки и переподготовки советских специалистов, а также премирования лучших предприятий и организаций начались в 1928–1929 гг. Эти командировки охватывают большое число стран, среди них «значительное место занимают командировки в Америку» (*Братман М. Повышение квалификации ИТР // ФНиТ. 1931. № 4–5. С. 61*); о «посылке специалистов в Америку для изучения американского опыта» в связи со строительством мясокомбинатов сообщает газета «Известия» (Начинается строительство мощных мясных комбинатов // *Известия. 1930. 31 мая. С. 4*); появились долгосрочные командировки, в том числе и на год (*Фирин М. Повышение квалификации путем заграничных командировок // За повышение квалификации. 1930. № 4–5. С. 6*).

РЕДАКЦИИ

ВПРОК (Бедняцкая хроника) (с. 249). — *Архив, 1. С. 85–146*. Публикация Н.В. Умрюхиной (в сокращении).

Источники текста:

A — автограф с машинописными вставками (*ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 1–115; Там же. Ед. хр. 27. Л. 1–30*).

M1 — машинопись с авторской правкой и редакторскими пометами (*ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1–90; Там же. Ед. хр. 102. Л. 1–22; ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 41. Л. 53–56*).

M2 — неполная машинопись с авторской правкой, исправлениями М. Ал. Платоновой и редакторскими пометами (*ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 1–83*).

M3 — неполная машинопись (*ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 1–47*).

Разрозненные страницы машинописей (*РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 1 об. – 5 об. Обороты автографа статьи «Великая Глухая»; ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 387. Л. 1 об. Обороты автографа статьи «Великая Глухая»; Там же. Оп. 2. Ед. хр. 46. Л. 1 об. – 3 об. Обороты наброска «Беглец издалека»; Там же. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 1–11; Там же. Ед. хр. 110. Л. 1 об. – 4 об. Обороты автографа рассказа «Заблуждение на родине компота»; Там же. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 6 об., 9 об. – 10 об. Обороты набросков*).

Октябрь. 1930. № 2. С. 159–168.

Датируется весной 1930 г.

Печатается по автографу с учетом первого слоя правки в *M1, M2*.

<ФРАГМЕНТЫ ПОВЕСТИ «КОТЛОВАН», ИСКЛЮЧЕННЫЕ АВТОРОМ ПРИ ПРАВКЕ МАШИНОПИСИ> (с. 330).

Печатается по машинописи (*ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. А, 1–141*).

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

Впрок (Бедняцкая хроника)	7* ...374
Котлован	69 ...504
Ювенильное море (Море юности)	174 ...587

РЕДАКЦИИ

Впрок (Бедняцкая хроника)	249 ...652
<Фрагменты повести «Котлован», исключенные автором при правке машинописи>	330 ...652

КОММЕНТАРИИ

Условные сокращения	345
Повести	374
Редакции	652

---

* В первом столбике указана страница текста, во втором — страница комментариев.

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН*

Андрей Платонович Платонов

СОЧИНЕНИЯ

Научное издание

Том четвертый

Книга первая

1928–1932

Повести

Технический редактор А.В. Лавочкина
Корректор В.И. Маргынюк

Подписано в печать 07.11.2019. Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 41,0. Тираж 1000 экз. Заказ 117
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а
тел. (495) 691–23–01, 690–05–61

Отпечатано в ФГУП “Издательство “Наука” (Типография “Наука”)
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

